Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России

Владимир Дегоев

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА 1700–1721 гг. И РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

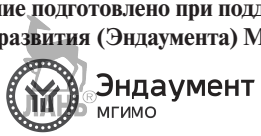
Предисловие академика РАН *А.В. Торкунова*

К 300-летию окончания Северной войны

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2021

УДК 327
ББК 66.4
Д26

Издание подготовлено при поддержке
Фонда развития (Эндаумента) МГИМО



Дегоев В.В.

Д26 Северная война 1700–1721 гг. и русская дипломатия: Научное издание / В.В. Дегоев. — Предисловие академика РАН А.В. Торкунова. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. — 656 с.

ISBN 978-5-7567-1154-7

В книге рассматривается широкий контекст деятельности петровской дипломатии в годы Северной войны, формирование новых подходов к внешнеполитическим проблемам России и способам их решения. Представлены яркие персонажи, отстаивавшие русские национальные интересы в качестве послов и резидентов при европейских дворах в условиях запутанных и изменчивых международных конъюнктур. Показана роль царя-реформатора в поисках той дипломатической стратегии, которая — через преодоление ошибок, иллюзий, сомнений — в конечном итоге привела к Ништадтскому миру. Исследование В.В. Дегоева — один из немногих обобщающих трудов по этой теме и, на сегодняшний день, единственный, где она раскрыта столь обстоятельно.

Для студентов, аспирантов, преподавателей и широкой читательской аудитории.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-7567-1154-7

© Дегоев В.В., 2021
© МГИМО МИД России, 2021
© ООО Издательство «Аспект Пресс», 2021

В оформлении обложки использована гравюра голландского художника
Питера Шенка Младшего «Подписание мирного договора в Ништадте 20 августа 1721 года»

Все учебники издательства «Аспект Пресс»
на сайте и в интернет-магазине **https://aspectpress.ru**

Содержание

Предисловие. Знать и помнить уроки петровской дипломатии (*А.В. Торкунов*) 9

Введение 16

Часть 1. **ГРОЗОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ЕВРОПЫ**

Балтийская интрига: видимое и скрытое 23
Дания 31
Польша–Саксония 49
Феномен Паткуля 51
Миссия Карловича 56
Бранденбург–Пруссия 59
Швеция 81
Австрия, Англия, Голландия, Франция 90
Петр в ожидании момента истины 95
Переговоры Е.И. Украинцева в Стамбуле 97

Часть 2. **ОТ НАРВЫ ДО ПОЛТАВЫ**

1700 год

Россия и Северный союз 100
Поездка А.Я. Хилкова в Стокгольм: вероломство или прагматизм? 102
Голландия против войны 106
Недосказанность в отношениях между Петром и Августом II 108
Критическая фаза стамбульских переговоров 109
Неожиданная развязка 118
Нарвская «конфузия» 120
Русские дипломаты в Берлине 125
Воодушевляющий настрой царя 128

1701 год

Безнадежные попытки взбодрить союзников 129
Князь П.А. Голицын в Вене 130
Договор в Биржах 132
Разговор с маркизом Шарлем дю Эроном 134
Новая угроза с юга 135
Разгром саксонцев и его последствия 137
Русская армия приходит в себя 138
Предложение Вильгельма III 139
Real Politik в исполнении прусского короля 141

1702 год

Петр овладевает Лифляндией 144
Август II ищет сепаратного мира 146
Проекты искусного комбинатора 148
Гаага и Лондон оценивают ситуацию 155
Русско-французские переговоры 157
Фридрих I в роли «верного друга» 160
С оглядкой на южные тылы 162
Травендальский синдром 165

1703 год

Варшавский договор 166
Разбуженные аппетиты Пруссии 170
Миссия Жана Балюза 172
Осторожность Гааги 176
В копилку русских побед 177
В Стамбуле опять неспокойно 178

1704 год

Непроглядная тьма польских проблем 180
Пустые обещания как политический товар 186
Недоумение А.А. Матвеева 188
Москва–Париж: похолодание, которому не стоило удивляться 190
Фредерик IV выставляет условия 191
Чего ждать от стамбульской чехарды? 192
На защите «парадиза» 195

1705 год

Упреки Августа II 196
Гамбит Паткуля 199
Новый раунд русско-прусских переговоров 200
Падение лифляндского авантюриста 203
Визит А.А. Матвеева в Париж 203
Чарльз Витворт хочет говорить только о торговле 205
Боевые действия в Курляндии 207
Демаркация русско-турецкой границы 208
Астраханский бунт 209

1706 год

Тревожная зимовка в Гродно 210
Польский король верен себе 212
Калишская победа А.Д. Меншикова 216
Альтранштадтский мир 216
Когда деньги и политика идут порознь 218
Версаль «нас не в велико ставит» 218

Лондонский вояж А.А. Матвеева 220
Продолжение торга с Берлином 221
П.А. Толстой призывает не благодушествовать 225
Датчане зондируют почву 227

1707 год

Война или мир? 229
На кого делать ставку в Польше? 229
«Приятное обхождение господ англичан» 232
Из Берлина с пустыми руками 233
Задание для де Боннака 238
Назначение В.Л. Долгорукого в Копенгаген 241
Католические миссионеры в России 243

1708 год

Полноцветье польского раздрая 244
Лесная 245
Измена Мазепы 248
Порта «притаила дыхание» 253
Инцидент с А.А. Матвеевым 254
Дания выжидает 257
Дипломатическая изоляция России 257

1709 год

Накануне 259
Полтавская сенсация 262
Реакция Европы 266
Август II возвращается в игру 267
Датчане разрывают мир со Швецией 269
Мариенверденский договор 273
Беспокойство Англии растет 276
На чужом пиру 278
В Ганновер по «некоторым нужным делам» 280
Французская инициатива: что в подтексте? 281
Краткий итог победного года 282

Часть 3. **ОТ ПОЛТАВЫ ДО НИШТАДТА**

1710 год

Общие соображения 283
Восточная Балтика: война, приправленная политикой 284
Безнарядье в датском королевстве 285
Шляхетские претензии к Москве 286
Русско-ганноверская конвенция 288
Извинения королевы Анны 288

Приоритеты венского двора 290
Противоречивые планы Парижа 291
Демарш Гааги и предупреждение Петра 293

1711 год

Прутская история 293
Страховочное соглашение в Ярославле 305
Маневры в мутных водах европейской политики 309
Замешательство Австрии 312
Фридрих I между страхом и искушением 313
Колебания Копенгагена 315
Англия сердится 317
Де Торси предъявляет «невозможности касающиеся» условия 319
Чего хочет Ганновер? 321

1712 год

Россия и Турция на грани войны 322
Как расколоть польскую фронду? 329
Горькие плоды внутрисоюзных дрязг 332
Первый финский поход 335
Тайные совещания в Утрехте 336
Дневные грезы Генриха фон Ильгена 338
Рассеявшийся призрак русско-австрийского альянса 340

1713 год

Высочайший наказ Меншикову 344
«Шведское сердце» Герца 346
«Дальние виды» Фридриха-Вильгельма I 348
Гордиевы узлы войны: кто и где их завязывает? 352
Меншиков и Герц 367
Царский арбитраж в датско-прусском конфликте 371
Адрианопольский мир 374
Август II: без руля и без ветрил 379
Немного эмоций в холодной воде австрийского рационализма 382
Британские и голландские внешнеполитические
акценты после Утрехта 387
Ганноверский «племянник» недоволен 393
Второй финский поход 394

1714 год

Брауншвейгский конгресс 395
Фредерик IV по-прежнему на распутье 403
Лавирование гольштинской дипломатии 405
Наконец-то: русско-прусский союз 419
Ганноверский проект 424
Король–шляхта–сейм: порочный треугольник 427

Габсбурги в раздумьях о ближайшем будущем 432
До и после Гангута 435

1715 год

Новый приступ недоверия между союзниками 437
Дополнения к русско-прусскому союзному соглашению 440
Празднословие, именуемое договором 444
Есть нечто «поважнее» осады Штральзунда 446
Очередной всплеск польской анархии 448
Взятие Штральзунда, бегство Карла XII, недовольство Петра 452
Инструкция Б.И. Куракину 453
Карл VI в надежде на лучшие времена 454

1716 год

Мекленбургский вопрос: монаршая ошибка или державный прагматизм? . . . 455
Австрия между севером и югом 461
Дания и Англия вновь в роли саботажников 462
Намеки Стокгольма: верить ли? 464
Польские кандалы на царских руках 466
Пробный шар Филиппа Орлеанского 471

1717 год

Якобитский заговор 479
Петр во Франции 483
Амстердамский договор 489
Фридрих IV перепуган 494
Просвета как не было, так и нет 496
Пруссии нужны гарантии 500
Чем меньше Англию мы просим, тем легче справиться нам с ней 502
«Немой» сейм 505
Курляндская тяжба 506
Россия и Австрия в плену подозрений 507
Краткий итог второго заграничного путешествия царя 507

1718 год

Аландский конгресс 508
Чего боятся венские министры? 520
«Равский друг» без маски 525
Курляндская головоломка 529
Внешнеполитические миражи аббата Дюбуа 531
Задумка испанского короля 535

1719 год

Провал аландских переговоров 537
Пустопорожнее объяснение с Копенгагеном 544
Первый внешнеполитический результат внутришведского раскола 546

Прусский король меж двух огней: погреть руки возле одного
и не получить ожоги от другого 548
Карты на стол: польско-шведская конвенция 553
Европейское равновесие по-английски 557
Аббат Дюбуа: «не требуйте от нас объяснений, как не требуем их мы» 562
Россия и Турция: новая военная тревога 565
Вена склоняется к трезвомыслию 569
Доклад Б.И. Куракина о международной ситуации в Европе 570

1720 год

«Покаяние» Фридриха-Вильгельма 573
Бесславная вылазка адмирала Норриса 575
Международные аспекты борьбы за шведский престол 580
«Вечный мир» с Портой 589
Карл VI вновь рвется в посредники 592
Спасти Швецию от погибели 596
Поражение Испании и его последствия 601
Битая карта Августа II 603

1721 год

Петербургский вояж Кампредона 608
Последнее усилие Вены, продолжение английских интриг,
авантюрная идея польского короля 614
Дипломатическая Полтава 620
Ништадтская система? 630
Проекты переустройства послевоенного мира 632

Заключение 649

Список использованных источников и литературы 652

Предисловие

Знать и помнить уроки петровской дипломатии

В словах и эпитетах, которыми определяется значение личности и реформ Петра I, можно потеряться. Однако все они, независимо от своего возвышенного или негативистского пафоса, сходятся на том, что это был самый выдающийся и самый поразительный персонаж в истории России и Европы эпохи Просвещения[1]. Клубок поставленных им вопросов и оставленных загадок историки распутывают до сих пор, горячо споря практически о любой стороне деятельности царя. Дискуссии постепенно усложнялись, уходя от примитивного выяснения степени полезности или вредности преобразований в область глубоких историко-философских размышлений об их влиянии на траекторию цивилизационного развития страны. Петровское «настоящее» было прочно поставлено в диалектическую связь с предшествующими и последующими периодами жизни российского государства. Но в центре этого дискурса осталась проблема соотношения революционного и эволюционного в судьбах России.

Поначалу идея о произведенном Петром разломе в русской истории жестко противостояла теории о ее естественном, органичном и непрерывно-поступательном ходе, частным случаем которого — и не более того — являлись реформы. Затем появились весьма тонкие нюансировки, в принципе не допускавшие возможности полного разрыва с прошлым и признававшие в нем единственный источник настоящего. Отказ от черно-белого восприятия неизбежно породил множество оттенков, образовавших сложнейшее переплетение взглядов, концепций, гипотез. Тем не менее они так или иначе вращались вокруг осевой проблемы изучения феноменального характера Петровских реформ, обусловленного особенностями русского исторического процесса.

* * *

На первый взгляд кажется, будто о внешней политике Петра спорят гораздо меньше. И в самом деле, стоит ли подвергать сомнению головокружительный взлет России в статус империи и влиятельной европейской державы? Историки этого и не делают. Многие из них рассматривают победу в Северной войне как важнейшее событие в истории Европы XVIII века. Вместе с тем исследователи не ограничиваются констатацией очевидного и ищут ответы на более сложные вопросы. Пожалуй, главный из них: что было первичным — насущные внешнеполитические задачи, диктовавшие необходимость реформ, или, напротив, острейшая потребность во внутренних преобразованиях заставила Петра осуществлять их путем беспрецедентной активизации международной политики, в которой война шла рука об руку с европеизацией Рос-

[1] *Баггер Х.* Реформы Петра Великого. Обзор исследований / Пер. с датского. М.: Прогресс, 1985. С. 24–25.

сии? Своеобразной попыткой найти золотую середину между этими крайностями представляется тезис о том, что крутой исторический поворот в отношениях с Европой сам по себе являлся крупной реформой.

Не прекращаются научные дебаты о мотивах внешнеполитических устремлений царя-реформатора. Вряд ли стоит принимать всерьез высказываемую позже мысль о его чуть ли не маниакальной «тяге к морям». Ученых интересуют глубинные источники этой тяги. В принципе отказавшись от попыток поставить во главу угла личную прихоть «непостижимого» Петра, историки сосредоточились на изучении экономических, социально-классовых, военно-стратегических и идейно-духовных побуждений. Тут разброс мнений широк: от вульгарно-материалистических до утонченно-философских толкований. В рамках этого дискурса со временем наблюдаются его сюжетные разветвления. В частности, появляются такие темы, как влияние европеизации на формирование новой российской бюрократии и новых элит, на представления Петра о «регулярном государстве», на процесс утверждения российской разновидности абсолютизма, на особенности культурных заимствований из Европы.

Из сферы внимания, пусть и не столь пристального, не выпадает также вопрос о целях внешней политики Петра после триумфального для России Ништадтского конгресса. Долгое время отсутствие соответствующих научных трудов могло создать впечатление, будто сам этот факт упраздняет проблему как неактуальную. Но в XX веке исследования русских и советских историков показали, что в 1721–1725 годах балтийские дела нисколько не потеряли своего значения в глазах Петра, только теперь его устремления носили охранительный характер. С этим отчасти соглашаются западные ученые, но они больше склоняются к предположению о приоритете торгово-экспансионистского фактора[1].

Начнем с того, что, по мнению многих историков, до полтавского триумфа преобладали военные методы, а после — дипломатические. Можно было бы умозрительно согласиться с этим мнением, если бы факты не рисовали несколько иную картину — картину, в которой война и дипломатия не соперничали, а органически дополняли друг друга, преследуя общую цель принуждения неприятеля к миру. Разумеется, судьба войны решалась главным образом на полях сражений. Но это не означает, что армия во главе с выдающимися полководцами была единственным орудием победы. Из такой идеи исходили многие историки, исследовавшие многогранную деятельность Петра, в том числе в сфере дипломатии. До появления первой и на сегодняшний день последней обобщающей монографии Н.Н. Молчанова, как, впрочем, и других его публикаций[2], рассматривались в основном взаимоотношения России с отдельными европейскими государствами на ограниченном хронологическом отрезке. Целый ряд аспектов, связанных со сложнейшими хитросплетениями мировой политики, ролью личностного фактора в достижении тех или иных целей, с альтернативными сценариями развития событий, ускользал из поля зрения.

---

[1] См., например: *Полиевктов М.А.* Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1726). СПб., 1907; *Некрасов Г.А.* Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721–1726 гг. М., 1964; *Бобылев В.С.* Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990.

[2] См.: *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Первого. М.,1984, а также: *Молчанов Н.Н.* Петр I. М.: Эксмо, 2003.

Между тем без этого трудно проникнуть на всю глубину в причины уникального успеха России в Северной войне. Ведь Полтава, при всей ее значимости, не была автоматической предпосылкой к заключению выгодного для Петра мирного договора. Полтавскую викторию нужно было, по известной формуле Карла фон Клаузевица, еще конвертировать в политический результат. На это ушло 12 лет, в течение которых шли непрерывные дипломатические сражения на всем пространстве Европы в условиях, когда распадались одни союзы и возникали другие, подчас мозаичные. Внутри этой мозаики рождались различные проекты послевоенного переустройства Европы, конкурировавшие в одном и совпадавшие в другом. Практически каждая крупная держава заботилась о получении своего, как можно большего, материального или морального трофея при разделе шведского наследства. Это отдаляло перспективу заключения мира.

Едва ли не самым значительным препятствием был страх европейских правителей перед возвышением России, которая становилась уже далеко не такой, какой они ее знали прежде. Важную роль играл психологический момент: ревность и раздражение монарших собратьев Петра к «дикому московиту», парвеню, ворвавшемуся в политическую жизнь Европы и затмившему своей яркой личностью выдающихся исторических персонажей.

Практический вывод из этих тревожных наблюдений не заставил себя ждать. Стал формироваться антироссийский дипломатический фронт якобы для реализации доктрины сохранения «равновесия сил». Примечательно, что первая ревнительница этой теории — Англия, как и другие державы, использовала ее исключительно для упрочения своих позиций в Европе и мире.

Задача раскола любых альянсов, направленных против России, и создания контрсоюзов встала перед Петром и его представителями за границей во весь рост. С годами она становилась все труднее, в том числе и потому, что на пути ее решения стояли опытные европейские мастера политических интриг, подвохов, заговоров. Порой возводя изощренную игру, саму по себе в статус «чистого искусства», эти люди наполняли свою деятельность избыточной сложностью и абсолютной непредсказуемостью. В этой запутанной круговерти русские дипломаты освоились удивительно быстро. И произошло это во многом благодаря передавшемуся от Петра умению учиться и схватывать все на ходу. Жесткий профессиональный вызов европейских политиков они приняли с честью. Государь во многом освободил их от страха действовать творчески, подчас импровизационно, не дожидаясь всякий раз инструкций из Москвы. Источники сберегли для нас смелые, проницательные, нелицеприятные аналитические отчеты Б.И. Куракина, А.А. Матвеева, П.А. Толстого, П.П. Шафирова, В.Л. Долгорукого, А.И. Остермана и других[1]. За считаные годы они овладели макиавеллистским инструментарием потомков Ришелье и предшественников Талейрана, поставив его на службу российским национальным интересам. Именно эти интересы были для «птенцов гнезда Петрова» лоцманским руководством для плавания в мутных водах европейской политики, требовавшей иногда молниеносного приспособления к быстро меняющимся реалиям. Тем европейским дипломатам, которые поначалу принимали «москови-

[1] См. подробнее: *Кессельбреннер Г.Л.* Известные дипломаты России. Т. 1. М., 2007.

тов» за простаков, пришлось затем испытать на себе последствия недооценки их способности учитывать любые варианты развития международной конъюнктуры, искусно чередовать различные приемы ведения сложных переговоров, понимая, когда тактика переходит в стратегию, и наоборот, когда нужно не торопиться, а медлить, не скрывать свои мысли, а подкупать нарочитой откровенностью, не говорить, а слушать, не запугивать, а искушать соблазнами, включая те, что порождались страстями и пороками.

На основе информации, добытой самыми утонченными и хитроумными средствами, петровские дипломаты собирали из громадного количества пропущенных через мелкое сито противоречивых фактов общую картину международных отношений, как правило, близкую к действительности. В отзывах западных дипломатов об их русских коллегах подспудно чувствуется удивление и почти восхищение по поводу того, как удалось детям безнадежно патриархальной московской знати так быстро стать «своими» в совершенно другом, чужом и враждебном мире. Глядя на них, невозможно было поверить в презрительные байки иностранных путешественников по России.

Двумя вершинами деятельности новой русской дипломатии стали Аландский конгресс и фактически подготовленный им Ништадтский. На первом петровские делегаты, ловко обходя расставленные шведами ловушки, делая вид, будто отдают инициативу, но на самом деле все контролируя, добились от противника признания почти всех русских завоеваний, кроме Финляндии. И лишь неожиданная гибель Карла XII сорвала подписание мира. Тем не менее на Аландах был создан важный прецедент: Швеция согласилась на то, о чем она раньше и слышать не хотела.

В Ништадте в руках у русских была уже готовая партитура. Но ее еще предстояло хорошо сыграть. Это оказалось совсем непросто. Шведы, решительно поддерживаемые Францией и Англией, заявили, что об аландских договоренностях нужно забыть, в противном случае угрожали наступательной войной, запугивая своими новыми союзниками. Яков Брюс и Андрей Остерман, ожидая такого начала, ответили, что о подтверждении прежних решений действительно «нечего и думать», поскольку в условиях, когда военная ситуация изменилась в пользу России еще более кардинальным образом, царь не удовлетворится прежними уступками.

Шведы хотели взять русских делегатов измором. Прибегнуть к такой тактике позволял ряд обстоятельств. *Во-первых*, Петр страстно желал мира, о чем Европа знала. *Во-вторых*, австрийский император Карл VI, стремясь сорвать Ништадтский конгресс, предложил перенести переговоры в Брауншвейг и заменить двусторонний формат многосторонним, совершенно неприемлемым для царя. *В-третьих*, в Персии вспыхнула смута, чреватая турецкой оккупацией части страны, прежде всего каспийского побережья, а это грозило неминуемым вмешательством России и перспективой войны с Портой, как надеялись многие на Западе, — по «прутскому» сценарию. *В-четвертых*, в состоянии постоянного раздрая находилась Польша, создавая дополнительные проблемы для Петра в виде, в частности, необходимости отвлечения русских войск от балтийского театра. *В-пятых*, по Европе бродили невесть откуда взявшиеся слухи, будто Россия находится в преддверии народного бунта и низвержения царя.

В конце концов шведы выложили свой последний аргумент — предложение о многолетнем перемирии. Хитрая задумка была шита белыми нитками: за это время

Швеция соберется с силами, обзаведется новыми союзниками и либо заставит Россию принять свои условия, либо возобновит войну.

На фоне изматывающего спора, напоминавшего позиционную войну, Брюс и Остерман ввели в действие приберегавшийся на крайний случай рычаг давления — заявление о готовности Петра поддержать притязания гольштинского герцога Карла-Фридриха на шведский престол, что означало отстранение от власти нового короля Фредрика I. Когда шведы сделали вид, будто и это не подействовало, перед ними в ультимативной форме был поставлен вопрос — война или мир? Стокгольм до последнего момента надеялся, что у русских есть какой-то компромиссный вариант, который они рассматривают как последнюю линию отступления. Но это было не так.

При оценке Ништадтского конгресса важно учитывать, что его успешное завершение стало неожиданностью почти для всех, включая и русских дипломатов. За два дня до подписания итогового документа один хорошо осведомленный французский наблюдатель писал, что Европа стоит на пороге возобновления войны, еще более кровавой, чем прежде. Это позволяет усомниться в идее о предрешенности исхода конгресса и делает еще более впечатляющей победу русской дипломатии.

Ништадтский договор был еще и результатом принципиальной ошибки, допущенной Европой в ее дипломатической стратегии. На протяжении многих лет она методично срывала возможность заключения мира, стараясь прежде создать переговорные условия, позволяющие максимально урезать территориальные приобретения России. Европейских правителей не устраивали даже те совершенно скромные требования, которые Петр предъявлял несмотря на то, что полтавская победа давала ему право пересмотреть их в свою пользу. В результате боевые действия продолжились и принесли русскому оружию новые яркие успехи на суше и море, в то время как союзники, скорее играя в войну, чем воюя, усердно зондировали почву для заключения серии сепаратных договоров со Швецией. В конце концов Петр, оставленный один на один с противником, вынудил того подписать мир на более тяжелых условиях.

Отдавая всю справедливость профессиональному мастерству петровских дипломатических кадров, нельзя забывать, что они были воспитаны Петром и им же непосредственно руководимы при проведении его стратегического курса. Структурно и организационно усложнявшийся механизм принятия и реализации внешнеполитических решений управлялся умом и волей Петра. Царь-реформатор, курсируя между европейскими государствами на протяжении Северной войны, подавал своим подчиненным личный пример того неутомимого усердия, с которым нужно учиться у чужеземцев, чтобы использовать эти уроки против них же и во благо России. Петр постоянно находился в центре напряженной деятельности по мобилизации всех дипломатических ресурсов для преодоления все более консолидированной позиции Запада по вопросу о противодействии России.

Строя новую страну, меняя ее привычный образ и внешнюю политику, Петр заставил Европу радикально переосмыслить общепринятые стереотипы о России и смириться с ее стремительно возросшим влиянием на международные дела. История с признанием за царем титула императора подтверждает это со всей очевидностью. Даже долгие колебания таких государств, как Англия, Франция, Австрия и Ис-

пания, свидетельствуют об их понимании, что рано или поздно придется унять свою потомственную великодержавную надменность, приняв тот факт, что экзотическая Московия превратилась в империю. Безошибочным признаком принципиально изменившегося отношения к России является учреждение в европейских столицах к концу Северной войны двадцати одной русской дипломатической миссии на постоянной основе. Запад поразила неожиданность и быстрота такой метаморфозы, нагнав страху перед опасными для него перспективами, если и дальше Россия будет развиваться такими же темпами. В этом смысле Петр, условно говоря, совершил, по крайней мере в Северной Европе, не только дипломатическую, но и геополитическую «революцию».

Не вдаваясь в бесконечную дискуссию на тему, учит ли история, заметим лишь, что исторические уроки существуют вне зависимости от того, идут они людям впрок или нет. Один из них, самый общий и непреходящий, дал Петр, который завещал будущим поколениям идею о том, что Европа нужна России, чтобы осознать себя как самостоятельную цивилизацию, не отторгающую внешний мир и готовую заимствовать у него лучшее, но готовую защищаться от любых попыток разрушить ее тем или иным способом, физически или духовно. Россия должна всегда уметь обходиться без друзей и союзников, особенно когда те мало чем отличаются от неприятелей. Ныне это особенно злободневно.

* * *

На эти размышления навела меня новая книга профессора МГИМО-Университета В.В. Дегоева. Перед нами вроде бы абсолютно хрестоматийный сюжет истории внешней политики России. Дело, однако, в том, что актуальность его не убывает, а усиливается, сохраняет высокую научную и практическую потребность во всестороннем изучении богатого наследия Петра в сфере дипломатии. Для этого нужны не столько новые источники, количество которых по прошествии трех веков едва ли будет расти, сколько более глубокое погружение в уже имеющиеся. Сегодня у историков есть необходимое методологическое оснащение в виде комплексного подхода к анализу того, что происходило в прошлом на макро- и микроуровнях. Процессы, события, люди — неисчерпаемые предметы познания. Наши представления о них становятся тем полнее, чем шире мы используем достижения таких наук, как философия, политология, общая и социальная психология. Разумеется, помимо науки исторической с ее важнейшей составляющей — источниковедением. В.В. Дегоев во многом приверженен именно такому, интегративному подходу.

Безусловно нова и только что прочитанная мною книга. Поначалу меня смутила структура. Год за годом, иногда день за днем рассматривается дипломатическая история Северной войны. Старомодно? Скучновато? Нисколько. Я даже не об особом, легком, непринужденном, порой чуть ли не разговорном стиле автора. Тут еще и другое. «Несторовская» компоновка использована для того, чтобы не потеряться в огромном материале и в каждый отрезок времени как можно пристальнее всматриваться в ход сложнейших, наполненных движением событий, в поведение их ключевых участников, в причинно-следственные связи.

Автор зачастую описывает события так, будто не знает, что произойдет дальше. Этот «лукавый» прием, думается, применен не случайно. Он позволяет исследовате-

лю чувствовать себя свободнее в анализе хаотичных и непредсказуемых международных ситуаций с точки зрения изучения возможных направлений их эволюции.

О новом труде В.В. Дегоева можно говорить много, но я оставляю это его рецензентам, которые, конечно, найдут, как мог бы сделать и я, с чем не согласиться. В одном не сомневаюсь: работа станет крупным вкладом не только в «юбилейную» историографию Северной войны, но и во всю историю изучения этой проблемы. И возможно, главная заслуга автора в еще раз наглядно проиллюстрированной идее, что «последней» книги о петровской внешней политике и дипломатии, «закрывающей» эту тему, не будет никогда.

Академик РАН *А.В. Торкунов*

Август 2021 г.

ЛАНЬ®

ЛАНЬ®

Введение

Прошло уже 300 лет с момента окончания Северной войны, а споры о ней продолжаются. Для России это был тяжелейший и беспрецедентный опыт. Впервые ей пришлось пройти через нечто совершенно небывалое в человеческой истории — Войну-Реформу, изменившую и внутреннюю жизнь, и международное положение страны. Поистине эпическое содержание этому периоду русской истории придает его главный персонаж — Петр I, выросший из патриархальной старины, чтобы почти в одиночку начать против нее революционную борьбу. Насколько была готова к появлению такой личности Россия — предмет вековечной дискуссии, для полноценного участия в которой нужна другая книга.

Предлагаемый читателю труд посвящен роли петровской дипломатии в достижении победы над великой европейской державой, почти безраздельным гегемоном на Балтике. На фоне эпохального ратного и трудового подвига русского народа эта роль может показаться скромной. Но, с другой стороны, почему бы не вспомнить исторические ситуации, когда война, выигранная на полях сражений, проигрывалась за столом переговоров? Задача дипломатов — извлечь из боевых побед материальный и политический капитал — требует не просто профессиональных знаний и навыков, а чего-то большего — той высшей разновидности мастерства, которое называется искусством.

Стоит ли возвращаться к этой довольно основательно изученной проблеме? Если только ради исторического юбилея, как бы он ни был важен сам по себе, то смысла в этом с точки зрения науки мало. Дело, однако, совсем в другом — в невозможности изменить внутреннюю природу познавательного процесса, бесконечного в своем движении к так называемой «истине» и всегда обреченного на незавершенность. Прямое подтверждение тому — наличие сотен произведений о петровской дипломатии и регулярное появление новых. Заслуга выдающихся историков в том, что они стремились не «закрыть тему», а вступить на еще не вполне видимые, а то и вовсе неизведанные пути ее изучения. Время от времени случающиеся в исторической науке яркие открытия вовсе не делают ее конвейером по их серийному производству. У науки «сборы долгие» и тихие. Она не терпит суетливой погони за сенсациями и питается плодами терпеливого, размеренного, порой неблагодарного труда. И именно за него иногда вознаграждает исследователя вниманием коллег и публики.

Очень часто историка приводит в замешательство обрядовая процедура выдавливания из себя нескольких дежурных слов о новизне его произведения, потому как он не знает, что сказать об этом, не покривив душой. Между тем смущение тут излишне: любая вышедшая в свет профессионально добротная работа, в силу своей имманентной неповторимости, нова априори, и уже в этом заключается ее вклад в историографию или в публичное просвещение. Если бы единственным критерием ценности и права исторического сочинения на существование являлось количество сделанных в нем научных открытий, то в современном историографическом обороте находилось бы всего лишь несколько книг о дипломатии Петра I. Между тем не похоже, чтобы издательская продукция такого рода когда-либо иссякла, ибо, повто-

римся, человеческая воля к познанию неукротима и неисчерпаема, как неисчерпаем информационный потенциал даже основательно изученных источников, главного строительного материала для реконструкции прошлого. Каждое новое поколение историков будет вглядываться в темень веков через свою собственную оптику «гнева и пристрастия», искать свои интеллектуальные и духовные ракурсы, по-своему переосмысливать, казалось бы, раз и навсегда затверженные сюжеты.

В нашей книге читатель не найдет откровений. Ее главное достоинство — обстоятельность, достигнутая, как надеемся, не за счет дотошного повторения хрестоматийных фактов, а путем погружения в них на доступный для нас уровень, где некоторые события и персонажи предстают в несколько ином свете, чем было принято их воспринимать. Отсюда проистекает и то, что условно можно назвать авторской сверхзадачей — выяснить, с большим или меньшим приближением к реальной исторической картине, степень влияния дипломатии на ход и результаты Северной войны, а также характер тех передаточных механизмов, через которые оно осуществлялось. И наконец, последнее по счету. На протяжении всей книги автор, быть может, подчас неосознанно старался найти для себя ответ на вопрос, в каком соотношении между собой находятся два близких, но не полностью тождественных понятия — «дипломатия Петра I» и «дипломатия Петровского времени»; когда государь единолично брался за осуществление своих внешнеполитических планов, а когда он почти всецело полагался на ум, талант, профессиональную сноровку «птенцов» своего гнезда. Иначе говоря, это вопрос о том, какие объективные и субъективные обстоятельства определяли пути формирования новой русской дипломатии.

* * *

Во внешней политике России второй половины XVII века шведское направление было лишь одним из трех — наряду с турецким и польским — векторов, где скапливались противоречия, периодически выливавшиеся в войны. Польша и Турция представляли гораздо большую геополитическую актуальность. В первом случае борьба шла за возвращение исконно западнорусских земель (Смоленск, Новгород-Северский, Чернигов) и за сохранение недавно присоединенной Украины. Во втором случае дело касалось защиты границ России от разорительных крымско-татарских набегов и продвижения этих рубежей на юг, под жестким давлением императива безопасности. На Балтике перед Москвой, как и в отношении Западной Руси, стояла реставраторская задача — отвоевать захваченные в период Смутного времени русские земли. Действовать сразу по трем направлениям было невозможно. Предстояло выбирать. Вплоть до самого конца XVII века планов войны со Швецией в царской внешнеполитической повестке не было[1].

Но даже когда такая мысль стала в сознании Петра отливаться в форму реального побуждения, она сыграла далеко не главную роль в происхождении Северной войны. Ее инициаторами были другие государства, которые имели к Швеции давние претензии, сопровождавшиеся постоянными вооруженными конфликтами. Хотя Россия не собиралась вечно мириться с отсутствием у нее выхода на Балтику и хотела, как минимум, вернуть свои исконные территории, она была вынуждена терпеливо

[1] *Санин Г.А.* Внешняя политика России во второй половине XVII в. // История внешней политики России. Конец XV–XVII в.: (От свержения Ордынского ига до Северной войны). М., 1999. С. 322–342.

ждать своего часа. Этот час мог наступить гораздо позже 1700 года, если бы не был подписан мирный договор с Турцией, избавивший Петра от угрозы южной войны, которая заставила бы надолго забыть о реванше над Швецией.

Общим местом в исторической литературе давно стала мысль о том, что генезис Великой Северной войны был процессом необратимо поступательным и абсолютно закономерным. Причины ее вызрели благодаря целому ряду объективных и субъективных обстоятельств, которые развивались чуть ли не по геометрически выверенным траекториям, обреченным на соединение в одной критической точке.

Нет смысла в отрицании событий, уже происшедших по тому или иному сценарию. Но был ли он единственным из возможных? Этот вопрос не стоит отождествлять с праздным теоретизированием. Не потому, что реальная история не поддается перекройке. А потому что она становится гораздо богаче и поучительнее, если отказаться от искусственного спрямления ее извилистых и непредсказуемых дорог в будущее.

Мы не собираемся предлагать читателям альтернативную историю Северной войны. (Для любителей подобных игр ума есть специальная литература.) Но мы далеки и от желания следовать некоторым историографическим (и идеологическим) традициям. В частности, традиции представлять это историческое событие в виде навеки застывшей музейной экспозиции с элементами полулубочного эпоса.

Схема, бытовавшая и бытующая в монографиях, включая самые блистательные, такова. Северная война была неизбежным, единственным средством преодоления противоестественной для России географической замкнутости, обрекавшей на замкнутость внешнеполитическую, экономическую, культурную. Словом, цивилизационную. Без выхода к морям, в данном случае к Балтийскому, решить проблему было невозможно. Параллельно звучит мотив о счастливом и неслучайном совпадении этого объективного фактора с появлением гениальной личности Петра I, которого история призвала к выполнению великой миссии.

Спорить тут вроде бы не с чем. Но действительно ли не с чем? Ведь остаются без ответа вопросы, невольно возникающие, когда открывается грандиозная в своей трагической величественности картина народного подъема, которым куплена победа в войне. Когда трудно подсчитать астрономические расходы на армию и флот, а еще труднее представить, сколько людского и материального капитала было израсходовано впустую. Когда задумываешься над тем, почему война длилась так долго и почему огромную часть усилий России Петр потратил на решение чужих проблем. Когда пытаешься найти причины вовсе не обязательных стратегических ошибок, допущенных царем, одна из которых — Прутский поход — едва не оказалась роковой. Когда, наконец, не можешь взять в толк, ради чего почти вся страна была мобилизована на строительство Азовского флота, если через несколько лет его оставили гнить на стапелях и рейдах, а черноморскую проблему отложили на полвека.

Все это сплетается в целую вереницу «почему». Какое исступление должно было сойти на Петра, чтобы подвигнуть его на головокружительный разворот внешней политики громадного государства с черноморского направления на балтийское? Зачем он отказался от продолжения последовательного наращивания военных сил для продвижения на юг и неожиданно для всех бросился на север, где еще ничего не было готово для прорыва к Балтике? Удачное ли время выбрал Петр для Северной войны и тех ли европейских правителей в качестве союзников? Что заставило уже не юного,

проницательного и набравшегося опыта государя судить о международной ситуации в Европе, исходя из желаемого в ущерб действительному? Не углубляясь в сомнения относительно своевременности вступления России в Северную войну, позволим себе лишь добавить к ним предположение, что заплаченная за нее цена, возможно, стала бы абсолютно катастрофической, выиграй Карл XII Полтавскую битву.

Многие исследователи либо вообще обходят эти вопросы, либо считают ответы на них слишком очевидными, чтобы нарочито заострять их. Среди тех, кому проблема представлялась далеко не однозначной, был знаменитый русский историк В.О. Ключевский. В отличие от своего учителя С.М. Соловьева, он куда более критически оценивал многие внешнеполитические решения Петра. В.О. Ключевский не отказывал балтийским устремлениям царя в логике, давая им в целом традиционное объяснение. Но и не скрывал своих недоумений. *«Новая европейская конъюнктура*, — писал историк, — *перебросила его* (Петра. — *В. Д.*), ***как игрушечный мяч*** (выделено мной. — *В. Д.*), *с устья Дона на Нарову и Неву, где у него ничего не было заготовлено...»*[1]. *«Новой столицей государства суждено было стать не Азову или Таганрогу, а С.-Петербургу. Таким образом, задача исправления южной границы была покинута ради ограждения северо-западных пределов»*[2]. Взятый на север курс В.О. Ключевский расценивал как *«сужение»* внешнеполитической программы предшественников Петра[3].

Не отрицая, что на рубеже XVII–XVIII веков в Европе произошла *«переверстка»* международных отношений, историк, похоже, не видит в ней достаточных причин для срочного вмешательства России, тем более ценой безрасчетной траты *«людских средств и жизней»*. Эта *«переверстка»*, как намекает В.О. Ключевский, была недостаточно убедительным соблазном, чтобы жертвовать южными делами и решать на Балтике в большей степени европейские, чем русские проблемы, ибо потенциальные союзники России отводили ей постыдно мизерную долю из тех трофеев, которые предполагалось добыть в войне со Швецией. И Петр на эту долю первоначально согласился.

Еще одна важная мысль В.О. Ключевского касалась надежности тогдашних европейских коалиций, которые не объединяли государства, *«а только осложняли международные отношения»*. В первую очередь он имел в виду русских союзников, разбежавшихся в разные стороны при появлении шведских войск и поспешивших заключить с Карлом XII мирные договоры, оставивших Петра наедине с грозным противником. Эта *«опереточная коалиция»* думала лишь о том, чтобы руками царя достичь своих целей[4].

Общий вывод В.О. Ключевского таков: ни одна война России не была так плохо обдумана и подготовлена, *«как Северная»*. Он подтверждает это и откровением самого государя, который *«имел мужество признаться... что начал шведскую войну, как слепой, не ведая ни своего состояния, ни силы противника»*[5].

---

[1] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 4 // Ключевский В.О. Сочинения. Т. 4. М.: Мысль, 1989. С. 48.

[2] Там же. С. 47.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 48. Почти такую же метафору — «*комическая русско-датско-польская лига, на первых же порах оказавшаяся пустым фантомом*» — употребляет русский историк Г.В. Форстен (*Форстен Г.В.* Датские дипломаты при Московском дворе во второй половине XVII века // Журнал Министерства Народного Просвещения, 1904, ноябрь. С. 99).

[5] *Ключевский В.О.* Указ. соч. Ч. 4. С. 50.

Громадную работу по изучению Северной войны проделали советские и российские историки, авторы классических исследований. Обойти их вниманием сегодня не позволит себе ни один серьезный ученый. Однако трудно не заметить и некоторые спорные, с нашей точки зрения, постулаты. В частности, утвердившуюся в качестве аксиомы мысль о своевременном осознании Петром всей опасности промедления в решении балтийской проблемы. Опасности, которая *«усилилась бы из-за отвлечения сил к югу»*[1].

Тут уместен вопрос. А в чем заключалась «опасность»? В Европе назревала большая война за испанское наследство, никак не касавшаяся интересов России. В этих условиях ни одна из великих держав не была заинтересована в переориентации усилий потенциальных участников войны на ревизию балтийской ситуации. Меньше всего Швеция, хлопотавшая о подтверждении мирных договоров с Москвой. Дания, Польша, Бранденбург, конечно, хотели бы силой вернуть свои территориальные потери. Но без России не могли решиться. А Россия была занята на юге, откуда ей действительно грозила опасность. С севера в обозримом будущем не грозил никто. Там уже давно хозяйничала держава, довольная своим положением и озабоченная лишь сохранением его. Ни на кого нападать она не собиралась.

Разумеется, бесконечно продолжаться так не могло. Европейские государства, помимо Швеции, тоже располагали первоклассными военными флотами, вдобавок к своим ненасытным аппетитам. В перспективе эти обстоятельства делали восточную часть Балтики ахиллесовой пятой России. Оставлять незащищенными морские доступы к русским северо-западным территориям было бы верхом неблагоразумия. С сугубо военно-стратегической точки зрения важнее было не столько «прорубить окно в Европу», сколько закрыть дверь собственного дома, чтобы уберечься от недобрых гостей, которые рано или поздно появятся на пороге, как уже неоднократно случалось в истории. Однако до категории «смертельно опасной» эта угроза пока явно недотягивала. Из всего этого никак не складываются «фундаментальные» причины, не допускавшие промедления с открытием военных действий на Балтике.

Есть и другие обстоятельства, над которыми стоит поразмыслить. Сопоставление перспектив развития военно-экономических потенциалов России и Швеции дает основание для вывода, что время работало против Швеции, миновавшей пик своего могущества и постепенно приближавшейся к утрате великодержавного статуса, приобретенного после Тридцатилетней войны. Королевская власть с трудом справлялась с внутриполитическими раздорами и находилась в остром конфликте с рикстагом (шведским однопалатным парламентом) и аристократией, особенно провинциальной. Россия, напротив, набирала мощь и уверенной поступью шла по пути строительства империи с соответствующими армией, флотом, административно-хозяйственной организацией. Почему бы не предположить, что через десяток-другой лет столь стремительного роста выход на Балтику стоил бы России гораздо меньших жертв? Все же Швеция с Карлом XII это одно, а без него — совсем другое. И как знать, пришлось бы Петру оставлять в наследство своим преемникам решение еще одной жизненно важной проблемы — черноморской?

[1] *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Первого. М.: Международные отношения, 1984. С. 116; *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. Русский флот и внешняя политика Петра I. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 26.

В историографии иной раз скорее рутинно констатируется, чем реально доказывается необходимость внезапного «разворота на север». Все доводы в общем сводятся к формуле: Петр поехал в Европу, чтобы лучше подготовиться к продолжению войны за Черное море, а вернулся из-за границы с твердым намерением воевать на Балтике. Или: в 1700 году, после подписания мира с Турцией, «на очереди появился *Балтийский вопрос*»[1].

Историки, разумеется, чувствуя пустоту подобных фраз, стараются поместить их в какой-то логический, более убедительный контекст, из которого следует, будто царь после относительно успешного завершения южных дел должен был сосредоточиться на северных. По форме это решение казалось неожиданным, но по содержанию оно было исторически преемственным и глубоко мотивированным. При этом никто не отрицает, что результаты длительной борьбы с турками *«довольно скромные»* по сравнению с замыслами. Но если результаты скромные, то оправдывают ли они внезапное прекращение войны на юге ради рискованной, по сути карточной авантюры на севере с совершенно туманными шансами на выигрыш? Не сказать, чтобы историки мучились этим вопросом. Они, как ни ряди, скованы правилами профессии: расставлять все по своим местам в уже состоявшемся, а не в «альтернативном» прошлом. Но между строк многих научно-исторических текстов сомнения все же проскальзывают[2]. Это лишний раз говорит о том, что при любом количестве аргументов в оправдание сделанной Петром принципиальной перестановки внешнеполитических приоритетов в ней навсегда останется примесь загадки.

Впрочем, если победителей не судят, то на всю эту историю можно посмотреть иначе. Северная война стала для Петра высшей школой стратегии, политики, дипломатии. Движущей силой реформ. Горнилом, закалившим царя жестокими испытаниями, которые окупились триумфом и открыли в нем великую личность. Территориальные приобретения на Балтике многократно превысили то, чем готов был удовольствоваться Петр, сделали Россию настоящей империей и вынудили Европу признать это. Везение, ошибки Карла XII, ход испанской войны и другие факторы, конечно, сыграли на руку царю. Но по большому историческому счету своими блистательными успехами он был обязан стоическому характеру русского народа, в очередной раз проявившего волю к самопожертвованию. Принимая эти жертвы как должное, Петр, к сожалению, не стал подражать голландцам, построившим Амстердам *«на селедочных костях»*. Петербург он строил на костях человеческих.

В морализировании по этому поводу мало проку. Сколько ни рассуждай о резервах экономии людского материала, которыми Петр пренебрег вольно или невольно, факт остается фактом: великие победы стоят баснословно дорого.

Самодержавие, крепостное право и армия были теми материальными силами, которые определяли вектор русской истории: от смертельно опасной раздробленности —

---

[1] *Брикнер А.Г.* История Петра Великого. СПб., 1882. С. 391.

[2] Явно чувствуются они даже у Н.Н. Молчанова, маститого советского историка, одного из самых последовательных и, в известном смысле, убедительных сторонников идеи об объективной неизбежности поворота Петра к северу, откуда исходила «*неизмеримо более грозная, чем с юга, опасность*». Ученый видит заслугу Петра в интуитивном осознании того, что тогда «*непосредственно не ощущалось*», в умении «*отдать предпочтение важному перед срочным*» (*Молчанов Н.Н.* Указ. соч. С. 116–117). При всем глубоком уважении к автору фундаментального труда о петровской дипломатии, нам трудно согласиться с теми критериями, при помощи которых Н.Н. Молчанов определяет «важность» одних задач внешней политики России и поднимает их над «срочностью» других.

через централизованное государство — к империи[1]. Внутреннее порабощение защитило Россию от порабощения внешнего. Цари были всесильны в той степени, в какой они являлись частью Системы, ее добровольными узниками. Петра отличало от предшественников другое видение путей сохранения и укрепления Системы. Но и он был невольником — невольником необходимости имперского строительства, сопряженного с войнами, преобразованиями, жертвами. И колоссальным риском, сознательно идти на который способен был только правитель с недюжинным умом и волей.

Вопросы, поднятые автором, небесполезное подспорье для размышления над тем, чем могла бы обернуться Северная война. В данном случае использование гипотетического наклонения делает еще более эпохально значимым то, что случилось на самом деле. Обращаясь к этой неисчерпаемой теме, мы ограничили свою задачу исследованием роли петровской дипломатии в предотвращении другого, трагического сценария. Именно так: «петровской дипломатии», а не «дипломатии Петра». Хотя царь безусловно был сам себе министром иностранных дел[2], ему едва ли удалось бы претворить свои замыслы в жизнь без даровитых, видавших виды профессионалов.

* * *

Дипломатическую историю Северной войны трудно структурировать. В каждый момент времени приходится держать в поле зрения десятки взаимосвязанных, но кажущихся разобщенными событий, происходивших в разных точках Европы. Зачастую они противоречили друг другу, смазывали общую картину международных отношений, затемняли тенденции, в которых просматривалось будущее, и выпячивали то мимолетное, от чего вскоре не останется и следа.

Мы стремились следить за всем этим нагромождением калейдоскопически меняющихся явлений в динамике, одновременно придавая им некий целостный и логически-последовательный образ. Возможно, поэтому нам не удалось найти более подходящую структурную форму решения такой задачи, чем погодное повествование. Разумеется, это вовсе не означает, что читателю предлагается всего лишь летопись дипломатической истории Северной войны. Подобное упрощение понадобилось как оптимальный способ организации огромного и подчас хаотичного материала для более удобного его восприятия. Хотя профессиональные ученые, конечно, разберутся в сложнейших хитросплетениях петровской внешней политики и без нашей помощи, но и для них последовательно-событийный анализ может пригодиться для дальнейшего распутывания замысловатых узлов истории и более упорядоченного изучения темы[3].

---

[1] *Fuller W.C. (Jr.)* Strategy and Power in Russia 1600–1914. N.Y.; Toronto; Oxford, 1992. Passim.

[2] Похоже, впервые этот образ использовал русский историк Г.В. Форстен: «*он — свой собственный министр иностранных дел*» (*Форстен Г.В.* Датские дипломаты... // Журнал Министерства Народного Образования, 1904, декабрь. С. 301–302).

[3] Следует сделать еще одно, техническое, пояснение. Точные цитаты из источников и литературы мы даем курсивом. Некоторые выдержки из документов пересказываем своими словами, стараясь сохранять стилистику языка начала XVIII века. Сведения об источниковой и историографической базе читатели найдут в заключительной части исследования.

Часть 1
Грозовые горизонты Европы

Балтийская интрига: видимое и скрытое

После возвращения из заграничного путешествия в конце августа 1698 года Петр I два месяца занимался расследованием стрелецкого мятежа, с нетерпением ожидая возможности отправиться в Воронеж, чтобы увидеть свой новый флот и подготовить его к военно-морской экспедиции против турок, то есть продолжить войну.

Напомним, что царь, еще будучи в Вене, негативно воспринял известие о готовившихся за его спиной переговорах между Священной лигой и Портой, крайне неохотно согласившись на участие России в Карловицком мирном конгрессе. Он совсем не возражал против провала этого предприятия, о чем было дано знать русскому представителю на конгрессе П.Б. Возницыну.

С ноября Петр почти безотлучно в Воронеже, где кипит работа на донских верфях, царит *«препороториум великий»*. Прибрежные склады были наполнены корабельными снастями, снарядами и орудиями, в числе которых, между прочим, 300 пушек, подаренных шведским королем Карлом XII. Петр также приказал подготовить для наступательных действий в Северном Причерноморье полки регулярной армии, усиленные 40-тысячным стрелецким войском.

После завершения Карловицкого конгресса П.Б. Возницын докладывал царю (18 февраля 1699 года), что вопрос о войне или мире между Россией и Турцией остался открытым, стороны договорились о продолжении русско-турецких переговоров в Стамбуле. Для этой миссии Петр выбрал опытнейшего дипломата Е.И. Украинцева, *«но хотел, чтобы посланник его явился в Царьград не по прежнему, не смиренным искателем мира, а с достоинством представителя великой державы, готовой к миру, готовой и к войне на суше и на море»*.

Доказательства этой готовности Петр представил туркам оригинальным образом. В Стамбул Украинцева отправили на огромном 46-пушечном корабле «Крепость», построенном по последнему слову судостроительной техники. Чтобы при выходе из Азовского моря не возникло проблем, до Керчи корабль шел в сопровождении боевой эскадры[1] под командованием Петра. Комендант турецкой крепости пытался протестовать против столь необычной дипломатической миссии, но задержать ее не посмел. В конце августа 1699 года корабль Украинцева взял курс на Стамбул и через считаные дни уже стоял на рейде против султанского сераля, громыхая приветственными залпами.

Султана Мустафу II переполнили чувства возмущения и удивления. Это был беспрецедентно дерзкий вызов. Впервые в истории в Черном море появился не просто чужой корабль, а первоклассный русский «линкор». И не просто в Черном море,

[1] Двадцать боевых единиц, в том числе десять линейных кораблей, включая 44-пушечный флагман «Апостол Петр».

а у стен падишахского дворца. До сих пор никому и в голову не приходило оспаривать турецкую черноморскую монополию. Произошло неслыханное, оскорблена честь *«непорочной красавицы из гарема султана»*[1]. Порта с полным основанием могла воспринять русский демарш как *casus belli,* если бы формально не продолжалось состояние войны с Россией.

Султан был не только рассержен, но и растерян. Единственное средство поставить зарвавшегося царя на место он нашел в том, что заставил Украинцева дожидаться аудиенции полтора месяца. Не спешил он и с переговорами, которые начались лишь во второй половине ноября и продлились до конца июля 1700 года. Шли они очень трудно. Для подготовки итогового документа потребовалось 23 конференции.

Инструкции Украинцеву были составлены так, чтобы, с одной стороны, избежать обвинений в явном стремлении сорвать подписание мира, с другой — оставить России повод для продолжения войны[2]. Такую перспективу Петр рассматривал как реальную. Об этом говорит его наказ дипломату: тайно посоветоваться с константинопольским патриархом о наилучшем способе ведения войны с учетом намерения царя включить в сферу боевых действий, кроме Северного Причерноморья, еще и Дунайские княжества[3].

* * *

В конце 90-х годов XVII века международные отношения в Европе находились в состоянии крайней неопределенности. Рисвикский (или Ресвейкский) мирный договор, которым завершилась Война Аугсбургской лиги против Франции (1688–1697 гг.), оставил нерешенными многие проблемы. Интересы государств сталкивались, как и прежде, создавая напряжение в разных точках континента. Неизменными остались и катализаторы взрывоопасных ситуаций: междинастические и внутридинастические распри, связанные с борьбой за престолы, наследственные права, разделы и переделы территорий[4]. Не утратили своего деструктивного потенциала и религиозные вопросы.

Откровенные экспансионистские и гегемонистские устремления прикрывались доктринальными идеями о «высшем государственном интересе» и «равновесии сил». Зачастую правители обходились без всякого теоретического прикрытия.

Альянсы менялись быстро и не всегда логично. Вчерашние союзники становились врагами, и наоборот. Никто никому не доверял. Заговоры, интриги, измены, личная неприязнь определяли тогдашние международные отношения едва ли не в большей степени, чем готовность соблюдать подписанные договоры, устные соглашения, дипломатические правила и приличия. Вестфальская система теряла и без того невесть какую способность справляться с реальностью, которая становилась все более непредсказуемой и хаотичной. Внутри нее все дробилось на мелкие кусочки, соединя-

[1] Эту метафору турки использовали в отношении Черного моря, именовавшегося также «османским озером».

[2] Петр требовал от Порты заведомо неприемлемых для нее уступок, во многом совпадавших с теми, которых добьется от турок Екатерина II в Кючук-Кайнарджийском договоре 1774 года.

[3] В свете государевых указаний Украинцеву трудно принять распространенное в историографии мнение, будто у Петра «*никаких стратегических замыслов дальнего прицела не было*» (*Молчанов Н.Н.* Указ. соч. С. 116).

[4] Многие войны в Европе вели между собой близкие родственники. Начальный этап Северной войны в этом плане не исключение. Соперники Карла XII на Балтике — датский король Фредерик IV и саксонский король Август II — приходились ему, как и друг другу, кузенами.

лось в причудливые, колеблющиеся формы, перетекало и вибрировало подобно ртутным каплям. Бал правили сиюминутные интересы космополитической камарильи, прожектерство и авантюризм, жадность и коррупция, трусость и предательство, гонор и тщеславие. Сквозь них трудно разглядеть глубокие исторические закономерности, хотя историки и пытаются.

Петр поехал в Европу не только учиться строить корабли, но и понимать, как нужно играть в запутанные и коварные политические игры. Внимательно изучая европейскую расстановку сил, царь заметил ее неустойчивость и намеревался использовать это для достижения своей главной и, на протяжении всего пребывания за границей, единственной цели — решительной победы над турками, вознагражденной внушительными материальными и моральными трофеями. Балтийский вопрос ни разу не появился в царском списке практических задач[1]. Однако из поля «бокового» зрения Петра он не выпадал. Да и сами шведы, как и их соперники в Северной Европе, постоянно напоминали о себе. Одни настойчивым стремлением к сохранению статус-кво, другие столь же явным желанием сломать его. Обе стороны, остро нуждаясь в России, пытались разного рода посулами (и подарками[2]) вовлечь ее в реализацию ***своих*** планов. Петр реагировал на эти попытки с особой осторожностью, хотя тайные беседы на шведскую тему не отвергал. До поры до времени он пропускал мимо ушей предложения «балтийских реваншистов» (Дании, Бранденбурга) о заключении серии двусторонних союзов для создания антишведской коалиции. Напротив, на просьбу Стокгольма о подтверждении Кардисского мира 1661 года, ущербного для России, Петр ответил согласием.

В международных событиях конца 90-х годов XVII века и в реакции на них русского царя легче проследить хронологическую, чем логическую последовательность, хотя задним числом можно найти и ее. При изучении генезиса Северной войны путеводной нитью для историков обычно служат факты, иллюстрирующие накопление, а затем взрывоподобное высвобождение конфликтного потенциала в балтийском вопросе. Нам придется исходить из этой традиции, поскольку, повторимся, мы не занимаемся альтернативной историей. Однако и «классическая» методология истории оставляет место для идеи о нелинейности международных процессов и наличии в них вероятностных, случайных элементов, которые находятся в сложной взаимосвязи с закономерным началом. Иными словами, в логике решений Петра, предшествующих Северной войне, было не столько «железа», как полагают многие исследователи, сколько гениальной интуиции карточного игрока. Не *«облако»*, а скорее свинцовая туча сомнений постоянно висела над сознанием царя. И лишь времени предстояло ответить на вопрос, поразит ли она смертельным грозовым ударом или прольется плодоносным дождем.

Если бы не кровная заинтересованность Петра в балтийских делах, Северной войны не было бы, по крайней мере в том виде, в котором она произошла. Поэтому начнем раскручивать маховик ее причин с планов царя.

---

[1] Этот неоспоримый факт порой не мешает историкам искать едва ли не во всех шагах Петра «балтийскую» подноготную.

[2] Приезжавшие в Москву посланники шведского короля Карл XI имели при себе внушительную «представительскую» казну, магическое воздействие которой на правительство Софьи Алексеевны зафиксировано источниками. Позже последовало распоряжение короля об отправке в Россию 300 пушек, что было охотно исполнено уже его сыном Карлом XII.

За выход на Балтику Русь-Россия боролась веками. Побережье Финского залива с крепостями Ям, Копорье, Ивангород, Корела (расположенными на территориях, известных как Ижора, Водская пятина, Ингрия, Ингерманландия) когда-то принадлежало Новгородскому княжеству. Потом оно было потеряно в результате Ливонской войны, но сохранилась единственная точка доступа к заливу — устье Невы. По Столбовскому договору 1617 года шведы забрали всю Неву с крепостью Орешек (Нотебург), обеспечив себе проход в Ладожское озеро. В таких обстоятельствах о выходе России к морю можно было забыть. Русские цари, однако, не забывали. За возвращение утраченных земель Алексей Михайлович воевал со Швецией, но безрезультатно. Кардисский мир 1661 года оставил все без изменений.

Таким образом, для Петра I балтийский вопрос никакой новостью не являлся. Что решить его совсем не просто, показала история русско-шведских войн. Нужны были сильные союзники и благоприятная международная конъюнктура. Как мы уже заметили, в конце 90-х годов XVII века конъюнктура отличалась исключительной неопределенностью. Что до союзников, то искать их следовало среди жертв шведской экспансии, не только готовых, но и способных к реваншу. Были ли такие и насколько можно считать их «жертвами»?

Борьба за господство на Балтике велась задолго до Северной войны. В XIII–XVI веках подавляющее преимущество в этой борьбе принадлежало Дании. Она владела обширными территориями: южношведские провинции, северогерманские земли от устья Эльбы до восточных границ Померании, Эстляндия с прилегающими островами, не говоря уже о тотальном и экономически очень доходном контроле над Зундским проливом, соединяющим Северное море с Балтийским. Экспансия Дании была остановлена Швецией, которая сначала боролась за освобождение из-под власти датской короны, а затем, как это часто случается, сама стала захватывать чужие территории. Датско-шведское соперничество в виде многочисленных войн продолжилось в XVII веке, в течение которого место одного гегемониста на Балтике занял другой. Говорить здесь о «жертве» агрессии не вполне справедливо. А вот датские реваншистские планы были очевидны.

Вынашивала такие планы и Польша (Речь Посполитая), у которой Швеция отняла Лифляндию (Ливонию) с Ригой. Недвусмысленные настроения шляхетства поддержал саксонский курфюрст Август II, провозглашенный в 1697 году польским королем. Отчасти именно «лифляндская» часть его внешнеполитической программы позволила Августу взойти на трон и удержаться на нем. Не будем здесь упоминать о решающей роли Петра за самоочевидностью этого фактора.

Претензии к Швеции имел и Бранденбург, которого она лишила Померании после смерти курфюрста Георга Вильгельма (1595–1640). Его внук Фридрих III (1657–1713) мечтал вернуть законные владения деда. Впрочем, рассматривая политику Бранденбурга в более широком историческом контексте, нужно иметь в виду, что Швеция была одной из главных преград на пути «собирания» германских земель под эгидой Гогенцоллернов, великодержавные замыслы которых передавались из поколения в поколение как священный завет.

Несмотря на шведское доминирование, под контролем у потенциальных союзников России остались обширные участки южного побережья Балтики. Дания, Польша, Бранденбург не нуждались в «окнах» в Европу, они сами были Европой. Для них война

против Швеции не являлась вопросом жизни и смерти. А Данию, ввиду ее исключительного географического положения, и подавно можно считать членом балтийского дуумвирата наряду со Швецией.

Лишь для России выход к морю был наглухо заколочен. Насущную необходимость покончить с этим неестественным положением не стоит и обсуждать. Она кристально ясна. Это, однако, нисколько не упрощает проблему изучения шансов на успех партнерства Петра I с балтийскими то ли реваншистами, то ли экспансионистами. Та легкость, с которой Швеция расправилась с ними, говорила о многом, и не только о полководческом гении Карла XII. Были ли они способны, даже в объединенном виде, оказать Петру реальную военную помощь? И самое главное: какого размера «окно» на Балтику собирались предоставить России ее будущие союзники?

Призрак антишведской коалиции бродил по Северной Европе давно. Но Петр желал иметь дело не с призраком, а с реальностью, которая позволила бы ему объединиться с теми, кто достоин доверия и дееспособен как военный союзник. Нелишне заметить, что, отправляясь в 1697 году за границу, русский царь, будучи жестким прагматиком во внутриполитических делах, еще не избавился от юношеского идеализма в своих представлениях о делах международных. Просветление началось в Бранденбурге, продолжилось в Голландии и Англии, а окончательно наступило в Вене, где Петру был преподан мастер-класс от Леопольда I и его высших сановников. Результатом этого блистательного урока по предмету «основы макиавеллизма» стало усвоение царем совершенно тривиальной для Европы морали: в дипломатии не существует таких обязательств, ради соблюдения которых стоило бы жертвовать собственной выгодой. Кстати, и не в обиду Петру будет сказано, этот принцип давно уже перестал быть (ввиду опыта и возраста) откровением для П.Б. Возницына, царского представителя на Карловицком конгрессе, открывшемся вскоре после возвращения государя домой.

Донесения П.Б. Возницына из Карловиц, где австрийцы за спиной России (и других участников Священной лиги) заключили сепаратный договор с турками, лишили Петра последних иллюзий. Это стало для царя еще одним поводом задуматься над тем, насколько прочны международные, в том числе коалиционные, договоры, не говоря уже об устных клятвенных заверениях.

Как сообщают источники, известие о заключении в Карловице неудовлетворительного для России мира с турками, полученное в феврале 1699 года, огорчило царя и заставило его ускорить ход подготовки к продолжению войны. Отсюда, вероятно, и спешка с отъездом из Москвы в Воронеж, куда Петр отправился в ночь с 19 на 20 февраля, покинув увеселительное пиршество у Лефорта.

Если жизненно необходимая для Европы антиосманская лига рассыпалась как карточный домик, то новые внутриевропейские союзные комбинации и подавно могли оказаться для России заведомой ловушкой. Во время Тридцатилетней войны в такой ловушке оказались германо-протестантские союзники Швеции, которая открыто предала их, вступив в «противоестественный» альянс с Францией. Кто после этого будет испытывать угрызения совести по поводу принесения в жертву интересов «дикой» России?

Нет сомнений, что, находясь за границей, Петр приобрел солидный багаж знаний о международной политике и дипломатии. Там получил развитие его талант к из-

влечению уроков из заблуждений[1], не исключающий, между прочим, новых ошибок, в свою очередь, вызывающих жажду преодоления и жажду победы. Государь вернулся домой с твердым убеждением, что надеяться следует лишь на собственные силы. И эти силы он хотел употребить на победоносное завершение войны с Турцией.

Нет никаких оснований для утверждения, будто Петр всю ставку сделал на результаты Карловицкого конгресса. Доказательство тому — его полное молчание в ответ на отчаянные просьбы попавшего в сложнейшее положение П.Б. Возницына дать соответствующие инструкции[2]. Почти все время с момента возвращения в Россию (конец августа 1698 года) и до конца сентября 1699 года царь провел в Азове и Воронеже, готовя полномасштабную войну против Турции на море и на суше.

Однако Петр не был бы гениальным политиком, если бы, хотя бы гипотетически, не рассматривал ***вероятность*** (и до определенного времени только вероятность) поворота на север. Эта идея пробивалась через родовые муки сомнений, сопровождаемая реальной перспективой остаться мертворожденной. Во всяком случае все обстояло далеко не так *«естественно и органично»*, как оно выглядит в этом отрывке из монументального труда С.М. Соловьева: *«не удалось на Черном море — надобно утвердиться на Балтийском, что гораздо выгоднее: ближе и к настоящей России, и к настоящей Европе»*. Красиво! Но не слишком ли просто для такой личности, как Петр, по воле судьбы очутившейся на чрезвычайно каверзной исторической развилке? Правда, С.М. Соловьев все же стремится уйти от упрощений, заметив, что, прежде чем царь отдал предпочтение шведскому вопросу, он столкнулся с дилеммой: *«или один взять на свои плечи войну* (с Портой после развала Священной лиги. — *В. Д.*), *или заключить мир, который останавливал его на половине дороги* (к полной победе над турками. — *В. Д.*)». Продолжать южную войну без союзников, по мнению историка, было невозможно: *«понятно, что* ***тут же*** (выделено мной. — *В. Д.*) *должна была в голове Петра родиться мысль»* о Швеции.

Бесполезный спор о том, что *«гораздо выгоднее»* для России — Черное море или Балтика, — оставим евразийцам и западникам. Попробуем придерживаться примирительной формулы: исторический порыв Петра к морям раздваивался между югом и севером. Что же касается утверждения о *невозможности воевать с турками без союзников*, то против него есть аргументы, которыми царь мог бы воспользоваться, по крайней мере, с не меньшей долей успеха, чем доводами в пользу *возможности воевать без союзников со шведами*.

На протяжении XVII века Османская империя находилась в стадии упадка, который шел медленно, но неуклонно. На нее обрушились многочисленные проблемы, одна коварнее другой. Пришла в расстройство патриархальная экономика, уже

[1] В новейшей социологии эта человеческая способность получила название «*антихрупкость*» (*antifragility*).

[2] Петр прислал их тогда, когда конгресс уже закончился. Источники не подтверждают высказанную в историографии мысль, будто «*Возницын знал о реальной возможности*» поворота с юга на север и «*полностью одобрял его еще до того, как он стал свершившимся фактом*». Возможно, тут имеется в виду промелькнувший в одном из сообщений Возницына из Карловиц осторожный вопрос: «*не взять ли* (России. — *В. Д.*) *какого союза*» с Бранденбургом и Данией? Однако посол совершенно ясно давал понять, что его вопрос связан не с Балтикой, а с перспективой продолжения турецкой войны, которой могут воспользоваться поляки и шведы. Для защиты от потенциальной угрозы и предлагалось подумать о противовесе в виде оборонительного альянса, чтобы не оглядываться на западных соседей.

не справлявшаяся со своими задачами. Происходили крупные провалы в финансовой, налоговой и земельной политике государства. Периодически резко обострялись социально-имущественные противоречия, как по «вертикали» (богатые, «средний класс», бедняки), так и по «горизонтали» (между разными этническими, экономическими, внутрисословными, внутриэлитными, профессиональными и религиозными группами). На фоне демографического спада, вызванного непрекращающимися эпидемиями чумы и холеры, опасно менялась структура населения за счет притока кочевых племен с востока, который был больше похож на нашествие. Двигаясь на запад, они разоряли все, что попадалось на пути. В плачевном состоянии находилась армия. Ее основательно потрепали войны второй половины XVII века — с Венецией (1645–1669 гг.), Австрией (1663–1664 гг.), Польшей (1666–1672 гг.), Россией (1676–1681 гг.), Священной лигой (1684–1698 гг.). Восполнять потери становилось все труднее. Моральное состояние наемного войска было низким из-за постоянных поражений и невыплат жалованья. Янычары всегда отличались плохой боевой дисциплиной, строптивостью и непредсказуемостью. Их легко было подбить на крупный мятеж или дворцовый переворот. Падишаху также приходилось опасаться заговоров внутри правящей элиты, против которой он часто предпринимал жестокие превентивные меры, оборачивавшиеся бумерангом.

Вот такая Османская империя противостояла бы Петру I, решись он воевать с ней один на один. Вряд ли стоит давать более подробный диагноз, если это уже сделано многими историками. Парадокс, но Турция была сильна своей немощью, благодаря которой она помимо воли сохранила влияние на международные дела. По мере угасания Порта становилась незаменимой в европейском геополитическом пасьянсе. В ней нуждались все, кто не желал ее чрезмерного ослабления, с какой бы горячностью ни звучали призывы к христианскому единению. Франция использовала Турцию как часть «восточного барьера» (наряду со Швецией и Польшей), имевшего двойное предназначение — сдерживать Австрию и не дать возвыситься России. Шведам тоже был невыгоден распад Османской империи, отвлекавшей русских и поляков от балтийской проблемы. Идею раздела никто из великих держав в практическом плане не рассматривал. Одно дело вытеснить Турцию из Европы или просто потеснить. Совсем другое — брать на себя совершенно неподъемное бремя дележа огромных территорий. Тут дай бог разобраться с европейскими «выморочными» наследствами без новой Тридцатилетней войны. Кроме того, дерзкие помыслы «диких московитов» заставляли опасаться, что они могут прочно обосноваться на развалинах империи. В страхе перед такой перспективой и в стремлении ее исключить Европа была едина.

Однако какой бы изнуренной ни казалась Османская империя, до смертного одра ей было еще далеко. Отсюда гипотетический вопрос: а смогла бы Россия одолеть именно такого противника и с гораздо более убедительным результатом (чем тот, которым предпочел удовольствоваться Петр), учитывая, что европейские державы испытывали растущую тревогу по поводу ее планов и находились в постоянной готовности остановить продвижение русских «варваров» на юг[1]?

[1] Вспомним «посреднические» хлопоты англичан и голландцев на Карловицком конгрессе. Свою задачу они видели в том, чтобы свести к «максимальному минимуму» территориальные приобретения России, а в идеале вообще оставить ее ни с чем.

Разумеется, никто сегодня на этот вопрос не ответит иначе как гипотетически. И если в рамках такого теоретизирования вообразить себе две чаши весов с противоположными ответами на каждой из них, то следует обратить внимание на фундаментальный фактор, в принципе дающий перевес в пользу положительного ответа.

Совершенно очевидно, что в конце XVII века Османская империя находилась на нисходящей траектории своего цивилизационного и геополитического развития, а Россия на восходящей. Конечно, у петровского государства тоже были немалые проблемы. Но, в отличие от Порты, был еще и неисчерпаемый потенциал для их решения. Для Османской империи времена Сулеймана Великолепного (1494–1566) остались в далеком прошлом. А в реальном настоящем никого из турецкой политической элиты нельзя было поставить рядом с ним. Россией же правил царь *«с задатками великого человека»*, как считали его западные современники. К концу 1690-х годов Петр уже построил боеспособный флот на основе европейских технологий, успел многого добиться в создании новой, регулярной армии и быстрыми темпами продолжал военное и военно-морское строительство. Дух русского воинства был на подъеме. Солдаты и их командиры уже почувствовали вкус побед и жаждали распробовать его до конца.

Против этого Порта располагала слабыми аргументами. Старофеодальная армия состояла из насильственно рекрутированных, необученных ополченцев. Во главе их стояли полководцы, понятия не имевшие о современной европейской военной науке и практике. Более дееспособную силу представляли янычары, опытные, отчаянно храбрые, фанатичные, искусные в рукопашном бою, сообразительные там, где нужно было защищать или атаковать крепости. Однако составленные из них войска трудно поддавались управлению, зачастую сбиваясь в толпы, бегущие вперед так же быстро, как и назад.

Хотя османский флот являлся серьезным противником, все же к началу XVIII века он миновал вершину своего могущества, и в Черном море с ним, если верить военно-статистическим данным, можно было соперничать, по крайней мере, на равных.

Еще один важный фактор приходит на ум, когда сравниваешь шансы сторон в несостоявшейся русско-турецкой войне: вероятность затяжного характера боевых действий и их влияния на общий исход. Напомним, что со шведами Россия воевала 20 лет и с каждым годом становилась все сильнее и сильнее (в том числе благодаря реформам). Располагала ли Порта материальными и моральными ресурсами, которые она могла бы использовать в течение столь длительного времени? И способностью быстро оправляться от поражений, извлекать из них уроки и неумолимо идти к конечной победе?

Скорее нет, чем да.

* * *

Строительство флота и новой армии в России, взятие Азова, сенсационный вояж Великого посольства во главе с русским царем — все это показало Европе, что за ее восточными границами происходит нечто небывалое. Все отчетливее звучал голос, которым говорила новая Россия, и все меньше оставалось тех, кто пока мог себе позволить не слышать его. В Северной Европе таких почти не было.

Не очень быстро и очень трудно, но все-таки происходило примирение с мыслью о бесприбыльности презрительно-ксенофобского чувства к «дремучим» московитам. И о необходимости руководствоваться прагматическим подходом. Петровская Россия становилась востребованной, прежде всего противоборствующими сторонами в балтийском вопросе. В первоначально осторожных ухаживаниях за ней появляется настойчивость.

Дания

Внешняя политика Копенгагена всецело обуславливалась его стратегическими и тактическими задачами, а те, в свою очередь, — международной конъюнктурой, точнее — тем, как она виделась из датской столицы. Неустойчивость и многозначность этой конъюнктуры отражалась в соответствующих представлениях о ней и о способах ее использования в государственных интересах. В Копенгагене всегда рассуждали здраво: хорош альянс с любой без исключения державой, готовой помочь в решении датских проблем.

Дания, возможно, была не первым государством, разглядевшим в России не бумажного союзника. Но она первой предложила Москве объединиться против Швеции. Правда, сначала Копенгаген глазами своих посланников наблюдал за внутрироссийскими процессами и ждал благоприятного для себя результата. Один из этих дипломатов, Гильдебранд фон Горн (1655–1686 гг.), довольно долго жил в России, искренне полюбил ее, прекрасно говорил и даже писал стихи на русском, что не мешало ему верно служить датской короне. В 1682–1684 годах он находился в Москве с секретной миссией, задача которой была в том, чтобы склонить Россию к участию в датско-франко-бранденбургском союзе против Англии, Голландии и Швеции. Сразу объявлять об этом Горн не стал до выяснения *«здешнего положения дел»*.

Ситуация в Москве действительно была запутанной и уникальной. После смерти царя Федора Алексеевича (1661–1682 гг.) на трон были венчаны сразу двое: 15-летний Иван Алексеевич и его единокровный брат 10-летний Петр Алексеевич. Поскольку первый был почти слабоумным и очень болезненным, а второй малолетним, власть в стране фактически принадлежала их сестре царевне Софье Алексеевне, опиравшейся на клан Милославских и на своего фаворита В.В. Голицына. Предсказать исход этой ситуации было трудно. Поэтому поначалу Горн наводит тень на плетень, заявляя русским, что датско-шведские отношения *«вполне хороши»*.

Он, однако, быстро понял, что высшие московские чины (В.В. Голицын, Б.А. Голицын, Е.И. Украинцев, Н.И. Одоевский и другие) хорошо разбирались в европейских *«политических комбинациях»* и бесконечно водить их за нос не получится. С течением времени Горну пришлось открыть карты и напомнить об обещании царя Федора Алексеевича помочь Дании, если она вступит в войну со Швецией. Эта война, по мнению посланника, позволит русскому правительству выйти из затруднительного внутриполитического положения.

Горн изо всех сил стремился воодушевить Москву лучезарными перспективами наступательного союза с Данией, Бранденбургом и Францией против Швеции,

в основание которого будут положены русско-датская дружба и единство интересов[1]. Опираясь на эту комбинацию, Россия, гарантировал посланник, не только вернет себе Ингрию (Ингерманландию) и Карелию, но приобретет еще и богатую Ливонию (Лифляндию), мечтающую освободиться от шведского гнета. Швеция изображалась чуть ли не как держава, дышащая на ладан. У нее нет союзников, ее флот не чета датскому, казна истощена, недовольство ливонского дворянства королевскими реформами (редукция) растет. Самое время воспользоваться этим и наказать ее за *«нечестивую, разбойничью»* политику и бесконечные оскорбления в адрес России, раз и навсегда сорвать планы дальнейших захватов русских земель, заставить шведов помышлять лишь о сохранении собственных исконных владений. Сценарий коалиционной войны Горн расписывает до подробностей, с оптимизмом, далеким от реальности. Русских военных сил, собранных в Новгороде, будет достаточно, *«чтобы без труда овладеть Ливонией и Ингрией»*. Не вызывают у него сомнений и последствия *«счастливого исхода дела, почти гарантированного»*: царь станет на Балтийском море хозяином и арбитром, пожинающим обильные материальные плоды своего нового статуса. Потомки не простят нынешнему московскому правительству, если оно упустит *«выгоднейший случай реванша»*. *«Но пройдет неиспользованным данный момент»*, и Дании *«будет уже не до оффензивных союзов»*, поскольку ей придется заняться своими собственными, домашними делами. Горн распалился до такой степени, что вообще снял со счетов Турцию и Польшу. Нечего их опасаться. Ни та, ни другая не хотят войны, ибо истерзаны ею так же, как внутренними смутами.

Горн нашел горячего сторонника альянса в лице Е.И. Украинцева (хотя и второго по рангу человека в Посольском приказе, но мало влиявшего на принятие принципиальных внешнеполитических решений), которому он заявил, что *«медлить разрывом с Швецией значит придать шведам больше смелости и наглости»*. И со своей стороны обещал сделать все для ускорения дела. В коалиционных фантазиях Е.И. Украинцева, как и у Горна, фигурирует Франция, традиционный союзник Швеции, но почему-то не нашлось места для Бранденбурга, естественного соперника Стокгольма. Думный дьяк вынашивал идею не четверного, а тройственного — русско-датско-французского — союза.

Когда в Москву прибыл шведский посланник (начало марта 1683 г.) для переговоров о подтверждении Кардисского мира, Горн объявил ему пропагандистскую войну, в которой с обеих сторон шли в ход любые средства — интриги, наветы, вымысел и пр. Русские стали свидетелями этой дуэли, но отказались быть ее участниками, несмотря на явные симпатии к «своему в доску» датчанину. В русских официальных кругах Горна называли *«не чужеземным министром, а верным слугою интересов Москвы»*. Глава Посольского приказа В.В. Голицын однажды сказал посланнику, что *«он* (Голицын. — *В. Д.*) *настолько же добрый и верный датчанин, насколько Горн честный московит»*.

В.В. Голицыну, фактически возглавлявшему при Софье Алексеевне русское правительство, мысль о четверном союзе (Дания, Бранденбург, Франция, Россия) понравилась. Он сказал Горну, что *«при нынешних конъюнктурах»* важно организовать с полномочными представителями Франции и Бранденбурга переговоры по этому

[1] Идею вовлечения Бранденбурга в антишведскую коалицию еще можно понять, но как Горн собирался затащить в нее Францию, для которой Стокгольм (наряду с Варшавой и Стамбулом) был важным звеном в «восточном барьере», создававшимся в тылу французских соперников, совершенно не ясно.

вопросу. Альянс, как надеялся В.В. Голицын, позволит России вернуть Ингрию и Карелию, а Дании — Скону (Сканию, Шонию) и другие южные провинции Швеции. Что получат два других союзника, не говорилось. Кажется, русский «премьер» разделял добросовестное заблуждение Горна, полагавшего, *«что можно вполне рассчитывать на успех»*.

И все же в разговорах Горна с русскими придворными чинами было больше салонной досужливости и прожектерства, чем реальной политики[1]. Собеседники осознавали, что пока власть в России не обретет своего законного, единодержавного владельца, который упразднит регентство и усядется на одноместный престол[2], никто не решится на заключение союза с Данией или каким-либо другим государством. Резкие перепады настроения Горна — от воодушевления к безысходности, — которые чувствуются в его донесениях королю Кристиану V, отражали реальную картину острейших межэлитных и внутриэлитных противоречий в России. Они становились все более взрывоопасными по мере взросления царя Петра. Имелся лишь один способ исключить перспективу перехода власти в его руки — дворцовый переворот. Но это была архисложная задача, учитывая не подвергавшееся сомнению право Петра на престол[3].

Синдром временщиков не позволял правительству Софьи Алексеевны внятно формулировать русскую внешнеполитическую стратегию, не говоря уже о методах ее осуществления. Незаурядной личности В.В. Голицына было недостаточно для предотвращения раскола в окружении регентши. Ставить на нее свое политическое будущее многие не решались (за исключением, разумеется, самого Голицына, сделавшего свой в известном смысле отчаянный выбор), занимая либо выжидательную, либо открыто пропетровскую позицию.

В условиях неопределенности правящие группировки не видели ничего зазорного в том, чтобы за лоббистские услуги получать взятки и от датчан, и от шведов. Возможно, это называлось бы продажей национальных интересов, если бы не одно обстоятельство. Продавали не интересы России, а скорее свои чистосердечные представления о них. То есть — о полезном и вредном для страны. Поэтому «партия войны» легко отзывалась на датские подношения, а «партия мира» — на шведские. И делали это тем свободнее, что понимали: от них почти ничего не зависело. Говорить о безраздельной принадлежности В.В. Голицына к той или иной партии нельзя. Он, будучи умным политиком, маневрировал в тесном фарватере возможностей, у него имевшихся. Отсюда, вероятно, преувеличенные слухи о его беспринципном мздоимстве.

В.В. Голицын задумывался над балтийским вопросом так же глубоко, как и сомневался в своевременности участия России в его военном решении. Он мог вместе с Горном сколько угодно предаваться приятным грезам о близкой победе над Швецией, но, когда датский посланник переводил разговор в практическое русло, Голи-

---

[1] Русский историк Г.В. Форстен писал: «*И говорить нечего, что реального значения миссия Горна не имела, к непосредственным результатам она не привела...*»

[2] В годы регентства Софьи Алексеевны (1682–1689) существовал царский трон, где рядом восседали два соправителя — Иван Алексеевич и Петр Алексеевич. На тыльной стороне этого странного сооружения находились два окошка, через которые дворцовые сановники во время официальных церемоний подсказывали малолетним монархам, как себя вести и что говорить.

[3] Когда иностранные послы в Москве по необходимости употребляли слово «царь», они подразумевали только одну персону — Петра, с полным пониманием недееспособности его соправителя Ивана Алексеевича.

цын ссылался на неготовность Москвы *«при настоящем положении дела»* к разрыву со Стокгольмом.

Многочисленные оценки сходятся на признании за В.В. Голицыным выдающихся способностей к государственной деятельности. Справедливость такой характеристики подтверждается гибкостью его подходов к внешнеполитическим делам. До поры он отвергал всякую войну, со Швецией или Турцией — не важно. Прибывшие в Москву (май 1684 г.) послы императора Леопольда I с предложением присоединиться к создававшейся Священной лиге (Империя, Венеция, Речь Посполитая) против турок получили решительный отказ. В то время Россия де-юре находилась в состоянии перемирия с Портой (Бахчисарайский договор 1681 г.) и с Варшавой (Андрусовское соглашение 1667 г.). Возобновлять войну на юге с одним противником, имея на западе другого, В.В. Голицын не стал, по крайней мере до прояснения общеевропейской обстановки.

Как бы ни сочувствовал русский «канцлер» идее коалиционной войны против Швеции, жизнь заставила его отбросить умозрительные построения и подчиниться более актуальным императивам. Они требовали от Москвы концентрации внимания не на северных делах, а на южных, из чего в конце концов и последовало продолжение войны с Турцией (1686–1700 гг.).

В этих условиях Дания, должно быть, находила нецелесообразным тратить силы на отвлечение России на балтийское направление. Копенгаген ограничивается наблюдением за ее внутренней обстановкой и дожидается своего часа. Весной 1697 года король Кристиан V решил, что этот час настал. В Москве произошли большие перемены. Повзрослевший царь Петр, опираясь на клан Нарышкиных, сместил Софью Алексеевну, сосредоточил власть в своих руках (1689–1694 гг.) и добился заметных успехов в турецкой войне (1695–1696 гг.). С внутриполитической неопределенностью было покончено. Очень важным считалось и то, что в своей культурной ориентации самодержавный государь тяготел к Западу. Теперь главное — сдвинуть в ту же сторону вектор его внешнеполитической деятельности.

Новую попытку склонить русских к борьбе против Швеции Кристиан V предпринимает через своего посланника Пауля Гейнса, прибывшего в Москву в июле 1697 года. Время, оказалось, выбрано неудачно. Петр уже уехал за границу. Между тем Гейнсу предписывалось открыть цель своего визита — заключение антишведского союза — только при личной встрече с царем. Впрочем, в общении с главой Посольского приказа Л.К. Нарышкиным и другими высокопоставленными лицами датчанин едва воздерживался от прозрачных намеков, сопровождаемых, правда, просьбой сохранять все в *«величайшей тайне»*. А по получении соответствующего разрешения короля и воздерживаться уже не было нужды (исключение делалось для *«совсем секретных пунктов»*). Однако за доверительными беседами что-либо конкретного не последовало и не могло последовать. Все ждали возвращения Петра, истинных намерений которого, по мнению Гейнса, никто не знал. А до этого посланнику ничего не оставалось, как изучать взгляды, быт, повадки московской правящей верхушки (*«варварство рядом с утонченным комфортом»*), социальные настроения, состояние армии, административного управления. И, во многом наудачу, заверять Кристиана V в наличии благоприятных предпосылок к положительному ответу, заодно интересуясь, стоит ли посвящать русских в детали датских

планов. Король ответил, что обсуждать конкретные условия датско-русского союза пока преждевременно. Тем более при отсутствии ясности в русско-турецких и русско-польских отношениях. После восстания стрельцов весной 1698 года посвящать в детали было, по сути, уже некого. *«Здешние министры потеряли голову*, — писал Гейнс. — *С нетерпением ожидают царя, хотя многие бояре и боятся его возвращения»*.

О предложении Гейнса, конечно, сообщили Петру, но он практически никак не реагировал. Полного доверия к Дании у государя не было. Как и оснований к нему. Датский король послал к Карлу XII посольство во главе с Юстом Юлем, чтобы поздравить его с восшествием на престол и подтвердить свои миролюбивые намерения. Наивно полагать, будто Петр поверил Гейнсу, заявлявшему, что это посольство — не более чем *«акт вежливости по отношению к новому королю Швеции»* и оно никоим образом не должно препятствовать датско-русскому союзу. Не мог простить царь и тихого саботажа его просьбы о закрытии Зундского пролива для кораблей принца де Конти. Кристиан V «не заметил» проникновения 20 боевых единиц французского флота в Балтийское море. Зловещий призрак союза между ставленником Людовика XIV и шведским королем в польском и, возможно, не только в польском вопросе не давал Петру покоя. А тут еще какие-то непонятные ухищрения датчан...

Гейнс унаследовал от своего предшественника Горна задачу вести дипломатическую войну против шведских посланников в Москве. Полем битв в ней были московские коридоры власти и внутренние покои видных вельмож. Целью — завоевание расположения приближенных Петра и, с их помощью, благосклонности самого царя, когда тот вернется. Ряд обстоятельств придавал этой войне некую странность. Гейнс знал, что русские с большой подозрительностью следят за развитием датско-шведских отношений, опасаясь сговора. Особенно насторожила их миссия в Стокгольм Юста Юля, доверенного лица Кристиана V. О ней неоднократно спрашивали Гейнса, расплывчатые ответы которого лишь усиливали тревогу. Умышленные недомолвки посланника были частью хитрой игры. В донесениях королю он признавался в стремлении вызвать в московитах *«маленькую ревность»* и тем самым оказать на них давление, ибо только так и получится добиться своего. В этот спектакль Гейнс включил демонстрацию своих благопристойных личных отношений со шведскими дипломатами.

Петр вернулся в Москву 25 августа 1698 года и тотчас занялся расследованием стрелецкого мятежа. Ему было не до Гейнса. Царь считал перспективу союза с Данией туманной. Во всяком случае к категории неотложных дел она не относилась. Иначе Петр выкроил бы время для официальной встречи с посланником. Лефорт просил истомившегося Гейнса набраться терпения, *чтобы все не испортить*[1]. Спрашивается: если русско-датский союз был, как полагают многие историки, неотвратимым, то как ему могло повредить всего лишь нетерпение человека, от которого, строго говоря, не зависели судьбоносные решения?

В сентябре Петр дважды встречался с Гейнсом на неофициальных мероприятиях. Кажется, впервые это произошло в начале месяца в неожиданном месте

[1] Академик М.М. Богословский писал: «*Очевидно, он (царь. — В. Д.) не начал разговора с Гейнсом только потому, что считал такой разговор еще преждевременным и желал отложить это дело*».

и в весьма небрежной форме. На грандиозном пиру (около 500 персон) во дворце Лефорта посланнику велели пройти в какую-то каморку для кухонной утвари, где его ждал Петр. О чем говорили, неизвестно. Скорее всего ни о чем серьезном: это была очень своеобразная замена официальной аудиенции, для полноценного отправления которой у Петра совершенно не хватало времени. Он не нашел другого способа откликнуться на обращенные к Посольскому приказу просьбы Гейнса допустить его *«к руке»*[1].

К неописуемому восторгу Гейнса, царь охотно согласился быть на крестинах его сына (которые состоялись 29 сентября) в качестве крестного отца. Петр провел за праздничным столом в доме у Гейнса 12 часов (!), но даже и не подумал о том, чтобы обсуждать балтийский вопрос. Это, быть может, лучше, чем все остальное, говорит о внешнеполитических приоритетах царя в то время.

Только 22 октября, через два месяца после своего приезда, Петр удостоил Гейнса предметным разговором. Посмотрим, о чем же. Гейнса, начавшего издалека, государь, который уже знал о сути ходатайств посланника, сразу прервал вопросом, есть ли у него конкретные предложения об условиях русско-датского союза. Гейнс ответил, что пока их нет, но он запросит соответствующие инструкции у своего короля. Петр, никуда не спешивший, легко согласился ждать сколько нужно, попросил впредь обсуждать этот вопрос только с ним и быстро сменил тему.

В донесениях к Кристиану V Гейнс подавал результаты своего общения с царем как обнадеживающие. Он опасался лишь *«бояр и министров»*, с которыми нужно всегда держать ухо востро. Хотя письма Гейнса являются по-своему уникальным источником, их нельзя целиком принимать на веру. Посланник, конечно, корректировал доклады в Копенгаген в соответствии с собственными представлениями о том, что хочет король от него услышать в данный момент.

На следующий день (23 октября) царь отправился в Воронеж, к судостроительным верфям которого были обращены все его помыслы.

* * *

У Петра не было причин увидеть в поведении Гейнса нечто большее, чем прощупывание почвы. После путешествия по Европе он перестал ей доверять. Испытывал Петр это чувство и к Дании. Не без оснований. К тому, что мы уже знаем об этих «основаниях», следует добавить еще одно. 24 марта 1698 года между Кристианом V и Августом II состоялась встреча, результаты которой — заключение договора против Швеции[2] — они сохранили в секрете даже от своих приближенных. И от царя, извещенного об этом лишь через десять месяцев. Датский король вел тонкую политику, заботясь исключительно о собственных выгодах. В принципе, Кристиан V вступал в союз с Польшей и старался вовлечь в него Россию не столько для того, чтобы воевать со Швецией, сколько для того, чтобы иметь козырь в переговорах с ней об уступках. В случае успеха в мирном разрешении собственных проблем интересы потенциальных союзников подлежали возложению на жертвенный алтарь.

[1] Доподлинно известно лишь одно: такой необычной, «камерной» аудиенции удостоился и посол польского сейма (не короля) Ян Бокий, но он, не без умысла, был принят после датчанина.

[2] Позже выяснилась ничтожность этого договора, так и оставшегося на бумаге.

М.М. Богословский считал, что потепление в датско-шведских отношениях сразу после смерти короля Карла XI (апрель 1697 года) повлияло на настроение Гейнса и заставило его воздержаться от форсирования переговоров, чтобы выиграть время. Отсюда его запросы в Копенгаген о предоставлении дополнительных инструкций и уведомление Петра о том, что для этого понадобится время, которое Гейнс *«счел более правильным несколько удлинить..., чем... укоротить»*. Датский посланник хорошо понимал колебания своего короля и поддерживал в нем нежелание бросаться в омут с головой. Донесения Гейнса составлялись так, чтобы Кристиан V мог найти в них аргументы как в пользу, так и против союза с Москвой. Оптимистичный тон чередовался с мыслью о том, что Россия на перепутье, она либо свалится в пучину хаоса, в случае смерти Петра, либо *«займет положение, какого она никогда не имела»*. Пока же, в условиях раскола внутри боярства и народа, ни на какие обещания полагаться нельзя.

Петр не уклонялся от разговоров о Балтике, но он никогда не поднимал балтийскую тему первым, оставляя инициативу тем, кому это было на данный момент нужнее. Когда царя вызывали на откровенность, он приоткрывался ровно настолько, насколько собеседники того заслуживали, в том числе своей готовностью излагать мысли прямо и по существу, без длинной прелюдии (с которой, в частности, пробовал было начать Гейнс). Вообще Петр предпочитал больше слушать, чем высказываться. Не услышав от Гейнса ничего определенного, он нисколько не огорчился и продолжал заниматься южными делами. Посланник понял, что на новую встречу можно рассчитывать лишь тогда, когда у него будет уважительная причина отрывать царя от забот.

Через некоторое время эта причина появилась. Гейнс получил от Кристиана V разрешение сообщить Петру о датско-польском договоре, но пока не разглашать секретную статью о конкретных обязательствах сторон. 27 января 1699 года посланник посетил ассамблею, где ему удалось перехватить царя и известить его о новостях из Копенгагена. Государь, не выказав ни малейших признаков нетерпения, пообещал встречу.

Она состоялась 2 февраля. Гейнс вновь попытался предварить разговор цветистыми реверансами в адрес Петра и заверениями в добрых чувствах к нему *«его брата»* Кристиана V. И вновь был прерван просьбой перейти к сути дела. Тогда датчанин протянул Петру проект союзного соглашения, ответ на который государь пообещал дать через *«несколько дней»*. Прошло гораздо больше, а ответа все не было. Он последовал лишь 19 февраля. Опять на пирушке у Лефорта. Петр, уединившись с Гейнсом, сказал посланнику, что утром опять едет в Воронеж (в источниках приводятся разные даты отъезда царя), и пригласил его с собой: там, дескать, можно будет потолковать о делах без лишних глаз и ушей. Дожидаться рассвета государь не стал. В 10 часов вечера, когда танцы и увеселения были в самом разгаре, он попрощался с участниками, сел в сани и отправился на юг, на воронежские верфи. Вполне в духе Петра: «с бала на корабль».

Тут кстати будет сказать, что существовала еще одна причина перенести обсуждение ближайших перспектив русско-датских отношений в Воронеж. Петр не посвящал в ход переговоров с Гейнсом даже своего любимца Ф.Я. Лефорта, не говоря уже о главе Посольского приказа Л.К. Нарышкине и других, к огромному их неудовольствию. С особой ревностью это воспринимал ближайший друг Петра, тщетно допыты-

вавшийся у Гейнса о содержании его бесед с государем, хотя, конечно, догадывался. М.М. Богословский писал: *«Царь хочет вести и ведет внешнюю политику лично, окутывая ее строжайшей тайной, непроницаемой даже для руководителей его же собственного дипломатического ведомства»*.

Скрытность Петра и раздражение его вельмож имели под собой общие основания. Дело было в том, что люди из высшей элиты придерживались разных взглядов на приоритеты внешней политики России. Одна часть, судя по всему, полагала, что обострять отношения со Швецией пока еще рано[1]; у России много дел на юге, на которые потрачены огромные силы и средства и которые нужно довести до какого-то приемлемого результата, до какой-то степени завершенности. Эту, условно говоря, партию возглавлял воспитатель царя князь Б.А. Голицын, поддерживаемый Ф.Я. Лефортом[2]. Другая часть, представленная Л.К. Нарышкиным, склонялась к осторожному сближению с «балтийскими реваншистами», в частности с Данией, на случай коалиционной войны против шведов. Разумеется, главным источником раскола была борьба за власть и влияние на Петра, но она проецировалась и на внешнеполитические вопросы. Вместе с тем говорить о непримиримых расхождениях в этих вопросах тоже не приходится. Между партиями, а точнее над ними, стоял Петр, в котором уже началось борение между «югом» и «севером», пока с явным преимуществом первого[3].

* * *

Гейнс отправился вслед за царем 22 февраля и уже через 6 дней (28-го числа) был на месте. Компанию ему составил бранденбургский посланник Людвиг фон Принцен, также получивший государево приглашение. Первое, что сделал Петр — показал гостям корабли, которые будут громить турок. *«Они выше всякого воображения», «приготовления* (военные. — *В. Д.*), *действительно, невероятны по своим размерам»*, — делился датчанин своими впечатлениями.

В Воронеже уже никто не мешал Петру откровенничать с Гейнсом. На расстоянии более 600 верст от Москвы можно было меньше заботиться о соблюдении секретности, тем не менее переговоры проходили за плотно затворенными дверьми царского кабинета. Достав из шкатулки, ключ от которой находился только у него, проект русско-датского соглашения (переданный ему 2 февраля), Петр сказал, что документ составлен общо и пространно. Пожалуй, впервые за все время, проведенное с Гейнсом, государь произнес слово «Швеция», указав на отсутствие его в тексте договора.

Посланник вынужден был признаться, что есть секретная статья, и раскрыть ее антишведскую направленность. Петр велел изложить все на бумаге, чтобы продол-

---

[1] В мае 1699 года бранденбургский резидент в Москве Задора-Цесельский (Кесельский) доносил Фридриху III, что многие из русских сановников предпочитают сближению с Данией сближение со Швецией.

[2] Влияние Лефорта на внешнеполитические дела не следует преувеличивать. Русский историк Г.В. Форстен, ссылаясь на мнение Гейнса, писал, что царский фаворит «*никогда сам ничего не делал, а поручал все делать другим; это помогало ему в критические минуты все и сваливать на этих других и самому оставаться чистым*».

[3] Как можно предполагать, исходя из сообщения Гейнса о «*совершенном разладе*» в русском правительстве, на стороне, опять же условно говоря, партии «Голицына–Лефорта» была влиятельная сила — Анна Монс, к которой царь испытывал безответную любовь и глубокую привязанность.

жить беседу «завтра». Пока же, в ответ на настоятельные просьбы Гейнса поделиться своими мыслями, царь высказался за целесообразность привлечения к союзу курфюрста бранденбургского и короля польского. Он также хотел знать о содержании договора между Кристианом V и Августом II, на что Гейнс согласился.

Ключевым моментом встречи явились слова Петра о том, что *«изготовление формального трактата было бы для него* ***очень затруднительно*** (выделено мной. — *В. Д.*)», ибо это, помимо прочего, потребовало бы участия боярства, вводить которое в курс дела он не собирается[1].

Трудно разделить впечатление Гейнса, писавшего, что царь *«по-видимому остался доволен»,* даже если посланник страхуется оговоркой *«по-видимому»*. Мог ли Петр быть доволен признанием, которое Гейнс до последнего держал в тайне от царя и которое было исторгнуто чуть ли не силком?

Переговоры (больше похожие на обмен мнениями) были прерваны сообщением о смертельной простуде Лефорта. Петр отлучился в Москву (4 марта), где уже не застал своего фаворита в живых. Вернулся через две недели (18 марта), но встречаться с Гейнсом не спешил. Общаться с посланником было поручено одному из ближайших сподвижников Петра, Ф.А. Головину[2], которого царь привез с собой, вероятно, специально для того, чтобы сообщить Гейнсу о своем решении повременить с продолжением переговоров. Однако от неофициальных бесед со своим кумом Петр, не желая огорчать его, не отказывался. Гейнса в каком-то смысле избавили от неприятной необходимости посылать Кристиану V пустопорожние донесения. Король, в частности, узнал не только о русских проволочках. Как писал Гейнс, царский флот — почти чудо, государь признает недоделки, но уверен, что они будут исправлены, ведь и *«Рим был построен не в один год»*. Петр также поделился своей тайной мыслью о заведении какой-нибудь гавани на Балтийском море. Посланник, хотя и обнадеживая короля наличием хороших шансов на заключение союза, избегал создавать впечатление, будто исход предрешен. Опять звучит: ситуация не ясна, нельзя торопиться, иначе можно *«все испортить»*.

В переговорах с Гейнсом молчаливо присутствовала тема Карловицкого конгресса, от исхода которого — мир или война с турками — зависело многое. Историк Г.В. Форстен, склонный считать балтийский выбор Петра совершенно неизбежным, тем не менее не отрицает, что в тот период *«все внимание его обращено на Турцию; раньше чем он не достигнет прочных гарантий с этой стороны, он ничего не предпримет на севере»*. Русско-турецкие споры на конгрессе оборвались на неопределенной ноте: ни мира, ни войны. Есть основания полагать, что такой итог Петр считал не самым худшим. Теперь, после распада Священной лиги, у него были развязаны руки для окончательного решения вопроса тем или иным способом. Только не путем замирения любой ценой. Соответствующие инструкции получит (несколько позже) Е.И. Украинцев, которому предстояло отправиться в Стамбул для завершения переговоров с Портой.

На этом фоне Петр счел возможным продолжить переговоры с Гейнсом. Это было своего рода «двойное решение» (*double-track decision*), если пользоваться термино-

[1] В ряде случаев тексты донесений Гейнса, опубликованные и частично переведенные Г.В. Форстеном, мы используем в переводе М.М. Богословского, который точнее. Отдельные цитаты мы даем в собственном переводе.

[2] Через год Ф.А. Головин сменит Л.К. Нарышкина на посту главы Посольского приказа.

логией конца XX века: с одной стороны, полномасштабные приготовления к войне на юге, с другой — зондирование почвы в балтийском вопросе. Спустя больше месяца (21 апреля) после возвращения из Москвы и накануне своего отъезда в Азов Петр предложил Гейнсу деловое обсуждение датского проекта, который к тому моменту был уже детально изучен Ф.А. Головиным. Историки единодушно считают эту встречу прелюдией к подписанию военного союза. Между тем то, что со слов Гейнса (параллельных русских свидетельств нет) известно о содержании его беседы с царем и Головиным, позволяет отнестись к общепринятой оценке с оговорками.

Петр начал с заявления, что он, внимательно ознакомившись со всеми пунктами проекта и не имея существенных возражений, убедился в искренних дружеских чувствах короля Кристиана и в его намерении заботиться о русских интересах, *«как о своих собственных»*. За этим учтивым и лукавым реверансом последовало, пожалуй, самое главное. Петр соглашался выполнять свои союзные обязательства не раньше, чем будет *«по-настоящему» (effectivement conclue)* обеспечен мир с Турцией. Далее мы видим, как раскрывает карты Гейнс, надо думать — с ведома короля. Ничем иным, как готовностью к такому повороту переговоров, не объясняется моментальная реакция посланника, предложившего включить соответствующий артикул в *«сепаратную»* часть будущего трактата. Затем пришел черед Петра достать «рояль из кустов». Точнее, из кармана Головина. Это была заранее составленная на русском и немецком (!) языках бумага с текстом такой статьи. В ней сообщалось, что Россия соглашается выполнять условия договора только по достижении прочного мира с Турцией.

Поскольку Петр то и дело повторял требование о соблюдении абсолютной секретности, Гейнс предложил скрепить договор лишь подписями монарших особ. Это действие, пояснял он, будет одновременно и заключением, и ратификацией трактата, что позволит дать документу законную силу, не прибегая к прилюдным церемониям с целованием креста и к другим дипломатическим обрядам. Такая упрощенная процедура пришлась по душе как Петру, так и Кристиану. Она была на руку подписантам, ибо так они рассчитывали избежать утечки информации (*«большой молвы»*) и сохранить соглашение в тайне от русских, датских и шведских правящих элит.

Задержим внимание читателей на этом красноречивом решении. Чтобы длительное пребывание Гейнса в Воронеже не вызвало подозрений в Москве (и, конечно, в Стокгольме), царь придумал дымовую завесу в виде официального извещения о русско-датских торговых переговорах, что тоже было правдой, но отнюдь не всей. В Посольский приказ был послан соответствующий мемориал. Если это кого-то и обмануло, то только не Л.К. Нарышкина, Б.А. Голицына и других, еще до приезда Петра из-за границы узнавших о цели миссии Гейнса в России. Тем горше была их обида на царя и тем сильнее ревность к датскому посланнику, которого предпочли им в обсуждении столь важного дела.

Как бы извиняясь перед Гейнсом, Петр сказал, что переговоры с посланником так долго откладывались по *«некоторым резонам»*, и добавил: *«что делается медленно, то и длится долго»*.

Теперь обратимся непосредственно к тексту договора. Петр справедливо находил его *«слишком многословным»*. Академик М.М. Богословский, комментируя это мнение, писал: *«действительно, трудно было бы облечь* ***очень простое содержание***

(выделено мной. — *В. Д.*) *в более пространную словесную форму*». «Пространность» очевидна, а вот «простота» содержания — едва ли. Структура договора была такой: одиннадцать статей *«главного трактата»* и две приложенные к нему сепаратные статьи. Обе части фактически были секретными, хотя формально таковой являлась лишь часть вторая. Именно она ставит под сомнение полноценность договора как союзного соглашения. По сути, судьба его целиком зависела от нескольких внесенных по настоянию Петра строчек о том, что артикулы трактата *«не могут ныне до прямого действия приведены быть..., пока его царское величество... с Оттоманскою Портою прямого постоянного мира не заключил»*. А мир с турками был под большим, очень большим вопросом.

Серьезно подрывал перспективы достижения балтийских целей Дании и России оборонительный характер договора. Четко прописывалось положение, согласно которому взаимная безвозмездная военная помощь оказывалась в случае, если одна из сторон подвергнется нападению. Но помощь предоставлялась не автоматически, а лишь через три месяца после получения уведомления об этом и лишь после того, как *«до вступления действительно в войну»* будут испробованы *«всякие дружеские* (посреднические. — *В. Д.*) *способы», «всякое старание» ...«дабы обижатель или нападатель от насильства или предвоспринятого беспокойства отстал, и* ***чтоб непотребно было оному оружием отпор чинить*** (выделено мной. — *В. Д.*)». Из этого следует, что оборонительный аспект договора гораздо более очевиден, чем наступательный. Гейнс, неизменно повторяя мысль об *«оберегательном союзе»* и о желании Дании сохранить *«общую тишину»*, долгое время воздерживался от упоминания Швеции. 27 октября в разговоре с царем он это слово произносит в связи с подозрительной концентрацией шведских войск в Померании. Однако опять дает понять, что Дания думает не о нападении, а о *«защите»* от агрессии.

По меньшей мере внимания требует к себе еще одно обстоятельство. Ярый поборник конкретики Петр на этот раз «упустил из виду», что в тексте проекта договора ни единым словом не упомянута Швеция. С формально-юридической точки зрения то, что под *«обижателем и нападателем»* подразумевается Швеция, ничего не значит, коль скоро она не названа по имени. Случайность в таких документах исключается. А если не она, то что?

Необычная для России форма «ратификации» документа и совершенно чрезвычайные, оскорбительные для ближайших сподвижников Петра меры по обеспечению режима секретности русско-датских переговоров тоже вызывают вопросы[1]. И один из них не такой уж и праздный: не объясняется ли все это осторожностью и недоверием сторон, их стремлением к сохранению свободы рук и путей к отступлению[2]?

А не к месту ли будет вспомнить об особом «приложении» к инструкции направлявшегося в Москву Гейнса, где предписывалось помнить, что Копенгаген рассматривает Швецию не только в качестве соперника, но и как возможного союзника? Сдвиг вектора шведского экспансионизма в восточную сторону выгоден Дании, и если русские откажутся от предложенного ею союза, то есть план объединения со Стокгольмом в военный альянс против Москвы. Фактически это означало, что Рос-

[1] Некоторые детали своих бесед с Гейнсом Петр скрывал даже от Ф.А. Головина.

[2] Непроницаемую атмосферу вокруг русско-датских переговоров историки рассматривают как еще одно доказательство подготовки войны против Швеции. Мы склоняемся к другому мнению.

сию воспринимают как разменную монету, которой спокойно жертвуют во имя легитимации датско-шведского кондоминиума на Балтике.

Конечно, принятый Петром проект договора можно прочитать иначе, что обычно и делают историки. Но в любом случае нельзя сводить казуистическое содержание этого документа к кристально ясной формуле, не оставляющей лазеек для его обхода. Эти лазейки нужны были обеим сторонам. О том, что они требовались Петру, косвенно свидетельствует его отказ от предложения Гейнса о посылке в Данию специального посольства для подтверждения договора с целью придать ему более императивный характер.

Договор ждала та же печальная судьба, что постигла датско-польское соглашение. И то и другое являлось этапами в подготовке той *«опереточной коалиции»*, которая в литературе уважительно именуется Северным союзом. Какой из этих этапов ни возьми, все они заставляют задаваться недоуменными вопросами[1].

Вскоре после завершения воронежских переговоров Петр уехал в Азов, а Гейнс в Москву. Оттуда он отправляет Кристиану V на подписание согласованный текст трактата и донесения, в которых, с одной стороны, делится своим оптимистичным настроением, с другой (уже не в первый раз) — выражает сильное беспокойство деятельностью шведских дипломатов в русской столице, грозящей *«сокрушить»* все его планы. В посланиях Гейнса есть надежда, но нет уверенности.

30 июля 1699 года в Москву прибыл тайный эмиссар Кристиана V Фабриций (не путать со шведским послом в России и Персии Людвигом Фабрициусом) с *«королевской ратификацией»* (подписанным договором). Он, по утверждению историка Г.В. Форстена, несся из Копенгагена *«днем и ночью»*, чтобы доставить скорее *«этот ценный документ»*. Если так, то почему сообщение об этом Гейнс послал к Петру в Азов только через десять дней (9 августа)? Дожидался ли он надежной оказии или вел какую-то свою игру, сказать не беремся.

27 сентября 1699 года царь, отправив Е.И. Украинцева в Стамбул, вернулся в Москву. Здесь его ждало много дел. И среди них — очень деликатные дипломатические. Дело в том, что в столице государя нетерпеливо дожидались представители трех стран, находившихся в сложных отношениях друг с другом: делегация Швеции (150 человек) во главе с Томасом Книппером, личный посланник польского короля Августа II генерал Карлович и Пауль Гейнс. В данном случае нас интересуют весьма любопытные беседы царя с датчанином. В них усиливаются признаки оглядчивости со стороны Петра. Новые основания к ней давала смерть Кристиана V (25 августа 1699 г.), которому наследовал его сын Фредерик IV. Естественно, вставал вопрос — сохранится ли преемственность внешнеполитического курса. Повидаться с Гейнсом, чтобы это выяснить, царь не спешил. Уже назначенная встреча с посланником была отложена. Когда она наконец состоялась (7 октября), царь много расспрашивал о новом короле и, прежде всего, о том, не изменит ли он политике своего отца по отношению к России. Поскольку у Петра возникли сомнения в готовности Фредерика IV соблюдать договор, подписанный его предшественником, он предложил перезаключить трактат. В ходе еще одного свидания с Гейнсом (27 октября) государь повторил эту мысль,

[1] Нам представляется крайне спорным утверждение Н.Н. Молчанова, что «*переговоры Петра с Гейнсом проходили без всяких экивоков, задних мыслей и двусмысленности*».

как и оговорку о том, что незаконченная война с Турцией является препятствием к выполнению им русско-датского союзнического соглашения, к которому хорошо было бы привлечь еще Саксонию-Польшу и Бранденбург. Гейнс заверял Петра в неизменности внешней политики Копенгагена и просил не возвращать договор на вторичное подписание — теперь уже Фредериком IV.

В исторической литературе обычно обращается внимание на высокую степень откровенности в беседах между Петром и Гейнсом, но почему-то оставляется незамеченным факт, ставящий эту откровенность под большое сомнение. Как мы уже знаем, 24 марта 1698 года Кристиан V заключил с Августом II соглашение против Швеции. Лишь через семнадцать (!) месяцев (27 октября 1699 г.) Гейнс счел возможным известить царя о том, что польский король *«пригласил нас* (датчан. — *В. Д.*) *порвать со Швецией»* и что, возможно, *«обстоятельства»* будут благоприятствовать датско-польскому сближению. При этом Гейнс впрямую не сказал о наличии союзного договора.

Это только усиливало колебания Петра. На несколько недель он отстранился от переговоров с Гейнсом, поручив их Ф.А. Головину, с которым посланник в течение нескольких конференций уточнял условия союза. Мы не знаем, чего касались «уточнения», если они были вообще. Конференции больше похожи на затяжку времени. Ждал ли царь подписания русско-саксонского договора (оно состоялось 11 ноября), подтверждения Фредериком IV русско-датского соглашения или же прояснения общей ситуации[1], тоже неизвестно.

Наконец 23 ноября 1699 года в с. Преображенском в доме А.Д. Меншикова Петр подписал и тем самым одновременно ратифицировал союзный договор с Данией (*«главный трактат»* из 11 статей и два *«сепаратных артикула»*). Как мы уже отмечали, трактат носил условный характер, ибо не содержал автоматического обязательства (*casus foederis*) царя оказывать датчанам военную помощь в случае *нападения на них*, не говоря уже о случае *их нападения*. Все целиком зависело от перспективы заключения мира со Стамбулом, крайне, повторимся, туманной.

В день подписания русско-датского союзного договора Петр оставил историкам новое доказательство своей осмотрительности и нежелания торопиться. Тогда, против всяких ожиданий Гейнса, Петр отказался выдавать документ ему на руки. Царь потребовал включения новой статьи, согласно которой договор останется в силе до тех пор, пока *«предстоящая война»* (с Турцией) не закончится миром, учиненным *«ко удовольствованию»* обеих сторон. По словам посланника, государь *«безусловно ставил дело в связь с принятием этой статьи»*. Улаживание вопроса было поручено Ф.А. Головину. Очень важно отметить, что подобный пункт в несколько иной нюансировке уже имелся в ратифицированном соглашении (1-й сепаратный артикул). Он был подписан сначала Кристианом V, а затем Фредериком IV (5 сентября 1699 г.). Именно из-за отсутствия принципиальной новизны в требовании Петра Гейнс взял на себя смелость изготовить соответствующую статью в виде отдельного (!) акта[2], скрепленного его подписью и печатью, но не имеющего закон-

[1] Впрочем, двадцати шести дней — с 27 октября по 23 ноября — для этого, в условиях тогдашних коммуникаций, маловато.

[2] Включить эту статью в уже ратифицированный Фредериком IV текст договора было невозможно технически.

ной силы до одобрения царем и королем. 26 ноября Петр подписал этот акт, и тогда состоялся размен следующими документами. С датской стороны: 1) Главный трактат и две сепаратные статьи, *«ратифицированные»* Кристианом V; 2) Подтвердительная грамота Фредерика IV от 5 сентября 1699 года. С русской стороны: 1) Главный трактат с Кристианом V и две сепаратные статьи к нему, *«ратифицированные»* Петром; 2) Подтвердительная грамота Петра от 26 ноября 1699 года, соответствующая подтвердительной грамоте Фредерика IV от 5 сентября; 3) *«Особливый артикул»* от 26 ноября, подписанный царем и отправлявшийся на ратификацию в Копенгаген. Однако перечисленными документами формальное закрепление союза не закончилось (см. ниже).

Зачем Петру понадобился *«особливый артикул»*, ведь он почти дословно повторял то, что уже содержалось в договоре? Если он тянул время, то теперь, после ратификации первой сепаратной статьи об условии его вступления в войну со Швецией, в этом не было острой необходимости. Скорее всего царь опасался, что когда (и если) России удастся заключить выгодный мир с турками и она начнет военные действия на Балтике, то есть шансы остаться в одиночестве, поскольку Копенгаген может пойти на сепаратное соглашение со Стокгольмом[1]. Но это лишь наши догадки. Как оно было на самом деле, вероятно, не знает никто. Справедливости ради заметим, что Дания тоже испытывала недостаток доверия к России. Да и не могло быть иначе, поскольку в те — и не только в те — времена союзники легко предавали друг друга.

Некую ауру неопределенности вокруг договора создает еще один факт — отсутствие точной датировки. В источниках фигурируют семь дат: 21 апреля, 16 июля, 24 августа, 21, 23, 26 ноября 1699 года и 30 апреля 1700 года. Исследователи затрудняются объяснить эту странность. Возможно, дело тут в многоэтапной системе ратификации. Требовалось согласование предварительной редакции текста, одобрение его обоими монархами и наконец подписание, которое не могло быть одновременным ввиду огромного расстояния между Россией и Данией. Естественно, факт ратификации договора той или иной стороной фиксировался разными датами, что и вызвало разноголосицу в историографии.

Общепринятое мнение о наступательном характере союзного трактата плохо согласуется с его четвертой статьей, где сказано, что *«до вступления действительно в войну»* надлежит употребить *«всякие дружебные способы»*, дабы *«не потребно было оному* (агрессору. — *В. Д.*) *оружием отпор учинить»*, на что отводилось достаточное время.

С конца ноября 1699 года в русско-датских отношениях наступила длительная пауза. Она обуславливалась рядом факторов, в том числе выходящих за рамки этих отношений. Нужно было: *во-первых*, дождаться от Фредерика IV ответа на «особливый артикул»; *во-вторых*, внимательно изучить совершенно неопределенную общую ситуацию на Балтике[2], чреватую любым поворотом событий, включая замораживание проблемы; *в-третьих*, избегать частых встреч с Гейнсом, дабы не вызвать подозре-

[1] Как известно, так и случилось. «*Особливый артикул*» Петру не помог. Согласно историческим источникам, через несколько дней после объявления Россией войны Швеции царь спросил у Гейнса, не начнет ли датский король искать мира с Карлом XII. Посланник явно опрометчиво взял на себя смелость пообещать, что Фредерик IV не нарушит своих обязательств.

[2] Кроме прочего, Петр хотел выяснить, начнет ли войну против Швеции Август II, обещавший сделать это в конце 1699 года, но, как известно, не сдержавший своего слова.

ний, способных спровоцировать Швецию на превентивный удар по еще не оформившемуся союзу.

Однако главное заключалось в другом. Вопрос — быть или не быть русско-шведской войне — в конечном итоге решался не в Москве, не в Стокгольме, не в Копенгагене или Варшаве, а в Стамбуле, где Е.И. Украинцев вел сложнейшие, абсолютно непредсказуемые переговоры. Только их мирное завершение позволило бы перевести перспективу разрыва между Россией и Швецией из гипотетического наклонения в контекст реальных действий. Не забывавший об этом Гейнс доносил своему королю: *«Если только из Турции будут хорошие вести* (о заключении мира. — *В. Д.*) — *все будет хорошо»*. Г.В. Форстен писал, что Петр много тратил на подготовку войны с Турцией, которая *«никого уже больше не устрашает»*.

Одним словом, Петру пока было нечего обсуждать с Гейнсом. Правда, царь продолжал, и не без удовольствия, общаться с ним в неофициальной обстановке. Желая залучить государя к себе в гости, Гейнс воспользовался масленичной неделей и 7 февраля 1700 года устроил у себя *«маленькую пирушку»* на 50 персон. Была приглашена московская знать и, между прочим, шведский посол Книппер. Петр провел там около двенадцати (!) часов, веселился, пил за здоровье датского наследного принца, наслаждался невиданным для Москвы фейерверком, но о делах хранил молчание.

На следующий день (8 февраля) произошла еще одна встреча Гейнса с Петром. Случилось это на приеме, данном в честь гетмана И. Мазепы на Посольском дворе. Очень странно и одновременно показательно, что посланник совершенно игнорирует столь значительное событие, описывая лишь его крохотную часть — свой скоротечный разговор с царем. Между тем неслыханные почести, оказанные Мазепе, заслуживают особого внимания. Навстречу гетману и его свите (551 человек), приближавшейся к Москве с юга, было выслано по меньшей мере 350 гостевых подвод. В столице эту толпу разместили «*со всеми удобствами*» и поставили на полное довольствие казны. Церемония чествования Мазепы и последовавшие за ней пиры поражают[1]. Центральным моментом торжеств явилось награждение (8 февраля) гетмана недавно учрежденным орденом Андрея Первозванного, который до этого был пожалован лишь одному человеку — Ф.А. Головину. Из именного царского указа явствует, что гетман удостоен награды за славные ратные труды *«против его, великого государя, неприятелей салтана турского и хана крымского»* на протяжении тринадцати лет (с 1686 года). Мазепе и его свите преподнесли много драгоценных подарков. А на обратную дорогу снабдили продовольствием и питием.

Прославление союзника Петра в русско-турецкой войне красноречиво не только как признание его былых заслуг, но и как аванс на будущее. А применительно к этому самому будущему реально было уповать на помощь Мазепы только на южном направлении.

Гейнс всего этого не видит либо не хочет видеть. Зато он многословно передает свой разговор с Петром, из которого возникает ощущение, будто на этом шумном пиршестве царю больше нечем было заняться, кроме как беседовать с посланником.

[1] Вот лишь некоторые данные о гастрономической части приема с учетом детальной разверстки по чинам: 120 ведер вина, 100 ведер меда, больше 800 ведер пива.

В это трудно поверить, но Гейнс представляет дело именно так или почти так. О чем же речь? Посланник добивался аудиенции, которой он ожидал уже почти полгода, для вручения верительных грамот от короля Фредерика IV. Царь уклонился и на сей раз. Сменив тему, он сказал, что собирается перевести русскую северную торговлю с балтийского направления на североморское и основать в Архангельске купеческую компанию наподобие Ост-Индской. Сообщая эту новость, Гейнс стремится внушить королю мысль о намерении Петра пойти на обострение отношений со Швецией, разрыву с которой мешает незавершенная турецкая война. Посланник приводит слова государя о том, что мир с Портой *«почти заключен»*. Возможно, что-то в этом духе действительно было сказано. Но отражает ли такое утверждение искреннюю уверенность в успехе стамбульских переговоров? Ведь из донесений Е.И. Украинцева Петр знал о крайне тяжелой переговорной ситуации, конца которой пока не предвиделось. (Мирный трактат будет подписан лишь через полгода. Но знать этого никто не мог.) Царь, конечно, говорил не то, что думал, и в его приятных для датского слуха словах видны полученные им в Европе уроки лукавой дипломатии, умение скрывать сомнения и обнадеживать, не обязуясь.

В день своего очередного отъезда в Воронеж (18 февраля 1700 года) Петр наконец дал Гейнсу аудиенцию (в донесениях Гейнса в Копенгаген ошибочно указана дата 6 марта). Посланник остался доволен торжественной церемонией, в ходе которой он вручил верительные грамоты и был допущен *«к руке»*. Затем Гейнс был приглашен в дом Л.К. Нарышкина, где, судя по всему, за обеденным столом царь неодобрительно отозвался о поведении Августа II, развлекавшегося в Саксонии и до сих пор не выполнившего своего обещания атаковать Ригу в декабре 1699 года. Посланник успокаивал царя с лукавым простодушием: не получилось в этот раз — получится в следующий, когда царь вступит в войну. В ответ Петр, не без раздражения от того, что приходится делать это в который уж раз, повторил свое обещание начать военные действия, лишь только будет получено известие о заключении мира с турками[1].

В тот же день, 18 февраля, вечером царь уехал в Воронеж (куда прибыл 21 февраля). Данный факт уже сам по себе напрашивается на особое внимание историка. Этот город (как и Азов) царь посещает с долгосрочным визитом в четвертый раз после возвращения из-за границы. Почти в челночном режиме он совершает поездки не на север, а на юг. А теперь еще приказывает ехать и нескольким десяткам представителей московских сановников с семьями. Ему не терпится показать свой чудо-флот, насчитывавший к этому моменту 77 кораблей, из которых 52 линейных и 25 вспомогательных. И прежде всего — флагман «Предестинацию», шедевр судостроения, по словам Гейнса. Как пролог к Северной войне эта деятельность выглядела очень странной, но как приготовление к возобновлению южной войны — совершенно естественной.

Еще удивительнее, что отнюдь не дилетант в международных делах Гейнс, тоже приглашенный в Воронеж (он приехал туда с семьей 22 марта), видя все это, как будто умышленно избегает выводов, противоречащих его «северным» ожиданиям. Посмотрим, о чем он, человек, находившийся в гуще военно-строительного бума,

[1] Трудно сказать, из какого источника почерпнул Гейнс сведения, позволившие ему заверить Кристиана V в том, что к апрелю 1700 года переговоры с турками завершатся. Во всяком случае Петр в беседах с датчанином выражал надежду, но не уверенность.

сообщает своему королю. Лейтмотив его донесений: Петру не терпится ринуться в бой со шведами тотчас после подписания мира с турками, который ожидается чуть ли не со дня на день (к Пасхе). Если Гейнс слышал такое от Петра, то, значит, посланника явно обманули или он сам готов был обманываться, ибо в эти дни царь был огорчен отсутствием каких-либо определенных новостей из Стамбула и их еще не будет долго.

Петр, не желая лишать Данию надежды на его участие в войне против Швеции, говорил Гейнсу о «ближайшей» перспективе заключения русско-турецкого мира.

Верил ли сам царь не то что в ближайшую, но и вообще в перспективу такого исхода — очень большой вопрос. Не меньший вопрос — хотел ли он этого мира. Во всяком случае, в начале марта 1700 года Петр велел новгородскому и псковскому воеводам готовиться к войне с Турцией, поскольку *«салтан турский к миру предложил статьи развратные и неудобные»*, то есть выдвинул неприемлемые условия.

Гейнса почему-то не смущает, что Петр весь ушел в дела и лихорадочно наращивает военно-морской потенциал России именно на юге. Чтобы повысить объемы, эффективность и качество судостроительных работ, царь предпринимает целый ряд организационных, производственных, финансово-налоговых мер, неусыпно следя за их исполнением.

Если все это и не полностью ускользает от взора Гейнса, то остается на периферии его внимания, поскольку посланника заботит лишь тема грядущей русско-шведской войны, вера в которую заставляет выдавать желаемое за действительное. Письма Гейнса в Копенгаген пронизаны мыслью о том, что Петр пребывает в состоянии воодушевления, он ожидает скорого подписания мира с Портой и жаждет выступить против Швеции. Гейнс не хочет видеть в содержании своих бесед с Петром досужливых моментов, предпочитая принимать их за чистую монету. Датчанин старается не акцентировать абсолютно четкую, честную и неизменную петровскую оговорку: *«когда и если будет подписан мирный договор с турками»*. Но вовсе ее игнорировать Гейнс, как профессиональный дипломат, все же не может.

М.М. Богословский, на наш взгляд, слишком доверился мнению Гейнса о порядке приоритетов Петра в воронежский период. В результате он впадает в противоречие, когда сначала, на десятках страниц, разворачивает широкую панораму военно-организационной деятельности Петра на юге, а затем резюмирует ее совершенно неожиданными словами: *«Кораблестроение, однако, в 1700 г. не стояло на первом плане для Петра в Воронеже. Он продолжает его, желая закончить начатое; но он ежеминутно готов его бросить и вернуться в Москву при первом же благоприятном известии о мире с Турцией. Петра в этот приезд его в Воронеж всего более занимают стоявшие перед ним вопросы внешней политики, и для них он готов оторваться от кораблестроения. Он прибыл в Воронеж с твердым решением, как только получит весть о заключении мира с турками, немедленно же начать войну со Швецией»*. И в другом месте: *«Петр не мог оставаться спокойным, когда речь заходила о предстоящей войне, он весь воодушевлялся, ликовал при мысли о реванше за оскорбление в Риге, в которое, заметим от себя, он, по-видимому, теперь и сам горячо уверовал, и смело смотрел в будущее. Воронежские корабли, азовская крепость, таганрогская гавань, южное море не овладевали всецело его вниманием. Его взор пристально устремлен теперь к северу»*.

Реальность своей неоднозначностью озадачивала и Гейнса и Петра. Каждый из них, исходя из собственных, далеко не во всем совпадавших интересов и желая застраховаться на все случаи жизни, предпочитал связать контрагента конкретными обязательствами, а за собой сохранить максимальную свободу маневра. Признаки такой стратегии и тактики порой хорошо различимы в воронежских беседах царя с посланником.

За время пребывания в Воронеже (с 22 марта по 16 мая 1700 года) Гейнс встречался с Петром четыре раза (22 марта, 13, 23, 30 апреля). Наряду с удовлетворением по поводу самого факта вступления саксонских войск в шведскую Ливонию царь выражал сильную обеспокоенность безответственным поведением Августа II, не соизволившего оторваться от своих дрезденских утех и лично возглавить осаду Риги. Петр не скрывал опасений, что столь важное предприятие будет провалено (что и случилось на самом деле).

Но это была не единственная причина для тревоги. Все же уповая на успешный захват Риги, Петр вместе с тем боялся, что после этого Август II предаст союзников и пойдет на сепаратный мир с Карлом XII. Гейнса больше тревожили планы царя в отношении соблюдения русско-датских договоренностей. Он дал Петру понять, что развитие ситуации в Ливонии, как и судьба датско-польского союза в уже начавшейся войне, целиком будет зависеть от готовности России придерживаться взятых обязательств. Он призывал царя поскорее открыть военные действия против Швеции и тем самым фактически создать и скрепить делом тройственную русско-датско-саксонскую коалицию. На очередное напоминание Петра о необходимости прежде заключить мир с Турцией Гейнс не реагировал никак. Испытывая определенные сомнения относительно способности России, Дании и Саксонии справиться со Швецией, царь поднимал вопрос о привлечении к тройственному союзу Бранденбурга.

Направление бесед с посланником, как правило, задавал Петр. Когда же он хотел узнать мнение своего визави, становилось видно, насколько это мнение обуславливалось инструкциями из Копенгагена, где старались сделать все для того, чтобы обязать Россию жесткими юридическими формулировками и не оставить ей иного выбора, кроме войны со Швецией. Выполняя указания своего короля, Гейнс умел быть очень настойчивым. 23 апреля посланник получил из Дании почту, содержавшую ратифицированный Фредериком IV русско-датский договор, точнее его редакцию от 26 ноября 1699 года. Но прежде чем вручить документ Петру, Гейнс обратился к нему со странной просьбой — подписать так называемый *«контр-акт»*, в котором царь должен подтвердить свое *«намерение против короны Свейской»*. Поначалу Петр отказался, заявив, что не видит никакого смысла в дополнительных гарантиях. Затем, идя навстречу желанию датского короля (который настаивал на подписании такого документа), он дал Ф.А. Головину распоряжение изготовить этот *«контр-акт»*. Ф.А. Головин же, обязанный по долгу службы вникать в тонкости, вступил с Гейнсом в спор, акцентируя принципиальную мысль о том, что Россия не может дать никаких международно-правовых гарантий, пока не заключен мирный договор с Портой. Посланник продолжал стоять на своем. Он чуть ли не с укоризной говорил, будто Фредерик IV, обнадеженный союзом с Россией, отказался от полюбовного соглашения с Карлом XII по шлезвиг-гольштейнскому вопросу и вошел в экстренные военные расходы. Ф.А. Головину,

после бесплодных уговоров, пришлось выполнить монарший приказ. 30 апреля Петр *«в знак доброй воли»* подписал *«контр-акт»*, и в тот же день ему вручили королевскую ратификационную грамоту. В оформлении русско-датского союза была поставлена точка[1]. Эта история еще раз подводит к выводу: перспективы русско-шведской войны всецело зависели от перспектив русско-турецкого мира.

Основная работа Гейнса в принципе закончилась. Оставалось, как бы это ни претило ему, терпеливо ждать вестей из Стамбула. А их все не было. Бодрые заверения Петра в духе «со дня на день» сменились досадой и бессильной яростью от необходимости стоять на распутье. Гейнсу же ничего не оставалось, как утешать своего короля в одном случае мажорной констатацией — подготовка к войне со Швецией дескать идет полным ходом — в другом более осторожным наблюдением — *«в воздухе пахнет войною»*.

Когда война шведам была наконец объявлена (19 августа 1700 года), радость Гейнса длилась недолго. Почти следом в Москву пришло сообщение о заключении между Копенгагеном и Стокгольмом того самого мира, которого так опасался Петр и в невозможности которого уверял царя датский посланник. Поступок Фредерика IV огорошил русских. Его восприняли как предательство, совершенное именно тогда, когда Петр, после многократных подстегиваний Гейнса, решился поставить на карту почти все. Безвинный датчанин, за отсутствием под рукой другого козла отпущения, превратился в глазах московской знати и обывателей в живую аллегорию коварства. «Вот они горькие плоды сладкоречивых уветов иноземца», — носилось в толпе. От прежнего дружеского отношения к Гейнсу почти ничего не осталось. Ему приходилось то и дело отбиваться от обвинений, которые, вообще говоря, следовало адресовать не ему. Профессионалы, вроде Ф.А. Головина, разумеется, все прекрасно понимали, но и они невольно поддавались общему настроению. Гейнсу было отказано в просьбе выехать в расположение русской армии. Ожидалась его высылка из России.

К счастью для Гейнса, обстоятельства избавили его от скорой встречи с Петром. Она состоялась лишь 23 декабря, и о ней мы еще расскажем. Попадись Гейнс царю сразу же после получения известия о сепаратном договоре, трудно даже вообразить, какой именно могла бы оказаться эта встреча. Впрочем, Петр не остынет и через четыре месяца, что он и продемонстрирует[2].

Польша–Саксония

Русско-польские отношения в конце XVII века, как и прежде, обуславливались не только острыми историческими противоречиями, но и дуалистической природой государственной власти в Польше. По многим вопросам, в том числе внешней политики, король и сейм расходились. Не совпадали как концептуальные взгляды,

[1] Петр, вероятно, передал это дело Ф.А. Головину не без надежды, что тот убедит Гейнса отозвать свою просьбу. Уместно заметить, что в доверительных сообщениях к королю посланник призывал понять нежелание русских объявлять Швеции войну, пока не будет прочно обеспечен тыл со стороны Турции, и не раздражать царя настояниями.

[2] Припомним инцидент, имевший место во время визита Петра в Бранденбург весной 1697 года, когда он в припадке детской обиды схватил крупного прусского сановника за грудки.

так и реальные интересы. Случались компромиссы, и тогда Речь Посполитая приостанавливала свое движение к геополитической катастрофе. Определенное влияние на соотношение сил оказывали такие факторы, как личность короля, его происхождение (иностранное или шляхетское), состав и «партийная» конъюнктура внутри сейма, настроения клерикалов.

Петр с презрением относился к посланнику сейма пану Яну Бокию[1] и так спешил от него избавиться, что при ближайшей возможности дал поляку отпускную аудиенцию. Произошла эта «церемония» 23 октября 1699 года на пиру у Лефорта, настолько мимолетно, небрежно и в столь неподобающих декорациях (крохотная подсобка с кухонной посудой), что смутила даже ко всему привыкшее царское окружение.

Все дела Петр предпочитал вести с личным представителем Августа II генералом Георгом фон Карловичем, прибывшим в Москву 26 сентября 1699 года для того, чтобы предметнее продолжить разговор, состоявшийся между царем и польским королем в Раве. Сказать точнее — расширить сферу политического партнерства между государями и сдвинуть в нем акценты. Ведь в Раве приоритетной для Августа II была задача сохранить поддержку царя в деле защиты короля от внутренних врагов, стремящихся к его низложению. Шведская тема звучала под сурдинку, скорее как приманка для Петра. Вероятно, Августу тогда хватило ума не углубляться в нее, ибо война на Балтике могла стать для него самоубийственной. Позже, под влиянием факторов, о которых будет сказано ниже, король, видимо, склонился к идее о том, что успешная внешняя война укрепит его внутриполитические и международные позиции. Но не без помощи России (и других балтийских стран). Отсюда огромное желание привлечь Петра к решению этой двуединой задачи.

Август II, понимая, что тот разговор в Раве собеседников ни к чему не обязывал, теперь — через Карловича — призывал Петра к полноценному военному союзу против Швеции. Оформление этого союза, как очень проницательно заметил Н.Н. Молчанов, происходило в условиях, разительно отличавшихся от обстоятельств заключения обычных двусторонних альянсов. *«Сложности*, — писал историк, — *начинались с вопроса о том, с кем, собственно, вступала в союз Россия. Дело в том, что Карлович представлял официально только саксонского курфюрста, который стал недавно польским королем. Однако это не означало, что в союз вступала Польша»*.

Ситуация еще больше запутывалась разветвляющейся личной мотивацией Августа II, который поддавался чужим внушениям тем легче, чем хуже соизмерял искушение с реальностью. Король задался целью вернуть Лифляндию в состав Речи Посполитой. Такой подарок предполагалось преподнести шляхетскому сейму, чтобы обрести его поддержку, парализовать оппозицию и создать условия для превращения Польши в наследственную монархию. В любом случае Август II рассчитывал сделать Лифляндию законным (ленным) владением саксонских курфюрстов, независимо от того, будут они польскими королями или нет. И конечно, завоеванием шведской провинции Август II надеялся добыть себе лавры выдающегося полководца и поднять свой авторитет в Европе на небывалую высоту. Этим безграничным фантазиям нетрудно было завладеть ограниченным умом.

[1] Отчасти, и лишь отчасти, виной тому — публичный инцидент, происшедший между Бокием и датским послом Гейнсом, после чего Петр не хотел видеть поляка в своем обществе. А когда шляхтич все же попадал в это общество, у него были все причины об этом пожалеть.

Феномен Паткуля

Тщеславной душе и недалекому интеллекту редко удается устоять перед соблазнами, особенно когда они разжигаются незаурядными мастерами интриги. Именно таким искусителем стал для Августа II лифляндский дворянин Иоганн Рейнгольд Паткуль. Это была выдающаяся, в том числе в своей глубокой противоречивости, личность, жизнь которой — захватывающий сюжет для романа. Для краткости и удобства согласимся с теми, кто считает его международным авантюристом высочайшего класса, увлеченным прежде всего игрой как таковой, хотя и прикрытой видимостью духовных устремлений. Зачастую беспринципность становилась его главным принципом, а патриотическая риторика оправданием корыстных мотивов.

Не обязательно принимать оценку Н.Г. Устрялова, но знать ее не лишне: *«Паткуль возвышался над толпою умом светлым и дальновидным, обширными по тогдашнему времени сведениями в науках политических и военных, увлекательным даром слова, бойким пером и пылким нравом. В самых недостатках его обнаруживалась редкая сила души: пылкость его доходила до исступления, до бешенства; оскорбленное самолюбие не знало границ мести; твердость характера соединялась с неумолимым жестокосердием; искусство не чуждалось коварства»*[1].

Паткуль принадлежал к ливонской аристократии, пострадавшей от шведской «редукции». Внешне его деятельность выглядела (и в какой-то степени, вероятно, была) борьбой за восстановление утраченных привилегий, окрашенной в патриотические тона. На деле же Паткулю было тесно в рамках этой задачи. Ему нужен был космополитический простор международной жизни с ее переменчивыми альянсами, заговорами, войнами, шпионажем, дипломатическими торгами, разделами и переделами территорий. Он был призван на это поприще и свойствами своего характера и силою обстоятельств.

Выход своей энергии, своим разносторонним дарованиям Паткуль искал везде, где придется. Вначале его интересы были ограничены внутришведской политикой. Он пытался добиться известности и влияния в качестве посредника между обиженным лифляндским рыцарством и королем Карлом XI. Был момент, когда казалось, что успех близок. Но из-за болезненных амбиций, неуживчивого нрава, избыточной склонности к интригам и амурных дел он нажил себе много врагов, желавших поквитаться. Вокруг Паткуля всегда царила беспокойная атмосфера. Он постоянно попадал в какие-то темные истории, одна из которых закончилась опалой, судебным приговором и бегством за пределы Швеции. Начались годы скитаний: Курляндия, Бранденбург, Швейцария, Франция, Италия.

Паткуль умел не только обзаводиться врагами, но и очаровывать власть имущих, играя на их слабостях и грезах. Его смелое прожектерство, основанное на умозрительных построениях и прекрасном знании человеческой психологии, возбуждало к нему интерес европейских правителей. Такой личности, как Август II, было просто суждено попасть в сети соблазнов лифляндского авантюриста.

В октябре 1698 года Паткуль тайно приехал в Варшаву и представил польскому королю обширный мемориал, который напоминал, с одной стороны, аналитический доклад, с другой — военно-политический план коалиционной войны против Швеции.

[1] Менее комплиментарный портрет Паткуля дает С.М. Соловьев.

Вот его основные положения.

1) Августу II необходимо обезопасить себя прочными союзами, прежде всего с Россией и Данией.
2) Договориться с царем будет нетрудно, он только и ищет повода к разрыву со Стокгольмом. Однако российские приобретения ни в коем случае не должны выходить за естественные, исторические границы по линии Нарва–Пейпус (Чудское озеро). При этом Нарву, как важный стратегический плацдарм, передавать России не следует. Не говоря уже об Эстляндии и Лифляндии. Отдать ей можно лишь Ингерманландию и Карелию, да и то при условии, что они приобретут статус свободных, самоуправляющихся территорий, фактически вне социально-сословной, административной и судебной системы России.
3) Царь должен первым начать войну не позже лета 1699 года, и лишь потом в нее вступит польский король.
4) Датский двор, который хитрее и дальновиднее Московского, требует более тонкого подхода. Нужно устроить так, чтобы он сам попросил о союзе и изложил свои условия[1]. Предлагаемый способ: немедленно послать в Копенгаген с какой-нибудь формальной миссией искусного дипломата, который в ходе переговоров заметил бы «невзначай», что польско-датское сближение вызывает у других держав (подразумевалась, конечно, Швеция) опасения, чреватые активными попытками противодействовать ему. Поэтому желательно было бы, чтобы Копенгаген конкретизировал свои интересы и ожидания, связанные с реализацией существующего секретного польско-датского соглашения от 24 марта 1698 года. Иными словами, не пора ли придать соглашению четкий наступательный характер. Момент более чем благоприятный, учитывая обострившиеся русско-шведские отношения.
5) Вступая в союзы с Россией и Данией, нужно застраховаться от перспективы их сепаратного выхода из войны.
6) Прежде чем польско-саксонские войска войдут в Лифляндию, необходимо подготовить политическую почву в виде законодательных документов, гарантирующих местной знати и городам восстановление всех их свобод и привилегий, отобранных шведами.

Видимо, вдохновленный благосклонной реакцией Августа на этот документ, Паткуль через несколько месяцев (7 апреля 1699 года) представляет второй мемориал, более подробный, более изощренный и более циничный. Чтобы явные менторские интонации не задели самолюбия Августа, они были спрятаны за медоточивыми комплиментами *«новому герою»*, выступившему *«на театр Европы... с таким блеском, какой не окружал ни одного курфирста, ни короля Польского»*.

По первым строкам мемориала никогда не угадаешь автора с авантюрным складом ума. Паткуль начинает с не бог весть какого оригинального, но все же дельного совета. Прежде чем начинать столь нешуточное дело, как война, нужно не допустить ошибок в расчетах, то есть знать не только собственные саксонско-польские ресурсы,

[1] Очевидно, что секретный оборонительный договор о взаимной помощи в случае войны, заключенный между Кристианом V и Августом II 24 марта 1698 года, Паткуль считал слишком расплывчатым и мало к чему обязывающим.

но и вникнуть в интересы государств, *«более или менее к тому делу* (балтийскому вопросу. — *В. Д.*) *прикосновенных»*, особенно тех, кого польско-русские и польско-шведские противоречия касаются непосредственно.

Паткуль прямо указывает на две ахиллесовы пяты Августа II — недостаточная прочность королевской власти и потенциальная угроза внешней изоляции. *«Следовательно, прежде всего надобно приобресть доверенность внутри и устроить дела извне так, чтобы одни кабинеты вовлечь в союз, а другие отстранить от всякого вмешательства»*.

Теперь уже, ввиду обострения гольштейн-готторпской ситуации, альянс с Данией кажется Паткулю почти достигнутым. Остается отправить в Копенгаген делегацию, чтобы конкретно обсудить его условия.

Во втором мемориале, в отличие от первого, появляется курфюрст Бранденбургский. Он, оказывается, далеко не лишняя фигура в балтийском раскладе сил. Нужно с ним если не подружиться, то, по крайней мере, склонить к нейтралитету, без чего воевать со шведами очень рискованно. Бранденбургский двор хитер и проницателен — не чета простакам-московитам. Интрига должна быть основательно подготовленной и замысловатой. Главное, еще больше растравить аппетиты Фридриха III, дать ему *«разлакомиться»* тайным желанием получить королевский титул и намекнуть, что лучшего помощника в этом деле, чем Август II, не сыскать. И когда курфюрст сам начнет хлопотать о союзе, удастся не только втянуть его в войну со Швецией, но и заставить вернуть Саксонии отнятые у нее Бранденбургом земли.

Затем Паткуль переходит к России. Русского царя, в отличие от Фридриха III, уговаривать не надо: он сам инициатор войны. Особое внимание на Московию следует обратить по другой причине. Даже если союзнические отношения с Данией и Бранденбургом будут установлены, на них нельзя положиться целиком. Непременно должна учитываться реальная перспектива их преждевременного выхода из войны. Москва в этом смысле самый надежный союзник, однако она не двинется с места до заключения мира с Портой. Он случится *«еще не скоро»*, если не подстегнуть царя *«к разрыву с Швецией и к скорейшему окончанию Турецких дел»*. Паткуль, считая польско-датский союз хорошим, но недостаточным стимулом для этого, предлагает окольное и весьма экзотическое решение. Поскольку мастер интриги слышал о малоуспешной деятельности русской христианской миссии в Китае, он посоветовал Августу II убедить царя в целесообразности поручить эту задачу католическим священникам и обеспечить им безопасный проезд через территорию России. Паткуль мог иметь в виду только одно: под личиной содействия богоугодной политике христианизации восточных народов заменить православных миссионеров католическими. Римский папа, в благодарность за такую услугу, окажет давление на австрийского императора и Венецию, с тем чтобы те приложили все старания к примирению царя с султаном, вопреки препятствиям, чинимым Англией и Голландией. Своим деятельным участием в этой комбинации Август II, как уверял Паткуль, убьет, по крайней мере, двух зайцев — создаст благоприятную конъюнктуру для схватки со Швецией и приобретет большой вес в глазах Святого престола.

Поучая короля, как вести переговоры с Петром, Паткуль рекомендовал постоянно внушать царю, что именно от него исходила идея заключения союза против шведов, и тем самым прочно закрепить за Москвой статус просящей стороны. Это позво-

лит диктовать условия военного взаимодействия и послевоенного раздела трофеев. И тут Паткуль раскрывает себя во всей своей циничной наготе. Стойкий приверженец ведения войны чужими руками, он пишет о необходимости обязать царя *«помогать его королевскому величеству деньгами и войском, в особенности пехотою, очень способною работать в траншеях и гибнуть под выстрелами неприятеля, чем сберегутся войска его королевского величества, которые можно будет употреблять только для прикрытия аппрошей. Кроме того, трактатом необходимо ... крепко связать руки этому могущественному союзнику, чтобы он не съел пред нашими глазами обжаренного нами куска, т.е. чтобы не завладел Лифляндией. Надобно определить в трактате положительно, что должно ему принадлежать; для сего представить ему всю нелепость доводов, которыми предки его доказывали свое право на Лифляндию, и объяснить историей и географией, на какие земли могли они простирать справедливые притязания, т.е. не далее Ингерманландии и Карелии»*.

Паткуль повторяет высказанную еще в первом мемориале идею о недопустимости передачи России Нарвы, ибо после овладения этим *«крепким пунктом»* царь двинется на Ревель, Эстляндию и Лифляндию. Если Петр будет настаивать, прибегнуть к международно-правовой практике и вынести проблему на коллективное рассмотрение (нечто вроде арбитражного суда) заинтересованных в балтийской торговле сторон — Англии, Голландии, Дании и Бранденбурга. Паткуль не сомневался, что в таком случае вопрос о принадлежности Нарвы решится в пользу Лифляндии.

Исходя из того, что Данию, Бранденбург и Россию удастся вовлечь в войну со Швецией, Паткуль полагает важным включить в свой анализ возможную реакцию других держав.

Австрия, помня о *«глубоких ранах»* Тридцатилетней войны, никогда не сблизится со Стокгольмом. Но австрийского нейтралитета мало. Нужно склонить императора, как поручителя Оливского мира[1], к принятию обязательства обеспечить дипломатическую защиту Саксонии от шведского нападения с немецких территорий, входящих в состав Священной Римской империи. Однако подготовку разрыва со Швецией, пока он не произойдет, надо умудриться сохранить в тайне от Венского кабинета (?). В качестве ответной благодарности пообещать (но не *«связывать себе руки»* формальным обязательством) дать в помощь Леопольду I саксонские войска в случае войны за испанское наследство.

Теоретическую перспективу присоединения к Швеции Англии и Голландии, с точки зрения Паткуля, можно нейтрализовать, внушив им, что их торговля на Балтике не только не пострадает, но и прирастет, будучи избавленной от *«всех преград»*, чинимых шведами, особенно в Лифляндии. Отстранившись от участия в балтийском споре, Лондон и Гаага получат взамен дружескую благодарность Августа II, которая в преддверии испанской войны весьма им понадобится. Разумеется, следует также задействовать рычаги влияния на Англию и Голландию, которыми располагают Дания и Бранденбург.

Особую осторожность Паткуль советовал проявлять к Франции, возможно потому, что тонко чувствовал изощренную и беспощадную суть ее внешнеполитической стратегии, ярчайшим образом продемонстрированной в эпоху Тридцатилетней вой-

[1] Мир, заключенный в 1660 году в Оливе между Речью Посполитой и Швецией. Под этим документом стояла подпись Леопольда I в качестве гаранта соблюдения условий договора.

ны. По его мнению, чем больше реальных и потенциальных противников Франции впутается в северные дела, тем легче ей будет разобраться с Габсбургами в испанском вопросе. Против французского макиавеллизма Августу II следует действовать тем же оружием — делать вид, будто ищет дружбы с Парижем, но уклоняться от положительных обязательств. Лавирование и словесное обнадеживание — лучшая тактика в отношении обоих блоков в борьбе за испанское наследство. Лишние враги и завистники польскому королю незачем.

Принципиальную особенность второго мемориала представляет предупреждение Паткуля о том, что создание надежной антишведской коалиции — это лишь полдела. Самую главную опасность представляют острые противоречия между королевской (Август II) и шляхетской (сейм) Польшей. Сейм подозревает короля в стремлении к установлению наследственной монархии и будет рассматривать завоевание Лифляндии как шаг на этом пути, как удавку для *«Польской свободы»*. Этим не преминут воспользоваться шведы, сторонников которых среди поляков хватает. И другие государства, которым невыгодно территориальное расширение Польши.

Во избежание пагубного развития событий Паткуль замыслил хитроумную, почти шахматную комбинацию. Без всякого объявления войны захватить уязвимую в фортификационном плане столицу Лифляндии Ригу и поставить всех перед фактом. Но накануне выдать местным чинам и знати документы (патенты), гарантирующие их статус, собственность и привилегии. Затем провозгласить Лифляндию частью польской шляхетской республики, но не коронных владений. Обеспечить местной аристократии достойное представительство в сейме, предварительно подкупив польских сенаторов.

Это позволит достичь сразу трех целей. 1) Искусным блицкригом будет нанесен мощный удар по Швеции, который принесет Августу II *«всемирную славу и общее уважение»*, повысит цену на его военные услуги, заставит императора и французского короля ухаживать за ним, особенно в условиях приближения испанской войны. Тогда Август II, выбрав для себя одну или другую сторону, сможет расширить пределы Саксонии, компенсировав тем самым несостоявшееся приобретение Лифляндии *«в другом удобнейшем месте»*. 2) Шляхта избавится от своих опасений и собственными руками будет поддерживать и укреплять самодержавие как гаранта польской «демократии». В деле превращения королевской власти в наследственную, писал Паткуль, *«скорее помог бы лисий хвост, чем волчий рот»*. 3) Когда лифляндская, литовская и польская знать на собственном опыте удостоверятся в готовности Августа II непоколебимо следовать своим обещаниям, сейм всегда будет на его стороне.

Мемориал завершается выводом, который применительно к России необыкновенно красноречив своим беспредельным цинизмом. Паткуль убеждает Августа II в абсолютной недопустимости втягивания *«в долгую и сомнительную войну»*, что подразумевало только одно: захватив Лифляндию, немедленно заключить со Швецией сепаратный мир и позволить ей сосредоточить все силы против союзников Августа, прежде всего России, интересы которой заслуживали лишь того, чтобы им противостоять.

В конце июля 1699 года Август II поручил Тайному совету под председательством своего помощника генерала Якоба Генриха фон Флемминга вынести окончательные

решения по предложениям Паткуля. Эти предложения с некоторыми уточнениями были приняты. Меры, одобренные Советом, предусматривали следующее.

1) Отправить в Москву генерала Карловича для заключения наступательного союза против Швеции с условием, что русские войска откроют военные действия в Ингерманландии и Карелии в конце декабря 1699 года. Включить в миссию под чужим именем Паткуля, чтобы руководить действиями царя и подогревать в нем воинственное настроение.
2) Датскому королю предоставить действовать против Швеции по своему усмотрению, но делать все, чтобы он не вышел из войны.
3) Незаметно подвести саксонские войска к пределам Лифляндии, разместить их в наиболее удобных местах для нападения на Ригу и ждать, когда Двина покроется льдом.
4) Соблюдая чрезвычайную осторожность, предложить союз Бранденбургскому курфюрсту, посулив ему часть Померании.
5) Вступить в тайные переговоры с кардиналом-примасом Михалом Радзиевским с тем, чтобы через него представить сейму все выгоды завоевания Лифляндии и склонить шляхту к одобрению королевских планов.
6) Послать в европейские столицы (Вена, Лондон, Гаага, Кенигсберг) дипломатов настраивать соответствующие правительства в пользу Августа II.

Первоочередной и очень непростой — несмотря на то, что значилась лишь пятым пунктом в постановлении королевского Тайного совета — была задача расположить Михала Радзиевского, но она облегчалась корыстолюбием примаса, которое оказалось сильнее его нелюбви к польскому королю. Флемминг и Паткуль решили проблему с помощью 100 000 рейхсталеров.

Теперь предстояло сделать следующий шаг — договориться с русским царем, руки которого были связаны полной неизвестностью в турецком вопросе, с одной стороны, и сомнениями относительно перспектив шведской войны — с другой.

Миссия Карловича

Возвращаясь к визиту в Москву генерала Карловича, следует подчеркнуть, что его сопровождал Паткуль. Во избежание подозрений он, под именем Киндлер, числился в составе двенадцати саксонских рудознатцев, нанятых на царскую службу. 5 октября Карлович вручил Петру документ, объединивший в себе идеи двух мемориалов Паткуля — разумеется, без откровений относительно России. Видимо, это были предложения, переведенные в практическую плоскость проекта наступательного договора против Швеции.

Карлович, ссылаясь на встречу в Раве-Русской, подчеркивал, что тогда Август II, по внутриполитическим причинам, не смог откликнуться на призыв царя к войне. Теперь король готов к немедленному заключению альянса, считая, что русскому государю едва ли представится столь благоприятный случай *«в продолжение многих веков»*. Излагая уже известные читателю доводы, Карлович разворачивает перед Петром перспективы получения *«необъятных выгод»* в виде цветущей международной торговли

и *«всемирной славы»*, которую принесет скорее участие *«в общих делах Европы»*, чем покорение турок и татар.

Сквозь все это сладкоречие русофобские подсказки Паткуля пробиваются в образе классических двойных стандартов. Когда речь зашла о трофеях военной победы, Карлович не постеснялся заявить Петру, что *«общее благо христианства», «христианский долг»* и *«спокойствие Европы»* обязывают его потребовать от Швеции не больше того, *«что весь свет признает принадлежащим ему по праву»*, чтобы *«как соседние, так и дальние государства»* не противодействовали его *«справедливым притязаниям»*. Историку впору задаться вопросами: а свои собственные завоевательные и узурпаторские планы Август II относил к категории «справедливых притязаний»? Если да, то на каком основании?

В заключение разговора Карлович подчеркнул: *«король очень огорчился бы, если бы настоящий превосходный случай миновал без пользы: от промедления, благоприятные обстоятельства могут перемениться, и легко станется, что его королевское величество не в силах будет содействовать»*. *«Главное условие в этом деле: теперь или никогда»*.

Мы не знаем, о чем думал Петр, выслушивая Карловича. То немногое, что источники имеют сообщить о реакции царя, сводится к констатации его согласия на союз и решения поручить Ф.А. Головину обсудить с посланником подробности договора на предмет его подписания. За пределами этого общеизвестного факта остаются сокровенные мысли Петра, едва ли пропустившего мимо ушей «тонкие» намеки на необходимость соблюдать *«справедливость»* в русских требованиях к шведам. В свете последующих событий рискнем полагать: если кому-то из петровских современников показалось, будто простодушного царя обвели вокруг пальца, то он глубоко ошибся. Лишний раз это подтверждается тем фактом, что на призыв Августа II *«теперь или никогда»*, брошенный устами Карловича, Петр ответил категорическим отказом воевать против Швеции, пока не будет подписан русско-турецкий мир.

Штаб Головина и штаб Карловича (выражаясь современным языком) принялись за работу по подготовке текста союзного договора. Длилась она пять недель. Тон и темп работе задавал Петр, в том числе на встречах с Карловичем, к которым царь привлекал Гейнса как представителя страны, с которой он почти заключил союз. Беседы Петра с датчанином примечательны одним очень важным обстоятельством. Когда Гейнс исподволь попытался поторопить царя с открытием военных действий против Швеции, государь ответил, что *«пока тянется война с турком, не будет согласно дружбе советовать ему ввязываться в другое предприятие»*. Эта оговорка, как мы еще раз увидели, проходит лейтмотивом сквозь все рассуждения, которыми Петр делился с представителями предполагаемых союзников России.

Договор с Августом II был подписан 11 ноября 1699 года в селе Преображенское. Состоял он из 13 статей и открывался заявлением о намерении сторон *«имети войну обще против Короны Свейской за многие их неправды, обоим государствам нашим учиненные»*. Петр и Август обязались друг другу *«правдиво вспомогати»* ради общей *«пользы и приращения»*.

Во второй статье говорилось, что откроет военные действия его королевское величество, памятуя о своем обещании помочь царю вернуть *«твердое основание на Балтийском море»*, которым владели его *«высокославные предки»* в начале XVII века. Если для решения поставленных задач не хватит саксонских войск, то Москва предоставит

русские силы, но поначалу не иначе как в виде наемников, нанятых польской короной. То есть без разрыва русско-шведских отношений.

Две статьи (5-я и 13-я) оговаривали главное условие вступления России в войну — заключение мира или длительного перемирия с Портой, к чему Петр обещал приложить все усилия. В противном случае царь брал на себя обязательство выступить посредником между Августом II и Карлом XII, чтобы *«всякими мерами»* защитить интересы польского короля. Если же Россия, по достижении мира с турками, объявит Швеции войну, то непременным станет условие — отказаться от всяких сепаратных переговоров с неприятелем.

Условились привлечь к союзу Бранденбург, а также искать дипломатической поддержки у других государств, в частности Австрии и Голландии.

Статьи 10 и 11 обязывали стороны держать договор *«в высочайшей тайности»* и исполнять его *«безо всякого лукавственного переворачивания, вредительного растолкования и расширения»*.

После подписания договора Карлович представил царю Паткуля, открыв его личность и сообщив о подготовленном им заговоре с целью сдачи Риги саксонским войскам. Была ли открыта роль лифляндца в разработке условий альянса, неизвестно.

Накануне отъезда Карловича в Польшу (в день отъезда Петра в Воронеж 19 февраля) царь в знак особого благоволения подарил ему свой миниатюрный портрет, усыпанный алмазами. И велел передать Августу II самые горячие слова любви и дружбы. Вместе с соответствующим посланием.

Август II нуждался в более достоверной и подробной информации о планах царя, особенно теперь, когда рекомендации Паткуля открыли перед королем гораздо более сложную военно-политическую картину, чем она ему казалась. Важнейшим источником такой информации считался лифляндский изгой, не устававший ее добывать любыми способами. В июне 1700 года в его сети чуть было не попался майор Преображенского полка Кондратий Меер, находившийся в Варшаве по пути следования в Бранденбург с заданием нанять военных специалистов (см. ниже). Предыстория такова. Приехав в польскую столицу, Меер встретился с русским резидентом Любимом Судейкиным, который обнаружил в нем недалекий ум и чрезмерную болтливость. Он щеголял своей осведомленностью о том, о чем следовало бы помолчать. Ладно бы перед Судейкиным, но и перед всеми, кто попадался ему в качестве собеседников.

Намного опережая события, Меер заявлял, что *«с турком покой учинен»* и вскоре царь идет войной на шведа. Сообщал, где и какие собраны войска и под чьим командованием. Резидент оторопел от этого непотребного словоохотства, посоветовав Мееру не распространяться где попало о еще далеко не решенном вопросе, не делать того, *«чего ему не наказано»*, а исполнять то, *«за чем он послан»*.

Паткуль проведал о невоздержанном на язык майоре и сразу же получил от Августа II поручение ехать в Варшаву для проверки появившихся сведений. Эмиссар короля не мог иметь официальных полномочий на встречу с Меером, это было бы вопиющим нарушением дипломатических приличий. Поэтому он обратился с соответствующими вопросами к Судейкину. Единственное, что удалось выведать у резидента, было известие об ожидаемом возвращении царя из Воронежа в Москву. Дальше — история не ясная. Паткуль, по его собственным словам, передал Мееру 200 талеров

якобы от имени польского короля и якобы на дорогу до Берлина. За что на самом деле была уплачена эта немалая сумма, неизвестно. Также непонятно, зачем Паткулю внезапно понадобилось настаивать на срочном отъезде майора из Варшавы выполнять то, *«за чем он послан»*.

Позволим себе догадку. Если, как утверждает Паткуль, факт выдачи Мееру 200 талеров *«через его руки»* правда, то встреча между ними действительно состоялась и передачей денег дело, скорее всего, не обошлось. Маловероятно, что в ходе встречи Меер воздержался от хвастливой болтовни, тем более в общении с мастером добывать из людей нужные сведения. В таком случае рассказ о состоявшемся мире с Портой и о собранных для нападения на Швецию русских войсках, безусловно сопоставленный Паткулем с маршрутом следования Меера (в Берлин), родил в нем предположение, что Петр ищет союза с Бранденбургом. Не это ли заставило лифляндца хлопотать о выпроваживании майора, чтобы тот поторопился с выполнением миссии, столь полезной для Августа II?

* * *

В предстоявшей Северной войне Польша являлась самым парадоксальным союзником России. Отношения между ними разъедали глубочайшие исторические противоречия, которые с течением времени лишь усугублялись. Избрание саксонского курфюрста на польский престол ничего не изменило. Более того, к великодержавным аппетитам шляхетской элиты прибавились территориальные амбиции Августа II, в соответствии к которыми были разработаны большей частью тайные планы использования «простаков-московитов» против Швеции. В данном случае, оставляя в стороне степень «гениальности» этих замыслов, заметим, что в них изначально была заложена идея внезапного захвата Лифляндии, чтобы, поставив Стокгольм перед свершившимся фактом, заключить с ним сепаратный мирный договор.

Что будет происходить на русско-шведском фронте, ни Августа II, ни Речь Посполитую совершенно не интересовало. Впрочем, не совсем так. Если вдруг петровская «самодельная армия» не будет сразу же разбита в пух и прах и, паче чаяния, сохранит потенциал к сопротивлению, то нужно будет непременно озаботиться тем, чтобы приобретения России, если без этого нельзя будет обойтись, ни в коем случае не превышали ее потери времен Ливонской войны и Смутного времени, при непременном условии, что Нарва останется вне ее границ.

Вот это и есть реальные последствия того знаменитого «сентиментального» свидания между Петром и Августом в 1697 году, которому историки зачастую придают едва ли не судьбоносное значение. На путь предательства польский король встал еще в Раве-Русской, а свернуть с него ему не дали вращавшиеся вокруг разномастные авантюристы и интриганы. Да и сам он не слишком сторонился сомнительных методов политики. Хотя в ту сложную эпоху какие из них не были сомнительными?

Бранденбург–Пруссия

Исторические отношения между Русью-Россией и германским миром были пронизаны как глубокими противоречиями, так и объективной необходимостью искать пути к их преодолению. Войны перемежались с взаимовыгодной торговлей, и с те-

чением времени развитие международной ситуации в Европе привело стороны к постепенному пониманию, что существуют еще и общие политические интересы. После поражения Тевтонского ордена от поляков (Торуньский мир 1466 г.) территория Ордена была разделена на «королевскую (Западную) Пруссию», вошедшую в состав Польши, и Восточную Пруссию, управляемую герцогами из династии Гогенцоллернов, которые в 1525 году были вынуждены признать вассальную зависимость от польской короны. Мощный удар, нанесенный по немецкому национально-культурному единству, грозил повториться после объединения Польши и Литвы в Речь Посполитую (1569 г.), военно-агрессивный потенциал которой значительно вырос и представлял большую опасность для соседей. Таким образом были заложены основы той расстановки сил, которая в корне поменяет представления государства–преемника Ордена о его подлинных врагах и естественных союзниках. Восстановление немецкого единства, теперь уже в масштабах всей Германии, становится «категорическим императивом» прусской политики, осуществляемым без спешки, с неизменной методичностью, изощренностью и добросовестным цинизмом. Первыми помощниками в этом деле оказались бранденбургские курфюрсты, тоже Гогенцоллерны, добившиеся сначала личной унии с прусским герцогством, а затем (1657 г.) и его объединения с Бранденбургом в независимое государство.

Однако ни о каком спокойствии и благополучии в польско-прусских отношениях говорить не приходилось. Историческая вражда и взаимные территориальные претензии не ослабляли напряжения. Неуклонный подъем государства Бранденбург–Пруссия, каким бы осторожным ни было его поведение, обострял ситуацию сам по себе.

Другим препятствием к расширению объединенного государства была Швеция, державшая (во второй половине XVII в.) под своим контролем южное побережье Балтики, где Гогенцоллерны хотели получить гораздо более широкий выход к морю, чем они имели. В этом вопросе пруссаки действовали крайне осторожно, долгое время предпочитая использовать исключительно дипломатические методы, внимательно наблюдая за европейской конъюнктурой вообще и в балтийском вопросе в частности. Потенциальные союзники против Швеции были заняты другими делами, а воевать без них значило идти на самоубийство. Оставалось ждать. И сверхпрагматичная Пруссия ждала. Дольше всех.

После поражения в Ливонской войне Россия, потерявшая выход к Балтийскому морю, который теперь оказался в руках шведов, должна была рано или поздно думать о возвращении жизненно важного для нее побережья Финского залива. И возможно, это случилось бы раньше, чем позже, если бы не пресечение Рюриковской династии, повлекшее за собой Смуту и иностранную интервенцию, которые чуть было не воплотили в реальность заветную мечту польского короля Стефана Батория о полном уничтожении Московского царства. Из страшных тисков последствий Смутного времени Россия не могла вырваться на протяжении всего XVII столетия. А тем временем Швеция в результате Тридцатилетней войны превратилась в могущественного гегемона на Балтике. Брать реванш у такой державы с помощью тех военно-технических средств, что имелись у Москвы, было бы безумием. Перед ней пока стояла одна задача: собираться с силами, приглядываться к потенциальным союзникам и ждать благоприятной европейской конъюнктуры.

Общим врагом для Пруссии и России Швеция станет не сразу. На момент зарождения русско-прусских дипломатических контактов до этого было еще далеко. Подписанный в 1517 году союзный договор между великим магистром Тевтонского ордена маркграфом Альбрехтом Бранденбургским и Василием III (март 1517 г.) был направлен против Польши. Значение договора заключается лишь в том факте, что он положил формальное начало русско-прусским отношениям. Немцы постоянно просили у России деньги на войну, которую они толком и не вели. Не вполне понятно, чем договор, не принесший Москве никакой выгоды и не имевший последствий, заслуживает, по мнению Ф.Ф. Мартенса, *«полного внимания»*.

Впрочем, кое в чем заслуживает. После заключения союза в Москве побывали три бранденбургских посольства (1517, 1518, 1519 гг.), которые вольно или невольно насторожили Василия III и освежили недобрую память о «культурно-цивилизаторских» походах тевтонских рыцарей. Особые подозрения вызвало посольство 1519 года во главе с Дитрихом фон Шомбергом, доставившим сообщение о желании Римского папы вернуть Русскую православную церковь в правоверное лоно католической веры. Взамен он соглашался возвести московского митрополита в сан патриарха, а Василия III признать в качестве *«христианского государя»* путем соответствующей процедуры коронования. Это великодушное одолжение означало, что Рим не считал царя «христианским государем». На столь оскорбительное предложение ответа не последовало, если не принимать за таковой тот факт, что русско-прусские отношения были прерваны до 1650 года. Возможно, причину этого 130-летнего перерыва следует искать в стародавнем тевтонском презрении к диким и высокомерным московитам, усилившимся еще и от того, что они посмели отклонить высочайшую честь, оказанную им понтификом. Во всяком случае объяснять образование этой огромной хронологической лакуны гибелью исторических документов, как делает Ф.Ф. Мартенс, значит исходить из маловероятного (хотя теоретически возможного).

Вскоре после окончания Тридцатилетней войны (март 1650 г.) бранденбургский курфюрст Фридрих Вильгельм I прислал в Москву комиссара Генриха Райффа, уполномоченного поздравить царя Алексея Михайловича с восшествием на престол (через пять лет после коронации), принести извинения за столь длительную паузу в дипломатических отношениях и сообщить о желании курфюрста возобновить дружбу. Вспомнил он о России не от хорошей жизни. Последствия войны для Бранденбурга были катастрофическими: страшные демографические потери от боевых действий, эпидемий, голода. Курфюрст просил хлеба, чтобы накормить умирающий народ, с помощью которого нужно было как можно скорее оправиться от потрясений, укрепить армию, экономику, власть. Более того — сохраниться на политической карте Европы, как минимум, и, конечно, намного желательнее, в качестве одного из потенциальных лидеров среди государств германского мира.

Это становилось жизненно важным императивом в преддверии неизбежных новых войн. В начале 1650-х годов предпосылки для них стремительно накапливались в контексте перекрестных противоречий между Швецией, Польшей, Россией, Бранденбургом, Австрией, Данией, Голландией, погреть руки на которых были не прочь Англия и Франция. Внутри этой сложнейшей и крайне неустойчивой «шестеренчатой системы» шла ожесточенная борьба за пересмотр некоторых итогов Тридцатилетней войны, соединявшаяся со старыми конфликтами, такими как русско-польско-швед-

ские. Именно в этом коварном треугольнике и приходилось лавировать Фридриху Вильгельму I. Ему предстояло изловчиться до такой степени, чтобы не просто уцелеть в этих жерновах, но и выбраться из них с прибылью. Это была задача под стать лишь правителю с уникальным даром приспосабливаться к быстрым переменам политического ветра и с безграничным цинизмом. Такими качествами курфюрст обладал сполна. Но и они не давали гарантии успеха. Дело в том, что после окончания Тридцатилетней войны Швеция, как стало выясняться к середине 1650-х годов, не до конца удовлетворила свои аппетиты. Она стремилась приобрести устье Вислы и ту часть балтийского побережья под названием Западная Пруссия, которая связывала Восточную Пруссию (Прусское герцогство) с Померанией, чтобы обеспечить непрерывность шведских владений.

Это категорически противоречило планам собирания немецких земель. Взоры Берлина и Кенигсберга были обращены друг на друга, но между ними лежала польская (Западная) Пруссия (впоследствии получившая название «данцигский коридор»). Ее геополитическая ценность заключалась не только в балтийских портах, но и в ее роли широкого связующего звена между Прусским герцогством и Бранденбургом, соединенными личной, гогенцоллернской унией. Эта сдвоенная, но отнюдь не «буриданова» проблема поддавалась только последовательному решению, потенциально рассчитанному на длительную и туманную перспективу, которая реализовалась лишь через двести с лишним лет. Тогда такой перспективы не было, поскольку и Швеция, и Бранденбург–Пруссия стремились географически объединить собственные балтийские владения за счет одних и тех же земель. Заполучить этот лакомый кусок иначе как силой было невозможно, а идти на лобовое столкновение со шведами пруссаки, при их пока еще маломощной армии, не осмеливались.

Реалист до мозга гостей, Фридрих Вильгельм I подчинял свои замыслы международной конъюнктуре, каковой она была на данный момент, надеясь при этом, что в неразберихе середины XVII века все может быстро измениться. Но пока приходилось мириться с фактами. Вожделенную для Гогенцоллернов Померанию крепко держала в своих руках Швеция. А Западная Пруссия — ненавистный барьер между Восточной Пруссией и Бранденбургом — принадлежала Польше.

Таким образом, у Фридриха Вильгельма I было два явных врага — пока еще могущественная Швеция и пока еще дееспособная Польша. Но на счастье курфюрста, между ними никогда не было прочного мира. Вот и сейчас они находились на грани войны, на чем Бранденбург хотел сыграть. А поскольку в эту игру собирался втянуться их общий противник Россия, то прусские шансы срубить неплохой куш, не делая рискованных ставок, увеличивались. Первоочередную задачу Фридрих Вильгельм I видел в избавлении Восточной Пруссии от вассальной зависимости от Варшавы.

* * *

Царь Алексей Михайлович принял Генриха Райффа милостиво и согласился помочь. С этого времени начался более или менее регулярный обмен посольствами. Но отношения развивались крайне сложно. Сам по себе факт восстановления дипломатических контактов мало что значил, если их содержание сводилось к хлебной торговле. Москва, стоявшая на пороге войны с Польшей, естественно, интересовалась возможностью обзавестись союзниками и на всякий случай, без какой-либо

настойчивости, прощупывала почву в Берлине. Но на пути к полноценному русско-бранденбургскому союзу стояли большие препятствия. Для Алексея Михайловича приоритетной проблемой в первой половине 1650-х годов являлась не Прибалтика, а западнорусские и южнорусские земли, потерянные в Смутное время. Помогать царю в этом Фридрих Вильгельм I не видел для себя никакой пользы. В условиях, когда двусторонние и многосторонние антагонизмы грозили вылиться в большую коалиционную войну, перед курфюрстом открывались цели сколь соблазнительные, столь и рискованные. Поэтому он твердо решил сохранить за собой свободу маневра любой ценой, без оглядки на принятые обязательства, если от них не удастся уклониться.

Макиавеллистский склад ума, наличие которого он предполагал и у своих международных партнеров, приучил Фридриха Вильгельма I никому не доверять и быть готовым к любому коварному ходу со стороны государств-соседей, оставляя и за собой право на такие приемы. Не делал он исключения и для России. Более того, ее курфюрст порой боялся больше кого бы то ни было, почему, собственно, и искал с ней мира.

При всей сложности русско-бранденбургских отношений, они постфактум все же поддаются упрощению, если учесть более или менее очевидное обстоятельство. Эти отношения находились на обочине московской внешнеполитической стратегии. Ни критической заинтересованности в их развитии, ни страха утраты их у русского правительства не было. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на то, как Москва вела дипломатическую подготовку войны с Польшей (1654–1667 гг.). В государства, мнение которых было ей небезразлично (Швеция, Дания, Голландия, Франция), русские уведомительные посольства отправились загодя, еще в октябре 1653 года, что являлось, по крайней мере, актом монаршей вежливости. В Бранденбург же подьячий Ф.Ф. Порошин выехал 16 (26) мая 1654 года, когда царь Алексей Михайлович уже выступил в поход на Смоленск. В миссии Ф.Ф. Порошина не было ничего чрезвычайного. Ему поручалось передать курфюрсту грамоту, объяснявшую причины войны польскими оскорблениями (*«злыми бесчестьями и укоризнами»*) в адрес русских государей, в том числе допущенными в титуловании. Посланнику предписывалось не вступать в пространные переговоры, но выразить надежду на невмешательство Бранденбурга. Также ясно было дано понять, что от Фридриха Вильгельма ожидают внесения дополнений в титулатуру царя, где должны быть поименованы присоединенные к России Левобережная Украина и Киев.

Ответ был неожиданно резким. Для правителя малозначительного государства, проблемы которого многократно превосходили его силу и размеры и которое настойчиво ходатайствовало о возобновлении связей с Россией, пожалуй, даже слишком резким. Фридрих Вильгельм посмел чуть ли не иронизировать над русским объяснением причин разрыва с Польшей. Разве стоило, с удивлением спросил он, начинать войну из-за такого *«ничтожного повода»*? Со стороны курфюрста это было тем бесцеремоннее, что сам он с исключительной чувствительностью относился к малейшей допущенной в дипломатическом документе неточности в формулировке его титула.

Хуже другое. Фридрих Вильгельм не гарантировал своего нейтралитета в войне, что могло подразумевать только одно — возможность оказания помощи Польше.

Курфюрст предложил себя в качестве посредника в мирных переговорах. Победа ни одной из сторон не отвечала его интересам. Он не хотел иметь по соседству с собой ни усилившуюся Россию, ни усилившуюся Польшу. Но ему не было выгодно и их чрезмерное ослабление, лишавшее противовеса агрессивно настроенной Швеции. Курфюрст пугал царя военной мощью Польши и угрозой польско-крымского союза.

Фридрих Вильгельм считал войну крайне несвоевременной еще и потому, что в это время обострился его спор с княжеством Пфальц-Нейбург за право обладание Юлихским герцогством. Тут дело касалось важной для Бранденбурга задачи расширения его земель на запад Германии.

* * *

Все эти обстоятельства, включая не слишком любезную реакцию на миссию Ф.Ф. Порошина, говорили о нервозном состоянии курфюрста, вызванном страхом перед непредсказуемым течением событий. В отношении к Москве он попытался поднять себя выше той весьма скромной роли, которая принадлежала ему в международных делах, и тем самым оказать давление на царя. Из этого ничего не получилось. Хитроумной затеи Фридриха Вильгельма русское правительство просто не заметило. Во всяком случае, заинтересованности в продолжении контактов оно не выказало. Эту роскошь Москва могла себе позволить. А Берлин нет, поскольку перспективы его приобретений или потерь во многом зависели от России.

Фридрих Вильгельм стал это лучше понимать по мере успешного продвижения русской армии на запад. За месяц с небольшим (август — начало сентября) 1655 года она заняла южную часть Литвы и северо-западную часть Белоруссии, включая города Вильну (столицу Великого княжества Литовского), Гродно, Ковно. Ее передовые части находились в каких-нибудь 60–70 километрах от прусской границы, чего уже самого по себе было достаточно, чтобы встревожить Фридриха Вильгельма. Однако за этим мог последовать удар «русских варваров» по Ливонии, что стало бы для немцев сущим адом. А тут еще появились слухи о возможном избрании Алексея Михайловича на польский престол.

Хотя дальше двигаться в западном направлении русские не собирались, сам факт их близости вызывал в Кенигсберге если не страх, то немалую тревогу: долго ли будет продолжаться это малоприятное соседство и что там у царя на уме? Для Фридриха Вильгельма эти вопросы были далеко не праздными. На всякий случай он выставил на восточных рубежах Пруссии обсервационный корпус, поспешив заверить русских генералов в своих дружественных намерениях.

Остерегаясь забираться в глубь рассуждений Фридриха Вильгельма, не видим ничего невероятного, если они основывались на такой логике: когда неподалеку от твоих границ стоит армия, о планах которой ничего не известно, тут впору насторожиться. Сделать это следует тем более, что армия принадлежит России, отношения с которой (после миссии Ф.Ф. Порошина) фактически прервались при не самых приятных обстоятельствах. Отсутствие дипломатических контактов сеяло между Бранденбургом–Пруссией и Россией мрак безвестности, рождающий самые разные подозрения.

В накаляющейся и непредсказуемой международной ситуации Фридрих Вильгельм имел много причин избавиться от этого мрака. Не дождавшись от Москвы

ответа, который она то ли не спешила, то ли и вовсе не думала давать, по поводу отказа России даже в нейтралитете, курфюрст решил больше не медлить и послал в виленскую ставку Алексея Михайловича тайного секретаря Лазуруса Киттельмана. Но этому решению предшествовала крутая перемена в международной ситуации. В июле 1655 года началась шведско-польская война (также известная в литературе как Первая Северная война). Две параллельные войны, развернувшиеся вблизи бранденбургских и прусских границ, опасно затягивали узлы межгосударственных коллизий, еще больше осложняя задачи курфюрста. Как чуткий политик, он осознавал, что коль скоро остаться вне этой коловерти ему не удастся, нужно извлечь из нее максимально возможную выгоду. Не очевидные, но и не безнадежные шансы на выигрыш Фридрих Вильгельм видел в искусной, флюгероподобной стратегии, основанной на абсолютно беспримесном прагматизме. И фактически применять ее он начал во второй половине 1654 года, когда русские войска занимали одну польскую территорию за другой. Если не вдаваться в подробности головокружительных маневров курфюрста, порой просто захватывающих с точки зрения игровой составляющей войны и политики, то главную ставку он сделал на принцип лавирования в треугольнике «Швеция–Польша–Россия», не стесняясь вести тайные переговоры с другими европейскими державами.

Фридрих Вильгельм внимательно наблюдал за подвижками внутри этой комбинации, стараясь оставаться вне ее, пока эти державы не схватятся между собой. А когда это произойдет, нужно уже будет думать о том, к кому, когда и ради чего присоединяться. Сложно сказать, что в реальной политике курфюрста являлось загодя спланированной системой действий, а что импровизацией. Но одно очевидно: будучи в высшей степени осторожным, он точно угадывал тот исторический момент, когда одной лишь осторожностью цели не достигнешь.

Тем не менее, пока обстоятельства позволяли, он предпочитал дипломатическую активность военной. До определенного времени приоритетным направлением этой активности была Швеция, которой Фридрих Вильгельм опасался и на которую надеялся больше всего, ибо эта держава была способна как помочь в осуществлении его планов, так и разрушить их.

Воздушных замков курфюрст не строил и далеко на перспективу не загадывал. Накануне Первой Северной войны (1655–1660 гг.) самой главной его задачей было избавление Пруссии от польской зависимости. Придуманная им уловка еще раз доказывает, что при наличии достойной цели вопроса о достойных средствах для него не существовало. Первый ход в начатой им игре курфюрст сделал, вероятно, в июле 1654 года, предложив себя шведскому королю Карлу X Густаву в качестве вассала и союзника против Польши. Король, похоже, не поверивший столь радикальному и неожиданному демаршу, отклонил идею. Но курфюрст от нее не отказался в надежде на перспективу.

После этой неудачи Фридрих Вильгельм стал зондировать почву на антишведском направлении. В январе 1655 года он вступил в переговоры с Голландией, недовольной тотальным контролем Стокгольма над международной торговлей в Балтийском море вдобавок к бесчинствам шведских каперов. Но Генеральные Штаты, имея представления о политическом стиле курфюрста и зная о его предложениях Карлу X Густаву, не доверяли ему. Кроме того, Голландия была обессилена недавно закончившей-

ся войной с Англией (1654 г.). Переговоры шли трудно и долго. В конце июля был подписан договор, предусматривавший военную и финансовую помощь Фридриху Вильгельму лишь в том случае, если он подвергнется шведской агрессии. Надежность этого соглашения вызывала большие сомнения. *Во-первых*, достоверно определить нападающую и пострадавшую сторону всегда было непросто, на чем часто спекулировали противники. *Во-вторых*, неопределенность европейской ситуации давала Гааге достаточно поводов отказаться от выполнения своих обязательств, что тоже не было редкостью в международной практике. *В-третьих*, Фридрих Вильгельм сам мог круто поменять свой курс и тем самым лишить договор всякого смысла.

Голландией дипломатические ходы курфюрста не исчерпывались. Осенью 1655 года он просил у Вены имперских гарантий безопасности Бранденбурга—Пруссии в виде прямой военной помощи. Правительство Фердинанда III не спешило откликаться на просьбу и предпочло политику выжидания. Во многом это объяснялось недоверием к Фридриху Вильгельму, известному своими интригами во внутриимперских делах.

Несколькими страницами ранее мы заметили мимоходом, что Бранденбургу—Пруссии было еще далеко до влиятельной военной державы. Отсюда относительное безразличие, с которым воспринимало его русское правительство. Однако тут необходимы оговорки. Хотя Фридрих Вильгельм изо всех сил старался сосредоточиться на политико-дипломатических методах достижения своих целей, за фасадом этой макиавеллистской деятельности шло тихое, дисциплинированное строительство той немецкой военной машины, которая с течением времени доставит Европе столько драматических проблем и трагедий. Курфюрст берег этот пока только проектируемый механизм как зеницу ока, чтобы не сломать его преждевременно. Он будет пущен в ход не раньше, чем потенциальная перспектива успеха превысит всегда существующую степень риска.

В июле 1655 года Карл X Густав, воспользовавшись русско-польской войной, стремительно вторгся в Польшу. Эту стремительность («шведский потоп») обусловили несколько факторов. В условиях острого внутриполитического кризиса в Польше часть поляков поддержала шведов, другая оказалась неспособной к сопротивлению, третья вообще не хотела воевать. К концу года почти вся Польша была оккупирована. Казалось, Карл X Густав уверенно приближался к достижению своей главной цели — полное подчинение польских коронных земель и окончательное превращение Балтики в «шведское озеро». Дело, однако, в том, что справиться с внутренним хаосом в Польше было гораздо труднее, чем одерживать военные победы. Прочной и долговременной социально-политической опоры шведы не имели, а бесконечно управлять страной с помощью оккупационного режима они просто не могли. Была еще одна серьезная проблема. Зона шведского военного присутствия в Польше быстро расширялась на восток в сторону Литвы, приближаясь к местам расположения русской армии. Некоторое время король старался соблюдать осторожность и сохранять между войсками буфер безопасности. Однако ненадежность его становилась все более очевидной, поскольку Карл X Густав и царь Алексей Михайлович нацелились на завоевание одной и той же территории — Ливонии.

«Шведский потоп» наполнил Польшу той самой мутной водой, в которой Фридрих Вильгельм собирался ловить свою добычу, еще не зная о ее размерах. Но в этой

опасной воде можно было и самому стать добычей. Курфюрст, конечно, задавался вопросом: от кого исходит большая угроза — от шведов, вторгшихся в Польшу, или от русских, стоявших у границ Восточной Пруссии?

Стремление выяснить это и боязнь оказаться меж двух огней заставили его послать к царю Алексею Михайловичу в Вильно уже упоминавшегося нами Лазуруса Киттельмана. После высочайшей аудиенции 10(20) сентября состоялись двухдневные переговоры. В ходе их выяснилось, что роли поменялись. Если больше года назад Ф.Ф. Порошин ставил вопрос о нейтралитете Бранденбурга в русско-польской войне, то теперь пришел черед Берлина просить о гарантиях неприкосновенности владений курфюрста. Поскольку военно-политическая ситуация изменилась, государь в обмен на свое согласие имел право повысить свои требования (хотя бы в отместку за отказ Ф.Ф. Порошину). Но Алексей Михайлович великодушно пообещал не угрожать безопасности владений курфюрста (в которые он, правда, не включил Западную («королевскую») Пруссию, принадлежавшую Польше), если он сохранит нейтралитет.

С какой-то стати Киттельман предложил посредничество в достижении мира между Россией и Польшей, в ответ на что было высказано искреннее удивление: подобная инициатива должна напрямую исходить от польского короля Яна II Казимира, а не от его вассала, коим являлся Фридрих Вильгельм.

Туманные намеки на возможность заключения союза против Швеции русская сторона вообще оставила без внимания, понимая рискованность вступления в соглашение с таким правителем, как Фридрих Вильгельм. Да пока и не было у царя намерения воевать со шведами. Более того, отношения Стокгольма и России в тот момент открывали совсем другие перспективы. (Об этом ниже.)

Конечно, не дело историка осуждать Фридриха Вильгельма за то, что многие его демарши содержали элементы глубокой двусмысленности. Однако факт остается фактом: оснований доверять ему у русских не было. Во всяком случае, одно не вызывало сомнения: курфюрст продолжал дипломатическую разведку, избегая каких-либо ответственных действий и международно-правовых обязательств. По правде сказать, царю в тот момент была почти безразлична позиция государства, предпочитавшего лукавые политические маневры военным действиям.

* * *

К концу 1655 года у Карла X Густава, казалось, появились все причины для ликования. Подавляющее большинство польских воевод добровольно признали его власть. Литовский великий гетман Я. Радзивилл специальным договором передал свои владения в подданство шведской короне. Ян Казимир бежал в Силезию. Оставалось подчинить себе две Пруссии (Восточную и Западную [польскую]) с тем, чтобы взять под контроль практически весь южный берег Балтийского моря. Осенью 1655 года шведские войска вторглись в Западную Пруссию, а в начале следующего года они уже были под стенами Кенигсберга.

Фридриху Вильгельму совершенно реально грозила потеря половины его «дуалистического» государства. Какие уж тут планы объединения и расширения германского пространства! Курфюрст, дотоле избегавший примыкать к той или иной стороне, осознал, что пришло время вступить в большую игру, но только в свою собственную,

не знавшую моральных ограничений игру, а совсем не в ту, на которую надеялась Москва, теперь еще больше утвердившаяся в своем недоверии к курфюрсту.

Русскому правительству поначалу было трудно вникнуть в замыслы Фридриха Вильгельма, он их не афишировал, иначе пришлось бы признать, что его в равной степени страшила как Швеция, так и Россия. И во многом другом. Но теперь у курфюрста не было другого выхода, как выложить свои карты. 7(17) января 1656 года Фридрих Вильгельм сделал свой выбор, заключив со шведами Кенигсбергский военно-политический союз, согласно которому он объявлял себя вассалом Карла X Густава и обязался вступить в войну с Польшей. Точнее, с той ее частью, которая оказывала и, возможно, еще будет продолжать сопротивление. Шведские военные и торговые корабли получили свободный доступ в прусские гавани, а враги Швеции такого доступа лишались. Условия для Фридриха Вильгельма были унизительными. Епископство Вармия (Эрмланд), полученное им в качестве ленного владения, служило слабым утешением. Перейдя от одного сюзерена к другому, курфюрст предполагал обменять зависимость от польской короны на зависимость от шведской. Но с точки зрения международных законов такой обмен был неправомочен, ибо он относился к содержанию прусско-польских, а не прусско-шведских отношений. Это означало, что Фридрих Вильгельм попал в сеть двойной зависимости — де-факто от Стокгольма и де-юре от Варшавы. Используя шахматную терминологию, можно сказать, что дебют партии курфюрст проиграл. Однако открытым оставался ключевой вопрос: был ли у него дальнейший план на игру и как он собирался ее продолжать?

Применительно к концу 1655 и началу 1656 года этот вопрос, наверное, следует считать самым сложным. Отвлекаясь от того, что историкам давно известно о последующих событиях, представим себе, как должны были оценивать тогдашнюю ситуацию люди, обязанные принимать какие-то решения в условиях абсолютной неопределенности и растущего соблазна действовать под впечатлением временных успехов (не зная, что они временные), разрабатывать грандиозные планы, переверстывать союзные комбинации. И все это при наличии противоречий не только между государствами, но и внутри них. В воздухе витали идеи, вызывавшие головокружение у далеко не глупых политиков. Самая заманчивая из них — раздел Польши — сразу влекла за собой вопрос: между кем делить и как делить, чтобы не сцепиться между собой. Порой возникало впечатление, что польская корона выставлена на торги. Одни политические силы предлагали ее Карлу Густаву, другие Фридриху Вильгельму, третьи царю Алексею Михайловичу. Кто-то ратовал за шведско-польское примирение, кто-то — за русско-польское, а кто-то — за расширение состава антишведской коалиции. Можно ли при таких обстоятельствах рассчитывать на успех даже краткосрочных планов?

Впрочем, само течение событий подсказывало способы приспособления к ним. Вечного хаоса не бывает, даже в Польше. В 1656 году наметились признаки некоторой определенности, хотя внутри нее появлялись новые каверзы, и немалые. Фридрих Вильгельм сделал ставку на Швецию не совсем в подходящее время. «Шведский потоп» пошел на спад. Война, правда, продолжалась, но в ней начали происходить изменения не в пользу Карла Густава. Вернулся из Силезии Ян Казимир, вокруг которого, под влиянием разных причин, стали сплачиваться силы, ранее поддерживав-

шие шведов. В среде простонародья появились патриотические настроения, превращавшиеся в важный резерв для шляхетских военных формирований. Сопротивление росло во многом за счет партизанского движения. Однако коренной перелом пока не наступал. Виной тому отчасти были прусские войска, показавшие неплохую боеспособность, что, естественно, повышало значение союзнической помощи Фридриха Вильгельма, размер платы за которую, установленный Кенигсбергским договором, требовал пересмотра.

Царь Алексей Михайлович владел недостаточно полной и достоверной информацией о военно-политическом положении в Польше (впрочем, ею не владел никто). Но и то, что было ему известно, вызывало огромное беспокойство. Он слышал и о планах раздела Речи Посполитой, и об объединении ее под шведским скипетром, и об интригах курфюрста, и о многом другом. Более всего государя беспокоила перспектива наступления шведов на Ливонию при поддержке литовского гетмана, а возможно, и Фридриха Вильгельма. Исключать такое не позволяло, по крайней мере, одно обстоятельство. 15(25) июня 1656 года в Мариенбурге был подписан еще один договор между Бранденбургом и Швецией. Документ примечательный в данном случае тем, что не сулил России ничего обнадеживающего, поскольку он еще теснее связывал два государства, армии которых находились вблизи русских границ. В отличие от Кенигсбергского, Мариенбургский договор представлял прямую выгоду для Фридриха Вильгельма. Шведский король, завязший в трясине войны и теснимый поляками то в одном, то в другом месте, уже не мог обойтись без прусских войск, доказавших (еще раз повторим) свою пригодность не только для вспомогательных операций. Прекрасно понимая это, курфюрст резко повысил плату за свои услуги. Это означало, что за полгода Кенигсбергское соглашение безнадежно устарело, подслащенная пилюля в виде епископства Вармия его уже не устраивала.

Карлу Густаву пришлось пойти на пересмотр договора от 7(17) января. Он предложил курфюрсту значительную часть польских земель (шесть западных воеводств), но взамен потребовал в свое распоряжение всю прусскую армию. Фактически на повестку был поставлен вопрос о разделе Польши. Через месяц объединенные шведско-прусские войска разбили польско-литовско-татарскую коалицию Яна Казимира и заняли Варшаву. Но тут между Карлом Густавом и Фридрихом Вильгельмом возникли разногласия. Король настаивал на том, чтобы добить отступавшего противника, а курфюрст требовал мирных переговоров[1]. Ему не нужна была полная и окончательная победа шведов. Не доверяя обещаниям шведов, он хотел завершить войну на победной ноте и получить причитающуюся ему добычу. Но Карл Густав продолжил боевые действия и только ухудшил ситуацию: война перешла в позиционную фазу со взаимными наступлениями и контрнаступлениями. Фридрих Вильгельм поспешил вернуться в Восточную Пруссию, чтобы защитить ее от разорительных литовско-татарских набегов. Кроме того, поляки угрожали Бранденбургу, стремясь заставить курфюрста расторгнуть союз со шведами.

Не видя перспектив победы, он стал подумывать о переходе на сторону противника. В декабре 1656 года он заключил с поляками перемирие, приняв их условия о расторжении союза. Видимо, догадывавшийся об этом шведский король в попытке удержать курфюрста отказался от своего сюзеренитета, признав его полноправным

[1] Впрочем, Ян Казимир наотрез отказался от переговоров.

хозяином Восточной Пруссии. Но это уже не имело никакого значения, ибо курфюрст, похоже, настроился на корректное международно-правовое решение проблемы — получить освобождение от вассальной зависимости с согласия законного сюзерена Яна Казимира. В сентябре–ноябре 1657 года между Фридрихом Вильгельмом и Яном Казимиром были заключены два договора, согласно которым стороны вступали в союз против Швеции на условиях отказа короля от ленных прав на Восточную Пруссию и присоединения к ней трех пограничных польских городов с округами. В оставшиеся от Первой Северной войны годы, крайне непростые для всех ее участников (которых мы в данном случае за ненадобностью не называем), Фридрих Вильгельм целиком сосредоточился на вопросе о сохранении условий договоренности с Яном Казимиром, уже не помышляя ни о каких разделах Польши и иных непосильных для него авантюрах.

Отношения с Россией в принципе оставались на периферии его внимания. Москва тоже не слишком интересовалась планами курфюрста, несмотря на периодический обмен посланниками, которые много о чем говорили, но без всяких последствий. Ни к успехам, ни к неудачам друг друга в Первой Северной войне Россия и Бранденбург были непричастны. Это вовсе не означает, что русско-бранденбургские отношения не заслуживают подробного изучения, поскольку уже тогда исподволь закладывались те предпосылки, которые через несколько десятков лет определят совсем иную расстановку и совсем иные перспективы в следующей Северной войне.

Если у читателя возникло впечатление, будто мы намеренно не касаемся русско-бранденбургского договора 1656 года (сентябрь–октябрь), то оно ошибочно. Мы действительно не считаем этот документ критически важным для отношений между двумя государствами, но обойтись без его хотя бы поверхностного анализа в контексте Первой Северной войны означало бы оставить без внимания определенный этап и определенную последовательность в развитии этих отношений. Обстоятельства подготовки договора любопытны тем, что они раскрывают сложнейшую и рискованную интригу, на которую решился Фридрих Вильгельм, чтобы не стать жертвой других интриг в непредсказуемых условиях войны между Россией, Польшей и Швецией. Вступление в нее далеко не гарантировало курфюрсту победу, но и нейтралитет мог стоить ему дорого. Его выигрыш объяснялся не только политической изворотливостью курфюрста, но и тем, что Россия не помешала ему проявить ее, возможно в надежде, что делает небесполезный для себя вклад в будущее.

Заключив в 1656 году два договора со Швецией, Фридрих Вильгельм не изменил своему политическому стилю вообще и в отношении к России в частности в том плане, что он не спешил уведомлять ее о своем решении, до последнего выжидая того момента, когда дальнейшее промедление станет для него чреватым. Как-никак курфюрст вступил в военный союз с противником царя, и рано или поздно свое решение необходимо было либо объяснять, чтобы успокоить Москву, либо подтвердить ее подозрения об антирусской направленности этого союза. В конце концов ему пришлось посылать к Алексею Михайловичу гонцов, которым предписывалось всячески убеждать государя в нерушимости прусско-русской дружбы. Но, кроме этого, им предстояло выведать русские намерения в отношении как Швеции, так и Польши. Естественно, дружеских заверений Берлина Москве было явно недостаточно. Она,

признавая, что курфюрст находится в трудном положении, все же требовала от курфюрста четко определиться, на чьей он стороне. Ее не могло не тревожить, что пруссаки отдали в распоряжение Карла Густава свои вооруженные силы, которые он уже начал использовать против русских как в Ливонии, так и в восточной Польше (Люблин, Брест). Как в таком случае Москва должна была расценивать назначение прусско-шведского союза?

Между дипломатами Фридриха Вильгельма и царя Алексея Михайловича завязались сложнейшие переговоры, полные недоверия и подозрений. При анализе этих переговоров следует исходить из фундаментального обстоятельства. Силы и возможности государств были несопоставимы, что заставляло курфюрста опасаться России в гораздо большей степени, чем остальных участников войны, и искать к ней самые тонкие подходы, которые только имелись в его дипломатическом арсенале. К этому же принуждала абсолютно запутанная и быстро менявшаяся военно-политическая ситуация 1656–1658 годов. Сверхзадача курфюрста состояла в обеспечении гарантии ненападения русских войск на Пруссию, на что они имели полное право. К этому примешивались огромные опасения по поводу происходивших осенью 1656 года в Вильно русско-польских переговоров о перемирии и взаимных действиях против шведов и пруссаков. Это приближало официальное оформление новой расстановки сил, при которой Россия и Бранденбург оказывались в противоборствующих лагерях, то есть формально в состоянии войны. Возникала вероятность того, что Москва, связав себя договором с Варшавой, могла уступить воинственному настроению польской шляхты, возненавидевшей немцев за вероломное участие в «шведском потопе». Тем более что на виленских конференциях и позже поляки настаивали на совместном ударе по Пруссии и Бранденбургу. Русские дипломаты также не скрывали от курфюрста возможности такого поворота событий. Именно такого кошмара Фридрих Вильгельм хотел избежать любым путем.

Не столь страшной, но все же крайне нежелательной представлялась ему какая-либо форма зависимости от царя, который прямо предложил ему сменить шведский сюзеренитет на российский. Открыто не отвергая эту идею, курфюрст ищет способ выскользнуть из тисков тяжелейших обстоятельств путем ситуативного маневрирования между ними. Находясь в самой интенсивной фазе переговоров с русскими, Фридрих Вильгельм установил тайные связи с поляками на предмет выяснения, что они готовы посулить ему в обмен на разрыв союза со Швецией и, как знать, на политику дистанцирования от Москвы. Но поскольку их предложения были неопределенны и недостаточно привлекательны, эту затею пришлось оставить. Мысль о вовлечении Австрии и Дании в свои ухищренные комбинации тоже не открывала радужных перспектив во многом из-за закрепившейся за курфюрстом репутации ненадежного партнера по прозвищу «хитрый лис».

Ничего не оставалось, как доводить до конца переговоры с царем. Именно их результаты, несмотря на все привходящие факторы, могли сыграть определяющую роль в дальнейших судьбах Бранденбурга–Пруссии. Прекрасно это чувствуя, Фридрих Вильгельм, позволяя себе рискованные действия в отношении Польши и Швеции, старался всячески избегать их в отношениях с Москвой и не заигрываться с ней до такой ситуации, из которой нельзя будет выпутаться без катастрофических потерь. Нужно было обладать особым складом ума или особым фанатизмом, чтобы поста-

вить перед собой в принципе почти неразрешимую задачу: сохранить полноценный военный союз со Швецией и одновременно искать соглашения с Россией, желавшей нанести поражение своему давнему врагу. И оба этих устремления направить к одной цели — стать победителем в войне и получить максимально возможные трофеи. Эту головоломку курфюрст намеревался решить в ходе переговоров с царем. О том, что он имел в виду под наибольшим выигрышем, можно лишь догадываться. Возможно, он втайне рассчитывал на невероятный поворот в течении событий, как это уже случилось во время Тридцатилетней войны? Достоверно одно: курфюрст решительно принял сторону шведов не ради торжества статус-кво. Не исключено, что в глубине сознания он вынашивал и программу-максимум, и программу-минимум. Если так, то именно в ходе запутанных переговоров с Россией ему предстояло выяснить, где та черта ее уступчивости, снисходительности и (учитывая невысокое мнение европейцев об уровне русской дипломатии) простодушия, которую она не перейдет. От этого, понятно, будут зависеть размеры либо его выигрыша, либо его проигрыша. В идеале Фридрих Вильгельм мечтал заплатить мизерную цену за крупные приобретения, и морально-престижные, и территориальные.

Все это будет обречено стать пустыми фантазиями, если Россия нанесет удар по Пруссии, сановники которой были убеждены в растущей враждебности русских. Прогнозы звучали печально: если царь (он поставлен на первое место) вместе с союзниками обрушится на Пруссию, от нее не останется камня на камне. Сделать все, чтобы этого не случилось, — таков был непререкаемый императив Фридриха Вильгельма. Но даже тут он старался обойтись малыми жертвами. Вопрос о переходе под царский сюзеренитет и заключении военного союза он ловко растворил в рассуждениях об оптимально приемлемой форме прусско-русских отношений в столь смутной обстановке. Идею разрыва со Швецией курфюрст мягко отклонил, ссылаясь на свой страх перед ней и прося русских войти в его положение. Он умолял об одном — пакте о ненападении при сохранении прусско-шведского альянса.

Любая война создает широкое поле для интриг, подвохов, предательства и случайностей. На нем, стоит признать, Фридрих Вильгельм показывал выдающиеся игровые способности. Тут *«самая хитрая лиса Европы»* была в своей стихии. На переговорах с русскими курфюрст не изменил себе.

Совершенно очевидно, что для царя Алексея Михайловича любой исход этих переговоров имел жизненно важное значение. Как не менее очевидно и то, что ему было небезразлично, чем они закончатся. Государь не придавал слишком большого значения тем уловкам, к которым прибегал Фридрих Вильгельм. Его поведение интересовало государя лишь в той мере, в какой оно способно помочь или воспрепятствовать победе над шведами. А мера эта была не настолько велика, чтобы сосредотачивать все дипломатические усилия на ухаживаниях за курфюрстом. Тем не менее переговоры (под Ригой) шли напряженно. Привезенная немцами грамота Василия III к магистру Тевтонского ордена Альбрехту (1517 г.), как напоминание о давней дружбе, не произвела впечатление на русскую делегацию, а, возможно, даже вызвала подозрение: о хитростях курфюрста наслышаны были все. Царские дипломаты поставили первым и главным условием принесение за себя и за своих потомков клятвы в том, что никогда и ни в какой форме они не будут оказывать помощь государствам (в ближайшем случае имелись в виду Швеция и Польша), на-

ходящимся в состоянии войны с Россией. Соответствующая формулировка звучала жестко и требовательно: *«чтоб то с его* (курфюрста. — *В. Д.*) *стороны было содержано крепко и нерушимо отныне и до века»*.

Царь принимал на себя обязательства в несколько иной формулировке: не помогать тем, кто нападет на курфюрста.

В общем это было соглашение о дружественном нейтралитете. Бранденбург, будучи в союзе со Швецией, отказывался от враждебных действий против России. А воевавшая против шведов Россия гарантировала то же самое курфюрсту. Поучалась довольно необычная комбинация. Стороны, находившиеся в противоборствующих лагерях, договорились не участвовать в военных действиях против друг друга.

Хотя Фридрих Вильгельм в общем безоговорочно принял русские условия, при ратификации возникли протокольные споры. Пруссаки выразили недовольство несимметричностью ритуала ратификации, указав, что курфюрст принес присягу за себя и потомков, в то время как царь этого не сделал. Однако, во избежание осложнений, настаивать не стали.

Видя, что дело идет на лад, Фридрих Вильгельм попытался выторговать у России обещание оборонять Бранденбург–Пруссию, если она подвергнется нападению. Но эта просьба была отклонена.

Расчетливые немцы не упустили случая включить в договор выгодную для себя статью о торговле, скорее всего с прицелом на будущее. Но русские придали ей столь общий и ни к чему не обязывающий характер, что о ней и говорить не стоит.

Хотя договор был бесспорным успехом для курфюрста, полной безопасности он ему не гарантировал, поскольку Виленское перемирие 1656 года освобождало значительную часть польской армии, позволяя ей целиком сконцентрироваться на войне против шведско-прусского союза. России это было на руку, ибо давало больше уверенности в том, что непредсказуемый Фридрих Вильгельм не выкинет какой-нибудь фокус. Воевать с курфюрстом Россия не собиралась, но держать его под дамокловым мечом страха перед лицом объединенных русских и польских войск представлялось небесполезным. Когда имеешь дело с подобным правителем, сдерживающая острастка никогда нелишня. Россия применяла не слишком завуалированную форму давления на курфюрста, предлагая ему поторопиться с пересмотром своих планов. Позже Фридрих Вильгельм, желая польстить царю, говорил, что это возымело свое действие, хотя он представил свой очередной поворот не как результат страха, а как добровольное желание последовать мудрому совету государя.

Когда начался коренной перелом в войне не в пользу шведов, курфюрст осенью 1657 года переметнулся на сторону Польши в обмен на отмену его вассальной зависимости от польского короля. Фридрих Вильгельм стал полновластным правителем самостоятельного государства — Бранденбурга–Пруссии. Это был большой успех, и кто-нибудь другой на месте курфюрста, возможно, посчитал бы цель своего участия в войне достигнутой. Однако дальнейшие его действия позволяют выдвинуть гипотезу, что Фридрих Вильгельм вынашивал более амбициозные планы. Отныне он направил свою изощренную активность на продвижение идеи создания широкой антишведской коалиции и продолжения войны до полной победы, надеясь, что его участие в ней даст ему право претендовать на более крупные уже не моральные, а материальные трофеи, в той же Померании или в других частях Германии.

В реализацию этой (разумеется, негласной) программы курфюрст хотел вовлечь и Россию, куда он послал опытных дипломатов рассказать о всех выгодах большой коалиционной войны. В этих рассказах не хватало ответа на вопрос: а что получит от этого царь. Впрочем, Фридрих Вильгельм держал для Алексея Михайловича приманку — свою активную помощь в его избрании на польский престол. Была ли эта идея изначально провальная, сейчас уже не выяснить. Но дело в другом. И курфюрст, и царь понимали, что помощь в обеспечении геополитической непрерывности прусских земель — бесценная услуга со стороны России. Шведы предлагали Фридриху Вильгельму за союз с ними всего лишь кусок восточной Польши. А тут речь шла о поистине королевском подарке. Стало быть, и расплата курфюрста должна быть соответствующей. Это означало, что призрак раздела Польши, витавший в воздухе в разгар «шведского потопа», вновь обретал актуальность. К этому нелишне добавить и популярные среди литовской шляхты планы отделения от Великой Польши. Фридрих Вильгельм обещал употребить для осуществления этого проекта все свое немалое (по его словам) влияние на внутрипольскую политическую ситуацию. Надо предполагать, он подразумевал свои незаурядные манипуляторские способности. Он, собственно, уже пустил их в ход, когда убеждал царя не прекращать войну со Швецией и сохранять перемирие с Польшей, чтобы не раскалывать единый антишведский фронт.

Однако международное положение изменилось. В условиях бесперспективности продолжения боевых действий в Ливонии и приближения новой войны с поляками царь склонялся к миру с Карлом Густавом и к отказу от виленского перемирия, что предвещало перемещение акцента его внимания на Украину и Малороссию. Макиавеллистского дара курфюрста было недостаточно, чтобы предотвратить это.

После прекращения русско-шведской войны и возобновления русско-польской (1658 г.) актуальных точек соприкосновения интересов России и Бранденбурга почти не осталось. Фридриху Вильгельму пришлось удовлетвориться полученной добычей и тем немаловажным фактом, что его отношения с Москвой сохранили неплохие перспективы для ровного и неконфронтационного развития.

* * *

В 60-е — 80-е годы XVII века русско-бранденбургские отношения развивались относительно благополучно, хотя и не беспроблемно. Особо важного содержания в них не было. Берлин пытался предлагать Москве ничего не стоившие ему дипломатические услуги, в которых она в общем-то не нуждалась, но отвечала признательностью. Тяги к более тесному сближению русское правительство не проявляло. Впрочем, нельзя сказать, что Россия не обращалась к Бранденбургу за помощью, в частности во время войны с Турцией (1672–1681 гг.). Правда, царь Алексей Михайлович просил войска для Польши, с которой он был тогда в союзе против турок. Фридрих Вильгельм не отказывал и даже спрашивал, сколько нужно войск. Но вскоре курфюрсту было уже не до этого. Втянувшись в Голландскую войну (1672–1678 гг.), он уже не мог отвлекаться на другие дела. Когда в этой войне в 1674 году на сторону Франции, а значит, против Бранденбурга, союзника Голландии, встала Швеция, Фридриха Вильгельма осенила идея реанимировать балтийский вопрос. В 1675 и 1677 гг. он присылал к царю послов с предложением нанести совместный упредительный удар по шведам, пугая тем, что позже они усилятся и совладать с ними будет трудно. Москва, узнав

о небезгрешном поведении курфюрста в отношении Швеции, предпочла нейтралитет. Основная причина, однако, заключалась в другом. Исход тяжелой войны с турками был неясен, и поэтому встраиваться в фарватер авантюрной политики Бранденбурга русское правительство не собиралось.

При всей относительной незначительности державного статуса Фридриха Вильгельма I он безусловно принадлежал к одним из самых умных и изворотливых политиков Европы. Казалось бы, его почти маниакальная сосредоточенность на германских делах должна была оттеснить на задний план все остальное. Но именно германские планы курфюрста обостряли его внимание к любым внешним факторам, способным служить подспорьем в медленной, но верной подготовке к достижению великих целей, пусть и не при его жизни. Странно было бы, если бы Россия осталась вне системы этих факторов, из которых ему иногда удавалось сплетать хитроумные кружева. Во всяком случае ее присутствие (мы не говорим о помощи) на политическом поле Первой Северной войны в той или иной степени способствовало освобождению Фридриха Вильгельма от польской зависимости и полноценному политическому (хотя и не географическому) объединению Бранденбурга с Восточной Пруссией (1657 г.)[1].

Со второй половины XVII века Европа начинает все пристальнее вглядываться в происходящее на востоке, где быстро поднимающееся Московское царство смело бросает вызовы могущественной Османской империи, огромному польско-литовскому государству и даже беспрекословному хозяину Балтики — Швеции. Какие бы чувства это ни вызывало — страх, возмущение, зависть, презрение, желание указать выскочке на его место, — европейцы уже не могли отделаться от раздумий над необходимостью считаться с этими «варварами».

Фридрих Вильгельм являлся одним из самых любознательных и заинтересованных наблюдателей. Он видел колоссальный материальный потенциал России, реализующийся в военных предприятиях, хозяйственной жизни, освоении громадных территорий. Иметь такое государство во врагах было бы глупо. А вот сблизиться с ним с пользой для будущего Германии — другое дело.

С середины 1670-х годов Бранденбург добивался учреждения в Москве постоянной дипломатической миссии, призванной способствовать конструктивному развитию отношений, обмену информацией и повышению авторитета Бранденбурга–Пруссии на международной арене. Это желание наталкивалось на большие препятствия. Русское правительство с подозрением относилось к Европе вообще и к Фридриху Вильгельму в частности (к чему, кстати, имелись основания, учитывая его своеобразное отношение к союзным обязательствам, продемонстрированное в недавней Северной войне). Историческая подозрительность к чужеземцам ставила царских сановников перед вопросом: по какой такой надобности ходатайствует курфюрст о постоянном проживании его дипломатов в Москве? Для чего иностранным резидентам находиться в России месяцами и годами? Уж не для того ли, чтобы вызнавать государевы тайны?

Разумеется, на повторяющиеся прусские просьбы Посольский приказ отвечал другими аргументами. Для торговых нужд у обеих сторон имеются купцы, исправно ведущие свое дело и не сидящие на одном месте. В случае недоразумений они знают, куда и кому жаловаться. Для доставки царю срочного документа из Берлина или дру-

[1] Установление меры объективного влияния русского фактора на этот успех курфюрста, на наш взгляд, представляет любопытную задачу для историка.

гой европейской столицы есть курьерская связь, а для обсуждения важных государственных дел — чрезвычайные послы, обычно не задерживающиеся в Москве по завершении миссии. Чего же боле?

Но Берлин не унимался, усиливая взаимное раздражение. Еще большим его делали пререкания, связанные с различным толкованием церемониально-этикетных норм, которые должны соблюдаться в ходе обмена официальными посольскими визитами между Москвой и Бранденбургом. Тут мельчайший намек на умаление статуса царя или курфюрста вызывал бурную реакцию с обеих сторон. После освобождения от польского сюзеренитета Фридрих Вильгельм требовал учета этого важного для него обстоятельства в процедурных деталях, которых обязаны были придерживаться русские посланники при вручении верительных грамот. Русские отказывались, в свою очередь указывая на невнимание Бранденбурга к изменениям в титулатуре царя после присоединения к России Левобережной Украины с Киевом и Малороссии.

Были жесткие споры и по сугубо, так сказать, мизансценным аспектам высочайших аудиенций. Они были прописаны до мельчайших нюансов, которые не совпадали в силу различий между русскими и немецкими дипломатическими обычаями. На застольных приемах порой доходило до безобразных стычек, предмет которых человеку XXI века может показаться совершенно ничтожным. Но в те времена подобные «пустяки» иной раз выливались в кровопролитие. Европейцы, не желавшие понимать и принимать «дикие» московские традиции, воспринимали их как *«заносчивость и невыносимую спесь»*. Такие же эпитеты в отношении своих визави использовали и русские.

И все же некоторая динамика в русско-бранденбургских отношениях наблюдалась. Берлин не оставлял попыток сблизиться с Россией и даже готов был идти на компромиссы в щекотливых вопросах. С конца 1680-х годов признаки определенных подвижек становятся более или менее различимыми.

В 1688 году после смерти Фридриха Вильгельма I к власти пришел его сын Фридрих III. Это был человек с сильным тщеславием и слабым характером. Особыми дарованиями он не славился, но имел вполне определенные внешнеполитические взгляды и старался последовательно проводить их в жизнь. Фридрих III придерживался проавстрийской ориентации, что автоматически превращало его в противника Франции. Это не мешало ему восхищаться и подражать порядкам, заведенным при дворе Людовика XIV.

На Россию курфюрст смотрел без восхищения, но с уважительным вниманием к ее возраставшей роли в международных делах. У него хватало ума, чтобы догадываться о перспективах использования Москвы для решения «прусских» исторических задач. Случай выразить свои добрые чувства к России представился в первый же год его правления. Фридрих III отправил в русскую столицу посольство Иоганна-Рейера Чаплича с извещением о своем вступлении на престол и о намерении установить дружеские отношения с московским двором. В инструкции послу рекомендовалось уклоняться от обещаний, учитывая возможность обращения русских за помощью против турок. Но делать это как бы в оправдательной тональности, ссылаясь на *«сложные комбинации на Западе»*, которые затрудняют оказание союзнических услуг Москве. Курфюрст просил русское правительство не отказывать в приюте гонимым европей-

ским протестантам, а прусским торговцам предоставить те же права, какими пользуются другие иностранцы. Взамен русским купцам в Бранденбурге гарантировалась полная веротерпимость и покровительство в коммерческих делах. Чапличчу предписывалось навести подробнейшие справки о внутриполитической ситуации в государстве, прежде всего о расстановке сил при дворе и об армии, а также о состоянии русско-польских и русско-шведских отношений, с которыми Фридрих III намеревался сообразовывать свои северные планы.

Чаплич прибыл в Москву 23 ноября 1688 года, в тревожное время, когда оставалось девять месяцев до свержения царевны Софьи, а внутри правящей элиты нарастали раскол и борьба фракций, предвидеть исход которой было сложно. Принимать ответственные дипломатические решения было некому. Однако Посольский приказ продолжал исправно выполнять свою профессиональную работу. Впрок. С прицелом на ближайшее и более отдаленное будущее.

В Москве посла приняли высокие чины и с надлежащим пиететом. Особым расположением Чаплич пользовался у князя Б.А. Голицына и Е.И. Украинцева. Они вели с ним долгие беседы по самому широкому спектру международных проблем в полуофициальном порядке, в духе сверки позиций. На вопросы, ставившиеся перед гостем, тот отвечал обстоятельно, но осторожно. На первом плане была русско-турецкая война как сама по себе, так и в контексте тенденций развития общеевропейской конъюнктуры. Чаплич аккуратно выполнил тот пункт курфюршеского наказа, где говорилось: «никаких обязательств».

Собеседники посла были более щедры на обещания. Они заверили, что в России хватит места всем религиозным диссидентам. Бранденбургским купцам посулили льготы и привилегии.

Чаплич был официально представлен обоим русским царям. В этой церемонии ключевая роль принадлежала, конечно, Петру Алексеевичу. Последующие встречи с ним были для представителя Фридриха III важны тем, что они являлись вкладом в развитие русско-прусских отношения.

Будущий самодержец России произвел на Чаплича сильное впечатление. В донесениях к курфюрсту Петр фигурирует как человек, умевший очаровывать иностранцев своей энергией, любознательностью, пытливым интересом к наукам и искусствам. Чаплич удостоился чести присутствовать за царским столом по случаю дня рождения Петра. Там ему досталась более щедрая доля монаршего внимания, чем другим дипломатам.

Но когда Чаплич поднял застарелые вопросы — об учреждении постоянного прусского посольства и введении равноуважительного церемониального стандарта — начались прежние трения. Лишь эта часть миссии завершилась неудачей. Во всем остальном (торговые и конфессиональные дела) курфюрст получил полное удовлетворение, что имело для него большее значение, чем оставшиеся нерешенными протокольные вопросы. По итогам переговоров стороны констатировали *«недвижимо пребывающую»* дружбу между Москвой и Берлином.

31 марта 1689 года посол покидал Москву в прекрасном расположении духа, увозя с собой надежды на плодотворное продолжение русско-прусских отношений. После его отъезда царь, что случалось не часто, поблагодарил курфюрста за присылку такого умного и добросовестного человека, как Чаплич.

В течение следующих семи лет (1689–1696 гг.) Фридрих III получал от своих резидентов в России регулярные донесения о том, кто интересовал курфюрста в первую очередь — о Петре, его характере, реформах, внешнеполитических планах. С мая 1693 года между царем и курфюрстом установилась дружеская переписка, одним из эпизодов которой стало сердечное поздравление по случаю взятия Азова.

Во время заграничного путешествия Петра в Кенигсберге состоялось его личное знакомство с Фридрихом III (май 1697 г.). Взаимная приязнь возникла между ними с первой же встречи. Но она не помешала царю решительно отклонить предложение о союзе против Швеции и настоять на таком русско-прусском договоре, который обязывал бы Бранденбург помогать России против Турции и Польши, лишая его возможности рассчитывать на равноценную ответную поддержку. В свете общеизвестных представлений о внешнеполитических приоритетах прусского правительства и бережливом отношении к своей армии едва ли приходилось рассчитывать на его готовность принять беспрецедентное и рискованное решение о вмешательстве в русско-турецкую войну.

Подписанный 22 июня 1697 года Кенигсбергский договор важен как выражение твердого намерения поддерживать самые добрые отношения и как документ, открывающий перспективы для превращения этих отношений в полноценный военно-политический союз. Но с международно-правовой точки зрения он не имел взаимообязывающего характера. Сегодня мы, скорее всего, назвали бы его протоколом о намерениях[1].

Для упрочения добрых отношений с Петром Фридрих в конце 1698 года отправил в Москву специальное посольство во главе с Марквардом-Людвигом Принценом. Выбор на этого молодого (24 года), умного и обходительного человека пал не случайно. Еще в бытность Петра в Кенигсберге Принцен прекрасно справился с возложенной на него непростой и ответственной обязанностью — выполнять любое желание гостя. Царю его временный адъютант пришелся по душе.

Через полтора года, уже в Москве, Петр воздал Принцену сторицей. Чего только стоит торжественный въезд посланника в столицу 14 января 1699 года. Дело вовсе не в пышной процессии. Москва видывала и не такое. Но чтобы за всем этим из толпы зевак наблюдал никем не узнанный царь (если принять предположение М.М. Богословского), то такой своеобразной почести еще не удостаивался ни один иностранный дипломат.

Не заставил себя ждать и другой гостеприимный жест. Припомним, что иные послы дожидались царской аудиенции месяцами, и это считалось в порядке вещей. А тут едва Принцен успел распаковаться, как состоялась пышная церемония представления государю (20 января), где Петр, стоя, с непокрытой головой, принимал верительные грамоты и, кажется, с нетерпением ждал окончания официальной части. Когда это произошло, он сказал Принцену: *«Ну, теперь... давайте жить, как в Кенигсберге»*. И пригласил посла к богатому застолью, продолжавшемуся четыре часа. Между заздравными тостами были разговоры, в том числе о кораблестроении и о текущем моменте (розыске и казни стрельцов).

Через два дня (22 января) Принцену был *«пожалован царский стол»*. К нему на подворье отправили целый обоз с *«пятьюдесятью кушаниями и двадцатью четырь-*

[1] Ф.Ф. Мартенс, не отрицая сходства этого договора с декларацией, все же несколько преувеличивает его практическую ценность.

мя флягами с напитками»[1]. У иностранных дипломатов в Москве имелись все основания к ревнивому восприятию особого отношения Петра к Принцену.

Но личную дружбу царь никогда не путал с государственными делами. В этом мы еще раз убеждаемся, обращаясь к деловой части русско-бранденбургских переговоров, состоявшихся 27 января. Петр поручил их Л.К. Нарышкину. Покончив с красивой преамбулой, посол перешел к изложению целей своей миссии.

Но прежде скажем несколько слов об общей установке, полученной Принценом от курфюрста. Принципиальный посыл состоял в том, что в настоящее время между Бранденбургом и Швецией после разрешения спорных вопросов установились мирные, благополучные отношения. Русско-шведская война курфюрсту не выгодна, и нужно сделать все, чтобы ее предупредить, в том числе обратив внимание русских и шведов на общую для Европы опасность со стороны Османской империи.

Что касается двух конкретных задач миссии Принцена, то первая из них была связана с разыгравшимся между Бранденбургом и Польшей конфликтом вокруг города Эльбинг. Суть дела. Почти полвека назад Речь Посполитая заняла у отца Фридриха III большую сумму денег, а в качестве залога предложила Эльбинг. Позже за неуплату долга бранденбургские войска заняли город. Курфюрст просил Петра о посредничестве в этом вопросе, а в случае войны — помощи.

Вторым пунктом значилась, пожалуй, более сложная и щекотливая проблема. Как известно, Фридрих III был одержим желанием получить королевский титул. Поддержка со стороны России явилась бы важным шагом на этом пути. Курфюрст хотел, чтобы для начала царь признал не столько сам королевский статус, сколько право на обладание им. Он ходатайствовал об изменении церемониальной стороны в русско-бранденбургских отношениях. Проще говоря, Петра просили, чтобы дипломатам курфюрста в Москве оказывали те же почести, что и посланцам европейских коронованных особ. Самому же царю предлагалось называть Фридриха, как это заведено между королями, «братом».

Указанные цели миссии были подробно изложены в шестистатейном меморандуме, врученном Л.К. Нарышкину, который распорядился переправить документ к царю в Воронеж. Ответ Петра готовился больше месяца и претерпел несколько редакций. Государь лично корректировал некоторые формулировки, придавая особое значение тональности текста. Чем менее он склонялся к признанию притязаний Фридриха III, тем очевиднее было его старание скрыть это за высокопарными заверениями в любви и дружбе. Обстоятельно перечисляя государевы милости, которые оказываются (Принцен — живой свидетель) и будут впредь оказываться посланцам курфюрста, Петр как бы намекает, что это даже выше почестей, каких удостаиваются в Москве королевские представители. Зачем эти формальности, когда между двумя государями установились столь братские отношения.

Одним словом, свой твердый по сути отказ Петр облек в мягкую, обтекаемую, деликатную форму, искусно переведя акцент с существа дела на тему об исключительной важности тех высоких взаимных чувств, которые связывают царя и курфюрста. Это, как подразумевал Петр, самое главное, к чему со временем приложится все остальное.

[1] Как будто специально для гурманов источники сохранили подробную роспись.

Для ответа на просьбу Фридриха об Эльбинге Петр не искал особых словесных ухищрений. Бранденбургско-польский военный конфликт на Балтике царя не устраивал никак. Он с полной искренностью пообещал приложить все усилия, чтобы помирить двух своих друзей и союзников (Фридриха III и Августа II). Возможность войны, а значит, и вопрос о своей помощи Бранденбургу Петр вообще отказался рассматривать, на что бы там ни надеялся курфюрст. Свое решительное уклонение от выполнения просьб Фридриха царь старался уравновесить изъявлениями знаков особого к нему доверия. Петр просил Принцена передать курфюрсту, что если дело дойдет до разрыва России со Швецией, то его прусский друг будет первым извещен об этом.

Обезоруживающим доказательством доброй воли и чистосердечия царя было его заботливое внимание к Принцену. Оно демонстрировалось с достаточным размахом, чтобы знатные московские сановники считали за честь заполучить посла к себе в гости. Перед Принценом заискивали даже его коллеги по дипломатическому корпусу, представлявшие в русской столице не какого-то там курфюрста, а германского императора и датского короля.

19 февраля 1699 года, в день очередного отъезда Петра в Воронеж, Принцену была дана прощальная аудиенция. О степени ее торжественности трудно судить, ибо она состоялась во дворце Лефорта, где шли последние приготовления к большому застолью по случаю проводов царя. В такой суете едва ли была возможность устроить дипломатическую церемонию по всем правилам. Для нее попросту могло не найтись подходящего помещения. (Не случайно ведь источники указывают на какие-то служебные каморки, где в этот день Петр принимал еще нескольких дипломатов.) Не похоже, чтобы Принцена это задело. Петр, кажется, приучил его (как и других) легче смотреть на отступления от протокола, тем более что сухое официальное действо не могло сравниться с той искренней теплотой, которой царь окружил посланника. На той же аудиенции Петр нарушил еще одно правило. Дело в том, что в свите Принцена находился Задора-Цесельский, который должен был остаться в Москве в качестве постоянного бранденбургского резидента. Чтобы официально обрести эти полномочия, ему следовало вручить Петру свои верительные грамоты, а это требовало определенного церемониального обрамления. Государь, недолго думая, упростил ситуацию, объединив две аудиенции — отпускную для Принцена и приемную для Задоры-Цесельского.

Официальное прощание с Принценом являлось лишь данью протоколу. На самом деле, не спеша расставаться с посланником, Петр пригласил его к себе в Воронеж, что было еще одним знаком особой благосклонности. Принцен сразу же воспользовался этим приглашением.

Тут следует отметить некую симметрию в протокольной части русско-бранденбургских отношений. Как мы помним, в 1697 году после отпускной аудиенции у Фридриха III великим послам позволили оставаться на территории курфюршества сколько они пожелают. Теперь такая же привилегия была предоставлена Принцену.

Посланник вернулся из Воронежа 5 марта и через несколько дней встречался с Петром на обеде у боярина Б.П. Шереметева, после похорон Ф.Я. Лефорта. Несмотря на глубокую печаль, царь оказывал Принцену неизменные знаки своей милости. В связи с предстоящим отъездом посланника из России Петр осыпал его «*многими*

выдающимися дарами», включая собольи меха на сумму 260 рублей (больше годового оклада чиновников высшего ранга).

Кроме богатых впечатлений и подарков Принцен увозил из России послание к Фридриху III, которое царь собственноручно написал перед отъездом в Воронеж (13 марта).

Москву Принцен покинул 16 марта 1699 года. Выезд происходил торжественно и чинно. Посланник разместился в царской золоченой карете. Его свита — на пышно украшенных лошадях. Для обслуги и скарба было предоставлено более 90 повод[1].

От периода с марта по декабрь 1699 года остались донесения бранденбургского резидента в Москве Задоры-Цесельского. Заслуживает интереса признание о том, что он не ожидает разрыва со Швецией из-за неустойчивой социально-политической ситуации в России и ее технической неготовности к войне. Тем не менее Задора-Цесельский уверен в наличии у Петра *«каких-то важных замыслов»*, которые он держит в тайне. Они касаются как внутренних, так и внешних дел.

Из бумаг резидента мы узнаем, что Фридрих III наказывал ему соблюдать крайнюю осторожность в общении с датскими и шведскими дипломатами, чтобы не навлечь подозрений ни с их стороны, ни с русской.

Осторожность требовалась и от Петра, который старался проявлять ее настолько, насколько позволяли его пылкий нрав и разные обстоятельства, вводившие в опасные искушения. Самым сильным из них были уже начавшиеся в феврале–марте 1700 года военные действия между Саксонией и Данией, с одной стороны, и Швецией — с другой. Как уже не раз говорилось, до подписания мира с Портой Петр категорически отказывался давать волю своим соблазнам. Он понимал, что вести две войны одновременно — безумие. Однако на случай благоприятного для России исхода дел в Стамбуле царь хотел в авральном порядке подготовиться к столкновению со шведами таким образом, чтобы иметь достаточные шансы на победу.

Для обретения уверенности, которой у Петра было немного, он стремился расширить антишведскую коалицию за счет Бранденбурга. Делал он это с крайней осторожностью. Близкого к царю дипломата А.А. Матвеева, останавливавшегося в Берлине (конец ноября — декабрь 1699 г.), встретили пышно и хлебосольно. Но даже в его приватных беседах с Фридрихом III тему союза против Швеции посол, судя по его донесениям к государю, не поднимал. На то, видимо, не было монаршего дозволения. Однако когда в конце февраля *«зашли ведомости»*, будто войска Фридриха III присоединились к саксонцам, вторгшимся в Ливонию, царь радостно воскликнул: *«Дай, боже, чтоб то подлинная ведомость»*. И приказал снаряжать в Берлин посольство под руководством князя Ю.Ю. Трубецкого. Известие оказалось ложным, и посольство было отложено на два месяца.

Швеция

Поскольку Северную войну вели главным образом Россия и Швеция, может возникнуть впечатление, будто основная масса горючего материала для нее скаплива-

[1] По дороге между Москвой и Тверью по вине русского крестьянина-возчика возник серьезный инцидент. Но обошлось без последствий.

лась в русско-шведских отношениях. Это далеко не так. Конечно, московских царей не устраивал тот факт, что с 1617 года их владения были полностью отрезаны от Балтийского моря, но у них были заботы поважнее. Решая острейшие проблемы безопасности на своих западных и южных границах, Россия в течение XVII века трижды воевала с Польшей (в общей сложности 24 года) и дважды с Турцией (23 года). Причем польские (до 1686 г.) и турецкие (до 1700 г.) войны заканчивались лишь перемириями, что говорило о высоком уровне противоречий между государствами. Между тем с момента заключения Столбовского мирного договора (1617 г.) до 1700 года была лишь одна русско-шведская война, длившаяся всего два года и закончившаяся подписанием прочного Кардисского мира (1661 г.). Он не устраивал Москву, однако нарушать договор она не собиралась. Сохранить статус-кво на севере было для России гораздо важнее, чем рисковать войной в условиях, когда приходилось держать изнурительную оборону на западе и юге.

Теперь бросим взгляд на отношение других государств к шведскому господству на Балтике. Тут опять-таки следует обратиться к конкретным фактам. На протяжении того же XVII века Дания воевала со Швецией пять раз, Польша три раза и Бремен дважды. Пруссия не принимала в этом участия только по своей тогдашней слабости, но претензий к Стокгольму имела много. Общая продолжительность войн составила 43 года. Победителями из них в подавляющем большинстве случаев выходили шведы. Это наглядно указывает на то, где именно находились точки критического напряжения в балтийском вопросе, что, впрочем, вовсе не свидетельствует о бесконфликтном характере русско-шведских отношений. Но для того чтобы они превратились из потенциального в реальный очаг возгорания, понадобилось много времени даже на завершающей стадии этого процесса, связанной уже с царствованием Петра I.

Каким бы неотвратимым появление в царской внешнеполитической повестке темы балтийского реванша сегодня ни казалось, можно констатировать, что до 1700 года Петр эту тему в практическую плоскость не переводил. В русско-шведских дипломатических документах конца XVII века о Балтике не обмолвлено ни единым словом[1]. Царя больше всего заботило отношение Стокгольма к выборам короля в Польше. Он обратился к Швеции (начало августа 1697 г.) с предложением объединиться в военный союз против де Конти (читай — против Франции). Тогда принц, *«видя забаву в воинских промыслах... обоих государей* (русского царя и шведского короля. — *В. Д.*) *на общего креста святого неприятеля* (имелся в виду де Конти, поддерживающий турецкого султана и крымского хана. — *В. Д.*)», не рискнет учинять *«каковые либо тягости или убытка кому»*. При этом Петр апеллировал к условиям Кардисского договора (1661 г.), *«в котором написано, что во всем друг другу всякого добра хотеть и лучшего искать»*.

После возвращения Петра из-за границы Стокгольм отправил в Москву посольство для извещения о восшествии на шведский престол Карла XII и подтверждения условий Кардисского мира 1661 года. Миссию, включавшую 150 человек, возглавляли канцлер барон Яган Бергенгельм, ландсгевдинг барон Андерс Линденгельм и асессор Самуил Гетте. На подъезде к русской столице гостей хлебосольно принял (23 июля

[1] Формально это действительно так, хотя ниже мы коснемся русско-шведских переговоров 1699 года (октябрь), в которых не все было однозначно.

1699 г.) Л.К. Нарышкин в своей подмосковной вотчине селе Чашниково. Глава Посольского приказа сообщил, что его царское величество, как и было предварительно уговорено, ждал послов до марта месяца и, не дождавшись, уехал и теперь находится *«в дальних пределах... в непрестанных воинских приуготовлениях* (против Турции. — *В. Д.*)». Встречать послов и вести переговоры поручено ближним боярам. Ему, Нарышкину, и сенату, в частности.

В общих чертах объявив о цели визита, шведы сказали, что подробности они передадут лично Петру, как и королевскую грамоту Карла XII.

Л.К. Нарышкин указал на нецелесообразность такой процедуры, поскольку о времени возвращения царя неизвестно и гостям долго придется сидеть в Москве без дела. Он предлагал действовать через него, тогда и ответ от государя будет получен быстро.

Шведы твердо настаивали на своем, и вскоре выяснилось, почему для них так важно физическое присутствие Петра. Они заявили, что согласно 27-й статье Кардисского договора царь, в связи с приходом к власти нового шведского короля, должен в присутствии королевских послов *«дать присягу на святом евангелии и тот вечный мир своею государскою душою и крестным целованием подтвердить»*.

В ответ Л.К. Нарышкин горячо заверял собеседников в непрестанном попечении Петра об *«урастании соседственной дружбы и любви»* между государями обеих держав. Вместе с тем он столь же категорично отверг шведское толкование соответствующего положения Кардисского мира. *«Такого обязательства в той статье не написано»*, — отрезал боярин. И был прав. Написано в той статье было другое: в случае смерти одного из государей-подписантов производится *«обвещение посольствами»* и обмен подтвердительными грамотами. И никаких крестоцеловательных присяг при свидетелях.

Шведов было не пронять. Они выразили готовность ждать царя сколько понадобится, но только бы исполнить данный им наказ. Продолжать разговор Нарышкин не стал, объявив гостям дату их въезда в Москву — 26 июля. По тому, как торжественно обставили эту церемонию, ни за что нельзя было догадаться о малоприятном обмене мнениями, состоявшимся накануне.

Давая общую оценку осенней дипломатической ситуации 1699 года, Н.Г. Устрялов резюмировал: *«Таким образом, по возвращении из Керченского похода, 27 сентября, Петр нашел в Москве два посольства: одно* (от Карла XII. — *В. Д.*) *предлагало мир, другое* (от Августа II. — *В. Д.*) *войну со Швецией»*. Вступая в параллельные переговоры с одними (открыто) о сохранении мира, с другими (тайно) о подготовке к войне, *«Петр*, — как писал тот же Н.Г. Устрялов, — *не страшился ни упреков современников, ни суда потомков: государственные выгоды отечества были для него выше всех расчетов»*.

Поскольку это похоже на попытку морально оправдать царя, возникает вопрос: а в чем, собственно, его вина? Петр оказался в непростой и в то же время совершенно тривиальной с точки зрения дипломатической истории ситуации, диктовавшей необходимость строго рационального поведения. Одно из требований момента — сохранение миссии Карловича в тайне от шведских послов — вообще не подлежит анализу в морализаторском стиле, хотя бы потому, что дипломатия большей частью относится к негласной сфере деятельности. Впрочем, мало что изменится, если оценивать поведение Петра по сугубо житейским меркам. Ведь он, в принципе, не обманывал ни Августа II, ни Карла XII. Как бы угрожающе ни выглядело соглашение с поль-

ским королем, в реальности оно носило эвентуальный характер. Его положения ровным счетом ничего не стоили без вступления в силу статьи тринадцатой, согласно которой Россия решалась на разрыв со шведами только после урегулирования самой фундаментальной для нее внешнеполитической проблемы — турецкой. А исход переговоров в Стамбуле, повторимся не в первый раз, зависел от слишком многих, крайне непредсказуемых факторов.

Теперь вновь обратимся к русско-шведским переговорам, чтобы, между прочим, выяснить, «обманывал» ли Петр Карла XII и в чем именно.

13 октября 1699 года королевская делегация была представлена царю в его кремлевских покоях. Церемония прошла пышно. Шведы могли бы придраться к соблюдению буквы протокола, если бы это нарушение не польстило их сердцу. Дело в том, что в начале действа послы *«правили великому государю* (от Карла XII. — *В. Д.*) *поклон»*, после чего Петр, согласно заведенному порядку, должен был, немного приподнявшись в знак почтения, справиться о здоровье короля. Царь сделал это стоя, с непокрытой головой, оставаясь в таком положении на протяжении всей официальной части приема. Легко догадаться, как тронуло гостей такое «непротокольное» поведение. Как после этого не простить ему нетерпеливый и не очень дипломатичный жест, призывавший послов опустить в их приветственной речи перечисление всех царских титулов (*«больших титл слушать не изволил»*) и перейти к следующей части церемонии: передача государю королевской грамоты, припадание к руке, вручение шведских даров, ответная благодарственная речь, объявление о царском угощении для послов и т.д.

На следующий день гости снова и с такой же помпезностью были доставлены в Кремль благодарить Петра за хлебосольный прием. И на этот раз он *«изволил стоять ...без прикрытия главы»*. Затем послам сообщили, что для переговоров с ними о делах назначены три высокопоставленных лица: Ф.А. Головин, С.И. Языков и П.Б. Возницын. На этом аудиенция завершилась, и следом тут же в Кремле открылась первая конференция.

Она была весьма странной. В ответ на предусмотренную протоколом просьбу объявить о цели визита в Москву шведы сказали, что они к такому объявлению пока не готовы. Если гости таким образом тянули время (вопрос, однако, для чего), то русские этого делать не желали. Ф.А. Головин заявил, что ответ их принят к сведению, однако он уполномочен сообщить, что царь с удовлетворением ознакомился с королевской грамотой, где речь идет о подтверждении трех договоров: Кардисского 1661 года, Плюсского 1666 года и Московского 1684 года. Поэтому можно приступить к обсуждению темы не откладывая.

Послы отказались во второй раз, но теперь открыли причину. Оказывается, они привезли с собой не только ту королевскую грамоту, что уже была передана Петру, но и другую, *«от слова до слова»* включавшую тексты вышеуказанных договоров, которые были подтверждены подписью и печатью Карла XII. Предъявив это выдающееся произведение типографского искусства, шведы заявили о стремлении их короля обновить и подкрепить соседственную дружбу с царем в соответствии с представленными документами. Принимая грамоту, Ф.А. Головин сказал: *«То дело доброе и ... дай боже, чтобы тому учинилось довольство»*. Он заверил, что о грамоте будет донесено государю незамедлительно.

Хотя предмет переговоров был ясен обеим сторонам, просьбу гостей об отсрочке охотно уважили. Их лишь спросили, когда они будут готовы. Те указали на 17 октября. Тогда и начались настоящие переговоры. Не считая первую (квази-) конференцию, их было пять (17, 20, 26 октября, 2 и 20 ноября). Позиция Петра основывалась на его однозначном согласии продолжать «соседственную дружбу» со Швецией. Однако его не устраивали навязываемые ему (порой чуть ли не ультимативно) формы подтверждения прежних русско-шведских договоров. О них, собственно, и шел основной спор, жаркий и долгий.

Стороны с разной степенью убедительности и осведомленности оперировали историческими аргументами, обычаями, прецедентами. Существенно расходились толкования церемониально-протокольных правил, принятых в международной практике вообще и в русско-шведских отношениях в частности. Камнем преткновения стало требование послов о том, что Петр должен принести крестоцеловальную присягу на верность договорам между Москвой и Стокгольмом. В обоснование этого притязания приводились доводы, относившиеся к правлению царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. И теми же ссылками на историю и на более близкие времена русская сторона оспаривала шведские домогательства.

К обсуждению этого вопроса московские дипломаты и законоведы подготовились лучше, чем шведы, поставленные в замешательство русскими контраргументами и вынужденные в конце концов уступить. Это было еще и состязание на скорость и глубину сугубо логического мышления. На шведские атаки русские моментально отвечали контратаками, вынуждавшими гостей брать тайм-ауты для обдумывания дальнейшей стратегии. Они пытались давить на собеседников заявлением о невозможности вернуться в Швецию без точного выполнения королевского наказа добиться от Петра крестоцеловальной присяги. Ф.А. Головин ответил, что царь уже давал такую присягу в 1684 году перед шведским посольством Гильденстерна вскоре после вступления на престол и об унизительном для царского достоинства акте повторения ее не стоит даже говорить, тем более если придерживаться буквы Кардисского договора, где об этом нет ни слова. Послы зашли с другой стороны, сообщив, что в указанном трактате идея о подтверждении присяги отсутствует лишь потому, она естественно подразумевается как *«древнее обыкновение»*. Барон Яган Бергенгельм и его товарищи в очередной раз отказались действовать вопреки королевскому наказу, предупредив о своем намерении запросить у Стокгольма новые инструкции, поскольку русская позиция непреклонна.

Ф.А. Головин посоветовал этого не делать, напомнив, что четверть века назад (1674 г.) шведский посол в Москве Густав Оксенстьерна уже посылал гонца в Стокгольм и ждал ответа около пяти месяцев, живя *«на своих проторях»* (за свой счет). Нынешнему посольству придется запастись, возможно, и бóльшим терпением, учитывая длительные разъезды царя по своим дальним границам. Перспектива неопределенно долгого проживания в русской столице, да еще *«на своих проторях»*, была не из приятных.

Взывая к благоразумию гостей, боярин позволил себе не согласиться со ссылками на отсутствие у них достаточных полномочий для принятия русской точки зрения. Ф.А. Головин давал понять, что, сняв свои возражения, они разрядят ситуацию, избавят себя и русских от бесплодного продолжения дискуссии и получат все основания считать свою миссию честно выполненной.

Шведы и сами это осознавали, однако просто взять и отступить не позволяла державная гордость. Под конец дебатов они сделали попытку прибегнуть к подобию угрозы: если Петр не хочет приносить присягу, то и Карлу XII это делать не к лицу. Ф.А. Головин вежливо поправил шведских делегатов, подчеркнув принципиальную разницу между нежеланием царя приносить вторичную присягу и отказом короля, в случае такового, давать присягу впервые. Кроме того, в истории русско-шведских отношений имели место случаи, когда мирный договор (Столбовский 1617 г.) подтверждался обеими сторонами без всяких присяг. Иными словами, Ф.А. Головин речь вел о церемониально-протокольной симметрии, для соблюдения которой требовалась не повторная присяга Петра, а первичная присяга Карла XII.

Возразить было нечем, но как признать правоту русских так, чтобы это не выглядело потерей лица? Яган Бергенгельм и его советники, в поисках достойного выхода из положения, спросили, нужно ли Карлу XII, если Петр уйдет в мир иной, присягать на подтверждение существующих мирных договоров перед лицом царского наследника. Эта «маленькая» бестактность была своеобразным реваншем за еще не состоявшееся, но приближающееся поражение в дипломатическом споре. Для Ф.А. Головина сами по себе слова о возможной смерти царя звучали как табу и кощунство. Но он сделал вид, будто ничего не заметил, торжественно заверив, что никакой нужды в присягах преемникам Петра нет. Складывать оружие шведы все же не спешили и попросили время на размышление.

Через 6 дней на очередной конференции послы поинтересовались, на какие именно прецеденты отсутствия присяг ссылаются русские. Ф.А. Головин объяснил, что в 1635 году царь Михаил Федорович и в 1646 году царь Алексей Михайлович, с одной стороны, и королева Кристина (Христина) — с другой, подтвердили Столбовский мир путем простого подписания *«докончальных грамот»* и обмена посольствами. Гости, судя по всему удивленные, попросили показать им эти документы, что незамедлительно было исполнено. Шведы сдались.

Вторым на переговорах стоял вопрос об *«обидах и утеснениях»*, учиненных русскому Великому посольству во время пребывания его в Риге в 1697 году. Ф.А. Головин изложил эту историю подробно и не без преувеличений, подчеркивая отсутствие реакции Стокгольма на просьбу Москвы провести расследование инцидента и наказать виновных.

Шведские послы, явно лукавя, отвечали, что слышат о том впервые, но воспринимают это как печальное недоразумение, о котором их король не знает, иначе бы он такое дело без последствий не оставил. О чем им доподлинно известно, так это о *«почестях достойных»*, недавно оказанных в Риге направлявшемуся в Голландию царскому послу Андрею Артамоновичу Матвееву и возвращавшемуся с Карловицкого конгресса Прокопию Богдановичу Возницыну.

Гости просили изложить все обиды *«на письме»*, обещая донести их до своего короля.

Рассматривались также мелкие жалобы на поведение шведских властей в отношении русских подданных, на нерадивость рижского почтмейстера, на невнимание к ситуации в пограничных землях, где происходят столкновения по торговым, межевым и другим вопросам. Встречные претензии аналогичного характера предъявили и шведы, в результате чего было решено обменяться *«обидными книга-*

ми» и назначить с обеих сторон таможенных комиссаров и межевых судей для улаживания споров.

Многозначительной кажется высказанная Ф.А. Головиным мысль о том, что Россия поднимает эти проблемы вовсе не для обострения отношений со Швецией. Если бы царь не стремился к «соседственной дружбе», то любая из перечисленных обид была бы достаточным предлогом для нарушения мира.

Не удалось договориться по вопросу, поднятому шведами, — о новых пышных эпитетах, которые должны появиться перед титулом Карла XII в официальных русско-шведских документах. Не имея ничего против, Ф.А. Головин предложил сделать соответствующие добавления и к царскому титулу, которые уже присутствуют в обращениях к нему *«римского цесаря»* и других христианских государей. Когда гости под разными предлогами стали уворачиваться от принятия встречного предложения, им пришлось примириться с мыслью, что разумнее все оставить по-прежнему.

Более доброжелательная атмосфера сопутствовала обсуждению таких вопросов, как улучшение дорожного сообщения между Лифляндией и Новгородом, упрощение для подданных обоих государств того, что сегодня называется «визовым режимом», дозволение нескольким членам шведского посольства остаться в России для изучения русского языка.

В целом русско-шведские конференции прошли в деловом, конструктивном духе, не предвещавшем в ближайшей перспективе обострения отношений. Любезных слов и знаков внимания с обеих сторон хватало. Ф.А. Головин от имени царя просил передать Карлу XII благодарность за ценный подарок — 300 пушек *«с нарядом»* (со вспомогательными инструментами). Петр обращался к королю с *«соседственной просьбой»* поддержать Россию в борьбе с Турцией. Эту просьбу боярин мотивировал высокой вероятностью возобновления войны, поскольку стамбульские переговоры, из-за неуступчивости *«гордой и взмерчивой* (надменной, чванливой. — *В. Д.*)» Порты, идут очень трудно. Пообещав донести Карлу XII государеву благодарность и просьбу, гости выразили надежду, что во имя дружбы король *«ко учинению того склонен явится»*, чему они, послы, уж постараются посодействовать изо всех сил. Затем последовало объявление Ф.А. Головина о царском распоряжении выдать шведскому посольству (150 человек, как припомним) кормовых денег на все время их пребывания в Москве.

Завершились переговоры 20 ноября 1699 года. Поскольку в этот же день по окончании последней конференции предполагалась прощальная аудиенция у царя, послов при въезде в Кремль встречали с особой торжественностью. Недостатка в обходительности и дорогих подарках не было с обеих сторон. Для финальной сверки гостям дали копии царских грамот к шведскому королю. Сообщение Ф.А. Головина о намерении Петра отправить в Стокгольм постоянного резидента *«для росправных дел и смирения ссор и обид»* было воспринято *«с удовольствием»*. С пониманием отозвались послы и на просьбу выдавать русских раскольников и смутьянов, если они окажутся на шведской территории. Заявив, что никакого пристанища беглецам не будет, Яган Бергенгельм воспользовался случаем для представления встречного ходатайства. Речь шла о выдаче Стокгольму шведского подданного Иоганна Паткуля, скрывающегося от судебного наказания *«в стороне великого государя на Москве»*.

В этот момент Ф.А. Головин меньше всего был похож на человека, застигнутого врасплох. Не моргнув глазом, он сказал, что *«того иноземца... отдадут немедлен-*

но», нужно лишь его найти и опознать, для чего следует подать соответствующий запрос в Посольский приказ. Полученные в Европе уроки плутоватой дипломатии не прошли для боярина даром. Он обнадеживал шведов тем смелее, что знал: пока неповоротливая московская бюрократия будет разыгрывать розыскной спектакль, Паткуль успеет покинуть Россию. А там иди доказывай, был ли этот иноземец в Москве или нет.

Возможно, Бергенгельм и продолжил бы разговор о лифляндском изменнике, если бы в палату не вошел посланный Петром стольник с приглашением на царскую аудиенцию. Она прошла чинно и с точки зрения протокола в более каноничном виде, чем первая встреча послов с царем. Произнеся речь, Бергенгельм поднес государю королевскую грамоту — уже упоминавшийся нами восхитительный памятник книгопечатного искусства. Петр спросил послов *«о здоровье»*, а потом говорил *«о делах»* в духе дружбы и миролюбия, на что гости ответили словами благодарности.

Затем главное — послам передали *«любительные и докончальные грамоты»*, обернутые в красную камку, для вручения Карлу XII в подтверждение готовности царя соблюдать Кардисский и другие договоры. Обмен документами сопровождался символическим жестом Петра, означавшим царское одобрение и благословение. По случаю свершившегося акта царь велел поздравить шведского короля и допустил послов *«к руке»*. В завершение отпускной аудиенции шведам объявили, что к ним на подворье будет отправлено монаршее угощение.

По мнению русского историка Г.В. Форстена, *«шведские послы, бывшие в Москве* (после возвращения царя из-за границы. — *В. Д.*), *ничего враждебного к своему государю не предвидели, — доказательство большого искусства Петра-дипломата»*. Более откровенно высказался М.М. Богословский, назвавший общение Петра со шведскими дипломатами *«маскарадом, прикрывавшим истинные намерения»*.

Маскарадом это могло показаться лишь историкам, уже знающим, чем все закончилось. Но царю в тот момент было не до лицедейства: в порядке дня острейшим образом стоял вопрос о продолжении войны с Турцией, а не о русско-шведской войне, вилами по воде писанной. И дипломатическое искусство государя, мало кем оспариваемое, здесь ни при чем. Оно никогда не помогло бы скрыть от пронырливых европейских осведомителей русские приготовления к разрыву со Швецией, имей они место. Какая-то информация наверняка просочилась бы, учитывая болтливость, бахвальство и продажность многих московских чиновников.

Как мы уже имели случай заметить, отношения между Москвой и Стокгольмом развивались далеко не так прямолинейно и детерминированно, как это зачастую представляется в исторической литературе, то есть уже постфактум. В оценке перспектив этих отношений шведские дипломаты в русской столице воздерживались и от благодушия, и от паникерства. Но все же та или иная степень тревоги присутствовала, что абсолютно естественно в тогдашней международной обстановке. Они просто не могли не обратить внимания на публичное благоволение Петра к Гейнсу и двукратное пребывание датчанина в Воронеже. Но, с другой стороны, царь находил удовольствие и в обществе других дипломатов, государи которых не собирались воевать со Швецией. На признаки двойственности в настроениях шведской делегации указывал бранденбургский резидент Задора-Цесельский. Он сообщал Фридриху III, что шведы не усматривали в поведении русских опасности для своей страны, но вместе с тем

проявляли озабоченность военными приготовлениями Петра и настойчиво интересовались условиями договора 1697 года между царем и курфюрстом. Они также просили резидента на всякий случай заверить Посольский приказ в самой тесной дружбе между Фридрихом III и Карлом XII, чтобы удержать Москву от искушения искать союза с Бранденбургом.

Вообще говоря, для Стокгольма, с учетом истории русско-шведских отношений, пребывание в благостном и безмятежном настроении было бы легкомыслием. Настороженность к восточному соседу присутствовала всегда и являлась для шведов естественным состоянием. Неудивительно, что рижский губернатор Дальберг в беседе с направлявшимся в Москву бранденбургским послом Принценом (декабрь 1698 г.) высказывал беспокойство по поводу возможных намерений Москвы. Он говорил, что собирается построить в Ливонии новую сильную крепость, хотя, пока русские не подписали мир с турками, опасаться нечего.

Среди исследователей, тяготеющих к идее о жесткой исторической обусловленности Северной войны, есть те, кто включает в сферу своего научного анализа любые эпизоды, которые можно истолковать в пользу их точки зрения. 16 октября на пирушке в доме у Томаса Книппера произошла пьяная стычка между шведским дворянином майором Ранком и бранденбургским посланником Задорой-Цесельским, в результате которой последний получил смертельное ранение и вскоре скончался. Ранк пытался бежать в Швецию, но был пойман и взят под стражу. После долгого разбирательства Петр по соображениям доброй воли согласился выдать виновника Карлу XII, однако накануне выдачи Ранк скончался и в Швецию отправили лишь его тело.

Перед нами заурядный по тем временам инцидент, не имеющий касательства к причинам Северной войны[1], хотя задним числом действительно возникает невольное искушение каким-то образом найти ему место среди факторов, добавивших масла в огонь, пусть еще и не занявшийся.

Во второй половине 1690-х годов Петр проявлял в отношении шведов исключительную осторожность, и она имела очень мало общего с преднамеренной политикой усыпления их бдительности. У царя не было нужды ее усыплять, Стокгольм усыплял себя сам, наблюдая за тем, как турецкие дела поглощают все внимание России. До подписания мира с Портой в июле 1700 года, до последнего момента остававшегося под большим вопросом, война с Османской империей была самой реальной перспективой на ближайшее время. Петр всецело сосредоточился на подготовке к ней, не откликаясь на отчаянные призывы своих союзников к нападению на Швецию. Только после заключения Константинопольского договора он атаковал шведов, для которых это было почти полной неожиданностью. Неслучайно Карл XII негодовал на Петра за его «вероломство» и исполнился жаждой мести. Лишь в увязке с этим фактом обретает некое правдоподобие версия об «усыплении бдительности» шведов. Она никому бы и в голову не пришла, если бы продолжилась война России с турками. Тогда Северная война была бы совершенно другой и закончилась бы в несколько месяцев полным торжеством выдающегося шведского полководца.

[1] Будь оно иначе, Фридрих III и Карл XII воспользовались бы этим удобным случаем для обострения отношений. Но они сделали все, чтобы замять последствия банальной пьяной драки, как ее единодушно оценили и в Кенигсберге, и в Стокгольме. Не стал, несмотря на все свое человеческое негодование, раздувать этот инцидент и Петр, что тоже весьма показательно.

Итак, зададимся вопросом: являлись ли русско-шведские отношения второй половины XVII века предтечей Северной войны? Да. Но с одной оговоркой. Признавая неизбежность войны в принципе, следует все же учитывать, что участие в ней России было обусловлено стечением целого ряда международных и внутриполитических обстоятельств, которые вполне могли сложиться совсем иначе.

Австрия, Англия, Голландия, Франция

В общую картину международных связей России накануне Северной войны следует включить еще четыре государства — Австрию, Англию, Голландию и Францию. Не имея прямого касательства к причинам войны, они оказывали сильное влияние на поведение воюющих сторон, их планы и внутреннюю расстановку сил внутри антишведского альянса. Вкратце коснемся их отношений с Россией.

Первым иностранным дипломатом, удостоившимся высочайшей аудиенции после возвращения Петра из-за границы, был австрийский посол Гвариент. Он предпочел дожидаться царя несколько месяцев, чтобы вручить верительные грамоты лично ему, а не главе Посольского приказа, как его настоятельно уговаривали. Петр, глубоко задетый отступничеством Вены в турецком вопросе, уклонялся от встречи с Гвариентом. Однако после того, как Л.К. Нарышкин сделал последнюю безуспешную попытку разубедить цесарского посла, неохотно согласился.

Посол был принят 3 сентября 1698 года в доме Лефорта без особой торжественности и церемоний. Цветистую вступительную речь Гвариента Петр нетерпеливо прервал просьбой передать ему грамоты. Не стал он до конца выслушивать и пространный ответ посла на протокольный вопрос о здоровье Леопольда I, с ироничной улыбкой сказав, что и сам знает о добром здравии цесаря. «Интерес» к здоровью Гвариента и его спутников царь проявил ровно в той степени, в какой это было необходимо, чтобы хоть как-то соблюсти ритуал и избежать доведения ситуации до скандала. Завершилась аудиенция дежурным приглашением к царскому столу.

В данном случае Петр ломал заведенные дипломатические правила тем осознаннее, что это отражало его желание поквитаться с Леопольдом I за странную «аудиенцию», которой тот походя удостоил царя в каком-то галерейном коридоре своего дворца, и за выход из войны с Турцией. Царь посылал четкий сигнал: открытое пренебрежение Австрии к интересам России без ответа не останется. В государевом окружении, к великому огорчению Гвариента, открыто и зло высмеивали чопорные нравы императорского двора, позволяли себе колкие пародии на цесарских министров. Бранденбургскому послу Принцену Б.А. Голицын прямо сказал: *«Никому из немецких государей верить нельзя, если уж сам император покинул своих союзников по Священной лиге»*.

Впрочем, вскоре Петр смягчился и дал понять о том, что о Вене у него сохранились не только плохие воспоминания и что воспоминания приятные достойны его благодарности. Заодно царь не упустил возможности поразить иноземцев размахом, с которым в Москве умеют принимать гостей. 7 сентября 1698 года в честь цесарского посольства был накрыт стол. Вот некоторые подробности. Обслуживающий персонал — более двухсот человек; скатерти из тонкой ткани, посуда из золота, серебра, драгоценного камня; разные сорта водок и вин, мед, пиво, квас; меню из ста восьми

блюд. И в последующие дни Гвариент участвовал в пышных московских застольях. Петр был с ним любезен. Однажды удостоил комплиментом и даже выполнил просьбу о помиловании одного цесарского подданного, в подпитии причинившего огнестрельное ранение московскому обывателю.

Вместе с тем задерживать Гвариента в Москве государь не видел основания, ибо обсуждать с ним было нечего. И в самом деле: цесарцы приехали в Россию с двоякой целью — ходатайствовать об устройстве католических миссионеров и наблюдать за военными приготовлениями против Турции. Первый вопрос был решен так же быстро, как второй снят с повестки, поскольку Петр считал, что после заявления Вены о желании заключить с турками мир русские южные планы ее больше не касаются. Прозрачный намек Посольского приказа в духе «пора и честь знать» обидел Гвариента. Он принялся уговаривать царя не давать ему отпускную аудиенцию, так как со дня на день из Вены ожидается почта с важными документами, требующими внимания Москвы. Петр не возражал.

Не имея серьезного повода для встречи с Петром, Гвариент решил его придумать. Зная, что царь чтит своим присутствием веселые мероприятия, 16 октября 1698 года посол зазвал к себе на пиршество виднейших московских вельмож и иностранных дипломатов. По имеющимся источникам нельзя догадаться о цели торжества. Если была надежда о чем-то переговорить с Петром, то она не сбылась. Государь предавался застолью, балагурил, но расположения к деловым беседам не выказывал. Впрочем, этот банкет мог быть частью обычной дипломатической работы Гвариента или формой его признательности за разрешение задержаться в Москве.

Вряд ли Гвариент находил удовольствие от необходимости невольно способствовать ухудшению русско-австрийских отношений, как это было в случае с полученным из Вены в июне 1699 года распоряжением предъявить Москве нечто вроде протеста по поводу позиции Прокопия Возницына на Карловицком конгрессе. Вот текст документа: *«Господин Прокопий заключил свое перемирие с турками ранее союзников, действуя в полной тайне от них и от посредников. Цесарские министры были всегда отягчены его недоверчивым отношением, их сердечному и верному увещанию он не внимал, но всегда своей упорной голове следовал, а союзников за мало и даже ни за что почитал»*.

В свете всего того, что известно об открыто предательском поведении цесарцев на конгрессе — даже с дежурной поправкой на «священный» принцип *Real Politik*, — напрашивается русская пословица «на воре шапка горит». В венской жалобе в точности описан образ действий австрийской дипломатии, на который Возницын реагировал симметрично, имея на то все моральные основания. Но если свою циничную политику в Карловице цесарцы без зазрения совести оправдывали неодолимой силой обстоятельств, то линия защиты русских интересов, выстроенная в ответ на австрийские бесцеремонные уловки, преподносилась как стремление расколоть союзников, следуя *«своей упорной голове»* вместо того, чтобы подчиняться цесарским планам.

Остается лишь гадать, с какой целью эта бумага была прислана в Москву. Если кто-то хотел таким путем отомстить Возницыну, то, скорее всего, достиг противоположного результата. В глазах Петра эта инвектива была лучшим комплиментом его послу.

Свое недовольство австрийской политикой Петр не распространял на цесарского посла, к которому он, кажется, испытывал личные симпатии. Гвариент, так же как Гейнс и Принцен, удостоился царского приглашения приехать в Воронеж.

Но причиной, кажется, было не только благорасположение Петра. Государь хотел, чтобы в Вене знали, что Россия находится на пути к превращению в могущественную военную державу, и исходили в отношении к ней из новых реалий. Из-за случайной бюрократической оплошности поездка Гвариента сорвалась. Но эта ошибка была с лихвой исправлена помпезными проводами цесарского дипломата на родину. За официальными прощальными церемониями (22 июня и 3 июля 1699 года) последовало пиршество в имении Л.К. Нарышкина. Размахом и гастрономическим великолепием этого действа, видимо, предполагалось восполнить отсутствие Петра, находившегося в Воронеже.

* * *

В той большой и темной европейской игре, в которую вступал молодой Петр в конце XVII века, самым коварным и злопамятным в отношении России участником была Англия. Она не забыла, как Иван Грозный выдворил ее купцов, не позволив им безраздельно хозяйничать в сфере русской торговли и взять под свой контроль волжско-каспийский путь в Персию и далее на восток. Вернувшиеся в Англию коммерсанты наводнили книжный рынок язвительными книгами и памфлетами о стране дикарей с деспотическим строем и религией, лишь именуемой христианством, да и то какого-то первобытного толка. Именно тогда дают свои первые ядовитые всходы семена русофобии, удивительного феномена, пережившего века. Но в нем жило не только иррациональное начало.

В Англии понимали, что в Восточной Европе поднимается государство с могучим геополитическим, военным и экономическим потенциалом, которое готово бросить вызов тем, кто теснил и угнетал ее и на западе, и на юге. Оно обретало небывалые темпы географического расширения, которое подкреплялось военным, демографическим и хозяйственным присутствием. Особую настороженность вызвало у Англии появление на русском троне правителя, совершенно не похожего на своих предшественников, и его беспрецедентное Великое посольство в Европу. Заявку на экспансию Московии в восточную сторону еще можно было игнорировать до поры до времени. Но явление Западу Петра во плоти таило в себе нечто дотоле неизвестное и опасное. Впрочем, англичане, будучи прагматиками, редко воспринимали опасность в неразбавленном виде и даже в ней умудрялись искать выгоду. В каком-то смысле это подтверждается визитом царя в Лондон в 1698 году.

Приняли его с подобающими почестями, но, как и во времена Ивана Грозного, англичане не собирались завязывать с Россией политические отношения, а решили воспользоваться приездом Петра для восстановления своих старых торговых привилегий. Делегация палаты лордов обратилась к Великим и полномочным послам (Лефорту, Головину и Возницыну) с торжественной просьбой *«дабы прежняя дружба, содружество и торговля между нашими народами возвращена и обновлена была»*.

Петр, стремившийся к установлению добрых отношений с Англией, отнесся к этому благосклонно, в результате чего было заключено (частное) соглашение о предоставлении англичанам в лице лорда Кармартена монопольного права на привоз и продажу в России табака и табачных принадлежностей. Этот акт Ф.Ф. Мартенс назвал *«образчиком тех исключительных торговых прав, которые англичане умели себе выговаривать у московского правительства»*.

Царь смотрел на договор лишь как на первый шаг в налаживании более разносторонних связей, предполагающих оказание взаимной поддержки в политических и дипломатических вопросах. В тогдашних условиях это означало со стороны Лондона содействие успешному ходу русско-турецких мирных переговоров в Стамбуле. В июле 1699 года Петр отправил английскому королю Вильгельму III уведомление о назначении Е.И. Украинцева в Стамбул и просьбу о содействии этой миссии. Англичане не скупились на соответствующие обещания, но выполнять их и не думали. Их уже тогда пугали русские победы над турками, в частности взятие Азова, открывавшего путь в Черное море и служившего плацдармом для дальнейшей экспансии на юг, к Проливам. Кроме того, вопрос о войне или мире между Россией и Турцией в данном случае весьма близко касался английских интересов в Европе. Дело в том, что прекращение войны развязало бы Стамбулу руки для наступления против Австрии, а это было невыгодно Лондону, который являлся союзником Вены в грядущей войне за испанское наследство. Поэтому английский посол в османской столице делал все, чтобы мир не состоялся.

* * *

Отношения России и Голландии несли на себе отпечаток петровского восприятия этой страны. Почести, оказанные царю голландцами во время его первого заграничного путешествия, оставили у него добрые чувства вместе с преувеличенным представлением о степени готовности Гааги помогать Москве во внешнеполитических вопросах.

Разве не говорит об этом отправка в Голландию в августе 1699 года личного представителя Петра ближнего окольничего А.А. Матвеева с сомнительной миссией. Впрочем, в чем именно она состояла, точно не известно. А.А. Матвеев получил два государевых наказа. Один, открытый, предписывал послу урегулировать с Генеральными Штатами формальные дипломатические вопросы, прежде всего церемониальную часть русско-голландских отношений. Главным был второй, тайный, наказ. Хотя текст его не найден, историки уверены, что Матвееву давалось поручение склонить Гаагу, а заодно (через Вильгельма III) и Лондон оказать через своих послов в Стамбуле Якоба Кольера и Вильяма Пэджета нажим на Порту, чтобы та согласилась на приемлемый для Москвы мир. Другая задача заключалась якобы в предотвращении возможности предоставления голландской и английской помощи Швеции в случае ее войны с Россией.

Если это действительно так, что не исключено, то внешнеполитическую прозорливость Петра в данном конкретном случае можно поставить под сомнение. Еще в период работы Карловицкого конгресса царь был прекрасно информирован о неутомимой и очень эффективной деятельности английского (Пэджет) и голландского (Кольер) посредников, направленной на достижение австро-турецкого мира за счет принесения в жертву интересов России. Кроме того, Петр и сам имел удовольствие столкнуться с безапелляционным отказом Генеральных Штатов, когда он попросил их не бог весть о чем — лишь о банальной продаже оружия для войны против турок. Были и другие случаи убедиться, что Гаага и пальцем не пошевелит ради «дружбы» с царем, прежде не просчитав шансы на извлечение выгоды и не застраховавшись от внешнеполитических рисков. В той же степени это относилось и к Англии, независимо от щедрых жестов Вильгельма III в адрес Петра, не оставленных без взаимности.

Спрашивается, как такой горький опыт мог породить надежду государя на англо-голландскую посредническую помощь в русско-турецких переговорах в Стамбуле? Если, разумеется, речь шла не о капитулянтском для России мире. Проще всего заподозрить Петра в чрезмерном простодушии. Но это как-то не вяжется с теми уроками, которые он получил во время заграничного путешествия. Об утраченном тексте тайного наказа Матвееву приходится сожалеть тем сильнее, что этот документ наверняка выявил бы ход монарших мыслей. Без него же свести концы с концами очень сложно.

Так же сложно понять, действительно ли Петр именно в то время предпринимал попытку привлечь Англию и Голландию к борьбе со Швецией. *Во-первых*, царь неизбежно должен был задаться вопросом, были ли у Лондона и Гааги категорические причины втягиваться в северные дела при наличии более важных для них проблем в других частях Европы. Тешить себя положительным ответом мог лишь недалекий политик, каковым Петр точно не являлся. *Во-вторых*, логично ли было обнародовать за год до начала русско-шведской войны еще не принятое соответствующее решение. (Информация о целях миссии Матвеева просочилась бы при любом режиме секретности. Более того, англичане и голландцы, исходя из своих интересов, могли умышленно допустить утечку, что в затейливых дипломатических играх было обычным делом.) Разве что из желания спровоцировать шведов на превентивный удар, к чему Карл XII в принципе был готов.

Поскольку общепринятое объяснение целей миссии А.А. Матвеева строится на предположениях, позволим себе и мы высказать гипотезу. Обратим внимание, что посольство не было чрезвычайным и готовилось неспешно (в отличие от Великого посольства). Матвеев во главе многолюдного штата отправлялся в Голландию для долгой дипломатической работы, о чем свидетельствует погодная роспись его жалованья. После пребывания за границей Петр убедился в необходимости иметь в крупных европейских столицах своих постоянных представителей в качестве государева ока, следящего за развитием международной ситуации, за изменением расстановки сил и союзных комбинаций с целью своевременного использования их в интересах России. Это была не простая совокупность частных задач. Это была стратегическая сверхзадача, выходящая далеко за рамки скоротечных исторических обстоятельств времени, места и образа действия.

Такой подход, думается, больше соответствует масштабу личности Петра, нежели суетливая погоня за милыми сердцу иллюзиями.

Если такие иллюзии все же сохранялись у царя в отношении англо-голландской помощи России против Швеции, то доклады А.А. Матвеева (весна 1700 г.) наверняка их рассеяли. Посол заверял, что Гаага и Лондон, пекущиеся о своей международной торговле, категорически против войны на Балтике, для предотвращения которой они собираются заключить между собой союз и отправить на север объединенный флот с миссией, вполне сравнимой с политикой принуждения обеих сторон к миру. Генеральные Штаты передали Петру через А.А. Матвеева покорнейшее прошение воздержаться от войны на стороне Дании. Настроение у царского посла было отвратительное.

* * *

Осталось сказать об одном из важнейших факторов европейской международной системы конца XVII века — Франции, которая вскоре, в качестве исто-

рического союзника шведских королей, станет влиятельным игроком в Северной войне. Не будем утверждать, что Париж в то время почувствовал потенциальную мощь России и ее способность стать опасным соперником в Европе и на Востоке столь же нервно, как Лондон. Дело шло не столько о будущих проблемах, сколько об уже реально существовавших русско-французских противоречиях, неизбежных при диаметрально расходившихся стратегиях двух государств в отношении Швеции, Польши и Турции. Дополнительную остроту придавало этим противоречиям высокомерие, проявляемое версальским двором в общении с дипломатами «дикой» Московии. В начале 1680-х годов у русских послов постоянно возникали конфликты с принимающей стороной по церемониальным вопросам. Доходило до крайне неприятных сцен с непосредственным участием Людовика XIV. С 1687 года стало еще хуже. Новая русская делегация приехала в Париж просить короля в интересах защиты христианства присоединиться к антитурецкой Священной лиге или хотя бы соблюдать нейтралитет. В первой просьбе было отказано прямо, во второй косвенно. В придачу царских послов обвинили в неподобающем поведении, достойном *«негодяев»* (как было сказано в одном официальном документе), и пригрозили вообще не допускать на французскую территорию. Вместе с тем Людовик XIV не постеснялся ходатайствовать перед Петром о пропуске через Россию иезуитских монахов, посланных в Китай обращать местных язычников в христианство. Царь несмотря ни на что выполнил просьбу. Но на обратном пути иезуиты решили продолжить свою деятельность в православной Москве, перейдя границы дозволенного, за что были изгнаны восвояси.

В условиях русско-турецкой войны конца 1686–1700 годов Петр все глубже осознавал необходимость максимально ограничить тот вред, который может нанести ему такая влиятельная держава, как Франция, союзница Османской империи и Швеции. Отсюда его намерение посетить Францию в ходе первого заграничного путешествия. С ростом вероятности войны со шведами интерес Петра к установлению добрых отношений с французским королем усиливался.

Петр в ожидании момента истины

Бо́льшую часть времени после возвращения из Европы и до вступления в Северную войну царь провел в Воронеже. Там он готовил войну с Турцией, и оттуда же он следил за общеевропейской обстановкой. Она оставалась совершенно неясной. Во всяком случае, из нее нельзя было почерпнуть убедительных доводов в пользу отказа от продолжения южных приготовлений. В начале ноября 1698 года приходят сообщения о том, что на Карловицком конгрессе никакого просвета, очевидно лишь нежелание австрийцев воевать с турками. Испанский король Карл II, смерти которого многие ждали со дня на день, чтобы поделить его наследство, *«пришел в совершенное здравие»*. В Европе недород хлеба, вызвавший большую дороговизну. Обострились давние противоречия между Бранденбургом и Польшей из-за города Эльбинга, которому под угрозой осады пришлось выплатить курфюрсту 200 тыс. ефимков. Одним словом, все идет своим обычным непредсказуемым чередом.

В 90-х годах XVII века старая датско-шведская вражда обострилась из-за княжества Шлезвиг-Гольштейн, которое в ответ на аннексионистские притязания Копенга-

гена попросило защиты у шведской короны. Эту по сути сюзеренно-вассальную связь скрепили родственные отношения[1] между правящими династиями двух государств и дружба между гольштейнским герцогом Фридрихом IV и шведским королем Карлом XII, унаследовавшим трон в 1697 году.

Петр был хорошо осведомлен о вражде между Данией и Швецией, но он долгое время тщательно избегал обсуждения этой темы даже в ближнем кругу. Весьма красноречиво об этом свидетельствует история Великого посольства. Первоначально предполагалось, что оно посетит наряду с другими европейскими столицами Копенгаген и нанесет визит королю Кристиану V. В подробнейшем наказе великим послам нет ни малейшего намека на балтийский вопрос. На первый план были вынесены церемониальные процедуры и задача не позволить датской стороне ущемить достоинство *«Его Царского Величества»* даже в мелочах. На случай если будет предложено обсуждение каких-то тем, послам строго предписывалось уходить от них и вообще действовать крайне *«остерегательно»* (это слово повторялось трижды).

Во время пребывания за границей Петра волновали не реваншистские планы Дании, а ее позиция в польском вопросе. Царь сообщал Кристиану V, что французский принц де Конти собирается пробраться в Польшу, захватить королевский престол и заключить мир с Турцией, чтобы помешать военным успехам Священной лиги, то есть общехристианскому делу. Во избежание Петр настоятельно просил датского короля закрыть для кораблей де Конти Зундский пролив, обеспечивавший доступ в Балтийское море.

В ответном послании Кристиан V тоже не отклонялся от польской темы ни на йоту, обещая *«во всех и всяких случаях»* помогать России в ее радении об *«общей христианской пользе»*, что надо понимать как согласие выполнить просьбу царя. Но слово свое король не сдержал. Де Конти благополучно высадился в Гданьске.

В начале 1700 года Дания решила, что наступило подходящее время для того, чтобы бросить вызов Стокгольму. В Швеции в условиях экономических трудностей усилилось недовольство дворянской аристократии, ущемленной в своих традиционных привилегиях. Считалось, что 15-летнему Карлу XII, не подававшему признаков гениальности, будет не под силу справиться с ситуацией.

* * *

Преувеличением было бы считать, как это делал В.О. Ключевский, что Петр совершенно не готовился к войне со Швецией. Но тут нужна оговорка. Царь готовился к войнам вообще, для чего и начал реформирование отсталой русской армии. Он нигде не подчеркивает, что делает это с целью нападения на шведов. В письме иерусалимскому патриарху Досифею и в других документах государь объяснял реорганизацию стрелецкого войска острой необходимостью искоренить причины мятежей и ввести новую систему обеспечения обороноспособности страны. В принципе регулярная армия нужна была Петру не против кого-то конкретно, а как таковая, как инструмент современного государства, предназначенный для решения внешнеполитических задач. Именно это сказал царь шведскому послу Книпперу в ответ на выраженную им озабоченность военной реформой. И в этих словах не было ни малейшей фальши.

[1] Гольштейн-Готторпский герцог Фридрих IV был женат на сестре шведского короля Карла XII Гедвиге Софии Августе.

Другое дело, что в число этих самых внешнеполитических задач входила защита национальных интересов России в условиях ее непростых отношений с соседями, в коих числилась и Швеция. Поэтому тревога Книппера тоже понятна.

Переговоры Е.И. Украинцева в Стамбуле

Теперь посмотрим, как обстояли дела в Стамбуле. Русско-турецкие переговоры начались 19 ноября 1699 года, лишь спустя два с половиной месяца после прибытия Е.И. Украинцева в османскую столицу. Султан Мустафа II медлил намеренно. Чувство возмущения по поводу дерзкого способа путешествия русского дипломата к месту назначения (на военном корабле через все Черное море) остывало в нем долго.

Визит начался с серьезного инцидента, который мог закончиться очень печально и сразу поставить крест на каких бы то ни было переговорах. После нескольких пьяных выходок капитана «Крепости» голландца Памбурга, палившего из пушек и днем и ночью большей частью для развлечения, султан приказал арестовать русский корабль вместе с несносным Памбургом. Вооруженный экипаж судна приготовился к обороне. С огромным трудом удалось избежать кровопролития и уладить конфликт.

В отместку падишах решил потомить Е.И. Украинцева, чтобы тот хорошо усвоил, кто будет хозяином на переговорах. Вести их было поручено рейс-эфенди Мехмету Рами и драгоману Александру Маврокордато.

Дело не заладилось с самого начала. Обмен нелюбезностями не заставил себя ждать. Е.И. Украинцева встретили вопросом «с чем пожаловали», предложив ответить в письменном виде. Царский эмиссар в свою очередь поинтересовался, «а зачем звали». Это напоминало борьбу за инициативу в дебюте, если проводить аналогию с шахматами. Русских хотели поставить на место с первого хода. Те же сделали контрвыпад, тем самым показав, что принимают вызов.

Непримиримые позиции обозначились на первых же конференциях. Требования Петра ошеломили турок. Он настаивал не только на сохранении за Россией всех завоеванных ею территорий в низовьях Дона и Днепра (что открывало выходы в Азовское и Черное моря), но и на свободе торгового мореплавания в Черном море, а также на передаче «святых мест» в Иерусалиме от католиков к грекам[1].

Категорически отказавшись даже рассматривать эти вопросы, османские делегаты прямо заявили, что предмет переговоров — уступки не турецкой *стороны*, а турецкой *стороне*. Открыто передергивая карты, они сказали буквально следующее: *«Мы не сомневаемся, что... вы уполномочены, для умягчения раздраженных* (османских. — *В. Д.*) *сердец, возвратить из завоеваний вашего Государя его султанскому величеству некоторые города и земли, и желаем знать, что именно вы уступаете?»* Без согласия России на уступки *«нечего и говорить»* о чем-либо. Такая бесцеремонная прелюдия не обещала ничего обнадеживающего. После последовавших острых пререканий дело приняло совсем скверный оборот. Турки жестко потребовали возвращения крепости Казыкермен с окрестными территориями в устье Днепра,

[1] Петровский наказ Е.И. Украинцеву опередил время более чем на 70 лет. Его положения будут реализованы в Кючук-Кайнарджийском договоре 1774 года.

что закрыло бы России доступ к Черному морю. В тайном наказе Петра Е.И. Украинцеву предписывалось *«непременно удержать»* за Россией три пункта: Казикермен, Тавань, Гарсланкермен.

Насторожило русских и желание турок детально обсудить вопрос о линии границы в районе Азова. Спор шел о каждой пяди земли. Османские делегаты упорно отказывались включать в текст будущего договора крепости Таганрог, Павловск, Миус. Е.И. Украинцев ответил, что *«и единой черты уступлено не будет»*, поставив вопрос в таком же категоричном ключе: *«согласна ли Порта на мир?»*

Около трех месяцев продолжался жаркий, но бесплодный спор о приднепровских городках. Турецкие дипломаты попытались взять Е.И. Украинцева измором, прибегая в который уж раз к одним и тем же аргументам в разных комбинациях. Царский посол, приняв эту игру, тоже не блистал оригинальностью своих доводов. Менялся лишь накал страстей, поднимаясь до предельного уровня. Предметность переговоров зачастую растворялась в особом, «восточном» стиле ведения дискуссии с постоянными отсылками к сказочно-эпическим сюжетам и иносказательным образам, лишь уводящим от сути дела. Когда не удавалось пронять русских притчами или тонкой лестью, турки легко срывались на брань.

Е.И. Украинцеву тоже не всегда хватало выдержки. Он заявил, что никакие угрозы не заставят русских дипломатов отступить, *«хотя бы им и смерть принять»*, они прервут переговоры, которым конца не видать, и вернутся домой. Если это была эмоциональная импровизация, то на нее вряд ли осмелился бы даже самый близкий сподвижник Петра. Для такого крайне рискованного маневра требовались высочайшие полномочия. И они у Е.И. Украинцева были, сколько бы царь ни повторял, что *«зело мир нужен»*. Мир, возможно, и был нужен, но не ценой унижения.

К февралю 1700 года хождение по восходящим кругам горячих эмоций закончилось тупиковой ситуацией. Рейс-эфенди отказался от встреч с Е.И. Украинцевым. Посол, как писал Н.Г. Устрялов, *«с часу на час ожидал объявления Порты о закрытии конференции»*, потеряв *«всякую надежду на мир»*.

Атмосфера, окружавшая переговоры, или, как сегодня принято говорить, «повседневность» поражает своей контрастностью. На официальных конференциях русские и османские дипломаты спорили до ожесточения, зачастую уязвляя друг друга, по словам протоколистов, *«уксусными словами»*. А накануне и после официальной части заседаний, как в это ни трудно поверить, общались, подобно старым друзьям, тепло, хлебосольно, участливо.

Несмотря на обилие документального материала, выяснить всю подноготную переговоров, прежде всего подлинную меру готовности сторон к миру или решимости к войне затруднительно. Изначальные требования Петра были явно избыточны. Но зачем он поднял их так высоко? Только затем, чтобы, как часто принято, опустить до компромиссного уровня? Но каков был этот компромиссный уровень и насколько добросовестно искал его царь? Почему Е.И. Украинцева (как и в свое время П.Б. Возницына на Карловицком конгрессе) держали в неведении о той последней черте, до которой ему позволялось отступить? Не потому ли, что о ней не знал и сам Петр?

Маловероятно, чтобы государь не понимал, что беспрецедентный факт прибытия русского военного корабля к стамбульскому причалу не заставит султана пойти

на уступки. Нужны действенные дипломатические средства. Их у Е.И. Украинцева практически не было. Разумеется, он имел богатый опыт, высокую квалификацию, располагал документами и аргументами, владел способностью искусно ими пользоваться. Но все это разбивалось о традиционный османский прием ведения переговоров — непоколебимо стоять на своем, не отзываясь ни на какие доводы. К тому же дело происходило в турецкой столице, что давало большое психологическое преимущество султану, у которого для особо несговорчивых иноземных дипломатов всегда был наготове Семибашенный замок (стамбульский Тауэр). В таких условиях говорить об эффективности применения со стороны Е.И. Украинцева тактики давления не приходилось.

* * *

Так заканчивался семнадцатый век в истории русской внешней политики и в истории начального периода царствования Петра. Впереди простиралась неизвестность...

Часть 2
От Нарвы до Полтавы

1700 год

Россия и Северный союз

Главные события, связанные с генезисом Северной войны, происходили во второй половине 1699-го — первой половине 1700 года. Тогда сформировался Северный союз (Россия, Саксония-Польша, Дания), но до 8 августа 1700 года он, по справедливым словам Н.Н. Молчанова, *«оставался на бумаге»*. Параллельно с *условными* договорами против Швеции Петр по просьбе Стокгольма *официально* подтвердил мир с Карлом XII.

Когда Варшава и Копенгаген в первые месяцы 1700 года начали военные действия против шведов, у царя быстро появилась возможность увидеть, чего стоят его союзники. Август II постоянно убегал от противника, терпя одну неудачу за другой. Датский король, бросив перчатку Карлу XII, через несколько месяцев признал свое поражение и заключил мир.

В начале марта 1700 года царь в письмах к новгородскому и псковскому воеводам сообщил, что Порта не хочет мира, и велел находиться *«во всякой воинской готовности»*, чтобы в урочное время двинуться к *«указанным местам»* (южному театру боевых действий). Заметим: в своем распоряжении Петр говорит о предстоящем разрыве с Турцией. Однако историки однозначно считают этот приказ маскировкой намерения атаковать шведов.

Похоже, все было гораздо сложнее. Обращает на себя внимание совпадение по времени известий о фактическом прекращении стамбульских переговоров с распоряжениями Петра о начале военных приготовлений в районе Новгорода, Пскова и о тайной съемке фортификационных профилей Нарвы и Орешка (Нотебурга). Казалось бы, какая тут связь? Если России бросают вызов на юге, то зачем отвечать на него на севере? Где стратегическая логика? А в том-то и дело, что она безусловно присутствует и в принципе элементарна. В чем ее суть в данном случае?

Карл XII, втянутый в боевые действия с Саксонией и Данией, мыслил сугубо военными категориями, к чему он тяготел по своим природным задаткам. Шведский король анализировал североевропейскую ситуацию в широком контексте, понимая, что Россия, как естественный союзник его балтийских соперников, может воспользоваться моментом и нанести удар с востока. О русско-датско-саксонских переговорах Карл XII, возможно, многого не знал. Но маловероятно, чтобы он не догадывался, что за его спиной происходит нечто тревожное. Некоторые историки убеждены в полной успешности проводимой Петром политики усыпления бдительности Сток-

гольма. Шведы якобы были *«совершенно спокойны»*, а их резидент в Москве, окруженный заботой царских сановников, и подавно пребывал в *«блаженном неведении»*. Это мнение не вяжется с тем фактом, что даже в семье *«простодушного Книперкрона* (Томаса Книппера. — *В. Д.*)», как называл шведского посла Н.Г. Устрялов, судачили о русских военных приготовлениях на севере. Жена Книппера писала своей дочери в Воронеж, что *«русское войско готовится идти на Лифляндию; от чего в Москве все шведы в великом страхе»*.

Могли ли утаиться от Карла XII сведения, не являвшиеся секретом для домочадцев Книппера, тем более что он сам написал в Стокгольм об этой истории. Карл XII и Петр I, как стратеги-прагматики, были похожи в своем недоверии к чужим обещаниям и в своей готовности пренебречь обещаниями собственными ради достижения державных целей. Поскольку движение русских полков к Новгороду и Пскову являлось для Карла XII тревожным сигналом, он мог отреагировать в соответствии с военной логикой — превентивным нападением. И соблазн этот возрастал в связи с вполне реальной перспективой русско-турецкой войны.

Хорошо это осознавая, Петр, конечно, не хотел провоцировать шведов, чтобы не оказаться меж двух огней. Он производил заблаговременную мобилизацию, чтобы в соответствии с быстро меняющимися обстоятельствами употребить собранные силы либо на юге, либо на севере. Однако северная мобилизация, в случае войны с Портой, автоматически становилась бы сугубо оборонительной и никогда бы не использовалась в наступательных целях, несмотря на русско-саксонские и русско-датские договоры.

Карл XII руководствовался собственными соображениями. Он тоже следил за переговорами в Стамбуле и, вероятно, собирался действовать в зависимости от их исхода. Сегодня невозможно сказать, какую линию поведения выбрал бы он, если бы мир между Россией и Турцией не состоялся. В свете последующей стратегии и личностных особенностей шведского короля можно лишь предполагать, что он не удержался бы от открытия второго фронта, чтобы принудить своего соседа к новому Кардисскому договору, а то и к чему похуже. (Прутские события 1711 года в определенной степени это подтверждают.)

Опасаясь такого поворота, Петр неслучайно задабривал шведских дипломатов в Москве и старался сделать все, чтобы не спровоцировать Карла XII. Показательно, что на следующий же день (16 мая 1700 года) после возвращения Петра из Воронежа царь поспешил навестить семейство Книппера, чтобы поведать послу трогательную историю. Вот слова государя: *«Дочь твоя* (получив от матери то самое письмо. — *В. Д.*) *так расплакалась, что я насилу мог ее утешить. Глупенькая, сказал я ей, неужели ты думаешь, что я соглашусь начать несправедливую войну и разорвать вечный мир, мною подтвержденный?»* Сцена сопровождалась слезами умиления и объятиями. Эта история, как мы упоминали, была рассказана Карлу XII. Но она вряд ли его растрогала и вряд ли убедила.

Послу в Гааге А.А. Матвееву Петр наказывал поддерживать самые приятельские отношения с его шведским коллегой Лилиенротом, который был заверен в том, что у царя к Швеции *«никакого отягчения нет»*. Русский дипломат нанес специальный визит к шведу уведомить того, что аналогичное заверение получили от русского дипломата Генеральные Штаты: царь *«в неприятельские поступки с Свейской короною*

никогда вступать не соизволяет». Лилиенрот ответил на это словами благодарности и надежды на укрепление дружбы между Петром и Карлом XII.

Позволим себе еще раз не согласиться с утверждением, будто все это — часть политики притупления шведской бдительности. А.А. Матвеев выполнял поручение Петра тем охотнее, что прекрасно понимал резоны царя, связанного по рукам и ногам переговорами в Стамбуле. У посла была основательная причина разделять крайне осторожную позицию государя, поскольку он первым получал неутешительные известия от Е.И. Украинцева, а потом переправлял их в Москву. Туда же сообщал он и другие новости, никак не располагавшие Петра к решительным действиям на севере. В частности: испанский король *«в добром здравии обретается и ныне упражняется комедиями и всякими утехами»*. Иначе говоря, перспектив войны между Габсбургами и Бурбонами пока не видно. Той самой войны, которая в балтийских планах Петра, как считается, занимала важное место.

В первой половине 1700 года между южным и северным направлением внешней политики Петра продолжало сохраняться неравное соотношение. До подписания мира с Портой перспектива войны против нее была в сознании царя вполне реальной. Это не означает, что балтийская ситуация его не тревожила. Но озабоченность северными делами была принципиально иной. Швеция уже воевала с Саксонией и Данией, и с течением времени оставалось все меньше сомнений в ее победе. И все больше возникало подозрений, что Карл XII, стремительно превращавшийся из юного честолюбца в блистательного полководца, не остановится на этом, особенно в условиях, когда к нему поступали сведения о концентрации русских полков в районе Новгорода и Пскова. На севере Петр потенциально готовился и к отражению шведского превентивного удара (на случай русско-турецкой войны), и к нанесению удара собственного (на случай русско-турецкого мира). Тем самым с точки зрения стратегической логики создавался порочный круг. Чем усерднее царь заботился об обороне, тем больше провоцировал Карла XII, давая ему совершенно резонные основания опасаться, что оборонительная северная стратегия Петра, при перемене южных обстоятельств, может легко превратиться в наступательную. Но обоих монархов объединяло стремление сохранять мир до тех пор, пока они будут в нем нуждаться. И тот и другой, как прагматики, понимали, что сложившаяся ситуация чревата таким поворотом событий, когда одни международные договоры потеряют силу, другие обретут ее. И никакие моральные соображения не помешают этому, поскольку их при необходимости всегда приносят в жертву военно-политическим императивам.

Поездка А.Я. Хилкова в Стокгольм: вероломство или прагматизм?

Однако до наступления «момента истины» — в представлении ли Петра или Карла XII — дипломатии придавалось должное значение в качестве средства избежать фальстарта. Никто из них не мог знать, что именно произойдет в ближайшем будущем, хотя в свете того, что произошло, возникает невольное впечатление, будто царь действительно убаюкивал шведов своими миротворческими жестами. Послушаем

С.М. Соловьева: *«Русский царь не двигался, ожидая вестей с юга, из Константинополя. Успокоительных вестей не было, и Петр, не видя возможности разорвать с Швецией, вместо войска в Ингрию назначил великое посольство в Стокгольм»*.

Именно очевидное отсутствие гарантий мира с Портой позволяет предположить искренность желания Петра придать своему миролюбивому демаршу глубокий и торжественный смысл. 17 апреля царь в ожидании войны с Турцией распорядился отправить в Стокгольм посольство, состоявшее из виднейших и высокородных сановников — боярина князя Якова Федоровича Долгорукого, окольничего князя Федора Ивановича Шаховского и думного дьяка Любима Алферьевича Домнина. Им поручалось еще раз заверить Карла XII в миролюбивых настроениях Петра и вручить грамоту с подтверждением Кардисского договора.

Чтобы придать этой миссии особый вес, Петр решил предварить *«великое посольство»* посольством *«обвестительным»*, которое возглавил ближний стольник князь А.Я. Хилков. Ему поручалось сообщить Карлу XII о предстоящем приезде русских высокопоставленных вельмож для церемонии подтверждения вечного мира. Не менее важным был наказ подробно разузнать о военно-политических планах шведского короля и об общей обстановке в Северной Европе.

Обширный список предписанных ему задач состоял из открытой и секретной частей. *Во-первых*, официально ему поручалось известить шведов о скором приезде другого, *«великого и полномочного»*, то есть более важного, посольства для подтверждения мирных договоров между двумя государствами. *Во-вторых*, А.Я. Хилков должен был объявить, что остается в шведской столице в статусе постоянного резидента.

Все остальное в наказе в той или иной степени носило секретный характер. А.Я. Хилкова обязывали собрать как можно более подробную информацию об отношениях Швеции с тем или иным европейским государством, главным образом с Данией, Бранденбургом, Францией; о ходе войны с Саксонией; о связях Стокгольма с Портой и Крымским ханом; о восприятии шведским обществом России и результатов визита шведского посольства в Москву; о шведских крепостях в Ингрии и численности их гарнизонов. От А.Я. Хилкова требовали еженедельных шифрованных отчетов.

Вопросы, поставленные перед послом, говорят о том, что Петру было далеко не все ясно в тогдашней международной конъюнктуре. Он хотел сопоставить разноречивую информацию, приходившую к нему отовсюду, и по возможности отделить в ней достоверные факты от слухов. Царь намеревался строить или корректировать свои внешнеполитические планы, опираясь на результаты такого анализа. Но любые его планы по-прежнему зависели от новостей из Стамбула.

Дополнительный повод для размышлений дает тот факт, что Петр торопил А.Я. Хилкова с отъездом. Еще 17 апреля 1700 года государевым указом было велено *«отпустить его с Москвы немедленно»*. Мы не знаем, с чем царь спешил больше — с желанием поскорее узнать о положении дел в Швеции или заверить Карла XII в своих дружеских чувствах. Видимо, и с тем, и с другим. Кроме того, в инструкции А.Я. Хилкову первым и главным пунктом, как уже замечено, значилось поручение известить короля о предстоящем прибытии к нему *«великих и полномочных послов»* для окончательного подтверждения русско-шведских мирных договоров. Если это

только политика усыпления бдительности, то она вызывает некоторое недоумение своей переусложненностью. При наличии твердого намерения воевать со шведами в этих усердных дипломатических маневрах не было необходимости. Петр уже неплохо разбирался в образе мыслей европейских правителей. Отправься он хоть самолично в Стокгольм, в настороженном отношении Карла XII к России ничего не изменилось бы. Король доверял не словам, а донесениям о передвижениях русской армии. Так или иначе, остается открытым вопрос — насколько искренним был Петр в своих дипломатических демаршах.

А.Я. Хилков прибыл в Стокгольм 18 июля 1700 года. Карла XII в столице не было, он уже уехал к войскам, готовившимся к походу против датчан. Принимая посла, высшие королевские сановники соблюли отменный этикет. Не было даже мелочи, к которой можно было бы придраться. Князю предложили либо начать отправление своей миссии в Стокгольме, либо ехать к Карлу XII в Мальме (более 600 км). Руководствуясь наказом царя, А.Я. Хилков выбрал второе. В пути он находился более трех недель. На постоялых дворах встречали его торжественно и радушно. Самые высокие чины, какие только оказывались на местах. Вплоть до губернатора провинции (Вестра-Геталанд). Показывали все, от красот природы до крепостей и литейных заводов.

По дороге А.Я. Хилков узнал, что Карл XII уже не в Мальме, а в Ландскруне (еще 40 км). Посол прибыл туда вечером 13 августа. К этому времени король уже разбил датчан и заключил с ними Травендальский мир. Но самое важное другое. По иронии судьбы Карл XII принимал Хилкова в тот момент, когда Россия уже пять дней как объявила войну Швеции (9/19 августа), сразу после признания Данией своего поражения. Поскольку весть об этом, к недолгому счастью Хилкова, еще не дошла до короля, посла принимали пышно, стараясь угодить ему во всем, хотя и в походных условиях. Карл XII пригласил его к себе в военный лагерь на датский берег Зунда. Аудиенция состоялась 9/19 августа и прошла без сучка и задоринки. Вручение царской «миролюбивой» грамоты королю было обставлено с должной торжественностью. Затем банкет с музыкой. В следующие дни экскурсионная программа — осмотр достопримечательностей, военных кораблей. Непременные застолья с шведскими генералами и адмиралами. Одним словом, лучшего и не пожелаешь.

Согласно дипломатическому протоколу, Карл XII должен был дать официальный ответ на грамоту Петра. Это произошло на второй аудиенции (30 августа в г. Христианштадте на юге Швеции), уже официальной, торжественной, проводившейся в дворцовых интерьерах. Было объявлено, что грамота королю *«во всем приятственна»*, и он соизволяет А.Я. Хилкову остаться в Стокгольме в качестве резидента. Карл XII принимал посла стоя и сняв шляпу. Князь велеречиво благодарил за гостеприимство, приправляя благодарность словами о нерушимости *«соседственной дружбы»*. Он делал это тем искреннее, что не знал о главном: мир с Портой уже заключен, и Петр с войсками двигается к шведской границе.

Впрочем, Стокгольм не всегда был щедр на любезные жесты. В мае 1700 года Карл XII отверг русский протест по поводу недостойного приема, оказанного Великому посольству в 1697 году рижским губернатором Дальбергом. (В Москве ответ Карла XII был получен 2 июля 1700 года.) Исполнено это было сухо и деловито, но без оскорбительных интонаций, которые нашел там Н.Г. Устрялов, посчитавший

их *«достаточным поводом к разрыву»*. Разделял Петр это мнение в тот момент или нет, но на разрыв не пошел.

Между тем к царю продолжала поступать информация об османских военных приготовлениях. Н.Г. Устрялов прокомментировал ситуацию так: *«Царь сомневался, не пришлось бы ему все силы сухопутные и морские обратить вместо севера на юг»*. Сомнения безусловно гложили Петра, но совсем другого рода. «Все силы» были сосредоточены против Турции, и проблема состояла в том, позволит ли она обратить их *«вместо юга на север»*, а не наоборот. Трудно было избавиться от впечатления, будто перспектива турецкой войны приближалась с такой же быстротой, с какой отдалялась перспектива войны шведской. Пока Петр находился под влиянием крайне тревожных сообщений из Стамбула и готовился к получению известия об отказе султана от мира, никакой дилеммы между югом и севером для царя не существовало. Весной 1700 года Петр мало походил на человека, который, по словам М.М. Богословского, *«смело смотрел в будущее»*.

Абсолютная непредсказуемость событий вынуждала Петра искать дипломатическую защиту от превентивного нападения Карла XII. И в этом поиске было мало общего с «хитроумной» политикой убаюкивания шведов в преддверии объявления им войны, хотя задним числом это можно расценить именно так.

Царь не стал нарушать мир со Стокгольмом и тогда, когда в Москву 15 июля 1700 года прибыл эмиссар Августа II барон Август фон Ланген умолять Петра немедленно открыть против шведов боевые действия или на худой конец оказать польскому королю тайную военную помощь. Царь согласился дать пушки и несколько казачьих полков. Но объявлять Швеции войну отказался *«до совершенного окончания несогласий с Турцией, потому что договор еще не подписан»* и Порта может вновь заупрямиться, узнав, что Россия втянулась в войну на севере.

18 сентября 1700 года А.Я. Хилков вернулся в Стокгольм. Тут его огорошили известием о том, что царь разорвал отношения со Швецией. Приступить к исполнению своих обязанностей князю так и не пришлось. Он был арестован и провел в плену 18 лет. Это была первая, но далеко не последняя жертва русско-шведской войны.

Таким образом, в самый канун русско-шведской войны Петр с точки зрения стерильной теории дипломатии сделал не вполне добропорядочный ход. Параллельно с *условными* договорами против Швеции он по просьбе Стокгольма *официально* подтвердил мир с Карлом XII. Интрига заключалась в том, какое из этих противоречивших друг другу обязательств окажется не *«бумажным»*. Вся эта конъюнктура не была бы столь уникальной, если бы она вконец не запутывалась важнейшим обстоятельством: ключ к развязке ситуации по тому или иному сценарию находился в Стамбуле, где в ходе совершенно непредсказуемых переговоров предстояло найти ответ на приоритетный для того момента вопрос — быть или не быть миру между Россией и Турцией.

Именно в зависимости от этого Петр собирался окончательно определиться в своей политике в отношении Швеции. Пока Россия формально находилась в войне с Портой, Карлу XII не в чем было упрекнуть царя, дававшего свои миролюбивые заверения искренне. Не могло быть никаких претензий к Петру и у его союзников, которых он решительно предупредил, что выполнит свои обязательства только тогда, когда у него на руках будет текст мирного трактата с Турцией.

Голландия против войны

Еще не началась ни русско-шведская война, ни война за испанское наследство, а Генеральные Штаты уже четко выразили свою позицию: они категорически против разрыва между Москвой и Стокгольмом и против русско-датского союза. В восточно-балтийских портах скопилось огромное количество голландских и английских товаров. Начало военных действий приведет к их уничтожению, что обернется колоссальными убытками для иностранного купечества.

2 марта 1700 года Штаты через А.А. Матвеева обратились к Петру с просьбой не помогать датчанам против шведов, поскольку это уже будет участие в войне, а Гаага не хочет войны между своими приятелями (Россией и Швецией). Царь ответил, что он выполнит голландскую просьбу, если только со стороны Стокгольма *«не окажутся какие-нибудь неправды»*.

Поскольку тогда, в период переговоров в Стамбуле, война со Швецией была под большим вопросом, государь верил, что говорит правду. По крайней мере, ему легко было убедить себя в этом.

Вскоре Гаага послала новую просьбу Петру — *«подарить Европе мир»*, уговорив Августа II прекратить войну, начатую его вероломным нападением на шведские владения. Странно было слышать от голландцев такие призывы именно тогда, когда они полным ходом готовились к схватке за испанское наследство.

В середине лета 1700 года, скорее всего еще до получения Петербургом известия о заключении договора с Турцией (а значит, до принятия Петром окончательного решения в отношении шведов), А.А. Матвеев представил Штатам список обид, которые Швеция причинила России, не дав никакого вознаграждения за них.

Судя по всему, об объявлении шведам войны Гаага узнала раньше, чем русский посол. На вопросы голландских министров о том, правда ли это, А.А. Матвеев отвечал, что *«дело неверное; никакой ведомости о том ко мне нет»*.

Зададимся и мы вопросом: почему Петр загодя не уведомил о своем намерении воевать главного в ту пору русского дипломата за границей, чтобы тот был готов к использованию этой информации и не попал, как это произошло, в конфузную ситуацию? А все, как нам кажется, потому что Петр, держа палец на спусковом курке, до последней минуты не знал, позволит ли острейшая переговорная ситуация в Стамбуле нажать на него или нет.

Полученные Штатами достоверные известия об осаде Нарвы поставили все на свои места. Посол невольно стал обманщиком и навлек на себя всеобщую неприязнь, о чем он с горечью докладывал в Москву.

Русское наступление на Нарву вызвало в Гааге огромное неудовольствие. Война путала ей все карты. По союзному договору со Стокгольмом Голландия была обязана оказывать ему помощь, но в то же время она не хотела открытой ссоры с Россией. Политическая причина заключалась в стремлении вовлечь Карла XII в борьбу за испанское наследство, а для этого требовалось развязать ему руки на севере. Но более актуальной на тот момент являлась причина меркантильная. Голландские купцы страшно опасались, что огромное количество их товаров, скопившихся в Ревеле, будет, при взятии города русскими (в чем голландцы не сомневались), разграблено, что обернется колоссальными убытками.

В конце сентября 1700 года Генеральные Штаты послали Петру грамоту, в которой выражали удивление и недовольство решением царя объявить войну Швеции, считая ее несправедливой и упрекая государя в нарушении своего обещания сохранять мир, данного Гааге. В том послании Штаты предлагали свои посреднические услуги в деле восстановления мира. В ответ («Грамота к Голландским Штатам» от 15 ноября) Петр вернулся к рижской истории 1697 года, подчеркнув, что от Стокгольма всего то и требовалось, чтобы русская сторона была *«приятно и дружелюбно удовольствована»* за обиды, нанесенные Великому посольству, и конфликт был бы исчерпан. Вместо этого шведские власти после долгого молчания признали поведение рижского губернатора совершенно оправданным, тем самым переложив вину на русских, что явилось новым оскорблением. Петр не возражал против голландского посредничества, однако намекнул, что он уже имел случай во время недавних переговоров с Портой столкнуться со своеобразным видом добрых услуг, когда Штаты воздержались от оказания дипломатической помощи России.

Увещевать Матвеева в Гаагу приехал сам Вильгельм III (голландский штатгальтер и английский король). Он делал это настолько осторожно, что трудно было понять, на чьей он стороне. Король не имел никаких оснований радоваться наступлению русских на Нарву, однако свое настроение скрывал. Напротив, рассыпался в похвалах в адрес высокомудрого Петра и его армии, выражая, неизвестно зачем, сожаление, что государь начал свой поход с точки зрения стратегии в неподходящее, предзимнее время. Еще более странным выглядело его заявление об исторической принадлежности ливонских городов Московскому государству. Думается, в этот момент он больше всего думал об интересах голландского и английского купечества, желая склонить царя к милосердному обращению с их застрявшей в Ревеле собственностью. Но среди его голландских министров шли другие толки. На каждом углу, как писал А.А. Матвеев, только и разговоров что о русской угрозе свободе торговли на Балтике, которая станет реальной, если царю достанется хотя бы одна пристань.

Вильгельм III старался вести себя так, чтобы Петр не отождествлял в его лице два статуса. В качестве английского короля он действовал не так прямолинейно, как Генеральные Штаты, проявляя к царю больше такта. В письме от 23 октября 1700 года Вильгельм, совершенно обходя причины русско-шведской войны (в отличие от гаагских властей), предлагал свои услуги во имя восстановления мира и развития торговли, обещая употребить свой авторитет и влияние, чтобы склонить Карла XII к *«праведному удовольству»* России. Петр (грамотой от 13 декабря) ответил в таком же умиротворительном духе, выразив готовность принять посредничество Вильгельма во имя целей, указанных в послании короля. Царь рассуждал о благотворности мира так, будто нарвской конфузии не было и в помине. Он с энтузиазмом поддержал мысль о справедливости требований России об удовлетворении ее интересов, не желая считаться с тем обстоятельством, что свое предложение Вильгельм делал до Нарвы.

Поражение русских войск под Нарвой вызвало в Гааге, где об этом узнали 14 декабря 1700 года, несказанную радость. Голландская пресса разнуздалась до неприличия, не щадя ни царя, ни его варварскую, ни на что не годную армию. Матвеев потребовал от Штатов унять эту оскорбительную вакханалию, но тщетно. Понятно, что при таких обстоятельствах посредническая миссия английского короля и голландского штат-

гальтера, если она вообще была возможной, исключала бы всякое упоминание о *«праведном удовольстве»* России.

Штаты, перестав скрывать свою поддержку Швеции, прямо объявили А.А. Матвееву об обновлении, с одобрения Вильгельма III, старых союзных договоров между Гаагой и Стокгольмом.

Недосказанность в отношениях между Петром и Августом II

11 февраля 1700 года Петр срочно отправился в Воронеж, где он в течение трех месяцев, по мнение Н.Г. Устрялова, вел активную подготовку флота к войне. Совсем иначе трактует цель этой поездки М.М. Богословский: *«Кораблестроение, однако, в 1700 г. не стояло на первом плане для Петра в Воронеже. Он продолжает его, желая закончить начатое; но он* ***ежеминутно готов его бросить*** (выделено мной. — *В. Д.*) *и вернуться в Москву при первом же благоприятном известии о мире с Турцией. ...Воронежские корабли, азовская крепость, таганрогская гавань, южное море не овладевали всецело его вниманием. Его взор пристально устремлен теперь к северу»*. Столь категоричная оценка плохо согласуется с фактами, которые мы приведем ниже. Смущает также приписываемое Петру несколько нездоровое раздвоение между, с одной стороны, «желанием закончить начатое», с другой — «ежеминутной готовностью его бросить».

За это время никаких утешительных известий от Е.И. Украинцева не поступало. Не было их и из Европы, где Саксония и Дания вели военные действия против шведов. Саксонский «блицкриг» в Лифляндии быстро захлебнулся. Август II и его генералы как будто нарочно наделали столько глупостей, что иного результата и быть не могло. Датчане, после удачного начала, попали в трудное положение, вскоре ставшее безнадежным. Август II то со слезами, то с упреками умолял Петра о помощи, ссылаясь на русские обязательства по союзному договору, но государь был непреклонен. Тут и пригодился тот пункт соглашения, который по твердому царскому настоянию был включен в текст документа — о вступлении России в войну против Швеции только при условии заключения мира с Портой. Воздерживаясь от помощи своему саксонскому «другу», Петр не нарушал ни юридических, ни моральных норм. Если говорить о сугубо человеческой реакции царя на нерадивое поведение Августа II, то она была близка к возмущению: как может король оставаться в Саксонии *«в чаду удовольствий среди придворных дам»*, когда на карту поставлен успех ливонской операции. Петр вполне допускал, что такой «союзник» выйдет из войны, даже не начав ее. Основание думать так давали слухи, будто рижане откупились от Августа II полутора миллионами талеров, после выплаты которых осада города была прекращена.

Как нелишне заметить, в отношения между Августом II и Петром вторгалось то, что было превыше личной дружбы — внешнеполитические интересы. Узнав о подготовке царя к наступлению на Нарву, король очень расстроился. Он жаждал помощи, но при этом оставлял за собой право ограничивать сферу русских военных действий теми точками, на которые не распространялись притязания Польши. Август II, конечно, находился под влиянием идей Паткуля, однако лишь в той степени, в какой

они совпадали с его собственными намерениями. Что касается лифляндского кукловода, то он, при всем его недовольстве стратегическим направлением, избранным Петром, советовал Августу не раздражать царя этой темой, обещая позже устроить так, что Нарвы царь не увидит как своих ушей.

Дело крайне осложнялось тем, что войну со Швецией вел не польский король, а только саксонский курфюрст и только саксонскими войсками. Сейм Речи Посполитой не разрывал отношений со Стокгольмом из-за позиции сторонников сохранения мира. Люди из этой партии, настроенные против России, опасались, что она заберет у Швеции земли, по праву принадлежащие Польше. К ним, оказывается, причислялась не только Лифляндия, но и Ингрия. Переломить такое настроение было непросто. О том, чтобы этого не случилось, хлопотал остававшийся на своем посту шведский резидент в Варшаве.

Август II давал Петру и другие поводы для раздражения. Вопреки постановлениям Вечного мира 1686 года о беспрепятственной торговле между подданными России и Польши русские купцы подвергались разного рода несправедливостям и притеснениям на польской территории. Это были не единичные случаи, но почему-то именно сейчас, в марте 1700 года, царь направляет Августу II весьма сердитую *«заступительную»* грамоту, в которой протестует против недавнего разграбления польскими шляхтичами русских купцов с причинением огромного ущерба, требуя, чтобы пострадавшим *«совершенное удовольствование»* учинено было и чтобы *«впредь никто на такие неправды не дерзал»*.

После вступления России в войну Петр уже не отвлекается на такие мелочи и переходит к стратегическим вопросам. В сентябре 1700 года он охотно принимает предложение Августа II о личной встрече для координации военных планов. А если ей что-то помешает, то царь предлагал незамедлительно обмениваться имевшейся у обеих сторон информацией. Судя по письму Петра от 23 октября 1700 года, такой обмен был налажен через секретных агентов. Но для постоянных контактов к королю был отправлен полномочный посол князь Г.Ф. Долгорукий (вместе с его племянником, ближним стольником В.Л. Долгоруким). Первым делом ему предстояло *«просить как наискорее, дабы польские войска поспешили своим походом к Пернау и тем бы отвратили шведского короля от Нарвы»*.

Критическая фаза стамбульских переговоров

Большие и малые, внешне незначительные, события первой половины 1700 года были похожи на разноцветные камешки в калейдоскопе, от малейшего движения которого они образовывали новый узор. Предсказать, какая именно комбинация сложится после поворота политического калейдоскопа, было практически невозможно. Никто не обладал четкой и достоверной информационной картиной европейской международной жизни. Даже особый склад ума и острая интуиция не всегда помогали разобраться в разноголосице слухов, оценок, прогнозов. Эта разноголосица сгущала над Петром то самое *«облако сумнений»*, которое сильно угнетало его невозможностью принять бесповоротное решение. Непредсказуемости боялись все. Даже самые решительные правители. В случае с выдающимися личностями это был страх, который

не парализует волю, а заставляет искать прагматическое, оптимальное из возможных решение. Каждый следующий шаг в неизвестность таил риск. Но бездействие Петр никогда не считал разумной альтернативой стремлению самому управлять событиями, а не подчиняться им.

Такая логика делала для царя неизбежным внесение корректировок в стратегию и тактику переговоров в Стамбуле. Из той тупиковой ситуации, если в ней ничего не менять, был лишь один выход для обеих сторон — война. Стоит идти на нее, когда почти каждый день приносит одну новость неожиданнее другой? Над этим вопросом Петр теперь, судя по всему, задумывался гораздо глубже, чем раньше.

В конце декабря 1699 года царь послал к Е.И. Украинцеву сержанта Преображенского полка Никиту Жерлова с тайным наказом пойти на уступки, но не сразу раскрывая Порте их характер[1]. Е.И. Украинцев попытался сделать так, чтобы приезд царского гонца турки восприняли как угрожающий намек. В ответ на вопрос Александра Маврокордато о цели визита Жерлова, было сказано, что он привез сообщение о недовольстве царя *«таким многим промедлением»* в столь важном деле, и русские делегаты, *«восприняв такую ведомость, ...в великом страхе и ужасе ныне пребывают»*. Затем Е.И. Украинцев «тонко» заметил, что он не чувствует за собой вины и будет вынужден оправдываться перед государем донесением о том, на ком именно лежит ответственность за затяжку переговоров.

Разумеется, Е.И. Украинцев и не подумал сообщать о подлинном содержании петровских инструкций. А суть их в следующем. Вначале предложить туркам оставить днепровские городки в царском владении лет на 6–7, а затем разорить до основания. В случае несогласия Порты другой вариант: немедленно снести их после подписания трактата и не заводить там никаких селений ни одной, ни другой стороне. Иными словами, это было предложение о нейтрализации нижнего Приднепровья.

Не исключая, что турки могут отказаться и от этой идеи, Петр мучительно искал компромиссную формулу, которая была бы не слишком большой жертвой для его самолюбия и престижа государства. О том, каких моральных усилий и сомнений ему это стоило, говорит еще один факт. После отъезда Жерлова царь пишет новую инструкцию Е.И. Украинцеву (февраль 1700 г.). В ней дается согласие на возвращение Порте днепровских городков *«без разорения»*, но те фортификационные достройки, которые были сделаны русскими за время владения этими землями, должны быть уничтожены. Предполагая, что тема «разорения» окажется для турок поводом для продолжения спора, Петр просил говорить о ней *«глухо»*. Главное — *«учини мир: зело, зело нужно»*. Этот почти отчаянный призыв можно было бы истолковать как отступление Петра на позицию «мир во что бы то ни стало», если бы царь не велел *«изодрать»* письмо.

Было еще одно письмо к Е.И. Украинцеву, тайно привезенное в Стамбул (12 апреля 1700 года) канцеляристом гетмана Мазепы Иваном Чернышом. Повторяло оно содержание *«изодранной»* бумаги или нет, но речь там шла о последней черте, до которой дозволялось отступить: отдать в устье Днепра все как есть, *«без разорения»*. С военно-стратегической точки зрения это означало, что туркам не нужно будет заново создавать в устье Днепра плацдарм против России. А России в случае следующей попытки овладеть этим выходом в Черное море придется брать несколько крепостей, ими же усовершенствованных.

[1] Текст этого наказа не сохранился, но косвенные документы позволяют понять, о чем речь.

История знает немало примеров, когда к войнам, помимо всех прочих причин, приводила очень чувствительная для любого монарха проблема «сохранения лица». В конце 1699 — первой половине 1700 года Петра она терзает невыносимо. Еще бы: начать с предъявления Порте запредельных требований и опуститься до уступок, о которых царь и мысли не допускал. Удар по самолюбию очевидный. Открытого признания на сей счет у Петра, естественно, нет, но в косвенной форме он его делает в беседе с Паулем Гейнсом 23 апреля 1700 года. Тогда государь сказал, что в переговорах с Портой нельзя *«внезапно бросаться из одной крайности в другую»*; от ультимативного тона к покладистому нужно переходить *«плавно»*, имея в виду, что туркам не следует давать повода к превратным истолкованиям уступок России в том или ином смысле.

Не претендуя на полную расшифровку подтекста царского намека, позволим себе предположить со стороны Петра ожидание османского дипломатического наступления. Иначе говоря, предъявления русским новых требований об уступках, раз уж они дрогнули. И постоянного шантажирования перспективой окончательного отказа от продолжения переговоров. В пользу такого сценария говорят распространившиеся в Стамбуле в феврале–мае 1700 года слухи, несказанно обрадовавшие османские власти, о том, что царь начал войну с Персией и Швецией одновременно, совершив тем самым глупость.

Если мы не ошиблись в своем предположении, то чутье Петра не подвело. Порта играла в свою, рисковую игру. Полагая, что царские дипломаты идут на уступки из-за скорой или уже начавшейся войны со шведами, и решив прощупать, как далеко разрешено Е.И. Украинцеву отступить, она стала повышать ставки, приближаясь к опасной черте. Турки то и дело внушали собеседникам, что войны они не боятся. 3 апреля рейс-эфенди выпалил Е.И. Украинцеву буквально следующее: *«Государь, их салтаново величество, на свете никого не боится, и не токмо чьи угрозы, но и война ничья им не страшна, и всегда они рады иметь войну, а не мир, на то де их бог создал, что (бы) со всеми творить войну и побеждать мечем»*. Через три недели последовало аналогичное заявление: *«С одним Московским государством война Порте не страшна, стояла же Порта силами своими и против четырех христианских государств»*. Был ли это чистый блеф или фатализм в духе «на все воля Аллаха»? Вопрос, скорее всего, безответный даже для знатоков восточной дипломатии, замысловатой, импульсивной, театральной, полной сюрпризов. И не всегда рациональной.

На какие бы последствия в данном случае ни рассчитывала Порта, усиливая нажим на Е.И. Украинцева, делала она это решительно и вызывающе. Когда русский посол, получив новые инструкции, доставленные в конце января 1700 года Жерловым, попросил о возобновлении конференций, ему было отказано. Не щадя самолюбия Е.И. Украинцева, Порта поставила его перед необходимостью пятикратно обращаться к ней с просьбой о возобновлении конференций. Надеясь, что Жерлов привез предложение об уступках, турки наконец согласились на встречу. 10-я конференция (12 февраля 1700 г.) закончилась решительным отказом рейс-эфенди рассматривать вопрос о предоставлении России 6–7-летней отсрочки для возвращения приднепровских городков. *«Вы думаете обмануть нас, как обманывают друг друга, играя, малые дети»*, — резюмировал Мехмет Рами, полагая, что этот срок непременно превратится в вечность.

На следующих 11-й (24 февраля) и 12-й (2 марта) конференциях Е.И. Украинцев сделал еще один шаг назад, согласившись на немедленное возвращение приднепровских городков, но в разоренном (демилитаризованном) состоянии и без права восстановления там крепостей. Когда турки поняли, что в принципиальном вопросе русские отступили, у них разыгрался аппетит. Быстро подавив на своем лице выражение удовольствия, Мехмет Рами надел маску недоумения и возмущения. Разве это уступка, вопрошал он, — отдать султану пустые земли, где будет только *«пристанище всяким зверям и птицам, а не человекам», «то де не уступка, но некакое насилие и посмеяние»*. Далее последовало богословское нравоучение о предназначении земли: все религии учат, что ее нужно заселять и возделывать, *«а не пустошить»*. Впрочем, приводились и менее отвлеченные доводы, связанные с обеспечением защиты Крыма от нападения казаков.

Чтобы понять странные перепады в настроениях турецкой делегации, стоит задаться вопросом, чем занималась она в перерывах между конференциями, иногда весьма долгих. Возвращаясь с заседаний, Мехмет Рами и Александр Маврокордато окунались в напряженную политическую жизнь Стамбула с ее влиятельными сановниками, клерикалами, различными околопрестольными группировками, интригами, постоянной вероятностью заговоров. Достигнутые предварительные договоренности между османскими и русскими дипломатами выносились на одобрение Мустафы II, которое не было гарантировано. Свое мнение имел великий визирь, и султану приходилось к нему прислушиваться. Всем этим силам не часто удавалось прийти к согласию по международным вопросам. Случалось также, что верховная власть после, казалось бы, окончательно принятого решения начинала впадать в сомнение сама и вводила в него нижестоящие инстанции.

В таких условиях приходилось работать османским делегатам и, поневоле, их русским визави. Это в каком-то смысле объединяло их, делало товарищами по несчастью. Особого сочувствия заслуживал Е.И. Украинцев, которому всякий раз приходилось гадать, с каким новым сюрпризом явятся турки на очередную встречу. Последующие конференции были для него сущим испытанием. В воздухе постоянно висел дамоклов меч разрыва, и совершенно нельзя было предугадать, в какой момент переговоров и по какой причине он сорвется. Остро чувствуя шаткость ситуации, Александр Маврокордато, не желавший войны, доверительно сказал Е.И. Украинцеву, что нить натянута *«до самой последней тонкости, не разорвать бы ее»*.

На 13-й конференции (16 марта) Мехмет Рами наконец согласился, что приднепровские городки вернут Турции разоренными. Не успел русский посол перевести дух, как рейс-эфенди тут же, почти как в театре абсурда, поставил вопрос о строительстве в устье Днепра османского поселения. Он прекрасно понимал, что такое поселение может существовать только в виде крепости, иначе оно станет жертвой грабительских набегов. А крепость как стратегический объект — это уже угроза для России.

Основательно потрепала нервы Е.И. Украинцеву 14-я конференция (20 марта), где главным неожиданно стал именно вопрос о «поселении», якобы необходимом для обеспечения перевоза через Днепр. Посол поначалу категорически отверг эту идею. Но турки, как будто демонстративно проверяя, где пределы русских уступок и русского терпения, подняли градус дискуссии. Е.И. Украинцев в конце концов снял свои возражения и согласился на заведение «поселения» при условии,

что численность его жителей не превысит 50 человек и вокруг него не будет никаких укреплений.

И тут началось то, что можно было бы сравнить с комедией, если бы все не обернулось критической ситуацией. Османские дипломаты еще раз показали, что уступки они расценивают как приглашение к наращиванию требований. Было заявлено о недопустимости строительства поселения *«без ограждения»*. Стилистика, в которой турки вели об этом разговор, приличествовала не международным переговорам, а разве что межевому спору двух деревень. Нельзя без улыбки цитировать слова рейс-эфенди: нам бы какой-нибудь *«ровик или валик»* вокруг того сельца, чтобы скот не топтал виноградники.

Е.И. Украинцев же видел за этим деревенским «простодушием» совсем другое. Стоит только согласиться на *«ровики или валики»*, и через некоторое время из них вырастут крепостные сооружения отнюдь не сельскохозяйственного назначения. Завязался нешуточный спор. Турки пригрозили, что если не будет принята идея об ограждении нового поселения *«тыном или каким окопом»*, то они потребуют срытия приазовских укреплений. Удивленный стремлением рейс-эфенди превратить эту тему в камень преткновения, русский посол сказал, что посоветовать такое мог лишь враг обоих государств, достойный *«суда и в сем веке и в будущем»*. Обе стороны дошли до прямых угроз отказаться от дальнейших переговоров, вследствие чего с Мехметом Рами случился нервный припадок.

Компромисс в этом вопросе искали целый месяц (до 22 апреля). Е.И. Украинцев, которому пришлось перейти на «межевой» язык турецкой делегации, предложил такую формулировку: обвести поселение *«плетнем для бережения скота от зверя и чтоб скот в жито не ходил»*. Александр Маврокордато, в отличие от своих коллег по делегации, понимал смехотворность включения этих *«непристойных»*, по его выражению, подробностей в текст международного договора. В конце концов сошлись на необходимости точного определения понятия «ограждение поселения». В окончательном виде это выглядело так: *«село да построится, и село приличною ямою и окружением да обведено будет; однако никакая крепость да не сотворится, ниже во образ городка и твердыни да приведется, и ни пушки, ни воинские приуготовления, к воинским ограждениям надлежащие, и ни воинский полк в нем да не поставятся, и морские воинские корабли и каторги к тому селу приведены да не будут»*.

Турки добились своего. Статья о приднепровских городках закрывала России выход в Черное море и оставляла ее уязвимой перед лицом крымских набегов.

Казалось бы, главная проблема решена. Но именно в этот момент у османских дипломатов как будто открылось второе дыхание. Неожиданно для русских начинается фронтальное наступление в тех вопросах, обсуждение которых не предвещало особых осложнений. Поведение турок стало настолько упрямым и придирчивым, что у Е.И. Украинцева появились все причины спросить себя: а хочет ли Порта мира в принципе? Этот вопрос возникает и у историка при изучении содержания семи конференций (15-я — 21-я), проходивших с 25 марта по 27 апреля.

Теперь в центре спора оказалась приазовская территория с построенными на ней укреплениями, а также линия новой русско-османской границы. Замысел рейс-эфенди и его помощников был шит белыми нитками: не включать в окончательный текст договора названия этих укреплений и тем самым в перспективе подвергнуть сомне-

нию факт их принадлежности России. По словам турок, *«они имян тех городков не знают и не ведают и писать того на бесчестье государству своему не будут»*. Чтобы унять разгоравшиеся страсти, Александр Маврокордато предложил компромисс по-турецки: все земли от Азова до Керчи остаются *«впусте»*, то есть в демилитаризованном состоянии. Е.И. Украинцев отказался, и дебаты продолжились. В результате появилась согласованная редакция статьи, в которой не было слова *«впусте»* и которая звучала более определенно, чем предлагали турки. Но все равно приазовские крепости остались безымянными городками, *«ныне к нему* (Азову. — *В. Д.*) *належащими»*.

Затем началась долгая (18-я — 21-я конференции) и острая дискуссия о линии русско-османской границы к юго-востоку от Азова. Е.И. Украинцев предложил в качестве такой линии реку Кубань, поскольку, кроме нее, нет другого естественного рубежа между государствами. Подразумевалось также, что за днепровские городки полагается компенсация к востоку от Дона. Турки пришли в негодование. Они считали, что, учитывая обширные территории, уступленные ими *«с крымской стороны»*, о Кубани не стоит и думать. Изнурительный торг затянулся до 27 апреля. Раздражение с обеих сторон поднималось порой на недипломатический уровень. Это и понятно: за многие месяцы постоянного напряжения накопилась элементарная человеческая усталость.

Присутствовал еще один, пожалуй, самый важный момент. Как мы помним, 12 апреля Иван Черныш доставил Е.И. Украинцеву новые инструкции, в которых Петр торопил посла с заключением договора даже ценой дальнейших уступок в днепровском вопросе. Но, с другой стороны, царь — уже через Ф.А. Головина — разрешал ему, в случае если Порта будет продолжать тянуть время, потребовать от нее незамедлительного ответа на вопрос: *«мир ли хотят делать или войну»*. При отсутствии *«отповеди»* в урочный срок Е.И. Украинцев должен был тут же покинуть Стамбул. Объяснять, что это означало бы, нет необходимости. Блефом эта инструкция определенно не являлась.

Таким образом, Е.И. Украинцев получил еще одно подтверждение разрешения Петра действовать по обстановке. Однако судьба *«истонченной нити»* (опять воспользуемся метким образом Александра Маврокордато) зависела не столько от посла, сколько от реакции Порты, предсказать которую почти на всех этапах переговоров было очень трудно. Кроме того, существовала еще логика и правила профессиональной дипломатии. Если турки принимают «ультиматум» и соглашаются на ускорение дела, то Е.И. Украинцев лишался оснований для разрыва. Создавая их искусственно, он рисковал обрести репутацию поджигателя войны. Нельзя не учитывать и психологический момент. Какими бы ни были тайные или явные планы Порты, с одной стороны, и царя — с другой, дипломаты находились под гнетущим бременем ответственности. Чем дольше тянулись переговоры, тем меньше хотелось участникам, чтобы результаты их многомесячных усилий пошли прахом. Неуступчивость и желание найти компромисс находились в хрупком равновесии. Куда склонится чаша весов, не было ясно до самого дня подписания мира.

Спор о русско-османской границе к юго-востоку от Азова проходил тогда, когда на руках у Е.И. Украинцева уже имелся петровский карт-бланш, привезенный Иваном Чернышом. Позиции сторон расходились существенно. Сближение их до компромиссной черты (*«до средка»*) шло тяжело. Турки настаивали, чтобы граница пролегала на расстоянии *«пушечного выстрела»* (версты, при тогдашней дальнобойности

орудий). Е.И. Украинцев счел целесообразным отказаться от Кубани, как от заведомо неприемлемого для турок рубежа. Уже было сошлись на *«10 часах езды»* от Азова, как рейс-эфенди поднял вопрос — что такое «час езды»? Ведь за час можно преодолеть разное расстояние. Эта тема осложнила, но не сорвала дискуссию. *«10 часов»* были приняты в качестве компромисса. Однако турки выговорили условие, согласно которому на приобретенной территории русским запрещалось возводить укрепления.

Несмотря на достижение соглашения по территориальным вопросам конца делу не было видно. Бо́льшую часть месяца мая ломали копья по вопросам о черноморской торговле и о прекращении выдачи московской дани крымскому хану. Из-за нервного перенапряжения Мехмет Рами перестал посещать заседания, оставив вместо себя Александра Маврокордато. Тот, доселе старавшийся обходить острые углы, неожиданно заговорил жестко и требовательно. Второй вопрос, в отличие от первого, решился в пользу России.

Казалось, стороны вышли, наконец, на финишную прямую. Когда речь зашла уже о составлении чернового варианта мирного договора, выяснилось, что расхождения в редакционных формулировках тоже несут в себе реальную опасность провала переговоров. Е.И. Украинцев, постоянно ожидая от турок *«великой хитрости и обману»*, опасался, что черновики будущих статей они превратят в ловушку для русских. Маврокордато просил не придираться и не упорствовать при составлении предварительных редакций, потому что их можно будет во имя *«общего согласия»* менять с *«убавками и прибавками»*. Однако, как оказалось на практике, турки принимали лишь те изменения, которые отвечали их интересам. В других случаях они настаивали на утверждении *«черных статей»* (то есть предварительных, выгодных для Порты редакций).

С 7 мая по 8 июня переводчики, под руководством более высоких чинов, на шестнадцати встречах прорабатывали в каждой статье строчку за строчкой. Какие только нюансы не становились порой во главу угла, тая в себе любое продолжение событий. Так, 22 мая в ходе согласования текста статьи о прекращении даннических отношений между Москвой и Бахчисараем спор «о словах» дошел до скандала. Отвергнув русский вариант, Маврокордато покинул конференцию, *«не простясь»*. После этого в течение какого-то времени Е.И. Украинцев общался с ним через посыльных.

С 31 мая, не прекращая работы над редакционными поправками, стороны начали подготовку окончательных, беловых текстов и обсуждение церемониальных деталей процедуры обмена документами. На 12 июня была назначена последняя, 22-я конференция, после которой должно было последовать скрепление договора подписями уполномоченных лиц. Началась она с теплых приветствий и сокрушений по поводу того, что долго не виделись. Затем кофе и десерт. Но сладкой была лишь прелюдия к разговору. Дальше последовало объявление об одобрении султаном, великим визирем и диваном всех статей договора, кроме четвертой, «азовской». В этой статье, как выяснилось, Порта увидела *«намерение к вновь замышляемой войне»*. Если царь действительно желает мира, он должен приказать срыть все *«старые и новые»* крепости около Азова, прежде всего Таганрог, Павловск, Миус, и впредь не строить никаких *«кастелей»* на землях, отошедших к России. Без выполнения этого требования *«мир совершиться не может»*.

Такого ледяного душа Е.И. Украинцев не ожидал. Ведь он полагал, что на заключительную конференцию дипломаты съедутся, чтобы обменяться поздравлениями

в связи с успешным окончанием тяжких восьмимесячных трудов. А тут на тебе! Придя в себя, посол разразился длиной тирадой возмущения. Он говорил, что не может поверить своим ушам, столь шокирующий поворот дела неслыхан и зазорен даже *«меж простыми людьми»*. Потом последовала целая вереница аргументов, пересыпанная упреками и вопросами, полными изумления. Смятенное состояние, правда, не помешало Е.И. Украинцеву выстраивать свои доводы в логическом порядке. В патетическом завершении его речи явственно присутствовало нешуточное предупреждение: *«Лучше им* (русским дипломатам. — *В. Д.*) *здесь смерть принять, нежели на такое разорение новых городков поступить! Знатно по всему, что еще не пришла божественная воля, чтобы быть миру!»* Заключительная фраза звучала еще жестче: готова ли Порта к миру уже на *«постановленных артикулах»*, да или нет?

Турки обещали донести этот вопрос до великого визиря, которому и давать ответ. На что Е.И. Украинцев сказал: это уж ваше дело, с кем советоваться, но в азовской статье *«никогда никакой ни в чем перемены не будет»*.

На следующий день (13 июня) посол отправил к Маврокордато переводчика Семена Лаврецкого и подьячего Лаврентия Протопопова еще раз повторить, что вчерашнее неожиданное турецкое заявление повергло его в *«великое сомнение»*. Е.И. Украинцев расценивал ситуацию как критическую, поскольку царь уже извещен о договоренности по азовской статье, а это означало, что никто теперь не осмелится даже заикнуться о необходимости ее изменения. Глава русской делегации видел единственный выход из положения: назначить на самое ближайшее время (14 июня) на этот раз действительно последнюю конференцию, на повестке которой будут лишь технические вопросы, прежде всего дата подписания договора.

Но Маврокордато только усилил тревогу Е.И. Украинцева тем, что навязал его помощникам дискуссию, вновь продемонстрировав мастерство казуиста. Слова драгомана и в самом деле достойны восхищения. Маврокордато сделал вид, будто он удивлен русской реакцией. Ведь речь-де идет о пустяковых поправках, предложенных турецкими уполномоченными *«по приятству и любви, как бы тому делу учинить учтивое и благоволительное решение»*. Тут не в чем сомневаться и не о чем печалиться. Потом он перешел на цветистый язык метафор, не внушавший оптимизма. Маврокордато, конечно, расслышал заявление Лаврецкого и Протопопова о незыблемости русской позиции, однако завершил разговор с ними уведомлением, что новая встреча будет посвящена поиску *«угодного и невредного обеим сторонам средка»*, то есть компромисса, коим, *«даст бог, то дело примет свое окончание на будущей конференции»*.

23-я конференция состоялась 16 июня пополудни, но теперь уже никто не мог поручиться за ее исход. Пообещав говорить *«по приятски, а не в досаду»*, османские уполномоченные вновь указали на угрозу, которую представляют для их страны крепости Таганрог, Павловск и Миус. Если их не разорить, между двумя государствами будет *«вящая вражда и ссора»*. И напротив, уничтожение *«кастелей»* укрепит *«дружбу и безопасность»*. Поэтому проблему нужно решить *«склонно и согласно, без всяких отговорок»*. С удивительной легкостью было заявлено, что нет никаких препятствий к изменению в еще не подписанном договоре не только слов, но и статей.

Речь Е.И. Украинцева вновь пронизывали удивление и эмоции. Он и его коллеги прибыли на конференцию, чтобы услышать однозначный ответ на поставленный

накануне вопрос. Им же не просто предлагают новые переговоры, а переговоры с заранее предрешенным результатом. Тем не менее в дискуссию русский посол все же дал себя втянуть, чтобы показать, насколько требования Порты расходятся с заведенными дипломатическими правилами и насколько близки стороны к черте окончательного разрыва. Ситуация, согласно его рассуждениям, необратима еще и потому, что царь уже извещен о завершении работы по азовской статье и другой ее вариант будет воспринят как оскорбление. Более того, оскорбление русской делегации уже нанесено. В чем оно, Е.И. Украинцев объяснил так: *«У всех христианских государей будет в удивлении, что Блистательная Порта, призвав сюда их, посланников, с великим прошением и обнадеживанием, ...и продержав целый год, предлагает неслыханные и несносные артикулы»*.

Османские уполномоченные не сдавались, ссылаясь на приказ султана и «наказ» общества, которое подвергнет правительство презрению за согласие на постыдные уступки. Потом в турецких речах зазвучали просительные интонации: стоит ли отказывать падишаху в такой малости, когда дело касается сбережения его престижа, этот жест доброй воли окупится сторицей. Буквально: *«настоящей дружбой и любовью двух великих государей»*.

Было очевидно, что турки опять вовлекают гостей в изматывающий спор, в результате которого они непременно хотят получить свое не мытьем, так катаньем. Их нисколько не смущало, что все аргументы были исчерпаны. Создавалось впечатление, будто они готовы ходить кругами до бесконечности. За этим крылся какой-то умысел, похоже, выходивший за рамки желания срыть приазовские крепости.

Поняв, что Порта не собирается завершать переговоры, Е.И. Украинцев решил сделать это сам. Он прямо обвинил турок в отсутствии намерения заключать мир. Русских они пригласили *«для вымыслу и обману»*, и целый год, потраченный попусту, тому подтверждение. Больше не желая толочь воду в ступе, Е.И. Украинцев выложил главный козырь. Посол сообщил о получении царского указа, но он не спешил им воспользоваться в надежде, что дело, пусть и медленно, будет доведено до конца без новых осложнений. Теперь, когда надежды уже нет, нет и нужды скрывать этот указ, где сказано: если в течение месяца с момента получения государевой бумаги мирный трактат не будет подписан, русская делегация должна прекратить всякие переговоры. Отныне это распоряжение вступает в силу. Е.И. Украинцев фактически предъявил ультиматум и дал месяц на ответ, добавив, что если *«посланникам* (русским. — *В. Д.*) *отсюда* (из Стамбула. — *В. Д.*) *...отпуска не будет, ...они готовы здесь и смерть принять»*.

Маврокордато отверг русские обвинения как несправедливые, поскольку Порта говорит с ними *«по приятельски, не к разорванию дела»*. Выразив надежду, что все *«приведется к счастливому совершению и без такого сурового объявления»*, он отказался передавать ультиматум «наверх».

Е.И. Украинцев ответил, что воля его, но это *«последнее объявление»* царских уполномоченных и другого не будет.

Эта конференция, как и некоторые предыдущие, явила еще один пример, когда исполнение профессионального долга в дипломатии может происходить в атмосфере уважительного человеческого общения. Встреча завершилась за десертным столом на очень дружелюбной ноте. Мехмет Рами подвел итог упованием на божью милость, благодаря которой *«нынешние их многие труды впредь не без приношения плодов будут»*.

Неожиданная развязка

Дела тем не менее превыше личных отношений. И тут все обстояло отнюдь не благостно. Шли дни, а никакого ответа от Порты не было. Мустафа II явно тянул время и выжидал, когда Петр наконец совершит роковую ошибку и втянется в войну со Швецией. Надежду на то, что царь не удержится от соблазна, давали слухи, бродившие по Стамбулу с апреля 1700 года. Они рисовали картину, не такую уж далекую от действительности. Масштабы военных действий на Балтике расширялись, лишая Петра возможности бесконечно оставаться сторонним наблюдателем. Похоже, Порта со дня на день ждала достоверных подтверждений известий о вступлении России в войну. Тогда все политические козыри оказались бы в руках султана. Он мог не только отклонить царский ультиматум, но и предъявить свой, с совершенно неприемлемыми для России требованиями. Это загнало бы Петра в ловушку, из которой было два выхода, один хуже другого: либо стерпеть небывалое унижение, либо отважиться воевать на два фронта, что ставило его перед реальной перспективой катастрофы.

Е.И. Украинцев ясно осознавал желание Порты использовать шведский фактор для морального давления на русскую делегацию. Этой тактике он противопоставил контрдавление. Опровергая слухи о подготовке войны со Швецией, посол недвусмысленно намекал, что если где-то и идет подготовка, так это в Воронеже и в Азове, откуда Петр со своим двором никуда не отлучается.

Не совсем понятно, насколько эффективны были эти намеки, но скорее всего без последствий они не остались. Колебания и неуверенность в высших кругах Порты все же чувствовались. Ее дипломаты на переговорах попали в такой же тупик, как и русские. Султан пребывал в раздумьях относительно того, действительно ли беспроигрышна его выжидательная политика. Ведь царь, предъявив ультиматум, поставил на кон честь России и собственное достоинство. На той психологической отметке, где лопнет терпение Петра, неминуемой станет война с Турцией, а не со Швецией, какие бы договоры против последней его ни связывали. С одной стороны, Порте хотелось верить в приятные слухи о близкой или уже начавшейся русско-шведской войне. С другой, крымские лазутчики всегда знали, что происходит в Приазовье, и эта информация отрезвляла, заставляя больше задумываться о целях южных приготовлений России. Об актуальности этой темы говорят поползшие по Стамбулу слухи уже другого рода — будто в устье Дона начались боевые действия между русскими и крымскими войсками.

По истечении пяти дней (21 июня) после последней (23-й конференции) Е.И. Украинцев послал к Маврокордато Семена Лаврецкого просить о скорейшем объявлении окончательного ответа и об отпуске домой. Помощник посла сказал, что царь разгневан их бесплодным пребыванием в османской столице, и, вероятно, в ближайшие дни придет приказ срочно покинуть Стамбул, не вступая с турками ни в какие объяснения.

Султанский драгоман опять ударился в свою любимую риторику, изобилующую высокими сентенциями и афоризмами, вроде того, что великие дела быстро не свершаются и что Порта чистосердечно желает мира, иначе стала бы она принимать посланников *«таким добронравным обычаем»* и почитать с такою *«честью*

и довольством». Правда, среди этих словес были и те, к которым стоило прислушаться. Маврокордато просил русских войти и в положение османских делегатов, крайне затруднительное, ибо у них *«многие есть ненавистники, ...его, рейза* (Мехмета Рами. — *В. Д.*), *называют москвитином, а его, Александра, и за прямого имеют москвитина, потому что они оба доброхотствуют стороне царского величества и в сем мирном договоре труждаются»*. Прошение об отпуске драгоман назвал *«зело жестоким»* и заявил, что берет на себя смелость не передавать его турецкому правительству. Он буквально умолял Е.И. Украинцева набраться терпения, чтобы *«лаской и приятством»* привести дело к счастливому концу.

Маврокордато говорил искренне, не скрывая, что находится между надеждой и отчаянием. Но столь же искренним было и его предупреждение: если Петр прикажет прервать дело, Порта к войне готова.

Заявление это весьма категорично. Османская правящая элита редко отличалась единством взглядов и настроений. И на сей раз экзальтированным агрессивным фракциям противостояли более трезвые и осторожные сановники, опасавшиеся непредсказуемого развития событий. Борьба между ними шла на протяжении всего переговорного процесса. В июне она вступила в решающую фазу. Но последнее слово оставалось за Мустафой II. Ему предстояло определиться в главном вопросе: либо продолжать выжидательную политику в надежде на русско-шведскую войну, либо соглашаться на мир с Россией. Неверное решение грозило спровоцировать Петра не на северную, а на южную войну, об итогах которой Порте, возможно, придется сожалеть. Приблизительно в 20-х числах июня султан дал добро на заключение мирного договора.

Маврокордато, видя, куда склоняется чаша весов, поспешил заверить Е.И. Украинцева, что конец действительно близок. Отказавшись от требования об уничтожении Таганрога, Павловска и Миуса, турки перевели переговоры в финальную, техническую стадию, связанную с мелкой редакторской работой и подготовкой церемонии подписания договора и обмена документами.

Церемония состоялась 3 июля 1700 года. Прошла она пышно, как праздник отдохновения от долгих и тяжких трудов. Обе стороны были вымотаны до предела. Тем глубже и радостнее оказался вздох облегчения. Цветистым речам, взаимным комплиментам и торжественным жестам, казалось, не будет конца.

7 июля гонцы с известием о заключении мира отправились в Москву.

* * *

Длинная история русско-османских переговоров свидетельствует о том, насколько тяжело давалось царю решение об уступках Порте. Эта история приближалась к завершению через тернии сомнений и мучительных раздумий. Даже за две недели до подписания мира в Стамбуле вопрос о войне с турками Петр не считал окончательно закрытым. До получения сообщения от Е.И. Украинцева во всех разговорах царя о войне со Швецией неизменно присутствует условное наклонение, которое не исчезает до последнего момента.

В Петре боролись «юг» и «север». Эта борьба опосредованно отразилась во взглядах сначала современников, а затем историков. Те (абсолютное большинство), кто считал исход предрешенным в пользу «севера», предпочитали указывать на острое

желание царя поскорее и любой ценой покончить с южными делами, на его усилия по расширению антишведской коалиции и т.д. Другие (мизерное меньшинство), не отрицая факты подготовки войны со шведами, вольно или невольно проводили мысль, что вплоть до момента получения из Стамбула известия о заключении с турками мира, Петр решительно воздерживался от разрыва со Стокгольмом на тот случай, если (или, скорее, когда) придется продолжить войну с Портой. Рефрен всех дипломатических бесед Петра в первой половине 1700 года: *«пока не будет абсолютной уверенности в достижении мира с Турцией, он не может разорвать со Швецией»*. Отсутствие новостей от Е.И. Украинцева буквально доводило царя до слез.

А тут еще и нетерпеливый Август II в марте 1700 года вторгся в Ливонию, вопреки договоренности с Петром не начинать военных действий, пока не будет подписан русско-турецкий мир. Как многозначительно отмечал Ф.Ф. Мартенс, *«это событие расстроило все планы Петра»*, утверждение, набрасывающее еще одну тень сомнения на принятую историками за аксиому мысль о бесповоротном решении Петра воевать против Швеции. Мог ли служить вдохновляющим стимулом к вступлению в войну тот факт, что саксонцы надолго застряли под Ригой, так и не сумев ее взять, а вскоре начали просто убегать от шведов? Или что датчане, напавшие на шведов одновременно с Августом II, были разбиты, не продержавшись и пяти месяцев?

Не будет большой ошибкой предположить, что ситуация выбора осложнялась для Петра не только этими тревожными событиями, но и внутриэлитным разладом между сторонниками и противниками антишведской политики, при всем его пренебрежении к мнению тех и других.

Мучительное стояние Петра на развилке исторических дорог закончилось 8 августа 1700 года, когда было получено известие о подписании мира с Турцией. На следующий день он объявил Швеции войну и тем самым перешел Рубикон. Если царь и рвался в бой, как полагают многие, то делал это с закрытыми глазами, как признавался он сам.

Нарвская «конфузия»

Первые месяцы войны дали Петру возможность увидеть, чего стоят его союзники в военном отношении и чего стоит их верность общему делу. Вопреки его предостережениям, Август II начал военные действия в феврале 1700 года осадой Риги, куда он соизволил приехать лишь в июле, чтобы убедиться в провале предприятия и увести саксонские войска в Польшу. Забегая вперед, заметим, что вскоре, когда шведская армия высадилась на южном побережье Балтики, Август II только и делал, что постоянно ретировался, терпя одну неудачу за другой и держа в голове мысль о сепаратном договоре с Карлом XII.

Датский король Фредерик IV вступил в войну в марте 1700 года. Захватив Гольштинию, он намеревался вторгнуться в Шлезвиг и Померанию. Гольштинский герцог Карл Фридрих был изгнан из своих владений и бежал к Карлу XII, который принял его под свое покровительство. В июле шведский король, получив военно-морскую помощь от Англии и Голландии, принудил Данию к капитуляции, которая была оформлена Травендальским договором (7/18 августа 1700 г.).

Таким образом, датский король, не продержавшись и пяти месяцев, признал свое поражение, оставив Петра на самом кануне его вступления в войну одного перед лицом выдающегося полководца во главе блестящей армии. Царь честно принял вызов, брошенный ему Данией и Польшей, столь усердно добивавшимися от него выполнения союзнических обязательств.

В царском указе об объявлении войны говорилось, что она начата в отмщение *«за самое тяжкое бесчестие великим и полномочным послам в Риге в 1697 году, которое касалось самой особы царского величества»* и за ненаказание виновных. В этой формулировке есть категоричность, не соответствующая глубоко неоднозначному содержанию фактов более чем трехлетней давности. Но в ней бесполезно искать указание на реальные причины, подвигнувшие Петра на столь грандиозное и рискованное предприятие. Возможно, это и в самом деле не царское дело вдаваться в аналитические подробности, которые для историка гораздо важнее пафосных и натянутых обвинений.

Тут нам на помощь неожиданно приходит тот самый Иоганн Паткуль, уже произведенный в тайные военные советники Августа II и приобретший большое влияние на короля. Решение Петра Паткуль объясняет совершенно иначе, вообще не вспоминая рижское «оскорбление». *«Хотя Шведы*, — писал он, — *наружно обнадеживали Царя всяким приятством и спокойным соседством, для усыпления же его прислали торжественное посольство с просьбою присяжного подтверждения договоров; но тайно Швед всякие умыслы против Царя чинил, и между прочим предлагал короне Польской союз и нападение на Царя общими силами, а посланник его в Константинополе мешал миру всякими мерами. ...Царь должен был заботиться о безопасности своего государства и Шведу объявить войну, дабы в такое состояние его привести, чтоб он коварных и ловительных ухваток впредь исполнять не мог»*.

Эту причину Паткуль ставит на первое место. Далее он говорит об ижорских и карельских землях, хищнически отторгнутых от России в период Смуты, и о союзнических обязательствах Москвы в отношении датского и польского королей. В заключительных строках этого документа вновь звучат слова *«оборона»*, *«безопасность»*, *«справедливость»*.

Как видим, Паткуль расходится с последующей историографией в вопросе о предыстории войны. Не Петр усыплял шведов, а шведы усыпляли Петра, готовя, *«под видом дружбы»*, нападение на Россию. Мало того, они, пытаясь сорвать переговоры в Стамбуле и добиться возобновления русско-турецкой войны, хотели поставить Москву меж двух огней. В свете такой трактовки многие на первый взгляд противоречивые действия царя в 1699 — первой половине 1700 года получают объяснение, которое, впрочем, тоже не бесспорно.

С началом русско-шведской войны петровская дипломатия стала целиком подчиняться ее целям и ее логике. Подписание Травендальского договора (7/18 августа 1700 г.) после поражения Дании вызвало у царя небезосновательное подозрение, что ее примеру может последовать Август II. Саксонский посол в России барон Ланген, по совету Паткуля, внушал Петру, будто король лишь делает вид, что готов ответить на настояния Франции и вступить в мирные переговоры с Карлом XII. Все это, дескать, делается для отвода глаз с целью предотвратить шведское нападение на территорию Саксонии.

Когда открылся план Петра по захвату Нарвы, Паткуль советовал Августу II не протестовать против этого явно, но навязать царю встречу для подтверждения условий русско-саксонского союза (заключенного 11/23 ноября 1699 г.). По смыслу его Россия обязана будет вернуть Августу II территории (в данном случае в Эстляндии), которые она возьмет силой оружия ввиду стратегической необходимости.

* * *

В конце августа 1700 года русские войска стали постепенно выдвигаться к Нарве. Тогда же Петр получил сообщение о скорой высадке в Лифляндии (Пернау, совр. Пярну) большого корпуса под личным командованием Карла XII. Государь тотчас догадался, что Дания повержена и морские коммуникации теперь целиком в руках шведов. Царя стали одолевать сомнения, но, преодолев их, он приказал продолжить поход, положась на милость божью.

Август II хотел быть в курсе всего, что происходит в русской армии, и по возможности держать под контролем царские планы в отношении Нарвы. 30 августа он прислал к Петру в Новгород своего генерала герцога Карла-Евгения фон Круи. В данном ему поручении опять чувствуются интриги Паткуля. Август II просил у Петра 20 тыс. пехоты с артиллерией и амуницией для взятия Риги. А после этого он обещал целиком сосредоточиться на помощи царю в решении русских военных задач.

23 сентября Петр встал лагерем под Нарвой. Сразу же взялся за дело. Произведя осмотр полков, остался недоволен и приказал срочно навести в них дисциплину и порядок. Разведка занялась обследованием крепости, по предварительным результатам которой военные специалисты представили список того, что было необходимо для взятия Нарвы и чего недоставало в русской армии. Этот перечень заставил Петра глубоко призадуматься. К концу сентября к Нарве подтянулись подкрепления. Начались осадные работы, сопровождавшиеся рекогносцировкой, часто с личным участием царя. Дело затруднялось логистическими проблемами. Не хватало подвод для доставки артиллерии и продовольствия. Проливные дожди делали дороги непроезжими. Дожди сменились морозами. Осаждавшие подвергались беспрестанному огню нарвского гарнизона, каждый день увеличивалось число убитых и раненых.

Из-под Риги пришли плохие вести. Август II снял осаду и отступил. По поручению короля его посол барон Ланген представил Петру меморандум. Документ любопытный. Август II объяснял неудачу не собственными просчетами и легкомыслием, а отсутствием русской помощи, о которой он так просил. Далее говорится о слухах, будто царь намерен *«нечто противное союзу учинить»*. Король этому не верит и просит Петра также не верить подобным наговорам в его адрес. Да, действительно Франция, Англия и Голландия *«крепко принуждают»* его помириться со Швецией, но он собирается лишь притвориться, будто готов к миру, видя в этом единственный способ спастись от шведского удара по Саксонии. Август II просит Петра помочь ему склонить польский сейм к разрыву со Стокгольмом, что обеспечит пополнение саксонской армии поляками. Меморандум завершается просьбой о личной встрече, поскольку *«король желает заключить еще особый крепкий союзный договор, равный присяге, чтобы поступать без всякой лести и лукавства»*.

Петр ответил, что не будет искать ни пяди земли ни в Эстляндии, ни в Лифляндии и отправит свои полки под Ригу на помощь саксонцам. Но сейчас главное — объеди-

нить силы для взятия Нарвы. Это особенно важно в свете известий о движении Карла XII на выручку осажденного гарнизона. При благополучном исходе дела, как дал понять Петр, его войска будут предоставлены к услугам Августа.

Не слишком доверяя заверениям Августа II о преданности союзу с Россией, Петр послал к нему в качестве посла по особым поручениям князя Г.Ф. Долгорукого. В его обязанности вменялось призвать короля атаковать шведов, когда они будут идти к Нарве. А также регулярно сообщать о действиях и намерениях короля, прежде всего обращая внимание на попытки заключения сепаратного мира. Петр, через Г.Ф. Долгорукого, извещал Августа II, что к нему тоже поступило от англичан предложение вступить в переговоры с Карлом XII. Но он заявил, что примет посредничество Лондона, *«только бы то не противно было союзу его с королем Польским»*. Царь обещал поддержать Августа в его усилиях склонить сейм к разрыву со Швецией. Петр изъявил готовность обсудить эти проблемы в ходе личной встречи, выбор места для которой целиком оставлялся на усмотрение короля.

Осадные работы продолжались три недели, сопровождаясь артиллерийским обстрелом Нарвы. Надежды на капитуляцию не оправдались. Шведский гарнизон держался и даже отвечал вылазками. Некоторые факты позволяют предположить ошибки русской разведки. Якобы в оборонительной системе крепости была не замеченная осаждавшими брешь, через которую можно было бы беспрепятственно проникнуть внутрь. Так это или нет, выяснять военным историкам. Мы же продолжим следить за развитием событий в ноябре 1700 года.

Слухи о движении армии Карла XII к Нарве подтвердились. Думали, она насчитывает 30–32 тысячи человек. (На самом деле было раза в три меньше.) За день до ее подхода к крепости (18 ноября 1700 г.) произошло то, что до сих пор приводит в недоумение историков и является предметом спора между ними. В ночь на 18 ноября 1700 года Петр (вместе с Ф.А. Головиным) покидает расположение войск, возложив командование на герцога фон Круи. В том, что это было похоже на бегство, нет сомнений. Вопрос в другом: было ли это трусостью.

Сам Петр в инструкции к фон Круи объяснял свой отъезд необходимостью заняться *«нужнейшими делами»* — встретиться с Августом II для обсуждения дальнейших действий. В других документах появляется еще одна причина — переговоры с прибывшим в Москву турецким посланником. Про ничтожность второй причины даже не стоит говорить, тем более что никакого посланника в столице не было, он приедет лишь в 1704 году. Что касается попытки Петра отнести свидание с польским королем к категории более *«нужнейших дел»*, нежели Нарва, то она выглядит весьма странной.

Мнения современников и последующих авторов об этом сюжете разделились. Часть из них заподозрила малодушие, хотя в какой-то степени и оправдывая его тяжелейшими военно-стратегическими и дипломатическими обстоятельствами. Даже Н.Г. Устрялов, большой поклонник Петра, осторожно соглашается с мнением австрийского посланника в Москве О.А. Плеера, считавшего, что *«царь решился удалиться от могущей встретиться опасности»*, то есть употребившего своего рода эвфемизм. Другая часть исследователей полагает, что великих людей, в нашем случае Петра, нельзя судить по меркам, применимым к обычному человеку. Для начала обратимся к донесению барона Лангена к Августу II от 17 ноября. Там нет ни грана намека на трусость царя. На простую дипломатическую деликатность его слова не очень по-

хожи. Саксонский посланник едва ли не с откровенной радостью сообщает о скором отъезде Петра и его готовности следовать куда угодно, чтобы *«обнять своего дорогого брата и союзника»* и *«еще теснее соединиться»*. Судя по всему, Ланген считал это свидание более важным, чем пребывание царя под Нарвой, шансы на взятия которой, кстати, он почему-то оценивал как высокие. Ланген даже шутил по этому поводу, когда писал, что у любителя выпить герцога фон Круи нет ни вина, ни водки, и это является прекрасным стимулом для захвата нарвских погребов.

А теперь послушаем С.М. Соловьева: *«И прежде и после* (Полтавы. — *В. Д.*) *Петр доказал, что он не трусил при встрече с неприятелем, но безрассудная удаль, стремление подвергаться опасности бесполезной было совершенно не в характере Петра, чем он так отличался от Карла XII. Петр мог уехать из лагеря при вести о приближении Карла, убедившись, что оставаться опасно и бесполезно, что присутствие его может быть полезно в другом месте. Это был человек, который менее всего был способен руководиться ложным стыдом»*.

Под Нарвой Петр не дал нам восхититься его героизмом, потому что героизм этот мог слишком дорого обойтись России, поставить под вопрос ее будущее, если не само существование. Прекрасно сказал Н.Н. Молчанов: *«В такой момент, как никогда, благополучие страны, нации воплощалось в зыбком физическом существовании одного смертного человека. Подвергать его опасности ради соблюдения пресловутых феодальных норм “королевской чести” было бы верхом претенциозной глупости, фанфаронства и безответственности. Гарантировать войско от возможного поражения уже нельзя было ничем, в том числе и личным присутствием царя. Более того, в случае его гибели или плена поражение стало бы непоправимым. С другой стороны, проигрыш одного сражения, в конце концов, совсем не означал проигрыша войны, которая еще только начиналась»*.

Есть основания сделать еще одно предположение. Не исключено, что Петр не хотел своим присутствием мешать осуществлению единоначалия в армии. По некоторым сведениям, царь сожалел не о своем отъезде, а о том, что сделал это слишком поздно. Узнав в апреле 1702 года о смерти в Ревеле герцога фон Круи, он якобы сказал: *«Сердечно жаль мне доброго старика: он был поистине умный и опытный полководец. Вверив ему команду 14 дней прежде, я бы не потерпел поражения под Нарвою»*.

Так или иначе, версия о трусливом бегстве Петра чересчур примитивна для такой личности. Царь берег не себя, а дело, которому он себя посвятил без остатка. За это ему не нужно оправдываться перед историей. Впрочем, он и не собирался.

19(30) ноября 1700 года Карл XII разгромил русскую армию под Нарвой. Многие аспекты сражения не прояснены до сих пор, несмотря на обилие источников и исследований. Противоречивы данные о соотношении сторон, о боевых и небоевых потерях, о действиях отдельных генералов и т.д. Однозначен лишь результат — поражение, общие причины которого можно свести, с русской стороны, к ряду факторов. Войсками было трудно управлять ввиду отсутствия дисциплины и пьянства. Ни солдат, ни их командиров никто не обучал быстрому маневру в соответствии с меняющейся ситуацией. Перед лицом внезапной атаки противника армия поддалась панике, поскольку ее боевой дух (за исключением Преображенского и Семеновского полков) был невысок, а поднять его иностранные наемные офицеры не могли и не хотели. Не станем упоминать о суровых погодных условиях — они были равными для всех.

То, чего не хватало русским, имели шведы. Кроме того, их возглавлял блестящий полководец с нестандартным мышлением и поразительным чутьем на слабые места неприятеля. Оказать ему сопротивление не сумели даже организованные датские войска. На очереди были саксонцы, вроде бы не лыком шитые, но терпевшие от Карла XII поражение за поражением, пока не стали просто убегать от него.

Русские дипломаты в Берлине

Мы уже не раз повторяли, что до самого момента объявления шведам войны *«облако сумнений»*, как выразился Петр, давило на его сознание с неослабевающей силой. В конце февраля 1700 года оно, казалось, стало рассеиваться, когда *«зашли ведомости»*, будто войска бранденбургского курфюрста Фридриха III присоединились к саксонцам, вторгшимся в Ливонию. Царь радостно воскликнул: *«Дай боже, чтоб то подлинная ведомость»*. Хотя это оказалось ложным слухом, Петр продумывал все возможные варианты укрепления Северного альянса.

Предпосылки для этого были. В феврале 1700 года бранденбургский курфюрст Фридрих III известил Петра о помолвке своей дочери Луизы Доротеи с наследным принцем Фридрихом Гессен-Кассельским и об улаживании конфликта Бранденбурга с польским городом Эльбингом, чему способствовал и царь. В ответном благодарственном послании от 6 марта государь писал, *«приемлет сие ваше объявление за особливый к нашему царскому величеству вашей любви знак»*.

На следующий же день Петр подписал грамоту, которой извещал Фридриха III об отправке в Бранденбург специальной миссии под руководством капитана[1] Преображенского полка Кондратия Мейера. Его официальная задача заключалась в найме на царскую службу иностранных офицеров, *«в ратных строях ученых и довольно во всем искусных людей»*. Едва ли этому далекому от тонкостей дипломатии человеку поручили что-то еще (хотя Паткуль, кажется, мог думать иначе). Впрочем, в предположении о наличии у Меера негласной инструкции разузнать об общих настроениях в Бранденбурге нет ничего невероятного.

В Берлине, где ему оказали теплый прием, майор пробыл почти пять месяцев. О подробностях не известно, кроме того факта, что свою главную задачу он выполнил надлежащим образом. Об остальном гадать не будем.

Причина, по которой Петр не спешил с заключением союза с Фридрихом III, оставалась прежней — отсутствие новостей из Стамбула. Зимой–весной 1700 года государи обменивались любезными письмами, но в них есть лишь одна строчка, которую с натяжкой можно истолковать как туманный намек на Швецию. Речь идет *«о некоторых делах к пользе обоих стран»*.

Несмотря на исключительную неопределенность международной ситуации, а скорее именно благодаря ей Петр не оставлял мысль о вовлечении Бранденбурга в антишведскую коалицию. В июне 1700 года он послал в Берлин князя Ю.Ю. Трубецкого тайно известить Фридриха III о своем намерении *«по окончании несогласий с Портой»* учинить Швеции отмщение за *«неизчетные обиды и неправды... ко обоим государствам* (России и Бранденбургу. — *В. Д.*)*»* и за учиненное в Риге *«бесчестие»* самой царской

[1] Ф.А. Головин советовал назвать его майором *«для лучшего призыву»* (здесь: для большей солидности).

персоне. Курфюрсту предлагалось принять участие в наступательном союзе России, Дании и Саксонии, чтобы вернуть захваченные шведами немецкие земли. Ю.Ю. Трубецкому предписывалось использовать еще одну приманку — дать от имени царя словесное обещание признать его прусским королем.

Петровский эмиссар привез с собой заготовленный текст проекта договора, почти аналогичного соглашениям, заключенным с Данией и Саксонией. Принципиальным моментом являлось положение о том, что Фридрих III обязывался вступить в войну лишь после того, как это сделает Россия после подписания мира с Портой. Была в тексте и лукавая подноготка. Царь представлял свой постатейный проект лишь как *«наивящее подтверждение»* русско-бранденбургского договора 1697 года, как бы забыв, что тогда он отклонил исходившее от Фридриха III предложение о союзе.

В Берлине, куда Ю.Ю. Трубецкой прибыл 21 июля 1700 года, его ждал вежливый прием и горькое разочарование. Сразу же выяснилось, что Фридрих III не будет подписывать договор по двум причинам. *Во-первых*, курфюрст опасался удара со стороны Швеции, поддержанной Англией, Голландией, Францией, а также рядом германских князей. Если в таких условиях Пруссия начнет войну, не имея никакой надежды на помощь России из-за *«великого отдаления ее земель»*, то понесет лишь разорение, от которого и царю не будет никакой пользы. *Во-вторых*, он получил из Вены известие, что надежды на русско-турецкий мир нет, и это вообще исключает возможность военных действий России на севере. В дальнейших пояснениях Фридриха вызывает удивление и восхищение витиеватая форма отказа — своим лицемерием и слабой увязкой с логикой. Но таковы уж дипломатические приемы того времени, которые в данном случае заставляют долго и безнадежно искать смысловое согласование между четко заявленной позицией курфюрста и его обещанием *«и впредь»* хранить преданность союзу и добиваться для его царского величества *«славы и пользы»* с таким же усердием, как и для себя.

Когда мир с Портой все же состоялся, Петр приказал Трубецкому проявить настойчивость, ссылаясь на неактуальность аргументов курфюрста. Настойчивость посол проявил, даже несколько перестарался. В общении с фон Принценом, уполномоченным вести переговоры, Трубецкой, зная, что его слова дойдут до Фридриха, предупредил о последствиях отказа курфюрста: *«опасаюсь, чтобы вместо дружбы не выросла от государя моего недружба, того ради что* (потому что царь. — *В. Д.*) *всегда друг у друга смотрит не на словах токмо, но на деле»*. Этим была передана царская реакция раздражения на пышные и пустые словеса Фридриха.

Поскольку отговариваться ими во второй раз было бы совсем нелепо, курфюрст, не искавший ссоры с Петром, пообещал тайно готовить свою армию к походу и даже выступить с ней, если царь убедит англичан и голландцев не помогать шведам. Но и такое заявление мало чем отличалось от отказа, ибо невозможность соблюсти выдвинутое условие была очевидной.

Петр через Ф.А. Головина продолжал давить на Трубецкого, прислав к нему подробный план совместных военных действий и требуя от него исчерпать все способы убеждения, в том числе подкуп и интриги. Посол поднял тон до угрожающего. *«Если его курфирстская пресветлость*, — предупреждал он, — *спомоществовать и к сему действо свое показать не изволит, то уже преявное отступление, не то что* (от. — *В. Д.*) *того поставленного тайного персонального между обоими высокими персонами союза*

учиненного, но и явного, который по обычаю всего света (согласно международному праву. — *В. Д.*) *поставлен есть, и не нарушимая дружба еще между прежними обоих государств предками нарушима и презренна будет»*.

Услышав это, фон Принцен крайне удивился. Какая же это дружба, вопрошал он, если царь не хочет войти в положение Фридриха и подвергает его опасности *«великого разорения»*? Прусский министр старался оградить курфюрста от Трубецкого, однако посол все же добился новой аудиенции. На свою голову. Фридрих не сдержался и выпалил то, что, видимо, долго копил в своей душе. Вот смысл его упреков: когда он предлагал Петру начать войну со Швецией (во время встречи в Кенигсберге в 1697 г.), царь решительно отказался, и курфюрст уважительно принял его резоны. Теперь такие резоны есть у Пруссии, но Петр, которому приспело, не хочет о них слышать. Если на этот упрек Фридрих имел какое-то моральное право, то в продолжение беседы с Трубецким он переходит границы, вмешиваясь в чужие дела. Обвинив Петра в неоказании помощи Августу II, когда тот начал войну, он забыл, что король действовал по собственному произволу, проигнорировав просьбу царя дождаться подписания русско-турецкого мира. Однако в целом доводы Фридриха можно было понять в свете сложившихся реалий: Дания разгромлена, Август II потерпел неудачу под Ригой, а Карл XII высадился в Лифляндии. Все это в глазах курфюрста перевешивало тот факт, что руки Петра больше не связаны южными делами.

Настойчивость Трубецкого не нравилась в Берлине, и отношение к нему становилось все более прохладным, хотя за рамки приличий никто не выходил. *«Жить мне здесь не для чего,* — жаловался он Ф.А. Головину, — *того ради, что отказали мне вовсе в моем деле»*. Миссия Трубецкого закончилась неудачей. 12 октября 1700 года (по другим данным, в апреле 1701 г.) он выехал из Берлина так же тайно, как и приехал. Фридрих постарался, чтобы о его общении с послом знал лишь очень ограниченный круг людей.

Вольно или невольно, Фридрих III поквитался с царем за переговоры 1697 года в Кенигсберге, когда курфюрсту было отказано в наступательном союзе против Швеции. Теперь в этом союзе он отказал Петру. Дело было даже не в какой-то детской мести, а в том, что Фридрих III кое-что все же унаследовал от своего отца Фридриха Вильгельма Бранденбургского, *«самой хитрой лисы Европы»*. Отцовские гены освободили его сознание от всяких сентиментальных примесей, вроде воспоминаний о задушевных кенигсбергских застольях, крепких объятий с царем и тем более о договоре, утратившем смысл. Отныне курфюрст думал о союзе со Швецией и о том, чем она расплатится с ним за его выбор. Во всяком случае ни о каком сближении с нарвским неудачником не было и мысли. Однако прежде, соблюдая нейтралитет, Фридрих III хотел понаблюдать за ходом Северной войны, пока не станет совершенно ясно, кому достанется победа. События развивались очень быстро и тревожно для Пруссии. Карл XII высадился в Лифляндии и, судя по всему, готовился рано или поздно двинуться на Саксонию и бранденбургские провинции. Курфюрст опасался и Польши, с которой у Пруссии были натянутые отношения. На всякий случай он мобилизовал 12-тысячную армию и выдвинул ее к саксонской границе. Фридрих вынашивал не только оборонительные, но и захватнические планы, распространявшиеся на Померанию и другие территории. Все зависело от ситуации и конкретных намерений Карла XII, достоверные сведения о которых отсут-

ствовали. Фридрих был совершенно не прочь договориться с ним, однако вопрос заключался в том, пойдет ли на это своенравный король.

В любом случае ссориться с Петром Фридрих не хотел. Наживать себе врага на востоке при достаточном их количестве на западе он считал нерациональным ни при каких обстоятельствах. В его глазах Россия оставалась важным международным игроком, игнорировать которого опасно. Такая установка предполагала хорошую информированность о том, что происходит при царском дворе. 19 октября 1700 года курфюрст написал Петру письмо, извещавшее о его намерении отправить к царю (уже бывавшего в России) чрезвычайного посланника Людвига фон Принцена для подтверждения дружбы.

Гораздо больше, чем в царе, Фридрих III нуждался в германском императоре, поскольку Леопольд I, благодаря своему статусу, мог осуществить мечту курфюрста стать королем. В декабре 1700 года он фактически купил этот титул, предоставив свои войска в распоряжение императора, воевавшего с Францией, а также обязавшись платить Вене ежегодные субсидии. Фридрих III стал Фридрихом I, превратившись из какого-то курфюрста, которых в Европе был косой десяток, в прусского короля, первого в истории дома Гогенцоллернов. Святое семейство «настоящих» монархов Европы получило пополнение.

ЛАНЬ®

Воодушевляющий настрой царя

Реакция Петра на *«нарвскую конфузию»* для кого-то оказалась неожиданной. В действительности она была такой, какая и полагалась для стратега, понимавшего, что проигранная битва — не проигранная война. Ни уныния, ни смятения, ни страха. Вместо них максимальная собранность и еще бо́льшая устремленность к делу. Царь ускорил работу по военно-организационному строительству в самом широком смысле слова. Необходимо было не только восполнить человеческие потери под Нарвой, но и резко увеличить численность войск. По всей стране развернулась мобилизационная кампания. Укреплялись старые и формировались новые полки. Первостепенное внимание уделялось их вооружению, обучению, дисциплине. Артиллерийский парк восстанавливался и расширялся за счет переплавки церковных колоколов. Ослушников и нерадивцев Петр предупреждал: *«не только деньгами, но и головами платить будут»*. Согласно одному осведомленному современнику, уже к началу 1701 года царская армия была втрое сильнее прежнего.

Чтобы результаты этой работы воплотились в победы, нужно было время. А пока русские войска продолжали терпеть неудачи. В письме к командующему новгородской конницей генералу Б.П. Шереметеву от 5 декабря 1700 года Петр приказал придерживаться такого образа действий: *«ближних мест беречь, для последующего времени, и итить в даль, для лучшего вреда неприятелю»*. Иными словами, закрепиться на оборонительных позициях и совершать стремительные вылазки на территорию врага. Первый из таких рейдов был предпринят в конце декабря из Пскова в направлении лифляндской крепости Мариенбург. Шведы не только отбили атаку русской *«сильной партии»*, но и, в отмщение, вторглись в Псковскую область, разорили многие деревни и даже пытались взять Печорский монастырь.

ЛАНЬ®

1701 год

Безнадежные попытки взбодрить союзников

Петр продолжал наращивать темпы мобилизации и реорганизации армии. Спешить заставляла, кроме прочего, плохая осведомленность о планах Карла XII. Царь не без основания ждал похода на Москву. В начале апреля 1701 года он писал А.А. Виниусу, что промедление смерти подобно (*«время, яко смерть»*).

С дипломатией можно было бы и помедлить, но государь не стал этого делать. Он старался избежать «дипломатической Нарвы», то есть политических последствий поражения. В мысли Петра закрадывались подозрения, что Август II деморализован и близок к тому, чтобы предложить шведам сепаратный мир. Этого царь не желал допустить ни в коем случае. Г.Ф. Долгорукий получил указание уведомить Августа II, что, несмотря на происшедшее, царь *«неотменно в своем намерении* (воевать дальше. — *В. Д.*) *стоит и ослабевать не будет»*, в чем король пусть не изволит сомневаться. Петр предлагал немедленную личную встречу. Следом в Варшаву был отправлен специальный курьер Федор Салтыков с собственноручным письмом царя. Ему велели в беседе с Августом именовать Нарву *«внезапным несчастливым случаем»*, не распространяясь о подробностях. Царь полон решимости продолжать войну и сосредотачивает войска в Новгороде и Пскове. Оставаясь верным союзническому долгу, он *«неотменно желает видеться с королем, не мешкая»*.

Август ответил сочувственными словами, в которых, возможно, было больше пафоса, чем откровенности. *«Обнадеживаю*, — писал он, — *что никакая перемена счастия никогда меня от верности, дружбы и постоянства не отвратит: в мире и войне всегда будем неразлучны»*. Далее, однако, идут строки, выдающие чувство сомнения: *«Мы собственно не знаем, что после такого великого оборота дел* (заметим, не просто «несчастливого случая». — *В. Д.*) *ваше величество думаете предпринять. Впрочем, к 20 февраля н.с.* (пояснение Н.Г. Устрялова. — *В. Д.*) *мы непременно будем близ Дюнабурга, и если ваше величество* ***еще намерены с нами видеться*** (выделено мной. — *В. Д.*), *с особенною радостью вас обнимем»*.

Отношения между Петром и Августом оставляли надежду на сохранение союза, в то время как попытки царя склонить Данию к возобновлению войны были безуспешны. Припомним, что датско-шведский (Травендальский) мир вызвал в Москве бурю негодования. О реакции Петра на это ошеломляющее известие можно судить по его разговору с Паулем Гейнсом, имевшему место 23 декабря 1700 года, уже после Нарвы. Датский посол, последовательный сторонник союза с Россией, стал безвинной жертвой царского гнева. Впрочем, обрушиваясь на него с обвинениями в предательстве, Петр, по сути, адресовал их Фредерику IV (преемнику Кристиана V). Если бы не его постоянные просьбы о помощи, царь не поторопился бы с объявлением войны, основательно подготовился бы к ней и начал бы ее не так, как начал.

Однако самое главное в этой долгой беседе было другое. Петр сказал, что о прошлом нужно забыть и думать о будущем. Он предложил Фредерику IV отдать России внаем часть датского войска за хорошее вознаграждение, точно назвав, что и сколько ему требуется. Царь закончил встречу на красноречивой ноте, заявив, что не столь велики потери русских под Нарвой, сколь велик приобретенный ими опыт.

12 января 1701 года Паулю Гейнсу был вручен проект тайного договора из восьми статей, где подробно оговаривались условия найма. Но документ так и не был одобрен Копенгагеном. На преодоление травендальского синдрома Дании понадобилось гораздо больше времени, чем Петру на то, чтобы забыть Нарву.

Царь к этому времени уже был достаточно искушен в международной политике, чтобы понимать, что в дипломатии, как и в войне, нельзя обойтись без маневра, иногда предполагающего тактические отступления и разумные жертвы ради конечного, стратегического выигрыша. Хотя масштабы и интенсивность военных приготовлений Петра были поразительны, он в принципе не исключал возможность заключения мира со Швецией на приемлемых для России условиях. Точного определения этих условий мы нигде не находим, но можно исходить из часто высказываемого им желания вернуть балтийские владения *«отчичей и дедичей»*, то есть Ингрию и южную Карелию. Сомнительно, однако, чтобы Карл XII пошел на это даже до Нарвы. Поэтому, вероятно, Петр, надеясь на успешную осаду, медлил с ответом на предложение Англии и Голландии, в лице Вильгельма III, о посредничестве. После поражения он согласился, но было поздно. Теперь англичане и голландцы не видели никакого смысла мешать Карлу XII сполна воспользоваться плодами победы, чтобы тот поскорее развязал свои руки для союза с Лондоном и Гаагой против Парижа в борьбе за испанское наследство. Тем более что говорить со шведским королем об уступках в пользу «поверженной России» было глупо.

Время для того, чтобы просить у Европы посредничества, не говоря уже о помощи, было самое неподходящее. Карл XII умело повел против Петра пропагандистскую войну, преподнося Нарву как полную катастрофу для русских. В газетах появились сообщения о бегстве царя из-под Пскова, где его войска потерпели новое сокрушительное поражение, и о возвращении царевны Софьи к власти. Чем неправдоподобнее были небылицы, тем охотнее им верили.

Князь П.А. Голицын в Вене

На таком информационном фоне Петр предпринял попытку склонить к «медиации» еще одну державу — Австрию. Сделано это было в несколько наивной и прямолинейной манере, если мы верно прочитали инструкцию к посланному в Вену в начале февраля 1701 года царскому эмиссару князю П.А. Голицыну. В ней зачем-то понадобилось подчеркивать, что инициатором посредничества является император Леопольд I, желающий прекратить войну на севере, чтобы обзавестись новыми союзниками в борьбе против Франции. П.А. Голицыну надлежало заявить, что *«Русский государь не отвергает цесарского посредства: только желает, чтобы, по древней дружбе, цесарь склонил то умиротворение к удовольствию его царского величества»*, а государь со своей стороны окажет помощь против неприятелей Леопольда. Австрии отводилась чуть ли не роль просящей стороны, а право выбирать тот или иной ответ царь оставлял за собой. Причем свое согласие Петр обуславливал получением уступок от Стокгольма. Он вел себя так, будто Нарвы и не было.

Да, действительно, до Нарвы австрийцы предлагали свое посредничество. Они надеялись развязать Карлу XII руки для участия в испанской войне на стороне Империи. Но после разгрома датских и русских войск положение резко изменилось.

Опьяненный успехом шведский король не хотел быть частью чужих планов. Он хотел быть хозяином в собственной игре и обладать свободой действий, в том числе для того, чтобы самому выбирать, с кем и против кого вступать в союзы. В этом Карл XII был совершенно предсказуем, хотя многие современники и историки думали иначе.

Под влиянием быстро менявшейся обстановки Вена стала придерживаться такой логики: если нет гарантии, что молодой шведский триумфатор отдаст предпочтение Австрии перед Францией, то тогда уж пусть он продолжает свою северную войну; так, по крайней мере, будет больше определенности в войне за испанское наследство. Она началась весной 1701 года с боевых действий в Италии (герцогство Миланское). Через некоторое время стало окончательно ясно, что Англия и Голландия примкнут к Империи.

В таком состоянии находились европейские дела, когда П.А. Голицын после тяжелого трехмесячного путешествия прибыл наконец в Вену (6 мая 1701 г.). Встретили без восторга, как докучливого ходатая. Серьезных разговоров с ним избегали. *«Никак не могу видеть министров*, — писал П.А. Голицын, — *сколько ни ухаживаю за ними: все бегают от меня и не хотят говорить»*. Даже главный имперский министр (канцлер) граф Андрей Кауниц, которого должность и приличия обязывали хотя бы выслушать царского посланника. Русскому дипломату пришлось вкушать горькие плоды Нарвы. Перешептывания и смешки за спиной были невыносимы. Бывало и не за спиной. Во время одного из светских увеселений дошло до открытой ссоры со шведским послом в Вене.

Дворцовая камарилья и высшее общество погрязли в склоках, интригах, взятках. Крупные чиновники и их жены принимали у иностранных дипломатов подношения, забывая оказывать ответные политические услуги. Доступ к Леопольду I охранялся его окружением. П.А. Голицыну он был предоставлен лишь через месяц после его приезда и после использования всех возможных ухищрений. Единственным утешением в такой ситуации служил тот факт, что император почти ничего не решал. Дела он передоверял своим присным, и это устраивало его ленивую натуру.

П.А. Голицына Леопольд принял милостиво, с подобающим пиететом к теме «здоровья царя». Обещал дружбу и помощь. Но только на словах. Престиж Петра упал до постыдного уровня, чему, конечно, помогли фантастические слухи о нарвском разгроме и его «непоправимых» последствиях. Вдобавок в Вене был опубликован дневник Иоганна Корба, секретаря австрийского посла в Москве Гвариента. В этом во многом правдивом произведении содержались явные элементы пасквиля на русских, о которых автор часто отзывался в пренебрежительном тоне, не слишком отличая их от варваров. Возможно, в иной ситуации на книгу обратили бы меньше внимания, но после Нарвы она стала для одних поводом к злорадству и бальзамом на душу, для других солью на рану.

Что о военном содействии Вены не стоит и просить, было ясно с самого начала. Не ясно лишь, зачем австрийцы четыре месяца тянули с официальным отказом. Не являлось ли это тоже своеобразной демонстрацией неуважения? П.А. Голицын в отчаянии писал Ф.А. Головину о том, как необходима сейчас хотя бы какая-нибудь победа (*«малая виктория»*) над неприятелем, чтобы смыть пятно позора. Его даже не успокаивает перспектива замирения со шведами: *«Хотя и вечный мир заключим, а вечный стыд чем загладить?»*

Ни к чему не привели и переговоры с графом Кауницем о посредничестве (середина октября 1701 г.). Трудно сказать, насколько верил П.А. Голицын в то, в чем пытался убедить вице-канцлера, но приводил он толковые аргументы. Их общий смысл: война еще далеко не закончилась, у России есть стратегический потенциал и запас времени, чтобы переломить ее ход. У Карла XII этого нет.

Кауниц допускал, что Петр в принципе способен изнурить шведов, но исходить нужно из сегодняшней реальности. А она очевидна: шведская армия была и остается намного сильнее русской, и Нарва доказала это еще раз. Карл XII имеет все основания категорически не желать мира. А уж о каких-то территориальных уступках не стоит и заикаться. Бесполезно тратить на это усилия Вена не собирается. В завершение беседы Кауниц не преминул сослаться на недвусмысленное предупреждение Карла XII в виде прямо высказанной *«надежды»*, что *«цесарь не будет помогать врагам Швеции»*.

Одним словом, миссия П.А. Голицына закончилась безрезультатно. Как будто для того, чтобы его огорчение было полным, ему пришлось выполнить еще одно поручение Петра — обсудить с венским двором предварительно согласованную идею об установлении матримониальных связей между царской и императорской семьями, а также об отдаче сына Петра Алексея на воспитание к жене Леопольда. Из этого тоже ничего не вышло.

Петр не стал опускаться до выражения обиды. Лишь однажды он позволил себе намек на нее. В грамоте к Леопольду от 27 ноября 1701 года Петр, поздравляя императора с военными успехами в Италии, посетовал на то, что Вена не удосужилась сообщить ему об этом и тем доставить удовольствие государю, находящемуся в *«братственной дружбе»* с Леопольдом. Чтобы впредь получать *«счастливые»* новости о войне за испанское наследство из своего источника, никого не обременяя, Петр просил позволить князю П.А. Голицыну отправиться в расположение австрийских войск в Италии и выражал надежду, что *«любезнейший брат»* — император — *«с радостью воспримет»* эту просьбу как знак *«нашего царского величества доброжелательства»*.

Вскоре от Леопольда пришло послание с извещением о рождении двух его внучек. Петр торжественной грамотой (от 27 декабря) в пышном стиле поздравил дедушку, хитро заметив, что он, царь, считает желание императора поделиться радостной вестью свидетельством усиления *«всегдашней братской дружбы»*.

Петр понимал, что венскому двору не до России, за которой тянулся шлейф нарвского позора, но он вел себя так, будто этого не замечает. Именуя себя *«державнейшим великим государем»*, царь недвусмысленно приучал императора к мысли, что все происходящее в Европе касается его интересов непосредственно, тем самым ставя себя на один уровень с Леопольдом. Желание венских сановников смеяться над этим слабело по мере успешного наступления русских войск в Лифляндии.

Договор в Биржах

15 февраля (по другим данным, 17-го) 1701 года Петр прибыл в Дюнабург (Динабург) для свидания с Августом II. Но король находился в 120 км в местечке Биржы (Курляндия), куда царь добрался на следующий день. Поначалу было впечатление,

будто они встретились, чтобы предаться увеселениям. Сразу же после торжественного обеда в честь гостя отправились забавляться пушечной стрельбой, в ходе которой любитель примет обратил бы внимание, что Петр не попал в цель ни разу.

Потом Петр посетил католическое богослужение и живо интересовался его обрядовой стороной. Похоже, это был и порыв любознательной натуры, и политический ход, рассчитанный на создание благожелательной переговорной атмосферы. Умилившись неожиданной картиной появления православного царя в католическом костеле, один польский сенатор спросил у Петра, не думает ли он о соединении греческой церкви с латинской. Царь, приехавший в Биржи вовсе не для обсуждения религиозных тем, ответил, что он не может посягать на деяния, находящиеся во власти одного лишь Бога.

18 февраля Петр в присутствии Августа встретился с литовским вице-канцлером (подканцлером) Станиславом Щукой. Царь настаивал на объявлении Речью Посполитой (читай сеймом) войны шведам, которая будет вознаграждена возвращением Лифляндии (и Эстляндии). Щука говорил, что этим сейм не соблазнится, нужна еще уступка со стороны России в виде, например, Киевского воеводства. Хотя Петр отверг такой вариант и переговоры приостановились, он продолжал обхаживать подканцлера и других польских сенаторов, устроив для них пышное празднество.

Царь, конечно, хотел вовлечь в войну Речь Посполитую (Республику), но не в этом была главная цель. 26 февраля 1701 года в Биржах Петр заключил с Августом своего рода перестраховочный договор (из десяти статей) о подтверждении прежнего военного союза против Швеции. По сравнению с трактатом 11 ноября 1699 года в новом документе было больше конкретики, касавшейся количества русских полков и артиллерии, которые предоставлялись в помощь королю, а также ежегодных царских субсидий (200 тыс. ефимков, или 100 тыс. рублей). Отдельной (одиннадцатой) статьей оговаривалось, что Петр не имеет никаких притязаний на Лифляндию и Эстляндию, как на земли Речи Посполитой, и ограничится Ингрией и Карелией. Стороны соглашались принять посредничество Австрии, Франции, Англии, Бранденбурга, Голландии и держать в курсе дел своего союзника датского короля. Секретным пунктом царь гарантировал Августу предоставление 20 тыс. рублей для склонения польских сенаторов к объявлению войны Стокгольму.

Тотчас по заключении договора Петр возобновил переговоры с членами сейма, известив их о принятых им военных и финансовых обязательствах. Он категорически опроверг мнение о своей якобы поддержке Августа в его стремлении ограничить польские республиканские *«вольности»*. *«Мне, как соседу,* — сказал он*, — это вовсе не нужно»*. Случаев, когда царь легко мог бы воспользоваться беспорядками в Польше, было достаточно, но он сохранил с ней дружбу и впредь намерен ее только укреплять.

На следующий день (27 февраля) переговоры продолжил Ф.А. Головин с участием князей Григория и Василия Долгоруких. Предметом обсуждения стали статьи только что подписанного договора. Сенаторы были немногословны. Они повторили доводы литовского подканцлера Щуки, добавив слова об отсутствии у них полномочий решать такие вопросы. Больше говорить было не о чем.

28 февраля состоялся русско-саксонский военный совет, где в целях реализации Бирженского трактата участники (Петр, Август, Ф.А. Головин, тайный советник ко-

роля Христоф-Дитрих фон Бозен, переводчик Петр Шафиров) определили ближайшие оперативно-тактические задачи:

1) саксонской армии во взаимодействии с московскими полками повторно осадить Ригу (в августе 1701 г.);
2) калмыкской кавалерии вторгнуться в Финляндию, а русским регулярным частям, не ввязываясь в крупные сражения, диверсиями отвлекать неприятеля под Печорами или под Нарвой;
3) по взятии Риги саксонским войскам идти на помощь русским для захвата Нарвы, в случае необходимости оборонять от шведов дорогу на Москву.

Следует, таким образом, констатировать, что встреча между Петром и Августом прошла гораздо успешнее, чем правомерно было ожидать при тогдашних обстоятельствах. Царь приехал в Дюнабург в таком настроении, которого, вероятно, никто не ожидал. Ожидали увидеть человека, недавно потерпевшего постыдное поражение. Однако вместо понурого неудачника явился Петр, полный энергии, планов, веры. Явился не просить, а предлагать помощь. Не стенать, а вдохновлять перспективой. Было чему подивиться и чем восхититься. Сопротивляться его напору Август, будучи и сам не из робкого десятка, не стал. Однако свою помощь Петру он не прочь был продать подороже. В течение 1701 года король постоянно жалуется на недостаток денег, на активность тех, кто старается *«смутить и поколебать их, государей, столь искреннюю дружбу»*, и на настойчивые призывы сейма помириться со шведами. Сопротивляться такому настроению, уверял Август, очень трудно.

Разговор с маркизом Шарлем дю Эроном

Свидание в Биржах приобретает дополнительный интерес благодаря тому, что при Августе II находился французский посол маркиз Шарль дю Эрон, желавший получить аудиенцию у Петра. Приняв дю Эрона 28 февраля 1701 года, царь заявил ему о своем высоком почитании Людовика XIV, которого он всегда считал примером образцового управления государством и воинской доблести, и хотел бы установить с ним теснейшие узы дружбы. Попутно Петр, зная о расстановке сил в приближающейся войне за испанское наследство, осудил голландские Генеральные Штаты, недовольные восшествием на престол Испании королевского внука Филиппа V, за их чрезмерную спесь, за то, что они забыли свое место, мнят себя великой державой и вмешиваются во все европейские дела.

Потом Петр заговорил о монополии Англии и Голландии на торговлю с Россией, приносящей огромные барыши обоим государствам в ущерб другим. Он предложил исправить такую несправедливость заключением русско-французского торгового договора, который будет обоюдовыгоден.

Зная о заинтересованности французских купцов в русских товарах, царь посчитал преждевременным выходить за пределы коммерческой темы, хотя его так и подмывало поставить вопрос гораздо шире. Он не стал унижать себя предложением полноценного союза, обреченным на отклонение, поскольку Париж, оставаясь под впечатлением от нарвского разгрома, едва ли будет связываться с проигравшим. Возможно, дю Эрон испытывал в душе благодарность к Петру за то, что тот избавил его от не-

приятной необходимости передавать царю отказ Людовика XIV. Другое дело — сугубо торговые связи, завязать которые король был бы очень рад, в чем он и признался в ответном послании к русскому государю.

Петр понимал, что перспективы русско-французских отношений будут зависеть от хода Северной войны и войны за испанское наследство. Пусть и не формальный союз, но хотя бы доброе расположение Людовика XIV требовалось России еще и для того, чтобы снизить вероятность ее столкновения с Турцией, на которую Франция имела сильное влияние. Что касается Версальского двора, то пока он не нуждался в России в симметричной степени. Более того, Франции решительно не нравилось, что Петр атаковал ее исторического союзника, ибо вовлеченность Карла XII в борьбу за Балтику лишала его возможности помочь Людовику XIV против антифранцузской коалиции. Успокаивало только то, что Россия и ее союзники терпели одно поражение за другим. Но это пока. А что потом? Не зная точного ответа на этот вопрос, Людовик XIV, вероятно, подумывал о том, чтобы примирить Россию со Швецией и превратить их в орудие своей политики.

Новая угроза с юга

Одна из загадок, оставленных нам Петром, связана с его поведением в отношении Турции после подписания Константинопольского мира. Казалось, этот вымученный договор, развязав царю руки на севере, должен был его обрадовать. Во всяком случае, имелись все основания, особенно после Нарвы, им дорожить. Что мы видим вместо этого? В конце января 1701 года Петр отправил султану Мустафе II и великому визирю Хусейн-паше Кёпрюлю две грамоты, где он заявил, что, несмотря на заключение мира, дела о «святых местах» (христианских храмах Иерусалима и Вифлеема) *«еще окончания своего не прияли»*, и настойчиво просил забрать их у католиков и передать служителям греко-православной церкви, в ведении которых они находились еще совсем недавно. Иными словами, Петр не скрывал своей неудовлетворенности условиями мирного трактата. Возникает вопрос: не этот ли демарш вызвал поползшие по Стамбулу слухи о подготовке русских к войне? Если так, зачем царю понадобилось настораживать турок в столь неподходящий момент? Неужели он собирался воевать на два фронта и показать Порте, что не боится такой перспективы? Ведь ясно было, что подобные претензии наряду с укреплением Азова и приазовских территорий, а также учреждением местной православной епархии (для *«сотворения окрестных народов Азова христианами»*) накапливали подозрения Порты, которые усиливались неослабевающим напряжением в русско-крымских отношениях и заставляли ее всегда учитывать возможность новой войны. (Русская разведка доносила, что в Крымском ханстве совершенно не верят в мир и по всей территории разосланы приказы быть готовыми к русскому наступлению).

Вернемся, однако, к фактам. В конце марта 1701 года Петр отправился в Воронеж, где пробыл около трех месяцев. Странное решение ехать на юг, когда война идет на севере, имело объяснение. Были получены сведения, что турки заключили мир с Венецией и готовятся вторгнуться в Приазовье, чтобы нанести там превентивный удар по еще не окрепшим позициям России. Царь, во многом избавившийся от юношеской веры в священность международных договоров (тем более с тур-

ками), отнесся к новостям со всей серьезностью. Петр толковал их единственно возможным способом: над Россией нависла тень войны на два фронта — то, чего он так боялся до подписания Константинопольского мира. Ждал царь такого оборота событий или нет, но среагировал так, как будто ждал. Главе Адмиралтейского приказа Ф.М. Апраксину он писал: *«Извольте быть в том осторожны* (в боевой готовности. — *В. Д.*), *отчего, Боже, сохрани под нынешние часы* (когда идет война со шведами. — *В. Д.*)! *Обороняйте Азов, а наипаче Таганрог: сам, ваша милость, сведом, каков туркам Таганрог, а под нынешний час и пуще. Людей, собрав отколь возможно, пошлем. Также, буде то будет в скорости, от чего, Боже, сохрани (!), изволь нанять довольное число казаков, потому что отсель* (из центральных районов России. — *В. Д.*) *войско вскоре не поспеть»*.

С психологической точки зрения это был поистине критический момент. Особый драматизм ему придавало одновременно поступившее сообщение о нападении шведского флота на Архангельск. А особую, зловещую символику — страшный московский пожар (июнь 1701 г.), в результате которого выгорел весь кремлевский архитектурный комплекс и около 2 тысяч домов обывателей. Судя по фактам, Петра это не сломило, а домысливать о том, что творилось в его душе, мы не станем. В будущем он окажется еще и не в такой ситуации.

Ни слухи с юга, ни реальные известия с севера государя не удивили. Военно-морские работы в Воронеже он вел с прежней интенсивностью даже после подписания Константинопольского мира, и это говорит о том, что Петра не отпускало острое чувство необходимости держать свои войска наготове. Оно красной нитью проходит через наказы Ф.М. Апраксину (с марта по середину сентября 1701 г.), в которых царь подробнейшим образом расписывает, что именно надо сделать для обороны южного края. В частности, в послании от 6 июля 1701 года говорится: *«Извольте держать опаску с Турской стороны [как я наперед сего писал]»*. Царь отправил в Таганрог тысячу драгун и приказывал к зиме приготовить город к обороне.

В середине сентября 1701 года в Стамбул для подтверждения русско-турецкого мирного договора приехал князь Д.М. Голицын в ранге великого посла. Мустафа II принял его с почетом, но когда посол вновь коснулся плотно закрытой турками темы о свободе мореплавания в Черном море, султан чуть не задохнулся от возмущения, заявив, что на турецких кораблях русские могут возить свои товары куда угодно, но в *«дом свой внутренний* (Черное море. — *В. Д.*)» он их никогда не пустит, скорее начнет войну. Иерусалимский патриарх Досифей просил Голицына больше не касаться этого вопроса, чтобы не *«испортить мир»*. На турок и так наводит страх царский флот, и они собираются запереть его в Азовском море, засыпав Керченский пролив, построив на дамбе много крепостей. (Оставим в стороне техническую возможность осуществления этой гигантской операции.) Если это произойдет, то надежда христиан на освобождение от османского ига рассеется, имей царь хоть *«сто тысяч судов»*. Одним словом, провоцировать Стамбул на войну еще не время.

После того как Голицын последовал совету патриарха, султан подтвердил мир. Непосредственная угроза войны на два фронта миновала. По крайней мере, так казалось. Эта оговорка останется актуальной на протяжении всей Северной войны. Даже успешная миссия Д.М. Голицына не давала уверенности в прочности Константинопольского договора. Отчасти виновен в этом был сам Петр, не скрывавший

от турок, что после подписания мира ряд проблем остался в подвешенном состоянии. Кроме свободы торговли, к ним относился и вопрос о «святых местах», о чем мы уже говорили.

Разгром саксонцев и его последствия

Других поводов для оптимизма не было. После Нарвы Карл XII двинулся к Дерпту, в 50 верстах от которого в замке Лаис (Юрьев) он пробыл пять месяцев, поджидая свежие войска из Швеции и занимаясь интендантскими проблемами. Получив подкрепления, король начал действовать в своем блистательном стиле. Саксонский фельдмаршал Штейнау, стоявший с большими силами под Ригой, был сбит с толку ложными маневрами Карла и, видимо, не поверил в его намерение атаковать крепкую позицию превосходящих сил противника. Дело закончилось сокрушительным разгромом саксонцев (8 июля 1701 г.) и их отступлением в Пруссию. Вспомогательные русские полки оробели настолько, что бежали с места сражения, доставив Петру новое огорчение.

Лифляндия и Курляндия перешли под полный контроль Карла. Петр стал по-настоящему осознавать, с каким выдающимся полководцем его свела судьба в лице шведского короля. В голову закрадывались самые тревожные мысли, под влиянием которых царь вновь попытался предложить Карлу мир, на сей раз через посредничество прусского короля Фридриха I (бывшего бранденбургского курфюрста Фридриха III). Но тщетно. Оставалось одно — воевать, *«прочее же в волю Всемогущему предав»*.

«Воля Всемогущего» благоволила Петру. Окружение Карла XII отговорило его от наступления на восток, в Россию. Правда, были и те, кто советовал заключить мир с Августом II и все силы бросить против Петра. На это Карл, презиравший и ненавидевший польского короля, отвечал, что на его добросовестность в соблюдении договоров полагаться ни в коем случае нельзя, вероломство у него в крови, что подтверждается его внезапным нападением на остзейские владения Швеции. Карл опасался удара в спину своей армии, когда та пойдет на Россию. Движимый еще и чувством мести, он решил свергнуть Августа, посадить на его место своего ставленника, заключить с ним союз и без опаски действовать против царя. *«Август*, — писал С.М. Соловьев, — *был драгоценным союзником для Петра не силою оружия, но тем, что возбудил к себе такую ненависть и такое недоверие шведского короля; он отвлек этого страшного в то время врага от русских границ и дал царю время ободрить свои войска и выучить их побеждать шведов»*.

Отложить поход на Россию было для Карла не слишком мучительным решением, поскольку русского противника он почти ни во что не ставил. Ему, как полководцу, воевать против армии Августа II и побеждать ее было гораздо интереснее и престижнее. А Россия и так никуда не денется. Раз и навсегда указать русским на их место можно будет после сокрушения польского короля. Фатальный стратегический просчет Карла XII состоял в непонимании того, что личность Петра и стоявший за ним народ являлись главным морально-волевым ресурсом России, способным стать материальным фактором несокрушимой силы. Впрочем, в 1701 году поверить в это было невозможно.

После поражения саксонско-русских войск под Ригой Карл двинулся на юго-запад и стал лагерем возле Либавы (в Вюргене). Там он полгода готовил армию для крупномасштабных боевых действий в Польше. Курляндию король превратил в интендантский склад, обложив ее тяжелой контрибуцией.

Под Дерптом Карл оставил 8-тысячный корпус под командованием полковника В.А. Шлиппенбаха, которому было велено запастись продовольствием, амуницией, снарядами и *«ждать нашего прибытия»*. Создавался ли там плацдарм для наступления в глубь России? Некоторые современники именно так расценили королевский приказ. Однозначного ответа на этот вопрос нет. Скорее всего Карл собирался действовать по ситуации. И, как мы уже предположили, он выбирал более сильного и достойного противника. Карл слишком презирал русских воинов, чтобы отнести их к этой почетной категории. (Его переписка со Шлиппенбахом это подтверждает.) Поэтому он отказался от легкой прогулки на восток и сосредоточился на Польше.

Шлиппенбах был более «уважителен» к русским. Свой лагерь под Дерптом он устроил по всем правилам военного искусства, прикрыв фланги от возможного нападения. Его предосторожность не была напрасной.

Русская армия приходит в себя

После Нарвы Петр в течение года думал преимущественно об обороне, выстраивая ее по линии Новгород–Псков–Полоцк. Но речь шла не о глухой обороне. Предполагались диверсионные вылазки для *«развлечения»* сил неприятеля и ударов по его коммуникациям. Интуиция подсказала царю идею о продлении оборонительной системы на север до беломорского побережья, находившегося более чем в тысяче километров от театра боевых действий. Еще весной 1701 года Петр приказал Архангелогородскому воеводе А.П. Прозоровскому укрепить Архангельск и Холмогоры, а также построить четыре каменных бастиона в устье Северной Двины, для чего из Москвы был послан специалист по фортификации.

Глядел как в воду. В июне 1701 года петровская разведка донесла, что Карл XII тайно готовит несколько шведских кораблей, замаскированных под английские и голландские торговые суда, для нападения на Архангельск. Получив от царя грамоту с соответствующими распоряжениями, А.П. Прозоровский тщательно подготовился к встрече. 20–21 июня шведская эскадра (четыре военных корабля, два фрегата и одна яхта) атаковала несколько пунктов на подступах к Архангельску, открыв по ним пушечный и ружейный огонь. Тут же последовал дружный ответ русских батарей. Главный бой у входа в Двину продолжался тринадцать часов. Неприятель потерял фрегат и яхту, остальные суда спаслись бегством. Два плавучих трофея вместе с пятью вражескими знаменами, тринадцатью пушками и двумястами ядрами были доставлены в Архангельск. На донесение А.П. Прозоровского об этой виктории над шведами Петр ответил: *«Зело чудесно!»*, щедро наградив победителей. Первый успех русских был скромным, неожиданным, но важным с моральной точки зрения. Царь назвал его *«нечаемым счастием»*. Однако дальнейшие события уже нельзя было отнести к категории случайных удач.

В июне 1701 года Петр назначил Б.П. Шереметева командующим войсками на западной границе, произведя его в фельдмаршалы и потребовав взамен активных действий. 19 июля русский отряд атаковал шведский фланг прикрытия у деревни Рауге, но после пятичасового боя отступил с потерями. Шлиппенбах занял позицию у местечка Эрестфер. Карл, узнав о победе, произвел полковника в генерал-майоры. Тот же заявил, что готов обменять это звание на подкрепление в 7–8 тысяч человек (то есть на двукратное увеличение его контингента). Король счел это блажью и послал всего 600 человек. До места назначения они не дошли. 4 сентября шведский отряд был наголову разбит, частью взят в плен около Рапиной мызы близ Псковского озера. Особого значения для шведов эта маленькая неудача не имела. Вскоре Шлиппенбах распустил войска на зимние квартиры вокруг Эрестфера, но они оставались в боевой готовности.

Возможно, то же собирался сделать и Б.П. Шереметев (зима для всех зима), при случае производя мелкие диверсионные вылазки. Однако 2 октября 1701 года в Псков приехал Петр и объявил *«Свейский поход»*. Почти три месяца шла скрытая подготовка, впрочем, не ставшая для шведов тайной. В конце декабря новоиспеченный фельдмаршал во главе 8-тысячного войска с артиллерией двинулся на Эрестфер. Застать Шлиппенбаха врасплох не удалось. На заре 29 декабря атака русского авангарда после упорного боя была отбита. Потом в дело вступили основные силы Шереметева и завязалось большое сражение, длившееся до вечера. В какой-то момент показалось, что его полки *«приведены в конфузию»* и вот-вот побегут. Но подоспевшая артиллерия мощно ударила по врагу, позволив русской пехоте и кавалерии перегруппироваться и фронтально атаковать неприятельские фланги и центр. Шлиппенбах, опасаясь полного окружения, стал отступать. Под усиливающимся натиском русских войск отступление превратилось в бегство.

Шведы потеряли более 3000 убитыми и 350 пленными (в том числе 11 офицеров). У русских убито около 1000 человек. Захвачено 6 полевых орудий и 8 знамен. Это была первая настоящая победа петровской армии, шумно отпразднованная в Москве как отмщение за Нарву.

Предложение Вильгельма III

Первые поражения шведов показали Европе, что русская армия еще жива, и не просто жива, но и способна наносить чувствительные удары. Поначалу это смутило Голландию и Англию в едином лице Вильгельма III. Королю было невыгодно, чтобы шведские и саксонские войска увязли на севере. Они требовались в предстоящей войне против Франции, Испании и их союзников. Поэтому Вильгельм III усердно хлопотал о мире между Швецией, с одной стороны, Россией и Саксонией — с другой, предлагая себя в посредники, тем более что Петр и Август II не возражали.

Однако в самый канун войны за испанское наследство положение стало меняться. Карл XII решительно требовал от Голландии огромных денег, ссылаясь на условия старых союзных договоров. Гаага, которой эти деньги были необходимы самой, отвечала, что договоры предусматривали выплату субсидий не на ту войну, которую сейчас ведет Швеция.

Карл XII, тонко чувствовавший конъюнктуру, начал шантажировать голландцев и англичан перспективой заключения шведско-французского союза. Тогда Карл мог бы разорить всю северную Германию, включая Бранденбург, и это было бы кошмаром, воскрешавшим в памяти образ Тридцатилетней войны.

В Гааге и Лондоне стали задумываться над вопросом: а стоит ли прекращать Северную войну при таком настрое Карла? Уж лучше обойтись без его помощи, чем столкнуться с франко-шведским альянсом. В марте 1701 года А.А. Матвеев писал царю: *«Желают здесь продолжения войны у вас со шведом, боясь, чтоб Карл XII не заключил союза с Францией и не разорил немецких земель, как отец его, в союзе с французом, разорил Бранденбургию* (во время датско-шведской войны 1675–1679 гг. — *В. Д.*)».

Голландцев и англичан настораживали тайные переговоры между А.А. Матвеевым и французским послом в Гааге. Европейские правители опасались самых неожиданных поворотов событий. Отличить правдоподобные слухи от достоверной информации порой было чрезвычайно трудно. Одно дело байки о помешательстве Петра. Другое — какие-то темные переговоры французского посла с Матвеевым. Уж не о союзе ли? Ничего нелогичного тут нет. Петр опасался турецкого удара по южному тылу России, а предотвратить это могла только Франция. Почему же не подружиться с ней и не встать на ее сторону в испанской войне? Было отчего занервничать англичанам (и голландцам).

Донесения А.А. Матвеева заставляли Петра проявлять еще большую настороженность к предложению Вильгельма III о посредничестве. Хотя царь не подал виду, но он не оставил без внимания тот факт, что король не ответил на его письмо-согласие от 13 декабря 1700 года, позволявший думать об изменении позиции Вильгельма. На всякий случай Петр решил проверить, так ли это. 12 мая 1701 года он, будто не заметив бестактность короля, отправил ему новую грамоту, где подтвердил свое согласие на переговоры со Швецией и почти слово в слово повторил сказанное им ранее, а именно: он надеется, что авторитет Вильгельма склонит Карла XII к удовлетворению справедливых притязаний России (каких — не уточнялось), и просит назначить место встречи уполномоченных с обеих сторон, куда незамедлительно будут направлены русские дипломаты.

Едва ли Петр верил, что после Нарвы Карл вообще захочет с кем-либо обсуждать тему замирения с Россией, тем более слышать о каком-то *«праведном удовольстве»* ее. Скорее всего царь держал этот вариант про запас, продумывая более реальные.

Что касается Вильгельма, то и он изначально сомневался в возможности уговорить Карла, особенно после Нарвы. Отсюда, надо полагать, и его молчание в ответ на петровское письмо от 13 декабря 1700 года, и отказ от бессмысленных попыток посредничества. А потом это стало вовсе неактуальным в связи с отказом Карла ввязываться в испанскую войну. Тем не менее ссориться с Россией Вильгельм, ни как английский король, ни как голландский штатгальтер, не хотел, учитывая невозможность предвидеть, как обернутся события в будущем.

Поэтому в июле 1701 года Вильгельм снова навещает Матвеева, обещая продолжать дружбу с царем и оказывать ему посреднические услуги в достижении мира со Швецией. С.М. Соловьев считал это пустыми словами. Хлопотать о русско-шведском мире Лондону и Гааге стало невыгодно. Выгоду видели в другом: война с Россией и ее союзниками должна полностью отвлечь Карла XII от всего остального. Но для Петра

неплохо было уже то, что отсутствие у англичан и голландцев желания посредничать компенсировалось появлением гарантии невмешательства морских держав в ход Северной войны.

Неприятную обязанность прямо заявить русским об отказе от посредничества Вильгельм отставил на долю Генеральных Штатов, которые мотивировали это тем обстоятельством, что Голландия, находясь в оборонительном союзе со Швецией, не вправе брать на себя такую роль. Но они могут прислать специального наблюдателя, который будет держать Гаагу в курсе событий и по возможности *«чинить приятные услуги»* в деле восстановления мира *«ко удовольствованию»* России.

Петр, прекрасно понимая, что это действительно пустые слова, прилежно делает вид, будто приравнивает ничтожную миссию наблюдателя к полноценному посредничеству, и выражает уверенность в *«доброхотстве»* Штатов и их готовности приложить усилия к тому, чтобы *«за многие к нам* (России. — *В. Д.*) *учиненные от них* (шведов. — *В. Д.*) *неправды во всем праведном деле учинить удовольствование»* (Грамота к Штатам от 19 августа 1701 г.). Можно догадаться, насколько опешила Гаага, узнав о столь своеобразной интерпретации ее отказа. Между тем, дурача голландцев так же, как они дурачили его, Петр лишь принял условия их глуповатой игры.

У А.А. Матвеева была масса забот помимо дипломатических. России требовались регулярные поставки современного оружия, наем толковых офицеров, не тех, что бежали из-под Нарвы, мастеровых самых разных профилей. Русские уже научились определять уровень квалификации людей, принимаемых на царскую службу.

Покупать оружие, боеприпасы, амуницию, когда практически вся Европа находилась в состоянии войны, было крайне непросто. Но тут Матвеев всегда мог рассчитывать на старого друга России Витзена, который мог устраивать дела, как никто другой, зачастую обходя и официальные законы, и негласные запреты. Правда, даже ему это стоило необыкновенных усилий, подчас навлекая на него серьезные подозрения и опасности. Шведский посол в Гааге предъявил Штатам протест в связи с тайной помощью, которую оказывает России высокопоставленный голландский сановник.

А.А. Матвеев в свою очередь не замедлил поставить перед голландским правительством другой вопрос: а на каком основании оно снабжает Карла XII, воюющего против России, крупными суммами, не похожими на благотворительные пожертвования сиротам. Как это согласуется с заверениями Штатов об их неизменном стремлении способствовать миру между Москвой и Стокгольмом? Из Гааги пообещали, что этого больше не повторится.

Real Politik в исполнении прусского короля

После поражения датчан у Петра остался только один союзник — Август II. Да и в его надежности были большие сомнения. С дипломатической точки зрения на первый план вышел вопрос о максимально эффективном использовании международной обстановки, созданной двумя параллельными войнами — Испанской и Северной. Петр был заинтересован в том, чтобы враждебные ему силы целиком

сосредоточились на южноевропейских делах и, хорошо бы, вовлекли в них Карла XII. Не менее важной являлась задача найти замену Дании. Единственной державой, которая подходила на эту роль, была Пруссия. Но как встроиться в ее сложную политику так, чтобы извлечь выгоду для России? До поры до времени Петр видел один способ — вести дружеское дипломатическое общение, реагируя на события, требующие внимания. В начале 1701 года Фридрих предоставил царю такую возможность. Грамотой от 19 января он уведомил Петра о своем новом титуле и состоявшейся в Кенигсберге коронации, выражая надежду, что царь признает его *«новое достоинство»*, а в ответ Фридрих обещал *«в истинной верной дружбе постоянно и непременно пребывать»*.

Чем меньше удовольствия доставило это известие Петру, тем больше торжественности было в его реакции на событие. В письме к Фридриху I от 7 июля 1701 года он выразил своему *«другу и брату вселюбезнейшему»* огромную радость по поводу *«возвышения короны»* и уверенность в сохранении *«прежней нашей любви и союза»*. Сообщалось, что в Берлин отправлен русский посол, чтобы вручить официальную поздравительную грамоту и *«пространнейше донести»* о *«прочих настоящих делах»*.

28 августа окончательный вариант грамоты был готов. Петр повторил, что безмерно рад, и пустился в велеречивую риторику, не забыв почти процитировать слова Фридриха о нетленной братской дружбе и любви, а также заверив в своей непоколебимой готовности хранить им верность[1]. Царь еще раз подчеркивал, что направляемый в Пруссию чрезвычайный посланник должен не только поздравить короля, но и предложить к обсуждению *«достойные дела»*.

Когда отправлялась эта грамота, Петр уже знал о содержании письма, которое Трубецкой, присутствовавший на коронации Фридриха 18 января 1701 года, послал Ф.А. Головину 1 февраля. Посланник предупреждал, что Пруссия вступила в союз с Австрией против Франции, и это делает войну новоиспеченного короля со Швецией *«решительно невозможной»*. То же самое подтвердил прусский чрезвычайный посланник фон Принцен, прибывший в Москву в июне 1701 года, но привел совершенно другую причину. Пруссия де находится под ежеминутной угрозой нападения поляков (читай Августа II), подстрекаемых Францией и Швецией, а Карл XII намерен захватить Саксонию, к границам которой Фридрих в оборонительных целях послал четыре конных полка. Король, сообщая царю, что не может *«за многими причинами»* прислать войска России на помощь и тем *«истинную дружбу изъявить»*, обещал в будущем *«никакого случая не оставить, не токмо таким малым, но и знатным числом войск вспомогать»*. Фридрих просил не держать на него зла за то, что он столкнулся с обстоятельствами непреодолимой силы.

Петр, как мы уже видели по царским грамотам, не стал упрекать Фридриха, попрежнему надеясь уговорить его оказать помощь хотя бы в рамках имевшихся возможностей. Речь шла о посреднических услугах короля в деле достижения русско-шведского мира. Петр стремился к этому с целью опередить сепаратное соглашение между Августом II и Карлом XII, чреватое объединением Швеции и Польши против России.

[1] В черновом отпуске этой грамоты, составленном 18 августа, есть определенные расхождения с конечной редакцией. В частности, в ней отсутствует имя ближнего стольника А.П. Измайлова, на которого была возложена миссия доставки и вручения этой грамоты.

Фридрих, очевидно, был рад откупиться от Петра попыткой прощупать почву в вопросе о реальности такого мира. Получив от короля соответствующие указания, фон Принцен на обратном пути из Москвы в Берлин (декабрь 1701 г.) заехал в Курляндию для встречи с находившимися там шведскими министрами. То, что выяснилось из разговоров с ними, он подробно сообщил Ф.А. Головину. Как оказалось, Карл XII в принципе готов был подписать сепаратный мир с Августом при условии полного выполнения всех его требований. Что до примирения с Петром, то король наотрез отказывался даже обсуждать эту тему. Более того, он думал о захвате Новгорода, Пскова и Архангельска. Фон Принцен сообщал также, что в Москву в качестве постоянного резидента при царском дворе едет прусский камер-юнкер Георг Иоганн фон Кейзерлинг.

Петр настойчиво продолжал склонять Фридриха к более решительным действиям. Как отмечалось, он отправил в Берлин своего посланника в Дании А.П. Измайлова, через которого было сподручнее проявлять эту настойчивость. Петр ставил вопрос так: если уж король не может вступить в войну против шведов, то пусть хотя бы пришлет царю три прусских полка. Последовал отказ, сопровождаемый новыми заверениями в искренности и прочности дружеских чувств Фридриха к царю.

30 июля 1701 года А.П. Измайлов представил королю царский мемориал, где после изрядной дозы елея следовали плохо замаскированные упреки. Прежде всего подчеркивались огромные размеры нависшей над Пруссией угрозы со стороны Карла XII, пока разоряющего соседние с ней земли, но настроенного добраться и до нее. Затем следовали откровенные вопросы. Почему в такой ситуации король не изволит соединиться с царем? В чем еще, кроме взаимопомощи, требуемой *«всенужнейшим случаем»*, должна выражаться *«крепкая братская дружба и любовь»*? Зачем подавать царю повод к подозрениям такими действиями, как беспрепятственный пропуск шведских войск через прусскую территорию, вместо того чтобы им *«сугубое отмщение воздать»* и *«монаршескую свою славу и честь в истинной крепости показать»*?

Ответ Фридриха, как и прежде, соединял в себе протокольную вежливость с четкой позицией. Если ограничиться первым десятком строк из статейного списка, в котором А.П. Измайлов передает содержание этого ответа, то покажется, будто король остается полным решимости *«усердную и братскую дружбу* (с царем. — *В. Д.*) *непоколебимо содержать и во всем, что царское величество от его королевского величества просит и желает, сколько возможно по изволению своему чинить будет»*.

Затем в тон Фридриха вкрадываются элементы раздражения. Он говорил, что *«уже часто и пространно»* объяснял царскому послу, почему не может ответить на просьбу Петра прислать ему прусские войска. И повторяет еще раз. Часть своей армии он отдал в распоряжение Австрии, другую оставил для обороны собственных границ. Но и этих сил недостаточно, в связи с чем он собирается нанять войска в германских княжествах. Согласно логике короля Петр, прося войска, предназначенные для защиты Пруссии, обезоруживает ее перед лицом врагов. Что касается внезапного прохода шведских войск через прусскую территорию, то разрешения на это Карл XII не спрашивал, и в Берлине узнали о событии лишь тогда, когда он уже покинул Пруссию. Фридрих выражал надежду, что Петр освободится от подозрений о сговоре, когда он, по здравом рассуждении, поймет, что не было возможности предотвратить переход шведов через отрезок прусских земель в Польшу. Король как бы советовал Петру

лучше обратить внимание на его готовность всемерно содействовать русско-шведскому примирению *«ко удовольствованию его царского величества»*.

Из этих объяснений следовало, что для Австрии у Фридриха войска нашлись, а для России нет. Упрекать его за это не стоило. «Лисьи» повадки Гогенцоллернов являлись типичным образчиком Real Politik XVIII века. За союз с Леопольдом I Фридрих получил титул короля, Петр же не обещал ничего, а требовал много. Царь должен был обеспокоиться другим — беспрепятственным проходом Карла XII через прусские территории. Отсутствие, по крайней мере, реакции протеста со стороны Берлина давало повод предполагать если не наличие тайного соглашения между Пруссией и Швецией, то нечто вроде намека Фридриха на его лояльность к Карлу и завуалированное приглашение к союзу. Петром овладело не столько чувство обиды, сколько чувство тревоги.

А.П. Измайлов пробыл в Берлине до 23 августа 1702 года и уехал оттуда ни с чем. Впрочем, посланнику лично сетовать было не на что. Ему вручили орден Великодушия (Générosité) — на тот момент один из двух высших орденов Пруссии — и алмазный перстень в подарок.

ЛАНЬ®

1702 год

Петр овладевает Лифляндией

В начале января 1702 года Б.П. Шереметев, продолжая наступательные *«поиски противника»*, разорил окрестности Дерпта и Мариенбурга, взял 140 человек в плен. Но в конце концов пришлось остановиться. Был велик риск увязнуть в глубоком снегу и подвергнуться удару специальных «лыжных» подразделений шведов.

Долгого отдыха для Б.П. Шереметева не предвиделось. Петр дал ему провести Страстную и Святую недели в Москве, а к середине мая приказал вернуться в Псков для подготовки летнего наступления в Лифляндии, куда Карл собирался прислать из Померании подкрепление в 10 000 человек. Это означало, что сам король в ближайшее время не планирует лично руководить лифляндскими операциями, а пойдет на Варшаву.

12 июля Б.П. Шереметев выступил из Пскова в поход на *«поиски неприятеля»*. (Относительно количества его войск расхождения в источниках огромные, от 10 до 30 тысяч.) Шлиппенбах с 8-тысячным корпусом стоял около мызы Сагница, где 15 июля его атаковал русский авангард. Легко его отбросив, генерал решил все же отступать на запад в сторону Рижского залива. Он, в отличие от Карла, чувствовал, что перед ним уже не те дезорганизованные толпы противника, которые бежали из-под Нарвы куда глаза глядят. Да и их численное превосходство теперь имело значение. Б.П. Шереметев шел по пятам Шлиппенбаха и нагнал его у городка Гуммельсгоф. Здесь 18 июля произошло большое сражение, почти по сценарию Эрестфера. Шведы, встретив передовые драгунские и пехотные части русских смертельным огнем, обратили их вспять. Подоспевшие на помощь полки тоже не выдержали натиска и начали

отступать, потеряв 5 пушек, обоз и знамена. Шведская конница бросилась в погоню. Разгром казался близким. Тогда Б.П. Шереметев ввел в бой все резервные силы, направив их удар одновременно на вражеский центр и фланги. Обе стороны сражались мужественно и ожесточенно, перелом в битве наступил не сразу. Лишь к 10 часам вечера ее исход был решен.

Русские одержали трудную, но убедительную победу. Шведы потеряли 3,5 тысячи убитыми, 300 пленными. Трофеи: 15 пушек, 16 знамен, 25 барабанов. В русской армии: 400 убитых, несколько сот раненых.

Гораздо важнее был стратегический результат. Теперь почти вся Лифляндия переходила под контроль Б.П. Шереметева. Более или менее значительные шведские гарнизоны оставались в Риге, Пернау, Дерпте и совсем мелкие в Вендене, Вольмаре, Валке, Мариенбурге. Но все они, будучи запертыми в крепостных стенах, не годились для серьезных наступательных операций.

Почувствовав себя хозяином в Лифляндии, фельдмаршал принялся решать за счет местного населения хозяйственные вопросы. Армию нужно было кормить, а псковские и новгородские запасы быстро истощались. Вдобавок остро стояли логистические проблемы доставки продовольствия на большое расстояние. Б.П. Шереметев разослал по всем лифляндским уездам реквизиционные отряды, которые действовали не слишком вежливо, но эффективно. Отменить принцип «война себя кормит» фельдмаршал не мог, даже если бы хотел. Приходилось закрывать глаза на неприглядные вещи, везде и всегда характерные для пребывания войск на вражеской территории. Разорение Лифляндии служило также средством лишить блокированные шведские гарнизоны подвоза продовольствия.

Б.П. Шереметев держал под наблюдением дороги, чтобы не допустить переброски шведских войск из более защищенных крепостей в менее защищенные. Узнав, что одним из пунктов сбора является Вольмар, фельдмаршал захватил и сжег этот город (13 августа). 25 августа, несмотря на ожесточенное сопротивление, пал Мариенбург. Кроме того, были взяты еще шесть небольших городков.

Все эта далось русским войскам нелегко. Они были сильно изнурены. Реквизиции не восполняли потребности в хлебе. Не хватало гужевого транспорта.

В начале сентября 1702 года армия Б.П. Шереметева вернулась в Псков. Общие материальные итоги летнего лифляндского похода выглядели так: 1353 пленных (из них около полутора сотен офицеров разных чинов), 54 пушки, 26 знамен, 37 барабанов.

Между тем Петр спешил воспользоваться задержкой Карла в Польше. Сухопутные и морские силы, оставленные королем в районе Невского залива, были, конечно, несопоставимы с его основной армией. Но он располагал там крепостями с довольно сильными гарнизонами во главе с генералами, умевшими и обороняться, и совершать неожиданные вылазки. Стало также известно, что шведы готовятся повторить беломорскую операцию против Архангельска и Холмогор. Петр понимал: позволь он себе шапкозакидательские настроения на этом театре, они могли обойтись очень дорого.

Петр поспешил упредить вражеский десант и в апреле 1702 года отправился в Архангельск, где он прождал шведов, но они так и не появились. На обратном пути (октябрь 1702 г.) он решил взять крепость Нотебург, которая действительно оказалась «крепким орешком». Осада длилась неделю. Шведы упорно сопротивлялись, русские

несли большие потери. На седьмой день был предпринят штурм. Пробить брешь не удавалось. Царь уже начал склоняться к прекращению осады, но его генералы настаивали на завершении дела и оказались правы. После последнего решительного усилия крепость пала. Победителям достались крупные трофеи, но добыли их дорогой ценой. В руках у русских оказался важный стратегический пункт, перекрывавший невскую дорогу из Финского залива в Ладожское озеро. Вероятно, поэтому Петр распорядился переименовать Нотебург в Шлиссельбург. В этом названии было больше символики.

ЛАНЬ®

Август II ищет сепаратного мира

Первые успехи, конечно, ободрили Петра, но не облагодушили. Он понимал, что должен благодарить Карла XII, который в феврале 1702 года с основными силами двинулся в Польшу вслед за отступавшими войсками Августа. Успокоиться этим можно было лишь на время. Если Карл расправится с саксонцами так же легко, как прежде — а все к тому и шло, — то на очереди будет петровская армия. Политическая ситуация благоприятствовала шведскому королю. В середине мая он без единого выстрела вступил в Варшаву. Большинство шляхты приняло его сторону. Исключение составляли Краковское и Сандомирское воеводства, куда он вскоре и направился.

Петр был крайне огорчен нерешительностью Августа, а также *«великими смятениями и факциями* (борьбой партий. — *В. Д.*)» в Речи Посполитой. Не нравилось ему и то, что король сообщал об этом через своего (саксонского) посла в России Фридриха фон Кенигсека, избегая прямого общения. Свое недовольство царь прямо выразил в письме к Августу (от 8 мая 1702 г.), заявив о своем желании *«подлинно ведать, какими действиями ваше величество из государств ваших неприятеля изгнать изволите»*, чтобы оказать соответствующую военную помощь. Предварительно Петр известил его, что уже послал свои войска к литовским рубежам.

В Речи Посполитой против Августа II образовалась сильная партия, куда входили примас Михаил Радзиевский, литовские гетманы из рода Сапег и видные сенаторы.

ЛАНЬ®

Вскоре выяснилось, почему Август не стал лично обращаться к Петру. Кенигсек передал царю письмо короля (от 12 мая 1702 г.), полное упреков за непредоставление обещанных войск и денег. Петр отверг эти обвинения (письмо от 18 июня), подчеркнув свою неизменную приверженность Бирженскому договору и перечислив то, что он, согласно этому акту, сделал для облегчения положения Августа, включая финансовую помощь. Не забыл он напомнить об ударах, нанесенных им по шведам в Лифляндии.

8(19) июля 1702 года у деревни Калиш 12-тысячный отряд Карла разбил 28-тысячную армию Августа, потеряв всего 300 человек против 2 тысяч убитых и раненых, а также свыше 1700 взятых в плен. В качестве трофеев шведам досталась вся вражеская артиллерия (48 орудий) и походная касса.

Накануне сражения Г.Ф. Долгорукий бодро докладывал Петру о славных саксонских войсках (30 тысяч), перед которыми Карл XII чуть ли не трепещет, сожалея, что пошел на Краков. Его армия тоже *«в великом страхе»*. Позже, как бы извиняясь за свой оптимизм и пробуя найти объяснение неожиданному конфузу, посол писал,

что у саксонцев действительно было большое войско, *«только сердца против неприятеля не имело»*. Что до поляков, то им на все наплевать: *«Думают только каждый о себе. Не знаю, как может стоять такое государство. Нам помощи оно никакой не принесет»*.

Еще до того, как Карл пересек польскую границу, у наблюдательных современников возникло ощущение, что Август ведет с Петром двойную игру. Находившийся при дворе короля Г.Ф. Долгорукий получил от него заверение о его верности Бирженскому трактату, но у русского посла было другое мнение. *«Мне кажется,* — писал он царю, — *на него нечего более надеяться»*.

Август действительно искал сепаратного мира. Еще когда Карл находился в Либау (Курляндия), к нему была отправлена секретная миссия из двух человек. С одним из них мы уже познакомились в Дрездене в начале июня 1698 года, когда там гостил Петр. Это знаменитая фаворитка Августа II графиня Аврора Кенигсмарк, которой было поручено обхаживать царя. Ее красота, обаяние и ряд пикантных деталей, конечно, позволяют или, по крайней мере, не мешают строить догадки относительно степени деликатности такого поручения. Но идти дальше них, при отсутствии более достоверных оснований, историку не к лицу. Тем не менее у него есть право не быть настолько наивным, чтобы придерживаться платонического объяснения намерения польского короля отправить графиню в шведский лагерь. Аврору Кенигсмарк сопровождал камергер Фитцтум фон Экштедт, имевший при себе письмо Августа к Карлу XII, полное самых льстивых выражений.

Королевским эмиссарам предстояло решить общую задачу, используя разные методы. Ставка на неотразимые чары Кенигсмарк была безнадежной изначально. Интереса к женщинам Карл не испытывал. Графине решительно отказали даже в приеме. Что касается Фитцтума фон Экштедта, то он, как человек, явившийся без приглашения, был взят под стражу, а затем выдворен в Польшу.

После поражения под Калишем Август долго не отвечал на письма Петра, что лишь усилило подозрения царя и заставило его поинтересоваться о причинах молчания. Во второй половине ноября 1702 года к королю был отправлен специальный нарочный с царским посланием. Петр, не ожидавший поражения саксонцев, тем более такого быстрого, не стал сыпать Августу соль на рану. О Калише он даже не намекнул. Больше его волновало отсутствие ответов на царские письма. Признавшись, что он отнесся к этому факту *«не без прискорбия»*, Петр тактично предпочел объяснить это ненадежностью почтовой связи, а не *«отменой в дружбе, которая между нами клятвою подтверждена»*. Царь выражал надежду, что Август готов и дальше хранить верность союзу и не вступать с неприятелем ни в договоры, ни в переговоры, не уведомив об этом Россию. Петр просил короля подтвердить свои добрые намерения через посредство надежной персоны, которая приедет в Москву с полномочиями договариваться о совместных военных действиях.

Одновременно (письмо от 16 ноября 1702 г.) царь обратился за разъяснениями к фактическому руководителю саксонской внешней политики фельдмаршалу Якобу фон Флеммингу. Ответное послание «серого кардинала» (от 28 декабря) начиналось с совершенно приторной в своей велеречивости преамбулы, где говорилось, что с первой же встречи с Петром он пленен *«всепресветлейшим, державнейшим»* образом, излучающим *«сияющую истину»* и творящим *«справедливые поступки»*. С тех пор нет у него иного желания, как служить *«к царского величества пользе»*.

Затем идет суть дела. Флемминг писал, что злонамеренные люди хотят поссорить Августа с Петром, распуская слухи, которым нельзя верить. Дружба двух монархов остается крепкой, и ради нее королю в его затруднительном положении нужна военная помощь царя. Кроме того, остро необходимо согласие между Россией, Польшей–Саксонией, Данией и, особенно, Пруссией, с которой он, Флемминг, ведет тайные переговоры о союзе против шведов. Фельдмаршал предлагал договориться о том, когда и куда будут направлены русские войска ради *«всего общего дела»*.

Проекты искусного комбинатора

Дополнительный свет на двуличную политику Августа II проливают бумаги Иоганна Паткуля, одного из самых посвященных в тайны Северной войны современников. В силу своего сверхамбициозного характера он хотел лично управлять отношениями между союзниками. Заботу об их государственных интересах он проявлял лишь тогда, когда они совпадали с его собственными интересами. Страсть Паткуля к игре и интриге, превращавшаяся в самоцель, запутывала и без того сложные комбинации. Но именно в этом он находил удовольствие. Невыносимый характер Паткуля вызывал к нему неприязнь и подозрения. А изощренный ум — зависть.

После того как в июле 1701 года Паткуль рассорился с саксонскими министрами, Петр пригласил его на русскую службу. В Москву он ехал не с пустыми руками. В феврале 1702 года перед отъездом из Варшавы в Москву Паткуль поставил перед Августом несколько неудобных вопросов, с тем чтобы Петр имел представление о «надежности» своего союзника. Лифляндец интересовался военными и дипломатическими планами короля. Не скрывая своей осведомленности о попытках Августа заключить сепаратный мир со Швецией, Паткуль писал ему, что в таком случае *«вся тяжесть войны падет на Россию»*. И естественно, Россия должна быть вознаграждена. Как минимум, предоставлением в ее распоряжение части саксонских войск.

Через три с лишним месяца последовал ответ. Упрекая царя в отсутствии помощи, Август заявлял, что в настоящих обстоятельствах он должен думать о себе. Поэтому идет подготовка к вступлению в антифранцузский союз на стороне Австрии и к заключению мира со Швецией. Король надеется, что Петр поймет его и не станет укорять, так же как он не позволил себе этого в отношении Фредерика IV, подписавшего сепаратный Травендальский договор.

Из этого ответа Паткуль делает единственный вывод и делится им с Ф.А. Головиным: *«Государь* (Петр. — *В. Д.*) *усмотрит, что Польский король его отставил. Бог знает, какие еще интриги скрываются! Королю я более не верю. Буду говорить ему, ... какую принимает он ответственность пред Богом и пред людьми, покидая столь верного союзника. Одним словом, Государь должен быть готов встретить всю Шведскую силу, следовательно превосходно устроенную армию в 30 000 человек. У его величества теперь нет более союзников, кроме Бога!»* Несколько позже Паткуль писал: *«Царю грозит война, какая едва ли когда бывала»*.

Августу в принципе не нужен был Паткуль, чтобы передать Петру свое глубокое неудовольствие (очень похожее на обвинение) тем, что Карл пошел не на Россию, а на Польшу. В июне 1702 года король бросил царю открытый укор: *«Шведы врываются в Польшу, а вы сидите тихо дома. Не заставьте меня сделать, против воли, что-либо*

противное союзу». Еще до сражения под Калишем Август заранее готовил оправдание своему стремлению к сепаратному договору. И похоже, его настрой на мир с Карлом не зависел от исхода битвы.

Дипломатическая подоплека событий 1702 года настолько запутанна и неопределенна, что разобраться в ней, опираясь только на документы, исходившие от первых лиц государства, трудно. Перед Петром открывалась лишь часть картины международных отношений, подвижность которой ввергала его в сомнения и не позволяла строить долгосрочные планы. Всей панорамы не видел никто, но царю до других не было дела. Главное, хотел ее видеть он. Петру остро не хватало надежной информации, поскольку то, что считалось достоверным сегодня, завтра переставало быть таковым. Случалось и наоборот. Ему нужны были быстрые средства доставки оперативных сведений и люди, способные к сценарному мышлению и к комплексному анализу ситуаций. Понятна поспешность, с какой был принят на русскую службу один из самых выдающихся аналитиков в области кризисных состояний международных отношений. Однако работе блестящей мысли Паткуля мешала его человеческая слабость — вера в возможность конструировать реальность в соответствии со своими прожектами, а не просто приспосабливать их к неизбежному. Тем не менее его способность охватывать хаотическое нагромождение больших и мелких явлений, связывать их логическими нитями, угадывать перспективу тех или иных развязок представляет бесценный интерес для историков. Тем более что с расстояния времени легко отделить бесплодное теоретизирование Паткуля от тех его расчетов или интуитивных предположений, которые подтвердились последующим ходом событий.

В конце марта 1702 года Паткуль приехал в Москву и пробыл там три недели. Петр принял его радушно. И, надо думать, не без любопытства выслушал самоаттестацию Паткуля. Тот назвал три военные специальности, где мало что смыслит, и одну гражданскую (архитектуру), в которой проку от него тоже будет не много. Потом Паткуль перечислил то, в чем на него можно положиться: организация учебно-тренировочного процесса в войсках, интендантская часть, новейшие средства фортификации, математика и инженерное дело.

Легко заметить, что в этом «аттестате» замалчивался главный талант — умение оценивать сложнейшие перипетии международной политики, в том числе с точки зрения извлечения выгоды для той или другой стороны. Была ли это столь нехарактерная для Паткуля скромность, внезапно его одолевшая, или что-то другое, не так уж важно. Скорее всего, Петр не нуждался в полной саморекламе своего гостя, ибо уже был наслышан о его дарованиях политического и дипломатического «комбинатора». Они для царя представляли гораздо больший интерес, чем те «полезные знания», которыми Паткуля превосходили многие.

Паткуль не был бы Паткулем, если бы забыл упомянуть о стоимости своих услуг. Он просил того же чина, что дал ему Август II, и того же жалованья (8000 талеров). Петр назначил его тайным советником с окладом в 5000 рублей, но с производством в генерал-лейтенанты повременил до июня 1704 года.

В течение трех недель Паткуль 7 раз встречался с Ф.А. Головиным. Дважды (25, 29 апреля) в присутствии Петра. Обсуждался пространный мемориал Паткуля о принципах реорганизации русской армии. Исходный посыл документа: *«Царское войско*

никогда в совершенство не придет, пока не будет иметь хороших офицеров». Отдавая должное заботе Петра об этом предмете, Паткуль прямо говорит, что эту трудную, системную работу следует доверить профессионалам. Именно они, зная в ней толк, смогут отобрать и завербовать классных иностранных специалистов в разных областях военного искусства. В качестве главного организатора, который избавит царя и его приближенных от этих забот, Паткуль предлагал себя при условии предоставления ему широкой свободы действий. Петр согласился с программой Паткуля и вручил ему специальный патент, удостоверяющий его полномочия нанимать иностранцев на русскую военную службу.

В мае 1702 года Паткуль отправился за границу для выполнения возложенной на него миссии. Ее секретная часть была едва ли не важнее официальной. Паткулю отводилась еще и роль поставщика информации о планах шведского и польского королей, о политике третьих государств в балтийском и других вопросах. Учитывая обширность личных связей новоявленного русского агента, способность видеть дальше других и умение вести переговоры на любом уровне, Петр ожидал от него практического вклада в создание максимально благоприятной для России ситуации в Европе, хотя бы с точки зрения дипломатии. Статус законного представителя царя открывал Паткулю двери в высокие кабинеты, за которыми он мог пустить в ход свои разносторонние таланты. Правда, от них зависело далеко не все.

После разгрома саксонско-польского войска Паткуль предупреждает Петра о вероятности катастрофических последствий. Цесарь и значительная часть немецких князей сильно напуганы мощным наступлением Карла и опасаются вторжения в пределы Империи, вплоть до захвата Вены. Им сейчас не до Августа II. Ни защищать, ни просто поддерживать его против шведского короля Европа не будет. Паткуль не исключал, что после свержения Августа и замены его своим ставленником Карл заключит союз с султаном и крымским ханом, чтобы напасть на Россию. Остановить подобное развитие ситуации можно, оказав экстренную помощь Августу, ибо его низложение нанесет непоправимый удар по авторитету Петра.

В августе 1702 года Паткуль тайно поехал в Вену раскрыть перед ней все опасности прихода на место Августа шведского ставленника и представить все резоны в пользу согласованных усилий для предотвращения этого. Венский двор и без того был перепуган не на шутку. Цесарцы негодовали на польского короля за то, что он обнадежил их скорым миром со шведами. А всего больше за то, что в руки Карлу попал секретный союзный договор Августа с Императором. Карл обещал действовать сообразно с этой находкой, что намекало на возможность его вмешательства в Испанскую войну на стороне Франции.

Паткуль вступил в переговоры с австрийским канцлером Кауницем, выразившим сожаление о предстоящей участи Августа, но твердо заявившим, что цесарь при текущей конъюнктуре не в состоянии ему помочь. Карл, по мнению Вены, намерен добить Польшу, а затем приняться за Россию, над которой, помимо всего остального, висит угроза образования шведско-османского союза. *«В особенности же*, — подчеркнул Кауниц, — *его царскому величеству надобно остерегаться Турецкого двора, которому ни в чем верить не возможно»*.

Паткуль охотно подхватил османскую тему, подчеркнув, что она касается и Австрии, которой Порта никогда не простит потери Венгрии и Семиградской области.

Тщетна также надежда Вены (особенно на фоне возмущения Карла австро-саксонским союзным соглашением) на возможность добиться от шведского короля гарантии ненападения на Империю. *«Пока стоит свет, никогда не будет дружбы между Шведским домом и Австрийским»*, — заявил Паткуль. Его мысль сводилась к жесткому напоминанию о том, что у Леопольда I, Петра I и Августа II общие серьезные проблемы, и решить их можно, лишь соединившись крепким союзом против Швеции и Турции.

Кауниц ответил отказом. Причины изложил лишь намеками, понять которые для Паткуля не составило труда. Вот приблизительный смысл витийств канцлера. Все военные и дипломатические усилия Вены сосредоточены на Испанской войне. Англия, Голландия и Ганновер категорически против отвлечения Австрии на помощь Августу II и Петру, поскольку это грозит образованием шведско-французского союза. Такая перспектива может в корне поменять судьбу испанского наследства. Но есть еще другая, не менее опасная перспектива. Англичане и голландцы внушали цесарю, сколь нежелательно способствовать усилению России, а это случится, если Вена примет план Паткуля.

Когда попытка Паткуля поднять вопрос о русско-австрийском сближении через устройство междинастического брака тоже оказалась бесплодной, он тайно послал Кауницу меморандум из девяти пунктов, содержавших некую программу согласованных действий без заключения формального альянса.

1) Царь советует цесарю во избежание непредвиденного отказаться от наступательных действий в Италии и на Рейне.
2) Данию и Бранденбург следует тайно склонять к разрыву со Швецией, *«обнадеживая их вспоможением при заключении мира»*.
3) Если ради сохранения Августом II короны Леопольд I согласится дать королю вспомогательное войско, то Петр готов взять на себя все расходы на его содержание.
4) Более того, в помощь цесарской армии царь пошлет 6000 пехоты и 2000 конницы.
5) Если Петр *«достигнет своей цели в войне с Швецией»*, то он войдет в наступательный союз с цесарем против Франции и даст ему 20-тысячное войско на таких условиях, на каких тот *«ни от кого не получит»*.
6) Петр обещает склонить своих союзников польского и датского королей к принятию обязательств всячески содействовать удовлетворению законных прав Леопольда I в испанском вопросе.
7) Несмотря на трудное финансовое положение России, царь найдет возможность предоставить Вене выгодные субсидии.
8) Петр просит цесаря настраивать датского короля на продолжение войны со шведами, ибо от позиции Копенгагена многое зависит.
9) Царь предлагает Леопольду довести до сведения Ганноверского дома всю невыгодность его прошведской позиции, поскольку дружба с Москвой принесет ему куда больше пользы, чем со Стокгольмом.

Складывающаяся ситуация настолько напугала Кауница, что он не уставал повторять о необходимости исключить малейшую утечку информации о русско-австрийских переговорах. Казалось, он не сомневался, что дни Августа как короля сочтены.

Пессимистически расценивал канцлер и военные перспективы России, прямо делясь опасениями, как бы царь *«в той игре не остался один и вдруг не навел бы на себя Шведов, Поляков, Турок и Татар»*.

29 сентября 1702 года Кауниц дал Паткулю ответы на его меморандум. Рассмотрим их в том же порядке.

1) Совет царя совпадает с планами Императора и принят безоговорочно.
2) Бранденбургу Вена не доверяет и ничего предлагать ему не станет, поскольку об этом узнает Карл XII и в наказание нападет на Силезию. Нет надежды и на датского короля.
3) Австрийская помощь польскому королю исключается по очевидной причине — Испанская война. Кауниц выразил удивление ревностными хлопотами царя в пользу Августа II, тогда как саксонские министры *«ничего не делают»*. Довод Паткуля — «союзный долг обязывает» — канцлер пропустил мимо ушей.
4) Особый интерес проявил Кауниц к царскому обещанию прислать к цесарю русские войска для войны против Франции.
5) Канцлер предложил немедленно приступить к обсуждению вопроса о русской военной помощи, но Паткуль тут же решил уточнить, что царь получит взамен, учитывая печальный опыт Карловицкого конгресса, где Вена заключила с Портой сепаратный договор.
6) Говорить о дипломатической помощи польского и датского королей в вопросе об испанской короне совершенно преждевременно.
7) Паткуль не без иронии докладывал о чрезвычайном оживлении Кауница, когда речь зашла о *«приятнейшей»* для австрийцев теме царских субсидий. Соглашение об этом канцлер был готов оформить тотчас. Однако Паткуль опять напомнил ему, что со стороны Петра это не альтруистический жест.
8) Услышав, что цесарь склонен оказать моральную поддержку Дании, Паткуль заметил, что на деле он *«угождает Шведу»*.
9) Кауниц сказал, что Вена *«все употребит, чтобы Ганновер Данию не тревожил»* — то есть дал обещание, ничего ему не стоившее.

На протяжении разговора Паткуль всякий раз подчеркивал особую роль 2-го пункта, но канцлер держался своей позиции и в заключение лишь повторил ее: в отношении Дании *«цесарь ничего, кроме трудов и ходатайства, сделать не сможет»*, а о судьбе польского короля ему остается лишь *«соболезновать»*. Что касается Фридриха I, о союзе с которым так пекся Паткуль, то Кауниц даже не мог толком сообразить, выгодно ли Австрии его выступление против Швеции. Ведь если шведский король расправится с прусским так же легко, как с польским, то на очереди окажутся германские имперские владения, поскольку Карл XII никогда не поверит, что Вена не провоцировала Фридриха I.

Таким образом, Вена не связала себя ни малейшим сколь-либо серьезным обещанием, за исключением обещания с удовольствием принять русскую военную и финансовую помощь. Нелишне заметить, что Паткуль предложил Кауницу от имени царя солидное ежегодное жалованье. И хотя эта идея не была отвергнута, канцлер ничем не помог России, возможно, по уважительным причинам: все же политика огромной империи, даже с продажным правительством, не может управляться только взятками.

Не похоже, чтобы в поведении цесарцев Паткуль обнаружил что-то для себя неожиданное. Но он был не тем человеком, кого останавливают трудности. Чем сложнее становилась ситуация, тем азартнее продолжал он плетение своих дипломатических кружев. Паткуль стремился преодолеть тягостные морально-психологические последствия калишского разгрома, самым опасным из которых могло стать свержение Августа. Без поддержки шляхетской элиты и клерикалов сделать это было невозможно. Часть своих усилий Паткуль направил на решение внутрипольских проблем. Вероятно, он не исключал и временного замирения между польским и шведским королями, если не найдется другого средства сохранения Августа на троне.

Однако стратегическая мысль Паткуля шла дальше. Без возрождения дееспособной коалиции нечего было и помышлять о победе над Карлом. После его триумфального похода на юг Польши и сокрушительного удара по саксонским войскам вставал не столько вопрос «что делать», сколько «как делать». Даже Петра с его, казалось бы, непреклонной решимостью продолжать войну одолевали колебания. Если после Калиша вдохновленный Карл обратит всю свою мощь против России, оставшейся без союзников и раздираемой внутренними распрями, то нельзя было исключать, что на политическом горизонте появится призрак нового «смутного времени». Ввиду ничтожности шансов на переговоры с Карлом Петру ничего не оставалось, как готовиться к долгому противостоянию с сильнейшим противником. Необходимость ответить на этот суровый исторический вызов наполняла царя энергией, страстью, верой.

Царь уже давно научился понимать, что путь к победе пролегает по полям не только военных, но и дипломатических сражений. И для них нужны не генералы с армиями, а люди с другими талантами. Таких в окружении Петра хватало. И среди них был Паткуль. Его шахматный ум, тяга к импровизации, безграничный цинизм в отношении средств к достижению цели делали его незаменимым. Но этот человек был непредсказуемым инструментом и в руках его хозяев, к которым он не чувствовал никакой нравственной привязанности и менял их без зазрения совести.

Пороки или добродетели Паткуля, его пренебрежение к русским Петра не волновали. Царь видел в нем того, кто нужен был ему в данный момент. При всей высокой квалификации ряда царских дипломатов они, в силу объективных причин, не располагали теми международными связями, которые Паткуль не только имел, но и умел искусно использовать. Он любил работать в тени и этим был удобен всем. Из закулисья Паткулю легче было плести замысловатые интриги, собирать в своих руках такой объем сведений, которым мало кто обладал. Он находил подход к каждому политику и дипломату, выведывая гораздо больше, чем сообщал. Он строил свои переговоры так, чтобы собеседник узнавал ровно столько, сколько ему положено знать, а делился тем, что зачастую не положено было знать Паткулю.

Через два дня после конференции с Кауницем (начало октября 1702 г.) у Паткуля состоялось тайное свидание с бранденбургским посланником в Вене, который поинтересовался, согласен ли цесарь поддержать Августа. Паткуль ушел от прямого ответа, соврав, что много будет зависеть от позиции Бранденбурга. Посланник заявил о готовности Фридриха I на разрыв со шведами при условии, если Вена поддержит антишведский союз.

Тогда Паткуль пригласил посланников датского и польского королей и в их присутствии предложил прусскому дипломату известить цесаря о настроении Фридриха I.

Тот отказался, ответив: *«тем ничего не сделаешь»*. Продолжая закручивать интригу, лифляндец солгал во второй раз. Он втайне объявил датскому и польскому посланникам, что с Кауницем уже есть договоренность и дело лишь за тем, чтобы вовлечь в дело Бранденбург. Условились оказать давление на прусского посланника. На следующей встрече «четверки» ему врали уже в три голоса: с цесарем, дескать, достигнута договоренность о том, что он даст бранденбургскому дипломату аудиенцию. Хотя тот был задет решением, принятым без его участия, все же, после уговоров, согласился запросить инструкции у Фридриха I. Завершая этот этап интриги, Паткуль пошел еще дальше, попросив донести Кауницу, что Бранденбург уже почти склонился к участию в коалиции.

Положение австрийского канцлера было очень непростым. Над Империей висела угроза шведского нападения. Уже сам факт его переговоров с Россией, тем более представленной Паткулем, мог спровоцировать Карла на войну. Кауниц полагал, что наименьшим злом для Австрии в такой ситуации будет крайне осторожная политика лавирования между Швецией и ее противниками, прежде всего Россией. Вынашивать какой-то четкий план действий, когда кругом неразбериха, было глупо. Кауниц предпочитал выжидать и наблюдать за общеевропейской конъюнктурой, руководствуясь главной задачей Вены — выиграть Испанскую войну, не получив шведский удар по северному тылу Империи. Все его дипломатические маневры подчинялись именно этой задаче. Сформулировать ее было просто. Вопрос: как решить?

На первый взгляд дело ясное: любыми способами отвлечь Карла от мысли стать на сторону Франции, а для этого нужно создавать ему новые и новые проблемы на севере. Все бы хорошо, если бы шведский король не умел разбираться в коалиционной геометрии и использовать ее в собственных целях. Людовика XIV он не лишал надежды на свою поддержку, а Леопольда I чувства страха за безопасность его германских владений. Эту линию он проводил с большим успехом. Кауниц мог брать любые взятки от царя и делать вид, что отрабатывает их, но соображения государственной пользы сильно ограничивали его возможности оказывать России реальные услуги, исключая символические. По сути, Москва платила канцлеру за пустые обещания, на которые тот не скупился. Впрочем, там, где Кауниц ничем не рисковал, он охотно выполнял русские просьбы, создавая видимость лояльности и сотрудничества.

Однако к тем международным вопросам, которые связывали Австрию и Россию объективной необходимостью сотрудничать, Кауниц был вынужден подходить серьезно. Османская угроза заставляла Вену относиться к Москве с большей долей внимания, чем ей, быть может, хотелось. Две параллельные войны в Европе резко повысили цену прямых и завуалированных военных союзов. Лишних игроков тут не было. Противоборствующие стороны нуждались в любой помощи — от нейтралитета до открытой готовности сыграть на руку той или иной коалиции. В Стамбуле, без всякого сомнения, учитывали это и внимательно приглядывались к ходу событий. Карловицкий мир (1699 г.) лишь на время ослабил напряжение, сохранив в австро-турецких и русско-турецких отношениях принципиальные противоречия и не лишив Порту желания взять реванш тем или иным образом. Соблазн возрастал по мере осложнения европейской ситуации и по мере появления шансов дождаться подходящего момента. На руках у Порты были, по крайней мере, две козырные карты: в ней нуждалась Швеция, как в союзнике против России, и Франция, как в союзнике против Австрии.

Перед Петром продолжала маячить перспектива войны на два фронта. Что до Вены, то ей пришлось бы воевать не только на нескольких европейских театрах, но еще и на Балканах.

Понятно, почему Кауниц на свидании с Паткулем (13 ноября 1702 г.) заявил, что коалиция против Турции нужна непременно. Не вдаваясь в подробности, он согласился с идеей Паткуля о возрождении Священной лиги (Австрия, Россия, Венеция, Польша, Ватикан), сообщив, что цесарь уже назначил посольство в Москву для обсуждения этого вопроса.

Мы столь подробно говорили о дипломатической части миссии Паткуля не потому, что она на тот момент закончилась безрезультатно, а потому, что оказалась небесполезной в перспективе. Ситуация в целом не прояснилась, но, по крайней мере, четче стали представления о, если позволительно так выразиться, характере и слагаемых этой неопределенности. Петр узнал от Паткуля не о том, что способно ублажить его слух и соблазнить оптимистическими сценариями, а о необходимости полагаться только на собственные силы. Расстройство и без того вилами по воде писанного брака между австрийским эрцгерцогом и одной из русских царевен явилось символическим подтверждением безнадежности союза Вены и Москвы.

На одной из последних встреч с Кауницем Паткуль, как бы на прощание, удостоился совершенно не дипломатического откровения: зачем держаться за Августа, оставшегося в изоляции, пошлите его к черту. Возможно, внутренне он был согласен с этим. Хотя Паткуль никогда не был привязан ни к Августу, ни к кому-либо другому, его отношение к королю резко изменилось, когда он узнал о предательском намерении короля выдать его Карлу XII. Сообщая об этом Ф.А. Головину (5 ноября 1702 г.), он, однако, делает акцент на имеющемся доказательстве того, что Август обязался перед Карлом заключить с ним союз, *«не спрашивая против кого»* (!). Как любопытно заметить, Паткуль, явно набивая себе цену и намекая на свою востребованность в дипломатическом мире, не отказывается от удовольствия сообщить Ф.А. Головину, что *«шведский король предлагал мне свою милость и другие выгодные условия»*. И напоследок совсем уж бестактное напоминание, что он *«не дал еще присяги царскому величеству»*.

Вот с такими новостями вернулся Паткуль в Россию в конце 1702 года. Остается добавить, что военно-рекрутскую часть своей миссии он выполнил более или менее успешно, хотя и с большими трудностями.

Гаага и Лондон оценивают ситуацию

А.А. Матвеев жил в психологически нестерпимой атмосфере. После Нарвы в голландском общественном сознании прочно укоренилось пренебрежительное отношение к стране, чья огромная армия разбежалась куда глаза глядят, увидев перед собой всего лишь несколько тысяч шведских солдат. Вильгельм III считал это справедливым возмездием варварскому народу за ту детскую наглость, с которой он осмелился *«предъявить свои права на могущество и цивилизацию»*.

Однако по мере изменения военно-оперативной обстановки в Прибалтике нарвский синдром стал медленно рассеиваться. В Гаагу просачивались сообщения, позволявшие предполагать, что Нарва — лишь начальный эпизод войны, в которой еще

многое не ясно. В 1702 году Матвеев распространил среди иностранных дипломатов в Гааге и через Куранты официальные известия об успешном лифляндском походе фельдмаршала Б.П. Шереметева, в результате чего почти вся Ливония, за исключением двух блокированных крепостей, оказалась под контролем русских войск. Восторгов в дипломатическом корпусе замечено не было. Но Генеральные Штаты приличия соблюли. Великий пенсионарий Антоний Гейнзиус поздравил А.А. Матвеева, выразив надежду, что теперь Карл будет больше склонен к миру. Он принялся оправдываться за неудачные попытки посредничества, ссылаясь на категорический отказ шведского короля допускать к себе голландского представителя.

Такой факт (скорее всего приукрашенный в доказательство голландского миролюбия), возможно, и имел место. Но общая суть изложенной пенсионарием позиции была сущим враньем. Внимательно следя за успехами Петра на севере и будучи уже не уверенными в безоговорочной победе Карла, Англия и Голландия утверждались в одном: Россия в качестве хозяйки Прибалтики им не нужна, и такого результата допустить нельзя ни в коем случае. На словах они не уставали говорить о мире. Но какой мир они имели в виду?

А.А. Матвеев проведал об этом весьма подробно. Вот схема, которую вынашивали в Лондоне и Гааге.

1) Учитывая опасные признаки изменения положения на прибалтийском военном театре, Петра следует любыми путями рассорить со всеми его союзниками. Прежде всего с Августом II (с Речью Посполитой у него и без того не ладится).
2) Добиться примирения польского короля с Карлом, чтобы все шведские силы сосредоточить против России.
3) По мере возможности скрытно обеспечивать Швецию субсидиями во имя сохранения ее лояльности и доверия к морским державам.
4) Переориентировать Августа II с его саксонской армией на союз с Веной с целью вовлечения в Испанскую войну.
5) Не исключать идею создания секретного альянса между Карлом XII, Фридрихом I и Августом II на предмет раздела Речи Посполитой. Фридрих получает немецкую часть Польши, Карл — Ливонию и Литву, а Август станет неограниченным монархом на оставшейся территории.

Этот план рассматривался в контексте стратегии, направленной против России, которую Европа хотела оставить один на один со Швецией.

По-своему этот проект был логичен. Но вот реален ли?

Для его осуществления требовалось, по крайней мере, одно непременное условие — полное единство, взаимопонимание и доверие сторон. Не говоря уже об их решимости идти до конца. Он мог рассыпаться в любом своем звене. Каждый пункт вызывал сомнения. Как воплотить эту сложную комбинацию в жизнь при тех неожиданностях, которые возникали в Европе одна за другой, и в той исключительно циничной атмосфере, в которой секретные сговоры, нарушения соглашений, личные ссоры, открытые предательства были обычными явлениями.

Чтобы показать «жизнеспособность» описанного выше проекта, приведем лишь один факт, грозивший разрушить всю эту мудреную конструкцию. Еще на стадии за-

кладки этой антирусской идеи Фридрих I, считавшийся доброжелателем Карла XII, тайно предложил Речи Посполитой союз против шведов, если она откажется от своих немецких земель. Вот цена подобных прожектов!

Появились и другие препятствия, сокращавшие шансы довести этот замысел до ума. У Голландии возникли проблемы с субсидированием шведов. Гаага сама остро нуждалась в средствах на войну. Карла XII это сильно нервировало, что грозило охлаждением его отношений со Штатами.

А ведь придумывали эти благоглупости далеко не профаны в своем деле. Сегодня нам вольно судить о степени их наивности. Но каково пришлось бы дипломатам XXI века, очутись они в том времени, в средоточии совершенно непредвиденных факторов, сочетания которых зачастую напоминали броуновское движение. Возникали самые неожиданные идеи, в том числе с русской стороны. Петр, отчаянно нуждавшийся в деньгах, предложил Гааге купить отряд русского войска для войны против Франции. Голландцы отклонили предложение, ответив, что у них сухопутных сил и флота достаточно. Если бы это было правдой, они не просили бы у Карла XII наемных солдат. Но, с точки зрения Голландии, военная репутация русских, несмотря на победы Петра в Лифляндии, была пока еще намного ниже шведской.

Никто не мог предвидеть внезапную смерть Вильгельма III (март 1702 г.), которая безусловно внесла коррективы в общий ход событий, хотя нельзя было точно сказать, какие именно. Во всяком случае, один лишь факт ухода из жизни выдающейся личности Вильгельма III должен был оказать влияние на течение истории. Точно измерить масштабы этого влияния невозможно. Впрочем, по крайней мере, одна гипотеза на сей счет имеется. Летом 1702 года в Гаагу инкогнито приехал прусский король, жаждавший занять место штатгальтера. Преуспей Фридрих I в своем стремлении, международное положение Пруссии изменилось бы разительно и непредсказуемо. Штатгальтерство дало бы ему мощнейший рычаг для упрочения своих позиций в северогерманских делах и для ослабления его зависимости от России. Не исключено также, что ситуация и в Северной войне, и в Испанской могла обернуться самым нежелательным для Петра образом. Остается сожалеть, что А.А. Матвеев, неотлучно находившийся при дворе короля, ограничился описанием своих приятных бесед с ним и не позволил себе рассуждений в сослагательном наклонении, что отчасти понятно, поскольку Петр не терпел досужей болтовни в дипломатических донесениях.

Одно несомненно: смерть Вильгельма III и появление неожиданного претендента на роль его преемника в качестве голландского штатгальтера внесли, пусть и ненадолго, новую тревожную ноту в европейскую неразбериху.

На английский трон взошла королева Анна, вторая дочь Якова II Стюарта. Видимо, желая подвигнуть ее к более лояльной в отношении России политике, Петр существенно расширил привилегии английских купцов на территории русского государства. Чтобы выяснить, чем обернулся этот жест доброй воли, много времени не понадобилось.

Русско-французские переговоры

После отъезда из Бирж Петр поручил продолжить переговоры с дю Эроном своему послу в Польше Г.Ф. Долгорукому. В январе 1702 года между ними состоялся об-

стоятельный разговор, откровенность которого заставляет думать, что посол получил на нее соответствующее разрешение. Впрочем, вначале Г.Ф. Долгорукий просто повторил то, что француз уже слышал от царя. В ответ дю Эрон с легкостью, ничего ему не стоившей, заверил в готовности Людовика XIV заключить *«дружественный и торговый договор»* с Петром, от которого он в свою очередь ожидает всяческого усердия в том, чтобы не допустить союза между Августом II и Австрией, а также убедить императора не призывать германских князей к войне против Франции. Иначе Франции придется объединиться с врагами польского короля, являющимися, к сожалению, еще и врагами России.

Через несколько дней русский посол сказал, что союз Дрездена и Вены уже существует и предусматривает отправку саксонского войска на помощь Леопольду I против Франции. Помешать этому может только Людовик XIV, если поднимет Речь Посполитую (Республику), остающуюся в мире со шведами, на войну против них.

Дю Эрон отклонил такую идею доводом о том, что французский король, как гарант польско-шведского Оливского мирного договора 1660 года, должен следить за его соблюдением, а не призывать поляков к нарушению мира. Ясно было нежелание Франции создавать для своего традиционного союзника лишние проблемы.

В феврале 1702 года дальнейшее ведение переговоров с послом взял в свои руки Паткуль, уже возомнивший себя чуть ли не главным архитектором русской внешней политики. Он предложил создать франко-русский союз, а вокруг него — широкую коалицию с участием в том числе датского короля (желательно, конечно, вовлечь в нее и Карла XII, если бы это было возможно) для войны против Габсбургов. В этом случае Петр, как обещал Паткуль, позаботится о том, чтобы Фредерик IV отозвал свои войска с голландской службы, а курфюрст бранденбургский отказался от своего антифранцузского курса. Было бы также нелишне для Людовика XIV иметь своего представителя при царском дворе.

Как видим, сферу своего прожектерства Паткуль походя распространил и на русско-французские отношения, внутри которых завязывался еще один узел его интриг и фантазий. Любопытно, что использовать эти фантазии, каждый в своих целях, не прочь были Людовик XIV, с одной стороны, и Петр — с другой. Но прежде всего — проверить их на практике: возможно, они не такие уж и фантазии. Одним словом, и король, и царь, и Паткуль оказались вовлеченными в общую замысловатую игру, исхода которой никто из них не мог предвидеть.

При всем внешнем размахе хитро построенных планов Паткуля его игровое мышление имело уязвимое место. Лифляндец сильно преувеличивал наивность тех, кто лишь притворялся, будто попал в его сети, и тем самым превращал Паткуля из дирижера в исполнителя чужой партитуры. Людовик XIV сразу понял, что ему нельзя доверять, но даже не подал виду, продолжая выяснять, к чему тот клонит и всегда ли за этим стоит петровское видение проблем. Однако ясно было и другое: многие идеи, передаваемые Паткулем, действительно принадлежали царю и его окружению. И тут уже не столь важно, кто и как их озвучивал. Петру, в свою очередь, тоже было удобно запускать пробные шары через такого достаточно экзотического персонажа, чтобы в случае чего его дезавуировать.

В конце августа 1702 года Паткуль сообщил дю Эрону, что царь склонен оказать королю ряд услуг. *Во-первых*, дать в распоряжение Франции казацкое войско для ди-

версии против Австрии в Венгрии. *Во-вторых*, поддержать венгров могла бы и Порта, как французская союзница, и в этом случае Петр взял бы на себя обязательство о ненападении на Турцию, чтобы та действовала без оглядки на тылы. *В-третьих*, в условиях назревающей в Польше революции и борьбы за престол Петр согласен содействовать приходу к власти ставленника Людовика XIV. *В-четвертых*, если Париж договорится с султаном о пропуске русских кораблей через Босфор и Дарданеллы, то царь отправит в Италию десант на помощь французским войскам. В-пятых, он готов прекратить военные действия против Швеции и предоставить Франции денежный заем. Затем Паткуль говорил о разочаровании Петра в своих союзниках, его недовольстве императором, англичанами, голландцами и курфюрстом бранденбургским, отказавшимся встать на сторону России.

Заявления Паткуля сложно анализировать, поскольку не знаешь, где в них действительно государевы мысли, а где свободное их толкование или вовсе отсебятина. Последнее можно предположить, исходя из того факта, что некоторые предложения, сделанные якобы от имени царя, нигде больше не встречаются, кроме как у Паткуля.

Людовик XIV глубоко сомневался в правдивости сказанного лифляндцем и имел к тому основания. Это и впрямь выглядело подозрительно: какой-то авантюрист настойчиво добивается встречи с дю Эроном и излагает ему чрезвычайно смелую программу, выходящую за рамки услышанного им от официального представителя России Г.Ф. Долгорукого. Высказанные предложения были слишком выгодными для Франции, чтобы в них поверить, и слишком соблазнительными, чтобы их игнорировать. Суть ответа Людовика XIV сводилась к заявлению, что он рад заключить союз с Петром, но хотел бы получить достоверное подтверждение намерений русской стороны от самого царя, для чего в Москву направляется французский специальный посланник Жан-Казимир де Балюз.

В официальной инструкции к нему (от 28 сентября 1702 г.) говорилось, что его посылают в Россию в ответ на неоднократные изъявления Петром глубочайшего уважения к Людовику XIV, сопровождавшие предложения царя о заключении договора, который король найдет приличествующим для себя. Далее Балюза ставят в известность об условиях, сообщенных Паткулем (имя его нигде не называется), с оговоркой, что они кажутся сомнительными, но все же заслуживающими проверки в силу своей важности. В переговорах с русскими послу велено исходить из того, что царь разуверился в дружбе Австрии, Пруссии, Англии и Голландии, которые не подали ему никакой помощи в войне, зато хотят вовлечь его в свои корыстные планы, направленные против Франции. В то же время, заключив союз с французским королем, Петр может твердо полагаться на его верность своим союзническим обязательствам. Когда, и если дело дойдет до предметных переговоров, но никак не раньше, Балюз должен с особым вниманием отнестись к двум пунктам (о чем говорил Паткуль): отправка казаков в Трансильванию для диверсии против Империи и предоставление Франции денежной ссуды. В первом случае король обещает содействовать установлению русско-шведского сепаратного мира, чтобы у Петра были развязаны руки в Венгрии. Что до займа, то выплата одних лишь процентов по ним сулит России большие выгоды, не говоря уже о перспективе навсегда упрочить дружбу с Францией. Балюзу дозволялось входить в обсуждение этих статей

лишь тогда, когда русские сами заведут о них речь. Если же этого не произойдет, то станет ясно, что сведения, переданные дю Эрону (Паткулем), есть фикция. В такой ситуации послу предписывалось ограничиться только предложением торгового договора.

Легко заметить, что Франция втягивала Петра в чистейшую авантюру, предлагая встать на ее сторону в войне за испанское наследство, ничего не обещая взамен, кроме ничтожной услуги, успех которой был под большим вопросом, поскольку Карл XII, более чем вероятно, отверг бы идею заключения мира с царем, и вряд ли Людовика XIV это сильно опечалило бы.

Тем не менее наставления Балюзу — документ очень примечательный с точки зрения вариантов развития международной обстановки вообще и русско-французских отношений в частности. А также с точки зрения восприятия петровской России Европой. Постепенно уходило в прошлое то время, когда Франция, не менее высокомерная, чем Англия, могла себе позволить роскошь не интересоваться далекой восточной окраиной континента и не оглядываться на нее в своей внешней политике. В инструкции Балюзу мы впервые сталкиваемся с исключительно дотошными указаниями, выходящими за пределы сугубо дипломатических наказов. Во многом это было связано с интересом, возбужденным во Франции полученными в 1702 году сведениями о реформах Петра, которые грозили превратить Россию в современную европейскую державу. Оставить такую перспективу без внимания Версаль не мог.

Вот выдержка из инструкции послу: *«Ему* (Балюзу. — *В. Д.*) *следует точно известить Его Величество* (Людовика XIV. — *В. Д.*) *о качествах ума великого князя московского, об образе его правления, о власти, которую он имеет над своими подданными, о его силах как на суше, так и на море, о его старании к их увеличению, о его доходах, о семье, о торговле и о способностях его подданных, о значении, сохраняемом вельможами этой страны, и об их расположении к царю.*

Г. Балюз известит Его Величество, представляется ли ему эта страна спокойной, или же думают, что она может быть подвержена новым смутам. Наконец он должен дать точный отчет обо всем достойном внимания Его Величества в стране столь отдаленной, с которой до сих пор Его Величество имел так мало сношений.

Также необходимо, чтоб он осведомился о действительном протяжении владений царя, о их границах к востоку, о войнах, которые там могут происходить, и о торговле этого государства с Индией. Его Величество вовсе не определяет г. Балюзу срока пребывания его у этого государя, Его Величеством будут даны ему приказания по сему предмету, соображаясь с тем, что он узнает из его донесений».

Эта цитата полностью согласуется с высказанной в инструкции уверенностью, что миссия посла, при любом ее исходе, будет для Франции не бесполезной.

8 декабря 1702 года Балюз выехал в Москву.

Фридрих I в роли «верного друга»

Если уж географически далекая от России Франция начинала задумываться о растущем влиянии создаваемого Петром государства на европейские дела, то для Пруссии было просто опасно игнорировать фактор соседства с ним. Поддержание по мень-

шей мере невраждебных отношений с царем приобретало для Фридриха I жизненно важное значение, тем более в условиях, когда ему приходилось совершать поступки, вызывавшие растущее недовольство Петра. Для прусской дипломатии едва ли не главной становилась очень сложная задача — не давать царю поводов для подозрений. Ее, как мог, решал фон Принцен, а после его отъезда, в феврале 1702 года, — новый чрезвычайный и полномочный посланник Георг Иоганн фон Кейзерлинг, присланный в Москву, чтобы продолжить обсуждение вопроса о прусском посредничестве в примирении России и Швеции и передать Петру неожиданное предложение Фридриха о присоединении России к австро-прусскому союзу против Франции, то есть о вступлении в войну за испанское наследство. В Берлине, скорее всего, отдавали себе отчет в нереальности этих идей. Но для него важнее было другое: такие инициативы позволяли имитировать дружеские отношения между Пруссией и Россией, страхуясь от худшего.

В мемориале, представленном русскому правительству, фон Кейзерлинг заверял, что Фридрих будет посредничать с *«прилежным попечением»* и ревностью о *«высокой пользе»* России, которые дадут царю все основания к удовлетворению.

Это была заведомая ложь, ибо Берлин прекрасно знал настроение Карла XII. Шведский король напрочь исключал не то что «высокую пользу», но даже самую возможность мира с царем. Большие сомнения также вызывала искренность обещания «прилежного попечения». С какой стати было Фридриху демонстрировать трогательную заботу об интересах России, рискуя спровоцировать гневную реакцию Карла? Такие демарши грозили не только подрывом перспектив сближения Пруссии со Швецией, но и обострением их отношений, чего прусский король желал меньше всего.

Второй пункт в мемориале Кейзерлинга касался вовлечения России в Испанскую войну. Он тоже достоин недоумения прежде всего своей странной логикой. Фридрих уверял, что его предложение вступить в антифранцузский союз есть не что иное, как доказательство *«верной дружбы»* и *«искренней преданности его царскому величеству»*, поскольку этот шаг принесет России *«великий прибыток»*. Король просил объявить, каким количеством войск, кораблей и денег готов Петр внести свой вклад в победу над Францией. За эти *«дружеские труды»* Фридрих брал на себя обязательство *«наикрепчайше»* ходатайствовать перед *«высокими союзниками»* о вознаграждении России.

Разумеется, мемориал Кейзерлинга вызывал принципиальные вопросы, и Ф.А. Головин не преминул их поставить. По первому пункту он не распространялся, заявив лишь, что царь ожидает от Фридриха посреднических усилий в достижении не просто мира, а мира прочного и почетного. Дискуссии на эту тему не было. Она, как догадывались обе стороны, зашла бы в тупик ввиду неуместности обсуждения конкретных условий русско-шведского компромисса в ситуации, когда Карл жаждал только одного — сполна наказать царя за его «вероломное» нападение.

Что касается прусского приглашения примкнуть к антифранцузскому союзу, то тут Петра интересовали не туманные посулы Фридриха, а возможность получить реальные выгоды для России. Царь хотел сначала прощупать ту зыбкую почву, вступить на которую его зазывал король. Похоже, Кейзерлинг не имел, да и не мог иметь полномочий вдаваться в конкретику. Видя это, Головин, как свидетельствуют источники (точнее, их отсутствие), тоже не стал развивать эту тему.

За время пребывания прусского посланника в Москве военная обстановка изменилась. Русская армия перешла в контрнаступление и к концу 1702 года заняла почти всю Лифляндию. Самое крупное событие той кампании — взятие Нотебурга в октябре — вызвало у Кейзерлинга, симпатизировавшего Петру, прилив воодушевления. В одном из писем Головину он предрекал, что скоро просить о мире будет не Россия, а Швеция. Прусский посланник поздравил царя восторженным, почти поэтическим панегириком, исполненным возвышенных слов ликования. Хотя тексты подобного рода не редки в дипломатическом обиходе того времени, перу Кейзерлинга все же принадлежит незаурядный образчик, заслуживающий пространного цитирования. *«Светлейший, могущественнейший царь, всемилостивейший государь! Да позволит мне всемилостивейше ваше царское величество, поелику я узнаю, как по голосу всеобщего ликования, так и из сообщений голландского резидента, который был почтен собственноручным письмом вашего царского величества, о счастливом взятии значительной крепости Ноттебурга, и сам не в силах воздержаться от безмерной радости, чрез эти всепокорнейшие строки припасть к стопам вашим и сердцем, преисполненным удовольствия, всеподданнейше поздравить. Этот успех, достигнутый славным оружием вашего царского величества, и то обстоятельство, что завоеванием этой крепости вы приобретете гавань на Балтийском море, причинят без сомнения моему всемилостивейшему королю и государю необычайную радость, которая будет тем сильнее, что ее не отравит ни зависть, ни зложелательство, так как мой всемилостивейший король и государь ничего на свете столько не желает, как с вашим царским величеством свято хранимую дружбу и братскую любовь укрепить еще более тесным общением, и частыми сношениями ваших подданных взаимно поставить благосостояние ваших земель на точку еще большего процветания, которое ничем так легко не может быть достигнуто, а желанием моего короля и государя исполнено, как если ваше царское величество с Божьим благословеньем сделаетесь господином на Балтийском море. Без сомнения весь свет должен удивляться необычайной храбрости и высокому геройскому духу вашего царского величества, поелику вы прилагаете к своей высокой и священной особе истинное veni, vidi, vici...»*

Было бы ошибкой предположить, что Кейзерлинг был неискренним, несмотря на подозрительную экзальтацию. С гораздо большим основанием можно усомниться в его утверждении, будто Фридриху доставит *«необычайную радость»* появление нового *«господина на Балтийском море»*. И уж совершенно не подлежит спору сам факт осознания прусским королем необходимости считаться с такой перспективой.

Как заметил русский посол в Польше Г.Ф. Долгорукий в письме к Ф.А. Головину, Фридрих *«больше дружбы* (с царем. — *В. Д.*) *имеет не на деле, только на куплементах»*.

С оглядкой на южные тылы

Двумя грамотами от 27 февраля 1702 года Петр известил Мустафу II и Хусейн-пашу Кёпрюлю об отправлении в Стамбул (в соответствии с мирным договором) в качестве постоянного резидента при султанском дворе Петра Андреевича Толстого. Посол приехал в Турцию в апреле 1702 года и остановился в Адрианополе, где находилась резиденция Мустафы II. По прибытии Толстой вручил султану и великому визирю верительные грамоты (помеченные 18-м апреля), где говорилось о главной задаче по-

сла — способствовать сохранению мира и взаимопонимания и выражалась надежда на соответствующую политику Порты.

Царь обязал П.А. Толстого не только к этому. Ему предстояло вести длительную системную работу по сбору секретной информации и в первую очередь выяснить ряд вопросов. Какие и против каких государств ведет военные приготовления Турция, особенно на Черном море? Какое «*прилежание и охоту*» имеет султан к государственным делам и в чем главная забота его приближенных? Если среди знати есть воинственные настроения, то против кого они направлены в первую очередь? Каково внутреннее состояние османского войска и флота? В каких местах концентрируется армия и есть ли у казны деньги на ее содержание? Верны ли слухи о перекрытии Керченского пролива и постройке новых крепостей? Проводят ли турки военно-организационные и военно-тактические реформы и с чьей помощью? Ведутся ли фортификационные работы на дунайско-днестровско-днепровском рубеже — в Килии, Аккермане, Очакове? Каковы маршруты и структура османской торговли? Существуют ли устойчивые социальные настроения среди разноплеменных подданных султана и насколько они опасны для целостности империи? И это лишь краткое перечисление положений инструкции Петра к П.А. Толстому, в которой виден исключительно детальный интерес к государственному хозяйству Османской империи и ее внешнеполитическим замыслам. Есть и наказы относительно правил отправления дипломатических обычаев: соблюдать их так, как принято *«во всем свете»*, но не допуская *«умаления чести Московского государства»*. Особое внимание уделялось способам сбора информации и режиму секретности: действовать только через проверенных людей (таких, как иерусалимский патриарх Досифей), искать им подобных.

В инструкции Петра есть любопытный пункт, содержащий ответ на запрос Толстого, понимавшего, что турки не могли не заметить ускоренного строительства военно-морской инфраструктуры в районе Азова и Таганрога. Посол, естественно, хотел знать, как ему реагировать, когда в Порте потребуют объяснений, почему это происходит в условиях мира между Россией и Турцией. Царь велел отвечать, что это делается вовсе не для наступления, а в целях предосторожности, ибо приходится и в мирное время думать о защите от государства, где так часто сменяется власть, а вместе с ней и внешняя политика, что чревато новым разрывом отношений. Подобный ответ, разумеется, не мог удовлетворить турок, разве что насторожить. Но он отражал реальность, и, прибыв в Турцию, Толстой в этом убедился.

В Стамбуле посол окунулся в такую хаотичную атмосферу, которая не поддавалась последовательному анализу. Ее можно было лишь описывать, собирая факты в таком же беспорядке, в каком они представали из донесений осведомителей посла. Пожалуй, самое достоверное впечатление, которому Толстой мог довериться, состояло в том, что османские сановники восприняли его приезд с неудовольствием и подозрением. Видано ли такое, чтобы московитский посол когда-либо имел право находиться при Порте на постоянной основе. Пошли слухи, будто он приехал искать повод *«к разорванию мира»*. И эти слухи глубоко укоренялись в народном сознании.

По изложенным выше причинам П.А. Толстой не мог дать точные ответы на поставленные перед ним государевы вопросы. Не рискуя вдаваться в концептуальные рекомендации, чтобы не скомпрометироваться досужими домыслами, он заведомо

ограничил себя передачей в Москву того, что он видел и слышал. Нам остается вслед за П.А. Толстым сделать то же самое.

За первые два с половиной года пребывания посла в Турции он стал свидетелем свержения Мустафы II. Межэлитная борьба сопровождалась изощреннейшими интригами, заговорами, жертвами. Никто из высоких чиновников не был спокоен ни за свое положение, ни за свою жизнь. Сложно представить, чтобы в таких условиях османскую внутреннюю и внешнюю политику объединяла продуманная стратегия, единство целей, средств, образа действий. Приспособиться к этому коловращению событий, наметить какую-то хотя бы краткосрочную линию поведения для русского посла было почти нереально. Каждый новый визирь требовал особого подхода. Один ненавидел П.А. Толстого, другой давал послабления, третий опять ужесточал условия его жизни. Все это отчасти зависело от личных отношений, но больше — от лихорадочных перемен во внутриполитической ситуации страны, прямое влияние на которую оказывали вести из Европы и с юга России.

Визири были похожи в одном. Чувствуя себя временщиками, все они были ненасытны в своих аппетитах к взяткам. И тут П.А. Толстому приходилось вести жесткое соревнование с европейскими дипломатами в Стамбуле. Сегодня объявлялась одна сумма, завтра — другая, послезавтра — третья. Естественно, по возрастающей.

В отношении к войне с Россией османская элита не была единой. Хотя воинственные настроения ощущались очень сильно, постоянством они не отличались, временами ослабевая по разным причинам, систематизировать которые было так же трудно, как порой элементарно распознать их.

Знатные крымские мурзы, не веря в подписанный мир, умоляли султана начать с Россией войну, пока не поздно. У русских 70 *«великих кораблей»*, которые могут войти в Босфор из Средиземного моря и решить судьбу Стамбула. В Северном Причерноморье царь строит крепости и города. Из Бахчисарая писали о призывах Карла XII поспешить с войной. Запорожские казаки клятвенно обещали помощь. Промедление грозит Крыму и всей Османской империи *«совершенной гибелью»*.

Петр опасался войны не меньше турок. В августе 1702 года иерусалимский патриарх Досифей писал Петру, что турки «*нехотя живут в тишине*» и их нападение на Россию сдерживается неопределенным состоянием дел в Европе и неосведомленностью о планах царя. Но при тех приготовлениях, которые полным ходом идут в Стамбуле, уверял Досифей, турки начнут войну.

Страх и недоверие по обе стороны новой русско-турецкой границы создавали постоянное напряжение, разрядить которое дипломатическими средствами было сложно, хотя Толстой только этим и занимался, находя или не находя сочувствие в османской элите в зависимости от настроения, преобладавшего внутри нее на данный момент. Не теряя надежду на эти средства, Петр все же предпочитал более надежную страховку. На протяжении 1702 года он беспрестанно укреплял военные и военно-морские силы на юге. С января по декабрь Петр послал адмиралу Ф.М. Апраксину девять писем, в которых давались подробные распоряжения (с приложением чертежей) по вопросам фортификации крепостей, поставки вооружений, доукомплектования гарнизонов, углублении фарватера и т.д. Если судить по письму к Ф.М. Апраксину от 21 октября 1702 года, войну царь ожидал летом 1703 года.

Травендальский синдром

Когда Август II просил Петра отнестись к его возможной капитуляции перед шведами так же снисходительно, как он воспринял Травендальский мир, он знал, о чем говорил. Царь и в самом деле не осыпал датского короля упреками в нарушении союза, предательстве и т.д. Он давал понять, что воспринимает поражение армии Фредерика IV как несчастье, которое может случиться с каждым. В феврале 1702 года Петр в рутинной манере, как будто ничего не произошло, просит короля о мелких услугах. Но это была лишь прелюдия к принципиально важному предложению о восстановлении и обновлении наступательно-оборонительного союза, чтобы сделать его более тесным. Петр решил поручить доставку этого предложения Паулю Гейнсу, но тот, предполагая заведомую неудачу этого вояжа, всячески уклонялся от него, ссылаясь на отсутствие королевского разрешения. Петр дал послу страховочное письмо, в котором просил Фредерика IV не отчитывать Гейнса, ибо эта инициатива всецело принадлежит ему, царю.

Из-за долгого невозвращения Гейнса из Копенгагена Ф.А. Головину было поручено как бы продублировать его миссию и послать в Данию своего эмиссара Афанасия Темирева с письмом к королю, в котором говорилось: *«Понеже мы великое желание как наискорее что подлинное о исполнении вашего превосходительства и возможно ль его царскому величеству сего походу или впредь какого прямого действия от его королевского величества Датского против общего неприятеля, по постановленным союзам, уповати, дабы мы при нынешних смущенных случаях поступки свои управляти могли, и того его царское величество мне всемилостивейше повелел нарочного присыльщика к вам послати, которого прошу немедленно с совершенною ведомостью и его королевского величества решением паки отпустить, ибо медление в том зело вредительно быть может; истинно есть, что когда королевское величество настоящие случаи из рук упустит, то он таких никогда больше не получит»*. (А.Темирев пробыл в Копенгагене с первого июля до начала сентября 1702 г.).

Задерживавшийся в Копенгагене Гейнс (вернулся в Москву лишь 15/26 августа 1703 г.) писал Ф.А. Головину (31 августа 1702 г.), что Фредерик IV приказал *«того гонца* (А. Темирева. — *В. Д.*) *назад отправить с единою ведомостью, что его королевское величество всегда ничего больше не желает, как того, дабы его царскому величеству некоторые истинные опыты своей дружбы на свет предложить* (явить. — *В. Д.*)». Тремя месяцами раньше Гейнс в письме к Ф.А. Головину, объясняя позицию короля, сообщал, что сейчас Дания не может пойти на *«совершенный разрыв»* со Швецией, поскольку окружена ее явными и тайными союзниками, под коими имелись в виду Голландия, Ганновер и Гольштиния. Вот если бы прусский король согласился оказать Фредерику IV *«приятство и вспоможение»* путем обуздания датских соседей, то датчане могли бы *«вскоре к делу приступить»*. Намек был прозрачный: Петру предлагалось уговорить Фридриха I выступить против шведов, то есть решиться на абсолютно неприемлемый для Пруссии шаг. Это был для царя один из *«трудных запросов»*, как справедливо назвал его датский король. С тем и вернулся Гейнс в Россию. Стало ясно, что в ближайшее время союз между Петром и Фредериком IV возобновлен не будет.

Однако миссия Гейнса была не бесполезной. Датский король теперь знал, что царь простил ему «травендальскую слабость» и смотрит в будущее в уповании на более тесный и надежный союз.

1703 год

Варшавский договор

Не желая идти на открытый разрыв с Августом II, Петр продолжал делать вид, будто не верит *«безосновательным разглашениям»* о готовящемся сепаратном мире со шведами. 24 января 1703 года он пишет королю, что разделяет все его несчастья, как собственные, и никогда не сомневался в *«истинной верности и благом намерении вашем к нам и общему нашему делу»*. Для подтверждения союза Петр просил прислать к нему доверенную особу, а чтобы вдохновить Августа, сообщал о русских военных успехах в Лифляндии. Царское письмо вручил Августу посол Г.Ф. Долгорукий на тайной аудиенции, во время которой он был торжественно заверен, что *«ни для чего* (ни за что. — *В. Д.*) *дружбы и союзу с его царским величеством не нарушит»*.

На следующий день (25 января) Петр отправил Августу грамоту с целью развеять его подозрения в том, что царь поощряет антипольские казацкие волнения в Правобережной Украине. При этом выражалась уверенность в сохранении союза против Швеции.

Август не хотел лишать Петра такой «уверенности», но при условии, что получит от него деньги (200 000 рублей) и войска (10 000 человек). В Москву приехал королевский адъютант полковник фон Арнштедт для урегулирования вопроса. Царь согласился предоставить эту сумму в обмен на город Могилев в виде залога. Август отказался, ссылаясь на свое опасение вызвать недовольство поляков, но в принципе не возражал против того, чтобы тайно передать Петру какую-нибудь другую польскую местность.

Основания не доверять Августу множились день ото дня. В мае царь уже не скрывает своего недовольства тем, что в течение более двух месяцев *«ни малой ведомости о ваших намерениях не получил»*. И уже в который раз выражал надежду на *«достойное участие»* короля в войне против шведов. Через несколько недель Петр почти обвиняет Августа и Речь Посполитую в намерении обострить казачий вопрос вопреки стараниям царя его уладить. Объяснения, в которые пускается польская сторона, государь называет *«неприличными»*.

В июне 1703 года новые *«неприличия»* были явлены в лице специального королевского эмиссара Вицлебена, присланного в Москву для предъявления условий подтверждения союза. Сам факт его приезда говорил о том, что этот союз трещит по швам. В привезенном им проекте договора все ставилось с ног на голову. Без обиняков утверждалось, будто Август воюет со шведами в одиночку. Во исправление такой несправедливости Петру необходимо идти на помощь королю со *«всеми»* своими войсками во главе с *«собственной своей особой»*. Если же Карл XII двинется в Россию, Август обязуется *«чинить шведам возможное сопротивление и наносить им урон»*. Кроме того, на все время войны царь должен предоставить королю в личное распоряжение 12 000 хорошо обученных и вооруженных солдат и за свой счет снабжать это воинство артиллерией, амуницией, провиантом. Русским полкам следует прибыть к новому месту несения службы в течение двух с половиной месяцев. Деньги на их содержание выплачиваются саксонским комиссарам дважды в год. Убыль солдат регулярно пополняет-

ся до первоначальной цифры. Также обязательна выплата Россией, через надежные векселя, 100 000 рублей немедленно и еще такой же суммы в начале октября 1703 года. Размеры последующих субсидий будут определены позже. Вицлебен напомнил царю, что он задолжал Августу 24 000 ефимков по прежней договоренности.

Один из ключевых пунктов проекта соглашения звучал крайне двусмысленно: сторонам не дозволялось заключать сепаратный мир со шведами, но разрешалось вести с ними переговоры через посредников. Оговорка Августа была шита белыми нитками и означала, что он уже ведет такие переговоры.

Вицлебен не пожелал отступить ни от одного из положений привезенного им проекта, что придало документу еще большее сходство с ультиматумом. Ф.А. Головин назвал предложения саксонской стороны *«несносными тягостями»*. Петр, разумеется, разделял эту оценку, но предпочел не выводить Августа на чистую воду. Царь деликатно дал ему возможность (письмо от 12 июля) прикрыться Вицлебеном, списав все на его *«необыкновенное упрямство»*, проявленное против королевской воли и препятствовавшее сохранению союза.

В продолжение такой дипломатической тактики Августу был направлен контрпроект. Он открывался статьей, где Петр вносил существенную поправку в идею, оставлявшую лазейку для сепаратного мира. Допуская возможность ведения переговоров через посредников, царь считал обязательным, чтобы о ходе этих переговоров каждая из двух держав немедленно оповещала союзника и направляла все усилия к защите обоюдных интересов и к достижению *«честного общего мира»*.

Второй статьей Петр, по сути, заявлял о том, что сам будет определять масштабы и сроки военной помощи. Нет и речи о всеармейском походе царя в Польшу, говорилось лишь о направлении от 10 до 12 тысяч солдат *«како возможно»* будет.

Особо подчеркивалась необходимость решительных и согласованных военных операций в случае наступления шведов на Лифляндию. Исключалось одностороннее прекращение войны под какими бы ни было предлогами (4-я статья).

Петр соглашался предоставить Августу 200 000 рублей, хотя это было для России «*великой трудностью*». Отмечалось, что в качестве залога выполнения польской стороной ее части обязательств царю достаточно честного королевского слова, но, если оно будет нарушено, Москва оставляет за собой право требовать возмещения ущерба.

Для детального обсуждения совместных действий предлагалось в ближайшее время провести встречу «на высшем уровне». (Некоторые идеи этого контрпроекта были сформулированы Паткулем.) Пока же Петр посылал на помощь Г.Ф. Долгорукому Паткуля, которому была дана *«полная мочь»* на ведение переговоров с Августом от имени царя. Поскольку Петр собирался сделать Паткуля своим постоянным представителем при саксонском дворе до конца войны, не совсем ясно, как распределялись роли между ним и Г.Ф. Долгоруким. Последний относился к Паткулю с большой настороженностью, и, судя по всему, ее разделял Ф.А. Головин, который пересылал русскому послу копии шифрованных распоряжений Паткулю *«ради верного ведания»*. Правда, чтобы не помешать общему делу, канцлер старался не растравлять недоверие Г.Ф. Долгорукого к этому *«своеобычному во всем человеку»*.

Переговоры с Августом по поводу русского контрпроекта вел в основном Г.Ф. Долгорукий (с начала сентября 1703 г.). Король говорил, что не может принять некоторых положений этого документа по причине *«великой денежной нужды»*, не позволяющей

ему успешно продолжать войну. И просил у царя уже не 200, а 300 тысяч рублей. Кроме того, Август ссылался на опасность присоединения войск Речи Посполитой к Карлу XII. С учетом этого польский король предлагал новый проект договора. Посылая его текст к царю, Г.Ф. Долгорукий советовал принять его, прежде всего в той части, что касалась финансов, чтобы не отлучить Августа от союза и не толкнуть его (вместе с республикой) в объятья неприятелей, среди которых, чего доброго, могут оказаться Крым с Портой. Посол просил Москву не замедлить с ответом, ибо *«потребное время»* можно упустить и остаться в полной изоляции, поскольку среди потентатов нет ни одного к нам «*совершенного доброхота*».

Петр ответил Г.Ф. Долгорукому подробнейшей инструкцией (от 30 сентября). Приводим ее основные положения.

1) Если не удастся отговориться от прибавочной суммы субсидий, согласиться на ее выплату в 1704 году двумя траншами. А в следующие годы выплачивать по 200 тысяч.
2) Обязать Августа, по получении денег, чинить против шведов «*всякие промыслы*», а в случае движения их к границам России перейти в наступление, ударив в тыл.
3) Договориться о месте и времени (крайний срок — середина января 1704 г.) личного свидания монархов, на котором будет согласован план генерального наступления на неприятеля.
4) Прежние договоры между Петром и Августом остаются в силе. Прежде чем вручать эти пункты королю, посоветоваться с Паткулем.

Петр торопился с заключением союза, потому что знал о препятствиях, чинимых Англией и Голландией, которые отговаривали Августа от дружбы с царем, обещая дать ему больше денег.

На стадии согласования условий возобновления союза между монархами возникла размолвка, вызванная интригами Вицлебена, который убеждал Августа в том, что тексты документов готовятся за спиной царя, не вникающего в подробности. Петр категорически опроверг эти инсинуации, выразив свое возмущение поведением саксонского дипломата. Между Вицлебеном и Ф.А. Головиным последовали жесткие объяснения.

Совершенно запутанная процедура окончательного оформления союзного договора проходила в несколько этапов. Вначале (1/12 октября 1703 г.) Г.Ф. Долгорукий и Иоганн Паткуль, до которых еще не дошла инструкция от 30 сентября, подписали в Варшаве принципиальные положения трактата. Его первая статья подтверждала нерушимый союз двух монархов и их решительный отказ от мирных переговоров без взаимного согласия. Если к одной из сторон обратятся с соответствующими предложениями неприятель или посредники, она должна немедленно уведомить другую и действовать сообща для достижения взаимовыгодного мира. Во второй и третьей статьях подробно определялись условия предоставления Августу 12-тысячного русского войска. Четвертая статья обязывала Августа, не теряя времени, соединиться с русскими войсками и действовать наступательно не только в Польше, но и в Лифляндии, а также там, где этого потребует ситуация. И не прекращать военных действий до подписания «*прибыточного* (для союзников. — *В. Д.*) *мира*». Со-

гласно пятой статье Петр выплачивал королю 300 тыс. рублей на безвозмездной основе. Шестая статья предусматривала в случае нарушения условия договора одной из сторон *«достойное удовлетворение»* в пользу другой. Трактат надлежало держать в полной тайне от Речи Посполитой (сената, магнатов, шляхты и т.д.), а для сохранения ее обнародованию подлежал маскировочный (*«вымышленный»*, по терминологии подписантов) договор. (Идея маскировочного договора принадлежала Паткулю. Его 15 октября 1703 года подписали уполномоченные сторон: от имени Петра Г.Ф. Долгорукий, от имени Августа — оберкамергер Фердинанд фон Флюк. Главной темой этого документа были деньги. Царь соглашался на рассроченную выплату займа в 300 тыс. рублей якобы под залог доходов короля от его саксонских владений. Затем (16 ноября) свою подпись под актом (именовавшимся *«подтвердительным договором»* и почти дословно повторявшим редакцию договора от 15 октября) поставил Петр. А 29 ноября он подписал тайное соглашение от 1(12) октября, тем самым ратифицировав его.

Читая маскировочный договор (списки от 15 октября и от 16 ноября), приходишь к выводу, что в выигрыше оказался Август, получивший от Москвы обязательство о выплате повышенных денежных субсидий и посылке в Саксонию вспомогательных русских войск, но не давший взамен никаких конкретных обещаний относительно активизации своих военных действий против шведов. Более того, в договорах сказано, что стороны *«по потребовании настоящего состояния за благо рассудили»* отложить выполнение *«наших старых обязаний в настоящей войне»*, что означало освобождение Августа от соблюдения условий Бирженского трактата и предшествовавших ему договоренностей.

Что касается окончательного договора от 29 ноября, то из него можно заключить совсем другое: Петр, согласившись на увеличение субсидии, потребовал от Августа совершенно конкретных подтверждений верности союзу.

Цель этих процедурно-дипломатических ухищрений состояла в том, чтобы польская элита восприняла обновленный союз с Россией в выгодном для себя свете: максимум преимуществ и минимум ответственности. Возможно, такая переусложненность была излишней, ибо польские сенаторы и магнаты, как правило, не обременяли себя выполнением взятых обязательств. Но важнее было другое. Август в этом смысле ничем не отличался от поляков. Г.Ф. Долгорукий как в воду глядел, когда призывал Москву действовать самостоятельно и не доверять *«здешней стороне»*, имея в виду не только поляков и саксонцев, но и Августа, правда, не осмеливаясь назвать его по имени. *«Хотя с нами и в союз вступят,* — писал дипломат*, — истинно никакого состояния доброго от них не будет»*.

На польском направлении Петр проводил фактически две политики. Одну — в отношении короля, другую — в отношении Речи Посполитой, используя ее как противовес королевской власти. Зачастую эта конфигурация приобретала более замысловатый характер, поскольку стратегия, применяемая к республике, раздваивалась между, условно говоря, прошведскими и прорусскими партиями. При этом следует помнить, что Петр, балансируя между этими силами, не хотел доводить раздрай в Польше до неуправляемого состояния. Пока была хотя бы призрачная надежда на союз с Августом, царь старался защитить короля от низвержения. Приблизительно в середине марта 1703 года он обратился к верхам Речи Посполитой с предупреждением, что если

они посадят на трон другого человека и подвергнут опасности целостность государства, то будут наказаны самым жестоким образом. Литовская часть польской знати вняла предостережению, обещая держать сторону Августа и помогать царю против шведов не на словах (намекая на Бирженский договор), а на деле. Противники короля во главе с кардиналом-примасом Михаилом Радзиевским лишь сделали вид, будто не пойдут против Августа. Впрочем, на обещания гетманов Литвы тоже нельзя было полностью положиться, ввиду того что тамошние внутренние распри сохраняли ситуацию на грани раскола.

По-прежнему большой проблемой в русско-польских отношениях являлось казачество Правобережной Украины. Долгое время Речь Посполитая и королевская власть использовали казаков как оборонительный заслон против Крымского ханства, взамен соглашаясь на их внутреннее самоуправление. Это не мешало Варшаве с подозрением относиться к их стремлению объединиться со своими правобережными собратьями. Не придумав более неподходящего момента, чем начало Северной войны, польские сенаторы, поддерживаемые Августом II, упразднили казацкую вольницу и послали на ее подавление войска. Запорожцы во главе с Самойло Самусем, Семеном Палием и другими военачальниками наголову разбили поляков и осенью 1702 года заняли больше десятка городов, включая Немиров, Винницу, Бердичев, Быхов, Бар и важнейшую в стратегическом плане Белую Церковь. Волнения «правобережников» перекинулись на Волынь и Галичину.

Казаки не имели ничего против вступления под скипетр православного царя, но Петру, как известно, претила любая вольница, воплощавшая то, что плохо поддавалось государственному контролю. У царя имелись и другие резоны оставить без внимания просьбы казаков о покровительстве. По соображениям большой политики дружить с Польшей ему было выгоднее, чем поддерживать «ребельянтов». В январе 1703 года отвечая Августу, умолявшему Петра унять «бунтовщиков», царь приказал «левобережному» гетману Мазепе навести порядок и наказать зачинщиков смуты. Во многом в результате такой позиции Петра войска Августа перешли в контрнаступление и освободили захваченные запорожцами города, за исключением Белой Церкви, где Палий, Самусь и их сподвижники заняли круговую оборону. Поляки, будучи не в состоянии выбить их оттуда, просили у царя помощи против казаков.

Разбуженные аппетиты Пруссии

После того как бранденбургский курфюрст Фридрих III стал прусским королем Фридрихом I (1701 г.) он почувствовал бóльшую свободу, поскольку королевский титул уже не был для него предметом политической торговли с великими державами и он мог себе позволить усилить некоторые акценты в своей внешней политике. Тем не менее характерной чертой его поведения в Северной войне оставалась осторожность. К этому обязывала международная обстановка, неопределенная в своей изменчивости. Однако правитель не может быть вечно осторожным, если он хочет чего-то добиться. Так, после Нарвы курфюрст не желал и слышать о русско-прусском союзе. Но к концу лета 1702 года бóльшая часть Лифляндии уже была занята войсками Петра. И с этого момента, надо полагать, начался пока еще еле видимый

пересмотр взглядов Фридриха I на потенциал России, что со временем потребует от него принципиальных корректировок берлинской политики на восточном направлении.

До 1714 года Пруссия занимала нейтрально-выжидательную позицию в Северной войне, поскольку Фридриха I в его действиях ограничивало то обстоятельство, что часть его армии участвовала в составе имперских войск в войне за испанское наследство, в результате которой он хотел получить свою долю добычи и за счет нее прирастить прусские территории. Но в сфере дипломатии активность короля была весьма высокой, а его поведение исключительно изворотливым. Фридрих I видел в России силу, способную как воспрепятствовать, так и помочь ему в строительстве «великой Пруссии». В 1703 году никто еще не знал, какому курсу отдаст предпочтение Петр и надолго ли. Король рассудил, что не лишним будет продолжить расточать любезности в адрес царя, пропуская мимо ушей его приглашения к союзу. Пока среди подвигов русской армии числились лишь победы над шведскими генералами, а не над их блистательным предводителем, Фридрих I считал ориентацию на Карла XII предпочтительнее, чем на Петра. Он вел тайную переписку со шведским королем, домогаясь свержения Августа II с престола и передачи под власть Берлина северной (прусской) части Польши, которая соединила бы Восточную Пруссию с Бранденбургом. Другой план предусматривал заключение союза между королями Пруссии, Швеции и Польши с целью раздела Речи Посполитой: Фридриху — прибалтийскую Польшу, Карлу XII — Ливонию и Литву, Августу II — неограниченную наследственную власть над оставшимися землями. Был и третий план. Фридрих тайно предлагал польскому королю войти с ним в союз против шведов, если будут удовлетворены прусские территориальные притязания.

Но, как всегда, аппетиты Пруссии намного превышали реальные возможности их утолить. В 1703 году за неуплату польским городом Эльбингом старого долга пруссакам Фридрих повелел оккупировать его. Но затея с присоединением этой территории провалилась, потому что в том же году Эльбинг был занят шведами. Прусский король обратился к Петру за помощью в этом деле, нимало не смущаясь тем, что сам в помощи царю отказывал. По мере роста прусских притязаний Фридрих становился все более зависимым от царя и в польском вопросе в целом. В мемориале, представленном Петру в сентябре, Кейзерлинг просит *«строго выговорить»* Речи Посполитой за дерзкие и оскорбительные речи в адрес прусского короля с тем, чтобы подвигнуть республику *«к более здравым намерениям»*. В противном случае Фридрих грозил *«принять другие меры»*, обещая, что они никак не заденут русских интересов.

Петр, сохраняя с королем дружеский тон, не доверял ему. Особенно после беспрепятственного прохода войск Карла XII через прусскую территорию, что наводило на мысль о наличии тайного соглашения между Пруссией и Швецией. И оно, по сведениям авторитетных источников, действительно существовало. Фридрих заключил его 29 июля 1703 года. Стороны обязались оказывать друг другу военную помощь в случае неприятельского нападения. О тайных связях Фридриха с Карлом докладывал царю Паткуль, утверждавший, что шведский король заманивает прусского обещанием отдать ему Эльбинг и что Россия упустила свой шанс перехватить эту инициативу.

Кейзерлинг изо всех сил пытался развеять подозрения Петра. В мемориале от 23 декабря 1703 года он не отрицал наличия «союза» (Allianz) между Пруссией и Швецией, но категорически утверждал, что в этом союзе нет *«ничего такого, что могло бы быть вредно и противно утвержденной между его королевским и его царским величеством* ***верной дружбе*** (здесь и далее выделено мной. — *В. Д.*), *которую его королевское величество Прусское, пока жить будет, намерен неотменно сохранять»*. Более того, прусско-шведский союз доставит Фридриху *«многие случаи... потребовать* (от Карла XII. — *В. Д.*) *мира* (с Россией. — *В. Д.*) ***на разумных основаниях*** *...и содействовать достижению этой доброй и спасительной цели всем, что только находится в его средствах и силах»*.

Фридрих, как говорилось в мемориале, не сомневается в ответных чувствах Петра и в том, что он *«не внимает ложным доносам злонамеренных людей, которые употребляют все возможные хитрости (artificia), чтобы смутить и охладить доброе отношение его королевского величества Прусского к его царскому величеству, тем более что уже неоднократно обнаруживалось, что во всех известиях, распространенных про его королевское величество Прусское,* ***больше заключается зложелательства, чем истины».***

Подвергнув мемориал контент-анализу, наталкиваешься на показательные оговорки. В частности, Кейзерлинг называет прусско-шведские отношения союзными, а прусско-русские — *«верной дружбой»*, избегая слова «союз», в отличие от Петра, употреблявшего его в обоснование законности своих требований к Берлину. Когда посланник говорит о готовности Фридриха к посредничеству, то подчеркивает, что целью короля является *«мир на разумных основаниях»*, подспудно противопоставляя его петровской надежде на *«прибыточный»* для России мир. И наконец, фраза *«больше зложелательства, чем истины»* невольно выдает признание того факта, что не все адресованные Фридриху упреки в двуличии несправедливы.

Теперь слово было за Петром. Но царь не спешил с ответом. После провала миссии А.П. Измайлова он не писал своему «другу» почти два с половиной года[1], если не считать единственной грамоты от 19 августа 1703 года. Нарушить молчание его заставил инцидент с русскими купцами, ограбленными на территории Пруссии. Поскольку указы Фридриха о возвращении товаров не дали результатов, Петр просил короля довести расследование до конца и возместить ущерб. Это было сухое, деловое послание. Никаких других вопросов царь не касался. Цветистые обороты речи, характерные для прежних писем царя, были сведены к одной строчке с пожеланием *«здравия»*.

Миссия Жана Балюза

Петр старался держать в поле зрения всю панораму европейских военных и политических перипетий. В Париже глазами царя был П.Б. Постников (с 1703 г.), дипломат в должности поверенного в делах, что, естественно, сужало круг его полномочий, но не мешало аккуратному выполнению полезной информационной работы. Матвеев характеризовал Постникова как *«мужа умного и дела европейского и пользы государевой сведомого и в языках ученого»*.

[1] С 19 февраля 1702 г. по 4 июля 1704 г. Для сравнения: за этот же период Августу II было отослано приблизительно два с половиной десятка писем.

Постников переводил на французский язык и вручал министру иностранных дел различные сведения о России для просвещения правящей верхушки Франции. Конечно, не упускал случая рассказать о военных подвигах Петра.

Сильное впечатление произвели изложенные Постниковым взгляды царя на священную природу монархической власти, данной от Бога и ответственной только перед ним. Возможно, это не совпадало с зарождавшимися европейскими философско-политическими веяниями, но в Париже понравилось, что русский реформатор идет в ногу с традиционными для абсолютистской Франции идеями.

Касаясь французской политики в Польше, Постников писал в Москву о маловероятности прихода к власти принца де Конти: во второй раз он едва ли выдвинет свою кандидатуру.

Как и коллеги Постникова в других европейских столицах, он пытался нанимать на русскую службу иностранных специалистов. Получалось это плохо. Ехать на край света под гарантии полуофициального представителя России мало кто отваживался.

Постников был дотошен в добывании секретных сведений. Посольский приказ должно было насторожить его донесение о тайной поездке *«одного иезуита»* в Стамбул по поручению французского правительства. Франко-турецкие отношения приобретали теперь в глазах Москвы особенно подозрительный подтекст.

Однако в обращениях Постникова в Посольский приказ проскальзывает нечто странное. Он просит присылать ему выписки из государственных документов, которые свидетельствовали об успехах Петровских реформ и которые должны быть *«ведомы по всей Европе для славы его царского величества и нашего отечества»*.

Что здесь, казалось бы, странного? Дело, однако, в том, что в бумагах, с которыми Постников собирался ознакомить Францию, могло по небрежности приказных переписчиков оказаться то, что совсем не нужно было знать государству, поддерживавшему Турцию. По сути Постников из благих побуждений составлял для Парижа целые аналитические доклады о положении в России. Это был очень ценный материал для тех, кто умел читать между строк.

Порой начинаешь сомневаться, осознавал ли Постников, какие услуги он оказывал Франции. Неужели всего лишь поверенного в делах настолько радушно привечали при французском дворе, что он решил разоткровенничаться о состоянии русского флота, попросив Ф.А. Головина прислать ему подробное описание царских военных кораблей: сколько уже в строю, сколько на стапелях, сколько в проекте и т.п. Патриотическое желание удивить Париж растущей военно-морской мощью России — нелепое оправдание такого опасного бахвальства.

В марте 1703 года в Москву с тайной миссией пожаловал французский чрезвычайный посланник Жан-Казимир Балюз. Как мы уже знаем, он приехал проверить достоверность заявлений Паткуля, сделанных в его беседах с послом Франции в Польше дю Эроном, о намерении Петра заключить союз с Людовиком XIV.

По приезде Балюз докладывал королю, что встретили его с большими почестями, но афишировать его визит, как показалось послу, русские не собирались. Из дальнейшего описания явствует, что царь дал ему любезную, но короткую аудиенцию, сразу после которой уехал в армию, поручив переговоры главе Посольского приказа Ф.А. Головину.

В тайных беседах с ним Балюз прямо заявил о полной ненадежности союзников России, особенно Австрии, противопоставив ей общеизвестное *«постоянство короля французского в союзах»*[1]. Посол как бы хотел сказать, что понимает желание Петра заключить союзный договор с королем и просит царя сообщить свои условия постатейно, чтобы он смог переслать их в Париж, и *«таким образом эта великая задача могла получить скорое разрешение и счастливое окончание»*.

Удивленный Головин ответил, что союз предлагает не Россия, а Франция. Ей и объявлять, чего именно она желает. Столь кардинальная перемена внешнеполитического курса таит огромный риск для государя *«бесславие себе учинить»*. Петру, по словам «канцлера», нужно твердо знать, ради какой выгоды стоит идти на это. Он не может позволить себе разорвать со старыми союзниками, ничего не получив за такую жертву, кроме бумажного союза с Версальским двором, который, кроме всего, невозможно будет утаить от Европы. *«Объявите подлинно*, — говорил Головин, — *чем королевское величество удовольствует царское величество»*.

Балюз продолжал настаивать, гарантируя сохранение русско-французских переговоров в *«непроницаемой тайне»* и утверждая, что готовность Людовика XIV дать первое слово царю является лучшим доказательством его добрых намерений. Посол хотел вывести Головина на откровенный разговор о возможном участии России в Испанской войне (путем отправки казачьих войск в Трансильванию) и о предоставлении Франции денежного займа. Но «канцлер» и не думал этого делать, а самому Балюзу инструкция запрещала поднимать тему первым.

Трюк Балюза не прошел. Да он, видимо, и сам понимал, что его грубый рывок с места в карьер рассчитан на простака. Быстро догадавшись о том, что перед ним отнюдь не дилетант от дипломатии, Балюз осмелился просить короля пойти на уступки и прислать ему свои условия, а также полномочия для заключения союза. Головин, как сообщалось в Париж, обещал не замедлить с *«окончанием этого важного дела к удовольствию наших государей»*.

Реакция удивления со стороны Головина будет понятной, если вспомнить, что переговоры с дю Эроном, которые начал (в Биржах) Петр, а продолжил Г.Ф. Долгорукий, дают основания считать скорее Людовика XIV, чем царя инициатором постановки вопроса о союзе. Петр считался бы таковым, если бы его можно было поймать на слове. Но он действовал крайне осторожно, предложив не более чем торговый договор и оставив на долю Долгорукого задачу дальнейшего прощупывания почвы. Однако и Долгорукий не стал поднимать тему военно-политического союза и предпочел сделать акцент на коммерческих выгодах для Франции. В обмен на них у короля просили согласия на предоставление России всего лишь одной гавани на Балтике, которая обеспечит эти самые выгоды. Когда русский посол заикнулся о желательности для России получить содействие Франции в деле вовлечения в Северную войну Речи Посполитой (Республики), то последовал однозначный отказ.

Совсем другая история с Паткулем. Он развернул перед дю Эроном целую программу действий в рамках полноценного военно-политического союза. Авантюрист

[1] В источниках существуют разночтения по поводу того, кому — Балюзу или Головину — принадлежат эти слова. Возможно, что выраженную в них мысль повторили оба участника диалога. Но в одном случае союзническую верность акцентировал Балюз применительно к Людовику XIV, а в другом случае — Головин применительно к Петру.

обещал Франции от имени Петра золотые горы, ничего не потребовав взамен. И тут возникает ключевой вопрос: если бы Паткуль имел от царя такие полномочия, то стал бы Головин изображать перед Балюзом удивление? Уже тот факт, что французский посол предложил Головину сообщить условия, на которых Россия готова заключить соглашение, в то время как «канцлер» сам ожидал от него соответствующих предложений, говорит об одном: Людовик XIV и его дипломаты не поверили, что Петр мог так неосмотрительно открыть французам свои карты. Все это, стало быть, творчество Паткуля, имя которого Балюз в беседах с Головиным почему-то ни разу не упомянул.

Ответа Парижа ждал не только Балюз. «Канцлер» несколько раз интересовался у него, нет ли новостей. Видимо, он не терял надежды на конструктивный исход дела, давая об этом понять в частых разговорах с французом. Их общение было любопытно с содержательной точки зрения. В частности, Балюз узнал, что Петр не возражал, если бы Франция учредила неподалеку от Азова торговую факторию, через которую французские товары попадали бы в Россию, а русские во Францию. Что касается торгового оборота с Россией через Балтику, то царь готов предоставить французским купцам преимущества, которых нет у голландцев и англичан. Кроме того, в специальном договоре будет оговорено право свободного проезда французских негоциантов в Персию. Правда, в другом сообщении к королю посол говорит, что Петр пока не может ограничить Голландию и Англию в их торговле с Россией, не нанеся ущерба своему государству и его подданным. Сначала он должен убедиться, что с Францией дело иметь выгоднее.

Балюз отправлял Людовику XIV депешу за депешей, где, помимо дипломатических вопросов, касался самых разных тем и в самых тонких подробностях. Размеры страны, вкусы и привычки царя и знати, социальная ситуация, особенности быта и нравов «вверху» и «внизу», контрасты повседневной жизни, слухи и сплетни — все это не ускользало от взора французского наблюдателя.

Почти до конца 1703 года Версаль хранил молчание, беспокоившее и Балюза, и Головина. Позже выяснилось, что, по крайней мере, восемь депеш посла потеряны по неизвестным причинам[1]. Только в октябре от Людовика XIV было получено письмо (помеченное 10 июля 1703 г.), судя по всему, расстроившее Балюза, ибо оно означало провал его миссии. Людовик решительно отклонил предложения русской стороны, которые, по его мнению, свидетельствовали о том, что царь изменил свою прежнюю позицию и теперь не расположен к заключению союза, поскольку выдвигает неприемлемое условие, требуя, чтобы король, лишь отвечавший на инициативу Москвы, первым представил свой план трактата. Балюзу прямо было сказано, что его дальнейшее пребывание в России бесполезно. Также король выразил свое недовольство поверхностным, на его взгляд, характером той информации о России, которую посол отправлял в Версаль.

Глава МИДа Франции маркиз Жан-Батист де Торси попытался смягчить тон королевского письма, заверив Балюза, что Людовик *«вполне доволен»* его работой, нужно

[1] Почта давала сбои по разным причинам, от простой халатности до обстоятельств непреодолимой силы. Наиболее важными документами монархи предпочитали обмениваться через специальных посланников, сопровождаемых охраной, но и они нередко подвергались нападениям грабителей с большой дороги. В результате гибли люди, пропадали ценные документы и грузы. Это, помимо всего прочего, мешало правителям своевременно получать информацию и действовать в соответствии с ней.

лишь *«составить особенное донесение обо всем том, что вы узнали и заметили о состоянии московского государства, о могуществе Царя, о его характере и вообще о всем том, что вам король приказал наблюдать во время этой поездки. Вы мне сделаете удовольствие, прислав, как можно скорее, записки, составленные вами по этому предмету»*.

Осторожность Гааги

Для царского посла в Гааге А.А. Матвеева начало 1703 года прошло в переговорах с Витзеном о найме русских людей на голландскую морскую службу. Под видом помощи голландцам живой силой Петр хотел, чтобы 4 тысячи архангельских матросов прошли профессиональную подготовку на голландских кораблях. Витзен посоветовал отказаться от этой идеи, поскольку, *во-первых*, трудно будет управляться с персоналом, не умеющим говорить по-голландски, *во-вторых*, по Европе разойдутся вредные слухи о русской военной помощи Голландии. Он предлагал взять русскую пехоту и распределить ее по полкам. Обученные солдаты были полезнее, чем необученные матросы. А.А. Матвеев сделал вывод, что голландцам *«то зело ненадобно, чтобы наш народ морской науке обучен был»*.

А.А. Матвеев через своих агентов собрал очень важную информацию о планах и настроениях гаагских властей. Она представляла ценность и сама по себе, и как источник тех мыслей, которые извлекал из нее посол. Главная из них на тот момент заключалась в том, что ни от Штатов, ни от английской королевы Анны (Стюарт), сменившей Вильгельма III, не следует ожидать посреднических усилий в деле прекращения русско-шведской войны. Петру он писал: *«они сами вас боятся: так могут ли стараться о нашем интересе или прибыточном* (для России. — *В. Д.*) *мире и сами отворить дверь вам ко входу в Балтийское море, чего неусыпно остерегаются, трепещут великой силы вашей не меньше, как и француза»*. И далее: *«То англичан и здешних* (голландцев. — *В. Д.*) *прямое намерение, чтобы не допустить вас иметь какую-нибудь пристань на Балтийском море; отнюдь не хотят они и слышать такого соседства ближнего»*.

А.А. Матвеев узнал, что Англия и Штаты ведут тайные переговоры с Августом II о сепаратном мире между ним и Карлом XII с тем, чтобы освободившиеся саксонские войска использовать в войне за испанское наследство. Тогда Швеция тоже сможет отрядить на это часть своих сил и продолжить войну с Россией. Шведский король отверг эту идею, потребовав от Гааги выполнения своих старых союзных обязательств, прежде всего финансовых.

8 октября 1703 года А.А. Матвеев сообщал о недовольстве Штатов заключенным между Фридрихом I и Карлом XII договоре от 23 июля 1703 года, который еще глубже втягивал шведского короля в Северную войну и уменьшал шансы на вовлечение его в войну Испанскую. Гаага (как доносил русский посол 11 августа) быстро отреагировала подписанием голландско-шведского трактата, подтверждавшего прежние договоры и дополнившего их одним важным пунктом. Карл XII обязался по окончании Северной войны отправить на помощь Голландии 10-тысячный корпус или за известную сумму сделать это даже во время войны, что косвенно говорило об уверенности короля в скорой победе над его противниками.

Складывавшиеся в Европе пусть и временные союзы без участия России заставляли Петра опасаться изоляции. Во избежание ее он готов был к решительному

шагу — войти в антифранцузскую коалицию и тем самым заинтересовать ее участников в достижении русско-шведского мира. В ноябре 1703 года царь уполномочил А.А. Матвеева сделать голландцам соответствующее предложение и, в случае их согласия, начать предметные переговоры. Одновременно следовало склонить Штаты к посредничеству между Россией и Швецией, но при этом Петр предупреждал: пока он, несмотря на то что *«имеет оружию своему счастливое действо»* в течение прошедших двух лет, согласен на мир *«без всяких великих к тому себе вымогательств и тяжких запросов»*, но если ему будет отказано, пусть шведы пеняют на себя, он вступит в *«глубочайшую войну»* и, истощив силы неприятеля, предъявит ему совсем другие условия.

В конце 1703 года Витзен сообщил А.А. Матвееву о неготовности Штатов, несмотря на обновленный договор со Швецией, немедленно выплатить требуемую ей субсидию, ибо деньги на войну нужны самой Гааге. Это было слабое и, как выяснится, временное утешение.

ЛАНЬ®

В копилку русских побед

Если Нотебург располагался у входа в Ладожское озеро, другая шведская крепость, Ниеншанц, стояла у входа в Неву из Финского залива. Стратегическая логика диктовала необходимость владеть обеими этими крепостями. Только так можно было оградить от врага все течение Невы, то есть канал, соединявший Финский залив с Ладогой. Легко понять, почему следующей целью Петра стал именно Ниеншанц. Логично было бы ожидать, что он атакует ее следом, пока не остыл пыл победителей. Но это случилось лишь через несколько месяцев.

Мы вновь наталкиваемся на неразрывную связь между северными и южными проблемами. Петр получил из Стамбула тревожные сообщения о подготовке Турции к войне с Россией. Тут уж не до Ниеншанца. Царь срочно отправляется в Москву проверить тамошние дела, а оттуда (1 февраля 1703 г.) в Воронеж. На местных верфях продолжалась работа. Прибавилось количество новых кораблей, сделанных по английским, голландским, венецианским проектам. Несколько судов ждали спуска на воду. Общее количество размещенных на кораблях пушек равнялось 898. Однако не все шло гладко. Не хватало материалов, рабочей силы. Петр сделал строгие распоряжения: нанять строителей, увеличить поставку железных изделий, снастей и вооружения, расширить узкие участки Дона для быстрого прохода флота на юг.

Предсказать поведение турок было невозможно. В отсутствие явных признаков, что нападение произойдет в ближайшее время, Петр решил вернуться на север. Но прежде он приказал перебросить из Новгорода в Воронеж несколько батальонов на случай резкого обострения ситуации на юге.

19 марта 1703 года Петр был уже в Шлиссельбурге. Началась подготовка к взятию Ниеншанца. К 25 апреля к крепости подтянулось 20-тысячное войско под командованием фельдмаршала Шереметева с артиллерийским обозом. Под крепостные стены подвели минные тоннели. Шведы отвечали бойкой пушечной пальбой. 30-го числа шведскому коменданту предложили сдаться. После отказа началось мощное бомбардирование и артиллерийский обстрел, продолжавшиеся 10 часов. 1 мая неприятель решил отказаться от сопротивления. Ниеншанц был взят и переименован в Шлотбург.

На следующий день на помощь Ниеншанцу прибыла шведская эскадра из 9 кораблей. Они стали неподалеку от крепости, опасаясь заходить на мелководье. Это дало русским преимущество. На 30 лодках они внезапно атаковали неприятеля, взяли корабли на абордаж и решили исход сражения. Два фрегата с экипажами и вооружением были взяты в плен. Остальные суда ретировались.

Это была первая морская победа. Теперь все течение Невы от Финского залива до Ладожского озера принадлежало России. Но благодушествовать Петр не позволил ни себе, ни другим. На новом рубеже необходимо было прочно закрепиться. В мае 1703 года в устье Невы закладывается город-крепость под названием Петербург, замышлявшийся не только как важнейший стратегический пункт и связующее звено целой системы обороны Русского Севера, но и как новая столица страны.

Оставить ее уязвимой перед лицом внешних врагов было верхом безрассудства. Защищать ее должны были не только крепости, но и боевые суда. Не требовалось много ума, чтобы понять: без заведения флота Балтика как была закрытой для русских, так и останется. Ведь не будешь же решать военные и торгово-международные задачи с помощью тех плоскодонных посудин, что атаковали шведов около Ниеншанца. Для безопасности верфь построили за Ладогой на Ладейном Поле, что на берегу Свири. Оттуда готовые корабли могли за сутки добраться до Финского залива.

Пока строились корабли, Петр принялся за укрепление южного побережья Финского залива. Шведский генерал Кронгиорт попробовал ему помешать. В июне 1703 года Петр собрал в районе реки Сестры четыре конных полка и прогнал шведов, причинив им большой урон.

С мая по сентябрь 1703 года Шереметев завоевал древнерусские крепости Копорье и Ям (Ямбург). Затем один за другим пали эстляндские города Везенберг, Вейсенштейн, Феллин, Обер-Пален, Руин.

Зиму 1703 года Петр провел в Воронеже, где не прекращал подготовку к возможной войне с турками, о чем мы при случае будем напоминать читателю вслед за С.М. Соловьевым, повторявшим: *«взоры его были постоянно обращены и на запад, и на восток»*.

В Стамбуле опять неспокойно

До поры до времени Порта соблюдала осторожность. Султан не пропускал подстрекательские призывы крымских мурз мимо ушей, но бросаться в пекло не торопился. Тогда за дело взялась партия «ястребов» во главе с тогдашним визирем, который придумал любопытный сценарий для развязывания войны. В начале 1703 года он тайно подговорил татар взбунтоваться против султана, после чего он, визирь, соберет войска и двинется в Крым якобы для усмирения восставших, а на самом деле для соединения с ними и удара по русским территориям. Едва узнав о движении турецкой армии к Днепру[1], Петр приказал Ф.М. Апраксину быть в полной боевой готовности. *«Великую надобно иметь осторожность»,* — писал ему царь 17 апреля и 21 мая 1703 года. Особое внимание уделялось пополнению азовского флота кораблями, вооружением, экипажами. Петр требовал немедленного прибытия азовского губернатора

[1] Важнейшие разведывательные сведения о деятельности турок в Приднепровье и на южной Украине сообщал царю, «презирая смертные страхи», иерусалимский патриарх Досифей.

И.А. Толстого (брата П.А. Толстого) к месту назначения и соответствующих военных приготовлений.

Султан узнал о заговоре и, недолго думая, казнил визиря. Но тень войны никуда не ушла. П.А. Толстой доносил в Москву, что на спокойствие рассчитывать нельзя, пока татары не уймутся.

Новый визирь был более любезным с Толстым, но надзор за ним все же усилил. Усилены были и меры предосторожности на случай появления русского флота в Черном море. Турки решили блокировать устья рек Западной Грузии, через которые грузины могли бы снабжать русские корабли всеми необходимыми припасами и людьми.

Порта предъявила П.А. Толстому три требования.

1) Срыть новую крепость Каменный Затон, построенную в Запорожье.
2) Вывести военные корабли из Азова и Таганрога.
3) Назначить комиссаров для точной демаркации границ.

Толстой ответил, что возведение крепости не противоречит Константинопольскому договору 1700 года и предназначена она для усмирения запорожских разбойников, которых крымские татары постоянно подстрекают против его *«царского величества»*. В результате там царит смута, опасная не только для России, но и для Турции. Каменный Затон — залог сохранения мирных отношений между двумя державами. За это нужно благодарить, а не предъявлять протесты.

П.А. Толстой продолжал: о запрещении держать корабли в Азове и Таганроге в мирном договоре нет ни слова. Для России это прежде всего средство предосторожности. *«Частые перемены начальствующих лиц»* в Порте (этим эвфемизмом П.А. Толстой заменил слово «анархия») заставляют Москву постоянно опасаться нападения, и недавняя авантюра казненного визиря это наглядно подтверждает. Что же до присылки комиссаров для уточнения границ, то тут никакой проблемы нет.

Новые основания для тревоги дал происшедший в Стамбуле в августе 1703 года государственный переворот. Султана Мустафу II сменил его брат Ахмед III.

Угроза войны с турками не переставала держать Петра в напряжении. В письмах к своим подчиненным (август–декабрь 1703 года) он дает указания по военным и дипломатическим вопросам, связанным с новыми приобретениями России. Приказывая наращивать оборонительно-наступательный потенциал Азова и Таганрога, государь старается не провоцировать турок в вопросах о разграничении территорий и не пугать их истинными размерами азовского флота, советуя оставлять на рейдах как можно меньше кораблей и вообще скрывать от османских уполномоченных комиссаров как можно больше. В желании избавиться от тревожного ожидания Ф.А. Головин предложил П.А. Толстому идею каким-то образом спровоцировать Порту на войну против Австрии.

* * *

Австрия, возможно, и заслужила это своим упрямым нежеланием выводить Петра из изоляции, в которую он угодил. Это выяснилось в ходе неудачной миссии Паткуля в Вене (1702 г.). Однако самого Паткуля безрезультатные встречи с Кауницем нисколько не смутили. Похоже, даже взбодрили, если верить его письму к Ф.А. Головину (от 5/16 ноября 1703 г.): *«Жизнию моею уверяю, что Царю ни чьего союза на свете*

не нужно, кроме Божьего». Возможно, это было выражение искреннего оптимизма, а не просто желание потрафить Петру. Так или иначе, для Паткуля было совершенно очевидно, что воевать с Карлом в составе коалиции гораздо разумнее, чем в одиночку. Поэтому он не прекращал своих трудов по ее созданию.

1704 год

Непроглядная тьма польских проблем

Петра крайне беспокоило положение в Польше. Шведские войска хозяйничали на польской территории, разоряя ее нещадно, но это не мешало определенной части влиятельных магнатов поддерживать Карла XII. 14 января 1704 года примас Радзиевский созвал в Варшаве опереточный сейм, который объявил Августа II низложенным. Наступило «бескоролевье». От этого меньше недовольных не стало. Опять-таки учитывая специфику польских «избирательных» кампаний, удивляться тут было нечему. Комичность действа лишний раз подчеркивается происшедшим незадолго до этого эпизодом, когда в Люблине при стечении народа Радзиевский встал перед Августом на колени и присягнул ему перед св. Крестом.

Вскоре были образованы прошведская Варшавская конфедерация (февраль) и прокоролевская Сандомирская (май), лояльная к Москве. Между ними началась, по сути, гражданская война.

Узнав об этих событиях, Петр заверил короля в своей неизменной верности союзу, в подтверждение чему в Литву были направлены русские войска. 13 августа царь, чтобы придать Августу уверенности, прислал ему из Нарвы письмо о взятии этой крепости, как о важном историческом событии. Август ответил посылкой в Россию воеводы Томаша Дзялынского для переговоров об оборонительно-наступательном союзе между королем вместе с Речью Посполитой (точнее с ее промосковской частью), с одной стороны, и его царским величеством — с другой. 19(30) августа 1704 года после длинной череды тайных переговоров, склок, межпартийных и личных распрей был наконец подписан Нарвский договор между Россией и королевско-республиканской Польшей. Повторяя в принципе основные положения тайного трактата от 1(12) октября 1703 года, он отличался более решительным тоном, большей конкретикой в организационно-логистических и денежных вопросах, а также открытым публично-правовым характером.

Петр обязался уступить Августу все свои завоевания в Лифляндии, выплачивать до окончания войны по 200 тыс. рублей (2 млн польских злотых) в год на содержание польской армии и предоставить 12-тысячное вспомогательное войско. Царь также обещал принудить казаков вернуть полякам Белую Церковь. Паткуль предлагал Петру играть на жадности шляхты, не скупиться на обещания, но ставить перед ними такие задачи, которые они не смогут выполнить. Тогда всегда будет повод обвинить их в несоблюдении союзного договора. Это именно тот способ общения, который, по мнению Паткуля, они заслужили.

Согласование статей договора длилось месяц и проходило не гладко, ибо польская сторона, как всегда, стремилась выторговать для себя дополнительные преференции, не платя за них симметричными обязательствами. Новые трудности с королевской стороны возникли в связи с приведением этих договоренностей в исполнение. Август стал просить денег не только для польских, но и для саксонских войск, которые он берег и старался не пускать в дело. Адъютант короля Фридрих фон Арнштедт не скрывал этого: *«Его королевское величество всякого случая от бою с королем шведским удаляется и войска свои по возможности соблюдает»*. Другое ухищрение Августа состояло в предложении, сделанном через Арнштедта, об издании манифеста, объявляющего, что царь берет жителей Лифляндии под свое покровительство, с тем чтобы передать их тому, кому они по праву принадлежат — польскому королю. Сопротивляющиеся этому праведному намерению будут считаться пособниками шведов, заслуживающими строжайшего наказания. Тот же Арнштедт с простоватым лукавством выведывал у царя, на какие еще земли, кроме Лифляндии, может рассчитывать Август.

Аппетиты короля явно зашкаливали. После увеличения русских годовых субсидий с 200 до 300 тыс. рублей он стал просить еще по 60 тыс. в месяц для продовольствования собственного саксонского войска. Возмутившийся Петр велел Паткулю передать Арнштедту, что удивляется, как можно чинить *«такие неудобные запросы»* в то время, когда он, царь, *«ради общего дела»* несет *«столь великие иждивения»* не только на польскую армию, но и на *«содержание короля при короне»*, то есть на сохранение его у власти.

В условиях шведской оккупации политическая ситуация в Польше становилась едва ли не решающим фактором, способным изменить ход войны в любую сторону. Возможно, Карл XII впервые сталкивался с внутрипольским хаосом и не понимал, что с ним делать. Разобраться в нем было сложнее, чем разбить армию Августа. Если что и сближало Петра I и Карла XII в польском вопросе, так это острая необходимость найти хоть какой-то подход к решению проблем, раздиравших Речь Посполитую. Разумеется, с максимальной выгодой для себя.

Вероятность тех или иных поворотов в Северной войне в существенной степени зависела от колебания внутриполитической конъюнктуры в Польше, являвшейся не только театром боевых действий, но и полем острейших социально-политических распрей. В сейме сконцентрировались противоречия между различными слоями элиты и общества. У родовитых магнатов были одни интересы, у литовской шляхты другие, у свободного южнопольского казачества третьи. Они выливались в жестокие междоусобицы, порождая перманентное состояние гражданской войны. Масло в огонь добавлял религиозный вопрос. Православное (и не только) население находилось под нестерпимым католическим гнетом. Для Петра это было оскорбительно, но до определенного времени его стремление вступиться за единоверцев ограничивали политические соображения.

Все это сопровождалось обременительным присутствием шведских войск. К счастью для Петра, Карл не церемонился с поляками, которых он презирал не меньше, чем русских. Страна подверглась нещадному разорению. К протестам сенаторов король был глух. Не испытывал он расположения и к прошведски настроенным депутатам сейма, всячески старавшимся ему угодить. Почти ни во что не ставил Карл и примаса Радзиевского, пресмыкавшегося перед ним. Даже не подумав посоветоваться

с кем-либо из лояльных к нему поляков, шведский король вторгся в Литву для оказания помощи гетману Сапеге в подавлении сторонников Августа II.

Конечно, Карл формально не мешал своим дипломатам выполнять их служебные обязанности. Но лично для него это было невыносимым занятием. Тут Петр безусловно переигрывал своего собрата. Высокопоставленные приближенные царя без устали трудились, чтобы привлечь польскую шляхту на сторону России. Сказать, что задача была архисложная, — не сказать ничего. Польская знать стояла между Сциллой и Харибдой. Если бы польское общество было единым, сделать выбор оказалось бы проще. Но приходилось исходить из факта его отсутствия. Факта исторического и трагического. «Безнарядье» в государстве создало такое положение, когда почти уже некого было «разделять» и не над кем «властвовать».

С политической точки зрения это был громадный вызов и для Петра, и для Карла. Однако беда шведского короля заключалась в том, что он либо не понимал, либо не хотел этого понять. Гордиевы узлы он предпочитал разрубать. Петр действовал иначе, что, впрочем, не всегда приносило успех. В одночасье прекратить вековую русско-польскую вражду нельзя было даже самой искусной дипломатией. Но в том-то и весь Петр: чем головоломнее задача, тем с большей непреклонностью брался он за ее решение.

После разгрома саксонской армии и свержения Августа II Карл потребовал от сейма признать новым королем Станислава Лещинского, угрожая, что иначе мира Польше не видать. Даже ярые противники Августа были смущены столь наглым диктатом. Ведь речь шла не о том, плох он или хорош, а об ультиматуме правителя иностранного государства, которому вздумалось свергнуть законно избранного польского короля, как будто своего вассала.

Карлу было наплевать. Когда оторопевший английский посланник в Стокгольме Робинзон попытался указать на недопустимость такого вмешательства, в ответ прозвучало примерно следующее: не вам, англичанам, отрубившим голову своему королю, учить меня, как поступать.

За то, чем Карл XII ленился заниматься, охотно взялся французский посланник в Варшаве, у которого казна была полна денег для возведения на престол Станислава Лещинского. Франции, как и Швеции, нужен был свой человек на польском троне. Для насквозь коррумпированной шляхетской элиты деньги могли стать решающим аргументом, независимо от непопулярности кандидата. А для Петра — серьезным препятствием к осуществлению его планов.

Единственное утешение — настроение общества, в большинстве своем не готовом к такому вопиющему нарушению закона в пользу ставленника двух иностранных держав, к тому же не блиставшему талантами. Если уж менять короля, то хотя бы на личность, более достойную короны, пусть это и не лучший выход из положения. Деньги решают многое. Но все ли?

После Калишского разгрома русский посол Г.Ф. Долгорукий, кажется, стал терять веру в чудодейственную силу взяток. *«Бог знает,* — писал он, — *как может стоять Польская республика: вся от неприятеля и от междоусобной войны разорена вконец, и, кроме фракций себе на зло, иного делать ничего на пользу не хотят»*. Вывод: поляки не союзники, сколько ни договаривайся с ними, воевать против шведов они не будут. Скорее против русских. Да и то за скудостью средств не смогут и этого себе позволить.

О боеспособности саксонцев Долгорукий тоже не высокого мнения. Среди них есть много шведских сторонников. Да и сам Август (даром, что «Сильный») страшно боится Карла и *«всегда будет убегать как возможно»*.

В условиях царившего в Польше беспорядка Петр искал свою контригру. Отговорить Августа от капитулянтской политики без решительной военной помощи было нереально. К счастью, Карл и не думал искать соглашения с польским королем и этим оказал царю невольную услугу. Но Август столь настойчиво стремился к миру, что Петру приходилось придумывать все новые и новые способы не допустить прекращения боевых действий. По крайней мере, сохранить формальное состояние войны.

Ответ Петра на неиссякаемый поток шведских и французских взяток не был оригинальным. Подкуп он считал важной частью дипломатии. Однако дело шло не только о соболях, но и о крупных суммах (300 тыс. рублей) на содержание польской армии, чтобы она согласилась воевать против шведов.

Сейм, как всегда, проявил интерес к этой теме, но, вдобавок к субсидиям, потребовал предоставить Речи Посполитой русскую пехоту и поднял вопрос о территориальных уступках со стороны России. Ни много ни мало — значительную часть Правобережной Украины. Польские аппетиты разгорались. Ситуация не прояснялась, а запутывалась. Среди южнорусских казаков поднялась смута. Делиться чем-либо с шляхтичами они отказывались. Давить на них Петр не хотел.

К тому же вновь пошли слухи, что султан не прочь воспользоваться моментом и начать войну против России. На такой довод Варшава не обратила внимания, хотя в данном случае мы можем крупно ошибаться, ибо для поляков русско-турецкие войны всегда кстати. В окружении Петра (Ф.А. Головин) стали высказывать мысль пожертвовать чем-то (Белая Церковь с округом), чтобы склонить сейм к военному союзу. Мазепа резонно спрашивал: как это сделать при тогдашних настроениях казачества? Поляки подарок, конечно, примут, но выполнят ли они свои обещания? А главное: как уговорить казаков? А что, если на юге поднимется бунт, как это действительно случится через пару лет?

Еще большую запутанность всей этой игре придавали типично польские особенности. В Польше по большому счету не было ни пророссийской, ни прошведской партии, как бы там они себя ни называли. «Факции» дробились, объединялись, распадались, искали компромиссы, не столько политического, сколько торгашеского характера. С единственной целью: точно выяснить, кто сколько предложит прежде всего для умножения личного благосостояния высоких сановников, но так, чтобы перепало и более мелкой знати. Просить не стеснялись. Сегодня одно, завтра — другое, послезавтра — третье. Разумеется, по нарастающей. Ловчили все, как могли. Далеко не всегда брали по чину. Многие преувеличивали цену своих услуг без зазрения совести.

Примас Радзиевский, сколотив Варшавскую конфедерацию против Августа, следом предлагал тому же Августу тайную встречу с банальной повесткой — обсуждение размеров отступных за переход на сторону короля. Шел открытый торг. Если уж в этом не ограничивали себя первые лица государства, то сенаторам и шляхте сам бог велел следовать их примеру. Одни нацеливались на большие барыши, другие не брезговали промышлять мелким политическим коробейничеством.

В Литве преобладали сторонники Августа, но помогать ему безвозмездно они не собирались. Там тоже шла борьба за иностранные подарки и субсидии. Что ка-

салось общенациональных интересов Польши, то об этом мало кто заботился. Знать предъявляла территориальные претензии к Москве, чтобы поддержать свой авторитет в глазах общества. Но деньги безусловно были важнее. Русские рубли и шведские талеры продолжали растекаться по шляхетским карманам. А воз стоял на месте.

Наконец Карлу это изрядно надоело. Он прибегнул к открытой угрозе, которая, правда, сопровождалась обещанием заплатить за избрание Станислава Лещинского полмиллиона талеров.

Хаос в Речи Посполитой сгущался. Но Карла XII это особенно не беспокоило. Свою принципиальную военно-политическую проблему он решил. Страна завоевана, а избрание на королевский престол марионетки Лещинского — вопрос времени. Ненавистный Август получил по заслугам. Теперь на очереди вопрос — куда двигаться дальше.

Задумалась наконец и шляхетская знать. Карл получил, что хотел. А что получила она? Разоренную и разоряемую страну, в которой шведы хозяйничали как у себя дома, наказывая за любое неповиновение? Не бог весть какую личность на польском троне? И перспективу терпеть это неизвестно сколько?

Но было еще нечто похуже. Правда, пока речь шла лишь о вероятности. Война непрогнозируема всегда. Для гениального полководца, начавшего ее блистательными победами, все, как уже случалось, могло закончиться крахом. Пока ситуация для Карла складывалась почти идеально.

Именно «почти». На востоке была Россия, завоевавшая Ингрию, Эстляндию и Ливонию. С богатством ее ресурсов не могло сравниться ни одно государство. Швеция подавно. Все эти ресурсы будут неустанно работать на войну. Их хватит на много лет. В долгой войне шансы Москвы на победу будут только возрастать. А если ей удастся возродить антишведскую коалицию?

Небезызвестный нам Паткуль, при всем русофобском пренебрежении к России, верил в ее мощь и был не единственным иностранцем, не заблуждавшимся по поводу ее потенциала. Но это его пугало в той же степени, в какой и ободряло. Паткулю были совершенно ненавистны планы Петра в отношении столь дорогой его сердцу Лифляндии. Он настоятельно советовал Петру уйти из Прибалтики и начать генеральное наступление в Польше. Это изменит настроение Августа II и побудит его соединиться с русскими войсками для совместных действий. Кроме того, появится реальная возможность заключить союз с Фридрихом I, жаждущим заполучить прусскую часть Речи Посполитой. За этим последует полномасштабное восстановление антишведского альянса. И результатом станет не столько победа над Карлом, сколько раздел Польши между заинтересованными сторонами. При этом, ссылаясь на желание Августа II, а на самом деле выражая свои сокровенные чаяния, Паткуль напоминает о необходимости возвращения польскому королю большей части русских завоеваний на Балтике.

Продолжая увлекать Петра своими идеями, Паткуль пытался запугивать его: если царь не последует его плану, то Англия, Голландия и Австрия могут склонить Карла к миру, который *«никогда не будет выгоден вашему величеству; тут они все явно покажут то, что теперь тайно в сердце носят, а именно ненависть и зависть к России»*. Мало того, подобные чувства свойственны всем европейским дворам, включая датский.

Полагая, что Петра это убедило, Паткуль тайно отправился в Берлин договариваться с Фридрихом I. Король в принципе согласился на союз, но при двух условиях.

В Польше должно быть сосредоточено крупное количество русско-саксонских войск, чтобы в случае необходимости прийти на помощь пруссакам. Ну, и, естественно, немецкая территория Польши должна стать наградой королю за участие в войне.

Осталось склонить к союзу Речь Посполитую. Теперь, после того, что она натерпелась от шведов, сделать это было проще, но не просто. Сила «патриотических чувств» правящей верхушки явно уступала ее ненасытной жажде наживы. Русские деньги, официально поступавшие на содержание армии, — это одно и как бы само собой разумеющееся. А бесценные соболя и другие приватные драгоценные подарки — совсем другое. Несмотря на их огромную стоимость, из шляхетских уст непрестанно звучало: «мало!» Проще всего было давать взятки в одни руки. Но это было малоэффективно. Обделенные (или якобы обделенные) роптали, интриговали, шантажировали. И в конце концов могли испортить дело. К примеру, даже в переговорах с литовской знатью, в лице Людвика Поцея (Потея), считавшегося лояльным к России, финансовая тема была на первом месте. Он просил деньги на содержание войска, но в суммы этих субсидий, конечно, закладывалась и доля личной прибыли. От Поцея не отставали и другие литовские гетманы, под разными предлогами вымогавшие себе дорогие подарки. Однако не будем погружать читателя в те коррупционные дебри, в которых заблудился и сам автор этих строк. Да и он ли один. Петр, кстати говоря, точно не знал, каково соотношение между теми суммами, которые доходили до польской армии, и теми, что были присвоены ее военачальниками, хотя и пытался это выяснить.

Несколькими страницами ранее мы упомянули об идее раздела Польши. Догадывался ли о том кто-либо из польских магнатов, доподлинно неизвестно. Но не исключено, что предчувствие чего-то подобного не было чуждо думающей части элиты. Если существовала некая моральная сила, подавляющая такое предчувствие, то ею скорее всего являлось непреодолимое стремление к реваншистской экспансии, обращенной на юг, к мечте о восстановлении Великой Польши от моря до моря. Между тем шляхетским геополитическим фантазерам следовало бы думать совсем о другом.

В конце лета 1704 года Августу с помощью русских войск удалось взять у шведов Варшаву, но поход на Познань закончился неудачей. Наконец-то польский король стал оказывать Карлу что-то похожее на сопротивление. Однако от генерального сражения уклонялся: калишский позор был жив в памяти. Встречаться с Карлом в сражении было по-прежнему очень опасно. В декабре 1704 года казаки, попытавшиеся было наступать на Краков, были наголову разбиты.

* * *

Паткуль, видимо, возомнил, что способен манипулировать Петром, как Августом. Странная самонадеянность для умного человека. Подумать только: он предлагал царю бросить Ингрию, Эстляндию, Лифляндию и двинуть свою армию решать польские, саксонские и прусские проблемы. Как будто Карл XII еще недостаточно убедительно показал, чего стоят тогдашние стандартные военно-оперативные схемы, когда есть полководец, обладающий уникальным даром не оставлять от них камня на камне.

Петр был гениален в другом — в умении находить против этого противоядие. И царь видел его отнюдь не в молодеческой удали, бесплодно и трагически растраченной в генеральном сражении. Он настраивался на долгую, маневренную, изматы-

вающую противника войну. Если наступление или отход, то тщательно продуманные. Если риск, то минимальный.

Петру было не по душе проснувшееся в Августе II уязвленное чувство, утолить которое он мечтал взятием реванша за Калиш. Свое отношение к этой авантюре царь подробно высказал (еще в начале 1704 г.) в письме к Паткулю. *«Король, как видим, спешит окончить дело счастливым полевым боем, но на чьей стороне будет успех — об этом знает один всевышний, нам же, как людям, надлежит смотреть ближнее. Искание генерального бою зело опасно, ибо в один час может все дело быть ниспровергнуто (как случилось под Калишем в 1702 году). Поэтому надобно, чтоб король в наступающее лето* (1704 года. — *В. Д.), устроив войско свое добрым порядком, старался бить неприятеля по частям и удерживать его в Польше, чтоб мы могли весною в Лифляндии два или три города осадить. Города эти, не имея ниоткуда помощи, принуждены будут нам сдаться; мы их отдадим королю, который таким образом утвердится в Лифляндии лучше, чем прежде, и ближе к нам, к Ингрии, где теперь все наши войска, а прежде не было ни человека. Саксония, видя короля своего с таким основательным прибытком, будет усерднее помогать. ...Если же король будет искать генерального боя и если этот бой кончится для него несчастно, то что произойдет? Мы можем потерять все свои завоевания и будем отделены друг от друга, а король не только от неприятеля, но и от бешеных поляков со срамом выгнан и престола лишен быть может. Поэтому надобно хорошенько подумать и не ввергать себя в такое бедствие».*

Военные победы Петра ни на минуту не притупили его внимания к дипломатии, в которой по-прежнему отражались сомнения в надежности Августа как союзника и осторожное отношение к обещаниям Фридриха I вступить в войну.

Пустые обещания как политический товар

Относительная стабильность и бесконфликтность русско-прусских отношений сохранялась благодаря тому, что они по-прежнему находились в режиме ожидания перед лицом международной неопределенности. Ни победы Карла XII над саксонцами, ни военные успехи Петра в Лифляндии не служили для Фридриха I весомыми аргументами для отказа от своей более или менее нейтральной позиции в отношении противоборствующих сторон. Согласно парадоксальной логике короля именно пребывание в составе взаимоисключающих союзов с обоими противниками обеспечивало ему этот самый нейтралитет и позволяло вести двойную игру, используя весьма неблаговидные средства.

Чем больше побед одерживала русская армия, тем меньше это нравилось Фридриху, которым овладевала тревога. Такое настроение передалось его послу в России. В мемориале Кейзерлинга к Петру (от 15 января 1704 г.) отчетливо слышны уже не дифирамбы, а совсем другие обертоны. Как сообщал посол, подозрения Петра относительно антироссийской направленности прусско-шведского договора вызвали у короля удивление, поскольку он не ожидал, что царь поверит слухам, *«от злоумышленных людей рассеянным»*. Фридрих также выражал надежду, что территориальные приобретения и морские силы России на Балтике не будут представлять угрозы для других стран. Более того, он призвал Петра дать соответствующие письменные гарантии ради *«безопасного успокоения»* соседей. Когда Фридрих получит такое обеща-

ние, то сможет уведомить об этом Швецию и употребить свои добрые услуги, чтобы *«повыведывать»* у Карла XII о его отношении к миру. В противном случае шведский король *«ко оставлению таких знатных мест* (завоеванных русскими. — *В. Д.*) *не похочет приступить»*.

Задетый царь ответил, что он, не будучи охотником до *«войн с христианами»*, хотел лишь отомстить шведам за *«рижское оскорбление»* и вернуть похищенное ими *«дедовское»* государево наследство (земли, принадлежавшие Ивану Грозному). По поводу опасений Фридриха Петр заявил, что *«всегда сие в памяти имеет, чтоб не быть причиною озлобления всех потентатов»*, однако он не отказывается от своего законного права, согласно *«обычаю всего света»*, держать флот для охраны русских гаваней и торговли. Что касается многократно высказанного королем *«обнадеживания»* относительно отсутствия у него вредных для России помыслов, то оно, как писал царь, *«сумнению подлежит, ибо оное обнадеживание есть суть глухое»* и не дающее основания верить в его искренность.

По всей видимости, именно этот «обмен мнениями» удержал Петра от намерения послать в Берлин еще одного — после А.П. Измайлова — специального эмиссара для переговоров о сближении внешнеполитических курсов двух государств. Подтверждение мы находим в бумагах царя, среди которых есть неотправленное письмо к Фридриху, помеченное 3 февраля 1704 года. Там сообщалось о готовившейся тайной поездке в Берлин полковника Р.В. Брюса (старшего брата Якова Брюса) с наказом обсудить *«нужнейшие»* и *«высокопотребные»* для обоих государств дела. В наказе говорилось о необходимости добиться приватной аудиенции у короля и сказать ему следующее. В 1697 году, в развитие исторически дружественных отношений между Россией и Пруссией, был заключен союз. Тогда же Фридрих и Петр в ходе личной встречи клятвенно пообещали друг другу *«крепко и ненарушимо... соблюдать учиненное содружество»* и искать пользы для союзника, как для себя самого. В соответствии с буквой и духом этого соглашения царь незамедлительно поздравил курфюрста бранденбургского с коронованием, тем самым признав его прусским королем. В ответ прусские министры сулили много чего, *«однакож по сие число его царское величество никакого опыту дружбы его королевского величества не чувствовал»*. Более того, Фридрих *«изволил учинить союз»* с Карлом XII, не уведомив Петра о содержании статей договора, а лишь сообщив через Кейзерлинга об отсутствии в них чего-либо вредного для России. Прусский король считал, что он не обязан делать такое уведомление, поскольку ни царь, ни его предки не посвящали Берлин в содержание своих договоров с иностранными государствами. На это Р.В. Брюс был уполномочен заявить, что до Петра подобные оповещения действительно были не приняты, но царь все изменил, доказательством чего является Бирженский договор, текст которого был передан прусскому правительству.

Инструкция обязывала Брюса *«домогаться накрепко»* ответного выражения доверия в виде передачи царю копии прусско-шведского договора. Но это будет лишь одним из доказательств дружбы. В качестве другого Петр требовал от Фридриха клятвенного подтверждения и обновления союза 1697 года и обещания содействовать заключению русско-шведского мира с условием, что *«отечественные его царского величества земли недвижно при нем останутся»*. Со своей стороны Петр еще раз пообещал *«соседственным потентатам никакого подозрения и к озлоблению причин не подать»*.

Р.В. Брюсу вменялось в обязанность *«разведывать накрепко о всяких неприятельских замыслах»*, к коим царь отнес возможное соглашение между Фридрихом и Карлом XII о разделе Прусской (северной) Польши. В завершение разговора посол должен был пожаловаться на Кейзерлинга, который *«непорядочно и грубо»* обходился с другими иностранными дипломатами в Москве, компрометируя тем самым своего короля.

Миссия Р.В. Брюса не состоялась, но основные положения вышеприведенной инструкции были доведены до сведения Фридриха.

Между тем король подавал Петру новые поводы для подозрений. Когда в феврале 1704 года польский сейм под давлением Карла XII сверг Августа II с престола и готовился к избранию ярого недоброжелателя России Станислава Лещинского (воеводы Познанского), прусский король тайно интриговал в его пользу. Сам Фридрих отрицал этот факт и повелел Кейзерлингу передать царю, что его главное желание — остаться в дружеских отношениях с Россией. И это была правда. С одной оговоркой — он хотел «дружить» так, чтобы это ему ничего не стоило. Отсюда, кстати, его показное и безрезультатное преследование авторов пасквильной литературы о России. С единственной целью — дать царю лишнее доказательство своей лояльности. По этой же причине Фридрих не возражал против отзыва из России Кейзерлинга за его неподобающее поведение в отношении иностранных послов при царском дворе.

Недоумение А.А. Матвеева

А.А. Матвеев страдал не только от англо-голландских интриг. Палки в колеса ему постоянно вставлял Паткуль, донося Петру, что его посол не разбирается в обстановке и извещает царя о том, о чем не имеет никакого понятия. Причин такой неприязни было две. *Во-первых*, Паткуль ревниво относился с статусу Матвеева, обладавшего довольно большими полномочиями. Это шло наперекор его планам стать главным руководителем русской дипломатии в Европе и главным «просветителем» Петра в отношении перипетий европейской политики. *Во-вторых*, после первых успехов русской армии в Прибалтике идеи Паткуля стали все дальше расходиться с интересами России. Он опасался, что при успешном для русских течении событий Петр будет остывать в желании мириться с Карлом, а если и согласится, то уже не удовлетворится теми мизерными приобретениями, которые «отводил» России Паткуль. В принципе он не возражал против мира, но такого, какой исключит передачу Лифляндии Петру.

Интрига Паткуля удалась. В начале 1704 года Ф.А. Головин сделал Матвееву выговор, потребовав от него срочно уведомить Штаты, что Петр, несмотря на победы в Прибалтике, неизменно остается при своем желании заключить с Карлом мирный договор *«без всяких больших вымогательств»* со стороны России.

Впавший в отчаяние Матвеев отвечал, что делать этого нельзя ни в коем случае. Как ни объясняй голландцам настойчивую тягу царя к миру, она при нынешних обстоятельствах будет расценена не иначе как трусость, как признание *«совершенного своего бессилия перед неприятелем»*. Войну нужно не заканчивать, а продолжать, привлекая на свою сторону новых союзников, в частности Англию и Голландию, у которых отношения со Стокгольмом складываются не лучшим образом. По мнению Матвеева, ничто не подействует на морские державы так, как заявление России о готовности

примкнуть к Франции. Если прибавить сюда страх, что Фридрих I и Карл XII могут сделать то же самое, то Лондону и Гааге некуда будет деться.

Желая убедить Ф.А. Головина, насколько именно сейчас унизительны разговоры о мире, Матвеев сообщает о своей беседе с Великим пенсионарием, который был удивлен приостановкой действий русских войск в Прибалтике, упущенным благоприятным временем для взятия Ревеля и Нарвы. Подразумевалось, что в случае успеха переговорные позиции России принципиально изменятся в пользу Москвы. Теперь же возникает опасность заключения союза между Карлом XII и Фридрихом I, которые легко одолеют Польшу и обратят все свои силы против Московского государства.

Очень важным моментом в разговоре было признание Гейнзиуса о том, что посредническую роль может взять на себя Людовик XIV. Из этого следовало, что Штаты не собираются отдавать ее французскому королю, предполагая возможность превращения посредничества в союзные отношения.

В знак якобы расположения к России пенсионарий сообщил о пересмотре прежней позиции Гааги относительно приема на обучение 1 тыс. русских матросов.

В этом внешне доверительном разговоре доверием и не пахло. Каждый собеседник играл в свою игру, пытаясь выведать больше, чем поведать. Но все же это был обмен важной, хотя и не всегда равноценной информацией. Благожелательное отношение Штатов к России лишь имитировалось. Матвеев понимал это прекрасно.

Реальность была иной. Сколько бы англичане и голландцы ни заверяли Москву в своем добром расположении, они всегда будут против присутствия русских на Балтике. Так повелось от веку: морским державам не нужны соперники.

Эту аксиому еще раз подтвердили сведения, добытые Матвеевым. Выяснилось, что английские и голландские послы в Дании настойчиво отговаривали Фредерика IV от восстановления союза с Петром. Довод был один. Царь завладеет Ливонией и возьмет всю балтийскую торговлю (прежде всего русскими товарами, столь нужными для Европы) в свои руки. А Дании будет грозить постоянная опасность.

На тот момент (1703–1704 гг.) Матвеев хлопотал о невозможном. Любой враждебный жест Лондона и Гааги против Стокгольма мог перевернуть всю европейскую ситуацию так, что управлять ею будет вообще невозможно. Перестановка альянсов ввергнет Европу в полный хаос. Вопрос, кто выйдет из него победителем, а кто проигравшим, оставался безответным для всех. Любая рокировка фигур внушала страх. Самое большое опасение вызывала перспектива перехода Карла XII на сторону Франции, заключение союза с Баварией, захват Силезии и нападение на Австрию. Одним словом, Европа давно не сталкивалась с необходимостью распутывать столько политических шарад, сколько возникло в 1703–1704 годах.

Петру тоже пришлось ломать голову над этой шахматной доской. Однако и сам царь внес свой вклад в осложнение ситуации. Его приближенные (кроме Паткуля) недоумевали, почему он, в этой во многом обнадеживающей для него конъюнктуре, уклоняется от поиска более тонких ходов, а упорно хочет закончить «партию», удовольствовавшись мизерным результатом. Петр строго настаивал, чтобы Матвеев непременно добивался мира с Карлом XII, постоянно твердя, что России нужна *«только одна пристань»* на Балтике, которая принесет английским и голландским купцам огромную прибыль. Ему уже не терпится заключить с Лондоном и Гаагой торговые

договоры. На доводы Матвеева, что для *«такого великого дела»* еще не пришло время, Петр не реагирует. Владея практически всей Прибалтикой униженно просить лишь о крохотном уголке на побережье. Не странно ли? К счастью, Карл категорически отказался предоставлять даже такую малость.

Историку остается только гадать. Можно было бы предположить, что дело тут в интригах Паткуля. Продолжая докладывать в Москву о некомпетентности Матвеева, он предлагает дать Штатам или датскому королю такую сумму денег, которая не удержит их от соблазна объявить шведам войну. Но ведь это тоже ничего не объясняет. При всех разногласиях с Матвеевым, Паткуль был против мирного договора. Но не потому, что он не мечтал о максимальном ограничении русских приобретений, а потому что Петр, по договору с Августом, отдаст Ливонию Польше, а Карл никогда этого не сделает.

Лучше все же не гадать на кофейной гуще, а следить за ходом событий, чем, кстати, и занимался Петр. Именно ход событий, как известно, изменил мнение царя о том, что именно он достоин получить в результате войны.

Москва–Париж: похолодание, которому не стоило удивляться

В конце 1703 года Балюз встречался с Головиным и на очередной вопрос «канцлера» — нет ли новостей из Парижа — поделился тем, о чем мы уже знаем — приказом короля покинуть Москву, поскольку *«мысли царя изменились»*. Посол попросил устроить это как можно скорее. Головин, по-видимому, надеявшийся получить проект союзного договора, крайне удивился такому резкому повороту дела и стал уговаривать Балюза отложить отъезд. Но тот настаивал, ссылаясь на строгое повеление Людовика XIV. Узнав об этом, Петр передал послу просьбу задержаться на какое-то время для обсуждения вопросов *«весьма полезных для обоих государств»*. Ответственность за последствия такой задержки он целиком принимал на себя.

Головин под разными предлогами старался оттянуть отъезд. Несколько месяцев Балюза развлекали чем могли, давая, кстати говоря, возможность ближе познакомиться с Россией и русскими (что, как уже отмечалось, входило в круг его непосредственных обязанностей, порученных Людовиком). Да и он сам, кажется, не особенно торопился (хотя и не признавался в этом). В конце концов, профессиональный интерес не мог оставить его безразличным к словам Петра о *«весьма полезных для обоих государств»* проблемах, требующих обсуждения. И все же ждать бесконечно Балюз не мог.

Прощальная аудиенция ему была дана в конце февраля 1704 года. О цели визита Балюза царь не сказал ни слова. Он лишь повторил то, о чем говорил Головин — свое согласие на прокладку южного маршрута русско-французской торговли через Средиземное море, Проливы и Азов, что с точки зрения объемов товарооборота было бы, по его мнению, гораздо выгоднее, чем северный путь через Архангельск. Затем государь вручил Балюзу личное письмо для Людовика, которое было насколько любезным, настолько и ничего не значащим. Там не видно ни малейшего намека на сожаление о несостоявшемся союзе, выражалась лишь надежда на дружеские отношения и *«любительный»* обмен письмами. В переводе с дипломатического языка это означало, что домогаться большего государь не собирается.

Петр остался дипломатом и в своем умении помочь Балюзу замаскировать неудачу его миссии теми описаниями русского гостеприимства, которыми тот хвалился в своих депешах королю. В этом смысле послу было о чем сообщить и относительно прощальной аудиенции, где царь провозгласил тост за здоровье Людовика XIV и где было объявлено, что Балюза ждет денежный подарок от Петра. 23 февраля 1704 года посол получил документы для отъезда из России.

Во время пребывания Балюза в Москве произошло событие, поставившее русско-французские отношения на грань разрыва. В 1703 и в 1704 годах французские каперы захватили два русских корабля (оба под названием «Андрей Первозванный»[1], а Людовик XIV велел конфисковать их вместе с товарами. Царский резидент в Париже Постников в письме Головину объяснял этот шаг местью за отказ Петра от союза с Францией и *«великой злобой и противностью»*, которыми Версальский двор *«дышит на интересы его священного царского величества»*. Возможно, это действительно так, если учесть, что аналогичный инцидент со шведским судном король быстро разрешил, приказав вернуть его Швеции вместе с грузом. Петр считал, что эта проблема требовала серьезного разбирательства.

Фредерик IV выставляет условия

Дания в ту пору не была в числе внешнеполитических приоритетов Петра, но из виду он ее не упускал, стараясь сохранить добрые отношения как предпосылку к будущему союзу. Письменный ответ Фредерика IV на предложения царя готовился очень долго, Пауль Гейнс привез его в Москву лишь в августе 1703 года. Король явно не торопился еще больше дискредитировать себя в глазах Петра открытым признанием своей недоговороспособности. Подготавливая почву на перспективу, Фредерик писал о своем *«усердном желании иметь крепкий союз и дружбу»*, но пока разрыв со шведами он не может себе позволить: Дания разорена, большая часть ее армии отдана в наем Австрии, Англии и Голландии, казна пуста. На вооружение флота для возобновления войны с Карлом XII нужно 2 миллиона ефимков, которые датчане надеются получить от России. Кроме этого, пожалуй, самого главного условия отказа от Травендальского договора были и другие. Фредерик считал необходимым принудить польского короля к большей военной активности. Очень странно звучала идея вовлечь в антишведскую коалицию прусского короля, но так, чтобы союзные планы сохранялись в тайне от него. (Как провернуть такой фокус технически, не пояснялось.) Фредерик также предлагал двинуть русские войска *«в сердце Шведской земли»*, чтобы датчанам *«отдых сочинить»*, то есть избавить их от основного бремени войны, переложив его на Россию. (Такие мысли излагались без всякого стеснения.) Несколько забавно выглядело выставленное королем условие: обе стороны обязуются не только не заключать сепаратного мира, но даже не выслушивать предложения о нем, пока враг не признает своего поражения и сам не попросит о мире. И это говорил человек, подписавший травендальскую капитуляцию. Фредерик обещал похлопотать перед Англией и Голландией, чтобы они либо придерживались нейтралитета, либо прислали в Балтийское море эскадру для сдерживания шведов.

[1] В ряде источников речь идет об одном корабле, захваченном в марте 1704 года.

Предложения датского короля состояли из восьми пунктов. Порядка приоритетов в них не было, но все они без исключения касались лишь обязательств России. Петр согласился со всеми пунктами, кроме одного — о финансовой помощи. Он заявил, что несет огромные расходы, воюя в том числе за датские интересы, и *«на такие великие помощные деньги»*, которые просит король, *«соизволить не может»*. Да они и не предусмотрены условиями русско-датского договора (от 30 апреля 1700 г.). Царь обещает помочь материалами для снаряжения флота, хотя и не обязан этого делать в силу того же договора. В ответ на домогательства Фредерика Петр посылает ему ясный сигнал: если он *«ныне ничего чинить не станет, то разрушит тем союз и дружбу с его царским величеством навеки»*.

В январе 1704 года эти ответы царя были приняты Гейнсом *«на доношение»*. Устно ему было сказано следующее. Если Фредерик не готов пойти на разрыв со шведами, то пусть выступит посредником между ними и русскими с ясным пониманием того факта, что царю нужно *«твердое основание на Балтийском море»*. И тогда он в благодарность заключит с Данией новый торговый договор, который *«особливые прибытки* (датчанам. — *В. Д.*) *обещает»*. В противном случае русско-датский союз *«за ничто признан будет»*. *«Сверх того говорено ему ж, Гейнсу, что если король сам воевать не станет, то б хотя по договору своему королю Польскому войск перепустил и прочая, за что будут платить здесь* (в России. — *В. Д.*) *товарами»*.

Русскому послу в Копенгагене А.П. Измайлову поручалось обещать наиболее влиятельным датским министрам 200 тыс. ефимков, чтобы Фредерика *«подвигнули к войне Шведской»*. Но ведать об этом должны лишь те (одна или две особы), кто возьмется сделать дело. Действовать велено *«скрытно и умно»*, *«с тайным охранением»*, иначе *«стыд и смех будет»*.

К решению проблемы возобновления Данией войны был подключен и Паткуль, получивший соответствующие инструкции как человек, знающий подходы к датским министрам.

Чего ждать от стамбульской чехарды?

Вновь вернемся к русским южным делам. Многие историки предпочитают если и не полностью исключать их из контекста Северной войны, то во всяком случае отводят им далеко не ту роль, которую они заслуживают в сложнейшем нагромождении событий того времени.

На первый взгляд турецкий вопрос был улажен после трудной миссии Е.И. Украинцева. Но почему-то нас не покидает ощущение, что блестящие военные победы Карла XII заронили у Порты сомнения о несвоевременности подписания Константинопольского договора 1700 года. Похоже, такое же чувство подозревал в турках и Петр, заставляя себя при первой возможности покидать северный театр войны и спешить в Воронеж, где он продолжал строительство флота. В сохранении мира царь видел первостепенную задачу, но при этом не исключал и другого. Усиливались слухи о военных приготовлениях султана с целью воспользоваться Северной войной и вернуть потерянное. Османский посол в России Мустафа-ага настойчиво поднимал вопрос о нарушении Россией Константинопольского мира, выдвигая ряд требований, в том числе о срытии Таганрога и Каменного Затона.

Стремясь воспрепятствовать войне или, по крайней мере, отдалить ее, если нельзя предотвратить, Петр наказывал П.А. Толстому вести умиротворительную политику, избегая подозрений турок и отвлекая их вопросами торговли, воспользовавшись тем, что Порта хочет покупать у России важные для нее товары, в том числе приобрести несколько построенных в Азове кораблей. В своих подробнейших инструкциях от 9 июня и 2 декабря 1704 года царь писал, что хорошо бы добиться равноправного договора, предусматривающего визиты русских купеческих судов в турецкие порты. На тот случай, если переговоры выйдут за рамки торговли и сосредоточатся на вопросе о «невыполнении» Россией условий Константинопольского договора 1700 года, Петр предписывал не озлоблять османских министров, действовать осторожно, но твердо. В частности, если они опять поднимут старую тему о срытии Каменного Затона, повторять прежнее: крепость стоит во владениях его царского величества, предназначена для обуздания *«своевольных плутов Запорожцев»* и не является нарушением мирных статей. Но в крайнем случае П.А. Толстому разрешалось согласиться на срытие крепости. Посол также был уполномочен заявить, что в знак дружелюбия и доброй воли царь не станет возражать, если турки построят вблизи Очакова, только не на месте срытых днепровских городков, небольшое укрепление в качестве опорного пункта для русско-турецкой торговли. Место должно быть согласовано с царскими представителями, и отдельной статьей прописано условие — не принимать беглых из Украины и Запорожской Сечи.

Мысль об отвращении османской угрозы настолько беспокоила Петра, что он просил посла подумать, каким образом можно подвигнуть Порту на войну либо с Австрией, либо с Венецией (*«куды они склоннее будут»*), но чинить это *«зело секретно»*, чтобы не навлечь *«токмо подозрения и убытку»*. На подкуп кого надо царь распорядился выдать П.А. Толстому 40 тыс. червонцев.

Посол начал действовать в этом направлении *«самым секретным образом»*. Поскольку в Порте даже самые важные внешнеполитические вопросы решались с помощью взяток, посол вступил с заинтересованными лицами в переговоры о том, кому и сколько надо дать. Выяснилось, что давать нужно много и многим. А успех не гарантировался. Французский посол, к примеру, заплатил за обещание какой-то услуги более ста тысяч реалов без всякой пользы.

Периодические затишья во внутриполитической жизни Турции Петра не успокаивали. Обстановка могла внезапно поменяться в худшую для России сторону. В конце декабря 1703 года это и случилось. Был, как мы уже знаем, свергнут султан Мустафа II. Престол занял его брат Ахмед III. А в сентябре 1704 года на смену великому визирю Гассан-паше пришел Ахмед-паша. П.А. Толстой признавался Ф.А. Головину, что его голова уже отказывается искать какую-то логику в этой министерской чехарде. (С 1702 по 1704 год сменилось семь великих визирей.) Но хуже было другое. Новый визирь настолько невзлюбил П.А. Толстого, что перевел его чуть ли не на положение арестанта.

На фоне всех этих хаотических событий, чреватых любым неожиданным решением Порты, весьма спорным представляется вывод С.М. Соловьева, что *«со стороны Турции не было никакой опасности»*.

Невольно возникает ощущение, что С.М. Соловьев хочет подвести читателя к мысли, будто Петр успокоился за свой южный фланг и готов продолжить кампанию против шведов. Но тогда почему он в феврале 1705 года отправляется не в действу-

ющую армию, а в Воронеж (не будем считать, в который уж раз), где проводит два месяца и только в апреле возвращается в Москву? «Спокойствие» царя по поводу обстановки на юге никак не вяжется с этой поездкой. Его непреходящая любовь к флоту лишь отчасти объясняет двухмесячную отлучку именно тогда, когда театр Северной войны быстро расширялся и время приобретало решающее значение, как и личное царское присутствие в войсках.

В нарушение всех канонов исторического исследования просим великодушного прощения у читателя за то, что автору этих строк внезапно пришла в голову шальная фантазия. На минутку вообразим, что современные титулованные специалисты по предвоенным кризисным ситуациям (люди из XXI века) каким-то чудом очутились в той далекой эпохе. И им, с их высочайшей теоретической подготовкой и опытом моделирования подобных конъюнктур, предложили бы взвесить шансы войны и мира между Турцией и Россией. Что бы они сказали? Боюсь, что разброс их мнений ничем не отличался бы от той сумятицы, что царила в головах у османских элит. Более того, в исходных отправных данных для «корректного» анализа они запутались бы еще больше, чем тогдашние практики, все же привыкшие к стремительным переменам во внутриполитической повседневности Турции, где правили бал личные страсти и непредсказуемые подвижки в расстановке придворных сил. Если уж на волоске висели жизни султанов, то что говорить о великих визирях, прямо причастных к принятию бесповоротных государственных решений.

Нет большего заблуждения, чем полагать, будто внутренние неурядицы, включая состояние казны, есть гарантия отказа Турции от внешней войны. Скорее, они ее стимуляторы и средства добиться временного единства правящего класса и общества. Разумеется, есть и другие, более фундаментальные слагаемые причин, приводящих к войнам. Но, по крайней мере, в случае с Портой проследить четкую, «классическую» траекторию развития предкризисных ситуаций с последующим перерастанием их в войны чаще всего невозможно.

Петр очень высоко ценил дарования П.А. Толстого, и это спасло его от казни, ибо в стрелецком мятеже он поддерживал Милославских. Доверие царя он вернул военными подвигами, безукоризненной службой и преданностью петровским идеалам. Однажды государь, взяв П.А. Толстого за голову, сказал: *«Эх, голова, голова! Не быть бы тебе на плечах, если бы не была так умна»*.

В Турции для «умной головы» нашлось много работы, и вести ее приходилось в невыносимой обстановке. Говорили, что ему поручено подбивать османских христиан на восстание, поэтому к его дому никого не подпускали. Но П.А. Толстому все же удавалось выведывать ценные сведения. Из них явствовало, что партии «войны и мира» в Порте действительно существуют. Они ведут между собой борьбу самыми циничными методами — заведомо ложными слухами, интригами, наветами, заговорами, от участи стать жертвой которых не был гарантирован никто. Впрочем, мы поторопились назвать эти способы «самыми циничными», ибо ничего необычного для политики вообще и для восточной политики в частности в них не было.

Повторим еще раз. Было бы ошибкой утверждать, что у Турции имелись четкие планы возобновления войны с Россией или Австрией. Однако при той неразберихе, которой отличались настроения османской политической элиты, Петру приходилось считаться с вероятностью любого виража событий. На тот случай, если Портой овла-

деют реваншистские искушения, он предпочитал отвести их от себя и перенаправить в сторону Австрии, коль скоро Вена сама придерживалась (как на Карловицком конгрессе) и продолжала придерживаться принципа «пусть каждый стоит за себя и получит то, чего заслуживает».

Но это было из категории желаемого. А действительность заставляла считаться с более вероятным сценарием — войной на два фронта в отсутствие союзников, которые появятся только тогда, когда Россия докажет, что она способна на то, чего от нее пока никто не ожидает. Поездки Петра в Воронеж — это приготовление царя к предъявлению Европе именно таких доказательств. Реально это или нет — проверяется на полях сражений, а не по военным учебникам, утверждающим о невозможности воевать одновременно с двумя неприятелями.

Петр не боялся войны на два фронта, но и не искал ее. В поздравительной грамоте к Ахмеду III (от 25 ноября 1704 г.) в связи с его восшествием на трон, царь нисколько не кривил душой, когда обещал не дать султану *«ни малого подозрения к нарушению мирного постановления* (Константинопольского договора 1700 г. — *В. Д.*)». Поверил султан Петру или нет, но есть основания полагать, что Ахмед III не хотел начинать свое правление с войны против России.

В декабре 1704 года царь получил от П.А. Толстого известие, необычайно его обрадовавшее. Посол сообщал о миролюбивом расположении Турции.

На защите «парадиза»

Весной 1704 года Петр снова в Петербурге. Эту новую зеницу ока (*«парадиз»*, как он ее окрестил) царь уже никому не отдаст, чего бы то ему ни стоило. Что до Эстляндии и Лифляндии, то возвращать их государь тоже не собирался. Кому и во имя чего отдавать добытое русским оружием и жертвами, без малейшей помощи с чьей-либо стороны?

Кажется, Карл XII никак не реагировал на успехи Петра в Ингрии, Эстляндии и Лифляндии. Если это так, то в качестве причины принято приводить тот факт, что он «увяз в Польше». Полагаем, это не вполне удачный образ. Карл не «увяз». Он действовал с неистовой энергией. Громил саксонские войска, пока окончательно не выгнал их из Польши. Сверг с престола Августа II. Вел хитрую политическую игру с сеймом и клерикалами. Добился коронации Станислава Лещинского против воли тех, кто сомневался в его легитимности. После полного поражения саксонцев вытеснил вспомогательную русскую армию в район Киева. Преследовать ее Карл не стал, а расположился в Пинске, после чего двинулся на юго-запад, где между Луцком и Дубно дал армии отдых.

Но куда он пойдет дальше? Никто не знал.

Шведский король не спешил наказывать Петра за его дерзость. Еще успеется. Карл был пока далек от признания царя достойным противником. Он по-прежнему презирал варварскую русскую армию и, похоже, даже не искал с ней встречи. Захвата в мае 1704 года 13 шведских судов, плывших по реке Эмбах в Чудское озеро, Карл просто не заметил: еще не хватало отвлекаться на такие пустяки. Между тем именно такие «пустяки» шли в общую копилку русских успехов, вселяя в Петра и его армию надежду и укрепляя боевой дух.

Петр торопился воспользоваться благодушием Карла. Государь не был спокоен за Лифляндию, пока две тамошние крепости — Дерпт и Нарва — оставались в неприятельских руках. Король в любой момент мог бросить на их разблокирование крупные силы, которые, если уж придут, конечно, не ограничатся этой задачей.

2 июля Шереметев в присутствии Петра начал осаду Дерпта. Через 10 дней она была взята с немалыми трудами. Затем царь отправился под Нарву и после штурма (9 августа) вошел в город, взяв реванш за конфуз четырехлетней давности. Через неделю сдался Иван-город.

Пока шла эта кампания, шведы (12 июня) атаковали Петербург с выборгской стороны, но были отбиты. Провалилась и попытка неприятеля овладеть недавно построенным фортом Кроншлотом.

Военные успехи Петра на суше заронили дерзкую мысль дополнить их морскими операциями. Паткуль предложил перебросить часть русского флота из Азова в Балтийское море. Но царь отверг ее ввиду того, что уговорить Порту на пропуск кораблей через Проливы было нереально.

На исходе удачного для Петра 1704 года можно было утверждать лишь одно: ситуация уже не имела ничего общего с 1700 годом. Но предсказать, в каком направлении она будет развиваться, не представлялось возможным. Уж слишком много накапливалось обстоятельств, которые могли соединиться в самые разные комбинации, в том числе неожиданные, случайные и по-прежнему опасные для России.

1705 год

Упреки Августа II

Нарвский договор 1704 года не освободил Петра от неприятных объяснений с Августом. Уже через считаные месяцы царь писал королю (13 января 1705 г.), что *«с великим неудовольствованием»* узнал о жалобах польских сенаторов на *«неприятельское»* поведение русских войск в Литве, где они якобы производят реквизиции по своему произволу. Петр возмущался тем, что слышит такое вместо благодарности за выдворение шведов из литовских территорий, куда царская армия пришла по *«многим домогательствам»* Речи Посполитой и где она находилась на собственном довольствии, хотя польские власти обещали снабжать ее провиантом в связи с перебоями в поставках хлеба из России в зимнее время. Отвергая обвинения относительно поборов, Петр предлагал Августу прислать специального комиссара для расследования отдельных случаев злоупотреблений, виновники которых будут преданы военному суду. Царь уведомлял об издании им специального указа, предусматривающего смертную казнь за подобные проступки. Заодно Петр напоминал королю о необходимости личного свидания для дальнейшего согласования взаимных действий.

Свидания этого Август избегал, что настораживало царя, хотя он притворялся, будто верит в разного рода отговорки короля. Соглашаясь отложить встречу, Петр настойчиво просил своего *«брата»* приготовиться к соединению русских и поль-

ско-саксонских войск для совместной весенней кампании 1705 года, в ходе которой он и надеется увидеть Августа и которая ни для чего другого не предпринимается, как к *«единой пользе вашего величества»*. Очень многозначительно звучит выраженная Петром надежда, что король *«ни от кого в свете на иные мысли склонять себя не допустит»*. В ответ звучали лишь жалобы на позднюю присылку денег, да еще не в той «валюте».

Действовать же Август не собирался. Сидя в Дрездене, он предавался плотским забавам и составлял для Петра военные планы. Король считал, что царь обязан незамедлительно двинуться со всей армией (включая войска Мазепы, которым следует наступать с юга, через Сандомир) на Варшаву, разогнать сейм и восстановить Августа на престоле. При этом он должен авансом выплатить причитающиеся по Нарвскому договору деньги и строго следить за тем, чтобы русские продовольствовались только из своих интендантских обозов. Сам же Август выступит царю навстречу не раньше, чем тот подойдет к Висле.

Попросту говоря, свергнутый король хотел чужими руками вымостить себе дорогу к потерянному престолу. Опасности, которым подвергнется русская армия, его не интересовали. А они были немалые в условиях, когда Петру требовалось преодолеть обширное пространство, где его в любой момент могли атаковать высокоманевренные и непредсказуемые войска Карла XII, уже не раз побеждавшие за счет этих качеств.

Тем не менее Петр согласился на требования Августа. Но с оговоркой, что, *во-первых*, будет действовать по обстановке, *во-вторых*, выдаст субсидии не заранее, а лишь после того, как польско-саксонская армия покажет себя в деле.

Царь не зря беспокоился о стратегической конъюнктуре. В конце июля 1705 года под Варшавой Карл XII нанес поражение польско-саксонской армии (с включенными в нее русскими полками) под командованием генерала Отто фон Пайкуля (не путать с Паткулем) и вновь взял польскую столицу. Саксонцы отошли к себе домой, и уже никакой речи об их активных действиях быть не могло. Осенью Август стал настаивать, чтобы Петр оплатил этот простой. Царь дошел до Гродно и стал там лагерем. Идти дальше на запад он не решился. Инициатива была полностью в руках шведов. Желая удержать Августа от сепаратного мира, Петр выдал ему 200 тыс. рублей.

Король «отрабатывал» их на свой манер, отправляя запросы, призванные создать впечатление о глубокой заинтересованности в продолжении войны. Петр добросовестно отвечал на них. Один из запросов касался выработки совместной политики в отношении иностранных государств. Ответ заслуживает особого внимания. По мнению царя, государств, с которыми надлежит считаться, пять: Австрия, Англия, Дания, Пруссия и Голландия. Эти отношения должны выстраиваться с большой осторожностью в зависимости от ожидаемой от каждого из них пользы или вреда. Петр признавался, что он не стал бы уповать на помощь крупных держав. Что же касается мелких, то они будут скорее мешать. Поэтому их следует *«вне игры содержать»* (*sic*). Тем не менее Россия и Польша–Саксония должны иметь свою политику по всем пяти направлениям.

Особо тонкого обращения, писал Петр, требует прусский король, подозрительный ввиду своей близости со шведами. За ним надлежит ухаживать и склонять к медиации, уверяя, что главная цель союзников — мир через его посредничество, и суля ему территориальные вознаграждения.

В Дании полезно было бы разведать, не склонится ли она к восприятию *«бодрых советов»*, то есть к возобновлению войны.

Не совсем понятно, почему Петр не стал распространяться о трех других государствах (Австрии, Англии и Голландии). Видимо, решил, что и так доверился Августу сверх меры.

В ноябре 1705 года польский король приехал в Гродно на свидание с Петром. Пока монархи общались между собой, их представители вели трудные переговоры. Каждая сторона фактически укоряла другую в невыполнении Нарвского соглашения. От России требовали: 1) предоставить дополнительные денежные субсидии и избавить Речь Посполитую от необходимости содержать царские войска; 2) передать Польше Белую Церковь с округой и угомонить украинских казаков; 3) подтвердить свое обещание вернуть полякам все завоеванные в Лифляндии земли, включая Ригу (когда она будет взята); 4) не мешать свободному отправлению католической веры в России.

На это Ф.А. Головин отвечал следующее.

Царь знает, что часть предоставленных им субсидий постигла печальная судьба: польско-литовские военачальники взяли деньги и перебежали к шведам. Да и те войска, что остались лояльным к королю, ничем не показали, что они стоят уплаченных сумм. Тратиться впустую государь не намерен. Что касается сетований поляков и литовцев по поводу расходов на постой русских войск, то они безосновательны, ибо армия живет на собственных *«проторях»*, а когда привлекаются местные продовольственные ресурсы, то лишь в официально оговоренном количестве.

Петр обязался вернуть Польше захваченную казачьим полковником Семеном Палием (Палеем) Белую Церковь и приложить все силы к обузданию антипольских настроений среди его приверженцев. Возвращена будет и Лифляндия несмотря на то, что завоевана она исключительно жертвами, принесенными русским народом.

Католики получат в России свободу вероисповедания в обмен на отказ от преследований, которым подвергается в Польше греко-православная вера.

Переговоры в Гродно не рассеяли атмосферу взаимного недоверия между Петром и Августом. Царь опасался саксонско-шведского сговора, а король русско-прусского. В начале декабря 1705 года Август, терзаемый призраком раздела Польши, напрямую спросил у Петра, не заключил ли он с Фридрихом I какого-либо соглашения, противоречащего Нарвскому договору. Царь ответил, что ходатайствовал перед Берлином лишь о мирном посредничестве в интересах России и Польши–Саксонии, но это то, о чем Август давно извещен.

Август продолжал продавливать вопрос о повышении субсидий, напоминая Петру, что ради союза с Россией Саксония отказалась от больших выгод, которые сулила ей другая внешнеполитическая ориентация. На это Петр ответил, что ему неприятно это слышать, но он будет искать возможности для удовлетворения финансовых нужд короля.

Августу стало известно о царском указе Паткулю (октябрь 1705 г.): при возникновении угрозы уничтожения вывести русские полки из Саксонии через Польшу в Россию. В случае невозможности такого прохода отдать их под покровительство австрийского императора с правом использовать эти силы в Испанской войне в течение не более чем одной кампании. Петр не отрицал этого, но пояснил, что его полки, введенные в Саксонию по просьбе Августа, оказались в опасности и он не может бросить их на произвол судьбы.

В своих подозрениях Август дошел до того, что предложил заключить новый союзный трактат. Петр категорически отверг эту идею, заявив о необходимости соблюдать уже существующие договоры. А от столь частых перемен ничего хорошего ждать не приходится. В самом деле: это был бы уже пятый договор (после Преображенского [1699 г.], Бирженского [1701 г.], Варшавского [1703 г.] и Нарвского [1704 г.]), повторявший одни и те же условия.

Гамбит Паткуля

1705 год по-своему примечателен событиями, которые развернулись вокруг нашего знакомого Паткуля. Он находился в Саксонии во главе вспомогательного русского корпуса. Здесь его страсть к завязыванию тугих интрижных узлов, кажется, достигла апогея. Они порой были настолько причудливы, что до сих пор остаются загадкой, заставляя вопрошать: неужели искусство интриготворения может окончательно превратиться из средства достижения какой-то рациональной цели в процесс, доставляющий удовольствие сам по себе?

Мы не настаиваем, что это и есть всепоглощающая мотивировка действий Паткуля, но найти другое объяснение нам не удалось. Возможно, из фактов, которые мы приведем, у кого-то сложится более ясное представление о том, чего он все же добивался, кроме славы одного из величайших интриганов в истории.

Итак. Ко времени появления Паткуля в Саксонии он обзавелся бессчетным числом врагов и недоброжелателей, и, словно нарочно, наживал все новых и новых. Мог ли он не понимать, что собирает вокруг себя армию влиятельных людей, которым ничего не останется, как уничтожить его физически? Почти любой саксонский министр сделал бы это с удовольствием.

Не испытывал приязни к Паткулю и командующий русским военным отрядом в Польше князь Д.М. Голицын, жаловавшийся в Москву на его непонятные чудачества. Из Посольского приказа требовали от Паткуля объяснений. Тот не замедлил их дать в странном для себя сообщении. Всегда презиравший русское воинство, никогда не сказавший о нем доброго слова, Паткуль вдруг заводит почти похвальную оду в честь русского солдата, с которым гораздо лучше иметь дело, чем с немцем. Затем он ни с того ни с сего хвалит Д.М. Голицына, которому он якобы с радостью во всем угождает.

В следующем письме Паткуль теперь уже поносит царские войска в Литве, опасаясь, что они своим поведением скорее навлекут на себя ненависть, чем принесут пользу. Некое подобие оправдания этому Паткуль находит в тяжелом экономическом положении войска, которое ухудшается изо дня в день. Август II в Дрездене проводит время в любимых забавах, тайно готовясь к миру со шведами. Русские войска в Саксонии фактически блокированы. Выйти оттуда Карл им не даст. Поэтому Паткуль просит разрешения передать их в распоряжение австрийского императора для использования в Испанской войне.

В апреле 1705 года новое письмо Ф.А. Головину. Паткуль прямо укоряет Петра в дурном ведении дел, под которым подразумевает отказ царя прислушиваться к его советам. Сообщая, что скоро у Карла в Польше будет более 40 тыс. войск, Паткуль предрекает *«несчастливый исход войны»*. Не желая нести за это ответственность, он ходатайствует об увольнении с царской службы.

Был ли это блеф, или же Паткуль действительно хотел умыть руки? Еще один вопрос, поставленный им перед историками.

В следующем письме в Москву Паткуль опять вдается в какие-то темные намеки. Он предупреждает, что для предстоящей встречи Августа II с Петром в Гродно он составил для польского короля инструкцию, прося Головина не верить ни единому в ней слову, ибо она составлена под давлением безумных саксонских министров, намеренных дискредитировать и погубить Паткуля.

Паткуль становился все более одиозной фигурой, но Петр как будто не обращал на это внимание. У него под рукой не было другого человека для сверхделикатных дипломатических поручений. В некоторых вопросах Паткуль продолжал казаться царю убедительным. Впрочем, иные из них были слишком очевидны, чтобы требовался особый талант для их обоснования.

Так, очевидной была необходимость заключения русско-прусского союза. Гораздо менее очевидными — способы достижения этой цели. Фридрих I мог рискнуть лишь при наличии максимального соблазна и минимального риска. Поскольку такие совпадения встречаются редко, требовалась исключительная изворотливость, чтобы представить королю ситуацию именно в таком свете. Мало кто был более пригоден для подобных дел, чем Паткуль. О том, как высоко ставил его царь, можно судить по письму к Паткулю Ф.А. Головина (декабрь 1705 г.), где содержатся комплименты по поводу дипломатического *«искусства»* барона, его *«изящного разума»* и *«мудрых поступков»*. В декабре 1705 года Петр наделяет Паткуля статусом чрезвычайного и полномочного посла в Пруссии.

Новый раунд русско-прусских переговоров

Как мы видели, долгое время Петр, раздраженный лисьей политикой Фридриха I, избегал личной переписки с ним, за исключением тех единичных случаев, когда это представлялось совершенно необходимым. В частности, нельзя было обойти вниманием кончину в начале феврале 1705 года супруги короля Софии Шарлотты, в связи с чем царь послал королю душевные соболезнования.

Как знать, не это ли событие послужило для Петра одним из психологических толчков, заставивших его унять свое раздражение по поводу проделок Фридриха и спросить себя, не наступили ли какие-либо изменения в настроениях короля. Впрочем, главный мотив для стремления Петра создать атмосферу некой «оттепели» в отношениях с Фридрихом следует искать скорее в политической прагматике, чем в психологии. Царю нужен был не Фридрих, а его миротворческие услуги или согласие на альянс против Швеции. Эту потребность английский посол Чарлз Витворт объяснял так: *«Он* (царь. — *В. Д.*) *опасается за ход войны, который все еще не решителен, и утомляется тяжким образом жизни, который начинает отзываться на его здоровье; страна истощена рекрутскими наборами и обеднела от податей на содержание армии и уплату субсидий королю польскому. Негодность русской государственной монеты* [...] *влечет за собою большие беспорядки в расходах и вызывает неудовольствие как у офицеров, так и у солдат. Русские завидуют полякам, да и не вполне уверены в намерениях короля. Кроме того, склонности союзных монархов мало сходны* [...]. *Ко всему этому прибавьте общее недовольство в Москве, образчик которого правительство видело в недав-*

нем астраханском бунте. Он и до сих пор, очевидно, не вполне усмирен, хотя донесения и стараются смягчить истинное положение дел».

11 ноября 1705 года Кейзерлинг получил разрешение покинуть Россию. Чтобы не создалось впечатления о выдворении посла, Петр лично навестил его накануне (8 ноября) и предложил изустно передать Фридриху царские предложения. Их содержание было изложено откровеннее, чем прежде. Государь хотел, чтобы король *«чрез сильную медиацию»* добился *«честного генерального мира»,* а если Карл XII упрется, то объявил ему войну. За это Фридрих получит западную (польскую) Пруссию, в чем Петр не сомневается. В крайнем случае царь окажет на Августа II соответствующее давление. Москва и Берлин специальным трактатом гарантируют друг другу сохранение новых территориальных приобретений. Под приращением собственных земель Петр имел в виду Ингрию и Эстляндию. (Заметим: *«об одной маленькой морской пристани»* нет уже и речи.) С этим Кейзерлинг и уехал.

В это же время был составлен проект русско-прусского договора, с которым Петр в декабре 1705 года отправил в Берлин Паткуля, дав ему *«полную мочь»* на его подписание. Не сказать, чтобы выбор царя был удачным. В данном случае Паткулю трудно было реализовать свои дипломатические способности, поскольку они затмевались его яростной и нескрываемой ненавистью к Карлу XII. Фридриху не доставляло ни малейшего удовольствия терпеть при своем дворе человека, изменившего шведскому королю, с которым он связывал надежду на получение куска польской земли, соединявшего Бранденбург с Пруссией. Кроме того, его возмущала чрезмерная напористость Паткуля, отстранившего от дел русского резидента Альбрехта фон дер Лита. Это безусловно наложило отпечаток на ход переговоров, хотя от личности переговорщика тут мало что зависело.

В царской инструкции к Паткулю повторялись основные положения, изложенные Кейзерлингу. Были в ней и некоторые нюансы. Так, Петр своей рукой дописал, что постарается сделать так, чтобы Август II к уступке в пользу Пруссии *«склонность свою явил»*. Паткулю предписывалось, в случае если Фридрих скажет, что Карл XII пообещал ему больше, чем царь, ответить: вопрос о дополнительных *«прибытках»* для Пруссии открыт для обсуждения, и Петр вовсе не отказывается от стремления искать их. Если же король отвергнет договор, то нужно домогаться хотя бы соглашения о прусском нейтралитете. Если и за него Фридрих потребует отступных, выяснить их смысл и срочно сообщить царю.

Фридрих I, со слов Паткуля, ответил, что готов дружить с Петром и служить ему во всем. Но с этим лживым, бесчестным, коварным Августом II он не желает иметь ничего общего. Когда Паткуль в обществе прусских министров попытался нарисовать радужные перспективы русско-польско-прусского альянса, те запричитали: как можно с таким, как Август, которого Европа ни во что не ставит, затевать что-то путное.

Сановники Фридриха склонялись признать Станислава Лещинского и хотели знать, согласится ли на это Петр. Не имея полномочий отвечать по существу, Паткуль предположил резко отрицательную реакцию царя. Как бы оправдывая Августа II, он свалил всю вину на злокозненное окружение короля, пообещав, что по настоянию его царского величества вредящая делу камарилья будет разогнана.

В нарушение всех правил Паткуль дал слово от имени Петра, тем самым ставя царя в неловкое положение, вынуждая его грубо вмешиваться во внутрисаксонские дела.

Иначе говоря, руками государя он хотел расправиться со своими врагами, что во многом превращало берлинскую миссию Паткуля в сведение личных счетов.

Персона Паткуля вызывает у историков огромный и заслуженный интерес, в котором восхищение его талантом интригана и манипулятора порой соединяется с недоумением по поводу некоторых его поступков, плохо совместимых с репутацией *«очень умного человека»*, которой он пользовался среди современников.

Многое в Паткуле озадачивало С.М. Соловьева. В данном случае та логика, на которой он строил переговоры в Берлине. Паткуль либо действительно недопонимал фундаментальных основ прусской внешней политики (или геополитики) — что было бы очень странно, — либо лишь делал простодушный вид, когда ратовал за создание прусско-саксонского союза. Замыслы предшественников Фридриха и самого Фридриха категорически исключали какие-либо действия, способствующие усилению Саксонии или какого-либо другого немецкого государства. «Тихое» собирание германских земель на долгие годы вперед останется непоколебимой константой внешнеполитической философии Берлина. И он никогда не подвергнет эту пока еще хрупкую идею неоправданному риску. По той же причине, полагал С.М. Соловьев, прусский король не пойдет на союз с Петром, пока тот не смоет с себя *«пятно нарвского поражения»* и не покажет свою военную мощь и союзническую надежность. Если все это Паткуль понимал, то остается предполагать единственную цель его поездки в Берлин — чужими руками уничтожить своих непримиримых саксонских врагов.

Однако те тоже были не лыком шиты и дожидались лишь момента, когда Паткуль зарвется окончательно — а шло именно к этому — и даст им повод избавиться от него на законных основаниях.

Между тем Фридрих I в 1705 году запретил всем иностранным войскам пересекать прусскую территорию под угрозой их насильственного вытеснения. Несмотря на реверансы в сторону Петра, он продолжал придерживаться нейтральной позиции, выжидая, когда и куда будет выгодно свернуть с нее. Опасаясь прогадать, он пытался определить, у кого больше шансов на успех в Северной войне. После Нарвы казалось, что у шведов. Но как знать... Русские ведь не дрогнули и за пять лет показали, что они тоже чего-то стоят. Вот и Нарву взяли. Охотно принимая посулы и от шведского короля, и от русского царя, он взвешивал их на своих, «прусских» весах. Фридрих I мечтал о многом, но сейчас ему нужен был Эльбинг и «данцигский коридор». Предложения Карла XII в этом смысле выглядели заманчивее. Ставка на Петра казалась более рискованной. Сначала царю нужно было победить Швецию, и пока это не сделано, ему нечего давать Фридриху, кроме обещаний. Да и они ограничивались одним лишь Эльбингом, который, между прочим, принадлежал не Петру, а Речи Посполитой. С какой стати царю принуждать своего союзника Августа II к этой уступке, а Августу соглашаться на нее, разве что за солидную компенсацию. Если в качестве таковой государь рассматривал Лифляндию, как он сам признавался, то такое мощное усиление Саксонии как конкурента Пруссии в Германии совсем не устраивало Берлин.

Однако и Карлу XII, прежде чем выполнить свои обещания Фридриху I, нужно было одолеть Россию и ее союзников. Поскольку эта перспектива оставалась туманной, Берлин счел за лучшее набраться терпения и ждать, чья возьмет в Северной войне, чтобы разделить добычу с победителем. Хотя в принципе была и опасность опоздать с «вкладом» в победу, пока время работало на прусского короля.

Падение лифляндского авантюриста

Тем временем Паткуль предлагает Петру один военный план за другим. Не все в них было прожектерством, но и последовательностью они тоже не блистали. Паткуль резонно предполагал: если не вывести русские части из Саксонии через Польшу на соединение с основными силами в Литве, то они окажутся в ловушке и будут разбиты шведами. В случае невозможности безопасного выхода единственное средство спасти войска — официально передать их в распоряжение цесаря для использования по его усмотрению.

Ф.А. Головин нашел идею разумной, а Паткулю только это и требовалось, чтобы перейти границы дозволенного. Он дошел до такой наглости, что решил не обращаться за санкциями Петра, раз есть согласие Ф.А. Головина. Будто это одно и то же. 15 декабря 1705 года Паткуль заключил с австрийским послом в Дрездене графом Страатманом договор, согласно которому русское войско в Саксонии передается в императорскую службу для использования на Рейне, в Нидерландах и, в особых случаях, в Италии. Договор должен был быть представлен на рассмотрение Петра, но царь не успел этого сделать.

Тайный совет Саксонии, в отсутствие Августа, высказался категорически против вывода русских полков. Паткуль был обвинен в самоуправстве и предательстве. Саксонские министры дождались своего часа. Паткуля арестовали и заключили в крепость Зоненштейн (8/19 декабря 1705 г.). Объясняя это решение, С.М. Соловьев очень точно заметил: *«Паткуль поворачивал круто, и враги его поворотили так же круто, действуя по инстинкту самосохранения. Ненависть саксонских министров достигла высшей степени; недоставало только предлога отделаться от него»*.

Князь Д.М. Голицын немедленно подал резкий протест за вопиющее нарушение международного права: Паткуль был на службе у русского царя, наказывать его не дело саксонцев.

Визит А.А. Матвеева в Париж

На протяжении большей части 1705 года русско-французские отношения находились в неопределенности. Балюз вернулся из Москвы ни с чем, что сопровождалось нежеланием Петра замять инцидент с двумя его кораблями, захваченными Францией. В грамоте к Людовику XIV от 4 марта 1705 года царь *«дружебно братски»* попросил конфискованные суда с товарами *«немедленно возвратить повелеть и впредь крепкий указ морским своим офицерам и прочим добытчикам* (каперам. — *В. Д.*) *дать, дабы под нашими флагами и с пасами* (законными документами. — *В. Д.*) *повсюду ходящим кораблям нигде никакой зацепки и вреду не приключали»*. Давая понять, насколько это для него серьезно, с одной стороны, и что — с другой, он не желает раздувать дело, Петр сообщил королю, что посылает к нему инкогнито своего посла в Голландии А.А. Матвеева для полюбовного решения вопроса.

Царский эмиссар прибыл в Париж 25 сентября, имея и свой интерес: среди конфискованных грузов были и его личные вещи. А.А. Матвеев, как и Постников, полагал, что Версаль мстит за бесплодный визит Балюза в Москву. *«Французы*, — писал царский дипломат Головину, — *сердиты, что посланник их, бывший при нашем дворе, нарочно*

от короля отправленный, никакого плода полезного не получил, и я боюсь, чтоб мне здешний хитрый двор той же монетой не заплатил». «Швед здесь» — продолжал он, — *в почитании многом и дела его; к тому же и коронация Лещинского за добро здесь принята».*

Задача Матвеева состояла не только в возвращении захваченных кораблей и грузов, но и в подписании торгового договора, который, помимо прочего, исключал бы подобные случаи. Проект такого договора, судя по всему, посол привез с собой. 23 октября состоялась приватная аудиенция у Людовика, на которой происходил лишь протокольный обмен любезностями. Затем, согласно французским источникам, король поручил вести переговоры с Матвеевым своему советнику и юристу Анри-Франсуа д'Агессо. Но первые же конференции показали, что Людовик не намерен принимать на себя какие-либо обязательства, пока между Петербургом и Стокгольмом не будет достигнут мир и пока ему не станет достоверно известно, какие преимущества получат французские купцы в России над английскими и голландскими. Стала ясна бесперспективность продолжения обсуждения этой проблемы.

Пришлось переключиться на более узкую тему об инцидентах с кораблями. Начались переговоры со статс-секретарем де Торси. Матвеев представил мемуар, где ставился вопрос: почему после многократных заверений французской стороны о предоставлении русским купцам фактически режима наибольшего благоприятствования в обмен на аналогичные гарантии для французской торговли через Архангельск могло произойти такое? Матвеев потребовал, чтобы оба корабля были немедленно освобождены *«с приличным вознаграждением»* и чтобы Париж обязался впредь не допускать подобного произвола. В заключение мемуара говорилось, что поведение Версаля тем более удивительно в свете совершенно иного отношения России к купеческим судам Франции, направляющимся к русским берегам. Как пример Матвеев привел захват англичанами в Двинской губе французского корабля «Божья рука» с грузом. Архангельский губернатор заставил английского капитана немедленно отпустить судно и *«объявил именем царя англичанам, голландцам и гамбургцам, что если на будущее время они покусятся в заливе предпринять что-либо против кораблей и подданных французского короля или короля испанского, то он будет считать это неповиновением царской воле и заставит их возместить убытки».* Де Торси обещал довести мемуар до сведения Людовика.

Затем у Матвеева состоялся двухчасовой разговор с командующим французским береговым флотом Пьером д'Ибервилем, имевшим полномочия на разговор с русским дипломатом. Беседа вышла за пределы обсуждения инцидента и приобрела неприятный характер, хотя д'Ибервилю в письме к де Торси пришлось признать, что он *«нашел в этом посланнике гораздо более ума, знания европейских дел и вежливости, чем того ожидал».* Собеседник Матвеева усматривал одну из главных причин недружественных отношений между Парижем и Москвой заносчивое и неприличное поведение русских посланников и торговцев, которые, возвращаясь в Россию, делали все, чтобы эти отношения стали еще хуже. Он сослался на слухи о презрительных чувствах Петра и к Франции, и к католической вере.

Матвеев заверил, что *«царь весьма далек от той ненависти к французскому королю и народу, которую ему приписывают во Франции, восхищается добродетелями, набожностью и величием гения его величества и смотрит на него как на лучший образец хорошего правителя, которому должны были бы подражать все прочие монархи».* Клевету

на царя распространяют люди (в первую очередь шведы и ганноверцы), желающие поссорить Францию и Россию, не допустить альянса между ними. Д'Ибервиль отчасти принял эти аргументы.

Во французском общественном мнении действительно бытовали разного рода небылицы о «варварской» России. О беспрецедентных реформах Петра писали очень мало, хотя сведений о них, благодаря усилиям того же Постникова, было предостаточно. Суть дела скрывалась не только в образе России, представляемом в зловещем виде, но и в желании верить в такой образ и тем самым оправдывать собственное поведение. Те, кто распространял во Франции враждебную информацию о России, действовал из политических и личных соображений. В Париже огромным влиянием пользовались шведские дипломаты, искусно поддерживавшие Людовика XIV в надежде на союз с Карлом XII. Их деятельность препятствовала любым попыткам внешнеполитической переориентации Франции.

В ноябре 1705 года король поручил своему канцлеру и морскому министру графу Луи де Поншартрену представить доклад о захвате кораблей, который, в качестве объяснения, можно было бы предъявить Матвееву, то есть такой, где вся вина была бы возложена на русских. При этом основные положения доклада были сформулированы самим Людовиком. Вот они: 1) французские каперы действовали в соответствии с морским правом и условиями военного времени; 2) суда, хотя и шли под московским флагом, принадлежали враждебному Франции государству (Голландии) и везли груз, оформленный с грубейшими нарушениями, без указания порта назначения и т.д.; 3) захваченные корабли уже проданы и вернуть их невозможно; 4) Матвееву будет компенсирована утрата личных вещей, если он опишет их и назовет цену; 5) король еще раз распорядится не трогать царские суда, снабженные надлежащим образом выправленными документами и везущие дозволенные товары, но русские «*обязаны соблюдать предосторожности, требуемые в военное время, в удостоверение того, что подданные нейтральных держав не прикрывают плавания врагов* (Франции. — *В. Д.*)».

ЛАНЬ®

Чарльз Витворт хочет говорить только о торговле

Как мы помним, восшествие на английский престол королевы Анны породило у Петра осторожный оптимизм относительно сдвига политики Лондона к России в лояльную сторону. Этого не произошло. Англичане, восприняв предоставленные им царские привилегии в торговле как должное, домогались большего и жаловались, когда этого не получали. Обсуждать с Петром политические вопросы они не собирались. Совсем как во времена Ивана Грозного.

Когда в феврале 1705 года в Москву прибыл английский чрезвычайный посланник Чарльз Витворт, появилась надежда, что в его полномочия входило обсуждение вопроса о посредничестве Лондона в деле достижения русско-шведского мира. Однако инструкция, данная Витворту королевой Анной Стюарт (преемницей Вильгельма III), была пропитана сугубо торгашеским духом, столь характерным для всех предыдущих дипломатических документов, адресованных России. Посланнику поручалось засвидетельствовать желание королевы Анны вступить с царем *«в более тесный дружественный союз в виду обоюдных промышленных и торговых выгод, **ради пользы английских подданных*** (выделено мной. — *В. Д.*)». Затем следовали претензии к России

за неаккуратное соблюдение табачного договора, за переманивание английских матросов на русскую службу, что наносит большой ущерб королевскому флоту, и по другим частным вопросам, касавшимся исключительно торговли.

Петр дал Витворту аудиенцию, оказывал ему при случае знаки внимания, но вести переговоры поручил Головину, который, естественно, точно знал, что царь хочет говорить не о торговле, а о политике. И когда приходилось беседовать с послом, Петр демонстративно уходил от обсуждения коммерческих проблем. А Витворт в свою очередь избегал политических вопросов. *«Английский посланник,* — писал Головин Матвееву, — *здесь живет, и предложение его только о торговом деле, а к другому ничто»*.

Головин, внимательно выслушивая жалобы англичанина и обещая разрешить ситуацию, подводил разговор к теме посредничества с таким же усердием, с которым Витворт уклонялся от нее. Посол сообщал в Лондон, что Петр уверяет, что его задача вернуть законные владения Ивана Грозного вокруг Финского залива, чтобы получить выход в море для международной торговли, и это принесет Англии огромную выгоду. Он не собирается строить военный флот на Балтике и грозить кому-либо.

Государь был настолько благосклонен к Витворту, что закрыл глаза на его отвратительную выходку, в результате которой его сотрудники уничтожили английские табачные фабрики в России, чтобы лишить русских купцов возможности перепродавать табачные изделия, тем самым подрывая монополию англичан.

Весьма темна та часть миссии Витворта, которая касалась деталей переговоров о посредничестве. По одной версии (Ф.Ф. Мартенса), его функции вообще не предполагали обсуждение этой темы. Послу якобы было строго наказано избегать ее, подменяя заверениями в дружеских чувствах королевы Анны к России.

По другой версии (С.М. Соловьева), Витворт якобы обмолвился, что английская королева изъявила готовность предложить Карлу XII свое посредничество в примирении между Швецией, Россией и Польшей. Но прежде она хотела точно знать о настроении короля. Получив сведения о категорическом неприятии этой идеи Карлом, королева Анна, как дал понять Витворт, не стала компрометировать себя заведомо проигрышной инициативой.

Скорее всего, ближе к истине С.М. Соловьев. Трудно допустить, чтобы Витворту, приехавшему в Россию говорить с царем в качестве чрезвычайного и полномочного посла, удалось избежать обсуждения шведского вопроса.

Витворта периодически возвращали к тому, что он старался обойти. Поскольку целью посла являлось заключение выгодного для Англии долгосрочного торгового договора, Головин стал намеками увязывать подписание такого договора с готовностью Лондона к посредничеству между Россией и Швецией. Витворт при возможности делал вид, будто он этих намеков не слышит, но в донесениях королеве посол сообщает об этой увязке, предлагая подумать над ней. *«Если обращаться к русским исключительно по торговым делам»*, — писал он, — *то это может задеть их самолюбие, поскольку возникнет подозрение, будто ни для чего другого они не годятся»*. По мнению Витворта, стоит Лондону лишь дать согласие на посредничество, как все коммерческие проблемы, крайне важные для англичан, будут моментально решены. С другой стороны, посол делился своими типично «английскими» сомнениями относительно того, насколько выгодно будет для Англии *«отворить Царю дверь к европейским делам и торговле»*. И хотя государь и обещает не заводить военного флота на Балтике,

«соблазн нарушить слово будет слишком велик для него, когда он вступит в спокойное обладание берегом».

Петр пытался включить в контекст русско-английских отношений еще одну тему — о содействии Лондона в размене военнопленными между Россией и Швецией. Об этом он просил королеву Анну в грамоте от 30 ноября 1705 года.

Боевые действия в Курляндии

В июне 1705 года Петр приехал в Полоцк руководить распределением русских войск, чтобы, *во-первых*, прикрыть западные границы России, *во-вторых*, отвлекать шведов неожиданными ударами в разных направлениях, ломая их планы навязать противнику генеральное сражение. Подолгу царь нигде не задерживался, перемещаясь между войсками, следя за их состоянием, пытаясь предугадать планы Карла XII. Он делал все возможное в тех условиях, чтобы не проглядеть момента, когда появятся очевидные признаки того, что шведский король определился с выбором направления главного удара.

Петр приказал широко использовать принципы маневренной войны, предполагающие отвлекающие движения и внезапные удары по уязвимым местам. Карл прекрасно разбирался в такой стратегии и обладал целым арсеналом средств противостоять ей. Война становилась все более затяжной и все менее предсказуемой.

У Карла осталось меньше спеси в отношении русских. Об их «военной бездарности» он говорил уже не столь часто. Его замыслы стали более обдуманными, а подготовка к их осуществлению более тщательной.

22 июля 1705 года Петр получил сообщение, что Шереметев, двинувшийся в Курляндию на поиски врага, потерпел поражение при Мурмызе. Битва была сложной. Русские смело атаковали противника и нанесли ему большой урон. Но Левенгаупт применил военную хитрость и тем самым расстроил русские ряды, заставив их отступить. Шереметев вел себя достойно и отступил без паники.

Мы знаем, как Петр умел отчитывать своих военачальников за поражения. На этот раз он не стал этого делать. Царь понял запутанность ситуации и написал Шереметеву то, чего он никак не ожидал: *«Не извольте о бывшем несчастье печальным быть, понеже всегдашняя удача* (мощная кавалерийская атака русских, поначалу сломившая сопротивление шведов. — *В. Д.*) *многих людей ввела в пагубу, но забывать и паче людей ободрять»*.

Никаких особых проблем эта неудача для Петра не создавала. Его заботило другое — отрезать Лифляндию от Литвы, где можно было концентрировать русские войска и соединить их с саксонскими, не опасаясь шведского наступления с севера. Для этого нужно было забрать у шведов две крепости в Курляндии — столицу Митаву и Бауск, что и было сделано в августе — начале сентября 1705 года. Правда, омрачала одна неприятность. Левенгаупту удалось ускользнуть от русских и пробраться к Риге. Но оттуда он ничего серьезного предпринять не мог, будучи окруженным царскими войсками.

В командном штабе Петра решили, что на этом кампания 1705 года закончилась. Карл XII стоял под Варшавой, и, казалось, его в то время ничего не занимало так, как торжества по случаю коронации Станислава Лещинского.

Русские стали на зимние квартиры в Гродно, которое было выбрано еще и в качестве базы для концентрации войск. Там же предполагалось соединиться с саксонской армией.

Не лучшей предпосылкой к кампании следующего (1706) года было рассредоточение командования между тремя военачальниками — фельдмаршалом Б.П. Шереметевым, саксонским генералом бароном Огильви и А.Д. Меншиковым. Возможно, Петр хотел соблюсти принцип коллегиальности при обсуждении принципиальных решений. Но их личные перепалки часто мешали делу. Петр без необходимости не вмешивался в них, но внимательно прислушивался к мнению каждого из соперников, оставляя конечный стратегический выбор за собой. Иначе говоря, беря на себя всю полноту ответственности.

Демаркация русско-турецкой границы

Планы Порты по-прежнему вызывали у Петра тревогу. С момента подписания Константинопольского мира турки постоянно затевали споры о разграничении границы, отказывались присылать комиссаров по ее демаркации, требуя срытия Таганрога, Каменного Затона, обвиняя Россию в недружелюбных намерениях. Османский посол в Петербурге Мустафа-ага вел себя несносно, не останавливался перед угрозами, постоянно вызывая недовольство Петра своей ребяческой задиристостью.

Напряжение на русско-турецкой границе создавали грабительские набеги крымских и кубанских татар, а также находившихся под их влиянием черкесов. Они наносили огромный ущерб русско-казачьим поселениям, убивали и уводили людей в плен, сея сомнения в способности России защитить своих подданных. Петр требовал от Порты унять бесчинства, вернуть добычу и пленников, но она была не в состоянии сдержать эту социальную стихию. Государь предлагал султану разрешить русским войскам делать это самим, то есть наказывать грабителей, действующих вопреки воле падишаха. Но одно дело, когда совершаются обыкновенные набеги, другое — когда татары *«в многолюдстве, воинским способом* (то есть организованно. — *В. Д.*)» подходят к окрестностям Азова и подвергают их разорению. Порта уходила от обсуждения этой проблемы, вольно или невольно заставляя подозревать ее в причастности.

22 октября 1705 года между Россией и Турцией было наконец подписано соглашение о демаркации границы в соответствии с Константинопольским миром. Стороны констатировали, что межевание произведено для принуждения приграничного татарского и русского населения *«жить в соседской дружбе и приязни»*. Но до сохранения *«святого покоя»* (слова документа) было далеко.

Беспокойство Петра усиливалось противоречивостью донесений П.А. Толстого, которого сбивала с толку крайне неустойчивая внутриполитическая обстановка в Турции. В конце 1705 года он сообщал в Москву: *«О начатии турками войны в какую-нибудь сторону* (имелись в виду, надо полагать, Россия, Австрия или Венеция. — *В. Д.*) *вовсе не слышится, только султан очень прилежно собирает деньги, и то, как видно, чтоб удовольствовать янычар, боясь от них бунтов»*. Далее П.А. Толстой пишет, что бестолковость *«нынешнего визиря»* вкупе с нежеланием и неумением Балтаджи Мехмет-паши заниматься государственными делами обрекают и его, посла, на безделье. Впрочем, скучать не давала постоянная необходимость думать о том, где достать

средства на пропитание в условиях введенного Портой запрета на свободную продажу соболей (на том якобы основании, что только у султана и визиря есть право иметь эти ценные вещи).

Астраханский бунт

Военная и дипломатическая картина Северной войны сплетена из взаимосвязей, которые охватывают пространство, далеко выходящее за пределы театра боевых действий. По сути, вся внутренняя история России первой четверти XVIII века — социальная, экономическая, культурная, духовная — связана с Северной войной. Это была не просто война, это была война с Европой за право быть частью ее. Домашние события в той или иной степени соприкасались с решением этой цивилизационной задачи.

Казалось бы, какая связь между войной на Балтике и Астраханским восстанием 1705 года? Быть может, не столь уж непосредственная, но гораздо более тесная, чем может показаться. Северная война стала образом жизни Петра и России, гигантским водоворотом, куда прямо или косвенно затягивалось все, что происходило почти в любой точке страны.

В обществе война воспринималась по-разному. Кому-то до нее на первый взгляд вообще не было дела. Но по мере того, как она охватывала все стороны народного бытия, оставаться вне ее, вне того, что она требовала все настойчивее, не было дозволено никому. Не все понимали ее цели. То ли это борьба за выход на Балтику, то ли за онемечивание России. Польза от одного выглядела, в ближайшей перспективе, не вполне осязаемой даже для купеческого сословия. Вред от другого быстро обретал в глазах простого народа злокачественные формы.

Поскольку войну связывали с ненавистными народу реформами, ее социальные последствия были неминуемы. Недовольство зрело повсюду. В верхах общества оно смягчалось необходимостью не размышлять, а воевать с врагом. В низах же обострялся страх перед лицом наступления новой эпохи, в которой Россия перестанет быть собой. Излишне говорить, что это добавляло серьезные проблемы к тем, которых Петру хватало и без того. Линии раскола между элитами, с одной стороны, и разными слоями русского общества — с другой, создавали большие препятствия к планомерному осуществлению военных планов.

На фоне апокалиптических слухов, включая расхожую идею, что страной правит Антихрист, в июне 1705 года в Астрахани вспыхнул бунт. Злоупотребления местного воеводы — обычное для России явление — были лишь внешней причиной. Подлинная коренилась в категорическом неприятии петровских нововведений, ломавших привычные патриархальные нормы повседневной жизни. Мятеж грозил распространиться на Дон, Запорожье, а может, и дальше.

Это случилось как раз в то время, когда Петр вел интенсивную подготовку очередной кампании против шведов. Астраханские известия встревожили государя настолько, что он снял с фронта Шереметева и приказал ему срочно двинуться на подавление восстания. С этой задачей фельдмаршал справился относительно легко. На руку ему сыграло то обстоятельство, что между мятежниками не было единства. Но главное, астраханцев не поддержали ни донские, ни запорожские казаки. В противном случае возникала реальная угроза их объединения с целью похода на Москву.

Еще один немаловажный фактор — отказ Петра от проведения преобразований на окраинах государства. Тем не менее царь не скрывал своего изумления лояльностью казаков. В этот момент он нуждался в ней как никогда, ибо крымские татары предложили запорожцам начать на юге войну против России.

Оценили восставшие и умеренность, проявленную Петром к зачинщикам мятежа. Разумеется, казни последовали, но они не шли ни в какое сравнение с жесточайшим подавлением стрелецких бунтов.

Астраханские события считаются периферийным эпизодом в истории Северной войны. Но он был симптоматичен, показав степень народного возмущения. Потенциал для его новых вспышек сохранялся. В Астраханском крае он не представлял такой опасности, как в Малороссии, о чем постоянно предупреждал гетман Мазепа.

События в Астрахани также имели подспудный внешнеполитический аспект. Еще совсем недавно (по историческим меркам) Астраханское ханство находилось в сфере влияния Османской империи и Крыма. Культурно-религиозная составляющая этого влияния сохранилась и в Петровское время. Западные границы Астраханской губернии почти вплотную подходили к восточным границам Крымского ханства. Это обстоятельство потенциально могло соблазнить Порту использовать астраханский бунт в целях подорвать позиции России на окраинах государства и усилить собственные. Такая попытка стала бы прямой причиной к русско-турецкой войне. Петр, надо думать, учитывал это, когда приказывал своим военачальникам поскорее подавить восстание.

1706 год

Тревожная зимовка в Гродно

На зимовку (1705–1706 гг.) Петр собрал свои войска в Гродно. Туда приехал Август II, которому царь поручил командование, а в помощники оставил Огильви и А.Д. Меншикова. Пока все было тихо. Карл XII стоял под Варшавой и по всем признакам никуда двигаться в ближайшее время не собирался. Петр уехал в Москву. Он был тем спокойнее, что наступили лютые морозы — самая неподходящая пора для боевых действий.

Видимо, царь еще плохо изучил Карла. В конце 1705 года он внезапно и стремительно двинулся на Гродно. Петру пришлось срочно возвращаться, но добраться до места не успел. 13 января 1706 года у крепости уже стояли шведские войска. Карл не дал союзным военачальникам никакого времени определиться с планом действий. Они оказались на осадном положении. Король контролировал ситуацию, но не полностью. Его молниеносные замыслы были сильно ограничены спокойной, холодной стратегией Петра: никаких решающих сражений, никакой самодеятельности, никаких авантюр. Врага надо изматывать мелкими неожиданными ударами, постоянной необходимостью отвлекаться на поиски продовольствия и менять первоначальные планы.

Карл, не выносивший осадных операций, пытался выманить русских из Гродно для полевого сражения, но они не поддались на уловку. На успешный штурм крепо-

сти не было надежды. Карл отступил на такое расстояние, откуда можно было в любой момент нанести по русским войскам мощный удар, когда они рано или поздно попытаются покинуть Гродно. Иными словами, не дать им выскользнуть из этой ловушки.

Пока Гродно находился в осаде (до 24 марта 1706 г.), в местном военном совете шли споры о том, что делать. Выводить войска неминуемо придется, но как, когда и куда. Карл только и ждал этого момента и стерег русских повсюду.

Положение гродненского гарнизона становилось все хуже. Провиант был на исходе. Военачальники ненавидели друг друга, что сказывалось на моральном духе войска. От полного отчаяния удерживала надежда на помощь саксонской армии и гетмана Мазепу, который с 15 тысячами казаков направлялся в Гродно для диверсий и отвлекающих маневров, чтобы облегчить сидельцам отступление в безопасное место.

Между тем Петр держал в уме и самый худший вариант — фронтальное наступление Карла на Москву. Следует распоряжение царя строить оборонительный вал от Пскова до Смоленска, возводя мощные засеки. В воздухе уже витала идея применения к неприятелю тактики выжженной земли.

Общий ход войны грозил принять совсем скверный оборот, когда грянула новость. 13 февраля 1706 года 12-тысячный шведский отряд генерала Карла-Густава Реншельда (Реншильда) наголову разбил под Фрауштадтом направлявшееся в Гродно 20-тысячное саксонское войско под командованием генерала Маттиаса Иоганна фон Шуленбурга. Король Август стоял с 12-тысячным корпусом всего в 15 милях от места сражения, но, не решившись вступить в него, отошел (по некоторым сведениям — *«убежал»*) в Краков, так и не увидев неприятеля. Из приблизительно 6400 русских солдат, входивших в состав побежденного войска, в Саксонию вернулось 1800 человек. Остальные либо погибли в бою, либо, как сообщают источники, были зверски уничтожены шведами уже в плену.

Поражение саксонцев при их абсолютном численном превосходстве Петр приписал измене союзников, и раньше не отличавшихся надежностью. В письме к Августу от 8 мая он выражает не столько сочувствие, сколько надежду, что в следующий раз его войска уже не покажут столь *«худую службу»*. Пока же, укорял Петр, приходится напоминать, что в бесполезную жертву принесены и русские солдаты, исправно выполнявшие, в отличие от саксонцев, свой воинский долг[1].

Гродненцам рассчитывать уже было не на кого. Огильви предлагал остаться в крепости на все лето. Петр запретил даже думать об этом, поскольку время работало на Карла, который за несколько месяцев лишь усилится во всех отношениях и будет волен выбирать любые, самые неожиданные направления для генерального наступления. Командование гарнизоном было передано А.Д. Меншикову. Возможно, в феврале–марте 1706 года русская армия оказалась перед перспективой еще большей катастрофы, чем нарвская, учитывая, что теперь Карл, если разобьет царские войска в Гродно, будет, в отличие от ситуации под Нарвой, развивать успех в восточном направлении. Именно это имел в виду Петр, когда писал, что *«рубежи наши зело голы»*, приказав возводить от Смоленска до Пскова засечную линию *«с великой поспешностью»*. А.И. Репнину он признавался: *«в какой мысли ныне мы есть, то богу одному известно»*.

Государь разработал общий план выхода из Гродно. Главное — рассредоточить войска и идти по разным направлениям. Если понадобится для ускорения движения,

[1] Часть саксонской армии отказалась воевать, о чем царю было известно.

бросить артиллерийский обоз (потопить его в реках) и все, что будет обременять войска. Использовать рельеф местности себе на пользу, врагу на погибель. Строжайшим был наказ беречь людей. Все остальное наживное.

Петр оказался провидцем. Карл, сам мастер импровизации, был сбит с толку, в данном случае более хитрым импровизатором. 24 марта в обстановке полной секретности русские покинули Гродно и перешли по заранее построенному мосту Неман. Пока Карл с опозданием наводил свою переправу, русские уже достигли Бреста на пути к Киеву. Преследование по незнакомой болотистой территории было бесполезно. Петр пришел в неописуемый восторг.

Однако Карл не давал ему покоя прежним вопросом — куда он пойдет дальше. Предполагая, что на Киев, царь послал А.Д. Меншикова срочно заняться возведением укреплений на подступах к городу.

Польский король верен себе

В Гродно Петр занимался не только военными делами. Здесь (9 января 1706 г.) он узнал об аресте Паткуля и пришел в негодование. Петр был разгневан не столько Паткулем, сколько манерой обращения с ним и потребовал выдать его России для дальнейшего разбирательства. Необходимость в таком разбирательстве была. Предстояло выяснить, в какой мере нарушил Паткуль указания царя. Документы позволяют утверждать, что нарушил, но сделал это очень хитро. Прямого предписания Петра о выводе русских вспомогательных сил именно в Австрию, а тем более разрешения заключать договор со Страатманом не было. Ф.А. Головин в письме к Паткулю говорил о выводе царских полков из Саксонии лишь в случае *«крайней нужды»*, и если их предоставлять цесарю, то *«на возможно выгодных условиях»*.

Когда Паткуль подписывал соглашение с цесарским послом в Дрездене, вопрос находился на стадии обсуждения, и предпринимать столь решительный шаг барон не имел никакого права. Понимая это, он решил для страховки «посоветоваться» с Д.М. Голицыным, до чего никогда прежде не снисходил, и с командирами русских полков. Д.М. Голицын не купился на эту уловку, поскольку видел, что Паткулю нужно было прикрыться его одобрением. Д.М. Голицын уклонился от ответов на вопросы, которые были заданы для того, чтобы он угодил в ловушку. Что касается начальных войсковых людей, то они, не догадываясь о своей роли в этом спектакле и думая, что речь идет о том, как лучше исполнить государев указ, высказались за вывод войск в Австрию.

9 января 1706 года царь пишет Августу гневное письмо, в котором отказывался верить, что *«жестокий и противно всенародным правам»* учиненный арест произведен с ведома его королевского величества, выражал готовность приписать это происками *«зложелательных»* людей, задумавших поссорить двух монархов, и *«партикулярной ненависти»* личных врагов Паткуля. Называя этих людей *«преступниками»*, Петр высказывал уверенность, что Август не доставит им удовольствия лицезреть плоды их замысла, заставит понести строжайшее наказание и освободит царского эмиссара, который уже показал и еще мог бы *«показать* (России и Саксонии. — *В. Д.*) *многие знатные службы»*. Петр оправдывал Паткуля тем обстоятельством, что заключенный им договор носил предварительный характер и был представлен на рассмотре-

ние царя. Но даже если бы царский уполномоченный позволил себе самоуправство, то следовало бы не бросать его в тюрьму, а немедленно сообщить Петру, который сам бы определил наказание.

Для оправдания столь жестокого решения к царю тут же был отправлен королевский камергер Франц фон Шенбек. Он обстоятельно рассказал о безобразном поведении Паткуля, в результате которого накопились обстоятельства, переполнившие чашу терпения всех. Были представлены 15 пунктов королевских обвинений прежде всего в том, *«что Паткуль все свои дела мерзким насилием управлял; что с давнего времени делал королю разные грубости, мешаясь даже в домашние его дела и явно понося его королевское поведение; что всегда искал причину завести ссору и вражду между российским государем и польским королем и что перепущение российских вспомогательных бывших в Саксонии войск в Италию к цесарю по единой своей корысти без согласия учинил»*. Поступки Паткуля квалифицировались как предательство в отношении России и Саксонии. Не преминул Шенбек сообщить о тайной переписке арестанта с Карлом XII, который сулил ему золотые горы за возвращение в шведское подданство. И наконец, чтобы смягчить гнев Петра, было сказано, что судьба Паткуля зависит от царского решения.

Петра оправдания Шенбека не устроили. Давая об этом ясно понять в письме к Августу от 13 января, царь требует выдачи Паткуля со всеми найденными у него документами для проведения собственного расследования.

Соглашаясь на это требование и отменяя тем самым решение своего правительства, саксонский король рисковал бы поссориться с ним и лишиться важного дипломатического инструмента для поиска противовеса России, в том числе путем сговора со шведами. Но не менее рискованно было открыто идти против Петра. Август выбрал нечто среднее — тянуть время, тем более что в невиновность Паткуля ему не верилось. Король сообщил царю, что в этом деле нужно разобраться беспристрастно. Петр, письмом от 24 февраля 1706 года, согласился на справедливый суд, но такой, который будет произведен под его контролем, для чего необходимо передать предполагаемого виновника тому, кому тот служит в качестве министра и военачальника.

После Фрауштадта (13 февраля 1706 г.) тон Петра несколько смягчился. Прежде всего он выразил печаль по поводу этого *«несчастливого случая»*, заверив в своей неизменной верности союзу и в отсутствии у него всяких сомнений относительного наличия у Августа ответного чувства союзнического долга. Царь не отказался от требования передачи Паткуля в руки царского правосудия, но теперь акцентировал обещание найти на него управу, в том числе с помощью обвинителей, которые будут присланы королем. Видно было, что Паткуль интересует Петра гораздо меньше, чем настроения Августа после крупного поражения. В.Л. Долгорукий получил приказ зорко следить за *«тамошним состоянием... дел, к интересу нашему надлежащих»*.

15 апреля посол имел аудиенцию у находившегося в Кракове Августа, на которой король *«изволил показать себя смутным образом»*. Паткуля он пообещал передать царю *«под караулом»*, иначе убежит. Но эта тема была далеко не главной. Главными были упреки в том, что Петр оставил его один на один со шведами и действует в военных и иных вопросах, если не прямо во вред королю и Речи Посполитой, то, во всяком

случае, не советуясь с ними. Он, в частности, заявлял, что не было никакой нужды отводить русские войска так далеко от Гродно, и расценивал этот сделанный без уведомления союзника шаг как эгоистическую заботу о собственных границах. Он изображал себя как последний оплот на пути шведского наступления на Россию. Царь его лишится, если Августу придется отступить в Саксонию.

В переписке с Петром король придерживался принципа: лучшая защита — наступление. Это касалось и дела Паткуля, объясняя которое Август стал подкреплять свою аргументацию ссылками на отягощающие вину барона обстоятельства, о чем раньше он не упоминал.

Ужесточается и риторика Петра. Он опять говорит о *«жестоком и бесчестном»* обращении с человеком, вина которого не доказана; о *«неслыханным образом нарушенном»* международном праве. Царь добавляет, что чувствует себя обруганным, оскорбленным и выставленным на осмеяние *«пред всем светом»*. Он повторяет требование о выдаче Паткуля русским властям *«без всякого отлагательства как наискорее»*.

Проблема Паткуля, не имея самостоятельного значения, являлась лишь болезненным отражением обостряющегося конфликта между Петром и Августом. Во многом он подогревался отсутствием сведений о том, куда пойдет Карл XII после отдыха в районе Луцка — на восток (Россия) или на запад (Саксония). Похоже, долгое время и сам шведский король не мог определиться с направлением следующего удара. Под влиянием чувства страха, *во-первых*, недовольства действиями Петра, *во-вторых*, и желания переложить вину за Фрауштадт с себя на царя, *в-третьих*, Август начинает срываться на ультимативную тональность. В мае 1706 года он сообщает, что, не желая оставаться *«долее меж страхом и надеждой»*, просит *«без потеряния времени»* решить следующие вопросы.

1) Выплатить Саксонии дополнительные субсидии, в том числе на содержание четырех царских драгунских полков, находящихся на временной службе у Августа.
2) Восполнить потери в рядах царской пехоты, понесенные при Фрауштадте.
3) Отдать Августу шведов, находящихся в русском плену, для обмена их на саксонских пленников Карла XII.
4) Тайно попросить у Пруссии помощи для Саксонии.

Август пока не поясняет, что будет, если он не получит от Петра *«немедленного решения»*. (В другом месте употреблено словосочетание *«крайнее* (то есть окончательное. — *В. Д.*) *решение»*.) Но в этой фигуре умолчания уже предчувствовалось нечто совершенно нежелательное для царя. Поскольку царь ни в коем случае не хотел спровоцировать Августа на капитуляцию перед шведами, он поручил В.Л. Долгорукому (11 июля) успокоить короля и даже разрешил опуститься до оправданий. В частности, послу надлежало объяснить Августу, что русские войска ушли из Гродно во избежание катастрофы, а промедление с помощью королю было вызвано сообщением о движении Карла XII к границам России (к Гомелю). Теперь царская армия произвела перегруппировку и готова атаковать неприятеля, для чего желательно, чтобы Август соединил свои силы с русской армией в Литве. Август был также извещен о намерении Петра отправить посольство к Римскому папе с просьбой не признавать Станислава Лещинского польским королем, как незаконно избранного. Тема Паткуля

была политично обойдена молчанием. Для большей убедительности Петр собирался послать к Августу специального эмиссара И.П. Измайлова, но по каким-то причинам эта миссия не состоялась.

Когда в сентябре 1706 года А.Д. Меншиков встретился с Августом в Люблине, у царского фаворита сложилось впечатление, что король думал не о войне, а о деньгах и только о них и говорил. А.Д. Меншиков, смущенный его жалким, некоролевским видом, дал ему из собственного кармана 10 тыс. ефимков. Петру его любимец писал, что от Августа ничего не услышишь, кроме: *«дай, дай, деньги, деньги»*. Он дошел даже до того, что угрожал в случае отказа *«иными поступками»*.

Ничего хорошего для Петра это не сулило. Саксонский полковник, адъютант Августа Арнштедт писал царю, что если королю не дадут немедленно денег, то он перебежит к Карлу: *«понеже при нынешних состояниях его королевское величество не может долго терпеть и из двух зол меньшее изберет»,* и наступят такие печальные перемены, что и миллионами субсидий *(«спомощи»)* нельзя будет исправить, а пока требуется всего несколько сот тысяч. Вся гнусность этих домогательств состояла в том, что король просил денег, надеясь, что до Петра еще не дошла весть о его предательской капитуляции перед Карлом XII. Стало быть, эти суммы он собирался тратить отнюдь не на выполнение союзнического долга. В числе тех, кто не мог поверить в такую низость, был П.П. Шафиров, поначалу считавший это ложным слухом, распускаемым неприятелем.

Чтобы не оборвать хрупкую нить между Петром и Августом, А.Д. Меншикову (до того, как он узнал о предательстве короля) пришлось обнадежить его финансовой помощью для набора нового саксонского войска. Это все же лучше, чем ничего. Остаться в полном одиночестве перед лицом усиливающейся армии Карла, к тому же постоянно запутывающего карты, было страшновато. Академик Е.В. Тарле писал: *«Но приходилось до предательской истории с Альтранштадтским миром и даже после этого делать вид, что Петр считает Августа союзником верным, но только попавшим, к несчастью, в беду. Приходилось верить нелепой комедии, будто бы Август вовсе не хотел подписывать позорный мир, но что его уполномоченные Имгоф и Пфингстен напутали и, превысив свои полномочия, без ведома короля согласились на все условия Карла XII и что, например, Август совсем не знал, что Паткуля выдадут Карлу на пытки и колесование и т. д. Но что же было делать? Где искать более подходящего короля?»*

Затягивая выдачу царского эмиссара с тайной мыслью вручить его в качестве подарка Карлу XII, саксонцы знали, что делают. В других обстоятельствах протест Петра был бы незамедлительно удовлетворен. Но в данном случае царь находился в щекотливом положении. Проблема становилась частью большой политики. Предъявлять саксонцам безоговорочный ультиматум значило рисковать разрывом с Августом II, единственным союзником Петра. В тогдашней военной обстановке это могло иметь тяжелейшие последствия. Разумнее было пожертвовать Паткулем, оставив его в руках саксонцев, хотя царское самолюбие понесло чувствительный удар. Петр пережил это. По строгому счету, в 1706 году ему было не до Паткуля. Однако царь до последнего момента делал все возможное, чтобы вызволить его из тюрьмы, а после передачи его шведам настойчиво призывал европейские дворы к протестам в связи с варварским попранием международного права.

Калишская победа А.Д. Меншикова

Весну и лето 1706 года Карл XII простоял в районе Луцка, пополняя запасы продовольствия. А в сентябре беспрепятственно оккупировал Саксонию, где его армия должна была отдохнуть, набраться сил и выжать из этого государства все соки.

Передышка была на руку и Петру, использовавшему ее для укрепления потенциала своих войск, которые, впрочем, не ограничивались пассивным выжиданием. Узнав, что в Польше осталось 8 тыс. шведов и 20 тыс. польского вспомогательного войска под общим командованием генерала Мардефельда, А.Д. Меншиков двинулся искать с ними встречу, в определенном смысле нарушив приказ Петра не вступать в крупные сражения.

У Карла XII инстинкт страха был настолько притуплен, что ожидали от него чего угодно. Пожалуй, удивительнее всего казалось то, что кратность в количественном превосходстве противника его мало интересовала. 6–8 сотен кавалеристов ему было достаточно для атаки почти на любого по численности неприятеля.

Этим дерзким духом были заражены и королевские полководцы. 30-тысячное войско Мардефельда поджидало Меншикова у Калиша, предвкушая, что русские наконец-то решились на большое сражение. Но не подозревая, чем оно закончится. 18 (29) октября 1706 года шведы были разгромлены. Они потеряли 5 тыс. убитыми, поляки — тысячу. Шведский командующий был взят в плен. А.Д. Меншиков назвал это событие *«прежде небываемой баталией»*. Узнав в Петербурге о *«счастливой виктории»*, Петр пировал три дня.

Август, уже предав Петра, но предполагая, что тот об этом еще не знает, потребовал немедленного и безусловного освобождения шведских пленных под угрозой разрыва союза (уже не существующего). А.Д. Меншиков согласился на обмен пленными и под «честное слово» Мардефельда отпустил шведов первым, но был обманут генералом, который лишь следовал подлому примеру Августа.

Альтранштадтский мир

Радость была недолгой. Вскоре царю сообщили, что Карл вторгся в Саксонию без малейшего сопротивления, захватил Лейпциг, Дрезден и принудил Августа подписать унизительный Альтранштадтский мир (13/24 сентября 1706 г.). Август отрекался от польской короны в пользу Станислава Лещинского, расторгал все направленные против Швеции союзы, прежде всего с Россией, выдавал русских солдат, находившихся на его территории, признавал оккупационный режим Саксонии, обязавшейся полностью продовольствовать вражеские войска. Особым пунктом оговаривалась выдача шведам Иоганна Паткуля, переведенного (с декабря 1705 г.) в замок Кёнигштайн.

Август заверял Петра, что это лишь «бумажное» соглашение, он остается русским союзником и при первой возможности разорвет трактат и возобновит войну. И при этом король не стеснялся просить у Петра регулярные субсидии для подготовки будущего «триумфального» возвращения в Польшу с 25-тысячной армией. Но кто мог в это поверить? Карл комфортно расположился в Саксонии и набирался сил для продолжения войны. А как он собирался ее продолжать, не ведал никто. Ясно было лишь

одно: на помощь царю никто не придет. Правда, у Петра появился определенный запас времени для решения важных проблем.

Из опасения, что Альтранштадтский договор побудит Речь Посполитую перейти на сторону Карла XII, царь в конце 1706 года обратился к примасу Михаилу Радзиевскому с советом: вследствие *«мерзкого»*, *«богоотступного»* партикулярного мира, непристойного не только для *«христианского монарха»*, но и просто для *«честного человека»*, созвать сейм для низложения Августа и выбора нового короля, которым может быть кто угодно, кроме Станислава Лещинского. В противном случае Россия употребит все способы для защиты своих интересов в соседней державе.

Пожалуй, самое главное из опасных последствий захвата и разграбления Саксонии заключалось в том, что Карл существенно пополнил свои материальные средства для ведения *«очень долгой войны»*.

Низложение Августа поставило Петра перед вопросом: на кого теперь делать ставку в Польше, продолжать ли поддерживать короля и стараться вернуть его к власти или же искать ему приемлемую замену? «Преимущество» Августа перед любым гипотетическим кандидатом на польский трон состояло в том, что для Петра, хорошо изучившего его натуру, он был вполне предсказуем как в своей ненадежности, так и в тех слабостях, которые могли пригодиться для использования в интересах России. Что до замены Августу, то ее, *во-первых*, нужно было еще найти (коль скоро Станислав Лещинский исключался), и это требовало немалого времени, а *во-вторых*, приноровиться к ней. И не факт, что выбор окажется правильным.

Другой проблемой оставалась польская военно-политическая знать, разобщенность или консолидация которой были выгодны Петру в зависимости от того, что из них на данный момент и в какой степени отвечало интересам царя. Анархия, не поддающаяся управлению, была так же опасна, как и единство, направленное против России.

Несмотря на альтранштадтское предательство Августа, Петр дал своим дипломатам указание активизировать работу с реальными и потенциальными сторонниками свергнутого короля, с тем чтобы удержать их *«при русском союзе»*.

Желая узнать мнение ближайших советников, Петр в конце декабря 1706 года приехал в Жолкву на совещание, где присутствовали А.Д. Меншиков, Б.П. Шереметев, Г.Ф. Долгорукий. Среди них не было одной из ключевых фигур — канцлера и верного сподвижника царя Ф.А. Головина, умершего в Глухове пять месяцев назад. Это была большая потеря для русской дипломатии. Новый канцлер Г.И. Головкин не смог ее полностью восполнить, хотя ремесло свое знал неплохо. На совещании решили склонять польское правительство к созыву сейма для избрания нового короля, но только не Станислава Лещинского. В противном случае — пригрозить употреблением *«всех способов для соблюдения соседних интересов»*.

Август вел себя так, будто ничего особенного не случилось. За неделю до подписания сепаратного договора со шведами он, нимало не смущаясь, предъявил России ряд требований, касавшихся присылки дополнительных русских войск и субсидий, обязательства Петра не вводить в Польшу войска кроме как по просьбе короля и сейма, а также возвращения Белой Церкви. При этом он перечислял все оказанные России услуги и *«понесенное от того изнеможение»*. После Калиша к этим требованиям прибавилось еще ходатайство освободить захваченных в плен шведских офицеров, включая генерала Мардефельда.

Когда деньги и политика идут порознь

Карл XII как будто нарочно взял саксонскую паузу, чтобы понаблюдать, как удастся Петру ею воспользоваться. Не отказываясь от продолжения войны и широкомасштабных мер по укреплению обороноспособности государства, царь не пренебрегал возможностью договориться с Карлом. Правда, понятие *«честный и правдивый мир»*, которым он пользовался, приобретало другие оттенки. Нигде в документах мы уже не встречаем *«маленькой пристани»* на Балтике. Теперь ему нужно было больше, но насколько больше, он тоже не говорил. В Европе, кажется, об этом догадывались, что охлаждало ее заинтересованность в организации русско-шведских переговоров. Но камнем преткновения было другое. Карл на дух не принимал разговоров о мире. И чем чаще до него доходили предложения на эту тему, тем решительнее становились его военные планы.

Хотя Петр сам понимал, что время для дипломатии еще не пришло, его действия на этом направлении не прекращались. Еще до поражения Августа государь в начале 1706 года пообещал голландскому резиденту фон дер Гульсту, что даст в распоряжение Штатов 30 тыс. своего лучшего войска, если они склонят шведского короля к миру. Гаага молчала. Говорить она предпочитала тогда, когда дело касалось ее коммерческих интересов. Узнав, что русские войска собираются бомбардировать Ригу (весна 1705 г.), Штаты *«нижайше»* попросили пощадить находившиеся в этом городе товары голландских купцов. Петр согласился отказаться от обстрела, выразив надежду на ответный знак *«приязни и дружбы»*. А если он не последует, то Гаага впредь должна избавить царя от *«тяжких таких запросов»* еще и потому, что они на руку неприятелю.

Матвеев считал целесообразным играть на коммерческих слабостях голландцев, предлагая Петру расширить для них торговые привилегии и тем самым сделать их более склонными к поддержке России в политических вопросах. Тот факт, что деньги для Голландии не имели запаха, использовался русской дипломатией с успехом. Из этой страны в Россию регулярно поставлялось оружие, несмотря на голландско-шведские союзнические обязательства.

Версаль «нас не в велико ставит»

Ответ Матвееву по поводу захвата русских кораблей был готов в ноябре 1705 года и, видимо, вскоре вручен ему. Возникает вопрос, почему посол задержался в Париже еще почти на год, если русско-французская повестка дня на тот момент была исчерпана сначала неудачным визитом Балюза, а затем — немногим более успешными переговорами Матвеева. Предполагаем, что причина состояла не только в его желании поднатореть во французском языке, о чем он говорил своим собеседникам, но, возможно, и в профессиональной гордости, из-за которой он не хотел покидать Париж с пустыми руками, точнее — с утешительным «призом» в виде согласия Людовика замять случившиеся инциденты выплатой возмещения и впредь стараться не допускать подобных ситуаций. Матвеев, судя по всему, хотел компенсировать несостоявшийся военно-политический союз взаимовыгодным торговым договором, подробный проект которого был ему отправ-

лен в июне 1706 года[1]. Именно этим он занимался до своего отъезда в октябре 1706 года.

О подробностях этих переговоров мы почти ничего не знаем, но об их содержании можно судить по письму де Торси к Матвееву от 20 сентября 1706 года. В нем говорилось, что Людовику XIV очень приятно сообщение царского посла о высоких чувствах к нему Петра и он был бы рад принять предложение о торговом союзе. Но общее положение европейских дел и Северная война, создающая огромные опасности для мореходства, пока не дают такой возможности. Да и срочной потребности в торговле с Россией у Франции нет. *«Нужно выждать более благоприятное время»*, — передавал де Торси мнение короля. Впрочем, до его наступления Людовик предложил действовать так, будто договор существует. Он обещал вновь распорядиться о предоставлении русским купцам безопасных и максимально благоприятных условий для торговли своими товарами во всех французских гаванях. И ждал аналогичных мер от Петра. (Забегая вперед, скажем, что французские каперские захваты русских торговых судов не прекратились. В ходе разбирательств новых инцидентов царская дипломатия ссылалась на заверения Людовика, данные Матвееву через де Торси.)

Ту же самую идею, но без подробностей, имеющихся в письме де Торси, мы находим в письме Людовика к Петру от 20 сентября 1706 года. Символично, что последнее по размерам вдвое короче, чем то, что царь отправил королю с Балюзом. И такое же обтекаемое. Там нет и речи о военно-политическом альянсе. Говорилось лишь о *«желании, вами* (Петром. — *В. Д.*) *выраженном, войти с нами в тесный* (торговый. — *В. Д.*) *союз»*. Людовик даже не удосужился объяснить причины отказа, сообщив, что это сделает Матвеев, и тем самым как бы дав понять, что «не королевское это дело» опускаться до оправданий. В письме к царю слышны отголоски того раздражения, которое испытал король после бесплодной поездки Балюза, и стремления напомнить Петру, с кем он имеет дело, и поставить зарвавшегося московита на место.

Петр не мог не задуматься над причинами затянувшегося пребывания своего посла в Париже, при том что переговоры о торговом соглашении топтались на месте. Естественно, это также не укрылось от взора Головина, предвидевшего неудачный исход миссии Матвеева. Еще только посылая проект договора, канцлер советовал послу наблюдать за поведением французского двора со *«всякой осторожностью»*. Если выяснится, что Париж лишь тянет время, то, писал Головин, *«не изволь себя тщетными их манами* (посулами. — *В. Д.*) *давать долее задерживать, но проси конечно скоро отпуску»*, и также *«изволь при отъезде политично выговорить»*, что теперь его царское величество увидел *«всемерную без причины несклонность»* к себе французского двора и отныне будет соизмерять свои поступки с таким отношением Франции к России.

Головин раскусил игру Людовика. Королевские министры создавали видимость переговоров, а на самом деле старались задержать Матвеева в Париже, чтобы дискредитировать Россию в глазах союзников, утвердить их в подозрении, что она с Францией затевает против них нечто серьезное, в частности в том, что касалось Испанской войны. Поэтому Головин рекомендовал Матвееву поскорее уносить из Парижа ноги и вести в Европе работу по рассеиванию ненужных для России подозрений.

[1] В проекте содержалась очень любопытная идея об организации французской торговли через Черное море, Азов, Дон, Астрахань в Персию.

Отпускная аудиенция была дана Матвееву 10 сентября 1706 года. Справедливости ради надо отметить, что в искусстве подсластить горькую пилюлю Людовик XIV знал толк. Он говорил с Матвеевым *«зело ласково»*, оправдываясь перед своим *«приятелем и братом»* Петром за то, что *«за трудными и тяжкими нынешней его войны* (с Австрией. — *В. Д.*) *временами»* не смог вступить с царем в союз, но по ее окончании сам будет искать такого сближения. Король выразил сожаление, что за недостатком времени не смог уделить Матвееву должного внимания и хотел бы видеть его в качестве постоянного резидента во Франции. В другой ситуации это, вероятно, растрогало бы посла, но сейчас он был подавлен исходом миссии, которую считал своей личной неудачей и за которую просил у Петра прощения.

Подводя итоги своего пребывания в Париже, Матвеев пришел к выводу: заносчивый и коварный Версальский двор *«наши дела и нас не в велико ставит.* [...] *Сменять дружбу англичан и голландцев на французскую не обещает нам прибытку»*. Это заключение еще больше утвердило Петра во мнении, что не зря он не любил Францию и французов.

В октябре 1706 года Матвеев вернулся в Голландию. Отношения между Петербургом и Парижем заморозились на несколько лет. Царя это не обрадовало и не огорчило. Он воспринимал случившееся как неизбежную реальность, осознавая в то же время, что бесконечно такое состояние продолжаться не может. Петр больше не домогался бесполезной французской дружбы, но и вражда с великой державой ранга Франции ему по очевидным причинам была не нужна.

Лондонский вояж А.А. Матвеева

3 апреля 1706 года П.П. Шафиров отправил Витворту одобренное царем письмо, где сообщалось, что инспектор Московской английской компании подал послу ложные сведения, обвинив русскую сторону в нарушении соглашения о табаке и смоле, в то время как это соглашение грубо нарушал сам инспектор. Призывая Витворта принять соответствующие меры, Шафиров вместе с тем объявил, что царь в знак *«истинной дружбы»* и *«благоугождения»* к королеве Анне повелел предоставить ее купцам особые привилегии в торговле (смолой) *«в такой надежде, что и ее величество против того равенственно оному совершенные опыты своей истинной приязни явить изволит»*.

То, что Петр не мог напрямую сказать сам, он вкладывал в уста Головина и Шафирова. Они, в частности, расшифровали Витворту смысл фразы *«совершенные опыты»*. Речь шла о следующем: если дело дойдет до русско-шведских переговоров, то царь хотел бы, чтобы англичане *«о пользе нашей постарались в миротворении»*. О вознаграждении Лондон может не беспокоиться — Россия нагрузит английские корабли под завязку любыми товарами и безвозмездно предоставит войска для Испанской войны. Петр намекал, что само по себе согласие королевы на медиацию ничего не значит. Ему нужен *«добрый мир»*, то есть мир с прибытком.

В конце 1706 года Петр отправил в Англию А.А. Матвеева напомнить королеве о данном через Витворта обещании посредничества. А в благодарность он, царь, вступит в *«великую алианцыю»*, то есть в войну против Франции. Послу велено было добавить, что если Англия боится толкнуть Швецию в лагерь Людовика XIV, то она опоздала. Карл фактически уже принял сторону французского короля, захватывая

германские земли, хозяйничая в Саксонии, поддерживая венгерских мятежников против цесаря.

Далее царская инструкция предписывала А.А. Матвееву *«объяснить»* английским министрам, что для принуждения Швеции к миру достаточно послать англо-голландскую эскадру в Балтийское море и договориться с датским королем и другими немецкими князьями о коллективном давлении на Карла XII.

В ответ на естественный вопрос о том, что получат союзники от России, Петр обязался предоставить свои войска для войны против Франции, освободить Австрию от проблем с венгерскими повстанцами и поставлять необходимые материалы для союзных флотов.

В отношении условий русско-шведского мира Петр наказывал Матвееву осторожно подбирать слова, чтобы они вызвали у англичан соблазн, а не подозрения. Петру всего-то и нужно, *«чтоб возвращенное в нынешнюю войну его оружием отеческое достояние осталось за Россией»*. Он обещал *«великих воинских флотов на том море не иметь»*.

Петр неслучайно рекомендовал Матвееву избегать всякой конкретики, потому что именно она, если дойдет до переговоров, и будет интересовать Лондон. Чрезвычайно любопытен этот вопрос и для историков. Что означает *«отеческое достояние»*, добытое в нынешнюю войну русским оружием? Прибалтийские владения Ивана Грозного или нечто большее, учитывая, что в руках у Петра была вся Эстляндия и Лифляндия? Что такое *«великие флоты»*, от заведения которых на Балтике отказывался государь? И почему он советует Матвееву избегать конкретики, связанной с допустимым количеством русских кораблей?

Как можно догадаться, Петр, хотя и продолжал искать мира, в своих запросах уже далеко ушел от скромной идеи о *«маленькой пристани»*. Речь теперь идет о том, как выгодно будет англичанам, *«когда Россия получит удобные пристани на Балтийском море»* и отпадет необходимость в обходном пути через Архангельск. Увеличится товаропоток, товары подешевеют, в том числе за счет более быстрой их доставки в Москву и другие города. Матвеев получил карт-бланш на немедленное заключение с англичанами, в обмен на их политические услуги, такого торгового договора, который будет чуть ли не продиктован ими.

Петр не уставал напоминать Шафирову, что в нынешней обстановке, когда шведский король усиливается за счет грабежа Саксонии и не желает ничего слышать о мире, надобно прилагать все усилия к заключению военного союза с Англией.

Продолжение торга с Берлином

Прусский посол фон Кейзерлинг пробыл в Берлине недолго. На обратном пути в Москву (приблизительно 10 декабря 1705 г.) в Гродно он встретился с А.Д. Меншиковым, у которого сложилось впечатление, что пруссак возвращался *«ни с чем»*. Возможно, на тот момент так оно и было, хотя вряд ли посол стал бы обсуждать со «светлейшим князем», *с чем именно* он приехал. Во всяком случае, через некоторое время Кейзерлинг попросил Ф.А. Головина о встрече, намереваясь сообщить о полученных от Фридриха I инструкциях. 11 марта 1706 года посол получил у канцлера аудиенцию. От имени короля он выразил сочувствие в связи с большими потерями русского вспомогательного войска при Фрауштадте, *«лучшую от всех храбрость показавшего»*.

Король сожалел, что эта храбрость, как и все царские *«иждивения и труды»*, потрачены впустую из-за нерадивости такого союзника, как Август II. Как выяснилось далее, фрауштадтская тема была для Фридриха лишь поводом, чтобы сказать, что отказ Петра от его совета заключить со шведами сепаратный мир являлась ошибкой: *«то б таких трудностей себе не имел»*. Если царь передумает, то король всегда готов *«о том трудиться и Шведа всяким образом* [...] *к тому склонять»*.

Это был намек, что в том положении, в котором оказался Петр, ему самое время подумать о партикулярном мире при прусском посредничестве. Головин, поблагодарив за сочувствие в связи с русскими потерями при Фрауштадте, заметил, что они вовсе не так критичны, как изображаются в Берлине. У царского величества *«войско в добром состоянии и непрестанно умножается»* и будет умножаться впредь, поскольку астраханский бунт усмирен, а с турками произведено территориальное разграничение, устранившее опасность войны на юге. Иными словами, за многозначное сочувствие мы признательны, но как насчет предложенного Петром проекта русско-прусского союзного договора?

Кейзерлинг заверил Головина в своем стремлении способствовать этому, однако не чает для себя удачи, ибо при прусском дворе есть много благоволящих к Швеции министров, которые не дадут королю заключить такой союз.

Канцлер перевел разговор на тему партикулярного мира, сказав, что Петр не возражает против него ввиду ненадежности Августа II. Но его интересует, как именно видят этот мир Стокгольм и Берлин. Это означало, что замирение любой ценой царя не устроит. Предложить его Карлу XII должен Фридрих и сообщить царю о шведских условиях, чтобы он оценил степень их приемлемости. Если эти условия, предупреждал Головин, будут способствовать чрезмерному усилению Швеции, то Пруссия не увидит тех приобретений, о которых мечтает.

Явно стремясь поднять плату за посреднические услуги своего короля, Кейзерлинг подчеркнул, что на пути к русско-шведскому миру находятся огромные препятствия, на преодоление которых Фридриху придется потратить соответствующие силы. Как он, посол, слышал, Карл XII *«зело великие запросы чинит»*, требуя не только возвращения всех завоеванных Россией территорий, но и возмещения ущерба, причиненного ее войсками в Лифляндии. А когда шведский король поймет, что о мире просит Петр, то вознесется еще выше и добавит новые условия. Поэтому Фридрих берет на себя сложнейшую задачу, и царь должен подумать, как отблагодарить его за такое усердие, которое, как подразумевалось, с готовностью купила бы и другая сторона. Кроме того, Кейзерлинг считал хорошим подспорьем в этом деле Англию, а чтобы привлечь ее, России надо пойти на удовлетворение домогательств английских купцов о предоставлении им торговых привилегий. На что Головин ответил, что царь уже дал распоряжения на сей счет.

Петр одобрил все сказанное канцлером в разговоре с прусским послом, указав лишь на необходимость действовать тайно, не создавая у шведов впечатления, будто Россия идет на переговоры из страха. Кажется, не слишком веря в возможность достижения мира, государь писал Головину, что пока его вполне удовлетворит перемирие на несколько месяцев.

После визита Паткуля в Берлин в личной переписке Петра с Фридрихом I наступила пауза. В начале июля 1706 года у Петра появилась благовидная возможность ее

прервать. Повод опять был скорбным. Царь получил от Фридриха письмо (датированное 27 декабря 1705 г.) о безвременной кончине его единственной дочери Луизы Доротеи. Петр ответил таким же трогательным сочувственным посланием (*«особливым соболезнованием»*), как и в случае с Софией Шарлоттой. Через полтора месяца после этого он уведомляет короля о своем намерении направить в Берлин с тайной миссией капитана И.П. Измайлова (брата А.П. Измайлова) *«для нужнейших наших дел и ради обновления прежде постановленной между нами вечной дружбы и союза»,* чтобы *«особливую нашу братскую дружбу и любовь к вашему королевскому величеству и благонамеренную ревность о истинной дружбе и пользе объявить и к согласию советы наши предложить»*. Подчеркивая особый характер этой миссии, Петр указывал на ее главную цель — рассеять существующие недоразумения и условиться о том, что потребно для пользы обоих государств и отвечает духу персонально заключенного союза и обещанию свято хранить его *«в сердце»*. Царь выражал надежду, что его посланник вернется с обнадеживающим ответом.

О том, что скрывалось за любезными словами Петра, лучше всего судить по его подробной инструкции (11 пунктов) И.П. Измайлову. В общем предложения к Фридриху были прежние. Но с некоторыми примечательными различиями в тоне и содержании. *Во-первых*, царь просил дать *«немедленную отповедь»*. *Во-вторых*, жестче проводилась мысль о том, что *«по нынешнему состоянию дел»* взаимные союзные обязательства требуют обновления, *«чтоб его царское величество конечно ведати мог, возможно ль ему на дружбу его королевского величества уповати»*. *В-третьих*, Петр уже открыто проявлял недоверие к Фридриху требованием дать официальные (письменные) гарантии прусского нейтралитета (если король откажется оказывать благожелательное для России посредничество) и тем самым развеять *«немалое сумнение»* царя, вызванное *«частыми пересылками»* между Фридрихом и Карлом XII. *В-четвертых*, согласие Фридриха признать Станислава Лещинского польским королем будет рассматриваться Петром как недружественный акт и нарушение русско-прусского союза 1697 года. *В-пятых*, царь предупреждал (на тот случай, если Фридрих начнет посреднические хлопоты), что он согласен не на любой мир, а лишь на *«добрый и полезный»*, иначе говоря — на неущербный для России.

Наиболее отчетливо тревоги Петра видны в девятом пункте наказа И.П. Измайлову, где предписывается *«разведывать накрепко о неприятельских замыслах»*, к которым может быть причастен Берлин, и особенно тщательно проверить слухи о наличии тройственного союза между Пруссией, Швецией и Ганновером. В одном из писем к Шафирову Петр открыто называет политику прусского короля *«хамелеонским обычаем»*.

Фридрих, получив от И.П. Измайлова (август 1706 г.) текст царской грамоты, сразу учуял растущее раздражение Петра и взял паузу для обдумывания дальнейшей тактики ответа. Ответил он лишь 13 февраля следующего, 1707 года (о чем ниже). За все это время И.П. Измайлов написал царю два десятка писем, не получив ни одного в ответ. Во исполнение царского наказа посол, как мог, выяснял шансы на принятие Берлином предложений Петра. На встречах с Ильгеном и другими сановниками И.П. Измайлов понял, что они волочат время, задавая праздные вопросы. То немногое, что сообщил министр прусского правительства, не утешало: Карл XII требует возвращения всех завоеванных русскими провинций, включая Петербург — царский

«парадиз». На возражение посла о полной тщетности подобных ожиданий шведов Ильген заметил, что тогда и мира не будет.

Канцлер Г.И. Головкин (сменивший Ф.А. Головина после его кончины 30 июля / 10 августа 1706 г.) предписывал Измайлову не жалеть средств для подкупа первого министра Пруссии Иоганна фон Вартенберга, неравнодушного к деньгам. Но в данном случае деньги были бессильны перед соображениями большой политики.

Именно такими соображениями делился Фридрих с Кейзерлингом летом 1706 года, подчеркивая, что особого доброхотства со стороны Петра он не видит как в вопросе об Эльбинге, так и о Курляндии. Гораздо привлекательнее предложения Карла XII и Станислава Лещинского. Но есть проблема с признанием последнего, поскольку царь может усмотреть в этом причины к разрыву с Пруссией. Надобно, писал король, постараться сделать так, чтобы этого не случилось.

На мемориал И.П. Измайлова Фридрих поручил ответить Кейзерлингу, который 16 сентября встретился с Шафировым и объявил, что в настоящих обстоятельствах, когда Карл XII идет в Саксонию, чтобы дотла ее разорить и выгнать оттуда Августа, Фридрих ради собственной безопасности вынужден признать Станислава Лещинского польским королем. Фридрих просил Петра войти в его безысходное положение и не принять его решение *«за зло»*, учиненное против России. Если царь не откажется продолжить с королем дружбу, то он в знак благодарности *«неотменно пользы вашего величества искать будет»*. Тут же выясняется, в чем же будет эта «польза». Оказывается, в посредничестве Фридриха при заключении партикулярного мира России со Швецией *«с возвращением всего завоеванного»*, *«инако будто невозможно и думать»*. Другими словами, король предлагал рассматривать его усилия по лишению России результатов ее военных побед как большую услугу.

На эти объяснения Шафиров реагировал с возмущением, поскольку они вскрывали суть прусских интриг: Фридрих сам надоумил Карла идти на Саксонию для свержения Августа, а перед царем изображал страх, которым прикрывал желание видеть на польском престоле Станислава Лещинского и угодить шведам в обмен на их содействие территориальному расширению Пруссии. Выслушав Шафирова, Кейзерлинг, имевший личные интересы в России, пустился в беспрецедентные и преступные в отношении своего сюзерена откровения. Посол сказал *«за великий секрет»*, что не одобряет политики Фридриха и надеется, что он в конце концов *«обмыслится»* (одумается) и свернет с этого опасного пути. Но ему нужно помочь, предложив занять позицию строгого нейтралитета в шведско-саксонских отношениях и пригрозив, что в противном случае царь придвинет к прусской границе свои войска.

Еще до получения официального ответа Фридриха неудача посольства И.П. Измайлова стала очевидной. Ей сопутствовали некие странные обстоятельства, достойные упоминания. Как известно, во время пребывания И.П. Измайлова в Берлине там на постоянной основе находился русский резидент фон дер Лит, регулярно получавший письма из Москвы, в отличие от своего коллеги, выполнявшего более важную миссию. Сетуя на это, И.П. Измайлов, подробно освещавший в своих донесениях неблагоприятный ход переговоров, умолял Петра отозваться хотя бы какой-нибудь инструкцией. Но тот его как будто не слышал. Или не хотел слышать, ибо даже указ об использовании подкупа посол почему-то получил от фон дер Лита. Было от чего потеряться послу в догадках, колебаниях и сомнениях.

В догадках впору потеряться и историку, особенно когда он наталкивается на странную грамоту Петра к Фридриху (от 21 ноября 1706 г.), где царь просит *«давать полную веру»* тем словам, которые он услышит от фон дер Лита, *«публичный чин* (обер-комиссарий. — *В. Д.*) *от нас имеющего»*. Накануне (12 ноября) к фон дер Литу была отправлена царская инструкция, почти полностью совпадавшая с наказом И.П. Измайлову. Она начиналась с предписания оставаться в Берлине на постоянной основе, чтобы *«его царского величества интересы и честь охранять со всякою ревностью»* и *«почасту»* сообщать *«всякие ведомости»* о враждебных замыслах против России. Дальше — почти дословное повторение предписаний И.П. Измайлову. На долю фон дер Лита выпадала незавидная участь — заставить Фридриха дважды выслушивать одно и то же.

Если Петр переводил фон дер Лита в статус чрезвычайного и полномочного посла, то зачем это понадобилось именно в тот момент, когда И.П. Измайлов выполнял свою миссию? Ведь такое дублирование еще больше запутывало ситуацию и вызывало открытое недоумение у Берлина: зачем, спрашивали там, царю два резидента? Тут автору этой книги следовало бы признаться в том, что он не знает, как объяснить непонятное решение Петра, если бы не одна зацепка для гипотезы. Когда И.П. Измайлов доложил о требованиях Карла XII, Г.И. Головкин посоветовал ему впредь о таких неприятных вещах помалкивать, *«дабы не понести... великого государева гнева»*. Но дело было сделано, и посол оказался без вины виноватым. Возможно, это был тот редкий случай, когда горькая правда стала причиной недовольства Петра, невольно связавшего плохую весть с тем, кто ее передал, и сорвавшего на нем свое дурное настроение. Впрочем, это лишь догадка.

И.П. Измайлов тяготился своим положением и просился домой, понимая бесполезность своих усилий. И если допустить, что отныне царь связывал свои надежды с фон дер Литом, то делал он это зря. В тот момент ничто, кроме решительной победы или полного поражения России, не могло склонить Фридриха к корректировке его политики. Тем более ничего не давала замена одного дипломата другим. Сам фон дер Лит не испытывал никакого оптимизма, полагая, что даже заручиться гарантией прусского нейтралитета будет невозможно.

В письме к Шафирову от 24 сентября 1706 года Петр, констатируя состояние русско-прусских отношений на тот момент, писал, что они подвержены *«частым переменам, и нельзя знать, при чем стоять* (какого курса придерживаться. — *В. Д.*)», поскольку королевские *«предложения несносные, которых никогда принять невозможно»*.

П.А. Толстой призывает не благодушествовать

Радость, с которой Петр встретил известие о демаркации границы с Османской империей[1], позволяет высказать ряд предположений. Он радовался возможности оттянуть войну с турками, с его точки зрения неизбежную, но пока крайне нежелательную. Нежелательную не потому, что боялся, а потому что ее нужно было бы проводить в блиц-стиле, в условиях затишья на севере. Надежд на это Карл XII не давал. Любое обращение русских сил на юг грозило шведским ударом в их тыл. Вынашивал ли Петр идею морской войны с Турцией, учитывая его постоянные визиты на воронежские

[1] *«О Турецком деле с немалой радостью слышим»*, — писал Петр Ф.А. Головину 7 марта 1706 года.

верфи? Не исключено, как не исключены и сомнения царя в способности азовского флота завоевать господство в Черном море.

Почти ликующая реакция Петра на демаркационное соглашение говорила еще и о том, что царь не утратил доверия к международному праву вообще и к обещаниям Порты соблюдать его в частности. Султан рассматривал межевое разграничение как окончательное оформление Константинопольского договора. Во всяком случае, османскому обществу это подавалось именно так. Такая умиротворительная трактовка Петра вполне устраивала. По крайней мере, в русско-турецких отношениях образовался какой-то запас спокойного времени.

Совсем иное настроение было у П.А. Толстого. Вокруг его дома по-прежнему стоял караул. Из Москвы вернулся турецкий посол Мустафа-ага, ненавидевший Россию и теперь пользовавшийся любым случаем, чтобы возводить на своего русского коллегу всяческие наветы. Посольская казна истрачена на взятки, большей частью бесполезные. Не бог весть каким оптимистом был П.А. Толстой и в отношении демаркационного соглашения, полагая, что турки полностью не откажутся от территориальных споров.

Уставший от нервного напряжения и к тому же страдавший нестерпимыми приступами подагры П.А. Толстой просил Головина (начало 1706 г.) похлопотать перед Петром о его замене другим дипломатом, тем более что *«мирное состояние конечно утвердилось»* и особой опасности для его преемника не будет. Но на этом посту государю требовался именно такой профессионал, как П.А. Толстой, в чем Петр признался послу в собственноручном письме, обещая ему воздать сторицей за его труды и терпение. Воодушевленный П.А. Толстой писал в Москву о своей готовности *«со всякой радостью и веселым сердцем работать усердно и быть во странствии и в бездомстве»*, а также о раскаянии, что *«дерзнул принести рабское мое челобитье»*. Раскаиваться было в чем. Посол явно слукавил, констатируя *«мирное состояние»*, зная, что до него еще далеко.

Новые тревоги не заставили себя ждать. В апреле 1706 года произошла очередная перестановка в турецком правительстве. Великим визирем (восьмым по счету за шесть лет) стал Чорлулу Али-паша. П.А. Толстой жаловался на эти частые перемены, которые для него *«зело убыточны»*, поскольку каждому новому главе кабинета и его заместителю (кегае) приходится по обычаю посылать *«дары немалые»*. Но хуже было другое. Посол еще раз столкнулся с тем фактом, что поведение высших османских чиновников отражало как суть их личности, так и ту неопределенность, которая царила во внутренней и внешней политике Порты. Визирь обращался с Толстым *«ласково»*, пока тот не попросил объяснений по поводу недавнего нападения кубанских татар на донских казаков, в ходе которого были похищены люди и разграблено имущество. Просьба осталась без ответа. В письме от 4 августа П.А. Толстой докладывал Петру: *«Министры турецкие о ссорах кубанских никакого определения до сего числа не сделали; много я с ними о том говорил, но визирь очень загордился и не только не хочет решить дела по правде, но и слов моих не слушает и ни на одно мое предложение не отвечает. Кажется, они так делают потому, что с нашей стороны татарам ни в чем не противятся, а известно, что народ турецкий неблагодарен, кто им уступает, того они больше презирают»*. Посол объяснял поведение Али-паши еще и влиянием настойчивых слухов, будто русские разбиты шведами окончательно.

К концу 1706 года обострилась еще одна проблема. Живущие в России татары обратились к крымскому хану Казы-Гирею III с жалобой на притеснение мусульманской веры и с прошением взять их в свое подданство и прислать войско для препровождения татарских семей в Крым. Хан попросил у Порты разрешения оказать единоверцам помощь. Великий визирь Али-паша созвал государственный совет (конец 1706 г.), где глава османского духовенства (муфтий) высказался в пользу предоставления такой помощи, поскольку это предписано в Коране. П.А. Толстой опасался, что турки могут отважиться на такой шаг в расчете, что в случае возникновения войны с Россией шведы соединятся с ними. Посол стал ломать себе голову над тем, как отвлечь Порту от «переселенческого» вопроса. Первое, что пришло на ум, — подбросить султану мысль поддержать венгров в их борьбе против Австрии и заинтересовать этой идеей Францию. Но провернуть такую комбинацию было сложно: Париж держал курс на разжигание ссоры между Турцией и Россией.

Одним словом, о покое на русско-турецкой границе можно было только грезить. Не случайно в ноябре 1706 года Петр распорядился принять широкие меры к обороне Азова и окрестностей, включавшие увеличение вооружения, гарнизонного состава, материального и денежного довольствия для него, масштабов строительных работ и т.д.

Датчане зондируют почву

По-прежнему были тщетными попытки Петра реанимировать Данию как союзника. Полная неопределенность на военных театрах мешала Фредерику IV выйти из состояния выжидания. Пока же он предпочитал поддерживать торговые отношения с Россией и извлекать из них максимальную выгоду. Избегая прямого контакта с Петром, король действовал через своего нового посланника Георга Грунта (Грунда), назначенного вместо умершего Пауля Гейнса. В январе 1706 года Грунт обратился к царю с мемориалом, содержавшим просьбу принять весной два голландских торговых судна и не облагать их товары пошлиной, что якобы было бы очень выгодно для России. Мало того, он просил для хозяина этих кораблей Вильгельма Эдингера награду в 250 золотых, ссылаясь на уже имевшие место прецеденты.

Раздраженный Петр, вероятно, надеявшийся увидеть перед глазами мемориал совсем другого, политического, содержания, наотрез отказал в *«сих прихотях»*, заявив, что торговля с датчанами будет вестись на общих для всех иностранцев условиях. Обидевшийся Грунт собрался было настаивать, но Ф.А. Головин отговорил его. Помимо всего прочего, ходатаю объяснили, что данное царем в мае 1703 года обещание дать 500 червонцев шкиперу первого иностранного судна, которое придет торговать в устье Невы, своевременно выполнено. На последующие случаи это обещание не распространяется.

Зная, насколько важно для Петра вернуть Данию в состав антишведской коалиции, король решил разведать через того же Грунта, какое вознаграждение он получит, если *«обстоятельства тамошних* (северных. — *В. Д.*) *стран к тому склонятся»*, что Дания захочет *«к общему делу опять присовокупиться»*. Рассчитывать ли ему на финансовую помощь Петра? Ответ он хотел получить быстро. И получил: у России у самой *«великие расходы»*, лишних денег у нее нет. Но *«великие прибытки»* для Дании будут состоять в том, что она вернет себе потерянные провинции, в том числе при содействии русских войск.

Переплачивать Фредерику за то, что он будет делать в собственных интересах, Петр не желал.

Инструкции Головина русскому послу в Копенгагене А.П. Измайлову были пронизаны одним призывом — *«изволь всячески трудиться и приводить к зачинанию войны* (между Данией и Швецией. — *В. Д.*) *и обещать, что его царское величество* [...] *вспоможение чинить будет»*. Головин корил посла за отсутствие вестей и просил, при малейшем намеке на войну, немедленно докладывать. Но докладывать было не о чем.

О том, что русско-датские отношения находились в замороженном состоянии, свидетельствует один очень красноречивый факт. Личная переписка между Петром и Фредериком IV прервалась еще в феврале 1702 года, когда царь убедился в отсутствии предмета для разговора, и возобновилась лишь через четыре с половиной года. Письменное общение Петра ни с одним сколько-нибудь значительным европейским монархом не знало такого перерыва. 18 августа 1706 года он послал датскому королю грамоту, в которой просил разрешить специальному царскому эмиссару Николаю Лангу (Ланге) нанять в Дании несколько генералов и офицеров для несения службы в русской армии. Это был не такой уж важный повод, чтобы прервать долгое молчание. Дело, видимо, в другом. Петр хотел восстановить с Копенгагеном канал связи на высшем уровне, чтобы напрямую воспользоваться им, в случае если Фредерик решится на разрыв со Швецией, на что рассчитывать пока не приходилось.

Впрочем, высококлассные кадры для царского войска тоже были не лишними. Лангу, прибывшему в Данию 16 ноября, предписывалось, действуя втайне от шведов, выбрать лучших и обещать им повышенное жалованье и другие привлекательные условия. Более или менее подходящие военачальники заявили, что без ведома короля никуда не поедут, но заранее назвали стоимость своих услуг, немалую даже по сравнению с щедрыми предложениями Петра.

Хотя Фредерик на словах согласился, чувствовалось, что эта идея, возможно, из-за опасения реакции шведов, ему не нравилась. Во всяком случае, дело не заладилось. Но короля волновало вовсе не это, а распространившиеся слухи, будто Матвеев заключил альянс с Францией, которая теперь хлопочет о мире между Россией и Швецией. Он боялся, что Дания станет жертвой объединения столь *«великих и сильных монархов»*.

Не поэтому ли решил Фредерик сделать вид, будто он, как союзник Петра и на основании 4-й статьи Преображенского договора 1699 года, хочет предложить Карлу XII свое посредничество в мирных переговорах с Россией, несмотря на малые шансы на успех? Но для этого нужно знать условия царя, о чем датский посол сообщил Шафирову 11 сентября 1706 года. Заметим, кстати, что Фредерик, по крайней мере, интересовался требованиями царя, в то время как Фридрих I видел себя в качестве посредника лишь при заключении капитулянтского мира, для которого и особого посредничества не требовалось.

После захвата Карлом Саксонии (сентябрь 1706 г.) все настойчивее становятся призывы Петра к своим дипломатам — делайте все для обзаведения союзниками. Он даже пошел на то, что попытался соблазнить Данию возможностью заполучить Дерпт.

1707 год

Война или мир?

Падение Саксонии еще больше обострило и без того мучительный для Петра вопрос о соотношении военных и дипломатических методов достижения мира. Практически не было надежд на то, что никогда не допускавший ни малейших уступок Карл XII смягчит свою позицию теперь, когда у него в тылу уже нет никакой Саксонии и перед ним широкий оперативный простор. С другой стороны, Петр тоже не для того одерживал победу за победой в течение шести лет, чтобы в конце концов подписать убыточный мир, тем самым признав свое поражение. Проблема была не в том, чтобы заплатить за прекращение войны ценой возвращения балтийской ситуации к исходной точке (к чему тогда было затевать это титаническое предприятие?), а в том, чтобы привести в некое приемлемое соответствие цели и результаты войны, найти прагматический баланс между потенциальными возможностями и реальными ограничениями. Прежде чем убедиться в отсутствии иного выхода из положения, кроме войны, царь хотел найти его в дипломатии. В январе–феврале 1707 года он набросал две сбивчивые записки о допустимых условиях мира. В них есть четкое понимание того, что сохранить за собой все завоеванные территории не удастся, но при этом очень смутное представление даже об общих контурах компромисса. В первой записке Петр соглашается на уступку Дерпта. Во второй, как бы одумавшись, отказывается от этой идеи, предлагая выкупить у шведов Петербург и Нарву. Если продавать Нарву шведы откажутся, то хотя бы оставить ее за Россией на несколько лет. Что делать с Ингрией, Эстляндией и Лифляндией — не ясно.

Хотя Петр был в некотором смятении, долго оставаться во власти чувств он не умел. Окунуться с головой в дела — вот лекарство от всех сомнений.

На кого делать ставку в Польше?

Петр, конечно, был убежден, что все решится на полях сражений. Но пренебрегать использованием политической обстановки в Польше царь не хотел. Она никогда не отличалась ясностью, однако после варварского разорения страны шведами количество сторонников Карла с стране резко поубавилось. Представители, условно говоря, «прорусской партии» стали искать сближения с Петром, который с готовностью отозвался на эти увертюры, чтобы не терять политической опоры среди шляхетства.

Поскольку соглашения между Августом II и Петром теперь не казались легитимными, высшие чины Речи Посполитой хотели обновить договорную основу межгосударственных отношений, сохранив в ней то, что им выгодно. Петру это было даже на руку, учитывая сомнительную договороспособность Августа, если не назвать ее хронической предрасположенностью к предательству.

В январе 1707 года в бытность царя в Жолкве приехали к нему влиятельные военные и клерикальные деятели Речи Посполитой. Начались переговоры об оборонительно-наступательном союзе. Затем они продолжились в других городах до конца

января следующего года. Дело продвигалось очень трудно. Польско-литовская знать стремилась выторговать как можно больше территорий, в частности тех, что находились в руках казаков. Она требовала больших денег на содержание шляхетского войска, не говоря уже об обычных вымогательствах в виде подарков, отказывалась снабжать провиантом царскую армию и выставлять со своей стороны положенное по договорам количество полков и т.д. Чтобы обязать Россию к выплате завышенных сумм, поляки часто ставили в центр споров вопрос о необузданном поведении казацких и калмыцких частей русской армии, которые забирали у местного населения сверх положенного.

Петр приказал своим генералам запретить войскам устраивать произвольные поборы *«под опасением живота и смерти»*. В принципе не отказываясь оказать на казаков давление с целью возвращения Белой Церкви, царь не слишком в этом усердствовал под предлогом, что если крепость вернуть полякам, то она, вслед за значительной территорией Речи Посполитой, станет легкой добычей шведов и это позволит им атаковать расположенные неподалеку русские границы. Относительно субсидий Петр занимал твердую позицию: платить буду за дело, а не за клятвы в верности.

Затягивали переговоры обе стороны: каждая, чтобы склонить другую к большей сговорчивости. Польско-литовская знать применяла шантаж, молчаливо угрожая перейти на сторону шведов. Впрочем, тут был элемент опасения, что царь упредит Речь Посполитую собственным сепаратным соглашением с Карлом XII. Литовская часть посполитной знати традиционно испытывала к Москве более лояльные чувства, чем собственно польская. Но это не значит, что она в меньшей степени хитрила, ловчила и торговалась с царем, особенно когда речь шла о ее личных и корпоративных интересах. Размеры взяток, которые шляхетская верхушка беззастенчиво требовала от Петра, были вполне сопоставимы с официальными субсидиями, но они не страховали от перехода польских военачальников к шведам. Специальный царский эмиссар в Польше Емельян Украинцев докладывал канцлеру Г.И. Головкину: *«повадили мы их такими дачами и даем деньги, то все равно, что в огонь бросаем или в воду сыплем напрасно»*.

Хотя преодолеть неопределенность и подозрительность до конца не удавалось, дело мало-помалу продвигалось вперед. По понятным причинам Речь Посполитая (сейм, сенаторы, клерикальная и гетманская верхушка) сосредоточила дипломатические рычаги в своих руках, отодвинув Августа II на задний план. Петра вполне это устраивало, как и тот факт, что в правящем классе Польши отсутствовало единство. По крайней мере, это было лучше, чем наличие такого единства под антироссийским флагом.

После Альтранштадта Петр практически прекратил общение с Августом[1], который, напротив, как никогда, жаждал такого общения. Отчасти его мучило то, что можно назвать остатками совести. Но главное было в другом. Если после поражения при Фрауштадте у Августа еще сохранялись какие-то иллюзии по поводу вероятности заключения великодушного мира или даже союза с Карлом, то они разбились о жестокие и унизительные требования шведского короля. Петр оставался для Ав-

[1] На протяжении 1707 года Петр написал Августу всего лишь два письма, в то время как за 1706 год их насчитывается 25.

густа последней надеждой. В марте и мае 1707 года польский король послал к царю две миссии — генерала Генриха фон дер Гольца и камердинера И.Г. Шпигеля. Им предписывалось обстоятельно (в 18 пунктах) объяснить причины сепаратного договора и просить Петра взять оставшиеся коронные войска под свое покровительство. В декабре Шпигель приезжал во второй раз с письмом Августа, в котором говорилось о плане Карла XII идти прямиком на Москву и предлагалась система оборонительных действий с уклонением от генерального сражения. Август хотел услужением Петру загладить свою вину.

Царь выслушивал посланцев Августа и одновременно искал ему замену. Сначала он предложил свою поддержку в добывании польской короны Евгению Савойскому, но тот отказался, найдя благовидную отговорку. Затем такое же предложение было сделано сыну Яна Собеского Якубу, который тоже не решился принять его. Наконец Петр обратился к руководителю антигабсбургского освободительного движения трансильванскому (или семиградскому) князю Ференцу Ракоци (Ракоши). Князь согласился при условии, что на то будет свободное волеизъявление поляков, гарантировать которое никто не мог. В итоге дело расстроилось.

Отсиживаясь в Дрездене, Август следил за ситуацией и призывал своих сторонников ждать его скорого возвращения в Польшу, умолчав, правда, что это целиком зависит от русских военных успехов.

Ввиду абсолютной неприемлемости Станислава Лещинского для Петра Август оказывался наименьшим злом. Но восстанавливать с ним прежние отношения царь не спешил.

Был еще один важный фактор, запутывавший ситуацию в Восточной Европе для всех ее участников и способный повлиять на соотношение сил в Северной войне. Король Станислав Лещинский усердно старался привлечь на свою сторону запорожских и малороссийских казаков, действуя через авторитетного гетмана Мазепу. Гетман вначале решительно отвергает королевские предложения (отсылая их к царю). Но затем начинает осторожно прощупывать почву и через третьих лиц, в том числе через красивых женщин, выслушивать предложения польских магнатов. Продолжал Мазепа переписку и со Станиславом Лещинским.

Доверия к новому королю не было ни у гетмана, ни у казаков, хорошо осведомленных о великопанских планах Польши и предпочитавших скорее союз с крымским ханом, чем со шляхтой. Однако все решал ход Северной войны. Если русские будут терпеть поражения, а шведы с поляками успешно продвигаться на юг, то малороссы окажутся перед выбором в пользу одной из противоборствующих сил. И тогда может так статься, что казакам под давлением Карла придется пойти если не на союз с Лещинским, то, по крайней мере, на какой-то компромисс.

Суть этой ситуации Мазепа изложил в письме к польскому королю (от 18 сентября 1707 г.). Гетман сделал это просто и доходчиво. При полном отсутствии единомыслия среди казаков, с одной стороны, и среди поляков — с другой, решающим фактором станет сила и количество шляхетских и шведских войск, которые придут к украинским границам. Правда, он не добавил главного вопроса, но он звучал между строк: что будет предложено малороссам?

Настойчивые польско-шведские ухаживания за Мазепой продолжались до тех пор, пока для него не настал момент для принятия критического решения.

«Приятное обхождение господ англичан»

В мае 1707 года Матвеев приехал в Лондон и не мешкая взялся за дело. На приватной аудиенции у королевы Анны он вручил ей царскую *«любительную»* грамоту и письма с *«изъявлением неправд и кривоприсяжеств* (предательства. — *В. Д.*)» курфюрста саксонского, *«бывшего прежде королем Польским»*. Анна приняла царские заверения в глубокой приязни с благодарностью и сказала, что таких же чувств она исполнена к Петру. О Польше, естественно, разговора не было: высокие аудиенции предназначены для расточения любезностей, а не для обсуждения проблем.

В донесении к Петру (от 30 мая 1707 г.) Матвеев писал, что королева обещала пребывать в искренней дружбе с царем и учинять к его пользе все, что в ее силах, а на деловые вопросы она ответит через своего статс-секретаря. Роберт Харли (Гарли), как отмечал посол, на словах подтвердил склонность английского правительства к сотрудничеству, а *«что окажется делом»*, то покажет время.

На фоне *«приятного обхождения господ англичан»* не замедлили представиться трудности. Парламентские партии — тори и виги — придерживались разных внешнеполитических ориентаций. Между ними велась постоянная борьба. Кто в такой ситуации мог взять на себя принятие ответственного государственного решения, Матвееву было не совсем понятно. По идее таким человеком должен был быть статс-секретарь Роберт Харли. К нему посол и обратился с предложением о заключении русско-англійско-голландского альянса, что подразумевало присоединение России к *«великому союзу»* против Франции.

Долгую задержку с ответом Матвеев объяснял щекотливостью вопроса, поставленного перед лондонским кабинетом. С одной стороны, англичане боялись спровоцировать Карла XII на активизацию его политики в Германии. С другой стороны, не хотели задеть самолюбие русского царя, от которого зависели колоссальные английские прибыли от торговли с Россией.

Наконец 14 сентября 1707 года (по старому стилю) королева Анна объявила Матвееву о своей радости в связи с желанием Петра вступить в *«великий союз»*. Ее грамота к царю, между прочим, начиналась с похвалы в адрес Матвеева, *«наиприятнейшая персона которого явила нам свой острый ум, честь и многие изрядные способности»* (*"whose Person is most agreeable to Us for his Great Capacity, Integrity and many great Accomplishments"*). Далее королева благодарила царя за то, что он, соизволив присоединить себя к *«великому и торжественному союзу»*, выбрал самый *«ясный»* способ изъявить ей *«братскую любовь и почтение»*. Но нужно согласовать это с Голландией, которая уже оповещена о миссии Матвеева. В заключение грамоты Анна вновь подняла традиционную для англо-русских отношений тему о свободе торговле, намекая, что от России потребуются уступки.

В Гаагу отправился герцог Мальборо, обещавший русскому послу не пожалеть усилий для склонения Штатов к согласию.

Матвеев не доверял ни Англии, ни Голландии. Но в первом случае был хоть какой-то повод для оптимизма, поскольку королева без обиняков поставила военно-политический вопрос в связь с коммерческим. Она заявила о желании подписать с Москвой *«особый торговый договор»*. Легко было предположить намерение Лондона добиться для себя исключительных, возможно, беспрецедентных привилегий. Быть

может, даже монопольных прав на тот или иной вид экономической деятельности на территории России.

По возвращении из Голландии (9 ноября 1707 г.) Мальборо встретился с Матвеевым и завел длинную сагу о своих стараниях в пользу России. Русский посол вежливо остановил его вопросом, выйдет ли из всего этого что-то реальное. Герцог рассыпался в обещаниях содействовать *«видам царя»*.

По правде сказать, от Мальборо мало что зависело, и чем меньше зависело, тем больше возрастал размер гонорара, который он просил за свои услуги. Но никакими взятками нельзя было изменить дипломатическую логику Северной войны. Лондон и Гаага не брались за посреднические дела, слишком хорошо понимая, что вопрос об условиях русско-шведского мира в настоящее время неразрешим. Да и о чем говорить, когда в окружении Карла XII слово «мир» вообще являлось табу. Хотя со времен Нарвы прошло уже 7 лет, позиция короля не сдвинулась ни на йоту: война не прекратится, пока в руках Петра будет оставаться хоть одна пядь завоеванной им шведской земли. По этим же причинам русский дипломатический зондаж в Париже и Вене весной 1707 года закончился провалом.

ЛАНЬ®

Из Берлина с пустыми руками

Как мы уже видели, Петр много занимался дипломатией, считая ее важным подспорьем войны. Однако результаты деятельности его агентов в Европе убедили государя в том, что сама по себе дипломатия бессильна там, где необходимы совсем другие средства. Без нее нельзя обойтись до и после драки. А вот когда гремят пушки, ей ничего не остается, как ждать своего часа. В целом разделяя эту мысль, Петр все же полагал, что для дипломатов найдется работа и среди грохота пушек.

Отсюда постоянные поручения его доверенным лицам ехать то в один, то в другой конец Европы. Как Петр, вероятно, думал, в суммарном виде эта работа в конечном счете должна принести какой-то эффект. И в перспективе он не ошибся. Но пока ничего толкового из этих миссий не получалось.

После холостых визитов русских дипломатов в Лондон, Гаагу, Вену и Париж Петр вернулся к теме русско-прусского союза. Не то чтобы он уповал на успех, но отправка в Берлин специального эмиссара капитана И.П. Измайлова для торжественного подтверждения добрых чувств к «старому другу» Фридриху казалась не лишней.

Прусский король с его давними аппетитами к Балтике был сколь естественным, столь и осторожным союзником России. Ставить под удар свое относительно прочное положение в Европе и с таким трудом обретенный королевский статус у него не было ни малейшего резона. Особенно в обстановке, когда в Северной войне наступило зловещее затишье, а Петр оказался в дипломатической изоляции. При такой неясности участвовать в восстановлении антишведской коалиции Фридриху совсем не хотелось. А ставка на военный союз только с Петром могла привести Пруссию к катастрофе.

Сомнения короля царю были понятны, хотя разделять их он не желал. От поездки И.П. Измайлова в Берлин он не ждал ничего хорошего. Европа отучила Петра от благодушного оптимизма. Об этом говорит уже приводимая нами монаршая инструкция: если Фридрих откажется выступить медиатором между Швецией и Россией, то пусть

хотя бы подтвердит русско-бранденбургский договор 1697 года о дружбе и формальном союзе. На худой конец — объявит себя нейтралом.

Измайлов не добился от короля ничего, кроме грамоты (подписана 13 февраля 1707 г.), которую петровский эмиссар пытался представить Посольскому приказу как формальное подтверждение русско-бранденбургского договора 1697 года. На самом деле это было нечто вроде меморандума. Он начинался с пустых слов о желании Фридриха и впредь оставаться в доброй дружбе с царем. Затем следовали какие-то мелкие вопросы, вполне пригодные для дымовой завесы, но совершенно неуместные в тексте международного соглашения. И наконец, составитель этой грамоты добирается до сути дела: Пруссия не будет ставить под угрозу мирные отношения со Швецией, поэтому Фридрих запретил русским войскам проходить через свою территорию и признал Станислава Лещинского польским королем.

Петр вел переговоры с Берлином, не рассчитывая на ближайший результат. Похоже, это была работа впрок, плоды которой дадут о себе знать только в случае изменения хода Северной войны в пользу России. И.П. Измайлов покинул Берлин ни с чем (апрель 1707 г.). Успехами не мог похвастаться и оставшийся в прусской столице уже в ранге чрезвычайного и полномочного посла России фон дер Лит, не питавший, впрочем, никаких иллюзий. 28 февраля 1707 года он писал в Москву: *«А чтоб здешний двор склонен был вступить в наступательный и оборонительный союз, то я о том и думать никогда не хотел, ибо мне известно, сколь трудно двор Прусский привесть и к нейтральству...»* Фон дер Лит, вынужденный выполнять волю Петра, начал переговоры с Ильгеном. Из его доклада о конференции, состоявшейся 20 мая 1707 года, видно, что пруссаки старались перевести разговор в пустопорожнее русло, уходя не только от принятия на себя конкретных обязательств, но и от прямых ответов. Так, на вопрос, согласен ли Карл XII на посредничество Фридриха, Ильген заявил, что это ему не известно, но если царь хочет, чтобы Фридрих взял на себя такую миссию, то должен письменно изложить свои условия. Когда русский посол упрекнул Берлин в признании Станислава Лещинского польским королем, вопреки торжественным обещаниям, то Ильген бесцеремонно заявил, что соответствующее объяснение уже дано царю через Кейзерлинга. Не менее бестактной была реакция на предложение о заключении отдельного *«трактата о нейтральстве»*: *во-первых*, вполне достаточно устного заверения Фридриха на сей счет, а *во-вторых*, королю нужно знать, что Пруссия получит за эту услугу.

Из всего вышеперечисленного фон дер Лит сделал справедливый вывод: прусский король и не думал заводить с Карлом XII речь о посредничестве, а за ничтожное одолжение в виде договора о ненападении на Россию просил высокую оплату.

Петра это выводило из себя, но от повышения тона в письменном общении с Фридрихом его удерживали несколько обстоятельств. Главное из них — международная обстановка. После Альтранштадтского мира Россия лишилась своего единственного союзника и осталась лицом к лицу со шведской армией, готовившей генеральное наступление на Москву. Калишская победа А.Д. Меншикова, хотя и являлась вдохновляющим для Петра симптомом, ничего в ходе войны принципиально не меняла. Фридрих, уклонившись от подписания договора о нейтралитете, оставлял за собой юридическое право предоставить свои войска в распоряжение Карла XII в обмен на территориальные приращения Пруссии. Опасность исходила и от прошведской

партии Речи Посполитой. Не было никакой надежды на помощь европейских держав. Тут даже дело шло не о помощи, а о простом невмешательстве, тоже не гарантированном, особенно со стороны Англии и Франции. В условиях изоляции обострять отношения еще и с Пруссией под влиянием эмоций было бы опрометчиво. Тем более что «хитрый лис» Фридрих прямого повода к этому старался не давать. В своих посланиях к Петру он рассыпался в любезностях, а самые неприятные объяснения с русскими поручал Ильгену, всегда имея в его лице человека, за которым можно было спрятаться, дезавуировав им сказанное.

Одним словом, в 1707 году обстоятельства вынудили Петра осознать, что он нуждался в Фридрихе больше, чем тот нуждался в царе. Теперь прусского короля пришлось просить не о союзе и даже не о нейтралитете, а о спасении чести и достоинства царя, чей официальный представитель Паткуль, в попрание международных законов, был *«неслыханным образом»* выдан Августом *«в руки неприятельские* (шведам. — *В. Д.*) *на погубление»*. Как и находившиеся под его командованием русские войска, от которых осталось 1600 человек. Петр просил Фридриха о содействии в освобождении Паткуля как полномочного царского посла или, по крайней мере, в обеспечении его достойными условиями содержания. Тем самым Карл *«пред всем светом может заслужить имя великодушного монарха и не учинится участником такого безбожного и варварского дела»*. В противном случае царь отставлял за собой полное право отомстить королю. Вторая просьба состояла в том, чтобы интернированные в Саксонии русские полки Фридрих взял под свое высокое покровительство и обеспечил им свободное возвращение в Россию.

В ответ прусский король прислал грамоту (от 27 мая 1707 г.), где выражались сочувствие и сожаление в связи с предательством Августа и содержались маловразумительные обещания во всем *«ко удовольствованию вашему царскому величеству... вспомогать»*. Ни слова о Паткуле и о русских войсках.

Однако на мелкие вопросы русско-прусских отношений Фридрих откликался по существу, что лишь обостряло эти отношения. В 1707 году берлинские власти арестовали прусского полковника артиллерии фон Шлунта (Шлунда), передававшего секретные сведения А.Д. Меншикову. Петр послал Фридриху грамоту (от 20 июня), в которой ходатайствовал об освобождении Шлунта, поскольку тот не совершил ничего предосудительного, а лишь давал профессиональные консультации, и не врагу, а приятелю, если Россия, как многозначительно заметил царь, таковым еще является для Пруссии. Подчеркивалось, что, пойдя навстречу, Фридрих *«по высшей мере»* обяжет Петра и подаст надежду на сохранение прежней, *«столь часто к нам засвидельствованной дружбы»*. В противном случае царь будет считать эту дружбу *«отмененной»*.

Фридриху бы обрадоваться появившейся возможности услужить Петру, ничем не жертвуя, но он ответил (письмо от 19 июля) вежливым отказом, ссылаясь на то, что за Шлунтом числятся многие другие прегрешения помимо переписки с А.Д. Меншиковым.

Потеплению отношений помешал также инцидент, послуживший поводом для серьезного объяснения между монархами. 29 июня на торжественном банкете в честь царского тезоименитства прусский посол Кейзерлинг, не отличавшийся уживчивым нравом, хорошо подвыпил и стал искать ссоры с другими высокопоставленными го-

стями, оскорбляя их последними словами. Петр приказал не связываться с бретером. Тогда посол подошел к царю, пытаясь навязать ему разговор на совершенно непотребную тему. Государь снисходительно свел дело к шутке и покинул помещение, понимая, что его собеседник вчистую проиграл *«битву с Бахусом»* (как принято было выражаться в царском кругу). Когда А.Д. Меншиков попросил Кейзерлинга уняться, тот выхватил шпагу. Их насилу разняли, после чего посла выпроводили во двор, где он умудрился затеять драку с караульными.

Если бы не присутствие и даже в некоторой степени участие Петра в этом инциденте, его в принципе можно было бы списать не невменяемость Кейзерлинга и считать бытовой ссорой. Еще и не такое случалось. (Вспомним гибель в пьяной драке бранденбургского посла Задоры-Цесельского.) В данном же случае царь вольно или невольно ставил это беспрецедентное происшествие в один ряд с умножающимися признаками недружелюбной политики Пруссии в отношении России. Поэтому реакция была жесткой. Петр решил *«по высшей мере жалобу* (к Фридриху. — *В. Д.*) *творить»*. Он написал королю письмо (30 июня 1707 г.) с кратким и сердитым изложением инцидента, подчеркивая, что Кейзерлинг *«к нашей собственной персоне некоторые непристойные слова испустил»*. О негодовании царя свидетельствовал и способ доставки послания — оно было отправлено со специальным эмиссаром, майором фон Брукенталем (очевидцем инцидента), которому предписывалось вручить Фридриху лично текст с пространным описанием поведения прусского посла и заявить, что Петр требует отозвать Кейзерлинга и заменить его достойным человеком, ибо *«не может царское величество такого у двора своего терпеть и с ним ни о каких делах трактовать не изволит»*.

Кейзерлинг, протрезвев, бросился писать Фридриху объяснительные письма со своей версией инцидента. Точнее, версиями, в которых он сваливает всю вину на А.Д. Меншикова, на царя и на *«чудовищные московские обычаи, которых я сделался жертвой»*. И не стесняется подсказывать королю, как реагировать. *«Неслыханный позор, которому подвергся министр вашего королевского величества,* — негодовал Кейзерлинг, — *так велик, а нарушение международного права — есть преступление столь важное, что вызванный ими гнев вашего королевского величества будет совершенно основателен»*. Он квалифицирует дело как нечто *«небывалое до сих пор в летописях истории»*. После этого оскорбления, полагал посол, Пруссии предоставляется *«самый законный повод к нарушению нейтралитета»*, поскольку *«кроме затаенной злобы, ваше королевское величество никакой выгоды от царя ждать не можете»*. В своей экзальтации Кейзерлинг дошел до того, что выразил уверенность в готовности Фридриха *«геройски потребовать возмездия за варварское преступление»,* совершенное в ущерб его величию и славе. *«Необходимо*, — философствовал он, — *развить в этом диком* (русском. — *В. Д.*) *народе сознание необходимости свято соблюдать международное право, нарушаемое им так часто»*. Затем посол отвлекается от эмоций и советует, как извлечь из этой истории максимальную политическую выгоду. Царя, оказывается, нужно простить, но за такое милосердие потребовать от него отступных в польском и других вопросах. Русские не станут возражать, потому что они, по своей трусости, *«никогда не станут во враждебные отношения с вашим королевским величеством, и скорее согласятся на всякие миролюбивые сделки, чтобы только удержать теперешний нейтралитет вашего королевского величества»*.

Фридрих знал о скандальном характере Кейзерлинга, по поводу которого царь уже делал королю представление в 1704 году. Поэтому в версию посла он либо вообще не верил, либо верил наполовину, тем более что тот не отрицал своего опьянения и перевозбужденного состояния. Так оно или нет, Фридрих был слишком благоразумным, чтобы ссориться с Петром, идя на поводу у совершенно безответственных советов своего дипломата, пытавшегося выгородить себя и свести счеты с Россией. Кейзерлингу пришлось *«чистосердечно повиниться»* и *«смиренно покаяться»* перед царем и его фаворитом. В письмах к ним он, *«не колеблясь»*, признал, что хватил лишку, отчего *«легко могли сорваться с языка некоторые непристойные выражения»,* произведя *«вспышку от избытка вина»*, просил великодушно предать эту ссору милостивому забвению — особенно Петра, известного своей снисходительностью к проступкам, вызванным обильным возлиянием. Вместе с тем Кейзерлинг, не преминув вспомнить подзатыльники, полученные им от двух караульных лейб-гвардейцев, ходатайствовал о наказании их за грубое насилие и оскорбление, *«сделанное в лице моем величию всемилостивейшего моего государя и короля»* в нарушение всех норм международного права. *«Это справедливое возмездие,* — заключал посол, — *не только укрепит неразрывными узами дружелюбные отношения* (между Петром и Фридрихом. — *В. Д.*) [...], *но оно придаст еще более блеску вашей славе и обессмертит ваше величие и ваше имя»*.

Серьезная размолвка с царем, да еще по такому ничтожному с точки зрения большой политики поводу, совершенно не входила в планы Фридриха. Отвечая на жалобу Петра, он писал, что не подвергает ни малейшему сомнению ее основательность и считает проступок Кейзерлинга достойным королевского гнева. Фридрих заверил, что больше не будет отягчать царя присутствием этого дипломата и не умедлит прислать на его место другую особу, *«которая б для содержания всеподлинного дружебно-братственного доброго согласия ... все потребные достоинства имела»*.

Петру тоже не нужна была распря с Фридрихом, и по той же причине. Он легко удовлетворился покаянными письмами Кейзерлинга и приказал расстрелять лейб-гвардейцев, отвесивших ему тумаков. Посол в знак окончательного примирения попросил помиловать их, что и было торжественно исполнено в театрализованной обстановке. Соответствующий указ царя объявили за несколько мгновений до расстрела виновников в присутствии целого эскадрона их сослуживцев. Освобожденные от цепей лейб-гвардейцы пали ниц перед Кейзерлингом, даровавшим им жизнь, да еще и угостившим их водкой, как вернувшихся с небес. Затем посол пригласил всех участников этого спектакля на обед.

Что касается очного примирения с Петром и Меншиковым, то оно было душевным до умиления. Царский фаворит любезно позвал Кейзерлинга к себе во дворец и принял его с честью, *«которую он едва ли оказывал другим иностранным министрам»*. После обоюдных дружеских приветствий они удалились в отдельную комнату, где согласились в том, что *«ссора эта не только будет предана полному забвению, но даже послужит в будущем к подкреплению нашего расположения и дружбы»*. Вскоре к ним вошел царь и, обняв изумленного Кейзерлинга, сказал: *«Сам Бог свидетель, как глубоко сожалею я о случившемся; но все мы были пьяны; теперь же, благодаря Бога, все прошло и улажено; я уже забыл о ссоре и пребываю благосклонно и с любовью преданный вам»*.

Докладывая об этом Фридриху, Кейзерлинг писал, что инцидент улажен *«вследствие высочайшего вашего желания»* и к полному удовлетворению сторон. Вопрос об отзыве посла был снят.

Несмотря на благополучную развязку этой истории, конфликтный потенциал русско-прусских отношений дал о себе знать в другом инциденте. Секретарь прусского посольства в Варшаве Легевель (Леллгеффель) потребовал от полковника Шульца, находившегося на царской службе, компенсации за материальный ущерб, причиненный подданным Фридриха. Полковник ответил бранными словами и рукоприкладством, которое, по словам короля, едва не привело к смерти дипломата. Фридрих назвал это *«неслыханным»*, *«грубым», «мерзским преступлением»* против международного права и просил Петра наказать виновного с *«крайней жестокостью»*[1].

Петр приказал немедленно расследовать дело, чтобы предать Шульца военному суду. А Фридриха попросил прислать своего представителя для участия в следствии. В черновике царской грамоты к королю говорилось, что если часть вины в ссоре окажется на Легевеле, то наказание должен понести и он. Отсутствие этого условия в беловике объясняется, видимо, нежеланием Петра идти на обострение.

Задание для де Боннака

Весной 1707 года, используя свои каналы, П.А. Толстой выведал, что французский посланник в Стамбуле Жан Луи де Боннак получил от Людовика XIV указание поссорить Москву с Портой во что бы то ни стало. Дипломат, через тайную переписку с Казы-Гиреем, устроил так, что тот отправил к султану своего визиря с просьбой позволить крымским татарам объединиться с поляками Лещинского и стоящими за ними шведами, чтобы идти на помощь к своим единоверцам, проживавшим в России и просившимся в подданство к хану.

Близкие к Ахмеду III люди получили от француза письма с перечислением всех угроз, нависших над Турцией. Утверждалось, что московиты наступают со всех сторон. Польша в их руках, как и Каменец-Подольский, — ключ к Крыму. Два других плацдарма — Азов и Запорожье — тоже у них. Москва, через своего пронырливого посла в Стамбуле и другими способами, провоцирует христианских подданных Османской империи на массовое восстание против своего законного монарха. Еще один источник большой опасности — союз между Россией и Австрией, которые уже действуют совместно против венгров и готовы нанести одновременный удар по Турции. Царя и цесаря нужно немедленно остановить. Если этого не сделать, русские *«покроют Черное море своими кораблями и пошлют сухопутное войско на Крым»*, а австрийцы нападут на Османскую империю с запада, чтобы вынудить мусульман убраться во внутреннюю Азию. Эти стращания сопровождались большими подарками, но и без них нарисованная картина подействовала на Порту, тем более что провинциальные турецкие военачальники настойчиво призывали к укреплению западных и особенно северных границ империи. Из Стамбула в Софию, Бахчисарай, Очаков, Керчь и в другие места были направлены указы к местным властям с предписанием находиться в боевой готовности. А в Бендеры прибыли турецкие войска для укрепления крепости.

[1] Грамота короля от 15 ноября 1707 года.

П.А. Толстой писал в Москву, что это ему очень не нравится, поскольку только *«бог ведает»*, чем все закончится. Посол пребывал в напряжении, которое усилилось летом 1707 года, когда в Стамбул, чтобы действовать заодно с де Боннаком, прибыл специальный эмиссар Станислава Лещинского Горский (Галицкий стольник), передавший султану письмо польского короля. Там содержалась просьба разрешить татарам соединиться с королевскими войсками для похода на Москву. Тогда царь, *«стесненный с разных сторон поляками, турками, татарами и шведами»*, отдаст Порте не только Азов, но и все, что она пожелает. Возможно, этими сладкоречивыми посулами надо было бы и ограничиться. Лещинский, однако, решил подкрепить их открытым шантажом: в противном случае, предупреждал он, часть поляков вынуждена будет, согласно союзному договору с Россией, соединиться с русскими войсками и начать давно замышляемую царем войну против турок. Не для чего иного, как именно для этого, строился огромный флот на Черном море и рассылались подстрекательские письма к грекам и к другим османским христианам. Чтобы убедиться в злонамеренных планах Москвы, достаточно произвести обыск в резиденции П.А. Толстого.

В окружении Ахмеда III нашлись вельможи, считавшие необходимым последовать этому совету. Они понимали, что насильственное проникновение в квартиру посла будет расценено в Москве как тяжкое оскорбление и открытый вызов, не говоря уже о несовместимости такого шага с международным правом. Их с полным основанием можно назвать поджигателями войны. Но были у них и влиятельные оппоненты, в том числе главный муфтий, выступавшие за сохранение мира. Султан по здравом размышлении склонился в сторону «пацифистов», отвергнув внушения как польского, так и французского короля. Опасаясь, что откровенно враждебный к России Казы-Гирей спровоцирует войну и поставит Порту перед фактом, Ахмед III назначил на его место Каплан-Гирея, объяснив ему, что вопрос о войне или мире не входит в полномочия крымского хана, и он должен помнить об этом, если хочет удержаться на ханском престоле. Ни с чем уехал из Стамбула и эмиссар Лещинского.

П.А. Толстой «скромно» приписывал отказ султана идти на поводу у чьих-то планов чудотворному воздействию соболей, которыми он задарил правящую верхушку Турции. При всей эффективности «соболиной политики» она лишь отчасти объясняет сдержанность Порты. Ведь французы, шведы и поляки Лещинского тратились на взятки, возможно, больше, чем русский посол, выигравший тем не менее эту партию. Дело тут в другом. Ахмед III и трезвомыслящая часть османских вельмож, видимо, считали Турцию еще недостаточно подготовленной к полномасштабной войне. Тем более не хотели они начинать ее в угоду замыслам третьих сторон. Соболиные меха были всего лишь подспорьем в принятии осмотрительного решения. П.А. Толстой, несмотря на свой восторг по случаю одержанной им победы над «ястребами», осознавал, что при сохраняющихся русско-турецких противоречиях в следующий раз все может сложиться совсем иначе.

Петр приучил себя проверять одни источники информации другими. Он безусловно доверял П.А. Толстому, но тот мог чего-то недоглядеть. Такое впечатление, по-видимому, возникло у царя, когда от Мазепы было получено сообщение (от 7 ноября 1707 г.) о том, что Порта собирается начать войну с Россией либо в конце 1707,

либо весной 1708 года. Для этого в Бендерах концентрируются значительные силы под командованием Юсуф-паши силистрийского. Мазепа утверждал, что предложения эмиссара Лещинского отвергнуты лишь для виду, чтобы дезориентировать русских. На самом деле идет тайная переписка между Портой, с одной стороны, шведами и поляками — с другой.

«От гетмана зело странные ведомости о Турецком начинании слышим», — писал царь Г.И. Головкину 6 декабря 1707 года, приказывая о том *«не мешкав, проведать, чтоб сие зло с помощью Божиею престеречь»*. Перепуганный канцлер, без году неделя как занявший эту должность, спешно представил Петру длинный список своих действий по сбору информации, не преминув ввернуть в него жалобу на своего недруга П.А. Толстого, который *«там* (в Стамбуле. — *В. Д.*) *живучи, ...ничего не ведает»*. Оставим на совести Г.И. Головкина тот факт, что он позволил себе столь грубо передернуть карты вскоре после получения от своего подчиненного подробного отчета о провале дипломатических подстрекательств против России польского агента и французского посла в Порте.

Нельзя сказать, чтобы Г.И. Головкин изменил мнение Петра о Толстом, но перепроверить сведения Мазепы царь находил совершенно обязательным. Он отправил письмо гетмана к послу, требуя *«подлинно проведать, истина ль то, и немедленно писать»*.

В своих донесениях в Москву П.А. Толстой старался придерживаться средней линии между алармизмом и благодушием. Он неоднократно настаивает на достоверности своей информации о неудачной миссии Горского, которому Порта объявила, что останется в мире с русскими, и отправила восвояси. Вместе с тем посол не скрывает своей тревоги в связи с призывом Юсуф-паши силистрийского к наращиванию османских войск на *«московской границе»*, который привел Порту *«в большое сомнение, потому что прежде он так не писывал»*. Воздерживался П.А. Толстой и от ручательств за то, что де Боннак, после провала усердных попыток поддержать Горского, оставит *«промыслы свои»* против России.

Лейтмотив донесений П.А. Толстого звучал примерно так: пока общая обстановка более или менее спокойная, но как оно будет впредь — *«Бог весть»*, как любил он повторять. Чтобы застраховаться от кривотолков и клеветы недоброжелателей, П.А. Толстой посылал свои сообщения не только к Г.И. Головкину, но и к П.П. Шафирову.

Крымский хан не переставал уговаривать султана воспользоваться моментом и, соединившись со шведами, начать войну против России. Его главный довод заключался в убеждении, что Петр рано или поздно нападет сам. Постоянные разъезды царя между Воронежем и Азовом, а теперь еще и уничтожение Запорожской Сечи якобы ясно это доказывали. Царские войска вплотную придвинулись к крымским владениям не случайно.

В конце 1707 года стратегическая установка Петра в отношении Османской империи представлялась неоднозначной. Скорее теоретически, чем практически он готов был рассмотреть идею возрождения Священной лиги и участия в ней России. Однако отсутствие доверия к Австрии и Венеции вынуждало его отдавать предпочтение худому миру с Портой перед неизвестностью войны. Главная задача — *«Турка вяще* (в данном контексте «походя». — *В. Д.*) *не подвигнуть против себя»*, — писал Петр 14 декабря.

Назначение В.Л. Долгорукого в Копенгаген

Чем сложнее становилась обстановка на военном театре, тем меньше оставалось дипломатических факторов, которыми Петр мог бы себе позволить пренебречь. Не слишком надеясь на восстановление союза с Данией, опасавшейся Карла XII пуще прежнего, царь все же в какой-то мере рассчитывал на ее обширные международные связи, сохранявшийся авторитет среди европейских монархов и возможность на них влиять. 1 января 1707 года Петр отправил Фредерику IV такую грамоту: *«Пребываем в надежде, что ваше величество* [...] *удовольство учинить изволите и своими добрыми ходатайствами и трудами всех высоких союзников в добром намерении к нам содержать и впредь ради собственной в том заходящей пользы к исходатайствованию доброго мира побуждать благоволите»*. Петр, пожалуй, слишком откровенно признавался королю, что нуждается в его помощи, дабы избежать несчастья остаться вовсе без союзников. Вместе с тем стоит обратить внимание на письмо Витворта к английскому статс-секретарю Харли (от 12(23) февраля 1707 г.), где он сообщал о содержании своего разговора с Грунтом. По словам датского посла, царь велел передать Фредерику IV, что он *«еще не доведен до такой крайности, чтобы просить о мире»*, но готов вести со шведами переговоры *«на условиях сколько-нибудь разумных»*, и ни о каких других не может быть и речи.

Судя по всему, датский король воспринял это заявление с ужасом. Он, вероятно, с радостью сообщил бы Карлу о капитуляции Петра, но только не о каких-то там «разумных» условиях, рискуя вызвать гнев шведа. 12 февраля 1707 года А.П. Измайлов писал Шафирову, а 27 февраля Петру, что король рад бы как-то помочь Петру, но боится заикнуться о мире, зная непримиримое настроение Карла XII. Датский двор *«в великой конфузии обретается»* еще и потому, что узнал о *«о некоторой альянции»* или *«особливом союзе»*, учиненном между Пруссией и Швецией.

Хотя прошло уже семь лет, как Фредерик IV заключил мир со шведами и тем самым грубо нарушил союзный договор 1699 года с Россией, Петр продолжал делать вид, будто относится к королю *«яко к союзнику»*, и обращался к нему соответствующим образом. Петр считал, что Фредерик должен хоть что-то сделать в подтверждение его заверений в неизменной «братской» дружбе к государю. Грамотой от 27 апреля 1707 года царь попросил короля оказать содействие в освобождении Паткуля и тех русских пленных, которые были предательски выданы саксонцами шведам.

В июле 1707 года в Варшаве состоялись переговоры между В.Л. Долгоруким и Грунтом. Датскому послу были сообщены царские предложения по возобновлению союза против Швеции. Если Фредерик IV начнет войну, то Петр поможет ему войсками и оснащением для флота, а также предоставит королевским подданным *«всякую повольность»* в торговле с Россией.

Фредерик отделался пустыми обещаниями. Он настолько боялся Карла, что не решился даже на такой богоугодный поступок, как ходатайство о неприменении к Паткулю смертной казни. Что касается призывов Петра к возобновлению войны, то они остались без ответа, несмотря на щедрые царские посулы (Дерпт и Нарва).

Потеряв терпение, Петр 4 сентября 1707 года отправил королю грамоту, содержавшую слова, которые царь в общении с ним никогда не употреблял, даже когда они, после Травендальского мира, напрашивались сами собой. Там говорилось о *«вя-*

щем неудовольствии» государя тем, что его многократные предложения *«по се число»* не удостоены ответом. Чтобы либо рассеять сомнения, либо, как следовало из подтекста, утвердиться в них, в Копенгаген посылается новый резидент В.Л. Долгорукий, уполномоченный раскрыть перед королем всю степень царской озабоченности состоянием русско-датских отношений и выслушать ответ.

Решение сменить А.П. Измайлова В.Л. Долгоруким было вызвано потребностью иметь в Копенгагене более квалифицированного посла, способного *«без толмача»* вести секретные переговоры с Фредериком и его министрами[1].

В.Л. Долгорукому велено было четко донести до датского короля следующее. Карл XII обрел *«великую и повседневно прирастающую силу»*, чинит монархам *«обиды»* и *«неправые притязания»*, чем снискал себе всеобщую ненависть. Сейчас самое время *(«впредь едва ль когда такое будет»)* для Дании начать войну, опираясь на заключенный в 1699 году союз с Россией, который был в последний раз подтвержден русским дипломатом (В.Л. Долгоруким) в переговорах с Грунтом. Царь готов еще раз повторить свое обещание предоставить датчанам войска и стратегические материалы для флота. Есть надежда, что совместными усилиями Карл будет принужден к *«благополучному* (для союзников. — *В. Д.*) *миру»*. Но если Фредерик откажет, то царь, когда одержит единоличную победу, освободит себя от всяких обязательств в отношении территориальных и иных притязаний Дании.

26 октября 1707 года В.Л. Долгорукий прибыл в Копенгаген, уже на следующий день был официально принят королем, а 31-го числа ему была дана приватная аудиенция[2]. Она не принесла никаких результатов. Единственное, что мог вынести из нее посол, это ощущение, что нужно настраиваться на долгие и тяжелые переговоры, исход которых будет всецело зависеть от ситуации на военном театре.

Но в том-то и дело, что Петр хотел предрешить этот исход с помощью Дании, а не отдаваться на волю случая, который грозил стать роковым в условиях запутанной стратегической ситуации. По мнению царя, как показывает его поведение, с точки зрения дипломатии оставалось лишь наращивать моральное давление на Фредерика.

В ноябре 1707 года Петр послал в Данию еще одного эмиссара, генерал-майора Фридриха фон Ностица (недавно принятого на русскую службу саксонца). Он получил более подробные инструкции, чем те, которые имелись у В.Л. Долгорукого. Разговор с Фредериком предписывалось начать с заявления, что царь удивлен беспечностью короля, *«бесплодно оставляющего»* столь удобный случай объединиться с Россией против *«Шведской силы, которая к невозвратному их* (короля. — *В. Д.*) *убытку повседневно умножается»*. Поскольку такой случай больше не представится, царь еще раз предлагает возобновить союз, за что он обещает: оказать Дании существенную помощь военными материалами и вспомогательными десантными войсками; начать весной 1708 года *«добрым стройным войском»* широкое наступление в Финляндии и Северной Германии, чтобы облегчить датчанам вторжение в Швецию с юга и через Норвегию; не прекращать военные действия, пока Фредерик не получит от Карла XII *«полную сатисфакцию»* за Травендальский мир; после *«счастливого окончания сей войны» «радостно»* поделить *«прибыток»* от нее.

[1] Кроме того, А.П. Измайлов давно тяготился своим положением и неоднократно просил отозвать его.

[2] А.П. Измайлов имел отпускную аудиенцию 5 декабря 1707 года, а покинул датскую столицу лишь 2 июня 1708 года.

Уговоры и грозные предостережения Петра и на этот раз не поколебали выжидательную позицию датского короля. Думается, что накануне приближающейся смертельной схватки между Россией и Швецией шансов соблазнить Фредерика было мало, даже если бы царь посулил гораздо больше, чем он сделал. Королю нужны были не аргументы в пользу будущей победы, а сама победа.

В оправдание Фредерика нужно сказать, что он был скован в своих решениях как внутренними факторами, так и внешними. Датские министры опасались войны, поскольку театром боевых действий станет Гольштиния, в результате чего могли подвергнуться разорению имевшиеся у них там поместья. Личный интерес явился могучим стимулом к саботажу любых попыток короля нарушить мир со шведами. Кроме того, в копенгагенских правящих кругах набирали силу пока еще приватные разговоры о том, что бояться нужно не столько шведов, сколько русских. Если они утвердятся на восточном побережье Балтики, то создадут угрозу интересам европейских государств, включая Данию. Во многом по этой же причине (хотя были и другие) категорически против возобновления датско-шведской войны выступали Англия и Голландия.

Католические миссионеры в России

В посольстве князя Б.И. Куракина в Рим (1707 г.) было больше смысла, чем в поездке Матвеева в Англию, поскольку папу Климента XI просили поддержать политику Петра в Польше, где он боролся против Станислава Лещинского, посаженного на престол врагом католицизма Карлом XII. В благодарность понтифику обещали полную свободу католического вероисповедания в России и свободный проезд римских миссионеров в Персию и Китай. Папа с удовольствием поддержал эту тему, но от вмешательства в польские дела отказался. Иезуиты в России чувствовали себя двойственно. Петр не давал их в обиду (как и представителей других конфессий), бывало, оказывал им дипломатические почести как представителям Папы и Империи, от которых они время от времени получали овеществленные знаки внимания в виде пожертвований и роскошных предметов церковного обихода. Но к деятельности иезуитов в целом царь относился настороженно. И они, при всей их «иезуитской» осмотрительности, давали к тому повод. Скрыть все более настойчивые попытки расширить сферу влияния католичества в Москве было трудно, да иезуиты подчас и не слишком заботились об этом. Свою конечную цель они видели в установлении папской духовной власти (супрематии) в России и искоренении православия, как примитивной, полуязыческой разновидности христианства.

Католические миссионеры предпочитали тайные методы работы. На местах они создавали ячейки, объединенные в сетевые структуры, что, впрочем, характерно для любого религиозного ордена. При переписке пользовались сложными шифрами. Не зря в Европе они слыли лучшими шпионами. В Москве иезуиты подкупали протестантские общины, чтобы те не строили им помех, и некоторых представителей русской знати. Однако у католичества было мало шансов найти социально-духовную опору в такой стране, как Россия. Кроме того, Петр, несмотря на его веротерпимость, и не думал делиться с ними идеологической властью над народом, которую он считал частью своих от Бога данных прав. Не для того царь упразднил патриаршество, чтобы

эту лакуну заполнил Римский папа с его антиправославной политикой. Петр сам стал во главе церкви и это место не собирался никому уступать.

Вдобавок иезуиты в борьбе с православием все же не сумели сохранить осторожность. В европейской печати они распространяли клеветнические пасквили (которые тайно привозились в Россию) на царя и «дикие» русские обычаи, тем самым подчеркивая душеспасительный характер своей цивилизаторской миссии. А это уже выглядело не как богословские рассуждения, а как прямое вторжение в большую политику и международные отношения.

1708 год

Полноцветье польского раздрая

На протяжении 1708 года шведские оккупанты продолжали разграблять польские хозяйства, не щадя шляхетские, а Станислав Лещинский продолжал предъявлять формальные протесты, на которые Карл не обращал внимания. Коронные войска под командованием гетмана Адама Синявского (Сенявского) бездействовали. Воевать они и не думали. Ни та часть, что формально подчинялась Августу II, ни та, что поддерживала Лещинского. Сейм постоянно требовал у Петра огромные суммы денег на войну против шведов. Но против кого поляки, получив эти деньги, повернут оружие, было неизвестно. Русский посол в Варшаве Е.И. Украинцев доносил в Москву, что шляхта его ненавидит и открыто говорит о желании поквитаться с Россией. У многих представителей сановной знати настроение было такое же, хотя взятки от Украинцева они вымогали не смущаясь. Вся польская армия с ее командирами была похожа не на войско суверенного государства, а на соединения наемников: кто больше заплатит, к тому и перейдем.

Польская элита, раздавая обещания и Карлу и Петру, выжидала, в чью сторону склонится чаша военного успеха, с тем чтобы примкнуть к победителю и получить свою часть добычи. И все же на данный момент, на фоне бесчинств шведов, русские воспринимались в Речи Посполитой как меньшее зло.

Царь понимал, что деньгами всего не решить. В Польшу нужно вводить солидный контингент русских войск и соединять их со шляхетскими, иначе на этом театре войны можно все проиграть. На Августа II надежды не было. Он тоже выжидал. Порывать с ним окончательно, как мы уже отмечали, Петр считал нерациональным. В конце концов, экс-король сообщил важную информацию о намерениях Карла XII и, возможно, будет делать это в дальнейшем. Отпуская Шпигеля, царь велел передать Августу, что эта информация была воспринята *«с особливым удовольствием»*.

В начале мая 1708 года в Польшу вошли несколько полков под командованием фельдмаршала Гольца, перешедшего из саксонской службы на русскую, и соединились с войсками гетмана Синявского и вспомогательным литовским войском. Внутри этого конгломерата начался раздрай. Предметов стычек было много, в том числе провиант. Но в подоплеке — старые неотмщенные исторические обиды. Русскому рези-

денту в Варшаве А.И. Дашкову (преемник Украинцева) насилу удалось сделать так, чтобы вся эта рать не передралась между собой, прежде чем вступит в настоящее дело.

6 мая 1707 года в местечке Гатча собрались представители польско-литовского рыцарства, возглавляемого гетманами Г.А. Огинским и А.Н. Синявским, чтобы принести присягу верности Августу II и подтвердить свою приверженность союзу с Россией. Это была лишь часть общества, искавшая для себя выгод от такой ориентации, но не собиравшаяся последовательно ее придерживаться. Участники этой конфедерации сходились в одном — в желании получить от России побольше денег и вернуть под свою власть территории Правобережной Украины, прежде всего Белую Церковь. Они не замедлили предъявить Петру соответствующие требования и опять домогались царских подарков.

Экс-король воспрянул духом и в августе в третий раз прислал к царю камердинера Шпигеля с просьбой *«доставить ему обратно польскую корону»* с твердым обещанием вступить с войсками в Польшу. Но от конкретных обязательств Август уклонился. Петр отпустил саксонского эмиссара с *«обнадеживанием»*, написав Г.И. Головкину, что экс-король продолжает выжидать, *«смотрит на наше дело, что с шведом учиним, — для того медлит и в совершении трактатов»*.

Битва при Лесной (28 сентября / 9 октября 1708 г.) показала, что долго медлить Августу не удастся.

Лесная

Петр опасался внезапного удара по Петербургу, который был бельмом в глазу у шведского короля. Для прикрытия новой столицы Петр собирался использовать Выборг, но сначала эту крепость нужно было отобрать у неприятеля. 11 октября 1706 года царь осадил ее, но потерпел неудачу. Командующий выборгским 3-тысячным гарнизоном генерал Георг Майдель ловко оборонялся и даже пытался овладеть Петербургом. Во избежание захвата города вокруг него возводились оборонительные линии. Тем временем шведы подтягивали к Выборгу войска, готовясь к наступлению.

До августа 1708 года военные действия к северу от Финского залива ограничивались мелкими стычками. В августе генерал Георг Либекер с 12-тысячным корпусом двинулся из Выборга к Петербургу, но взять город не смог. Помешал целый ряд факторов, среди которых оборонительные меры адмирала Ф.М. Апраксина, возможно, играли не главную роль, но и не последнюю. Разоренная им земля лишила шведов продовольствия. Вероятно, помешали им и защитные укрепления на подступах к столице. Бесплодная кампания, длившаяся два с половиной месяца в условиях голода и ненастья, измотала шведские войска, и в конце концов им ничего не осталось, как отступить. Либекер обошел Петербург и оказался на южном берегу Финского залива, где его ждали шведские транспортные суда. Когда производилась погрузка, русские полки атаковали неприятеля. Шведы потеряли 900 человек убитыми и 157 человек взятыми в плен. Шведская кавалерия осталась без лошадей, которых пришлось забить на берегу. Потери Апраксина были незначительны. По каким-то неясным причинам русский флот в это время бездействовал, что позволило Либекеру морем вернуться в Финляндию.

Хотя о «сокрушительном поражении» шведов не могло быть и речи, Апраксин в реляции к Петру представил дело именно в таком свете. Поверил царь или лишь сделал вид, но уж точно понимал, что опасность для Петербурга не устранена и эта проблема требует его личного присутствия, которого позволить себе он пока не мог.

Только в декабре 1709 года, прошедшего без крупных событий на восточнобалтийском театре военных действий, Петр прибыл в свой «парадиз».

В начале 1708 года Карл двинулся в Вильно. Петр — в Гродно, откуда он еле успел унести ноги. Защищавшие подступы к городу русские войска (2 тыс. человек) были легко опрокинуты восемью сотнями кавалеристов под личным командованием короля. До Вильно Карл не дошел. Он сделал несколько ложных движений, чтобы сбить русских с толку относительно его дальнейших планов. И это ему удалось. Никто не знал, куда пойдет Карл — Лифляндия, Псков, Новгород, Смоленск, Украина? Смоленск означал бы поход на Москву, которую стали спешно укреплять.

Долго не было ответа на эти вопросы и тогда, когда он остановился в местечке Радошковичи, поскольку оттуда можно было наступать куда угодно. Не больше ясности появилось и в июне после выступления шведов из Радошковичей в направлении Головчина. На этом пути Карл вновь блеснул искусством маневра, обойдя места, где русские поджидали его, через непроходимые леса и болота, где его никто не ждал.

3 июня 1708 года дивизии Шереметева, Меншикова и князя Репнина встретили 30-тысячную шведскую армию под Головчином. Битва была жаркая. Длилась она пять часов с уроном для обеих сторон. Сведения о ней противоречивы. С поправками на определенные преувеличения в русскую пользу, которые мы находим в докладе Меншикова, можно, видимо, прийти к заключению, что, несмотря на бешеный натиск шведов, молниеносные перестроения для ударов по слабым местам, военные хитрости, приведшие в конфузию некоторые русские полки, петровским войскам удалось избежать поражения, организованно отступить по разным направлениям, благодаря чему противник потерял цель для повторного удара.

Карл продолжал держать Петра в напряжении, поскольку не сделал ни одного решительного движения, которое указывало бы, что он окончательно определился с выбором главного стратегического направления. Карл перемещал свою армию на небольшие расстояния. Когда он довольно надолго обосновался в Могилеве, ситуация оставалась такой же непроглядной, за исключением одного очевидного факта: он ждал из Лифляндии Левенгаупта с 16-тысячным войском, артиллерией, продовольствием. А еще он ждал вестей о массовом восстании в Малороссии против царя.

Петр не позволял своим военачальникам строить какие-либо прогнозы относительно планов Карла. Пока он в Могилеве, опасность сохраняется и для Смоленска (откуда прямая дорога на Москву) и для юга. Указание царя было строгим: во все глаза *«смотреть на неприятельские обороты»*, чтобы не дать застать себя врасплох при начале настоящего генерального наступления.

Карл простоял в Могилеве до начала августа, но Левенгаупта не дождался. Провиант заканчивался, достать его было негде. Вокруг было чистое поле, о девственности которого загодя позаботился Петр. В это чистое поле и вышло голодное шведское войско. Оно двинулось сначала на юго-восток к Чирикову. Переход был тяжелым. Шведов со всех сторон терзали летучие русские отряды, отбиваясь от которых неприятель тратил последние силы. Потом Карл повернул на север к Мстиславлю, где нахо-

дилось крупное соединение русской армии. Наверное, редко когда король так жаждал генерального сражения. Это было бы спасением от голода, холода, бесплодного блуждания по лесной бездорожной стране.

29 августа 1708 года русские, казалось, доставили ему такое удовольствие. Однако битва у местечка Доброго была хотя и крупной, но не генеральной. Петр рассредоточил свою армию так, чтобы ее нельзя было уничтожить одним ударом. Русские дрались ожесточенно, слаженно, ловко маневрируя, уходя от окружения. Хотя поле боя осталось за Карлом, назвать это победой он не мог. Полководец потерял 3000 убитыми, многих ранеными. Моральным унижением выглядел тот факт, что русские забрали много полковых знамен и других трофеев. Петру докладывали, что с таким мощным отпором *«в сей войне»* Карл еще не сталкивался. Русская армия отступила на север.

Некоторое время шведы пытались преследовать ее, но сил на это не было. Карл не терял надежды на Левенгаупта, а тот все не появлялся. Без его войска и провианта ни о каком наступлении на Москву или на Лифляндию не могло быть и речи. Видимо, только теперь Карл начал осознавать: чтобы победить Россию, мало быть великим полководцем. Нужно нечто гораздо большее. Но что? И существует ли оно вообще?

Конечно, в любой момент Карл мог вернуться на запад, в ту же Саксонию. Но для этого нужно было преодолеть более тысячи километров им же разоренной земли с враждебным населением. Потери от голода, ран, болезней могли достичь внушительных цифр. Как расценит Европа возвращение шведского короля, никогда еще не имевшего столь жалкого вида? У этой картины было бы одно название — провал похода в Россию, равнозначный поражению в войне.

Но Карл не для того начал это грандиозное предприятие, чтобы так бесславно его закончить. Само течение обстоятельств определило дальнейшую стратегию Карла. Простояв в Могилеве до 14 сентября, так и не дождавшись Левенгаупта, король пошел на юг, на Украину. Первое, что он собирался сделать в этом богатом крае, — запастись провиантом и фуражом. Затем собрать казачьи войска, среди которых было много недовольных политиков Петра, и идти на Москву с прежней целью — сбросить царя с престола. Кроме того, заключить союз с крымским ханом и поляками, поддерживавшими Станислава Лещинского. Если эта часть замысла была более или менее ясна, то остается вопрос — как представлял себе Карл возможность вторгнуться в Россию и заставить русский народ воевать на стороне захватчиков? Да, шведский король совсем не знал Россию.

Между тем Левенгаупт, тщательно стараясь обходить подстерегавшие его русские войска, спешил догнать Карла, но с тяжелым обозом сделать это было нелегко. По пятам шли русские войска, главная задача которых была не дать Левенгаупту соединиться с Карлом. Наконец у деревни Лесная петровским войскам удалось преградить шведам дорогу на юг. 28 сентября состоялось историческое сражение, где 16-тысячный корпус Левенгаупта был разбит наголову. Шведы только в бою потеряли 8 тыс. убитыми. Умерших от ран никто не считал. В плен взято 45 офицеров и 700 рядовых. Самым главным трофеем стал шведский обоз (2000 телег, 16 пушек, 42 знамени). У русских из 14 тыс. человек убито 1111, ранено 2856.

Битва при Лесной, хотя она справедливо считается «матерью Полтавской баталии», не принесла коренного перелома в войне. Но она имела огромное морально-

психологическое значение для обеих сторон. С Карла она сбила спесь, а русским дала уверенность в себе. Ее еще больше укрепили вести с севера, где провалилось шведское вторжение в Ингерманландию. Неприятель потерял 3000 человек, всех лошадей и военные припасы.

Измена Мазепы

Когда стало казаться, что чаша весов войны склоняется в пользу Петра, как гром среди ясного неба грянуло событие, сильно повлиявшее на общую обстановку. Верный сподвижник Петра на Украине, обласканный царем гетман Мазепа перешел на сторону Карла. Историки давно спорят о мотивах его предательства, одни пытаясь найти ему оправдание, другие категорически отказываются этим заниматься. Аргументы есть и у тех, и у других. Тем не менее от банального предательства поступок Мазепы все же отличают некоторые особенности.

Двадцать один год гетман Мазепа верой и правдой служил Петру, для которого он был незаменимым сподвижником в Запорожье и Малороссии, на самых проблемных окраинах России. Никто после Богдана Хмельницкого не умел управлять ими столь искусно, если не сказать виртуозно. Социально-политическая обстановка в тех краях с незапамятных времен была совершенно уникальна своей хаотичностью, изменчивостью, бунтарским духом. Стрелецкое своеволие по сравнению с казачьим было едва ли не образцом дисциплины и порядка.

Внешне военно-казачьи республики были устроены просто. Но внутри происходили сложнейшие социальные процессы, исчерпывающе исследовать которые не удалось до сих пор. На вид это было свободно организованное общество, занимавшееся сельским хозяйством, скотоводством, рыболовством, ремеслами, добыванием соли, торговлей, кузнечным делом и т.д. Время от времени они отбивались от соседей — крымских татар, совершавших набеги за добычей. Но и сами были не прочь поживиться чужим добром, совершая ответные грабительские рейды.

Республиками управляли выборные начальники — точнее военачальники-гетманы с помощью атаманов разных рангов, отвечавших за состояние дел в станицах. Они опирались на более мелких командиров (полковников), собирательно именуемых старшиной. Все должности были выборные. Эта управленческая структура представляла собой шаткую конструкцию. Внутри постоянно шла борьба за власть и собственность. Ненавидя московский царско-боярский строй, казачья «знать» бессознательно стремилась перенести эти порядки к себе на юг — превратить гетманский статус в наследственный, а самим стать крупными землевладельцами и крестьяновладельцами с правом передачи всего движимого и недвижимого имущества по наследству.

Простое казачество отзывалось на эту политику жестокими бунтами, зачастую приводившими к разрушению властной пирамиды и замене ее новой, которая была ничуть не лучше прежней, а то и хуже.

Желание удержаться у власти заставляло казачью «аристократию» постоянно искать внешнюю опору, прежде всего в лице московского царя, хотя Москва всегда пугала их самодержавными замашками и стремлением к жесткой централизации. Когда она перегибала палку, казаки не брезговали попытками идти на сговор с крымским ханом для решения частных и краткосрочных задач. Бывали случаи заключения таких же вре-

менных союзов с определенной частью польской шляхты. Но тут принципиальным препятствием, как правило, оказывалась ненависть православного казачества к католикам.

Гетманы были заложниками своего «знатного» окружения. «Знать» подчинялась им до тех пор, пока они подчинялись ей. Гетманы знали о произволе своих начальных людей, но ничего не могли с этим поделать. Тому, кто пытался хотя бы ограничить безнарядье, ввести элементы государственного строя, грозил заговор и низложение. Гетманам постоянно приходилось лавировать и во внутренней, и во внешней политике. Как писал С.М. Соловьев, непостоянство казаков, *«шатающихся между царем, королем* (польским. — *В. Д.*) *и султаном, входит в пословицу в Великой России»*. Нередко казаки вольно или невольно играли провоцирующую роль в русско-турецких, русско-польских и польско-турецких войнах.

Казачьи общества решительно сопротивлялись малейшим поползновениям Москвы привить им начала государственной жизни. Впрочем, долгое время царям было просто не до этого. Достижение более или менее социально устойчивого состояния на юге России уже считалось успехом. В Запорожье и Малороссии у русских царей не было иной точки политической опоры, кроме гетманов, но и те были крайне ненадежны. Регулярные дорогие подарки из Москвы не удерживали их от измен, которые порой были вызваны безвыходными обстоятельствами.

С наступлением Петровских реформ казачья «знать» впала в состояние тревожного, мучительного ожидания перемен. Более ненавистного слова для них, кажется, не существовало. Позволим себе предположить. Это ожидание давно бы вылилось в страшный бунт, если бы в то время во главе казачьего общества не стоял И.С. Мазепа, выдающийся правитель, тонко понимавший искусство возможного. Он находился в эпицентре таких опасных и непредсказуемых событий, что остается удивляться, как он еще не стал жертвой заговора.

Петр беззаветно доверял ему, не обращая никакого внимания на вереницу доносов на своего любимца. В ту смутную эпоху Мазепа оказался для царя просто подарком судьбы. Никто не обладал его исключительным талантом удерживать под контролем кипящую казачью массу, готовую выкинуть что угодно. Стоило это Мазепе невероятных усилий, а когда началась Северная война, положение его с каждым годом становилось все более критическим. Петр требовал от казаков полноценного участия в войне в соответствии с царскими стратегическими планами, предусматривавшими дальние походы, к которым запорожцы не привыкли, и систематической работы, которую они терпеть не могли.

Мало того, на Нижнем Днепре, на границе между Запорожьем и Крымским ханством, Петр построил крепость Каменный Затон, имевшую двойное назначение — служить защитой от татарских набегов и держать в узде казаков. Но и это еще не все. Чтобы склонить польский сейм к объявлению войны шведам, царь рассматривал возможность передачи Речи Посполитой части малороссийской территории с центром в Белой Церкви.

Ропот в окружении Мазепы принимал угрожающий характер. Ситуация подошла к грани выхода из-под контроля. Карл двигался на юг с намерением заключить союз с Мазепой и крымским ханом. Шведская армия, хотя и потрепанная под Лесной, была еще очень сильна, а надежда на победу Петра оставалась призрачной. Запорожье оказалось зажатым между наступающими шведами и крымскими татарами.

Колебания среди казачьей старшины усиливались. Ее радикальное крыло настаивало на союзе со шведами и избавлении таким образом от «московского ига». Давление на Мазепу возрастало. Со всех сторон только и звучало: «Решайся, или сгинешь!» Погибнуть от рук своих приближенных или от шведских рук — разница небольшая. Мазепа делал вид, будто он не знает о тайных переговорах его командиров с представителями шведского короля и Станислава Лещинского, тоже много чего сулившего.

В конце концов единственный выход из, как казалось Мазепе, безвыходного положения он стал искать в измене. К ней гетман готовился в том числе и психологически, искусственно возбуждая в себе чувство обиды на Петра. Мазепа все чаще припоминает не благодеяния царя, а какие-то недоразумения, *«поругания, посмеяния и уничижения»*. Конечно, он хочет таким путем успокоить свою совесть или то, что от нее осталось. Мазепа проклинал судьбу, заставившую Карла идти в Малороссию и поставившую гетмана перед драматическим выбором. Мазепа мечтал дожить свой век в привычном для него мире, где он научился справляться с головоломными казачьими проблемами. А тут на старости лет нужно решаться на то, что врагу не пожелаешь.

В июле 1708 года Петр приказывает Мазепе идти с войском на защиту Киева. Гетман ответил, что не может этого сделать по причине тяжелой болезни. Но главное якобы было в другом. Мазепа опасался, как бы после его отъезда из Запорожья *«между здешним непостоянным и малодушным народом не произошло возмущение»*, и тогда этот край, под влиянием *«прелестных писем»* Карла, станет легкой добычей неприятеля.

Мазепа знал, как убеждать Петра. Что может быть страшнее соединения местных мятежников с вражескими войсками. Царь разрешил Мазепе пока оставаться на своем месте и *«бодрое око иметь»* на неприятельские происки среди казаков.

Гетман выиграл три месяца, чтобы понаблюдать за ходом событий. Возможно, была тайная надежда, что непредсказуемый Карл все же повернет на Москву. Но тот продолжал двигаться на юг. Петр следил за малейшими изменениями в этом движении, по-прежнему избегая генерального сражения, но маневрируя войсками так, чтобы можно было в любой момент создать для шведов серьезные проблемы, в том числе партизанскими методами — короткими, но чувствительными ударами с тыла и флангов, уничтожением обозов, возведением засек на дорогах и т.д.

Петр понимал, что рано или поздно стратегия отступления исчерпает свои преимущества. Поэтому, не отказываясь от нее, он стал меньше рассеивать и больше концентрировать войска на маршрутах наступления шведов. По мере движения неприятеля на юг вновь возникла потребность в помощи Мазепы. В середине октября Петр, через своих военачальников, велит ему выступить к Стародубу.

Мазепа ответил старой песней: если покину Запорожье, то тут же поднимется *«внутренний огонь бунтовничий»*, тем более что распространился слух, будто московские войска разбиты, и все малороссы разбегаются кто куда. Для пущей убедительности он сообщил, что *«при кончине своей жизни обретается»* и уже подумывает о священнике, который благословит его в последний путь. И он действительно отправлялся в свой последний, бесславный путь. Мазепа после долгих колебаний твердо решил уйти к Карлу.

Между тем А.Д. Меншиков, по православному обычаю, поехал прощаться с гетманом. Пока он искал умирающего то в одном месте, то в другом, пришло досто-

верное известие, что гетман уже «на том свете», то есть в лагере у шведов, и совсем не у смертного одра.

Для Петра это было неописуемым шоком. В течение двух десятков лет царь не верил ни единому навету на гетмана и никогда не ошибался. Тем тяжелее был для него этот удар. Для Петра Мазепа действительно умер.

Царь опасался, что запорожцы массово последуют за изменником. Но этого не случилось. Приблизительно четвертую часть казаков он увел с собой. Но большинство осталось в Запорожье в состоянии безвластья, что тоже создавало проблему. На юге могла разыграться анархия, и она оказалась бы на руку и Карлу XII, и крымскому хану. Неуправляемый бунт ничем не лучше организованного.

В условиях социально-политической дезориентации казачества оно становилось объектом пропагандистской войны, которую вели между собой Карл и Петр. Они повсюду рассылали прокламации (универсалы) с прямо противоположными объяснениями, что происходит и за что борется каждый из них.

Раньше Петр писал, что на малороссийскую землю пришел лютый враг-безбожник, который хочет уничтожить православие, поработить казаков католической верой и вернуть их под власть польских панов. Теперь же царь строит свои доводы вокруг измены *«нового Иуды Мазепы»*, ставшей для многих запорожцев такой же неожиданной, как и для Петра. Государь стремится указать казакам на истоки их заблуждений в отношении московской власти, оказавшейся в роли без вины виноватой. Это вовсе не она посягала на казачьи права и вольности, терзая народ поборами. Это Мазепа, ссылаясь на мнимые указы Москвы, обирал казаков ради собственного обогащения. Та же корысть движет изменником и теперь, когда он вступил в сговор со шведским королем и Станиславом Лещинским, чтобы помочь им привести малороссийский народ в полное порабощение и загнать в лютеранские кирхи и католические костелы, превратив в собственность иноверцев православные церкви и церковные святыни. А начали шведы с невиданного кощунства — сделали из русских храмов стойла для лошадей.

Петр заявлял, что его монарший долг — держать малороссийский край под своим отеческим попечением, защитить его от всего того, чем угрожает народу шведское нашествие и измена Мазепы. Царь призывал людей всем миром подняться против врага, чтобы он нигде не нашел себе пристанища и чтобы под ним горела земля.

Карл в своих манифестах объявлял, что пришел освободить Малороссию от московских захватчиков, установивших здесь жестокую тиранию. Универсалы от имени короля и от своего имени стал писать и гетман, живописуя планы Петра запереть казаков в казармы, лишить всех исторических вольностей, уподобить русским крепостным и поставить на службу своим *«злодейским намерениям»*. Трусливая и неумелая московская рать только и делает, что спасается бегством от непобедимого шведского короля. Карл хочет *«оборонить от московского тиранского ига»*, восстановить и расширить наши права, что он пообещал *«королевским своим неотменным словом»* и подтвердил *«письменною ассекурациею»*.

Иначе говоря, Мазепа оправдывал свою измену патриотическим долгом перед *«милой отчизной нашей»*. Попытался он сыграть и на религиозных чувствах казачества, выдумав историю о договоренности между Петром и Римским папой о насаждении в России (и, следовательно, в Малороссии) католичества. Заканчивались гетманские манифесты призывами ко всем казачьим военачальникам *«истребить московское войско»*.

Пропагандистскую войну выиграл Петр, хотя и с немалыми усилиями. Конечно, не обошлось без денежных пожертвований в пользу «обнищавшей» казачьей старшины. Но не это было главное. Малороссы видели перед собой не содержание *«прельстительных писем»*, а пришедших на их землю врагов. Бо́льшая часть знати, при всех претензиях к Петру-реформатору, осталась верной царской присяге. А простой народ, наслышавшийся о шведских реквизициях, прятал от неприятеля все, что можно. Православная вера только укрепляла эти настроения, и ее моральное воздействие было огромным.

Подтверждением неприязни к шведам стало избрание новым гетманом казачьего полковника Ивана Скоропадского (6 ноября), лояльного Петру человека, поддержанного большинством народа. В первом же своем универсале Скоропадский, в ответ на обещание Карла защитить малороссов от самодержавной тирании, писал, что их не нужно «оборонять» от православных единоверцев, от которых им нет никакой вражды, а только *«всякая приязнь»*. А вот от *«иноверного и иноязычного»* неприятеля, пришедшего издалека, не известно зачем, оборона потребна.

Расплата за измену Мазепы не заставила ждать. В самом начале ноября 1708 года А.Д. Меншиков, совершив стремительный бросок, взял гетманскую столицу город Батурин. В трофей ему досталась богатая казна Мазепы. Кроме того, что Батурин был одним из ключевых стратегических пунктов, он олицетворял собой гетманскую власть и могущество. Это произвело на всех ошеломляющее впечатление, тем более что на подступах к городу уже находились шведские войска под личным предводительством Карла и сам Мазепа со своими приверженцами. Они спешили занять Батурин, но Меншиков их опередил. Не имея сил для обороны города, петровский военачальник принял решение сжечь его дотла вместе с провиантскими магазинами, на которые так рассчитывал шведский король. Карл был вне себя от гнева. А Мазепа обреченно сказал, что понес божье наказание за предательство.

* * *

За прошедшие годы Петр показал себя достойным учеником Карла XII. Царь быстро набирался опыта и все больше преуспевал в искусстве создавать для своего визави проблемы, которые сильно озадачивали того. Не будет особым преувеличением сказать, что Карл тоже учился у Петра. Осознав, что вызвать царя на генеральное сражение не удастся, король стал сам приспосабливаться к петровской стратегии и тактике. Они в принципе оставались прежними, но кое-какие изменения все же происходили. После того как Карл начал движение на юг, Петр стал формировать более крупные войсковые соединения, что не мешало им сохранять высокую мобильность. Эта маневренность отныне использовалась не только для мелких диверсионных вылазок, но и для более крупных ударов.

События конца 1708 — начала 1709 года во многом определялись тем, что никогда еще за время войны основные силы противников не подходили друг к другу на столь близкое расстояние. Если представлять картину в грубой геометрической форме, то пространство сосредоточения армий было заключено в многоугольнике Глухов–Ромны–Гадяч–Ахтырка–Лебедин.

Военные действия шли с переменным успехом, с некоторым перевесом шведов. Карл во что бы то ни стало хотел отомстить Петру за Батурин. Он придумал для цар-

ских войск ловушку. В Гадяче был размещен небольшой шведский отряд, который мог стать легкой добычей для русских. Карл полагал, что противник клюнет на эту приманку и двинет туда свои войска. А там уже Карл устроит им *«вторую Нарву»*. И чуть было так не случилось. Но Петр вовремя узнал об этом плане и отменил штурм крепости, отойдя к Лебедину. Двое суток караулил Карл неприятеля в ледяной степи, на лютом морозе. Несколько десятков погибло, полтораста обморозили руки и ноги. Король хотел устроить русским ловушку, но попал в нее сам. Это случилось в конце 1708 года. Следующий год Карл решил начать с мести за эту «шуточку» с Гадячем. Оставлять противника в дураках он считал исключительно своей привилегией.

Порта «притаила дыхание»

29 января 1708 года П.А. Толстой отправил Г.И. Головкину обширнейший доклад, в котором отрицалась подлинность представленных Мазепой сведений о связях Порты с поляками и шведами на предмет подготовки совместного выступления против России. П.А. Толстой твердо настаивал, что на официальном уровне таких связей не существует, эмиссар Лещинского действительно получил от ворот поворот, и никакой театральности тут нет, иначе де Боннак не утешал бы Горского столь чистосердечно. Доподлинно лишь то, что Юсуф-паша силистрийский посылал в Польшу от себя лично доверенное лицо — Мехмета-эфенди — для *«познания тамошнего состояния»*. Никаких официальных полномочий он не имел, будучи обычным политическим разведчиком. Сведения о сосредоточении войск в Бендерах — ложь, местный гарнизон насчитывает всего двести человек, и никаких подкреплений не ожидается. Если верить Мазепе (точнее, его осведомителю), то турецко-русская война уже должна была бы начаться, между тем не видно никаких признаков подготовки к ней. Подчеркивая тот факт, что корреспондент, снабдивший гетмана тревожной информацией, находился в Валахии, П.А. Толстой иронизирует: возможно, там легче узнать *«самые тайные секреты султанские и визирские»*, о которых *«мы здесь* (в Стамбуле. — *В. Д.*) *отнюдь проведать не можем»*.

Посол выразил сильное удивление также и по поводу утверждения иерусалимского патриарха Хрисанфа о намерении Порты заключить союз с поляками и шведами, чтобы начать войну против России *«или зимою* (1707 г. — *В. Д.*), *или весною* (1708 г. — *В. Д.)»*. Если святейший был уверен в этом, то почему, недоумевал П.А. Толстой, не сообщил прежде всего ему, русскому послу в Стамбуле?

П.А. Толстой итожил свой отчет с вызовом, заявляя, что прилагает все свои старания, чтобы представить Москве достоверную картину на основании увиденного и услышанного, ничего не додумывая. *«А ежели вашему сиятельству* (Г.И. Головкину. — *В. Д.*) *сумнительно, что я небрегу о надлежащей мне повинности и пребываю в покое или в каких забавах, о сем не изволь ваше сиятельство моему доношению верить, но изволь уведомиться от всех приезжающих к вашему сиятельству отсюда людей, и хотя бы кто и сущий мой был неприятель, не может того вашему сиятельству донесть, чтобы я не усердно радел о врученном мне деле* [...]. *Что ж, мой милостивый государь, мне к вашему сиятельству писать, когда я здесь ничего противного не вижу, ниже* (и не. — *В. Д.*) *слышу?* [...] *А ежели бы я хотел себе пользы, мог бы и я написать, что Турки возымели противное намерение к стороне нашей, а потом бы написал, что я своей работой удержал их от той противности, и может быть, что б восприял за то себе похвалу; но свидетель*

Господь Бог, что я лукавновать не хочу, но всегда чистосердечно служу его царскому величеству, как Богу».

Масла в огонь добавляли посылаемые Мазепой заверения, что *«Москва простирает свои замыслы не на один Крым, но и на царство Оттоманское»*. Мазепа соблазнял турок неслыханными выгодами, которыми их вознаградит шведский король. В первую очередь подразумевались *«богатые дары»* всей османской руководящей элите и ежегодная выдача Крыму солидной дани, включая ту, что не была выплачена за многие годы. Султан выслушивал все это, но пока рисковать не спешил. Слишком уж запутанной была обстановка, чтобы решиться на то, о чем, возможно, пришлось бы сожалеть.

В правящих кругах Османской империи не было единства в этом вопросе. Чаша весов находилась в неустойчивом состоянии. Соблазн уравновешивался страхом. Россию спасала ожесточенная внутриполитическая борьба в Стамбуле. На фоне интриг, заговоров, разнузданной коррупции принимать бесповоротные решения было некому. Падишах старался удерживать ситуацию под контролем. Причем не без помощи русского посла Толстого, тратившего бешеные суммы на подкуп высшего чиновничества. Не жалел он и собственных средств. *«Хоть в одной рубашке останусь — ничего не пожалею»,* — писал он.

Мир с турками нужен был Петру до крайности. Но возможность войны он нисколько не исключал. В апреле 1709 года царь приехал в Азов и оставался там до 27 мая. Он хотел, чтобы гарнизон крепости в случае турецкого нападения не дал застать себя врасплох. В Стамбуле же многие восприняли царский визит как подготовку к наступательной войне. К чести султана, он такое объяснение не принял, хотя спокойствия ему появление Петра в Азове не прибавило.

Итак, Порта, внимательно следя за каждым движением Петра, пока ничего не предпринимала. *«Как будто притаила дыхание»*, — как писал С.М. Соловьев. Она и в самом деле ждала главного — чем кончится эпическая дуэль между шведским королем и русским царем.

Инцидент с А.А. Матвеевым

Затаила дыхание и Европа. С одной стороны, она была рада, что непредсказуемый Карл XII увяз в России и не в состоянии вмешаться как в общий ход европейских дел, так и в Испанскую войну. С другой — не знала, какого именно исхода Северной войны она желает больше всего. Безоговорочная победа Карла превратила бы Швецию в балтийскую или даже европейскую сверхдержаву. Этого не хотел никто. Не всем было выгодно, хотя бы с точки зрения идеи равновесия, и чрезмерное ослабление России, ее возвращение к положению, которое она занимала, скажем, при Иване III. Интересы правителей Северной Европы расходились существенно, порой кардинально. И за достижение собственной выгоды им предстояло еще долго воевать, а потом договариваться о компромиссах в долгих и сложных переговорах.

Всю первую половину 1708 года Матвеев прозябал в Лондоне. Он по-прежнему тщетно добивался принятия России в «великий союз» (против Франции). Это членство нужно было Петру не для участия в Испанской войне, а для обзаведения хотя был потенциальными союзниками в решении балтийских проблем. Без деятельного присутствия в системе международных отношений обрести дополнительные возмож-

ности в северном противоборстве было крайне трудно. Иметь дело с англичанами представляло для любого дипломата изнурительное занятие. Они не любили договариваться о чем-либо впрок, на перспективу. В те годы и много лет спустя их девиз звучал примерно так: «до актуализации вопроса нет предмета для переговоров, придет время — тогда и будем говорить». Беседы Матвеева с Мальборо можно было считать досужими и пустыми, если бы не та информация, которой герцог вольно или невольно делился с русским дипломатом. В ней, возможно, преобладало личное видение этого *«мужа неописанных хитростей»*, как характеризовал его Матвеев, но и в таком виде оно обладало ценностью для Петра.

Из докладов Матвеева, составленных по результатам встреч с Мальборо, царь узнал, что английская королева, австрийский император и Голландия, хотя и желали бы видеть Россию в составе «великого союза», не решаются на такой шаг, опасаясь, что в ответ последует заключение альянса между Швецией, Францией и бунтующими венграми. Мальборо и сам полагал подобное решение несвоевременным, ибо игра не стоит свеч. Нужно ли, говорил герцог, *«из-за одних торговых выгод с Москвой раздражать шведского короля при нынешней его силе и во время войны у нас с Францией?»*.

Так это или нет, но Мальборо представлял свою королеву явной сторонницей союза с Россией, несмотря на противодействие парламента. Дело, однако, за союзниками, которых она якобы не может уговорить. В действительности же уговаривать союзников никто всерьез не собирался. И меньше всего Мальборо. Неуемное и неразборчивое сребролюбие заставляло его вести свою собственную политику, которая далеко не всегда соответствовала интересам Англии. Герцогу ничего не стоило выклянчивать у царя какое-нибудь поместье в России и одновременно находиться на содержании у шведского короля.

Мальборо был для Матвеева не единственным источником важных сведений. Окольными путями, с помощью старых тайных средств, посол выведал, что категорическим противником вовлечения России в европейские дела выступал наследник английского престола ганноверский курфюрст Георг-Людвиг (будущий король Георг I). Он усматривал большую опасность для Европы в усилении Московской державы. Этого нельзя допустить ни в коем случае. А пока существует единственная сила, ограждающая «цивилизацию» от «варваров» — Швеция, — следует поддерживать Карла XII. Такой же точки зрения, со слов Матвеева, придерживались Англия, Австрия и Голландия. В принципе это была не бог весть какая новость для Петра, чаще лишь делавшего вид, что верит своим европейским «друзьям». Но вот сообщение Матвеева об участии в этом русофобском клубе прусского правительства должно было глубоко задеть и насторожить царя, что, вероятно, и произошло.

Покоробило Петра и распространенное в Англии мнение, будто недовольство царя союзниками недостойно внимания, как и его угрозы присоединиться к Франции, ибо она всегда будет на стороне Швеции. Как бы желая подтвердить неуважение к Москве, Лондон признал Станислава Лещинского польским королем.

После этого Матвеев стал паковать вещи. Символическим завершением его пребывания в Англии стал отвратительный инцидент. 21 июля посол был схвачен неизвестными людьми, избит и брошен в долговую тюрьму за неуплату кредита в 50 фунтов. Заметим, что Матвеев назначил срок расплаты на 23 июля и ни о каком бегстве от заимодавцев не помышлял.

Если бы Матвеев был, к примеру, в Стамбуле или в одном из берберийских княжеств, это никого не удивило бы. Но здесь, в Лондоне, в одном из центров «культурного» мира, такая дикость вызвала возмущение у многих. Оторопело даже правительство. Статс-секретарь Харли, едва узнав о случившемся, распорядился о немедленном освобождении Матвеева, что было тут же исполнено.

Справедливости ради заметим: Матвееву все же было чем утешиться. Он убедился, что для дипломатической среды характерны не только интриги, склоки, плутовство и предательство, но и профессиональная солидарность. Еще в тюрьме его навестили флорентийский посланник Жиральди и лорд Лифорд, чтобы выразить свое негодование и моральную поддержку. Португальский посланник во весь опор поскакал к статс-секретарю требовать освобождения Матвеева. На другой день на посольском подворье собрались все иностранные министры, аккредитованные при королевском дворе, и тем самым демонстративно дали понять о своем отношении к этому неслыханному оскорблению чести и достоинства своего коллеги, к вопиющему нарушению международного права. Статс-секретарь пообещал, что срочно будет созван великий государственный совет для обсуждения случившегося и что королева *«даст послу такое удовлетворение, какого никому из чужестранных послов не бывало»*. Поговаривали, будто все это дело рук шведского резидента в Лондоне.

В начале августа 1708 года Матвеев вернулся на свой прежний пост в Гаагу. Отношения с Англией де-факто были прерваны. Посол не скрывал своей радости по поводу избавления от необходимости иметь дело с *«христоненавистным (английским) народом и канальского злочестия исполненным»*. Витворту было поручено выразить Петру крайнее сожаление о *«вопиющей дерзости»*, совершенной *«горстью грубых невежд»*. *«Не жалейте*, — приказывали послу, — *ни усилий, ни расходов, ничего, по вашему мнению способного предотвратить худшие последствия несчастного случая для подданных Ее Величества и дел их»*. Велели также сообщить, что уже 17 человек отправлены в тюрьму по этому делу. Кроме того, королева послала к Петру чрезвычайную миссию, чтобы извиниться за случившееся.

Но Витворт, успевший пропитаться русофобией, успокаивал Лондон очень своеобразным способом. Оказывается, случай с Матвеевым — почти рядовой по сравнению с тем, что ему довелось натерпеться в России (про то, что он сам вытворял там с табачными фабриками, он не вспоминает). Поэтому нет нужды слишком усердствовать в извинениях, ибо *«к вопросам чести здесь* (в России. — *В. Д.*) *относятся не очень строго»*. Более того, излишняя вежливость может создать у русских впечатление, будто их боятся. А это будет провоцировать их на новые претензии. Между тем *«лучшее средство образумить русских — не уступать им»*. В стране, где плохо знают, что такое международное право, нужно забыть о нем. Если в Лондоне, продолжал Витворт, надеются, что за *«постоянное расположение Великобритании к России (?!)»* Петр отплатит какой-то важной услугой, то напрасно.

Это не самый яркий, но вполне типичный пример восприятия образа России. Текстуальная история британской русофобии несравненно богаче. Еще раз повторим: в этом умонастроении было много иррационального, но оно всегда тесно переплеталось с реальными военно-политическими, геополитическими, дипломатическими и экономическими причинами.

Дания выжидает

В Копенгагене переговоры о возобновлении русско-датского союза вел В.Л. Долгорукий. Правительство Дании сочувствовало России, но воевать не хотело. По разным причинам. Главная в том, что датчане хорошо усвоили, с кем имеют дело в лице Карла XII и его армии. Об этом они сказали Долгорукому вполне откровенно. Вместе с тем они радовались успехам России и даже советовали ей, как правильно воевать против шведов, что, впрочем, совпадало со стратегией, которой Петр придерживался уже давно.

Много говорили о нехватке денег на войну и много просили. Предложенную В.Л. Долгоруким немалую сумму объявили недостаточной. Посол попросил у Москвы деньги на подкуп министров (*«только троих»*), способных склонить Фредерика IV к войне.

Но все было бесполезно. Дания хотела от России побольше денег, но никакой воли к действиям не проявляла. Без массированной русской помощи войсками она слишком многим рисковала, а Москва такой помощи предоставить пока не могла.

Открыто об этом Долгорукому в Копенгагене не говорили, но ясно было, что там ждут совершенно определенных известий из эпицентра событий, который находился на юге России. Все будет зависеть от характера этих известий.

Дипломатическая изоляция России

Был еще один фактор, усиливавший военно-политическую изоляцию России, — блестящая работа шведской пропаганды. Агенты Карла распространяли при всех европейских дворах идеи, быстро размножавшиеся в питательной русофобской среде. Не все среди них были откровенно абсурдными. Не лгали те, кто утверждал, что военно-морская мощь России растет вместе с хорошо обученной армией. Со временем она представит огромную угрозу всей Европе, учитывая ее историческую традицию воевать *«скифским подобием»*, то есть применяя варварские методы войны.

Отвлечемся на минуту и вспомним, что античные авторы тоже укоряли скифские племена за «нечестные», «вероломные» приемы на полях сражений. При этом «цивилизованные» римские стратеги почему-то забывали о собственных приказах «пленных не брать» и о тех зверствах, которые они устраивали на захваченных землях.

Европейцам тоже было что припомнить из тех «правил войны», которыми они руководствовались, тотально истребляя друг друга. Если все это именовалось «правилами войны» между «культурными» народами, то не стоит даже искать названия тех пределов допустимого, за которые умудрялись выходить европейские «цивилизаторы», когда дело касалось неевропейцев.

В Северной войне тоже найдутся такие примеры. Когда войска Карла XII без всякого сопротивления захватили Саксонию, они искромсали в клочья находившийся там вспомогательный русский отряд, не тронув саксонцев, «братьев-европейцев».

Однако вернемся к успехам шведской пропаганды. Конечно, не ей одной принадлежат заслуги в насаждении русофобии в Европе. И без шведов многие европейские политики догадывались об угрозе с востока. Она пугала, и они, внимательно наблюдая за ходом Северной войны, делали все, чтобы Россия, по крайней мере, ее не выиграла. Но и упрочение шведского господства на Балтике тоже не входило в планы многих держав.

* * *

Карла в Европе боялись, быть может, так же, как Петра. В условиях двух параллельных войн он ухитрился занять положение арбитра, который в любой момент мог отказаться от своей роли в пользу той или иной воюющей коалиции. Это, естественно, грозило кардинальной перестановкой сил на континенте, что в принципе не исключало превращение ситуации в некий аналог Тридцатилетней войны. Поэтому некоторые европейские правители всячески стремились максимально загрузить Карла балтийскими проблемами, хотя старались действовать осторожно, чтобы не навлечь месть полководца, слава которого достигла апогея.

В этом и крылась причина русских дипломатических неудач. Ведь врагов у Швеции на Балтике не убавилось, и все они не расставались с мыслью о реванше. Но слишком уж грозным и неожиданным соперником оказался Карл XII, личностно совсем не похожий на того юношу, против которого строилась антишведская коалиция.

Теперь все зависело только от Петра, от его гения. Не от того гения, которым шведский король превосходил всех. А от того, в чем русскому царю не было равных. От гениального упорства, терпения, одержимости, веры в себя и в судьбу страны, способности вглядываться в даль истории. Все потенциальные соперники Карла XII затаились и ждали. Их внимание было приковано к чаше весов русско-шведской войны.

Две великие личности, каждая по-своему, готовились к моменту истины. Карл, почти всецело поглощенный военными планами, подчас играл ими как в карты, имея перед собой широкий выбор действий. Забегая вперед, заметим: возможность выбирать свободно и самоуверенно, видимо, и погубила его.

Если в действиях Петра и были элементы игры, то это была совсем другая, адская игра, игра без выбора — пан или пропал. Под по-прежнему висевшим над царем *«облаком сомнений»* он железной волей готовил Россию к неведомым поворотам истории, в которых будет решаться ее судьба, ее будущее.

Итак, вопрос о том, в союзе с кем будет воевать Россия против Швеции в ближайшее время, был закрыт полностью и окончательно. Ни с кем. Европа, затеявшая Северную войну, бесстыдно предложила Петру самому выяснять свои отношения с Карлом, а она поглядит, что из этого выйдет и тогда уж решит, как ей действовать.

На русской дипломатии нет ни грана вины за такой поворот истории. Она добросовестно старалась, чтобы этого не случилось, но, к сожалению, не все было в ее силах.

Петр это предвидел и загодя стал готовить всю линию западной границы России к массированной и активной обороне. На случай прорыва этой линии — расстелить перед врагом выжженное поле, все припасы схоронить в недоступных местах. Особую фортификационную систему выстроить вдоль Днепра. Войско пополнить новым набором. Взять лучших. Часть — в регулярную армию, другую — в «партизанские» отряды. Никакой концентрации войск, никаких генеральных сражений. Заманивать неприятеля в глубь русской территории, дезориентируя и изматывая его внезапными и короткими ударами. Растягивать шведские коммуникации, держа их под постоянной угрозой обрыва. Не давать захватчикам ни минуты покоя.

Так ли представлял себе Карл продолжение войны? Мы не знаем. Можем лишь догадываться, что в окружении короля были образованные люди, имевшие представления об истории, которая свидетельствовала: русские могут воевать по-разному.

Не слишком верится, чтобы Карл к ним прислушивался. Во всяком случае, его почти курортное пребывание в Саксонии создает впечатление, будто он появился в Европе, чтобы скорее поиграть в войну, чем воевать. Хотя русские за 7 лет войны несколько возвысились в глазах Карла, они по-прежнему вызывали у него скуку. Ему хотелось видеть перед собой великих полководцев, а не предводителя варваров. Красивые, достойные пера художника баталии, а не какие-то стычки в лесах и болотах.

Впрочем, долго отдыхая в Саксонии, а затем (август 1707 г.) лениво двинувшись оттуда в направлении Литвы и простояв еще 4 месяца на левом берегу Вислы, Карл, как будто забавляясь, давал Петру время для превращения его армии хотя бы в какое-то подобие достойного противника. Возможно, у автора этих строк разгулялась художественная фантазия, но какие-то основания для нее есть. И в самом деле, если Карл с мизерным войском умел творить чудеса, то что говорить о нынешних шансах короля, когда под его командованием собралось 75 тыс. сытых, отдохнувших, отменно обмундированных и вооруженных воинов. А тут еще потоки славословия и восхищения, которые обрушивались на него со всех столиц Европы. Да никак новый Александр Македонский!

Все это, похоже, вскружило ему голову настолько, что ему почудилось, будто Россия — это та же Саксония. С кем там воевать? По признанию Карла, он просто *«хочет навестить варваров в Москве»* и проделать там то же, что и в Дрездене — выгнать Петра, которого народ ненавидит, и посадить на престол принца Якоба Собеского. Неужели Карл успел так поглупеть от своей головокружительной славы? Не ясно. Ясно одно — прогулка в Москву провалилась.

1709 год

Накануне

В начале января 1709 года Карл атаковал русскую крепость Веприк (недалеко от Гадяча). Ее периметр обороны был слишком большим для полуторатысячного гарнизона. Защищались отчаянно. Три приступа были отбиты, но у защитников кончился порох, и Веприк пришлось сдать. Шведы потеряли 46 офицеров и более тысячи рядовых.

Через несколько дней нападение короля на отряд генерала Карла Ренне было отражено с уроном для шведов. Вдобавок русские отбили у них скот и провиант.

Приблизительно в это же время Шереметев отправил генерала Бема в занятое шведами местечко Рашевку. Неприятель был полностью уничтожен, взято 2000 лошадей. Петр остался недоволен этой победой, поскольку она далась слишком дорогой ценой благодаря торопливости фельдмаршала. Шереметев поплатился отстранением от командования Преображенским полком, который был передан под начало А.Д. Меншикова.

Война превращалась в обмен блиц-ударами и контрударами на ограниченном пространстве. Противники не всегда знали, кто где находится в данный момент.

Поиски наугад в условиях крепчайших морозов были чреваты трагическим исходом и для одной, и для другой стороны.

Эта, с позволения сказать, позиционная война не могла продолжаться бесконечно. Чтобы преградить Карлу дальнейший путь на юг, Петру нужно было решаться на генеральное сражение, которое, между прочим, при такой концентрации и близости неприятельских войск друг к другу могло возникнуть стихийно. Недаром Петр писал в конце 1708 года: *«Не чаю, чтобы без генеральной баталии сия зима* (1708/09 г. — *В. Д.*) *прошла, а сия игра в божиих руках, и кто ведает, кому счастие будет?»*

Но оставлять судьбу этого сражения только в «божиих руках» Петру не хотелось. На беспокойном юге ему нужно было создать максимально выгодную для себя военно-политическую обстановку. Гарантировать ее в условиях сохранявшихся антимосковских настроений в Запорожье, непредсказуемости донских казаков и последствий восстания Кондратия Булавина никто не мог. Малороссия казалась более или менее лояльной к Петру, но и там поднять казаков на мятеж было несложно. Султан с трудом сдерживал воинственные порывы крымского хана, но немало высших сановников Порты считали эту политику ошибочной, ибо неизвестно, когда представится более благоприятный момент для реванша над Россией, учитывая шведские предложения союза и готовность части запорожцев действовать совместно с крымскими татарами. Такая же военно-политическая задача стояла перед Карлом. При всей своей самоуверенности он все же не был слеп и за 8 лет понял, что русским удалось навязать ему совсем не ту войну, на которую он рассчитывал. А конец 1708 — начало 1709 года вновь показали, что она еще не преподнесла шведам все свои неприятные сюрпризы. Кроме того, теоретически, да и практически общая ситуация могла сложиться «неклассическим» образом. Иначе говоря, победа Карла в решающем сражении не обязательно означала бы победу в войне.

Поэтому шведский король так пекся о союзе с турками, запорожцами и всеми недовольными царем силами. В марте–апреле 1709 года Карл приостановил военные действия, чтобы сориентироваться в обстановке. О результатах этих размышлений молва говорила разное. По одним слухам, Карл собирался занять всю линию Днепра. По другим — атаковать Воронеж и уничтожить главную строительную базу петровского флота. Не потому ли в середине февраля 1709 года царь спешно отправился на воронежские верфи?

Впрочем, доподлинно о планах Карла не знал никто. Он решался на свои импровизации быстрее, чем успевал их обдумать.

* * *

То, что было на руку Карлу, угрожало Петру. И наоборот. Царь стремился лишить короля тех южных людских и хозяйственных ресурсов, которые способны были обеспечить шведам стратегический перевес. Одной из критических проблем для Петра оставались запорожцы, имевшие целый список того, чего они не могли ему простить. Попытки умилостивить деньгами казачьих командиров почти ничего не давали. Деньги-то брали, но следом прогоняли московских послов с позором. До поры до времени Петр не знал, что делать.

Наблюдая за этим, Мазепа, сохранивший определенное влияние в Запорожье, решил использовать его как рычаг давления на Москву. Гетман затеял двойную

игру. Продолжая заверять шведского короля в своей любви и преданности, он совершенно неожиданно предложил Петру передать Карла и его генералов в царские руки в обмен на амнистию и возвращение гетманского звания под гарантии крупных европейских дворов. Петр вначале не поверил, но потом быстро понял, что ничего не теряет от участия в этой игре, тем более если Мазепа сможет выполнить свое обещание. Тогда, вполне возможно, война, об окончании которой мечтал царь, действительно прекратится. Он велел вступить с гетманом в переговоры не потому, что простил человека, готового на второе предательство, а потому, что уж слишком велик был соблазн взять в плен самого Карла XII. Ведь более дорогого предмета для мирного торга не сыскать.

Но из этого ничего не получилось. Сделка выглядела подозрительно простой. Не было ли в ней какого-либо подвоха? От такой *«искусной, ношеной птицы»* (слова С.М. Соловьева) всего можно ожидать. Если бы переговоры продолжились, мы узнали бы об этом. Однако именно в тот момент к Петру попал документ, где Мазепа клянется в верноподданнических чувствах к Станиславу Лещинскому и зовет его с войсками на Украину, где они вместе *«усыпят в траве дракона неприятельского»*. Мазепа соглашался на присоединение Малороссии к Польше на тех же условиях, на которых существовала уния с Литвой. В документе также указывалось, что Лещинский, Мазепа и шведский генерал Эрнст фон Крассов со своим корпусом останутся на Украине, а Карл пойдет на Москву.

Петр разослал эту грамоту по Малороссии, чтобы народ, ненавидевший поляков, знал, в чьи руки хочет передать его Мазепа. Если среди малороссов и были сочувствовавшие гетману, то их стало гораздо меньше. Однако запорожцы продолжали поддерживать его. Они многого не могли простить Петру, и особенно Каменного Затона, в котором видели цепкого цербера, похитившего у них свободу.

Накануне прихода Карла Петр не хотел оставлять Запорожье в таком опасном возбуждении. Царь послал к казачьим начальникам торжественное посольство с дорогими подарками. Подарки были приняты, а послы выдворены. В Москву они привезли ультиматум. В нем казаки требовали срытия Каменного Затона и сохранения всех их вольностей и привилегий не только в Запорожье, но и в Малороссии. Все это сопровождалось насилиями, (включая убийства) в отношении военачальников гетмана Скоропадского.

В марте 1709 года среди запорожцев были распространены письма Мазепы, в которых он говорил, что царь хочет выгнать весь малороссийский народ за Волгу и разорить Украину. Тогда же на казачьей раде была принята публичная присяга на верность Мазепе. А после этого запорожцы, вооруженные артиллерией, начали открытые военные действия против русских войск.

Выбора у Петра не оставалось. Войска Карла и Мазепы стояли меньше чем в сотне километров от Запорожской Сечи. На соединение с казаками потребовалось бы от силы 2–3 дня. Неспокойной была и часть малороссов, поддавшаяся стращаниям Мазепы. Царь принял срочное решение упредить столь опасное развитие ситуации во то бы то ни стало. В мае Петр отдал приказ — разорить Сечь до основания, что и было исполнено. Казаки рассеялись по степи. Бежали кто куда, в том числе к крымским татарам. Каменный Затон был укреплен несколькими пехотными и конными полками. Петр решил стратегическую задачу: запорожского боевого

резерва у Мазепы и Карла больше не существовало. Что касается другой мощной силы — донских казаков, — то они заявили о своей верности московскому царю, приятно его удивив.

Перманентная опасность исходила от Турции, внимательно следившей за ходом войны между русскими и шведами и, возможно, выжидавшей благоприятной ситуации для вооруженного вмешательства с целью взятия реванша за Азов. Петр осознавал, что удар с юга накануне генерального сражения с Карлом XII мог иметь драматические последствия для России. Эту угрозу нужно было нейтрализовать. За день до Полтавского сражения царь обратился к Ахмеду III с посланием, в котором обещает *«ненарушимо»*, *«свято и без всякого изъятия»* соблюдать мир и просит султана специальной грамотой объявить о собственном желании того же. Петр пошел даже на то, чтобы в знак *«миролюбивого нашего намерения и безподозрительного содержания мира»* уничтожить 7 кораблей в Азове и 25 новопостроенных судов в Воронеже.

Полтавская сенсация

В конце 1708 года Петр говорил, что в ближайшее время без генерального сражения не обойтись. Восемь лет царь учился воевать со шведами, изучал их слабые места, накапливал полководческий опыт. По большому счету государь трудился над тем, чтобы уравнять силы материально и морально. Шведскую армию нужно было ослабить до предельно возможного уровня, а свою до такого же уровня усилить. Психологическая часть его стратегии состояла в том, чтобы избавить русских от страха перед «непобедимым» Карлом, приучить их к победам над его войсками.

Конечно, военные историки знают об этом гораздо больше, но нам кажется, что к началу 1709 года Петр добился в реализации этой программы всего, что было возможно на тот момент. Многолетняя разведка боем закончилась. Дальше отступать было некуда, а промедление уже оборачивалось против Петра.

Весь ход войны раньше или позже должен был подвести обе стороны к генеральному сражению. Петр уже получал определенное преимущество хотя бы благодаря тому, что это случилось не тогда, когда хотел Карл.

К весне 1709 года главные силы противников сконцентрировались вокруг крепости Полтава. Взятие ее открывало перед Карлом почти катастрофические для России перспективы. Он мог двинуться на соединение с крымским ханом, на Воронеж, чтобы уничтожить русский флот, на запад в район Киева и Белой Церкви. Да мало ли еще куда. На Москву, наконец.

Победа шведов была бы страшна тем, что захвату Полтавы предшествовало бы уничтожение практически всей дееспособной русской армии, защищавшей крепость. Ее поражение ставило на повестку главный вопрос: будет ли Карл продолжать войну? А если согласится на мир, то на каких условиях? При его мстительном настрое предугадать масштабы потерь России было невозможно.

С начала 1709 года шведы начали осадные работы, продолжавшиеся более полутора месяцев. Они сопровождались короткими, но жестокими боями без участия основных сил противников. По крайней мере, о двух столкновениях есть некоторые сведения. В одном шведы потеряли 600 человек (взяты в плен 6 офицеров и 300 ря-

довых). В другом — две роты, остальные приведены в *«конфузию великую»*. Русские потери — 100 человек. Из вражеского лагеря отогнали более 1000 лошадей. Однако положение 4-тысячного полтавского гарнизона становилось все хуже. Кончался порох, и отбиваться от постоянных атак становилось нечем.

Командующий русскими войсками старался и небезуспешно сорвать осадные работы. Для связи с крепостью он прокладывал свои ретраншементы, но противник их перерезал. На генеральную баталию Меншиков не решался, ждал приезда Петра.

Петр понимал, что на этот раз от решающей битвы никуда не деться. Карл ни о чем другом и думать не хотел, несмотря на сомнения его генералов. Король все поставил на карту. Уход из-под Полтавы был равносилен поражению или *«бегству»*, как называл его Карл.

Петр приехал в армию 4 июня для *«главного дела»* со шведами. В течение трех недель он объезжал войска, вникал во все детали их подготовки к небывалому событию, изучал окрестности, вдохновлял солдат своим присутствием и настроем. Это была уже совсем не та армия, которая девять лет назад в панике бежала от шведов. Она уже научилась бить противника и стоять до последнего. Новое русское воинство чувствовало, что теперь оно способно на многое.

Между тем в середине июня защитники Полтавы сообщили, что долго они не продержатся. В следующие десять дней Петр думал над тем, как навязать шведам генеральную баталию там и тогда, где и когда это будет выгодно русским.

Отчасти решив эту задачу, Петр назначил день для момента истины — 27 июня. Сохранить эту дату в секрете не удалось. На рассвете верный себе Карл прибег к излюбленному приему — ошеломить противника мощным превентивным ударом, всегда приносившим ему успех. Шведы яростно атаковали русские войска и сразу же заняли два редута. Несколько лет назад этого было вполне достаточно, чтобы царская армия пришла в полное замешательство и побежала. Вероятно, Карл на такой сценарий и рассчитывал. Но на дворе был не 1700, а 1709 год.

Батальоны Меншикова не просто выдержали этот натиск. Они воспользовались наступлением шведского авангарда, отрезали его от главных сил и уничтожили. При таких обстоятельствах и началась генеральная баталия. На часах было 9 часов утра. Входило ли это в планы Карла? Похоже, нет. В тот момент, когда, по его расчетам, русские уже будут разбиты, все только начиналось. И совсем не так, как предполагал гениальный полководец.

Русские никуда не побежали, а стали в правильный боевой порядок. Вторая волна уже фронтального шведского наступления обрушилась на них с таким же неистовством. Но и встретили ее с не меньшей отвагой. Бой был жесточайший. Карл и Петр руководили войсками, находясь в гуще событий, стараясь оставаться на виду у своих солдат, не обращая внимания на град пуль, любая из которых могла стать роковой. Присутствие этих мужественных полководцев вдохновляло войска как ничто другое. На стороне русских, помимо численного преимущества (которое раньше перед лицом королевского войска ничего не значило), было еще и преимущество психологическое. Шведы никогда не встречали и не ожидали такого мощного и организованного сопротивления. Огонь русской артиллерии был убийственным, как и фланговые удары. События разворачивались с необыкновенной быстротой. Но исход сражения обозначился не сразу. Был даже момент,

когда шведы приготовились праздновать победу. Однако русским, кажется, она была нужнее. К концу второго часа битвы самые опытные петровские полки все же заставили неприятеля разомкнуть сплошной строй, и в образовавшиеся бреши ринулась русская пехота. Попытки шведов перестроиться были пресечены своевременными ударами по уязвимым местам. Напор усилился за счет (лишь частичного!) введения в бой резервных полков. В конце концов противник дрогнул. А тут еще разнесся слух, что Карл убит. Шведские ряды расстроились, и, как писал С.М. Соловьев, *«все побежало»*.

Это было невиданное зрелище. Впервые бежали не противники шведов, а сами шведы. Причем так, что за ними нельзя было угнаться. Почти все королевские генералы сдались в плен. Точные цифры потерь сторон определить сложно. Считается, что у шведов было убито по меньшей мере 9 тыс. человек. Раненых и умерших от ран никто не считал, а их было очень много. Количество пленных составило 17 тыс. Русские потеряли около полутора тысяч убитыми и более трех тысяч ранеными.

Оставшиеся в живых 16 тыс. шведских солдат и запорожцев вместе с Карлом, Мазепой и тремя генералами (Левенгаупт, Крейц, Крузе) бежали к днепровской переправе (Переволочны), чтобы укрыться в Османской империи. Плавучих средств не было. С трудом нашли несколько лодок для Карла и Мазепы. На чем попало переплыли Днепр запорожцы, искусные в таких делах. Шведское же войско осталось на левом берегу ждать своей участи.

28 июля Меншиков во главе 9 тыс. конников бросился в погоню. Вскоре они увидели перед собой шведское войско. Впервые русские были в меньшинстве. Но это было меньшинство, которое уже никого не боялось и изготовилось атаковать противника, зная о его численном превосходстве.

Левенгаупт попытался привести солдат в какое-то подобие порядка, но его никто не слушал. Их дух был сломлен. Над предложением о сдаче долго не раздумывали.

Полтавская битва ошеломила не только побежденных, но и победителей. Они никогда не ощущали чуда в таком осязаемом виде. Но чуда тут не было. Был закономерный итог громадной работы и долгой учебы под руководством одержимого ученика, вознагражденного беспримерным триумфом. Радость обуревала Петра, и в этом своем чувстве он показал всему миру, чем правитель «варваров» отличается от утонченного представителя европейской цивилизации Карла XII, известного своими приказами «пленных не брать». Сколь беспощаден был Петр к врагу на поле боя, столь великодушным он оказался к поверженному неприятелю. Глядя на участников праздничного застолья, устроенного Петром после сражения, трудно было понять, кто победил и кто проиграл. Рядом с царем восседали пленные шведские генералы, которым он дарил подарки и посвящал тосты, восхваляя их храбрость. Под гром пушек Петр поднял кубок за здоровье своих учителей в военном искусстве. Королевский фельдмаршал Реншельд спросил: *«кто эти учителя?» «Вы, господа шведы»*, — отвечал царь. Реншельд горько усмехнулся: *«Хорошо же ученики отблагодарили своих учителей»*.

В Москве *«преславную викторию»* праздновали восемь дней кряду под аккомпанемент пушечной стрельбы и колокольного звона. Лучшими кушаньями, вином, водкой, медом, пивом потчевали всех, в том числе шведских пленников. И в этом

был какой-то уму непостижимый, как сама Россия, ответ «московских дикарей» на то, что учинили «цивилизованные» шведы над русскими военнопленными в Саксонии.

* * *

Обычно после таких поражений наступает развязка в виде заключения перемирия и подготовки мирных переговоров. Однако с кем говорить в данном случае? Шведский король сбежал в Турцию, которая едва ли его выдаст. Петр сильно огорчился, и было чем. Пленение Карла сделало бы Полтавскую битву еще большей сенсацией, могущей перевернуть всю военно-политическую ситуацию в Северной (да и не только в Северной) Европе. Поэтому досада Петра понятна. Но, с другой стороны, много ли можно было добиться от захваченного в плен и усаженного за стол переговоров Карла? Он потерял лишь ту часть армии, которая предназначалась для похода на Россию, и лишь прибалтийскую часть своей империи, да и то не всю: столица Лифляндии и стратегически важная крепость Рига оставалась в его руках. Шведские войска продолжали находиться в Польше, защищая власть Станислава Лещинского. Швеция по-прежнему владела всеми своими завоеваниями на южном побережье Балтийского и Северного морей, а также бывшими датскими провинциями. Войск у шведов было еще достаточно, чтобы отстоять все это, даже если возродится антишведская коалиция во главе с Петром. Но в вопросе о создании нового альянса было не все так просто. У одних германских государств проснулись аппетиты, другие выступали против чрезмерного ослабления Швеции и усиления позиций России на Балтике.

Учитывая поведение союзников Петра, он имел полное моральное право заключить с Карлом сепаратный мир. Но Карл-пленник — это еще далеко не гарантия его согласия на все русские условия. А чего хотел Петр, мы знаем, несмотря на его разговоры о передаче Лифляндии Августу II, которую тот, кстати говоря, ничем не заслужил. Кроме того, шведский король понимал, что многие европейские правители постараются сделать так, чтобы Прибалтика Петру не досталась.

Разумеется, все эти гипотетические рассуждения мало чего стоят, поскольку Карл получил убежище в Турции и мечтал лишь о реванше. Дело усложнялось тем, что о реванше думали и в Порте, давая в руки шведскому королю дополнительный козырь.

Одним словом, до мира было еще далеко. Но Полтава многое изменила в планах и настроениях европейских государств. Идея возобновления северного альянса обретала новых сторонников.

Почивать на лаврах Петр не собирался. Из полтавской виктории он хотел извлечь ощутимые плоды, которые позволят завершить войну на триумфальной ноте и предъявить свои права победителя в полном объеме.

В середине июля Петр послал одну часть войск в Польшу выбить оттуда шведский корпус генерала Крассова и отряды Лещинского, другую — в Лифляндию взять Ригу. Король-временщик не стал испытывать судьбу и вместе с Крассовым удалился в шведскую Померанию. Дорога к возвращению Августа II на польский трон была открыта, чем он не преминул воспользоваться, направившись из Саксонии в Варшаву с 14-тысячным войском.

Реакция Европы

Карл XII настолько приучил всех к своим победам, что в Европе отказывались верить пришедшим известиям о его поражении. Поверили другому, одновременно распространившемуся сообщению о том, что царь наголову разбит, потерял 30 тыс. убитыми, а Карл идет прямо на Москву. Когда правда выяснилась, она произвела шоковый эффект, сопровождаемый противоречивыми чувствами. С одной стороны, поражение балтийского гегемона многих радовало открывшейся возможностью разделить шведские сферы влияния между соперниками Стокгольма и создать в Северной Европе новую расстановку сил. С другой стороны, эмоционально Запад был сильно уязвлен и унижен тем нестерпимым фактом, что всего лишь за несколько часов азиатский царь и его дикие орды оставили о прославленной армии непобедимого шведского полководца лишь воспоминания. В этой эмоциональной реакции скрывалось не только оскорбленное «коллективное честолюбие», но и страх перед *«могуществом новорожденной России»*, которая грозила стать опаснее, чем Швеция.

Однако пока главной оставалась задача одолеть именно Швецию, заменить Россию в качестве движущей силы в Северной войне было некем. Соблазн поживиться за ее счет возобладал над страхом перед Петром, зависимость от которого была слишком сильна.

Желая дать толчок процессу восстановления Северного альянса, европейские монархи вместе с тем проявляли к русскому царю большую настороженность. Они старались использовать Петра для достижения своих целей, максимально ограничив его амбиции. Не случайно, что первая (после Полтавы) встреча между датским, польским и прусским королями была тайной и без участия царя. Об общих принципах единой политики в отношении Швеции монархи хотели сначала договориться друг с другом, а уже затем с Петром, которого тем самым планировалось как бы поставить перед фактом. «Тайная дипломатическая вечеря» состоялась 15 июля 1709 года в Кёльне-на-Шпрее (ныне часть Берлина). Она стала символической отправной точкой на пути к возрождению Северного альянса. Символики было действительно больше, чем реальных взаимных обязательств, принятию которых мешало взаимное недоверие.

В исторической литературе кёльнское соглашение иногда рассматривается как оборонительный и даже оборонительно-наступательный союз против Швеции. На самом деле это была скорее констатация добрых намерений друг к другу, стремления к устранению барьеров недоверия. Короли согласились взаимно гарантировать территориальную неприкосновенность своих земель перед лицом шведской экспансии. При этом участники сделали красноречивую оговорку, явно адресованную тому, кого на встрече не было, то есть Петру: Швецию нужно не сокрушить, а лишь привести к *«справедливым»* границам. Петру сделали намек на тот случай, если он захочет взять у шведов больше, чем ему положено. А меру «положенного» союзники определят сообща.

В подтверждение согласия гарантировать друг другу права на суверенную политическую власть и нынешние территориальные владения три монарха договорились о практических средствах выполнения этого пункта: каждый из них должен выделить для общего дела войско в 6 тыс. человек.

Участники кёльнской встречи понимали, что без присоединения России к договору он обречен на перспективу стать мертворожденным актом и что реализовать их

идеи можно лишь через двусторонние соглашения каждого из королей с Петром. Поэтому условились *«купно призывать»* царя присоединиться к трактату.

Август II возвращается в игру

1709 год в русско-польских отношениях был переломным в пользу России. Но обольщаться глубиной этого перелома не стоило. Так называемая русофильская партия, куда входили как сторонники, так и противники Августа, требовала от Петра не многим меньше, чем русофобская, включавшая не только приверженцев Лещинского и Карла XII. При всей психологической значимости победы при Лесной среди польско-литовской шляхты было немало тех, кто сомневался в конечном успехе Петра. Ведь он до сих пор разбивал лишь полководцев Карла и ни разу не встречался на поле боя с войсками под личным командованием короля. Кроме того, в случае генерального наступления шведов на юг они, как предполагалось, могли рассчитывать на достаточно многочисленных сторонников Мазепы и на крымского хана, которого с трудом сдерживал турецкий султан.

Это, конечно, учитывалось и враждебными, и лояльными к России польско-литовскими гетманами, которые вели с Петром хитрые игры, то обещая ему свою помощь и верность, то обвиняя его в нежелании платить за это и грозя перейти на сторону Карла. Такая ситуация с разными оттенками в разных областях Речи Посполитой продолжалась до Полтавской битвы.

В апреле польский примас и коронный подканцлер Станислав Шембек (сменивший в 1706 году Михаила Радзиевского) прислал в Россию своего секретаря Андрея Цихоцкого настаивать на передаче Польше городов Правобережной Украины, свободном отправлении католической веры в русском государстве, беспрепятственном пропуске иезуитов в Китай, освобождении плененных казаками шляхтичей и пр. Следом (май) приехал польский посол Петр Сулмарский выпрашивать дополнительные субсидии и жаловаться на *«убийства и грабительства»*, якобы учиняемые русскими военачальниками на территории Речи Посполитой. Потом появился гонец от литовского гетмана Г.А. Огинского тоже просить денег и войск.

Не сидел сложа руки и Станислав Лещинской со своими приспешниками. Шведский ставленник предложил крымским татарам вступить с ним в союз и атаковать Россию.

Петр так и не нашел в Польше иную, кроме Августа, точку военно-политической опоры в борьбе против Карла XII и его сторонников. Полтавская победа заставила экс-короля преодолеть последние сомнения и настойчиво просить о восстановлении союза, а царя она сделала более великодушным к этим просьбам. В июле Петр решил принять Августа *«в прежнее приятство»*, поручив своему посланнику при прусском дворе фон дер Литу ехать в Дрезден и подписать с саксонскими министрами составленный ими предварительный союзный договор, что и было сделано 26 июля. Царю предстояло внести в этот документ правки, после чего ратифицировать.

В августе 1709 года Петр приехал в Польшу, чтобы убедиться в том, как быстро меняется политическая и дипломатическая обстановка. Местные сенаторы бросились поздравлять его с победой, благодарить за спасение от неволи и возвращение законного короля, которому они спешили принести повторную присягу верности, нарушенную по принуждению.

Спешил на встречу со своим благодетелем и Август. Свидание произошло 27 сентября около Торуня (Торна). В город государи отправились уже вместе. Там за обильными застольями были преданы забвению прошлые обиды и возобновлена старая дружба, как будто и не было отступничества, если не сказать открытого предательства Августа. Впрочем, Петр до конца не смог сдержаться, чтобы в аллегорической форме не намекнуть королю, чего стоят его союзнические обещания. Среди трофеев Полтавы нашли роскошную шпагу, в которой Петр узнал свой подарок «другу и союзнику» Августу. Быстро выяснилось, как она оказалась у Карла XII. Польский король передарил ее шведскому полководцу в знак признательности за то, что тот забрал у него «только» Польшу, без Саксонии. Если бы под Полтавой победил Карл XII, он, возможно, не преминул бы показать поверженному царю эту шпагу как символ предательства. Победил Петр, но он, обладая своеобразным юмором, тоже не отказал себе в удовольствии театрально обыграть эту историю. Государь торжественно вернул владельцу его вещь, несущую на себе печать позора. Это был одновременно жест назидания и прощения. Не будем гадать, что происходило в душе у Августа. Предполагаем, в ней не нашлось места для чувства благодарности. Впрочем, короли существа толстокожие. О таких «пустяках» они забывают быстро.

Гораздо важнее другое. 9 октября в Торуне был подписан договор, состоявший из 22 основных статей и одной сепаратной (подписанной 10 октября). В основу его легли главные положения предыдущих русско-польских соглашений и Кёльнского трактата от 15 июля 1709 года. Согласно договору предавались *«вечному забвению»* прежние *«споры и укоризны»*, восстанавливался оборонительно-наступательный союз с более или менее равными обязательствами относительно исполнения союзнического долга и сохранения верности ему. Петр обещал помочь Августу вернуть польскую корону, а Август обязался склонить Речь Посполитую оказывать царю поддержку против всех его неприятелей. Повторялось положение прежних договоров о том, что война ведется не для *«конечного разорения»* Швеции, а ради приведения ее к *«справедливым границам»* и предоставления ее соседям *«совершенной безопасности»*. Стороны обязались по возможности соблюдать интересы их общих союзников, среди которых названа не только Дания, но и Пруссия. Предусматривалось заключение, по окончании войны, *«вечного гарантийного трактата»*, обеспечивающего царю и королю *«спокойное владетельство»* наследными и завоеванными землями, защиту от реваншистских попыток Швеции. А также включение этого документа в конституцию Речи Посполитой. Отдельная статья требовала от Августа предания суду тех, кто повинен в аресте Паткуля, но с последующим их амнистированием.

Приведенный договор, повторявший дрезденский проект (от 26 июля 1709 года) в сути, отличался от него рядом формулировок и меньшей конкретикой в определении русских финансовых обязательств. Самое принципиальное отличие состояло в отсутствии предложенной саксонцами статьи, гарантирующей согласие Петра признать за сыном Августа прав на наследование польского престола и склонять к этому правительство Речи Посполитой[1].

10 октября царь подписал дополнительную статью к Торунскому договору, которая иногда представляется в литературе как отдельное соглашение. Она содержала обещание Петра передать Лифляндию Августу в качестве курфюрста саксонского

[1] Кроме того, Петр отказался от требования о выдаче России людей, заточивших Паткуля в тюрьму.

и его наследникам без права переуступки этой земли шведам. Владение гарантировалось до тех пор, пока саксонцы будут *«ненарушимо держать»* союз с Россией. В то же время Эстляндия передавалась в состав русского государства. Подчеркивалось: все, что было помянуто об этих провинциях в прежних трактатах, *«вовсе уничтоживается»*. Это означало, что Петр обязывался вернуть Августу не всю Лифляндию, а часть ее и при условии сохранения им и его преемниками союзных отношений с Россией. Августу давалось понять, что его предательский договор с Карлом даром не пройдет.

Датчане разрывают мир со Швецией

До конца июня 1709 года переговоры В.Л. Долгорукого с датскими министрами продвигались очень медленно. Толчок дала полтавская победа, резко изменившая настроения в Копенгагене. В начале августа посол писал Г.И. Головкину о тайной подготовке Дании к войне, в том числе дипломатической, чтобы нейтрализовать возможное противодействие англичан и голландцев, которые не хотят войны из опасения, что датчане отзовут свои войска с фронтов Испанской войны. Как видно из сообщения В.Л. Долгорукого, Фредерик IV начал с ним торг о размере русских субсидий, требуя увеличить их по сравнению с первоначально оговоренными и немалыми суммами (350 тыс. рублей единовременно и по 100 тыс. за каждый последующий год войны). Петр разрешил принять это условие. Поскольку последняя конференция с датскими министрами, где обсуждались эти цифры, состоялась до полтавской победы, В.Л. Долгорукий считал, что теперь, когда известия о ней получены, не следует соглашаться на такие крупные субсидии: Дания все равно вынуждена будет воевать, если она хочет что-то добыть для себя. *«Надобно стараться,* — писал посол, — *ввести датского короля в этот союз как можно безубыточнее»*.

Петр как будто ждал этого совета и дал своему послу наказ вовсе отказаться от денежных выплат *«по многим резонам»*. Среди этих *«резонов»*, надо полагать, была не только решительно изменившаяся после Полтавы ситуация, но и копившееся годами раздражение против Фредерика, заставившего царя уговаривать его впустую.

Король, придя в озабоченность от того, что русский посол уже не столь рьяно хлопочет о союзе, как прежде, выразил готовность форсировать переговоры. Но теперь не торопился В.Л. Долгорукий, он ждал ответа Петра на свое предложение о корректировке размеров субсидий. Когда Фредерику сообщили о решении царя, он очень расстроился (*«смутным себя показал»*), но все равно велел своим министрам продолжить приготовления к заключению союза.

В следующем раунде переговоров обсуждался только финансовый вопрос. В.Л. Долгорукого обвинили в том, что он объявил об отказе от субсидий без ведома царя. Датчане имели к этому основания из-за несогласованности действий русских дипломатов. Проявляя излишнюю прыть, царский посол в Вене барон Иоганн фон Урбих, уже после Полтавы (!), поспешил заверить датчан в готовности Петра подтвердить свои обещания относительно денежной помощи. Эта глупая инициатива вызвала гнев Петра. Идя на этот шаг, Урбих не прочувствовал (или не захотел прочувствовать) ситуацию, хотя мог бы догадаться, что Петр, не взявший на себя формальных обязательств, был вправе изменить свое решение в принципиально новых

обстоятельствах. Но немца, нанятого на царскую службу, вопрос о непомерных издержках России не волновал. В отличие от В.Л. Долгорукого, который после Полтавы не стал торопиться с исполнением «устаревшего» указа Петра о выплате Дании не только первоначально обещанного, но и дополнительных субсидий. Он дождался новых предписаний (в ответ на свои советы) и с удовольствием предъявил их суть. В.Л. Долгорукий очутился в щекотливом положении, вынужденный доказывать, что высочайшая, не выгодная датчанам инструкция у него на руках. Однако, добавлял посол, царь не отказывается от подписания союзного договора и выполнения военных обязательств, включая отказ от сепаратного мира, даже приемлемого для России. Если же датский двор отвергнет такие условия, то вольному воля.

Фредерик попытался шантажировать Петра. Председатель его Тайного совета Отте Краббе (Грабе) предупредил В.Л. Долгорукого, что король, узнав, что субсидий не будет, *«пришел в великое сомнение»* по поводу того, стоит ли начинать войну. Кроме того, от войны Фредерика отговаривает первый министр Кристиан фон Ленте, страшащая его недовольством англичан и голландцев.

Посол, дав понять о бесполезности давления на царя, призвал датских министров не тратить на это время и склонять короля к войне. Насчет неконструктивности занятой Копенгагеном позиции В.Л. Долгорукий был не совсем прав. Петр слишком сильно желал разрыва Дании со Швецией, чтобы исключать компромисс с королем, если тот упрется. В письме от 20 сентября 1709 года Г.И. Головкин от имени царя предписывал В.Л. Долгорукому *«трудиться всякими мерами по прежним его величества посланным к вам указам»*, но в крайнем случае разрешал согласиться на ежегодные выплаты по 100 тыс. ефимков на закупку материалов для датского флота. Посол ответил, что если англичане и голландцы не вмешаются, чтобы отвратить Фредерика от войны, то до субсидий дело не дойдет: он будет воевать и без субсидий. Но если придется платить, то хорошо было бы взамен обязать Данию пропускать русские торговые корабли через Зунд на льготных условиях. Как сообщал посол, короля интересует не флотское снаряжение, а *«деньги и хлеб»*.

Перелом в переговорах наступил в конце августа, когда началась разработка текста союзного договора. Спор возник только по одной статье, предусматривавшей признание Данией права России иметь порт на Балтике. Королевские министры хотели ее исключить, опасаясь недовольства англичан и голландцев, которые выступали против укрепления морских позиций России. В.Л. Долгорукий предложил сделать эту статью тайной.

Фредерик просил царя помочь ему в преодолении противодействия Лондона и Гааги заключению русско-датского союза. Петру, по мысли короля, следовало бы, с одной стороны, пообещать им торговые привилегии в России, с другой — пригрозить полным пресечением торговли. В.Л. Долгорукий ответил, что всему свое время. Пока оно не наступило ни для уступок, ни для угроз. А вот когда Англия и Голландия покажут явную *«противность»* интересам двух союзных держав, тогда царь, для ее отвращения, употребит *«всякие возможные способы»*. Но и король должен обязаться действовать в таком же духе.

Фредерик был более склонен к подписанию договора, чем его министры, игравшие, как уже отмечалось, в свои игры, правила в которых диктовались их личными, материальными интересами. В.Л. Долгорукий «по-дружески» посоветовал королев-

ским сановникам не упустить возможности воспользоваться пока еще сохраняющимся настроем царя в пользу союза, учитывая, что переменчивые обстоятельства могут кардинально повлиять на ситуацию.

Переговоры В.Л. Долгорукого сопровождались усиленными приготовлениями датского флота и сухопутных сил к вторжению в Шонию (Сканию).

21 сентября 1709 года после долгих дебатов В.Л. Долгорукому удалось согласовать с датчанами черновой проект союзного трактата. Он состоял из 11 пунктов.

1) Новый договор является подтверждением Преображенского 1699 года.
2) Союз должен блюстись *«свято»* и *«ненарушимо»* не только Петром и Фредериком, но и их преемниками.
3) Дания должна вести войну *«как сухим путем, так и морем»* и не прекращать ее до тех пор, пока оба союзника не будут *«удовольствованы от короны Шведской»*.
4) Король обязуется не вступать в переговоры о мире ни со Швецией, ни с посредничающими державами ни при каких обстоятельствах, за исключением случаев, когда Россия даст согласие на такие переговоры.
5) *«Его царское величество»* со своей стороны обещает, несмотря на огромные убытки, понесенные в ходе войны, продолжить ее в интересах *«его королевского величества»*.
6) *«Его царское величество обещает не вступать ни в какие мирные предложения без соизволения его королевского величества на то»*.
7) Договаривающиеся стороны не будут принимать чьих-либо предложений о вступлении в их союз без взаимного согласия.
8) *«Его королевское величество»* обязуется признать Августа II законным королем Польши и содействовать ему в восстановлении прав, попранных Альтранштадтским договором.
9) Во избежание реваншистских поползновений Швеции король и царь обещают друг другу признать их нынешние и будущие территориальные приобретения, в том числе прибалтийские завоевания России, а также склонять Англию и Голландию выступить в роли гарантов мирного договора со Швецией.
10) Оба монарха дадут своим послам при европейских дворах указание согласовывать совместные действия, связанные с соблюдением условий союза.
11) Царь и король условились, что после *«счастливого»* окончания войны они подпишут за себя и за своих наследников новый, *«гарантийный»* договор, позволяющий оборонять друг друга *«против всяких обид и нападений, которые бы могли статься от стороны Шведской»*.

В ходе разработки этого документа датчане ставили вопрос об *«именовании»* тех территорий, которые должны отойти к Дании и России. Смысл такой постановки состоял в том, чтобы русским не досталось столько, сколько, с датской точки зрения, будет слишком большими трофеями. В.Л. Долгорукий настаивал на преждевременности дележа шкуры еще не убитого медведя.

Этот проект можно считать дипломатической победой В.Л. Долгорукого, поскольку в нем ничего не говорилось ни о субсидиях, ни о разделе трофеев. Посол имел полномочия согласиться на включение в договор статьи о денежной помощи, но он повел дело так, что все обошлось *«безубыточно»*.

Когда датчане узнали, что В.Л. Долгорукий их «провел», они стали задерживать подписание этого документа и добиваться внесения в него изменений. С этой целью в Торн, где в это время (конец сентября — начало октября 1709 г.) находился Петр, приехал чрезвычайный датский посланник фон Ранцов, чтобы напрямую просить царя о возобновлении оборонительного и наступательного союза на приемлемых для Дании условиях. Судя по всему, посланника прислали, чтобы он попытался заключить договор с находившимся при Петре Г.И. Головкиным, в обход В.Л. Долгорукого. Ранцову, однако, было заявлено, что заниматься этой проблемой официально поручено русскому послу в Дании. Тем не менее Г.И. Головкин вступил с Ранцовым в переговоры, чтобы выяснить перспективы заключения союза. Посланник не говорил ни о чем, кроме субсидий, без которых датский король якобы не может начать войну. Ничего определенного в ответ он не услышал. Впрочем, канцлер в письме В.Л. Долгорукому вновь подтвердил разрешение царя согласиться на некоторую уступку, но только если Копенгаген займет категоричную позицию. Ему разрешалось объявить о готовности царя выплачивать по 100 тыс. ефимков на содержание королевского флота за каждый год войны.

Однако В.Л. Долгорукий стоял на своем, с большим трудом преодолевая настойчивость своих оппонентов. Если бы датские министры поднажали, ему, вероятно, пришлось бы принять их требования. Но, скорее всего, они потеряли всякую надежду после безуспешного визита Ранцова в Торн. Кроме того, Дания стояла на пороге войны, и начинать ее желательно было, имея для страховки договор с Россией, пусть и без субсидий. Фредерик нуждался в договоре еще и как в защите от Англии и Голландии, которые выступали против войны и могли открыто встать на сторону Швеции.

Датские министры вынуждены были форсировать подготовку союзного трактата с Россией на основе версии В.Л. Долгорукого. 11 (22) октября 1709 года текст документа был подписан Фредериком и отправлен в Москву, где 30 декабря свою подпись поставил Петр. Окончательный текст договора принципиальных изменений не претерпел. В нем не было ни упоминаний о субсидиях, ни *«имянований»* конкретных территорий, которые будут отторгнуты от Швеции.

В.Л. Долгорукий не считал русско-датский договор полной гарантией того, что Дания, под давлением Англии и Голландии, а также под влиянием их обещаний добиться для нее щедрых условий мира вновь не пойдет на разрыв союзных отношений с Россией.

Итак, к концу 1709 года в русско-датских отношениях произошел переворот. На протяжении многих лет о возобновлении союза сколь усердно, столь и тщетно хлопотал русский посол в Копенгагене, которого лишь вежливо выслушивали. Теперь же альянса домогалась Дания. Чтобы эти домогательства не выглядели совсем уж унизительными, король Фредерик IV и его министры решили поторговаться. Они быстро припомнили, что Долгорукий (до Полтавской битвы) предлагал деньги и войска. Датчане выпрашивали побольше того и другого. На эту бесцеремонность Петр ответил — никаких субсидий. После Полтавы роли поменялись. Теперь царь мог позволить себе никого не уговаривать. Фредерик IV, конечно, понимал это. Он расстроился, но деваться было некуда. В отместку королевские сановники посоветовали Долгорукому не слишком заноситься. Полтавская победа ничего не даст Петру, если у него не будет

союзников. Они как будто забыли, что до сих пор царь воевал с сильнейшим противником, обходясь без них. И результат известен.

28 октября 1709 года Фредерик IV объявил Швеции войну.

Мариенверденский договор

Как мы уже видели, полтавская победа создала условия не только для реставрации Северного альянса, но и для его расширения за счет тех государств, которые понимали, что дальнейшая нерешительность и лавирование между Швецией и ее противниками могут оставить их без территориальных и политических приобретений. К числу таких государств логично было бы отнести прежде всего Пруссию, если бы не ряд обстоятельств.

Умел ли Фридрих I заглядывать далеко в будущее, сказать трудно. Но требовался именно такой взгляд, чтобы оценить значение Полтавы. Скорее всего, в Берлине испытывали смешанные чувства. Бурной радости, конечно, не было. Но и скорби тоже. Сокрушение армии Карла XII открывало перспективу перестановки сил на Балтике и в Северной Германии. Это сулило Пруссии приращение территорий и политического влияния. Однако та же Полтава была, как писал Роберт Мэсси, *«грозным предупреждением»* о том, что на востоке поднимается молодая русская империя, претендующая на неслыханную для Московского царства роль в европейских международных отношениях. Отныне с этим фактором придется считаться каждому государству, в том числе в ущерб собственным интересам. И чем ближе это государство к русским границам, тем сильнее окажется его зависимость от Москвы.

Однако реализация такого сценария — вопрос будущего. А получение своей (желательно большей) доли в Северной войне — насущная проблема, не терпящая отлагательств. Ясно, о чем нужно думать в первую очередь. Фридрих I столкнулся с мучительным выбором, и делать его он отнюдь не спешил. После Полтавы прусский король счел возможным осторожно намекнуть о намерении отойти от нейтральной позиции. Для этого он сначала приехал в Кёльн-на-Шпрее, а затем изъявил желание лично встретиться с Петром.

Инициатива такого свидания исходила от царя. В конце июня — начале июля 1709 года он двумя грамотами сообщил Фридриху о *«преславной победе»* под Полтавой, нарушив тем самым полуторагодовое хмурое молчание: ведь говорить до этого было не о чем. Теперь тема появилась, и царь предложил встречу в Мариенвердере.

Фридрих ответил безукоризненным в своей высокопарности поздравлением, в чем Петр увидел, как он сказал королю, *«знак вашей к нам... усердной приязни»*.

Гаага принялась убеждать его не ехать в Мариенвердер и не делать этого опасного для Пруссии шага, ссылаясь на уже известные нам «английские» аргументы. Проигнорировав «добрые советы» голландцев, король отправился в Мариенвердер загодя, чтобы приготовиться к визиту русского монарха. Фридрих встретил его 15 октября на подъезде к городу с непокрытой головой. Объятия, пушечные залпы, почетный эскорт, роскошный обед в сопровождении музыки — как будто и не было тех многих лет взаимных обид.

21 октября был заключен русско-прусский оборонительный договор, согласно которому Фридрих обязался *«усердно вспомогати»* намерениям царя, а также датского

и польского королей. «Усердное вспоможение» заключалась всего лишь в том, чтобы, *«елико возможно»*, чинить помехи проходу шведских войск через прусскую территорию. Поскольку король навлекал на себя угрозу нападения шведов, царь и союзники принимали на себя обязательство прийти ему на помощь, опять-таки с оговоркой — *«по мере возможности»*, и вознаградить Пруссию за убытки, сопряженные с ее вступлением в альянс. Более того, Петр от своего имени и от имени союзников обещал *«миру не чинить»*, прежде чем Фридрих не будет удовлетворен в своих интересах.

Все четыре союзных потентата обязывались оказывать друг другу *«сильное и действительное вспоможение»* против любого посягательства на их территориальные владения и суверенные права. Это положение должно было найти применение прежде всего в восстановлении Августа II на польском престоле.

Любопытна статья, декларирующая согласие четырех монархов отложить вопрос о более тесном объединении усилий до окончания войны за испанское наследство, поскольку она ограничивает свободу действий для Дании, Саксонии и Пруссии, чьи войска находились на службе держав антифранцузской коалиции (прежде всего Англии и Голландии).

Указывалось, что цель Мариенвердерского договора — не сокрушение Швеции, а возвращение ее к *«справедливым границам»*, восстановление в законных правах Августа II и обеспечение безопасности России, Дании, Польши (с Саксонией), Пруссии. Петр, увидев в идее о «справедливых границах» намек в свой адрес, попытался внести ясность в этот вопрос. Имея в виду распространить взаимные гарантии суверенитета на русские территориальные приобретения, он предложил дополнить текст договора следующей фразой: *«его царскому величеству все земли и города, в настоящее время во обладании сущие, старые и новые, без всякого выключения, содержать и гарантировать, и от всех четырех сторон обязанных государей против шведа»*. Но Фридрих отказался, и в этом он был солидарен с Данией и Польшей–Саксонией.

Наряду с идеей об оборонительном характере договора также подчеркивалось, что соглашения между четырьмя монархами нисколько не помешает противникам Франции закончить войну за испанское наследство. Но для этого надо держать условия соглашения в тайне, чтобы не спровоцировать наступление шведов на Данию, Саксонию, другие немецкие земли, что отвлечет внимание противников Людовика XIV и затруднит их победу в Испанской войне.

В 13-й и 14-й статьях Мариенвердерского договора говорилось, что нарушение кёльнского соглашения одним из четырех потентатов обязывает остальных трех объединиться против нарушителя и заставить его выполнять обещания. Четырехстороннему соглашению не должны были противоречить договоры, которые каждый из этих монархов найдет для себя нужным заключить с державой или державами, не входящими в альянс.

Секретной статьей Мариенвердерского договора (подписанной 22 октября 1709 г.) Фридриху I дозволялось заменить свое союзное обязательство о предоставлении 6-тысячного войска на обещание закрыть прусскую территорию для прохода шведских войск. Петр шел на это послабление, чтобы не спугнуть Пруссию и удержать ее в рамках этого квазиальянса. За такую ничтожную услугу царь пообещал выбить шведский гарнизон из Эльбинга и исходатайствовать у Августа II и Речи Посполитой *«уступление оного его королевскому величеству в вечное владение»*.

Мариенвердерский договор не поддается однозначной оценке. Его, если не считать секретного артикула, можно считать странным документом. Почти ничто не указывает на его двусторонний характер: идет дословное повторение текста Кёльнского соглашения, в котором Россия не участвовала. Оборонительная направленность — единственное, что в Мариенвердерском договоре более или менее ясно. Но насколько он был эффективен даже в таком качестве? Не похоже, чтобы его обтекаемые и сопровождаемые оговорками формулировки кого-то к чему-то обязывали, особенно если вспомнить, что совершенно конкретные положения русско-саксонского и русско-датского наступательных договоров, подписанных накануне Северной войны, остались на бумаге и нисколько не удержали союзников Петра от сепаратных капитулянтских соглашений с Карлом XII.

Анализируя Мариенвердерский договор, следует еще раз обратить внимание на то обстоятельство, что он, как пишет Ф.Ф. Мартенс, был *«почти копией»* Кёльнского соглашения от 14 июля 1709 года. Зачем понадобилось его копировать, объяснимо: в Кёльне-на-Шпрее отсутствовал Петр, а без него любой союз был обречен, тем более если мы примем во внимание острейшие противоречия между противниками Швеции. Встреча датского, польского и прусского королей являлась робким шагом к возрождению Северного альянса, и не случайно, что историческая литература часто обходит ее стороной. Встречу можно считать отправным моментом в сложном процессе реставрации антишведского союза постольку, поскольку ее участники выразили полную солидарность в понимании невозможности возрождения и расширения коалиции, если всего лишь декларированные ими намерения не будут подкреплены договорами между Петром, с одной стороны, и каждым из монархов — с другой. Кёльнский акт есть не что иное, как приглашение царю выразить свое отношение к этому черновому варианту альянса.

Мариенвердерский договор был царским откликом на это приглашение. Нельзя сказать, чтобы этот документ был более внятным и более обязывающим, чем его кёльнский прототип. Однако он давал некоторые основания для оптимизма — не своей конкретикой, а тем, что являлся (не по форме, а по сути) договором между двумя субъектами, который, как правило, предметнее аморфных коллективных соглашений. Секретная статья — тому подтверждение.

Важно еще и то, что Пруссия была новым участником проектируемого союза. Петр давно добивался помощи от Фридриха, и теперь появилась надежда ее получить. Впрочем, не более, чем надежда, поскольку король не собирался бросать открытый вызов Швеции и держал пути возвращения на нейтральную позицию открытыми. Еще предстояло многое выяснить, главным образом — что ему готовы уступить союзники (читай — Петр), кроме Эльбинга. И как получить все это с минимальными издержками. Фридрих I был настолько осторожен, что не позволял себе соблазняться даже твердыми обещаниями царя, потому что под вопросом оставался исход не только Северной войны, но и войны за испанское наследство, из которой Пруссия еще не выпуталась.

Каким бы образом ни интерпретировать содержание Мариенвердерского договора, ближайших практических последствий он не имел. Этот документ можно, да и то глядя из сегодняшнего дня, рассматривать лишь как невнятный пролог к наступательному союзу. На большее Фридрих пока не решался. Фактически он по-

прежнему придерживался позиции нейтралитета, что означало стремление короля к продолжению стратегии балансирования между Петром и Карлом с целью выяснения, от кого из них можно получить максимальную выгоду. Карл Маркс грубовато, но очень точно подметил, что Пруссия, добиваясь непрерывного расширения за чужой счет, всегда следовала *«за кем-либо в качестве мелкого шакала, чтобы урвать кусок добычи»*. Развивая эту мысль применительно к Северной войне, Н.Н. Молчанов писал: *«Именно тогда рождалась знаменитая прусская политика, сочетавшая в себе трусость, хищничество и коварство»*. В целом соглашаясь с маститым советским историком, мы не вполне разделяем его оговорку о том, что *«Полтава нанесла удар прусской дипломатии пресмыкательства перед Карлом»*. Тем более сам Н.Н. Молчанов обращает внимание на красноречивый факт: направляясь в Мариенвердер на встречу с Петром, Фридрих I уже предал его тем, что свободно пропустил шведского генерала Крассова через прусскую территорию после его отступления из Польши.

Вместе с тем Мариенвердерский трактат, при всей его двусмысленности, говорил о том, что политика Фридриха I сместилась в сторону большей определенности, хотя осталась крайне оглядчивой. Мосты за собой король не сжег.

* * *

Из Мариенвердера царь отправился в Ригу, осажденную войсками Шереметева. 14 ноября началось бомбардирование крепости с участием самого Петра, в котором было больше театральности (*«месть проклятому месту»*), чем какой-то пользы. Лишенная всякой поддержки извне, Рига была обречена. Поэтому Петр, из-за наступления зимы, решил избежать лишних жертв и распорядился отложить осаду до следующего года, отвести б*о*льшую часть войск на зимние квартиры в Курляндию, оставив под Ригой лишь 7-тысячный корпус для поддержания блокады.

Беспокойство Англии растет

Европейские правители с трудом осваивались с тем фактом, что Петр разбил непобедимую армию Карла. И чем труднее давалось осознание этой реальности, тем чаще ее называли нелепой случайностью. Но это на словах. На деле же волей-неволей приходилось признавать, что в Европе возникла совершенно новая ситуация и к ней нужно приспосабливаться. Приспосабливались по-разному. Одни (Август II и Фредерик IV), как мы уже видели, стремились восстановить союз с Россией и с ее помощью получить «законную» долю добычи. Другие не уставали предупреждать, что царь становится опасным своей военной мощью. Он не будет считаться с чужими интересами и станет хозяином и на Балтике, и в Северной Европе, если его не остановить совместными усилиями.

Наиболее последовательным проповедником таких взглядов являлось английское (в меньшей степени голландское) правительство. Теоретически оно, как всегда, обосновывало их необходимостью поддержания равновесия сил в Европе. Практически же Лондон использовал эту доктрину в целях упрочения своего влияния на континенте и своих позиций в балтийской торговле.

Подобное восприятие России укоренилось в британской внешнеполитической мысли, можно сказать, навсегда. Но в данном случае Англию беспокоили ближайшие

перспективы развития североевропейской обстановки и ее воздействия на ход Испанской войны. Лондон опасался, что Петр, обретя такую силу и славу, может перейти к политике, опробованной более полувека назад кардиналом Ришелье. У царя есть все возможности, чтобы осуществить в Европе целую дипломатическую революцию, вплоть до того, что еще недавно казалось невероятным — вступление России в военно-союзнические отношения с побежденной Швецией и Францией, что принесет победу Людовику XIV и большие дивиденды Москве.

Узнав о русско-датских переговорах о возобновлении союза, Англия и Голландия прямо пригрозили Копенгагену стать на сторону Швеции, и тогда Фридрих IV не только не приобретет столь желанной им шведской провинции Скании (Шонии), но и потеряет то, что имеет. Если же король воздержится от войны, то Лондон и Гаага, после подписания мира с Францией, сделают так, что Скания ему достанется без всяких усилий. Поверить в англо-голландский альтруизм и в способность к чудотворчеству мог лишь очень наивный человек, каковым Фредерик IV не был. Поэтому, несмотря на колебания датских министров, 11 октября 1709 года он подписал русско-датский союзный трактат. Договор обязывал короля атаковать морским и сухим путем южную (Сканию) и западную Швецию со стороны Норвегии. А русского царя продолжить военные промыслы в Ливонии и Польше, а также захватить Финляндию.

По мнению В.Л. Долгорукого, угроза Лондона была блефом, ибо английский парламент, в условиях, когда государство и его подданные несут огромные расходы на Испанскую войну, едва ли согласится взвалить на народ бремя финансирования еще и шведских военных операций.

Однако Петр счел благоразумным не озлоблять Англию, и без того раздраженную русско-датским возобновленным союзом. Наряду с Австрией и Голландией она была включена в число адресатов царской декларации от 15 ноября 1709 года, где утверждалось следующее. Чтобы указанные три державы не подвергли недавно подписанный русско-датский договор ложным толкованиям, объявлялось, что его целью является не разорение Швеции, а превращение ее в спокойного и безопасного соседа путем *«справедливых ограничений»*. Его царское величество также надеется, что заключенный им союз не станет для Лондона, Вены и Гааги причиной опасений, под влиянием которых они захотят разными средствами противодействовать России.

Как бы ни мечтала Англия объединить Европу против России, были обстоятельства, пересиливавшие и ее желание, и ее возможности. Дело в том, что в Померании находилась сильная группировка шведского генерала Крассова, готовившаяся нанести удар по Польше, Саксонии и датским владениям в Германии. Это привело бы к эскалации военных действий на территории Священной Римской империи и отвлечению внимания Австрии от войны против Франции, что было крайне невыгодно для Англии. Поэтому Лондону пришлось отдать предпочтение политике сдерживания Стокгольма, временно отодвинув свои антирусские замыслы на второй план. В декабре 1709 года британское правительство согласилось гарантировать свое выступление против Швеции в случае нападения последней на саксонские, польские и датские земли, расположенные на территории Империи.

После скандального отъезда Матвеева из Лондона в русско-английских отношениях образовался дисбаланс. Петр потерял канал дипломатической связи с одной из ведущих держав Европы, в то время как посол королевы Анны Витворт остался

в Москве. Вместо того чтобы выдворять его, царь решил послать в Лондон Б.И. Куракина, как только тот выполнит свою миссию в Ганновере. 23 октября 1709 года ему был дан наказ, предписывавший объявить королеве и ее кабинету, что Петр, несмотря на еще не полученную *«довольную сатисфакцию»* за *«чрезвычайный афронт»*, нанесенный Матвееву, не желает, чтобы *«совершенной дружбе его царского величества к ее королевину величеству»* была учинена *«отмена»*. Царь также надеется, что эта дружба с английской стороны найдет выражение в нейтралитете, которого она будет придерживаться в Северной войне.

Кроме того, Б.И. Куракину предстояло успокоить англичан относительно военных планов царя, предполагающих лишь принуждение Швеции к миру. С точки зрения территориальных приобретений он претендует лишь на часть Лифляндии и Ингрию. А на Балтийском море он не собирается заводить большой флот, чтобы не вызывать у Англии подозрений. Ему необходимы лишь несколько судов для защиты прибрежных территорий. Петр гарантировал Англии свободу торговли в восточной части Балтики.

Вместе с тем государь велел предупредить англичан, что если они пошлют свою эскадру против датского короля, то это будет расценено им как акция, враждебная России.

Б.И. Куракин должен был внимательно следить за ходом Испанской войны и в меру своих сил противодействовать заключению такого *«генерального мира»*, в котором будут вредные для России постановления. Если же Лондон предложит свое посредничество в достижении русско-шведского мира, то надо совершенно точно знать, каким он видит условия этого мира.

На тот случай, если англичане поставят вопрос о восстановлении дипломатических отношений с Россией в полном объеме, Б.И. Куракину была выдана верительная грамота, удостоверяющая его официальный статус русского посла. До этого же Петр предпочитал, чтобы его эмиссар оставался на положении инкогнито (*«без характера»*).

Куракин прибыл в Англию лишь 24 октября 1710 года (ровно через год после получения царского наказа) и пробыл там до 22 июня 1711 года.

На чужом пиру

До полтавской победы деятельность А.А. Матвеева в Гааге состояла в том, чтобы нейтрализовать ее попытки препятствовать возобновлению Северного союза. Голландия представлялась более податливым объектом для таких усилий, чем Англия. Она была единственной европейской державой, не признавшей Станислава Лещинского и отказавшейся гарантировать Альтранштадтский договор. Такая позиция была на руку России, и Матвеев старался не только укрепить эти точки соприкосновения в русско-голландских отношениях, но и найти другие. После Полтавы соответствующих перспектив стало больше, хотя в ряде вопросов Гаага оставалось очень неудобным партнером. Она мало отличалась от Лондона в своих опасениях относительно усиления России. В частности, Штаты убеждали прусского короля Фридриха I не вступать ни в какие обязательства с царем, поскольку это окажется вредным не только для Пруссии, но и для всей Европы. После Полтавы голландское правительство стало бояться России еще больше и полагало, что для сдерживания ее европейские государства обязаны объединиться.

Когда к Матвееву прибыл курьер Михайло Острогарден, чтобы в качестве очевидца поведать об *«от веков неслыханной»* полтавской виктории, великий пенсионарий Антоний Гейнзиус изъявил желание послушать его рассказ, для чего не пожалел целого часа. Слушал со смешанными чувствами удивления, восхищения и тревоги: дикие варвары разбили доблестных викингов, это невероятно само по себе и потенциально опасно для Европы. С Матвеевым Гейнзиус говорил *«с великой учтивостью»*, *«обнадеживал о верной, усердной и о постоянной их, Статов, с его царским величеством дружбе и о великом почитании»*.

Матвеев писал Г.И. Головкину о том, какое неизгладимое впечатление произвели на голландцев *«всемилосердная учтивость»* и *«милостивое снисхождение»*, проявленные царем к генералу Левенгаупту и другим пленным шведским офицерам, что еще больше приумножило славу Петра в Европе и привлекло к нему сердца *«многих держав и народов»*.

Генеральные Штаты, вынужденные отдать должное этой невиданной сенсации, отклонили протест шведского посла Юхана Палмквиста по поводу подготовляемых А.А. Матвеевым грандиозных празднеств в честь победы. Торжества длились 3 дня (с 8 по 10 октября) и поражали своим размахом: театрализованные представления, музыка, фейерверк, щедрые угощения как для избранных, так и для публики, балы с танцами и другими увеселениями, печатные реляции на голландском языке, вся местная высокопоставленная знать, дипломатический корпус в полном составе, включая даже английского посла Таунсенда, едва ли не единственного, кто оставил Матвеева без поздравления.

Полтава, однако, не подвигла Гаагу на какие-то решительные шаги по сближению с Россией. Дальше проекта торгового договора дело не пошло. Но сам этот документ заслуживает внимания. Главным в нем было то, что Голландия предлагала его с прицелом на будущее, не сомневаясь в перспективе открытия Балтийского моря для русских купеческих судов. Подразумевалось, что отныне не только голландские корабли будут прибывать в Россию, но и русские в Голландию. Оговаривались также взаимные права и привилегии, порядок разрешения споров и т.д. И никаких односторонних преимуществ для голландцев. Это было своеобразное признание изменившейся роли России в Европе.

После Полтавы Генеральные Штаты не отказались от своей двойственной позиции в отношении Стокгольма. Они были как против восстановления шведской гегемонии в Балтийском море, так и против чрезмерного ослабления Швеции. Им было важно, чтобы их союзники по войне за испанское наследство, прежде всего Австрия, не сосредоточились на германском театре Северной войны, что дало бы большое преимущество антигабсбургской коалиции во главе с Францией. А это представлялось реальным в случае вторжения армии генерала Крассова в пределы Империи.

13 (24) декабря 1709 года Гаага приняла декларацию, допускавшую возможность ее объединения с противниками Швеции, если та вторгнется в австрийские провинции, Шлезвиг или Ютландию. Представители Августа II в Голландии от имени Польши, России и Дании заявили, что *«сие объявление ничего иного не изображает»*, кроме благих намерений, не дающих того, что ожидалось от Штатов — подлинной гарантии их участия в отражении шведского нападения на Империю.

В Ганновер по «некоторым нужным делам»

Наличие таких «союзников», которые порой были более непредсказуемыми и тем опаснее открытого врага, заставляло Петра задумываться над обновлением состава антишведской коалиции. Вовлечь в нее можно было прежде всего тех, кого соблазняла перспектива отторгнуть что-нибудь от Швеции. В Северной Германии таким государством являлось курфюршество Брауншвейг-Люнебургское, чаще именовавшееся, по названию столицы, Ганновером. Курфюрст Георг-Людвиг мечтал об округлении своих территорий за счет соседних Бремена и Вердена, обеспечивавших выход к Северному морю. Пока полководческая слава Карла XII находилась на восходящей траектории, курфюрст не осмеливался заявлять о своих притязаниях и предпочитал отношения со Швецией, по крайней мере, не портить. Полтавская победа растравила его геополитические аппетиты, и теперь он склонялся к поиску союзников для решения своих задач.

Зная об этом, Петр в ноябре 1709 года тайно послал в Ганновер своего эмиссара Б.И. Куракина (под именем дворянина Луки Панова). Курфюршество интересовало царя по двум причинам. *Во-первых*, само по себе, как потенциальный военный союзник. *Во-вторых*, потому что Георг-Людвиг был наследником королевы Анны, и дружба с ним, как предполагалось, сулила установление более приязненных отношений с Англией. Видимо, не стоит вовсе исключать и некоторые «сентиментальные» обстоятельства. Во время своего первого заграничного путешествия Петр встречался с матерью Георга-Людвига Софией и его сестрой Софией-Шарлоттой, о чем у него остались теплые воспоминания.

Б.И. Куракин получил подробнейшую и тщательно продуманную инструкцию. Ему предстояло очень осторожно выяснить, через кого из ганноверских министров можно действовать в интересах России. И, поскольку сказывали, что это — глава правительства Андреас-Готлиб Беренсдорф, *«Шведской стране несклонный»*, просить его устроить секретную аудиенцию у Георга-Людвига, которому Б.И. Куракин должен был предложить вступить в союз с Россией, Польшей и Данией. Инструкция содержала сценарные варианты развития переговоров и аргументацию, призванную противостоять тем или иным возражениям ганноверской стороны. Упор делался на идею о том, что установление союзнических отношений с Россией — единственный реальный способ приобрести Бремен и Верден и удержать их за собой в будущем.

Формально Б.И. Куракин наносил визит вежливости, чтобы засвидетельствовать дружеские чувства Петра и его желание поддерживать с курфюрстом *«добрую корреспонденцию»*. Но на аудиенции у Георга-Людвига Куракин, после обмена протокольными любезностями, сказал, что ему также велено поговорить о *«некоторых нужных делах»*. После такого объявления темнить уже не имело смысла.

Куракин открыл цель своего приезда в весьма откровенной и в то же время осторожной речи. Он сделал акцент на том, что давние союзные отношения со шведской короной принесли Ганноверу больше неприятностей, чем выгод, и этот «баланс» стал бы еще хуже для курфюрства, если бы царь не пресек непомерные амбиции Карла XII. Однако, продолжал Куракин, близость шведских владений (Бремена и Вердена) создает реальную угрозу Ганноверу, которую, конечно, прекрасно осознает и сам *«его светлость»*. Чтобы не пугать курфюрста столь прозрачным намеком, русский дипло-

мат поспешил заявить, что царь вовсе не хочет приводить Швецию *«в конечное разорение»* даже в отместку за подобное намерение Карла в отношении России. Он намерен лишь *«содержать ее в умеренности»* и желал бы знать мнение курфюрста на этот счет. Россия, обещал посол, берет на себя обязательство найти верные способы преодолеть сопротивление тех держав, прежде всего Пруссии и Австрии, которые будут возражать против присоединения Бремена и Вердена к Ганноверу.

Несмотря на успокоительные оговорки Куракина, Георг-Людвиг насторожился. Причина тому — слухи, что Карл XII погиб, из чего вытекала потенциальная опасность превращения безвластной Швеции в добычу России. Курфюрст, через Куракина, призвал Петра к сдержанности, выразив надежду на подписание русско-шведского мирного договора в самое ближайшее время. Георг-Людвиг не скрывал своего убеждения, что продолжение Северной войны принесет союзникам, воюющим против Франции, только вред.

Ответ Куракина, вероятно, огорчил курфюрста: пока царь не обуздает стремление шведов к агрессии и не удовлетворит своих союзников, надеяться на мир не следует.

Если говорить о каком-то результате этой беседы, то он лишь в том, что стороны обозначили свои позиции. Впрочем, у курфюрста появилась информация к размышлению. И возможно, стимул к принятию какого-то решения.

Б.И. Куракин пребывал в сомнениях. Шансы на заключение союза он оценивал невысоко. По его признанию, нейтралитет Ганновера — самое большее, на что можно рассчитывать. Но все же чутье ему подсказывало, что с отъездом из курфюршества торопиться не следует, и он на всякий случай задержался там. Как мы увидим позже, не зря.

Французская инициатива: что в подтексте?

Пожалуй, самым неожиданным следствием Полтавской битвы было сообщение В.Л. Долгорукого о том, что секретарь французского посольства в Копенгагене сказал ему о сильном желании Людовика XIV вступить в союз с Россией. Хотя это предложение имеет объяснение, оно вполне достойно удивления. Держава, усердно выстраивавшая «восточный барьер» из трех государств, враждебных России, и находившаяся после Тридцатилетней войны фактически в союзе со Швецией, вдруг выступает с такой идеей. Быть может, не стоило бы особо удивляться: ведь это вполне соответствовало макиавеллистскому духу кардинала Ришелье. Тем не менее странновато. Если не анализировать складывавшуюся в Европе конъюнктуру. Именно она подводила Людовика XIV к пониманию того факта, что в непредсказуемой Испанской войне, где победа Франции вовсе не гарантирована, Парижу нужен сильный союзник. После Полтавы Россия неожиданно попадает в эту категорию.

Осознававший это В.Л. Долгорукий в донесении к Петру по сути ставит вопрос: кто кому сейчас больше нужен? И отвечает на него осторожно. Он предлагает не отклонять французскую инициативу, хотя понимает, что Париж хочет больше взять, чем дать. Дипломат не исключал такой перестановки сил в Северной Европе, при которой видимость сближения с Францией окажется России на руку. Поэтому, писал он, *«надобно показать некоторую склонность»* к союзу. Петр согласился с такой логикой, тем более что Франция становилась все настойчивее. Людовик XIV подал сигнал,

свидетельствовавший о его стремлении прекратить прежние несогласия с Россией и гарантировать ей все ее завоевания. Король говорил о своей заинтересованности в расширении русского и сокращении англо-голландского присутствия в Балтийском море, что выгодно для французской торговли.

Однако форсировать решение этого вопроса не спешила ни та, ни другая сторона. Слишком много еще было неясного как в Северной войне, так и в Испанской. И слишком много недоверия между Россией и Францией. Москва не доверяла Парижу, как традиционному союзнику Швеции, а Париж не доверял Москве, поскольку *«испугался могущества новорожденной России»*. (Слова С.М. Соловьева.) Отсюда глубокая противоречивость русско-французских отношений при Петре I.

Конец 1709 года прошел в пышных торжествах, устроенных в Москве по случаю *«великого триумфа»*.

Краткий итог победного года

Последствия полтавской победы с точки зрения восприятия России Западом были противоречивы. С одной стороны, ее стали признавать в качестве влиятельного субъекта в международных делах. Но по этой же причине в европейской общественно-политической мысли усилились русофобские мотивы. Раздражала появившаяся нужда обращать на «диких московитов» гораздо больше внимания, чем прежде. Того нестерпимее была необходимость учитывать их интересы. До Полтавы в русофобской идеологии преобладали презрительно-ироничные интонации. Теперь они перемешиваются со страхом.

Петр придавал должное значение роли массовых настроений и чувств в отношениях между государствами. Работу над созданием комплиментарного образа России в европейском сознании он считал неотъемлемой частью дипломатии, заставляя своих послов проявлять усердие в этом вопросе. Невольную улыбку вызывает деятельное участие в пророссийской пропаганде даже Паткуля, русофоба еще той пробы. Он по долгу службы добился на этом поприще, быть может, большего, чем те, кто действовал по велению сердца. Царь нанимал и других иностранцев для организации информационного контрнаступления через европейскую прессу и книгопечатание.

Государственная мудрость и духовная стойкость Петра осознаются еще глубже, когда он демонстрирует их в двух абсолютно разных ситуациях. После нарвской катастрофы царь не позволил себе ни на секунду потерять веру в грядущие победы. А после полтавского триумфа он не позволил своей голове закружиться от успеха.

Часть 3
От Полтавы до Ништадта

1710 год

Общие соображения

Прекратить войну не позволяли стратегические, дипломатические и психологические обстоятельства. В восточной части Балтики в шведских руках оставались порты и крепости, угрожавшие безопасности новоприобретенных земель России. Благодаря настойчивости союзников и другим причинам вновь возымели свою юридическую значимость международные обязательства Петра.

Русские историки упрекали царя в том, что поведение этих самых союзников не стало для него уроком и он опять брался за решение чужих проблем. Вопрос действительно можно поставить именно так: с какой стати Петру понадобилось тратить войска, время и деньги на дальние походы с целью добыть ценой русской крови лакомые куски для датского, прусского, польского королей, да так, чтобы еще что-то перепало мелким северогерманским владетелям? Почему бы в наказание за предательскую и обструкционистскую политику союзников не порвать с ними, чтобы действовать самостоятельно? Ведь после Нарвы все неудачи в Северной войне были так или иначе связаны с абсолютной, эгоистичной беспринципностью Дании, Саксонии и Польши, с их двурушническим отношением к Петру, а почти все успехи — со стойкостью и героизмом русских войск. Почему принуждать Швецию к миру нужно непременно через победы в Северной Германии, где у шведов еще достаточно крепкие позиции, а не путем наступательных действий в Финляндии, где противник уязвимее и откуда дорога на Стокгольм короче, чем с юга?

Вместе с тем эти отнюдь не праздные вопросы требуют более широкого взгляда на мотивы действий государя. Как ни парадоксально, но, воюя на территории Дании, Швеции, Финляндии, Померании, Петр в конечном счете решал свои проблемы. Он вынуждал союзников расплачиваться дипломатической поддержкой его притязаний притязаний на сохранение за Россией Прибалтики, Ингрии, части Карелии. Был и другой важный момент. Петр претендовал на совершенно новую, куда более весомую, чем прежде, роль в большой европейской политике, где выстраивались сложные комбинации, прямо или косвенно затрагивавшие русские интересы. Реализовать столь дерзкую претензию, сидя, по примеру своих предшественников, в Москве, было чрезвычайно затруднительно. Сама обстановка требовала военно-политического, дипломатического и личного царского присутствия в центре событий. Так сказать, «заочное» управление войной и политикой могли себе позволить старые монархические дома Европы, издавна являвшиеся органичной частью системы международных

отношений. Петр же был на этом политическом поле новичком, выскочкой, которому приходилось утверждать себя на европейском поприще другими, неординарными методами. Нелишне заметить, что этот новичок быстро научился разбираться в запутанном механизме поддержания равновесия сил, работающем с серьезными сбоями. Петр явно не хотел, чтобы итоги Северной войны привели к такому сбою. Видя, как растут хищнические устремления его союзников, он стремился ограничить их разумными рамками, хотя меру этой разумности царь понимал по-своему, что многим не нравилось. Петр не случайно включил в договор с Августом II слова о том, что *«цель союза — не конечное разорение Швеции, но приведение ее в должные границы и доставление безопасности ее соседям»*. Это служило сигналом для тех, кто вознамерился нарушить балтийское и североевропейское «равновесие» в петровском понимании.

Похоже, именно с такой программой выступал Петр в послеполтавский период Северной войны. Но это большей частью лишь гипотетические предположения, всегда рискованные, когда речь идет о замыслах великой личности. Какими именно были эти замыслы после Полтавы, не вполне ясно. Конечно, скорейшее заключение мира остается приоритетной целью Петра. Но как добиться ее при нежелании Стокгольма идти на переговоры? И какие условия удовлетворят царя после Полтавы? Ограничится ли Петр «дополтавскими» претензиями теперь, когда он разбил в пух и прах слывшую непобедимой армию Карла XII? А если не ограничится, то что потребует сверх прежнего?

Историкам остается лишь гадать. Отсюда разноголосица в их суждениях, которые сами по себе очень любопытны и правдоподобны. К этой проблеме мы еще вернемся.

Восточная Балтика: война, приправленная политикой

Первое, что сделал Петр в 1710 году, — привел к логическому завершению военные операции в восточной части Балтики. В июле русские войска взяли столицу Лифляндии Ригу. Рука об руку с войной шла политика. За жителями Риги и всеми лифляндцами сохранялись их вольности и привилегии, экономические, административные, судебные, конфессиональные, при условии перехода их в подданство его царского величества. Петр решительно отказался от ломки жизненного уклада Прибалтики, осознавая огромное культурное значение этого приобретения для России.

То, что происходило после капитуляции Риги, имело не меньшее стратегическое значение. С февраля по август русским войскам сдались крепости: Выборг, Кексгольм, Эльбинг, Пернау, Аренсбург (главный город острова Эзель), Ревель.

В военных действиях в юго-восточной части Шведской Финляндии, Ингрии, Эстляндии присутствовал и не вполне военный аспект, не всегда благоприятный для России. Значительная часть чухонцев (финнов и латышей) помогала шведам, чиня русским войскам *«пакости и разоренья»*. Петр стремился пресечь вылазки местных «партизан» не только жестокими мерами, но и политикой переселения их в подконтрольные ему районы. К гарнизонам взятых крепостей царь проявлял большее (Кексгольм) или меньшее (Выборг) великодушие, результатом которого стал переход многих шведских солдат и офицеров на службу России.

К жителям новоприобретенных земель Петр обращался с манифестами, обещавшими неприкосновенность собственности, сословных привилегий, свободу верои-

споведания, сохранение немецкого языка в делопроизводстве, безопасность и покровительство, а бунтовщикам — наказание.

Делать приобретения южнее Лифляндии Петр не стал. Всегда лояльную к России Курляндию он по-прежнему предпочитал в качестве доброй соседки, для чего и заключил с молодым герцогом Фридрихом-Вильгельмом договор — брачный по форме (о женитьбе герцога на царской племяннице Анне Иоанновне) и политический по содержанию. Не посягая на суверенитет Курляндии, Петр укрепил там влияние России. Для него было очень важно иметь прочные позиции в государстве, граничившем с Польшей и располагавшем широким выходом в Балтийское море.

Безнарядье в датском королевстве

После Полтавы Петр надеялся, что союзники — Дания и Польша — разделят с ним бремя войны, по крайней мере, согласятся на координацию сухопутных и военно-морских действий с Россией. Но эти надежды не оправдались в той мере, на какую рассчитывал царь.

Дания, как и прежде, просила о присылке денег и русских войск. На весну 1710 года была намечена высадка у Стокгольма русско-датского десанта, но королевские министры потребовали, чтобы Россия оплатила расходы на эту операцию. У Петра появилась еще одна важная причина отговориться: он нес многие расходы на приготовления к защите *«от внезапного нападения от турков»*. К этому был добавлен сердитый довод о том, что пора бы датчанам и самим потратиться на свой флот, ведь *«они были долгое время в покое, а мы в войне»*.

Царский посол В.Л. Долгорукий склонялся к частичному удовлетворению датских домогательств. Однако нужда в субсидиях вскоре отпала. Дания вела войну вяло и бестолково. В феврале 1710 года значительная часть ее армии была разгромлена. Управление сухопутными силами и флотом осуществлялось из рук вон плохо. В Копенгагене в королевской администрации царили интриги, раздоры, взяточничество, некомпетентность. Когда В.Л. Долгорукий пожаловался Фредерику IV на его министров, тот ответил, что видит их никчемность, но других у него нет. Взять дела на себя король тоже не мог, поскольку сам плохо разбирался в военном ремесле. Он был даже не в курсе того, что снаряженный с горем пополам датский флот для охоты за шведскими эскадрами (июль 1710 г.), досрочно вернулся в Копенгаген из-за отсутствия провианта, куда-то исчезнувшего, видимо, не без помощи интендантской службы.

Поскольку в Дании считали, что воевать чужими (русскими) руками сподручнее, в Данциг были направлены транспортные суда для перевозки царских войск, которые Петр отрядил для помощи датчанам в сухопутных операциях на территории Швеции. В результате сильного шторма (начало сентября) корабли потерпели крушение и весь десант погиб. О совместных действиях в ближайшее время нечего было и говорить.

В печальных итогах 1710 года В.Л. Долгорукий обвинил королевский кабинет, погрязший в беспорядке и безделье. Министры отвечали встречными обвинениями в том, что причиной всему — нежелание царя давать субсидии. Русский дипломат сказал, что эти субсидии постигла бы такая же судьба, как и те разворованные 2 млн крон, которые король выделил на вооружение флота.

Внутриправительственный беспорядок еще больше усиливался слухами о скором прекращении Испанской войны, грозившем активным вмешательством Англии и Голландии в датско-шведские отношения с целью принуждения Копенгагена к миру. Лондон и Гаага оказывали сильное давление на датских сановников, обещая им крупные неприятности в случае продолжения войны против Швеции.

Война или мир интересовали продажных датских министров лишь с точки зрения того, какое из этих двух состояний принесет им наибольшую личную выгоду. В королевском кабинете делами заправляли всего четыре министра, любившие деньги (*«бесстыдно к дачам лакомы»*) так же, как и ненавидевшие друг друга. Поэтому В.Л. Долгорукий без смущения советовал Петру скупить их на корню. Своевременные взятки обойдутся Москве дешевле, чем те *«великие дачи»*, которые потребуются для пересмотра уже принятых государственных решений.

Шляхетские претензии к Москве

Куда сложнее обстояли дела в Польше. Хотя союз с Августом II был восстановлен, Речь Посполитая мало чем походила на союзника. До единодушия между королем, склонным, по крайней мере на словах, поддерживать Россию в войне, и сеймом, который даже на словах не хотел обещать этого, было далеко. В шляхетской элите сохранились прошведские настроения. Что касается антирусских настроений, то с этим историческим наследием она не расставалась никогда.

Как известно, после Полтавы Петр послал в Польшу войска, чтобы прогнать оттуда шведский корпус генерала Крассова и самозваного короля Лещинского с его сторонниками. Поляки были не в восторге от присутствия царских полков, которые, надо признать, не слишком церемонились, когда нужны были провиант и фураж. В конце концов, русские солдаты пришли туда не ради себя, и их поведение все же не шло ни в какое сравнение со шведской разнузданностью в отношении польских крестьянских и шляхетских хозяйств. Тем не менее русских солдат католическая часть Польши воспринимала как враждебную силу.

Разбираться во всем этом в Варшаву в начале 1710 года был направлен прежний посол Григорий Федорович Долгорукий (дядя Василия Лукича). Сенаторы встретили его криками возмущения по поводу разорения, которому подвергла поляков русская армия под командованием фельдмаршала Генриха фон Гольца, очень корыстолюбивого и своевольного человека. Он со своими подручными (иностранными офицерами) действовал в Польше как на завоеванной территории, что вызвало *«великие жалобы и слезы»*, по словам Г.Ф. Долгорукого. По мнению посла, именно Гольц и его окружение создавали петровской армии дурную репутацию, хотя, повторим, ее рядовой состав (куда входили и казаки) тоже состоял не из ангелов. Однако тут крайне важно подчеркнуть, что в ответ на «великие жалобы» Петр послал в Польшу специального инспектора генерал-майора Я.В. Полонского с приказанием разыскивать всех мародеров и наказывать их по законам военного времени. Заметим, кстати, что Карл XII палец о палец не ударил, чтобы хотя бы немного урезонить свое войско, вообще не считавшее поляков за людей.

Публично признать злоупотребления Гольца Г.Ф. Долгорукий не мог. Но он настоятельно попросил канцлера Г.И. Головкина принять соответствующие меры. На переговорах с сенаторами посол сосредоточился на их обвинении в незаконном при-

сутствии русских войск на территории Польши, нужда в котором якобы отпала ввиду ухода шведов. Г.Ф. Долгорукий тут же напомнил сейму причину их «ухода»: лишь появление петровской армии заставило генерала Крассова ретироваться из Польши, за что сенаторы должны быть благодарны Его Царскому Величеству. Требование о выводе русских войск Г.Ф. Долгорукий считал недальновидным, поскольку неприятель ушел всего лишь в соседнюю Померанию и в случае возвращения царских сил в Россию мог вернуться. Если весной этого не произойдет, то избыточная их часть (за исключением тех 12 тыс., присутствие которых предусматривалось союзным договором) покинет польскую территорию. Что касается незаконных продовольственных реквизиций, то посол от имени государя обещал, что будет проведено следствие и виновных накажут по всей строгости военного суда.

Но сенаторы не унимались в своих обвинениях, и Август поддерживал их почти открыто.

Не заставили себя ждать и встречные обвинения со стороны Москвы. В письме Августу от 17 февраля 1710 года Петр выразил свое неудовольствие теми помехами, которые поляки чинили русской армии, осаждавшей Эльбинг. И требовал от короля поступать с царскими войсками *«приятельски»*, *«яко с союзничьими»*.

По указанию Г.И. Головкина Г.Ф. Долгорукий поставил вопрос о притеснениях, которым подвергает православных польское католическое духовенство, лишая элементарных возможностей отправлять свою веру. Он потребовал, чтобы статья о свободе вероисповедания была включена в конституцию Речи Посполитой. В ответ прозвучало словесное и маловнятное обещание.

Зато исчерпывающую внятность продемонстрировал сейм, когда речь зашла об условиях, на которых сенаторы согласятся одобрить вступление Речи Посполитой в войну против Швеции. Причем о конкретных военных обязательствах не было сказано ни слова. Вместо этого четко формулировались польские территориальные и иные претензии. Их было много. И не к Швеции, а к России, что позволяет задаться резонным вопросом о реальной, а не декларируемой позиции польской элиты в Северной войне. Свое участие она видела не в действиях против шведов, а в получении трофеев за счет России. Эта паразитарная и очень характерная для шляхты философия нашла отражение в списке ее категоричных требований к Москве. 1) Передача Польше в вечное владение завоеванной Петром Лифляндии (с Ригой), куда сейм уже готов был отправить свои войска. 2) Уступка в пользу Польши города-крепости Эльбинга, тоже взятого царскими полками. 3) Вывод русских войск из Польши и выплата огромной компенсации за их разорительное пребывание там, не говоря уже о субсидиях, обещанных по союзному договору. 4) Включение в состав Речи Посполитой практически всей Правобережной Украины, а также литовских городов Полоцка, Витебска и других. 5) Освобождение взятой в плен шляхты, сражавшейся на стороне шведов. 6) Предоставление католикам полной свободы вероисповедание в России, а папским миссионерам права на свободный проезд в Китай.

О том, что ответила Москва, мы скажем ниже. Здесь же еще раз подчеркнем масштаб этих притязаний и ультимативную форму их предъявления. Если не знать ничего, кроме приведенного документа, то можно подумать, что Россия проиграла полякам войну и вынуждена пожинать плоды поражения. Все это вновь и вновь возвращает нас к теме о крайне противоречивой и болезненной природе русско-польских отношений.

Русско-ганноверская конвенция

Куракин остался в Ганновере, чтобы продолжить работу с *«двором здешним»*. И не прогадал. Весной 1710 года курфюрст согласился заключить с Петром конвенцию, и через некоторое время (3 июля) она была подписана. Самые важные ее положения состояли в следующем. Петр обязался сам и (по смыслу трактата) от имени своих союзников не предпринимать враждебных действий против северогерманских провинций Швеции, одновременно входящих в состав Империи, если только не начнут наступать сами шведы. Царь соглашался на такую сдержанность, особенно в отношении Померании, исключительно из уважения к интересам государств–участников антифранцузской коалиции, которые иначе могут получить *«препятствие»* в войне за испанское наследство. (Имелось в виду, что германские князья могут отозвать свои войска с театра боевых действий для защиты собственных территорий.) В случае же нападения на одну из договаривающихся сторон царь и курфюрст обязались вступить в соглашение, дословно: *«концертовать будут»* (в переводе на современный дипломатический язык это означало «начать консультации») относительно способов оказания друг другу *«крепкого вспоможения»*.

Действие договора было рассчитано на 12 лет. Это было лучше, чем ничего, хотя в трактате трудно найти какие-либо ощутимые выгоды для России. Его формулировки в части, касавшейся обязательств Петра, звучали конкретно. Что до сферы договорной ответственности Георга-Людвига, то она определялась в расплывчатых терминах. Едва ли мы ошибемся, предположив, что курфюрст хотел обменять свое туманное обещание добрых услуг на гарантию ненападения России на принадлежавшие шведской короне северогерманские княжества, не говоря уже о тех, которые ей не принадлежали.

Впрочем, Петр, скорее всего, заключал этот договор с прицелом на *«дальнего вида конъюнктуры»*, то есть на перспективу, учитывая, что курфюрст являлся законным преемником английской королевы Анны. Установление доброжелательных отношений с ним было вполне резонным. Договор, по крайней мере потенциально, создавал предпосылки для ослабления неприязни между Англией и Россией. Да и сам Ганновер теперь, возможно, станет менее враждебным к Москве. Однако утверждение Ф.Ф. Мартенса о том, что союзная конвенция 1710 года *«положила прочное основание дружбе и союзу между Россией и Ганновером»*, представляется явной передержкой. Курфюрст боялся последствий побед русских войск над шведами в Германии и стремился лишь к такой «дружбе» и такому «союзу», которые помогут не допустить вознаграждения Петра за помощь союзникам. Георг-Людвиг в своей внутренней враждебной настроенности к России мало чем отличался от датского и польского королей.

Извинения королевы Анны

С Лондоном, как мы знаем, дела обстояли далеко не лучшим образом. После постыдного инцидента с Матвеевым между Англией и Россией де-факто произошел дипломатический разрыв. Но англичанам все же пришлось вспомнить, что они считают себя цивилизованной нацией, соблюдающей международное право. В начале 1710 года в Москву приехал уже бывавший там чрезвычайный и полномочный посол

Витворт. Он подал царю грамоту королевы Анны, в которой она выражала глубокое сожаление о случившемся и приносила свои личные извинения за оскорбление русского дипломата, столь высоко почитаемого ею. Королева «опустилась» до, пожалуй, беспрецедентного для англичан жеста, прося Петра считать, что перед ним стоит не Витворт, а она сама. Анна сообщала о своем повелении наказать виновных должным образом и обсудить инцидент в парламенте, который отреагировал осуждением злоумышленников и принятием специального закона о подобного рода нарушениях международного права.

В ответ Петр сказал, что такие преступления требуют наижесточайшего приговора. Но раз уж у английского государства не хватает соответствующих полномочий, он готов удовлетвориться извинениями и объяснениями королевы, принимая их *«за знак ее приязни»*.

Весьма примечательно, что Петр именовался в грамоте *«императором»*. Видимо, это была своеобразная моральная компенсация за происшедшее. Канцлер Головкин воспользовался этим и потребовал, чтобы впредь употребление императорского титула стало правилом для английских дипломатических документов. Витворт, в таких обстоятельствах, не посмел возражать. Инцидент был исчерпан, что, однако, не повлияло на общий характер отношений между Лондоном и Москвой.

В Европе такие инциденты иногда приводили к войне. Но Петр, при всем его понимании причин антирусской политики Англии и при всем его человеческом желании дать ей отпор там, где она слаба, считал, что каналы дипломатических связей с ней нужно держать открытыми. Во всяком случае, в рабочем состоянии, которое позволит рано или поздно привлечь ее к посредничеству в шведском вопросе.

Объявленный Англией (наряду с Австрией и Голландией) нейтралитет в отношении Северной войны (Гаагский договор 31 марта 1710 года) мог бы быть в принципе выгоден Петру. *Во-первых*, неизвестно, к кому бы она примкнула. *Во-вторых*, нейтралитет давал возможность добиваться от нее посреднических услуг, надежда на которые не покидала царя, хотя задним числом можно прийти к выводу, что если Англия и собиралась вмешаться, то только не в пользу России. Вероятно, такая логика склонила Петра к решению не возражать против идеи нейтралитета.

Но можно взглянуть на этот нейтралитет иначе, если допустить, что Англия и ее партнеры по «Великому союзу» руководствовались еще одной целью, помимо желания предотвратить расползание Северной войны на всю территорию Империи, грозившее расстроить их планы в отношении Франции. Если такая цель была, то заключалась она лишь в одном — не позволить русской армии окончательно разгромить шведов в Померании, которая входила в состав Империи, а значит, не могла быть ареной боевых действий. В этом случае нейтралитет спасал бы Швецию от разгрома и создавал бы для Петра неблагоприятную переговорную ситуацию. Не случайно Лондонский кабинет глубоко сожалел о категорическом отказе Карла XII соблюдать решение «Великого союза». Как же мы можем, говорили англичане, помочь королю, отвергающему нашу помощь?

При всей нелюбви Лондона к России ему приходилось применять к ней довольно гибкую политику. К прагматизму принуждали два обстоятельства: нерешенный исход войны за испанское наследство и полтавская победа. Под их влиянием Англия всерьез задумалась об использовании русской военной, теперь уже для всех очевидной

силы в борьбе против Франции, то есть в собственных интересах. В 1710 году Петр получил приглашение вступить в «Великий союз» (Англия, Голландия, Австрия и др.) в обмен на английское посредническое содействие в заключении мира со Швецией. Царь, которому было ясно, что смысл этой «доброй услуги» состоял вовсе не в том, чтобы сделать Россию балтийской державой, изъявил согласие принять предложение, если мир со Стокгольмом *«обеспечит безопасность и потребности его государства»*.

В подтверждение желания Петра оставаться в нормальных отношениях с Лондоном в августе 1710 года в Москве были подписаны два выгодных для английских купцов торговых соглашения.

Приоритеты венского двора

После Полтавы, быть может, в большей степени, чем до нее, Петр старался держать свою руку на пульсе всех европейских событий, способных хоть в какой-то мере повлиять на ход Северной войны. Такую державу, как Австрийская империи, он не мог оставить вне пределов своего внимания ни при каких обстоятельствах. Как мы помним, с Леопольдом I у Петра не заладилось сотрудничество с самого начала ни в турецком, ни в балтийском вопросах. Царь так и не простил ему Карловицкого конгресса и отказа помогать России либо заключить мир, либо продолжать войну со Швецией. Помня и о других своих обидах на Австрию, царь оставил за собой такую же свободу действий в отношении Вены, какую Вена позволила себе в отношении России на заключительном этапе войны Священной лиги против турок и позже. Он искал взаимовыгодного партнерства с врагами Австрии — Людовиком XIV и трансильванским князем Ференцем Ракоци (Рагоци, Ракоши), восставшим против императора. Эти поиски, даже если они не были непосредственно направлены против Австрии, негативно сказывались на отношениях между Москвой и Веной.

В мае 1705 года из контекста этих противоречий исчез субъективный раздражитель — умер Леопольд I, которому наследовал его сын Иосиф I, что уже само по себе создавало определенные предпосылки к сближению. Однако оставался ряд крупных препятствий. Устранения одного из них, связанного с царской помощью венгерскому освободительному движению под руководством Ракоци, австрийцы придавали особое значение. Они также старались не допустить какого-либо потепления между Россией и Францией. Возможно, к достижению именно этих целей был направлен проект австро-русского династического союза, составленного неизвестным автором в 1710 году. С.М. Соловьев назвал этот документ *«любопытным»*. Он и в самом деле любопытен с точки зрения тех фантазий, которые иногда приходили в головы тогдашних прожектеров от дипломатии. Как иначе расценить уверенность составителя проекта в том, что австрийский император, если с ним породнится Петр, осыплет русского царя щедрыми благодеяниями: 1) признает равным себе «цесарем»; 2) поможет приобрести *«Греческое государство»* и преодолеть сопротивление англичан и голландцев в решении вопроса; 3) отдаст царю половину Польши; 4) пришлет в Россию мальтийских кавалеров с *«миллионами денег для поселения и строения кораблей»* с целью использования их на Черном море против Турции.

Жизнь покажет, насколько эти грезы далеки от реальности. Знал ли Иосиф I о той роли благодетеля, которую ему отвел автор проекта, или нет, но вскоре это уже не бу-

дет иметь никакого значения, потому что в апреле 1711 года, после недолгих шести лет правления, он скоропостижно умрет от оспы. Если Иосиф I и подумывал об австро-русском союзе, то времени на его подготовку у императора было слишком мало.

Но скорее всего Вена думала о другом. В марте 1710 года она вступила в договор (с Англией и Голландией) о нейтралитете, который с ее стороны был весьма недоброжелательным к Петру, поскольку она обязалась не пропускать русские войска через имперские территории.

После Полтавы сдерживание Петра становится для Иосифа I куда более актуальной проблемой, чем противодействие Швеции. Царь планировал перенести военные действия против шведов на территории, входившие в состав Священной Римской империи. Продвижение русских на запад представлялось Венскому двору крайне нежелательным. Возможные замыслы царя-триумфатора вызывали сильные подозрения.

Противоречивые планы Парижа

В восприятии России Вена сходилась со своим непримиримым противником — Парижем. Однако и Австрия, и Франция испытывали трудности по части практического внедрения этого восприятия в сферу реальной политики. Дело в том, что проводить открыто враждебный курс в отношении державы, которую Европа могла ненавидеть, но без которой уже не могла обойтись, было глупо. Вдобавок Россия имела репутационное превосходство над Францией, которой нечего было противопоставить полтавскому триумфу, кроме своих поражений, в том числе в знаменитой битве при Мальпаке (11 сентября 1709 г.), оказавшейся в символическом и обидном для французов временно́м соседстве с русской победой над Карлом XII.

Франция колебалась между искушением ставить Петру палки в колеса, где только возможно, и желанием привлечь его на свою сторону в борьбе за испанское наследство и в других международных вопросах. У Парижа имелись два рычага давления на Россию — его традиционные союзники Швеция и Турция. В 1710 году Людовик XIV и его окружение решили их активизировать, пользуясь тем, что на севере Европы продолжалась война, а на юге назревала. Это была глубоко противоречивая политика. С одной стороны, Париж, руками своего посла в Стамбуле маркиза Пьера-Пюшо Дезальера, тайно подталкивал султана к разрыву с Россией, с другой — обратился, через третьих лиц, к Петру с просьбой выступить посредником в переговорах между Францией и «Великим союзом» (что само по себе говорило о многом). В голове у де Торси родился еще более умозрительный проект. В докладе королю он писал: *«Царь совершил завоевания, доставившие ему владычество над Балтийским морем. Подобный образ действий и возрастание его могущества делают его грозным для соседей. Кардинал Ришелье отклонил Густава Адольфа от завоевания Ливонии, чтобы сокрушить могущество австрийского дома; было бы весьма важно отклонить царя от завоевания тех же земель для той же цели»*. Де Торси полагал целесообразным отказаться от союза со Швецией, теперь уже бесполезного, и образовать антигабсбургскую лигу из России, Польши, Дании и Бранденбурга.

Неизвестно, насколько эти революционные мысли подействовали на Людовика XIV, но в необходимости активнее использовать Россию в интересах Франции министр его убедил. В Москву был повторно отправлен де Балюз с инструкцией такого

содержания: *«Король рассудил, что для его пользы было бы уместно содействовать взаимному удовлетворению шведского короля и московского царя, стараясь искренно об установлении мира* [...]. *Но прежде чем приступить к сему как посредник, король желает узнать от самого царя, желает ли он этого, как угодно это шведскому королю. Король желает, чтобы г. Балюз старательно поддерживал в царе высказанное им расположение в сильной поддержке Венгерцев против императора. Надо стараться, чтоб это было одним из условий мира* [...] *так что, если он будет заключен, то оба государя обязуются поддерживать свободу Венгрии, а если мир этот не состоится, то чтобы царь один обещал защищать народы, угнетение которых увеличило бы еще могущество австрийского дома, и без того уже опасного»*. Любопытно, что вопрос ставится о защите не только венгерских, но и славянских подданных Империи.

Петр противопоставил французскому макиавеллизму свой собственный. В 1710 году он принял на русскую дипломатическую службу французского полковника де Крока и в июле направил его в Париж. Формально миссия считалась неофициальной, хотя на руках у де Крока была царская грамота к Людовику XIV, фактически являвшаяся верительной. Петр просил короля давать всем словам де Крока полную веру и видеть в нем такого же полномочного представителя, каким был французский посол де Балюз, вновь назначенный чрезвычайным посланником в Россию (июль 1710 г.). Инструкция, данная полковнику, предписывала объявить о готовности Петра услужить, если о том будет *«письменное прошение надлежащее»*, и добавить по секрету, что он поведет посредническое дело так, чтобы Франция не осталась внакладе. Затем де Кроку следовало предложить королю, в порядке взаимности, стать медиатором в русско-шведских мирных переговорах, но при этом инициатива должна официально исходить от Парижа, а реальные итоги посредничества соотноситься с *«нынешним счастием оружия»* России и ее союзников. Де Кроку также предстояло постараться вывести Людовика XIV и его министров из-под влияния шведской партии и создать при французском дворе партию, благонамеренную к России, приводя в качестве довода перспективу получить от дружбы с царем *«вяще польз»*, нежели от дружбы с Карлом XII. Непосредственное упоминание союзников говорило о желании Петра соблюдать и их интересы.

Маркиз де Торси ответил соотечественнику, что, несмотря на неприязненные действия России к Франции, король рад установлению регулярной связи с царем и принимает его предложения, для обсуждения которых в Москву будет вновь послан де Балюз.

Взгляд Петра на концептуальные задачи русской политики в отношении Версальского двора был во многом симметричен взгляду Людовика XIV на Россию. Царь испытывал к Франции глубокие подозрения и именно поэтому предпочитал держать ее в поле своего зрения, чтобы побольше знать о планах державы, игнорировать значение которой в международных делах было бы непростительно с точки зрения формирования собственной внешнеполитической повестки. Французские происки в Турции возмущали Петра до глубины души, но ему приходилось сдерживать себя, делая вид, будто он не прочь их простить и поверить заверениям де Балюза о строгом нейтралитете Франции в вопросах, касающихся русско-турецкого противоборства. Крайне настороженно воспринимал царь и предложение Парижа о перекрестном обмене посредническими услугами ради прекращения Северной и Испанской войн. И имел все

основания. Как свидетельствуют источники, цель французской медиации состояла в том, чтобы втянуть Россию в бесплодные переговоры и дать возможность Карлу XII восстановить военные силы после Полтавы. Чтобы облегчить для шведского короля задачу взятия реванша, Франция одновременно провоцировала Порту к нападению на русскую территорию.

Демарш Гааги и предупреждение Петра

Внешнеполитическая активность Генеральных Штатов в 1710 году была направлена на приведение в действие договора о сохранении нейтралитета германских земель, входящих в Империю. Напомним, что 20(31) марта Лондон, Гаага и Вена подписали документ, запрещавший державам Северного союза и Швеции вести войну на имперских территориях. Россия, Дания, Польша с разной степенью готовности приняли идею нейтралитета. Но он имел смысл лишь при условии обоюдостороннего его соблюдения. Когда Карл XII не захотел даже обсуждать этот вопрос, Россия и ее союзники лишились обещанной им гарантии ненападения на них шведов. Нейтралитет превратился в инструмент защиты интересов Стокгольма.

Тем не менее Голландия взяла на себя инициативу настаивать на том, чтобы Северный союз соблюдал нейтралитет в одностороннем порядке. Особенно Гааге не нравилось поведение Дании, нанимавшей рекрутов в своих собственных германских владениях. Копенгагену было предъявлено категорическое требование отказаться от этой практики, выходившее за рамки изначальных положений о нейтралитете (такого запрещения в тексте договора не было). В противном случае Генеральные Штаты от имени «Великого союза» грозили *«без всякого лицеприятия»* применить силу.

Демарш Гааги вызвал возмущение Петра, усмотревшего в нем попытку оказать на Данию давление с целью принудить ее к сепаратному миру. В декабре 1710 года он посылает Штатам протест, в котором заявляет, что Северный союз соблюдает свое обещание не мешать «Великому союзу» воевать с Францией, а вместо *«воздаяния того нашего доброхотствия»* получает, по сути, удар в спину. На угрозу применения к Дании силы царь отреагировал предупреждением, что, если это случится, он не будет стоять в стороне, *«ибо никогда его королевского величества датского не можем ни в чем оставить»*.

1711 год

Прутская история

Печально памятному для Петра 1711 году предшествовали события, на которых следует задержать внимание читателя.

Внутриполитическая обстановка в Турции и международная ситуация после подписания Константинопольского мира 1700 года, как уже отмечалось, заставляли сом-

неваться в том, что этот документ сохранит свою силу в течение 30 лет, на которые он был рассчитан. Накануне Полтавы крымские мурзы вновь прислали в Порту грамоту (*«за многими печатями»*), где говорилось о подготовке царем морского похода в Крым и о срочной необходимости соединения татар со шведами и поляками для войны против России. Великими трудами и взятками Толстому тогда удалось удержать турецкое правительство от положительного ответа на крымскую просьбу.

Полтавский триумф Петра сильно встревожил Порту, которая теперь стала прислушиваться к паническим призывам вооружиться против московитов, пока они не двинулись дальше на юг.

Появилась еще одна серьезная проблема. После Полтавы Карл и Мазепа бежали в Турцию. В письмах к Ахмеду III Петр просил о немедленной их выдаче ради *«святопоставленного покою между обоими нами»*, установившегося после Константинопольского договора. И обещал не остаться в долгу за эту услугу. Порта долгое время уклонялась от обсуждения этого вопроса, но в частных беседах с Толстым великий визирь Юсуф-паша говорил, что султан ни при каких обстоятельствах не сможет позволить себе принять требование России, поскольку это будет ударом по его престижу и нарушением закона гостеприимства. Визирь предъявил послу упрек в том, что русские войска, преследуя Карла XII, зашли на османскую территорию.

Порта опасалась, что ее отказ даст Петру повод к разрыву отношений. Поэтому в ноябре 1709 года она подтвердила условия Константинопольского договора. Но одновременно стала спешно подтягивать войска к русским границам. Объявление своего решения по вопросу о выдаче шведского короля султан затягивал, чтобы успеть хорошо подготовиться к войне. Преждевременно обнародованный отказ мог спровоцировать Петра на упреждающий удар. Подкупленные Толстым османские сановники втайне сообщали ему о возможных сроках начала войны — весна 1710 года. Многие торопили султана воспользоваться моментом, пока Речь Посполитая не заключила с Россией союз. На эту информацию денег у Толстого хватило. Что касается покупки согласия великого визиря и других склонить падишаха к выдаче Карла XII, то они решительно отказывались, убеждая посла в принципиальной невозможности осуществить это за какое бы то ни было количество золотых червонцев и соболиных мехов.

Не исключено, что дополнительную решимость начать войну придало султану письмо Карла, в котором говорилось: *«Обращаем внимание вашего императорского высочества на то, что если дать царю вовремя воспользоваться выгодами, полученными от нашего несчастия, то он вдруг бросится на одну из ваших провинций, как бросился на Швецию со своим коварным союзником, бросился среди мира, без малейшего объявления войны. Крепости, построенные им на Дону и на Азовском море, его флот обличают ясно вредные замыслы против вашей империи. При таком состоянии дел, чтоб отвратить опасность, грозящую Порте, самое спасительное средство — это союз между Турцией и Швецией; в сопровождении вашей храброй конницы я возвращусь в Польшу, подкреплю оставшееся там мое войско и снова внесу оружие в сердце Московии, чтоб положить предел честолюбию и властолюбию царя»*.

В Турции Карл устроился вполне комфортно. Он расположился в деревне Варница (под Бендерами) со своими приближенными — канцлером Мюллерном, секретарями Клинковстремом и Нейгербауером, генералами Шпаром и Лагеркроном, польским генералом Понятовским. Был с ним и Мазепа до своей смерти (сентябрь

1709 г.). Порта предоставила королю почетную охрану из 500 янычар и обеспечила ежедневным продовольствием на 500 талеров. Нехватку денег восполнила доставшаяся Карлу в наследство казна Мазепы (80 тыс. дукатов) и щедрая помощь английских банкиров.

Король был полон энергии и надежд. Он развил бурную деятельность, которую можно было бы назвать дипломатической, если бы она не являлась грубейшим вмешательством в турецкие внутриполитические дела. Поскольку султан уходил от прямого ответа на призыв к союзу, Карл усилил давление и стал совершенно бесцеремонным. В послании к султану он объявил великого визиря Али-пашу (лишь недавно занявшего эту должность) изменником, купленным Россией, и фактически потребовал его низложения. Штаб короля установил связи с противниками визиря и добился своего: Али-паша был сослан. На его место султан назначил Нуумана Кёпрюлю (или Кёприли, июнь 1710 г.). Но и тот вскоре стал жертвой интриг Карла.

Новый визирь Балтаджи Мехмет-паша (с августа 1710 г.), во второй раз занявший эту должность, получил от своих предшественников тяжелое наследство в виде вопроса — что делать со шведским королем, который стал действовать Порте на нервы, ведя себя далеко не как благодарный гость. Султан хотел поскорее избавиться от Карла и тем самым хотя бы создать видимость, будто это делается в угоду Петру. Однако ни о какой выдаче короля русским не было и речи. Проблема заключалась в том, чтобы доставить его на территорию Швеции живым и невредимым. Порта была заинтересована в таком исходе и по моральным, и по практическим причинам. Она желала принудить Петра к войне на два фронта, что стало бы возможным, когда Карл вновь встанет во главе шведской армии.

Именно такой войны опасался Петр. Но если до Полтавы царь делал все, чтобы сохранить с Портой мир, то теперь мир представлялся ему не столь уж однозначной ценностью.

В русско-турецких отношениях вопрос о пребывании Карла XII в Бендерах стал выходить на первый план. Когда в выдаче короля Петру было отказано, он написал Ахмеду III новое письмо (от 17 июля 1710 г.), в котором говорилось уже не о выдаче, а о выдворении шведского гостя с территории Турции. Накануне султан принял решение о выделении охранного конвоя из 500 янычар для обеспечения безопасного возвращения Карла в Швецию через украинские и польские земли, контролируемые русскими войсками. Хотя Петр пообещал из уважения к султану гарантировать неприкосновенность короля, это решение было отменено. Царь выразил султану свое недовольство не только тем, что *«наш злейший неприятель»* не выслан из Бендер, но и всем происходящим на северных границах Османской империи. Царь сообщал, что ему известно о совещаниях, проводимых между крымским ханом и Юсуп-пашой силистрийским, с одной стороны, и Карлом XII — с другой; о появляющихся в результате разглашениях, *«будто ваше салтаново величество* [...] *войну против нашего царского величества начать намерен»*; об открыто враждебных к России действиях крымского хана, подстрекающего казаков Мазепы и Некрасова к нападениям и грабежам на русских территориях, которые совершаются совместно с татарами. Петр не скрыл возмущения официальным требованием великого визиря к России о выводе ее армии из Польши, а также его заявлением о разработке нового плана переправки Карла в Швецию, теперь уже в сопровождении сорокатысячного отряда. Поскольку

речь шла далеко не об эскорте, а о настоящей войсковой операции, Петр предупредил султана, что если такое случится, то *«за явный разрыв мира принято будет»*.

Царь закончил свое послание на примирительной ноте. Он призвал не поддаваться на уловку Карла, который хочет спровоцировать русско-турецкую войну, иначе он не настаивал бы на своем возвращении через Польшу, а воспользовался бы имеющимися *«свободными путями»*: морем или через Венгрию и Австрию. В знак нежелания ссориться с Портой Петр даже соглашался на компромиссный вариант: если турки предоставят королю конвой, не превышающий 3 тыс. воинов, то русская армия обеспечит им беспрепятственный проход через всю Польшу до Померании или до того места, которое выберет сам Карл.

Конкретного ответа на предложение Петра не последовало. Впрочем, последовало то, что тоже можно считать ответом. Из турецкой казны шведскому королю было выдано *«великое число денег»*, а на границах с Россией продолжились *«всякие воинские предуготовления»*, сопровождавшиеся татарско-казачьими грабительскими набегами на русские поселения. В грамоте к Ахмеду III от 18 октября 1710 года Петр посетовал, что, несмотря на словесные обещания султана сохранять мир, никакого *«показательства всякого образа приязни»* с его стороны не видно. Более того, в отношении России *«произошли многие противности»*, способствующие *«разрушению святого покоя»*. Вновь обращаясь к падишаху с прежним предложением, царь спросил, согласен ли он во имя сохранения мира дать *«немедленный письменный ответ, дабы мы по тому могли поступать, ибо в такой недостоверности далее быть не можем»*.

Турция явно, если не демонстративно готовилась к войне, давая царю повод к жесткому выяснению с ней отношений, которые, несмотря на Константинопольский договор, оставались в состоянии крайней неопределенности, порождавшей постоянное напряжение на грани разрыва. Рано или поздно он должен был произойти. Так пусть, думал царь, это случится сейчас, когда русская армия обрела небывалую силу и авторитет и пока на севере затишье. Вероятно, не без влияния подобной логики Петр в октябре 1710 года потребовал от Порты окончательного ответа — намерена ли она избавиться от шведского короля в соответствии с условиями существующего между двумя государствами мирного договора? В случае отказа царь обещал прибегнуть к оружию.

Похоже, турки с нетерпеливым возбуждением ждали этого ультиматума, чтобы ответить на него объявлением войны. Решение о ней было принято 29 ноября на заседании дивана. Русского посла Толстого заточили в Семибашенный замок. Военную кампанию назначили на весну 1711 года.

* * *

Проблема происхождения войны 1711 года выходит далеко за рамки предложенного нами краткого объяснения. Горючий материал долго накапливался по обе стороны русско-турецкой границы. Этот процесс носил не только материальный характер. Он происходил и в сознании Петра, где сомнение боролось с искушением. Томили ли душу царя тяжелые предчувствия? Если да, как предполагал С.М. Соловьев, то можно дать воображению еще бóльшую свободу и допустить, что эти предчувствия были подавлены послеполтавской не то чтоб эйфорией, а скорее возросшей уверенностью в себе, которая подпитывалась петровским окружением. То, что было недоделано на юге в 90-е годы XVII века, хотелось наверстать теперь.

Это решение кажется безрассудным, лишь когда знаешь, к чему оно привело. Но в момент его принятия все выглядело иначе. Порта была настроена самым решительным образом, и не ответить на это настроение значило показать слабость. Где бы Петр ни находился, какие бы задачи ни решал в первостепенном порядке, Азов и Приазовье не выходили у него из головы. Список его соответствующих распоряжений был внушителен. Он касался починки и строительства кораблей, дноуглубительных работ в азовских гаванях, снабжения и вооружения крепостных гарнизонов, наблюдения за деятельностью турецких шпионов и т.д.

Война явилась результатом обоюдного вызова. У каждой стороны имелись резоны не уклоняться от нее и большие надежды. Порта вдохновлялась могучим подъемом янычарского духа и стремлением к реваншу. А Петр — верой в помощь всего угнетенного христианского мира и в возможность добиться крупного успеха в решении проблемы, которая позже получит название «восточный вопрос». Поразительно, но даже в послании к Ахмеду III от 22 июня 1709 года, имевшем целью умиротворить Порту и отвести угрозу русско-турецкой войны, Петр умудряется совершенно некстати попросить султана вернуть его православным подданным «святые места». Не обошлось без мистики. Появились всякого рода прорицания о падении Царьграда, о разорванном *«магометовом знамени»* и т.д. Государь прислушивался к этим пророчествам, но повлияли на него другие факторы.

Среди них важную роль сыграли обращенные к Петру давние призывы османских христиан освободить их от *«тиранства поганского»*. С весны 1710 года они стали особенно настойчивыми и раздавались с Балкан, из внутренних районов Турции, отовсюду. Светская и духовная элита Молдавии и Валахии торопила царя прийти с войском на Дунай, обещая восстание христианских народов по всей Османской империи. Иначе турки предпримут жестокие упреждающие меры, и тогда некому будет присоединяться к русской армии.

Порта избавила Петра от колебаний, если они еще оставались. В ноябре 1710 года султан объявил России войну и приказал крымскому хану Девлет-Гирею II, давно мечтавшему о походе на север, готовить войска (более 80 тыс. воинов) к наступлению на Правобережную и Левобережную Украину. Достоверно установить планы Порты сложно. Вряд ли они существовали в виде продуманной стратегии дальнего прицела. Все, вероятно, зависело от конъюнктуры войны. П.А. Толстой, пытаясь найти ответ на вопрос о подлинных намерениях Стамбула, предположил, что они вписываются в обширные замыслы негласной коалиции между Османской империей, Францией, Швецией и трансильванским князем Ференцем Ракоци, который, по некоторым данным, вел хитроумную игру одновременно с Россией и ее противниками — шведами и турками. Приведя к власти в Польше Станислава Лещинского и присоединив ее к себе, этот союз всей своей мощью обрушится на Россию (употреблена фраза *«Российская империя»*), чтобы произвести ее *«разделение и всеконечное порабощение»*. В пользу этого предположения, по мысли П.А. Толстого, говорило заявление Порты, что она будет считать своим врагом всякого, кто выступит не только против нее, но и против Швеции и ее союзников.

Посол считал необходимым упредить такое развитие событий путем вступления России в «Великий союз» и массированной атаки на шведов по всей территории Германии, где наличествуют их войска. Но он не исключал и другого варианта: если

шведам удастся вновь посадить на польский престол Лещинского и заключить союз с Польшей, они могут принудить Россию к ущербному для нее миру, а потом вместе с французами и турками ударить по Австрии. Примечательно, что П.А. Толстой не берет на себя смелость высказываться о перспективах собственно русско-турецкой войны.

6 января 1711 года Петр писал Ахмеду III, что он, хотя уже и знает об аресте своего посла и о мобилизации османской армии, в последний раз предлагает сохранить мир. Сделать это пока еще не поздно, если Порта откажется от своего провокационного плана препровождения Карла XII домой с сорокатысячным эскортом. Отсутствие ответа или нарочитое промедление с ним вынудят Россию *«сие принять за явственный разрыв мира»*.

Поначалу не было определенности и в стратегических планах Петра. 14 января, перед отъездом из Петербурга, он собрал совет, где были высказаны мнения о том, как вести войну. Одни предлагали идти на Крым, другие — захватить неприятельские крепости в низовьях Днепра и по Днестру. Но Петр предпочел поход на Дунай.

Турция и Россия готовились к войне и на дипломатическом фронте. Порта, опасаясь реставрации Священной лиги, направила в Вену (март 1711 г.) специальное посольство с клятвенными заверениями, что она воюет только с Россией и никогда не нарушит Карловицкий турецко-австрийский мирный договор 1699 года.

Австрию это обещание вполне удовлетворило. Ей, по горло занятой войной против Франции, связываться еще и с турками было ни к чему, и поэтому когда русский резидент в Вене И.-Х. Урбих предложил императору оборонительно-наступательный союз, то получил отказ.

Еще меньше разрыв с Портой устраивал другого бывшего члена Священной лиги — Венецию, которую тот же Урбих тщетно попытался склонить к объединению с Россией. Венецианский дож Джиованни Корнелио боялся потерять Морею, если вспыхнет новая война с Турцией. Поскольку русская дипломатия была не настолько наивна, чтобы рассчитывать на договор со Светлейшей Республикой, можно предположить, вслед за Б.И. Куракиным и А.А. Матвеевым, что истинная и тщательно скрываемая цель визита Урбиха в Венецию состояла в получении нескольких портов на Средиземном море для базирования русских кораблей. Не означает ли это, что Петр замышлял включить в свою стратегию войны удар по османскому флоту?

Надеясь, что сильным подспорьем против Турции послужит массовый подъем христианского населения империи, царь обратился к нему с призывными манифестами и специальным договором взял под свое покровительство молдавского господаря Дмитрия Кантемира. В манифестах проводилась мысль, что война имеет целью не только дать отпор наступающему неприятелю, но и освободить христиан *«из-под ига варварского»*.

Дипломатические усилия Петра предполагали поиск не только военных союзников, но и путей прекращения войны, когда она была лишь объявлена. Царь все же до последнего момента не хотел очертя голову бросаться в омут войны на два фронта. Возможно, поэтому он ухватился за дошедшую до него информацию о том, что английский и голландский послы в Стамбуле сообщили своим правительствам, будто султан жалеет о разрыве с Россией и хочет восстановить мир. Петр предложил Гааге и Лондону *«потрудиться ту войну прекратить»*. Вместо этого Генеральные Штаты

и Англия принялись отговаривать Вену от заключения антиосманского союза с Россией, тем самым развязывая Порте руки.

Англичане и голландцы стали вольными или невольными помощниками султана благодаря еще одному обстоятельству. Они так и не создали международного корпуса, предусмотренного актом о нейтралитете Империи, для сдерживания шведских войск в Померании. Вследствие этого Петр лишился возможности снять значительную часть своих сил с северного направления и перебросить их на юг.

Войны на два фронта царь хотел избежать еще одним способом. В начале 1711 года он попросил морские державы о содействии в подписании русско-шведского мира, ради чего ему пришлось изложить свои условия. Петр потребовал Ингрию, Карелию, Эстляндию, часть Финляндии, Нарву, Ревель, Выборг. Взамен он обещал присоединиться к «Великому союзу» и, по окончании войны с турками, выступить с 30-тысячным войском против французов. Предложение было отвергнуто: Россию теперь боялись больше, чем Францию и Турцию.

Петр I и Ахмед III сочли важным подробнейшим образом представить своим народам причины войны. 25 февраля 1711 года в Успенском соборе в присутствии Петра и при огромном стечении народа был зачитан Манифест об объявлении войны против *«врагов имени Христова»* с обстоятельным изложением истории русско-турецких ссор, инициатором которых, естественно, являлась агарянская сторона, и попыток их разрешения, предпринимавшихся исключительно царем. Манифест был напечатан на шести языках (русском, польском, французском, немецком, латинском, турецком) тиражом 2400 экземпляров и разослан по российским городам и иностранным государствам.

Порте тоже не пришлось долго искать «духовную» и материальную мотивировку для разрыва с Россией — защита магометова знамени от «проклятых гяуров», чей *«царь-злодей» «всегда против миру действовал»*, нарушая договоры. За этим утверждением шло длинное перечисление таких нарушений, терпеть которые дальше уже невозможно. Султан объявлял, что он начинает войну, чтобы *«предварить нападение на наше государство»* и для *«отмщения убытков»*, причиненных туркам царскими войсками.

Конечно, глубинную основу войны составляли причины, обусловленные столкновением реальных геополитических интересов. Но обе стороны старались облечь ее в форму «священной», чтобы объединить вокруг идеи как можно больше разнородных социальных сил.

Петр тоже намеревался действовать наступательно. Он планировал прибегнуть к отвлекающим операциям в Крыму и на Кубани, а главный удар нанести в Молдавии и Валахии. В конце мая русская армия во главе с Шереметевым отправилась в дунайский поход, который Петр пророчески назвал *«безвестным и токмо единому богу сведомым путем»*. В начале июня фельдмаршал был уже в Яссах. На этом успешная часть предприятий закончилась.

Впрочем, уже и тогда возникли серьезные проблемы. По разным причинам подробные распоряжения Петра о заблаговременной подготовке продовольственных магазинов не были выполнены, что нарушило весь план кампании. Войска испытывали острую нехватку провианта. От Днестра до Ясс шли по пустой, знойной, безводной степи. Шли медленно и потеряли много времени. Вдобавок Шереметев выбрал не прямой, а *«кривой»* (определение Петра) путь к Дунаю. В результате османской

армии удалось пересечь этот стратегически важный водный рубеж с юга, прежде чем русская армия успела подойти к нему с севера.

Петр приехал к войскам в конце июня и обнаружил удручающую картину. Продовольствие и фураж были на исходе, а взять неоткуда. Ни малейшего намека на всеобщее народное восстание против турок. Кроме черногорцев, находившихся далеко от места действия, никто не шевельнулся. Знать Дунайских княжеств вместе со своими господарями не желала рисковать. Они умели находить общий язык с Портой и не были готовы к радикальным политическим переменам, тем более в обстановке безвестности. Петр такого не ожидал. Вероятно, не ожидал он и того, что против его 40-тысячного войска будет наступать, причем с разных сторон, почти 200-тысячная османская армия (включая 70 тыс. крымских татар).

Имея мало шансов справиться с такой массой в условиях полного отсутствия поддержки, на которую он надеялся, Петр приказал отступать. 7 июля турки атаковали русские войска, но после жестокой схватки вынуждены были отойти на исходные позиции. Между тем подтянулись основные силы противника, и петровская армия попала в окружение. 9 июля около местечка Новое Станелище (Станелишты) на берегу реки Прут произошло главное сражение, длившееся целый день и часть ночи. Петровские полки дрались мужественно и отчаянно. Турки наседали волна за волной, однако были отбиты, потеряв 7–8 тыс. убитыми, почти втрое больше, чем русские (источники дают разные цифры). Это произвело на янычар столь сильное впечатление, что они отказались продолжать наступление и потребовали от командующего (великого визиря Балтаджи Мехмет-паши) скорейшего прекращения войны. Османские военачальники не сомневались в том, что победа, если они решатся на продолжение сражения, достанется им дорого, слишком дорого, чтобы добиваться ее такой ценой.

Петр, видимо, об этом не знал и считал свое положение катастрофическим: закончились боеприпасы и провиант, со всех сторон его окружали вражеские войска. У царя явно сдали нервы. Не имея представления о психологическом состоянии противника и жаждая предотвратить самое худшее, он послал к визирю парламентера с предложением мира. Ответа не последовало. Мехмет-паша не возражал против переговоров, но хотел потянуть время, чтобы заранее получить моральное преимущество. В тот же день (10 июля) Петр послал второе письмо, где говорилось, что в случае отказа от его предложения он готов к большому кровопролитию. Визирь тут же отозвался согласием на переговоры и просил прислать *«знатного человека»* со всеми дипломатическими полномочиями.

Петр настолько отчаянно торопился выбраться из ситуации, воспринимавшейся им как ловушка, что даже не стал дожидаться исхода дня (10 июля) и отправил в турецкий лагерь вице-канцлера П.П. Шафирова с помощниками. В инструкции, данные царскому послу, верится с трудом. Тем не менее вот они: *«1) Туркам все городы, завоеванные отдать, а построенные на их землях разорить, а буде заупрямятся, позволить отдать. 2) Буде же о шведах станут говорить, чтобы отдать все завоеванное, и в том говорить отданием лифляндов, а буде на одном на том не могут довольствоваться, то и прочие по малу уступать, кроме Ингрии, за которую, буде так не захочет уступить, то отдать Псков, буде же того мало, то отдать и иные провинции, а буде возможно, то лучше б не именовать, но на волю салтанскую положить. 3) О Лещинском, буде станут говорить, позволить на то. 4) Впрочем, что возможно, салтана всячески*

удовольствовать, чтоб для того за шведа не зело старался». Шафирову предписывалось обещать визирю 150 тыс. рублей, а его военачальникам и канцелярскому штату — сумму, превышающую 80 тыс.

Не надо глубоко вчитываться в текст наказа Шафирову, чтобы понять, что Петр готов был признать свое полное поражение сразу в двух войнах (Северной и Южной) и не только вернуть завоеванное у турок и шведов, но и уступить исконные русские земли на западной границе. Устремлением высшего, экзистенциального порядка для него стало лишь одно — поскорее вырваться из этого казавшегося ему смертельным капкана. Другое дело — собирался ли Петр выполнять свои обещания.

На счастье царя, воображения визиря не хватило на то, чтобы предположить в предложениях Петра такую меру невероятия. Стоит ли говорить, что в противном случае османские требования были бы сообразованы с этой безумной «щедростью» русского государя.

Петру повезло еще в одном. Переговоры вел блистательный дипломат, прекрасно разбиравшийся в человеческой психологии, владевший тонкими приемами убеждения и обольщения. Впрочем, тут замешано не только везение, но и закономерность. Шафиров не был случайным самородком. Он являл собой продукт той колоссальной работы, которую вел Петр, свивая гнездо для своих одаренных птенцов. Разумеется, это нисколько не умаляет личных заслуг вице-канцлера, которого один современник назвал человеком *«великого быстроумия и глубокого искусства»*.

Скорее всего мы не преувеличим, предположив, что Шафирова ошарашили предписания Петра. И чем сильнее было это чувство, тем изощреннее становилась его переговорная стратегия. Оказавшись перед визирем, он быстро сообразил, что, предлагая мир, следует дождаться, когда турки сами сформулируют свои требования. Шафиров не подумал даже намеком давать понять о той невыносимой для него черте дипломатического отступления, которую обозначил царь. Однако турки тоже ходили вокруг да около, считая, что, затягивая время, они больше выторгуют у русских. Шафиров сообщил об этом Петру, который в ответ потребовал от своего посла срочного заключения мира на любых условиях и разрешил ему ради скорейшего вывода окруженных войск за Прут открыться перед турками: *«ставь с ними на все, чего похотят»*. Но Шафиров не выполнил приказа и стал *«все чинить по своему рассуждению»*. А «рассуждение» его было таким: ни в коем случае не заикаться о северных делах и не мытьем, так катаньем вынудить визиря предъявить свои условия. И Шафиров этого добился. 11 июля он привез к Петру следующие требования: 1) Вернуть туркам Азов в том виде, в каком он был взят. Срыть крепости Таганрог, Каменный Затон и Новобогорицкую в устье Самары. 2) Не вмешиваться в польские и казачьи дела. 3) Отозвать царского посла из Стамбула при сохранении лишь торговых отношений между государствами. 4) Гарантировать Карлу XII безопасное возвращение в Швецию. 5) Шафиров и сын Шереметева Михаил Борисович остаются в Турции в качестве заложников.

На этих условиях Порта соглашалась позволить русским войскам беспрепятственно отступить в свои земли.

12 июля мирный договор был подписан, и царская армия тотчас двинулась на север. Это был наилучший исход из возможных. И совершенно неожиданный, если не назвать его невероятным. Это было почти чудо. Один из иностранных участников прутского похода вспоминал: *«Если бы поутру 12 числа кто-нибудь сказал, что мир*

будет заключен на таких условиях, то все сочли бы его сумасшедшим. Когда отправился трубач к визирю с первым предложением, то фельдмаршал Шереметев сказал нам, что тот, кто присоветовал царскому величеству сделать этот шаг, должен считаться самым бессмысленным человеком в целом свете, но если великий визирь примет предложение, то он, фельдмаршал, отдаст ему преимущество в бессмыслии».

Отдал визирю это преимущество не только Шереметев. Когда Карл XII узнал о договоре, он впал в гневную истерику и накинулся на Мехмет-пашу за то, что тот позволил оставить себя в дураках, имея на руках такие карты.

Петру нежданное-негаданное спасение доставило лишь мимолетную радость. Для большего он не имел оснований. Многолетние мучительные, жертвенные труды народа пошли прахом в один день из-за царской ошибки. Потеряны Азовское море и азовский флот. Карл XII получил возможность вернуться к своей армии и продолжить войну с новой силой. Жестокий урок преподали Петру не шведы, а турки.

Государь хотел поскорее перевернуть бесславную страницу своей истории. Близкие соратники старались помочь, утешить, вдохновить. И делали это не столько из царедворческой угодливости, сколько с твердой верой в Петра и в будущее. Счастье, что царь жив, писал Меншиков. А возвращение потерь — лишь вопрос времени.

Конечно, Петр был благодарен за такие слова, но утешение искал он не в них. Как и после Нарвы, его переполняла решимость взяться за дело. Петр, хоть и крайне дорогой ценой, развязал себе руки для продолжения военных действий на севере, чтобы принудить шведов к миру, пока идет Испанская война, завершение которой может в корне изменить европейскую обстановку. Одну часть войск он отправил к Риге, другую — в Польшу для предотвращения вылазок приверженцев Станислава Лещинского и подготовки новой кампании в Померании, намеченной на 1712 год.

Вырвавшись из прутской ловушки, Петр и не думал выполнять условие о невмешательстве в польские дела. Более того, он заявил, что Азов и другие крепости не будут срыты, пока Порта не выпроводит Карла XII. Перед царем стоял вопрос — в каком месте своего дальнейшего пребывания шведский король представит наибольшую опасность для России. В Турции, где он может подбить султана на новую войну во исправление прутского дипломатического просчета? В Польше, где его появление грозит вызвать подъем антирусских сил? Или в Швеции, армия которой ждет своего выдающегося полководца? Петр сделал выбор в пользу Турции, полагая, что Карлу в конце концов удастся спровоцировать возобновление русско-турецкой войны, которая парализует все северные планы царя и, возможно, приведет к еще более серьезным потерям на юге. Поэтому он потребовал немедленной высылки короля в обмен на выполнение обещания срыть азовские крепости.

Такая позиция создавала огромные проблемы для Шафирова, который вел переговоры о сроках реализации Прутского мира и о других важных «частностях». Положение заложника ограничивало его возможности давить на турок. Под нарастающим давлением оказался он сам. Мехмет-паша категорически отверг требование Петра выслать Карла XII в обмен на выполнение самого главного пункта Прутского договора — о возвращении Азова. Отрицая всякую связь между этими вопросами, визирь дал понять, что шведский король останется в гостях столько, сколько пожелает. (При этом, правда, Мехмет-паша признавался, что Карл ему изрядно надоел своими бесцеремонными советами и требованиями.) А когда надумает покинуть Турцию, ему будет обеспечен без-

опасный путь туда, куда он захочет. Узнав о движении царских войск в Польшу, Мехмет-паша выразил свое возмущение нарушением условий мира и прозрачно намекнул на перспективу новой войны, если Петр продолжит вмешательство в польские дела. Острый спор между визирем и Шафировым возник по вопросу о сроках передачи Азова туркам и срытия других крепостей. Первоначально предложенные вице-канцлером три месяца пришлось сократить до двух, на что Порта согласилась с большим трудом, ибо настаивала на незамедлительном выполнении этого условия.

Не имея оснований отрицать появление русских войск в Польше, Шафиров старался убедить Мехмет-пашу, что для Турции не будет никакой пользы, если шведы, опираясь на Лещинского, вернут свою власть над поляками. И кроме того, говорил он, речь идет лишь о присутствии немногочисленной царской гвардии для предотвращения интриг шведского ставленника. Визирь продолжал упорствовать.

Шафиров писал Петру об отчаянном положении русских заложников, которое становилось все хуже, и о реальной опасности *«разрыва мира»*. Османская армия не вернулась в Стамбул, а расположилась около Адрианополя в ожидании приказа к наступлению. В новой войне Порта удвоит свои силы, а шансов на помощь османских христиан, как показал опыт, нет никаких. В случае разрыва русских заложников (Шафирова и других) ждет смерть.

Петр всего этого как будто не слышит. Он упрекает вице-канцлера за дачу письменного обязательства о двухмесячном сроке, поскольку в такое короткое время невозможно выполнить технические работы. Царь велел передать Порте, что Азов не будет возвращен, а другие крепости «разорены», пока шведский король не покинет Турцию. Шафирова он подбадривал призывами ничего не бояться: турки не посмеют казнить заложников.

В отчаянии был и Мехмет-паша. Переговоры зашли в тупик, и формально часть вины за это ложилась на него как на человека, не способного принудить русских к выполнению условий мира. Того «ущербного» для турок мира, который визирь якобы поспешно и необдуманно заключил на Пруте и который многие в Стамбуле не могли ему простить. Великий визирь совсем растерялся, когда Петр написал ему письмо, в котором намекнул, что Россия возобновления войны не боится.

Несмотря не всю жесткость дипломатического диалога, часто выходившего за рамки жанра, Мехмет-паша и Шафиров в каком-то смысле являлись союзниками. Визирь был бы рад выпроводить опостылевшего ему Карла и тем самым ускорить возвращение Азова. Но от него далеко не все зависело. Вопрос о высылке короля больно затрагивал чувствительную сферу османского престижа, нанести ущерб которому, тем более по требованию проигравшего войну Петра, Порта не могла. Мехмет-паша хотел каким-то образом склонить султана Ахмеда III к расставанию с Карлом под благовидным предлогом. И он просил помощи у Шафирова. Личные отношения между ними были достаточно доверительными, чтобы визирь рискнул тайно предложить Шафирову пойти на подлог, сочинив легенду о том, что русские перехватили письма Карла к казакам, где он обещает им разрушить Прутский мир так же, как он разрушил Константинопольский мир 1700 года. И кроме того, свергнуть нынешнего визиря, как он сверг Али-пашу. Очевидно, цель подтасовки заключалась в том, чтобы дать султану доказательство переходящего все пределы вмешательства короля в домашние дела Турции и тем самым — основание для высылки зарвавшегося гостя.

Ничего из этого не вышло. Карл успешно продолжал свои интриги. В начале ноября Мехмет-паша был смещен и отправлен в ссылку. Расплата за его прутский просчет все же состоялась. И, видимо, не без внушений шведского короля. Новым визирем стал командир янычар Гюрджю Юсуф-паша, от которого султан ждал ужесточения османской позиции на переговорах с Шафировым, продолжавшим стоять на своем в вопросе об экстрадиции Карла.

Двухмесячный срок, установленный для выполнения главного пункта Прутского договора, истекал, а Петр по-прежнему отказывался отдавать Азов. В конце декабря 1711 года Порта заявила, что весной следующего года начнет войну, и султан на этот раз намерен лично возглавить армию. Однако еще есть возможность сохранить мир, если Петр выполнит следующие требования: 1) Полностью вывести русские войска из Польши и отказаться от любого вмешательства в польские дела, даже в виде переписки с Варшавой, не говоря уже о союзных отношениях; соблюдать это условие, даже если туда вернутся шведы. 2) Не препятствовать свободному проезду через польскую территорию шведского короля, когда бы он ни соизволил покинуть Турцию. 3) Украину отдать *«в протекцию Порте»*. 4) Немедленно вернуть Азов и разорить Таганрог.

С турецкой стороны этот суровый ультиматум выглядел как исправление дипломатических ошибок Мехмет-паши, допущенных в прутских переговорах. Блефовала Порта или нет, но Шафиров призвал Петра *«с поспешностью готовиться всеми силами к войне и войска все совокуплять»*.

Петр, кажется, до последнего момента надеялся на высылку Карла. Понимая, что в этом случае отговорок у Москвы больше не останется, он приказал адмиралу Ф.М. Апраксину готовиться к выполнению главного пункта (Азов, Таганрог). Давая это распоряжение, государь сделал многозначительное пояснение, проливающее свет на его дальнейшие планы. Он наказывал Апраксину срыть Таганрог так, чтобы легче было его восстанавливать, когда *«бог по времени инаково учинит»*, то есть когда крепость вновь окажется в руках России. На этот же случай Петр настоятельно просил сделать подробнейшую топографическую и фортификационную съемку Азова, опять-таки с надеждой, что в будущем он будет взят снова.

А пока Петр ждал решения Порты по вопросу о высылке Карла, всячески избегая новой войны. В начале ноября 1711 года прошел слух, что Порта опять объявила войну России. Какую бы опасность ни представляло для России возвращение шведского короля к своей армии, у царя и в мыслях не было захватывать его в плен во время движения по украинской и польской территориям. Более того, Петр распорядился приставить к нему охрану и проводить до Выборга со всеми почестями и довольствием. Единственное, о чем он просил своих генералов — сделать так, чтобы Карл не поспел к своим войскам до завершения померанской операции против Крассова. При этом Петр оговаривался, что все, конечно, будет зависеть от *«оборотов»*, то есть поведения короля. Но хлопоты Петра были преждевременными: Карл предпочел задержаться в Турции еще на три года.

* * *

Сложно в полной мере оценить влияние прутского поражения на отношение Европы к России. Вероятно, можно говорить о разной степени внимания европейских

дворов к этому событию. Но утверждение некоторых историков о том, что Европа его не заметила, представляется весьма категоричным. Будь оно так, от Петра, видимо, потребовалось бы гораздо меньше дипломатических усилий для сохранения и расширения Северного союза.

Страховочное соглашение в Ярославле

Опасаться разрыва с Турцией заставляла царя не только сама перспектива воевать на два фронта, но и вероятность скорого прекращения Испанской войны. Это грозило перестановкой европейских сил не в пользу России. У великих держав развязались бы руки для того, чтобы либо оказать Швеции прямую помощь, либо другим путем лишить Петра плодов его победы над шведами.

При таком повороте событий большую угрозу планам царя представляли настроения в Польше. Чтобы читатель вспомнил, о чем речь, вернемся в начало февраля 1711 года, когда в Москву после обструкции, устроенной Г.Ф. Долгорукому в Варшаве, приехал чрезвычайный и полномочный посол Речи Посполитой литовский маршал Марциан Волович, представлявший не Августа II, а республиканскую власть. Предъявленная им московскому правительству бумага была ничем иным как ультиматумом, негласно одобряемым польским королем. Выше мы уже приводили пункты этого документа. Подразумевалось, что только после выполнения требований Речи Посполитой она объявит Швеции войну. Именно подразумевалось, ибо ничего конкретного по данному вопросу от Воловича в Москве не услышали, кроме требования заранее прислать субсидии на содержание польского войска.

Ответ Москвы был твердым: в связи с началом русско-турецкой войны и неопределенной ситуацией в войне русско-шведской обсуждать территориальные проблемы преждевременно. По другим вопросам царские министры высказались в более позитивном тоне. Было заявлено, что шляхтичи, взятые в бою против русских войск, считаются врагами и изменниками, но они будут возвращены при условии их гарантированного отказа впредь поднимать оружие против России. Что до свободы католической веры, то она царем уже предоставлена неотменно и тут нечего добавить. Также государь готов пропустить римских миссионеров в Китай и Персию, если папа со своей стороны покажет склонность подсобить против турок. Относительно субсидий было сказано, что Россия выполнит свои союзные финансовые обязательства, если польское войско *«в поле выйдет»* (начнет действовать против шведов). Авансом ничего выплачиваться не будет, поскольку имеется горький опыт таких выплат: *«гетман Вишневецкий* (Михаил. — *В. Д.*) *взял русские деньги на литовское войско, да и пошел с ними к шведам»*.

Подготовка Петра к войне с Турцией, судя по всему, сильно встревожила и Августа, и Речь Посполитую. Само по себе переключение внимания царя на юг ослабляло союзников в Северной войне и грозило поменять ситуацию на фронте не в их пользу. Не меньшую опасность представляла казавшаяся реальной русская победа, особенно в свете слухов, будто *«российский государь ищет константинопольским царством завладеть»*. Если это случится, Россия усилится неимоверно и у Польши не останется никаких против нее аргументов на Правобережной Украине и в Запорожье. Под большим вопросом может оказаться перспектива польских территориальных приращe-

ний, в которых Петр попросту откажет Августу из чувства возмездия за отступничество короля в 1706 году и деятельность антирусской партии в Польше.

В первые месяцы 1711 года отношения между царем и польским королем, никогда не отличавшиеся определенностью, вновь оказались перед серьезным испытанием. Ожидалось, что турецкие войска будут наступать с юга (из Бендер, через Каменец-Подольский) на соединение с движущейся навстречу померанской группировкой шведов, чтобы встретиться с ней в Польше, где на их сторону встанут многочисленные сторонники Станислава Лещинского и Карла XII. Одновременно крымские татары наносят удары по Азову, Таганрогу, Харькову и Воронежу, чтобы заставить русскую армию воевать сразу на нескольких направлениях.

Петр остро нуждался в войсках Августа II либо (в идеале) для нанесения удара по Померании, либо (на худой конец) для защиты Польши от генерала Крассова. Собственные же силы нужны были царю на юге. Король между тем сидел в Дрездене и не горел желанием рисковать в условиях, когда значительная часть саксонских войск воевала во Фландрии на стороне «Великого союза». Он вынашивал совсем другие планы — искать сепаратного мира с Карлом XII и ни в коем случае не вмешиваться в русско-турецкую войну. После того как Ахмед III подал сигнал, что он не будет нападать на Речь Посполитую и Империю, Август послал в Стамбул (конец февраля 1711 г.) тайного агента с обещанием не нарушать Карловицкого мира с Варшавой.

Вероятно, предвидя замыслы короля, Петр хотел отвратить их. 5 января он пишет Августу, что турки начали войну с целью соединиться со шведами на погибель не только России, но и Польши. И именно в то время, когда двум монархам крайне необходимо объединить свои силы, он, к своему *«соболезнованию»*, узнает, что король удалился в Саксонию. В связи с этим Петр *«дружебнобратски»* просит его незамедлительно вернуться в Польшу и потребовать от «Великого союза», в соответствии с договором о нейтралитете, применить к корпусу Крассова оружие, если тот начнет наступление из Померании, а в случае отказа — отозвать из Фландрии саксонские войска для отпора ему. Петр тоже обещал оказать соответствующее давление на Англию и Голландию. В заключение письма царь во избежание всякой двусмысленности предупредил: поскольку он от альянса с Августом *«себя ничем отвратить не допустит»*, постольку *«крепко уповает»* на полную взаимность.

В письмах от 6 и 12 апреля Петр торопит Августа вернуться в Польшу, ибо чем дольше будет длиться *«отлучение»*, тем сильнее опасность, что поляки, под воздействием внушений Лещинского и шведов, которые *«зело велики быть начинают»*, перекинутся на неприятельскую сторону.

В отсутствие короля Петр старался оказать ему моральную помощь в пропагандистской войне, которую вели против него Лещинский и шведская партия. Царь велел разослать по воеводствам текст универсала (12 апреля 1711 г.), где сообщалось о том, что русская армия под его личным руководством явилась в Польшу *«только для поддержания законного короля, избранного вольными голосами народа, а также для поддержания вольностей, прав и свобод польских, а прежде всего видя, что некоторые из ее сыновей забыли родину, продают ее и хотят пойти под варварское турецкое ярмо, для чего тот же вероломный турок войну с нами начал, намереваясь взять под свою пяту как многие христианские королевства и провинции, так и Речь Посполитую, а нас от-*

влекает от обороны Речи Посполитой для того, чтобы осуществить как можно скорее и лучше свои злобные намерения»[1].

Запаниковавший Август решил вернуться в Польшу, чтобы встретиться с Петром и подкрепить Торунский договор от 9 октября 1709 года перестраховочным соглашением, подписанным 29 мая 1711 года в польском городе Ярославле между саксонскими министрами Флеммингом и графом Вертереном, с одной стороны, и Г.И. Головкиным, Г.Ф. Долгоруким и вице-канцлером П.П. Шафировым — с другой. Шедшие накануне переговоры были очень напряженными. Польско-саксонская сторона выдвинула, помимо старых требований, новые, в весьма категоричном тоне. Петр принимал активное личное участие в разработке договорных статей, в результате чего некоторые претензии были отклонены. В Ярославле обсуждались не только русско-польские отношения, но и широкий круг международных вопросов, связанных с возможностью использования как противоречий, так и потенциальных точек совпадения интересов участников двух союзов — «Великого» и Северного.

Смысл Ярославльского договора, если не считать некоторых совершенно декларативных статей, сводился к двум основным положениям. Стороны обязались не заключать сепаратного мира, а король обещал вступить в военные действия против шведов в Померании. В трактате также содержалась статья, которую можно было бы считать очень важной, если бы не ее изначальная мертворожденность: Август дал обещание прилежно хлопотать перед сенатом о вступлении Речи Посполитой в войну против Турции. Таким же заведомо неисполнимым являлся секретный артикул о передаче Лифляндии Августу, как саксонскому курфюрсту, в наследственное владение. Что касается Эльбинга, которого домогались польские переговорщики, то о нем не было ни слова.

Недвусмысленно пресекая несвоевременную тему о территориальных приращениях Польши, Петр вместе с тем хотел сохранить добрые отношения с Августом II и с лояльной к России частью шляхетства. Польский король оставался для Петра главной политической опорой. Чтобы она не расшаталась после прутского фиаско, царь заверял своего союзника (июль 1711 г.) в *«великой пользе»* этой неудачи, поскольку теперь русская армия полностью освободилась для военных действий на севере. Августа II, сомневавшегося в *«великой пользе»* Прутского договора, встревожило прописанное в документе обязательство царя не вмешиваться в польские дела, подразумевавшее его отказ от помощи королю. В сентябре 1711 года, когда Петр следовал в Карлсбад, саксонский министр граф Фитцтум фон Экштедт спросил у него, как следует понимать этот пункт русско-турецкого мира. Государь поспешил успокоить и Фитцума, и, через него, Августа II, сообщив, что принцип невмешательства не распространяется на те ситуации, когда королю понадобятся русские войска против шведов. Во всяком случае, он, царь, намерен толковать свое обязательство перед Портой именно в таком духе.

Петр обещал в скором времени направить одну часть войск в Померанию, другую — к городу Эльбингу. Правда, государь благоразумно воздержался от конкретики, подавая лишь намек о возможных территориальных приобретениях Августа II. Это, разумеется, раздражало короля. Доверия между ним и царем становилось все меньше. Август II по-

[1] Тремя месяцами ранее Петр объявил амнистию всем, кто решится покинуть Лещинского и примкнуть к Августу II.

дозревал Петра в желании сблизиться с Францией против ее главного врага — Священной Римской империи, а значит, косвенно, против Саксонии, входившей в ее состав. В сентябре 1711 года во время пребывания царя в Дрездене по пути в Карлсбад королевский министр Фитцтум фон Экштедт высказал ему эти подозрения в виде вопроса: не обязалась ли Россия в обмен на посредничество Франции при заключении спасительного Прутского мира поддержать Людовика XIV в Испанской войне? Петр ответил, что ничем Франции не обязан, ибо к русско-турецкому договору она не имеет никакого отношения. Вместе с тем он не скрывал, что предпочтет ту сторону в войне, которая поможет северному альянсу получить удовлетворение у Швеции.

Фитцтум фон Экштедт стал убеждать Петра, что Париж если и согласится на такую помощь, то лишь из соображений собственной выгоды в ущерб интересам России и ее союзников. Но царь остался при своем мнении, намекнув, что противники Франции тоже не горят желанием защищать интересы участников Северного союза на Балтике и поддерживают Стокгольм. Их так называемое посредничество грозит свести к минимуму уступки Швеции и территориальные приобретения ее оппонентов. Петр даже заявил, что готов предоставить в распоряжение Империи войска, *«только если бы он мог быть уверен, что этим заставит союзников* (Габсбургов. — *В. Д.*) *окончательно бросить шведскую партию и дать северной лиге возможность покончить дела с Швецией»*. Пока же Петр оставляет за собой право самому строить свои отношения и с Парижем, и Габсбургским блоком.

Несмотря на Торунский договор, Август не давал Петру возможности избавиться от подозрений. 26 сентября 1711 года в союзном лагере при Штральзунде был подписан польско-датский договор о разделе шведских владений в Германии, который не имел последствий из-за настороженного отношения к нему Петра. Не прибавлял доверия и тот факт, что саксонцы держали русские войска под Штральзундом впроголодь, используя их как пушечное мясо. Петр счел такое поведение саксонского командования для себя оскорбительным и жестко выговорил Августу на сей счет.

Одного Августа, как союзника во внутрипольских делах, царю было мало. Он старался перетянуть на свою сторону как можно больше людей из шляхетского сословия. Хищническое поведение служивших в петровской армии немцев, вроде Гольца, срывало выполнение этой задачи. Царский посол В.Л. Долгорукий, ценой превышения своих полномочий и рискуя навлечь на себя доносы немецкого фельдмаршала в Москву, старался остановить реквизиционные бесчинства в ответ на просьбу Августа и лояльных к России поляков собирать провиант *«доброю манерою, без отягощения народного»*.

Петр издал указ, согласно которому того, кто будет уличен в насильственном изъятии продовольствия у населения, ждет смертная казнь. Ради сохранения своего влияния на прорусски настроенную шляхту царь шел на послабления в виде широких жестов в адрес отдельных польских панов, которым он вернул их украинские поместья. В то же время от наказания прямых пособников Швеции, как было в случае с жителями Гданьска, Петр не отказывался, несмотря на призывы Августа простить их во избежание волнений.

Ни послабления, ни ужесточения в отношении Польши не меняли острого характера противоречий между Москвой и Варшавой. Надежды на поляков было мало. Еще меньше их стало после Прутского мира, подорвавшего авторитет Петра и укрепившего многих во мнении, будто Полтавская победа явилась случайностью.

Маневры в мутных водах европейской политики

Русско-турецкая война 1711 года еще раз показала, что во внешней политике Петра южные и северные проблемы были тесно связаны. Общим местом в историографии является утверждение о неизменном стремлении царя избегать одновременной войны против шведов и турок. Основание для такого вывода дал сам Петр своими неоднократными заявлениями на этот счет. Они были абсолютно искренними, по крайней мере, в конце 1690-х и в самом начале 1700-х годов. Но после первых успехов русской армии в Прибалтике настроение царя, судя по всему, меняется. Он, как мы отмечали, вполне допускает разрыв с Турцией и уже не так, как раньше, боится его. После Полтавы страха стало еще меньше. Тому доказательство — Прутский поход, который можно считать классическим примером войны на два фронта. Весной 1711 года Петр послал свои войска в двух направлениях: к Дунаю армию под командованием фельдмаршала Шереметева и в Померанию корпус (приблизительно 17 тыс. человек) во главе с бригадиром П.И. Яковлевым, который должен был действовать совместно с саксонцами и датчанами. В задачу союзной группировки входило взятие крепостей Штральзунд, Штеттин, Висмар и острова Рюген, где были сосредоточены отступившие из Польши шведские войска. Таким образом, петровская армия воевала и на юге, и на севере.

Померанской операции Петр придавал большое значение. А после поражения на Пруте он сосредоточился на ней целиком. Первым делом государь отправил в корпус Яковлева крупное пополнение и нового командующего генерала Гебхарда Пфлуга, а над ним вскоре поставил князя Меншикова, которому обычно поручались самые ответственные военные и военно-политические дела. Петр и сам готов был отправиться к месту действий, но после Прута ему пришлось поправлять свое здоровье в Карлсбаде.

Между тем с сентября 1711 года союзные войска начали осаду Штральзунда. Шла она крайне неудачно и затянулась надолго. Причина — в отсутствии координации усилий из-за острых противоречий между саксонцами и датчанами. Эти противоречия сплелись в тугой клубок. Не имевший никаких территориальных притязаний на Померанию Петр пытался распутать его, взяв на себя роль третейского судьи. В.Л. Долгорукий подал идею о личной встрече между царем и датским королем Фредериком IV. Август II, видимо, посчитал, что такая встреча не в его интересах: неизвестно, о чем они там договорятся. Во всяком случае, догадываться об этом позволяет интрига саксонского фельдмаршала Якоба фон Флемминга. Уже замеченный в склонности к политическим играм, он уговорил датских министров Вибе (Выбей) и Бертрама фон Шака сорвать замысел Долгорукого совместными усилиями. В начале октября 1711 года троица тайно отправилась в прусский город Кроссен для переговоров с находившимся там Петром. Царь, добивавшийся прекращения распрей, представил визитерам меморандум с общей программой действий из трех пунктов. 1) Немедленно овладеть Штральзундом или, по крайней мере, островом Рюген. 2) Готовиться к кампании по завоеванию Бремена и Вердена, а в преддверии ее договориться с Георгом-Людвигом не только как с курфюрстом ганноверским, но и как с наследником английского престола. 3) После зимнего перерыва возобновить военные действия на суше и на море не позже апреля 1712 года.

Поскольку кампания 1711 года подходила к концу, Петр не стал задерживаться в Европе и вернулся в Россию. Его увещевания не дали результата. Остаток года союзники провели в спорах и в склоках. Не могли договориться между собой ни короли (Польши и Дании), ни их генералы, ни их дипломаты. Централизованное командование войсками отсутствовало напрочь. *«Наши дела здесь за многоначальством не зело успевают»*, — писал Петр Ф.М. Апраксину. Русская сторона, в отличие от саксонцев и датчан, деливших шкуру неубитого медведя, не охотилась за территориальными трофеями и была более всего заинтересована в достижении согласия. Ситуация обострилась, когда Август II узнал, что Фредерик IV ведет секретные переговоры со шведами.

Необходимость прийти к согласию становилась очевидной еще и потому, что ожидалось скорое завершение Испанской войны, которое обещало великим державам свободу действий на севере Европы. В этом смысле особенно опасной была Англия, готовая решительно отстаивать свои интересы на Балтике под видом заботы о сохранении равновесия сил.

Для политика, стремившегося добиться полного военного и дипломатического перевеса над Швецией, Петр действовал совершенно логично, что не всегда означает — реалистично. Он желал, чтобы Англия, Голландия и Австрия продолжили Испанскую войну, и предлагал Гааге от 10 до 15 тыс. русских солдат для участия в ней. Царю нужен был хотя бы формальный союз с этими государствами, чтобы связать им руки к тому моменту, когда они закончат войну с Францией и захотят вмешаться в Северную войну, отстаивая собственные интересы на Балтике, не совпадавшие с замыслами Петра. Первой выпала из этой схемы Австрия, затем Англия, по известным причинам. Осталась Голландия, на достижение согласия с которой были направлены дипломатические усилия царя в конце 1711 года. Царь временно отозвал из Лондона князя Б.И. Куракина и приказал ему ехать на помощь к А.А. Матвееву склонять Генеральные Штаты к союзу и, возможно, через них еще раз попытаться договориться с Веной и Лондоном. Ввиду англо-голландских разногласий по вопросу об организации мирных переговоров с Францией в Посольском приказе испытывали осторожную надежду на извлечение выгоды из этой ситуации. Канцлер Головкин предписывал Матвееву и Куракину заинтересовать голландское правительство, цесарского и английского послов в Гааге идеей обмена русской безвозмездной военной помощи в Испанской войне на обязательство Голландии, Австрии и Англии гарантировать России все ее завоевания и, по крайней мере, не мешать операциям союзников в Померании.

В ноябре–декабре 1711 года в Гааге состоялись конференции с участием голландских, австрийских и английских представителей, с одной стороны, Куракина и Матвеева — с другой. Обсуждался вопрос о взаимном невмешательстве — России в войну за испанское наследство, а «Великого союза» — в Северную войну. Петр хотел предотвратить ситуацию, при которой Голландия, Англия и Империя, помирившись с Францией, обратят свое внимание на север, чтобы помешать России сохранить за собой завоеванное. Переговоры закончились безрезультатно. Но они были примечательны тем, что Петр уже не предлагал морским державам стать посредниками между Россией и Швецией. А.А. Матвеев и Б.И. Куракин получили указание не поднимать этот вопрос, а если его поднимут собеседники, заявить, что теперь, когда война с турками, принесшая России *«знатный убыток»*, закончена, царь уже не огра-

ничится теми условиями, которые были объявлены в январе 1711 года. Это означало, что к прежнему списку добавлялась, как минимум, Лифляндия.

Петр наставлял своих дипломатов внимательно следить за признаками раскола в «Великом союзе» и изобретать средства к тому, чтобы его углубить, используя любые расхождения между союзниками в их взглядах на Россию. Самым жестким ее оппонентом была, конечно, Англия, которая поэтому проявляла наибольшую терпимость к Швеции. *«Обе те короны*, — писал Матвеев, — *великой ненавистью дышат на успехи настоящие его царского величества»*.

Внутри «тройки» (Англия, Голландия, Империя) были несогласия и в отношении условий прекращения войны с Францией. Лондон вступил в тайные переговоры с Парижем, пренебрегая интересами Гааги и Вены. Узнав об этом, Петр уполномочил Куракина и Матвеева изучить возможность заключения между Россией, с одной стороны, голландцами и австрийцами — с другой, прагматического соглашения. Царь предлагал им от 10 до 15 тыс. войск для использования против Франции в обмен на два условия. Первое — невмешательство в Северную войну и признание всех русских завоеваний. Прежде чем назвать второе условие, вытекающее из первого, упомянем о сложившейся к концу 1711 года ситуации в войне за испанское наследство. На фоне продолжавшихся боевых действий шла «черновая» разработка мирного договора. Предварительные конференции, назначенные на январь 1712 года, должны были состояться в городе Утрехте и подготовить, как сказано в русских документах, *«генеральный съезд»*. Чтобы застраховаться от антироссийских сюрпризов на этом съезде, Петр хотел обязать Гаагу и Вену не допустить внесения в его повестку обсуждения северных проблем в ущерб интересам России.

Царь также обещал пойти навстречу просьбам Генеральных Штатов о заключении торгового договора, ради которого в 1711 году в Москву приезжал голландский дипломат Иоганн Краненбург.

Такое же предложение, через Урбиха, было сделано Карлу VI, ставшему после смерти Иосифа I (апрель 1711 г.) новым императором Священной Римской империи.

Гаага и Вена медлили с ответом, понимая, что сближение с Россией может серьезно обострить их отношения с Англией, которая грозила помириться с Францией в одностороннем порядке. В обстановке крайней неопределенности на всем европейском пространстве голландцы и австрийцы предпочитали воздерживаться от потенциально рискованных шагов до прояснения ситуации.

Петр же опасался проглядеть благоприятный момент для решительных дипломатических действий с целью ограждения своих интересов от враждебного вмешательства. Маневрируя в мутных водах международной политики, царь использовал в качестве навигационных инструментов аналитические доклады Куракина и Матвеева (отчасти Урбиха). Красной нитью сквозь них проходила идея о необходимости предотвратить две перспективы — заключение Данией и Польшей–Саксонией сепаратных договоров со шведами и превращение *«генерального съезда»* в Утрехте в средство коллективного принуждения России к миру на выгодных для Стокгольма условиях. В донесениях дипломатов заметна также скептическая оценка шансов на заключение союза с Голландией и Империей.

К числу важных дипломатических мер на ближайшее будущее Куракин и Матвеев отнесли свою аккредитацию на *«генеральном съезде»* в Утрехте в качестве не просто це-

ремониальных статистов, а в статусе *«полномочных министров»*, чтобы *«дела управлять свободнее»*, то есть с правом полноценного участия в переговорах, касающихся России и Северного союза. Петр немедленно выдал послам соответствующие грамоты, предназначенные для предъявления Генеральным Штатам, королеве Анне, Карлу VI и Людовику XIV.

Замешательство Австрии

Что на Вену надежд нет, еще раз подтвердило недолгое правление императора Иосифа I (май 1705 — апрель 1711 г.). В те годы русско-австрийские отношения блуждали вблизи зоны замерзания. В июле 1711 года они заметно «оживились» неприятными разговорами между царским послом в Вене Иоганном Урбихом и цесарским министром Зейлером. Этому предшествовал обмен нелюбезностями, который позволили себе обе стороны. В одной грамоте к русскому царю, случайно или нет, был опущен титул «величество». В ответном послании Москва тоже «забыла» употребить этот титул в отношении австрийской императрицы. Зейлер пришел в бешенство. *«Немецкая кровь*, — заявил он Урбиху, — *никак этого снести не может; дело идет о славе Германии; вы сами немец и потому не способны участвовать в оскорблении, которое наносится немцам, лучше б вам русскую службу оставить, чем решиться на это»*. Посол ответил гневным упреком в адрес венского кабинета в том, что он смеет обращаться с царским величеством как с *«богемским мужиком»*. Затем Урбих поехал объясняться с обер-гофмейстером Иоганном фон Траутсоном. В ходе разговора визитер указал на обиды, которые *«несносны для русской крови»* и которые наносятся с явным желанием поссориться с царем. К их числу были отнесены: 1) постоянные связи австрийского правительства с представителями Карла XII; 2) хлопоты Вены о сепаратном датско-шведском мире; 3) попытки вбить клин между Польшей и Россией; 4) стремление помешать русско-венецианским переговорам о союзе против Турции и откровенные заигрывания с Портой; 5) зависть к успехам русского оружия; 6) проявленное к Петру неуважение в протокольно-дипломатических вопросах. Урбих хотел знать, что все это такое, если не целенаправленный курс на разрыв отношений.

Траутсон сначала оправдывался. Первый, второй и третий пункты обвинений он объявил безосновательными, четвертый — недоказуемым. Что до шестого пункта, то тут речь идет об обычных в дипломатической практике церемониальных недоразумениях, не заслуживающих такого несоразмерного внимания.

Затем обер-гофмейстер перешел в наступление, предъявив встречные обвинения. Он укорял Россию за связи с врагами Австрии — Людовиком XIV и венгерским мятежником Ракоци. Посланник французского короля живет в Москве и пользуется расположением Петра, в отличие от австрийского резидента графа Гейнриха-Вильгельма фон Вильчека, который долго добивался первой аудиенции, а когда ее получил, был оборван царем на полуслове, ничего не услышав в ответ на австрийское предложение об оборонительном и наступательном союзе. А покровительство, оказываемое Ракоци, вообще возмутительно.

Некоторые симптомы потепления появились тогда, когда в Вену пришли известия о событиях на Пруте. В этом можно усмотреть странность, но ее там не было. Поражение естественного союзника Империи от ее исторического врага, находив-

шегося в союзе с Францией, встревожило австрийское правительство, заставило его вспомнить о прагматической стороне международной политики. Требовался именно прагматизм для осознания очевидного: угроза возвышения России в роли соперника Австрии на востоке — это вопрос будущего, а война с Францией и угроза войны с Турцией — проблемы сегодняшнего дня. Тут приходилось выбирать между иррациональной русофобией и реальными австрийскими интересами.

Выбору в пользу интересов в существенной степени способствовал приход к власти императора Карла VI после кончины в апреле 1711 года Иосифа I. Теперь австрийские министры хотя бы стали говорить Урбиху о готовности помочь России против Турции. Петру, приехавшему после прутской кампании на лечение в Карлсбад, были оказаны особые знаки внимания. Но до конкретных дел было еще далеко. Поражение от турок подорвало репутацию России, и к ней как к потенциальному военному союзнику против Порты (тем более против Франции) стали относиться скептично. Это давало еще один козырь в руки антирусской партии при венском дворе, сохранявшей свое влияние в первые годы правления нового императора и препятствовавшей благоприятному развитию отношений между Веной и Москвой.

Петр, не избавившийся от старых чувств к Австрии, в союзники к ней не набивался. В октябре 1711 года он признавался герцогу Антону-Ульриху Брауншвейг-Вольфенбюттельскому, что до сих не может забыть Карловицкого конгресса и *«других способов»*, которыми венский двор *«проявлял свою пристрастность»*.

Знавший о настроениях Петра Урбих был осторожен. Когда к нему с настойчивым предложением о заключении альянса между Россией, Австрией и Венецией обратился венецианский посол в Вене, царский дипломат ответил, что первым подавать инициативу царь не будет. Тем не менее Урбих стремился работать в конструктивном направлении. В конце декабря 1711 года во Франкфурте, после коронации Карла VI, во время аудиенции у императора он отрицал вину России в том, что нынешнее состояние русско-австрийских отношений оставляет желать лучшего. Царь предлагал венскому двору и союз против Франции, и военную помощь в борьбе с венграми. Хотя эти предложения отклонялись, они остаются в силе. Но император должен назвать свои условия. Карл высказался в пользу такого союза.

Результатом аудиенции стало решение провести в начале 1712 года переговоры между Урбихом и имперским надворным советником Консбрухом.

Фридрих I между страхом и искушением

Большие проблемы сохранялись в русско-прусских отношениях. Фридрих I внимательно следил за перипетиями Северной войны, но от участия в ней уклонялся. Точнее говоря, он хотел заранее знать, чем вознаградят Пруссию за реальное присоединение к союзникам. В целом его дипломатическая стратегия была проста: свести свои обязательства к минимуму, а от Петра добиться активного содействия в вопросе о прусских территориальных приращениях. Мариенверденский договор, будучи оборонительным, не мог обещать таких приращений. Что до наступательного союза, то на это у Фридриха I до поры до времени не хватало духа. Причины король объяснил в беседе с русским послом А.Г. Головкиным (сыном канцлера, сменившим Альбрехта фон дер Лита) накануне прутского похода. *«Очень опасно*, — говорил он, — *вступать мне в это дело: цар-*

скому величеству шведы нисколько вреда не сделают, потому что его государство далеко; но на меня, как на ближайшего, нападут; а царское величество войска свои дает под таким условием, что во время разрыва с султаном имеет право их отозвать».

Мысль Фридриха была ясна: ставки для него слишком высоки, он знает, чем рискует, но не знает, ради чего. Чтобы риск окупился, Петр должен сделать королю такое предложение, от которого тот не смог бы отказаться. Не отрицая справедливости опасений Фридриха, следует иметь в виду, что они были высказаны больше для того, чтобы набить себе цену. Пруссия вела открытый торг, и это подтверждается поведением ее министров, требовавших от царя решительного содействия в приобретении города Эльбинга, причем — не в обмен на вступление пруссаков в войну, а просто так, *«по доброжелательству»*.

Однако весной 1711 году был момент, когда Фридрих I почти изменил своей осторожности. Уж очень ему хотелось узнать, какова будет окончательная, максимальная цена, которую Петр готов заплатить за реальный отказ Пруссии от нейтралитета, тем более в условиях грозящей России войны одновременно на севере и юге. Возникло ощущение, что король отважился сделать следующий шаг в развитие Мариенверденского договора. Еще в начале сентябре 1710 года в Москву для переговоров о заключении нового союзного соглашения приехал прусский эмиссар Иоганн-Август Биберштейн в помощь послу Кейзерлингу. А в начале марта проект документа был подписан Петром. Он предусматривал вступление Пруссии в войну против шведов, если они опять двинутся из Померании в Польшу (что соответствовало оборонительному характеру Мариенверденского договора). Причем Фридрих I обязывался задействовать не только войска, находившиеся у него под рукой, но и отозвать из Фландрии свой 10-тысячный корпус, сражавшийся против французов. А Петр обещал хлопотать о присоединении к Пруссии Эльбинга, Верхней Померании, а также территории между Нижней Померанией и Вислой (то есть Восточное Поморье, или Королевская Пруссия).

Договор был отправлен Фридриху на ратификацию. А вслед за этим в Берлин для доведения дела до конца отправился чрезвычайный посланник А.Г. Головкин.

17 мая 1711 года последовал неожиданный ответ: *«поелику трактат оный выгодам прусского двора не полезен, да и опасно восстать противу Шведов, дабы тем не раздражать их, для того оный и должен остаться недействительным»*. Это общее положение король раскрыл в подробных ответах на каждую статью проекта договора. В них лейтмотивом звучит мысль о том, что разрыв со Швецией чреват для Пруссии катастрофическими потерями, предотвратить которые Россия, занятая войной с турками, будет не в состоянии. Но даже в случае благоприятного развития событий прусские людские жертвы и материальные иждивения намного превысят вознаграждение, предлагаемое царем.

По сути это был отказ от соблюдения Мариенверденского договора, в чем русский посланник фон дер Лит упрекал Фридриха I настолько открыто, что король попросил Петра отозвать неучтивца из Берлина. Видимо, Фридриха вывело из себя предупреждение, что Эльбинг будет передан Польше, если Пруссия не выполнит ранее взятых на себя обязательств. Царь исполнил просьбу об отзыве своего резидента, но дал понять, что Лит действовал не по собственной инициативе.

Похоже, в душе Фридрих признавал право Петра негодовать по поводу отступничества Берлина. Желая загладить свою вину, он оправдывался перед царем сво-

им якобы абсолютно безвыходным положением и апеллировал к его великодушию. Но царское великодушие так далеко не простиралось. В ответ на поведение Берлина Петр отказался от своего решения о передаче Эльбинга в распоряжение прусского командования.

Приходится недоумевать: для чего Фридрих затевал всю эту историю? Явно не для того, чтобы вызвать у Петра раздражение. Царь посулил ему щедрое вознаграждение, ради которого можно было бы рискнуть. Почему же этого не случилось? Возможно, именно искушение толкнуло короля на эту инициативу, но он тут же ее испугался. Попробуем представить себе ход рассуждений короля, исходя из общих основ его внешней политики. Несмотря на Полтаву, Фридрих не верил в окончательную победу Петра. Да и хотел он не этой победы, а реальной помощи царя в приращении прусских земель. Расплатиться за это он намеревался не союзническими услугами, а «братской монаршей дружбой». Также не исключено, что короля смутило опрометчивое решение Петра воевать с Турцией в самое неподходящее для этого время. Ну и, разумеется, нельзя сбрасывать со счетов влияние берлинской придворной камарильи, среди которой было много *«духа шведского»*.

Так или иначе, Фридрих категорически отказался от ратификации мартовского договора. Но ссориться с Петром он определенно не желал. Даже прутская неудача царя не изменила мнения короля о растущем влиянии России и необходимости добрых отношений с ней. Понимание этой необходимости, с одной стороны, страх перед шведским реваншем — с другой, и непредсказуемая общеевропейская ситуация — с третьей, вносили в прусскую политику элементы противоречивости и непоследовательности. Чтобы замять неприятную историю с ратификацией русско-прусского договора, в сентябре 1711 года Фридрих послал к Петру в Карлсбад камер-президента Пауля фон Камеке с предложением заключить не союз, а сделку. Суть ее в следующем: король посылает в Саксонию (но не в Померанию) 4 батальона для обороны от шведов, а в вознаграждение немедленно получает Эльбинг и Штеттин. Этот весьма хитрый ход позволял Пруссии завладеть богатой добычей до окончания Северной войны и при этом оставить за собой право официально присоединиться к союзникам в подходящий момент и потребовать новых приобретений уже в ходе мирных переговоров со Швецией в качестве законного участника коалиции.

Однако Петр не забыл отказа Фридриха ратифицировать союзный договор (от 2 марта 1711 г.). Этот неприятный инцидент задел его самолюбие, усилив недоверие к королю. Прусскому посланнику царь холодно ответил, что ничего не обещает, поскольку этот вопрос нужно предварительно согласовать с датским и польским королями. А Фридриху I Петр написал, что надеется на понимание королем того факта, что другой резолюции на предложения фон Камеке он, *«по нынешним конъюнктурам и по истинному состоянию дел»*, учинить не мог.

Колебания Копенгагена

После военных неудач 1710 года датское правительство под давлением Англии, не ослаблявшей своих усилий по расколу Северного союза, стало подумывать о сепаратном мире со Стокгольмом, не возражавшим против этого. Выход Дании из войны развязал бы шведам руки в Померании, подал бы заразительный пример Августу II

и оставил бы Россию один на один со Швецией на севере и с Турцией на юге. Поэтому главной задачей русской дипломатии в Копенгагене в начале 1711 года стало недопущение датско-шведского замирения. Петр не преминул поделиться с Фредериком IV своими тревогами на сей счет, сообщив королю, что из разных источников поступает информация о подготовке *«партикулярного мира»*. В ответ последовала просьба верить не *«вымышленным лжам и клеветам»*, а королевскому обещанию *«постановленную между нами аллианцию свято и ненарушимо соблюдать»*. Царь в свою очередь заверил: *«мы себя никоим образом от вашего королевского величества разлучить не допустим»*.

Задача сохранения союза сильно осложнялась тем, что Петр отказывался давать Фредерику IV обещанный вспомогательный корпус (на выплаты королю 200 тыс. ефимков он с неохотой согласился), который теперь, когда шла война с Турцией и ожидалось вторжение генерала Крассова в Польшу и Саксонию, был нужен ему самому. Короля подобные резоны почти не убеждали, как и не волновали его русские проблемы на юге.

Угроза, исходившая от группировки Крассова в Померании, отвлекала Данию от ее собственных завоевательных планов, поскольку мешала ей заполучить русские вспомогательные войска. Фредерик IV просил страны «Великого союза» (Англию, Голландию, Австрию) выполнить свое обещание о создании объединенного корпуса для поддержания нейтралитета в Империи, который, во исполнение своего «миротворческого» назначения, не позволил бы Крассову двинуться в Польшу и Саксонию. Поскольку «Великий союз» уклонялся от этого, Петр принял решение сформировать для вторжения в Померанию русско-саксонский корпус под командованием Августа II, передав в его состав 16 тыс. своих солдат. Царь также считал необходимым усилить это соединение датскими полками, расквартированными в Гольштинии, Ютландии и Шлезвиге. Когда опасность со стороны Крассова будет устранена, то, согласно плану Петра, русские войска поступят в распоряжение Фредерика.

Стараясь помочь королю избавиться от влияния прошведских лоббистов в датском правительстве, Петр писал ему, что только в *«концерте»* с Россией и Польшей–Саксонией сможет Дания *«прибыточный и благополучный мир получить»*. Царь обещал не упрекать его за отказ от участия в военных действиях в Померании, лишь бы он начал их хоть *«с какой-нибудь стороны»*, в частности в Шонии или Норвегии, чтобы, *«облакомясь»* захватами нескольких городов, войти во вкус к войне. Петр призывал не бояться реакции «Великого союза», ибо русские войска всегда придут на помощь Дании, включая тот случай, если Крассов двинется не в Польшу, а в Гольштинию. Эти увещевания подкреплялись денежными подарками королевским сановникам.

Такие аргументы наряду, конечно, с усилившейся во Фредерике предрасположенностью к восприятию их здравого смысла принесли плоды. 26 мая 1711 года датский королевский совет вручил В.Л. Долгорукому официальное письменное согласие на совместные военные операции в Померании. Это был тем больший дипломатический успех петровской дипломатии, если учесть мучительные колебания, которые испытывал Фредерик.

В августе 1711 года датская армия (18 тыс. пехоты и 9 тыс. кавалерии) соединилась в Померании с 10-тысячным отрядом саксонской кавалерии и 6-тысячным отрядом русских драгун. Ключевым элементом осенней военной кампании являлась осада Штральзунда. Она закончилась неудачей из-за плохой тактической подготовки,

несогласованности действий и отсутствия должного интендантского обеспечения. Значительный «вклад» в итоговый результат внесли разногласия между союзниками. Еще ничего не завоевав, они начали спорить о разделе добычи: датчане претендовали на Висмар, а саксонцы — на остров Рюген с прилегающими территориями. 26 сентября они подписали договор, по которому Фредерику IV доставались Бремен, Верден и Висмар, а Августу II — Рюген и еще некоторые померанские земли.

Петр отказал союзникам в просьбе выступить гарантом этого соглашения по двум причинам. Первую он выставил в качестве официальной: не учтены интересы Ганновера, претендовавшего на Бремен и Верден. Игнорировать это государство нельзя, поскольку его позиция важна с точки зрения победоносного завершения войны. Вторая причина была связана с обоснованными опасениями царя по поводу того, что преждевременное удовлетворение притязаний датского и польского королей лишит их стимула к дальнейшему участию в военных действиях и побудит к сепаратным переговорам со Стокгольмом, чем они в тайне от России уже занимались.

В конце сентября 1711 года Фредерик IV опять стал шантажировать Петра возможностью сепаратного договора, если ему не дадут деньги и войска на кампанию 1712 года. Царь поспешил заверить короля, что выполнит просьбу.

Англия сердится

Петровская политика в отношении Англии была по-прежнему пронизана недоверием и стремлением ограничить ей простор для плетения интриг против России и ее союзников. Еще в октябре 1710 года царь отправил в Лондон Б.И. Куракина с поручением поторопить английское правительство с выполнением его совместного с Голландией и Австрией обязательства сформировать 15-тысячный корпус для предотвращения военных действий на территории Империи в соответствии с договором участников «Великого союза» о нейтралитете в Северной войне. После аудиенции у королевы Анны (6 ноября 1710 г.) Б.И. Куракин вступил в переговоры с влиятельным государственным деятелем Англии герцогом Джеймсом Куинсбери (22 января 1711 г.). Петровский дипломат заявил, что Россия, в ущерб своим интересам, согласилась соблюдать нейтралитет в надежде на создание англо-голландско-австрийского корпуса, однако его до сих пор нет. Между тем Швеция, отказавшаяся признать принцип нейтралитета, и шведские противники, признавшие его, очутились в неравноправном положении, то есть со связанными руками перед лицом готовившегося вторжения Крассова в Польшу и Саксонию. Б.И. Куракин настаивал на скорейшей отправке шести английских батальонов (предназначенных для международного корпуса) против шведских сил в Померании. Куинсбери пообещал, что все необходимые меры будут приняты.

Поскольку ничего не происходило, Петр обратился к королеве Анне (послание от 29 апреля 1711 г.) с предупреждением, что неисполнение обещанного со стороны Англии он воспримет как *«явный знак вашего недоброжелательства к нам»*. России и ее союзникам тогда не останется иного, как самим позаботиться об упреждении наступления ежедневно усиливающейся шведской группировки в Померании.

Б.И. Куракин пытался повлиять на британского госсекретаря Генри Сент-Джона, который в долгом разговоре с русским послом отрицал наличие угрозы имперским территориям со стороны Швеции, что подразумевало отсутствие необходимости фор-

мировать международный корпус. Общий вывод Б.И. Куракина был таков: *«На желание наших предложений я не чаю, чтоб здесь могло* (что-то. — *В. Д.*) *учиниться, и того для извольте брать свои меры»*.

В ответ из Москвы было получено указание: больше *«о посылке корпуса их не домогаться»*. Б.И. Куракин был отозван из Лондона для более важных дел, а на его место назначен фон дер Лит.

Упреждающий удар русско-саксонских войск по группировке Крассова вызвал негодование англичан, хотя Петр предупреждал, что будет именно так действовать в ответ на их саботаж договора о создании международного корпуса для защиты границ Империи. Когда царь был в Карлсбаде, английский посланник в Пруссии Витворт выразил ему неудовольствие Лондона по поводу появления русских войск в Померании. Правда, гневная реакция Петра заставила англичанина поскорее убраться с его глаз. Переговоры продолжил Г.И. Головкин, принявший от Витворта меморандум.

В документе, исполненном вежливого британского лицемерия и угроз, утверждалось.

1) Несогласия между Россией и Англией явились по вине злонамеренных людей. На самом деле королева всегда руководствовалась дружескими чувствами к Петру. Именно поэтому она и ее союзники, имея все возможности, не стали препятствовать незаконному вторжению датских и саксонских войск в Померанию (русские полки деликатно обойдены молчанием). Именно поэтому она искала *«всякие способы»* к достижению справедливого мира России с Турцией и, несомненно, добилась бы его, если бы царь не поторопился подписать прутские условия.
2) Если бы Петр *«о своем интересе благоизволил рассудить»*, отказавшись слушать ложные наветы, то усмотрел бы *«великий авантаж и пользу»* для себя в том принципе нейтралитета Империи, который был провозглашен Англией и ее союзниками. Они, дабы не ссориться с Россией, позволили датчанам и саксонцам нарушить этот принцип, когда те начали наступление в Померании.
3) Теперь, когда стало ясно, что угрозу спокойствию Империи несет не шведская армия, а датско-саксонско-русские войска, «Великий союз» требует прекращения военных действий, в противном случае он вынужден будет перейти от увещеваний к *«иным мерам»*.
4) У Лондона есть способы расколоть Северный союз и оставить Россию в одиночестве.
5) Английская королева, всей душой стремящаяся к установлению мира на севере и предлагая посредничество, хотела бы, чтобы царь объявил свои условия.
6) Англия заинтересована в подписании с Россией договора, касающегося балтийской торговли.
7) России советовали остерегаться интриг французского двора и вступать с ним в обязательства, наносящие ущерб английским интересам.

Эти и некоторые другие, менее важные пункты являлись основными предметами обсуждения. Именно обсуждения, поскольку перед Витвортом была поставлена задача *«ознакомиться с намерениями царя* [...]*, не делая ни шагу со своей стороны»*. Отчасти удовлетворяя любопытство английской стороны, Г.И. Головкин дал несколько поя-

снений, которые его собеседнику едва ли понравились. *Во-первых*, сказал канцлер, Россия не брала на себя обязательств отказаться от общения с Францией. *Во-вторых*, после того как Швеция отвергла принцип нейтралитета, а «Великий союз» не стал принуждать ее силой, царю пришлось оставить значительную часть своих сил на севере, что и привело к поражению в войне с турками. *В-третьих*, в связи с большими потерями в этой войне, требующими восполнения, нынешние русские требования к Стокгольму отличаются от прежде объявленных, а как именно — будет обнародовано лишь тогда, когда Англия и ее союзники представят свое видение условий мира. *В-четвертых*, Россия категорически против вмешательства «Великого союза» в Северную войну. *В-пятых*, воинственная позиция Швеции делает вступление союзных войск в Померанию абсолютно законным, но это не значит, что они собираются нарушить покой в Империи.

После безрезультатных переговоров в Карлсбаде Петр решил объясниться с Лондоном через своего нового посла Альбрехта фон Лита, преемника князя Куракина. Встретившись в ноябре 1711 года с английским госсекретарем виконтом Болингброком (Генри Сент-Джоном), петровский эмиссар услышал следующее: *«Союзники в Померании поступают выше всякой меры: сначала уверяли, что хотят только выгнать оттуда шведский корпус генерала Крассова, а теперь ясно видно, что их намерение — выжить шведского короля из немецкой земли; это уже слишком!»*

Эти идеи, типичные для британской внешнеполитической мысли, Болингброк более откровенно развивает в переписке с Витвортом. *«Замыслы северных союзников непрерывно возрастают,* — писал виконт, — *и несомненно, что эти замыслы весьма опасны и особенно вредны нам, если нарушат ход нашей войны с Францией, ...хотя в меньшей степени, но тоже неблагоприятны будут для нас успехи союзников, если им удастся значительно унизить Швецию, следовательно, нарушить европейское равновесие на Севере»*.

Соблюдать этот геополитический принцип, приобретавший для англичан некую святость, было нелегко, ибо он не имел математического измерения и всегда воспринимался субъективно. То, что одни правители считали равновесием, для других таковым вовсе не было. Поэтому в истории международных отношений борьба за сохранение или восстановление равновесия сил зачастую превращалась в верный способ его разрушения.

Де Торси предъявляет «невозможности касающиеся» условия

Начавшаяся русско-турецкая война ставила Россию в уязвимое положение перед лицом французских интриг. Однако до прутского конфуза такое утверждение являлось лишь теоретическим посылом, поскольку, если бы Петр победил, вся игра Версальского двора против России была бы сорвана. Так или иначе Петр считал очень важным нейтрализовать или, по крайней мере, минимизировать пагубное для себя влияние Парижа на Стамбул.

В начале июня 1711 года царь послал во Францию своего эмиссара Григория Волкова (в статусе царского *«секретаря»*) объявить о назначении ко двору Людовика XIV нового резидента Б.И. Куракина (вместо умершего в апреле де Крока). Данная дипломату многостраничная инструкция содержала предписание, которое лишь на первый

взгляд кажется верхом наивности. Петр велел *«обнадежить»* короля *«твердою своею любовью и приязнью»*, которую он *«накрепко всегда содержать намерен»*, и заверить в том, что нисколько не сомневается в абсолютной непричастности Людовика к чинимым против России происками французских дипломатов в Стамбуле. Продолжая комедию, царь просил короля лишь об одном — унять самоволие этих людей, которые норовят дискредитировать *«ближайшую меж их величеств дружбу»*.

Волкову было поручено объявить о желании Петра вступить с королем в *«ближайшее сообязательство и союз»*, но обсуждение этой темы оставить для Б.И. Куракина.

На тот случай, если французы предложат свое посредничество в деле прекращения Северной войны, Волков должен был сказать, что Петр от *«честного и доброго мира»* не отказывается и королевскую медиацию *«охотно приемлет»*, однако он сомневается в ответной готовности Карла XII, который *«оные предложения с ругательством отвергал»* и возбуждал против России Турцию и Францию, поэтому царь не имеет причины возвращать шведам завоеванные им территории. Если же Версаль согласится отговорить султана от продолжения войны, то может рассчитывать на взаимную услугу в виде государева содействия установлению мира между «Великим союзом» и Францией *«с добрым прибытком»* для последней. Другая услуга выражалась в обещании склонить датского и польского королей к отзыву своих войск (20 тыс. солдат) с фронтов Испанской войны.

Петр просил заменить другой персоной французского посла в России Балюза, который в своем стремлении к защите интересов Швеции и Станислава Лещинского действовал с помощью интриг и обмана.

Волков домогался приватной аудиенции у короля, но получил лишь публичную (даром, что она происходила в спальне Людовика), да и то лишь из уважения к русскому царю, поскольку французский дипломатический протокол не предусматривал высочайших аудиенций для дипломатов *«в характере* (статусе. — *В. Д.*) *секретаря»*. Она состоялась 12 июня 1711 года и была совершенно формальной. Что касается разговора по существу, то его Волков имел в тот же день с французским министром иностранных дел де Торси. До постыдного Прутского мира оставался месяц, но пока ситуация для русской армии была далека от критической.

Волков высказался в соответствии с основными пунктами наказа. Главным в ответе де Торси был упрек в том, что русские ставят вопрос лишь о примирении с султаном, а не о генеральном одновременном мире с Турцией и Швецией, чего желали бы в Версале. При таком варианте, как нетрудно догадаться, России пришлось бы заплатить двойную цену — уступками и Стамбулу, и Стокгольму. По итогам беседы де Торси сформулировал несколько условий французского посредничества. 1) Петр дает согласие на подписание торгового договора; 2) поднимает венгров против Австрии; 3) принимает все меры, чтобы императорская корона не принадлежала представителю Габсбургов и была передана Августу II; 4) способствует отзыву с полей сражений датских и саксонских армий, воюющих против Франции.

Эти предложения Волков с полным основанием назвал *«невозможности касающимися»*, то есть абсолютно нереальными. Если бы де Торси искал более простодушный способ обвести Москву вокруг пальца, то, пожалуй, не нашел бы. Его недобрые помыслы, шитые белыми нитками, вполне адекватно отражали тогдашнее состояние русско-французских отношений. Внешнеполитические предпочтения Людовика XIV

были устойчивыми, и он считал глупым менять в них что-либо ради дружбы с варварским царем, который к тому же только что угодил в прутский капкан.

Между тем де Торси неоднократно (ноябрь–декабрь) просил у Волкова ответа на французские предложения. От Г.И. Головкина последовало распоряжение: *«его царское величество изволил то поотложить до иного часу, дабы между тем смотреть, что ныне чиниться будет»*. В ответ на попытки Версаля связать Россию конкретными обязательствами, а себя от них избавить Петр занял уклончивую позицию. Переговоры были прерваны отчасти из-за протестов Англии, боявшейся русско-французского сближения.

Согласно сообщениям Волкова, бытовавшие во французском общественном мнении враждебные чувства к России насаждались официально. Добрых вестей о русских тут и не слыхать. А когда они случаются, то в печать их не пускают. Так оно и будет, если, по мнению резидента, это важное направление информационной деятельности оставить без внимания. Он предлагал найти такого *курантельщика* (редактора газеты), который за деньги будет публиковать сведения под выгодным для России углом зрения.

ЛАНЬ®

Чего хочет Ганновер?

Царь понимал, что русско-ганноверская конвенция от 3 июля 1710 года являлась скорее декларацией о намерениях, чем полноценным договором, и не оставлял надежды склонить курфюрста к вступлению в союз против Швеции. Георг-Людвиг тоже старался поддерживать эту надежду. Летом 1711 года русский посланник Г.-Х. Шлейниц и камергер курфюрста Андрас-Готлиб фон Бернсдорф (Беренсдорф) начали переговоры о союзе против Швеции. Были составлены несколько проектов и отосланы Г.И. Головкину. Из них явствовало, что Георг-Людвиг не прочь разорвать со Швецией, если ему будет гарантировано приобретение Бремена и Вердена, на которые претендовала также Дания. Встал вопрос об отступных для Копенгагена. Подбор формы компенсации представлял затруднение, ибо она должна была соответствовать геополитической (выход к Северному морю) и экономической (прибыли от международной торговли) ценности этих земель. Бернсдорф предлагал в качестве вознаграждения для Дании Гольштинию или деньги. Он был против ввода датской армии в эти провинции, опасаясь, что в таком случае предотвратить явочный захват будет невозможно. Еще одна проблема заключалась в нежелании Ганновера идти с датчанами на прямые переговоры из боязни проиграть их в условиях отсутствия внешней дипломатической помощи. Фактически он хотел, чтобы Петр взял на себя решение этого вопроса, при этом уклоняясь от конкретного обсуждения военных обязательств курфюрста. Вероятно, была надежда, что при определенном раскладе обстоятельств и вступать в войну не придется.

В сентябре курфюрст послал Бернсдорфа в Карлсбад для тайного разговора с Петром. Царь дал ему аудиенцию, но затем препоручил его своим дипломатам во главе с Г.И. Головкиным (Куракин, Долгорукий, Шлейниц, Урбих). По результатам переговоров государю был представлен доклад, в котором, помимо уже изложенных нами идей, содержалось предложение: до окончания войны взять Бремен и Верден в русский секвестр, а потом решать, кому его отдать. Ответ Петра состоял из трех пунктов. 1) Никаких секвестров. Если Ганновер хочет получить желае-

мое, пусть вступает в войну *«явно»*, то есть реально. 2) Иначе датские, саксонские и русские войска займут Бремен и Верден как неприятельские территории. Если такая коллективная акция не по душе курфюрсту, то эти территории будут временно оккупированы только войсками Петра, не имеющего на них никаких видов. Затем Ганноверу должно быть предложено вместо открытого объявления войны Швеции предоставить в распоряжение датского короля 20-тысячное войско с артиллерией для завоевания тех шведских земель, которые станут для него равноценным вознаграждением за отказ от Бремена и Вердена. 3) На худой конец курфюрст может откупиться деньгами, достаточными для найма войск, способных решить эту стратегическую задачу.

В какой форме эти пункты были донесены до Бернсдорфа, не известно. Известно лишь, что Георг-Людвиг остался недоволен результатами карлсбадских переговоров и стал искать поддержки у Англии и Голландии.

Хотя проявлять недовольство впору было Петру, которого курфюрст пытался водить за нос, царь любезно поблагодарил его за *«зело приятную»* присылку Бернсдорфа, достойного дипломата, сумевшего передать теплые чувства своего сюзерена. Но не преминул заметить, что на его предложения были даны такие ответы, какие соответствовали *«нынешнему состоянию»* дел.

1712 год

Россия и Турция на грани войны

1712 год начался очень тревожно. Шафиров, исходя из официальных заявлений Порты, сообщал Петру, что война с Турцией неизбежна. Несмотря на свое отчаянное положение заложника, вице-канцлер призывал царя не отдавать Азов, действовать твердо и с *«поспешанием готовиться всеми силами»* к возобновлению военных действий. Шафиров не верил, что даже исчерпывающее выполнение Прутского договора умиротворит Порту. Но государь решил вторично не испытывать судьбу и отдал распоряжение вернуть Азов и срыть Таганрог, отказавшись от требования о высылке Карла XII, а также вывести войска из Польши. Впрочем, дополнительную армейскую мобилизацию Петр на всякий случай приказал произвести.

Представленный Шафировым анализ ситуации дает основания считать ее глубоко противоречивой и задаться вопросом: насколько близок был Стамбул к принятию окончательного решения? Крайне агрессивный настрой султана говорит о многом, но не обо всем. Ахмеду III противостояли влиятельные силы в светской и духовной (улемы) элите, выступавшие против войны, понимая, что она всегда рискованна и непредсказуема. Скорее всего, логика рассуждений «пацифистов» была примерно такой: повторение прутской кампании маловероятно, поскольку русские умеют извлекать уроки из ошибок; если Петра загнать в угол, ему придется принять вызов, и тогда неизвестно, чем все закончится, как неизвестно, чем бы дело закон-

чилось на Пруте, решись тогда царь на еще одно генеральное сражение. Из этого следовал вывод, что лучше всего удовольствоваться условиями мира и употребить все средства давления на Петра, чтобы принудить его к скорейшему выполнению обязательств.

Вокруг вопроса о войне и мире шла острая дипломатическая борьба. Французский посол в Стамбуле Пьер Дезальер передал султану «мемориал» (август — первая половина сентября 1712 г.), в котором призывал падишаха к войне, ибо полагаться на обещания царя, то есть на апрельский 1712 года договор, нельзя. Посол советовал дать большое войско для препровождения Карла XII в Польшу, где его встретят как освободителя и помогут в борьбе против России. Это означало, что Петра нужно снова заставить воевать на два фронта.

Относительно позиций английского посла Роберта Саттона источники крайне разноречивы. В донесении от 20 мая 1711 года Шафиров сообщал царю о его *«ревности и старании»* в пользу сохранения мира, прося отблагодарить посла личным письмом и подарками. Петр послал англичанину 1400 рублей деньгами и на 1000 рублей мехов. Обращаясь к другим свидетельствам, историк вправе спросить, достоен ли был получатель своего подарка. Когда великий визирь поинтересовался у Саттона, имеются ли у него официальные полномочия посредничать в русско-турецких переговорах, тот ответили, что ему предписано вмешиваться в переговоры в пользу Турции. А.А. Матвеев докладывал Г.И. Головкину со ссылкой на достоверные сведения, что Саттон получил из Лондона указание действовать совместно с Дезальером и *«по всей мочи благоприятствовать интересам свейским* (шведским. — *В. Д.*) *у той Порты и ее подущать к продолжению с нами войны, чтоб цесарь, будучи от турок безопасным, мог всеми силами вспомогать войсками своими общую пользу высоких союзников* (т.е. Англии и Голландии. — *В. Д.*)». Тот же Матвеев сообщал, что в Лондоне были недовольны заключением русско-турецкого договора от 5 апреля 1712 года (см. ниже), укоряя Саттона за якобы попустительство и нарушение указа препятствовать миру. Наличие такого указа подтверждал находившийся в Гааге Б.И. Куракин. Об этом же подозревал и петровский посол в Англии фон дер Лит, который, будучи на аудиенции у королевы, не заметил у нее особого восторга по поводу царской благодарности в адрес Саттона и объяснил это тем, что *«между Францией и Англией некоторый концерт в пользу Швеции постановлен»*.

В западной историографии высказано мнение, будто Саттон содействовал интересам России в нарушение официального предписания стать на сторону Турции, за что удостоился упреков Лондонского кабинета. При этом не поясняется, какие мотивы могли заставить Саттона вести себя совершенно не «по-английски», если обвинения в его адрес справедливы. Попытаемся предположить ответ на этот вопрос исходя из банального утверждения, что дипломатия высокого уровня — отнюдь не черно-белая картина, в ней масса нюансов, парадоксов, импровизаций, поведенческих тонкостей. Возможно, Саттон недостаточно рьяно выполнял официальные инструкции, но оправдание тому мы находим в глубокой их противоречивости. С одной стороны, ему велели действовать рука об руку с Дезальером, с другой — с голландским послом в Стамбуле Якобусом Кольером. А они придерживались противоположных установок своих правительств. От француза требовалось решительно сломать мир, а голландец получил из Гааги наказ о *«всем возможном вспоможении»* Шафирову. Стало быть, вы-

бор вольно или невольно был оставлен за Саттоном. И он его сделал, опираясь на ту часть лондонских инструкций, где говорилось о необходимости *«не разниться с голландским послом, по силе общего союза»*.

В каком-то смысле Саттон оказался ведомым, и в этой связи Кольеру стоило бы посетовать на то, что царь, написавший им одно благодарственное письмо на двоих, в своих подарках был щедрее к англичанину. (Кольеру было послано 1300 рублей деньгами и на 700 рублей соболей.) Впрочем, и Кольер едва ли заслуживал своего гонорара. Только благодаря настойчивости русского резидента в Гааге Б.И. Куракина Генеральные Штаты направили Кольеру указание способствовать заключению мира путем убеждения Порты в том, что она имеет ложную информацию о наличии царских войск в Польше. Однако главный упор в инструкции делался на необходимость воздерживаться от дипломатической активности, чтобы *«не дать желюзии* (подозрения. — *В. Д.*) *ни Англии, ни Шведу»*. Больше того: в разговоре с Куракиным ратпенсионарий Гейнзиус ссылался на нежелание Гааги своим заступничеством за Россию озлобить Францию, которая *«ныне при Порте в великой силе есть»*. Именно этим и руководствовался голландский посол в большей степени, чем заботой о сохранении мира.

Если углубляться в подспудные мотивы согласованных действий Саттона и Кольера, отбрасывая слишком упрощенную (хотя и не невероятную) версию шведского посланника в Турции Томаса Функа о мздоимстве, то почему бы не допустить, что, уговаривая султана сохранить мир, они пеклись вовсе не о России, а о том, чтобы не подвергать риску плоды ее поражения на Пруте и уберечь Турцию от потери того, что она приобрела столь счастливым образом. Поэтому они под видом помощи Шафирову изо всех сил старались добиться подписания нового договора, подтверждающего прутские условия и тем самым лишающего Петра возможности уклониться от скорейшего выполнения своих обязательств.

Кроме того, Саттон и Кольер добивались, чтобы их посредническая миссия распространялась одновременно на русско-турецкие и русско-шведские отношения. Иными словами, условия мира со Стамбулом и со Стокгольмом должны находиться в одном переговорном «пакете» и обсуждаться в комплексе. Петр наставлял Шафирова ни в коем случае не допустить этого. Возможно, он, как предполагал Витворт, действительно думал, что от Турции зависит судьба Северной войны.

Что касается личного восприятия царем Саттона, то оно было глубоко подозрительным. Петр нисколько не верил в добронамеренность англичанина, больше склонный видеть в его поведении *«коварный способ* [...] *заключенный мир отпровергнуть»* путем сговора со шведами и французами. Государь советовал Шафирову действовать в отношении Саттона *«политично»*, с *«остережением»* и со всем свойственным ему *«искусством»*. Советы были здравыми, но излишними. Вице-канцлер и сам видел, что посол ведет какую-то темную игру, сначала вызвавшись помогать его царскому величеству (21 сентября), а затем, когда эта помощь реально понадобилась, сказавшись больным. (Через год новый великий визирь Али-паша посоветует Шафирову держаться подальше от европейских дипломатов в Стамбуле, которые *«под образом приятелей»* ведут коварную работу по срыву мирных переговоров.)

5 апреля 1712 года после сложных перипетий внутри османского правительства договор между Россией и Турцией сроком на 25 лет был подписан. Этот акт стал воз-

можен после того, как в Стамбул пришло сообщение об уходе русских из Азова и начале работ по разрушению Таганрога. Петр в конце концов дал на это согласие. Ему пришлось удовлетвориться обещанием Порты избавиться от Карла XII, если Москва перестанет требовать этого в качестве условия выполнения первого пункта Прутского договора (о возвращении Азова).

Новый договор, по сравнению с Прутским, содержал значительные изменения, внесенные в текст турками под влиянием внушений шведского короля и его польских сторонников. На первом плане был уже не Азов, а безоговорочный вывод русских войск из Польши. В случае невыполнения этого условия Порта грозила разрывом.

Тут мы вновь сталкиваемся с безответными вопросами дипломатической истории Петровского времени. Была ли перспектива возобновления войны настолько предрешенной, чтобы считать действия царя по ее предотвращению адекватными? Не являлись ли османские угрозы пустым шантажом? Кто из участников этой войны, случись она, рисковал больше и чем? Не преувеличил ли Петр, под влиянием прутского синдрома, стратегические и военно-политические возможности Порты, с одной стороны, и собственную уязвимость — с другой?

За этими вопросами тянется целый шлейф макро- и микро-сценариев несостоявшейся войны. Все они сливаются в одну большую загадку, ломать голову над которой оставим любителям альтернативной истории. А мы последуем за реальными событиями и посмотрим, чем обернулось для Петра его согласие на подтверждение Прутского мира.

Ближайшим последствием стала возросшая уверенность Порты в том, что психологическое давление на царя путем устрашения — средство эффективное. Не удовлетворившись возвращением Азова с окрестностями, султан потребовал досконального выполнения апрельского договора 1712 года. Согласно его заявлениям, русские войска до единого солдата должны навсегда уйти из Польши и казачьих земель, иначе — война. Умиротворительные шаги Петра ничего не дали, вернув его к прежней напряженной ситуации. Шведский и французский послы в Стамбуле сделали для этого немало. Они в унисон внушали Ахмеду III мысль о лживости царских обещаний, стараясь шире открыть ему глаза на масштабы и зловещий характер внешнеполитической программы Петра. Говорилось, что, расправившись со шведами, он пойдет на турок и поднимет все христианские народы Османской империи. Порубежные с Турцией Украина, Подолия, Волынь, а также половина Литвы скоро окажутся в царских руках, ибо таковы условия тайного договора между Петром и саксонским курфюрстом, которого царь против воли поляков вернул на польский престол. Если Порта хочет разрушить замыслы Москвы, ей нужно признать законным королем *«своего друга»* Станислава Лещинского. Тогда народ поднимется и изгонит Августа II, власть которого держится лишь благодаря русскому военному присутствию.

Инсинуациями враги России не ограничились. Люди Карла XII с большой ловкостью, не жалея сил, готовили низвержение «прорусского» визиря Юсуф-паши и замену его своим ставленником Сулейман-пашой. Нашлись на это и деньги. Людовик XIV прислал шведскому королю 400 тыс. ефимков и обещал дать еще.

Шафиров и присоединившийся к нему после освобождения из заключения Толстой тоже не щепетильничали по поводу средств борьбы со шведскими и французски-

ми противниками. Эта борьба шла с переменным успехом, напоминая перетягивание каната. Русские дипломаты старались упрочить позиции «партии мира» в османской политической элите. Используя свои тайные связи, они нанесли несколько мощных ударов по неприятелю. Близкие к султану люди (включая его влиятельную мать), через которых, в обход визиря, пытались действовать шведы и французы, были просто перекуплены. Шафирову и Толстому удалось добиться того, что Карлу XII велели больше не задерживаться в Турции и отправляться восвояси. А глава османского духовенства (муфтий) счел нужным поделиться с вице-канцлером своим мнением. Теперь, когда Азов возвращен, полагал он, Порте следует воевать не с Россией, а с Венецией, чтобы отобрать у нее Морею. Это будет, в отличие от русско-турецкой, праведная война, на которую муфтий пойдет и сам, несмотря на преклонные годы. Он считал важным избавиться от Карла XII, пытающегося *«огонь возжечь»* и оскорбляющего визиря своим демонстративным неуважением к нему. Поэтому эту *«собаку»* нужно прогнать.

В том же духе высказался Юсуф-паша в разговоре с Шафировым: *«Не бойтесь, чтобы шведский король мог теперь здесь что-нибудь сделать, хотя он и хлопочет и всюду суется, уподобляясь человеку, посаженному на кол: с тоски то за то, то за другое хватается»*. Визирь не скрывал своего мстительного настроя. Если король откажется уезжать, *«мы зашлем его в такую даль, где он может и исчезнуть»*. Однако, что бы ни имел в виду Юсуф-паша, эта «даль», как покажет ближайшее время, больше грозила ему самому, чем Карлу.

Дело с высылкой застопорилось из-за неопределенной ситуации в Польше, где никак не могли принять решение об условиях проезда короля через страну. Это, как и предвидел Шафиров, позволило Карлу мутить воду с большей изощренностью и большим успехом.

Вряд ли можно проникнуть в планы Карла на всю их глубину, если таковая имелась. Проще всего допустить, что король собирался действовать по ситуации. Но насколько точно он просчитывал то, что прогнозам почти не поддавалось?

Шафиров сообщал, что Карл намеревается идти в Польшу со 100-тысячным турецким войском, укрепленным татарскими силами численностью от 5 до 30 тыс. Однако поверить в готовность Порты к такому крайне рискованному расточительству так же трудно, как и в способность Карла управлять этой столь далекой от шведского духа и шведской дисциплины массой. Верил ли сам Шафиров в то, о чем писал?

Как бы там ни было, Карл располагал мощным рычагом давления на султана с целью укрепления в нем воинственного настроения — спекуляция на отказе Петра от выполнения условий договоров 1711–1712 годов о выводе царских войск из Польши.

Это же обстоятельство являлось самым слабым местом в дипломатическом арсенале Шафирова, который жаловался Головкину на отсутствие своевременной информации о положении дел в Речи Посполитой. Он выкручивался как мог: то уверял Порту в отсутствии русских войск на польской территории, то обещал от имени Москвы, что до конца 1712 года они будут выведены в Померанию для освобождения ее от шведов. От этого вопроса зависела участь не только Шафирова, но и Юсуф-паши, который признавался вице-канцлеру, что *«дела опять запутываются»*. Обещание Шафирова было для Юсуф-паши и других сторонников мира, пожалуй, единственным козырем в борьбе с «партией войны», куда входил и султан. Шафиров умолял

Петра оставить эту карту в их руках, иначе неизбежен правительственный переворот в Стамбуле с плачевными последствиями не только для визиря, но и для русских дипломатов.

Крымский хан доносил Ахмеду III, что в Польше стоит большая армия. В этом же уверяли падишаха шведский король, французский, венецианский и австрийский послы в Стамбуле. Информацию подтвердил отправленный в Польшу специальный турецкий агент. Прикрыть этот факт уже нельзя было никакими соболями.

Между тем Петр велел Шафирову объяснить Порте, что его войска идут через Польшу в Померанию и тем же путем, за неимением другого, будут возвращаться в Россию. Юсуф-пашу это сообщение, похожее на приговор ему, вывело из себя. Обвинив Шафирова в предательском обмане, он заявил, что Порту совершенно не интересует ни Померания, ни то, как русские войска будут добираться туда и обратно. Пусть выбирают любую дорогу, *«только не через Польшу»*. В противном случае, говорил визирь, *«знайте, что мир разорвется»*.

Ратификация договора от 5 апреля вылилась в целую проблему. Свою тяжелую руку приложил к этому французский посол Дезальер, убеждавший Порту, что царь обвел ее вокруг пальца, поскольку сохранил потенциал для беспрецедентного по силе удара по Османской империи прежде всего со стороны Польши и Украины. Пока не пришлось раскаиваться, нужно действовать.

Почти такая же идея легла в основу мемориала, переданного Карлом XII султану. Там проводилась мысль, что подписанный договор ничего не стоит, пока хотя бы один русский солдат остается в Польше. Нужно срочно потребовать от царя установить точный срок полного вывода войск.

Одним из активных поджигателей войны был крымский хан Девлет-Гирей II, который взял на себя эту роль отчасти по вине московской дипломатии. Дело в том, что отношения между Бахчисараем и Стамбулом представляли собой тонкую и сложную материю. Будучи вассалом султана, хан порой вел вполне самостоятельную политику, пока она не вступала в явное противоречие с интересами Османской империи или личными взглядами падишаха. Девлет-Гирей, как и некоторые его предшественники, притязал на весьма значительную автономию в своих внешнеполитических действиях. Поэтому его сильно задевало, что Петр ведет переговоры и *«делает мир с турками, а не с ним, так что он о том миру нынешнем не ведает»*. А мириться надлежало бы прежде всего с ханом, ибо он *«сам король»* и пограничный правитель с большой армией и свободой выбора внешней ориентации. Возмущало Девлет-Гирея и то, что царь избегает прямой переписки с ним и не присылает подарков, *«как всегда бывало»*. А когда к нему пишут русские порубежные начальники, то именуют его султанским наместником, а не *«королем»*. И в качестве суверенного монарха он грозил России, если она не изменит своего отношения к Бахчисараю, поступать по своему разумению, то есть начать войну.

Возможно, русской дипломатии стоило бы предпринять хотя бы минимальные усилия для нейтрализации враждебных намерений Девлет-Гирея, тем более что о конкретной плате за устранение крымской опасности, как уверяли Шафирова великий визирь и рейс-эфенди Турции, с ханом можно было договориться.

В августе Ахмед III принял решение не ратифицировать договор от 5 апреля, пока русские не уйдут со всей польской территории, включая Данциг, Эльбинг, То-

рунь, Познань, Литву и Курляндию. Султан едва ли жаждал войны, но он находился под давлением жесткой психологической ситуации, лишавшей его свободы действий[1]. Соответствующим образом настраиваемое общественное мнение *«гордого народа»* (по выражению Шафирова) было недовольно слишком снисходительными условиями договоров с Россией, а еще больше — ее нежеланием их выполнять. Ахмед III помнил, как его предшественник (Ахмед II), опасаясь реакции своих подданных на подписание Карловицкого трактата 1699 года, объявил в публичном манифесте, что он лишь из милости и человеколюбия ответил на мольбы цесаря и его союзников о мире и *«унятии крови»*.

Шафиров был в отчаянии. Находясь в цейтноте и не имея никакой возможности согласовать свои действия с Петром, он прибегнул к посредничеству английского посла, с помощью которого была составлена, в качестве приложения к договору 1712 года, статья, обязывавшая Россию возвращать свои войска домой либо морем, либо, если невозможно, самым краешком балтийского побережья, и больше этого никогда не повторять. Петр устроил Шафирову за его самодеятельность выволочку, не выбирая слов и не жалея сарказма, чтобы выразить свое недовольство (вплоть до *«не лишился ли ты ума»*). Но вскоре уже не имели никакого значения ни подписанная Шафировым «капитулянтская» статья, ни царская на нее реакция. Значение имели лишь доклады недоброжелателей России о пребывании русских войск в Польше даже после того, как они ушли оттуда (сентябрь 1712 г.). Это дало османским «ястребам» явный перевес в борьбе с «голубями», результатом чего стало падение Юсуф-паши (ноябрь 1712 г.), заключение под стражу Шафирова, Толстого (во второй раз), М.Б. Шереметева, рассылка указов об объявлении войны и выезд Ахмеда III в Адрианополь в расположение армии.

Султан исполнился больших надежд. В стремлении поддерживать этот энтузиазм шведы и французы действовали заодно. Скорее всего их расчет строился не на уверенности в османской победе, а на предположении, что царь не станет воевать на два фронта и непременно попросит о мире. Тогда султан должен будет ужесточить условия предыдущих договоров. Проект нового договора, представленный падишаху в специальном меморандуме французского посла в Стамбуле, включал четыре пункта, имевшие, с точки зрения составителя, принципиальное значение. 1) Города, расположенные к северу от Азова на расстоянии 50 часов езды, должны быть разорены. 2) Украина передается либо Турции, либо крымскому хану. 3) Август II лишается короны и отказывается от Польши. 4) Царь заключает мир с Карлом XII, возвращая все завоеванные земли.

Если подобный оптимизм не был наигранным, то, значит, оптимисты не отдавали себе отчет, что эти пункты можно предъявить лишь противнику, вчистую проигравшему войну. Но такая перспектива выглядела маловероятной на фоне острой и запутанной внутриэлитной ситуации в Турции. Порта была поглощена изнурительной борьбой между сторонниками мира и их оппонентами, вносившей глубокий разлад

[1] Русские дипломаты в Турции П.А. Толстой и П.П. Шафиров придерживались противоположной точки зрения, полагая, что война объявлена России «*одним только салтанским изволением*», наперекор воле «*всего турецкого народа*» и высших сановников. Вероятно, к такому выводу они пришли на основании своих личных ощущений, возникших под влиянием «*жестокого и крепкого*» обращения с ними в турецкой тюрьме. Кстати говоря, Шафиров сам себе противоречил, когда утверждал, что народ не позволит султану заключить с Россией мир на прежних условиях.

в работу государственного механизма. Напрочь отсутствовали внятные военно-стратегические и дипломатические планы. Все это неизменно отражалось на состоянии армии, которая теряла боевой дух, превращаясь из эффективного внешнеполитического инструмента в обузу и социальную угрозу для верховной власти.

Петр не позволял себе руководствоваться именно таким, благоприятным для России видением ситуации. Он исходил из худшего сценария — войны, но предпочел бы мир на относительно приемлемых условиях. О том, что Петр не боялся войны, говорит его предписание Шафирову от 30 октября 1712 года — прекратить переговоры, к чему бы это ни привело, *«и надеемся на бога, что он в нашей правде нам поможет»*.

Составленная царем стратегическая программа предполагала оборонительную войну и содержала конкретный план действий. Регулярные войска сосредотачиваются под Киевом, а нерегулярные создают неприятелю препятствия на путях наступления (выжигают степь, истребляют запасы продовольствия и т.д.). Казаки во главе с гетманом Скоропадским сторожат днепровские переправы. Укрепляется оборонительный потенциал Полтавы и Белгорода. Часть войск выдвигается к Белой Церкви для противостояния первому натиску противника, а потом, при необходимости, уничтожает крепость и отступает для соединения с основной армией.

Программа Головкина предусматривала и социально-политические меры: освобождение жителей Киевской губернии от налогов; наблюдение за Скоропадским и его знатным окружением с целью предотвращения измен; привлечение на русскую службу молдаван и сербов.

В ноябре Ахмед III издал манифест о невыполнении русскими условия о выводе войск из Польши и вновь объявил войну России. Петр принял вызов и, уже с учетом прутского опыта, распорядился об экстренных приготовлениях к войне на два фронта: на юге оборонительной, на севере наступательной. Вместе с тем в бой царь не рвался, пытаясь задействовать все дипломатические средства.

В таком состоянии находились русско-турецкие отношения на исходе 1712 года.

Как расколоть польскую фронду?

Продолжали ухудшаться отношения между Россией и Польшей. Август II, будучи заложником напряженной внутриполитической и международной ситуации, лавировал между противоборствующими силами, заботясь прежде всего о своих личных и саксонских интересах. Польская знать и правящая элита были расколоты. Главная линия водораздела проходила между последовательными противниками России и теми, кто считал ее меньшим злом в сложной обстановке Северной войны, связывая с Петром надежды на территориальные приращения. По этой же причине лоялисты терпели царского ставленника Августа II, ибо только через его союз с Петром можно было получить желаемое. Принадлежность к, условно говоря, русофобской партии вовсе не являлась автоматической предпосылкой к прошведской ориентации, хотя в сейме имелись сторонники Карла XII, связывавшие с ним перспективу получения Речью Посполитой тех выгод, которые другие надеялись добыть с помощью Петра.

Обе партии объединяло стремление обязать своих внешних союзников — Россию и Швецию соответственно — гарантировать расширение польских земель на восток, юг и запад. Решительное нежелание платить за это было еще одной точкой совпадения

внутриэлитных интересов. Все упиралось в проблему содержания на польской территории иностранных армий, тем более что реквизиционная политика и Карла XII, и царских военачальников порождала справедливое недовольство шляхты и простонародья. Поскольку шведы уже ушли в Померанию, главным объектом этого недовольства стали русские войска. Некоторые воеводства находились на грани вооруженного восстания. В начале 1712 года польские сенаторы стали готовить созыв сейма для обсуждения вопроса и вынесения решения об освобождении Речи Посполитой от царской армии. Прутское поражение Петра и угроза возникновения новой русско-турецкой войны лишь подливали масла в занимающийся огонь массового восстания против России. Не от большого ума вносил свою лепту в смуту и Август II, видимо, не осознавая, что вновь идти на обострение с царем после всего, что он натворил, неразумно. Ссылаясь на Торунский договор, король выразил свой протест в связи в наложенным на Данциг искупительным оброком. Впрочем, возможно, он делал это в ожидании апрельского сейма, где предстояло решить вопрос о возвращении ему титула польского короля и великого князя литовского[1].

Предметом острых русско-польских разногласий были планы военных действий в Померании. Август II настаивал на передаче Вармии и восточнопоморанских земель в сферу исключительной ответственности саксонских войск и невмешательстве Петра в политику короля на этих территориях. Королевскому министру Фитцтуму фон Экштедту было поручено сообщить царю, что Август ждет вознаграждения за отказ от партикулярного мира со шведами в пользу *«общего интереса»*. Царь ответил, что поведение короля больше *«к его собственному интересу и пользе чинится»*.

Петра глубоко обеспокоило такое течение событий, непосредственно угрожавшее его балтийским планам. В феврале 1712 года он, из Дрездена, велел Г.Ф. Долгорукому прервать лечение в Карлсбаде и срочно ехать в Варшаву, чтобы начистоту объясниться с *«королевским величеством и чинами Речи Посполитой»*. Петр наказывал послу остудить головы тех, кто надеялся, что царь из страха перед новой войной на юге выполнит условие Прутского договора о выводе войск из Польши и невмешательстве в польские дела. Именно в этом суть монаршей инструкции Г.Ф. Долгорукому, а не в той лукавой казуистике, с помощью которой царь учит посла, как перетолковать русско-турецкое соглашение в пользу России. Миссия, прямо скажем, из разряда невыполнимых. Но сам же Петр спасает Долгорукого от необходимости манипулировать сомнительной аргументацией. Инструкция завершается совершенно четкой мыслью, которую нужно было довести до сознания варшавских властей: царь не боится разрыва с Портой, и вне зависимости от чего бы то ни было его войска пойдут в Померанию через Польшу, в соответствии с положениями русско-польского (а не русско-турецкого) договора.

Г.Ф. Долгорукий вступил в переговоры с высшими светскими и духовными чинами Польши. Они наотрез отказались снабжать царские войска провиантом, то есть придерживаться соглашения между Августом II и Петром. Посол в сердцах заявил на сейме (апрель 1712 г.), что русские солдаты, отдающие свои жизни за интересы Речи Посполитой, не могут *«ветром прокормиться»*. Поляки не желали ничего слышать. От короля требовали издания универсалов, категорически запрещающих давать русским продовольствие. В.Л. Долгорукому было сказано, что *«мы* (поляки. — *В. Д.*) *непременно все*

[1] 20 апреля 1712 года сейм подтвердил его королевские полномочия.

животы свои за вольность отдадим». Сенаторы, настроенные менее воинственно, оказались не в состоянии совладать со шляхтой, настаивавшей на разрыве союза с Россией. Брожение охватило многие воеводства. Интендантские отряды встречали вооруженное сопротивление, офицеров сопровождения брали в плен. Недовольство королем Августом росло. Обстановка дошла до критической точки, когда Карл XII, воспользовавшись моментом, послал в Польшу десятитысячное войско, состоявшее из поляков, казаков и татар, под командованием равского старосты Яна Грудзинского. Он должен был захватывать и сжигать царские обозы и магазины. К нему стекались люди со всех концов страны. Часть из них возглавил коронный писарь Потоцкий. Волнения охватили и Литву. Август ничего не мог с этим поделать. Г.Ф. Долгорукий писал канцлеру Головкину: *«Я никогда не видел королевскую партию в таком бессилии»*.

Поскольку движение было неплохо организовано, его де-факто следует считать объявлением войны. Петр, по сути, велел так на это и реагировать. Стоявший с русским войском в Познани майор князь В.В. Долгорукий не стал дожидаться полномасштабного пожара. В середине июня 1712 года его отряд в 2700 человек наголову разбил 15-тысячное соединение Грудзинского–Потоцкого. После этого Петр приказал своим войскам удалиться из Польши, оставив лишь в Эльбинге, да и то лишь до сентября, гарнизон для защиты города от шведов. Царь хотел лишить Порту повода к обвинениям в нарушении русско-турецкого договора от 5 апреля 1712 года. Но в Стамбуле предпочли этого не заметить, продолжая утверждать о наличии русской армии на польской территории.

Открытый огонь в Польше был погашен, но социально-политический жар сохранялся.

2 июля к Петру, находившемуся в Эльбинге, явился посланник Речи Посполитой Михаил Пузына с петицией из 30 пунктов (!). В них, среди прочих, были требования: о выводе царских войск из Польши (включая Эльбинг), Литвы, польской Пруссии и Курляндии; о возмещении убытков, причиненных курляндскому герцогству, и освобождении его от обязанности поставлять провиант для русских солдат; о передаче Лифляндии в состав Речи Посполитой; о снятии ареста с руководителей и вдохновителей недавних волнений.

Такая обстановка, тревожная сама по себе, становилась еще опаснее в преддверии ожидавшейся русско-турецкой войны. Петр стремился обеспечить хотя бы невмешательство Речи Посполитой, а еще лучше — выполнение Варшавой Торунского союзного договора. Но прежде нужно было в чем-то уступить. 9(20) сентября 1712 года в городе Грейфсвальде (Грипсвальде) царь подписал с Августом конвенцию, согласно которой русский гарнизон покидал Эльбинг, уступая его коронным войскам, но с правом вернуться туда, если шведы высадят десант на померанском побережье. Подоплека этого решения царя вскрылась через три дня (23 сентября), когда Август, заполучив Эльбинг, дал согласие на передачу Штеттина в секвестр прусскому королю. Петр, надо полагать, проворачивал собственную комбинацию. Обеспечивая компромиссный размен городами между Польшей и Пруссией, он надеялся, с одной стороны, привлечь на свою сторону (или нейтрализовать) Августа в условиях русско-турецкой военной тревоги, с другой — ускорить реальное вступление Фридриха I в войну со шведами.

Для участия в заседании сейма, назначенного на конец декабря 1712 года, царь отправил в польскую столицу камергера князя Ю.Ю. Трубецкого, в ранге полномочного

посла, и советника Коллегии иностранных дел Василия Степанова. В их задачу вменялось требовать от короля и Республики военной и дипломатической помощи против Турции, согласно обязательствам, взятым Августом II. Эмиссарам также предписывалось подтвердить царское обещание передать Польше Лифляндию и, в случае необходимости, заявить, что польским войскам разрешается войти в Ригу для совместных действий с тамошним русским гарнизоном[1]. Однако общая социально-политическая атмосфера в Польше не давала оснований ожидать от этой миссии позитивного результата.

В обострение ситуации по-прежнему вносил свою лепту конфессиональный вопрос. Греко-православные епископства на территории Речи Посполитой подвергались методичным гонениям и разграблениям. В феврале 1713 года Петр, воспользовавшись очередным случаем, решительно потребовал от Августа соблюдения положений Вечного мира 1686 года о правах православных подданных польского короля.

Вместе с тем в русско-польских отношениях оставалось место для обоюдовыгодного дипломатического сотрудничества. Но и оно не было однозначным. Осенью 1712 года Варшава отправила в Турцию своего чрезвычайного посла мазовецкого воеводу Станислава Хоментовского. Ему поручалось добиться от Порты признания Августа II польским королем и подтвердить нерушимость Карловицкого мира. Это означало, что Польша отказывается поддерживать Петра против султана. Но, с другой стороны, Хоментовский, за соответствующее вознаграждение, помог Шафирову убедить Порту внести послабления в ту статью Прутского договора, которая предполагала полный, немедленный и безусловный вывод русских войск с польской территории. Ахмед III согласился на их кратковременное пребывание на польской земле во время перехода в Померанию.

Горькие плоды внутрисоюзных дрязг

Позитивный результат нужен был Петру и в Померании, где датчане и саксонцы занимались не столько военными операциями, сколько обменом обвинениями в стремлении заключить со Швецией сепаратный мир. Каждый заботился о собственной выгоде с ущербом для общего дела. Фредерик IV носился с планом захватить Бремен и Верден, что означало бы вторжение в имперские земли, противоречившее принципу нейтралитета Империи. Кроме того, ганноверский курфюрст, по договору со Швецией, обязался сохранить эти контролируемые им земли для нее. Петр был против этого плана: не хватало еще датско-ганноверской войны[2].

Ганноверское правительство *«в зело крепких терминах»* посоветовало Копенгагену воздержаться от вторжения в бременскую землю.

Чтобы устранить разногласия и заставить союзников действовать сплоченно, царь в марте 1712 года послал в Померанию Меншикова с тринадцатью полками[3]. Но до это-

[1] Август II не уставал напоминать Петру о необходимости скорейшей передачи ему Лифляндии. Со временем в ответах царя на это требование появился нюанс. Не отказываясь от самой идеи уступки, он добавлял, что такой подарок нужно заслужить.

[2] В.Л. Долгорукий же считал, что «*лучше не прекословить того его* (Фредерика IV. — В. Д.) *походу в Брем* (Бремен. — В. Д.)», чтобы не потерять союзника.

[3] Общая численность русских войск в Померании превысила 40 тыс. человек. При этом датская армия насчитывала 27 тыс., а саксонская — 10 тыс.

го Петру пришлось разубеждать Фредерика IV, поверившего распространяемым шведами и англичанами лживым слухам о русско-шведских сепаратных переговорах.

Военно-логистическая работа Петра шла рука об руку с дипломатической, которая поручалась В.Л. Долгорукому. Все свое время и профессиональные усилия он тратил на бесплодные переговоры с датскими министрами с целью отвлечь их от придворных распрей и обеспечить полноценное участие сухопутной армии и флота Дании в войне. Король Фредерик IV находился под давлением противоборствующих партий — сторонников и противников мира. О вероятности поражения последних В.Л. Долгорукий докладывал в Москву, поясняя, что *«великая скудость денежная»* и народное недовольство чреваты выходом Дании из войны. Завуалированный намек на такую перспективу постоянно присутствовал в протестах короля в связи с задержкой выплат русских субсидий. Петр, видя, что деньги не сдвигают датскую армию с места, давать их не торопился, а когда давал, требовал, чтобы они наконец пошли впрок. Не скрывал царь и своей тревоги по поводу слухов о датско-шведских тайных переговорах.

На возможность выхода Дании из войны указывали несколько фактов. Внутри королевского правительства заметно усилились позиции гольштинской (прошведской) партии, выступавшей за сепаратный мир. Достаточно сильный датский флот совершенно не мешал шведам перебрасывать по морю подкрепления в Померанию. Кроме того, датчане отказались давать стоявшему под Штеттином Меншикову артиллерию на том основании, что это была обязанность саксонцев. Колебания датского короля усиливались под впечатлением слухов об угрозе русско-турецкой войны и опасений, что Петр уведет свои войска из Померании.

Явным привкусом предательства отдавали частые тайные свидания Якоба фон Флемминга с командующим шведской группировкой в Померании генералом Магнусом Штейнбоком. Саксонский фельдмаршал также встречался со Станиславом Лещинским и обещал ему ежегодный пансион, если он возьмет на себя роль посредника при заключении партикулярного польско-шведского мира. С бывшим королем Польши имел *«частые пересылки»* и действующий король Август II, тайно чинивший всяческие препятствия русской армии, когда та в декабре 1712 года пыталась соединиться с датскими войсками у Гадебуша (см. ниже).

Петр терпел до июня 1712 года, а потом, бросив все дела, сам отправился в Померанию. Оттуда он послал Фредерику IV письмо, полное возмущения. Царь задавал королю жесткие вопросы. С какой стати он, Петр, не только откликнулся на просьбу союзников, в частности Августа II, о военной помощи в Померании, но и умножил русские экспедиционные силы троекратно против обещанного и сам, *«не щадя здоровья»*, проделал далекий путь? Для чего он, не имея *«ни в том, ни в другом месте собственного интересу»*, должен заботиться об интересах *«вашего величества»*, неся огромные убытки, как материальные, так и моральные? Лишь для того, чтобы, приехав в Померанию, *«подивиться»* на те препятствия, которые чинятся Данией на радость шведам и на посмеяние союзников? Петр пригрозил отозвать свои войска, если продолжится праздное времяпрепровождение. Обо всем этом, заключал царь, *«сами изволите рассудить»*.

Однако ни самоличное присутствие Петра на военном театре, ни его гневный выпад в адрес датского короля не помогли делу. В письме к Меншикову, отправленном 19 августа 1712 года из прусского города Вольгаст, царь жаловался на свое подавлен-

ное моральное состояние, на чувство *«сокрушения»* от лукавства и бесчестия, которое терзает его даже по ночам. Его вывод был беспощадным: *«когда имеем таких союзников»*, враги не нужны.

В октябре Петру пришлось поправлять свое пошатнувшееся здоровье в Карлсбаде и Теплице. Но долго предаваться уютному покою он не умел, тем более когда в нескольких днях пути от него находился театр военных действий, где, несмотря на его обращения к союзникам, по-прежнему ничего не происходило. Царь решил лично возглавить русские войска, чтобы активизировать боевые действия и избежать бесплодного завершения кампании 1712 года. Из Теплица он *«дружески и братски»* призывал Фредерика IV выехать в Гольштинию в расположение своих войск, и тогда, соединившись с русскими, они смогут успешно атаковать неприятеля. 12 ноября, уже из Дрездена, Петр послал королю еще одно письмо, где говорилось: *«хотя мое здоровье требует спокойствия после лечения, однако я, видя крайнюю нужду, дабы сего полезного дела не пропустить, немедленно отъезжаю к войску»*.

Меншикову Петр приказал приступить к боевым операциям, не дожидаясь его приезда. В конце ноября царь прибыл в штаб-квартиру своей армии (в Лаге), чтобы оттуда направить часть ее в Гольштинию на помощь союзникам, которых он просил не вступать в сражение до прихода русских.

Между тем шведы не дремали. Воспользовавшись бездействием датчан и саксонцев, они беспрепятственно перебросили в Штральзунд значительные подкрепления. Генерал Штейнбок, искусно маневрируя, совершил в начале декабря 1712 года бросок в район городов Шверин и Гадебуш. Здесь, игнорируя призыв Петра не торопиться и дождаться русских полков, уже находившихся всего в трех милях от места действия, *«господа датчане, имея ревность не по разуму»* (слова царя), отделились от саксонцев, вступили в битву со Штейнбоком (9/20 декабря) и потерпели полное поражение. Петр вернул свои войска из-под Гадебуша, ибо соединяться им уже было не с кем. За умелое управление шведскими войсками, принесшее победу в условиях численного превосходства противника, Штейнбока произвели из генералов в фельдмаршалы.

Окрыленный успехом новоиспеченный фельдмаршал двинулся в Гольштинию, занял Гузум и уже вынашивал планы вторжения в глубь Дании. Перепуганный гольштинский епископ-регент Христиан-Август[1] срочно послал к Штейнбоку двух высокопоставленных сановников *«свидетельствовать у ног победителя о приверженности готторпского двора к Швеции»*. Поначалу гадебушский триумфатор встретил посланников с презрением, но по здравом размышлении о превратностях военного счастья на всякий случай потребовал предоставления его войску возможности, при возникновении необходимости, укрыться от неприятеля в гольштинской крепости Тенинген. Для подписания соответствующего договора в Гузум отправился первый министр Христиана-Августа Георг фон Герц, о специфических дипломатических талантах которого мы еще расскажем. 21 января 1713 года он их проявил со свойственным ему цинизмом, заключив со Штейнбоком секретное соглашение, предусматривавшее выполнение требования фельдмаршала и шедшее вразрез с посланными в Копенгаген всего неделю назад заверениями о том, что *«двор готторпский сохранит строгий нейтралитет и не впустит шведов в крепость»*.

[1] Ему принадлежала власть в герцогстве по причине малолетства сына-наследника убитого при Калише в 1702 году Фридриха IV Гольштейн-Готторпского.

Повышенный интерес Герца к Тенингену объяснялся тем, что в крепостной тюрьме вот уже четыре года сидел бывший президент тайного совета Гольштинии Магнус фон Веддеркоп, известный ученый-юрист, профессор и куратор Кильского университета, пользовавшийся большим уважением среди европейских правителей, в том числе за свою честность. После того как в 1709 году по сфабрикованным обвинениям 72-летнего Веддеркопа арестовали и заключили в тенингенский каземат, автор этой махинации занял его должность и де-факто стал первым лицом в гольштинском правительстве. Влиятельные дворы Европы, включая английский, датский, шведский, ходатайствовали об освобождении Веддеркопа. Опасаясь, что, выйдя из заключения, он начнет мстить, Герц тщетно пытался организовать убийство своего соперника. Вступая в соглашение со Штейнбоком (от 21 января 1713 года), он оговорил условие, согласно которому фельдмаршал, в случае ввода его войск в Тенинген, обязался оставить Веддеркопа в заточении.

Первый финский поход

Четкого плана войны со Швецией у Петра не было. Все его стратегические и тактические замыслы разбивались о нерадивость или прямой саботаж союзников. Поэтому в 1712 году он продолжал действовать по ситуации. Поскольку на южном побережье Балтики военная кампания шла плохо, царь решил поддержать ее ударом по Швеции через Финляндию. Доводов в пользу северного направления хватало. Эта шведская провинция являлась для Стокгольма важнейшим экономическим ресурсом, лишившись которого ему трудно будет продолжать войну. В Финляндии шведы располагали более слабым оборонительно-наступательным потенциалом, чем в Померании. На северной Балтике Петр мог действовать без оглядки на союзников, с помощью как сухопутных, так и морских сил. Хотя русский флот пока намного уступал шведскому по количеству судов и огневой мощи, его шансы на успех в боевых и десантных операциях росли благодаря ускоренному кораблестроительству на архангельских и других верфях, в то время как на верфях шведских производство падало.

Финляндия нужна была Петру лишь как материальный залог, который он вернет после того, как Стокгольм согласится на мир. В октябре 1712 года царь из Карлсбада писал адмиралу Апраксину, что завоевать Финляндию необходимо *«двух ради причин главнейших: первое, было бы что при мире уступить...; другое, что сия провинция есть матка Швеции, как сам ведаешь: не только что мясо и прочее, но и дрова оттоль, и ежели бог допустит летом до Абова* (Або. — *В. Д.*), *то шведская шея мягче гнуться станет»*.

На финском театре боевых действий имелись свои сложности. Местность, изобиловавшая лесами, реками, озерами, болотами, холмами, создавала большие трудности для передвижения войск. Это играло на руку русским при обороне и оборачивалось против них при наступлении. В 1712 году одна из главных проблем заключалась в том, что Ф.М. Апраксин толком не знал, куда наступать. В его оправдание можно сказать, что «потерять шведов» в таких географических условиях было немудрено. Лишь к началу августа, когда времени для успешной летне-осенней кампании почти не оставалось, он получил достоверные разведданные, согласно которым основные силы неприятеля, численностью более 15 тыс. человек, были сосредоточены в четырех точках южной части Финляндии на расстоянии двух-трех переходов друг от друга. Кроме того, на пути

из Выборга к ближайшей из этих точек находился заградительный авангард шведов, в то время как Петербургу угрожали диверсионные отряды неприятеля, пусть и небольшие. Они сильно встревожили Ф.М. Апраксина, понимавшего, что за безопасность «парадиза» он отвечает головой. Пришлось войска из Выборга двигать не в западном направлении, а в юго-восточном. На подступах к Петербургу неприятеля не нашли, но эта перестраховочная операция отсрочила начало финской кампании.

В конце августа русская армия наконец отправилась в поход. Шли очень медленно. Помимо ландшафтных препятствий была еще одна серьезная проблема — «выжженная земля», которую шведы оставляли при отступлении. Именно такую тактику избрал генерал Либекер, избегавший риска. Отступал он организованно и держался неподалеку от русских войск, готовый принять бой. Сил у командующего было достаточно, и он умело пользовался ими для контроля над главными дорогами в глубь страны и для создания угрозы неприятельским коммуникациям.

Крайне осторожен был и Апраксин, опасавшийся фланговых и тыловых ударов. В условиях обоюдного нежелания предпринимать решительные действия кампания вылилась в череду бесплодных маневров и мелких стычек. В конце концов недостаток провианта и падеж лошадей вынудили Апраксина прекратить наступление и к середине сентября вернуться в Выборг. Первая финская кампания закончилась для русских провалом, что можно, с учетом обстоятельств, занести шведам в актив.

Таким образом, на всех театрах боевых действий шведская армия смогла показать высокое тактическое мастерство и завершить 1712 год на подъеме.

Тайные совещания в Утрехте

Этот факт сам по себе являлся достаточной причиной для скверного настроения Петра и его решимости не покидать театра военных действий, несмотря на наступившее зимнее затишье. Но была еще одна. В январе 1712 года в Москву вновь явился Витворт вести переговоры не о внешнеполитических, а о торговых делах, открыто заявляя, что они *«единственное звено, могущее связывать Россию с Англией»*. Он (как бы в отместку за «унизительные» извинения королевы Анны по делу Матвеева) настойчиво добивался удовлетворения всех претензий и жалоб английских купцов и подписания между государствами долгосрочного коммерческого контракта, выгодного прежде всего Лондону. Петра крайне раздражало демонстративное уклонение Витворта от более важных для царя вопросов. Предоставлять торговые привилегии, открывавшие англичанам путь к большим барышам, он соглашался лишь в обмен на поддержку России в шведских делах. Но это средство давления не сработало. Переговоры были прерваны.

В отношении к Англии Петр проявлял некую странность. Прекрасно чувствуя ее неприязнь к России, осознавая, что это чувство перевесит все остальное в случае согласия Лондона (и Гааги) выступить в роли посредника между Стокгольмом и Петербургом, царь упорно добивался этого посредничества. Его настойчивость выглядит тем менее объяснимой на фоне сообщения Матвеева о том, что с апреля 1712 года в Утрехте полным ходом идут переговоры между участниками войны за испанское наследство. Матвеев сообщал царю, что Англия и Голландия, имея хорошие шансы на мир с Францией, готовятся переместить акцент своих дипломатических усилий на Северную войну

с целью ее прекращения. Они предложили посредничество, больше похожее на грубое вмешательство в пользу Швеции. Шведский посол в Гааге Юхан Палмквист носился с идеей объединения Англии, Франции и Голландии для совместной медиации в достижении мира со Стокгольмом. Преследовалась цель — оградить Карла XII от неприемлемых с точки зрения равновесия сил территориальных потерь и, чтобы Вена не смогла помешать этому, отстранить ее от посредничества как пристрастную сторону, заинтересованную в изгнании шведов из Империи. Но главные опасения Палмквиста, разделявшиеся англичанами, французами и голландцами, вызывала Россия.

В середине ноября он три дня кряду совещался в Утрехте с французскими дипломатами по вопросам финансирования армии Штейнбока, занявшей Мекленбург. Эти переговоры велись в соответствии с франко-шведским договором от 1 сентября 1712 года, направленным непосредственно против России. Там содержалась программа совместных действий, предусматривавшая, что: 1) Париж всеми силами будет подталкивать Порту к войне с царем, в результате которой его принудят отдать туркам южную Подолию с Каменец-Подольским, а Польше правый берег Днепра с Киевом; 2) Москву заставят отказаться от всякого вмешательства в польские и украино-казацкие дела; 3) Людовик XIV пошлет миллион ливров *«партизанам»* Станислава Лещинского для свержения Августа II и приложит все старания, чтобы оторвать Данию от Северного союза.

Встревоженный Петр дал князю Б.И. Куракину, сменившему А.А. Матвеева на посту русского посла в Гааге, такую инструкцию: *«Надлежит объявить министрам морских держав, что царское величество к миру всякую склонность с союзниками своими имеет и посредничество морских держав принимает; но то посредничество, какое морские державы теперь князю Куракину объявили, царскому величеству и союзникам его вредно и предосудительно. Объявили они: если которая-нибудь сторона не примет посредничество по плану, ими сочиненному, то ее принудить силою. Но это будет уже насилие, а не посредничество. Объявить морским державам: если они обнадежат, что возвращение наследственных русских земель, которые шведы отторгли..., будет принято за основание, но не как вознаграждение за войну, то его величество их медиацию принимает; о других же провинциях, которые царское величество желает получить в вознаграждение за войну, будет объявлено при назначенном съезде. Когда станут упоминать о Лифляндии, то объявить в общих выражениях, что царское величество твердо стоит в своем намерении уступить ее короне Польской»*[1].

Ключевое положение царского наказа было адресовано всем, кто рвался посредничать в умиротворении севера: Россия принимает любую медиацию при условии, что при заключении мира возвращение ей потерянных во второй половине XVI — начале XVII века прибалтийских земель будет рассматриваться не как предмет переговоров, а лишь как априорная необходимость восстановления статус-кво. Что касается военных трофеев, то это отдельный вопрос для обсуждения.

В русско-голландских (как и в русско-английских) переговорах о посредничестве неизменно присутствовала коммерческая тема, которую Петр пытался использовать как средство искушения для Гааги. Он предлагал Генеральным Штатам исключитель-

[1] Продумывая инструкцию к Куракину, царь хотел было передать Генеральным Штатам и их союзникам, что Август, после его отказа помогать России в войне против Турции, не имеет никакого морального и юридического права требовать Лифляндию, но воздержался.

ные торговые привилегии в обмен на поддержку претензий царя на прибалтийские земли. Однако голландцы, питая большой интерес к торговым делам, предпочитали все же не смешивать их с политическими. Настаивать царь не стал: прежние условия торговли с Голландией остались в силе.

Сама ситуация подводила Петра к решению переложить акцент своих усилий с посреднической темы на поиск реального союзника, с кем можно успешно завершить Северную войну, не оглядываясь на Англию и Голландию.

Дневные грезы Генриха фон Ильгена

По мере приближения конца Испанской войны дипломатическая обстановка внутри и вокруг Северной войны менялась. Теперь Англия и Голландия стали проявлять больше интереса к посреднической деятельности. В каком-то смысле роли поменялись. Дипломатическое давление на Петра усиливалось. Его то явно, то исподволь склоняли к прекращению военных действий. Между тем конца войне, как и раньше, не было видно. Царь осознавал, что, приняв «добрые услуги» Лондона и Гааги, он лишится перспектив заключения выгодного для себя мира, которого нельзя добиться без убедительных побед и без признания Стокгольмом своего поражения.

В такой ситуации еще более актуальной становилась задача заручиться реальной военной помощью Пруссии в рамках наступательного союза. Берлин уворачивался по разным причинам, в том числе субъективным. Король Фридрих I не имел ни особой склонности к большой международной политике, ни особого таланта вести ее. Этим занимался его «серый кардинал» барон Генрих-Рюдигер Ильген, хваткий и увертливый дипломат, сторонник, как и ряд его коллег-чиновников, прошведской ориентации. Возможно, он отговорил короля от ратификации русско-прусского союзного договора (от 2 марта 1711 года), имея в виду более дальнюю цель — поссорить Фридриха с Петром.

Именно с Ильгеном пришлось иметь дело русскому послу при прусском дворе А.Г. Головкину. В беседах с дипломатом в марте 1712 года Ильген проводил мысль о том, что у Пруссии нет резона вступать в войну против Швеции. Чтобы он появился, нужны убедительные стимулы в виде совершенно четких представлений о размерах вознаграждения. Пропуская царские войска через свои территории, король уже оказывает Петру большую услугу и имеет право получить за нее город Эльбинг прямо сейчас. Открытое дипломатическое и военное присоединение Пруссии к союзникам обойдется царю дороже. *«Объявляем вам наперед*, — сказал Ильген, — *что из-за одного Эльбинга мы не станем хлопотать, надобно еще что-нибудь прибавить»*. Между тем министру было хорошо известно, что, согласно сепаратному артикулу нератифицированного (скорее всего по его вине) русско-прусского соглашения, Пруссия получала не только Эльбинг и Штеттин, но и крупные приращения в Восточной Померании. Столь грубое передергивание карт можно объяснить лишь стремлением Ильгена не допустить заключения союза против Швеции.

У Головкина не было полномочий давать обещание *«что-нибудь прибавить»*, поскольку годом ранее такое обещание, к возмущению Петра, было отвергнуто. И сейчас царь наставлял А.Г. Головкина обещать Берлинскому двору Штеттин (надо думать, помимо Эльбинга), но только в обмен на оборонительный или наступательный союз и на предоставление союзникам прусской артиллерии. Да и то не настаивая на этом.

Уходя от обсуждения вопроса о союзе, Ильген имел наглость признаться в желании Берлина договориться со шведами о том, чтобы они ушли из Штеттина и пустили туда прусские войска, которые остались бы там навсегда.

Все, что мог А.Г. Головкин, это сослаться на невозможность решения вопроса без согласия Августа II и Речи Посполитой. Но если Пруссия объявит войну Швеции, то царь готов повлиять на них в соответствующем духе. Подобный ответ, естественно, не устраивал Ильгена, предупредившего Головкина о вероятности перехода Фридриха I на сторону Швеции.

Психологическое давление, оказанное Ильгеном на русского дипломата, возможно, объяснялось тем, что в это время в Утрехте французские и английские послы в Голландии, ведя переговоры с прусским послом, сулили Берлину золотые горы за выступление против Северного союза.

В общении с А.Г. Головкиным прусский министр брал на себя больше, чем предусматривал его статус. Фактически он шантажировал Москву от имени короля, который, возможно, не стал бы этого делать в столь грубой форме. Но, с другой стороны, Ильген был удобен Фридриху тем, что через этого министра он мог прямо выражать свои мысли и посылать Петру угрожающие намеки, не неся за них ответственность. Как писал С.М. Соловьев, при Фридрихе *«Пруссия в отношении к России следовала постоянно одной политике, избегая решительного шага и выискивая случая приобресть что-нибудь без больших усилий с своей стороны»*. При этом, уклоняясь от разговора о русско-прусском союзе и о предоставлении артиллерии, Берлин оправдывал свое нежелание ввязываться в столь опасное предприятие, как война со Швецией, недостатком военных и материальных средств, а также якобы неравноправными отношениями между царем и королем, от которого он требует больше, чем обещает.

Однако не все было в руках Ильгена. Фридриху, видимо, хватало понимания, что если шведская ставка «серого кардинала» будет бита, то тогда Пруссии будет уже поздно предлагать свои союзнические услуги, ибо они просто обесценятся. Вот почему в августе 1712 года король посылает к Петру, находившемуся в Грейфсвальде, генерала Вольфа-Христиана Гакеборна с предложением союза. Точнее — с предложением изложить русские условия: берлинский двор старался избегать слишком откровенных инициатив в этом вопросе. Царский проект включал четыре пункта: 1) вступление Пруссии в оборонительный альянс; 2) предоставление артиллерии для взятия Штеттина; 3) обращение к жителям города не чинить сопротивления русским войскам; 4) передача Штеттина Пруссии при условии, что она не допустит вторжения шведов в Польшу или Саксонию и будет держать войска наготове.

Чтобы подвести под этот проект реалистическую базу, Петр взял на себя щекотливую миссию — уговорить Августа II отказаться от претензий на Штеттин. И это ему удалось. 23 сентября польский король подписал соответствующий документ о своем согласии (*«ассекурации»*), а 24 сентября в Грейфсвальде царь поставил подпись под окончательным текстом проекта для передачи в Берлин.

В ноябре Берлин ответил контрпроектом. Непричастность Фридриха к составлению его была так же очевидна, как и авторство Ильгена, показавшего с неожиданной откровенностью разгулявшиеся прусские аппетиты. Он требовал Штеттин не только как город, а *«со знатной придачей в Передней Померании»* в виде реки Одер и побережья Балтики, а также Эльбинг, Кведлинбург и Нордгаузен. В качестве гарантов закрепле-

ния этих приобретений за Пруссией должны выступить Россия и Дания. Участники Северного союза обязуются не подписывать со Швецией мирный договор без согласия Пруссии (не входящей в союз!).

За все эти дары берлинское правительство обещало помогать в войне *«сколько состояние дел его допустит»*, иначе говоря — по мере возможности. Что касается предоставления прусских войск, то Фридрих готов был дать Августу II 1600 человек фактически внаем для размещения в крепостях Саксонии (что исключало их участие в боевых действиях).

Петр, кажется, оторопел от такой беспардонности. Его замечания к восьми пунктам контрпроекта сводились к недоуменному вопросу: как можно при совершенно вопиющей диспропорции между прусскими запросами и прусскими обязательствами, при неимении *«никакой охоты»* воевать настаивать еще и на полноценном участии в мирных переговорах со шведами? Должно произойти нечто чрезвычайное, итожил Петр, чтобы союзники согласились принять условия Берлина и подарить ему то, чего он не заслужил.

Есть и у нас вопрос: куда подевались немецкая дипломатическая сноровистость и прагматизм, предполагающие, среди прочего, профессиональное уважение к способности переговорщиков, сидящих по ту сторону стола, улавливать, когда их дурачат самым незатейливым образом?

Принято считать, что Фридрих отклонил русский проект союза. На самом деле это Петр отклонил прусский контрпроект.

Если король и его окружение, прекрасно осведомленные о ценах на международном рынке геополитических товаров, питали иллюзии насчет «широкой русской души» и безграничной русской наивности, которые подвигнут Петра на расточительные жесты, то они опять-таки не по-немецки заблуждались.

Будем справедливы: Фридрих, отказываясь от подписания проекта договора, был далек от желания задевать самолюбие Петра. Однако своим отказом король невольно сделал это, лишив царя всякого желания проявлять дружеское бескорыстие. Петр уже научился вникать в изощренные дипломатические комбинации, а Фридрих сохранил верность прусской традиции. Он хотел прибрать к рукам обширные территории в той же степени, в какой не хотел за них платить. Король так и не решился нарушить это «равновесие» до конца своей жизни, от которой уже почти ничего не осталось.

Из-за жадности, страха и нерешительности Фридриха русско-прусские отношения к концу 1712 года застыли на точке неопределенности.

Рассеявшийся призрак русско-австрийского альянса

В начале 1712 года появились основания надеяться, что русско-австрийские отношения, по крайней мере в их дипломатическом контексте, станут более конструктивными. Вена добивалась отказа Петра от поддержки венгров. А в Москве рассчитывали либо на помощь Карла VI в Северной войне, либо на его невмешательство. Союз с Австрией важен был еще и для сдерживания Порты.

1 января состоялась ранее запланированная встреча Урбиха с гофратом Консбрухом. Австрийский надворный советник заявил о необходимости предать забвению все несогласия между двумя государствами без выяснения, кто прав, а кто виноват.

Но без этого *«разыскания»* дело не обошлось. Консбрух обвинил Россию в покровительстве Ференцу Ракоци, вождю бунтующих подданных императора, дав понять, что этот камень преткновения нужно немедленно убрать с дороги. Урбих объяснил, что Петр лишь отвечал на враждебный шаг Вены, признавшей Станислава Лещинского польским королем. Была и другая причина: царь хотел отманить Ракоци от союза со шведами и турками. Кроме того, царь не раз демонстрировал свою готовность склонить венгров к верности императору, если последний заключит *«крепкий союз с Россией»*.

Поскольку ни Урбих, ни Консбрух не имели широких полномочий, они взяли паузу для консультаций со своими государями. Карл VI колебался. Конечно, ему очень хотелось получить русскую военную помощь против Франции. Вместе с тем слишком неочевидны были выгоды от союза с Россией, когда она находилась на волосок от новой войны с Турцией и в трясине непрекращающейся войны со Швецией, а Австрия еще не свела счеты с Францией. Пока не закончится сложная тяжба об испанском наследстве, император не видел смысла в активном вмешательстве в северные дела и в помощи русским против Порты. Ему нужны были развязанные руки не для содействия Петру, а для сдерживания его амбиций на Балтике и, в зависимости от ситуации, на юге. Стать на сторону царя значит усилить его и *«показать ему дорогу в свои земли»*. Это Вене ни к чему. Как ни к чему ей и обязываться перед Петром в вопросе о сохранении русских прибалтийских завоеваний, на чем настаивал царь как на одном из условий заключения русско-австрийского союза. У венского правительства было чем отговариваться. Оно прямо заявило Урбиху: *«Подождите, пока в Гааге будет постановлено об окончании* (или продолжении. — *В. Д.*) *войны* (за испанское наследство. — *В. Д.*)».

В связи с тем что в 1712 году угроза нового столкновения между Россией и Турцией усилилась, все более актуальной в предполагаемом союзе с Австрией становилась для Петра оборонительная, антиосманская составляющая. В мае 1712 года он дал Урбиху указание добиваться заключения русско-австрийского оборонительного союза, который приводился бы в действие даже в случае нападения турок на Польшу. В ответ царь обещал предоставить цесарю внаем от 15 до 20 тыс. солдат для войны против Франции.

Планам царя препятствовало нежелание Вены втягиваться в русско-турецкую войну, к которой она, в лице своих посланников в Стамбуле Иоганна Тальмана (до 1712 г.) и Флейшмана (Флешмана, с 1714 г.), тайно подталкивала Порту. А.А. Матвеев называл Флейшмана *«фальшивым и марным человеком»*, советуя Шафирову поступать с ним *«с великою осторожностью и озирательством»*. Вместе с тем, подозревая Австрию в скрытом провоцировании русско-турецкой войны, посол пояснял, что она делала это вынужденно, ибо *«свой собственный интерес всегда ближе к сердцу есть»*, имея в виду стремление Вены отвлечь от себя турок, подстрекаемых французами.

Вообще говоря, в австрийской политике в отношении Порты есть кое-что весьма странное и не вполне проясненное. В частности, А.А. Матвеева венский двор уверял, что прилагает все усилия к восстановлению мира с Россией. Но даже если это так, в чем не без основания сомневался Петр, то зачем понадобилось Карлу VI советовать султану непременно включить в текст мирного договора обязательство царя отказаться от поддержки любой враждебной туркам державы? Что это давало Вене

в преддверии очередной австро-турецкой войны 1716–1718 годов? Что касается войны Северной, то австрийцы не прочь были туда вмешаться, но только не для того, чтобы защищать интересы России. Хотя и то и другое венский двор считал несвоевременным до подписания мира с Францией, открыто отвергнуть царские предложения было бы опрометчиво. Самым целесообразным представлялся курс на затягивание времени, которое Вена использовала для того, чтобы строить препоны русским интересам в Померании.

На руку австрийцам пришелся субъективный фактор. Им не нравилось поведение Урбиха. Принц Евгений Савойский аттестовал его как *«человека коварного и злобного»*, действия которого, в том числе донесения в Москву о цесаре и его дворе, могли *«произвести между императором и царским величеством непримиримую вражду»*. Русские коллеги Урбиха тоже заметили за ним *«пронырливые тонкости»*.

Но это не значит, что посол не подавал толковых советов. Он, в частности, предупреждал, что, помирившись, Англия, Франция и, возможно, Голландия сконцентрируют свои усилия на противодействии России на севере. Поэтому в упреждение этого царю необходимо сделать следующее. 1) Привлечь на свою сторону Пруссию и Ганновер, пообещав одной Штеттин, другому — Бремен. Тогда и цесарь не станет мешать России. 2) Установить твердые военные обязательства внутри Северного союза. 3) Вступить вместе с Данией и Саксонией в «Великий союз» и перевернуть европейскую «блоковую» систему, противопоставив Лондону, Парижу и Стокгольму Россию, Австрию, Данию, Саксонию, Голландию. Перед лицом такой переконфигурации Англия, возможно, поменяет свою стратегию и предпочтет сделать своей опорой на Балтике не Швецию, а Россию. В этом проекте был здравый смысл, хотя имелась и примесь распространенных в то и в последующие времена умозрительных коалиционных конструкций.

Несмотря на то что мнение Петра о международной политике во многом совпадало с докладными записками Урбиха, было решено заменить наемного дипломата на его посту, поскольку он стал превышать свои полномочия. В июне в ходе переговоров в Пресбурге с австрийским гофмейстером Иоганном-Леопольдом Траутсоном он утверждал, что в случае окончания войны со шведами в 1712 году северные союзники дадут Габсбургам до 60 тыс. воинов, в том числе русских 20 тыс., а если понадобится, *«еще и больше»*. Взамен «Великий союз» должен гарантировать России, Дании и Польше–Саксонии обладание завоеванными землями.

Пятью месяцами ранее Урбих вступил в переписку с великим магистром Тевтонского ордена Францем Людвигом, который считал себя законным наследником Лифляндии и просил царя отдать ему эту территорию на условиях вассалитета.

Неосторожное манипулирование цифрами и изрядная доля прожектерства в идеях Урбиха дали повод к критике его со стороны таких авторитетных специалистов в области международной аналитики, как Б.И. Куракин и А.А. Матвеев. Они считали предложения своего коллеги, раздававшего щедрые обещания от имени царя, поспешными и неосмотрительными, способными вызвать подозрения европейских держав. В письме к Шафирову от 29 апреля 1713 года А.А. Матвеев отмечал, что Урбих по своим *«неправедным доношениям»* чуть было не привел *«наш и цесарский двор в совершенную вражду»*. Барон, по мнению посла, стремился не к *«соблюдению интереса его царского величества»*, а к приумножению своих *«гадских и лакомых прибылей»*. Матве-

ев, по его словам, мог бы многое рассказать о всех *«блудняхъ»* Урбиха, если бы не боязнь наскучить Шафирову этой *«мерзостью»*.

В июле Петр срочно вызвал Урбиха к себе в город Вольгаст для персонального отчета. Посол просил прощения за свои несанкционированные действия и оправдывался необходимостью ловчить ради достижения цели. Петр не стал его наказывать тоже ради достижения цели. Дело в том, что царь посчитал идею присоединения к «Великому союзу» менее целесообразной, чем заключение русско-австрийского альянса, и хотел, чтобы Урбих, являвшийся при всех своих недостатках профессионалом, занялся разработкой этого проекта.

31 августа соответствующий документ, отредактированный Петром, был готов. Суть его была проста. Если австрийские (не имперские) и русские владения подвергнутся нападению или угрозе нападения со стороны Швеции, Франции или кого иного, то Россия и Австрия обязуются оказать друг другу военную помощь. Несмотря на употреблявшееся в тексте сослагательное наклонение, договор, по логике, должен был бы вступить в силу сразу же после его подписания, ибо Австрия находилась в состоянии войны с Францией. В такой ситуации при желании не составляло труда представить французов стороной нападающей или угрожающей нападением. Гораздо сложнее было это сделать в отношении шведов, которые уже не имели реальной возможности вторгнуться в новоприобретенные владения России. Стало быть, договор являлся неравноправным: он защищал Австрию от нападения и Франции, и Швеции, освобождая ее от обязанности помогать царю.

Петр пытался сделать его более справедливым и добавил в текст пункт о том, что Карл VI принимает на себя обязательство выставить войска для защиты России от Турции, если та двинет свою армию на север.

С этим документом Урбих вновь поехал в Вену. А вслед за ним Петр отправил генерал-адъютанта С.Г. Нарышкина с наказом *«смотреть накрепко, чтоб барон Урбих трудился по данной ему инструкции привести дело* (заключение союза. — *В. Д.*) *к окончанию»*. Предписывалось также осведомить австрийцев о готовности Петра, находившегося в Померании, вести прямые переговоры с уполномоченными Карла VI, если Урбих не устраивает Вену.

Одновременно (октябрь 1712 г.) в Карлсбаде и Дрездене шли переговоры между Г.И. Головкиным и цесарским посланником графом фон Вильчеком. Канцлер начал с не очень удачной попытки убедить собеседника в том, что стремление к заключению оборонительного союза с Австрией связано не с боязнью нового разрыва с Портой, а с желанием *«только укрепить дружбу с цесарским величеством»*. После этой преамбулы было заявлено, что Россия опасается турецко-шведских происков против нее в Польше, которые угрожают и австрийским интересам.

Вильчек, признав необходимость союза, сказал, что первое слово в этом деле за русскими: *«объявите..., на каких условиях его заключать»*. Такая постановка вопроса уже сама по себе давала Вене выигрыш во времени, поскольку на подготовку проекта договора и ответа на него требовались месяцы. К этой же цели была направлена еще одна идея, высказанная Вильчеком не без ведома цесаря. Заключать договор нужно не только с Австрией, а со всей Империей, что осложняло и затягивало процедуру оформления, давая Вене возможность в любой момент сослаться на отсутствие консенсуса между германскими государствами.

Между тем в ноябре 1712 года шведские войска под командованием генерал-фельдмаршала Магнуса Штейнбока захватили Мекленбург. Это ввергло венский двор в такое смятение, которого, по словам Урбиха, он не знал со времен австро-турецкой войны 1683–1699 годов. Опасаясь, что переговоры с Россией подтолкнут шведов к захвату Саксонии и к наступательному союзу с Францией, венские министры прервали конференции с Урбихом, которого они к тому же терпеть не могли[1].

Вести из Стамбула о разрыве русско-турецкого мира тоже нагнали страху на австрийское правительство, приведя его в еще большее сомнение относительно целесообразности союза с Россией. Матвеев, сменивший в декабре Урбиха[2], пытался обратить это известие в доказательство необходимости австро-русского сближения, но у Вены на этот счет было свое мнение, в котором она окончательно утвердилась, узнав еще и о поражении союзников в Померании. Хотя Карл VI (и принц Евгений Савойский) заявлял о своих дружеских чувствах к Петру, помогать России он не решался. Из этого Матвеев заключил: *«они* (австрийцы. — *В. Д.*) *нам наотрез... не откажут, но будут проволакивать дело»*. Чтобы ускорить его, посол находил не лишним отозваться на намеки фаворитов императора по поводу *«мехов лисьих и собольих для цесаря, что ему будет приятно, равно как и прочим вельможам»*. *«Здесь*, — пояснял он, — *взяток за стыд не ставят и без того* (без них. — *В. Д.*) *криво глядят»*[3].

1713 год

Высочайший наказ Меншикову

Поражение союзников при Гадебуше убедило Петра в том, что в Гольштинии русским войскам нужно действовать самостоятельно, чтобы пресечь амбициозные планы Штейнбока, грозившие опасным для союзников поворотом в ходе всей Северной войны. Приняв на себя командование русской армией, царь разбил шведов при Швабшедте и Фридрихшадте (конец января — начало февраля 1713 г.). Как сообщает один европейский источник, Петр *«так искусно отрезал им* (войскам Штейнбока. — *В. Д.*) *путь к спасению, что наконец* (шведам. — *В. Д.*) *надобно было прибегнуть к последнему средству, предвиденному заранее, и броситься в Тенинген»*.

Комендант Вольф отказался подчиняться епископу-регенту, приказавшему впустить шведов. Тогда по тайному указанию Герца был изготовлен фальшивый документ за подписью молодого герцога Карла-Фридриха, и Вольф вынужден был подчиниться.

[1] При отъезде Урбиха из Вены 13 февраля 1713 года ему отказали в прощальной аудиенции у императора.

[2] Урбих давно просился в отставку по болезни. 13 ноября 1712 года он ее получил с полагающимися почестями, во многом заслуженными. Еще три месяца дипломат оставался в Вене и выполнял уже *«внештатные»* поручения Г.И. Головкина, делясь важной информацией, а также своим видением проблем, в том числе убеждением, что *«из того союза* (русско-австрийского. — В. Д.) *ничего не будет»*.

[3] Инструкция, полученная А.А. Матвеевым от царя, позволяла ему при необходимости внести в текст договора некоторые выгодные для Вены коррективы.

Петр не стал терять время на осаду Тенингена и поручил ее Меншикову. Сам же царь спешил в Петербург, откуда он хотел самолично руководить новой финской кампанией.

Когда Гольштиния, в нарушение своего нейтрального статуса, предоставила шведам убежище в Тенингене, прибегнув к подлогу и другим темным махинациях, Петр разуверился в союзниках еще сильнее. Он наказывал Меншикову полагаться не на их сладкоречивые слова, а только на дела. Однако ссориться с союзниками царь не хотел. Они нужны были ему не для победы, как таковой, которой он мог добиться и сам, а для скорейшего прекращения войны. В 1713 году государь имел особую причину не конфликтовать с партнерами по коалиции, закрывая глаза на их взаимные распри и тайные попытки каждого из них выторговать у шведов лучшие для себя условия мира. Дело в том, что до подписания в конце июня того года Адрианопольского договора между Россией и Портой сохранялась реальная угроза русско-турецкой войны, грозившей непрогнозируемыми последствиями, во всяком случае — перспективой затягивания Северной войны на неопределенное время. Поэтому до заключения мира с турками Петр предписывал Меншикову смотреть сквозь пальцы на проделки датчан, гольштинцев, а также пруссаков, не обострять с ними отношения и действовать осмотрительно, *«по тамошним конъюнктурам»* (по ситуации). В феврале 1713 года, до отъезда из Гольштинии, царь обсуждал со своими союзниками три проекта (польско-саксонский, датский и русский) мирного договора со Швецией несмотря на то, что оставалось еще много военной работы. Это была своеобразная сверка часов, которые показывали разное время и, как правило, забегали вперед. Разноголосицы добавлял имевшийся еще и голландский план, предусматривавший, в частности, статус вольных городов для Висмара, Штеттина, Штральзунда и Данцига, а также активное вмешательство посредников в переговорный процесс.

Поспеть за *«тамошними конъюнктурами»* Петру было трудно. Чтобы не дать им застать себя врасплох и не стать их жертвой, царь, покидая театр боевых действий (февраль 1713 г.), составил для Меншикова инструкцию на случай, если Швеция внезапно предложит мирные переговоры. Царскому фавориту разрешалось согласиться на это предложение и вынести на предварительное обсуждение следующие главные условия: 1) Лифляндия, за исключением Дерпта, переходит к польскому королю; Россия получает в качестве *«барьера от неприятеля»* Ингрию, Карелию, часть Финляндии с Выборгом и Эстляндию с Ревелем; 2) Гольштиния достается датскому королю, гольштинский герцог вознаграждается Бременом; 3) Померания передается в секвестр Империи *«до скончания сей войны»*.

Строго говоря, инструкций Меншикову было несколько. Одна — для переговоров с союзниками. Другая — со шведами. Третья — с представителями Карла VI. Инструкции различались по степени конкретности и по силе полномочий, предоставляемых князю. Для переговоров со шведами предусматривалось право *«негоциировать о кондициях мира»* и подписать мирный договор. *«Полная мочь»* давалась и на заключение соглашения о секвестре. Что касается переговоров с союзниками, то Меншикову предписывалось *«ничего не заключать, но тотчас и немедленно нам обо всем донести»*. Но эти инструкции не понадобились. Шведы, сохранявшие потенциал для военных действий и видевшие острые разногласия между союзниками, были еще далеки от желания идти на мир. Да и *«тамошние конъюнктуры»* складывались в пользу другого сценария.

На этот случай Петр перед отъездом из Фридрихштадта составил для Меншикова еще одну инструкцию: *«1) искать неприятеля к капитуляции принудить или иным образом к разорению его приводить всеми способами, наипаче всего, чтобы не ушел, для того... надлежит у всех генералов... брать советы на письме о всяком важно начинаемом деле, дабы никто после не мог отпереться, что он инако советовал; 2) стеснение неприятелю как возможно ранее делать, а потом и бомбардированье, дабы нам прежде свое дело окончить генерального мира, по котором, чаю, не без помешки будет; 3) с датским двором как возможно ласкою и низостью поступать, ибо, хотя правду станешь говорить без уклонности, за зло примут, как сам их знаешь, что более чинов, нежели дела, смотрят»*.

Выполнение третьей, политико-дипломатической части этой инструкции было самым сложным. Меншиков убедился, что датские министры открыто чинят ему препятствия в решении военных задач, направленных на принуждение шведов к миру. В письмах к Петру он постоянно повторяет мысль о том, что нет никаких способов склонить Копенгаген к соблюдению союзных договоров: *«с датской стороны... во всем солгали»*.

Это обстоятельство стало препятствием к осуществлению третьего, «ласкательного» пункта царского наказа, от которого Меншикову по необходимости пришлось отклониться. То, что излишне миндальничать с датчанами не стоит, было видно и из послания В.Л. Долгорукого к Г.И. Головкину от 16 марта 1713 года. Там сообщалось о тайных переговорах датских министров с Флеммингом, Герцем и ганноверским резидентом. Как предполагалось, в числе обсуждаемых был вопрос о партикулярном мире со шведами. Придя к выводу, что *«интриги при здешнем дворе ежечасно умножаются»*, В.Л. Долгорукий считал необходимым, чтобы царь обратился к Фредерику IV за разъяснениями.

Посольский приказ подготовил такой документ. Он носил весьма сдержанный характер, поскольку Петр, желая получить от короля исчерпывающий ответ *«ради пресечения всех подозрений»*, в то же время не хотел озлоблять его и подталкивать к сепаратному миру. Гораздо больший интерес представляет сопроводительная инструкция к В.Л. Долгорукому, предписывавшая объясниться с Фредериком начистоту. Ее общий смысл заключался в напоминании о том, что союзник так себя не ведет в отношении того, кто воюет за его интересы, ничего для себя не требуя. Русские войска предоставлены Дании, тогда как их очень не хватает для войны против Турции. Если нужды в них больше нет, то они будут немедленно отозваны. В любом случае царь предпочел бы, чтобы вызвавшие у него *«великое удивление»* ведомости оказались ложными, в чем он желает быть *«совершенно удостоверен»*.

В.Л. Долгорукому разрешили выбрать форму исполнения этой инструкции по своему усмотрению: предполагалось, что он сам выберет то, что *«наилутше быть может к интересам его царского величества»*.

«Шведское сердце» Герца

Чтобы получить представление о том, в какую непролазную чащу хитросплетений попал Петр, следует еще раз вывести на сцену персонажа, снискавшего репутацию мастера мутить воду и ловить в ней свою выгоду. Речь о гольштинском министре Георге фон Герце. Стремительной политической карьерой он был, как и другой наш герой, Паткуль, обязан сложному стечению обстоятельств, востребовавших его талант

интригана, манипулятора и аналитика. Нить его драматической судьбы вначале разматывалась в счастливом направлении. В конце 1690-х годов одаренного выпускника Йенского университета взял к себе в камер-юнкеры герцог Фридрих IV Гольштейн-Готторпский. После его гибели в битве при Калише в 1702 году фактическая власть в герцогстве досталась младшему брату Фридриха Христиану-Августу (до совершеннолетия законного наследника двухлетнего Карла-Фридриха), который оказался меж двух огней — Швецией, с одной стороны, и Данией с союзниками — с другой. Ему пришлось прибегнуть к сложному лавированию между этими игроками и выбирать то, на что обречен слабый — лучшее из худшего. Тут-то ему и пригодился унаследованный от предшественника министр Герц, специалист по такого рода головоломкам.

Это был типичный космополит, готовый служить кому угодно. Грубые материальные интересы определяли его действия в той же степени, что и страсть к политической игре, как таковой. Зачастую он выстраивал комбинации ради комбинаций, иногда запутываясь в них. Будучи мастером тактических ходов и хитроумных уловок, он плел ажурные дипломатические кружева по всей Европе. Увлечение большими, стратегическими идеями за ним не замечено. Предоставим слово современнику, хорошо знавшему Герца: *«Желая, во что бы то ни стало, играть важную роль в делах Европы, он беспрерывно переходил от одного двора к другому, от одной армии к другой и старался вмешиваться во все негоциации. Очень часто ему удавалось это; но он никогда не мог создать ничего прочного. Его утонченной политике хотелось иметь успех везде, между тем как его обширные планы, всегда имевшие в виду несколько целей, обыкновенно не достигали ни одной»*.

Именно этот человек примчался в Ганновер искать благорасположения Петра. Он просил официальной аудиенции (которой, в случае удачи, можно было бы спекулировать перед всеми), но удостоился лишь свидания украдкой. Герц горько сетовал на совершенно несправедливое третирование гольштинского правительства со стороны союзников. И это в благодарность за то, что оно служило союзникам *«с такою пользою и могло бы служить еще лучше»*, если бы тем хватило ума догадаться о притворном *«снисхождении»* Христиана-Августа к Швеции и терпения к этой хитрой политике, проводимой ради дружбы с союзниками и не имеющей ничего общего с прошведской ориентацией епископа-регента.

Петр с его проницательным умом и взрывным темпераментом уже, видимо, был готов с бранью прервать эту сказку, но чуткий Герц быстро перешел к теме, более подходящей для того, чтобы удержать государя от прекращения разговора. Суть изложенного им прожекта состояла в следующем. Он, используя свои обширные связи в Стокгольме (ради убедительности скрывать их не имело смысла), подготавливает почву для свержения Карла XII, а Петр тем временем помогает восшествию на престол молодому гольштинскому герцогу Карлу-Фридриху, который *«всею душою предан Швеции, месту своего рождения и воспитания, мало расположен к собственным владениям, вовсе ему незнакомым, и следовательно, решится уступить часть их»* царю в благодарность за осуществление его мечты.

Дальше самое интересное. Для успешного осуществления этого плана, утверждал Герц, придется пойти на жертвы. В частности, выпустить осажденную армию Штейнбока из Тенингена, дать ей свободно добраться домой и *«тем сделать приятное шведской нации»*. Вернуть епископу-регенту Христиану-Августу захваченные Данией

герцогства Шлезвигское и Гольштинское. Никому не отдавать шведские провинции в Германии, предоставив им нейтральный статус.

Не заметить прошведскую направленность этого плана трудно, как бы ни старался Герц скрыть ее под личиной тонкого замысла в пользу союзников. На самом деле это был план спасения Швеции руками Петра, которого предполагалось соблазнить туманной перспективой получить часть гольштинских земель, что может сулить еще один выход к Балтийскому морю, а то, в придачу, и к Северному.

Был ли тут подвох? Труднее поверить, что не было, особенно учитывая контекст времени. В Стокгольме ожидали скорого возвращения Карла XII, жаждущего реванша. Его появление на театре войны тут же обесценило бы все «обещания» Герца и заставило бы забыть о нейтрализации шведских владений в Германии. Лучше других это понимал сам Герц. Единственной реальной и, быть может, главной целью его замысла являлось предоставление сохраненной шведской армии к услугам Карла XII, возвращения которого гольштинский министр ждал с нетерпением.

Если все было так, как мы предполагаем, то остается лишь признать, что в утонченно-плутоватом Герце в данном случае не нашлось достаточного чутья, чтобы проявить уважение к способности Петра видеть, когда его хотят провести. Царь понимал, что сопротивление Дании и Саксонии не позволит ему сделать какие бы то ни было приобретения в Северной Германии, и намеревался целиком сосредоточиться на Финляндии.

Нисколько не веря в искренность Герца, Петр в резкой форме потребовал от своего собеседника не рассказывать ему байки и прекратил разговор. Он уезжал в Россию в твердом убеждении, что «*искусный министр скрывает в груди шведское сердце*» и происков его нужно остерегаться пуще всего.

«Дальние виды» Фридриха-Вильгельма I

25 февраля 1713 года умер Фридрих I. Ему наследовал Фридрих-Вильгельм I. Он стремился поднять Пруссию в ранг одной из первых по военной мощи держав Европы, но умел соизмерять цели и средства гораздо лучше своего предшественника, который много тратил на подражание расточительным обычаям версальского двора. Он провел административные и другие реформы, перешел на режим строгой экономии во всех сферах жизни (в том числе придворной), кроме армии, тем самым реализуя задачу доведения ее до внушительных размеров (80 тыс. человек) и до беспрецедентного уровня боеспособности. Король подчинил своим планам даже семейную жизнь простых людей, заставляя высоких парней жениться на высоких девицах для производства соответствующего потомства, предназначаемого для пополнения гренадерских войск.

Введенный королем режим экономии распространялся на все невоенные отрасли, в том числе на дворцовое хозяйство. Бюджет на его содержание в любимом для Фридриха I стиле «а ля Версаль» был существенно урезан. Королевский дворец освобождался от роскошных предметов интерьера, в том числе от картин, выставлявшихся на продажу. Обслуживавший это великолепие мастеровой люд оставался без работы и готов был наняться за границу[1].

[1] Петр, который не мог пройти мимо этого, приказал отправить в Берлин генерала Я.В. Брюса для отбора высококлассных специалистов в «*знатных художествах*» и приглашения их на русскую службу.

Между Фридрихом-Вильгельмом I и его отцом было и нечто общее. Во внешней политике они предпочитали не рисковать и получать желаемое наименее затратными способами. Во время Испанской войны, находясь в союзе с Империей, Фридрих I избегал позиционировать себя в качестве противника Людовика XIV, которым он, помимо прочего, восхищался. Участие прусского короля в войне выражалось в том, что он не мешал своим подданным наниматься к Габсбургам. В результате Пруссия, с одной стороны, выполнила свой «немецкий» долг перед Империей, с другой — не навлекла на себя гнев французов и не стала театром боевых действий.

Всего этого о Фридрихе-Вильгельме I Петр еще не мог знать. Но царь имел достаточные представления о политике его отца. Как оно будет теперь? Бесполезно было искать ответ в тех *«дружебнобратских»* обещаниях оказывать русскому государю *«всякие угодности»*, которые содержались в королевской грамоте, извещавшей о случившемся.

Желая поскорее начать эти поиски, Петр срочно командирует в Берлин камергера графа А.Г. Головкина *«прилежно доподлинно выведать»*, *«в каком ныне он, король, намерении и к какой стороне* (России или Швеции. — *В. Д.*) *больше его склонность является, такожде и министры у него прежние или новые, и в ком из них ныне большая сила есть»*. Одновременно Петр послал к Фридриху-Вильгельму I письмо, в котором он *«не мог описать»*, какое глубокое удручение доставила ему печальная весть. Тут же была выражены радость по случаю восшествия короля на престол и заверение в готовности не пожалеть сил для сохранения обоюдной дружбы[1].

Петр дал указание составить проект обновления Мариенверденского договора 1709 года, расплывчатые формулировки которого не позволяли рассчитывать на отказ Пруссии от нейтралитета. Новый договор начинался с констатации того факта, что распространившаяся на имперские земли война создала *«опасные конъюнктуры»*. А поскольку Берлин всегда желал, *«чтоб воинское пламя от немецких земель отвращено было»*, царь берет на себя обязательство вывести свои войска из Германии, если то же сделают шведы. Фридрих-Вильгельм I со своей стороны должен применить против них *«прямое оружие»*, если они вознамерятся вторгнуться в Польшу. Тогда король сможет положиться на обещание Петра употребить *«весь свой кредит»* у Августа II для склонения его к уступке Эльбинга Пруссии.

Напомним, что долгое время Берлин придерживался нейтралитета в Северной войне. После Полтавы казалось, что эта позиция подверглась пересмотру, однако прутская кампания и последующие неудачи русско-датско-саксонских сил на юге Балтики заставили Фридриха I вновь задуматься над перспективами Северной войны. Это чувство неопределенности и сомнения унаследовал Фридрих-Вильгельм, в чем Петр убедился при встрече с ним в предместье Берлина Шенхаузене 27 февраля 1713 года. Впечатлением от свидания царь делился с Меншиковым: *«Нового короля я нашел зело приятным себе, но ни в какое действо оного склонить не мог, как я мог разуметь для двух причин: первое, что денег нет; другое, что еще много псов духа шведского, а король сам политических дел не искусен, а когда даст в совет министрам, то всякими видами помогают шведам, к тому же еще не осмотрелся»*.

Фридрих-Вильгельм относился к Петру с большим пиететом, однако связывать себе руки полновесным союзным договором пока не решался. Но эту идею новый

[1] Верительная грамота А.Г. Головкину практически повторяла текст царского письма.

король поддерживал смелее, чем его отец. Чтобы сформировать собственный внешнеполитический стиль, ему и в самом деле нужно было *«осмотреться»*. В Шенхаузене король говорил царю, что ему потребуется еще год, чтобы привести в порядок армию, финансы и тем самым подготовиться к вступлению в Северный альянс.

Несмотря на полученный Петром вежливый отказ, А.Г. Головкину все же было поручено вступить в переговоры с берлинскими министрами, чтобы иметь более полное представление об их взглядах и о перспективах достижения союза. Предметом обсуждения являлся царский проект. Он не устраивал пруссаков по двум причинам. 1) Пруссия не хочет нарушать свой нейтралитет в обмен на невнятные обещания. 2) В Мариенверденском договоре говорится о безусловной уступке Эльбинга, а теперь предлагаются *«новые кондиции», «тяжкие к исполнению»*. Кроме того, подчеркивали министры, король не будет вовлекаться в международные дела, не наведя порядок внутри государства, на что требуется время.

Переговоры длились с начала марта до середины апреля, угаснув сами собой. 17 апреля А.Г. Головкин получил от своего отца (канцлера) распоряжение Петра: поскольку королевские сановники *«не хотят ни во что ныне с его царским величеством обязываться»*, он *«рассудил за благо то дело оставить в молчании впредь до удобного времени»* и ждать, когда *«сами они о том отзовутся, или конъюнктуры инако отменятся»*.

Таким образом, переговоры показали, что на тот момент преемственность внешнеполитических взглядов Фридриха I и Фридриха-Вильгельма I была видна, по крайней мере, в одном: и тот и другой не желали платить за территориальные приращения Пруссии отказом от нейтралитета.

От такой политики Фридрих-Вильгельм отходил постепенно, и не для того, чтобы изменять прусской традиции загребать жар чужими руками, а для того, чтобы внутри антишведской коалиции найти средства для эффективного продолжения этой традиции. Вступление в войну давало возможность действовать не только русскими руками, чтобы не слишком обязываться перед Петром. Дипломатия, которую все более переполняли интриги, сговоры, сложные комбинации, личные интересы и страсти, позволяла найти подходящих попутчиков, способных ослабить прусскую зависимость от России.

В окружении Фридриха-Вильгельма, как мы уже знаем, был человек, умевший маневрировать на этом скользком поле. Речь вновь об Ильгене. Опытнейший администратор и дипломат с обширными европейскими связями, он прокладывал внешнеполитический курс Пруссии в соответствии с генеральной идеей короля — максимальный выигрыш с минимальными затратами, а лучше — вовсе без них. Ильген видел, что союзники, боясь растущего влияния Петра, предпочитают по возможности договориться о разделе территорий за его спиной, чтобы потом поставить его перед фактом. Но для успеха такой дипломатической стратегии требовались единство взглядов и согласованность действий, чего участникам антишведской коалиции явно не хватало. Для преодоления внутренних противоречий нужна была внешняя сила, но она же могла и разжечь их. Теоретически Ильген подходил на роль такой силы. Его прошведские симпатии давали ему шансы стать удобным посредником для воюющих сторон и получить от них вознаграждение за свои «добрые» услуги, в перечень которых входило бы также отстранение России от предварительного переговорного процесса. Разумеется, тайного. Его таланты позволяли организовать дело так, чтобы не компрометировать королей, прежде всего, конечно, прусского.

Впрочем, это была слишком идеальная схема, воплощение которой в жизнь предполагало наличие нереальных условий — полной неосведомленности и полного бездействия петровской дипломатии. Это вынуждало Ильгена и его европейских партнеров по интригам включать в свои расчеты русский фактор. Кроме того, некоторые правители и дипломаты видели в веском слове царя единственный шанс урвать что-нибудь со стола победителей.

Берлин мог примерять мантию третейского судьи, лишь находясь над схваткой. Будучи вовлеченным в войну, он терял эту привилегию. Прусские войска были бы для союзников хорошим подспорьем для ускорения переговоров о мире. А давать их Фридрих-Вильгельм не хотел. Влиять на ситуацию извне, извлекая выгоды, — это одно. А быть внутри ее и подвергаться риску — совсем другое. Король (и Ильген это понимал) стремился быть влиятельным субъектом международной политики, а не объектом чьих-то планов. Но именно таким объектом делали Фридриха-Вильгельма планы Петра, нацеленные на вовлечение Пруссии в антишведскую коалицию. Этим планам чуть было не помешали попытки короля проводить собственную политику, грозившие усугубить противоречия в стане союзников.

В начале июня 1713 года А.Г. Головкин, узнав о тайных переговорах берлинского двора с гольштинским министром Геннингом-Фридрихом фон Бассевичем о передаче Штеттина в секвестр Пруссии, немедленно попросил приватную аудиенцию у Фридриха-Вильгельма, которому заявил, что решать такие дела без России, на чьи плечи возлагалась нелегкая задача осады Штеттина, недопустимо. Король ответил: *«Я царскому величеству всегда добрый друг и никаких противностей интересам его величества делать никогда не хочу, но желаю ему во всем, сколько можно помогать. Мы друг другу никакого зла сделать не можем, наоборот, можем друг другу помогать»*.

Цена этого заявления выяснилась из последующего разговора А.Г. Головкина с Ильгеном, признавшимся, что Берлин (за спиной Петра) достиг с Бассевичем договоренности о передаче Штеттина Пруссии. Но только *«из дружбы к царскому величеству... король решился войти по этому делу в соглашение с вами* (русскими. — *В. Д.*)».

Дружбой здесь и не пахло, а вот страх перед Петром был налицо. Царь имел достаточно возможностей наказать пруссаков за двурушничество или, по крайней мере, основательно потрепать им нервы. Ильген изначально взял с русским дипломатом слишком высокомерный тон. Когда А.Г. Головкин спросил, будет ли теперь Фридрих-Вильгельм *«из дружбы к царскому величеству»* помогать русским войскам осаждать Штеттин, Ильген ответил отрицательно, поскольку Пруссия не хочет объявлять войну Швеции, а требуемая Россией помощь будет квалифицирована Стокгольмом именно как акт войны. Последовал отказ и на просьбу А.Г. Головкина одолжить хотя бы осадную артиллерию. При этом у Ильгена хватило апломба заявить, что Пруссия всеми силами будет стараться *«получить Померанию, чрез вас ли, чрез шведов ли»*.

Дополнительную нервозность у русской дипломатии вызывали непрестанные конференции Ильгена с английским и шведским послами. А также известия о том, что Берлин готов силой заставить Данию вернуть Гольштейн-Готторпскому дому захваченные у него земли. За всем этим, как полагал Куракин, стоят *«дальние виды»* Пруссии, связанные с намерением вступить в сговор с Францией и Англией в ущерб интересам царя. Дипломат вполне допускал, что, расправившись с Данией и соединившись с партией Лещинского, пруссаки могут обратить свое оружие против России.

Некоторые русские высокопоставленные деятели, к примеру Б.П. Шереметев, испытывали к Берлину настолько глубокое недоверие, что не исключали даже тайного соглашения его с турками о совместном вторжении в Польшу с целью выбить оттуда русских.

Гордиевы узлы войны: кто и где их завязывает?

Не успел Петр покинуть Гольштинию, как боевые действия вновь застопорились. Царским войскам не хватало провианта, фуража и логистической помощи союзников. На совещаниях русских генералов с датским и саксонским командованием в центре обсуждения были не стратегия и тактика, а деньги. Ни Фредерик IV, ни Август II не находили нелепой ситуацию, при которой русские, решавшие ценой своей крови их проблемы, находясь в двух тысячах километров от дома, должны были еще и платить за эту сомнительную честь. Более того, Петр постоянно подвергался упрекам в связи с задержкой обещанных субсидий. При этом его обвинения в недопоставках продовольствия встречались союзниками в штыки.

В марте 1713 года Меншиков отправился из Фридрихштадта в Гузум, где находился Фредерик IV, год назад слезно умолявший Петра прийти к нему на помощь после того, как его армия была разбита под Гадебушем. Как известно, царь поспешил на выручку, чтобы не допустить полного разгрома датчан. Теперь к королю обращался Меншиков с жалобой на неисправную поставку провианта для русских войск, то есть на невыполнение Копенгагеном союзных обязательств. Царский фаворит увидел перед собой того, кто не был похож на человека, обремененного чувством благодарности. Да и не стоило ожидать этих земных «слабостей» от Фредерика. Не только потому, что они в принципе не свойственны королевским персонам, но и потому, что это мешало хитроумным и циничным играм, которые он вел с Петром и Карлом XII. Вопрос был передан на рассмотрение датским министрам, уже не раз показывавшим коварное лицемерие. Фредерику было удобно прикрываться своими вельможами, когда он не хотел идти навстречу русским просьбам. Зная о саботажном настрое «королевской рати», Меншиков не стал с ней церемониться, заявив: *«Если так продолжится, то мы* (русская армия. — *В. Д.*) *принуждены будем оставить здешние действа»*.

Не церемонились и датчане, парировав: если станете набивать себе цену, то у нас есть *«близкое средство к миру»*. Это было открытое признание их готовности к партикулярному миру со Швецией. И открытое хамство в отношении России.

Датские министры хотели парализовать военные действия, чтобы выиграть время для тайных переговоров со шведами о наиболее выгодных условиях прекращения войны. Меншикова, который в этой ситуации был большой помехой, старались вывести из политической игры. И на время это удалось.

Стратегическая свобода для русской армии ограничивалась катастрофическим недостатком продовольствия. Он был создан и усугублялся благодаря открытому саботажу датского правительства. Царские войска требовались тогда, когда нужно было спасать Данию от разгрома, но чем реальнее становилась перспектива победы над Швецией, тем больше их присутствие тяготило датчан, которые вынашивали собственные, отличные от союзных, планы примирения со Стокгольмом. Все русские просьбы о решении продовольственной проблемы повисали в воздухе. Меншикова

таким образом принуждали к уходу из северо-западной Германии, хотя он и не собирался там задерживаться. Князь полагал, что в Померании у него есть дела поважнее, чем скучная осада Тенингена без малейшей надежды на благодарность датчан.

Фредерик IV выпроваживал русских под лицемерным прикрытием заботы о восстановлении покоя в Гольштинии. Руководствуясь какой-то странной логикой, он объявил, что признательность за большое усердие Христиана-Августа и Герца в доставлении посреднических услуг союзникам Меншиков должен выразить путем вывода русских войск из гольштинских владений. Установленный для этого срок в шестнадцать дней придавал заявлению короля сходство с ультиматумом. Однако при этом Фредерик IV, не забывая о своих собственных интересах, просил Меншикова оставить в его распоряжении четыре сотни солдат в качестве некоего подобия личной королевской гвардии, что вообще-то не предусматривалось русско-датскими договорами.

* * *

Прусский король, в стремлении утвердить свое право на самостоятельную политику, в том числе в выборе тех или иных союзников, лавировал между желаемым и возможным. Он не мешал своим министрам вести закулисный торг с Гольштинией о совместных действиях против Дании. И у них сложилось впечатление, будто неопытный король дает им карт-бланш на все их проделки. На самом же деле в решении внешнеполитических вопросов Фридрих-Вильгельм был всем кем угодно, только не статистом. Но иногда он предпочитал выдвигать своих министров на первый план, как потенциальных козлов отпущения. Они совместно с Бассевичем составили оборонительно-наступательный договор, согласно которому: 1) прусские и гольштинские войска занимают Висмар, Штеттин, Штральзунд и остров Рюген, чтобы оградить их *«от всякого постороннего притязания»*; 2) Фридрих-Вильгельм вступает в переговоры с Англией, Голландией и Ганновером, чтобы совместно с ними *«положить конец неприязненным действиям Дании в Шлезвиге и Гольштинии»*, а если переговоры слишком затянутся, он начнет против Дании войну; 3) Христиан-Август приложит все усилия, чтобы убедить шведского короля уступить Штеттин Пруссии в полную собственность из чувства благодарности за ее помощь; 4) в случае кончины Карла XII прусский король обязуется поддержать кандидатуру гольштинского герцога Карла-Фридриха на шведский престол.

22 июня 1713 года Фридрих-Вильгельм подписал договор (фигурирующий в прусских документах как *«Готторпский»*), но отнюдь не спешил приводить его в действие, осознавая опасность, которой подвергнет себя Пруссия, ввязавшись в еще одну (помимо Испанской) войну в условиях внутренних реформ и чрезвычайно неустойчивой международной ситуации, включая возможное столкновение между Россией и Турцией. В последнем случае русские войска уйдут из Померании и оставят Пруссию один на один с ее проблемами и с ее противниками.

По сути, король бросил пробный шар и выжидал реакцию Петра, которая последовала тут же. Царь, получавший регулярную информацию о ходе прусско-гольштинских переговоров, следил за ними с настороженностью, не доверяя ни одной, ни другой стороне. Пруссия дала к этому дополнительный повод, начав мобилизацию своих войск, на что царь отреагировал предупреждением о недопустимости употребления

этих войск в ущерб интересам России. Также было сказано, что антидатская деятельность Берлина наносит вред Северному союзу, и *«не без противности»* для России. Что касается епископа-регента Христиана-Августа, шведа в душе, то Петр не мог ему простить предоставления остаткам армии Штейнбока убежища на своей территории (в Тенингене), в нарушение объявленного Гольштинией нейтралитета[1]. Кроме того, прусские и гольштинские министры ездили в Штеттин уговаривать командующего гарнизоном генерала Мейерфельдта сдать крепость без боя, чтобы лишить А.Д. Меншикова лавров победителя и усилить свои переговорные позиции по вопросу о судьбе крепости.

На Фридриха-Вильгельма подействовали не только предостережения Петра. Готторпский трактат от 22 июня вызывал у него сомнения по прежней причине — нежеланию вступать в войну. Понимал он и то, как выглядел этот договор со стороны. Когда царь предложил королю союз, ему было отказано из опасения нарушить нейтралитет. А когда о союзе попросила Гольштиния, уже имел значение не нейтралитет, а алчное желание схватить лакомый кусок без ведома России.

Пытаясь смягчить впечатление от своего шага, Фридрих-Вильгельм обратился к Дании с декларацией (23 июля / 3 августа), где утверждалось, что он хочет мирно решить разногласия между Копенгагеном и Гольштинией, хотя у него на крайний случай есть и другие средства. Главное условие — всего лишь снятие блокады с гольштинской крепости Тенинген. Затем Фридрих-Вильгельм объявил А.Г. Головкину, что воздерживается от *«жестоких способов» «для показания своей искренней дружбы к его царскому величеству и королю польскому»*[2].

Во многих источниках прусско-гольштинский договор чуть ли не всецело приписывается закулисным стараниям Герца. Он действительно придумал хитроумную комбинацию, родившуюся из его навязчивой идеи о нейтрализации шведских провинций в Германии. Нюансы в ней менялись, но в общем речь шла о передаче этих земель во временное владение какому-нибудь невоюющему государству до окончания войны. Таким образом, Герц хотел сохранить эти территории для Швеции путем превращения их в залог, который союзники обязаны будут вернуть хозяйке в ходе мирных переговоров. Порой современники доходили до того, что изображали Герца полновластным распорядителем этих владений, готовым отдать их тому, кто больше преуспеет в стремлении заслужить его благорасположение.

Если Герц понимал двусмысленность своего проекта, а скорее всего понимал, то, значит, он в своей политической карьере делал ставку не только на Швецию. Интриган высочайшего уровня просчитывал все возможные на тот момент сценарии развития событий. Хотя мы не в силах проникнуть в его мысли, по крайней мере, два варианта были более или менее реальны. Один из них: Карл XII возвращается к армии, громит союзников и получает обратно шведские территории в Германии в целости и сохранности, по сути — из рук Герца. В благодарность король назначает спасителя главой своего правительства. Второй: Карл по какой-то причине не возвращается или терпит окончательное поражение. Тогда уже наступает черед победителей

[1] Петр считал справедливым введение датских войск в Гольштинию в ответ на действия Христиана-Августа.

[2] Позже Фридрих-Вильгельм писал Петру, что датско-гольштинский конфликт может разрешиться только благодаря мудрости царя, воле которого король охотно подчинится.

благодарить Герца за мудрое решение о нейтрализации. Особые знаки признательности ожидались от тех, кто не собирался расставаться с землями, взятыми в секвестр. А хитрый гольштинец оставляет за собой свободу выбора правителя, которому он будет служить. Также Герц держал про запас комбинацию, задуманную Бассевичем: при помощи России и Пруссии посадить на шведский трон гольштинского герцога Карла-Фридриха, чтобы тот оплатил эту помощь выгодным для них мирным договором и при этом не забыл облагодетельствовать Герца (и Бассевича).

Герц не предвидел третьего, печального для себя варианта. Но о нем позже.

Пока же министр рьяно берется за реализацию своего плана. Нельзя отрицать, действовал он искусно. Вначале, как мы отмечали, была попытка заинтересовать идеей нейтрализации Померании Петра, поскольку без его хотя бы молчаливого согласия провернуть дело было невозможно. Когда царь, считавший Герца мошенником и предпочитавший навороченным и темным дипломатическим комбинациям более простые и ясные, не отреагировал, он обратил весь свой дар убеждения и обаяния на Меншикова. По версии многих историков, политически неопытный и алчный князь, *«ослепленный расточаемыми ему подарками, безусловно подчинился видам Герца»*.

В действительности все было гораздо сложнее. Тот факт, что Меншиков выслушивал изобретательного комбинатора и с удовольствием принимал взятки, вовсе не подтверждает расхожую версию. Покидая северогерманский театр войны (февраль 1713 г.), Петр приказал ему гибко применяться к изменчивым местным обстоятельствам. Этим, собственно говоря, князь и занимался с момента расставания с царем. И делал это совсем не как простодушный провинциал, впервые оказавшийся в развращенном столичном обществе. В июне, когда Герц приступил к активной фазе осуществления своего плана, прошло уже пять месяцев с тех пор, как Петр пустил Меншикова в свободное политическое плавание, в котором у него главными навигационными ориентирами служили интересы России, какими он их понимал. Тяжелевшие день ото дня личные сундуки князя никогда не сбивали его с государственного курса. Да, он оказывал поддержку плану нейтрализации, но при этом, как увидим, внимательно следил за ходом его реализации и рассматривал возможные последствия сквозь призму тех не сиюминутных, а потенциальных выгод, которые он сулил России. И именно с точки зрения конечного итога участия Меншикова в *«герцевских проделках»* никакой ошибки он не совершил. Когда это, не сразу, стало очевидным для Петра, он снял со своего фаворита опалу за то, что тот якобы попал в расставленные Герцем сети.

Однако все по порядку. Еще до заключения крайне рискованного прусско-гольштинского соглашения Герц уже действовал как азартный игрок. Считая, что без захвата шведских крепостей в Германии союзниками его брокерские услуги будут стоить недорого, он уговаривал Меншикова (и саксонцев) произвести такой захват. Параллельно министр в ходе переговоров со шведским генерал-губернатором герцогств Бременского и Померанского графом Мауритцем Веллингом убедил того в том, что единственный способ спасения этих территорий, в частности Висмара и Штеттина, от датчан — сдача их в залог какому-нибудь нейтральному государству, недостаточно могущественному, чтобы удержать их за собой. Иначе говоря, Веллинга просили повторить то, что он уже однажды сделал, отдав Верден и Оттерсберг «на хранение» ганноверскому курфюрсту. Под «недостаточно могущественным государст-

вом» подразумевалась, конечно, Гольштиния. Однако никто не знал лучше Герца, что у гольштинцев нет необходимого количества войск для установления контроля над шведскими землями. Поэтому он оставил за собой право выбрать еще одну невоюющую державу, которая займет своими войсками Висмар и Штеттин. Усмотрев в плане Герца удачную сделку, Веллинг охотно подписал (10 июня 1713 г.) с Христианом-Августом соответствующую конвенцию.

Теперь руки у Герца были развязаны для следующего хода в этой замысловатой партии. Свой выбор он сделал в пользу пока еще нейтральной Пруссии, которая, однако, никак не подпадала под категорию державы *«не настолько могущественной, чтобы бояться, что она завладеет ими* (секвестрованными землями. — *В. Д.*)». Прекрасно знавший об этом Герц тем самым еще больше запутывал ситуацию, видимо, имея в виду вывернуться из нее с максимальной для себя выгодой, когда начнутся мирные переговоры со Швецией. Похоже, он хотел сделать своим должником еще и Берлин.

Туда, по поручению Христиана-Августа, как мы уже знаем, отправился глава гольштинского правительства Геннинг-Фридрих Бассевич. Ему предписывалось просить Фридриха-Вильгельма склонить датского короля к восстановлению гольштинского герцога во всех его территориальных правах и убедить Пруссию объединиться со Швецией против России и Дании в обмен на вознаграждение в виде Штеттина с округом.

Фридрих-Вильгельм, посчитав, что разрыв с могущественным царем — непомерно высокая цена за Штеттин, отказался ее платить. Но сама по себе идея секвестра ему понравилась.

* * *

Беда Герца была в том, что, начав громоздить одни компоненты своей комбинации на другие, он уже не мог остановиться, приближая всю конструкцию к грани обрушения. В марте 1713 года он тайно прибыл в Гузум на свидание с Фредериком IV, чтобы предложить себя в качестве посредника в переговорах между Данией и Швецией. Его целью было вбить клин между союзниками, пообещав Копенгагену привилегированные условия мира за счет Саксонии и России. В этом случае, как предполагалось, датский король, в ответ на добрые услуги Герца, учтет интересы епископа-регента Христиана-Августа. К числу «добрых услуг» относилось предоставление войскам шведского генерала Магнуса Штейнбока убежища в гольштинской крепости Тенинген с последующей имитацией ее осады, которая закончится добровольной капитуляцией. Этот сговор держался в тайне.

Из Гузума гольштинский министр совершал поездки к Штейнбоку и в Гамбург к командующему шведскими войсками в Германии графу Веллингу. Герц тянул время, чтобы не допустить взятия Тенингена русскими войсками. О ходе своих переговоров со Штейнбоком он сообщал русским и саксонцам только то, что они идут успешно. А торг с датчанами по поводу сдачи крепости Герц вел тайно. В результате была достигнута договоренность о том, что Штейнбок сдаст Тенинген датчанам, уже подготовившим соответствующий документ.

Меншиков и помогавший ему в дипломатических делах В.Л. Долгорукий выступили категорически против такого решения, требуя, чтобы капитуляцию приняли все союзные военачальники и получили от нее равные выгоды. Русский дипломат предъявил датчанам протест по поводу их участия в *«герцевых проделках»*, что приве-

ло к отстранению гольштинского министра от переговоров со Штейнбоком, которые союзники взяли в свои руки. 4 мая шведский фельдмаршал сдался, и его войска ушли в Швецию. Но датчане, которых в крепость не пустили, продолжили осаду.

Вокруг проблемы Тенингена Герц, руководствуясь прежде всего глубоко личными мотивами[1], сплел сеть интриг, куда угодил и сам. Но самой реальной их жертвой стал храбрый Штейнбок, которому Герц от имени Христиана-Августа гарантировал безопасность, а когда фельдмаршал покинул крепость, фактически выдал его датчанам, державшим его в жестоком заключении до самой смерти в 1717 году. Петр был возмущен столь постыдным попранием законов монаршей чести. *«Государям надобно вести себя добросовестно»*, — заявил он гольштинскому посланнику графу Бассевичу.

В конечном счете доверие союзников, особенно царя, к правительству Гольштинии было подорвано, вследствие чего территориально-политические интересы последнего ни у кого не нашли сочувствия, и Дании предоставили право наложить полный секвестр на герцогства Шлезвиг и Гольштинию. От глубоко двусмысленных посреднических услуг гольштейн-готторпского двора все отказались.

Герц осознавал, что судьба его планов всецело стала зависеть от того, когда падет Штеттин. Когда Меншиков, потерявший терпение в условиях затянувшейся осады, заявил, что возьмет крепость без чьей-либо помощи, это вызвало у всех союзников России страх по поводу того, что она будет решать ближайшую судьбу не только Штеттина, но и всех шведских владений в Померании по своему усмотрению. Проблема тотчас оказалась в фокусе саксонских, датских и гольштинских интриг, направленных против России и Пруссии. В их водоворот дал себя вовлечь и Меншиков, не без влияния внушений и подношений Герца. 9 июня в Вандсбеке (предместье Гамбурга) было заключено соглашение между русским фельдмаршалом, с одной стороны, Флеммингом и датским генерал-кригс-комиссаром фон Платеном (Плат, Платор) — с другой. Меншиков заявил об отсутствии у России всяких претензий на Померанию и согласился передать Штеттин в секвестр польскому королю, а другие померанские территории — датскому, за обещание помощи артиллерией, войсками и продовольствием. Меншиков делал это с легким сердцем, ибо жизненно важных интересов России данный вопрос не касался. Ему было все равно, кому делать такой щедрый подарок. Для него гораздо большую важность представлял вопрос: кто — датчане или саксонцы — даст артиллерию для осады Штеттина и Штральзунда. Так или иначе, нити игры моментально перешли в руки князя[2].

Герц хотел быть в центре или, на худой конец, за кулисами всех комбинаций, связанных не только с текущим моментом, но и с перспективами войны. Когда ему показалось, что Дания недостаточно плотно опутана паутиной его козней, он тайно прописался при датском дворе, ведя там небезуспешную работу по расколу и не без того непрочного Северного союза. Вскоре его деятельной натуре стало тесно в рамках этой задачи. Герца потянуло к более крупным политическим играм, о чем мы расскажем позже.

А пока перед ним, несмотря на Готторпский договор, стояла задача «продать» Штеттин тому, кто больше заплатит, в первую очередь ему, Герцу. Но прежде эту хо-

[1] Напомним, в крепостных застенках продолжал находиться его злейший враг Веддеркоп, освобождение которого создало бы для Герца проблемы.

[2] Отношение Меншикова к проблеме секвестра подтверждается тем, что соответствующий пункт в тройственном соглашении шел лишь под шестым номером.

рошо защищенную крепость нужно было взять. Герц, через Веллинга и Бассевича, принялся уговаривать штеттинского коменданта Юхана-Августа Мейерфельдта сдать город без боя. Не русским, а пруссакам и гольштинцам. В ход шли самые щедрые обещания и самые страшные угрозы. Однако Мейерфельдт, хранивший верность Карлу XII, отказался наотрез. Всем стало совершенно ясно, что без Меншикова с его 24-тысячной армией не обойтись. Как ни старался Герц, ему не удалось избежать неприятной необходимости усердно обхаживать царского фаворита, решать проблемы снабжения русских продовольствием и осадной артиллерией. Выпросить продовольствие у Пруссии Герцу удалось, но в артиллерии ему было категорически отказано из опасения, что предоставление орудий для захвата Штеттина будет расценено в Стокгольме и в Европе как вступление Пруссии в войну.

Тогда Герц резко поменял свою тактику, отдав предпочтение другому претенденту на померанские владения Швеции — Саксонии. 20 августа 1713 года он вступил в секретное соглашение с фельдмаршалом Якобом Флеммингом, согласно которому приобретения, полагавшиеся Пруссии по договору с Гольштинией от 22 июня, переходили к Августу II. Саксонии выплачивается 200 тыс. талеров при условии, что она предоставит осадную артиллерию и примет активное участие в померанских операциях. Герц спешил, боясь перспективы единоличного решения штеттинского вопроса Меншиковым. В любом случае он осознавал, что без одобрения князя его соглашение с саксонцами ничего не стоит. И такое одобрение было получено в виде договора между Меншиковым и Флеммингом от 28 августа 1713 года. Нося предварительный характер, он отнюдь не являлся международно-правовым документом, и об этом лишний раз говорит его совершенно необычная структура, значительную часть которой занимают ответы Меншикова на вопросы Флемминга относительно возможного развития событий. Не случайно Петр назвал такую форму договоренности *«неслыханной»*.

Царский фельдмаршал не намерен был долго прозябать под Штеттином и в первых числах июля 1713 года приступил к решительным действиям. Решение Меншикова о разделе померанского секвестра между Саксонией и Данией в условиях, когда осада Штеттина приближалась к успешному завершению, привело прусского короля в содрогание. Тем не менее он не поддался панике и взял выжидательную паузу, благодаря которой получил дополнительные возможности играть на противоречиях между союзниками, исходя из собственных интересов. А они исключали усиление Дании и Польши за счет чрезмерных (с точки зрения Берлина) приобретений в Северной Европе. Однако в долгой паузе таился риск упустить момент. Чтобы не дать померанскому кушу уплыть у себя из-под носа, Фридрих-Вильгельм должен был наконец-таки принципиально решить вопрос о вступлении в антишведскую коалицию.

Король понял, что Герц его обманул, и стал искать прямого соглашения с Меншиковым, не прибегая ни к чьим посредническим услугам. Фридриху-Вильгельму помогло стечение обстоятельств. Дело в том, что реальным главой гольштинского правительства был Герц, а номинальным — Бассевич, человек умный, обаятельный и весьма оборотистый. Помимо личного соперничества, между ними было расхождение во взглядах на штеттинский вопрос. Герц, как известно, «перепродал» Штеттин Саксонии, а Бассевич продолжал отстаивать идею передачи города с округом прусскому королю. Реализация ее была немыслима без одобрения Меншикова, рядом

с которым крутились саксонские и датские шпионы, в период осады — особенно. Все же Бассевичу удалось найти дорогу к сердцу фельдмаршала, точнее к его кошельку. Четыреста тысяч талеров сделали свое дело. Возможно, часть из них ушла на то, чтобы откупиться от Флемминга (читай — Августа II). Меншиков без всяких угрызений совести согласился отдать Штеттин в секвестр Пруссии. Бассевич переиграл Герца, оставив его не у дел в столь важном вопросе.

* * *

В переговорах о судьбе Померании Герц оказался лишним. Повернуть их вспять он был не в состоянии, а участвовать в деле, приближавшем вступление Пруссии в войну против Швеции, не хотел. Да и Фридрих-Вильгельм, которого гольштинец коварно обманул, не позволил бы ему. Пожалуй, Герц впервые попадал в непривычную и невыносимую для него ситуацию собственной невостребованности. Тогда он решил взять реванш на другом фланге дипломатической борьбы.

В сентябре 1713 года Герц отправился в Готторп, где находился окруженный иностранными послами датский король, подготовивший, сам того не подозревая, почву для любителей всяких каверз, в самое средоточие которых гольштинского министра тянуло всегда. Фредерик IV носился с планом размена территориями, стремясь заполучить наследственные владения готторпского дома, а взамен вознаградить Карла-Фридриха герцогством Бременским, графствами Ольденбургским и Дельменгорстским. Герц решил вмешаться и убедить Фредерика в нереалистичности и смехотворности такого плана. Существует мнение, будто он *«так прижал короля»*, что тот согласился вернуть Карлу-Фридриху все захваченные датчанами гольштинские и шлезвигские земли, снять осаду Тенингена и передать крепость войскам нейтральных государств по выбору епископа-регента.

Не умея обойтись без интриги, Герц внес ее и в эти переговоры, хотя они и без того были непростыми. Дело в том, что прусский король, как и обещал по договору с Гольштинией, обратился к Англии, Голландии и Ганноверу с призывом об их дипломатическом вмешательстве в пользу готторпского дома. Отклик королевы Анны выражался в готовности прислать в Тенинген английский гарнизон и в ходатайстве об освобождении Веддеркопа. Такая реакция, угрожавшая личной карьере Герца, испугала его настолько, что он осмелился отвергнуть посредничество Лондона. Заметавшийся министр внезапно прервал переговоры с датским королем и тотчас уехал из Готторпа, распустив в оправдание столь непоследовательного решения слух, будто его враги сговорились арестовать его в этом городе. Некий вид правдоподобия придавал слухам тот факт, что в готторпских совещаниях союзников принимал участие князь В.Л. Долгорукий, который относился к Герцу с глубокой подозрительностью и протестовал против присутствия гольштинца на этих совещаниях. В этом *«любезнейшем и приветливейшем из всех русских»*[1] Герц нашел одного из опасных разрушителей его планов, но выбрал довольно странный метод борьбы. Министр внушал Долгорукому, что если Гольштинии не вернут оккупированные Данией земли, то у него всегда есть выход — отдать их *«истинному своему другу, королю шведскому»*[2].

[1] По аттестации одного современника.

[2] Хотя Долгорукий отмечал, что Герц, шарахаясь от одного проекта к другому, не в состоянии довести их до ума, все же считал его *«вредительные способы»* небезопасными для России.

Что он хотел этим сказать, кроме того, что сказал? Шантажировал ли русского посла? Намекал ли, что на извилистом пути к миру со Швецией он одновременно и главное препятствие, и главный проводник? А может, однажды закрученная Герцем многоходовая интрига, достигнув какого-то высокого витка, просто вышла из-под контроля и стала жить своей жизнью, за логикой и причудами которой он не поспевал, делая, как в цейтноте, одну ошибку за другой? Вероятно, и сам Герц не ответил бы на эти вопросы, будучи все же не гениальным стратегом, а мастером тактики в стиле блиц, виртуозности которой хватало лишь на короткую перспективу. Бросаясь на все доступные ему участки игры на дипломатическом поле, переоценивая себя и недооценивая своих противников, Герц загонял себя в один тупик и в попытке выйти из него попадал в другой.

Провалившись в Готторпе, Герц 10 октября 1713 года примчался брать реванш в Берлине. Ему пришлось временно сузить свои замыслы до жизненно важного для него вопроса — Тенингена, взятие которого датчанами привело бы к освобождению Веддеркопа, чреватому чем угодно. Министр умолял Фридриха-Вильгельма послать войска на помощь осажденному гарнизону крепости, вероятно, надеясь таким образом помешать освобождению своего врага. Если в случае согласия короля произойдет прусско-датская война, тем лучше: будут убиты два зайца: решена личная проблема и внесен еще больший раскол в антишведскую коалицию накануне возвращения Карла XII. Вода станет еще мутнее, что чаще всего играло Герцу на руку.

Фридрих-Вильгельм, знавший о позиции Петра, не собирался ставить себя под удар ради возвращения Тенингена ушлым гольштинцам. У него на уме был прежде всего Штеттин, приобретение которого зависело от царя. Не получив ответа, Герц, верный своей натуре, стал вести за его спиной переговоры с послом Дании в Берлине графом Альфельдтом (Алефелдом) о восстановлении прав готторпского дома, но прежде всего о приостановке осады Тенингена, чтобы дать возможность гольштинцам подвозить в крепость продовольствие. Просьба была вызвана тем, что вскоре по инициативе императора Карла VI в Брауншвейге должны были начаться многосторонние переговоры по урегулированию датско-гольштинского конфликта, вселявшие в дипломатов обеих сторон (включая лично Герца) определенные надежды. Герц хотел, чтобы, по крайней мере, до окончания этих переговоров Тенинген оставался в руках гольштинцев.

Не лыком шитый Альфельдт не усмотрел, в том числе из предосторожности, никакого резона в приобщении к *«герцевским проделкам»*. Возможно, желая дать знаменитому комбинатору почувствовать себя жертвой собственных козней, датский посол выложил все Фридриху-Вильгельму. Прусский король, до глубины души возмущенный не первым случаем жульничества Герца, лишил его всякого доверия.

Если та же участь не постигла другого гольштинца в Берлине, Бассевича, то лишь потому, что он решительно отвергал вопиющее плутовство своего соотечественника и старался последовательно придерживаться условий прусско-гольштинского соглашения, аннулированного Герцем в тайне от Фридриха-Вильгельма. Отказ участвовать в махинациях Герца сделал Бассевича неугодной персоной для первого министра, но зато снискал ему расположение прусского короля, пока еще сохранявшего желание выполнять условия договора.

Между тем Герц стремительно терял сторонников. Его могущественный покровитель Меншиков был, пожалуй, единственным из русских, кто находил небесполезным

иметь с ним дело. Его благосклонное отношение к планам гольштинца совершенно не разделяли царские послы: в Копенгагене В.Л. Долгорукий и в Берлине А.Г. Головкин, признававшиеся в этом Петру. Добавив сюда возмущение датского короля, неоднократно жаловавшегося в Москву на нескрываемые предпочтения князя, поймем, почему осенью 1713 года царь разослал по всем русским посольствам при иностранных дворах приказ заявить, что он будет считать своим неприятелем всякого, кто посмеет напасть на Данию, чтобы отобрать оккупированные ею шлезвиг-гольштейнские территории.

Это был громовой раскат, и тот, кто попытался бы не обратить на него внимание, многим рисковал. Моментально схвативший суть момента Фридрих-Вильгельм поспешил послать Петру письмо (от 28 октября), в котором пытался убедить его в том, что прусско-гольштинский союз против Дании фактически расторгнут, чего на самом деле не было.

Одновременно и, вероятно, не без удовольствия король доводил до сведения гольштинского правительства, а скорее — Герца, что при сложившихся обстоятельствах Пруссия вынуждена снять с себя ранее принятые обязательства по защите герцогства. Великий комбинатор, вздумавший обхитрить Берлин, получил по заслугам.

Другой гольштинский министр — Бассевич — пришел в полное отчаяние. Поскольку он не был причастен к козням Герца, король, только из сугубо человеческого сочувствия, сказал ему, что рад бы помочь, но *«не может противиться колоссу, который бы задавил его, если бы объявил ему войну»*. Единственный выход, полагал Фридрих-Вильгельм, — ехать в Петербург и упросить Петра объявить о своем нейтралитете в гольштинском деле. В случае царского согласия король готов тотчас действовать в соответствии с соглашением от 22 июня 1713 года.

* * *

Потеряв всякую надежду на успешное сопротивление, Мейерфельдт с гарнизоном покинул крепость (30 сентября 1713 г.). Меншиков, как и обещал, обеспечил ему *«честное отступление в Швецию»*. Куя железо пока горячо, во избежание неприятных сюрпризов, Фридрих-Вильгельм через считаные дни (6 октября) встретился с Меншиковым в городе Шведте, где они подписали договор. В преамбуле говорилось, что цель договора — *«споспешествовать скорейшему заключению мира»* со Швецией. Условия: 1) поскольку у *«Его Царского Величества намерения весьма нет в Немецкой земле завоеванные места себе получить»*, он отдает Штеттин *«со всеми принадлежностями оного* (окрестностями. — *В. Д.*)», а также Штральзунд и Висмар прусскому королю в секвестр; в случае попыток Стокгольма вернуть эти территории силой союзники (читай — царь) должны оказать Пруссии военную помощь; 2) Пруссия обязуется преградить шведским войскам проход через секвестрированные земли в Империю для нападения на Польшу, Саксонию или Шлезвиг-Гольштейн, а союзники — вывести свои войска из Западной Померании; 3) Пруссии разрешается по-прежнему сохранять нейтралитет (разумеется, исключая случай вторжения шведов в немецкие земли); 4) союзники гарантируют защиту прусской территории от нападения шведов или их *«друзей»* и обещают не подписывать мира, пока Фридрих-Вильгельм не получит полного удовлетворения за причиненный ему ущерб; 5) в знак благодарности к союзникам за внимание к прусским внешнеполитическим интересам Берлин отка-

зывается как от прямых, так и от осуществляемых *«посторонним образом»* сношений со шведской короной; 6) договаривающиеся стороны оповещают Империю, Францию, Англию и Голландию, что единственное их намерение состоит в прекращении Северной войны во имя *«справедливого и рассудительного мира»*.

В секретной статье пояснялось, что к Пруссии переходит не только Штеттин с округом, но и вся Шведская (Западная) Померания. За издержки, которых потребуют военные операции, Берлин обещал заплатить России 400 тыс. ефимков, но с тем условием, что эта сумма с процентами будет взыскана со Швеции при заключении мира[1].

Соавтором договора следует считать продажного саксонского фельдмаршала Флемминга, поддерживавшего тайные связи с берлинским двором и давно занимавшегося закулисными интригами за спиной Августа II в союзе с Герцем[2], также готового предать кого угодно, включая Христиана-Августа. Он принимал активное участие в шведтских переговорах, а до их начала по секрету договорился о секвестре с Бассевичем. Но в момент подписания трактата *«отлучился»*, чтобы не нести за него ответственность. Сходства с заговором добавляет этой истории присутствие в ней датского генерала и дипломата Франца Иоахима фон Девица, который тоже участвовал в переговорах и принял их итоги, как считал Меншиков, не без ведома своего короля[3]. Что касается Фредерика IV, то он придерживался версии о том, что между Меншиковым и Флеммингом был сговор, направленный против Дании.

Подписанный договор нельзя считать союзным в строгом смысле слова. Как, впрочем, и нельзя считать, что Фридриху-Вильгельму удалось сохранить столь дорогой для него нейтралитет. Слишком много теперь связывало его с союзниками. Прежней свободы действий у него больше не было, потому что было ради чего жертвовать ею. Тем не менее обязательства прусского короля являлись совершенно недостаточными для того, чтобы считать его полноценным союзником.

Фридрих-Вильгельм, получивший от Меншикова воистину царский подарок, не замедлил рассыпаться в благодарностях. *«Донесите царскому величеству,* — просил он А.Г. Головкина, — *что я за такую услугу не только всем своим имением, но и кровию своею его царскому величеству и всем его наследникам служить буду и хотя бы мне теперь от шведской стороны не только всю Померанию, но и корону шведскую обещали, чтоб я пошел против интересов царского величества, то никогда и не подумаю так сделать за такую царского величества к себе склонность»*.

* * *

Все прежде сказанное нами о Меншикове не отменяет того факта, что в его дипломатической политике были тактические изъяны, подчас грубые. Предоставленную Петром свободу действий фельдмаршал истолковал слишком расширительно, как возможность дать волю своим личным предпочтениям, амбициям, порокам.

[1] В публикациях Шведтского договора имеются существенные разночтения. Самое странное из них мы находим у Д.П. Бутурлина, который приводит этот документ под неожиданным названием: «*Трактат против Швеции между Его Величеством Фридрихом Вильгельмом Королем Прусским и Высокими Северными Союзниками, а именно: Фридрихом Августом Королем Польским и Петром I Царем Российским, заключенный в Шведте, 6 Октября 1713 года*».

[2] А.Г. Головкин сообщал своему отцу в конце декабря 1713 года, что Флемминг и Герц устраивают тайные совещания с прусскими министрами, из чего посол делал вывод об их антироссийской направленности.

[3] Фредерик IV утверждал, что Девиц действовал вопреки его указаниям.

Нельзя сказать, что он заведомо игнорировал оговорку царя: *«того накрепко смотрите, чтоб чего во вред нам не произошло»*. Князю просто не хватило проницательности при ее расшифровке. В самом деле, может ли быть вред России от того, что он распорядится каким-то там Штеттином по-своему? Едва ли. Впрочем, на всякий случай Меншиков застраховался хитрым письмом к Петру: *«Надеюсь, что изволите мне поверить, что как родился, то еще никогда таких многотрудных дел не видел, понеже сами изволите знать Флемингову и прочих головы и души. К тому же они непрестанно больше в политических, нежели в военных делах обретаются, и по сему легко можно рассудить, каково мне с ними, не имеющему в тех делах никакого помощника»*.

Меншиков заранее просил прощения, если он в трудной померанской ситуации что-то сделает не так по своей дипломатической неопытности. Это оправдывает его лишь отчасти. Обстановка действительно была сложной, но не такой, чтобы мешала вспомнить наказ Петра: с датским двором *«ласкою поступать»*. Государю крайне важна была помощь королевского флота в будущих операциях на территории Швеции. Меншиков же не смог преодолеть в себе неприязнь к датчанам и Фредерику IV за их отказ дать артиллерию для взятия Штеттина и соблюдать другие союзные обязательства. Этого делать, жаловался он царю, *«они весьма не хотят, но на одном нашем хребте все военное иго* (бремя. — *В. Д.*) *думают носить»*. И разумеется, какой бы запутанной ни была ситуация, она ни в малейшей степени не оправдывает разнузданной алчности Меншикова, требовавшего от датчан оплаты его непомерных личных расходов.

Напротив, в оценке Фридриха-Вильгельма фельдмаршал, пожалуй, слишком демонстративно проявил доверие ко всем его сладкоречивым словам в адрес Петра и к его любезнейшему обхаживанию царского сановника. Меншиков с восторгом докладывал Петру, что прусский король *«зело к вам любовен»* и что он *«именем божиим клялся во всю свою жизнь ничего противного вам не чинить»*. Вряд ли светлейший, интриган не последней пробы, был столь наивен, чтобы легко отдать себя во власть королевского обаяния, не ведая его очевидного подтекста. В данном случае Меншиков, льстя царю, ничем не рисковал, так как эта лесть лишний раз подтверждала правильность государева курса на союз с Берлином. Она же позволяла оправдать решение передать Штеттин в секвестр Пруссии. Точнее сказать, продать, если учесть взятку в 5 тыс. дукатов, которую получил неисправимый мздоимец за такой щедрый жест. Желание угодить Петру можно усмотреть и в том месте донесения, где говорится о тайном признании Фридриха-Вильгельма в ненависти к датскому королю, к которому и царь относился с глубоким подозрением. Меншиков вовсе не выглядит как простодушная жертва, попавшая в ловушку прусско-гольштинских интриг. Он сам во многом являлся их источником. Петр, правда, так не думал, полагая, что его фаворита, *«никогда в сих делах не бывавшего»*, обманули. Он писал Меншикову о своем *«великом удивлении»* по поводу того, как Флемминг *«опутал вас кругом»*.

Высказанное в исторической литературе мнение о *«совершенной очевидности»* того факта, что *«князю недоставало изворотливости и дипломатической ловкости»*, нам представляется слишком категоричным. Быть может, Меншиков с умыслом выпячивал перед Петром свое «простодушие», чтобы оправдать им ошибки, если они будут допущены, и прикрыть темные дела. При чтении докладов светлейшего, где он оценивает поведение союзников, нет впечатления, что эти наблюдения принадлежат наивному человеку.

Погружение в документы наводит историка на многие вопросы, в числе которых и такой: легко ли было обмануть человека, не только видевшего всю интрижную сеть вокруг проблемы секвестра, но и использовавшего ее в собственных целях? В качестве частного примера обратимся к мнению Меншикова о Герце, высказанному в его общении с Фредериком IV. Фельдмаршал неоднократно предупреждал короля, что гольштинец под видом благоволения к Дании ведет тайную игру и доверять ему нельзя ни в коем случае. Трудно поверить, чтобы подобные советы давал неопытный в дипломатии новичок. Кстати говоря, датский король прекрасно понял и то, что Меншиков плетет свою интригу и именно поэтому отказал ему от двора.

Однако кое-что, и немаловажное, фельдмаршал до конца не просчитал. В частности, порядок военно-политических приоритетов Петра на момент заключения шведтского договора о секвестре. Тогда царь больше думал не о штеттинской наживке для Берлина, а о кампании 1714 года, в которой обойтись без активного участия датского флота было невозможно. Замешанное на личных мотивах предпочтение, отданное Меншиковым Пруссии, давало Копенгагену дополнительный повод саботировать продолжение войны и искать мира со шведами. Не мешало бы князю припомнить и то, что высокопоставленные прусские чиновники не постеснялись заявить А.Г. Головкину о твердом намерении Берлина приобрести Померанию, не важно, с чьей — русской или шведской — помощью.

* * *

К моменту капитуляции Штеттина Фридрих-Вильгельм уже сделал свой выбор. Об этом лишний раз говорит его заметное охлаждение к Стокгольму. В августе 1713 года на обеде у прусского короля, где присутствовали послы России, Швеции и Голландии, произошел примечательный инцидент. Фридрих-Вильгельм поднял тосты сначала за здоровье царя, потом за Генеральные Штаты, но «забыл» о Карле XII. Шведский дипломат Фризендорф, отказавшись пить за Петра, предложил тост за *«добрый мир»*. При этом он просил хозяина выступить посредником, чтобы доставить Карлу XII удовлетворение в виде возвращения всех завоеванных царем земель, ибо усиление России не отвечает интересам Пруссии. Король ответил: *«Удовлетворение следует царскому величеству, а не шведскому королю, и я не буду советовать русскому государю возвращать Ливонию, рассуждая по себе: если бы мне случилось от неприятеля что завоевать, то я бы не захотел назад возвратить; притом царское величество — добрый сосед и других не беспокоит; а что касается посредничества, то я в чужие дела мешаться не хочу»*. Затем Фризендорф и Фридрих-Вильгельм обменялись историческими аргументами. Один вспоминал о шведско-прусской дружбе, призывая не пренебрегать ею. Другой — о шведско-прусской вражде, намекая на захваченные шведами в период Тридцатилетней войны северогерманские территории. Завершилось застолье отвратительной сценой, в ходе которой король, в нарушение законов чести, пригрозил выдать некий секрет, доверенный ему Фризендорфом. Швед, похолодев от ужаса, попрекнул Фридриха-Вильгельма за намерение обнародовать сказанное ему как на исповеди.

Уж не под влиянием ли этой сцены Фризендорф стал глубже задумываться о том, что с Россией лучше иметь дело напрямую, по возможности избегая посредников и таких «благожелателей», которые, как прусский король, готовы при перемене политиче-

ского ветра выставить на всеобщее осмеяние содержание сокровенных личных бесед. Не оттого ли в разговоре с А.Г. Головкиным у Фризендорфа вырвалось признание, что в Стокгольме рассматривают возможность раскола Северного союза путем организации предварительных переговоров о мире в рамках шведско-русских отношений, без привлечения союзников. *«Лучше нам* (шведам. — *В. Д.*) *удовольствовать сильнейшего из своих неприятелей и с ним помириться»*, — услышал А.Г. Головкин.

Но пока для Петра более приоритетным был вопрос о союзе с Пруссией. О том, что царь не собирался добиваться этого любой ценой, говорит история с ратификацией Шведтского договора (от 6 октября 1713 г.). В его тексте Петру сразу бросилась в глаза неуместная щедрость Меншикова, фактически согласившегося на передачу Фридриху-Вильгельму всей Западной Померании со Штеттином, Рюгеном и Штральзундом. Впрочем, важнее было другое: государь узнал о подписании Готторпского договора, несовместимого со Шведтским в части, касавшейся интересов России. Петр, через А.Г. Головкина (мемориал посла от 1/12 декабря), указал на три противоречия. 1) С Меншиковым король согласился в том, что шведские войска должны покинуть Померанию и вернуться на родину. А с представителями Христиана-Августа он условился о предоставлении гарнизонам Штеттина и Висмара свободного прохода в Штральзунд и на остров Рюген, что лишь укрепит их стратегические позиции. 2) Меншикову Фридрих-Вильгельм обещал предоставить свою территорию для наступления союзных армий на Штральзунд, в то время как с гольштинцами договорился о совместной оккупации этой крепости, а также Рюгена, для защиты их от русских, датских и саксонских войск. 3) В корне противоречит духу Шведтского договора взятое королем перед Христианом-Августом обязательство о применении Пруссией *«всяких способов»* для восстановления целостности гольштинских владений, включая Шлезвиг. Царь рассматривает это как недопустимое посягательство на интересы его *«близкого союзника»* и попытку *«порушить дружбу»* между Россией и Пруссией. Кроме того, он считает претензии Фредерика IV справедливыми, а действия Христиана-Августа — предосудительными.

В заключение мемориала А.Г. Головкина говорилось, что Шведтский договор Петр ратифицирует тогда, когда будут устранены эти противоречия. Иными словами, когда король откажется от договора с Гольштинией.

Поскольку царская инструкция А.Г. Головкину имела концептуальное значение, обратимся к процессу ее подготовки. Наличие двух несовместимых друг с другом договоров создавало благоприятные условия для антирусских интриг как внутри Северного союза, так и вовне. Первым признаком такой угрозы была резко негативная реакция на шведтское соглашение со стороны датского короля, не только не приглашенного к участию, но даже не поставленного в известность о русско-прусских переговорах. Для предотвращения раскола между союзниками, который могли использовать в своих целях Швеция и участники войны за испанское наследство, Петр стремился придать своей дипломатии более наступательный и одновременно более гибкий характер. Нуждаясь в альянсе с Пруссией, царь хотел найти самый безболезненный и самый эффективный способ встраивания его в уже существующий союз и не позволить Берлину стать троянским конем.

16 ноября Петр созвал совещание для решения щекотливой проблемы. С одной стороны, надо было послать Фридриху-Вильгельму I, Фредерику IV и не только им недву-

смысленный сигнал о нерушимости русско-датского союза. С другой — довести до логического конца русско-прусское сближение. Сложность ситуации была в том, что Петр категорически отказывался признавать права пруссаков и голштинцев на Штральзунд и Висмар. Да и отдавать Штеттин за просто так он не намеревался. Царь хотел взять этот город своими войсками и выставить его в качестве главного лота на аукционе, где союзники должны состязаться за право секвестрировать его, а предпочтение будет отдано тому, кто предложит лучшую цену с точки зрения интересов России.

Задача совещания состояла в формулировании тех принципиальных посылов, которые А.Г. Головкину предстояло довести до сведения прусского короля. В целом они сводились к мысли о необходимости пересмотра Шведтского договора в той его части, что касалась интересов России. При этом важно было найти оптимальный баланс между любезной дипломатической формой и нелицеприятным содержанием. Следовало учесть еще один «нюанс»: послание к Фридриху-Вильгельму адресовалось не только ему, но также «городу и миру». На совещании обсуждались три варианта текста инструкции к А.Г. Головкину, из которых был выбран компромиссный между слишком жестким и слишком мягким, достигнутый за счет изменения формулировок и смещения акцентов. Отказ от ратификации мотивировался, *во-первых*, тем, что Меншиков действовал вопреки *«воле нашей* (царской. — *В. Д.*)» (фраза, замененная потом на более обтекаемую — *«без данного от нас указу»*), *во-вторых*, *«справедливыми представлениями»* членов Северного союза, особенно Дании, не довольными шведтским соглашением. Петр предупреждал Фридриха-Вильгельма: *«нам* [...] *союзника своего никоим образом оставить невозможно»*, тем более что он имеет *«правые претензии»* к Гольштейн-Готторпскому дому. Царь просил короля письменно отказаться от *«противных* (интересам Дании и России. — *В. Д.*) *пунктов»* Готторпского договора. Петр подтверждал свое согласие на передачу Штеттина Фридриху-Вильгельму в секвестр, но подчеркивал, что это не относится к Штральзунду, Рюгену и Висмару, судьбу которых решать Фредерику IV и Августу II, чьи войска (подразумевалось — в отличие от прусских) несли жертвы, добывая эти территории[1].

Общая тональность царских указаний показалась А.Г. Головкину *«зело острой»*, и он на свой страх и риск осмелился ее умерить, *«чтоб здешний двор не привесть в злобу»*. Посол заменил одно *«жесткое»* слово на более обтекаемое и усилил комплиментарную часть обращения к королю. За это посол получил взбучку от своего отца-канцлера, приказавшего впредь исполнять царские указания *«от слова до слова»*.

Фридрих-Вильгельм, в двух грамотах к Петру (от 25 ноября / 5 декабря и от 5/16 декабря), ответил, что Готторпский договор не направлен против России и из двух договоров главным он будет считать русско-прусский. Было обещано *«гольштинское дело»* к мирному разрешению привести. Никаких официально-договорных обязательств король на себя так и не взял, заявив, что отказ от соглашения с Христианом-Августом угрожает его чести. Однако не забыл выразить уверенность, что Петр одернет Фредерика IV, сделав ему *«предъявления в сильных терминах»*, и ратифицирует шведтское соглашение.

А.Г. Головкин вновь вручил берлинскому правительству мемориал, в котором указывалось на неубедительность заявления о том, что трактат с домом Готторпским *«никакого взаимного обязательства не содержит»* и не учинен *«прямо против»* царя.

[1] Польский и датский короли выразили Петру свое недовольство Шведтским договором.

Оно не смогло *«его вывесть из сумнения»*. Государю было бы гораздо приятнее услышать *«яснейшим образом»* сделанное заверение, что Шведтский договор автоматически уничтожает прусско-гольштинский. Что касается ратификации, то ее можно ожидать лишь в тех пунктах, которые не противоречат интересам России.

Продолжая отклонять требования Петра, Фридрих-Вильгельм прикрылся весьма любопытным аргументом: будучи *«в молодых летах»* (это в его-то двадцатипятилетнем возрасте) и пока еще не искушенным в политических делах, он не решается идти против своих министров, дабы *«не привести их в великую злобу»* против России, что будет *«небезопасно»*. Он вновь и вновь твердил, что *«весьма отдален»* от намерения чинить что-либо *«в предосуждение вашему царскому величеству или вашим союзникам»*. В вопросе об улаживании прусско-датских разногласий король надеялся не только на *«доброхотность»* Петра, но и на новый созыв Брауншвейгского конгресса, *«где уже без сомнения добрые способы и средства найдутся* [...] *ко обоих сторон удовольствованию»*.

Меншиков и Герц

Есть некий налет иронии судьбы в том, что Меншиков, которому датский король указал на дверь, стал объектом обхаживания со стороны Герца, с которым подобным же образом обошелся Петр. История общения двух «обиженных» была коротка, но имела последствия. Чтобы втереться в доверие к могущественному фавориту царя, гольштинец (вероятно, в апреле–мае 1713 г.) прислал ему проект канала, который через Шлезвиг соединял бы Балтийское море с Северным и избавлял бы русские торговые суда от необходимости пользоваться Каттегатским проливом, контролируемым шведами и датчанами. Герц также имел в виду, что Меншиков получит значительную прибыль, если царь даст ему, как инициатору проекта, подряд на строительство канала. Князь и без подсказки смекнул, что к чему. Но его, конечно, интересовали и другие вопросы — о конкретных вариантах продолжения войны и о предварительных условиях мирного договора. Для обсуждения их Меншиков вызывал Герца на конференции. Светлейший предложил идею династического брака между молодым герцогом Карлом-Фридрихом, как предполагалось, будущим шведским королем, и старшей дочерью Петра Анной. Герц, ни в чем не перечивший Меншикову, завоевал расположение князя и негласный титул его «тайного советника».

Здесь стоит вернуться к мифу о дипломатической наивности Меншикова, которого якобы обвел вокруг пальца сначала Флемминг, затем прусский король, а теперь еще и Герц. В чем заключалась его «наивность»? В том, что он выслушивал гольштинского министра, ничего не обещая? Было бы странно, если бы князь, выполняя приказ Петра сообразовываться с *«местными конъюнктурами»*, избегал общения с человеком, знавшим об этих конъюнктурах больше многих, чтобы не сказать — создававшим их. По словам современника, всеми действиями Меншикова, в данном случае решением приблизить к себе Герца, руководили *«две мысли — увеличивать могущество царя и обогащать самого себя»*. И найди Петр глубокое и смертельно опасное для царского дела противоречие между ними, не сносить бы князю головы.

Проект шлезвигского канала не мог не вызвать интереса у Меншикова по причине удачного совпадения государственного и личного. Также было важно узнать у Гер-

ца, что на уме у союзников и у него самого по поводу вариантов продолжения войны и дипломатических подходов к миру. А идея междинастического брака выглядела просто захватывающей, поскольку открывала перед дочерью царя перспективу стать женой шведского короля, матерью наследника короны и, при определенных обстоятельствах, королевой. Это могло бы изменить к пользе России всю конфигурацию международных отношений в Северной Европе, а возможно, и не только в ней. Если считать все эти идеи наивностью, тогда к данной категории нужно отнести любые планы, обращенные в будущее, всегда полное неизвестности и, зачастую, невероятных сюрпризов.

Меншиков видел своего «тайного советника» насквозь, но как политик он просто не имел права отказаться от общения со столь блистательным мастером интриг, которые можно было использовать в интересах России. Ну и, разумеется, в собственных интересах.

Современники, в том числе европейские, применяя не вполне последовательную логику, упрекали Меншикова за то, что *«он все делал дурно»*. Предпочел собирать победные лавры в Померании — ошибка. Решил отказаться от продолжения этого сбора — тоже ошибка. Потерял *«старинного и верного союзника царя»* Данию — еще одна ошибка, как и упущенная возможность приобрести нового друга — короля Пруссии — *«хотя и имел к тому в руках все средства»*. И все это из-за *«странного расположения»* к Герцу с его сомнительными проектами.

Критики почему-то забывают, что в следующие два года (1714-й и 1715-й) эти «ошибки» приведут к такой расстановке игроков в Северной войне, при которой Петр сможет приблизить ее победное окончание, не отвлекая свои силы с финского театра боевых действий, в конечном итоге решивших исход долгой войны.

Завершая тему об «ошибках» Меншикова, важно заметить, что он уходил из Германии не с пустыми руками. Еще в конце мая 1713 года он отправил одну часть своих войск в Гамбург, другую — в Любек. Выбор этих ганзейских городов не был случаен. Чтобы узнать почему, обратимся к истории.

Значительную часть своего богатства Гамбург сколотил на торговле с Россией, право на которую он получил еще в царствование Михаила Федоровича. При Алексее Михайловиче многие гамбургские купцы освобождались от пошлины, что приносило им неслыханные барыши. Петр Алексеевич продолжил эту традицию, взяв негоциантов под свое личное покровительство. Но с 1701 года начались проблемы. Петр обратился к гамбургским бургомистрам с требованием запретить местной прессе печатать пасквили на него и на русские порядки. Испугавшиеся градоначальники в ответ издали соответствующие постановления, но *«газетиры»* не унимались. В 1705 году Петр лишил немецких торговцев режима наибольшего благоприятствования. Чтобы умиротворить государя, власти Гамбурга принесли ему «в жертву» какого-то редактора, закрыв его газету на месяц, однако производство русофобской печатной продукции не остановилось, и это приводило царя в бешенство.

Были у Петра претензии и посерьезнее. В Гамбурге шведы проводили вербовку наемников для войны с Россией. В 1708 году в город приехал Б.И. Куракин сделать строгое представление по этому вопросу. Гамбуржцы с извинениями отклонили протест, ссылаясь на наличие у шведов права нанимать людей на территории Империи, поскольку германские владения Карла XII входят в ее состав.

Масла в огонь добавило то обстоятельство, что гамбургские купцы, для которых, как и для их собратьев по всему миру, деньги не пахли, продолжали торговать со Швецией, поставляя ей военные материалы и другие товары.

Так обстояли дела в середине мая 1713 года, когда Меншиков находился на расстоянии немногим более ста километров от Гамбурга. Командующий не мог удержаться от соблазна подойти к сытому городу с голодающими войсками и напомнить ему, чем тот обязан России и чем отплатил ей вместо благодарности. Меншиков предъявил магистрату перечень претензий, потребовав не извинений, от которых не было проку, а сатисфакции в 200 тыс. талеров, в противном случае он угрожал осадить Гамбург и *«иные меры принять»*. В случае же согласия светлейший обещал от имени Петра защитить город от реквизиций со стороны саксонских и иных войск, забыть все обиды и не только восстановить для гамбургских купцов прежние коммерческие привилегии на территории России, но и предоставить их на завоеванных ею прибалтийских землях.

От гамбургских властей не последовало открытых возражений. Они хорошо умели считать и рассчитывать. Что такое 200 тыс. талеров за освобождение от перспективы штурма и насильственного изъятия гораздо большей суммы! Ничего. А тут еще обещают *«Его Царского Величества всенаивысшую приязнь»* в вопросах торговли с Россией, что означало возвращение гамбургских купцов на обширнейший русский рынок на условиях наибольшего благоприятствования.

Однако, не возражая Меншикову, хитрые ганзейцы все же попытались уклониться от уплаты. Они попросили императора Карла VI о заступничестве. В Вене требование князя вызвало возмущение, которое настолько встревожило А.А. Матвеева, что он, в письме к светлейшему, под риском ссоры с могущественным фаворитом, прямо назвал его поступок ошибкой, которая может привести к дальнейшей изоляции России и стать *«малой искрой»*, чреватой *«великим пожаром»*.

Оказалось, что Матвеев преувеличивал. Все обошлось. Соответствующую конвенцию власти Гамбурга подписали 4(15) июня 1713 года. Довольный Петр писал Меншикову: *«Благодарствуем за деньги, что взято с Гамбурга доброю манерою и не продолжа времени* (без насилия и задержки. — *В. Д.*), *и чтоб из оных добрую часть послать к Куракину: зело нужно для покупки кораблей...»*

Еще более давняя история связывала Россию с патриархом Ганзейского союза Любеком. С XIII века на протяжении веков он наживался на беспошлинной торговле с Новгородом, Псковом, Смоленском, Москвой. И, естественно, очень дорожил этой привилегией. При Петре I Любек продолжал обогащаться, но царь требовал от него ответных услуг и делал это настойчивее, чем предшественники. Он хотел покупать в Любеке оружие и другие товары, необходимые для войны со Швецией. Любчанам было безразлично, кому это продавать, но Карл XII, благодаря обретенному им в Германии господству, заставил Любек прекратить поставки в Россию, пригрозив наказаниями. Зачастую власти города проявляли излишнее усердие против посланцев Петра. Со своей стороны царь справедливо настаивал на выполнении заключенных между Москвой и Любеком торговых договоров, в чем ему отказывали до тех пор, пока Полтава не изменила всю ситуацию в Северной войне.

После полтавской победы наступил черед Петра диктовать условия. Он полагал, что Любек, независимо от каких-либо извинительных причин, должен ответить

за вред, причиненный России. Для начала царь потребовал от города прекратить торговлю со Швецией и тем самым оказывать ей фактическую помощь в войне. Когда Любек ответил отказом, Меншиков стал действовать «по гамбургскому счету». Подведенные к городу русские войска заставили муниципальные власти изменить решение и выплатить контрибуцию в 33,3 тыс. талеров, которые вскоре окупились для города сторицей, поскольку Петр восстановил прежние привилегии для немецких купцов. Конвенция, аналогичная гамбургской, была подписана Меншиковым и любекскими бургомистрами.

Более серьезные претензии имелись у Петра к вольному городу Данцигу, зависимому от польской короны и входящему в Ганзейский союз. Это был богатый купеческий город, занимавший важное стратегическое положение в устье Вислы и поэтому постоянно оказывавшийся яблоком раздора между североевропейскими государствами. Умело лавируя и играя на противоречиях между внешними силами, Данцигу удавалось отстаивать свой особый статус, как правило, с помощью огромных контрибуций, которыми он откупался от наиболее назойливых посягателей.

К их числу Россия не относилась. Петр требовал от Данцига сатисфакции иного рода. Власти города всячески поддерживали Карла XII и его ставленника Станислава Лещинского, чинили *«великие обиды»* русским курьерам и купцам, конфискуя их товары и передавая шведам. Царь многократно (в 1705, 1707, 1710 гг., два раза в 1711 г.) требовал прекратить эту деятельность и выплатить компенсацию за ущерб. Но напрасно. В октябре 1713 года последовало еще одно обращение к Данцигу, на этот раз от Меншикова, находившегося в Мариенвердене. Не вдаваясь в объяснения, он просто назвал сумму, которая устроит Россию в качестве контрибуции, — 300 тыс. гульденов. Находившиеся при Меншикове войска придали этой «просьбе» особую убедительность. Но был и «пряник», которому данцигские власти обрадовались. Светлейший пообещал купцам Данцига не только восстановление прежних льгот и привилегий в России, но и распространение их на завоеванные ею территории. 27 октября в Мариенвердене была подписана соответствующая конвенция, близкая по содержанию к тем, что были заключены с Гамбургом и Любеком. Истощенная российская казна получила своевременное пополнение.

* * *

21 ноября 1713 года Петр ратифицировал Шведтский договор, но не в том виде, в каком он был подписан Меншиковым, *«не ведая*, — как подчеркивал царь, — *воли нашей»*. Из «меншиковского» варианта изымались положения о секвестрации Штральзунда, Висмара и Рюгена, судьбу которых должны решить Дания и Саксония. Более того, Пруссии предлагалось удовольствоваться Штеттином без того самого *«округа»*, куда Фридрих-Вильгельм включал чуть ли не половину Шведской (Западной) Померании. Договор считался действительным лишь после того, как прусский король письменно обяжется отказаться от соглашения с Гольштинией.

А.Г. Головкин, которому поручалось вручить ратификационную грамоту берлинскому двору, сразу же усомнился в том, что Фридрих-Вильгельм примет ее. И оказался прав. Король отверг условия царя тем смелее, что Флемминг привез в Берлин письменное согласия Августа II на ратификацию Шведтского договора, да еще с оговоркой, что император Карл VI одобрил этот документ.

Отклонив царские «поправки», прусский король попытался угрожать войной против Дании и даже привел свои войска в повышенную боевую готовность, возможно, надеясь заставить Петра отдать предпочтение союзу с Пруссией. Это было очень рискованное поведение, учитывая неоднократные предупреждения царя о готовности царя прийти к Фредерику IV на помощь. Но обстоятельства избавили государя от необходимости держать свое слово. Англия и Франция по разным мотивам заняли антипрусскую позицию, да и А.Г. Головкин подтвердил неизменность царской политики в отношении прусско-датского конфликта. Фридриху-Вильгельму пришлось унять свою воинственность, которая во многом разжигалась Ильгеном и другими министрами.

Царский арбитраж в датско-прусском конфликте

В Копенгагене русский подарок Фридриху-Вильгельму вызвал бурю возмущения. Передать Померанию в секвестр прусскому королю? За какие заслуги? Ведь он и пальцем не пошевелил, чтобы помочь союзникам. Мало того: вел какие-то закулисные переговоры с Францией в пользу Швеции и натравливал гольштинского герцога против Фредерика IV. Русскому послу в Дании В.Л. Долгорукому было сказано: *«Больше зла нельзя сделать нашему королю, как этою секвестрацией»*.

Датские министры не желали признавать, что это расплата за тот предательский, сепаратистский курс, который они проводили в отношении коалиции, не воюя, а играя в войну на фоне постоянных поисков компромиссного мира со шведами. Стремясь свалить вину с больной головы на здоровую, они утверждали, что летом следующего (1714) года Дания якобы собиралась начать большую наступательную кампанию в Шонии (Скании), но союзники все испортили: теперь надобно думать не о войне, а искать мира, что Копенгаген и собирается делать. Этим предупреждением министры лишь раскрыли карты, которые, впрочем, ни для кого не были секретом.

Нужно отдать должное Фредерику IV. В откровенном разговоре с В.Л. Долгоруким он назвал посла пророком, поскольку тот предупреждал, что политика умиротворения и заигрывания со Швецией, проводимая Герцем, нанесет *«страшный вред Северному союзу»*. Так оно, констатировал король, и случилось.

Копенгаген без зазрения совести стремился обмануть союзников, а обманулся сам. Любопытно, что угроза наказания за этот самообман последовала не от участников коалиции. Прусский король потребовал от датчан вывести свои войска из Гольштинии, иначе он обещал принудить их к этому силой. Если это была прелюдия к вступлению Пруссии в Северную войну, то весьма неожиданная. И довольно опасная. Фридрих-Вильгельм, видимо, решил, что теперь всем его действиям поддержка Петра гарантирована. Но он переоценил готовность царя мириться со стремлением Берлина диктовать Дании свою волю. Петр был крайне недоволен двуличием Копенгагена, однако право наказывать его за это оставлял за собой. Впрочем, и одергивать прусского короля он не спешил.

Запаниковавший датский король обратился к Петру с гневной жалобой. И одновременно за помощью. *«Я думаю,* — писал Фредерик, *— что все эти договоры о секвестрации заключены Меншиковым и Флемингом нарочно к моему вреду, и это уже не в первый раз оба они обнаруживают свою вражду против меня. Надеясь, что, ваше величество,*

изволите взглянуть на это дело совершенно иначе и меня, как своего верного союзника не оставить, изволите повторить иностранным дворам объявление о необходимости прежних распоряжений в мою пользу относительно гольштейн-готторпского дела и дать указ князю Меншикову, чтоб он со всеми русскими войсками, находящимися в Померании, готов был помогать мне при первом на меня нападении с какой бы то ни было стороны. Вашего величества высокое праводушие и понимание собственного интереса требуют зрелого обсуждения этого представления моего и не позволят допустить, чтобы необходимое между нами согласие прекращено было такими отдельными договорами. Ваше величество по своей рассудительности не можете не усмотреть здесь враждебных намерений и не отвратить их заблаговременно».

Фредерик IV обвинял Меншикова в тайном сговоре с врагами Дании — Пруссией и Гольштинией. Он почти открыто намекал, что считает себя опозоренным перед *«всем светом»* из-за столь вопиющего пренебрежения его интересами. Кроме того, король осуждал фельдмаршала за увод русских войск из Померании и перекладывание *«всей тягости войны на нас одних»*.

Весьма недоволен секвестром был и Август II, но он выразил свой протест более сдержанно, видимо, надеясь на адекватную компенсацию, которую он в итоге получил.

Письмо Фредерика IV встревожило Петра, поставив его перед необходимостью либо извиниться, что не в правилах государей, либо опровергнуть обвинения. Но прежде царь хотел сам разобраться, все ли было так, как преподносит король. Если Меншиков действительно грубо нарушил обязательства перед Данией, то потеря ее в качестве союзника, по признанию царя, окажется справедливым наказанием для России. В любом случае Петр был недоволен фельдмаршалом уже за то, что тот вольно или невольно поставил его в такое положение. Царь потребовал от светлейшего подробных объяснений.

В них дается другая версия событий. *Во-первых*, решение о секвестре не держалось в секрете. В обсуждении вопроса принимал участие датский генерал Девиц, и у Фредерика IV было три месяца, чтобы высказать свое *«изволение»*, которое, по заверению Меншикова, имело бы решающее значение. Однако возражений из Копенгагена не последовало. *Во-вторых*, Дания отказалась послать для осады Штеттина артиллерию, а Саксония согласилась при условии, что при секвестрации будут учтены интересы Гольштинии. *В-третьих*, русские войска выведены из Померании по причине острой нехватки продовольствия, в поставках которого датчане тоже отказали. *В-четвертых*, на момент взятия Штеттина Меншиков не знал о существовании прусско-гольштинского договора против Дании, иначе он бы действовал по-другому.

Принял ли Петр эти объяснения в полной мере? Едва ли. Но царь не мог себе позволить дезавуировать Меншикова во всех его поступках, даже если он понимал неблаговидную подоплеку некоторых из их. Кроме прочего, это было чревато утратой перспективы вовлечь в войну Пруссию и опасностью толкнуть ее в объятья Швеции. Петр поначалу наотрез отказался ратифицировать соглашение между Фридрихом-Вильгельмом и Меншиковым не потому, что жаждал угодить Копенгагену, а потому что это соглашение могло быть воспринято королем как поощрение его закулисных, скрываемых от России маневров. Но, поразмыслив, царь заострил свое внимание на том обстоятельстве, что главным предметом договора был Штеттин, служивший

важным козырем в борьбе за привлечение Берлина на сторону союзников. Спустя время Петр все же одобрил штеттинский секвестр, однако для равновесия ультимативно предупредил Берлин о недопустимости военной поддержки Гольштинии против Дании. Объяснительный доклад Меншикова был отправлен в Копенгаген с присовокуплением поручения к послу В.Л. Долгорукому заверить Фредерика IV, что *«я* (Петр. — *В. Д.*) *ничего не буду делать, что к его предосуждению есть»*. Вдобавок и сам царь послал королю письмо, в котором он дезавуировал Меншикова, но лишь частично, пояснив, что фельдмаршал был вынужден пойти на это соглашение, чтобы заставить Пруссию примкнуть к Северному союзу.

Неудовлетворенный ответом король продолжал твердить о *«превеликом вреде»* для него лично и *«невозвратном убытке всего нашего общего дела»*. Он просил царя впредь *«отлучать»* Меншикова от всех дел, касающихся северного альянса. В уважение ли этой просьбы или по своим собственным резонам Петр отозвал князя в Петербург, где подверг его публичной опале, чтобы, как полагал один современник, *«удовлетворить датчан и заставить своих царедворцев трепетать за всякое уклонение от его* (царской. — *В. Д.*) *воли, тем более, что не прощает проступков и человеку, для него столь дорогому»*.

Фредерик IV упрекал царя за его якобы нейтральную позицию в датско-гольштинской ссоре. Король знал, что это далеко не так, но хотел добиться более решительной солидарности с датскими интересами, в противном случае угрожая заключить сепаратный договор со шведами.

* * *

Дания, как и другие союзники России, вела себя специфическим образом. Она свободно позволяла себе выбирать внешнеполитический курс, сообразуясь лишь с собственными выгодами без всякой оглядки на интересы других участников антишведского альянса, включая Россию. Когда же на интриги Копенгагена следовал жесткий ответ, как в случае с прусским предупреждением, он искал защиты у царя, апеллируя к союзническим обязательствам.

Петра такая ситуация до определенной степени устраивала, пока она не выходила за рамки управляемости. Прочитав письмо Фредерика IV, Петр, похоже, посчитал, что Фридрих-Вильгельм заходит слишком далеко. Царь взял на себя роль арбитра. Как он ее понимал, видно из его ответа датскому королю.

Петр сообщал, что в вопросе о Штеттине у Меншикова не было выбора, так как его войска не могли больше задерживаться в городе из-за грядущей зимы и недостатка продовольствия. Секвестр — условие вступления Пруссии в войну против Швеции. Ради этого от Штеттина в пользу Берлина отказался польский король. При заключении соответствующего договора присутствовал датский генерал Девиц, не высказавший возражений. Однако Петр подчеркивал, что договор он еще не ратифицировал и сделает это лишь после того, как из прусско-гольштинского соглашения будут изъяты *«вредные для вашего* (королевского. — *В. Д.*) *величества статьи»*, в частности — о военной помощи гольштинцам против датчан. Что до проблемы Штральзунда и Висмара, то ее можно будет пересмотреть с учетом датских и польских интересов. Петр обещал, что не допустит нападения Пруссии на Данию, но и Фредерику не следует обострять с ней отношения и тем самым пополнять число врагов Северного союза.

Таким образом, Петр занял сбалансированную позицию, избавив Данию от прусской угрозы, но не изменив решения о Штеттине. Письмо царя было недвусмысленным предупреждением Копенгагену о том, что Россия не обязана автоматически выполнять свои обещания в одностороннем порядке и будет действовать в зависимости от поведения Дании, которое вызывает много вопросов.

Одновременно Петр посылал сигнал и Фридриху-Вильгельму: не зарывайся. В Берлине расшифровали его правильно. Об этом свидетельствует резко отрицательная реакция короля на предложение Франции способствовать передаче Штеттина в вечное владение Пруссии, если она объявит войну России, чтобы заставить ее отказаться от прибалтийских завоеваний.

Того, что сделал для Дании Петр, включая демонстративное отлучение Меншикова от военно-дипломатических дел, ей было мало. Копенгаген требовал либо отречения гольштинского герцога от прав на шведский престол, либо обязательства, в случае овладения шведской короной, не присоединять к своим владениям Шлезвиг и Гольштинию. Царь обещал не допустить такого приращения. А пока (осенью 1713 г.) он думал о способах стимулировать угасающую заинтересованность Дании в продолжении войны. С этой целью в Копенгаген в помощь резиденту В.Л. Долгорукому был направлен генерал-адъютант П.И. Ягужинский. Первым пунктом царской инструкции ему предписывалось посоветоваться с датским королем о наилучших средствах окончания войны и достижения выгодного мира. Но далее излагалась сугубо военная программа морских операций в основном силами датского флота. И ничего о том, что царь разумеет под *«выгодным миром»* для короля, кроме упоминания Шонии (Скании) в качестве приза, который Дании придется добывать самой.

Адрианопольский мир

Большим препятствием к успешному ведению Северной войны оставалась обстановка на юге. Новый 1713 год Шафиров и Толстой встретили в Семибашенном замке, куда их (Толстого во второй раз) заточили за невыполнение Петром условий Прутского договора. В Стамбуле соотношение сил между сторонниками и противниками войны было крайне неустойчивым. Оно не изменилось, даже когда великим визирем назначили слывшего миролюбцем Ибрагим-пашу. Во многом причиной тому — неутомимая работа французского посла и поляков, представлявших Станислава Лещинского и сейм Речи Посполитой. Они трудились денно и нощно, чтобы спровоцировать Порту на возобновление военных действий. Ибрагим-паша не устоял под их напором. Сначала он освободил Шафирова и Толстого из заключения, пообещав им мир. Однако затем (13 апреля) внезапно объявил на Великом совете о решении идти в поход к границам России. Ахмед III, взвесив все обстоятельства (о которых мы еще скажем), посчитал этот шаг рискованным и отправил Ибрагим-пашу в отставку. Шафиров послал султану и муфтию мемориалы с предложением начать переговоры о заключении прочного мира.

Остановимся на причинах, склонивших Ахмеда III и нового визиря Силахдара Али-пашу к принятию этого предложения. Они связаны с нараставшим конфликтом между Карлом XII и приютившими его османами (султаном и крымским ханом Девлет-Гиреем), гостеприимством которых он злоупотреблял до безобразия. Пробле-

ма возвращения шведского короля на родину затягивалась в тугой узел, поскольку никто не мог обеспечить в пути его безопасность. Между тем желание Порты избавиться от Карла по причине его несносного характера и склонности к безрассудным поступкам росло с каждым днем. Он грубо вмешивался во внутриполитические дела Османской империи, настойчиво призывал ее к войне с Россией, заверяя, что царь дрогнет и выполнит все турецкие требования. Кроме того, четырехлетнее пребывание Карла XII в Турции давало основания для слухов, будто Швеция отреклась от своего короля и скоро будет присоединена к России, которая, выиграв Северную войну, всей своей мощью обрушится на Османскую империю. Одним словом, Порта была жизненно заинтересована в скорейшем возвращении Карла к своей армии. Девлет-Гирей заявил об этом прямо, из чего король сделал вывод, что его хотят выдать либо Августу II, либо Петру. В результате произошла крупная ссора, вылившаяся в вооруженное столкновение между шведами и крымско-янычарскими войсками. Жертвы с обеих сторон исчислялись сотнями. Тяжело раненного Карла перевезли в замок неподалеку от Адрианополя, где он около года восстанавливал свое здоровье. На это время вопрос о его высылке был отложен, но уже не подлежал пересмотру.

Этот конфликт окончательно подорвал авторитет Карла XII в глазах Порты. И доверие к его прогнозам, согласно которым, стоило только туркам двинуть свои войска к русским границам, и царь сразу же запросит мира, приняв все условия Стамбула. Столь радужная перспектива плохо вязалась с тем фактом, что Петр стал стягивать на юг войска и строить на реке Самара мощную крепость. Стало быть, царь, вопреки заверениям шведов (и французов), ничего не боялся[1]. А если так, то блефовать, а тем более воевать с ним будет рискованно. Добавив к этому «антивоенные» настроения среди янычар, духовенства и народа, получим картину, не очень благоприятную для Ахмеда III, чреватую массовым восстанием и свержением с престола. Скорее страх перед внутренней смутой, чем перед внешней войной заставил султана распорядиться о начале переговоров с русскими дипломатами[2]. В письме к Петру Шафиров приписывал счастливый поворот событий милости всевышнего, который *«посрамил неприятелей ваших и обратил чудесно мечи их, изощренные на вас, в междоусобную между ними брань»*.

Официальные русско-турецкие переговоры начались 4 июня после двух с половиной месяцев предварительных контактов. Они были очень трудными (как всегда, когда дело касалось интересов Порты) и не гарантировали мирного исхода, во многом потому что в них участвовали крымские ханы — Девлет-Гирей (до апреля 1713 г.), а затем Каплан-Гирей, — не отказавшиеся от идеи войны против России даже собственными, татарскими силами.

Сначала Порта долго допытывалась у Шафирова и М.Б. Шереметева, имеют ли они полномочия на ведение переговоров. Потом заявило, что османское войско подойдет к русским границам и там состоится *«трактование»* о мире. Иначе говоря, под дулами пушек. Турки сразу же выставили два дополнения к Прутскому договору 1711 года (и его вариации 1712 г.): 1) возобновление ежегодной дани («поминок») крымскому хану; 2) установление русско-турецкой границы в междуречье Самары

[1] Об этом ясно говорят его инструкции дипломатам.

[2] 4 августа 1713 года Шафиров писал Г.И. Головкину, что султану в его решениях приходится сообразовываться с постоянно присутствующей перспективой «*бунта и низвержения*».

и Орели с условием, что примыкающая с турецкой стороны территория будет заселена запорожцами, изменившими Петру.

Понимая, что первый пункт для Петра совершенно неприемлем, Шафиров, чтобы снять его, послал Девлет-Гирею 30 тыс. левков, пообещав и другие царские подарки. Но категорически настроенный хан с гневом вернул подношения. Рейс-эфенди в разговоре с вице-канцлером сказал, что в случае отклонения этих условий начнется война. Более пространно объяснился с Шафировым и Толстым великий драгоман (Маврокордато). Настоятельно советуя им согласиться, он предупредил, что *«умные головы»*, которые у Порты есть, будут вести войну по очень неудобному для России сценарию. В частности, Турция может отказаться от рискованного лобового столкновения с царскими войсками в Малороссии и станет действовать через Польшу, где она всяческими мерами поддержит шведско-польско-казачий военный союз против России. При этом помощь Франции и других государств будет обеспечена. Но такой сценарий не исключал и удар с юга, судя по официальным угрозам Порты бросить против России 100-тысячное крымское войско.

Русские дипломаты не считали эти угрозы пустыми. В письме к Петру от 16 мая 1713 года Шафиров призывал царя *«в доброй готовности и вооружении быть от нападения татарского»*. И предупреждал, что на помощь Польши, Австрии или Венеции (бывших участников Священной лиги) рассчитывать нельзя. Более того, венецианский посол в Стамбуле *«для своей безопасности от турков»* поддерживал Дезальера в его стремлении спровоцировать войну между Турцией, с одной стороны, Россией и Польшей — с другой. На случай, если турки нападут на поляков, Шафиров советовал не спешить с помощью Августу II, а смотреть, *«куды дела пойдут»*, то есть занять такую же выжидательную позицию, какой придерживался король в отношении России и Турции.

Шафиров и его коллеги действовали со связанными руками: от Петра долгое время не было ни полномочной грамоты, ни каких-либо указаний. Вице-канцлер умолял его дать знать хотя бы о том, что предпочтительнее — война или мир[1]. Кроме того, что руки были связаны, они иногда вообще опускались из-за совершенно непредсказуемого поведения турок, которые один день говорят одно, *«а на другой день иное делают»*, обнадеживают, а следом обманывают и сами *«сим поступкам дивятся и дурацкими называют»*. Перепады турецких настроений влияли на русских послов, в письмах которых к Петру надежды перемежались с отчаянием.

Попыткам турок вести переговоры с позиции силы Шафиров и Толстой, несмотря на свой статус пленников, противопоставили твердую решимость не поддаваться устрашениям и биться до последней возможности. Шафиров предупредил, что, если царь *«не увидит склонности Порты к миру, может воспринять иные свои меры»*. У вице-канцлера даже хватило смелости указать Девлет-Гирею на его место, место всего лишь вассала турецкого султана. Он заявил, что Россия ведет переговоры с Портой, а не с татарами, и при определении условий мира нужно исходить именно из это-

[1] Лишь 30 мая Петр подписал грамоту, предоставлявшую дипломатам «*полную мочь*» на ведение переговоров и на подписание мирного трактата. Однако детальных инструкций так и не последовало. Письмо Г.И. Головкина от 31 мая предписывало лишь известить Порту о том, что русские войска выведены из Польши полностью. Канцлер объяснял отсутствие указаний очень странно — бесполезностью давать их, когда адресаты находились в заключении, и нежеланием подвергать послов опасности. Подлинные причины такого безмолвия не ясны до сих пор.

го. В рамках такого подхода было категорически отвергнуто требование Бахчисарая о возобновлении дани.

В других вопросах русские пошли на компромисс. Они согласились считать русско-турецкой границей линию, которая делит территорию между реками Самара и Орель надвое, но заявили о недопустимости поселения там запорожцев-изменников. Было подтверждено условие Прутского договора о выводе (в течение двух месяцев) русских войск из Польши.

Теперь Порте, осознавшей, что русские дошли до последней линии дипломатического отступления, предстояло решить, принимать ли такой компромисс. Противоборство партий «ястребов» и «голубей» в турецком руководстве сохранялось. Чтобы выяснить, на чьей стороне перевес, новый визирь Али-паша созвал совет высших османских сановников и поставил перед ними вопрос: ст*о*ят ли те два пункта, по которым расходятся Турция и Россия, войны?

Решающее слово на совете принадлежало муфтию. Его мнение было однозначным: царь выполнил условия Прутского договора, поэтому Порта, начав военные действия, поступит незаконно. Присутствующие согласились и отправили свое решение на одобрение султана. Тот не возражал. Решение влиятельных клерикалов позволяло ему выбраться из той психологической ловушки, куда он угодил по собственному недомыслию, поспешив объявить войну России. Теперь же просто взять и известить османское общество, что он от войны отказывается, поскольку не уверен в победе, было равносильно потере лица[1]. Великий муфтий и его окружение избавили Ахмеда III от обвинений в капитуляции, дав возможность умыть руки. Отыгрывать назад без помощи авторитетных улемов было бы для султана тем труднее, что крымские татары де-факто уже начали войну. В марте 1713 года 30 тыс. всадников совершили нападение на русскую территорию, разорив под Киевом много сел. Б.П. Шереметев, стоявший с войсками неподалеку, воздержался от возмездия[2].

Адрианопольские переговоры вновь возвращают нас к чрезвычайно запутанной теме о роли в них посреднического фактора. Как известно, турки отказались допускать к переговорам английского посла Саттона и голландского Кольера, подозревая их в расположении к России. Вопрос о том, насколько оправданны были эти подозрения, до сих пор остается дискуссионным. Согласно одним историкам, Англия и Голландия в той или иной степени подталкивали Порту к выгодной для них войне с Россией. Согласно другим, эти дипломаты не только оказывали русским полезные услуги в деле достижения мира, но и, что *«самое поразительное»*, *«активно защищали»* интересы России. Есть в историографии и промежуточная точка зрения. Ее сторонники полагают, что поведение Саттона и Кольера отразило общую эволюцию в политике морских держав в отношении России: от терпимости и умеренного, ситуативного содействия к настороженности и противодействию в связи с ее растущей мощью и появившейся у Лондона и Гааги после Утрехтского мира возможностью решительно вмешиваться в северные дела. Как ни странно, правы все, именно потому что полная разноголосица источников не позволяет выяснить, какой из них ближе к истине. В дипломатии с ее ажурной и мозаичной материей такое случает-

[1] Такую мысль высказал А.И. Дашков в письме к Шафирову от 18 апреля 1713 года.

[2] Татарские набеги разоряли даже такие отдаленные территории, как Валуйки, Острожск, Ливенский уезд, окрестности Пензы и другие места.

ся. В данном случае она озадачила современников и историков тем, что переплелась с сугубо человеческими взаимоотношениями. Нет никаких доказательств того, что отказ Порты от войны стал результатом деятельности Саттона и Кольера в пользу России. Когда Шафиров просил царя наградить их, он скорее всего находился под впечатлением искреннего, христианского сочувствия, которое они проявляли к своим русским коллегам, находившимся в невыносимых условиях заточения в Семибашенном замке (ходатайства перед султаном об освобождении, оказание узникам различных бытовых услуг и т.д.). Это вовсе не свидетельство солидарности с политикой Петра. Неслучайно царь ограничил свою благодарность к Саттону и Кольеру денежными подарками, но отказался давать государственные награды. Да и сам Шафиров впоследствии воздерживался от похвальных слов в адрес английского посла, указывая на резкую перемену в нем.

13 июня 1713 года был заключен Адрианопольский мирный договор, в целом подтверждавший положения Прутского трактата. Шафиров, долго не получавший никаких инструкций из Москвы и подписавший документ на свой страх и риск, опасался гнева Петра. Опасения оказались напрасными, царь одобрил действия дипломата[1]. Затягивавшаяся война на севере настоятельно требовала хотя бы относительного спокойствия на юге.

С подписанием Адрианопольского мира, который, по словам послов, *«до последнего момента висел на паутинной нити»*, русско-турецкие переговоры не закончились. Они продолжились даже после ратификации, до 27 октября. На одной из конференций Али-паша несколько раз бестактно спросил, собирается ли его царское величество без всяких *«отговорок»* (как указано в трактате) соблюдать все статьи договора, прежде всего те, которые касаются запрета для русских войск и для государя лично появляться в Польше, а также царского обещания вернуться к вопросу о крымской дани. Послы подтвердили первый пункт и категорически отказались без дозволения Петра обсуждать второй. На это великий визирь сказал, что тогда опять начнется война, а послов вернут в заточение. Шафиров спокойно ответил: война так война. Затем спор перекинулся на тему о соблюдении *«тишины»* на русско-османской границе. Когда Али-паша фактически отказался от обязательства удерживать татар от набегов, вице-канцлер предупредил, что в таком случае царь не будет мешать своим подданным *«искать на них своего отмщения»*. Визирь, сказав, что Порта придет крымцам на помощь, опять стал грозить войной.

Продолжавшиеся после подписания мира переговоры сопровождались событиями, приведшими командующего стоявшими под Киевом русскими войсками Б.П. Шереметева *«в великое сумнительство»* относительно отказа турок от войны. Он писал Шафирову (25 июля 1713 г.), что под Хотин стягивается стотысячное османское войско с артиллерией (166 пушек), высказывая предположение о целях такой концентрации: перезимовать, чтобы по весне начать военную кампанию либо против России, либо против Польши. Сомневался в прочности мира и А.А. Матвеев, полагавший, что нарушить его может крымский хан, переменчивость в намерениях которого посол сравнивал с *«ветром степным»*.

[1] Петр одобрил все пункты договора, кроме десятого — о крымской дани. Царь писал, что «по нынешним конъюнктурам» договор удовлетворителен, хотя и «оставлена дыра сим псам в огород христиан влезть». Однако что сделано, то сделано.

Турок не до конца удовлетворял Адрианопольский договор. Ссылаясь на его одиннадцатую статью (она соответствовала седьмому пункту договора от 5 апреля 1712 г.), они ставили вопрос о внесении в текст трактата дополнительных артикулов. Послы ответили, что они внимательно выслушают турецкие предложения и примут их *«на доношение»*, а уж решать царю.

Одним из символических итогов переговоров стал тот факт, что Шафиров, Толстой и Шереметев остались в качестве заложников до полного выполнения царем своих обязательств[1]. Быть может, мир уже не висел на прежней *«паутинной нити»*, но и прочным не был. Предстояло еще решить острый вопрос о размежевании границы, с которым турки медлили, вызывая подозрения у командующего русскими войсками на юге Украины Б.П. Шереметева. Из Петербурга ему советовали сочетать бдительность и осторожность. До конца июля 1714 года Посольский приказ считал *«турецкое дело»* неоконченным, что сковывало действия России в Польше и Курляндии. Демаркация территорий проходила с переменным успехом, а на самом заключительной этапе чуть было не оказалась на грани *«разорвания мира»*.

Куракин в письме к Шафирову от 31 июля 1713 года уповал на готовившийся Брауншвейгский конгресс, поскольку сам факт начала мирных переговоров со Швецией, возможно, охладит турок в их надежде на антирусский союз с ней.

Таким образом, Адрианопольский мир не устранил, а лишь ослабил напряжение в русско-турецких отношениях, но это позволяло Петру целиком сосредоточиться на балтийских делах. С точки зрения ближайшей перспективы самым нежелательным для России пунктом этого договора являлось обещание Петра не препятствовать возвращению Карла XII к своей армии. Северная война грозила обрести второе дыхание, несмотря на сохранявшуюся османскую угрозу, заставлявшую Петра постоянно оглядываться на юг. 16 ноября 1713 года в Петербург пришло сообщение, что Порта требует от Польши ряда территорий, а от России — возобновления даннических отношений с крымским ханом. А.А. Матвеев считал, что наступившая относительная тишина в русско-турецких отношениях обманчива. *«Злохитрый султан»* будет ждать момента, чтобы возобновить свои требования к России.

Август II: без руля и без ветрил

Тяжелым был 1713 год и для русско-польских отношений. Обстановка в Речи Посполитой, оставаясь запутанной и изменчивой, заставляла Петра, постоянно лавируя, искать в ней хотя бы временные точки опоры, более или менее подходящие для решения внешнеполитических задач России. Царя одолевали небезосновательные сомнения в союзнической надежности Августа II, и он не имел ни малейшего желания принимать в расчет обстоятельства, в какой-то степени оправдывавшие макиавеллистскую политику короля. Петр, оставаясь последовательным защитником прав Августа на польскую корону, требовал от своего «друга» ответной благодарности не на словах, а на деле.

Ближайшей возможностью доказать свою лояльность царю могла стать война, на пороге которой, как казалось в начале 1713 года, находились Россия и Турция.

[1] Шафирову и Шереметеву позволили покинуть Турцию лишь в начале сентября 1714 года.

Князь Ю.Ю. Трубецкой, приехавший в Варшаву (вместе с Василием Степановым) на заседание сейма, поставил перед Августом вопрос о совместных приготовлениях к этой войне. Но военная помощь Петру против турок не отвечала ни интересам, ни планам короля, который был прежде всего курфюрстом Саксонии, далекой от восточных проблем. Август просил Трубецкого написать царю, чтобы он не появлялся с русскими войсками на территории Польши и тем самым не провоцировал Порту на войну. Царский посол акцентировал совершенно другое: будет война или нет, к ней нужно готовиться в соответствии с взаимными союзными обязательствами, связывавшими двух монархов. Испуганный Август попросил собеседника даже не заикаться об этом на сейме, чтобы не усугублять раздрай между королевской и республиканской властью, для которой была ненавистна сама мысль о русско-польском союзе. Сейм признавал этот альянс лишь как средство заполучить Лифляндию. Об обязательствах польской стороны шляхта и слышать не хотела. Королю было выгодно кивать на упрямство сенаторов, которым он прикрывал свое нежелание поддерживать Россию против турок и закрывать пути к сговору со шведами. Однако даже беспринципность Августа имела предел. Он все же не мог себе позволить демонстративно тяготиться моральным долгом перед Петром и был вынужден соблюдать хотя бы видимость союзнической верности. Король объявил Трубецкому, что весной (1713 г.) он выставит на польско-турецкой границе коронные войска, но ничего не сделал. Вскоре подписанный Адрианопольский договор между Россией и Портой освободил Августа от его обещания, которое он и не думал выполнять.

Миссия Трубецкого и Степанова, как и их предшественников, провалилась. Сейм не стал обсуждать с ними вопрос о союзе, заявив, что будет ждать русских дипломатов с царским указом на руках о возвращении Лифляндии Польше. Ни с кем другим сенаторы вести переговоры не будут. Августу было очень удобно прятаться за ширму сейма, когда дело шло о противодействии Петру.

Никакие договоры с Августом, сколько бы их ни было, не могли унять в Петре чувство глубокого недоверия к нему. Очередной повод для этого дал демарш короля от 22 апреля 1713 года. Ему предшествовали два события: ввод русских войск в Курляндию для защиты интересов вдовы курляндского герцога Фридриха-Вильгельма III Кеттлера (см. ниже) и санкционированное Петром разрушение померанских городов Гарца и Вольгаста. Первая акция вызвала у Августа протест в связи с нарушением сюзеренных прав Речи Посполитой на Курляндию, вторая — по причине задетого самолюбия короля, не поставленного в известность. На довольно жесткое представление короля Петр ответил в примирительном духе: войска в Курляндии обеспечивали безопасное возвращение царя из Померании в Россию, а Гарц и Вольгаст были уничтожены как опорные пункты врага[1].

Кроме того, Август хотел предотвратить появление петровских войск на территории Польши. В июне король, под предлогом заботы о благополучном завершении русско-турецких переговоров, просил царя повременить с отводом войск из Померании в Россию через польские земли, поскольку он может спровоцировать войну на юге, *«к великому предосуждению нашей северной аллианции»*. В октябре просьба была

[1] Петр, конечно, не мог сказать Августу, что пребывание русских войск в Курляндии имело еще одну цель — наблюдение за *«оборотами»* Пруссии, чтобы ударить ей в тыл в случае заключения пруссаками союза со Швецией.

настойчиво повторена, что уже выглядело как требование: русские полки после завершения их померанской миссии должны вернуться в Россию *«прямейшим и ближайшим путем»*, нигде не задерживаясь и не обременяя местное население. Это был намек на недопустимость пребывания русских войск не только на польской территории, но и в Курляндии.

Весьма тревожным знаком являлось решение Августа вывести значительную часть саксонских войск из Померании, что сигнализировало шведам о готовности короля к сепаратным переговорам.

На протяжении всего 1713 года царю не удалось избавиться от опасения, что король копит аргументы для оправдания готовящегося сепаратного договора со Стокгольмом при французском посредничестве.

Подозрения усиливала неустанная деятельность правой руки короля Яна Флемминга, которого Петр и его дипломаты считали специалистом по разного рода темным проделкам. Переезжая из одного германского города в другой, он плел свои интриги и, когда ему было выгодно, вплетался в чужие. Находясь в постоянной связи с датскими, гольштинскими, прусскими, русскими и шведскими дипломатами, Флемминг стремился максимально использовать их сильные и слабые стороны в саксонских интересах, не расставаясь с мыслью подготовить условия для партикулярного мира со шведами. Во всяком случае, не допустить, чтобы кто-то из союзников сделал это раньше Саксонии.

Свобода действий Августа II против России сильно ограничивалась необходимостью думать не только о Саксонии, но и о Польше, если он хотел остаться ее королем. Этот вопрос особенно остро встал в 1713 году, когда польско-турецкие отношения приблизились к грани войны. Порта хотела воспользоваться расколом внутри шляхетской знати, чтобы с помощью демонстрации силы или ее применения вернуть себе Подолию и другие земли, потерянные в результате Карловицкого мира 1699 года. Турки сконцентрировали свои войска в районе города Хотин на границе с Польшей, надеясь, что эта акция подвигнет сторонников Станислава Лещинского, поддерживаемых шведами, поднять вооруженное восстание и свергнуть Августа II. А в благодарность за такую помощь Лещинский, как и обещал, отдаст Турции Каменец, Окопы, Белую Церковь и Правобережную Украину[1]. Правда, не ясно, осознавала ли Порта, что в случае вторжения в Польшу все может пойти совсем не по тому сценарию, на который она рассчитывала, и привести к консолидации поляков перед лицом внешнего врага. Не больше ясности и в том, на чем строились фантазии османского правительства о создании польско-крымско-турецкого альянса с целью завоевания Смоленска и Левобережной Украины.

Август II раздваивался между желанием искоренить влияние России в Польше и страхом остаться без ее помощи в случае нападения турок. Одной рукой он подписывал «вежливые» протесты против пребывания русских войск на польской территории, другой — грамоты с просьбой послать те же войска в Польшу, чтобы защитить ее от османского вторжения. Петр ответил, что покуда он не видит никаких турецких *«противностей»* и не будет нарушать недавно подписанный Адрианопольский мир, поскольку не желает спровоцировать войну и остаться в ней один на один с неприя-

[1] В историографии вопрос о подлинных целях этой мобилизации остается спорным во многом из-за невозможности до конца понять изменчивую и непредсказуемую логику Порты.

телем (царь намекал на безучастность Августа, когда Россия воевала с Турцией). Если турки действительно нападут на Польшу, царь готов оборонять ее, но в составе Священной лиги (Империя, Венеция, Речь Посполитая). Петр также хотел твердо знать, кто именно просит о помощи — король или вся Речь Посполитая. В последнем случае нужны официальные подтверждения.

Немного эмоций в холодной воде австрийского рационализма

Неприятные новости продолжали приходить к Петру и из Австрии, от Матвеева. Венский кабинет мечтал поскорее заключить мир с Францией, избегая всего, что могло бы помешать этому. Одну из главных угроз император Карл VI и его сановники видели в возможности возрождения франко-шведского союза вестфальского образца. Тогда Испанская война соединилась бы с Северной, что создало бы опасную ситуацию на всем пространстве Империи, в том числе на границах с Польшей и Турцией.

Поэтому Вена хлопотала о заключении партикулярных мирных договоров между Карлом XII, с одной стороны, польским и датским королями — с другой. Таким образом, Россия, попав в изоляцию в самый неподходящий для нее момент подготовки к войне с Турцией, вынуждена будет пойти на мир со Швецией. В соответствии с этим замыслом Вена не стеснялась оказывать прямое давление на Петра, требуя от него вывода войск из североевропейских пределов Империи, иначе говоря, прекращения боевых действий. Матвееву открыто заявили, что без выполнения этого условия Австрия не будет вступать с Россией ни в какие соглашения. В том числе по турецкому вопросу, обострение которого в связи с вооруженным конфликтом между войсками Карла XII и янычарами испугало австрийцев своими непредсказуемыми последствиями. Вена наотрез отказалась заключать с Петром союз против Порты и даже делать ей какие-либо представления в пользу России, почему-то считая это равносильным объявлению войны. Если какая-то война была желательна для венского двора, так это русско-турецкая, способная отвлечь Петра от вмешательства в германские дела, считавшиеся в имперской столице сугубо домашними. Правда, открыто в этом никто из цесарских министров не признавался. Напротив, Карл VI *«в пространных словах»* обещал, что, несмотря на угрозу турецко-французского сговора против Австрии, он, как *«верный брат и друг его царского величества»*, *«приложит попечение»* об интересах Петра и, в частности, о восстановлении мира между Россией и Портой.

Русско-австрийские отношения осложнялись психологическими обстоятельствами. *«Любочестивый и гордый»* венский двор, как характеризовал его Матвеев, был глубоко задет самовластным поведением Петра в Северной Европе, которое он продемонстрировал, в частности, в отношении Штеттина, присвоив себе право отдать город тому, кому сочтет нужным. Австрийские министры с возмущением заявили русскому послу, что царь обязан был согласовать штеттинский секвестр с цесарем, а также с другими германскими владетелями, ганноверским и вольфенбюттельским.

В Вене не могли не заметить, что со времени свидания Петра с отцом Карла VI Леопольдом I (1698 г.) он превратился из неотесанного искателя благорасположения императора во влиятельного европейского правителя и могильщика полководческой славы шведского короля. Габсбурги с их историческим великодержавным гонором органически не переносили таких метаморфоз. Карл VI воспринимал чуть

ли не как личное оскорбление тот факт, что английский король Вильгельм и королева Анна в своих грамотах именовали Петра *«императорским величеством»*, демонстрируя вопиющее неуважение к единственному и неоспоримому обладателю сакрального титула императора.

Чтобы не давать Карлу VI лишний повод к раздражению, Петр приказал не употреблять этот титул в дипломатических документах, посылаемых в Вену. Но теперь, когда уже мало что осталось от прежнего политического провинциала из «дикой» Московии, никакие средства не могли унять завистливых и подозрительных чувств венского двора. Это сильно мешало выработке упорядоченного курса в отношении России. Была и другая, более общая причина, в какой-то степени оправдывавшая такую непоследовательность, присущую, кстати, не только Вене. Европейские события развивались полухаотично и непредсказуемо. На политико-дипломатической сцене двух параллельных войн (Северной и Испанской) присутствовало слишком много игроков, любыми способами отстаивавших свои интересы, которые гораздо чаще сталкивались, чем совпадали. Сталкивались постоянно, совпадали временно. Все было подвижно, скоротечно, расплывчато. Одно держалось на волоске, другое обещало более или менее внятную перспективу, третье еще лежало втуне, не проявляя себя. Шла борьба государств, личностей, честолюбий, уловок. Она была наполнена головоломным содержанием и неожиданными поворотами. Никто не знал, как все обернется в следующий момент, тем более в обозримом будущем. К этим особенностям международных отношений добавлялась аналогичная атмосфера внутри кабинетов, где принимались важные государственные решения. Венское правительство в этом смысле представляло едва ли не типичный образчик. Вот как его описал Матвеев: *«Нигде при дворах такой зависти и бессоюзия между министрами я не видал, как здесь; коварные интриги между разными шайками господствуют при здешнем дворе, думают только о своих выгодах и вредят всеми способами силе своего государя»*.

В ответ на протест Карла VI в связи с присутствием русских войск на имперской территории (в Померании) Петр решил объясниться с Карлом VI начистоту. 11 февраля 1713 года он послал цесарю грамоту следующего содержания. После победы под Полтавой для русских войск не представляло особого труда войти в Померанию и разбить там шведский корпус Крассова. Не сделав этого *«только из почитания к Римскому государству»*, Петр присоединился к заключенной между державами Великого союза (20/31 марта 1710 г.) Гаагской конвенции о северном нейтралитете (то есть, повторим, о недопустимости распространения военных действий на территорию Империи) в надежде, что его будет соблюдать и Карл XII. Однако шведский король отказался, дав своим генералам распоряжение атаковать имперские территории и начать с Мекленбурга, который предполагалось превратить в продовольственную базу и наступательный плацдарм. В ходе этой операции шведы вели себя в отношении померанского населения самым *«немилосердным и свирепым»* образом, как в случае с сожженным городом Альтона. Бездействие гарантов нейтралитета (Австрии, Англии и Голландии) вынудило Петра дать приказ войти в Померанию, а затем в Мекленбург для противодействия опасным намерениям неприятеля, планы которого выходили за пределы Северной Германии и угрожали России. Если Австрия и другие гаранты нейтралитета согласятся тем или иным способом принудить шведские войска очистить Померанию, то царь, не имеющий никаких видов на германские земли,

тотчас уведет свою армию в Россию. Если же предложение Петра будет отвергнуто, то ему придется самому позаботиться о приведении России *«в совершенную безопасность»*. Как мы увидим ниже, такой язык Вена понимала лучше, чем деликатные обхаживания.

Впрочем, и от обхаживаний Петр не отказывался. В том числе порой от весьма странных. В феврале 1713 года он предложил Карлу VI взять Померанию в секвестр. Это означало, что император тем самым превращался бы в сугубо внешнего игрока в вопросе о судьбе имперской территории, ибо секвестр подразумевал передачу того или иного политического субъекта третьей стороне. Естественно, быть *«за третьего»* в такой ситуации Карл VI не захотел, хотя имелась еще одна причина — наличие в австрийском правительстве прошведски настроенных министров.

Матвеев был одним из тех, кто хорошо чувствовал зыбкость почвы, на которой он работал, и поэтому старался избегать категоричных суждений, делая поправки на возможные варианты изменения обстановки и призывая Москву действовать в гибком соответствии с ними, ибо *«тайны сердец пронзнуть никому не возможно есть»*. Так, узнав о предложении французов заключить с Россией договор о свободной торговле, Матвеев высказался о пользе такого соглашения *«при нынешних обстоятельствах»*. Однако рассуждения посла в обоснование его мнения были применимы не только к «нынешним обстоятельствам».

Вот их общая суть. Перед Россией встали две серьезные проблемы: как продолжить Северную войну и как ее закончить. К решению обеих есть препятствия. С одной стороны, политика морских держав (Англии и Голландии), которые *«кривым оком»* смотрят на успехи Петра на Балтике, с другой — хрупкость антишведского альянса, прежде всего в русско-датском звене. Сближение России с могущественной Францией или его видимость заставят Лондон и Гаагу быть более осторожными в их попытках лишить царя его завоеваний. Что касается датского короля, то и он дважды подумает, прежде чем менять союз с Москвой на союз против нее. Сама же Франция, получив от России экономические и иные выгоды, перестанет заступаться за Швецию.

Особое значение придает Матвеев русско-французскому сближению как средству воздействия на Австрию. Венскому кабинету придется *«оставить свои прежние суетные мнения»*, будто он является единственной надеждой и опорой царя в северных и южных делах, будто только от него зависит, какое направление примут русско-шведские и русско-турецкие отношения. Петровский дипломат идет еще дальше, предполагая, что в случае заключения мира между Россией и Портой и продолжения Испанской войны Москва обретет б*о*льшую свободу решать, с кем объединяться и против кого. Не нужно будет заискивать перед этим *«гордым и... нерадивым двором* (австрийским. — *В. Д.*)*»*. Более того, Вена сама будет искать союза с Петром, чтобы избежать угрозы русско-французского военного союза. Но к этому искательству следует относиться с настороженностью, памятуя об опыте истории, свидетельствующей о том, что в трудные для России времена цесарь *«ничего для нас сделать не подумал»*. Новые основания считать так Матвеев увидел в *«мистериях»* цесарского резидента в Стамбуле Флейшмана, который, не уведомив Шафирова, предложил Карлу XII австрийское посредничество в умиротворении Севера.

Смелости Матвеева нужно отдать должное. Хотя посол знал о глубоком уважении Петра к обладателям императорского титула, его это не останавливает в стремлении

предостеречь царя от нежелательных последствий традиции руководствоваться в отношении к Вене лишь чувством пиетета к цесарю. Австрия, заявляет Матвеев, должна почитать дружбу и интересы царского величества *«не по любви, а из страха»*[1].

К осени 1713 года ситуация изменилась. Миновала непосредственная угроза русско-турецкой войны, что, казалось, привело к подвижкам в политике Вены. Через императорского фаворита графа Стелли Матвеев узнал, что Карл VI склоняется к сближению с Россией, которое теперь не обязывало Австрию помогать русским против Порты. Однако посол в письме к канцлеру Головкину не спешит отказываться от идеи русско-французского союза как стратегического средства многоцелевого применения. «*Хотя при настоящих обстоятельствах этот союз и не так нам нужен, но может быть очень полезен для будущего времени по враждебным отношениям нашим к Швеции и морским державам; этим союзом будут сдержаны члены империи, склонные к поданию помощи шведу, особенно Пруссия, наконец, будет сдержана Франция*», — писал Матвеев. Он, как видно, рассуждает не в сиюминутных категориях и в отличие от ряда своих коллег настроен скептически к любым союзникам, прежде всего к Пруссии. И это при том, что король Фридрих-Вильгельм клялся Петру в любви и дружбе и находился в одном шаге от подписания военного договора с Россией.

Не известно, в какой степени Петр был солидарен с жесткими, нелицеприятными и даже несколько вызывающими суждениями Матвеева. В свете последующей политики государя допустимо предположить, что часть их он разделял. Но пока, осенью 1713 года, Матвеев получает указание начать с Веной переговоры о союзе. С австрийской стороны их вел Стелли, и шли они трудно из-за вмешательства австрийских министров. Карл VI зачастую не мог совладать с этими умными, хитрыми и алчными людьми, которые плели коварные интриги как при дворе, так и по всей империи. Союз с усиливавшейся «азиатской» Россией глубоко претил им не только из-за их русофобского снобизма, но и по рациональным внешнеполитическим соображениям, во многом разделяемым императором. После подписания Утрехтского договора в июле 1713 года мирное урегулирование вопроса об испанском наследстве не закончилось. Между Австрией и Францией продолжались переговоры в Раштатте и Бадене (которые еще будут длиться больше года), призванные расставить все точки над «i». До их завершения Вена, лишенная свободы действий, предпочитала по возможности придерживаться выжидательной позиции во всем, что не касалось ее отношений с Парижем, даже если это были важные для нее проблемы. К их числу Матвеев отнес прусско-датский конфликт из-за Гольштинии, штеттинский секвестр, неустраненную угрозу (Австрии, России, Польше) со стороны Турции, тайные планы и настроения протестантских германских князей, сохранение шведского присутствия в империи. И конечно, проблему, связанную с необходимостью всяческого ограничения русских территориальных приобретений. Тут между цесарем и свитой был полный консенсус, при незначительных расхождениях в частностях.

Понимая эти резоны, Петр, естественно, *«не мог входить в виды австрийского двора»* и дал Матвееву указание ускорить переговоры. Однако императорские сановники

[1] Когда дело касалось служебных дел, Матвеев не боялся открыто высказывать нелицеприятные вещи в адрес вышестоящих персон. Так, в одном из писем к вице-канцлеру Шафирову он «*усильно просит впредь*» держать его в курсе тех событий, о которых ему, как официальному лицу, знать необходимо, но о которых он не «*без зазора*» для себя узнает от «*чужих министров*».

никуда не торопились. В оправдание своей осторожности они пугали посла заверениями, что русско-турецкий мир непрочен и султан готовится вторгнуться в Польшу, чтобы посадить на престол Станислава Лещинского. Планы Порты преподносились Матвееву как тревожный фактор, удерживающий Австрию от принятия поспешного решения о союзе с Россией, который втянет Вену в ненужные для нее осложнения с турками. Также применялась тактика отвлечения посла от предмета переговоров с помощью повторения упреков во вмешательстве в дела Империи без согласия Карла VI.

Матвеев осознавал, что все эти ухищрения — лишь способ *«усилить здешнюю медленность»*. Наскучив австрийским толчением воды в ступе, он (ноябрь 1713 г.) объявил графу Стелли: *«Если заключение союзного договора по-прежнему будет откладываться вдаль, то царское величество впредь ни по каким домогательствам цесарским и ни при какой тяжелой нужде в союз не вступит»*. Свое заявление Матвеев подкрепил обращением к императрице (свояченице царевича Алексея Петровича) с просьбой ускорить дело. 11 декабря пришел ответ: цесарь расположен к крепкой дружбе с Петром и готов вступить с ним в оборонительный союз, включающий и торговый договор. Через неделю воз, казалось, сдвинулся. Начались конференции, от которых Матвеев едва ли ожидал удовлетворительного результата. Если так, то предложенный австрийцами проект оборонительного союза на десять лет оправдал скепсис дипломата.

Формально договор был нацелен *«против всякого нападчика»* на одну из сторон, но фактически он обязывал к военной помощи только царя и освобождал от таковой императора. Швеция и Турция — основные противники России — обойдены молчанием. Крымские вторжения на русскую территорию также не подпадали под принцип *casus foederis* (повод к вступлению союзника в войну). Москва же, в случае продолжения Испанской войны, должна была оказать срочную помощь Вене *«деньгами или другим чем»*. Цесарь оставлял за собой право на посредничество между Северным альянсом и Швецией. Единственным «обременительным» условием для него было обещание ходатайствовать перед папой римским о включении России в новую Священную лигу против османов. Но даже в таком ущербном виде этот договор, как оговаривались австрийцы, может быть подписан лишь после достижения окончательного мира между Австрией и Францией.

Матвеев принял проект для передачи в Москву, но в конфиденциальном разговоре с вице-канцлером графом Фридрихом-Карлом фон Шёнборном заметил, что при таких изъятиях документ вряд ли получит одобрение царского величества. В ответ Шёнборн подробно изложил и прокомментировал все резоны Вены, но это нисколько не меняло бесполезную для России сущность договора.

Пока война за испанское наследство, связывавшая Карлу VI руки, не завершилась окончательно, он старался воздерживаться от чрезмерного проявления недовольства присутствием армии Меншикова в Померании, как бы плохо у него это ни получалось. Но после того как в Утрехте были подписаны мирные договоры с Францией (июль 1713 г.), император стал настойчивее в своих сердитых демаршах, поводы для которых он находил с показательным запозданием. 24 октября (4 ноября) 1713 года Карл послал Петру грамоту протеста против контрибуции, наложенной целых пять месяцев назад (!) на города Гамбург и Любек, а также против продовольственных реквизиций в Мекленбурге. Эти акты, совершенные *«в землях Империи»*, были названы *«неслыхан-*

ным насильством против всякого права и достоинства». Цесарь требовал возвращения денег и немедленного вывода русских войск из Померании.

Петр ответил, что Гамбург и Любек получили по заслугам за свои открыто враждебные действия против России, перечисляя которые он почему-то начал со злобных антирусских пасквилей. Если бы горожане не принесли свои извинения, они понесли бы суровое наказание, а так они отделались всего лишь контрибуцией, что является весьма небольшой платой за возвращение *«нашей прежней милости и благоволения* (то есть привилегий в торговле с Россией. — *В. Д.*)». И в отношении Мекленбурга дело ясное. Меншиков вынужден был войти туда, преследуя неприятеля, который сделал это первым. Во время этой операции прожить святым духом русские войска не могли, но взыскивать нужно не с них, а со шведов. В заключение послания царь заверял, что у него никогда не было и впредь не будет намерения нарушать покой Империи, если противник *«случая к тому нам не подаст»*.

Пребывание в Австрии еще прочнее утвердило Матвеева в его реалистичных взглядах на европейскую дипломатию. Острый ум и большой опыт дипломата отучили его принимать что-либо на веру, терять свою бдительность в расслабляющей атмосфере светских салонов, любезных бесед, милых комплиментов. За всеми этими приятными отношениями между людьми он умел разглядеть грубую, порой беспощадную суть отношений между государствами.

Очередной повод убедиться в этом дал Матвееву венецианский посол в Вене Дзаний (Кзаний) Глубчик, который *«ласковым обхождением»* со своим русским коллегой прикрывал свои попытки сорвать заключение договора между Россией и Австрией, грозившего отвлечь Вену от выполнения ее союзнических обязательств перед Венецией в условиях приближения новой турецко-венецианской войны. Тут не было «ничего личного», как и в действиях посла Венеции в Константинополе, подкупом склонявшего османских сановников к войне против России. Нельзя слишком уж строго судить Матвеева за то, что он, прекрасно понимая рациональные причины такого двуличия, все же не удержался в донесении к Головкину от того, чтобы назвать это *«темными злобами»*, а в письме жаловался на чинимые Дзанием *«великие мне пакости»*.

Британские и голландские внешнеполитические акценты после Утрехта

В январе 1713 года Петр известил английскую королеву Анну об объявлении Турцией войны России и попросил о посредничестве в восстановлении мира. Ответ, который госсекретарь Генри Болингброк дал царскому послу фон дер Литу, говорил о многом: британский резидент в Стамбуле Саттон отозван по причине нарушения инструкций, поэтому посылать соответствующие указания некому. Этот отказ, даже не приправленный какими-то дежурно-вежливыми словами, означал, что для Лондона возобновление военных действий на юге желательно. Но больше его волновала северная ситуация.

По мере того как война за испанское наследство приближалась к завершению, у Англии появилось больше возможностей перенаправить свою политику на балтийские дела. Источником главной тревоги для Англии были успехи русских войск, ко-

торые, пройдя маршем от границ России через всю Польшу, Померанию, Германию, практически вышли к Северному морю. Англичане находили это неслыханным и возмутительным. Они выступали за скорейшее прекращение боевых действий и начало мирных переговоров при англо-голландском посредничестве. В любом случае от России нужно было оторвать ее союзников и оставить один на один против шведов. Петр не зря опасался окончания Испанской войны. Теперь Англии ничто не мешало во весь голос заявлять, что ситуацию на Балтике нужно вернуть к *«прежнему равновесию»*.

О том, что эта формула относилась прежде всего к России, царь узнал от своего посланника в Гааге Б.И. Куракина. В феврале 1713 года его английский коллега лорд Томас Страффорд выложил карты. *«Натурально*, — говорил он, — *что Англия никогда не хочет видеть в разорении и бессилии корону Шведскую. Намерение Англии — содержать все державы на севере в прежнем равновесии. Выгоды нашей торговли требуют, чтобы мы старались о прекращении войны. Россию трудно примирить со Швецией: ваш государь хочет удержать все свои завоевания, а шведский король не хочет ничего уступить. По моему мнению, Ливонию нельзя отнять у Швеции; надеюсь, что ваш государь* ***удовольствуется Петербургом*** (выделено мной. — *В. Д.*), *о чем у нас есть уже известия; Нарва по своему положению одинаково нужна обеим державам»*.

Это была не просто попытка выяснить реакцию Петра. Это была формулировка ключевого положения будущего мирного договора. Страффорд с успехом пропагандировал ее в Голландии, находившейся в северных вопросах под влиянием Англии. Он пугал Генеральные Штаты реальной перспективой оказаться в такой ситуации, когда русские, заполучив гавани на Балтийском море и построив флот, не только монополизируют международную торговлю в этой акватории, но и потеснят голландских и английских купцов в Атлантике и Средиземноморье.

В феврале 1713 года стало известно, что в Англии готовится боевая эскадра для оказания помощи армии Штейнбока, осажденной в Тенингене. По объяснению Болингброка, это делалось для принуждения Швеции к миру и защиты британской торговли. Трудно было поверить в такую странную форму принуждения и в такую странную форму заботы об интересах своих купцов. Поскольку именно эти интересы пострадали бы в случае морской войны на Балтике, английские коммерсанты обратились к королеве Анне с петицией, призывавшей не идти на разрыв с Россией. Считая, что торговля подождет, Болингброк *«затерял»* несвоевременный документ среди бумаг.

Диктаторские потуги Лондона таким путем предрешить итоги Северной войны задолго до ее окончания вывели Петра из себя. Он распорядился предупредить англичан, что посылка эскадры будет расценена как нападение на Россию и ее союзников, на что последует адекватный ответ. В числе ответных мер значилась конфискация всех английских *«товаров и пожитков»*, находившихся на русской территории. По мнению А.А. Матвеева, именно такое предупреждение остановило отправку флота[1].

Через голландского посланника в Копенгагене (Роберта Гуса) царь огласил заявление, предназначенное для всех, кто вознамерится проверить его на твердость. Он сказал, что не возражает против мирных переговоров, предпочитая в качестве по-

[1] Грамоту соответствующего содержания на имя королевы Анны царь отправил своему послу в Лондоне фон дер Литу. И хотя она не была вручена в связи с отменой экспедиции, ее содержание было доведено до сведения Лондонского кабинета в более мягком виде.

средников цесаря и Голландию, поскольку надеется на их беспристрастность. Англия же вызывает у него сомнения своими враждебными по отношению к России демаршами. Впрочем, подчеркивал Петр, он примет любое посредничество, которое будет именно посредничеством, а не чем-то иным. *«Я,* — итожил царь, — *готов, со своей стороны, явить всякую умеренность и склонность к миру, но с условием, чтобы медиаторы поступили безо всяких угроз, с умеренностию; в противном случае я вот что сделаю: разорю всю Ливонию и другие завоеванные провинции, так что камня на камне не останется; тогда ни шведу, ни другим претензии будет иметь не к чему».* Передавая это оповещение, голландский дипломат добавил, что к царю нужен осторожный подход; силой его ни к чему не принудишь.

Кажется, англичане не вполне поверили предостережению Петра. Во всяком случае, в их действиях не было заметно намерения отступать. Более того, они стали наращивать давление на союзников, требуя фактически принятия посреднического диктата морских держав (Англии и Голландии). Англичане действовали логически безупречно. Они из кожи вон лезли, чтобы не только максимально ограничить «призовой фонд» войны, но и заставить претендентов бороться за свою долю, выслуживаясь перед Лондоном. Стремясь сделать условия мира со шведами яблоком раздора между участниками Северного союза, английская дипломатия вела с каждым из них (кроме России) соответствующую работу. Внушалась мысль о том, что размер их вознаграждения будет рассчитываться по простой формуле: чем больше достанется Петру, тем меньше останется им. И наоборот. Поэтому в интересах союзников сделать так, чтобы царь получил предельно возможный минимум.

Ставка на алчность Дании, Саксонии и Речи Посполитой сработала. Они наперебой стали ухаживать за Страффордом (и некоторыми крупными голландскими сановниками), суля ему огромные взятки за «правильное» решение вопроса в каждом отдельном случае. Их то ли беспардонность, то ли элементарный идиотизм дошел до того, что Б.И. Куракину было предложено внести свой денежный вклад в подкуп Страффорда. То есть, по сути дела, оплатить его труды, нацеленные на лишение России почти всех ее завоеваний.

В общении с влиятельными голландскими политиками дипломат поставил перед ними вопрос: какой вам интерес спешить брать на себя посредническую роль, идя на поводу у Лондона? Ответ Гааги состоял на одну половину из лукавства, на другую из предположения, что расстановка сил в балтийском вопросе может радикально измениться. Все большую силу набирали страхи, что в результате успешных военных походов России Голландия окажется с ней в опасном соседстве.

Для понимания нюансов голландской политики весьма показателен состоявшийся в феврале 1713 года разговор между Б.И. Куракиным и ратпенсионарием Гейнзиусом. Посол поставил вопрос прямо: как далеко согласна пойти Гаага в поддержке России в ответ на предоставление исключительных торговых привилегий? Оказалось — не слишком далеко. Гейнзиус предупредил, что Карл XII не откажется от Лифляндии, особенно теперь, когда Лондон почти помирился с Парижем и вместе со Стокгольмом *«учиняет проект дальнего виду»*, целью которого является противодействие Северному союзу и полное восстановление территориальной целостности Швеции. В такой ситуации Генеральные Штаты не в состоянии не только отстаивать чужие интересы, *«но и свое все принуждены отдать в руки Англии»*.

Чтобы не ссориться с царем, голландцы утверждали, будто они поддерживают Англию только для виду, из союзнической солидарности. На самом же деле они будут *«в этом деле* (о медиации. — *В. Д.*) *сколько возможно тянуть и откладывать согласно с интересами царского величества»*. Вместе с тем Петру дали совет не медлить с мирными переговорами, *«потому что если Франция заключит мир с цесарем, то, имея свободные руки, будет усердно помогать шведскому королю войском и деньгами, не пожалеет и миллионов, чтобы возвратить Швеции прежнюю силу; да и небезопасно будет со стороны Турции. Голландии нельзя отдаляться от Англии, потому что если Англия, озлобясь, бросит Голландию и вмешается в северные дела вместе с Францией и Пруссией, то Голландия потерпит большой убыток в балтийской торговле, да и царскому величеству не будет никакой пользы, если Голландия будет исключена из переговоров о северных делах»*.

Хотя в этих словах явно присутствует элемент заведомого стращания, нельзя с уверенностью отрицать, что Гаага именно в таком ключе анализировала тогдашнюю ситуацию. Насколько корректен этот анализ, сейчас сказать уже трудно, но все же очень сомнительна мысль, что Франция, едва закончив одну тяжелейшую войну, вмешается в другую, *«не жалея миллионов»*. Скорее всего, люди, убеждавшие Б.И. Куракина, исходили из предположения, что Париж будет стремиться к укреплению вестфальской конфигурации сил, основанной на франко-шведском двоевластии в Европе. Было ли это возможно в новых условиях? Едва ли. Позволим себе гипотезу: если собеседники русского дипломата говорили искренне, то, значит, были не совсем умны, а если они все же обладали проницательным умом, то были не вполне искренни. В любом случае точный прогноз развития международной конъюнктуры находится за пределами возможностей тех, кто наблюдает ее изнутри, да к тому же еще и мыслит историческими аналогиями.

Б.И. Куракин запросил у Москвы инструкции насчет того, как реагировать на эти «аналитические» выкладки.

Чем сильнее запутывалась ситуация, тем глубже задумывался Петр над способами минимизировать ее негативные последствия для России и извлечь из нее выгоды. Царь видел, что внутренние противоречия приближают коалицию к грани нового развала. Всерьез о продолжении войны никто, кроме него, не помышлял. Союзники, каждый по отдельности, заняты тайной подготовкой к мирным переговорам. Они хотят, чтобы Россия в одиночку довела военную работу до логического конца, но плоды этой работы разделить между собой. Внешние силы (Англия и Голландия) в принципе поддерживают такой сценарий, расходясь лишь в оценке того, сколько нужно забрать у шведов. Но все едины в стремлении максимально ограничить приобретения царя.

По сути, у Петра не было ни военных, ни дипломатических союзников. В этих условиях он старался действовать осторожно и до поры до времени не открывать всех своих карт. Впрочем, какие именно планы вынашивал он за восемь лет до окончания Северной войны, не знает никто. Между тем, на что царь был готов согласиться, скажем, в 1713 году, и тем, на что он претендовал в 1721 году, большая разница, и она образовалась не сразу. Мысль Петра пробивалась к победной дипломатической повестке дня через мучительные раздумья и сомнения.

А пока, к моменту получения донесения Б.И. Куракина, единственное, в чем государь был совершенно уверен, так это в необходимости выиграть войну с убедитель-

ным результатом, не дав никому остановить ее на полпути к безоговорочному успеху. И больше всех помогал Петру в его замысле Карл XII, не желавший и слышать о мире.

Но и царь хотел не всякого мира. Он испытывал колебания по поводу возвращения Лифляндии Речи Посполитой, и чем жестче требовали этого Август II и польский сейм, тем глубже задумывался государь. И дело было не только в опасении, что король может вернуть эту территорию шведам на выгодных лично для себя условиях. С годами Петра все сильнее мучил вопрос: а за что, собственно, воевала Россия? Он не собирался позволять кому-либо решать этот вопрос за него. Отсюда его заинтересованность в продолжении войны за испанское наследство, ради чего он, в ответ на просьбу голландцев, соглашался дать им свои войска в наем. Однако эта помощь не понадобилась. В январе–марте 1713 года подходила к завершению работа Утрехтского конгресса. Петра тревожило, что после решения главной проблемы о мире между двумя альянсами (французским и австрийским) у участников будут развязаны руки для вмешательства в северные дела, которое ничего хорошего России не обещает. Царь нацеливал своих дипломатов (прежде всего Б.И. Куракина) на то, чтобы не допустить внесения в утрехтскую повестку темы о «генеральном мире» между Северным союзом и Швецией, *«остерегая все, что к нашему собственному интересу касается или касаться может»*.

После окончания 11 апреля 1713 года Утрехтского конгресса, где решили не перегружать и без того тяжелую повестку северными делами, Петр, казалось бы, мог перевести дух. Одно, по крайней мере, успокаивало: Голландия, с трудом освободившаяся от бремени войны, не горела желанием взваливать на себя заботу о прибыльном мире для Швеции, тем более оказывать Стокгольму прямую военную помощь, как этого требовал шведский посол в Гааге Юхан Палмквист, ссылаясь на оборонительный договор 1700 года. Обнадеживало и то, что голландцы не доверяли англичанам, не раз мошенничавшим за их спиной.

Иначе намеревалась воспользоваться наступившим миром Англия, выказавшая возросшую дипломатическую активность в поисках путей реализации собственного сценария умиротворения Севера, основанного на поддержке Швеции против России и, ситуативно, против Дании. Однако нужно отдать Лондону справедливость: в своей политике он старался воздерживаться от оголтелости, осознавая, что бросаться в бурное течение Северной войны без Голландии как союзника неосмотрительно. А о настроениях Гааги мы уже сказали.

Царь противопоставил планам Лондона идею скорейшего созыва международного съезда для выработки условий мирного договора со Швецией. Поскольку помешать присутствию на нем английских делегатов было невозможно, он наказал Б.И. Куракину сделать все, чтобы склонить их к благоволению русским интересам, не жалея денег на взятки[1]. При этом посол должен был всячески уклоняться от принятия полноценного посредничества морских держав, но не отвергать их «добрых услуг» (*good offices*), если они *«по последней мере»* предложат в качестве прелиминарного условия возвращение старых русских земель, утраченных по Столбовскому договору. Лифляндия же переходит к польской короне без права передачи третьей стороне. В крайнем случае Петр соглашался и на такую переуступку в пользу Швеции, если

[1] Заметим, что практически все потенциальные получатели царских гонораров, включая англичан Страффорда и Витворта, проявляли особый интерес к их размерам.

та непременно обяжется разорить все тамошние крепости и вознаградить Россию Финляндией. Государь уже обдумывал даже место переговоров, предложив Данциг, Бреславль или Брауншвейг, но только не *«дальние места»* вроде Гааги, где посредникам будет легче навязывать свою волю. Идею короткого перемирия он велел отклонить как уловку, которая позволит Швеции оправиться от поражений и как следует вооружиться. Перемирие в 15, 20, 30 лет — другое дело, но тоже нежелательно. Петр предписывал не мешкать с переговорами, если обнаружится, что конгресс в Утрехте (о судьбе испанского наследства) приближается к успешному завершению. Если нет, то тянуть время до намеченной на будущий, 1714 год военной кампании против шведов.

И, пожалуй, самое важное: если посредники явно возьмут шведскую сторону, царь велел Б.И. Куракину повторить его слова, сказанные голландскому дипломату Гусу, о том, что Стокгольм может получить вместо Лифляндии *«обращенную в пепел»* землю.

Как очевидно, дипломатическая программа Петра была достаточно скромной. «Программы-максимум» нет и в помине, поскольку она представлялась царю нереальной. И все это являлось результатом его собственного анализа обстановки, сложившейся в Европе. Тот ли это случай, когда у страха глаза велики? Если так, то чего именно и чего больше всего боялся Петр? Что бы это ни было, ясно одно: пока еще не он управлял событиями, а события управляли им.

Б.И. Куракин осторожно намекал царю, что нужно не только приспосабливаться к конъюнктуре, но и формировать ее, как бы это ни было сложно. Он, в частности, предлагал вступать в переговоры не раньше, чем англичане обнадежат Россию в своей благосклонности, пусть это и противоречит идеальной сути посредничества. Также Б.И. Куракин возражал против дачи взяток «в кредит»: сначала выполненные обещания, потом деньги. Но тут крылась одна из загвоздок. Англичанам (в лице посла в Гааге Страффорда) было очень удобно ссылаться на упорство шведов, не желавших отдавать Лифляндию. Это позволяло им, как посредникам, развести руками в знак того, что они в такой ситуации бессильны помочь русским. Однако Лондон оставлял за собой право взять подготовку и проведение мирных переговоров в свои руки и самому назначить для них место (подальше от границ России), выступая против прелиминарных договоренностей между северными союзниками и не исключая использования Франции и Австрии для дипломатической изоляции царя. Понятно, что это открывало для медиаторов свободу действий на конгрессе в собственных интересах.

Ситуация, сложившаяся к концу 1713 года, изобиловала деликатными нюансами, которые могли повернуть ее в разные стороны. Стремясь застраховаться монаршими указаниями на все случаи жизни, Куракин отправил царю целый перечень (19 пунктов) вопросов, чтобы ответы на них стали для посла руководящей нитью при любом раскладе событий. Вопросы касались как стратегии, так и тактики противодействия сложным по замыслам и простым по сути антирусским планам участников завершившейся войны за испанское наследство и продолжающейся Северной войны.

В события 1713 года совершенно некстати для России вмешался серьезный инцидент на Балтике. В середине июня пять голландских торговых кораблей — два из них под шведским флагом — были уничтожены русскими военными судами, а их экипажи взяты в плен. Гаага заявила решительный протест и потребовала возмещения ущерба.

Москва отказалась, преподнося свои действия как акт войны, поскольку голландцы якобы шли под прикрытием шведской эскадры. История темная. До правды сейчас не доискаться. В условиях разгула каперства на Балтике голландские суда, возможно, были приняты за пиратские или за вражеские. Во всяком случае версия о злонамеренности не выдерживает критики по сугубо логическим причинам. Петр нуждался в добрых отношениях с Гаагой, и для него, особенно в 1713 году, не имело никакого смысла доводить их до кризиса. Не было направлено против Голландии и другое решение царя — повысить пошлины для товаров, привозимых в Архангельск. Целью его являлась переориентация международной торговли на Петербург. Между тем этот шаг тоже вызвал раздражение голландцев, не желавших везти свои товары по небезопасному балтийскому маршруту[1].

В ситуации, когда ведущие европейские державы освободились от войны за испанское наследство, Петр ни с кем из них не хотел ссориться, чтобы не спровоцировать их на активные действия в поддержку Швеции. Царь стремился достичь со шведами примирения раньше, чем бывшие противники Франции объединятся с ней вокруг четкого плана подрыва позиций России и некоторых ее союзников в противостоянии со Стокгольмом. В прекращении войны был заинтересован не только Петр.

Первый за все время Северной войны съезд уполномоченных для переговоров о мире было решено провести в начале 1714 года в Брауншвейге. Перспективы этого съезда упирались в вопрос, приедут ли туда шведские делегаты.

Ганноверский «племянник» недоволен

На обратном пути из Фридрихштадта в Петербург Петр навестил ганноверского курфюрста Георга-Людвига (февраль 1713 г.) в надежде вовлечь его в Северный союз. Однако в Ганновере Петр обнаружил, что время для этого еще не подоспело. Свидание с Георгом-Людвигом было, возможно, не совсем бесполезным с точки зрения личных отношений, но реальных результатов не дало. Петр писал: *«Курфюрст зело склонен явился и советы многие подавал, только что делом что исполнить, то никто не хочет»*.

Георг-Людвиг очень боялся успехов русских войск в Померании, не веря словам царя об отсутствии у него всяких видов на Северную Германию. Он не мог дождаться момента, когда Петр уведет свою армию домой. В апреле 1713 года у курфюрста появился повод высказать свое недовольство ее пребыванием в Померании. Он направил царю протест по поводу уже упоминавшегося разорения городов Гарц и Вольгаст, добавив к нему требование не обременять Мекленбург и другие территории *«дальнейшими отягощениями»*, чтобы *«не воспринять на себя непристойные причитания»* всей Империи. Георг-Людвиг дает понять, что он, предупреждая царя о возможности потерять доверие венского двора и германских княжеств, выражает не только свое мнение. Грамота курфюрста была подписана так: *«до услуг охотный племянник и слуга»*[2].

[1] Б.И. Куракин считал отвлечение торговых потоков от Архангельска большой ошибкой ввиду «*великого убытка*» русским купцам.

[2] Некоторые германские владетели, включая Георга-Людвига, называли Петра «дядей», тогда как полноценные монархи обращались к нему как к «брату». Так, видимо, подчеркивались статусные различия в семейно-монархической иерархии Европы.

Ответить Георгу-Людвигу Петр поручил своему послу Шлейницу. Тот заявил, что все действия русской армии в Померании обусловлены острой военной необходимостью, а также отказом союзников давать продовольствие и попытками заключить со шведами сепаратный договор за спиной России, забывая о том, что она воюет *«не для собственной пользы»*. Послание, которым Петр уведомлял курфюрста о возложенной на Шлейница миссии, было подписано достаточно холодно: *«любви склонный приятель и дядя»*.

Второй финский поход

В неопределенной обстановке, сложившейся на северогерманском театре войны, принуждение Швеции к миру оставалось большой проблемой. Между союзниками по-прежнему не было согласия ни на полях сражений, ни за столами переговоров о послевоенном устройстве Северной Европы. Вмешательство третьих сил (Англия, Голландия, Франция, Австрия) вносило еще больший раскол. Союзники стали тяготиться присутствием московитских войск там, где их никогда не было и не должно быть. Европейские правители надеялись, что уход «варваров» позволит быстрее договориться и между собой, и со шведами. Хуже того, ожидалось скорое возвращение Карла XII, не утратившего своих полководческих талантов и своего реваншистского настроя.

Петр стремился предупредить неблагоприятный поворот событий перенесением военных операций на территорию Швеции, конечной целью которых станет взятие Стокгольма. Лишь добившись безоговорочной капитуляции шведов, можно будет принудить их к переговорам и нейтрализовать злокозненные интриги союзников и посредников. Задача осуществления второго финского похода (после безрезультатного первого в 1712 г.) напрашивалась сама собой.

На этот раз руководство предприятием Петр взял в свои руки. Подготовлено оно было не в пример прошлогоднему. Теперь русские имели на Балтике парусный и галерный флот (более двухсот единиц), способный проводить все виды морских и прибрежных операций, включая десантные. Пехота и кавалерия насчитывали приблизительно 16 тыс. человек. Начавшаяся в апреле кампания осуществлялась параллельно на море и на суше. Согласно стратегическому плану Петра, предполагалось ударами флота расчистить северо-восточное побережье Балтики, чтобы по кромке его направить войска для захвата ключевых финских крепостей. В этот план приходилось вносить коррективы в соответствии с ситуацией, изменчивой и непростой. Шведы действовали храбро и умело, заставляя русское войско то и дело возвращаться назад, чтобы защитить свои тылы и коммуникации. Они принимали бой только на хорошо укрепленных позициях, нанося противнику чувствительный урон и мешая ему координировать действия между различными подразделениями. Отступая, шведы оставляли после себя выжженную землю. Попытки Петра противопоставить этой тактике свой *«Универсал населению Финляндии»*, обещавший неприкосновенность жилищ и собственности, ничего не дали. Люди прятались *«в лесах и по островам»*.

Стремительное наступление царской армии не удалось также из-за целого ряда организационных проблем. Периодически возникала нехватка продовольствия и фуража, обозы не поспевали за полками, потери восполнялись медленно. В результа-

те кампания затянулась до декабря, когда изнуренные и поредевшие русские войска встали наконец на зимние квартиры.

Тем не менее второй финский поход послужил прекрасной школой и для молодого балтийского флота, и для сухопутной армии. Пехота и кавалерия постепенно приспособились к местным природно-рельефным условиям, не располагавшим к фронтальным атакам большими силами. Широкое распространение получила полупартизанская тактика неожиданных ударов и быстрых отходов, что изматывало шведов до крайности и приводило к крупным потерям в их рядах. Флот, хотя и не без ошибок, учился действовать и в открытом море, и в береговых операциях. Приобретался опыт десантирования, который так пригодится в ближайшем будущем.

Итоги кампании: захват городов Гельсингфорс и Або, выход к Ботническому заливу, получение контроля почти над всей Финляндией, который открывал дорогу на Стокгольм.

* * *

Вероятно, читатель этой книги несколько подустал разбираться в паутине дипломатических событий 1713 года. В утешение скажем, что с такой проблемой сталкивались и сталкиваются все исследователи международной политики эпохи Северной войны. Отсюда порой режущая слух разноголосица в исторической литературе. В огорчение добавим, что она будет продолжаться, поскольку витиевато сходящиеся, парадоксально переплетающиеся или жестко противостоящие друг другу мотивы поведения десятков незаурядных людей в сложнейших игровых ситуациях всегда останутся открытыми для различных толкований.

1714 год

Брауншвейгский конгресс

К исходу 1713 года Европа окончательно убедилась, что полный и, возможно, необратимый стратегический перевес в войне на стороне России. Но, как ни странно, именно поэтому конца войне не было видно. Впрочем, странного тут нет. Сокрушительная, безоговорочная победа Петра, позволявшая ему диктовать условия мира, никого не устраивала. Многие правители считали, что Россия сделала свое дело и теперь должна уйти, оставив решение территориальных и политических вопросов европейцам. Их даже не пугала, а иных вдохновляла перспектива возвращения Карла XII, с которым они надеялись не только договориться, но и использовать его против чрезмерных притязаний царя. В одном источнике метко схвачена суть момента: *«вместо решительных событий наступила неопределенная пора дипломатических сближений, обыкновенно столь благоприятствующая людям вроде Герца, умеющим ловить рыбу в мутной воде»*, плетущим *«хитрую сеть договоров и сделок, которая разостлана была для уловления Петра Великого, в Северной Германии, трепетавшей его могущества. Как лев встряхивал он головою и разрывал эти путы»*.

В дипломатической истории Северной войны начало 1714 года отмечено любопытным, но малоисследованным событием[1]. В германском городе Брауншвейге (Нижняя Саксония) открылась конференция, не вполне заслуженно именуемая в литературе конгрессом. Это громкое название было бы оправданно, если бы речь шла о многосторонних переговорах по подготовке мира со Швецией, а не о встрече, инициированной Австрией, чтобы напомнить всем о категорической недопустимости решения каких-либо европейских проблем без ее, как минимум, активного участия. Если уж не под ее имперской эгидой.

Брауншвейгский конгресс ставит перед исследователями массу вопросов, начиная с датировки. Принято считать, что формально он открылся 21 марта (ст. ст.) 1714 года, а неофициально его работа началась в январе. Однако, чтобы разобраться в целях конгресса, следует обратиться к его предыстории или, точнее, к начальному этапу его истории, который относится к декабрю 1712 года. Именно тогда Петру стало известно о готовящемся созыве в Брауншвейге (находящемся на территории Ганновера) конгресса *«Нижнего Саксонского круга* (округа. — *В. Д.)»* — съезда представителей нейтральных государств, входящих в состав Империи, для обсуждения способов предотвращения распространения военных действий на германские территории. За этой общей формулировкой скрывались накопившиеся за последние три года проблемы, обойти которые было невозможно. Главная из них заключалась в том, что война уже захватила имперскую территорию и грозила обернуться для Австрии возникновением второго, северного фронта в условиях, когда еще шли сражения с Францией. Войска Штейнбока вторглись в Мекленбург и разбили датчан и саксонцев при Гадебуше. Гаагская конвенция 1710 года о создании австро-англо-голландского корпуса для сдерживания шведской группировки в Померании оставалась, из-за саботажа Лондона, на бумаге.

Тот факт, что Россия не была приглашена в Брауншвейг, вызвал у царя подозрение и обусловленное им желание непременно послать туда своих дипломатов. 24 декабря он выдал русскому послу в Дании Г.-Х. Шлейницу и камергеру С.Г. Нарышкину верительную грамоту к брауншвейг-люнебургскому герцогу (вассалу Ганновера), в чьих владениях собирался съезд. Им было велено заявить, что, *«хотя его царскому величеству о учинении сего конгресса и не объявлено»*, он считает обязательным их активное присутствие там, где обсуждается вопрос о *«надлежащих мерах» «к содержанию покоя в Римском государстве* (Германии. — *В. Д.)»*. Иными словами, Петр ставил всех перед фактом, одновременно укоряя за политическую бестактность, на которую он ответил тем же.

Послам предписывалось изложить позицию царя по главному предмету конгресса. Логически она была безупречной и сводилась к такой мысли. Шведы, вторгшись в Мекленбург и наступая дальше в Гольштинию, вопиющим образом нарушили тот самый *«покой»* в Империи, о котором пекутся делегаты конгресса. Восстановить его можно, лишь нанеся Штейнбоку поражение, ради чего Петр, во исполнение союзнического долга перед датским королем, приказал своим войскам преследовать шведов, то есть зайти на имперскую территорию. Но они готовы ее покинуть, если генерал уве-

[1] Исключение составляет статья А.А. Стерликовой. См.: *Стерликова А.А.* Брауншвейгский конгресс // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, декабрь 2006 г. СПб., 2007. С. 118–125.

дет свою армию в Швецию. Если же этого не случится, царь будет продолжать наступление с целью нанесения решающего удара. На случай своего поражения он просил у съезда, *во-первых*, принять решение о дозволении его войскам ретироваться домой через германские земли и, *во-вторых*, рассудить, какая опасность нависнет над *«Римским государством»*, когда русские уйдут и *«своего интереса смотреть будут»*, а шведы *«свободные руки получат»*.

За кулисами конгресса стоял Карл VI, стремившийся объединить свои войска с войсками некоторых германских государей для принуждения Штейнбока к возвращению в Швецию и даже готовый предоставить ему морские транспорты. Император добивался от конгресса принятия соответствующего решения. Он не имел ничего против шведского вторжения в Польшу, но только не через германские земли.

В начале марта 1713 года конгресс прервал работу, так ничего и не постановив. Причин было достаточно. После того как русская армия нанесла Штейнбоку решающее поражение под Фридрихштадтом, непосредственная угроза для Империи миновала, а с ней ослабла и заинтересованность Карла VI в продолжении конгресса, который к тому же погряз в интригах и пустых спорах. Идея о формировании военного корпуса для защиты *«северного нейтралитета»* сохраняла свою актуальность лишь в той части, что касалась сдерживания теперь уже России. Но бросать ей открытый вызов цесарь не решался. Тем более что возникли трения относительно состава этого корпуса. Поскольку Англия и Голландия своих солдат давать не хотели, король Фридрих-Вильгельм I предложил прусскую армию при условии, что она, как и австрийские силы, будет находиться под его личным командованием, что вызвало решительные возражения Карла VI, предпочитавшего держать это предприятие под собственным контролем. По-прежнему не были ясны намерения Карла XII, а из Англии стали приходить тревожные сообщения о здоровье королевы Анны, что заставляло уже по-иному воспринимать роль ганноверского курфюрста в международных делах и гораздо внимательнее относиться к его взглядам, в частности на вопрос о Бремене. Обсуждать все это никто в Брауншвейге готов не был.

В январе 1714 года конгресс собрался вновь, в изменившихся условиях. Теперь, в представлении Карла VI, угроза *«покою»* Империи исходила не от шведов, а от русских, одерживавших одну победу за другой и не собиравшихся возвращаться домой. Они выбили шведов с острова Рюген, из крепости Штеттин и готовились взять Штральзунд, что делало их фактическими хозяевами Померании. Это само по себе было достаточной причиной для возобновления конгресса. А тут еще разбуженные аппетиты Дании, заявившей претензии на земли Гольштинии, включая важный стратегический плацдарм — крепость Тенинген. В середине 1713 года между датчанами и гольштинцами вспыхнул военный конфликт, грозивший вовлечь Вену и ослабить ее в противостоянии с Францией. В стремлении разрешить проблему Карл VI вновь созвал Брауншвейгский конгресс с новой повесткой. Император все более склонялся к расширению этой повестки за счет включения в нее обсуждения вопроса о *«генеральном мире»* со Швецией, о чем можно предположить, исходя из места проведения конгресса. Первоначально северные союзники (включая Петра) подумывали о Гданьске, но Вена отклонила кандидатуру вольного города, поскольку туда наверняка бы приехали французские дипломаты, чтобы действовать в пользу шведов, тогда как цесарь хотел исключить Францию из переговорного процесса. Повестка съезда зависела

от того, пришлет ли Стокгольм своих делегатов. Если да, то Карл VI возьмет на себя важную и почетную роль посредника в умиротворении севера. Если нет, то будет действовать уже как медиатор в урегулировании внутриимперской ссоры и как инициатор изгнания шведов из померанских провинций Империи за нарушение ее покоя и за отказ от мирных переговоров[1].

На подготовительном этапе шведскому послу в Голландии Палмквисту было предложено приехать в Брауншвейг для защиты интересов Швеции. Он отказался под тем предлогом, что имеет от Карла XII *«полную мочь»* на трактование о мире только в Гааге, а не в Брауншвейге или в другом месте. Б.И. Куракин объяснял этот *«лукавый поступок»* нежеланием шведского короля создавать ситуацию, при которой Швеция своим участием в *«публичном съезде и негоциации»* лишит Порту надежды на военный союз против России. Другое дело — тайные переговоры в Гааге, о чем турки просто не узнают и сохранится возможность в любой момент выступить совместно с ними.

Думается, есть еще две причины. Скорее всего, Палмквист, как (весьма вероятно) и Карл XII, не без основания считал, что в Гааге главная посредническая роль будет принадлежать не австрийцам, а англичанам и голландцам, что для Стокгольма гораздо выгоднее. Поэтому ожидать появления шведа в Брауншвейге не стоило с самого начала.

Кроме того, Карл XII отказался от предложенного ему через Флейшмана австрийского посредничества для прекращения Северной войны. Точнее — обусловил свое согласие участием в медиации Франции, что, по невозможности для Вены выполнить такое условие, было равносильно отказу.

Англия и Голландия, естественно, бойкотировали конгресс, где первую скрипку будут играть цесарцы. Французы, возможно, и хотели бы приехать на конгресс, если бы он проходил не на территории Империи. Они проявляли определенный интерес к идее объединения с Лондоном и Гаагой для перехвата посреднической инициативы у Вены. Внутриполитическая обстановка в Швеции этому благоприятствовала. Там пока доминировало мнение о недопустимости вступления в какие-либо трактаты без участия Парижа.

Что касается Петра, то он решил, что уровень русского представительства на съезде будет зависеть от повестки. Если дело ограничится обсуждением датско-гольштинского конфликта, то в Брауншвейг поедет А.Г. Головкин (потом вместо него был назначен Г.Х. Шлейниц). В случае же постановки вопроса о *«генеральном мире»* (непременно предполагающего присутствие шведских делегатов) позицию России будет отстаивать дипломат более высокого класса — Б.И. Куракин. Сам же Куракин не верил в способность Брауншвейгского конгресса достичь мира. Не только по причинам, изложенным выше, но и из-за *«непостоянства»* русских союзников, думающих о создании различных дипломатических комбинаций, направленных на удовлетворение их территориальных и прочих притязаний за счет возвращения Швеции всех или, на худой конец, большей части земель, завоеванных Россией. Одна из таких комбинаций — польско-шведско-прусский союз, дополненный уже почти подписанным польско-французским договором о дружбе, — откровенно враждебна царю. Судя по всему, ни один из внешне несбыточных вариантов изменения международной конъюнктуры не казался Куракину невероятным.

[1] Предположения о повестке у современников были разные. Б.И. Куракин, к примеру, полагал, что в ней *«мало что касается к генеральному миру, но токмо к утишению войны в Империи»*.

Того же мнения придерживался и А.А. Матвеев, следивший за событиями вокруг Брауншвейгского конгресса из Гааги. Самую большую опасность для России он видел в возможности появления на съезде французских и английских делегатов. В таком случае шведы тоже приедут. А это уже будет открытая дипломатическая коалиция против *«нашего собственного интересу»*.

Первыми в Брауншвейг прибыли организаторы (январь 1714 г.) — австрийский вице-канцлер Г. Шёнборн и министр Метц. За ними, спустя время, гольштинский (Г. Герц) и датские представители (И. Розенкранц и барон Вейбург). Потом саксонские (Я.Г. Флемминг и А.К. Вакербарт) и прусский (граф К. Доно) дипломаты. Был также ганноверские тайные советники Дж.Л. Фабриций и барон Делс (Деелц). Представлять Россию назначен был Б.И. Куракин, которому царь дал *«полную и всемерную мочь»* только на переговоры об условиях *«генерального мира»* со Швецией и на подписание итогового документа. Поскольку Брауншвейг находился на территории Ганновера, Петр обратился к курфюрсту Георгу-Людвигу поддержать русского посла *«в делах, к нашему интересу касающихся»*, в уверенности, что Россия в долгу не останется. Уже когда конгресс начал свою работу, Куракин, исчерпывающе осведомленный о позиции царя, писал Шафирову, что не появится в Брауншвейге *«прежде, нежели не увижу, что туда приедут министры шведские»*.

Отказ Швеции от участия в конгрессе существенно ослабил интерес Петра к нему. Однако на всякий случай царь держал это мероприятие в поле своего зрения. Несмотря на то что повестка скукожилась до вопроса о датско-гольштинском споре, она и в таком виде была небезразлична для России.

Острейшие противоречия между Данией и Гольштинией выплеснулись на первом же заседании. Герц упорно настаивал на возвращении захваченных датчанами гольштинских земель безотносительно к чему бы то ни было. А Розенкранц ставил этот вопрос в общий контекст условий мирного договора со Стокгольмом. И тот и другой стремились привлечь членов конгресса на свою сторону, вдохновляясь надеждами, не казавшимися тщетными.

Участники конференции проявляли разную степень заинтересованности в гольштинской проблеме. И разную степень готовности развязывать этот тугой узел. В дело опять вмешивались личные симпатии и антипатии, интриги, тайные попытки достичь тех или иных сепаратных соглашений. Работа дипломатов наталкивалась и на объективные трудности, связанные с историческими, крайне запутанными отношениями между североевропейскими государствами.

Карл VI, как инициатор конгресса, конечно, хотел бы, чтобы его посредническая миссия принесла успех и старался занять конструктивно-компромиссную позицию. Но, как иногда бывает, «свита» подвела «короля». Шёнборн испытывал личную неприязнь к Гольштинскому дому, и видимо, это сказывалось на эффективности того притворного давления, которое он оказывал на датчан, вольно или невольно мешая миротворческим планам цесаря. Герц надеялся на поддержку Дж. Фабриция, и, возможно, не без основания. Однако он не учел, что Ганновер больше избегал ссоры с сильной Данией, чем неудовольствия слабой Гольштинии. Об этом косвенно говорил план курфюрста Георга-Людвига, в котором содержалась схема раздела северогерманских владений Швеции, вполне отвечавшая датским интересам. Пруссия предпочла уклониться от дипломатической помощи своему гольштинскому союзни-

ку и тем самым от дальнейшего обострения и без того плохих отношений с Копенгагеном. Прусский король не хотел осложнений, в том числе с русским царем, грозивших помешать благополучному для него завершению штеттинского дела. Представитель Августа II Флемминг также соблюдал осторожность, лавируя между Герцем и Розенкранцем. Саксонский министр не горел желанием походя обзаводиться врагом в лице датчанина. Но и не желал отдалять от себя пронырливого космополита Герца, который мог пригодиться (или уже пригодился) в налаживании тайных сепаратных переговоров польского короля со шведами[1].

Петр, следя за работой конгресса, не торопился посылать туда своих дипломатов, хотя полномочную грамоту Б.И. Куракин получил еще в декабре 1713 года. Если царя смущала слишком узкая повестка, тогда возникает вопрос: а хотел ли он повестки широкой, включающей согласование условий мирного договора со Швецией? Не считал ли царь, что даже для предметного разговора между союзниками о послевоенных территориальных перекройках в Северной Европе, не говоря уже о полномасштабных переговорах со Стокгольмом, время еще не наступило? Похоже на то. Герц также полагал, что Брауншвейгский конгресс может *«послужить не более, как для устроения гольштинских смут и назначения приличного места переговоров о замирении Севера»*. Возможно, такого взгляда придерживались и другие. Слишком уж много накопилось дипломатических завалов на пути к миру, и разгрести их на первой же союзной конференции было совершенно нереально. Даже отсутствие в Брауншвейге английских и голландских «посредников», способных во имя собственных интересов создавать новые препятствия, мало чем помогало. Среди партнеров по антишведской коалиции хватало и своих «спойлеров». Конгресс вызывал у Петра подозрение, что за его спиной датчане и саксонцы с благоволения Австрии сговорятся со Стокгольмом в ущерб России.

Вместе с тем царь не хотел упустить случая официально дать понять, что успехи русского оружия изменили его первоначальные представления о причитающихся России трофеях войны. Представить новое видение ситуации поручалось специальному эмиссару Б.И. Куракину, появившемуся на конгрессе лишь через четыре месяца (апрель 1714 г.) после его начала и за месяц до его окончания. Царь по-прежнему намеревался отдать Ригу и Лифляндию Августу II, но *«в заплату великих потерь»*, понесенных Россией в войне, требовал себе (помимо Ингрии, Карелии, Выборга, Нарвы и Ревеля) часть Финляндии, вплоть до Гельсингфорса. Война уже обошлась русскому народу в тринадцать лет неимоверного изнурения и тяжелых потерь. И неизвестно, сколько этих лет потребуется еще. Такая ситуация заставляла Петра переосмыслить размеры вознаграждения за небывалое перенапряжение народных сил. Воевать только для того, чтобы вернуть земли, которыми владел еще Иван Грозный, и подарить добытую дорогой ценой Лифляндию польскому королю, однажды уже предавшему царя и готовому сделать это снова? Не слишком ли щедрая расточительность, если не сказать — глупость?

Петр осознал, что пора наконец задать себе эти вопросы. По большому счету, именно с ними приехал Б.И. Куракин в Брауншвейг. Однако там никто не хотел их

[1] Для нас остался загадкой тот факт, что Флемминг прибыл в Брауншвейг в роскошном экипаже в сопровождении свиты в 200 человек. Что это — предвосхищение крупного исторического события и желание ему соответствовать? Подражание версальским церемониальным обычаям? Претензия на великодержавный статус маленькой Саксонии? Похоже, отметивший этот факт Матвеев тоже не знал, как его истолковать.

обсуждать. Да и царский посол не ожидал ничего другого. За неделю, проведенную в этом городе, он понял, что на конгрессе ему делать нечего. Впрочем, чтобы поездка не оказалась совсем уж зряшной, Б.И. Куракин использовал ее для сбора или, скорее, для уточнения информации. Ничего нового он не узнал. На встречах с Флеммингом посол слышал лишь яростные заверения этого прожженного интригана о ложности слухов, будто Август II ведет секретные переговоры со шведами. Б.И. Куракин справедливо расценил это как убедительное подтверждение тому, что переговоры идут.

В мае 1714 года одновременно с донесением В.Л. Долгорукого о том, что конгресс зашел в тупик, до Петра дошли слухи о согласии Карла XII прислать в Брауншвейг своих уполномоченных для обсуждения условий *«генерального мира»*. Поверил этому царь или нет, но на всякий случай велел Куракину быть готовым к возвращению на конгресс. Слухи не подтвердились, но, похоже, возникли они в связи с разногласиями внутри шведского правительства по вопросу о продолжении войны. В отсутствие Карла дела к рукам постепенно прибирала его младшая сестра Ульрика Элеонора, склонявшаяся к миру. Однако при живом короле, пусть и в изгнании, ей приходилось считаться с его волей. Карл же в ожидании своего возвращения из Турции был решительно настроен на военный реванш за Полтаву. Отказ шведов от приезда в Брауншвейг автоматически снимал с повестки даже постановку вопроса о *«генеральном мире»*.

Что касается оценки перспектив конгресса самими его участниками, то тут много неясного и противоречивого. Иначе и не могло быть в европейской обстановке того времени, похожей на ажурную паутину сталкивающихся государственных интересов, личных взглядов, амбиций, чувств. В ней путались даже самые умные люди эпохи. Никто не мог толком разобраться в происходящем. Тем более предсказать будущее, которое похоронит многие прогнозы и превратит в реальность, казалось бы, немыслимое.

Брауншвейгский конгресс являлся попыткой заглянуть в это самое будущее и, возможно, приблизить его. Да и нельзя было не откликнуться на приглашение Карла VI, как-никак императора Священной Римской империи. Судя по всему, дипломаты отправлялись в Брауншвейг кто с надеждой, кто с неохотой. По сообщению русского посла в Копенгагене В.Л. Долгорукого, датчане испытывали большой оптимизм по поводу способности цесаря разрешить их конфликт с гольштинцами *«противу воли короля шведского»*. Напротив, Пруссия и Саксония, по некоторым сведениям, не горели желанием участвовать в съезде. Если так, то допустимо предположение, что они опасались невыгодного для них развития событий, при котором австрийские посредники выведут переговоры за рамки гольштинской проблемы и предложат обсуждение прусских и саксонских территориальных притязаний, не сулящее ничего хорошего ни Фридриху-Вильгельму I, ни Августу II.

К началу лета 1714 года в работе конгресса был объявлен перерыв, который по сути явился благовидным прикрытием провала. В сентябре в Брауншвейге прошли короткие и бесплодные переговоры между датчанами и гольштинцами. Едва ли их можно считать возобновлением конгресса, хотя в научной литературе дело представляется именно так.

Брауншвейгский съезд с его единственным и весьма частным вопросом в повестке, видимо, изначально был обречен на неудачу, предпосылок к которой было слишком много. Категорическое нежелание конфликтующих сторон договариваться дополнялось переусложненными закулисными играми. В них запутывались сами игроки, за-

частую терявшие представление о том, кто за или против кого на данный момент. Тем более о том, что изменится в момент следующий. Конструктивный потенциал в такой психологической сумятице и циничной борьбе честолюбий отсутствовал напрочь.

Высказанное в историографии мнение о незаинтересованности Петра в конгрессе требует оговорок, часть из которых мы уже сделали. Вкратце суммируя их, повторим: царь действительно не был в восторге от этого предприятия, критически расценивая его шансы на выработку какого-либо плодотворного решения даже в периферийном для России вопросе. Тем более не верил он в пригодность брауншвейгского «формата» для достижения всеобщего мира. Но государь не возражал против использования конференции в целях ознакомления Европы со своими поправками к первоначальным планам России по территориальному переустройству Прибалтики. И уж подавно не имел он ничего против полноценного участия русских дипломатов в конгрессе в случае приезда в Брауншвейг шведов. Не видел Петр особого вреда и в том, чтобы в ходе обмена мнениями проникнуть «впрок» в подлинные намерения русских «союзников».

Вот уж кто от всей души желал Брауншвейгскому конгрессу провала, так это Англия и Голландия. В инициативе Карла VI они увидели угрозу своим притязаниям на статус арбитра в Северной войне, исход которой они хотели решить по-своему. В стремлении вернуть себе посредническую монополию Лондонский кабинет и Генеральные Штаты ухватились за заявление шведского посланника в Гааге Палмквиста о полученных им от правительства Ульрики Элеоноры полномочий на ведение мирных переговоров с Северным альянсом. Англичане и голландцы, будучи против того, чтобы эти переговоры шли в рамках Брауншвейгского конгресса, решили перехватить инициативу у Вены. В конце мая английский министр Томас Страффорд и голландский ратпенсионарий Антоний Гейнзиус пригласили Б.И. Куракина на совещание, символизировавшее признание того факта, что русский царь являлся ключевой фигурой в сложнейшем военном и дипломатическом соперничестве в Северной Европе. Как это ни претило морским державам, они мирились с необходимостью в первую очередь брать в расчет мнение Петра. Заранее зная его, можно было исподволь подготовить, а, скорее, доработать план действий по максимальному ограничению русских претензий. В этом и состояла цель конференции, где Б.И. Куракину предложили изложить требования Петра. Царский посол отказался сообщать их, *«пока шведы свои не объявят»*. Причину отказа он объяснил недоверием к Стокгольму, до сих пор не проявлявшему никакой склонности к миру, несмотря на попытки царя прекратить войну. *«В трактат со шведами не вступим, прежде нежели не увидим их подлинное намерение»*, — сказал Б.И. Куракин. Отклонил посол и идею перемирия. Шитая белыми нитками, она подразумевала для Швеции выигрыш во времени, в течение которого вернется Карл XII, возьмет дела в свои руки, продолжит войну с новой силой и, вполне вероятно, с победными результатами, обещающими вообще снять вопрос о шведских уступках, особенно в пользу России.

Когда Палмквиста попросили ответить Б.И. Куракину, он вынужден был сослаться на отсутствие у него иных полномочий, кроме как выслушать требования союзников и сообщить, что Стокгольм будет обсуждать условия мира только после заключения перемирия. Стало ясно: миссия шведского дипломата являлась отвлекающим маневром, чтобы получить стратегический выигрыш во времени и усугубить разногласия между союзниками.

Фредерик IV по-прежнему на распутье

Одновременно с Брауншвейгским конгрессом шли трудные русско-датские переговоры. Король Фредерик IV испытывал большие колебания в вопросе о целесообразности продолжения войны. Он пребывал между чувством удовлетворения от уже приобретенных им де-факто северогерманских земель и искушением добавить к ним еще и южные провинции Швеции (в частности, Шонию). Если король и готов был продолжать войну, то лишь с минимальными затратами и максимальной выгодой. Помочь ему мог только Петр, но тот прислал в Копенгаген П.И. Ягужинского совсем не с тем, на что надеялся Фредерик IV.

Король избегал встреч с царским посланником. А когда в неофициальной обстановке такая встреча все же состоялась, Ягужинскому было сухо заявлено, что Дания не будет продолжать войну без письменной гарантии Пруссии о ненападении и без русских субсидий. Помимо всех прочих причин для уклонения от бесед с дипломатом, стоит указать на тот факт, что Фредерик IV не мог забыть и простить Петру штеттинского секвестра.

Не легче было вызвать на разговор королевских министров, каждый из которых с подозрением следил за своими коллегами по кабинету, опасаясь их козней и чиня собственные. Но в неприязни к России они проявляли единодушие, что не мешало им вымогать у русских послов большие деньги за малые услуги. Похоже, к числу подобных услуг относились их «доверительные» сообщения об отношении Дании к войне. По сути, устами министров говорил король. В.Л. Долгорукий услышал следующее. Царь уже взял у шведов сполна и даже дошел до Ботнического залива. Теперь он должен сосредоточиться на финансовой помощи Дании, которой нужно вооружить свой флот, поскольку морские операции — единственный способ принудить Швецию к миру. На датские сухопутные силы рассчитывать не следует, они останутся в Гольштинии и Шлезвиге, чтобы сохранять контроль над этими территориями и оборонять их от Пруссии и других германских государств. Отозваны войска будут лишь тогда, когда Фридрих-Вильгельм даст Дании гарантию безопасности. Фредерик IV примирится с секвестром Штеттина при условии, что Берлин откажется от всех обязательств перед гольштинским герцогом, а также признает Бремен и Верден датскими владениями. Тогда Копенгаген согласится предметно обсуждать вопрос о продолжении войны со шведами в той части, что касается морского десанта в Шонию, но опять-таки не раньше, чем царь даст на это новые субсидии и выплатит недоплаченные старые.

Между тем, как можно заключить из донесения Ягужинского, деньги требовались королю не столько для Шонии, сколько на содержание оккупационных войск в Гольштинии, в которую датчане так *«влакомились»*, что их оттуда не выжить. Иными словами, Дания хотела использовать помощь Петра в целях утоления своих великодержавных аппетитов, несоразмерных с ее вкладом в общее союзное дело.

В письме к царю Ягужинский честно признался в неудаче своей миссии. Он возвращался в Россию с известием не о решении застарелых проблем, а о появлении новых.

Однако переговоры продолжил В.Л. Долгорукий. Он объявил о высылке из России гольштинского посланника Бассевича (см. ниже), склонявшего Петра к разрыву союза с Данией. Долгорукий прибавил, что царь ожидает от Копенгагена такой же

реакции, если какое-то государство предложит что-либо во вред Северного альянса вообще и русско-датских отношений в частности. Фредерик IV только и твердил о деньгах и о надежных гарантиях ненападения со стороны Пруссии. На операцию против Шонии он требовал 300 тыс. рублей, но не собирался и пальцем шевельнуть, подозревая прусского короля в желании примкнуть к Швеции. Подозрения усиливались отсутствием (до определенного момента) твердого обещания со стороны Фридриха-Вильгельма не вступаться за Гольштинию. Обращенный к царю призыв Фредерика IV прервать отношения с Пруссией выглядел как одно из главных условий согласия Дании на продолжение войны. Понимая, что Петр на разрыв с Берлином не пойдет, король предложил компромисс: Пруссия гарантирует не только Копенгагену, но и Петербургу, что воздержится от силового вмешательства в гольштинские дела, а он, Фредерик IV, обещает передать Тенинген войскам нейтральных государств и вступить в переговоры о восстановлении владений Готторпского дома.

Данию, конечно, беспокоили эти вопросы, но главная причина ее военной пассивности заключалась не в Пруссии и не в деньгах, а в той общей обстановке, в которой союзники в ожидании Карла XII озирались друг на друга и каждый опасался, что его опередят в попытках сепаратно примириться с королем на обоюдовыгодных условиях. Петр, видя это, старался всеми силами предотвратить развал коалиции. Особенно после появления шведского полководца в Штральзунде. Карл XII вновь становился большой проблемой, и военной, и политической.

Как минимум, за полгода до возникновения этой проблемы (в конце апреля 1714 г.) царь, желая ее упредить, писал Фредерику IV, что согласен дать ему 150 тыс. рублей[1] и помогать провиантом, лишь бы не повторилась прошлогодняя (1713 г.) история, когда датские войска находились в полном бездействии. Побуждая Копенгаген выйти из этого состояния, Петр сообщил о полученном от Фридриха-Вильгельма *«письменном обнадеживании, что* (он, король. — *В. Д.*) *ничего не предпримет ко вреду Северного союза»*. Царь мог бы спокойно, без угрызений совести представить это как гарантию прусского невмешательства в датско-гольштинские отношения. Петр же, предпочтя, не в пример другим правителям, быть честным, добавил, что он *«этим обнадеживанием не довольствуется»*, поскольку в нем есть лазейка: *«ничего не упомянуто о гольштинском деле»*. Обещая добиться у Пруссии *«более верных обеспечений»*, царь требовал от Фредерика IV активных действий, отсутствие которых помогает шведам бросить все их силы против России. В конце послания Петр перешел к угрозам: если датчане не произведут диверсию в Швеции и тем самым откажутся от выполнения союзнического долга, то и он освободит себя от обещания сдерживать прусского короля.

Похоже, эти угрозы не слишком подействовали на датский двор. В его глазах они были не более чем частью той неразберихи, что царила кругом. Дания искала свой выход из нее в размышлениях о том, как сложится расстановка сил в Северной войне в ближайшее время. Распадется ли альянс под военными и дипломатическими ударами Карла XII или же, напротив, пополнится новыми союзниками. В Копенгагене внимательно выслушивали и английского посла, внушавшего мысль о том, что Россия для Дании опаснее Швеции, и французского резидента, считавшего Россию из двух зол меньшим. На всякий случай Фредерик IV продолжил выжидательную полити-

[1] Петр знал, что союзники расточительно расходуют русские субсидии на произвольные цели. Поэтому он, сам остро нуждаясь в деньгах, старался урезать их аппетиты.

ку. Он не собирался ни клясться царю в верности, ни ссориться с ним, совершенно не исключая возможности заключения сепаратного договора со шведами[1].

Датский король дождался истечения самого удобного для военной кампании летнего сезона, а потом заявил В.Л. Долгорукому: *«Денег 150 000 мало, и время уже позднее»*. Вопрос о диверсии в Шонии был закрыт, по крайней мере до следующего, 1715 года.

* * *

Возможно, поведение Дании и последовавшее в 1715 году подписание полноценного союзного договора между Россией и Пруссией (см. ниже) дало Петру повод спросить себя: а стоило ли негодовать на Меншикова за штеттинский секвестр? Действительно ли он, поставленный перед выбором между Берлином и Копенгагеном, совершил ошибку, отдав предпочтение первому? Не угадал ли светлейший, при всей своей личной заинтересованности и пристрастии, что именно выгоднее Петру на данный момент? И не сделал ли он это лучше самого царя, столь усердно и безрезультатно обхаживавшего Данию? Эти вопросы невольно приходят на ум, когда Меншиков в каком-то смысле отвечает на них в разговоре с голландским резидентом в Петербурге Деби уже после того, как союзный трактат с Фридрихом-Вильгельмом, на фоне продолжающихся интриг и обструкций с датской стороны, заставил недругов фельдмаршала умолкнуть, а Петра вернуть фавориту свое расположение. *«Теперь,* — говорил князь, — *все они молчат; этот секвестр должен был меня погубить, а теперь он причиною, что король прусский для охранения* (сохранения. — *В. Д.*) *Штеттина, столь ему дорогого, заключил новый союзный трактат с царским величеством. Так вот плоды моей дурной администрации! Что сделала Дания? Ничего, только обмануло царское величество!»*

Монархам и в голову не придет извиняться перед своими подданными, но в отношении Меншикова Петр, пусть и в косвенной форме, себе это позволил. С князя сняли опалу и назначили губернатором Санкт-Петербурга. Государь и без великодушного заступничества царицы Екатерины Алексеевны понимал, что лишить себя бесконечно преданного и толкового приближенного было бы непростительным расточительством[2]. Меншиков вновь стал играть важную роль в государственных делах, и продолжалось это до самой смерти Петра. Однако светлейший больше никогда не принимал непосредственного участия ни в военных операциях, ни в ответственных дипломатических переговорах.

Лавирование гольштинской дипломатии

Выстроить события 1714 года по степени важности с точки зрения дипломатии трудно и сейчас, по прошествии трех столетий. Некоторые из них были связаны с деятельностью представителей маленькой и слабой Гольштинии, которые порой оказывали на ход европейских дел влияние, несоразмерное с международным статусом гер-

[1] В.Л. Долгорукий считал, что степень готовности Дании к сепаратному миру определяется лишь одним — размерами уступок со стороны Швеции.

[2] Утверждение графа Бассевича, что *«Меншиков пал бы непременно, если бы великодушная супруга царя не вступилась за него»*, представляется не бесспорным.

цогства. Парадокса тут нет. Мировая история изобилует примерами, когда орудием слабейшего становились гениальные интриги, помогавшие обманывать и задабривать сильных, сталкивать их лбами или мирить. В полной ли мере относилось это к заправилам гольштинской политики? Попробуем выяснить.

Мы уже имели повод набросать несколько штрихов к портрету Генриха фон Герца, незаурядного персонажа, который благодаря огромному влиянию на Христиана-Августа (епископа-регента при малолетнем наследнике) сосредоточил в своих руках управление государственными делами Гольштинии. Беспринципность являлась его главным принципом. Совесть он называл *«болезнью, излечиваемой только кровопусканием»*. Своим подчиненным надменный и жестокий Герц мог простить все, кроме сходства с собой, которое делало их его соперниками. С чужими успехами он мирился лишь тогда, когда они работали на его собственный успех, не угрожая перспективой отодвинуть его личность в тень.

Вероятно, поэтому Герц поначалу послал резидентом в Россию Негелейна, человека неглупого, но едва ли способного достичь какого-то прорыва в русско-гольштинских отношениях. Собственно, до поры до времени Герцу и не нужен был такой прорыв. Он старался обойтись без России, мешавшей его планам, которые предполагали подготовку почвы для мирных переговоров со Швецией. Постоянно совершая челночные поездки по северогерманским государствам, вовлекая их в свои замыслы и стараясь сделать их орудием своих манипуляций, Герц надеялся выторговать для Гольштинии максимальные выгоды. Вообще все его усилия были направлены на то, чтобы стереть линию фронта в Северной войне, заменить большую коалицию кратковременными союзами и контрсоюзами, образованными для решения частных задач и по принципу *ad hoc*. В этой схеме Швеция присутствовала не как общий враг, а как участник какого-либо из этих союзов. Герц сочинял громоздкие многоуровневые проекты, низкая функциональность которых во многом объяснялась их умозрительным, кабинетным происхождением. Его идеи невозможно было воплотить в жизнь по причине их отдаленности от нее. Он был одним из тех, кто возвел политическое бисеровязание в статус чистого искусства. Тем не менее к Герцу прислушивались, поскольку при европейских дворах обреталось немало таких же любителей замысловатых дипломатических комбинаций, создание которых доставляло большее интеллектуальное удовольствие, чем их распутывание, требовавшее огромных сил, других талантов и специальных профессиональных навыков. Но больше всего Герца беспокоила собственная политическая карьера, которую он был не прочь связать либо с Карлом XII, либо с его племянником и наследником шведской короны подрастающим гольштинским герцогом Карлом-Фридрихом.

Но при любом из этих вариантов, полагал Герц, хорошо бы составить в Германии такую конфигурацию сил, из которой будет исключена Россия. Причем само составление комбинации было для него, пожалуй, более интересным, чем ее практическая цель. Рискнем предположить: Герц загодя хотел произвести ряд территориальных переустройств с тем, чтобы на переговорах о «генеральном мире» осталось лишь формально утвердить их. Однако собственно интрига, похоже, стояла для него на первом месте. Ради нее Герц еще в конце 1713 года начал тайно хлопотать о заключении союзного трактата между герцогствами Гольштейн-Готторпским и Мекленбург-Шверинским, гарантами которого предполагалось сделать Швецию и Пруссию. Чтобы

провернуть сделку, он поехал в Шверин к взбалмошному Карлу-Леопольду (кстати, восторженному поклоннику Карла XII) и предложил ему выкупить у Гольштинии Висмар за 100 тыс. талеров. А взамен Христиан-Август, пользуясь своим влиянием, окажет герцогу помощь в умиротворении мекленбургского дворянства, готового свергнуть Карла-Леопольда. Планировал это Герц или нет (в отношении его мотивов всегда рискованно утверждать что-либо наверняка), но в результате его визита Карл-Леопольд проникся мыслью о том, что реальные политические и иные дивиденды можно получить лишь от дружбы и покровительства Петра I. Через секретаря царя Генриха Иоганна (Андрея Ивановича) Остермана герцог дал понять о своем стремлении к тесному сближению с Россией. Государь очень благосклонно воспринял эту инициативу, и с тех пор русско-мекленбургские связи стали развиваться столь успешно, что вскоре (1716 год) привели к женитьбе Карла-Леопольда на единокровной племяннице Петра Екатерине Ивановне. Россия получила, *во-первых*, право держать в Мекленбурге войска для защиты герцога от мятежного рыцарства, *во-вторых*, еще один выход (через Эльбу и систему местных озер и рек) к Балтийскому морю[1].

Но вернемся к Герцу. Переживать провал своей очередной интриги у него не было времени. Его больше беспокоила судьба крепости Тенинген, где, как мы знаем, томился в заключении опасный враг Герца Веддеркоп, которого в случае взятия крепости датчанами ждала свобода и возможность отомстить обидчику. Тенингенский гарнизон страдал от голода и грозил сдаться. Во избежание этого Герц помчался сначала в Ганновер, а затем в Берлин просить о снабжении крепости провиантом. Хотя ему и удалось решить проблему, сдача крепости была лишь вопросом времени. Поэтому Герц собственноручно написал якобы от имени епископа-регента приказ коменданту Тенингена Вольфу отрубить Веддеркопу голову.

Россию Герц справедливо воспринимал как главную преграду своим планам. Сам не имея духа *«показать ей зубы»*, он не уставал подначивать к этому своих высокопоставленных европейских собеседников. Знал гольштинец и о том, что Петр его не любит, называя все его действия *«герцевыми проделками»*. Герц был бы рад придумать какую-нибудь пакость для России. Но как такое себе позволить, если от нее теперь зависит решение почти любого вопроса в Северной Европе. Сколько ни игнорируй царя, а в конце концов посылать кого-то к нему на поклон придется. К такому выводу пришел Герц, когда исчерпал все свои возможности добиться желаемого в обход России.

Была еще одна проблема: кому поручить эту тяжелую миссию. Ехать самому с риском получить от ворот поворот, учитывая настроение Петра? Для заносчивой и амбициозной натуры — испытание абсолютно невыносимое. Сидевший в Петербурге без дела Негелейн для такой сложной роли не подходил. Находясь в Берлине, Герц просил Фридриха-Вильгельма послать к царю своего приближенного Э.Э. фон Шлиппенбаха ходатайствовать о ратификации заключенного Меншиковым русско-прусского договора и предъявить *«достаточные объяснения по поводу мнимых недоразумений как этого договора, так и договора с епископом-регентом* (то есть между Пруссией

[1] В начале октября 1712 года накануне вторжения Магнуса Штейнбока в Мекленбург Петр предложил Карлу-Леопольду защиту. Но тот отказался, в результате чего шведы подвергли герцогство разорению. А когда прусский король попросил фельдмаршала не делать этого в отношении члена Империи, тот ответил, что подчиняется лишь приказам Карла XII.

и Гольштинией. — *В. Д.*)». Фридрих-Вильгельм, понимая уловку Герца, стремившегося переложить на него задачу исключительной сложности, ответил, что речь идет *«о пользах вашего государя* (Христиана-Августа. — *В. Д.*)», и заботиться о них нужно прежде всего гольштинским дипломатам. Не отказываясь дать Шлиппенбаху соответствующее поручение, король вместе с тем указал на идеальную, с его точки зрения, кандидатуру для столь щепетильной миссии — гольштинский посол в Пруссии Геннинг Фридрих Бассевич. *«Я вам отвечаю,* — говорил Фридрих-Вильгельм, — *что это именно человек, какого нужно для Петра Алексеевича»*. Высокое королевское мнение о нем согласуется с характеристикой одного исторического источника: *«С лицом весьма располагающим в свою пользу и откровенным, Бассевич соединял необыкновенную находчивость, которая помогала ему схватывать и понимать вещи с первого разу, твердость непоколебимую, речь быструю, умную и простую, темперамент, способный, при случае, выдержать 24-х часовой труд или разгул, большую щекотливость в деле чести, значительную долю прямизны и гуманности, горячности, но без злопамятности, много любви к роскоши, к женщинам, к игре, — и при всем этом не обнаруживал ни малейшей скупости. Иногда он был неосторожен в своих словах и выдавал какую-нибудь маленькую тайну, но всегда сохранял тон откровенности, который внушал к нему доверие и заставлял других высказываться гораздо более его самого. Ко всему этому у него присоединялось много огня, деятельности, отваги и всегдашней готовности рассечь узел, если не было средств распутать его»*.

Казалось, Бассевич действительно был создан для того, чтобы понравиться Петру, который иные пороки воспринимал почти как добродетель и высоко ценил людей, обладавших в придачу к ним еще и недюжинным умом. Именно это обстоятельство и смущало Герца. Если Бассевичу удастся приглянуться царю и вернуться из России с нужным результатом, это будет означать, что важнейшее направление внешней политики Гольштинии — русское — окажется под его контролем, ибо Петр не захочет иметь дело больше ни с кем. А посягательства на свою монополию в дипломатических делах Герц не терпел. Однако деться было некуда: кому-то непременно следовало явиться пред царские очи и узнать о намерениях государя в отношении Гольштинии. В случае неудачи миссии вся вина падет на исполнителя, в чем тоже найдется польза для Герца. Одним многообещающим конкурентом меньше.

Но понимавший это Бассевич мечтал не о роли козла отпущения и не собирался хоронить свою карьеру в России. Зная о недовольстве вспыльчивого царя гольштинскими интригами, он подозревал, что в Петербурге его ждет не самый теплый прием. Надменному Герцу пришлось унизиться до уговоров, перед которыми Бассевич отступил. Чтобы не спугнуть своего эмиссара, Герц вручил ему инструкции, когда тот уже сидел в карете. При этом прозвучали загадочные слова: *«Подумайте обо мне* (Герце. — *В. Д.*), *любезный друг, когда увидите соболей»*. Что в них — надежда на успех, которым Бассевич будет обязан Герцу, грубый призыв к дележу или таинственное словоблудие, открытое для любого угодного адресату толкования?

Интрига становится классикой дипломатического искусства, когда из нее выходит толк. Таких примеров история знает немало. Но случай Герца не из этой категории. Все комбинации гольштинца обрушивались под тяжестью своего веса. Количество выбранных им целей всегда перевешивало возможность держать их под прицелом одновременно, тем более — поражать. Заимствуя шахматные образы, можно сказать,

что он прекрасно разыгрывал дебют, избыточно сложно импровизировал в миттельшпиле, чтобы запутаться и проиграть в эндшпиле.

Но время эндшпиля еще не пришло.

Бассевич отправлялся в Россию с тяжелым сердцем и мрачными предчувствиями. Он получил официальные инструкции в последний момент, когда поездку уже нельзя было отменить. Посол, зная Герца, подозревал, что эти инструкции окажутся еще более трудными для выполнения, чем он думал, когда уступал уговорам министра. В такой ситуации опытный Бассевич старался сделать так, чтобы русские дипломаты, в частности посол в Пруссии граф А.П. Головкин, донесение которого к царю о приезде гольштинца скорее всего опередит сам приезд, никоим образом не отождествляли его с одиозным Герцем. Перед отъездом из Берлина в Россию Бассевич сказал своему русскому коллеге, что искренне надеется принести пользу Петру, организовав в качестве посредника обсуждение между Петербургом и Стокгольмом условий мира, которые устроят обе стороны. Было также сказано, что Карл XII *«при теперешних обстоятельствах»* начинает примиряться с мыслью, что Россию нужно удовольствовать в первую очередь и в наибольшей степени. Оставшееся будет уже предметом торга Швеции с другими ее неприятелями. Правда, от России тоже потребуется жертва в виде согласия на сепаратный мирный договор.

Герц изменил бы себе, если бы не приставил к Бассевичу своего шпиона Криста, незнакомого с такой «болезнью», как совесть. В должности секретаря посольства он должен был доносить о каждом шаге Бассевича. Крист выехал вслед за послом через неделю и, догнав его, вручил дополнительные указания, добавлявшие к уже имевшимся у него инструкциям еще больше *«двусмысленности и несообразности»*. Пожалуй, в этих словах есть определенное преувеличение, допущенное Бассевичем, чтобы показать, что Герц требовал от него невозможного. Чего действительно не было в этих предписаниях, так это реалистичного представления о том, с каким искусным дипломатическим противником в лице Петра придется иметь дело Бассевичу. В Петербурге его ждали не те люди, которых Герц привык легко обводить вокруг пальца.

Понять, в какое положение был поставлен чрезвычайный посланник, можно, обратившись к содержанию инструкций. Бассевичу предписывалось:

1) Внушить Петру, что Христиану-Августу вовсе не так дороги интересы Швеции, как считается, и в доказательство привести факт выдачи Штейнбока датчанам. (При этом, естественно, замалчивается, что до этого войскам шведского фельдмаршала было предоставлено убежище в крепости Тенинген.)
2) Отклонить царя от подозрения, будто Гольштейн-Готторпский дом старался помирить Копенгаген и Стокгольм в рамках сепаратного договора в ущерб России. Такого якобы и в мыслях не было, хотя сделать это было бы легко. (На чем основывалась такая самоуверенность, не пояснялось.)
3) Заручиться поддержкой Петра в деле возвращения оккупированных гольштинских владений. Взамен Герц обещал большие выгоды для России, явно бахвалясь имевшимися в его руках дипломатическими рычагами и умением управлять ими. Благодаря его связям и влиянию решатся любые проблемы. Угодно вступить в мирные переговоры со шведами — пожалуйста. Хотите заранее обсудить вопрос о наследовании шведского престола — устроим. Соизволите одобрить идею династического брака между молодым гольштинским

герцогом Карлом-Фридрихом и царской дочерью Анной Петровной — нет ничего проще.

Все эти хвастливые заверения совершенно не вязались с особым поручением Бассевичу: убедить царя в невозможности заключить мир со Швецией без содействия Франции, Англии и Голландии. Более того, Герц предлагал выбрать для мирных переговоров место, удобное для них, а не для России.

Тут напрашивается вопрос: а нужна ли вообще в этой схеме Гольштиния с ее услугами и дорого ли они в таком случае стоят?

Бассевич прекрасно понимал, в какую ловушку он загнан, и не скрывал своего недовольства от Герца, который подбадривал его тем, что будет постоянно обновлять свои инструкции в зависимости от ситуации, и в случае чего советовал спрятаться за прусского посла Шлиппенбаха, к которому Петр отнесется благосклоннее, чем к гольштинцам.

* * *

Для любого иностранного дипломата добиться приватной встречи с Петром было непросто. Что уж говорить о представителе маленького герцогства, впавшего в немилость к царю. Бассевичу это удалось. Возможно, помог статус чрезвычайного посланника, склонивший Петра к мысли, что он приехал с чем-то важным. Возможно, исходатайствовать такую честь помог Меншиков, несмотря на продолжавшуюся опалу. А возможно, это просто потребность государя в дополнительной информации, способной прояснить запутанный вопрос о том, в каком направлении развивается дипломатическая ситуация вокруг Северной войны. И все же в разговоре с Бассевичем Петр не смог сдержать удивления по поводу настойчивого стремления маленького Гольштейн-Готторпского дома вмешиваться в дела больших держав. Царь так и сказал посланнику: *«Ваш двор, руководимый обширными замыслами Герца, похож на ладью с мачтою военного корабля; малейший боковой ветер должен потопить ее»*.

В ходе общения с гостем Петр — сделаем осторожное предположение — понял, что если это утлое суденышко еще остается на плаву, то лишь благодаря таким искусным дипломатам, как Бассевич, безусловно понравившийся царю своей незаурядностью. Однако никакого таланта не хватило бы на то, чтобы заставить Петра отказаться от его подозрений в отношении гольштинской политики. Эти подозрения подпитывались из разных по степени достоверности источников. В начале 1714 года посол в Гааге князь Б.И. Куракин сообщал о своем разговоре с некоей очень знатной персоной, поведавшей ему *«под величайшим секретом»*, что миссия Бассевича таит в себе коварный замысел. Ее цель — вовсе не заключение гольштинско-русского союза, а расстройство союза русско-датского. Этими же фальшивыми переговорами Герц хотел озлобить против царя старое шведское дворянство, стремившееся возвести на престол вместо герцога Карла-Фридриха, законного наследника, сестру Карла XII Ульрику Элеонору.

Петр безусловно доверял своим дипломатам, но их донесения служили для него далеко не главным доводом при принятии решений. Для государя все это являлось лишь информационным сырьем, которое подвергалось обработке и обогащению в его голове, чтобы стать основой собственных выводов. Нет причин полагать, будто Петр не понимал, что *«таинственная персона»*, столь откровенно предостере-

гавшая князя Куракина, могла видеть ситуацию со своего ракурса, руководствуясь личными или иными мотивами, не имевшими никакого отношения к заботе об интересах России.

Поэтому царь внимательно выслушал Бассевича, который *«расписал самыми блестящими красками славу и выгоду, которые приобретет царь, если удостоит своей дружбы дом готторпский»*. Но Петру нужны были не «краски», а конкретные обоснования как причин, побудивших Гольштинию навязчиво искать союза с Россией, так и резонов, способных убедить Россию пойти навстречу. Бассевич сразу заметил, что перед ним политик, моментально проникавший в суть вопроса и чутко улавливавший подвох. Более того, сам умеющий расставлять ловушки. Похоже, именно такой ловушкой было требование Петра составить подробную записку о гольштинских предложениях. Иначе говоря, передать содержание устной речи Бассевича, включая ее антидатский пафос, на бумаге. Такой документ давал бы царю козырь в сложной европейской дипломатической игре, прежде всего в той ее части, что касалась отношений между Петербургом и Копенгагеном. В частности, Петр мог бы преподнести свой отказ от союза с гольштинцами как большую жертву в пользу Дании и настаивать на ответной благодарности.

Глубоко озадаченный Бассевич обратился за новыми инструкциями к Герцу, но тот сам не знал, как реагировать на требование царя. И это довольно странно, поскольку такой ход со стороны русских стоило бы предвидеть. Загнанный в угол Бассевич бросился за советом к Меншикову, опала с которого еще не была снята в полной мере, хотя постепенно светлейший возвращал себе прежнее влияние. Князь, симпатизировавший гольштинцу, согласился помочь в составлении записки, чтобы использовать ее как дополнительное оправдание правильности своей «померанской политики».

Тем временем Петр вступил в переговоры с прусским посланником Шлиппенбахом. Благосклонно выслушав его объяснения, царь пообещал одобрить штеттинский секвестр, если союзники, с которыми он уже связался по этому вопросу, не станут возражать. Реакция царя, казалось бы, была на руку Бассевичу, поскольку теперь представлялась возможность действовать в пользу Христиана-Августа через прусского коллегу. Однако Петр еще не остыл от возмущения двойным предательством гольштинского регента, сначала укрывшего Штейнбока в Тенингене, в нарушение своего нейтралитета, а затем коварно выдавшего его на растерзание датчанам, в нарушение своего монаршего долга чести.

Герц, которому Бассевич передал мнение Петра, был настолько удивлен этим напоминанием о законах чести, ему совершенно неведомых, что ответил посланнику письмом, полным раздражения. *«Вы говорите, что царь напирает на добросовестность: объясните ему, пожалуйста, что между государями дружба есть нечто иное, как интерес, и если один всячески уверяет в своей преданности другому, этот другой, когда не видит ясной пользы для себя от их союза, должен быть уверен, что все эти уверения ложны и скрывают обман»*. Герц не скрывает своего недоумения нежеланием Петра взглянуть на тенингенскую историю через призму элементарной политической логики: сначала дав Штейнбоку убежище, а затем выдав его датчанам, гольштинцы руководствовались соображениями *«ясной пользы»*. Но тут был и намек на Россию, которая, по мнению Герца, тоже нарушает свои союзнические обяза-

тельства, исходя из собственных интересов. В каком виде эти дерзкие слова были переданы Петру, неизвестно. Скорее всего — не в оригинальном. Едва ли умный Бассевич, да в его-то непростом положении, стал бы лишний раз подставлять себя, даже если речь шла «лишь» о зачтении письма Герца. Более чем вероятно, что посланник мастерски отредактировал этот текст, чтобы он не резал слух вспыльчивому Петру. Поэтому утверждение самого Бассевича, что он *«не побоялся обратиться с такой речью к царю, хотя и мог попасть за нее в Сибирь»*, выглядит как обычное бахвальство мемуариста.

Шлиппенбах, на которого, возможно, надеялся Бассевич, оказался плохим помощником. Он приехал в Петербург решать прусские, а не гольштинские проблемы. Последним прибежищем был Меншиков. Однако внутридворцовые позиции безродного князя оставались непрочными. Придворная знать не оставляла надежду свалить его. Невольно вовлеченным в эту борьбу оказался Бассевич, которого враги Меншикова представляли царю как шпиона шведского короля. Его переписка с Герцем вскрывалась в тщетных попытках найти доказательства против гольштинца, а значит, против князя, благоволившему к нему.

Петр, как известно, предпочитал думать своей головой, иначе Бассевич давно был бы выдворен, а Меншиков на дыбе. Чем успешнее шли русско-прусские переговоры, предвещавшие вступление Берлина в Северный союз, тем снисходительнее становился государь к померанскому самоуправству своего фаворита. Однако Петр имел основания для подозрений о том, что в визите Бассевича есть какой-то невидимый подтекст, ибо тесные связи между Гольштинией и Швецией не являлись секретом. Сначала он сказал об этом Меншикову: *«Твой гольштинский друг слишком умен, чтоб серьезно думать, что его пустые слова заставят меня согласиться на что-либо противное моим интересам; он верно приехал сюда с другим намерением; если за тем, чтоб быть здесь шпионом, скажи ему, чтоб он бросил это дурное ремесло, для которого не рожден, и чтоб выбрал себе другое, получше»*. Затем Петр заявил уже самому Бассевичу, что, оказав ему хороший прием, *«я сделал шаг, подозрительный моим союзникам»*. И предупредил: если за его действиями скрывается какой-то хитрый умысел, *«берегитесь»*.

В известном смысле Меншиков и Бассевич очутились в одной спасательной лодке. Чтобы она не перевернулась, срочно требовалось что-то придумать. Особого выбора не было. Он ограничивался требованием Петра представить записку с гольштинскими предложениями. Значит, оставалось подготовить ее со всей тщательностью, чтобы убить сразу двух зайцев: убедить царя в очевидной пользе союза с Готторпским домом и тем самым показать правоту Меншикова, который хлопотал о таком союзе, быть может, несколько превысив свои полномочия, но в уверенности, что действует в интересах государя.

Пообещав составить такой документ, Бассевич больше всего опасался скоротечных перемен в европейской ситуации, чреватых отказом правительства Гольштинии от идеи союза с Россией, что превратит посланника в такого же плута, как и Герц. Поскольку Бассевич рисковал головой, он хотел иметь от своего начальника самые последние новости прежде, чем они дойдут до Петербурга, чтобы при подготовке записки сообразовываться с ними. На новости Герц не скупился. В феврале — первой половине апреля 1714 года он сообщал, что Тенинген капитулировал и датчане

собираются его разрушить, а в Швеции произвести революцию с целью возвести на трон сестру Карла XII Ульрику Элеонору. Вместе с тем ожидалось скорое объявление о совершеннолетии герцога Карла-Фридриха, который сможет претендовать на шведскую корону как законный наследник по готторпской линии. Но в этом деле нужна помощь Петра, поскольку среди гордых и самолюбивых шведов очень сильна антипатия к маленькому герцогству, смеющему вмешиваться во внутреннюю политику великой державы. Герц говорил, что царю следует *«прямо и открыто»* поддержать как готторпский двор, так и Карла-Фридриха, который в качестве шведского короля будет полномочен признать территориальные приобретения России.

Бассевич и Меншиков работали над запиской целый день, а вечером князь доложил Петру, что она готова. Царь согласился принять бумагу следующим же утром — факт, позволяющий предположить, по крайней мере, нетерпеливое монаршее любопытство. Перед вручением Бассевичу пришлось, по просьбе Петра, изложить суть каждого из семи пунктов документа, после чего царь взял его и сказал, что ему нужно все *«хорошенько обдумать»*.

Записка начинается с перечисления обязательств России.

1) Его царское величество гарантирует, что крепость Тенинген не будет разрушена, и обещает использовать все зависящие от него средства для восстановления прав Готторпского дома в четыре месяца, отказавшись от всякой поддержки интересов Дании.
2) В случае возвращения Карла XII и его готовности заключить общий мир царь обязывается вернуть молодому Карлу-Фридриху завоеванные датчанами гольштинское земли, за исключением тех, которые он захочет оставить себе.
3) В случае смерти бездетного короля царь будет всеми силами стараться посадить на престол Карла-Фридриха и поддерживать идею о присоединении его наследных (гольштинских) владений к шведской короне.

Со своей стороны епископ-регент Христиан-Август обязуется за себя и за малолетнего герцога:

1) Заключить с Россией тесный союз, скрепив его браком между Карлом-Фридрихом и царевной Анной Петровной, который должен состояться безотносительно к тому, получит ли герцог шведский трон и отобранные у него земли. Этот пункт касался также вопроса о приданом и взаимных выгод от русско-гольштинской торговли, которые достанутся обеим сторонам через *«соединение двух морей»* (Балтийского и Северного) каналом, *«как было предположено прежде»*.
2) Если Карл-Фридрих взойдет на престол, царю предлагается на выбор: Лифляндия и Эстляндия либо Ингрия и Карелия от Выборга до Нарвы. Шлезвиг и Гольштиния переходят к Швеции. Епископ-регент вознаграждается герцогствами Бремен и Верден, а Висмар возвращается герцогу Мекленбургскому-Шверинскому, которого Карл-Фридрих и Христиан-Август будут склонять к союзу с Россией посредством брака его с царской племянницей Екатериной Ивановной.
3) В обеспечение этих обязательств епископ-регент соглашается на то, чтобы царь *«под каким-нибудь вымышленным предлогом»* занял крепость Тенинген

«в качестве залога, до тех пор, пока герцог не достигнет совершеннолетия и не будет видно, какой оборот примут дела».

4) *«Царь и епископ дают взаимное обещание хранить в тайне настоящее соглашение, обязывая тем же и своих министров»*.

Бассевич не мог не понимать, что в этом договоре Петру предлагается разорвать все прежние союзные отношения ради скромных приобретений в Прибалтике, потеря которых для Швеции будет щедро компенсирована присоединением Шлезвига-Гольштейна. В тексте нет ни слова о Померании и о многих других важных проблемах. Скорее всего, посланник хотел выиграть время, чтобы в случае прояснения международной ситуации не в его пользу успеть унести из России ноги, поскольку в ушах у Бассевича звенело царское «берегись, если обманешь». Он был вынужден пойти на этот крайне рискованный шаг, ставивший его между молотом петровского гнева и наковальней герцевских махинаций. В случае чего Бассевича едва ли спасло бы то обстоятельство, что текст документа был написан рукою Криста и не имел подписи. Авторство нельзя было спрятать столь наивным способом.

Между тем европейские события оборачивались против гольштинского посланника. Комендант Тенингена накануне сдачи крепости не выполнил приказ об умерщвлении Веддеркопа, и теперь Герцу грозило возмездие со стороны оклеветанного старца, пользовавшегося большим уважением в Европе вообще и среди влиятельных людей, ненавидевших его обидчика, в частности. Хуже того: фельдмаршал Штейнбок, покидая крепость, по небрежности оставил там бумаги, касавшиеся его переговоров с Герцем и полностью изобличавшие шулерские приемы гольштинского правительства. В довершение всего распространились известия о скором возвращении в Швецию Карла XII, который непременно узнает, если уже не узнал, о том, что Герц списал его со счетов и ищет, на кого из кандидатов в преемники короля сделать ставку. Над Герцем собирались свинцовые тучи. Переговоры в Петербурге могли нанести ему смертельный удар. Герц срочно шлет Бассевичу приказ не делать Петру никаких конкретных предложений о союзе. Но поздно. Секретный документ уже передан царю почти одновременно с получением им известий о содержании бумаг Штейнбока. У государя не осталось никаких сомнений по поводу мошеннических намерений Герца в отношении России. Теперь у Петра были все основания считать записку Бассевича откровенным обманом и выдворить посланника из страны.

Бассевич бросился к Меншикову просить о заступничестве перед царем. Светлейший, сам еще оставаясь в немилости у Петра, не побоялся встать на защиту гольштинца. Он объяснил царю, что Бассевич, лишь выполнявший коварный приказ, жертва происков его недоброжелателя Герца и вины на нем нет. Миссия в Россию была подстроенной для Бассевича ловушкой. С позором выставить посланника — значит гарантировать полный крах его карьеры и личного благополучия, то есть подыграть Герцу. К последнему у Меншикова появились и свои счеты после того, как гольштинский «макиавелли» стал открыто хвастаться теми суммами, которыми он легко купил расположение сребролюбивого князя.

Меншиков представил суть дела достаточно убедительно, чтобы Петр согласился принять такое объяснение и утвердился в своем нежелании доставлять Герцу удовольствие, превращаясь в орудие его подленьких уловок. Кроме того, Бассевич, как лич-

ность и профессионал, был явно симпатичен царю, что еще больше склонило его к великодушию. Петр сообщил Меншикову свой вердикт: *«выпроводим его* (Бассевича. — *В. Д.*) *таким образом, чтобы двор его убедился, что вся вина неуспеха принадлежит самому двору»*.

Вместо того чтобы со скандалом выгнать посланника, Петр распорядился со всем вниманием отнестись к его записке и составить подробный ответ с соблюдением необходимых дипломатических приличий. Текст ответов царя, датированных 25 марта 1714 года и достойных пространного цитирования, мы сочли нужным дать в двух редакциях — одна взята из бумаг Бассевича, другая (в квадратных скобках) из русских источников.

«*1) Его царское величество просил его величество короля датского не разрушать Тенингена, но ни за что не отвечает и никогда не откажется поддерживать своих союзников. Если бы выгоды даже и не требовали этого, то святость обязательств предписывает поступать так, ибо кто теряет свой кредит, тот все теряет. [«О Тонингене, чтобы не был разорен, к королю датскому писано; а что гарантировать и за своего союзника не вступаться, того невозможно; ибо хотя б интерес не требовал, то данное обязательство надлежит хранить, понеже, кто кредит потеряет, все потеряет».]*

2) *О доставлении Финляндии молодому герцогу* (Карлу Фридриху. — *В. Д.*) *будут стараться; но для этого нужно содействие епископа-регента. [«Будем стараться, чтоб Финляндию сему принцу получить; но чтоб и его светлость* (Христиан-Август. — *В. Д.*) в том також обще помог».*]*

3) *Его царское величество не противится наследованию герцогом шведского престола и не думает, что воспротивятся и его союзники, хотя впрочем для этого необходимо знать мнение короля прусского; но королю шведскому* (Карлу XII. — *В. Д.*) *еще так немного лет, что в настоящее время кажется неуместным касаться этого предмета. По той же самой причине его величество находит вопрос о присоединении гольштинских владений к Швеции весьма щекотливым и основанным на предположениях мало вероятных. [«Чтоб заранее о том, какой договор чинить, кажется неприлично, понеже король, ради молодости своей, еще от натуральной смерти далек. ...Сей пункт* (о наследовании шведской короны и разделе шведского наследства в Германии. — *В. Д.*) *есть зело деликатный (к тому ж и король шведский еще жив), и сенс оного зело на тонких ногах носит свое седалище».]*

4) *Его величество принимает предложение о браке; но здесь ничего не может быть решено прежде достижения царевною узаконенного возраста. Царь хотя и отец ее, однако же необходимо ее согласие. Распри между Данией и Гольштинией могут быть устранены на Брауншвейгском конгрессе и ни в чем не касаются до его царского величества, который скорее решится быть оставленным своими союзниками, чем сам оставить их; честь его слова дороже ему всего остального. [«За первое* (предложение о заключении русско-гольштинского союза. — *В. Д.*) *благодарствуем; что же принадлежит о супружестве, и то до возраста отложить, ибо хотя я отец, однако же без воли ее того учинить невозможно. ...Что принадлежит между Данию и Гольштинию, о том удобнее на Брауншвицком конгрессе определить, ибо сие дело не зело до нас касается, яко отдаленных; а чтобы королю датскому не помогать, то уже выше отказано, ибо лучше можем видеть, что мы*

от союзников отставлены будем, неже мы их оставим, ибо гонор пароля дражая всего есть».]

5) *Господину посланнику* (Бассевичу. — *В. Д.*), *вероятно, известно, что на гузумских* (союзных военно-политических. — *В. Д.*) *конференциях был составлен план относительно завоеваний, который должен оставаться неизменным. Ингрия и Карелия — немецкие провинции; генерал Делагарди* (во время русско-шведской войны 1610–1617 гг. — *В. Д.*) *занял их под предлогом защиты от Польши и покорил Швеции. Если его царское величество оставит их себе, а Лифляндию и Эстляндию уступит неприятелю, то последний может стеснять плавание около их берегов, опираясь на крепость Ревель и Гельсингфорс и пользуясь незначительной шириной Финского залива. Если же царь уступит Ингрию, тогда всякое сообщение с Россией будет отрезано. Во всяком случае здесь одинаково стесняются как та, так и другая сторона. Для чего также стараться удовольствовать только короля прусского и отнимать у датского завоеванные им Бремен и Верден, тогда как молодой герцог, сделавшись королем шведским, должен оставить за собой наследственные земли? Свет не увидит дурного обращения царя с союзниками. Ясно, что хлопочут только о том, чтобы разъединить его с верным союзником и заставить самого повредить тем важнейшим своим интересам. [«О Ингрии и Корелии, яко изначально российских провинциях, упоминать не надлежит, которые никогда за шведами не были, пока генерал Делагардий оные вместо помощи против поляков, вшед дружески, в три года войною отобрал; к тому же сей пункт есть сеть: на что не соизволить — зла не миновать, ибо ежели одна Игрия останется, а неприятель получит Эстляндию и Финляндию, то ради узости моря Финского* (Финского залива. — *В. Д.*) *и фортеций с обеих сторон — Ревеля и Гельсингфорса — в его воле будет наш фарватер, чрез что повелителем будет нам; буде же Лифляндию и Эстляндию удержать, а Игрию отдать, то отрезаны будем от России».* Относительно дележа шведских владений в Германии: *«Здесь ясно явилось, чтоб мы не только короля датского там утеснили, что когда молодой князь будет королем шведским, то чтобы и княжество свое удержал (что, чаю, никто не допустит), но Бремен и Верден, которые датский король завоевал, то у него из рук отнять и на весь свет показать, как мы своих союзников трактуем. Сею негоциациею хотят нас с датским двором разлучить, чтоб мы вечный интерес наш против всегдашнего неприятеля сами опровегнули».]*

6) *Его царское величество не может иметь притязаний на Тенинген, потому что обязался не делать каких бы то ни было приобретений в Германии иначе как с согласия своих союзников. [«Сего учинить невозможно, понеже мы обязались все прогрессы в немецкой земле чинить с воли своих союзников».]*

7) *Напрасно требуют тайны. Предложения, сделанные господином Бассевичем, были известны задолго до его приезда. Ни в чем не видно здесь доброго и искреннего намерения. Доказательством тому служит обращение* (переговоры Герца. — *В. Д.*) *с Стенбоком и предписания, данные в то время коменданту Вольфу* (казнить Веддеркопа. — *В. Д.*). *Вот копии с них для сведения господина Бассевича. Всего лучше будет положить этот товар опять в тот ящик, откуда он вынут».[«Все сие возвратить паки в тое скрыну* (ящик. — *В. Д.*), *отколе вынято».].* Устно же Петр сказал Бассевичу: *«Если Швеция купит дружбу Дании уступкою Бременской об-*

ласти, дружбу Пруссии уступкою Штеттина и после того все обратится против меня, да еще при посредстве вас, гольштинских интриганов? Причины ваши хороши, но у меня есть свои, лучше: было бы недостойно меня притеснять союзника (датского короля), который вступает в переговоры для исправления своих ошибок».

Спасением для Бассевича явилось не содержание ответа, а сам факт, что посланник удостоился им в надлежащей, уважительной к его персоне форме. В этом не было бы ничего удивительного, если бы не только что полученные Петром сведения о новых подлых кознях Герца, поднявших в душе царя новую волну негодования. Но ради того, чтобы испортить его грязную игру, царь решил вывести жестокого пройдоху на чистую воду и заодно спасти Бассевича от участи стать очередной жертвой *«герцевых проделок»*. Петр вручил Бассевичу ответную грамоту к Христиану-Августу, где подчеркивалось, что *«чрезвычайный посланник его светлости был принят с отличием при царском дворе»*. Дальше, правда, шли слова о том, что *«ни одно из его предложений не представило хоть сколько-нибудь верного ручательства для России и ее союзников»*. Но это выражение неудовольствия адресовалось отнюдь не Бассевичу, а гольштинскому правительству, точнее — Герцу, хотя его имя нигде не упоминается. В довершение всего Петр явился на прощальный пир, устроенный Меншиковым в честь Бассевича, и пожелал, чтобы в Гольштинии отдали справедливость способностям дипломата, хотя и сомневается в том, *«потому что у Герца глаза слишком хороши»*.

* * *

Между тем датчане при всеобщем молчаливом согласии разрушили Тенинген, что было еще одним ударом по гольштинскому правительству и, в частности, по Герцу. Но первого министра больше беспокоило другое. Освобожденный Веддеркоп отправился сначала в Копенгаген, а затем в Стокгольм публично разоблачать своего врага. Мастеру казуистики Герцу удалось отвести от себя многие обвинения, но на его репутации остались несмываемые пятна. Усилилась давняя ненависть к нему гольштинских и шведских элит, имевших с Герцем свои счеты и искавших случая поквитаться.

Спасая себя от неминуемого политического падения, а то и казни, Герц решил действовать ва-банк. Его вдохновили получившие новые подтверждения сведения о скором возвращении Карла XII. Герц видел единственный выход из положения в том, чтобы предложить все свои иезуитские таланты к услугам шведского короля, высоко ценившего умных людей. Герц поворачивает свою политику на 180 градусов. *«Несмотря на то, что он всюду потерял к себе доверие,* — писал Бассевич, — *его неистощимый ум изобрел новую систему, противоположную той, которой он доселе следовал»*. Удивляться тут нечему. Предрасположенность к предательству кого угодно и чего угодно была изначально заложена в характере и мировоззрении Герца. В случае с ним это свойство не следует путать с высшей политической целесообразностью. Мотивационным стержнем любых поступков Герца был, по словам того же Бассевича, постоянный поиск *«прибежища его величию и счастию»*, не имевшим ничего общего со служением чьим-либо государственным интересам и, уж подавно, нравственным идеалам.

Герц прекратил отношения со всеми дворами и целиком посвятил себя подготовке к встрече Карла XII, *«публично водрузив знамя этого героя»*. В «новую систему» как нельзя кстати вписалось одно обстоятельство. После завершения войны за испан-

ское наследство из Брабанта вернулись гольштинские войска. По-прежнему обладая большими официальными полномочиями, Герц, вместо того чтобы направить эти силы для оккупации Висмара и Штеттина, как предусматривалось гольштинско-прусским договором, заставил их присягнуть Швеции и послал в Померанию. Помимо прочего, он надеялся, что эта новость застанет ни о чем не подозревавшего Бассевича в Петербурге и заставит царя *«сослать к соболям человека, который забавлял его мнимым исканием союза и дружбы»*. Но просчитался. *Во-первых*, посланник уже покинул пределы России. *Во-вторых*, Петр, легко разгадавший дьявольский замысел Герца, никуда бы Бассевича не сослал.

Тогда Герц, намеренный идти до конца, стал внушать Христиану-Августу мысль о том, что в Петербурге Бассевич предал интересы гольштинско-шведской дружбы. Посланнику он отправил гневное письмо, укоряя его за предъявление царю записки, подрывающей доверие Стокгольма к Готторпскому дому[1]. Задетый Бассевич решил пока не возвращаться в Берлин к месту своего назначения, а ехать прямиком в Стокгольм, чтобы расстроить козни Герца и рассказать о петербургских переговорах от первого лица. Герц, делая вид, будто полностью одобряет это намерение, тайно приказал гольштинским офицерам в Померании арестовать Бассевича по обвинению в предательстве, когда он будет следовать в Швецию. Своему шпиону Кристу Герц поручил выкрасть у посланника изобличавшие его документы.

Проявив мужество и хладнокровие, Бассевич силой вернул украденные бумаги и пожаловался Христиану-Августу, который, однако, встал на сторону первого министра. И тут вмешался прусский король, которому осточертел Герц, перешедший все пределы. Взяв Бассевича под свое покровительство, Фридрих-Вильгельм дал дипломату рекомендательное письмо (своего рода охранную грамоту), с которым он явился в Стокгольм. Его объяснения шведский сенат принял благосклонно, в результате чего гольштинский посол Дернат, обвинявший Бассевича по наущению Герца, был объявлен персоной нон грата. Та же самая участь постигла самого Герца, которому отказали от прусского двора.

Осенью 1714 года произошло событие, существенно повлиявшее как на общую обстановку в Северной Европе, так и на поведение отдельных правителей и дипломатов. Оно искушало соблазнами одних, пугало других, ставило перед мучительным выбором третьих. В ноябре в Штральзунд внезапно прибыл Карл XII. Слухи о его возвращении ходили давно. Но слухи это одно, а появление на военном театре шведского короля после более чем пятилетнего отсутствия — совсем другое. В Штральзунд на поклон к полководцу наперегонки устремились Христиан-Август с Герцем, с одной стороны, и Бассевич — с другой. Незадолго до этого Бассевич, который вел свою игру, послал Карлу XII мемориал, где он излагал все подлости Герца и обещал устроить прусско-шведский союз посредством уступки Штеттина. В Штральзунд Бассевич опоздал. Там уже находился Христиан-Август, торжественно представивший королю своего знаменитого министра.

Герц безошибочно угадал настроение Карла, который, как писал С.М. Соловьев, *«возвратился с неодолимым желанием поднять свое падшее значение, а средств для этого при совершенном истощении Швеции не было: у Герца достало смелости и таланта*

[1] Напомним, что Герц намеренно уклонился от составления письменных предложений к Петру, вынудив Бассевича сделать это на свой страх и риск, тем самым оставляя его на произвол судьбы.

представить ему, что средства есть, что можно повернуть политические отношения Европы в благоприятную для Швеции сторону, и Карл предался чародею». Герц, как сообщает Бассевич, *«развернул перед глазами шведского монарха целую перспективу интриг»* во имя осуществления *«обширных замыслов»*, которые всегда были Карлу по душе.

Впрочем, преуспел Герц не во всем. Его домогательство ареста Бассевича было отклонено по причине нежелания короля помогать своему новому фавориту в сведении личных счетов.

Циничный прагматизм Герца король собирался направить на другие, более важные цели. В частности, на приведение в порядок расстроенной шведской экономики и финансовой системы. Но прежде всего на подрыв союзной коалиции и подготовку военно-политических и военно-стратегических условий для взятия убедительного реванша за Полтаву.

Однако первые же внешнеполитические шаги Карла, сделанные не без участия или подсказок Герца, способствовали не разрушению Северного союза, а пополнению его новыми членами.

Наконец-то: русско-прусский союз

Путь к обновлению Северного союза оставался тернистым. В начале 1714 года послу в Гааге Б.И. Куракину в строжайшей тайне сообщили, что Фридрих-Вильгельм готов пойти, при англо-французском посредничестве, на соглашение с Карлом XII, в силу которого Пруссия обязывалась предоставить королю 40-тысячную армию, чтобы он смог отвоевать у России и Дании все свои владения, а также отобрать у Копенгагена Норвегию. Взамен Швеция должна уступить Пруссии Штеттин с округом и согласиться на присоединение к ней Эльбинга и немецких земель западной Польши. Август II пойдет на такую жертву, если Карл XII признает его польским королем.

Ничего неправдоподобного в этом тайном сообщении нет, но оно вовсе не доказывает, что Фридрих-Вильгельм окончательно определился в своей внешнеполитической ориентации. У короля еще оставалась свобода выбора и он, в условиях полной неопределенности, хотел сохранить ее до наступления «момента истины», если такой образ вообще применим к тогдашней ситуации в Европе. А тут еще в Берлин, на обратном пути из Дании в Россию, заглянул Ягужинский, известивший прусское правительство о согласии Дании на возвращение Готторпскому дому сначала гольштинских владений и на переговоры о последующей передаче герцогу Карлу-Фридриху Шлезвига при условии, что Пруссия воздержится от военного вмешательства. Ничего для себя соблазнительного в этом сообщении Берлин не нашел. Прусский король пока не располагал достаточной военно-политической мощью, чтобы испытывать к шлезвиг-гольштейнскому вопросу практический интерес в большей степени, чем к штеттинско-померанскому. Но именно об этом ничего не сказали датчане и ничего не добавил от себя (то есть от царя) Ягужинский. В ответ прусские министры заявили, что предложение Копенгагена выгодно прежде всего епископу-регенту, с которым и нужно обсуждать его в первую очередь. Берлин же обещает свято соблюдать свой договор с Гольштинией, а это означало, что угроза для Дании со стороны Пруссии сохранялась. С этим козырем Фридрих-Вильгельм не собирался расставаться, пока им можно было играть.

Усердствовать в создании помех датско-гольштинскому соглашению прусский король не стал, оставив эту работу более заинтересованному в ней Герцу. И не ошибся. Матерый интриган, находясь в Берлине, тут же вмешался. Он убеждал всех в стремлении Копенгагена с помощью ложных посулов соблазнить Гольштинию и усыпить Пруссию, чтобы расстроить их союз. А достигнув цели, отказаться от своих обещаний. Напоминая Фридриху-Вильгельму, что договор с Гольштинией — его первый международный договор, Герц расписывал то величие, которое король приобретет в Европе, если, невзирая ни на что, свято будет следовать своим обязательствам. Русскому послу при прусском дворе графу А.Г. Головкину, убеждавшему гольштинского министра принять датские предложения, Герц отвечал, что возвращение всех владений Готторопского дома — единственный способ заставить Данию продолжать войну против шведов, поскольку чем меньше получит она в Германии, тем больше будет стараться вознаградить себя за счет Швеции.

Это был последний демарш Герца в должности гольштинского «премьера». Вскоре после встречи с Карлом XII он стал шведским государственным деятелем (сначала министром финансов, а затем главой правительства) и с тех пор служил интересам короля. Впрочем, и в этом служении тоже нашлось место его личным чувствам и интригам. Карл некоторое время раздумывал над прусским предложением военного союза в обмен на Штеттин. Это была не большая жертва в сравнении с тем, чем она могла бы окупиться: объединившись с сильной армией Фридриха-Вильгельма, Карл, не исключено, расколол бы и без того хрупкую коалицию, изменил бы весь ход и самой войны, и североевропейскую систему союзов. Но в размышления короля искусно вторгся Герц, затаивший злобу на Фридриха-Вильгельма, под влиянием которой он сделал все, чтобы разрушить свою же собственную идею о шведско-прусском альянсе. Теперь новоиспеченный шведский министр принялся внушать Карлу, что перед лицом открывающихся ему захватывающих военных перспектив дружбой Пруссии можно безболезненно пренебречь.

Король легко поддался увещеваниям искусителя, еще больше утвердившим его в нежелании уступать кому бы то ни было и что бы то ни было из шведских владений. Ответом на дипломатический зондаж Берлина явились неоднократно повторенные требования о возвращении Штеттина. Таким образом, неукротимый реваншистский порыв Карла, случайно соединившись со столь же необузданным мстительным чувством Герца, сделал неизбежным прусско-русский союз и похоронил шансы на военный успех шведов в Померании.

Тем не менее, несмотря на заметную роль этого обстоятельства, было бы ошибкой полагать, будто внутренняя логика русско-прусских отношений целиком подчинялась настроениям Карла и прихотям Герца. Эта логика определялась более фундаментальными причинами геополитического характера, связанными с такими тенденциями общеевропейского развития, которые, при всех колебаниях международной конъюнктуры, приобретут с годами относительно устойчивую историческую динамику и поневоле заставят Пруссию стать самым надежным и долгосрочным союзником России на континенте. Это партнерство было далеко не беспроблемным и временами полным противоречий, но в конце концов конструктивное начало побеждало в нем деструктивное.

Петр понимал значение этого государства и старался помочь ему усилиться до такого уровня, при котором оно сможет стать эффективным противовесом потенци-

альным врагам России в Европе. Но при этом для царя была ясна и необходимость сдерживать Пруссию, чтобы она сама не стала угрозой для России и нарушителем европейского равновесия. Такой диалектикой государь проникся в период Северной войны. Преемники Петра, с разной степенью приверженности к такому подходу, будут придерживаться его десятилетиями.

Внешних признаков все более дружественных отношений между Петром и Фридрихом-Вильгельмом было достаточно. Манией и гордостью короля являлась прусская армия, которую он превратил в одну из лучших, если не лучшую, в Европе по таким критериям, как дисциплина, стойкость, маневренность. Она была превосходно вооружена и научилась решать ограниченными силами крупные военные задачи. Армия была единственным, на что король, человек прижимистый, не жалел денег. Внешний вид солдат Фридрих-Вильгельм воспринимал как символ их боеспособности. Петр знал, что он неравнодушен к воинам высокого роста и крепкого сложения. В январе 1714 года царь послал королю подарок, приведший того в восторг: 80 солдат-великанов. Фридрих-Вильгельм ответил высокопарным благодарственным письмом, где он, кроме прочего, сообщал, что благодаря армейским реформам Пруссия теперь готова к заключению подлинного союза, для чего в Петербург отправлен посланник Шлиппенбах (февраль 1714 года).

От прежних экивоков в письме почти не осталось следа. *«Я...* — писал король, — *буду с нетерпением ждать дальнейшей резолюции Вашего Царского Величества, чтоб об этом с Вами, чем скорее, тем лучше придти к какому-нибудь верному заключению»*.

Чтобы обезопасить себя от прусских сюрпризов, Петр предпочитал как можно дольше держать при себе главный козырь — свое согласие на секвестрацию Штеттина и окрестностей. Соответствующий письменный документ был отправлен русскому послу в Берлине А.Г. Головкину загодя, впрок. Однако вручить его Фридриху-Вильгельму разрешалось лишь в том случае, когда король даст полную гарантию, что *«ничего предосудительного интересам царского величества и высоким его союзникам чинить не будет, а особливо в голштинском деле против датского короля»*. Хотя в марте 1714 года Фридрих-Вильгельм дал такую гарантию *«за королевскою рукою»*, русская дипломатия продолжала относиться к нему с недоверием, одним из поводов для которой была мобилизация 50-тысячной прусской армии. Если верно предположение Куракина, увидевшего в этом угрожающий жест в адрес Дании, то тогда он был также и средством давления на Россию с целью получить от нее отступные за отказ от нападения на датчан. Понятно, что отступные — это прежде всего Штеттин.

Возможно, лед недоверия к Фридриху-Вильгельму был окончательно растоплен донесением А.Г. Головкина о провалившейся миссии французских эмиссаров барона Шпара (генерала, шведа по национальности) и графа Ротембурга, приехавших в Берлин уговаривать короля заключить союз со Швецией против России, обещавших Штеттин и любые субсидии, сколько бы пруссаки ни попросили. *«Те господа*, — сообщал русский посол, — *отправлены отсель ни с чем»*.

После трехмесячных переговоров 1(12) июня в Петербурге был подписан союзный трактат. Царь обязался не заключать со шведами мира, пока шведы не уступят прусскому королю в вечное и наследственное владение город Штеттин с округом, включая реку Пену и все находящиеся на обоих берегах территории — город Волгаст и два острова — Волин и Узедом.

Пруссия же признавала право России на приобретение Ингрии, Карелии, Выборга, Нарвы, а также Эстляндии с Ревелем и с другими землями, входившими в состав этой шведской провинции.

Обе стороны гарантировали друг другу неприкосновенность новых границ в том числе военными средствами. При этом в текст трактата была включена оговорка: Пруссия предоставляет военную помощь лишь в ситуации явной агрессии против России. Берлин, таким образом, страховался на случай, если русские вознамерятся расширить свои владения. Петербург тоже предвидел усиление территориальных аппетитов Пруссии и поэтому ограничился лишь обещанием *«добрых услуг»*, если она пойдет по пути приращения своих земель. Петр ратифицировал трактат 16 сентября 1714 года.

Самое примечательное в договоре — отсутствие упоминания о Лифляндии. Предполагаем, что это и есть одна из тех уступок в пользу Швеции, которую пруссакам удалось выторговать в ходе согласования окончательного текста документа с целью сделать Стокгольм более сговорчивым в вопросе о померанских уступках Берлину.

Хотя договор безусловно являлся важным событиям, историки все же несколько преувеличивают и его значение, и чистосердечие Фридриха-Вильгельма. Источники свидетельствуют, что прежде, чем прусский король твердо решился сделать основную ставку на Петра и даже после этого, он всячески старался добыть Штеттин, не обязываясь перед Россией. Фридрих-Вильгельм знал, что на его сделку с Меншиковым Петр смотрел косо. Поэтому он в тайне от царя неоднократно обращался к Англии и Франции с настойчивыми просьбами поддержать его притязания на Штеттин. Те много обещали, но ничего не делали. Георг-Людвиг, пока еще (до августа 1714 г.) ганноверский курфюрст, предложил Фридриху-Вильгельму другой план. Его суть: поскольку главная движущая сила Северной войны, его царское величество, намерен отнять у Швеции ее германские владения, этим нужно воспользоваться и разделить их между заинтересованными сторонами, и если Пруссия хочет в этом участвовать, ей следует отбросить колебания, присоединиться к союзникам и склонить Венский двор к согласию на вытеснение шведов с имперских территорий. Схема раздела: прусскому королю — Штеттин с округом, курфюрсту ганноверскому — Бремен и Верден, королю датскому — Штральзунд, Рюген, часть Померании, Шлезвиг, потеря которого будет возмещена герцогу гольштинскому землями, приносящими до 100 тыс. годового дохода. Во исполнение этого плана прусские и датские войска берут Штральзунд, а ганноверцы Висмар, разрушают его укрепления, а сам город отдают герцогу мекленбургскому. Иными словами, Фридрих-Вильгельм принимает участие в обсуждении проекта передела европейских границ, где об интересах России нет ни слова.

План ганноверского курфюрста был лишь черновым наброском, имевшим целью придать некую упорядоченность хаотичной дипломатической ситуации в Северной Европе. Вопрос о согласовании действий становился особенно актуальным накануне возвращения Карла XII, который может попытаться разрушить коалицию, не только применяя военную силу, но и играя на острых внутрикоалиционных противоречиях, предоставлявших в его распоряжение такое мощное средство, как предложение сепаратного мира наиболее сильному из своих противников, то есть России. Эти опасения становились все более важным фактором сплочения, хотя и они не смогли до конца преодолеть взаимное недоверие и отбить у каждого из союзников охоту искать двусто-

роннего примирения со шведами за счет других, прежде всего России. Ведь успешное наступление в Финляндии позволяло ей принудить Стокгольм к миру раньше, чем союзникам удастся договориться между собой. И это чревато тем, что они вообще останутся без добычи. Петр имел на это полное моральное право, учитывая закулисные маневры своих «боевых соратников», столько раз его предававших и продававших.

Петр одобрил ганноверский план в надежде, что, быть может, он сдвинет дело с мертвой точки, заставит участников Северного союза отбросить внутренние склоки, отказаться (по словам Куракина) от дележа шкуры непойманного медведя и начать настоящую войну. Ему совсем не хотелось отвлекаться от финского фронта и вновь посылать свои войска в Германию для решения чужих проблем, которыми он до этого большей частью и занимался.

В первой половине 1714 года к чувству тревожного ожидания Карла XII, испытываемого союзниками, примешивалось более обнадеживающее обстоятельство. Называя его так, стоит попросить прощения перед памятью английской королевы Анны, здоровье которой настолько пошатнулось, что ее уход в мир иной был лишь вопросом времени, причем ближайшего. Все ждали восшествия на престол законного наследника короны ганноверского курфюрста, и тогда Георг-Людвиг, уже в качестве британского короля, обретал совсем другой вес и другое значение. Но пока этого не случилось, ганноверский план оставался таким же миражом, как и предшествующие проекты. Его держали в уме и ждали дальнейшего развития ситуации.

Было, впрочем, государство, горевшее желанием все это поломать. В июле 1714 года князь Б.И. Куракин получил от своего коллеги французского посла в Голландии маркиза Пьера-Антуана де Шатонефа неожиданное предложение. Он сообщил, что Карл XII отказался от бескомпромиссной позиции и попросил Людовика XIV быть посредником в мирных переговорах между Швецией и Россией. Для шведского короля главное — договориться с царем, от которого исход войны зависит гораздо больше, чем от других. С другими же он разберется легко.

Петр, через Куракина, ответил, что никогда не отказывался от *«доброго и прибыточного мира с короной шведской»*, но он должен быть заключен с участием Дании и Польши. Царь не видит веской причины идти на сепаратное соглашение. Однако если у Парижа есть сведения о том, что именно такого мира ищут союзники, то ими нужно поделиться, и тогда русский двор, изучив их, объявит о своем решении. Петр откровенно признался в наличии еще одного важного препятствия к принятию этого предложения — его недоверие к Франции, представители которой в Стамбуле, Вене и Берлине постоянно действуют в пользу Швеции.

Шатонеф обещал передать это в Париж и заверил Куракина, уж неизвестно почему предполагая в нем такое безграничное простодушие, что французские дипломаты при иностранных дворах *«поступали без указа»*.

Безбожное вранье Парижского кабинета преследовало конкретную цель. Ослабленная после Испанской войны Франция опасалась изоляции и остро нуждалась в сильном союзнике. Им в принципе могла бы стать и Россия, если бы ее интересы не сталкивались с французскими в Польше и Турции. Наиболее подходящим стратегическим партнером в Европе по-прежнему была Швеция. Беда только в том, что она находилась под реальной угрозой крушения. А слабый союзник — лишь обуза. Понятно, почему Франция старалась спасти шведскую империю от развала. Отсюда стремление Людови-

ка XIV склонить Петра к сотрудничеству в этом вопросе. Французы справедливо исходили из предположения, что царю тоже не выгоден полный крах Швеции и появление на Балтике другого гегемона. Но такое предположение не избавляло Францию от страха обрести в роли этого гегемона Россию. Естественно, Париж хотел предотвратить подобную перспективу, навязав Петербургу свое посредничество, в результате которого русские приобретения на Балтике будут максимально ограничены.

Как бы там ни было, до конкретной переговорной повестки дело не дошло. Вернувшийся в ноябре 1714 года Карл XII ничего и слышать не хотел о мире.

Ганноверский проект

В первой половине 1714 года в Европе было много центров интриг против России. Одним из самых активных была Гаага. Не потому, что Генеральные Штаты занимали какую-то особо злоумышленную позицию. По другой причине: в голландской столице в это время резидентствовал уже нам известный британский дипломат Томас Страффорд, слывший ярым сторонником жестких мер в отношении России. Нити многих проектов подрыва ее влияния сходились к нему. Как писал В.Л. Долгорукий, Страффорд *«небо и землю движет противу нас»*. Разумеется, это не была его личная политика. Просто он идеально подходил на роль проводника официального, все более радикалистского курса Лондона, вину за провал которого в случае такового можно было свалить на чрезмерно азартного дипломата.

Страффорд настойчиво пропагандировал идею об отправке англо-голландской (или английской) эскадры в Балтийское море. Но если поначалу он говорил о необходимости защиты международной торговли, то в мае 1714 года он ставил вопрос о силовом принуждении России к миру. Страффорд считал, что позволить России одержать полную победу нельзя ни в коем случае, как бы воинственно ни вел себя Карл XII. Для начала, по его мнению, следовало *«учинить концерт»* между Англией, Францией, Голландией и заставить Северный союз, а по сути царя, пойти на перемирие, в течение которого будут разработаны условия окончательного мирного договора.

Штаты, обманутые Лондоном при распределении испанского наследства, не видели для себя никакой выгоды от вступления в альянс с плутоватой Англией и вчера еще вражеской Францией. Не решаясь возражать напрямую, они предложили по соображениям дипломатической корректности привлечь к этому делу цесаря, как заинтересованную сторону, тем более что созванный им Брауншвейгский конгресс уже начал свою работу. Голландцы шли на такой демарш тем смелее, что были уверены в его безрезультатности. Прикинувшись простодушными адептами международных приличий, они, пусть и временно, высвободились из английских тисков.

Куракин объяснял голландцам и представителям европейских держав в Гааге то, что они знали и без него: перемирие — уловка, придуманная для того, чтобы дать Швеции восстановиться, продолжить войну с новой силой и надолго снять вопрос о мире. Фактически солидаризируясь с Англией, дипломаты заявили о своем беспокойстве относительно военных целей царя.

В августе 1714 года умерла британская королева Анна и на престол взошел ганноверский курфюрст под именем Георга I. Теперь он, в новом статусе, имел больше возможностей влиять на осуществление своего плана раздела шведских владений.

Это требовало от петровской дипломатии большей активности в Англии. Однако выполнение задачи сильно затруднялось из-за разногласий между находившимися на службе у царя дипломатами русского и немецкого происхождения. Последние не столько отстаивали интересы России, сколько преследовали свои личные цели, сопоставляя выгоды служения тому или иному европейскому монарху и готовые предложить себя любому из них. Царским резидентом в Лондоне был в то время барон Бертрам фон Шак (бывший датский камергер, принятый Петром на службу в 1713 г.). Как и его предшественник Альбрехт фон дер Лит (другой нанятый царем иностранец), Шак мало заботился о благе России. Но это обстоятельство смягчалось тем, что ничего чрезвычайно важного в круг его обязанностей не входило. Поскольку при королеве Анне ставить вопрос о вовлечении Англии в войну против Швеции было бесполезно, функции Шака ограничивались сбором информации, в том числе о степени добросовестности Лондона в соблюдении нейтралитета.

С приходом Георга I положение, казалось, изменилось, и «русский» резидент резко активизировал свою деятельность, но совсем не в том направлении, которое соответствовало его статусу. Впрочем, Шак не скрывал, что хочет покинуть царскую службу, и, по-видимому, подыскивая себе нового государя, решил предложить к услугам потенциального нанимателя свои «макиавеллистские» способности, которыми он, хотя типологически и походил на Герца, значительно уступал гольштинскому каверзнику. Имея первым на примете Георга I, Шак совершенно отказался от своих официальных обязанностей и начал плести интриги в пользу британского короля. Он вступил в тайную переписку с датским министром Детловом Вибе (в русскоязычных источниках чаще — Выбей), чтобы склонить его к уступке Бремена ради расширения ганноверских владений Георга I.

В связи со сменой власти в Лондоне Петр отправил туда Б.И. Куракина для обсуждения ганноверского проекта. Посол быстро разобрался в намерениях Шака, который их, правда, особенно и не прятал. Еще не уволившись с царской службы, он почти открыто начал действовать так, будто являлся дипломатическим представителем Георга I. Вопреки запрету старшего по чину Куракина, не имея никаких полномочий, Шак отправился в Данию вести переговоры о разделе шведских земель в Германии. Это было вопиющее нарушение профессиональной дисциплины, о чем Куракин доложил в Петербург, фактически ставя вопрос так: в каком качестве Шак отправился в Копенгаген, если там находился русский полномочный посол князь В.Л. Долгорукий, который пользовался большим уважением при датском дворе и не нуждался ни в каких помощниках, тем более в таких, как Шак. Куракин просил убрать Шака из Лондона, как иностранца, имеющего *«собственные свои интересы»*. Но по каким-то причинам Петр этого не сделал. Интриган спокойно вернулся из Копенгагена в Англию, где оставался в прежней должности до середины 1716 года.

Почему царь терпимо отнесся к такой самодеятельности — вопрос любопытный. Ссылка на критическую нехватку русских дипломатических кадров применительно к 1714–1715 годам выглядит не слишком убедительно. Со времени Великого посольства прошло достаточно времени, чтобы их воспитать, тем более учитывая лозунг Петра «все на учебу за границу», о неподчинении которому никто не смел и помыслить. Маловероятно, что деятельность Шака государь «просто» выпустил из своего поля зрения. При его-то особенном внимании к планам крупных европейских держав

в той ситуации? Остается допустить, что Петр рассуждал так: если уж Шак начал переговоры с англичанами по ганноверскому проекту (а это ему не запрещалось), то пусть он их и продолжает, в Лондоне ли, в Копенгагене, все равно, лишь бы приблизить перспективу столь необходимого России мира. Это было главное направление внешнеполитического курса Петра, совершенно не предполагавшее какие-то усилия в решении совершенно побочного для России вопроса — кому достанется или не достанется Бремен и Верден. Как метко заметил Куракин, *«чужое нам делить легко»*.

Между тем с приходом к власти Георга I русско-британские отношения концептуально почти не изменились. А в чем-то, как покажут ближайшие годы, даже ухудшились. Символом такого неблагоприятного сдвига стал приезд в Петербург осенью 1714 года нового британского посла Джорджа Макензи. Он получил инструкцию еще от королевы Анны, находившейся при смерти. *«В виду того,* — говорилось в документе, — *что королевство шведское, которое некогда служило крепким оплотом протестантских интересов, в настоящее время доведено до крайности, есть основание опасаться, как бы одна кампания не подчинила его совершенно власти Царя и короля датского; мы не можем спокойно видеть окончательного разорения и уничтожения нации, с которою долгое время находились в столь близком союзе, и в охранении которого наш народ так глубоко заинтересован»*.

Все бы ничего, если бы поведение Макензи ограничилось беседами с русскими в соответствии с содержанием этой инструкции. Но посол так грубо преступил границы протокольных приличий, что его пребывание в России можно считать скандальным. Дело в том, что на руках у Макензи было две грамоты — аккредитивная от еще живой Анны и отзывная от Георга I. Посол настаивал, чтобы Петр принял со всеми церемониальными подробностями сначала первый документ, а затем (миссия англичанина длилась всего несколько месяцев) второй. Государь наотрез отказался принимать официальную бумагу от покойницы. Тогда Макензи пошел на открытый подлог. Дождавшись прощальной аудиенции (март 1715 г.), он, используя почти приемы иллюзиониста, вручил Петру, под видом отзывной грамоты Георга I, оба документа. Макензи был в восторге от своей проделки. Царь же, обнаружив подлог, вышел из себя от негодования и спросил у посла, зачем он это сделал. Тот ответил, что действовал в соответствии с английской конституцией. Тогда Петр, в традициях мрачного юмора, заявил о своем намерении послать Анне приветственную грамоту от своей покойной матушки. Макензи покинул Россию без всяких почестей.

Этот инцидент еще раз показал, что стрелка барометра русско-английских отношений прочно стояла на отметке «непогода».

Придя к власти, Георг I не изменил принципиальных целей Англии в Европе. Он лишь придал им больше гибкости в одних случаях и двусмысленности в других. Усилившуюся вовлеченность в континентальные дела в целом и в германские в частности историки назвали «ганноверизацией» британской внешней политики. Теперь она становится одновременно и более решительной, и более нюансированной, ибо бывший курфюрст получил возможность поставить на службу своим кровным, «вотчинным» интересам всю мощь британского военного флота и всю изощренность британской дипломатии.

В то же время король был достаточно прямолинеен с Петром в своем стремлении избавить его от всяких иллюзий относительно своих представлений о послевоенном

мире. Царским дипломатам фон дер Литу и барону Шаку Георг I заявил, что *«Англия никогда не захочет видеть в разорении и бессилии корону шведскую и что Ливонию нельзя отнять у Швеции»*. Английские интересы, добавил он, распространяются на Бремен, Померанию и вообще на южную часть балтийского побережья.

* * *

Между тем до развязки узла внутрикоалиционных противоречий было еще далеко. Дипломатия пока оставалась бессильной. Ганноверский план натолкнулся на упорное сопротивление Дании. Она хотела, чтобы гольштинский герцог был вознагражден не за ее счет, а за счет Ганновера, что последнего, естественно, не устраивало. Серьезная проблема заключалась еще и в том, что до заключения генерального мира со Швецией договоренности о распределении территорий между союзниками не имели международно-правовой силы. Поэтому речь могла идти не о полноценном присоединении Бремена и Вердена к ганноверским владениям Георга I, а лишь о некоей форме секвестра (как в случае со Штеттином). Однако тут таился подвох. Для любого государства, заполучившего что-либо в секвестр, было мучительно трудно расстаться с этим приобретением. В данной ситуации все осложнялось тем, что Бремен и Верден находились в руках Дании в качестве завоеванных территорий. Передача их в «залоговое» владение Георгу I, уже не просто курфюрсту, а могущественному британскому королю, грозило Копенгагену полной утратой своей «законной» добычи. Датчане опасались, что Георг I, выманив у них Бремен и Верден, найдет способ договориться со Стокгольмом об уступке этих городов, которую нельзя будет оспорить, поскольку она уже станет международным актом.

В 1714 году хаотическую картину международных отношений в Европе дополнял еще один элемент — *«сильнейшее несогласие»* между датским и саксонским правительствами, не скупившимися на взаимные обвинения в нарушении союзнического долга.

Король—шляхта—сейм: порочный треугольник

Неопределенность европейской ситуации может показаться в каких-то своих компонентах предсказуемой по сравнению с тем сумбуром, который царил во внутренней и внешней политике Речи Посполитой. Петра это крайне тревожило, поскольку дело касалось соседнего государства. В международных вопросах Варшава раздваивалась между интересами Августа II, с одной стороны, и сейма — с другой. Короля волновало прежде всего будущее его родной Саксонии и сохранение польской короны. Республиканско-шляхетская власть хотела расширить свои политические полномочия и экономические привилегии, в том числе за счет Лифляндии и Малороссии. Она категорически требовала от России возвращения ей Прибалтики, завоеванной русским оружием, и невмешательства в гетманские дела. Поскольку прочность позиций Августа II зависела от его готовности разделить эти цели, королю зачастую приходилось, по крайней мере внешне, быть б*о*льшим поляком, чем сами поляки, и идти против интересов Петра дальше, чем ему бы хотелось.

В начале 1714 года вновь усилились старые слухи о желании Августа заключить с Карлом XII сепаратное соглашение при посредничестве Франции. Их почти под-

твердил (вероятно, с санкции сейма) советник польского посольства в Петербурге барон Иоганн Адольф фон Лоос, заявивший, что Август действительно намеревается вступить в союз с Людовиком XIV, и послал к нему своего министра. Домысливать подробности о целях этой миссии поляк предоставил подозрительному воображению русских, которые в данном случае имели все основания усомниться в лояльности к Петру его «закадычного друга» Августа. Поспеть за антирусскими коалиционными фантазиями короля было трудно даже прыткому уму. Одна из них рассыпалась, даже не успев оформиться. Речь идет о провале попыток создания польско-шведско-крымско-турецкого союза из-за того, что Карла XII мутило от самой мысли об объединении с Августом, которого он безмерно презирал.

Канцлер Г.И. Головкин писал царскому резиденту в Польше А.И. Дашкову: *«Разведывай конкретно, чрез кого можешь, о королевских поступках и намерениях, которые могут повредить Северному союзу, а что уведаешь или сам предусмотришь, о том давай сюда знать обстоятельно»*.

Не отвергая обычные методы сбора информации, Петр все же предпочел объясниться с Августом напрямую. *«Не можем мы вашему величеству дружебно-братски не объявить*, — писал царь, — *что нам сия негоциация с Францией видится не вовремя предпринятая, и не иначе нам как зело подозрительна быть может. Хотя бы сия негоциация имела целью только удержание Порты от разрыва*[1], *как ваш советник посольства здесь обнадеживал, однако мы не знаем, как можно было надеяться на французские обещания, имея в памяти прежние поступки французского двора, как сильно он всегда у Порты интересовался за шведа и искал его восстановления. Вашему величеству самому известно, какое тесное обязательство всегда между Францией и Швецией было, какой великий интерес Франция имеет в том, чтоб Швеция была сохранена. Вам также известно, какую непримиримую злобу король шведский всегда и теперь еще питает к вашей высокой особе; и хотя бы Франция убедила его эту злобу на некоторое время отложить, однако это будет сделано только для выигрывания времени, чтоб потом снова еще с большей силой обнаружить ее против вас. Кроме того, извольте рассудить: вы, с нашего согласия, приказали объявить, что мы готовы принять посредничество императора и обеих морских держав для заключения мира с Швецией; какое же великое подозрение эта негоциация ваша с Францией возбудит у цесаря и всего Римского государства? И не будет ли цесарь побужден ею поспешить миром с Францией, который даст ему возможность вмешиваться в северные дела к предосуждению вашего величества, не упоминая о многих других вредных последствиях французского союза. По нашему мнению, французский король имеет единственной целью усыпить ваше величество и мнимыми обещаниями отлучить от союза* (Северного. — *В. Д.*); *и хотя мы не думаем, чтоб вы допустили отлучить себя от союза, однако не можем не представить вам, какое попечение имели мы до сего времени о вашем интересе и удержании вас на польском престоле, как верно во всех наших предприятиях с вами поступали и еще недавно всякое вспоможение против Порты обещали; и потому мы никогда не могли ожидать, чтоб ваше величество вступили в союз с Францией без нашего согласия и ведома»*[2].

[1] Речь шла о сохранявшейся до заключения Адрианопольского договора в июне 1713 года опасности русско-турецкой и турецко-польской войны.

[2] Некоторые лексические архаизмы в этой цитате мы привели в соответствие с современными нормами русского языка.

Столь пространную цитату мы позволили себе потому, что в пересказе проницательные мысли Петра утратили бы свои нюансы и колорит. В таких случаях, как этот, историку лучше предоставлять слово оригинальному источнику, чем передавать его в собственном изложении, в котором все равно останется примесь интерпретации, пусть и подсознательной.

Августа II письмо, раскрывавшее подноготную его, мягко говоря, неблаговидных дипломатических маневров, озадачило. За помощью он обратился к своему советнику и фавориту Якобу Флемингу, который получил указание как можно убедительнее оправдаться перед Петром через русского посла А.И. Дашкова. Ему стали с жаром доказывать, что у Августа и в мыслях нет вести партикулярные переговоры со Швецией, он не видит в них ни нужды, ни прибыли. Сведения, полученные в Петербурге, совершенно не заслуживают такой реакции царя. История якобы простая: Франция действительно предложила посредничество, прямо отклонить которое было бы рискованно, поскольку Турция, находящаяся под ее влиянием, могла начать войну не только против России, но и против Польши. Чтобы сдержать Порту и не озлобить французов, Август послал в Париж своего министра с наказом тянуть время, пока опасность войны не будет устранена. Флемминг просил Дашкова заверить Петра, что он клятвенно обещает царю свою верность и никогда не станет позорить себя *«на весь свет»* чем-то неблаговидным в отношении государя. Саксонец дошел до того, что признал сепаратный выход Августа из войны в начале 1700-х годов *«нехорошим»* поступком, оправдывая его отчаянным положением короля. Теперь же никакой причины для сомнений у Петра быть не должно.

Если бы это написал сам Август, то царь, возможно, имел бы меньше поводов для сохранения своих подозрений. Однако за короля извинялся Флемминг, что само по себе было очень странно, учитывая, что Петр ждал ответа не от королевского приближенного. Это только усилило недоверие царя. Слишком уж явным становилось желание Августа уйти от собственного официального заявления о безосновательности русских сомнений. Чтобы услышать его не от Флемминга, а от короля, Петр срочно отправил в Дрезден камергера Семена Нарышкина, прибывшего туда в марте 1714 года с царским письмом, в котором государь просил, *«дабы подлинно ваше величество нам объявить изволил, истинно ли сие* (слухи о сепаратном мире. — *В. Д.*) *или неправое разглагольствование»*. За обедом Август *тихо* сказал посланнику: *«Клянусь, что всегда буду в союзе с царским величеством верно и партикулярного мира с шведами отнюдь не заключу»*. Та же клятва звучала в ответной королевской грамоте к Петру. Столь же пылко заверял Август Нарышкина в том, что у него нет и впредь не будет желания вступать в какое-либо соглашение с Францией. Доказательства заведомости этого вранья не заставят себя ждать.

В разговоре с царским дипломатом король позволил себе колкость по поводу подозрений Петра, спросив у посланника — а не от тех ли (намек на датчан) царь получил компрометирующие короля сведения, кто больше склоняется к сепаратному миру, *«чем я»*. Было ли это *«чем я»* нечаянной обмолвкой или нет, но она делала остроту с формально-лексической точки зрения двусмысленной, ибо означала, что Август все же не исключал такой перспективы. Лучше бы он не острил так неудачно, хотя и без этого у Петра оставались сильные сомнения.

Атмосфера недоверия сохранялась в русско-польских отношениях из-за того, что Август тоже боялся сепаратного договора царя со Стокгольмом. В Варшаве

А.И. Дашкова терзали вопросом, верны ли сведения о *«трактовании»* русских со шведами. Другим поводом для недовольства короля стал приезд в Петербург (еще в 1709 г.) делегации литовских шляхтичей во главе с коронным гетманом Григорием Огинским с просьбой о помощи против польских магнатов. Хотя Петр не принял их, чтобы не поощрять сепаратизм и не обострять отношения с Речью Посполитой, сам факт визита литовской знати продолжал крайне беспокоить Варшаву, которую объяснения Дашкова не впечатлили. Более того, посланнику стали угрожать перспективой вмешательства Англии, Голландии и Пруссии с целью принудить царя к немедленной уступке Лифляндии с Ригой, если он намеревается отказаться от соответствующего своего обещания. Дашков ответил, что пугать Россию бессмысленно: если Петр решит отдать эту территорию, то вовсе не из страха, а из уважения к интересам Августа.

Польская внутриполитическая неразбериха представляла собой огромный вызов для внешних сил, которые рады бы были играть на ней, если бы знали, как это делать в условиях подвижной и непредсказуемой конъюнктуры, обуславливавшей столь же быстрые и неожиданные перемены в поведении элит и их наиболее значимых представителей, включая Августа II. В польской сумятице, быть может, лучше других союзников разбирался Петр в силу лучшего понимания исторических особенностей развития Речи Посполитой, в том числе в контексте ее отношений к России. Но и царю было совсем непросто приспосабливаться к перманентным польским передрягам или приспосабливать их к своим задачам.

Одним из важных факторов политической нестабильности в Речи Посполитой являлось наличие двух конкурирующих, если не враждующих центров принятия государственных решений — Дрезден и Варшава. Август II подчас пытался обратить это себе на пользу. Когда в отношениях с Россией нужно было спрятать плотоядную суть своих устремлений, чтобы не вызывать недовольство Петра, он предоставлял сейму возможность говорить с царем языком требований. Это позволяло Августу в случае необходимости отмежеваться от республиканской власти и даже возмущаться ее непристойным поведением. А торжественные заверения в любви и верности царю он оставлял на свою долю.

Преимуществом для Петра оборачивалось то обстоятельство, что аппетиты короля и сейма возбуждало одно и то же блюдо — Лифляндия с Ригой. Август хотел заполучить ее в собственное, наследственное владение (независимо от того, будет он королем или нет), а правящая шляхетская верхушка намеревалась вернуть ее в состав Речи Посполитой. Но эти две силы объединяла настойчивость, с которой они требовали Лифляндию у царя. Август в тайне от сейма добивался, чтобы Петр для начала разрешил саксонским войскам занять Ригу. А.И. Дашков предложил разыграть интригу вокруг этого вопроса и подговорить сейм обратиться к царю с просьбой впустить в город польский гарнизон. Поскольку Август этого не потерпит, начнутся прекословия, которые могут продолжаться неопределенно долго, и у Петербурга будет возможность, не торопясь, подумать над решением этой проблемы в зависимости от дальнейшего хода войны.

Между тем лифляндский вопрос отошел на второй план перед лицом острого кризиса в отношениях между королем и шляхтой. Последняя требовала немедленного вывода из Польши ненавистной полякам саксонской армии, которую, кроме того, нечем было кормить в условиях недорода в стране. Шляхтичи собрали вооруженные

отряды для нападения на чужеземцев, но не решились, увидев перед собой хорошо организованную силу. Август брал с польских хозяйств солидную дань на содержание своего войска, что являлось для шляхты не только убытком, но и моральным ударом по ее фанаберии. В ее среде начали поговаривать о том, что лучше уж отдаться под русскую власть, чем оставаться под немецкой.

Хаос в Польше был Петру так же невыгоден, как и полное согласие Августа и Республики, особенно в том, что касалось противодействия планам России. Но возникало все больше подозрений, что король искал примирения со своими оппонентами именно с такой целью. Прежних своих врагов — киевского воеводу Иосифа Потоцкого и бобруйского старосту Ян-Казимира Сапегу — Августу удалось привлечь на свою сторону с помощью красноречивых сигналов с антирусским подтекстом. Откликаясь на них, Сапега советовал начать войну против России, объединившись с Турцией. Игнорировать эту информацию было бы опрометчиво, тем более в свете тайных переговоров между Августом и Флеммингом, с одной стороны, и крымским посланником — с другой. По заверениям последнего, Порта готова вновь объявить России войну (то есть нарушить Адрианопольский договор 1713 г.). Король ответил, что у него есть люди, способные своим авторитетом поднять польские и литовские войска на такое дело. Потоцкий и Сапега послали в Стамбул план военных действий.

Действительно ли Август настолько потерял чувство реальности, что вынашивал довольно экзотическую идею войны в союзе с турками? На первый взгляд она кажется безумной. Однако если король был в отчаянии от предкатастрофической внутренней ситуации в Польше, то почему ему не могла бы прийти в голову мысль консолидировать элиты и преодолеть кризис, сконцентрировав всю энергию массового недовольства против России? Нравственный момент в мотивах поведения Августа вообще не стоит рассматривать. Предавать союзника ему было привычно. Ничего противоестественного тут мы не найдем. В международной политике еще не такое бывало.

Но политическая и особенно экономическая обстановка в Польше была настолько тяжелой, что призыв к войне с Россией, которая неизвестно чем закончится, мало кого вдохновлял. Кроме того, выводить на поле боя голодное войско — значит обрекать его на поражение. Именно этими причинами объяснял А.И. Дашков невозможность войны. Однако сам факт возникновения подобной идеи заставил Петра держать его в памяти до конца своих дней. Впрочем, наблюдая за событиями в соседнем государстве, царь не бездействовал. Он сделал ход, который помог отбить у короля охоту заигрывать с Портой и пугать этим Петербург. Государь настойчиво посоветовал вывести из Польши саксонские войска во избежание ее крайнего разорения. И позаботился о том, чтобы об этом узнала влиятельная шляхта. Реакцию ее передал А.И. Дашков. Польские магнаты признались ему в своем заблуждении: они-то думали, что саксонцы остаются на шее у поляков по воле царя, и поэтому не смели поднимать против них оружие. Теперь-то, как было сказано посланнику, *«мы их выгоним»*.

Этим демаршем Петр понизил градус ненависти к России среди высших чинов Речи Посполитой, но заставил Августа нервничать не на шутку. Король принялся объяснять Дашкову, что саксонцы нужны для перехвата на польской территории Карла XII, который вот-вот покинет Турцию, если уже не покинул. Посланник в ответ ссылался на стремление царя защищать общие интересы союзников, ибо если поляки взбунтуются, то они готовы будут пристать не только к шведам, но и к самому дьяволу.

Август имел свои аргументы, для изложения которых царю в Петербург в декабре 1714 года был срочно послан королевский тайный советник Фитцтум фон Экштедт. Он заявил, что не присутствие, а как раз-таки вывод саксонских войск грозит Польше сильным возмущением. Произведут его приверженцы Швеции в пылкой и небезосновательной надежде на поддержку Карла XII, и усмирить их будет невозможно. Притом, поскольку Саксония не сможет прокормить выведенные войска, половину из них придется распустить, *«что не будет полезно царскому величеству»*. В подтексте этого предупреждения содержался вопрос: кому тогда воевать против вернувшегося шведского короля в Германии, если главные русские силы заняты в Финляндии?

Фитцтум решительно поднял больную для Августа тему Лифляндии, требуя скорейшей передачи ее в наследное владение ему, в качестве курфюрста саксонского. Послу ответили, что государь от своего обещания не отрекается, однако немедленное его исполнение повлечет большое зло. Поляки увидят в этом жесте царя поддержку стремления Августа к уничтожению Республики и установлению самодержавного правления. Это толкнет их к союзу с турками, что совершенно недопустимо. Поэтому вопрос о Лифляндии лучше отложить до заключения мира со Швецией. Фитцтум не унимался, призывая Петра явить *«перед всем светом»* пример умеренности и благородства, снять подозрение европейских дворов, что он никогда не уступит Лифляндию. Саксонец стращал царя перспективой проигрышного для обеих сторон варианта, при котором эти земли достанутся третьей стороне, поскольку Европа не оставит их в руках России. Что касается царских опасений по поводу реакции сейма, то они напрасны: дело можно затемнить так, что никто и не поймет, кому отдана Лифляндия — Речи Посполитой или саксонскому курфюрсту.

Фитцтум вернулся в Дрезден ни с чем. Август был страшно недоволен. Выход чувству он дал не в попытках сблизиться с царем, а в политике продолжения тайных интриг против него. В 1714 году король заключил с Людовиком XIV секретный договор о дружбе.

Габсбурги в раздумьях о ближайшем будущем

С приближением момента подписания австро-французских соглашений по испанскому вопросу[1] амбиции Вены возрастали. Установление мира на юге освобождало Карла VI от тех пут, которые мешали ему вмешиваться в северные дела гораздо более решительно, как и полагалось императору Священной Римской империи. Ему глубоко претила доставшаяся Петру, недавно еще неотесанному вождю восточных «варваров», ключевая роль в решении важнейших, исторических проблем Европы. Карл VI полагал, что пора осадить русского государя.

Проницательный граф А.А. Матвеев поспешил предупредить об этом Петра. В начале 1714 года он сообщал: *«Когда цесарь будет в согласии с Францией, то шведа явно озлобить не захочет, должен будет действовать заодно с французским королем по смыслу Вестфальского договора; хотя цесарь и все его министерство по наружности доброхотствуют царскому величеству, но внутренно приращению державы его величества очень завидуют и на будущее время опасаются; большая часть здешних министров — добрые шведы»*.

[1] Раштаттский (март 1714 г.) и Баденский (сентябрь того же года) договоры.

Как и стоило ожидать, Петр быстро раскрыл незамысловатую подноготную австрийского проекта договора с Россией. Он велел Матвееву передать цесарцам, что союз следует заключить до окончания войны со Швецией, иначе какой от него прок. Царь требовал немедленного подписания оборонительного договора *«против всех нападчиков»*, ибо в нынешней запутанной ситуации и у России, и у Австрии может в любой момент появиться *«какой-нибудь новый неприятель»*. В первую очередь он имел в виду Турцию, крайне опасную для обеих держав, особенно для Империи, поскольку, если турки вторгнутся и разорят Польшу, *«может произойти беда для всей Германии»*.

В марте 1714 года Матвеев возобновил переговоры уже на основе новой инструкции Петра. Беседы с цесарцами и сбор информации по другим каналам дали ему материал для глубокого анализа стратегической линии Австрии в отношении Северной войны и происходящих в Европе перемен. Матвеев совершенно не надеялся на согласие Вены принять предложения царя, поскольку они в корне противоречили ее интересам. Ход рассуждений посла тесно увязан с неблагоприятным для России фактом завершения Испанской войны. Хотя Карл VI, по наблюдению посла, не замечен в особых антирусских чувствах, этого нельзя сказать о его сановном окружении, которому он передоверил важные внешние дела. «*Придворные коварства и интриги неисповедимы»*, — писал Матвеев, и, распространяясь по всей Империи, способны много вреда принести России. Цесарские министры силились окончательно разорвать русско-датский союз и настраивали мелких германских князей против царя. Крупные успехи России в Финляндии, указывавшие на ее военный потенциал вообще и на перспективу прямого захвата Стокгольма, не вызывали у австрийцев ни малейшего сочувствия. В хитроумных дипломатических играх венского двора деятельное участие принимали шведские дипломаты, строившие против царя *«смышленные козни»*, как выразился Матвеев. В середине июля 1714 года в Вену из Берлина прибыли барон Шпар (Шпаар) и граф Веллинг (сын генерал-губернатора Померании Морица Веллинга) склонять Карла VI к тому, против чего он в принципе не возражал — заключению *«генерального мира»* на основе Вестфальского порядка, то есть территориального статус-кво. В чистом виде эта идея была настолько нереальной, что Матвееву, видимо, стоило не слишком больших усилий сделать так, чтобы Шпар уехал из Вены *«с таким же длинным носом»*, как и из Берлина.

Интриги интригами, но не следует забывать, что они далеко не всегда являются самоцелью, бесконечно забавляться которой глупо и бесплодно, если не подчинять их решению важных задач. Цесарскому правительству тоже приходилось об этом вспоминать. После Испанской войны у Габсбургов возникла нужда искать себе в каком-то смысле новую роль в формирующемся европейском порядке. Первое, чем следовало озаботиться, — сохранение исторического, имперского статуса, который стала подвергать сомнению не только Франция. Поднималась Пруссия, все смелее заявляя о своих претензиях и заметно расширяя сферу своего влияния среди протестантских князей. По понятным причинам усилился Ганновер. Они еще не были готовы бросить открытый вызов доминирующему положению Вены, но игнорировать эту угрозу значило дождаться того момента, когда устранять ее будет поздно.

А тут еще Россия — самый загадочный феномен международных отношений, еще десяток лет назад мало кем принимаемый во внимание. Она уже поставила себя в центр европейских событий и как поведет себя дальше, одному Богу известно. Чего

царь хочет от Швеции, кроме того, о чем он уже объявил? Вынашивает ли он намерение приобрести что-либо в Северной Германии? Если да, то это еще одна опасность для Империи. Насколько надежен предлагаемый Петром союз с ним, от которого Вена пока категорически отказывается, но не наступит ли время, когда она сама будет хлопотать о нем?

Одним словом, у венских интриганов хватало умственной работы, нацеленной не только на сведение ничтожных счетов, но и на укрепление покачнувшейся Империи. Отдадим им должное: рассуждали они здраво. Новым угрозам Империи нужно было что-то противопоставить. Союз с Россией в качестве такого средства представлялся австрийцам опаснее самих угроз. Другое дело — создание в Северной Европе системы сдержек и противовесов, во главе которой, естественно, будет Вена. Источником ее власти останется старая политическая традиция, связанная с ее исторической ролью третейского судьи и ключевого посредника во всех внутриимперских конфликтах. Одним из краеугольных камней «новой системы» должно стать сохранение за Швецией ее владений в Германии, которые составят противовес государствам, стремящимся изменить баланс региональных сил в свою пользу. В случае ухода шведов, полагали в Вене, этот баланс опасно изменится за счет раздела шведского наследства. Парадокс состоял в том, что Империя выступала за реставрацию вестфальского порядка, который в северном своем компоненте не имел никакого отношения к принципу равновесия сил.

* * *

На такие мысли наводит посланный в Москву доклад Матвеева. Мы не говорим сейчас о том, насколько реалистичен австрийский проект. Мы говорим о том, насколько основательно разобрался в нем русский посол. Это нисколько не помогло ему убедить Вену в целесообразности русско-австрийского союза. Стороны продолжали обмениваться аргументами, разумными, с точки зрения каждой из них, но бесплодными. Приведем их для полноты картины. Цесарцы отказывались от немедленного заключения договора, поскольку в нем прямо придется назвать в качестве неприятелей Швецию и Турцию, а это будет уже не оборонительный, а наступательный союз. Карл VI не желал брать на себя столь тяжкую ответственность перед всей Империей и заодно лишиться желанной для него возможности выступить посредником при заключении всеобщего мира между участниками Северной войны.

Матвеев же внушал собеседникам идею о бесполезности ожидать благодарности или каких-либо услуг от шведов, питающих *«неукротимое отвращение к дому австрийскому»*. А если сюда прибавить настроения многих протестантских князей Германии, тяготеющих к Швеции и враждебных императору? Какая выгода для Вены от укрепления этого протестантского союза?

Дальше пошли гипотетические спекуляции. Австрийцы говорили, что были времена, когда Швеция в союзе с Францией представляла опасность для Габсбургов. Теперь шведы сокрушены, и даже если они отважатся на реванш, то найдут сдержку в лице усилившейся России (что звучало явным комплиментом в адрес Петра). Опасность для Вены представляют не они, а те германские государства, которые разделят шведское наследство и станут претендовать на большее, тем самым нарушая покой Империи. Россия напрасно печется о своих союзниках и не предвидит последствий. А они чрева-

ты для нее большими проблемами. Ведь когда Швеция, изгнанная из Империи, придет в себя, она направит свои силы на восток, чтобы вернуть завоеванное русскими.

Матвеев отвечал доводами, которые не произвели впечатление на австрийцев. Переговоры прервались. Однако в своих донесениях посол продолжал отстаивать идею оборонительного союза в принципе. Пусть это случится после окончания Северной войны, но такой альянс нужен на вполне вероятный случай шведского реванша. Матвеев не упомянул Турцию, но, конечно, имел в виду и ее тоже. Имелись и другие объективные причины для сближения между Россией и Австрией.

Было бы ошибкой считать, что в Вене этого не понимали. Там подвергали сомнению лишь вопрос о своевременности такого шага в условиях, когда польза от него для Австрии выглядела совершенно неочевидной. Однако нельзя исключать, что в имперском правительстве, как свидетельствуют некоторые документы, думали о том, что рано или поздно пойти на такое сближение придется, и скорее всего в рамках возрождения Священной лиги, которое теперь уже и подавно немыслимо без России. В конце 1714 года логику таких рассуждений подкрепила начавшаяся турецко-венецианская война, в которую вскоре, в качестве союзника Венеции, вступила и Австрия, поставив себя в рискованную ситуацию перед лицом Испании, готовой ударить по австрийским владениям в Италии. Лишь благодаря вмешательству Римского папы, уговорившего испанского короля не делать этого, австрийцам удалось разбить турок. Но это лишь отсрочило новую войну с Портой, и в ней Вене потребуется не такой бесполезный союзник, как Венеция, потерпевшая позорные поражения от османов. Одним словом, в перспективе обойтись без России Австрии не удастся. Да и России, как полагал Матвеев, союзники понадобятся для охраны результатов войны со шведами по ее окончании. Венский договор 1726 года подтвердил это предположение.

Пока же русско-австрийские отношения оставляли желать лучшего. В середине 1714 года Матвеев был переведен из Вены в Варшаву поправлять тамошние дела, которые шли из рук вон плохо. Следом, видимо, из саксонского посольства в Австрии к Петру пришел донос. Там говорилось, что цесарцы были очень расположены к вступлению в тесный союз с Петром, но Матвеев своим безобразным поведением все испортил. Он якобы рассорился со всеми австрийскими сановниками и дипломатическим корпусом, ввязался в какую-то темную историю, связанную с его любовницей-интриганкой, славившейся непристойным поведением. Из-за ее непомерных запросов посол вдобавок влез еще в долги.

В целом навет был настолько лживым (и его анонимность это косвенно доказывает), что заниматься его опровержением, зная о ярком послужном списке и большом авторитете Матвеева в европейских дипломатических кругах, — впустую тратить время. Абсурдно даже просто принять на веру, что столь многоопытный 48-летний посол умудрился натворить такое количество глупостей, которые описаны анонимом. Что касается любовницы, то она у него была. Но какое отношение эта интимная подробность его жизни имеет к делу?

До и после Гангута

Датские и саксонские войска провели 1714 год в полном бездействии. Петр опять вел войну в одиночку. Несмотря на успехи прошлогодней кампании, шведы распо-

лагали в Финляндии несколькими городами и морскими базами, их флот контролировал побережье, а это означало, что они сохраняли достаточный потенциал для сопротивления и для атакующих действий. Иными словами, закрывать финский театр войны было еще рано.

В начале февраля 1714 года армия князя М.М. Голицына двинулась к стратегически важному городу Васа на берегу Ботнического залива. Для похода отобрали лучших воинов (5,5 тыс. пехоты и около 3 тыс. драгун). Продвигались очень медленно, в неимоверных условиях. Глубокий снег, густой лес, скалы, замерзшие болота. Согреться было негде. Развести костер — целая проблема. Ели сухари. Ночевали под открытым небом. Кони застревали, артиллерию фактически пришлось нести на руках. Через две недели почти дошли. У деревни Лаппола путь перекрыл 10-тысячный корпус генерала Карла-Густава Армфельда. Шведы расположились так, что атаковать их в лобовую было опасно. Начали обходить с флангов, но сделать это незаметно в тех условиях не представлялось возможным. Неприятель был готов. Развернулось жестокое сражение. Как сказано в «Гистории Свейской войны», *«в десперантном бою обе стороны зело жестоко с обеих сторон багинетами кололись»*. В какой-то момент чаша успеха качнулась в пользу Армфельда. Но М.М. Голицын вовремя перегруппировал полки и поставил противника перед угрозой окружения. Шведы дрогнули, стали пятиться, а потом побежали. Но вскоре Армфельду удалось собрать оставшиеся войска (чуть меньше половины) и организованно отступить к Васе. Однако, оценив ситуацию, он отказался возобновлять сражение, оставил город и отошел к Брагестадту. Русские прекратили преследование, они были сильно изнурены. В начале марта войска, опять проделав тяжелейший путь, вернулись в Або на отдых.

Тем временем из Померании вернулась армия князя Меншикова, часть которой (4 драгунских полка и 2 эскадрона) пополнила корпус М.М. Голицына. В конце июля 1714 года после месячной осады была взята шведская крепость Нейшлот.

Отныне весь северный берег Финского, почти весь восточный берег Ботнического заливов и б*о*льшая часть внутренней Финляндии находились под контролем русской армии. Но в условиях враждебности местного населения, которое вело мелкую партизанскую войну, остро стояла проблема надежного обеспечения коммуникационных линий. Решать ее лишь сухопутными силами, учитывая рельеф, было очень сложно. Требовалась помощь флота, которым Петр на Балтике уже располагал. Хотя это были в основном галеры, у них имелись свои преимущества в маневренности, грузоподъемности, способности вести абордажные бои. В конце июня этот флот (в составе 99 единиц) под командованием генерал-адмирала Ф.М. Апраксина и Петра Михайлова, царя в чине шаутбенахта[1], отправился от мыса Гангут, чтобы подвести подкрепления к русским войскам в Або. На пути встала шведская эскадра (29 судов, в основном линейные корабли и лишь 9 галер) под командованием Густава Ваттранга. Видя, что прорваться с помощью фронтальной атаки невозможно, Петр применил обманный маневр. Попавшись на уловку, шведский адмирал разделил свои силы на два морских отряда с целью окружить неприятеля. На это Петр и рассчитывал. А тут еще природа подсобила. 26 июля наступило безветрие, обездвижившее корабли Ваттранга. «Шаутбенахт Михайлов», используя юркость галер, ускользнул от убийственного огня вражеских батарей и атаковал основную

[1] Что-то вроде контр-адмирала или лейтенант-адмирала.

группу шведской эскадры. В жестоком абордажном бою, в котором царь дрался рука об руку со своими солдатами, русские одержали верх, захватили шведский флагман «Элефант» и еще 10 кораблей с экипажами, включая контр-адмирала Нильса Эреншельда. Оставшаяся часть эскадры Ваттранга ретировалась. Это была блестящая победа. Первая победа молодого русского флота. Своего рода балтийская Полтава. Почти с такой же помпой ее и отпраздновали.

После Гангута решено было довершить разгром армии Армфельда, координируя действия флота и сухопутных сил. Разведка донесла, что шведы стояли в Васе, куда по земле отправились кавалерия и пехота под командованием генерала Р.В. Брюса, а по воде галерное соединение генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. В ход операции вмешалась стихия. Жестокий шторм потопил 16 судов и около 300 человек. Отчасти из-за этого, отчасти из-за отсутствия опыта комбинированных операций флот и армия дважды разминулись. Погоня за Армфельдом длилась весь сентябрь. Тщетно. Шведы вовремя отступали, оставляя один город за другим. Русские за ними не поспевали. Когда шведские войска достигли Торнео на северном побережье Ботнического залива, их преследование в условиях наступающей зимы было признано нецелесообразным. В ноябре русская армия встала на зимние квартиры в Гамле-Карлебю (Коккола) в 120 километрах к северу от Васы.

Помимо славы Гангут дал важные стратегические результаты, реальные и потенциальные. Русский флот, быстро пополнявшийся новыми, в том числе линейными, кораблями, взял под контроль восточную часть Балтики, обеспечив логистическую поддержку войскам в южной и западной Финляндии. Огромное психологическое воздействие на шведов произвел тот факт, что в руках у царя оказались Аландские острова. А это всего лишь 15 миль от Стокгольма.

ЛАНЬ®

1715 год

Новый приступ недоверия между союзниками

Возвращение Карла XII внесло еще большую неопределенность в настроения и поведение европейских кабинетов. Казалось бы, должно было быть иначе. Все же теперь Швеция вновь обрела своего короля в качестве полноценного субъекта международной политики, который, в отличие от его сестры Ульрики Элеоноры и Сената, имел наивысшие, неоспоримые полномочия для ведения переговоров с союзниками. Впору было надеяться, что это приблизит конец войны, продолжавшейся уже пятнадцатый год. Однако такая умозрительная логика разбилась о реалии жизни. Вместо того чтобы сплотиться, выработать единую переговорную позицию и подкрепить ее консолидированным военным давлением, каждый из европейских государей думал, как использовать возвращение Карла с наибольшей для себя выгодой, не заботясь, за чей счет она будет достигнута. Король поломал все их расчеты. Они его не интересовали ни в малейшей степени. Пять лет бездействия полководец считал вычеркнутыми из своей жизни. Его душа истосковалась по грохоту пушек, треску ружей, лязгу

сабель, конскому топоту. В общем, по гулу сражений, заменявшему Карлу музыку, к которой он был не по-королевски равнодушен. А главное, он фанатично жаждал реванша, готовый отдать за это сколько угодно жизней, включая собственную. Союзникам понадобилось время, чтобы осознать это. Но даже осознав, они не спешили воевать и надеялись договориться с Карлом, перенаправив его реваншистский порыв в сторону России.

Начало 1715 года застало участников коалиции за обсуждением ганноверского проекта, который в связи с провозглашением Георга-Людвига английским королем Георгом I мы будем называть «англо-ганноверским». Камнем преткновения по-прежнему оставалось нежелание Дании отдавать Бремен и Верден Ганноверу. На этом мог сыграть Карл XII и заключить сделку о передаче этих территорий Георгу I в обмен на его (а значит, и Англии) вступление в союз со Швецией. Таким же образом Карл мог переманить на свою сторону Пруссию, согласившись на уступку Штеттина. Похоже, еще дешевле обошелся бы ему мир с Августом II, давно мечтавшим договориться с Карлом и готовым из страха потерять все, удовлетвориться признанием его в качестве польского короля и какой-нибудь мелкой подачкой в придачу. При таком раскладе от коалиции ничего не оставалось, а Швеция приобретала если не прямых союзников, то тех, кто не будет мешать ей переломить ход войны и закончить ее на победной ноте.

Часть этих доводов изложил датскому королю русский посол В.Л. Долгорукий, который предупреждал Фредерика IV, что его войска не справятся со шведами, тем более если у тех будут союзники. Более того, о завоевании Скании (точнее, об отвоевании у Швеции этой провинции, которая до 1658 года принадлежала Дании) придется забыть, а думать о том, как защититься от Карла, если он именно из этой провинции нанесет удар по восточной Дании (Зеландии). Чтобы этого не случилось, нужно укрепить коалицию датско-английским и англо-прусским союзом, а также подтвердить союз датско-саксонский.

Королевские министры ответили, что соглашение с Георгом I принесет реальную пользу ему одному, в то время как награда Дании за уступку Бремена и Вердена остается *«в неверном будущем»*. Что до обновления союза с Августом II, то Фредерик IV не склонен к нему, поскольку подозревает наличие коварного сговора между польским и шведским королями. Кроме того, саксонские войска ни на что не годятся. Копенгаген прямо заявил, что для успешного осуществления всех этих планов нужны русская армия, которую нужно вернуть в Померанию, и русские деньги, которых всегда не хватает.

Как и прежде, опасения по поводу Пруссии были небезосновательны. Сохранялось ощущение, будто она выбирала, кому продать свою дружбу. И кажется, от союзников она ждала более высокой цены, чем Штеттин, а с Карлом готова была сойтись и на этом. Русской дипломатии, заинтересованной в помощи пруссаков, пришлось торопиться. Было известно, что Франция предложила свое посредничество в достижении соглашения между Фридрихом-Вильгельмом и Карлом, которое не сулило ничего хорошего ни России, ни ее союзникам. Подозрения по поводу намерений Пруссии подтвердились в разговоре между русским послом в Берлине А.Г. Головкиным и первым королевским министром бароном Ильгеном. Того спросили, почему Пруссия так спешит с принятием французского посредничества. Не следует ли глубже ра-

зобраться в небескорыстных намерениях Парижа и дождаться окончания переговоров о союзе между Данией и Ганновером (Англией)? Ильген признал, что Пруссия действительно собирается принять посредничество, но будет *«медлить переговорами»*, пока не решится вопрос о датско-ганноверском (английском) альянсе. Если дело состоится, то Берлин объявит Швеции войну, если нет, то пойдет на соглашение.

Между тем в феврале 1715 года Дания наконец согласилась уступить Георгу I Бремен и Верден, но через несколько недель тревожные известия из Берлина привели Копенгаген в глубокое замешательство, поставив под вопрос недавнюю договоренность. Датские министры заявили В.Л. Долгорукому, что Пруссия не собирается воевать со шведами из-за Штеттина, а датчане и ганноверцы, даже если они вступят в союз, не в состоянии одолеть Карла[1]. Это заявление являлось отражением реального страха перед шведами и прелюдией к набившей Петру оскомину теме о срочной потребности Дании в русских войсках и русских деньгах.

В.Л. Долгорукий старался успокоить Фредерика IV небезосновательным доводом, что Берлин просто набивает себе цену и хочет *«вынудить себе еще что-нибудь»* помимо Штеттина, и это не такая проблема, чтобы стать камнем преткновения. Посол обратил внимание и на другое обстоятельство: даже если Франции удастся на тех или иных условиях достичь прусско-датского соглашения, оно едва ли будет наступательным союзом, а это значит, что Пруссия сохранит нейтралитет, при котором Дания и Ганновер[2] легко принудят Стокгольм к миру. Датчане этого как будто не слышали. На устах у них было одно: Петр должен поскорее послать свою армию в Померанию для удара по Штральзунду, где находился Карл XII, и Висмару. И прислать в Копенгаген деньги, в которых у датского короля *«крайняя нужда»*.

Намерен ли был Петр возвращать часть своих войск в Северную Германию и вновь выполнять за союзников их работу? Похоже, до определенного момента делать этого он не хотел. Во всяком случае, соответствующих приказов царь не давал. Он сосредоточился на Финляндии, полагая, что через нее пролегал более короткий путь к финалу войны. Несмотря на поражение шведского флота под Гангутом, он по-прежнему представлял собой силу, с которой нужно было считаться. Понимая это, государь в 1715 году выдвинул на первый план установление полного контроля над Балтийским морем, в том числе для того, чтобы пресечь любые попытки шведов доставить подкрепления в Штральзунд и другие места на южном берегу Балтики. Русскому флоту, в основном галерному, пока это было не под силу. Поэтому Петр предлагал датчанам план совместных военно-морских операций с целью уничтожения кораблей противника либо блокирования их в шведских портах.

Когда В.Л. Долгорукий сообщил об этом датскому правительству, оно ответило, что соединение флотов возможно лишь при условии участия в морских операциях англичан, то есть при условии заведомо нереальном, поскольку должно было произойти нечто совершенно экстраординарное, чтобы Лондон согласился вести морскую войну против шведов. В докладе Петру посол писал: *«флот английский в явные действия против Швеции не вступит»*. Последующие события подтвердят его правоту.

---

[1] Любопытно заметить, что датчане не упоминают могущественную Англию, вероятно, не веря в готовность Георга I вступить в войну не только в качестве ганноверского курфюрста, но и британского короля.

[2] В данном контексте, видимо, подразумевалась и Англия.

Дополнения к русско-прусскому союзному соглашению

До мая 1715 года, несмотря на заключенный союз с Россией, прусское правительство продолжало колебаться. В контексте интересов Берлина причины для этого были. Чаши весов — одна с соблазнами, другая с рисками — находились в неустойчивом равновесии. Очень хотелось разжиться Штеттином и еще чем-нибудь, но очень не хотелось за него переплачивать. В категорию издержек Берлин заносил опасность войны с таким полководцем, как Карл XII, тем более если он будет поддержан Францией; возможное присоединение к Дании Шлезвига, чего требовал английский король в ипостаси ганноверского курфюрста; проявляемое Веной неудовольствие по поводу заигрываний Пруссии со шведами; нежелание продовольствовать русскую армию, если она появится в Померании. Сомнения Фридриха-Вильгельма усиливали внушения барона Ильгена, главного поставщика резонов против вступления в Северный союз.

Стараясь преодолеть его влияние, А.Г. Головкин обратился к королю с письмом (апрель 1715 г.), которое ввиду его особой значимости мы приводим полностью. *«Вашему величеству представляется теперь такой случай для приобретения вечной славы и для приращения ваших государств, какого, может быть, в продолжение многих веков не будет. Ваше величество помните, сколько труда предки ваши приложили для получения Штеттина, а теперь, ваше величество, легко его получить можете, уже действительно им владея*[1]*; удержать навеки его легко посредством обязательства с царским величеством, государем моим. Ваше величество рассудит, что когда великобританский король объявит войну Швеции, то Карл XII будет принужден вести оборонительную войну, не думая о наступательной. Хотя цесарь явно еще не объявляет себя в пользу Северного союза, однако в своих циркулярных грамотах признает непримиримый и* ***ссоролюбивый*** (подчеркнуто в тексте письма. — *В. Д.*) *нрав шведского короля, который, если не будет низложен оружием, никогда не даст покоя империи. С другой стороны, Франция так истощила свои силы, что не может ничего сделать в пользу Швеции; а имперские князья, дружные с Швецией, не посмеют тронуться, увидя к ней нерасположение императора. Итак, вашему величеству нет никакой опасности приступить к Северному союзу, чем приобретете вечную славу, превзойдете ею предков своих, заслужите уважение целого света и получите для потомства такую пользу, которая приведет ваши государства и подданных в совершенное благополучие. Следует рассудить и то, что так как ваше величество уже некоторую противность шведскому королю показали*[2]*, то ничего другого от него ожидать не можете, кроме мщения, которым он грозит своим неприятелям и ложным друзьям, как выражается. Поэтому ничего лучше не можете сделать, как при нынешнем удобном случае довершить то, чему положено доброе начало».*

По письму видно, как умело играл А.Г. Головкин на самых чувствительных струнах прусских великодержавных амбиций. Между тем он всего-то и сделал, что высказал Фридриху-Вильгельму его же собственные мысли, но от этого они обрели в сознании короля еще большую убедительность. Русский посол, конечно, покачнул те самые «чаши весов», о чем свидетельствует объявление (пока лишь объявление) ко-

[1] Явный намек на помощь России в передаче города в секвестр Пруссии и одновременно напоминание о том, что пока это лишь секвестр.

[2] Имеется в виду ввод прусских гарнизонных войск в Штеттин.

роля идти с армией в Померанию. Шведская партия при прусском дворе во главе с бароном Ильгеном, испугавшись этого безрассудного, с ее точки зрения, решения, и потеряв надежду отговорить короля, умоляла его хотя бы заручиться реальной военной поддержкой Ганновера и Дании, чтобы не остаться со шведами один на один и не подвергать себя опасности катастрофического поражения. Фридрих-Вильгельм понимал резонность этих предостережений.

Возможно, письмо А.Г. Головкина, щекотавшее тщеславную память о великом тевтонском прошлом и намекавшее на его возрождение, подняло в душе короля волну возбуждения, которое в ближайшее время будет во многом определять его действия. Но приписывать окончательное решение Берлина о присоединении к Северному союзу только русскому послу нельзя.

Английский король, узнав, что прусский посланник в Париже ведет секретные переговоры явно не в пользу Северного союза, отказался от увещевательного тона в общении с Фридрихом-Вильгельмом и спросил у него *«в последний раз»*, собирается ли он вступать в соглашение с Ганновером против Швеции.

При всем влиянии такого дипломатического давления окончательно расстаться с колебаниями заставил короля Карл XII. Весной 1715 года он атаковал прусские войска в Померании, сопроводив свои действия презрительными высказываниями о Фридрихе-Вильгельме и его армии. Именно тогда в беседе с А.Г. Головкиным у короля вырвалось признание: *«Я уже теперь больше молчать не могу, и буду отплачивать тем же; а французы меня чуть-чуть не обманули, если бы я их послушал..., то дался бы в обман; теперь ни на кого так не надеюсь, как на царское величество, а главное, питаю особенную любовь к персоне его царского величества»*. Питал он к Петру не любовь, а страх, что в данном случае одно и то же. Фридрих-Вильгельм отдавал себе полный отчет в том, чья армия и чья решимость способны принести победу над Швецией, лишь в результате которой Пруссия сможет получить ту или иную долю добычи.

В середине мая 1715 года был подписан Штеттинский договор между Фридрихом-Вильгельмом и Георгом I (в качестве ганноверского курфюрста). Стороны условились, что войска Ганновера, Дании и Пруссии будут брать Висмар, а соединенная датско-прусская армия начнет осаду Штральзунда, где находился Карл XII. Однако демарш царского посла в Копенгагене В.Л. Долгорукого о необходимости соединения русского, датского и, желательно, английского флотов для параллельных операций по обезвреживанию шведских боевых и десантных кораблей в Балтийском море, остался гласом вопиющего в пустыне. Датские адмиралы наотрез отказались подвергать свои эскадры опасности, называя ее смертельной. Даже когда речь шла лишь о блокаде шведских портов, они утверждали о невозможности этого без действенной помощи англичан. Те обещали предоставить такую помощь и действительно появились на Балтике. Но совсем с другой целью. Под предлогом защиты интересов своих купцов Англия дислоцировала свои боевые корабли довольно неожиданным образом: у Данцига, Кенигсберга, Риги, Ревеля. Это был многозначительный жест, адресованный прежде всего Петру и намекавший на отношение Лондона к территориальным притязаниям царя[1]. Кроме того, англичане подозревали Петра в намерении приобрести какой-нибудь порт на Северном море или поближе к нему.

[1] Еще в марте 1714 года Б.И. Куракин предсказывал, что ввод британской эскадры ради охраны торговых судов будет лишь прикрытием ее готовности действовать против России.

Георгу I было очень удобно раздваиваться между своими статусами — британского короля и ганноверского курфюрста (как, кстати, и Августу II), действуя по ситуации от имени то одного, то другого. Однако на его антирусскую политику такое раздвоение не распространялось, тут он был един в двух лицах.

Впрочем, Георгу I хотя бы хватало иногда ума проявлять дипломатичность. Чего нельзя было сказать о бесцеремонных датских министрах. Они отказали В.Л. Долгорукому в просьбе о соединении флотов с такой же категоричностью, с какой требовали от него субсидий и немедленной присылки царских войск в Померанию. Один хорошо осведомленный современник писал, что датчане, *«не доброжелательствуя ему* (царю. — *В. Д.*), *заботились только о своих выгодах»*. Долгорукий призывал Петра не тратить русские силы попусту: у датского и прусского королей их вполне достаточно.

Датские министры не унимались. Один из них пенял Долгорукому: *«Король* (Фредерик IV. — *В. Д.*) *очень печалится и сомневается, что царское величество не хочет сделать для него такой милости — прислать своих войск»*. И получил ироничный ответ: *«Царскому величеству еще печальнее и сомнительнее, что король не хочет послать ему своего флота, без которого царское величество никакой пользы союзу принести не может»*.

Авторитет Карла XII как военачальника оказывал на союзников огромное психологическое давление. Он разбил армии всех своих европейских противников, и игнорировать столь печальный опыт им не удавалось. Пугало это и Фридриха-Вильгельма. Его войска, пусть и хорошо подготовленные, еще ни разу не встречались со знаменитым полководцем в серьезных битвах. Надежды на датчан, дрожавших от страха, было мало. Не известно было и то, как поведут себя ганноверцы в масштабной войне. Хотя за ними и стояла Англия, она не собиралась посылать на континент свои сухопутные силы. Да и с проблемой отправки английского флота на Балтику было не все ясно. Оставалась единственная надежда на Россию, но ей уже давно отбили охоту связываться с Северным альянсом, только тем и озабоченным, чтобы вытеснить ее из Германии.

Обращение к России за военной помощью стало для Фридриха-Вильгельма неизбежностью. Но тут возникли трудности. И немалые. Дело в том, что русско-прусский договор (июня 1714 г.) был скорее политическим документом, оставлявшим без ответа вопрос о реальных способах предоставления этой помощи. Именно они стали предметом оживленных переговоров между Берлином и Петербургом в первой половине 1715 года. Король, оберегая собственные войска, хотел заполучить как можно больше русского «пушечного мяса», причем за счет царской казны. Петр не отказывался послать свою армию в Померанию при условии, что Берлин, по крайней мере, разделит расходы. Была еще одна неоглашаемая проблема. С одной стороны, король остро нуждался в царских войсках. С другой — опасался, как бы они не задержались в Померании после выполнения своей миссии. Беспардонный образ мыслей прусского короля в данном случае ничем не отличался от настроения других участников коалиции: мавр должен сделать свое дело и сразу же уйти. Остальное решат без него. Петра такой подход совершенно не устраивал, но времени на споры не было, и поэтому он срочно отправил в Берлин П.И. Ягужинского договариваться о «частностях».

Ягужинский прибыл в Берлин в середине сентября, а оттуда немедля поехал в расположение прусских войск под Штральзундом, где через две недели (30 сентября 1715 г.) Фридрих-Вильгельм подписал договор (предварительно одобренный Петром) о порядке использования русских войск в померанских операциях. Назовем его Штральзундский трактат.

Петр обязывался:

1) Предоставить прусскому королю пехотный корпус из 15 батальонов и тысячу драгун с полной и исправной амуницией, а также 15 пушек с необходимыми принадлежностями.
2) Отправить их как можно скорее, пока есть еще время для проведения кампании.
3) Король, получая войска в свое полное распоряжение, имеет право их использовать не только в Померании (Штральзунд, Рюген), но, если понадобится, и против Висмара, как и в других местах, исходя из *«военного резона»*.
4) Фридрих-Вильгельм берет на себя обязательство обеспечить продовольствование русских войск по нормам, предусмотренным в прусской армии, с соблюдением соответствующих правил отчетности.
5) Контрибуция, взятая с завоеванных земель, целиком достается королю. Русские войска не могут претендовать на нее ни под каким предлогом.
6) Общее командование соединенными прусско-русскими силами принадлежит королю, но при проведении конкретных боевых операций управление корпусом осуществляется русским генералом.
7) Если кампания прервется из-за погодных условий, король обязуется предоставить царскому корпусу зимние квартиры в соответствии с прусским регламентом, желательно не дробя батальоны, ибо иначе трудно будет сохранять порядок в интендантском снабжении, контроль за которым остается прерогативой прусского командования. В случае нарушения этого порядка с русской стороны король волен отказаться от услуг царского корпуса.
8) Фридрих-Вильгельм обещает не допускать никакой дискриминации между русскими и прусскими войсками в интендантских вопросах.
9) Полевые трофеи делятся пропорционально количеству войск обеих сторон, но то, что будет захвачено в городах, принадлежит Пруссии.
10) Фридрих-Вильгельм обязуется употребить *«все возможные добрые средства»*, чтобы уговорить Августа II пропустить русские войска через польскую территорию.
11) Когда прусский король посчитает миссию русского корпуса выполненной, он должен заранее (за месяц) уведомить об этом царских генералов, но при этом исключить ситуацию, при которой возвращение будет происходить в самый холодный сезон (ноябрь, декабрь, январь). На дорогу до реки Одер прусское командование обязано обеспечить корпус всем необходимым по интендантской части (включая телеги для больных и раненых).

В трех прилагающихся к договору сепаратных артикулах мы бы выделили два важных момента. Первый: Петр настаивал, чтобы во всех военных советах и решениях участвовали русские генералы и их мнение имело бы такой же вес, как и мнение

союзников. Второе положение в каком-то смысле являлось ключевым. В нем отражалось общее для всех противников Карла XII настроение неуверенности и страха. У Петра этих чувств не было. Более того, он рвался в бой, в котором намеревался победить и после этого закончить войну за столом переговоров. Но кроме вполне обоснованной уверенности в себе в сознании царя всегда присутствовал холодный расчет, исключавший склонность к шапкозакидательским оценкам противника. Один из артикулов (третий) был составлен Петром как бы в подтверждение этой мысли. Государь считал победу в Померании не гарантированной, учитывая ожесточенное сопротивление шведов, вдохновленных своим великим и любимым полководцем, а также перспективу высадки на побережье крупных шведских десантов. Возможно, кампанией 1715 года, близкого к исходу, дело не обойдется, и придется проводить новую кампанию и даже кампании, для чего потребуется существенное увеличение контингентов войск и с русской, и с прусской стороны. Третий артикул предусматривал, что эти контингенты будут наращиваться до тех объемов и до тех пор, пока Карл XII не признает своего полного и окончательного поражения и перестанет быть препятствием учинению *«честного и полезного мира»*.

Празднословие, именуемое договором

Обстановка неопределенности сохранялась. Перспективу легкой победы (да и вообще победы) в Померании не мог гарантировать никто. Но кроме военных проблем, о решении одной из которых Россия и Пруссия с горем пополам договорились, оставались политические, сплетенные в неимоверную неразбериху, приобретавшую все больше сходства с игрой без правил.

Петр изо всех сил старался сделать ситуацию управляемой хотя бы в той мере, в какой это необходимо для достижения минимального согласия союзников относительно условий мира. Не таким уж ошибочным будет предположение, что главной головной болью для царя стала не Швеция, а разложившийся Северный альянс. С военно-стратегической точки зрения его это особенно не беспокоило: он давно уже вел войну практически в одиночку и был близок к тому, чтобы окончательно разбить шведов на их собственной территории. Но с годами вставал вопрос не о том, как победить, а как заключить мирный договор. А это уже была дипломатическая проблема, изводившая Петра до крайности.

Государь выбрал, возможно, самый оптимальный вариант ее решения. Поскольку создание какого-то подобия северного «концерта» являлось утопией, Петр пришел к мысли заменить его системой двусторонних договоров, направленных к одной цели — выработать, пусть в черновом виде, некую общую позицию в отношении условий мира со шведами. Помимо прочего, эта система, как он надеялся, поможет оградить уже достигнутые договоренности от вмешательства внешних сил, к которым с разной степенью обоснованности можно было отнести Францию, Австрию, Голландию. Петербург вполне устроило бы отстранение от северных дел глубоко враждебной России Англии. Но это было невозможно. *Во-первых*, из-за тесной связи ее с Ганновером. *Во-вторых*, из-за непререкаемой доктрины Лондона, присвоившего себе право вмешиваться во все европейские дела, как непосредственно касающиеся британских интересов. Петр предпочел не бороться с этой реальностью, а, насколько

возможно, использовать ее в своих целях, что было весьма непросто, учитывая недружелюбную историю русско-британских отношений еще с XVI века. (Торговые трактаты с англичанами — отдельная тема, не имеющая никакого отношения ни к дружбе, ни к приязни.)

Петру не хотелось продолжать эту историю с Георгом I, тем более в качестве курфюрста Ганновера, по крайней мере на бумаге входившего в состав антишведской коалиции. Для формирования дипломатической среды, которая повысит шансы на использование «концертного» подхода, Ганновер казался не лишним. Союзная конвенция 1710 года с ее декларативно-туманным содержанием не годилась для роли инструмента осуществления практических функций военно-политического союза. Требовался новый, более обязывающий документ.

В 1715 году Петр приказал князю Куракину ехать из Гааги в Лондон с предложением о заключении реального договора о союзе с Георгом I в качестве ганноверского курфюрста. В результате переговоров в октябре такой трактат был подписан. Вероятно, стоит задуматься над тем фактом, что это произошло не на территории Англии или Ганновера, а в мекленбургском городе Грейфсвальде между Б.И. Куракиным и английским резидентом в Пруссии Джоном Гейшем (Геешем). Зачем понадобилось забираться в укромное место, чтобы скрепить подписями документ, не имевший никакого практического значения, мы не знаем. Впрочем, вот его содержание.

В преамбуле указывалось на преемственную связь договора с союзной конвенцией 1710 года.

Первая статья наполнена суесловными фразами о стремлении *«Его Величества Великобританского»* не упускать из виду ничего, что могло бы доставить удовольствие *«Его Царскому Величеству»* и содействовать *«доброму согласию»* через *«усердную корреспонденцию»*, касающуюся интересов России, и через старание *«союз содержать нерушимый»*.

Во второй статье курфюрст обязался *«по своей возможности ...трудиться, дабы операции военные противу Швеции со всякою надлежащею силою были отправлены»*.

В третьей статье царь принимает на себя аналогичные обязательства (если их можно так квалифицировать).

В четвертой статье уже появляется конкретика: курфюрст признает права царя на Ингрию, Карелию, Эстляндию с Ревелем *«со всеми их принадлежностями»*, а царь соглашается на присоединение к Ганноверу Бремена и Вердена. Стороны оговорили возможность предъявления в ходе переговоров со шведами дополнительных требований.

В пятой статье царь и курфюрст обещали друг другу взаимную поддержку в отстаивании интересов каждой из сторон.

Плодотворную идею (которая так и осталась идеей) содержали шестая и седьмая статьи. Суть ее в следующем. Поскольку Ганновер уже заключил двусторонние союзные договоры с Данией и Пруссией, было предложено объединить четыре государства в договорную систему, *«учинить концерт и взаимное обязательство между собою, чрез которое имеет быть постановлено... что каждый из высоких договаривающихся имеет получить чрез мир будущие с короною шведскою»*. При этом *«никто... не учинит миру один без другого»*, пока каждый из участников концерта *«не получит своего удовольствия»*. Для международно-правового оформления такой системы в Берлине соберутся

высокие уполномоченные представители «квартета» и там определят *«подробно все, что касается до настоящей войны и до будущего мира»*.

В связи с Грейфсвальдским договором, пожалуй, можно выделить два главных момента. *Во-первых*, его роль в международных отношениях совершенно ничтожна. *Во-вторых*, если в нем и есть нечто важное, так это подтверждение мнения Георга I о том, что Лифляндия, имевшая для Петра, владевшего ею де-факто, принципиальное значение, должна принадлежать Швеции. И уж никак нельзя согласиться с Ф.Ф. Мартенсом, считавшим этот договор *«неопровержимым подтверждением»* перемены во взглядах Георга I, якобы пришедшего к выводу, *«что союз с великим русским монархом гораздо полезнее Ганноверу и Англии, нежели дружба с побежденным шведским королем»*.

Есть нечто «поважнее» осады Штральзунда

В июле 1715 года датчане и пруссаки начали осаду Штральзунда. Гарнизон крепости, возглавляемый Карлом XII и вдохновляемый его отвагой, оборонялся умело и отчаянно. Затягивавшаяся осада сопровождалась разногласиями между союзниками. Несмотря на Штеттинский договор, Фредерик IV не доверял Фридриху-Вильгельму, имея на то основания. Партия барона Ильгена в Берлине считала вступление Пруссии в союз с Данией ошибкой, настойчиво внушая своему королю мысль, что датский флот против шведов бессилен, а сухопутные операции ничего не дадут. Поэтому нужно возобновить переговоры с Францией и через ее посредничество получить от Карла гораздо больше, чем от союзников. Прусские министры были против привлечения русских войск, опасаясь последствий в виде притязаний царя на территории в Северной Германии и его противодействия великодержавным планам Берлина.

Напротив, Фредерик IV настаивал на участии России в штральзундско-померанской операции. Ее руками можно будет решить военные задачи и ограничить прусские аппетиты. Фридрих-Вильгельм соглашался при условии, что русские войска будут отданы в его подчинение, против чего категорически возражали В.Л. Долгорукий и А.Г. Головкин, находившиеся в стане осаждающих Штральзунд. Прусский король пригрозил, что примет предложение Августа II, согласившегося передать саксонский корпус в его полное распоряжение, что, помимо прочего, обойдется дешевле, чем содержание царских войск. Эта идея была ненавистна для датского короля, презиравшего Августа за двурушничество и считавшего его не заслуживающим права на территориальную добычу. В ответ Фредерик IV выразил готовность взять на содержание 15 батальонов русской пехоты и тысячу кавалеристов. Только узнав об этом, Фридрих-Вильгельм тут же дал точно такое же обещание.

Неожиданная «щедрость» двух королей не вызвала восторга у царских дипломатов, докладывавших Петру, что русские войска нужны союзникам, чтобы бросить их в самое пекло, на те направления, где неизбежны большие потери, нести которые датчане и пруссаки не хотят. Под гиблыми местами В.Л. Долгорукий и А.Г. Головкин имели в виду прежде всего хорошо укрепленную крепость Висмар. Что касается Штральзунда, то они полагали, что появление там русских войск может оказаться небесполезным, поскольку это теснее свяжет Фридриха-Вильгельма с Северным союзом, а Фредерику IV даст чувство безопасности и от закаленных в боях шведов, и от не-

надежных, с его точки зрения, пруссаков. Весьма важной представлялась также возможность участвовать в союзных военных советах, которую получат русские дипломаты, что позволит влиять на ход событий. Но именно от влияния России неистово хотели избавиться барон Ильген и прочие «шведы» в окружении прусского короля. Дошло до того, что министр, общаясь с В.Л. Долгоруким и А.Г. Головкиным в присутствии Фридриха-Вильгельма, почти потерял контроль над собой. Король, в отличие от Ильгена, понимал, как много можно выиграть, снискав доверие Петра, по крайней мере на данный момент, и столько же проиграть, утратив это доверие. Он, смеем предположить, не делал над собой особого усилия, когда говорил русским послам: *«Уверьте его царское величество, что союз с ним считаю самым драгоценным для себя и потому во всех переговорах и действиях я намерен поступать без всякой хитрости. Хотя царскому величеству и королю датскому и внушают противное, однако я пребуду всегда в твердом союзе с их величествами»*.

За этими возвышенными признаниями последовала деловая проза как бы в подтверждение особой немецкой расчетливости Фридриха-Вильгельма, которой он разительно отличался от своего отца, *«блудного сына в семье скупцов»*. *«Если я*, — говорил король, — *несу убытки на их* (русских войск. — *В. Д.*) *содержание, то имею право требовать, чтоб они стояли и всякую службу отправляли вместе с моими войсками»*. Желая снять подозрения, будто он покупает «пушечное мясо», Фридрих-Вильгельм добавил: *«обещаюсь заботиться о ваших войсках точно так же, как и о своих собственных»*.

Того, что король называл «убытками», было совершенно недостаточно для продовольствования требуемого количества русских войск. Ведя жесткие переговоры с В.Л. Долгоруким и А.Г. Головкиным по этому вопросу, Ильген не столько угождал королевскому режиму строгой экономии, сколько саботировал предполагаемое появление царской армии в Померании. Помехой этим подрывным планам была личная неприязнь и глубокое недоверие Фредерика IV к Августу II, из-за чего датский король решительно возражал против привлечения саксонских войск и настаивал на помощи России. Своей непримиримой позицией Копенгаген принудил Фридриха-Вильгельма согласиться взять русские батальоны на довольствие, разделив расходы с датчанами. Но отказывать Августу II, желавшему послать под Штральзунд саксонский корпус, он тоже не хотел. Не потому, что лучше относился к польскому королю, а потому, что предстояло встретиться лицом к лицу со шведской армией, которая вновь обрела своего легендарного полководца. Четырехкратное превосходство союзников (36 тыс. против 9 тыс.), как показал опыт, не давало никакой гарантии победы, тем более учитывая реальную перспективу огромных потерь при штурме Штральзунда и высадки шведского десанта в Померании. При таких обстоятельствах лишних войск не бывает.

Понимая это, Август II предлагал, если не сказать навязывал, Пруссии свои услуги. Терпеть поражение от Карла XII ему было бы не впервой, а вот приобщение к возможной победе позволило бы, как он надеялся, претендовать на свою долю воздаяния за вклад в нее. Осуществлению этого плана мешала крайне обострившаяся в 1715 году ситуация в Польше, требовавшая присутствия саксонских войск. Вмешательство России дало Августу II возможность перебросить армию под Штральзунд, но зато русские войска, уже направлявшиеся в Померанию, были вынуждены остаться в Польше для наведения порядка.

Очередной всплеск польской анархии

Накалившаяся в Польше обстановка требовала от русской дипломатии исключительной осторожности, собранности, находчивости. И умения работать одновременно с разными политическими силами — королем, сеймом, церковью, гетманами, литовской шляхтой и др. Петр в какой-то мере облегчил эту задачу, когда весной 1715 года снова отправил послом в Варшаву опытного политика, действительного тайного советника и сенатора Г.Ф. Долгорукого. Дело в том, что А.И. Дашкову, русскому резиденту при великом коронном гетмане А.Н. Сенявском, было очень трудно одному заниматься всем сразу. На первых порах дипломаты разделили свои обязанности. Г.Ф. Долгорукому поручалось вести переговоры с Августом II, а его коллеге — искать точки взаимопонимания со шляхетскими элитами.

Король встретил царского посла холодно, догадываясь о том, что тот прислан, чтобы добиться согласия на пропуск русского войска в Померанию. Свое решительное нежелание это делать он объяснял, *во-первых*, неурожаем, *во-вторых*, способностью пруссаков самим справиться с малочисленной группировкой шведов и, *в-третьих*, опасением возбудить подозрения турок по поводу нарушения условий Адрианопольского мирного договора и спровоцировать их на вооруженное вмешательство в польские дела. За всеми этими доводами, лишь один из которых (первый) был достоин внимания, скрывалось главное: Август, принося царю одну клятву верности за другой, продолжал политику лавирования, направленную на обеспечение максимально выгодных для себя результатов войны. В его дипломатической стратегии видное место по-прежнему принадлежало идее сепаратного соглашения с Карлом XII. Польского короля одолевал страх, что кто-то из союзников опередит его. Он подозревал Петра, но не имел доказательств. Зато не нужно было долго искать доказательств тому, что французские эмиссары беспрерывно шныряли между Берлином и Стокгольмом в попытках привести обе стороны к полюбовному соглашению с целью подрыва Северного союза. Отсюда необыкновенные милости, оказываемые Августом французскому послу Жану Виктору Безанвалю, имевшему свободный доступ в королевские покои.

Однако Август оказался в тисках ситуации, наглядно описанной Г.Ф. Долгоруким: «*Примас, гетманы и все принципалы сильно недовольны королем, все живут по своим маетностям* (поместьям. — *В. Д.*) *и ехать ко двору не хотят, потому что не могут упросить короля о милосердии своему народу, сбирают новую контрибуцию, не обходя и гетманские имения; два года уже недород, в сыть не едят, но по лесам и полям быльем питаются и мрут с голоду; все единогласно говорят, что если нынешним летом будет такой же неурожай и король милосердия не покажет, войск саксонских не выведет, то, покинув отечество, пойдут за границы, где могут сыскать себе пропитание. В такое убожество и бессилие здешнее государство пришло, что хуже быть нельзя...*»

Между тем подлинная опасность для Августа заключалась не в том, что поляки «*пойдут за границы*», а в исторической привычке шляхетских элит создавать для защиты своих сословных интересов вооруженные сообщества (конфедерации). Абсолютистские замашки короля, его упрямое неприятие компромиссов и готовность подавить сопротивление силами саксонцев привели к ситуации, в которой призрак конфедерации, возникший летом 1715 года, быстро обретал грозную плоть. В таких

условиях Августу было не до внешнеполитических маневров. Ему пришлось признать, что его спасение или погибель всецело зависят от выбора Петра в пользу поддержки либо королевской власти, либо оппозиции.

Выбор для царя был не из легких. Его растущее раздражение против внутренней и внешней политики Августа уравновешивалось трезвым пониманием невозможности найти себе сколько-нибудь прочную опору в лице шляхты с ее врожденным русофобским инстинктом. Ничего не оставалось, как выжидать, когда какое-то из этих зол станет наибольшей угрозой для интересов России. Дать установку на проведение такой линии было легче, чем ее осуществлять в реальных условиях. А именно это и вменялось в обязанности Г.Ф. Долгорукого и А.И. Дашкова.

И Август, и его противники боялись не царского военного вмешательства, как такового, а вмешательства не в свою пользу. Русские дипломаты невольно вынуждены были поддерживать этот страх, ибо не решались в разгар смуты делать ставку на ту или иную сторону. Публично они уверяли всех в отсутствии у Петра желания втягиваться в польские дела (что являлось отчасти правдой), ему нужно лишь согласие на проход русской армии через польскую территорию в Померанию. Поскольку Август такого согласия не давал, Г.Ф. Долгорукий встретился с рядом сенаторов, побудив их к заявлению, что благословение короля и не требуется.

Между тем Август как будто умышленно делал все, чтобы накалить ситуацию до предела. Когда делегация шляхтичей и магнатов потребовала вывода саксонских войск, насчитывавших 25 тыс. солдат, то в ответ последовало распоряжение об увеличении налогов на их содержание. Оппозиция стала вооружаться, с одной стороны, надеясь на помощь царя, с другой — опасаясь, что он поддержит Августа. Лишенный возможности сохранять равноудаленность от враждующих политических сил Г.Ф. Долгорукий, стремившийся удержать шляхту от восстания, пообещал ей царскую поддержку при условии, что она наберется терпения, по крайней мере, до окончания померанской кампании. Сваливание соседней Польши в пучину полного хаоса создавало для России большие проблемы, которые, при наличии твердого желания поскорее завершить войну, были ей ни к чему. Но ни к чему Петру была и решительная победа одной из сторон, грозившая консолидировать Речь Посполитую под единой властью, которая, преодолев внутренние распри, вернется к «традиционному» внешнеполитическому курсу, направленному против России.

Самой нетерпимой и нетерпеливой в отношении саксонцев оказалась Литва, испытывавшая наиболее жестокий реквизиционный гнет (и не без попустительства польских панов). Летом 1715 года великий гетман литовский, талантливый военачальник Людвиг Поцей приступил к формированию войска, рассчитывая набрать около 9 тыс. человек. Август II стал готовить карательный поход. Г.Ф. Долгорукий призывал короля образумиться и не поднимать *«великий огонь»* по всей Польше, который нельзя будет потушить очень долго. С просьбой воздержаться от выступления обратился посол и к гетману, обещая, что по окончании войны Петр возьмет его под свое покровительство и ограничит королевское самодержавие. Поскольку своим высоким статусом Поцей был обязан царю, он внял увещеваниям.

В какой-то момент могло показаться, будто положение стабилизировалось. Август даже счел возможным (сентябрь) в очередной раз уехать в Дрезден развеяться от польской провинциальной скуки. Впрочем, не исключено, что он покинул Польшу

не без задней мысли, суть которой заключалась в стремлении отдать события на откуп фельдмаршалу Флеммингу, считавшему необходимым действовать огнем и мечом.

Не успел Август отлучиться, как несколько воеводств подняли восстание и начали (октябрь) боевые действия против саксонцев. В ноябре была образована Тарногродская конфедерация во главе с видным политическим и военным деятелем Станиславом Ледоховским, придавшим антисаксонскому выступлению организованный характер. Фактически восстание переросло в польско-саксонскую войну, пестрый состав участников которой придавал ей сходство с войной гражданской. В ней было много неразберихи, предательства, временных, весьма экзотических союзов. Август II умудрился объединить против себя представителей «прорусской» и «прошведской» партий, сторонников Станислава Лещинского, гетманов, некогда лояльных к королю. Иногда линия фронта стиралась за счет перебежчиков из республиканского лагеря в королевский, и наоборот. Еще большее своеобразие в ход войны вносил тот факт, что такие крупные фигуры, как великий коронный гетман А.Н. Сенявский и литовский гетман Л.К. Поцей, под влиянием Петра, держали нейтралитет, к счастью для Августа.

Для России эта совершенно несвоевременная война представляла большую опасность своими возможными катастрофическими последствиями для польского государства. Полный развал Речи Посполитой грозил нанести непоправимый удар по царским (да и не только царским) планам в отношении Швеции. Если бы борьба за шведское наследство осложнилась еще и жестоким соперничеством за наследство польское, то это было бы чревато самой неожиданной перестановкой сил на европейской арене, чем-то вроде дипломатической революции. И скорее всего не в пользу России.

Запутаться в такой ситуации было немудрено. По некоторым документам создается впечатление, что именно это и случилось с Г.Ф. Долгоруким. Во всяком случае, подобной версии, на наш взгляд, крайне сомнительной, придерживался Петр. Однако все по порядку. В ноябре 1715 года саксонская армия под командованием Флеммингa, перейдя в наступление, стала теснить конфедератов, но им на помощь грозились прийти другие воеводства и Литва.

Глубоко озабоченный и лишенный времени на раздумья Г.Ф. Долгорукий на свой страх и риск попросил фельдмаршала Б.П. Шереметева, направлявшегося с войском в Померанию, задержаться в Польше, чтобы охладить обе стороны конфликта и, если потребуется, силой принудить их к переговорам. Оправдывая свое решение, посол писал канцлеру Г.И. Головкину, что близость русской армии *«можно за великое счастье почитать»*, поскольку если бы не она, то саксонцы были бы уничтожены в результате всеобщего подъема Польши и Литвы. Такой исход означал бы радикальную перестановку внутриполитических сил в стране, что, с его точки зрения, совершенно не отвечало интересам России. Г.Ф. Долгорукий также сообщал о беспрецедентно доброжелательном отношении поляков к русским войскам, которым они из чувства благодарности не отказывали в продовольствии. Как ни странно, этому можно поверить, учитывая, что переменчивые общественные настроения являлись столь же обычными для Польши, как и постоянные распри между ветвями власти и внутри элит. И потом, посол едва ли осмелился бы столь грубо приукрашивать картину, зная, как бывает недоволен царь, когда находит в донесениях своих дипломатов выдуманное благолепие. Выходит, поль-

ское общество дошло до такой степени отчаяния, что готово было прибегнуть к чьей угодно помощи, лишь бы избавиться от опустошающего саксонского гнета.

Сгущавшаяся смута, в которой никто не мог разобраться до конца, привела к определенным разногласиям между Г.Ф. Долгоруким и его подчиненным А.И. Дашковым, состоявшим при коронном гетмане А.Н. Сенявском. Похоже, А.И. Дашков слишком явно отклонялся от нейтральной позиции, поддерживая конфедератов. Г.Ф. Долгорукий считал это *«непотребной глупостью»*, несовместимой с общим курсом Петербурга на примирение сторон. Масло в огонь подливал Флемминг, резко протестовавший против действий русского резидента.

Между тем восставшие просили Петра о посредничестве в достижении примирения. Г.Ф. Долгорукий обещал его при условии, что от Речи Посполитой поступит соответствующая официальная просьба к царю, без чего он не может ввести в Польшу свои войска. Кроме того, нужно было дождаться возвращения Августа II, но тот не собирался отвлекаться от дрезденских развлечений, предоставляя Флемингу тем самым картбланш на его бесчинства. После того как король не ответил на призывы Г.Ф. Долгорукого поскорее вернуться, посол решил начать переговоры без него. Однако саксонцы почти открыто саботировали посредничество России, внушая полякам, что за русскую медиацию придется расплатиться Лифляндией. В ответ Г.Ф. Долгорукий предупредил Речь Посполитую, что мирное соглашение, заключенное без участия царя, а значит, не подкрепленное его гарантией, не будет стоить и бумаги, на которой оно написано.

Сквозь политический мрак в Польше трудно было разглядеть что-либо обнадеживающее. Тревога Г.Ф. Долгорукого усиливалась. В ноябре–декабре он предупреждал Г.И. Головкина об опасности превращения всего государства в большой повстанческий лагерь и турецкого вмешательства в польские дела, чреватого любыми последствиями, вплоть до заключения союза между Речью Посполитой и Стамбулом. Чтобы избежать этого, посол советовал перевести в практическую плоскость вопрос о жестком принуждении сторон к миру при сохранении Россией позиции третейского судьи.

Под давлением обоснованного страха и в отсутствие запаса времени для согласования своей инициативы Г.Ф. Долгорукий взял на себя смелость задержать армию Шереметева, которая была единственной надеждой на предотвращение самого худшего в тех условиях — падения Польши.

В то время как Август II, подначиваемый его окружением во главе с Флеммингом, отвергал русское посредничество, а сейм колебался, литовский гетман Поцей (возможно, ни с кем не согласовывая свой демарш) сообщал царю о своем видении польской ситуации, прося совета и советуя сам. Он говорил о необходимости посредничества без применения оружия к восставшим: высокого авторитета государя будет достаточно, чтобы вняли его увещеваниям. Шляхта обещала верность и послушание королю, если он избавит ее от саксонских утеснений и вернет ей традиционные привилегии и вольности. Они даже *«готовы все сесть на коней против шведа»*. Поцей также спрашивал у царя, что ему делать в сложившейся обстановке.

В середине декабря Петр распорядился дать письменный ответ. Государь благодарил гетмана за то, что тот послушал царского совета и воздержался от выступления против саксонцев, в чем, однако, был не царского величества, а его собственный интерес. Царь, хорошо осведомленный о тяжких обидах, причиненных шляхте, предпринимал и продолжит усилия по освобождению ее от непосильного податного

бремени. Тем не менее он не одобряет крайних средств, к которым прибегли конфедераты, и готов содействовать примирению на основе *«потребного им облегчения»*. Чтобы посредничество осуществилось надлежащим образом, необходимо прошение от всей Речи Посполитой, что позволит государю склонить к примирению и короля. Но если конфедераты, приняв медиацию, не успокоятся, то ему придется рассматривать это как упрямое желание продолжать внутреннюю войну и тем самым заведомо играть на руку шведам. В таком случае к восставшим будут применены *«иные меры»*.

В устной части ответа Поцею было велено добавить очень важное: если после всех уговоров Август не примет посредничества, то царь принудит его силой. Этим грозным предупреждением Петр послал четкий сигнал о том, что не считает свою миссию декоративной и намерен выполнять ее так, чтобы не быть уличенным в несправедливости и пристрастности.

Взятие Штральзунда, бегство Карла XII, недовольство Петра

Пока войска Шереметева, предназначенные для Померании, стояли в Польше, союзники продолжали осаду Штральзунда. Защитники, воодушевленные храбростью Карла XII, бились отчаянно. Король, не привыкший отсиживаться в крепостях, совершал дерзкие вылазки и во время одной из них выбил датчан с их позиций. Однако к концу октября союзники, потопив шведские десантные корабли, лишили неприятеля возможности получить подкрепление. Крепость плотно блокировали со всех сторон, а с прибытием осадной артиллерии (середина октября) падение Штральзунда стало лишь вопросом времени. Карл XII бежал в Швецию, предварительно разрешив своему отважному соратнику, герою нарвского сражения генералу Карлу Дюкеру сдаться союзникам. Случилось это 12(21) декабря 1715 года.

Русские войска не смогли разделить победные лавры. До Штральзунда они так и не дошли. Разгневанный этим Петр сорвал свои чувства на Г.Ф. Долгоруком, которому он писал: *«Я зело удивляюсь, что вы на старости потеряли разум свой и дали себя завесть* (провести. — *В. Д.*) *всегдашним обманщикам и чрез то войска в Польше оставить. Ты ведаешь, что они (саксонцы) того всегда искали, каким бы образом нибудь сие дело помешать, в чем вам гораздо бы смотреть надобно»*. В послании к П.И. Ягужинскому царь развивает свою мысль: *«Что же о штуках Флеминговых, тому не дивлюсь, то их плуг и коса* (обычные для него средства в отношении России. — *В. Д.*); *но удивляюсь князю Григорью, что он на старости дурак стал и дал себя за нос взять»*.

Оставить глубоко несправедливое обвинение Петра без комментариев значит признать безошибочность порядка приоритетов, расставленных им во второй половине 1715 года. А сделать это в свете тогдашних, да и позднейших реалий очень сложно. С.М. Соловьев справедливо полагал, что царь отдал предпочтение померанским событиям перед польскими и, судя по всему, находил весомыми причины, заставившие князя Долгорукого действовать так, как он действовал. Однако историк осторожно обходит вопрос об обоснованности такого государева предпочтения. Вспомним: Петр уже оказал союзникам целый ряд крупных услуг, военных, политических, дипломатических, финансовых. И что получил взамен, кроме упреков, подозрений, ненависти? Ради чего было повторять этот опыт вдали от русских границ, тем более тогда, когда вблизи их творилось бог знает что? Померанский вопрос, в отличие от польского, вопрос не рус-

ский. Если бы даже Шереметев единолично взял Штральзунд, никто из союзников и не подумал бы уступать России хотя бы пядь шведских владений в Северной Германии (будем исходить из рискованного допущения, что Петр преследовал именно такую цель). Что касается совместного добывания победы, то в этом случае шансы на благодарность в каком бы то ни было виде, за исключением сугубо символического, вообще равнялись бы нулю. Куда устремлялась нервная мысль царя, когда он так грубо и незаслуженно отчитывал беднягу Долгорукого, доподлинно мы не узнаем никогда. Это одна из многочисленных загадок, оставленных им. Можно сколько угодно размышлять над ней и найти варианты объяснений. Почему один из них не связать, скажем, с намерением Петра сделать Шереметева участником пленения шведского короля и усаживания его за стол переговоров? У историков, вероятно, найдутся и другие предположения, правдоподобие которых будет, пожалуй, их единственным достоинством. Возможно, и мы позже, при случае, вернемся к этой теме, но пока остановимся.

Инструкция Б.И. Куракину

Продолжавшийся польский кризис, уже почти нескрываемый антирусский настрой Августа II и его ближайших советников, беспредельная жадность и эгоизм союзников, помноженные на их неубывающее стремление взвалить всю тяжесть войны на плечи России, а львиную долю добычи присвоить себе, заставляли Петра все глубже задумываться о целесообразности его альтруистических обещаний польскому королю. Да и то спросить: с какой стати дарить этому русофобу и изменнику Лифляндию, добытую русской кровью и тяжкими ратными трудами? Давно закрадывались в душу царя колебания, но теперь, благодаря поведению Августа II, государевы сомнения разрешились не в его пользу.

Но к такому повороту Европу нужно было готовить исподволь и так, чтобы не сорвать перспективу мира. Реваншистские и бескомпромиссные планы Карла XII в определенной степени отодвигали в тень беспокоивший союзников вопрос о минимизации русских территориальных приобретений. Догадываясь об этом, Петр поручил князю Б.И. Куракину вступить с английскими министрами в переговоры об условиях мира со Швецией. Проблему Лифляндии следовало обсуждать *«в общих выражениях»*, доведя до сведения Лондонского кабинета, что вопрос о ее будущей принадлежности рассматривается царем в обособленном контексте русско-польских отношений. Но если среди англичан найдутся более или менее благожелательные к России собеседники, то можно разъяснить им по секрету позицию Петербурга. Вот ее суть. Своим союзом с Августом царь навлек на себя войну с Турцией, в которой польский король, вопреки его обязательствам, отказался участвовать. В результате Россия потеряла многие территории и потерпела большой экономический урон, за что ей полагается вознаграждение в виде Лифляндии. В случае благоприятного развития диалога царская инструкция позволяла Куракину предложить англичанам здраво рассудить, какую пользу они (и голландцы) извлекут, принуждая Россию отдать эту территорию польской короне. И ответить самому: будет только вред, *«потому что эта корона непостоянная и беспрестанным переменам подлежащая, легко может их* (земли. — *В. Д.*) *опять потерять; да хотя бы за нею и остались, то от непостоянства поляков купечеству будет всякое утеснение и тягость; тогда как царское величество*

обяжется заключить с морскими державами торговый договор для всех областей своего государства, договор на таких выгодных условиях, каких никогда прежде не было».

Куракину разрешалось подкрепить эту логику *«пристойными дачами»* (200 тыс. ефимков) кому следует за склонение Георга I и Генеральных Штатов к такому же видению ситуации. Излишне напоминать, что в дипломатии того времени сопроводительные материальные аргументы были в порядке вещей.

Карл VI в надежде на лучшие времена

В начале 1715 года между Матвеевым, еще остававшимся в Вене, и австрийским двором вновь состоялись неприятные объяснения. В то время в имперской столице находились шведские генералы, следовавшие в Швецию вслед за своим королем. Среди них был преемник Мазепы, называвший себя гетманом Войска Запорожского Ф.С. Орлик. Узнав о нем, Матвеев предъявил Вене требование о выдаче *«изменника в державу царского величества»*. Ему *«гораздо студено»* отказали, поскольку Карл VI обещал безопасный проезд шведскому королю и всей его свите. Посол сказал, что Орлик не швед, а вор и предатель, подлежащий наказанию. Ответ последовал *«неучтивый и неожиданный»*. Ему напомнили, как Петр держал в Польше под своим покровительством вождя антигабсбургского восстания Ференца Ракоци и его сподвижника Миклоша Берчени, несмотря на цесарскую дружбу. А царский резидент в Вене барон Урбих принял представителей венгерских бунтовщиков в свою свиту. Матвеев возразил: есть разница. Царь не мог выдать венгров *«не из своего государства, из Польши»*. Он мог лишь удалить их от себя, что и произошло. Урбих же поступал не по приказу, а по своему дерзкому самовольству, за что и был уволен с царской службы.

В русско-австрийских отношениях заметны странные колебания. От *«гораздой студености»* до весьма любезных интонаций. Полна именно таких интонаций была прощальная аудиенция, данная Матвееву Карлом VI 28 февраля 1715 года. Император говорил с послом *«долго и милостиво»*, прося Петра вникнуть в те затруднительные обстоятельства, которые пока не позволяют явить подлинные доказательства его *«великой и искренней дружбы»*. Но времена, когда он сможет это сделать, непременно наступят. Покуда же он приложит *«всевозможный труд о заключении северного мира»*.

Еще теплее было напутствие императрицы Елизаветы Кристины Брауншвейг-Вольфенбюттельской, благодарившей Петра за отеческие милости к ее сестре Шарлотте Кристине, жене царевича Алексея, обещая не прекращать своих стараний в защите интересов его царского величества. В подтверждение императрица сообщила, что ее родственник нынешний герцог Брауншвейг-Вольфенбюттеля Август-Вильгельм собирает 9-тысячное войско в помощь шведам, от чего его настойчиво отговаривает Карл VI. *«Теперь,* — заверяла императрица Матвеева, — *я сама напишу сильное письмо к герцогу, чтоб он не сближался с Швециею»*.

Хотя общая динамика русско-австрийских отношений не указывала на устойчивую позитивную динамику, обнадеживающие признаки в них все же имелись. В существенной степени их развитию мешали не только объективные факторы, но и постоянная круговерть интриг, которые в окружении Карла VI плелись против России. Даже Евгений Савойский не остался в стороне от них, поддавшись россказням о грандиозных завоевательных замыслах Петра.

Эти фантазии всерьез воспринимал не только он. В августе 1715 года преемник Матвеева Авраам Веселовский известил Петербург о предстоящей войне между Австрией и Турцией. Это был более чем подходящий повод к возобновлению Священной лиги, за что рьяно выступал венецианский посол в Вене, но против чего не менее решительно возражал Савойский и другие. Боялись одного. Если русские войска в качестве союзников вступят в Стамбул, выжить их оттуда будет невозможно, и это станет началом восстановления Византийской империи под властью царя. Видимо, страх перед возрастающей мощью России мешал осознать смехотворность такой логики. Мог ли Петр в условиях обостряющейся обстановки на севере взять на себя столь неподъемную ношу на юге? Предположить такое значило сильно усомниться в здравом смысле царя, если не в его рассудке.

Но искусство интригоплетения имеет свои законы, часто вступающие в конфликт с законами международных отношений. Веселовский решил попытать счастья на этом рискованном поприще. Первый шаг был удачным. У обергоф-канцлера графа Людвига фон Цинцендорфа, близкого конфидента цесаря, была любимая жена, страдавшая злостной формой игромании и пускавшая на ветер огромные деньги. Воспользовавшись карточной страстью графини, резидент получил доступ в ее дом, где он вступил в тайное соглашение с хозяином. Цинцендорфу была предложена регулярная пенсия в 6000 ефимков за подробные сведения о всех предложениях, которые будут поступать венскому двору от союзников и шведского короля, и за соответствующее содействие интересам России. Цинцендорф согласился, а Петр отклонил инициативу Веселовского, лишний раз показав, что предпочитает осторожную политику и избегает усложнять европейские дипломатические перипетии, и без того дошедшие до грани абсурда.

ЛАНЬ®

1716 год

Мекленбургский вопрос: монаршая ошибка или державный прагматизм?

В 1716 году к нераспутанному клубку старых проблем прибавились новые. Среди них одна, которую историки часто приписывают опрометчивости Петра. Речь о Мекленбургском герцогстве. Еще накануне военной кампании 1713 года в Северной Германии царь, озабоченный проблемой снабжения русских войск провиантом, обратился к герцогу Карлу-Леопольду с просьбой продать необходимое количество продовольствия и фуража (миссия Ганса-Христофора Шлейница)[1]. Заметим, что Петр давал плату, в то время как датчане, ганноверцы, пруссаки и шведы попросту грабили мекленбургских жителей.

[1] Кстати, тогда Ганновер, опасаясь усиления позиций России на южном берегу Балтики, старался поломать эту сделку, пугая герцога то реакцией цесаря, то угрозой военного вторжения Пруссии в ответ на сближение с царем, которое будет означать отказ Мекленбурга от своего нейтралитета. Между тем ни шведы, ни союзники не обращали на этот «нейтралитет» никакого внимания, хозяйничая в герцогстве как у себя дома.

Герцог находился меж трех огней: шведы, союзники и собственное, оппозиционно настроенное дворянство. В согласии на просьбу Петра Карл-Леопольд увидел надежду на помощь России, взял курс на сближение с нею и пошел на решительный шаг, предложив руку и сердце племяннице Петра Екатерине Ивановне. Царь согласился и, как считается, совершил ошибку, поссорившую его со старыми союзниками и не принесшую новых.

Проследим за событиями 1716 года, чтобы проверить степень обоснованности такого суждения. Но прежде подчеркнем, что когда осенью 1714 года в Петербург для подготовки брачного договора приехал герцогский посланник барон Габихсталь, Петр потребовал для своей племянницы, помимо обязательной свободы вероисповедания, целого набора привилегий, включая право иметь свой двор, содержание которого будет оплачиваться Карлом-Леопольдом.

22 января 1716 года договор был подписан, а через месяц Петр прибыл в Гданьск на свадебные торжества. 8 апреля, в день бракосочетания, царь заключил с герцогом союзное соглашение, по которому гарантировал ему и его наследникам (учитывая, что их матерью будет русская царевна) внутреннюю безопасность от происков рыцарей и внешнюю от угроз со стороны соседей. Петр обещал послать к Висмару свой корпус и содействовать тому, чтобы город перешел во владение герцога. А если это не удастся, то выплатить 200 тыс. рублей в качестве компенсации.

Карл-Леопольд обязывался расквартировать в Мекленбурге русские войска, предоставив им практически полную свободу действий, а русским купцам полную свободу торговли. Герцогство имело большое стратегическое значение: отсюда можно было контролировать ситуацию в Северной Германии и вести морскую войну против шведского флота и шведских каперов.

Свадьба, однако, была не главной и не единственной целью приезда Петра в Гданьск. С этого города начиналось второе его путешествие в Европу, более длительное, чем первое, и преследовавшее, в отличие от Великого посольства, куда более масштабные задачи. В заграницу отправлялся не урядник Петр Михайлов в образе инкогнито, а могущественный русский царь, который уже имел сильное влияние на европейские государства, но желал еще большего.

В Гданьске, где расположилась штаб-квартира войск Шереметева, он вел себя настолько по-хозяйски, что у современников возникло впечатление, будто не Петр был гостем у Августа II, которому «вольный» город подчинялся как польскому королю, а наоборот. Не спрашивая ни у кого разрешения, государь наложил на жителей Гданьска штраф за торговлю со шведами и за предоставление их судам возможности заходить в устье Вислы. Контроль за таможенной службой города перешел к русским офицерам[1].

* * *

Браку Карла-Леопольда и русско-мекленбургскому союзу препятствовал кто только и как только мог. Пожалуй, в этом вопросе, не в пример вопросу о продолжении войны со шведами, Европа была едина. Замыслы Петра толковались однозначно, как стремление стать твердой ногой на германской почве. Больше всех негодова-

[1] Возможно, Петром движили еще и воспоминания о том, как Гданьск в свое время приветствовал царского врага принца де Конти.

ла дворянская оппозиция герцогу, поскольку были задеты ее жизненные интересы, против которых у Карла-Леопольда теперь появилось верное средство — поддержка могущественного царя. Но и мекленбургское рыцарство не было безоружным. Его сила состояла, конечно, не в ружьях и доспехах, а в том дипломатическом влиянии, которым пользовались выходцы из ее среды. Один из них — Андрас-Готтлиб фон Бернсдорф — был ганноверским министром и имел огромное влияние на Георга I, сначала как на курфюрста, а затем и как на английского короля, во многом определяя его внешнюю политику. Мекленбуржцы Гольст и Девиц, находясь на датской службе (один на дипломатической, другой на военной), входили в ближний круг советников Фредерика IV. Надо ли говорить, что именно внушали они своим монархам о последствиях союза между Россией и Мекленбургом. Впрочем, и без этих внушений озабоченность королей стремительным подъемом России росла с каждым днем.

В марте 1716 года русские войска вошли в герцогство. Теперь для продолжения войны со Швецией они получили тот надежный плацдарм, обретению которого всегда мешали союзники. Выходили ли планы Петра за рамки военно-стратегических задач и были ли они ориентированы на долгосрочную перспективу, не известно. Но считать ошибкой его стремление заполучить в Северной Германии точку опоры, позволявшую действовать независимо от союзников, их интриг и саботажа, значит не видеть в петровской политике рационального расчета или, как говорил С.М. Соловьев, *«соображений верных выгод»*. Историки, считающие сближение с Мекленбургом авантюрой, приводят в обоснование тот факт, что Петр обратил против себя недовольство союзников. Не уместен ли тут вопрос: а когда союзники вообще были довольны действиями России, когда они проявляли хотя бы малейшую благодарность за жертвы, принесенные русскими во имя чужих интересов? Что касается попытки некоторых современников указать на неудачный выбор царем союзника, поскольку у Карла-Леопольда был скверный характер (и это правда), то такой аргумент не многого стоит применительно к ситуациям, где действуют законы реальной политики.

Участники Северного союза и другие государства слишком долго и слишком открыто позволяли себе действовать в обход России, чтобы ожидать от нее бесконечного терпения к их циничным проделкам. В лице Мекленбурга Петр получил средство противостояния им и рычаг давления на Европу. Утверждение, что решение царя поссорило его с союзниками, нуждается в существенном уточнении. Именно через это обострение европейские правители пришли к осознанию всей опасности дальнейшего отчуждения России и всей необходимости проявлять уважение к ее интересам.

Однако последствия такого осознания дали о себе знать не сразу и в довольно противоречивой форме. Переговоры датского правительства с В.Л. Долгоруким (зима–весна 1716 г.), которые Фредерик IV отдал целиком на откуп своим министрам, ненавидевшим Россию, по-прежнему проходили очень трудно. Датчане настаивали на том, чтобы сосредоточиться на осаде Висмара, рассчитывая на большую помощь русских войск. Русский посол, выполняя инструкции Петра, говорил, что взятие крепости не приблизит окончание войны: только перенесение боевых действий на шведскую территорию (в Шонию [Сканию]) может заставить Карла XII пойти на переговоры. Тогда и висмарскому гарнизону ничего не останется, как сдаться. В крайнем случае, продолжал В.Л. Долгорукий, можно параллельно вести обе операции — против Шонии и против Висмара. Как было заявлено датчанам, не для того царь посылает свои

лучшие войска *«в такие дальние края»* и *«на своем жаловании»*, чтобы добывать для Дании Висмар. Он решительно выступает за совместную союзную военно-морскую кампанию на территории Швеции и просит Фредерика IV не надеяться, что в случае его отказа государь согласится в следующем (1717 г.) нести *«такие превеликие иждивения»*, не говоря уже об их бесполезности ввиду упущенного благоприятного момента.

Между тем сам Петр полным ходом вел приготовления к военным действиям на шведской земле. Его войска стояли не только в Мекленбурге, но и в Ростоке, куда прибыл также и царский галерный флот. Он не терял надежду на продолжение войны путем согласованных операций участников Северного союза. Но внутри союза дела запутывались до предела, что, в принципе, как это ни парадоксально, приближало время, когда этот хаос достигнет кульминации, после чего неминуемо наступает развязка.

Петр желал развязки больше других, хотя и не ценой принесения в жертву русских интересов. Когда Фредерик IV потребовал, чтобы Мекленбург платил его солдатам, осаждавшим Висмар, как датскую будущую добычу, царь *«в сильных терминах»* заявил протест по поводу разорения герцогства, грозившего оставить пребывавшие там русские войска без пропитания. В Дании, Ганновере и Англии поднялась новая волна подозрений по поводу захватнических замыслов Петра, в которые Бернсдорф и его единомышленники теперь стали включать захват Висмара, Гамбурга и Любека. Антироссийская дипломатия действовала порой настолько успешно, что возможные ее последствия сильно насторожили царского посла в Голландии Б.И. Куракина, совершившего в начале 1716 года по приглашению Бернсдорфа (а по сути Георга I) поездку в Лондон, где ему сообщили о недовольстве короля русско-мекленбургским союзом, предложив отказаться от него в пользу союза русско-английского, которым Петру будут гарантированы все его завоевания. Под впечатлением этого визита Б.И. Куракин спрашивал у царя, стоит ли терять дружбу союзников ради Карла-Леопольда при том, что *«если царское величество вникнет в характер герцога, то найдет его очень неприятным»*.

Вкратце остановимся на такой постановке вопроса, тем более что мы находим ее у ряда современников и историков. Даже С.М. Соловьев, в целом избегая углубляться в тему, все же замечает, что благодаря союзу с Мекленбургом Петр *«был опутан паутиною интриг»*, и хотя ему удалось вырваться из этой паутины, *«она заставила его провести много неприятных, беспокойных часов»*. Были ли у царя беспокойные часы? Сколько угодно. Они складывались в дни, недели, месяцы, годы. Мекленбург не мог тут ничего ни прибавить, ни убавить. Все великие дела полны тревог. А такие, как Северная война, и подавно. Самую большую нервотрепку доставили Петру козни союзников, которых, при всех внутренних разногласиях, объединяло стремление одолеть шведов руками царя и свести его вознаграждение лишь к территориям, потерянным Иваном Грозным. Зная это, государь хотел завоевать побольше из того (прежде всего в Финляндии), что он потом готов был вернуть в обмен на шведские уступки в Прибалтике. Мекленбург, находившийся вдали от границ России, Петр и не думал включать в список своих завоеваний. В данном случае ему требовался плацдарм для военных действий на южном берегу Балтийского моря с целью скорейшего принуждения Карла XII к миру. В лишении царя именно такого плацдарма видели союзники одну из своих главных задач. Всякий раз после того, как русские войска в Северной Германии одерживали победы, спасая датчан и саксонцев от разгрома, Петра с нетерпением

спрашивали, когда он вернет свои полки в Россию. Нисколько не смущаясь, союзники отводили царской армии роль «армии по вызову», эдакой скорой помощи, которая должна срочно появляться для спасательных операций и тотчас удаляться по выполнении миссии. Их не интересовало, что речь шла о преодолении нескольких тысяч километров, о необходимости иметь пропитание, фураж, соответствующую сезону экипировку, боеприпасы, расходы на которые тоже норовили возложить на Россию.

Петру это изрядно надоело, что во многом и привело к русско-мекленбургскому соглашению. Союзникам он тем самым объявлял: отныне, выбирая средства приближения полной и окончательной победы над шведами, буду действовать по своему разумению; хотите участвовать в этом, отказавшись от интриг, проволочек, сепаратных игр и саботажа, присоединяйтесь, если нет — вольному воля, обойдусь своими силами.

Мекленбургская история в конечном счете заставила союзников всерьез отнестись к такому предупреждению и внесла важный вклад в достижение победы. Ошибкой она может показаться лишь в краткосрочной перспективе. И в самом деле, почти паническая реакция Европы как будто подтверждала это. Своеобразной частью такой реакции являлось предложение Георга I, уже в лице британского короля, об англо-русском союзе, о котором он до этого не заикался. Одним из выставленных Петру условий был отказ от военной помощи Карлу-Леопольду и признание за Ганноверским домом прав на английскую корону. Король же обещал вступить в войну, действовать против шведов в Шонии, гарантировать царские завоевания в Прибалтике.

В свете последующей политики Лондона можно утверждать, что Георг I предлагал царю фикцию. Воевать по-настоящему король не собирался, а его дипломатические услуги не дорого стоили, ибо никакого влияния на Карла XII он не имел. Главным для него было срочно расстроить русско-мекленбургский союз, но и с этим король опоздал, поскольку его предложения Петр получил в Гданьске в марте 1716 года, когда дело уже было сделано, а через несколько дней царские войска под командованием князя Н.И. Репнина выступили к Висмару, осаждаемому датчанами, пруссаками и ганноверцами.

Между тем влиятельные недруги России распространили слух, будто русская армия идет захватить город и передать его Карлу-Леопольду, тогда как на самом деле Репнин шел на помощь в соответствии с пожеланием Фредерика IV и союзной договоренностью о совместной осаде Висмара, и пока никакой речи о его дальнейшей судьбе не было. 1 апреля князь доложил о своем прибытии генералам союзников. Лишь прусский командующий выразил готовность уступить русским его боевые позиции. Датский генерал Девиц заявил Репнину, что Висмар скоро падет и в царских войсках нужды нет. Князь ответил, что он пришел не дискутировать с Девицем, а участвовать в принятии капитуляции крепости и занять ее вместе с другими союзными войсками. После предупреждения датчанина, что он не пустит русских в Висмар, Репнин пригрозил войти туда силой. Дело чуть не дошло до рукопашной. Во избежание кровопролития, за которое ему могло крепко достаться от царя, князь отвел свои войска. Петр, глубоко возмущенный поведением Девица, высказал свои чувства в протесте, направленном в Копенгаген. Идти дальше этого он посчитал несвоевременным, пока сохранялась надежда на реальное, а не бумажное возрождение Северного альянса. Интересы дела он поставил выше нанесенного ему оскорбления и желания проучить датчан.

В мае 1716 года датчане взяли Висмар и разрушили его вместе с крепостью, чтобы он не достался новому родственнику царя. Петр, заметно охладевший к Карлу-Леопольду из-за его хамского обращения с царской племянницей, не особенно огорчился.

К негативным последствиям мекленбургского дела можно было бы отнести датские проволочки в обсуждении вопроса об активизации военных действий против шведов вообще и о высадке десанта в Шонию в частности, если бы в этих проволочках было бы что-то новое. Первые четыре месяца 1716 года В.Л. Долгорукий провел в пустых переговорах с датскими министрами, которые вынашивали свои внешнеполитические планы, зачастую не совпадавшие с королевскими не только в тактических, но и в стратегических аспектах. Пропитанная интригами атмосфера датского двора лишь обостряла те проблемы, которые и без того ставили Копенгаген в затруднительное положение. С одной стороны, Висмар, где нужно было держать войска, с другой стороны, опасность вторжения Карла XII в Норвегию, с третьей — требования царя об обеспечении логистических средств для десанта русских войск на территорию Швеции. Датское правительство не знало, на чем сосредоточиться и кого опасаться больше — Карла, Петра, Георга I, Фридриха-Вильгельма или еще кого из имевших свои виды на северогерманские территории. И все же при всей неразберихе внутри Северного альянса его участников в конечном итоге сближала самая страшная угроза — лишиться России как единственной и незаменимой силы, способной окончательно сломить шведов. И тут в беспокойном воображении союзников возникал закономерный вопрос: а что даст им разгром врага, если продолжать раздражать Петра подковерными маневрами и открытой демонстрацией недружественных намерений? Этот вопрос принимал все более животрепещущую суть по мере того, как становилось ясным, что Карл ни с кем не собирается вести переговоры, кроме как с царем, единственным достойным противником. Понятно, что заключенный между двумя монархами мир может оставить остальных у разбитого корыта, приведя тем самым к справедливому завершению долгую историю направленной против России политики лжи, интриг и предательства.

Б*о*льшую часть ответственности за такую политику несли приближенные Фридриха IV, преследовавшие зачастую личные цели и пользовавшиеся весьма распространенной болезнью монархов — не утомлять себя государственными делами, особенно когда нужно вникать в детали, где обычно и прячется дьявол. Но после возвращения Карла события в Северной войне грозили принять такой оборот, при котором плутоватые ухватки придворной космополитической камарильи могли обречь государство на крупный проигрыш. Для правителей пришла пора отвлечься от приятных занятий в пользу занятий неприятных, но необходимых.

Лучше и раньше других союзников это осознал прусский король. Надо думать, Петр почувствовал настроение Фридриха-Вильгельма, и поэтому встречу с ним в Штеттине (начало мая 1716 г.) царь изначально включил в программу своего второго заграничного путешествия, маршрут которого он корректировал в зависимости от изменения европейской ситуации и от своих планов по ее изменению. Видимо, Петр не без умысла приехал в это знаменательное для короля место, как бы намекая ему: вожделенный штеттинский подарок достанется Пруссии при условии твердого соблюдения ею союзного договора. Намек был очень своевременным, учитывая священный принцип Гогенцоллернов, да и не только их: «договорам нужно следовать

до тех пор, пока с их помощью не достигнута необходимая тебе цель и пока они тебе выгодны». Царь, уже не раз сталкивавшийся с подобным толкованием европейского международного права, затвердил этот урок. Он не собирался вселять в прусского короля чувство уверенности в том, что штеттинский вопрос окончательно решен в его пользу: дипломатия войны, как и сама война — непредсказуемы, всякое может случиться. В конце концов, «шведская партия» в прусском правительстве никуда не делась, отчего невольно возникало подозрение, что король держит ее «про запас», на случай если общая международная конъюнктура изменится в благоприятном для Стокгольма направлении.

Поэтому Петр в беседах с Фридрихом-Вильгельмом сосредоточился не на проблеме раздела трофеев еще не выигранной войны, а на планах совместных действий союзников, желая, разумеется, выяснить, какой вклад готова внести Пруссия в общее дело. Король согласился, что русские войска должны высадиться в Шонии и на восточном берегу Швеции при поддержке английской эскадры. Он окончательно утвердился в мысли о ключевой, незаменимой роли России в достижении победы над Швецией, став более независимым от русофобских суждений своего министра Ильгена. Полным диссонансом тому, что Петр знал о европейской реакции на его союз с Мекленбургом, прозвучало заявление Фридриха-Вильгельма, что он против вывода царских войск из княжества, поскольку это оголит Северную Германию в случае нового вторжения шведов. Более того, король согласился на передачу Висмара мекленбургскому герцогу, а также на возобновление прусско-мекленбургского союза. В ответ Петр гарантировал королю неприкосновенность его владений и обещал способствовать присоединению к ним других земель, которые будут завоеваны у Швеции.

Официальные документы, касавшиеся этих проблем, были на всякий случай сформулированы весьма осторожно, но общую конструктивную тенденцию в русско-прусских отношениях они фиксировали вполне определенно. Фридрих-Вильгельм не дал датчанам и англичанам впутать себя в козни, направленные против России. Ему внушали, что Петр неспроста собрал в Северной Германии столько войск. Под предлогом подготовки высадки на шведские берега царь собирается захватить Гамбург, Любек, Висмар, всю Померанию, Штральзунд и Штеттин, чтобы укорениться в Империи. Среди предложений, поступавших к королю, была идея предъявить Петру коллективное требование об отзыве его войск в Россию. Фридрих-Вильгельм решительно отказался участвовать в этом демарше, понимая, чего ему может стоить ссора с царем: от союзников Пруссия никогда не получит того, что ей в состоянии дать дружба с царем.

Австрия между севером и югом

Мекленбургское дело сильно обеспокоило Вену. Настолько, что там стали подумывать о приглашении России вступить в австро-венецианский союз против турок и тем самым отвлечь ее от Северной Европы. Если царь не проявит интереса к этой идее, то, значит, он непременно хочет утвердиться в Германии. В конце концов австрийцы передумали, поскольку действовать против Турции нужно было без всяких отлагательств. Нанося османским войскам чувствительные поражения, принц Евгений Савойский, как и Карл VI, постоянно оглядывался на север, ожидая оттуда круп-

ных неприятностей от русских. Торопясь закончить Вторую Морейскую войну, император хотел поскорее развязать себе руки, чтобы быть готовым к худшему развитию событий на южном побережье Балтики. Из Мекленбурга, Ганновера, Дании к нему непрерывно поступали жалобы на безобразное поведение Карла-Леопольда, использовавшего царские войска как орудие против недовольной дворянской оппозиции. Веселовский всеми силами пытался урезонить герцога, но безрезультатно. Тогда Карлу VI, как гаранту безопасности Империи, по настоянию ганноверских министров, пришлось с неохотой выдать германским князьям декреты, разрешающие вытеснять царские войска из Мекленбурга, что грозило вылиться в повсеместные вооруженные столкновения.

Однако осенью 1716 года настроения в Вене переменились. Пришли известия, что ганноверский и датский дворы сорвали высадку десанта в Шонию. Возмущенный саботажем союзников Петр объявил о намерении заключить с Карлом XII сепаратный договор. Император крайне встревожился, и потому, по-видимому, что при определенных обстоятельствах, включая гневную реакцию царя на, по сути, предательское поведение участников Северного альянса, сепаратный договор мог превратиться в союзный, чреватый катастрофическими последствиями для Германии.

Карл VI понимал реакцию Петра и сам проникся почти таким же чувством негодования на ганноверско-датских махинаторов, которые в угоду своим личным интересам разорвали союз с русскими и поставили под вопрос победу над шведами. Присутствие царских войск в Мекленбурге, конечно, продолжало вызывать раздражение в Вене, но, с другой стороны, кто будет воевать против шведов, когда они соберутся с силами и вновь вторгнутся в Северную Германию? Ведь имперские войска находились на турецком фронте, а как умеет Карл XII расправляться с противниками, он уже показал не раз.

Дания и Англия вновь в роли саботажников

Вся вторая половина 1716 года была заполнена небывалой путаницей в межсоюзных отношениях. Не могли договориться ни о военных планах, ни о дипломатической стратегии подготовки мира. От мозаики сталкивающихся интересов, интриг, закулисных инсинуаций, лжи рябило в глазах. Составить из всего этого достоверную картину трудно и сегодня, по прошествии трех столетий. Пожалуй, более или менее очевидно было одно. Принцип «каждый за себя» торжествовал над необходимостью совместных согласованных действий. Временами казалось, будто антишведская коалиция близка к превращению в антирусскую. Но и тут не все было однозначно. Понимание того факта, что без России Швецию не одолеть, объединяло союзников, но влекло за собой вопрос: а какой именно победы они хотели? Уж точно не такой, которая сделает царя новым хозяином Балтики. Европа металась между искушением обойтись без России и страхом перед последствиями. Не для того велась эта тяжелейшая война, чтобы все вернулось на круги своя. А если не для этого, то для чего? Вот главная дилемма европейской дипломатии. Как ее решить, когда союзники своими темными играми запутали прежде всего сами себя, лишившись надежных источников информации, которая помогала бы выстроить стратегию достижения результата. Да и как не потерять из виду общую картину, когда в ней столько нестыкую-

щихся фрагментов. Одна группа европейских придворных интриганов утверждает, что Карл XII и на дух не принимает мысль о мире. Другая настаивает на достоверности сведений о подготовке сепаратного шведско-русского договора. Третья то и дело твердит, что проблема не в Швеции, а в царских планах захвата Северной Германии. Когда союзники вконец замучили Петра открытыми подозрениями относительно его намерения порвать с ними, он ответил по существу: *«если они по совести сознают, что заслужили того, то будут знать, что делать, чтоб удержать его от разрыва»*. И все это на фоне перекрестных свар между германскими княжествами. Неудивительно, что война затягивалась.

Военные планы Петра на 1716 год провалились. Одним из главных виновников была Англия. Уже в то время она примеряла на себя роль держателя европейского баланса. А Северную войну хотела использовать как полигон для отработки технологии лавирования между участниками, не примыкая ни к одному из них. Лондон опирался на фундаментальный посыл: ни в Балтийском море, ни на территориях, прилегающих к нему, не должно быть доминирующей силы, тем более России. Англо-ганноверская связка позволяла проводить такую политику достаточно «изящно». В одних вопросах Георг I выступал как независимый ганноверский курфюрст, в других — как британский король, ограниченный волей парламента. Такая разноликость никого не вводила в заблуждение, но представляла определенное удобство, чтобы продвигать английские торговые и политические интересы, блокируя препятствующие факторы. Некоторая аналогия была бы допустима в отношении Августа II, если бы тот умел с умом манипулировать своими ипостасями польского короля и саксонского курфюрста.

С середины 1716 года Петр прилагал большие усилия для организации высадки русских войск на шведскую территорию. Дания, отговариваясь то одним предлогом, то другим, медлила с предоставлением десантных судов, нуждавшихся в прикрытии со стороны английского флота. Но Георг I заявил, что не будет действовать против шведов в пользу Петра, ибо подозревает его в захватнических планах после того, как царь обложил Данциг контрибуцией и заключил союз с Мекленбургом. Все попытки переубедить короля ни к чему не привели.

Между тем русские войска в ожидании погрузки на суда, простаивали около Ростока и под Копенгагеном. Петр писал об этом периоде, как *о «болтании туне* (втуне. — *В. Д.*)». Он разъезжал между Данией и Померанией, стремясь сдвинуть дело с мертвой точки, чтобы не упустить осеннее время, еще пригодное для военной кампании. Потеряв терпение, он сел на корабль, чтобы самолично обследовать шведские берега, места предстоящей высадки. Царское и сопровождавшее его судно были встречены артиллерийским огнем и получили пробоины. Стало ясно, что, пока союзники пререкались, неприятель сильно укрепился. И похоже, датских и английских интриганов такой поворот дела не особенно опечалил. Главный результат был достигнут — высадка сорвана.

Но этого мало. Антирусский психоз в Копенгагене едва не достиг опасной черты. Поскольку русские драгунские и пехотные полки оставались в Копенгагене, датчанам взбрело в голову, что готовится захват их столицы. Поднялась паника. Георг I втайне обещал датскому королю помощь в случае столкновения с русскими. Командующий британской эскадрой, стоявшей на рейде, адмирал Джон Норрис получил от Георга I

(как от ганноверского курфюрста) приказ арестовать русские десантные корабли и самого Петра, не отпуская его до тех пор, пока он не уберет свои войска из Дании и Германии. Адмирал, вероятно, так бы и поступил, если бы он подчинялся ганноверскому министерству, а не Лондонскому кабинету. В Лондоне же рассудили здраво. Петр не станет разбираться, чей это приказ — курфюрстский или королевский. Исполнение его приведет к разрыву между Англией и Россией, которая безусловно не оставит столь вопиющее оскорбление без ответа, и им, скорее всего, станет арест английских купцов и их судов со стратегическим товаром (ценная корабельная древесина), находящихся в русских гаванях. Георгу I пришлось остудить свой пыл. Испугался такого крайне рискованного развития ситуации и датский король, не веривший в россказни о зловещих замыслах Петра.

Уезжая из Копенгагена в середине октября 1716 года, царь обвинил Фредерика IV в открытом саботаже военной кампании и в *«незаслуженных и жестоких поступках»* в отношении царской персоны.

С военно-стратегической точки зрения 1716 год закончился впустую, хотя могло быть и хуже. Отношение Петра к Дании и Англии стало еще более настороженным.

Нужно признать, что союзники царя чувствовали себя очень неуверенно. Толковых планов ведения, точнее симуляции, войны у них не было. Подставляться под удары неутомимого и полного мести Карла XII было боязно. О мире он и слышать не хотел. Да и что давал той или другой стороне сепаратный договор в обход Москвы? Россию этим уже не испугать: она и так воевала со шведами без чьей-либо существенной помощи и непременно продолжит это. Северная война окончательно превратилась в русско-шведскую. Поэтому перспективы приобретений союзников всецело зависели от победы одной из этих сторон. Если и была у членов коалиции какая-то дипломатическая стратегия, то она заключалась в том, чтобы, не слишком озлобив шведов и русских, избежать опасности стать жертвой их сговора.

Намеки Стокгольма: верить ли?

За 16 лет Петр истратил на войну громадные военные и материальные силы, а конца ей так и не предвиделось. Не менее важно, что она изнурила царя физически и морально. Вероятно, в его мысли стали проникать сомнения о возможности заключить выгодный для России мир, когда союзники методично выстраивают препятствия к этому. Перед лицом непредсказуемых сюрпризов, вроде того, который ему преподнесли в Копенгагене, царю ничего не оставалось, как предпринять все возможное, чтобы взять события под свой полный контроль, не останавливаясь перед использованием методов, которыми давно уже не брезговали его «партнеры по коалиции». Настало время, когда это понятие с полным основанием можно было брать в кавычки.

Именно выяснение того, насколько реальной являлась перспектива использования в интересах России тех, кто не входил в эту и в самом деле *«опереточную коалицию»*, составило главную цель его второго европейского вояжа (1716–1717 гг.).

И кажется, призрак этого помощника смутно забрезжил в августе. Им оказался Карл XII, который через ландграфа Фридриха гессен-кассельского стал зондировать почву относительно русско-шведского мира. Как передавали, шведский король, используя и других потенциальных посредников, искал пути к миру, исходя из того,

что если два главных противника договорятся, то всеобщий мир восстановится сам собой. Был еще и математический расчет. Когда из общей суммы предполагаемых уступок союзникам будет вычтена доля, удовлетворяющая царя, то претензии остальных можно будет волевым путем привести в соответствие с их политикой имитации участия в войне, вся тяжесть которой, как прекрасно понимал Карл, лежала на плечах России. Как выразился Герц, нужно примириться с Петром, *«чтобы раздавить прочих»*.

Согласно некоторым источникам, именно Герц внушил королю этот образ мыслей и получил полную свободу действий во всех государственных вопросах. Допуская это, не стоит забывать, что нельзя убедить уже далеко не юного (34 года) короля в том, что не соответствует его собственному ходу рассуждений. Впрочем, доподлинно знать, как именно анализировала эта загадочная личность перспективу дальнейшего развития событий, нам не дано. Возможно, историку помогла бы гипотетическая запись так и не состоявшейся личной встречи между Петром и Карлом. Не исключено, что это был бы один из самых ценных документальных памятников Северной войны. К сожалению, такая встреча так и не состоялась.

С несколько большей уверенностью можно предполагать о том, как виделась шведская инициатива Петру. Его первой реакцией был отказ мириться с человеком, называвшим русских «варварами» и подразумевавшим, что во главе их стоит типологически близкий им правитель. Потом, видимо, царю напомнили, что с тех пор прошло много лет, вместивших Полтаву и другие яркие победы, заставившие Карла резко изменить свое мнение. Б.И. Куракин, ссылаясь на одного из приближенных короля, передавал, что теперь *«он считает его первым государем во всей Европе»*. И призывал *«стараться уничтожить личное раздражение между государями»*.

Наконец Петр ответил, что если Карл действительно хочет мира, то пусть пришлет к нему своего доверенного человека с тайной миссией. Царь, сытый злокозненной возней европейских интриганов разных мастей, безусловно колебался. Возможно, больше всего его смущало то, что рядом с Карлом находился мастер всякого рода «проделок» Герц. Не придумал ли он от имени короля что-либо каверзное и на сей раз? А если эта придумка стоит внимания как нечто выгодное для России? Петр, фактически преданный союзниками, и сам размышлял над чем-то вроде «дипломатической революции» наподобии той, что произвел кардинал Ришелье в Тридцатилетнюю войну или Фридрих II накануне Семилетней войны. В данном случае речь могла идти о «переворачивании альянсов» путем объединения России, Пруссии и Швеции для достижения мира на условиях, приемлемых прежде всего для этой троицы. Но это была рисковая комбинация и сама по себе и с учетом участия в ней Карла, приложившего некогда столько усилий к свержению с престолов Петра и Августа II. Мало того, за королем стоял Герц, *«рожденный для двуличности, искуснейший из смертных в деле притворства и не старавшийся даже по наружности казаться добросовестным»*. Ходили слухи, что раздел Северной Европы с Россией — не единственный его проект, он подыскивает для Карла и другой вариант. Зная творческую неистощимость Герца в области «грязной» дипломатии, область предположений историка может быть широкой. Близость к королю человека, давно утратившего доверие европейских дипломатов, невольно заставляла испытывать такое же недоверие к Карлу, восхищавшемуся гениальной циничностью своего министра. Как-то король признался: *«С тремя людьми, подобными ему, я обманул бы весь мир»*. Только дурным влиянием Герца можно

объяснить это грубое откровение, достойное карточного шулера, но никак не королевских манер.

Хлебнувшие от интриг европейских дипломатов петровские приближенные не советовали царю спешить с переговорами, пока он не удостоверится в полной искренности шведских намерений. И потом, чтобы там ни говорили, для Петра существовали моральные правила. Он проявлял излишнее великодушие в тех случаях, когда никто другой себе такого бы не позволил. Пакости союзников заслуживали от царя совсем не того, чем он отвечал на них, непрестанно повторяя, что останется верным Северному союзу до конца. Вот и теперь, раздумывая над предложением Карла, Петр не собирался мстить своим «закадычным друзьям», из жалоб на которых, как писал Фридрих Бассевич, царь *«мог бы составить длинный и основательный манифест»*. Как бы ни был государь зол на своих «партнеров», царскую честь он ставил выше этого чувства, приносить в жертву которому их интересы казалось ему слишком жестоким наказанием. Омрачать такой формой мести свою славу победителя Петр не желал.

Таким образом, совокупность всех этих обстоятельств вновь заморозила проблему мира. И вновь неизвестно насколько.

Польские кандалы на царских руках

Польша продолжала висеть камнем на шее Петра. Она доставляла ему куда больше беспокойства, чем мекленбургское дело, в котором, по крайней мере, не было столько хаоса. Отправляясь во второе заграничное путешествие (1716–1717 гг.), царь, как и девятнадцать лет назад, старался миновать это осиное гнездо стороной. Теперь, когда Август II явил несколько убедительных примеров своей коварной многоликости, у Петра были все основания избегать польских проблем, чтобы совсем в них не погрязнуть в ущерб своему предельно спрямленному стратегическому курсу на достижение победного результата в Северной войне, пусть и в одиночку, если уж России достались такие союзники.

Ситуация в Польше грозила либо возникновением полномасштабной гражданской войны, либо созданием всенародного ополчения (*«посполитого рушения»*) под командованием антирусски настроенной шляхты, что реально грозило распадом государства. Если бы к текущим международным проблемам прибавилась бы еще и эта, то возникала перспектива изменения не только всего хода Северной войны, но и общеевропейской обстановки в целом. Сказать, в каком именно направлении, не взялся бы никто. Вольно или невольно саксонцы делали все, чтобы приблизить такой сценарий.

Очень схематично общая картина польских настроений выглядела так. Часть поляков категорически требовала вывода саксонских войск, грозя продолжить с ними борьбу на уничтожение. Другая часть хотела, чтобы одновременно ушли и русские войска. Но среди шляхетских элит были и те, кто выступали против ухода русских, единственной защиты от саксонцев. А Великий гетман литовский Поцей вообще ставил вопрос о переходе под скипетр царя.

Присутствие царских полков было совершенно ненавистно Августу II, все основательнее утверждавшемуся в своих самодержавных замашках и не терпевший в этом помех. Чтобы предотвратить силовое вмешательство Петра, он решил пойти на ком-

промисс с конфедератами и тем самым снять необходимость в присутствии русской армии. В начале 1716 года Флемминг заключил с повстанцами перемирие и договор о созыве конгресса, где будут разрешены все разногласия. Разумеется, саксонцы не собирались ни покидать Польшу, ни спешить с подготовкой конгресса. Этот фарс им понадобился лишь для того, чтобы у Августа II появилась причина сообщить Петру, что в помощи его солдат поляки больше не нуждаются. И зарвавшийся король сделал это не в уведомительной, а в требовательной форме.

Не успел «ультиматум» дойти до Петра, как вся эта затея рухнула. Конфедераты вновь принялись бить саксонцев. Обрадовавшийся было Август понял, что без вмешательства царя не обойтись никак. Согласен был с этим и вождь конфедератов Ледуховский. Однако в посредническом вопросе сам собой складывался лукавый пасьянс, которого опасались обе стороны. Так уж повелось, что абсолютно «честных маклеров» в дипломатии не бывает. Чаши весов практически не удается уравнять к полному удовлетворению тяжущихся. Те или иные нюансы все равно не позволят добиться такого идеала. Поэтому проблема процедуры посредничества вышла на первый план.

Началась хитрая и витиеватая игра, в основе которой лежал принцип «недозволенных средств достижения цели не бывает». Уж кем, а Августом этот принцип был за многие годы освоен хорошо. Все бы ничего, если бы Петр не поставил предварительным условием своей медиации удаление саксонских войск — именно то, чего королю не хотелось делать. Нужно отдать Августу должное. Он далеко не впервые находил в себе силу обуздать саксонскую спесь и выразить готовность пойти к царю на поклон. В январе 1716 года король просит царя о конфиденциальном свидании в любом удобном для него городе. При этом речь поначалу идет не о капитуляции. Линия защиты была построена на такой логике. Попросив о посредничестве между собой и своими подданными, король нанесет непоправимый урон своей чести. А приняв его (это, конечно, не озвучивалось, но подразумевалось), Август передаст контроль над событиями в руки Петра. Тут же король начинает оправдываться за ультимативный тон требования о выводе русских войск. Утверждая, что к этому его якобы принудили польские сенаторы, Август невольно признал факт распада королевской власти. Отказаться от посредничества значило толкнуть царя к сближению с конфедератами. Не менее страшно было согласиться на него и поставить себя в зависимость от воли Петра.

В симметричной ситуации оказались восставшие. От их реакции на идею посредничества зависел выбор царя. Ясно было, что сторону саботажников он не примет и употребит войска для наказания их, на радость саксонцам. Таким образом, и саксонцам, и полякам пришлось признать третейское судейство царя единственным на данный момент выходом.

С обеих сторон начались тайные переговоры с петровскими дипломатами, чтобы загодя заручиться поддержкой царя в наиболее принципиальных вопросах. Стремясь опередить конфедератов, Август домогался срочной встречи с Петром, обещая приехать туда, куда ему будет назначено. Но, к досаде короля, из царской канцелярии ему сообщили, что есть дела не менее важные, чем арбитраж: у государя накопилось к Августу очень много крайне неприятных вопросов, на которые придется дать вразумительные ответы. Не трудно было догадаться, о чем речь, припомнив длинный список королевских закулисных махинаций во вред России. В этом оповещении брезжил на-

мек, что убедительность тех оправданий, которые представит Август, может повлиять на результаты посредничества.

Встреча монарших особ состоялась в Данциге в марте 1716 года. От конфиденциального формата Петр отказался. Рядом с ним были канцлер Головкин, вице-канцлер Шафиров, Г.Ф. Долгорукий и сенатор П.А. Толстой.

Королевские дипломаты привезли довольно пространный проект урегулирования кризиса. Он содержал декларативную часть и практическую. Поскольку Август знал, что Петр зол на него, декларативные положения документа были проникнуты желанием оправдаться. В них звучало сладкоречивое вранье, которое на Петра давно уже не действовало. Король *«наикрепчайшим образом обнадеживал»* царя в непреходящей союзнической дружбе, от чего он никогда не отречется. Тем обиднее ему было слышать о подозрениях государя, причин к которым он не подавал, и хочет знать, что именно вызвало недовольство царя. Затем предпринимается нечто вроде попытки психологического наступления. Намек был таков, что поскольку на нем нет вины, то, значит, не им, Августом, а царским беспочвенным недоверием был нанесен *«великий вред»* общим интересам союзников и делу умиротворения Польши. Король просил Петра не слушать злонамеренных людей и *«вступиться в это дело* (посредничество. — *В. Д.*) *таким образом, чтоб ни король, ни конфедераты не смогли его упрекнуть в пристрастии к стороне противной»*.

Практические положения проекта содержали призыв к конфедератам покориться королю, заключить перемирие для подготовки конгресса, где будет оформлен *«формальный трактат»*, гарантирующий отмену контрибуций и определяющий срок вывода саксонских войск. Не имея на то никаких полномочий, королевские представители пригрозили повстанцам, что *«царское величество будет действовать против стороны, не желающей мира»* и противящейся сохранению между обоими монархами *«доброго согласия и любви»*.

Петр принял к сведению соображения саксонской стороны, но поверил ли он, что Август, как обычно, не нарушит своих обязательств? Сомневаемся.

Король, конечно, был далек от надежды, что конференция закончится на этой фальшивой ноте. Не для выслушивания очередных басен короля приехал Петр в Данциг, отложив свидания с прусским и датским королями. «Старый друг» слишком долго испытывал терпение Петра и слишком методично уничтожал остатки доверия к себе, чтобы царь мог удовлетвориться тем мало о чем говорящим проектом, которым его попытались ублажить. Настало время призвать Августа к ответу за всю его негласную многолетнюю деятельность против России.

Не похоже, чтобы король ожидал от конференции чего-то обнадеживающего для своих державных планов, отказаться от которых ему было по-прежнему не легко. Худшие опасения Августа оправдались. Русская делегация предъявила ему длинный перечень накопившихся за многие годы его «заслуг» перед союзниками вообще и перед Петром в частности (*«мемория досадам»*).

По большому счету все пункты этого кондуита сводились к одной идее: постыдно так обращаться с Петром, главным союзником, подарившим тебе королевский трон и охранявшим от бунтующих поляков столь ненавистную им саксонскую власть. В благодарность Август окутал почти всю Европу сетью антироссийских интриг и заговоров. В тайне от царя он поддерживал тесные связи с французским дво-

ром, склоняя его к посредничеству в организации и проведении польско-шведских переговоров о сепаратном мире. Более того, король заключил с Парижем формальный договор, сам факт наличия которого от царя был скрыт. Тем не менее русским дипломатам стало известно, что суть его сводилась к восстановлению вестфальского порядка в Северной Европе, то есть сохранения шведского господства в Балтийском море и примыкающем пространстве. (Надо полагать, при условии передачи Лифляндии Польше, а точнее, польскому королю.) Действуя совместно с французским послом в Стамбуле, Жаном Луи де Бонаком (человеком *«непостижимого коварства»*, по словам А.А. Матвеева), эмиссары Августа убеждали Порту в намерении царя завоевать Турцию и *«принять титул цесаря ориентального»*. Султану предлагалось войти в тройственный оборонительно-наступательный польско-шведско-османский союз против России. Королевские агенты старались вовлечь в эту комбинацию и крымского хана, переговоры с которым велись *«долго и тайно»*. Следующим пунктом *«мемории досадам»* значилась королевская политика объединения против России всех польских факций, включая сторонников Станислава Лещинского.

Потом начинается перечисление всех ухищрений Августа, направленных на саботаж военных действий союзников в Северной Германии. Август прямо обвинялся в срыве померанской кампании 1712 года и в интригах, помешавших русским войскам участвовать в штурме Штральзунда в 1715 году. Вместо выполнения своих союзнических обязательств король активно искал среди германских князей подходящих персон опять-таки для налаживания сепаратных контактов с Карлом XII. В *«мемории»* приводились убедительные в силу своей общеизвестности факты, иллюстрирующие последовательные усилия Августа по развалу коалиции: стравливание Пруссии и Дании, чуть было не приведшее к вооруженному конфликту; обращение к Фридриху-Вильгельму с призывом отказаться от наступательных действий против шведов; стремление посеять хаос в гольштинских делах; скрытые от России трактаты с Лондоном и Берлином, подписанные весной 1715 года; совершенно отвратительная история, в которой высшие королевские сановники сначала категорически требовали удаления царских войск из Польши, а затем умоляли Петра о возвращении их. А когда они уже в холодное время года вернулись, чтобы уберечь государство от распада, Август не то что не поблагодарил царя, а преподнес это как насильственное вторжение.

«Мемория» заканчивается грозным предупреждением. На все эти *«досады»* у царя есть ответ: он просто возьмет и обнародует документы, ясно свидетельствующие о твердом намерении Августа стать самодержавным правителем, упразднив республиканские институты и шляхетские вольности. Для этого ему и нужно присутствие саксонских войск и отсутствие русских.

Если что-то можно понять из польского невразумительного, но *«ловко написанного»* ответа, то только одно. Август II совершенно ни при чем. Все это злостные инсинуации его врагов, лишь о том и помышляющих, как оклеветать короля в глазах его верного друга и посеять смуту среди союзников. Август умудрился изобразить свою политику сближения с Францией и Турцией как продуманную систему, направленную на укрепление Северного альянса и достижение общих целей. Кто-то из королевских подручных, возможно, оказался недостаточно умен, чтобы действовать гораздо тоньше, а не отдаваться во власть тупого усердия. Но ведь *«за глупость нельзя жестоко наказывать»*, тем более что она не нанесла никакого вреда. Заигрывание с польскими

оппозиционерами — это тоже осознанный ход, призванный привлечь их на свою сторону и тем самым ослабить противников единства и порядка в Польше. За это Август ожидал от Петра благодарности, а дождался упреков.

Иные оправдания звучали совсем уж по-детски. Как утверждалось, многие королевские министры действовали хотя и без приказа, зато *«из «доброго намерения»*, в надежде угодить царскому величеству. Так и это не вина, а «погрешность».

Произвела ли впечатление русская угроза предать гласности самодержавные планы Августа II, но с ответом саксонцы не затруднились: стоит ли досужую болтовню чиновников принимать за чистую монету?

* * *

Дальше пререкаться в таком тоне значило попусту тратить время. Единственное, чем Петр мог удовлетвориться — это осуществленным, давно задуманным желанием вывести Августа II на чистую воду, в которой тот чувствовал себя не в своей стихии. Одним словом, что бы король отныне ни выкинул, удивить царя он уже не смог бы ничем.

Между тем польские дела не терпели отлагательств. Проблема была не только в борьбе с саксонцами, но и в острейших внутренних распрях, вызванных столкновениями социально-политических, межэлитных, личных интересов, зачастую непримиримых. Эти конфликтующие силы тоже нуждались в посредничестве Петра, даже если не были в восторге от такой необходимости.

В марте 1716 года к Петру в Данциг приехали послы Тарногродской конфедерации, из разговоров с которыми выявилась еще более мутная картина. Выдворения саксонских войск конфедератам было мало. Они хотели нового короля и смены ключевых фигур в военно-политической верхушке — гетманов, сенаторов, епископов. Кого на кого — они сами не знали. А вот Петр знал, что осуществление такой радикальной программы чревато нескончаемой борьбой за власть и сопутствующим кризисом на грани катастрофы. А тут еще конфедераты попросили вывести и русские войска. Правда, не в таком тоне, в каком того требовал Август II, а *«по высокой дружбе своей к Польше»*.

Петр не собирался потакать чрезмерным требованиям повстанцев. Всю повестку дня назначенного на июнь Люблинского конгресса он свел к главному вопросу — о выводе саксонских войск и прекращении выплаты им контрибуции. Царь предупредил обе стороны, что разбираться во всех сварах он не будет, а будет считать противниками *«внутреннего покоя»* тех, кто откажется выполнять решения конгресса, и именно против них он, как честный посредник, прикажет применить силу.

Конфедератам такой вариант медиации не понравился, поскольку они, как и почти вся шляхетская знать, были не в ладах с пониманием такого слова, как «компромисс»: компромисс — это однозначное решение проблемы в их пользу, и ничто другое. Заподозрив Петра в благоволении Августу, восставшие стали готовить срыв конгресса. И у них это почти получилось. Июньские заседания прошли в криках и ругани. Люблинский съезд, как и иные подобные собрания, представлял собой миниатюрную модель польского демократического устройства в действии. Разбросанные винтики, погнутые и трущиеся шестеренки, отсутствие приводных ремней, крутящееся в разные стороны маховое колесо. Лязг, скрежет, грохот. И никакого произведен-

ного продукта. Г.Ф. Долгорукий докладывал Петру: *«лучше у донских казаков в кругу, нежели в наших нынешних сессиях»*. Общую картину дополняли акты настоящей невменяемости. На конгресс, имевший целью примирение противоборствующих сторон, были силой доставлены неугодные кое-кому гетманы, чтобы учинить над ними самосуд. Г.Ф. Долгорукому пришлось использовать всю свою изобретательность, чтобы их спасти.

А вокруг, не обращая внимания на объявленное перемирие, продолжали рубиться не только поляки с саксонцами, но и поляки с поляками, сводя старые счеты. Одним словом, в Люблине торжествовала та самая демократическая анархия, которая к концу XVIII века заведет Речь Посполитую в никуда.

Но несмотря на длящийся с утра до вечера бедлам, информации к размышлению у русских наблюдателей стало больше. В ходе работы конгресса подняла голову прошведская партия, сохранившая многих своих приверженцев. Они распространили слух, будто Карл XII одерживает победы над союзниками, завоевывает Норвегию и готовит высадку огромного десанта в Данциге. Конфедераты вступили в переговоры с представителями турецкого султана и крымского хана. Были посланы люди в Вену и Берлин узнать о настроениях цесаря и прусского короля.

Прошли июль, август, сентябрь. Г.Ф. Долгорукий признавался, что он *«истощил все способы к примирению, и все понапрасну»*. Лидеры конфедератов, гордые тем, что сорвали царский план примирения и что полностью взяли контроль над ситуацией, перестали скрывать свое высокомерие в отношении государева дипломата.

Ждать можно было лишь ухудшения положения и непредвиденного поворота событий. Но Петр этого делать не стал. Командующий русскими войсками на Украине генерал Карл Рённе получил приказ двинуться в Польшу на усмирение конфедератов. Ледуховский тотчас обратился к Порте с просьбой о помощи против России. Однако великий визирь ответил, что Стамбул не может позволить себе вмешиваться в польские дела. Шляхетскую спесь как рукой сняло. Конфедеративный маршалок бросился к Г.Ф. Долгорукому, умоляя его остановить войска. Хотя царские полки в Польшу вошли, приказа действовать они пока не имели. Вскоре необходимость в нем отпала. 24 октября 1716 года между Августом II и Республикой, при посредничестве Г.Ф. Долгорукого, был подписан предварительный мирный договор (*«генеральный трактат»*). Это еще не означало окончания кризиса, но создавало обнадеживающую предпосылку к урегулированию.

Пробный шар Филиппа Орлеанского

В политической философии Петра за 16 лет войны с ее неожиданными поворотами и дипломатическими хитросплетениями появилась более сложная логика, выходившая за пределы деления европейских государств на друзей и врагов. Жизнь научила царя, что из союзников в неприятелей (и обратно) державы превращаются благодаря стечению обстоятельств, в том числе весьма неожиданных. За много лет до одного знаменитого британского политика Петр уже хорошо осознавал: нет вечных друзей и вечных врагов, неизменны лишь национальные интересы твоей страны, ради осуществления которых годны многие средства из тех, что предосудительны в ситуациях гораздо более частного, межличностного масштаба.

В декабре 1716 года Петр, находясь в Европе, окончательно убедился в нежелании союзников (Дании, Ганновера, Польши) продолжать войну. И дело было не только в мекленбургском вопросе. Они давно уже стремились отстраниться от России в поисках дипломатических путей к отдельному договору с Карлом XII. Но на их беду, шведский король и слышать не хотел о переговорах с этими «карликами», возомнившими себя вершителями судеб войны. Он видел единственного достойного переговоров человека — русского царя. Но и тут король не хотел спешить, пока не поставит Данию на колени, отняв у нее Норвегию. Потери на востоке он стремился сторицей возместить на западе.

Это создавало для Петра, желавшего скорейшего подписания мира, большие проблемы. Как ни странно, но, практически выиграв войну, царь попал в дипломатический тупик, куда союзники хотели загнать его еще глубже. Ждать, когда Карл XII закончит свою кампанию в Норвегии и созреет до внятных и реалистичных предложений России, царь не желал. Промедление давало третьим странам (Англии, Франции, Голландии) запас времени, чтобы придумать какую-нибудь пакость против Петра. К примеру, навязать свое коллективное посредничество, в результате которого победители и побежденные могут поменяться местами. Во всяком случае ситуация в Восточной Прибалтике может вернуться к своему довоенному состоянию.

Бесконечно мириться с этой тревожной неопределенностью государь не мог. Логика подсказывала необходимость искать какое-то новое направление дипломатического прорыва. После смерти короля Людовика XIV (сентябрь 1715 г.) теоретически им могла бы стать Франция, поскольку к власти, в качестве регента при малолетнем Людовике XV, пришел герцог Филипп II Орлеанский, воспринимавший Россию не столь безразлично, как его предшественник.

Перед закатом «короля-солнца» (1714–1715 гг.) произошли два символических события, примечательных скорее своей хронологической близостью, чем каким-то судьбоносным смыслом. В начале 1715 года Петр назначил Ивана (Жана) Лефорта первым русским консулом во Франции, вскоре признанным Парижем *«поверенным в делах»* московского царя. Незадолго до этого в должности *«консула французской нации»* в Россию был направлен Анри де Лави. Его инструкция была, по сути, пронизана глубоким сожалением по поводу того, что с богатейшей Россией торгуют все великие державы, кроме Франции. Факт, как подразумевалось, совершенно недопустимый и требующий реакции. Де Лави поручалось собирать подробнейшие сведения, которые помогут получить большие выгоды для французской коммерции.

Приехав в Петербург в начале 1715 года, де Лави стал писать обстоятельные шифрованные отчеты, выходившие (порой рискованно далеко) за рамки торговых дел. Он сообщает о секретных военных и военно-морских планах России, о политической борьбе между высшими сановниками, высказывает суждения, не имеющие отношения к функциям торгового консула, передает пьяные разговоры петровской знати, сообщает нелицеприятные подробности частной жизни видных лиц и местных нравов, о масштабах казнокрадства.

Если бы доклады де Лави содержали только эту информацию, то сидеть бы ему уже в каком-нибудь остроге: царские перлюстраторы и дешифровальщики хорошо знали свое дело. Однако там имелось и нечто такое, что с точки зрения Петербурга должно было заинтересовать Париж. В первом же послании де Лави заявляет о себе

как ярый сторонник франко-русского сближения, по крайней мере в коммерческих вопросах. По его мнению, только Россия, как активный торговый игрок (продающий и покупающий огромную массу товаров), способна помочь Франции сильно потеснить в Балтийском море англичан, голландцев, ганзейцев и других. Консул обращал внимание на колоссальные убытки, которые терпит от хозяйничающих на Балтике шведских каперов международная торговля, в том числе французская. Он особо подчеркивал наличие в России больших запасов сравнительно недорогих стратегических материалов, в которых столь остро нуждались французская армия и флот.

Де Лави отмечал готовность Петра развивать прямую торговлю с Францией и предоставить французским подданным в России различные льготы: безвозмездное пользование землей, право на строительство католических храмов и на свободу вероисповедания.

В докладах консула раскрывались широкие перспективы хозяйственного развития России и богатейшие источники пополнения царской казны. Одним из них являлся волжско-каспийский путь, по которому поставлялись дорогие товары из Персии. Получение доступа к этой торговой артерии, по утверждению де Лави, обеспечит французским промышленным изделиям огромный рынок сбыта на Востоке.

Консул извещал Париж о намерении Петра прочно закрепиться на каспийских берегах, ради чего проводятся соответствующие топографические исследования. Царь хочет освоить громадные пространства, примыкающие к Каспийскому морю. Одним словом, де Лави рисует картину богатой и быстроразвивающейся страны, пренебрегать связями с которой, пока хотя бы торговыми, для Франции было бы неразумно.

Всему этому русская цензура охотно давала зеленый свет. Разумеется, ни один перлюстратор не посмел бы задержать послание де Лави, в котором давалась лестная характеристика Петру: *«Не входя в дальнейшие подробности о гении этого монарха, следует только заметить, что образ мыслей его возвышен, что он старается быть рабом своего слова и расположен к Франции, вследствие восхищения, внушенного ему величием этой державы»*. Миссия шпиона не помешала консулу стать поклонником Петра.

Однако энтузиазм де Лави был пока бесполезен. Пребывание его в России и Ивана Лефорта во Франции символизировало лишь незначительный сдвиг в русско-французских отношениях. Сделать его значительным никто, кроме Петра, не мог. Не потому ли он в конце 1716 года находился в Голландии, стране, откуда рукой было подать до Франции? Близость Петра к французским границам побуждала герцога Орлеанского к размышлениям о желательности сближения с Россией, тем более что он чувствовал ответное стремление. Но регент, окруженный влиятельными персонами, не питавшими к царю особых симпатий, крайне опасался уронить великодержавное достоинство Франции, взяв на себя инициативу в наведении дипломатических мостов. Он раздваивался между пониманием, что перед ним уже совсем другая России, и страхом подвергнуться порицанию за пересмотр «русской политики» Людовика XIV. Не сомневаясь, что старую политику нужно менять, регент не знал, как именно это сделать с максимальными выгодами и минимальными жертвами.

К счастью, на такие случаи существуют дипломаты. Французский посол в Гааге маркиз де Шатонеф получил наставление вступить в контакт с петровскими приближенными Г.И. Головкиным, П.П. Шафировым и Б.И. Куракиным для свободного обмена мнениями по поводу нынешнего состояния русско-французских отношений

и возможности их улучшения. В инструкции к своему послу герцог Орлеанский писал: *«Союз с царем не может быть мне особенно полезен. Тем не менее я желаю, чтобы вы воспользовались пребыванием этого монарха в Голландии и довели до его сведения, что, зная его личные качества и славу, этими качествами приобретенную, я поручил вам уверить его в полном уважении, которое я к нему питаю, и в желании представить этому доказательства, что я считаю его путешествие в Голландию удобным случаем, чтобы установить между нашими подданными полезные для них торговые сношения»*.

И надо же, в декабре в Амстердаме царь получил от посла в Берлине А.Г. Головкина известие, заставшее его посреди раздумий о том, на чем сосредоточиться в первую очередь. Вообще строгой очередности в веренице петровских забот не было, он занимался всем одновременно. Тем не менее случались проблемы, по стечению обстоятельств выступавшие на передний план. А.Г. Головкин доносил, что окольными путями (через своего посла в Берлине графа Ротембурга) сближения с Россией ищет Франция. Такие же мосты наводил ее резидент в Гааге маркиз де Шатонеф.

Найти в этой неожиданной и странной инициативе причину для дикой радости было трудно. Но вот повод задуматься был налицо. Франция никогда не принадлежала к числу друзей и доброжелателей России. Чего только она не придумывала, чтобы навредить ей руками Турции, Польши, Швеции. Париж много трудился над тем, чтобы после Полтавы вновь повернуть ход Северной войны в пользу Карла XII. И на фоне всего этого именно из французской столицы через Берлин приходит сигнал, адресованный царю. Вопрос, как это воспринимать, возникал, ко всему прочему, еще и потому, что на королевском престоле восседал шестилетний Людовик XV, а все государственные дела сосредоточил в своих руках регент Филипп Орлеанский, непомерная амбициозность которого в принципе не исключала отстранения малолетнего правителя от власти. Очень тревожным для Петра симптомом было сближение принца-регента с врагами Франции Англией и Голландией. С чего это ему понадобилось идти на разрыв с внешнеполитическим курсом Людовика XIV? Все это отдавало какой-то многоходовой комбинацией, польза от которой для России была далеко не очевидна.

Похоже, что-то назревало. Но что? Еще раз вернемся к почти математическому факту. Восприятие Францией России доселе неизменно обуславливалось непреложным геополитическим и логическим императивом: дружба с Москвой ничего не давала Парижу по сравнению с дружбой с ее врагами (Турцией, Польшей, Швецией). История русско-французских отношений со стороны царей — это история постоянных и неизменно неудачных домогательств дружбы и союза. А со стороны французских королей — история недоуменных вопросов, не прямых, но подразумеваемых: чего вы, «московитские варвары», ищете в цивилизованной Европе? Напрашиваться в равноправные союзники к великой Франции — слыханное ли дело?

Но с начала XVIII века стали появляться и другие аргументы. Домашние гувернеры тогдашних правителей учили своих подопечных многим премудростям, в том числе умению читать географические карты, понимать преимущества или недостатки расположения той или иной страны. Для некоторых монархов география была увлекательнее любых романов. Герцогу Орлеанскому не нужно было быть страстным поклонником этой науки, чтобы, взглянув на карту России, изумиться ее размерами и богатствами. В Европе не было другой страны, которую природа наделила бы такой степенью неуязвимости, и это обеспечивало ей колоссальный потенциал для разви-

тия. Предугадать такие перспективы не представляло особого труда для, возможно, самой просвещенной политической элиты Европы.

В отношениях Франции с другими державами было много латентных точек воспламенения, грозивших прямым вооруженным столкновением. Во франко-русских отношениях таких точек, по сути, не было. Так зачем их искусственно создавать в Турции, Польше, Швеции? Пользы от такой формы воспитания у России неприязни к Франции гораздо меньше, чем от союзнических отношений с уже почти созревшей империей. А про «варварство», с которым русские расстаются удивительными темпами, пора уже не думать, тем более когда остатки их неотесанности с лихвой покрываются уникальной незаурядностью их царя, отправляющего сотни простолюдинов на учебу за границу, где они показывают свои дарования, быстро схватывая основы профессии.

Дружить с такой державой было, по крайней мере, не зазорно. А со временем это станет честью для любого европейского монарха. Есть основания предполагать в герцоге Орлеанском склонность именно к таким мыслям. Похоже, именно они утверждали его в стремлении к сближению с Россией. Регент признавал в Петре могучую историческую фигуру, но именно это его и настораживало. Трудно иногда выяснить, что опаснее — враждовать с такими или дружить. Как знать, не приходила ли в голову герцога мысль о том, что Людовик XIV совершал ошибку, настойчиво избегая общения с Россией, в то время как другие государства Европы, глядя на рост Московского царства, старались развивать с ним дипломатические и торговые связи хотя бы впрок, с прицелом на будущее. Так это или нет, продолжать политику демонстративного игнорирования громадной восточной державы он не хотел.

Филиппу Орлеанскому не надо было объяснять масштабы той феноменальной личности, что оказалась во главе России. А если бы и понадобилось, то, видимо, никто не смог бы сделать это лучше, чем его приближенный, член регентского совета герцог Луи де Сен-Симон, бесподобный наблюдатель людей, нравов, интриг своей эпохи. Тонкий психологизм, аналитический склад ума, убийственная едкость характеристик, изысканный литературный стиль сделали его самым знаменитым мемуаристом XVIII века. Едва ли такой острослов пощадил бы новоявленного вождя «диких московитов», приехавшего в страну, во многом затмевавшую всю Европу уровнем культуры и цивилизации. Но послушаем, что он пишет: *«Петр I, царь Московский, как у себя дома, так и во всей Европе и в Азии, приобрел такое громкое и заслуженное имя, что я не возьму на себя изобразить сего великого и славного государя, равного величайшим мужам древности, диво своего века, диво для веков грядущих, предмет жадного любопытства всей Европы. Путешествие сего необыкновенного государя во Францию, по своей необычайности, мне кажется, стоит того, чтобы не забыть ни малейших его подробностей и рассказать об нем без перерыва»*.

Однако на преодоление во французском политическом сознании старых стереотипов восприятия требовались усилия и время. Немалые. Кроме прочего, вызывал опасения тот напор, с которым Петр стремился к своим целям и добивался их.

Сен-Симон убеждал герцога Орлеанского в том, *«что Франция чрезвычайно много выиграла бы от тесного ... союза»* с царем, игравшим *«значительную роль в Европе и Азии ... и ничего не могло бы быть выгоднее этого союза для нашей* (французской. — *В. Д.*) *торговли, для нашего значения на севере, в Германии и во всей Европе»*. Однако, язвил

англофоб Сен-Симон, Англия, повсюду одержимая своими неукротимыми эгоистическими интересами, сделала нас ко всем этим соображениям *«глухими до неприличия»* и *«до раболепства»*.

Быть может, самое любопытное в том, что инициативу в вопросе о франко-русском союзе проявило придворное окружение регента, предложившее идею поженить овдовевшего к тому времени царевича Алексея Петровича с дочерью Филиппа Орлеанского. Услышав об этом, герцог якобы сказал: *«я-де был бы рад, чтобы сие сегодня учинилося»*. Когда до Петра дошло такое неожиданное сообщение, он задумал еще более дерзкий династический ход — выдать свою дочь Елизавету за французского короля Людовика XV по достижении им совершеннолетия.

Как бы ни важна была матримониальная дипломатия, союзные договоры с их точными обязательствами сторон были важнее. Имея в виду именно эту цель, Петр в конце 1716 года все же принял решение отправиться во Францию, рискуя вернуться оттуда ни с чем.

Из заявления французского посла в Берлине графа Ротембурга, сделанного Ильгену, мало что уразумеешь. Вроде бы речь о том, что Филипп Орлеанский желает с царским величеством *«в доброй дружбе пребыть»*, то есть предлагает то, что начисто отвергал Людовик XIV. Смущало в этом известии несколько моментов. *Во-первых*, сама по себе фраза о «дружбе» ничего не значила, такой дипломатической фигурой речи Людовик XIV свободно пользовался в посланиях к Петру еще в 1698 году во время обсуждения идеи о визите царя во Францию, так и не состоявшемся. *Во-вторых*, почему первым об этом узнает Ильген, доброжелательность которого к России, мягко говоря, была глубоко своеобразной? И, *в-третьих*, кто уполномочил именно его отвечать Ротембургу, что русский государь не возражает? Что за всем этим кроется?

Нельзя считать ответом на эти вопросы донесение Ивана Лефорта о состоявшейся в марте 1716 года аудиенции у Филиппа Орлеанского, где регент *«говорил, сожалея, что не обретаетца с вашим величеством в вящей корреспонденции и союзе, как он того уже давно желает»*. Это не более чем слова, нуждающиеся в проверке.

Пока Петр размышлял, герцог Орлеанский прислал послание прусскому королю (14 декабря 1716 г.), из которого явствовало, что он хочет *«вступить в доброе согласие с Россией и Пруссией»*. Это уже было нечто более конкретное, но тоже требовало многих разъяснений хотя бы в свете того обстоятельства, что Фридрих-Вильгельм уже вступил в Северный альянс против традиционного французского союзника Швеции. Значит, Париж намерен произвести новую дипломатическую революцию, прямо противоположную той, что проделал герцог Ришелье в годы Тридцатилетней войны. Впрочем, как далеко пойдет Филипп Орлеанский по этому пути, оставалось под большим вопросом. Ротембург сказал о готовности Франции отказаться от всякой помощи Швеции, но о помощи союзникам он не проронил ни слова. На вопрос Ильгена, согласен ли Париж включить в эту комбинацию саксонский двор, последовал отрицательный ответ, мотивированный тем, что положиться на Августа II из-за его непостоянства нельзя.

Многозначительная инициатива герцога Орлеанского по-прежнему требовала расшифровки. Пока очевидным было лишь одно. Регент предлагал тройственный союз, достаточно экзотический и соблазнительный, чтобы не задуматься над его «подводной частью». Самое главное — что именно Франция попросит взамен и устроит

ли это Россию и Пруссию? А если устроит одну и не устроит другую? Не затеял ли Париж имитацию переговоров, чтобы сдерживать Австрию и, косвенно, реваншистские настроения испанского короля Филиппа V, недовольного Утрехтским миром?

Этими вопросами задавались и Петр, и Фридрих-Вильгельм, не доверявшие Парижу. Между тем Ильген в беседе с А.Г. Головкиным высказал весьма здравую мысль. По его мнению, было бы неразумно отказываться от демаршей, создающих впечатление о сближении России и Пруссии с Францией. Даже если дело не дойдет до настоящего союза, сам факт переговоров о нем встревожит Австрию и, возможно, заставит пересмотреть ее курс на сохранение шведского присутствия в Северной Германии.

Петр анализировал общую международную конъюнктуру гораздо тоньше и глубже, чем иногда полагали европейские умники. Идти на прямой контакт с Филиппом Орлеанским царь пока не собирался. Он поручил Головкину разузнать, чего именно хочет Париж от России и Пруссии. Ротембург ответил, что регент предлагает оборонительный союз, который гарантирует Франции сохранение результатов войны за испанское наследство. И при этом он желает, чтобы значительная часть русских войск осталась на территории Империи, *«на всякий случай»*.

Французы открывали свои карты постепенно, пока не сказав ни слова о преимуществах союза для Петербурга и Берлина. Дав понять, чего хотят, они ждали ответного хода, будем откровенны, — прежде всего от Петра. Ответный ход был совершенно естественным. Царь заявил о своем согласии вступить в предлагаемый союз сообща с Пруссией. Но прежде он желал бы услышать от Парижа об обязательствах французской стороны и о месте для официальной встречи, поскольку непрямой обмен мнениями себя исчерпал. Чтобы эта встреча имела совершенно предметный характер, государь выставил ряд условий, без соблюдения которых она будет пустой тратой времени. Первое и главное. Союз, если он, конечно, состоится, не должен заключать в себе *«ничего противного цесарю»*, чтобы у России и Пруссии были развязаны руки для заключения альянса с Веной, если этого потребуют интересы Петербурга и Берлина. Русские войска не собираются задерживаться в Империи, как того желает Париж. Если же регенту потребуется реальная защита от нападения австрийцев, то царские войска в любой момент ее предоставят, ибо Пруссия противиться этому не будет.

Петр намеренно подчеркивал свою тесную связь с Фридрихом-Вильгельмом. После развала антишведского альянса он оставался единственным реальным союзником России, с которым можно было завершить Северную войну с результатами, удовлетворяющими обе стороны. Для военного противодействия этой связке пришлось бы заново строить сомнительные коалиции и производить сложные перегруппировки сил, а желающих заниматься этим на исходе шестнадцатого года войны найти было практически невозможно. Тем более на фоне необычного для себя поведения Франции.

И все же Россия и Пруссия не до конца доверяли друг другу. Россия не забыла многолетние дипломатические маневры одного короля (Фридриха I) и в принципе не исключала их со стороны другого. Осенью 1716 года и у Берлина возникли подозрения в отношении Петербурга. До Фридриха-Вильгельма дошли слухи, будто ближайший советник Карла XII Герц ведет с русскими дипломатами тайные переговоры о сепаратном мире и хочет привлечь в качестве посредника герцога Орлеанского. Петр поручил Головкину клятвенно заверить встревоженного прусского короля в нерушимости их союза, и изменить этот факт ни Герц, как бы он ни мутил воду в Париже,

ни кто-либо иной не в состоянии. Центростремительные интересы внутри альянса обеспечивали единство достаточно прочно перед лицом попыток расстроить его.

Ильген, как бы в ответ, даже покаялся, признавшись, что долгое время отговаривал Фридриха-Вильгельма от вступления в Северный союз (не сказав, правда, о разного рода пакостях, которые он вытворял против России). Но теперь, когда все кардинально изменилось, для него высшая цель — сплочение двух держав против происков бывших союзников и достижение сепаратного мира со шведами. Он договорился до того, что отношения между Берлином и Петербургом требуют не просто пребывания, но и увеличения русских войск в Мекленбурге. Вывод Ильгена звучал трезво и жестко: *«Мы* (пруссаки. — *В. Д.*) *почти со всеми перессорились, полагая всю надежду на царское величество, и если царское величество нас оставит, то мы будем в большой опасности»*.

Как мы уже заметили, Петр объявил, что в союз с Францией он вступит вместе с Пруссией, и это указывало на его готовность защищать интересы Берлина. Однако на первом плане, естественно, были интересы России, о чем он и дал знать герцогу Орлеанскому, поставив непременным условием: Париж гарантирует присоединение к России всех завоеванных ею территорий. Регент отказывался принять это условие, против которого категорически возражала Англия, с которой Франция сблизилась в преддверии новой войны с Испанией.

Русско-французские переговоры шли медленно и осторожно. Совершить столь крутой поворот в двухвековой внешней политике было непросто для обеих сторон. Неправильный расчет и чрезмерное доверие к надежности международных норм могли обойтись дорого, учитывая многочисленные прецеденты европейской истории, заговоры, интриги, подкупы. Тем более что Франция на этом поприще блистала неоднократно, даже если не иметь в виду знаменитый кульбит кардинала Ришелье в эпоху Тридцатилетней войны. Но Ришелье уже давно покинул этот мир, и ситуация изменилась разительно. Способны ли его куда менее даровитые преемники отвечать на новые вызовы времени?

По крайней мере, сложность стоявших перед ними решений они осознавали. Но делали это по-разному, в соответствии с собственными приемами анализа неясной ситуации. Фаворит и влиятельный советник герцога Орлеанского аббат (с 1721 г. — кардинал) Гийом Дюбуа, купленный Лондоном, был поклонником Англии и противником сближения с Россией. Другой приближенный, маршал д'Юкселль, статс-секретарь по иностранным делам, указывал на опасность тесно связывать себя с «непостоянной» английской нацией в ущерб дружественным отношениям с другими державами, и склонялся в пользу России и Пруссии, хотя слишком рьяно на этом не настаивал. Принц-регент раздваивался между ними, понимая доводы каждого из них и сложность проблемы выбора между ними.

После Полтавы и других своих крупных успехов Петру пришлось привыкать к поначалу странной для него мысли: мало выиграть войну, нужно выиграть еще и выгодный для тебя мир, что оказалось гораздо сложнее. Такого мира государь хотел настолько отчаянно, что готов был добиваться его любыми путями, исключая, разумеется, жертвенные. Осенью 1716 года Петр упрекал фельдмаршала Шереметева в срыве десанта в Шонию, который наверняка положил бы конец войне. Теперь раздраженный государь требовал от своего военачальника напрячь мозги и дать со-

вет о том, как добиться победного мира. И чтобы в этих предложениях, писал Петр, не было обычных *«как изволишь»*.

Петр сомневался, что почва для переговоров с герцогом Орлеанским лицом к лицу готова. С другой стороны, он не видел проку в продолжении дипломатической переписки, которая, наталкиваясь то на один спорный вопрос, то на другой, могла закончиться ничем. Царь решил отправиться в Париж, чтобы прояснить все при личной встрече. Историки высказывают предположение, что мир со Швецией, при всем его значении, был не единственной целью Петра. Давно уже мысля широкими общеевропейскими категориями, он ясно осознавал, что союз со столь влиятельной державой в перспективе даст России мощное средство защиты от неприятелей и рычаг воздействия на международную систему. Были и во Франции сторонники сближения с растущим восточным гигантом, исходившие, понятно, из собственных проблем, которых у французов было более чем достаточно. В решении их Петербург мог оказаться самым подходящим партнером, если устранить из русско-французских отношений ряд противоречий или на худой конец смягчить их. Взять хотя бы тот факт, что Россия, находясь в тылу заклятого врага Франции Австрии, вполне годилась на роль сдерживающей силы, если Империя в очередной раз задумает войну за какое-нибудь наследство. Нельзя сказать, чтобы все эти идеи носились в воздухе, однако применительно к непредсказуемым перспективам развития европейской ситуации в них не было ничего невероятного.

1717 год

Якобитский заговор

Шел семнадцатый год войны, которая довела Россию до крайнего экономического и военного изнурения. Накопилась психологическая усталость, чувствовавшаяся во всем. Война, дав мощный толчок реформам, стала мешать им. Раздваивать ресурсы государства и силы самого Петра между военными кампаниями на обширных пространствах и преобразованиями в огромной стране становилось все труднее. Не было у царя более сильного желания, чем поскорее закончить ее. Вопрос, как это сделать, чтобы результаты оправдали средства, затраченные на их достижение, приобретал фундаментальное значение.

Во многих своих аспектах европейская ситуация вокруг Северной войны зашла в тупик. Поданный было шведами сигнал о готовности к переговорам угас без последствий. Видимо, воинственный пыл Карла XII оказался сильнее дипломатического проекта Герца, склонявшего короля к выбору меньшего зла, то есть сепаратного мира с Россией. С другой стороны, реваншистский настрой Карла в отношении союзников, прежде всего Дании, спасал Петра от худшего — подписания общего мира без участия России, а значит, без признания ее права на территориальные приобретения. По крайней мере, теоретически такой сценарий был вероятен, учитывая находившиеся на грани разрыва отношения между царем и участниками Северного союза,

усилия Англии, Франции и, как мы выяснили, еще и значительной части польско-саксонской элиты, нацеленные на то, чтобы этот разрыв состоялся.

Имелись, правда, факторы, игравшие Петру на руку. Не было никакого согласия и в лагере союзников, не доверявших друг другу и поощрявших своих дипломатов к плетению таких «филигранных» интриг, в которых они сами запутывались. Уровень потенциальной предрасположенности игроков к заговорам и изменам был настолько высок, что шансы на крах коалиции превышали шансы на ее сплочение, даже против России. Учтем также, что и русские дипломаты, давно обвыкшиеся в европейских политических кругах, вели свою контригру, разрушавшую замыслы противника.

Нужно признать, что Петр, давно искавший выход из этой неразберихи, порой сам невольно создавал ее, тем же мекленбургским делом. Но и в этом случае он, в отличие от своих партнеров по коалиции, оставался верен некогда общей цели — принудить Швецию к мирным переговорам, все больше склоняясь к достижению этого дипломатическим путем. В 1716 году царь отправился в поездку по Европе, чтобы найти более широкую международную основу для подготовки мирного конгресса, не исключая возможности посреднического участия таких стран, как Англия и Франция. Верил ли он в успех, прекрасно зная позиции этих государств, сказать трудно. Но в одном был убежден: что-то нужно предпринимать, в том числе в отношении тех правителей, которым он не доверял, но которые в силу разного стечения обстоятельств могут оказаться полезными.

В феврале 1717 года Петр, будучи в Голландии, получил важные известия, вселявшие надежду, что неожиданно полезной может стать Англия. Там арестовали шведского посланника при британском дворе Карла Юлленборга, оказавшегося замешанным в заговоре якобитов против Георга I. Все бумаги дипломата были отправлены в Тайный совет для расследования. Из них вроде бы явствовало, что к началу марта готовится высадка в Шотландии 12-тысячного шведского войска для соединения со сторонниками восстановления на английском троне династии Стюартов в лице Якова III. Георг I немедленно распорядился вооружить 23 корабля для пресечения этой операции.

Петр был в восторге. Казалось, удача шла к нему навстречу семимильными шагами. Русский резидент в Лондоне Федор Веселовский (брат Авраама Веселовского) получил срочный приказ употребить все средства, включая денежные, чтобы *«подлинно проведать»*, собирается ли король объявлять войну Швеции и будет ли на то согласие парламента. И если будет, куда адмиралтейство направит свой флот. Требуя и других подробностей, государь строго наказывал резиденту вести с королевскими министрами беседы *«от себя»*, избегая официальных заявлений. Если обнаружится их склонность к соглашению с Россией, то опять же *«от себя»* объявить, что русские желают дружбы и согласия с Георгом I в отношении шведов. В подтверждение этого и в знак доброй воли царь готов вывести свои войска из Мекленбурга (которые были бельмом в английском глазу) и уладить русско-датские разногласия.

Радость Петра была преждевременна. Георг ответил, что не будет помогать России, пока ее войска стоят в Мекленбурге, иначе говоря, на территории Священной Римской империи.

Была и более серьезная причина. В документах Юлленборга содержалось упоминание о царском лейб-медике англичанине Роберте Эрскине. В душе он сочувствовал Стюартам, но к заговору не имел прямого касательства. В те времена при европейских

дворах можно было найти целую армию первоклассных профессионалов-иноземцев, обслуживающих коронованных особ, следивших за их здоровьем, питанием, внешним видом, туалетами, состоянием дворцовых сооружений, парковым хозяйством, охотничьими угодьями и т.д. Обычно они занимались своими непосредственными обязанностями, но среди них встречались и очень умные люди, способные к выполнению всякого рода деликатных поручений, связанных с добыванием информации и установлением тайных дипломатических контактов. Были такие люди и рядом с Петром, но он из осторожности предпочитал не прибегать к их услугам, а использовать собственные службы специального назначения. Так надежнее.

Во всяком случае никто не уполномочивал Роберта Эрскина отправлять своему родственнику лорду Мару в Лондон письма, выглядевшие как шпионские донесения. Персоны, подобные царскому медику, любили увлекаться аналитическими упражнениями, частенько преувеличивая свои интеллектуальные возможности. Сведения, содержавшиеся в его переписке, отражали личный, глубоко субъективный взгляд на внешнеполитические планы Петра. Он сообщает, что царь рассорился со своими союзниками, не хочет больше воевать со шведами, ненавидит Георга I и будет рад помочь Якову III занять английский трон. Что до перспективы русско-шведского мира, то она совершенно реальна. Следует только учесть, что Петр, как победитель, не может проявить инициативу первым, *«но если Карл XII согласится сделать хотя малейший шаг, то немедленно все будет улажено между ними»*.

Самое важное в этом «аналитическом отчете» не его весьма тривиальное содержание, а то, для кого он предназначался. Подлинным адресатом являлся не лорд Мар, а Карл Юлленборг, через которого не кто иной, как Герц пытался осуществить свержение Георга I. Как видим, длинные руки шведского «серого кардинала» добрались и до Лондона. Но восстановление Стюартов было для него не самоцелью, а средством устранить Англию как помеху к русско-шведскому сепаратному миру. Видимо, в деликатном вопросе о том, кто — Карл или Петр — первым подаст сигнал к примирению, Герц предполагал использовать Эрскина.

Петр не имел никакого отношения к этой истории. Не забудем, кстати: царь на дух не переносил имени Герца, связывая с ним самые подлые инсинуации. Предположить в Петре такую степень неосмотрительности и небрезгливости, которая толкнула бы его, при всей нелюбви царя к Георгу I, на соучастие в этой авантюре Герца, просто невозможно. Стоит также напомнить, что в английской политической жизни якобитские заговоры — явление весьма банальное. Их тень, после падения Стюартов, витала над Англией постоянно, и данный прецедент, далеко не самый яркий, был определенно обречен на неудачу. Государь категорически отказался использовать ситуацию для давления на Лондон, не дав себе ни малейшего труда задуматься над кем-то подброшенной ему идеей о браке между его дочерью и Яковом III.

Тем обиднее был для Петра сам факт, что его заподозрили в причастности к этой глупости Герца. Возмущенный царь не хотел оправдываться в конфиденциальном порядке, желая придать полную огласку истории, оскорблявшей его монаршую честь. 5 марта он посылает Веселовскому разъяснительный мемориал для перевода на английский и французский языки с целью срочного его распространения *«для показания всему свету»*. Если откажутся печатать, изготовить рукописные списки и раздать членам кабинета и влиятельным парламентариям, *«особливо дабы то в народе было явно»*.

Петр не собирался ни перед кем оправдываться. Ни о чем вроде создания, как сейчас говорят, «комплиментарного образа России» он и не думал. Его переполняло негодование от того, что его, по сути, посмели заподозрить в гнусных махинациях, приличествующих таким отпетым плутам, как Герц. Государь потому и боялся отказа англичан от печатания манифеста, что там была нелицеприятная отповедь высокопоставленным клеветникам из британского правительства. Петр не скрывал, что Георг I не самый близкий его друг и не самый большой доброжелатель. Он прямо обвинил королевских министров и военных в прошлогоднем инциденте в Копенгагене, сорвавшем высадку союзных десантов в Шонию. Он припомнил повсеместные усилия британских дипломатов, направленные на возбуждение всеобщей ненависти к русскому государю — в Вене, Берлине, Регенсбурге на заседаниях Имперского сейма, где ставился вопрос о насильственном выдворении царских войск из Северной Германии. Их стараниями фактически разорваны русско-датские союзные связи. Не забыл царь и отказ Георга встретиться в Голландии. Несмотря на это, Петр всегда искал доброго согласия с королем и союза против шведов, никогда не имея по отношению к нему никакого противного намерения. В доказательство царь дважды посылал к нему своих личных представителей Толстого и Куракина с планом совместных действий в Северной войне, но их не пускали на порог. И даже после всего этого Петру и в голову не приходило помогать Якову III, который присылал к нему своих людей, но их не приняли. А приезжали они с предложением устроить отдельный мир между Россией и Швецией.

В заключение манифеста утверждалось, что *«бессовестная ложь»* о контактах царя с якобитами сочинена шведскими министрами (имелся в виду, конечно, Герц).

Петр твердо встал на защиту Эрскина, аттестовав его как достойного человека, который не дал бы себя впутать в подобную историю. Он занимается только врачеванием и ни к каким государственным делам не допускается. Под присягой Эрскин показал, что в письмах к лорду Мару он не позволял себе никаких сомнительных тем, ибо понимал кровавую цену таких откровений. Как мы видели, это не совсем так. В этом деле все же присутствовал некий таинственный подтекст, до конца разобраться в котором непросто. Однако принципиально то, что переписка лейб-медика не давала оснований для прямых обвинений в пособничестве якобитам. На всякий случай Петр объявил в мемориале, что отныне Эрскину запрещено иметь с Маром переписку даже по частным вопросам. Если у Петра что-то и вызывало неудовольствие, так это его косвенная связь с Герцем. Для окончательной сатисфакции Лондона царь побудил Эрскина послать английскому правительству объяснительную записку.

Похоже, мемориал подействовал на Георга I и его окружение своей жесткой откровенностью и отсутствием у Петра всякого желания углубляться в доказательства своей невиновности, что он считал для себя унизительным. В Лондоне иногда умели рассуждать здраво, без русофобской истерики. И быстро уразумели следующее. Мало того, что не нашлось того пальца, из которого можно было бы высосать хотя бы какие-то намеки на причастность России к заговору. Сам собой, так сказать априорно, вставал вопрос: на фоне развала Северного союза, стольких перекрещивающихся проблем и несусветной путаницы в среде союзников, отвратительных отношений с Англией зачем Петру связываться еще и с якобитами? Кроме того, что перспектива

прихода к власти Якова III покрыта призрачной дымкой, куда более проблематичными выглядят его возможности развязать сложнейший узел русско-шведских противоречий и примирить обе стороны так, чтобы не выдать свою склонность к поддержке Стокгольма. Да и план Герца ясно предусматривал именно такую форму якобитского «посредничества» в обмен на шведскую военную помощь Якову III в овладении престолом. В чем здесь интерес царя?

Не найдя его, англичане преобразились. Британский госсекретарь Джеймс Стенхоуп разлюбезничался с Федором Веселовским, уверяя его, что лживые внушения шведских интриганов никак не повлияли на дружеское расположение его королевского величества к его царскому величеству. Расследование Тайного совета, судя по всему, еще продолжалось, но там нет и речи о подозрениях в адрес России. По словам Стенхоупа, очевидна и непричастность доктора Эрскина. Шведы, скорее всего, хотели через лорда Мара втянуть его в свое предприятие в качестве потенциального козла отпущения. Крайне маловероятно, но если против него что-то обнаружится, то царь будет непременно уведомлен.

Стенхоуп заверил Веселовского, что король высоко ценит добрые намерения Петра и постарается отвечать на них своей дружбой. От имени Георга госсекретарь приносил извинения за «недоразумения», связанные с непредоставленными Толстому и Куракину аудиенциями. Еще с бóльшим сожалением говорил Стенхоуп о несостоявшемся в Голландии личном свидании короля с царем. В оправдание приводились какие-то доводы. Важна была не их пустячность, очевидная для обеих сторон, а сам извинительный тон, нехарактерный для англичан.

Правда, закончилась беседа не так гладко, как проходила. Констатировав, что якобитский вопрос закрыт, госсекретарь добавил: в отличие от мекленбургского. Только после ухода царских войск из Мекленбурга русско-британские отношения *«придут в прежнее доброе согласие»*. Этой вежливой фигурой речи он, конечно, хотел сказать другое: эти отношения вернутся в обычное для них состояние, имевшее очень мало сходства с «добрым согласием».

В ганноверском министерстве Федору Веселовскому, естественно, тоже заявили, что не стоит ставить вопрос ни о каких союзных действиях против шведов, пока царские полки стоят в Мекленбурге. Другими словами, продолжение войны со Швецией отменяется, и это расширяло поле для дипломатических контактов с Карлом XII на предмет изоляции России. За мекленбургскую проблему союзники цеплялись как за повод продлить состояние «ни войны, ни мира» в ожидании перемены конъюнктуры не в пользу Москвы.

Петр во Франции

Первые встречи между маркизом де Шатонефом и царскими дипломатами в Гааге начались, видимо, в январе 1717 года и продолжались в течение трех месяцев. Трудно сказать, с какой периодичностью. В инструкциях к Шатонефу главными были два момента: 1) ни в коем случае не спешить, тянуть время, больше слушать, чем высказываться; 2) держаться так, будто французская сторона согласилась на переговоры в ответ на инициативу Петра, что, естественно, предполагало гораздо большую степень откровенности со стороны русских.

Головкин, Шафиров и Куракин тоже не собирались подгонять события. Они в принципе не отрицали, что Петр хотел бы более теплых отношений с Францией, но отнюдь не в качестве великодушного одолжения со стороны Парижа. Отказавшись ходить вокруг да около, дипломаты заявили о желании царя знать, на каких условиях готова Франция заключить союз с Россией. Шатонеф был ограничен в полномочиях обсуждать эту тему, но поскольку русские предложили ему более открытую игру, чем та, на которую он первоначально рассчитывал, то ему разрешено было обрисовать интересы Версальского двора в самых общих чертах. Как выяснилось, ничего общего с интересами России они не имели. Маркиз сказал, что Франция не пойдет против своего векового союзника Швеции. А вот если бы царь согласился помочь герцогу Орлеанскому в войне с Империей, когда это ему понадобится, то такой вариант Версаль одобрил бы. Получила бы одобрение и идея размещения крупных контингентов царских войск в Германии для сдерживания немецких врагов Франции. И было бы совершенно замечательно, если бы Петр проявил умеренность в своих претензиях на завоеванные у шведов земли.

Полная асимметричность, а точнее, комичность ситуации налицо. За честь «дружить» с Францией Россия должна была расплатиться несусветной глупостью — обещанием объявить войну Священной Римской империи, стать жандармом Северной Германии и отказаться от своих территориальных приобретений. Да и сам регент прекрасно осознавал эту несуразицу. Продолжать переговоры на таком уровне дипломатического представительства значило поставить на них точку и еще больше обострить отношения с Петром. Герцог не хотел возвращаться в прошлое. Учитывая, что международное положение Франции было не блестящим, он предпочитал не пренебрегать возможностями, которые помогли бы улучшить его или, во всяком случае, не ухудшить.

В конце концов русско-французские переговоры застыли на точке неопределенности. Сдвинуть их мог только Петр. Весной 1717 года он окончательно утвердился в своем решении ехать во Францию. Многие в Париже, возможно, и сам регент полагали, что трудно было найти более неподходящее время для визита. Только что (январь 1717 г.) был заключен франко-англо-голландский союз, обязывавший герцога считаться с открытыми русофобскими настроениями Лондона. Сам факт приезда Петра во Францию вызывал в Англии и во всей Европе разные толки. Статус инкогнито лишь распалял всеобщее любопытство. Заготовленная петровским окружением недалекая от правды версия о страстном желании царя увидеть доселе незнакомую ему великую державу мало кого удовлетворяла. Францию заполонили шпионы разных мастей из разных стран. Их деятельность очень беспокоила высокопоставленный эскорт Петра, особенно маршала Рене де Тессе, на попечение которого был передан государь на все время его пребывания в Париже и других важных местах.

В общем, Петр своим неожиданным желанием посетить Париж сбил с толку, как он умел это делать, всех. Растерянность чувствуется в первых же инструкциях Филиппа Орлеанского к руководителю делегации, которой поручили встретить Петра на границе и сопровождать до Парижа с предписанием предупреждать все царские желания. Но самое главное — ненавязчиво разузнать о цели визита. Ведь голландские переговоры давали основания прийти к выводу, что тема русско-французского союза закрыта, по крайней мере на неопределенное время. К чему тогда этот визит,

да и не просто визит? Надвигалось небывалое событие. Впервые в истории Францию посещал хозяин громадной восточной державы, находящейся в одном шаге от сокрушения великой шведской империи.

Невозможно поверить, чтобы это беспрецедентное событие не подвигло регента на сложные политические раздумья. К беспорядочным эмоциям и недоумению стала примешиваться мысль, что нет худа без добра. Проанализировав возможные последствия встреч с царем, Филипп Орлеанский посылает Шатонефу в какой-то степени неожиданное письмо: *«Вам легко понять, что хотя союз с королем Английским и Голландией представляется в настоящую минуту самым важным и выгодным делом, было бы слишком неосмотрительно, зная непостоянство английской нации, исключительно довериться этой поддержке и не сохранять за собой возможности оставаться в хороших отношениях с другими северными державами; таким образом, не нарушая дружбы, установившейся между королем, Англией и Голландией, надо иметь и другие ресурсы на случай, что они понадобятся»*.

Еще на границе Франции герцог Орлеанский приставил к Петру в качестве начальника свиты сопровождения камер-юнкера Э.Д. де Либуа с предписанием предупреждать все царские желания, а главное разузнать о цели визита. 23 апреля 1717 года де Либуа сообщил из Дюнкерка: *«До сих пор я не узнал действительной причины путешествия царя кроме простого любопытства и некоторой врожденной любознательности. Я усматриваю какие-то неясные намерения установить торговлю, но сомневаюсь в том, чтобы это составляло главную цель. Я имею возможность разузнать об этих предметах, когда получу на то ваше разрешение»*.

Накануне въезда Петра в Париж французские сановники высказали предположение, что царь захочет заключить торговый договор, вследствие чего начался сбор материалов, которые лягут в основу этого трактата *«для блага и выгоды подданных его величества* (французского короля. — *В. Д.*)».

Но затем стали крепнуть подозрения о более широких планах Петра, что вызвало у противников сближения с Россией стремление их поломать и настроить герцога Орлеанского соответствующим образом. В донесениях де Либуа появляются нелицеприятные подробности портрета государя: *«Я продолжаю убеждаться в том, что писал о характере царя, в котором действительно встречаются зародыши добродетелей, но они в диком состоянии и чрезвычайно перемешаны с недостатками. По моему мнению, ему всего более недостает последовательности и постоянства в намерениях, и потому нельзя твердо полагаться на условия, которые могут быть заключены с ним»*.

Не странно ли? При всем том, что уже было известно о Петре лучшим умам Европы, какой-то французский камер-юнкер, только что увидевший царя, ничтоже сумняшеся, приходит к столь «глубокомысленному» выводу. Вопрос не в том, верил ли де Либуа в то, о чем писал. Вопрос в том, зачем ему понадобилось фантазировать, приписывая Петру «непостоянство» и внушая эту мысль регенту. Загадки в нем, на наш взгляд, не так уж много. В пугливом воображении Версальского двора забрезжил призрак русско-французского союза. Его противники встрепенулись и стали оказывать давление на Филиппа Орлеанского.

26 апреля 1717 года Петр въехал в Париж. Франция встретила его достойно. Но царь не отказал своим спартанским привычкам. Он отклонил приглашение занять лучшие апартаменты в Лувре, выбрав себе скромное жилье.

На другой день визит Петру нанес герцог Орлеанский, поневоле превратив царя из гостя в принимающую сторону. Это выглядело очень необычно: не царь ехал на встречу с правителем Франции, а наоборот[1]. Все было чинно, любезно, формально. Говорили около получаса. Видимо, ни о чем. Но когда навстречу к царю выбежал маленький Людовик XV, гость просто преобразился. Он нежно взял короля на руки, несколько раз поцеловал и не сводил с него ласкового взгляда. Не пытался ли Петр разглядеть в этом юном создании будущего друга России?

Царь, как всегда, сторонясь публики, дал французам мало шансов удовлетворить их жгучее любопытство. Но все же кое-что заметить они успели. Правда, их наблюдения почти ничего не добавили к тем словесным портретам царя, которые накопились к его 44-летию. Однако французы видели Петра впервые, и для них все в нем было ярко, впечатляюще, необычно. Он был величав и прост одновременно. Тем, кто выискивал в нем следы московской дикости, быстро это наскучило. Проще было примириться с их отсутствием, чем обращать внимание на его порой слишком порывистые движения, которые были характерны далеко не только варварам. Бросалось в глаза другое: высокая, стройная фигура, живой, умный, пронзительный взгляд, сила духа и страсти, обширность познаний и жадность к приобретению новых, поразительный профессионализм суждений о предметах и механизмах, относящихся к мореплаванию, военному делу, ремеслу, торговле и промышленности, непритязательность в одежде и нецарское равнодушие к комфорту.

Зато неуемная любознательность Петра не знала преград. Чего только он не посетил в Париже. Еще на подъезде к французской столице он осмотрел укрепления Дюнкерка и Кале, заглянул на суконную фабрику в Абвиле. Затем последовала длинная череда достопримечательностей: арсенал, французская академия наук, парижская обсерватория, королевская библиотека, монетный двор, зоологический сад, аптекарский дом, Дом инвалидов, женский монастырь Сен-Сир, Нотр-Дам де Пари и многое другое. Особый интерес Петра привлекали литейные, столярные и другие ремесленные мастерские и фабрики, где изготовлялась современная техника. С рабочим людом о премудростях профессии он мог говорить бесконечно. Как, впрочем, и с академиками. Повсюду царь носил с собой карандаш и блокнот, куда заносил важные для себя конструктивные подробности различных агрегатов.

Петр изумлял современников одной своей особенностью. Его любопытство иссякало там, где у других оно доходило до состояния страсти. На королевскую коллекцию алмазов царь едва взглянул, на спектакле парижской оперы досидеть до конца так и не смог.

Французская сторона ждала, когда русские начнут разговоры о делах. На этот случай рядом, как мы уже заметили, был маршал де Тессе. Но Петр вел себя так, будто достопримечательности страны и ее курортные места интересуют его больше всего остального. Ни один из высокопоставленных людей, сопровождающих гостей, так и не услышал ни малейшего намека на цель визита. Герцогу Орлеанскому оставалось лишь недоумевать и ждать. Был ли у него порыв самому поднять щекотливую тему? Но тогда бы регент проиграл психологически.

Петр, скорее всего, длил паузу, чтобы французы сами созрели до такого разговора. За негласную протокольную основу общения обе стороны взяли принцип —

[1] Историки обратили внимание на хозяйское поведение царя во Франции, говорившее о том, что его нисколько не смущала величественная, «солнечная» репутация страны.

не спешить. Петр неторопливо знакомился с Францией, внешне не проявляя никакой склонности к серьезным разговорам и не удручаясь пассивным поведением французов. Посмотреть в этой стране было на что.

Впрочем, бесконечные экскурсии и приемы, обходившиеся королевской казне недешево, могли истощить запасы французского гостеприимства и повредить делу. Петр не хотел такого завершения визита и дал распоряжение о начале переговоров. Они открылись 17 мая (по другим данным, 18-го) и продолжались в течение трех конференций. С французской стороны их вел маршал де Тессе.

Шли они трудно, натыкаясь на старые и новые препятствия. Петр предложил совершенно четкие условия русско-французского союза, не отвергая компромиссов, но и не отступая от принципиальных для России позиций. Сразу бросилось в глаза, что государь ставил проблему широко, обращая особое внимание на радикально изменившуюся в Европе обстановку по сравнению с той, что обусловила возникновение особых отношений между Парижем и Стокгольмом вследствие Тридцатилетней войны. Петр прямо заявил, что мыслить прежними категориями уже нельзя. Он готов вступить в дружественный союз с Францией, но только на взаимовыгодных условиях, являющихся, к сожалению, главным камнем преткновения, который нужно убрать с дороги совместными усилиями.

Поскольку рассуждения государя были довольно пространны, позволим себе передать их в свободной трактовке. Смысл того, что он говорил французам, сводился к следующему. Не тешьте себя иллюзиями. Вестфальская система почила в бозе. *«Полу-уничтоженная Швеция»* не в состоянии быть дееспособным союзником Франции в Европе вообще и в Северной Германии в частности. Между тем мощь Империи усиливается, а ресурсов для противостояния ей у Парижа немного. Петр предлагал восполнить этот опасный геополитический дефицит союзом с Россией, Пруссией и Польшей. Царь, одобрив не без лукавства недавно заключенный франко-англо-голландский альянс, как противовес Габсбургам, заметил, что в нем есть очень слабое место в виде Англии, которая подвержена внутренним раздорам и настолько непостоянна, что в любой момент может выйти из союза. Россия же будет для Франции такой опорой, которую она не найдет во всей Европе.

В ответ на выдвинутое французами требование к Петербургу выступить гарантом итогов войны за испанское наследство царь сказал, что тем самым они обрекают русских на конфликт со Священной Римской империей, а это совершенно противоречит интересам России. Единственное, что он готов принять в порядке возмещения — это согласие на замену франко-шведского союза на франко-русский, к которому по воле царя безусловно присоединится Пруссия, что станет самым надежным обеспечением безопасности Франции.

Поскольку Париж отказывался признавать русские завоевания в Прибалтике, Петр мог бы с легкой издевкой выразить понимание такой позиции, как бы намекая, что ему не нужно ни от кого признание того, что ему уже принадлежит. Но царь решил поторговаться. Даже если вы, говорил он, вообще не хотите идти на уступки, одну из них все же придется сделать. Раскрывая ее суть, государь исходил из простой логики. Согласие Версальского двора на замену франко-шведского союза франко-русским должно автоматически подразумевать выполнение Парижем обязательств, взятых им перед Стокгольмом, в частности — выплату субсидий, с той разницей, что раньше

деньги шли на войну с Россией, а теперь они пойдут в русскую казну для содержания армий, которые будут защищать Францию от Габсбургов.

Французские делегаты едва не поперхнулись от такой постановки вопроса, хотя в глубине души признавали, что договор о субсидировании обреченной Швеции был глупостью, бесконечно далекой от циничного рационализма кардинала Ришелье, и с нетерпением ждали окончания срока действия этого соглашения. Разумеется, идея Петра была отвергнута категорически.

Казалось, переговоры находятся на грани срыва. Маршал де Тессе писал герцогу Орлеанскому о своей готовности прервать их в любой момент, но признавался в своем решительном нежелании это делать. Маршал считал событие, в котором он участвует, настолько исторически исключительным, что тут даже топтание на месте имеет значение, и тем более отсутствие движения вспять, как не без воодушевления сообщал де Тессе. *«Дойдем ли мы до соглашения или нет»*, он был уверен, что Франция найдет в этом деле выгоду.

Наконец после трех конференций был начертан проект предварительного соглашения, состоявшего из семи пунктов.

1) Стороны соглашались заключить *«союз твердой и неизменной дружбы»* между царем и королем.
2) Союз ни в чем не будет противоречить трактатам, существующим между Францией, с одной стороны, Англией, Голландией и иными державами — с другой. Договор будет открытым для вступления других государств в качестве поручителей. Петр берет на себя роль гаранта соблюдения Утрехтского и Баденского трактатов.
3) Царь соглашается принять французское посредничество в русско-шведских переговорах о мире. При обсуждении этого пункта русские дипломаты открыли своим визави неприятную для них новость: Карл XII, как выяснилось, отказался от посредничества Парижа и предложил Петру вести переговоры через Императора.
4) Царская делегация предложила привлечь к текущим переговорам прусского посла во Франции, при условии, однако, что его будут посвящать не во все вопросы, касающиеся русско-французских отношений.
5) Французам показалось странным желание Петра включить в альянс Польшу, с которой всегда будет сложно иметь дело ввиду двойственной природы ее политического устройства — королевство и республика в одном лице. Царь, однако, пояснил, что Август II будет принят в союз не только как польский король, но и как курфюрст саксонский. Тем самым Речь Посполитую фактически лишили какой-либо роли в этом объединении.
6) Пожалуй, ключевой и секретный пункт. Сердцевину нового альянса составит франко-русский союз. Париж принимает предложение царя о том, что стратегической опорой Франции в Европе отныне станет вместо Швеции Россия. Но это положение вступит в силу лишь через год, по истечении срока действия франко-шведского договора, предусматривавшего также финансовую помощь Стокгольму.
7) В случае возникновения угрозы Франции со стороны Габсбургов Россия, Пруссия и (возможно) Саксония обязуются предоставить необходимое количество

войск, условия использования которых должны стать предметом отдельных договоренностей.

Эти семь пунктов представляли собой лишь предварительный набросок, выносимый на рассмотрение герцога Орлеанского. Маршал де Тессе, хотя и был сторонником сближения с Россией, комментировал этот проект с изрядной долей скептицизма. Особенно смущал его шестой пункт, а в нем — вопрос о субсидиях. Де Тессе считал его *«главным, который надо будет решить как можно выгоднее»*. Как мы уже знаем, русская делегация полагала логичным, чтобы французы отныне передавали деньги, предназначавшиеся для Карла XII, своему новому союзнику — России. Для Парижа это было совершенно неприемлемым и даже оскорбительным. Поэтому де Тессе предложил вариант размена услугами: Петербург отказывается от своего требования, а Франция соглашается поддержать претензии России на Прибалтику. Такой размен вызвал у русских улыбку, означавшую, что они не нуждаются в чьем бы то ни было одобрении их намерения оставить эти территории за собой. Задетое самолюбие маршала довело его до сердитого утверждения: *«Я не предвижу, чтобы его королевское высочество* (Людовик XV, а по сути Филипп Орлеанский. — *В. Д.*) *мог извлечь какую-либо пользу из настоящих наших переговоров, а также из путешествия царя и его видимой готовности заключить с нами крепкий союз»*.

Однозначно оценить этот проект договора трудно. Противоречивые суждения историков о нем вполне понятны. Одни считают состоявшиеся конференции пустопорожними разговорами, которые никак не повлияли на внешнеполитические приоритеты Франции: ориентация на Швецию, Турцию, а теперь еще и на союз с Англией и Голландией. Главную задачу, связанную с приездом Петра, французская дипломатия якобы видела в соблюдении политеса и предоставлении богатого меню забав, которые отвлекли бы царя от серьезных бесед.

По мнению других, визит Петра привел к *«действительному сближению России и Франции, которое было формальным образом констатировано заключением союзного трактата»*.

В свете последующих событий мы будем иметь случай дать свою оценку этого договора. А пока заметим, что после составления этого документа Петр пробыл во Франции до середины июля 1717 года. Он поправлял свое здоровье на французских водах. Потом он вернулся в Амстердам, где с участием Головкина, Шафирова, Куракина с русской стороны, Шатонефа с французской и прусского посла в Голландии Книпгаузена продолжились начавшиеся еще в Париже переговоры.

Амстердамский договор

4(15) августа, вопреки мнению скептиков, участники голландских совещаний подписали трехсторонний Амстердамский договор. Его условия частично совпадали с французским проектом. Первым артикулом объявлялось, что договаривающиеся стороны *«верно и истинно чинить будут все что от них зависит, дабы друг другу пользы и авантажи произыскивать»*, а вред предотвращать. Второй артикул обязывал участников альянса гарантировать прочность Утрехтского и Баденского договоров, а также тех соглашений, которые будут достигнуты по окончании Северной войны. Третий

артикул предусматривал установление между Россией, Францией и Пруссией режима наибольшего благоприятствования в торговле. Четвертый подчеркивал недопустимость возникновения такой ситуации, при которой франко-русско-прусский союз нанесет какой-либо ущерб тем трактатам, которые уже существуют между участниками альянса и третьими странами. Прежде всего имелся в виду франко-англо-голландский альянс января 1717 года. Артикул пятый носил декларативный и спекулятивный характер. К вступлению в союз приглашались все державы, заинтересованные в тишине и спокойствии в Европе.

К договору прилагались сепаратные и секретные статьи. В соответствии с ними если один из трех членов союза подвергнется нападению внешней державы, то два других участника альянса обязуются сначала предпринять все меры давления на агрессора и принуждения его к удовлетворению пострадавшего. Но если по истечении четырех месяцев эти меры не подействуют, то союзники обязаны будут незамедлительно предоставить подвергшейся нападению стороне войска и субсидии.

Последняя (третья) статья приложения была сформулирована настолько витиевато, что могла быть истолкована не в пользу России и Пруссии. Смысл ее заключался в следующем. Король Людовик XV (читай — Филипп Орлеанский) считает для себя неприемлемым отречься от внешнеполитических традиций своего предшественника Людовика XIV, то есть отказаться от денежной помощи Стокгольму. (Срок соответствующего трактата истекал в апреле 1718 г.) Но теперь в условиях изменившейся военно-политической обстановки, он намерен осуществить эту поддержку в другой форме. Иными словами — склонить участников Северной войны *«к принятию мирных мыслей»*. Поэтому царь Петр и Фридрих-Вильгельм I обещают, *«показуя особливый знак своей конфиденции»*, принять французское посредничество в войне. Учитывая укоренившуюся в сознании русских и пруссаков степень недоверия к Парижу, регент заверял в том, что *«в чине медиатора»* он будет действовать лишь средствами внушения, *«не употребляя никакого понуждения, ни прямым, ни посторонним образом»*.

Эта статья была большим одолжением со стороны Петербурга и Берлина. Она противоречила международному праву, которое не допускало посредничество державы, фактически вовлеченной в конфликт. Чтобы выторговать для себя право на исключение, Париж обязался не возобновлять союзный договор со Швецией ни в каком виде.

Судя по некоторым источникам, герцог Орлеанский рассматривал Амстердамский договор как одно из средств модификации Вестфальской системы в Европе. Франко-шведский союз уже не мог быть ее стержнем. Регент стремился к созданию новой, более надежной и выгодной для Франции расстановки сил. В качестве противовеса Австрии и Испании он хотел использовать Россию и Пруссию, через которые можно было также укрепить французские позиции в Германии. Не отказывался герцог и от включения в эту систему Швеции, чтобы не допустить резкого изменения баланса сил на Балтике.

Внимание историков к Амстердамскому договору объясняется тем, что он стал главным политическим итогом визита Петра во Францию. Оценивали документ поразному. Категоричнее всех Ф.Ф. Мартенс, писавший о его *«решительном влиянии на окончательный исход великой Северной войны и на международное положение России в среде европейских держав»*. Рейнхардт Виттрам назвал договор шедевром дипломатической казуистики: наличие четкой констатации достигнутых договоренностей и до-

брых намерений обесценивалось отсутствием механизмов их реализации при сохранении всех прежних, направленных против России обязательств Франции. Историк указывал скорее на символическое значение договора, как на свидетельство усиления русского влияния в Европе. Близки к такой точке зрения Роже Порталь, Эдуар Вельф и С.А. Мезин. Хотя Н.Н. Молчанов говорил о *«ничтожности»* прямых последствий договора, по сути, и он разделял мнение своих коллег.

Стоило ли России многого ожидать от Амстердамского договора, вскоре выяснилось из разговора между русским посланником во Франции бароном Гансом Христофором фон Шлейницем и французским министром иностранных дел аббатом Гийомом Дюбуа в начале декабря 1717 года, после того как герцог Орлеанский официально предложил посредничество в русско-шведских переговорах. Шлейниц высказал надежду на столь же полное беспристрастие регента, какое показал царь в испанских делах. Дюбуа в довольно язвительном тоне попросил не упоминать о *«беспристрастии царского величества»*, ибо ему прекрасно известно о тайных сношениях русских дипломатов с испанским кардиналом Хулио Альберони и об их предложении заключить оборонительный и наступательный союз для отвращения мира с Францией. Такой союз, предупредил Дюбуа, вынудит Четверной альянс (Франция, Австрия, Англия и Голландия) действовать против России в северных делах.

Шлейниц ответил: что было, то было, но все уже в прошлом, сейчас же, когда ситуация изменилась в связи с Амстердамским договором, нужно думать о будущем. Изменилась она или нет, с улыбкой заметил Дюбуа, покажет дальнейшее поведение России в отношении Испании. А пока он предпочел бы исходить из того, что *«вы* (русские. — *В. Д.*) *принимали некоторое участие в испанских делах»*, пользуясь затруднительным положением Франции. Несмотря на это, подытожил министр, герцог Орлеанский готов забыть обиды и *«действовать в пользу царского величества»*. Дюбуа пообещал, что Шлейниц еще вспомнит этот разговор, когда через полгода будет благодарить регента за его услуги. Посол отреагировал осторожной фразой в духе «поживем — увидим».

Этот же дух пронизывал рескрипт Петра, полученный Шлейницем 17 декабря 1717 года. В мемориале, написанном на его основе и поданном Герцогу Орлеанскому, говорилось следующее. Царь принимает предложение о посредничестве. Но прежде он хотел бы получить от регента заверенную его подписью гарантию, что он не связан ни прямыми, ни косвенными обязательствами со шведской короной или какими-либо другими иностранными государствами, кем бы они ни были, — обязательствами, которые бы шли вразрез с буквой и духом Амстердамского договора. Требовать этого заставляют имеющиеся у царя достоверные известия о том, что французские дипломаты почти во всех европейских дворах не прекращают действовать в пользу Швеции. Осведомлены в Петербурге и об усилиях, предпринимаемых послом Франции в Берлине с тем, чтобы склонить прусского короля к заключению сепаратного договора со Стокгольмом при английском посредничестве. Также не секрет, что регент выплатил большие суммы Ульрике Элеоноре и ее супругу ландграфу Фридриху Гессен-Кассельскому. И уж совсем возмутительными находит царь заявления британского посла в Швеции лорда Джона Картерета и адмирала Джона Норриса о том, что Георг I вместе с герцогом Орлеанским и другими своими союзниками, включая Швецию, приняли меры к скорейшему прекращению Северной войны и заключению мира без уча-

стия России. Петр просил скорого письменного ответа, в зависимости от содержания которого он либо начнет мирные переговоры, либо продолжит войну.

Амстердамский договор сильно встревожил Лондон. Британский посланник в Париже лорд Стерс стал уговаривать регента создать франко-англо-шведский оборонительный союз против России. Но герцог Орлеанский на этот раз предпочел думать своей головой и не втягиваться в северные дела в той степени, в какой они отвлекут его от испанских и итальянских проблем. Вместе с тем намерения французского правительства не шли дальше простого подписания Амстердамского договора, которому оно не придавало большого значения[1]. Если видеть в этом договоре главный политический итог визита Петра во Францию, то можно согласиться с историками, с разной степенью категоричности оценивающими его как провал. Когда же мы включаем этот сюжет в широкий историко-культурный аспект, то напрашиваются не столь однозначные выводы[2].

Полагался ли Петр на Амстердамский договор? За ним не замечено особого усердия в стремлении добиться подписания трактата любой ценой, как и восторга после того, как это случилось. В военную помощь Франции царь не верил. В дипломатической глубоко сомневался. Весьма рискованным представляется и предположение, что престижные соображения (заключение беспрецедентного союза с одной из могущественных европейских держав, которой Франция оставалась, несмотря на итоги Испанской войны) перевешивали в его сознании все остальное. Единственным мотивом, стоящим за этим неоднозначным решением, являлась, по-видимому, надежда на то, что Парижу удастся уговорить Карла XII пойти на мир. Именно надежда, а не уверенность.

Лишь опираясь на такую логику, можно объяснить тот факт, что параллельно с русско-французскими князь Куракин в Гааге вел переговоры с представителями шведского короля. Инициатива, как мы помним, исходила от Герца, который работал над идеей сепаратного шведско-русского договора. В принципе он мог стать кратчайшим путем к миру между главными противниками в войне. Петр был бы избавлен от моральных угрызений перед уже распавшимся Северным альянсом, каждый из участников которого давно искал отдельного примирения со Стокгольмом за счет интересов своих партнеров и какой-то формы объединения против России.

Все было бы относительно просто, если бы на пути решения проблемы не стоял Карл XII с его непредсказуемым ходом мыслей. Он метался между осознанием рациональности внушений Герца и фанатичным желанием отомстить своим врагам. Вдобавок запутывал ситуацию сам Герц, которого всегда тянуло к избыточному усложнению и, так сказать, чрезмерной эстетизации игры в ущерб результату. Он напоминал шахматиста, взявшегося играть одновременно с несколькими сильными соперниками, в совокупности превышавшими уровень его мастерства. С особым азартом и ри-

[1] Французский историк Анри Леклерк считал политику Филиппа Орлеанского в отношении России крайне безответственной и непоследовательной: на словах герцог обнадеживал Петра, а на деле активно действовал против царя в северных делах.

[2] Именно эти два подхода — локально-тематический и объемно-ретроспективный — пронизывают историографию русско-французских отношений петровского периода. И разумеется, к этому следует добавить сильное влияние привходящих политико-идеологических факторов, обусловленных взглядом в прошлое из той или иной эпохи (Наполеоновские войны, Крымская война, формирование Антанты, холодная война и т.д.).

ском вел он себя за английской «доской», в результате чего чуть было не сломал себе шею задолго до окончания партии. Находясь в Гааге, он завел тайные связи с якобитами, готовившими свержение Георга I. В феврале 1717 года по просьбе Лондона голландцы, отчасти из идеологической солидарности с протестантским королем Англии, отчасти из вынужденного заискивания перед ним (в деле получения более весомой доли от испанского наследства), арестовали Герца, несмотря на наличие у него дипломатического иммунитета. Через полгода из-за отсутствия улик и под давлением целого ряда сложно переплетавшихся обстоятельств гольштинского барона пришлось освободить. Своей авантюрой он осложнил международное положение Швеции, которая теперь не могла, как прежде, рассчитывать на решительную политическую и военную поддержку Англии и Голландии.

Однако Герца это не слишком удручало. Он продолжал упиваться своими фантазиями, то призывая Карла XII брать пример с великих правителей и завоевателей прошлого; то говоря, что могущество государства не в его размерах; то предлагая королю стать строителем новой международной системы в Европе, опираясь на Россию или Англию; то просясь в отставку по причине чинимых ему отовсюду помех.

Все это Петра не интересовало. Ему нужно было точно знать, чего конкретно хочет Карл XII, а не его подопечный. Если действительно мира, то какого? Именно это собирался выяснить князь Куракин у шведских дипломатов в Гааге в июле–августе 1717 года. Его, естественно, смущал тот факт, что за инициативой Стокгольма стоит Герц, все поступки которого Петр и его советники называли не иначе как *«проделками»*. Его «неповторимый» почерк угадывался сразу. Сначала к Куракину на разведку был подослан приверженец Карла XII генерал Станислав Понятовский. Объявив о намерении короля вступить с Россией в переговоры, он сказал, что полномочиями на их ведение располагает секретарь шведского посольства в Гааге Прейс. Потом выяснилось, что у Прейса действительно есть инструкция, но составленная в самых общих выражениях и не позволяющая довести дело до конца. Герц в это время находился в Голландии, но, зная отношение к нему Куракина, продолжал действовать через Понятовского. Герц сообщил русскому послу о своем отъезде в Стокгольм и предложил через него передать условия, на которых царь готов заключить мир. Куракин ответил, что условия давно объявлены и повторные обсуждения их через людей с сомнительными полномочиями будут потерей драгоценного времени. Князь, знавший о причине ареста Герца, подозревал гольштинскую шельму в намерении подстроить какую-нибудь очередную каверзу, учитывая его разъезды по всей Европе с целями, едва ли совпадавшими с интересами России. Таким образом, Куракин, попрежнему отказываясь от личной встречи с Герцем, вынудил его спасать свою идею более решительным ходом. И Герц его сделал, предложив начать секретные переговоры в Финляндии, подальше от посторонних глаз. Обе стороны пришлют туда своих представителей, облеченных всеми полномочиями для окончательного решения вопроса о мире. Когда договор будет заключен, его ратификацию произведут шведский король и русский царь при личном свидании.

Куракин заявил, что его царское величество согласен послать своих делегатов на съезд с условием, что он состоится через два-три месяца на Аландских островах. По истечении этого срока государь оставляет за собой право отказаться от сепаратного формата переговоров, чтобы продолжать их уже с участием союзников. 12 авгу-

ста Куракин наконец согласился на личную встречу с освобожденным из заключения Герцем, на которой были подтверждены эти договоренности.

Весьма примечательно: когда Герц поинтересовался, следует ли привлекать к переговорам французского посла в Стокгольме Деламарка, Куракин ответил, что теперь при наличии предварительного согласия между двумя воюющими державами нужды в посреднике нет никакой, тем более в посреднике, ведущем двойную игру, стараясь достичь сепаратного примирения между Ганновером и Стокгольмом. Герц согласился. По крайней мере на словах. Что он думал об этом на самом деле, неизвестно.

Приведенный сюжет дает основания предполагать, что у Петра была слабая надежда на Амстердамский договор. Французское посредничество не вызывало у него доверия. Более прямой путь к миру, судя по всему, он увидел в деятельности Куракина в Гааге. Наряду с Герцем шведскую сторону в переговорах представлял Прейс, и, видимо, не случайно. Через секретаря шведского посольства, иметь дело с которым Куракину было комфортнее, проводилась дополнительная разведка переговорных позиций России. Тут требовалась откровенность, и Прейс ее проявил, заявив, что Карл XII считает себя несправедливо пострадавшей стороной и настаивает на возвращении всех завоеванных земель вместе с возмещением ущерба. А русский посол подчеркивал готовность Петра к сепаратному миру, который принесет шведам гораздо больше выгод, чем *«генеральный»*. Куракин, разумеется, понимал, что поднятые до совершенно неприемлемого уровня требования Прейса — всего лишь обычный дипломатический прием, и продолжал переговоры. 22 августа 1717 года царь, приехавший в Голландию, тайно принял Герца, достигнув с ним договоренности как можно скорее начать переговоры в Финляндии.

Фридрих IV перепуган

В начале 1717 года Петр сохранял остатки надежды объединиться с датчанами и ганноверцами (Георгом I) для нанесения решающего удара по шведам. Но британский король соглашался предоставить свой флот, только когда русские уйдут из Мекленбурга. Из этого заявления напрашивалось заключение, что требование вывода из Германии царских войск — главной ударной силы против Швеции — означало одно: нежелание продолжать войну. Мало того, Георг I просил у датского и прусского королей войска, чтобы соединить их с ганноверскими и силой вытеснить русских из Мекленбурга. Осуществление этой безумной идеи совершенно изменило бы линию фронта в Северной войне и сам ее характер. Иными словами, родилась «гениальная» идея превратить войну против шведов в войну между союзниками. Однако Фредерик IV и Фридрих-Вильгельм I сохранили рассудок в достаточной мере, чтобы понимать безрассудство такого шага, и решительно отклонили приглашение.

Петр выступал против топтания союзников на месте, характерного для 1716 года. Он предлагал закончить войну мощным вторжением в Шонию всем контингентом русских войск, располагавшимся в Мекленбурге. Но этих войск Фредерик IV под влиянием плотной атмосферы русофобских внушений, похоже, боялся больше шведских. Боялся, что они останутся там навсегда. Король с трудом соглашался пропустить через свою территорию лишь двадцать русских батальонов, чего было явно недостаточно. *«Зачем*, — спрашивал князь В.Л. Долгорукий датского генерала Деви-

ца, — *...с малым отрядом пускаться на такое опасное предприятие, вступать во внутренность неприятельской земли, где враг готов к обороне со всеми своими силами?»* Ответ с военно-стратегической точки зрения звучал более чем странно: Фредерик IV и Георг I хотят, чтобы русские покинули Мекленбург. Иначе говоря, чтобы силы союзников, обращенные против Швеции, были заведомо сокращены.

А вот вопрос Долгорукого был полон подозрений. Не собираются ли датчане оказать Карлу XII услугу, дав ему возможность уничтожить русские батальоны, опираясь на хорошо укрепленные позиции?

Давно уже начавшийся развал Северного альянса в 1717 году был ускорен целым шквалом перекрестных интриг, в которых путались сами интриганы, принадлежавшие в основном к партии мекленбургского обиженного дворянства. Рассуждали они по-своему логично: если уж нельзя избавиться от русских войск в Северной Германии, то надо их использовать в качестве жупела, натравливая против них датского короля и мелких немецких князьков.

В начале 1717 года ганноверский и саксонский дворы предложили Петру двинуть свои мекленбургские войска в Гольштейн-Готторпские земли и в Переднюю Померанию. Инициаторы, видимо, рассчитывали, что со стороны это будет выглядеть как месть царя за намеренный срыв датчанами кампании 1716 года. Охваченный паникой Фредерик IV обратился к царю за разъяснениями.

Петр ответил большим и сердитым письмом (январь 1717 г.), упрекая короля за то, что такая мысль могла прийти ему в голову. По признанию государя, предложение от ганноверцев и саксонцев к нему действительно поступило, но он, в отличие от Фредерика IV, сразу понял, что это проделки злоумышленников, пытающихся добиться разрыва между Россией и Данией, и, конечно, отверг его. Он, Петр, делавший все для сохранения дружбы с королем при обилии желающих ее разрушить, теперь с великим прискорбием обнаруживает в его *«жестокой и незаслуженной декларации»* столько недоверия вместо благодарности. Не меньшее недоумение вызвало у государя сетование Фредерика IV на то, что он ведет войну со шведами в одиночку. Петр с огорчением напоминал королю, сколько раз он, *«не щадя своей собственной персоны»*, выдвигал планы совместных действий против неприятеля, *«к общей пользе и к частному интересу вашего величества касавшиеся»*, и все тщетно. Не забыл царь напомнить, как русские полки, находясь на датской территории в ожидании так и не отданного по вине союзников приказа о наступлении, простаивали без зимних квартир на холодном ветру, не срубив ни одного дерева, но никого это не волновало.

Теперь же в свете утверждения короля о том, что он оставлен один на один со шведами, Петр, в доказательство ошибочности этого утверждения, ждет от Дании не слов, как было прежде, а *«последней и категорической резолюции вашего величества, дабы я заблаговременно мог приготовиться». «Иначе если вы и теперь не окажете никакой склонности вступить со мною в соглашение,* — завершал царь свое послание, — *то я не только перед вами, но и перед богом и перед всем честным светом буду оправдан. Я не для чего иного до сих пор держал свои войска в Мекленбурге, как для того, чтобы быть готову помогать вам поблизости, и этим навел на себя негодование не только всей Германской империи, но и от вас, союзников своих, вместо благодарности принужден терпеть ненависть и непристойные нарекания; вместо помощи от ваших министров принужден терпеть всякие противности как при цесарском дворе, так и в Регенсбурге и других местах».*

Просвета как не было, так и нет

Послание Петра скорее испугало Фредерика IV, чем успокоило. Это лишний раз говорило о сохранявшейся атмосфере недоверия всех ко всем. Кроме того, создавалось впечатление, будто внешней политикой государств управляли не монархи (за исключением Петра), а их влиятельное окружение, внутри которого шла борьба за личные интересы, полная страстей и коварства. Порой пустячные споры сановников по частным, только их касавшимся вопросам, вредно сказывались на важных государственных делах. Хуже было, когда сложные распри разворачивались между «партиями» вокруг принципиальных военно-политических решений.

В этом водовороте русскому послу в Копенгагене В.Л. Долгорукому приходилось нелегко, хотя он был далеко не новичком в большой политике. Передаваемая им в Петербург информация являлась ценным подспорьем в процессе выработки стратегии и тактики России на ближайшую и отдаленную перспективу. Из тех глубоко противоречивых сведений, которые он собирал самыми разными путями, он умел извлечь главное и в констатации этого главного редко ошибался. Вступая в дискуссии практически со всеми дипломатами, представлявшими европейские державы, Долгорукий провоцировал их на откровения, которые они вряд ли позволили бы себе в других случаях. Впрочем, многое из того, что он узнавал, не было для него секретом.

Примечателен разговор посла с ганноверским посланником в Дании Ботмаром, утверждавшим о готовности Георга I выслать в Балтийское море восемнадцать линейных кораблей для поддержки русских военно-десантных операций и обвинявшим царя в срыве этого плана из-за его нежелания уйти из Мекленбурга. Долгорукий в ответ привел доказательство того, что все обстояло иначе. Английский король не собирался оказывать Петру никакой реальной помощи. Он лишь способствовал осуществлению абсолютно невыгодного для России проекта Бернсдорфа, который состоял из перечня обязательств царя, без всякого намека на участие британского флота в военных действиях на Балтике. Заметим, кстати, что само по себе появление английских кораблей в Балтийском море, как уже случалось и как еще случится, вовсе не означало, что они будут помогать России.

Поняв, что Долгорукий осведомлен больше, чем полагал Ботмар, ганноверский посланник принялся изворачиваться. Он сказал, что Георг I не может дать письменного обязательства о присылке кораблей, *«чтобы не возбудить подозрение английского народа»*, но на честное королевское слово Петр может положиться при условии вывода войск из Мекленбурга. Поскольку дипломатическая история Северной войны не раз показывала, чего стоят *«честные королевские слова»*, Долгорукий заметил, что дела такого рода оформляются именно письменными обязательствами.

От прусского посланника в Дании Гаппе Долгорукий узнал, что датчане страшно опасаются совместных операций с русскими войсками, от которых они окажутся в полной зависимости с точки зрения как военных, так и политических результатов кампании 1717 года. Новость не бог весть какая, но на фоне таинственных переговоров между англо-ганноверцами, датчанами и шведами, а также непрекращающихся интриг Августа II и взрывоопасной ситуации в Польше она приобретала зловещие оттенки. Крайне обеспокоенный Долгорукий доносил в Петербург, что будущая кампания против Швеции весьма чревата новым срывом, поскольку Фредерик IV дорожит

дружбой английского короля гораздо больше, чем союзом с Петром. Георг I категорически против России и совместного русско-датского выступления против Швеции, поскольку их победа будет на руку только царю.

По сведениям Долгорукого, в том, что обстановка еще сильнее запутывается и обостряется, большая «заслуга» «обиженных мекленбуржцев» Гольста и Девица, обретших огромное влияние при датском дворе. Король ни к кому не прислушивается так, как к ним. Они же настраивают против России кого только можно. Особым объектом их внушений является Георг I, чья ненависть к России подогревалась любыми способами, включая заведомую ложь о планах Петра завоевать всю Северную Германию. Болтливые ганноверские сановники заверили Долгорукого, что английский король не заинтересован в скорейшем завершении войны, поскольку его долю добычи — Бремен — уже можно считать приобретенной. Собеседники посла не скрывали от него, что считают Россию главным врагом всех северных государств, особенно Дании и Англии (с Ганновером) и поэтому призывают применять к ней жесткую политику вплоть до использования военной силы. Право на это имеет прежде всего Георг I, который *«так претерпел от царского величества, что страшно слышать»*. Не знаешь даже, как комментировать это заявление Ботмара, иначе как предположив, что он имел в виду пребывание русских войск в Мекленбургском княжестве, объявленном Англией незаконным на том основании, что эти и соседние земли находятся под английской опекой.

В мае 1717 года Долгорукий доложил в Петербург, что датчане и ганноверцы собрали тайный совет с участием Фредерика IV, где было решено объединить войска и двинуть их в сторону Мекленбурга. Не ясно, был ли это устрашающий жест или что-то еще, но в любом случае такая операция могла закончиться для Дании и Ганновера очень плохо. Заслуживает внимания предложенная на совете мотивировка. *Во-первых*, царю, нацелившемуся на захват германских территорий и перераспределение их среди лояльных ему князей, доверять нельзя. *Во-вторых* (и это особенно удивительно), прошлогодний (1716 г.) провал кампании в Шонии целиком на его совести. *В-третьих*, установление династических связей России с Мекленбургом создает большую угрозу для всей Северной Европы. *В-четвертых*, поездка Петра во Францию грозит сепаратным русско-шведским миром, при котором союзникам не придется ждать от Стокгольма уступок. *В-пятых*, русские войска в районе Ростока постоянно увеличиваются и уже вскоре будут доведены до 40 тыс. Все это требует от Дании и Ганновера (конечно, в союзе с Англией) активной военной мобилизации против России.

Уж кто действительно *«натерпелся»* от союзников, так это Петр. Они ставили ему палки в колеса в военных, политических, дипломатических вопросах, в корне ломая саму идею коалиционной войны. Во всех его инициативах, направленных на скорейшее завершение войны, им чудился коварный подтекст. А теперь дело дошло до того, что в исторической литературе именуется *«переворачиванием альянсов»*. Иначе говоря, до создания единого фронта, не исключая Швеции, против России.

Над Европой навис призрак затяжной войны, избежать которой Петр старался всеми силами. Он боялся не самой войны, а слишком дорогой для России цены победы. Издержки уже достигли колоссальных материальных и моральных размеров. А станут еще выше. Мысль о сепаратном мире давно перестала смущать его, но и на этом пути стояли труднопреодолимые препятствия.

Петр решил разрядить обстановку. В июне 1717 года он объявил о предстоящем выводе войск из Мекленбурга. В ответ Фредерик IV радостно воскликнул: *«Теперь уже все несогласия между царским величеством и королем английским кончились»*. Но это были лишь слова. В действительности же ничего в политике союзников не изменилось. Кроме одного: они получили б*о*льшую свободу выбора вариантов противодействия России. Как вскоре выяснится, русское присутствие в Мекленбурге являлось сдерживающим фактором против антироссийских интриг и заговоров, осуществлять которые теперь будет проще. Это стало понятно в ходе откровенной беседы между Фредериком IV и Долгоруким, заявившим, что источником *«всех несогласий»* было поведение Георга I, министры которого *«делали всевозможные противности интересам нашего государя»*, не давшего для этого ни малейшего основания. Фредерик живо возразил, что основание было и очень серьезное, чем удивил посла. Царь, оказывается, посягнул на Мекленбургское герцогство, объявленное Георгом I землей, им покровительствуемой. Долгорукий ответил, что своей позицией в мекленбургском вопросе английский король нанес *«вред всему союзу»*, и дело было не в Мекленбурге, а в намерении применить военную силу к русским войскам, что со всей очевидностью подтверждается прошлогодним (1716 г.) опасным инцидентом в Копенгагене, к которому прямо причастны и датчане.

Искусство Долгорукого как дипломата никогда не вызывало сомнения, но тут он, возможно, превзошел себя, выведя разговор на весьма неожиданный уровень откровенности. Удалось бы еще кому-нибудь спровоцировать Фредерика на такое признание, мы не знаем, но вот его слова: *«Это правда, король английский старался, чтоб армия и флот датские, соединясь с флотом английским, напали на русские войска; но ему в этом было отказано; только ни под каким видом об этом никому не рассказывайте»*. Однако следом, явно теряя логическую нить, Фредерик спросил у посла: какую для себя пользу может извлечь Георг I, *«препятствуя общим делам союза»*? Оставалось разве что добавить: в том числе прибегая к подобным методам? Более странный вопрос придумать было сложно. Возможно, король задал его намеренно, чтобы выяснить, насколько глубоко способен Долгорукий проникнуть в суть дела.

Оказалось, способен. Да еще так, что заставил Фредерика, находившегося в большой информационной зависимости от своих министров, задуматься над другим взглядом на общую картину. Можно сказать, открыть на нее затуманенный политический взор. Посол изложил свое мнение о фундаментальных основах британской стратегии в отношении Европы: сталкивать интересы всех государств, выбирая временных союзников так же быстро, как и меняя их, чтобы не допустить возвышения ни одной из держав. Приверженцем такой политики является и Георг I, который хочет, не понеся никаких издержек и бесцеремонно манипулируя дипломатическими инструментами, стать *«господином Северной войны и мира»*. С бескорыстным арбитражем это не имеет ничего общего. Англии нужна добыча, и она будет делать все против тех, кто попытается ей помешать. Отсюда усердное стремление расторгнуть русско-датский альянс (уже, впрочем, формальный), стоящий на пути достижения британских целей. Отсюда переговоры со шведами об уступке Бремена, за что Лондон обещает предельно сократить их территориальные потери в других местах и готов ради этого оказать Стокгольму военную помощь.

Свои разъяснения Долгорукий закончил вопросом: с какой стати должен царь, понесший несчетные убытки и жертвы, *«отдать не только все дела военные, но и самый мир в волю одного короля английского»*, занимавшегося лишь стравливанием союзников?

Этот разговор был полезен для Фредерика. Король получил более достоверные представления о происходящем вокруг него. Но повлиять на его зависимость от беспросветной атмосферы интриг и козней, которая лишь усиливалась к концу войны, не смог бы никто. Как только возникало впечатление, что стихию дипломатического хаоса удается ограничить целенаправленными действиями государей, обнаруживались факты, сеявшие новые семена недоверия и страха. Кто-то умолчал, кто-то недоговорил, кто-то прямо соврал, кто-то выдумал, чего не было, и т.д. В те времена не поверить было проще, чем довериться. Каждому игроку на дипломатическом поле Северной войны приходилось не только считаться с этими обстоятельствами, но и самому создавать их, как создают колею для лавирования. Самое большое неудобство было связано с невозможностью управлять ситуацией, во многом потому что монаршее слово после долгого процесса его девальвации резко упало в цене. Обман как способ ведения политики вошел чуть ли не в правило. Ведущая роль тут безусловно принадлежала союзникам России, что со временем заставило и Петра излечиваться от «детской болезни доверчивости» и приспосабливаться к такому поначалу странному для него стилю международных отношений.

Доклад Долгорукого Петру был составлен так, чтобы передать царю суть разговора, избегая излишне оптимистической тональности. В сентябре 1717 года посол получил от государя сообщение о том, что датский посланник в Петербурге Ганс Георг фон Вестфален *«в величайшей тайне»* объявил, что Фредерик начинает понимать цель английских интриг и видеть, как обманывают его министры, особенно «беглые» мекленбуржцы, один из которых — Девиц — уже удален от двора. Король якобы прозрел и собирается восстановить между Данией и Россией прежнее согласие, для чего и прислан Вестфален.

Петр рекомендовал Долгорукому очень осторожно отнестись к этим известиям. Послу поручалось заявить, что Петербург, благосклонно принимая добрый жест Копенгагена, хотел бы иметь основания доверять услышанному. Однако этому мешает имеющаяся информация о негласных датско-прусских переговорах о Штральзунде. Подобные действия противоречат правилам отношений между союзниками. Предпринимать их без участия России не *«сходно будет с интересом общим»*. Но об этом нужно будет сказать только тайно, чтобы не ссориться с прусским королем, как бы прощая ему во имя дружбы этот неблаговидный поступок.

Если же Долгорукий увидит, что заявление Вестфалена очередной обман, то он вообще не должен посвящать датчан в важные вопросы.

Скептицизм Петра подтвердился к концу 1717 года. Все заявления Фредерика IV о его прозрении, как и «отставка» Девица, оказались фарсом. Король был по-прежнему опутан сетями интриг мекленбуржцев, крепко державших государственные дела в своих руках. Долгорукому было заявлено, что Фредерик не откажется от тесной дружбы с Георгом I, и он непременно должен участвовать в русско-датском союзе, во всех военных и дипломатических решениях. Совсем уж беспардонным было предложение Копенгагена о том, чтобы официальная инициатива о восстановлении союза исходила от русской стороны и ею же была бы выполнена вся черная военная работа.

Продолжать это бесцельное общение Петр находил бесполезным. Подходил к концу еще один год войны, а общая ситуация оставалась на мертвой точке. Однако в ноябре 1717 года стало выясняться, что закулисная дипломатия порой может быть эффективнее открытой. В Дании со страхом узнали о сепаратных переговорах с участием России и Пруссии, с одной стороны, и Швеции — с другой. Газеты даже стали писать, что тайный мир уже заключен. Понимая, что успех переговоров грозит оставить датчан ни с чем, они засуетились. В середине ноября 1717 года датские министры пригласили Долгорукого и прусского посланника на совещание, где предложили план продолжения войны, согласно которому датская армия вторгается в Швецию из Норвегии, а русская из Финляндии. Проблема в том, что русским без английского флота не обойтись, а Георг I не хочет его давать, пока отношения между мекленбургским Карлом-Леопольдом и дворянством не будут возвращены хотя бы в состояние, в котором они находились при предшественнике герцога, чтобы по завершении Северной войны этот вопрос был решен окончательно.

Петра такое решение не устраивало. Оно давало перевес над герцогом местному рыцарству, за которым стояли антирусские силы. Долгорукий этого не скрывал.

Пруссии нужны гарантии

При всех международных неурядицах Петру не хватало только недоразумений с Берлином, до сих пор самым предсказуемым из непредсказуемых союзников Петербурга. А они чуть было не возникли из-за атмосферы секретности, которой царь окружил свою поездку во Францию. Еще не зная о целях визита, Фридрих-Вильгельм не без тревоги попросил у А.Г. Головкина разъяснений. Послу, руководствуясь инструкцией, пришлось отчасти врать, ссылаясь на монаршую страсть к удовлетворению своей любознательности. Был ли смысл придумывать такую маскировку, если во всех русско-французских переговорах присутствовала Пруссия как союзник, от которого Россия не отречется? Не уверены.

В июне 1717 года Ильген, комментируя эту неувязку, сказал Головкину: «*Конечно, надобно иметь взаимно крайнюю конфиденцию для общего блага; у нас больше неприятелей, чем приятелей, и потому надобно действовать осторожно; английский двор больше других на нас досадует, точно так же, как и на царское величество: кроме того, что нам несколько раз объявлял, что мы нарушили договор, не согласившись действовать заодно против России, французскому посланнику Обервилю, предлагавшему пригласить нашего короля к союзу, сам английский король объявил, что пока прусский король будет в согласии с царем, то он ни в какое дело с ним не вступит. Надобно нам спешить своими делами и составить план, в котором написать ультиматум, без чего России и Пруссии помириться с Швециею нельзя; надобно заботиться привести дело к концу; если же оно продлится, то другие прежде нас составят план и могут принудить нас к миру согласно с этим планом*».

Еще раз повторим, что Головкину было чем ответить: прусско-датские переговоры в тайне от царя — весьма сомнительный образчик честности Берлина в отношении к Петербургу. Но Петр запретил послу это делать.

Всем было ясно, что Северный альянс де-факто распался почти окончательно. Сложились две группировки: русско-прусская и англо-ганноверско-датская, которые

открыто взяли курс на заключение сепаратных договоров со шведами. Август II, запутавшись в своих собственных интригах и в польских делах, по сути, оказался в изоляции. Франция в преддверии продолжения войны за испанское наследство стала терять интерес к северным проблемам.

Карл XII и его неугомонный Герц, чувствуя ситуацию, подавали обнадеживающие знаки всем своим противникам, но дальше этого не шли. Герц стремился устроить между ними аукцион, оставив за Стокгольмом право выбрать для себя лучшие условия. Иными словами, мир будет заключен прежде всего с тем, кто согласится ограничиться минимальными приобретениями. Это ставило победителей в условия конкуренции, заставляя унимать свои аппетиты, что делало обстановку еще более острой.

Шведы, казалось бы, крупно проигрывая, придумали весьма остроумный ход, негативно повлиявший даже на относительно благополучные русско-прусские отношения. В сентябре 1717 года в Берлине состоялось совещание между ведущими дипломатами двух держав, чтобы твердо условиться о совместной военной и политической стратегии. Русские объявили о готовности Петра ради мира пожертвовать завоеванной Финляндией. Пруссаки ответили, что они будут поддерживать требования России во исполнение прежде подписанных двусторонних соглашений. Но что делать, если Финляндии окажется недостаточно? На какие еще уступки готов Петербург, если они понадобятся, чтобы опередить англичан, которые тоже ведут переговоры, и при благополучном их завершении *«нам тяжело будет»*? Еще хуже *«нам»* (теперь уже определенно имелась в виду Пруссия) придется, когда цесарь помирится с турками и развяжет себе руки для вмешательства в прусские дела. Император натравит на Берлин ганноверцев и саксонцев, а к ним присоединятся католические князья. И тогда мы не только завоеванного за собой не удержим, *«но и в великую опасность впадем, потому что не имеем ни одного союзника»*. То ли прусские министры таким образом стращали Петра, то ли и в самом деле сомневались в военной силе русско-прусского союза. В любом случае они хотели исключить ситуацию, при которой отказ России уступать что-либо, кроме Финляндии, даст шведам основание заартачиться и вообще лишить Пруссию приобретений, тем самым поссорив их. Другими словами, Берлин был категорически против, чтобы Россию вознаграждали за его счет. И наоборот.

Нужно ли объяснять, что немцы, призывая Россию к «гибкости», подразумевали возвращение Лифляндии, требуя от Петра немыслимого. Русская делегация ответила, что, кроме Финляндии, шведам ничего не отдадут. Лифляндия — ключевой стратегический плацдарм не только против северной России, но и против Пруссии. Он всегда будет оплотом и точкой сбора для всех антирусских и антипрусских сил, включая поляков. Лучше продолжать войну, *«чем соглашаться на такой опасный мир, ибо от шведского короля при мире, кроме бумаги, ничего не получим и только дадим ему средство к новому нападению»*. Что касается Австрии, то она давно и решительно вмешалась бы в Северную войну, если бы ей это было нужно. Опасаться такого вмешательства не стоит еще и потому, что бросать вызов сразу трем державам (России, Пруссии, Франции), связанным Амстердамским договором, она не станет. Чего ради?

Русская аргументация немцев не интересовала. Их интересовала Померания и беспокоило все, что мешало ее приобретению. Между тем, по крайней мере, один геополитический довод был неоспорим. В 30 милях от Лифляндии располагалась новая столица России, которая, останься все по-прежнему, постоянно находилась

бы под ударом шведов. Однако пруссаков это нисколько не волновало. С нарастающей настойчивостью они твердили о необходимости уступок. Им бы напомнить, что всю тяжесть войны Россия вынесла на своих плечах, и теперь пруссаки, вступив в нее лишь два года назад и мало что сделав для победы, требуют от России отказаться от ее главной добычи ради того, чтобы Пруссия присоединила к себе Померанию.

Эти доводы немцы посчитали бы бестактными и не захотели бы их слушать. Напоследок они начали пугать русских дипломатов непредсказуемостью будущего. При таком настроении его царского величества, по их мнению, надобно готовиться к долгой войне, в которой все может повернуться против русско-прусского союза. В частности, шведский король, увидев невозможность договориться с Россией, помирится с Англией и Данией и объединится с ними против Петербурга и Берлина, *«и тогда мы одни останемся»*.

В конце 1717 года в Берлин явился сам Петр. Чтобы успокоить Фридриха-Вильгельма, он провел с ним совещание, в результате которого был учинен так называемый *«гавельсбергский концерт»* — своего рода перестраховочное соглашение, дополнявшее русско-прусский договор 1714 года. Стороны договорились, что в случае заключения кем-либо из других (Дания, Ганновер, Польша) союзников сепаратного мира со шведами, позволяющего им сохранить свои позиции в Германии, или в случае чьих-либо попыток принудить Пруссию к отказу от Штеттина с округом русские и прусские войска будут препятствовать этому силой.

Самую большую тревогу короля — начавшиеся русско-шведские переговоры — царь ослабил торжественным заявлением, что они действительно имеют место, однако о ходе их Пруссия будет оповещаться в подробностях, он не допустит ни малейшего ущемления ее интересов и не подпишет ни мира, ни перемирия без того, чтобы король получил то, что ему полагается. На случай датско-ганноверской интервенции в Мекленбург Фридрих-Вильгельм обязался заключить союзный договор с герцогом мекленбургским и по возможности помогать ему держать в узде дворянство, но это обязательство будет действовать до тех пор, пока и если не вмешается Австрия, конфликтовать с которой король не хочет ни при каких условиях.

Визит Петра в Берлин явился в каком-то смысле водоразделом, по крайней мере, в межсоюзных отношениях, в которых теперь, с укреплением русско-прусского звена, появилось больше определенности. Дания, Ганновер (и Англия) получили сигнал о решительных настроениях Петра и Фридриха-Вильгельма, наконец договорившихся о том, что будут выступать против Швеции и против своих союзников единым дипломатическим фронтом.

Противопоставить этой сильной связке было нечего. Созданию эффективного контрсоюза препятствовал бескомпромиссный эгоизм и алчность Дании и Ганновера, их абсолютное нежелание считаться с интересами друг друга и жертвовать малейшей перспективой урвать у шведов побольше.

Чем меньше Англию мы просим, тем легче справиться нам с ней

Лондон не придумал ничего лучшего, как продолжать свой «стратегический» курс на создание для России все новых и новых препятствий в Северной войне под видом *«искренней дружбы»* Георга I к Петру и богоугодного желания достичь наконец мира.

Мира он, возможно, и хотел, но только не такого, при котором царские владения будут располагаться по соседству с Ганновером, в Мекленбурге, где стояли русские войска, и никто не знал, уйдут ли они оттуда.

В июле 1717 года в Амстердаме в резиденции канцлера Головкина в присутствии его штаба появились чрезвычайный посланник английского короля в Голландии Витворт и адмирал Норрис. Тот самый, что год назад чуть не устроил бойню между английскими моряками и русской пехотой. Теперь он говорил о мире, согласии и общей пользе. На первое место был поставлен вопрос о заключении русско-английского торгового договора, которого Лондон добивался уже много лет. Однако потом быстро перешли к обсуждению проблемы мира со Швецией. Англичан интересовал образ мыслей царя на сей счет.

Головкин ответил, что его государь тоже печется о скорейшем прекращении войны, в условиях которой невозможна балтийская торговля и, соответственно, заключение коммерческого трактата между Россией и Англией. Поскольку Карл XII категорически не хочет идти на мировую, есть только одно средство принудить его к переговорам — продолжать боевые действия до полной и окончательной победы, именно такой, заметим мы попутно, которой ни в коем случае не хотел Лондон. Для этого русским сухопутным войскам и флоту нужна помощь британского флота в размере пятнадцати линейных кораблей, с условием их перехода под единоличное командование царя на все время военных операций. Тогда можно будет произвести высадку на шведский берег и заставить Карла заключить мир *«к удовлетворению короля и народа английского»*. Любопытно, что Головкин в данном случае акцентирует только интересы Англии. Канцлер не исключает необходимости в нескольких кампаниях, для чего потребуется обязательство Георга I предоставлять эти корабли ежегодно, пока не закончится война.

Тональность речи Головкина говорит о том, что Петр, наученный горьким опытом общения с англичанами, наконец решил действовать без прежних церемоний. В общих словах его позиция выражалась приблизительно так: «Хотите мира, как вы в этом всех уверяете, вот вам мои условия. Не хотите — у меня есть другие средства». Никаких просительных интонаций, никаких адресаций к справедливым целям Северного альянса, никаких гарантий.

В Лондоне встревожились, понимая, что и без английских кораблей Петр разгромит Карла, и тогда он единолично будет делить шведские владения на Балтике, без всяких посреднических услуг и всяких многосторонних конгрессов. Единственным выходом останется — объявить ему войну, которая Англии была не под силу.

Доводить Петра до такого состояния Лондон, конечно, не желал. Но не желал он и полного поражения Швеции. За пределами этой очевидности трудно найти четко разработанные подробности английской дипломатической стратегии. Скорее всего, их и не было. Можно лишь предположить, что Англия боялась разрыва отношений с царем, что развязало бы ему руки: ведь до Стокгольма он мог добраться и со стороны Финляндии. Лондон старался сохранить диалоговое окно с Россией открытым, и хоть таким образом умерить ее планы. Но, разумеется, не в ущерб аппетитам Ганновера, ради которых Георг I искал сепаратного соглашения с Карлом XII.

В сентябре 1717 года британское правительство ознакомилось с условиями Петра. В ответ русскому посланнику Федору Веселовскому прочли лекцию об основах

демократии, которая ограничивает права короля в вопросах войны и мира. Из этого следовало, что Георг I не имеет права предоставить требуемый флот, поскольку *«английский народ находится в сомнении, следует ли королю способствовать сокрушению Швеции или нет»*.

У современного историка этот фарисейский ответ вызовет лишь улыбку. Когда это английских королей, не вылезавших из войн, беспокоили «сомнения» народа по внешнеполитическим вопросам? Не тогда ли, когда они вмешивались в дела, совершенно не касавшиеся Англии, лишь во имя священной доктрины сохранения равновесия в Европе? Что английский народ вообще знал об этой доктрине?

Дальше идут вообще какие-то нелепые загадки. Что, интересно, способен был даже самый опытный дипломат понять, к примеру, из такой сентенции: вот если бы Его Царское величество научился сообразовываться *«с формами английского правительства, то твердый и полезный союз между обоими государствами был бы возможен»*. Или: *«Англия может помогать России и кораблями, только при других условиях»*. При каких?

Не желая ломать себе голову над бессмысленной фразой «другие условия» и терять время на выяснение того, что не внесет ничего конструктивного в русско-английские отношения, Петр прервал переписку с Лондоном. Царю надоело выглядеть ходатаем, которому все время отказывают, а теперь еще и под предлогами, похожими на издевку.

Британское правительство забеспокоилось. Разрыва оно не хотело по причинам, которые мы уже изложили. Оно хотело вовлечь Петербург в бесконечное обсуждение планов на будущее, а под его прикрытием вести сепаратные переговоры со шведами о Бремене и Вердене. Идти на предельное обострение с Лондоном считал нецелесообразным и Федор Веселовский. 1 октября он писал царю: *«Смею представить, что было бы согласно с интересом вашего величества, чтоб я от времени до времени давал здешнему двору хотя бы наружные обнадеживания в дружбе, и что со стороны вашего величества нет никакого против него враждебного намерения, как здесь думают»*. Петра же это заботило уже гораздо меньше, чем раньше.

Веселовского сильно тревожили беспрестанные секретные конференции, которые вел в Лондоне со здешними и ганноверскими министрами французский посланник аббат Дюбуа. Как выяснилось, он привез с собой план партикулярного мирного договора между Англией и Швецией с целью сохранения за Ганновером Вердена и Бремена.

Петр не считал это ни новостью, ни особой неприятностью для себя. Главное, что к концу 1717 года стала вырисовываться более или менее ясная общая картина. Она не гарантировала близкого окончания войны, но уже точно определила расстановку дипломатических сил, позволявшую каждой стороне знать, на кого можно надеяться, а на кого нет. Английский король сосредоточился на проблеме сохранения в своих руках Бремена и Вердена, но не забывая вредить России где только можно. Дания, интересы которой никого не волновали, впала в бездействие. Франция скорее изображала политическую активность, в том числе с помощью таких приемов, как миссия аббата Дюбуа, но вмешаться в Северную войну на стороне своего исторического союзника не могла себе позволить. Попытки Парижа действовать против России тайно, через Англию и другими путями, шли вразрез с условиями Амстердамского договора, окончательно превращая его в клочок бумаги. Русско-прусский союз пред-

ставлял собой самую действенную комбинацию, скрепленную взаимными интересами и относительно надежной договорной основой. Здравый смысл подсказывал Берлину, что альянс с могущественной Россией пригодится ему и после Северной войны.

«Немой» сейм

Польшу, несмотря на мирный договор между королем и Республикой от 24 октября 1716 года, продолжало лихорадить. 11 января 1717 года Г.Ф. Долгорукий писал Петру, что дело примирения не могут довести до конца *«за своими партикулярными интересами и своевольством больше всего те, которые имели в конфедерации команды и вольны были свой народ грабить; так же натурально во многом своевольном народе не может никакое дело скоро окончиться, к тому же помогают отчасти факции шведская и Лешинского»*.

Петр настаивал, чтобы конфедераты к примирению были как можно скорее приведены, для чего войска, посланные с Украины, должны для острастки занять те местности, где шляхта проявляет особое неповиновение, и в случае необходимости применить силу.

Прибытие русских войск с юга возымело действие, и 21 января 1717 года на чрезвычайном однодневном сейме, фактически проходившем под надзором русских войск, договоренность с Августом II была подтверждена. Саксонской армии послали приказ в две недели уйти с польских территорий. Первое, что сделали примирившиеся стороны, — обратились к Г.Ф. Долгорукому с просьбой увести и русские войска, в том числе из Курляндии. Одну из главных причин требовать этого подало поведение генерала Карла Ренне до его кончины в конце декабря 1716 года. Долгорукий докладывал царю: *«Рен, вошед в Польшу, лучших и богатых* [...] *для своего интересу освободил от обязанности содержать русское войско и всю тягость на бедную шляхту возложил; шляхта жаловалась мне, я много раз писал Рену, он отвечал, что поляки говорят неправду; а теперь, после его смерти, генерал Вейсбах* (Иоганн Бернгард Вейсбах, преемник Ренне. — *В. Д.*) *по письму моему прислал длинную роспись всем этим освобождениям»*.

Долгорукий не испытывал большого оптимизма по поводу успешной реализации решений чрезвычайного сейма. Посол назвал его *«безгласным»*, поскольку никому, даже примасу не позволили высказаться. А если бы позволили, то, по мнению Долгорукого, *«весь трактат* (о примирении. — *В. Д.*) *был бы опровергнут»*. Он сомневался, что *«тот покой»* долго продлится, надеясь разве что на скорое подписание русско-шведского мира, который, возможно, подействует на Польшу умиротворяюще. В докладе Петру посол давал понять, что лишь присутствие русских полков вынудило сейм принять решение без обычной ругани и проволочек. Он сетовал на обычное непостоянство поляков. Часть знати благодарила его за решительные действия. Коронный гетман Сенявский и литовский Поцей, через Долгорукого, просили Петра не отказать им в его *«милостивой протекции»*. Другие магнаты были недовольны царской медиацией, ограничивавшей их социальный произвол.

Саксонцы ушли из Польши, а корпус Иоганна Вейсбаха вернулся на Украину. Однако с востока в страну вступили обсервационные войска Б.П. Шереметева и расположились там в ожидании развития событий на западе, да и, по правде сказать, для присмотра за непредсказуемой Речью Посполитой. Вновь поднялся ропот недовольства.

Долгорукий пытался объяснить появление этих сил готовящейся высадкой шведов на польском побережье. Слушать его не хотели и грозили, как и прежде, *«посполитым рушеньем»*. *«Хотя они и не могут чего-нибудь сильного против наших войск учинить, —* писал Долгорукий царю, *— однако не было бы из того повреждения вашего величества высоким интересам, противные факции по всей Польше разглашали, будто короли английский, датский и прусский заключают союз, чтоб наши войска принудить к выходу из Германии, впредь бы оных никогда не впускать и с шведами помириться без нас»*.

В «благодарность» за примирение Август продолжал требовать вывода из Польши и Курляндии всех русских войск. Таким же образом «признательность» Петру выражали литовские гетманы. Ненависть к России была сильнее понимания того, что именно она обеспечивает Речи Посполитой относительное спокойствие.

Курляндская тяжба

Стоило русским войскам освободить от шведов какую-либо территорию, как тут же вставал вопрос, в чью сферу влияния она попадет. И вставал он тем острее, чем ближе эта территория была к границам России. Именно так обстояло дело с Курляндией, вассалом Речи Посполитой. После смерти герцога Фридриха-Вильгельма III (11 января 1711 г.) тамошняя внутриполитическая обстановка обострилась из-за претензий, предъявленных России наследником герцогского титула Фердинандом Кеттлером, жившим в то время в Данциге. Начиная с августа 1711 и в продолжение 1712 года он просил Петра избавить Курляндию от всяких расходов на содержание русского войска, а доходы от герцогства сосредоточить в его руках. За этими просьбами стояло дворянство, оппозиционно настроенное в отношении Анны Иоанновны и поддерживаемое внешними силами, прежде всего Польшей. Они выступали за сохранение своих исконных привилегий, ограничение имущественных и владетельных прав вдовы Фридриха-Вильгельма, прописанных в брачном договоре, и жаловались на *«несносные обиды»*, чинимые русскими военачальниками. В шляхетской среде усиливалось недовольство. Просьбы к царю превратились в требования. Фердинанд отменил все распоряжения своего предшественника. Герцогский замок и имения были разграблены.

Петр ответил на это вводом нескольких рот Олонецкого полка и назначением на должность управляющего делами (обер-гофмейстера) Анны Иоанновны симбирского воеводы П.М. Бестужева-Рюмина, которому вменялось в обязанность обеспечить при участии местных комиссаров сбор тех налогов, что причитались ей по праву наследования, прибегая при необходимости к помощи войск, которые вскоре были выведены из Курляндии.

В течение пяти лет (1713–1717 гг.) русско-курляндские отношения практически сводились к одной проблеме — выполнение условий брачного договора Анны Иоанновны. Фердинанд Кеттлер утверждал, что, подписывая этот договор, его предшественник сильно преувеличил свои возможности по соблюдению материальных обязательств перед герцогиней. Поскольку страна разорена войной, неурожаями и налогами, он просил о послаблениях. Петр предоставлял их на короткое время, но потом вновь возвращался к теме о накопившейся задолженности, на что курляндское правительство отвечало новыми жалобами и финансовыми контрпретензиями. В июне 1715 года в Курляндию были посланы три полка под командованием князя

А.И. Репнина в качестве своего рода «коллектора». Под воздействием этого довода высшие чиновники Курляндии определили 13 уездов, доходы с которых должны поступать в бюджет герцогини.

Ситуация вроде бы стабилизировалась, но повисал в воздухе вопрос о перспективах сохранения русского влияния в стране, являвшейся вассалом Польши. Петр решил связать политическое будущее своей племянницы с ее замужеством. Чтобы смягчить отношения с Августом II, царь согласился на ее брак с родственником польского короля герцогом Иоганном Адольфом II Саксен-Вейсенфельским. В декабре 1717 года между Петром и Августом было подписано соответствующее соглашение. Но реализовать его не удалось по причинам, о которых будет сказано позже.

Россия и Австрия в плену подозрений

Разумеется, мы не забыли про Империю, без которой не обходилось решение ни одного крупного международного вопроса. Ситуация вокруг Северной войны несколько упрощалась тем, что у Вены не было резона поддерживать шведов и в принципе ее больше заботили другие проблемы. В общих чертах ее позиция была проста. Она хотела, чтобы союзник ее врага (Франции) ушел из Германии, а на имперских территориях восстановился статус-кво, или, как говорили австрийские министры, *«тишина и покой»*. Помимо Швеции, этому, как полагали в Вене, мешают русские войска своим разорительным пребыванием в Мекленбурге. Когда в апреле 1717 года царский резидент в Австрии Авраам Веселовский объявил о выводе войск, принц Евгений Савойский сказал в ответ, что эта радостная для цесаря весть открывает перспективу заключения австро-русского союза. Но такой союз не должен быть направлен против Швеции, иначе император лишится права на посредничество, на которое он претендует. Другое дело Турция. Если царю угодно подписать наступательный союз против нее, то со стороны цесаря возражений не будет[1]. Но для Петра на первом плане оставались северные дела.

Осенью 1717 года русско-австрийские отношения серьезно осложнились в связи с бегством из России сына Петра царевича Алексея, которому Карл VI предоставил убежище. Ходили слухи, что Император хотел сделать царского наследника орудием своей политики и даже рассматривал возможность оказать ему вооруженную помощь для захвата русского трона. Требования Петра о выдаче сына были отклонены.

В русско-австрийских отношениях оставались и другие *«досады»*: уже несколько лет подряд Вена настойчиво требовала от Петра вывода его войск со всех имперских территорий, а также возвращения Гамбургу и Любеку взятых с них штрафов за помощь шведам.

Краткий итог второго заграничного путешествия царя

Подводя черту под событиями 1717 года, можно предположить, что они в значительной степени определялись впечатлением Европы от заграничной поездки Петра, которая не прошла зря. В лагере союзников не могли обойти вниманием решение царя

[1] Напомним, что в 1716–1718 годах Австрия находилась с Турцией в состоянии войны.

оставить театр военных действий и во второй раз отправиться в путешествие по Европе. С какой целью? Не для того ведь, чтобы пополнить культурный запас знаний. Да и срок немалый. Шутка ли — два года. Дольше, чем длилась миссия Великого посольства. Этот вопрос тревожил. Осведомители, работавшие по всему пространству континента на любого заказчика, активизировали свою деятельность. Но и они, при всем их профессионализме, узнавали отнюдь не обо всем. Многое оставалось за пределами добытой ими информации. Рождались слухи, домыслы, заставлявшие гадать, что именно задумал Петр, чье глубокое недовольство союзниками было общеизвестно.

По крайней мере, в коалиционном стане началось шевеление. Поначалу неубедительное. Но чем глубже анализировались возможные последствия этого вояжа, тем больше возникало подозрений, что ничего хорошего союзникам ожидать не приходилось. Истощавшееся терпение Петра уже всем бросалось в глаза. Не выльется ли это в самые радикальные решения царя?

1718 год

Аландский конгресс

Дипломатическая обстановка конца 1717 — начала 1718 года принципиально отличалась от предшествующих лет тем, что в переговоры непосредственно вступили официальные уполномоченные России и Швеции — князь Куракин и барон фон Герц. Как мы уже знаем, переговоры условились вести на Аландских островах, чтобы обсудить прелиминарные позиции и в случае успешного их согласования представить их на одобрение Петра и Карла XII.

Герц настаивал, чтобы русские изложили свои требования, иначе ему придется возвращаться в Стокгольм ни с чем. Однако царь твердо заявил, что ждет от шведов приемлемых для России предложений. Он не исключал, что планируемые переговоры — лишь часть задуманной Герцем большой игры, в которую он, возможно, уже вовлек союзных дипломатов. Между тем Герц, быть может, впервые в своей жизни, действовал более или менее честно. По-своему, конечно.

Но у Петра к нему доверия не было никакого. Поэтому государь велел своим дипломатам объявить правительствам Пруссии, Польши, Ганновера и Дании, что он послал свою делегацию на Аланды *«только выслушать шведские предложения, не вступая ни в какие договоры; что мы эти предложения сообщим союзникам и без их согласия ни в какие прямые трактаты не вступим»*.

Это заявление разительно отличалось от тех закулисных сепаратных маневров во вред России, которые без зазрения совести позволяли себе другие участники Северного альянса. Впрочем, преувеличивать великодушие и чистосердечие Петра тоже не стоит. Прагматизма в его жесте было больше. Он фактически предлагал союзникам выбрать между двумя подходами к миру. Условно говоря, между конгрессным и партикулярным, как бы намекая, что его устраивает и тот и другой, а вот его партнерам стоит крепко подумать, чтобы не оказаться у разбитого корыта.

Уполномоченными от России были назначены генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс, канцелярский советник А.И. Остерман и П.И. Ягужинский. От Швеции — барон Герц и граф Карл Юлленборг. В феврале 1718 года Петр наказал своим делегатам вести переговоры без всяких церемониальных споров, ни в коем случае не уподобляя их невыносимо затяжному Карловицкому конгрессу. Требование царя действовать *«без потери времени»* означало одно: дипломатия уже много лет расписывается в своей беспомощности, и пока пушки звучат убедительнее, чем дипломаты, Россия будет в обычном порядке готовиться к военной кампании 1718 года и не собирается упускать пригодные для нее месяцы.

Инструкция Петра содержала восемь пунктов. 1) Ингрия, Ливония, Эстляндия с Ревелем, а также Выборг переходят к царю в вечное владение; 2) Финляндия возвращается шведскому королю, ее восточная граница пройдет от Выборга по реке Кюмень до Нейшлота, а оттуда по старой пограничной линии; 3) свобода мореходства в восточной части Балтики, особенно в приграничных районах; финские берега, примыкающие к границе с обеих сторон, должны быть свободны от крепостей; 4) свобода торговли между двумя государствами; 5) между Швецией и Польшей должен быть заключен мир, включающий признание Августа II польским королем; 6) прусский король получает Штеттин с округом; 7) во всеобщий договор о мире должен быть включен пункт о возвращении Данией завоеванных у Швеции земель, если Копенгаген пойдет на это; 8) то же самое касается возможной полюбовной договоренности о разделе земель между английским королем как курфюрстом ганноверским и Швецией.

В дополнение к инструкции Петр предписывал вовлечь шведов в негоциацию как можно глубже и крепко держать нити переговоров в своих руках. Чтобы не допустить их срыва, царь советовал раскрыть перед шведами небывалые перспективы, которые их ждут в случае подписания мира. Удовлетворив Россию, Стокгольм превратит ее в невоюющую державу, которая поможет ему компенсировать потери за счет союзников (которые для России давно уже перестали быть таковыми). Спорные вопросы шведско-датских отношений Петр оставляет на усмотрение Стокгольма. Более того, государь готов заключить со шведским королем тесный, дружеский, взаимовыгодный союз. Если же Швеция предпочтет сепаратный договор с Данией, Ганновером и кем-то еще за счет России, то ничего она не выиграет, а скорее проиграет. Царь очень не хочет продолжения войны, но нисколько не боится ее. Он будет воевать наступательно, даже без посторонней помощи.

Участие в Аландском конгрессе Герца в качестве одного из главных действующих лиц настораживало Петра, быть может, в той же степени, что и обнадеживало. И то и другое было связано с глубоко циничной натурой и бесспорным талантом шведского делегата. Презирая его за многие жульнические уловки, царь полагал, что Герца, которому все равно кому продаваться, нужно наконец перехитрить и, используя его патологическое честолюбие, алчность и другие пороки, а также отдавая должное его творческой, изворотливой мысли, поставить на службу русским интересам.

По сути, именно об этом писал Петр в секретном письме к А.И. Остерману. Вначале царь советовал потешить самолюбие Герца признанием, что конгресс стал возможен исключительно благодаря его стараниям, *«состоялся его одного радением»*. Затем пообещать ему подарок в сто тысяч рублей и впредь всякое вознаграждение, если он будет защищать интересы России. Петр предлагал шире взглянуть на будущее рус-

ско-шведских отношений в случае согласия Стокгольма на заключение мира на русских условиях. *«Когда между обеими державами прежняя вражда и зависть исчезнет, —* писал царь, *— а вечная дружба установится, то не только можем себя от всех других обезопасить, но и* ***баланс в Европе содержать*** (выделено мной. *— В. Д.) и может потом, кого сами заблагорассудим, к себе в ту приязнь принять, к чему много охотников будет»*. Отказ же Швеции от уступок приведет лишь к бесконечным войнам, не нужным ни одной, ни другой стороне. Утрату Лифляндии Петр обещал компенсировать Карлу XII *«в другом месте»*, что подразумевало Северную Германию, исключая, конечно, уже обещанное Пруссии.

Как видим, внешнеполитическая мысль Петра обретает невиданный ранее масштаб. Государь хочет выстроить новую систему международных отношений, где ведущая роль перейдет к другим игрокам, в частности к России, к стратегическому союзу с которой он приглашает Швецию. Впрочем, было бы не совсем верно искать тут копию того франко-шведского дуумвирата, что сложился после Тридцатилетней войны (хотя в некоторых, более ранних документах Петр предлагает Карлу сменить исторического партнера на европейской арене). Он рассматривает европейскую политическую карту с гораздо большей высоты, включая в свою схему *«многих охотников»* примкнуть к русско-шведскому альянсу, с помощью которых можно будет создать механизм равновесия сил, управляемый не из Лондона, а из Петербурга.

Из-за проблем с погодой конференции на Аландских островах начались лишь 12 мая 1718 года. Уже первая встреча не предвещала ничего хорошего. Шведы сразу попросили изложить русские условия, на что последовал ответ, что это уже давно сделано на прошлогодних переговорах между Куракиным и Герцем. Неизвестно, успел ли Остерман сделать Герцу комплимент о его выдающейся роли в организации конгресса, но если и успел, шведского дипломата это не тронуло. В своей пространной речи он заявил об обещании Куракина удовлетворить шведов *«сверх их ожидания»*, но ничего конкретного князь якобы не сказал. Видно было, что у Герца имелся свой сценарий ведения переговоров, основанный на жестком торге и, как всегда, не имевший ничего общего с интересами России.

Русские дипломаты во избежание срыва конгресса предложили обсудить главный вопрос — о завоеванных Россией территориях. После этого отмалчиваться шведы уже не могли, и начался диалог, который мы передаем в схематическом виде.

Шведы: король желает, чтобы ему вернули взятое у него. Герц объявил возвращение Лифляндии и Эстляндии непременным условием (*sine qua non*), без принятия которого мир невозможен. Предметом переговоров может быть все остальное, только не эти земли.

Русские: царь намерен удержать приобретенные оружием территории за собой, если у шведов не найдется более привлекательных предложений. У него совершенно другое непременное условие — сохранение Лифляндии и Эстляндии за Россией. А среди «всего остального» главное — Финляндия. Переговоры о ней допустимы, но с учетом того, что царю будет очень трудно вернуть этот стратегический плацдарм, обладая которым шведы всегда будут держать северную Россию (имелась в виду, конечно, и новая столица) под угрозой внезапного удара.

Шведы: планы царя ясно указывают на его стремление усилить свои позиции в Германской империи и вытеснить шведов и датчан из Балтийского моря. Кроме

всего прочего, Лифляндию и Эстляндию необходимо вернуть Швеции в вознаграждение убытков, понесенных ею в ходе Северной войны. Лучше уж шведам потерять все в другом месте, чем уступить Прибалтику России.

Русские: Россия понесла не меньший урон благодаря тому, что Карл XII постоянно отклонял царские предложения о мире и спровоцировал войну с Турцией, в результате которой были потеряны Азов и Таганрог, *«стоившие миллионов»*.

Так выглядел в общих чертах обмен мнениями на первой встрече 12 мая. Разумеется, стороны обозначили лишь начальные посылы, приберегая компромиссные или альтернативные варианты на тот момент, когда дипломатическая игра вступит в решающую фазу. У Герца такие варианты безусловно были. Предположить иное значит недооценить политического деятеля, которого типологически вполне можно считать предшественником, скажем, Талейрана. Он безусловно заготовил позиции, на которые готов был отступать, но очень медленно, изощренно, через жесткий торг и, возможно, неожиданные предложения для царя. Ни о каких блиц-переговорах он и не думал: русских нужно измотать и одновременно соблазнить неожиданными для них альтернативами. Строго говоря, обо всех замыслах Герца мы так и не узнаем.

Однако в своих действиях он был ограничен необходимостью консультироваться с Карлом лично, в том числе согласовывая с ним свои импровизации, на которые он был горазд. Это требовало его временных отъездов в Стокгольм и затрудняло ход конгресса. Иной раз препятствием был и сам Герц с его слишком переусложненной натурой, которую он не мог переделать. Он обманывал даже своего благодетеля Карла, сообщая ему не обо всем, что происходило на конгрессе. Шведское правительство, ненавидевшее и не доверявшее Герцу, приставило к нему в «помощники» генерал-адъютанта барона Шпара, обязанного посылать в Стокгольм свои собственные донесения.

Русские дипломаты тоже нуждались в инструкциях Петра, чтобы всякий раз знать его реакцию на все изменения и новые моменты, возникающие в ходе дискуссий. Эти обстоятельства усложняли и затягивали течение конгресса. Брюс и Остерман понимали, что Герц плетет замысловатую паутину и над распутыванием ее придется поломать голову, а это потребует времени. Герц взял за основу шахматный принцип: сделав свой ход, ждать ответного. И эти ходы он позволял себе чаще всего в конфиденциальных беседах с русскими. В одной из них он сказал, что окружение Карла против мира, однако сам король (намекая, что благодаря ему, Герцу) склонен к миру, *«но камнем преткновения служит Ревель, ибо, уступив его, шведы будут считать себя рабами, зависящими от произвола царского»*.

В письме к Петру Остерман высказывал догадку, что шведы пожертвуют скорее Лифляндией, чем Ревелем. Согласно его наблюдениям, Герц и Юлленборг все реже вспоминают о Лифляндии и все чаще употребляют слово *«эквивалент»*, что должно означать равноценное возмещение в *«другом месте»*. Из этого следовал оптимистичный вывод о реальности заключения мира на русских условиях. В пользу такой перспективы приводились аргументы, которые представляются уж слишком гипотетическими. Остерман считал, что личная злоба Герца и Юлленборга к Англии побудит их сделать все, чтобы склонить Карла к заключению мира с Россией, после чего получить «эквивалент» путем нападения на Ганновер с целью забрать у него не только Бремен и Верден, но и что-нибудь еще.

Брюс и Остерман, будучи не в состоянии избавиться от недоверия к Герцу, старались тем не менее использовать талант интригана в интересах России. Но его скользкая натура делала эту задачу чрезвычайно трудной. Поэтому они вошли в конфиденциальный контакт с бароном Шпаром, чтобы иметь еще один канал передачи в Стокгольм того, что происходит на Аландах.

Головкин и Шафиров одобрили такую линию поведения, советуя не жалеть ни денег, ни обещаний. В частности, разрешалось объявить Юлленборгу об освобождении его брата из русского плена без всяких условий и о готовности царя щедро вознаградить шведских делегатов соболями и червонцами, *«только б мир заключен был по его желанию»*.

Петр, заинтересовавшись словом «эквивалент», велел заявить шведам, что такого эквивалента в России нет, пусть поищут в другом месте. И если его найдут во владениях английского короля (Ганновер), то царь не будет возражать и даже не откажется помочь вернуть Бремен, Верден и еще что-нибудь в придачу. Более того, государь готов включить в текст русско-шведского мирного договора *«особую статью»*, согласно которой, если Швеция окажет вооруженную поддержку претенденту на английский престол Якову III Стюарту, то Россия присоединится к ней. В Петербурге стало известно, что близкий к Стюарту человек имел в Стокгольме *«долгие разговоры с бароном Герцем»*, подтвердившим возможность высадки шведского десанта на британских островах с целью возвращения Якова III на трон. Среди прочего, якобиту было сказано, что Карл согласен подписать с Петром мир *«во что бы то ни стало, хотя бы с уступкою всего»*, включая Ливонию и Ревель. Герц, как он сам заявил стороннику претендента, полностью разделяет позицию короля.

И все же Герц не изменял своим порокам, своему маниакальному увлечению азартными политическими играми. На конференции 2 июня 1718 года он решительно объявил о невозможности уступить Ревель России. Вместо Ревеля, сказал он, есть другие способы обеспечения безопасности России с этой стороны. *«Какие?»* — незамедлительно последовал вопрос русских представителей. Окончательный ответ, как заверил Герц, может дать только Карл, поэтому ему надо ехать к королю. Он дал слово вернуться через три недели и просил Брюса и Остермана в свою очередь добиться за это время получения от Петра таких же окончательных инструкций.

На следующий день после этой конференции Остерман послал Петру подробнейший отчет о ситуации на конгрессе. Чтобы читатель имел представление, насколько она была запутана, в том числе Герцем, приводим этот важный документ целиком.

«С самого начала конгресса я старался войти с бароном Герцем в конфиденциальную и фамилиарную дружбу, в чем был не без успеха, применяясь к его нраву и великой амбиции. Барон истинную склонность имеет к заключению мира как для своих собственных выгод, так и по своей собственной злобе на других. Но в деле заключения мира он имеет против себя всех шведов вообще как потому, что шведы завидуют положению, полученному у них иностранцем, так и по другим побуждениям: они лучше хотят, чтоб король потерял все свои провинции в Германии, чем уступил что-нибудь России на здешней стороне; они рассуждают, что от германских провинций Швеция не получает никаких выгод, только тратит множество денег и должна быть всегда готова

вступить из-за них в войну; тогда как из провинций, завоеванных теперь русскими, она получает большие доходы и безопасность со стороны России. Барон Герц мне несколько раз объявлял, что если, ваше величество, Ревель уступить не изволите, то очень трудно будет короля склонить к миру; и был он много дней очень печален и откровенно признался мне, что неуспех в заключении мира будет ему очень тяжек. Я ему представлял, что шведскому королю никогда нельзя будет возвратить войною потерянные провинции, а царское величество на других условиях мира не заключат, и если он, Герц, поможет заключению мира, то я обещаю стараться, чтоб царское величество не был против короля, когда тот станет вознаграждать себя в другой стороне. Барон Герц это предложение мое откинул далеко и сказал, что король за такие провинции никакого вознаграждения получить не может, ибо это крепости королевства Шведского, и если их уступить, то Швеция всегда будет в воле царской. Я ему сказал на это, что провинции уже потеряны для Швеции, они за вашим величеством; королю остается одно: сделать так, чтоб дружба вашего величества послужила ему вместо этих так называемых крепостей. Потом мы имели с ним пространные разговоры о вознаграждении, которое может получить король в другом месте. Он меня спросил, может ли он по моему предложению начать дело у короля? И я, взявши с него честное слово, что об этом, кроме его и короля, никто не узнает, объявил, что может. Тогда Герц сказал мне, что чрез переписку этого дела вести нельзя, надобно ему самому ехать к королю. Будучи убежден, что ничто не может так способствовать делу, как пребывание самого Герца при короле, я не только его не отвращал, но и побуждал ехать; согласились, чтоб Герц ехал при первом попутном ветре, и, чтоб никто не мог узнать причины отъезду, уговорились на другой день иметь конференцию и в ней говорить то самое, что вашему величеству известно из общего нашего донесения. Герц говорил также о герцоге мекленбургском, чтоб его куда-нибудь перевесть в другое владение, и дал знать, что имеет в виду Лифляндию; но я ему сказал, что этому невозможно статься и надобно им о чем-нибудь другом думать. Говорил о короле польском, будто хочет корону польскую сделать наследственною в своем доме, на что король шведский никак согласиться не может; Герц дал знать, что его король по смерти Августа хочет видеть Лещинского на польском престоле; я ему отвечал, что, сколько знаю интересы вашего величества, для России, да и для других держав не нужно, чтоб корона польская стала наследственною; о Лещинском же я смолчал, будто не понял Герцева намека. Перед отъездом Герц просил меня обнадежить ваше величество, что он будет делать все возможное, дабы заслужить милость вашего величества; а я ему сказал, что он может надеяться на самую лучшую соболью шубу, какая только есть в России, и что до ста тысяч ефимков будет к его услугам, если наши дела счастливо окончатся».

9 июля Герц вернулся на Аланды, и с тех пор слово *«эквивалент»* стало ключевым на переговорах. По каким-то неведомым причинам он долго уклонялся от расшифровки, как бы подтверждая репутацию политика с двойным (если не с тройным) дном. Наконец, в неофициальном порядке Герц объяснил, что речь идет о датских владениях, добыть которые Карл рассчитывает с помощью Петра. Другая часть «эквивалента» — восстановление Станислава Лещинского на польском престоле, как обязательное условие мирного договора. Третья часть — возвращение шведам Выборга. Отсутствие упоминания Лифляндии, Эстляндии и Ревеля намекало на молчаливое признание их владениями России. Но вместо Ревеля появился

Выборг, не менее важная стратегическая точка, из которой легко было нанести удар по Петербургу.

Вопрос о Выборге Брюс и Остерман сняли сразу и категорически. Тогда Герц, опять-таки в конфиденциальном формате, который он предпочитал официальному, изложил шведскую программу, являвшуюся, надо полагать, неким компромиссом, между его собственными идеями и мнением Карла XII, который, хотя и находился под сильным влиянием своего министра, имел и собственный взгляд на ситуацию. Стержневым посылом программы являлась мысль о том, что *«великие уступки»* Швеции должны быть вознаграждены такими приращениями, которые уравновесят силы обеих держав. Для этого нужно соблюсти несколько требований: 1) сухопутная граница между Финляндией и Россией должна быть абсолютно безопасной для Швеции (напомним, что с точки зрения военно-геополитической «абсолютная безопасность» одного из двух соседних государств автоматически создает опасность для другого); 2) чтобы крупные европейские державы не мешали Карлу удержать Бремен и Верден, не следует провоцировать их на вмешательство, которое может произойти в случае предоставления царем военной помощи шведам; поэтому король не будет просить этой помощи, если только в дело не вмешается Англия; 3) Пруссия должна получить не Померанию от Швеции, а что-нибудь от Польши, в частности Эльбинг и Вармию (Герц с чего-то взял, что прусский король будет этим *«очень доволен»*); 4) польский престол следует вернуть Станиславу Лещинскому, Карл готов ему помочь, и у царского величества нет никаких причин противиться этому (еще одно безосновательное предположение); 5) Дания — единственный неприятель, за счет которого Швеция может вознаградить себя за потерю Прибалтики, и Карл, естественно, ожидает от Петра военной помощи; 6) шведов не устроит, если на южном берегу Балтики за ними останется лишь Померания, к ней нужно добавить Мекленбург, а мекленбургскому герцогу подыскать какое-нибудь другое владение, на что он обязан согласиться, поскольку его внутриполитическое положение крайне шатко.

Это, так сказать, концептуальная часть шведской программы, за которой следовала практическая, еще более любопытная. Она включала уже десять пунктов. 1) Мир между Россией и Швецией может быть обнародован лишь после обоюдного выполнения всех его условий. 2) Эти условия подлежат немедленному исполнению после подписания мирного договора. 3) Зимою закончить переговоры с прусским двором. 4) Ранней весной русская 80-тысячная армия входит в Польшу под предлогом обеспечения мира. 5–6) Одновременно 40-тысячная шведская армия на военно-транспортных судах России доставляется на южный берег Балтики и занимает Мекленбург при поддержке 20-тысячного русского корпуса, снабжение которого берет на себя Карл. 7) Затем через Гольштинию шведский король с одной частью армии идет действовать против Дании, а другую (40 тыс. воинов) оставляет завоевывать Норвегию. 8) После Дании останутся только польские дела, уладить которые, под присмотром русских войск, будет несложно, поскольку Августу ничего не останется, как сложить с себя королевские полномочия из опасения повторного вторжения шведов в Саксонию. 9) Попутно решится и вопрос о каком-нибудь новом владении для герцога мекленбургского. 10) Когда все эти проблемы уладятся, возникнет новая международная система, к участию в которой можно пригласить другие державы; едва ли сре-

ди них найдутся не желающие быть в дружбе и союзе с русско-шведским альянсом, способным выставить в поле 200 тыс. войска[1].

Десятый пункт имел принципиальное значение. В нем содержался намек на «дипломатическую революцию», исходивший, похоже, лично от Герца. Разделял ли эту смелую идею Карл XII? То, что известно о мировоззрении этого полководца, склоняет историка скорее к отрицательному ответу, хотя какие-то ее компоненты король, возможно, принимал. Во всяком случае, он не мог не осознавать, что после войны прежней расстановки сил в Северной Европе уже не будет.

Граф Бассевич не без определенного основания назвал программу Герца *«великим замыслом»*. Но, вообще говоря, в этой идее был скорее размах, чем что-то фундаментально новое. Призрак «дипломатических революций» всегда бродил по просторам европейской внешнеполитической мысли, периодически обретая плоть и кровь в тех или иных масштабах. Вряд ли мы ошибемся, утверждая, что «переворачивание альянсов» — отнюдь не уникальный феномен международной жизни, он — ее органичная часть. Тридцатилетняя и Семилетняя войны — лишь два классических примера, которых гораздо больше. Напомним, что Петр зондировал почву на предмет заключения русско-французского союза в качестве ядра нового европейского порядка. Не забудем и о событиях, также имевших «революционный» оттенок — распад Северного альянса на две связки: Дания, Ганновер, Англия, с одной стороны, Россия и Пруссия — с другой. Существовал еще один потенциальный, хотя и маловероятный сценарий «революционного» толка — изоляция России и принуждение ее к миру вооруженным путем. Даже идея о русско-шведском дуумвирате в Северной Европе принадлежит не Герцу, а Петру, о чем мы говорили выше.

Однако Герц в этой истории был далеко не посторонней фигурой. Вряд ли самый концептуальный — десятый — пункт шведской программы мог появиться на свет без его активного участия. Правда, до конца проникнуть в ход мыслей таких людей, как Герц, и предвидеть все их внезапные повороты невозможно.

Все это выглядело весьма неожиданно и требовало тщательной проверки. После стольких лет решительного отторжения предложений о мире Швеция впервые открывала карты столь откровенно. И это вызывало вопросы. Кто, кроме Герца, стоял за такой радикальной программой? Насколько глубоко был посвящен в нее Карл XII, предположить за которым даже соавторство по-прежнему было сложно? Возможно, она целиком принадлежит уму и перу Герца, и в таком случае какие шансы, что ее примет король? Что и с кем Герц согласовывал в Швеции больше месяца, если сам признался русским, что документ не носит окончательного характера и ему еще нужно *«заподлинно выведать»* мнение Карла?

Достоверно одно. Безмерно амбициозный шведский министр хотел быть в центре переговорного процесса, чтобы лавры миротворца и европейского «политического архитектора» достались прежде всего ему. Это лишний раз явствует из донесения

[1] Краткую и существенно отличную в некоторых положениях версию шведской программы дал Бассевич. В частности, он утверждал, что Мекленбург предназначался Петру, а герцог Карл-Леопольд взамен получил бы либо Курляндию, либо часть Пруссии. Предполагалось также не уступать Бремен и Верден Георгу I, а вместо этого дать ему коллективную гарантию безопасности Ганновера. За земли, потерянные в Прибалтике, Швеция вознаградила бы себя не только сохранением своих позиций в Северной Германии, но и приобретением Норвегии. Бассевич указывал на принципиальное значение, которое придавал Карл XII возвращению Станислава Лещинского на польский трон.

Остермана к Головкину и Шафирову (от 15 июля), в котором говорилось, что, поскольку в письме нельзя сообщить обо всем, *«что надобно знать царскому величеству»*, Герц просит позволения самому приехать к Петру, *«дабы решить дело, от которого зависит все благополучие Российского государства»*. Но прежде он должен опять съездить в Стокгольм, чтобы получить от короля «полную мочь» на бесповоротное согласование договора с царем.

Ожидали ли Брюс и Остерман столь радикального поворота в переговорах или нет, но очевидно, что у них не было никаких полномочий даже обсуждать предложенное Герцем. Остерман отправился на совещание с царем, а Герц советоваться с королем. Вряд ли кто-то из них ожидал получить от своих монархов карт-бланш на предварительное решение вопроса, не говоря уже об окончательном.

Петр с крайней настороженностью воспринял шведский план, ибо не был уверен в авторстве Карла XII. Не исключено, что царь, ознакомившись с этими почти невероятными условиями, стал подозревать Герца в стремлении втянуть его в крупномасштабную авантюру, жертвой которой в конечном итоге может стать Россия. На Герца это было похоже. На Карла XII — не очень. Царь фактически не дал никакого ответа, предпочтя понаблюдать за тем, что последует дальше. Но как бы ни складывались события, он полагал, что жест доброй воли не помешает. В результате из плена был освобожден шведский фельдмаршал Карл Реншельд. Шведский король ответил освобождением русского генерала А.М. Головина и князя И.Ю. Трубецкого. Этот обмен любезностями вызвал переполох среди «союзников» (давно уже пора брать это слово в кавычки). Они, как писал Бассевич, *«начали громко и оскорбительно обнаруживать свои подозрения на счет его* (царя. — *В. Д.*) *добросовестности; он отвечал с умеренностью и предоставил им накоплять оскорбления, которые впоследствии могли дать ему право на отмщение»*.

Конгресс вверг англо-ганноверскую дипломатию (и не ее только) в состояние панической атаки. Не по себе было от самого факта встречи русских и шведских представителей на богом забытых островах, что вызывающе подчеркивало нарочитое ограждение переговоров от вмешательства европейских держав. Тревогу добавляло отсутствие какой-либо информации, но и ее наличие едва ли принесло бы успокоение. Георг I, через ганноверского посланника в Дании Ботмара, предложил Петру сделку: царь прерывает конгресс, а король в ответ вступает с ним в союз против шведов и начинает военно-морские действия. Получивший такое предложение В.Л. Долгорукий советовал не торопиться с откликом на призыв, с чем был согласен и Петр.

31 июля Остерман вернулся на Аланды, чтобы убедиться, насколько Петр оказался мудрым в своей осмотрительности. На другой день прибыл и Герц, в дурном настроении. Судя по всему, его план начал трещать по швам под влиянием усиливавшейся в Стокгольме партии противников мира, тем более такого, какой предлагал королевский фаворит. Эти люди стремились внушить Карлу XII, что уступки царю непозволительно велики, и, кажется, не без успеха. Герцу нужно было как-то спасать свое творческое детище. И он приступил к делу, то ли не заглянув в географическую карту, то ли, напротив, очень внимательно ее изучив. Первое, что услышали от него русские дипломаты, было заявление о невозможности отдать России крепость Кексгольм. Эта крепость, находившаяся в 120 километров к востоку от Выборга, на берегу Ладожского озера, представляла еще б*о*льшую угрозу для Петербурга, чем Выборг. В руках шведов

она стала бы дамокловым мечом, подвешенным над новой русской столицей. Остерман пытался открыть Герцу глаза на эту очевидность, но тот упорствовал. И наконец признался, что Кексгольм — его идея, которую он предложил Карлу, чтобы хотя бы как-то уравновесить шведские потери и склонить короля к миру. Герц сказал, что обещал Карлу сохранить Кексгольм или уйти в отставку, и тогда верх в Стокгольме возьмет партия войны. Он просил русских не давать ей своим отказом такой козырь.

Как и следовало ожидать, возникла еще одна сложнейшая проблема — какими средствами и какими посулами убедить прусского короля не настаивать на Штеттине. Было крайне маловероятно, чтобы царь взял на себя инициативу, совершенно противоречившую одному из базовых положений русско-прусского союза.

Герц на ходу откорректировал свою программу с учетом этих обстоятельств. Дипломаты разъехались вновь: Герц в Швецию, Остерман в Россию.

В Стокгольме Герца ждал неприятный сюрприз. Шведский канцлер барон Миллер, ранее поддерживавший мирный план, перешел на сторону его противников и представил Карлу доклад, в котором раскритиковал идеи королевского фаворита. По мнению Миллера, программа Герца сулит очень долгую войну на севере, поскольку, если конгресс завершится подписанием договора, то Россия получит свою долю тут же, а Швеции свою еще придется добывать силой при неочевидности того факта, что царь будет ей помогать во исполнение своих обязательств, учитывая реальную вероятность возникновения новых международных и иных обстоятельств. Канцлер предлагал заморозить переговоры и ждать момента, когда в России вспыхнет народное восстание, в перспективе которого он почему-то не сомневался. Тогда Петр будет вынужден пойти на уступки.

Внушениям подобного рода Карл XII подвергался со всех сторон. Англия добавила к этому слух о том, что Россия и Турция вновь находятся на грани войны. Больше были похожи на правду исходившие из разных источников сообщения об очередном вероломном замысле Августа II: спровоцировать Порту на войну, чтобы получить от нее поддержку его плана упразднения в Речи Посполитой республики и превращения ее в наследственную монархию. Взамен король обещал уступить туркам часть польских территорий.

Вернувшись на конгресс в начале сентября, Остерман написал царю: *«Трудился я всячески наши здешние дела глубже испытать и заподлинно уведомился, что не только барон Миллер, но и все шведы, отвращая короля от здешнего мира, такие ему злые внушения сделали о бароне Герце, злее которых быть не может, и дело зашло так далеко, что в Стокгольме разглашают на улицах публично, будто барон Герц вашему царскому величеству за великие деньги королевский интерес продал, вашему величеству совет подал и дорогу показал, как вам нечаянно на Стокгольм напасть и им овладеть. Барон Герц, увидя против себя такие интриги, утвердился еще больше в прежней своей склонности к здешним делам и намерен так действовать у короля, чтоб у иных его неприятелей от того и шея засвербела. Из разговоров с графом Гиллемборгом я заметил, что и он стал колебаться и едва не перешел на противную сторону; но все его поступки можно уничтожить, потому что он у короля ни малейшего кредита не имеет и, как креатура барона Герца, всегда будет поступать по его воле. По всем обстоятельствам дела и по нраву королевскому можно надеяться, что Герц своих неприятелей преодолеет и с окончательным королевским решением сюда возвратится».*

Через несколько дней Герц сообщил Остерману из Швеции, что Карл опять склоняется к заключению мира в соответствии с его, Герца, планом, но короля беспокоят слухи о народном возмущении в России, которые могут помешать царю выполнить свои обязательства. По утверждению барона, эти слухи должен рассеять освобожденный из плена фельдмаршал Реншельд, как только он прибудет в Швецию. После чего Герц обещал вернуться на Аланды.

Между тем Реншельд по пути домой заехал на конгресс, где Остерман убеждал его, что мысли царя не о завоеваниях, а об обеспечении безопасности России на севере и о создании в союзе с Карлом XII *«новой системы в Германии»*, чтобы *«держать в почтении те державы, которые хотят предписывать всем законы»*. Ознакомившись с предварительной программой мира, Реншельд, как передавал его слова Остерман, якобы произнес: *«Если государь ваш вступит с нашим королем в известные обязательства, то душу свою сатане продаю, если король не заключит мира с Россией»*.

Несмотря на осторожный оптимизм русских дипломатов, у них не было ощущения, что мир близок. Более или менее твердой почвы под ногами они не чувствовали, как ни старались ее создать. Никто не мог сказать, что привезет Герц из очередной поездки в Швецию после консультации с королем. Ничего обнадеживающего до сих пор он не привозил. Все было зыбко, подвижно, непредсказуемо. И этого от Петра не скрывали. В ожидании возвращения Герца Остерман составил предназначенный для государя доклад *«Рассуждение о состоянии Аландской негоциации»*, представленный как его частное мнение. Этот замечательный памятник аналитической мысли очень важен для историка, стремящегося проникнуть в нюансы происходившего на конгрессе, а также, в свете еще неизвестных Остерману будущих событий, оценить уровень профессионализма и прозорливости дипломата.

Остерман уверен, что организация аландских переговоров — исключительная заслуга Герца, *«по произволу управляющего всем в Швеции»* благодаря полному доверию к нему Карла, отдавшему государственные дела на откуп своему любимцу. И он не подвел, прибегнув к жесточайшим, коснувшимся каждого, экономическим реформам, в результате которых была создана и вооружена новая армия. Реформатор снискал благодарность короля и всеобщую ненависть разоренного народа. Самому же королю мало дела до управления государством. Ему бы каждый день с кем-нибудь воевать и носиться по своим позициям верхом на коне. *«По всему надобно думать,* — писал Остерман, — *что он находится не в совершенном разуме»*.

Барон Герц характеризовался в докладе как человек умный, но чрезвычайно гордый и помешанный на славе, ради обретения которой он не пожалеет ничего и никого. Вряд ли отыщется другая личность, похожая на него с этой точки зрения. Почти все шведы против мирной программы Герца и мечтают о его низвержении. Они настроены на партикулярные переговоры со всеми своими неприятелями, кроме царя. Те охотно отвечают на эти приглашения. Остерман приходит к выводу: у России союзников больше нет, и такой посыл должен стать руководящим как на Аландском конгрессе, так и в последующих переговорах.

Эти мысли, содержавшиеся в первой части доклада, предваряли непосредственный отчет о конкретных действиях русской делегации на конгрессе. Ее первая забота — примениться к честолюбивому нраву Герца, от которого зависит почти все. Ради этого шли даже на выказывание ему, насколько допускала честь царского величества,

безмерного почитания и похвалы за все его деяния, не забывая тешить его самолюбие прозрачными намеками на *«особое уважение»* к нему Петра, хотя это и не вполне соответствовало действительности.

Вместе с тем русские дипломаты именем государя не приняли те предложения, что противоречили монаршим наказам, но обещали послабления в тех вопросах, по поводу которых Петр разрешил обнадежить шведов.

В докладе Остермана достойно внимания сообщение о том, что Аландский конгресс стал полем информационной войны между Россией и Европой. Члены шведской делегации отовсюду получали разного рода материалы о зловещих захватнических планах русских, которым нельзя верить ни в коем случае. Это насаждало соответствующую атмосферу, мешавшую и без того мучительным переговорам продвигаться вперед. Противопоставляя западным фальшивкам собственные разъяснения, Остерман также не брезговал отвечать на них своими выдумками (*«нарочно сочиненными ведомостями»*). Были ли они эффективны? Возможно, лишь в том, что вносили еще большую сумятицу в головы шведских дипломатов. По крайней мере, в отсутствие Герца. Применялась и специальная, старая как мир, «контрпропаганда»: шведов переубеждали подарками и учтивым обхождением, что действовало сильнее.

Впрочем, Остерман в своем докладе явно преувеличил степень своего лганья. Многие из «нарочно сочиненных ведомостей» оказались не такими уж далекими от истины. Однако в данном случае примечательно другое. Аландский конгресс еще раз показал, что немаловажной составляющей Северной войны была война информационная. Остерман советовал вести ее в широких масштабах, в Англии, Голландии, Польше, Турции: *«материал к тому достаточный и притом не лживый, а правдивый»*. Он содержал разоблачение тайных планов Георга I, Августа II, императора Карла VI.

Особое место в докладе Остерман уделяет внутреннему положению Швеции. Страна истощена экономически и не в состоянии содержать большую армию. Карлу приходится держать ее на чужих территориях и кормиться за их счет. Подготавливаемое завоевание Норвегии будет стоить больших людских потерь, а восполнить их негде, разве что поставить всех оставшихся шведов под ружье. Для охраны Стокгольма король смог выделить лишь небольшой корпус, который зимой придется численно сократить.

Следом идет, пожалуй, самое главное. По мнению Остермана, наиболее действенный способ принуждения Швеции к миру — *«впадение в нее русских войск и разорение всех мест до Стокгольма»*. Пророчески прозвучали слова дипломата о том, что Карл XII при таком бесшабашном поведении либо будет убит, либо свернет себе шею на бешеном скаку. Если это случится после заключения мира (надо полагать, до его ратификации), то царь будет освобожден от выполнения взятых на себя неудобных обязательств. Если же мир не состоится, то и в таком случае Россия извлечет пользу, поскольку Швеция разделится на две партии: первая наследного принца Фридриха Гессен-Кассельского, поддерживаемого почти всей армией; вторая — герцога Карла-Фридриха Гольштинского, на стороне которого духовенство и иностранные державы. Кто бы из них ни победил, оба вынуждены будут искать мира с царем на условиях уступки Лифляндии и Эстляндии в обмен на сохранение своих германских провинций.

Из доклада Остермана видно, что он не верил в успех Аландского конгресса и уповал на военные методы принуждения шведов к миру. Его сомнения усилились, когда

в начале ноября вернулся Герц и заявил, что Карл XII согласен подписать мирный договор при условии, что Россия присоединится к нему в войне против Дании. Это было уже слишком. Петр не мог впутываться в столь рискованную авантюру, грозившую дать Северной войне второе дыхание с совершенно туманными перспективами. Вступать в союз с истощенной Швецией во главе со взбалмошным королем значило брать на себя колоссальные обязательства ради чужих интересов, с риском остаться один на один против всей Европы. И все это после семнадцати лет небывалого перенапряжения собственной страны.

Русские уполномоченные отказались наотрез, объявив, что если шведы не захотят заключать мир на уже оговоренных условиях, то царь прекратит переговоры. На ответ Герцу дали время до декабря. Он дал честное слово, что закончит дело за четыре недели, и опять уехал в Швецию.

Прошел обещанный срок, а Герц все не возвращался. 23 декабря 1718 года из Стокгольма прибыл курьер и сообщил ошеломляющую весть. Карл XII убит в Норвегии при осаде крепости Фридрихсгаль. Герц и все его гольшинские министры арестованы.

Если рассказы о том, что Петр сожалел о гибели Карла XII, не легенда, то, полагаем, у него были причины для этого. Оставляя в стороне глубокое личное уважение царя к выдающемуся полководцу и какую-то потаенную внутреннюю связь между ними, отметим главное: исчез главный субъект переговоров, с которым связывалась надежда на скорейшее заключение мира.

Чего боятся венские министры?

Пока готовился созыв Аландского конгресса, Вена предпринимала всяческие усилия, чтобы его сорвать. Она категорически противилась сепаратному русско-шведскому миру, в результате которого Россия могла бы стать мощной европейской державой. Привилегию подвести итоги войны по собственному разумению Карл VI хотел оставить за собой путем либо посредничества, либо объединения германских князей Империи против Петра. Но до поры до времени цесарь был лишен свободы действий в условиях его войн с Турцией (1716–1718 гг.) и Испанией (1718–1720 гг.). Это не мешало ему вести дипломатическую борьбу против России, используя в ней все более обострявшиеся отношения между союзниками, с одной стороны, и Петербургом — с другой. Главную ставку Карл VI делал на английского короля, с которым он вступил в союз[1] против испанского короля Филиппа V, стремившегося вернуть себе Италию.

Австро-британское сближение создавало условия для совместных действий и в северных делах. В январе 1718 года цесарь тайно дал понять Георгу I, что он, в качестве курфюрста ганноверского, окажет Империи услугу, если заключит сепаратный договор с Карлом XII и тем самым опередит Россию, добивавшуюся того же. Успех царской дипломатии в переговорах со шведами на Аландском конгрессе, как опасался цесарь, развяжет им руки в Северной Германии и вызовет огромное смятение в Империи. Георг I обещал исполнить просьбу Карла VI.

Между тем дело царевича Алексея вызвало открытый дипломатический конфликт между Веной и Петербургом. В марте 1718 года русский посланник при австрийском

[1] Четверной союз, включавший Англию, Францию, Голландию и, с 1718 года, Австрию.

дворе Авраам Веселовский известил Карла VI, что Петр лишил своего сына прав на престол. Это был едкий намек на бесполезность попыток императора использовать царевича в антироссийских планах. Цесарь не остался в долгу, выразив «признательность» за это сообщение, но заявив, что внутренние российские дела его не касаются, царю лучше знать, кого выбирать в наследники.

Веселовский учтиво возразил, приведя факты, которые он квалифицировал как австрийское вмешательство во внутренние дела России. *Во-первых*, вице-канцлер граф Шёнборн склонил царевича Алексея написать письма, фактически призывавшие русскую политическую элиту и духовенство на борьбу против Петра. *Во-вторых*, цесарский посланник в России Отто Плейер *«имел сообщение с преступными подданными царского величества»* и сообщал в Вену лживые сведения, порочившие царя и настраивавшие против него императора. Карл VI отверг оба обвинения. На требование заменить Плейера другим дипломатом он ответил заявлением, что не допустит, чтобы иностранная держава диктовала ему, кого и куда назначать в качестве посла. Была отклонена и просьба Веселовского показать ему переписку царевича Алексея, что доказывает наличие в ней компрометирующего для Вены материала.

Попытки Веселовского добиться отзыва австрийского посла через цесарских приближенных (Евгения Савойского и графа Цинцендорфа) окончились ничем. Тогда резидент заверил, что Плейер все равно будет выслан из России. В беседах с австрийскими министрами Веселовский поставил вопрос еще шире, выразив царскую озабоченность общим внешнеполитическим курсом Вены, явно направленным против России. Он предъявил доказательства тайных связей между Веной и Варшавой. Это были два письма Августа II к цесарю, в которых король жалуется на насилия и притеснения, чинимые царем в Польше, и просит защитить его от них. Сообщалось также о намерении Петра выдать свою племянницу овдовевшую герцогиню курляндскую за претендента на английский престол Якова Стюарта и сделать его польским королем после смерти Августа. Это будет не что иное, как присоединение Польши к России, об ужасных последствиях которого, в том числе для Империи, и говорить не приходится. Извещая Вену о русско-шведских переговорах, Август одобрял идею отдельного мира между Ганновером и Швецией и просил цесаря убедить Георга I включить в договор польского короля. Карл VI исполнил просьбу, а Георг I ответил согласием.

Между тем в июле 1718 года Австрия заключила выгодный для себя Пожаревацкий (или Пассаровицкий) мир с турками. И хотя война с Филиппом V еще продолжалась, Вена почувствовала себя более свободной для вмешательства в северные дела с целью отстранить Россию от участия в решении проблемы послевоенного устройства Германии. Карл VI и Август договорились о потенциальном применении силы для выдавливания русских войск из Польши и недопущения их возвращения туда ни под каким предлогом. Цесарь обещал послать в Силезию и Богемию 35-тысячную армию в качестве предупредительного демарша, рассчитанного на принуждение русских к уходу из польских земель и из Мекленбурга (где еще оставались 3 тыс. царских солдат для охраны герцога). Были у него и другие цели: заставить Карла-Леопольда выполнить справедливые требования мекленбургского дворянства и вернуть город Росток, контролировавшийся русскими, в прежнюю зависимость от герцога.

Нельзя сказать, что Вена, вынашивая такие планы, ничего не боялась. Больше всего ее тревожила перспектива заключения мира и союза между Россией и Пруссией,

с одной стороны, и Швецией — с другой. Если такой кошмар случится, то соединенным войскам этих трех держав нечего будет противопоставить. Да и одной России было достаточно, чтобы вселить страх в сознание венских министров. Один из них признался в этом открыто. Датский посол при цесарском дворе спросил его о том, что теперь, когда закончилась турецкая война, мешает Австрии выгнать русских из Мекленбурга и Польши. Министр ответил: стоит австрийским войскам выступить в поход, как русские тут же займут Силезию, разорят ее до основания, *«уйдут и усы оботрут»*. Что тогда делать, как получить сатисфакцию за такое унижение? Только объявить войну. Но как воевать с государством, которое не граничит с Империей?

Австрия попыталась настроить на войну против России турецкого султана, спросив его, почему он терпит пребывание царских войск в Польше в нарушение русско-турецкого договора. Но сыграть на самолюбии падишаха не удалось, хотя отношения между Стамбулом и Петербургом, несмотря на несколько мирных соглашений, оставались напряженными.

В сановном окружении Петра были люди, считавшие самой большой угрозой интересам России цесаря. В частности, советник Коллегии иностранных дел А.И. Остерман видел в Карле VI готовность *«весь свет возбудить против нас»*, и если он, по предположению дипломата, одержит победу над испанцами (в рамках войны Четверного союза 1718–1720 гг.), то это еще больше утвердит его в таком настроении. Остерман не исключал разрыва с Австрией еще и потому, что она подстрекает Турцию против России. Этому нужно противопоставить политику переориентации Стамбула на войну против Империи. Аргументы, которыми следует убедить султана, очевидны: все, что можно отвоевать у России (Азов), турки уже отвоевали, а вот причин к достижению реванша над австрийцами осталось много. Нелишне также обнадежить Ахмеда III царской помощью, прямой или косвенной, учитывая, добавим от себя, влияние Петра на венгров. Вывод Остермана звучал однозначно: лучше опередить противника, пока он не опередил тебя.

Петр не хотел осложнений с Веной, создававших лишние помехи его планам. Прекрасно осведомленный о размахе ее антирусских интриг, он, как бы это ни было трудно психологически, старался, не теряя своего достоинства, объясниться с цесарем в миролюбивом духе, сгладить хотя бы самые острые противоречия. Ведь царь не мог проникнуть в мысли Карла VI и его советников, в том числе настроенных весьма воинственно, и тоже опасался неожиданных выпадов Империи. Петр ни на минуту не забывал, что под ее влиянием находятся многие германские князья, которые в совокупности представляют собой важный элемент в раскладе сил в Северной Европе.

В начале августа 1718 года в Вену прибыл царский эмиссар генерал-адъютант барон Рейнгольд Левенвольд, чтобы успокоить цесарский двор подробными разъяснениями по поводу целей русской политики, превратно толкуемых в Австрии. Едва ли не главной из них — заключения союза с Империей — Россия, как подчеркивал Левенвольд, добивалась давно, но безрезультатно, в чем не ее вина. Царю пришлось вступить в союзные отношения с Францией, отклонив, однако, ее требование предоставить русские войска в случае франко-австрийской войны. Какое еще нужно доказательство лояльности Петра к цесарю и какие еще нужны основания, чтобы перестать верить лживым внушениям насчет России? А если все же нужны, то и они имеются. Не ясно ли, что царь легко мог взять себе Штеттин, Висмар

и Штральзунд, но он этого не сделал, потому что не хотел вмешиваться в имперские дела и не стремился к каким-либо приобретениям в Северной Германии. Несколько русских батальонов находятся в Мекленбурге для защиты герцога от местного рыцарства, мятежные настроения которого подогревает барон Бернсдорф исключительно из личных выгод. Что касается Польши, то там остается дивизия князя Н.И. Репнина для предотвращения высадки шведского десанта в Данциге, жители которого, вопреки договорам, не прекращают торгового и иного сообщения со шведами, а Август II не хочет препятствовать этому.

Распространяемые в Польше известия, будто царь собирается выдать свою племянницу за претендента на английский престол (Якова Стюарта), — полная чушь. Речь шла о других кандидатурах, и польский король хорошо об этом знает, поскольку за одну из них хлопотал сам.

Левенвольд затронул вопрос о царевиче Алексее в связи с появлением петровского манифеста, где сказано, что Карл VI склонил царского сына к бегству из России. В ответ на высказанное цесарем недовольство государь велел заявить, что, *во-первых*, это доказанный факт, а *во-вторых*, документ предназначался для сугубо служебного пользования, не подлежа огласке, и к тому, что он проник на страницы европейской печати, русское правительство не имеет никакого отношения, обвинять следует иностранных дипломатов, каким-то образом получивших доступ к тексту манифеста.

И наконец, Левенвольд напомнил Вене о просьбе Петра отозвать Плейера. Хотя в инструкции царскому эмиссару это значилось как одна из основных его задач, все же акцент ставился на другом: нейтрализовать враждебные внушения, которым поддалось цесарское правительство, но при этом не дать повода увидеть в поведении Левенвольда страх или стремление заискивать перед императором.

На первой аудиенции цесарь произнес несколько любезных слов благодарности за готовность Петра к дружбе, которая не будет оставлена без взаимности, и пообещал удовольствовать его в деле Плейера. Затем последовали три месяца (август, сентябрь, октябрь) молчания с австрийской стороны. Вена выжидала. Ей требовалось разобраться в некоторых, в том числе весьма неожиданных, событиях и хотя бы приблизительно рассчитать траекторию их развития. В первую очередь венских министров беспокоила перспектива русско-шведского примирения на Аландском конгрессе и превращения враждебных отношений между Петербургом и Стокгольмом в союзнические. А если в них впишется еще и Берлин, то позиции Империи в германских государствах окажутся под большой угрозой. И это в то время, когда еще не закончилась война с Испанией.

Но тут, к нежданной радости Карла VI, к нему прибывает специальный прусский посланник барон Фридрих Эрнст фон Книпгаузен с поздравлениями по поводу блестящей победы над турками и заверениями в том, что Пруссия мобилизует свою армию исключительно в оборонительных целях и интересах Империи и его цесарского величества. Книпгаузен пообещал от имени Фридриха-Вильгельма не заключать на Аландах мира со Швецией и выразил готовность исполнить волю цесаря и силой принудить мекленбургского герцога к примирению с дворянством.

Авраам Веселовский так прокомментировал эту миссию: *«Знатно, что прусский двор по обыкновенной своей политике, сомневаясь в благоприятном исходе аландских переговоров, хочет про запас прислужиться у цесаря своими внушениями»*. Фридрих-Виль-

гельм, желая перестраховаться, не останавливался перед применением стратегии двойной игры, нимало не смущаясь наличием договора с Петром. Это свидетельствовало о том, что в русско-прусских отношениях сохранялась ситуация «качелей».

Царь, чувствуя, что над Карлом-Леопольдом собираются тучи, велел Левенвольду и Веселовскому довести до сведения Вены, что он готов содействовать мирному решению мекленбургского вопроса. Такое заявление означало лишь одно: царь не оставит своего протеже без защиты и не позволит применять к нему силу, кто бы ни собирался ее применить.

Венский кабинет понял намек моментально и тут же нарушил свое молчание в отношении русских дипломатов заверениями в том, что из почтения к царскому величеству Карл VI проявит всяческое расположение к герцогу, простит ему *«все прежнее»* и, как германский император, наделит его теми же правами, какими обладали его предшественники, лишь бы Петр уговорил Карла-Леопольда проявлять уважение к статусу и авторитету цесаря.

Но все это были лишь слова. Дела выглядели иначе. В декабре 1718 года стало известно, что на рассмотрение императора подан проект австро-польского оборонительного союза, который с энтузиазмом поддержала Англия. Веселовский предъявил австрийским министрам протест. Те в ответ говорили о естественности желания Вены и Варшавы позаботиться о своей безопасности перед лицом пребывания русских войск в Мекленбурге и Польше. Кроме того, у цесаря нет гарантии, что переговоры на Аландах не угрожают Империи.

Веселовский заверял о готовности Петра вывести свои четыре батальона из Мекленбурга, если Карл VI пообещает не причинять обид герцогу. Уйдут русские и из Польши, как только исчезнет опасность высадки шведов в Данциге. На Аландском конгрессе речи об Австрии вообще нет. Эти аргументы не возымели действия, цесарцы настаивали на своем.

Прусский резидент в Вене тоже протестовал против австро-польского союза. Ему ответили теми же доводами, что и Веселовскому, но при этом пригласили вступить в альянс. Такое приглашение выглядело как ловушка, оказавшись в которой Фридрих-Вильгельм скорее всего останется без Штеттина, ибо против этого будут возражать его партнеры по союзу.

Веселовский, ссылаясь на выведанные сведения, предупреждал Петербург, что австро-польский союз задумывается как фундамент для строительства большой коалиции против России (и, возможно, Швеции). На Регенсбургском (имперском) сейме цесарь собирается предложить германским князьям присоединиться к альянсу. Фридриху-Вильгельму ничего не останется, как последовать их примеру, разорвав тем самым связь с Россией. В таком случае, если даже аландские переговоры закончатся миром и Карл XII вторгнется в Германию, ему будет противостоять вся Империя.

Русско-австрийские отношения обострило, казалось бы, улаженное дело Плейера. Он был отозван из России, но перед отъездом посла Петр не захотел удостоить его отпускной аудиенцией. Веселовскому дали понять, что Карл VI считает это личным оскорблением и не намерен отказываться от идеи австро-польского альянса, ибо он волен вступать в союзы с кем угодно, не уведомляя об этом царя точно так же, как поступает сам царь, держа цесаря в неведении о ходе аландских переговоров.

«Равский друг» без маски

После выдворения саксонских войск из Польши отношения между Августом II и Петром стали еще напряженнее. Чтобы не порвать их совсем, царь старался соблюдать, по крайней мере, внешние приличия. В начале 1718 года он уведомил короля о готовящихся русско-шведских переговорах, но уверял, что без согласия с *«его польским величеством»* ни в какие трактаты не вступит. Как видно, государь принял правила дипломатической игры, которых давно придерживался Август: говорить одно, а делать другое. Королю, никогда не сообщавшему Петру о своих планах, ничего не оставалось, как поблагодарить его хотя бы за извещение, добавив уже ничего не значившие слова о *«крепкой дружбе и союзе с царским величеством»*.

Август безусловно заслужил, чтобы царь обращался с ним так же, как он с царем. Пути назад к доброй дружбе, внезапно возникшей в Раве на высокой эмоциональной волне и обещавшей быть долгой, не существовало. Впрочем, король его и не искал. Это еще раз подтвердилось, когда Август отказался принуждать жителей Данцига к прекращению торговых и иных связей со Швецией. Королевский фаворит Флемминг заявил Г.Ф. Долгорукому, чтобы русские, после того как они поддержали антисаксонскую оппозицию и тем самым лишили Августа реальной власти в Польше, больше ни о чем его не просили.

Враждебность в русско-польских отношениях набрала такую инерцию, что одна проблема тянула за собой ворох других. В январе 1718 года к Долгорукому обратилось с петицией православное население польских и литовских земель. Жаловались на политику насильственного окатоличивания и дискриминационные подати, умоляли о помощи. Петр приказал Долгорукому жестко потребовать прекращения притеснений, возвращения монастырей и церквей, превращенных в костелы, православной пастве, и внесения в польскую конституцию юридических гарантий свободы вероисповедания. *«Можете самому королю, примасу и другим польским сенаторам и министрам нашим именем объявить, что мы более не можем терпеть, чтоб в противность договора* (Вечного мира 1686 г. — *В. Д.*) *православие в Польше гонимо и до всеконечного искоренения приведено было»*, — наказывал Петр.

Между тем Долгорукий доносил Петру, что ситуация в Польше ухудшается. Ничего нового в этой констатации не было, но посол, естественно, считал своим профессиональным долгом представить конкретную картину процесса. Она включала целый ряд фактов, свидетельствовавших о необратимости антироссийского курса Августа. Желая теснее сблизиться с Веной, он посватал своего сына за эрцгерцогиню и продолжал подстрекать Карла VI к более жесткой политике в отношении Петра. Это совпадало с намерением цесаря, освободившегося от войны с Турцией, вытеснить русских из Мекленбурга и принудить их к миру в соответствии с интересами «союзников». Он, по мнению Долгорукого, *«хочет поджигать польский сейм против России и вообще всякой противности во всех сторонах царю ищет»*. Поляки подбивают турок и татар на войну против России. Республика и король в этом едины. Август послал в Стамбул специального агента для переговоров на сей предмет.

Французский резидент в Варшаве Жан-Виктор Безанваль в разговорах с русским послом подтверждал стремление Карла VI поднять против России Польшу и Турцию. Он также сообщал, что Австрия, Англия и Голландия просят Швецию не заключать

мира с Петром, обещая вернуть ей все завоевания царя. По сведениям Безанваля, польский король хочет передать корону своему сыну и ищет поддержки у цесаря. Венский и саксонский дворы объединены стремлением навсегда поссорить поляков с русскими и разделить Польшу между собой.

С самого начала царствования Петр методично отучал своих дипломатов от боязни говорить неприятную правду. Доставалось от царя не за нее, а за попытки облаголепить реальность, чтобы не расстроить его. Конечно, по сугубо психологическим причинам лишний раз огорчать государя не хотелось. Но Долгорукий, который был вынужден это делать, ничем не рисковал. Петр уже давно привык к тому, что из Польши приходили либо плохие, либо очень плохие вести. Поэтому едва ли он принял близко к сердцу слова посла: *«в поляках к вашему величеству есть великая перемена: и доброжелательные удаляются»*. Никакой принципиальной перемены в польской ситуации Петр не видел, но подобные оценки были для него необходимы для отслеживания общего направления развития событий и для своевременной реакции на них.

Долгорукий перечислил упреки польских властей, адресованные царю. В них, как всегда, явная ложь была разбавлена укорами столь же справедливыми с точки интересов Варшавы, сколь и несостоятельными с точки зрения интересов Петербурга. И вдобавок приправлена вопиющим лицемерием. В беседе с Долгоруким коронный канцлер Ян Шембек клятвенно заверял его в своей преданности царю только для того, чтобы морально оправдать свои попытки свалить с больной головы на здоровую. Он говорил, что это не Август, а Петр забыл старую дружбу и обзавелся новыми бесполезными друзьями — Францией и Пруссией, ни за что получившей Померанию. Русские войска, проходя через Польшу, разоряют ее своими поборами, *«все даром берут»*. Король и Речь Посполитая вовсе не виноваты в том, за что на нее сердит царь — в несоблюдении Данцигской конвенции 1717 года, запрещавшей жителям города торговать со шведами. Виноват якобы только сейм, не дающий согласия на ратификацию договора, как будто сейм — не часть государства, а совершенно неуправляемый орган. Шембек обвинял Петра в стремлении отторгнуть от Речи Посполитой ее вассала Курляндию, чтобы передать Пруссии, чего Варшава никогда не допустит. В курляндском вопросе (история о выборе жениха для Анны Ивановны) Август, по словам канцлера, *«на весь свет опозорен»*.

Шембек не удержался и от угрожающих намеков, сказав, что сближение России с Францией и Пруссией сильно тревожит Империю и другие державы. Иначе говоря, в Европе есть кому выступить против Петра единым фронтом.

Пожалуй, избыточная предвзятость канцлера была для царя важнее успокоительных заверений (если бы Долгорукий все же склонился к ним), ибо она отражала настроение большей части польских элит. И с этим следовало в той или иной степени считаться. Ценность донесений Долгорукого именно в том и состояла, что они давали правдивую картину, не оставляя места для иллюзий, которыми царь, как, впрочем, мы уже не раз замечали, себя давно уже не тешил.

Посол старался влиять на переменчивое общественное мнение поляков средствами активной контрпропаганды, поставив акцент на разъяснении причин появления русской армии в польских землях. Она, как *«разглашал под рукою»* Долгорукий, прислана не столько для приведения в исполнение Данцигской конвенции, сколько для спасения Речи Посполитой от самодержавных планов Августа. Дипломат явно

играл на чувствительных струнах польской «демократии», когда сообщал, что король при помощи цесаря собирается передать корону своему сыну и заменить Республику наследственной монархией. От польского общества, всегда это подозревавшего, Долгорукий не без основания ожидал нервозного отклика на новые подтверждения таких замыслов. Но чтобы реакция была более выразительной, он считал полезным простимулировать ее через грубый подкуп влиятельных польских политиков, падких на взятки.

В своей стратегии отдаления от Петра Август II давно сжег за собой мосты. Что бы король ни делал, царя это уже не могло ни удивить, ни расстроить. Государь принял вызов, брошенный ему сначала исподтишка, а затем открыто, и намерен был действовать исключительно прагматично, без страха и сожаления. Он повелел Долгорукому продолжать дипломатическое давление в том же направлении — апеллировать напрямую к Республике, неустанно объясняя, в чем заключается совпадение ее интересов с намерениями царя. Петр также предупреждал республиканские власти, что если понадобятся дополнительные войска для противодействия *«противным намерениям»* Августа и Карла VI, то они без промедления будут введены в страну. Государь давал понять, что, действуя в пользу сейма, он не станет спрашивать его разрешения, *«если увидит умножение опасности»*. Желанием пресечь происки короля и цесаря объяснял Петр и свою позицию в курляндском деле. О крутой перемене курса в польском вопросе говорит и другое царское распоряжение: объявить влиятельным сенаторам, что на Аландском конгрессе мир не будет заключен без участия уполномоченного от Речи Посполитой, только им должен быть поляк, а не саксонец. По сути, это означало передачу функций субъекта международных отношений от короля к Республике, что являлось открытым ударом по Августу в ответ на его окончательный переход в лагерь врагов России.

Для личного сведения Долгорукого Петр дал дополнительные разъяснения. Русские войска в Польше нужны еще и на тот случай, если прусский король из страха перед Императором дрогнет и порвет союз с Россией. Многое, по мнению Петра, будет зависеть от исхода аландских переговоров. Учитывая, что на республиканскую власть будут воздействовать антирусские силы, царь по секрету предписал послу предпринять меры к срыву очередного (гродненского) сейма, где могут одержать верх подкупленные королем и цесарем депутаты. Противопоставить такой перспективе следовало те же средства подкупа.

Как мы увидим ниже, реальность заставит царя существенно пересмотреть эту установку и еще раз продемонстрировать тактическую и стратегическую гибкость. Он безусловно прислушивался к своим дипломатам, но не для того, чтобы слепо следовать их в большинстве случаев здравым советам. Эти советы требовались Петру как подспорье для выработки и корректировки собственного внешнеполитического курса. Тем более что некоторые доклады грешили прямолинейностью и чрезмерным оптимизмом. Таков, к примеру, был доклад А.И. Остермана, на бумаге выглядевший весьма убедительным и, при другом развитии событий, возможно, и реализуемым. Он предлагал не только принять заблаговременные меры к срыву Гродненского сейма, но и создать антикоролевскую конфедерацию, не жалея *«ни трудов, ни денег»*. Необходимость такой политики советник объяснил так: 1) под предлогом помощи конфедерации царь всегда сможет держать в польских землях войска; 2) она ограни-

чит Августа в его действиях против России; 3) это же относится и к цесарю; 4) Фридрих-Вильгельм перестанет колебаться и сохранит союз с Петром; 5) конфедерация будет инструментом контроля и над королевской, и над республиканской властью; 6) если мир со шведами состоится, он откроет дополнительные возможности давления на поляков.

Все эти пункты Остерман объединял генеральной целью: еще сильнее возбудить Речь Посполитую против планов установления наследственной монархии и сорвать замыслы Августа, направленные на разжигание турецко-русской, а значит, и турецко-польской войны, в результате которой Турция, согласно обещаниям короля, получит часть польских земель. Осуществление такой программы представлялось Остерману делом *«не очень трудным»*.

Случилось не то, на что надеялись Петр и Остерман. Под влиянием новых факторов польская социально-политическая ситуация обрела еще большее сходство с топким болотом, где трудно было найти твердые точки опоры, любая из которых, сегодня надежная, завтра могла уйти под воду. Долгорукий видел это, пожалуй, лучше, чем другие советники Петра, и старался охладить пыл оптимистов. Он без обиняков сообщал Петру, что при таком уровне непредсказуемости общую стратегию в отношении Польши нужно серьезно откорректировать с поправкой, в частности, на важное обстоятельство: с уходом саксонских войск политические позиции Августа укрепились, в том числе за счет умелых межэлитных маневров самого короля и его подручных. Продолжавшая находиться в Польше царская армия упрощала для него задачу привлечения на свою сторону тех, кто еще совсем недавно воевал против саксонцев.

В начале октября 1718 года был созван сейм в Гродно, где присутствовали Август II и Долгорукий. Если предыдущий сейм вошел в историю как «немой», то нынешний впору было назвать «крикливым». Кричали одно: русские войска должны покинуть Польшу, иначе на защиту страны встанет общенародное ополчение (*«посполитое рушение»*). *«Нет ни одного человека,* — доносил Долгорукий, — *кому бы не были противны наши войска, что королевскому интересу великая помощь»*. Расхождения возникли в вопросе о том, при каких обстоятельствах собирать ополчение и стоит ли вообще это делать.

Сейм явился моментом торжества Августа II. Возможность править бал давала ему ключевая проблема, стоявшая на повестке дня. Долгорукий писал: *«Я никогда* [...] *короля таким сильным и владетельным не видал, как на нынешнем сейме, точно самодержец!»* Когда посол предложил Августу приватный разговор, тот встал в позу великого демократа, заявив, что у него нет секретов от Республики, и если Долгорукий хочет что-то сказать, то пусть говорит публично.

Конечно, в Польше оставалось немало представителей элиты (ряд гетманов и сановников), которые, руководствуясь собственными интересами, тяготели к Петру. Но в обстановке массовой истерии они боялись подавать свой голос, а также встречаться с Долгоруким, чтобы не навлечь на себя обвинения в пособничестве врагу.

Гродненский сейм постановил просить царя о выводе войск. Август II, надеясь на отрицательный ответ, добивался предоставления ему, вопреки закону, права заодно созвать общепольское ополчение (*«посполитое рушение»*) и командовать им. Против выступили литовские и волынские гетманы, требуя дождаться царского ответа. Если он будет положительным, то никакое *«рушение»* не понадобится. В противном

случае нужно будет снова собрать сейм и решать, что делать. И все же верх одержали те силы, которые ввиду своей радикальной антирусской позиции непроизвольно стали сторонниками Августа. Короля наделили полномочиями созывать ополчение. На этом сейм завершил свою работу (середина ноября 1718 г.).

Вскоре к Долгорукому нанес тайный визит гетман польный литовский (заместитель великого гетмана литовского) Станислав Денгоф. Он сказал, что пришел заявить от имени *«всех своих товарищей гетманов»* об их недовольстве Августом, стремящимся к ликвидации шляхетских привилегий и к превращению Польши, при содействии цесаря, в наследственную монархию. Поэтому они просятся под высокую проекцию царского величества и обещают создать конфедерацию, послушную воле Петра. Эту позицию, по словам Денгофа, разделяли такие знатные фамилии, как Потоцкие и Сапеги.

Долгорукий решил проверить услышанное от Денгофа, еще недавно клявшегося Августу в верности. Посол встретился с великим гетманом литовским Людвиком Поцеем, и тот все подтвердил, добавив, что без вывода русских войск польская оппозиция не сможет выступить против короля единым фронтом.

Долгорукому ничего не оставалось, как сделать вид, будто он поверил Поцею, тоже, как известно, лавировавшему между царем, королем и своими польскими врагами. Поверил ли дипломат на самом деле, сказать сложно. Ведь он был свидетелем непрестанных вооруженных конфликтов между теми самыми гетманами, которые теперь обещают объединиться в конфедерацию и подчиниться Петру. Дойдет ли до этого и насколько прочной будет конфедерация, никто не знал.

Царь лишил Августа удовольствия поднять Речь Посполитую против России. В декабре 1718 года он прислал сейму ответное послание, в котором сообщал о своем приказе вывести русскую армию из Польши. Карта Августа была бита. Король пытался делать хорошую мину при плохой игре. Всем своим видом он показывал удовлетворение от того, что заставил Петра ретироваться, но в душе осознавал свой проигрыш.

Вместо волны ненависти к России в Польше поднялась волна диссидентского возмущения. Вслед за православным населением страны за покровительством к царю обратились протестанты, подвергавшиеся гонениям католической церкви.

При всем обилии событий, ничего принципиально нового в Польше не происходило. Социально-политический хаос изменялся лишь в своей внутренней мозаике, оставаясь неизменным в своей сути.

Курляндская головоломка

Если русско-польские отношения еще можно было обострить сверх того уровня накала, на котором они находились, то это лучше получалось у Августа II, чем у Петра, пусть и терявшего интерес к сохранению даже видимости их благополучия. Одновременно с антирусскими интригами короля при венском дворе он закрутил еще одну в Курляндии. Напомним, что после кончины курляндского герцога Фридриха-Вильгельма III (1711 г.), женатого на племяннице Петра Анне Ивановне, встал вопрос о новом браке молодой вдовы с богатым политическим приданым. По закону «престол» Курляндии, номинального вассала Польши, должен был унаследовать дядя Фридриха-Вильгельма 56-летний Фердинанд, единственный из оставшихся в живых

представителей правящей династии Кеттлеров. Но по ряду причин, в том числе из-за конфликта с местным дворянством, ему в конце концов пришлось отказаться от своих прав и поселиться в Данциге, где он оставался до конца своей жизни.

Стремясь прибрать к рукам Курляндию и укрепить свое влияние на северо-восточных границах Польши, Август предложил царю выдать племянницу за герцога Иоганна Адольфа II Саксен-Вейсенфельского, чтобы, действуя через свою креатуру, присоединить герцогство к Польше и разделить на воеводства. Поначалу Петр не возражал, дав королю восемь недель на устройство дела. Полгода прошло без ответа, и царь посчитал себя свободным от своего обещания, тем более что появились новые сведения о кознях Августа, нацеленных на углубление неприязненных отношений между Веной и Петербургом. Брак Анны Иоанновны расстроился еще и потому, что польский король хотел иметь герцога Адольфа II в своем полном подчинении, против чего тот возражал.

Тем временем прусский король предложил кандидатуру своего двоюродного брата, маркграфа Фридриха Вильгельма Бранденбург-Шведтского. Петр, усматривавший в сближении с Гогенцоллернами выгоды для России, дал согласие. И тут, видимо, спохватившийся Август, понимая, что курляндский куш ускользает от него, объявляет, что брачный контракт с герцогом Саксен-Вейсенфельским готов. Но царь уже не меняет своего решения. В отместку король пытается склонить курляндскую шляхту к объединению с Фердинандом в единую силу, направленную на упразднение власти Анны Иоанновны и на передачу герцогства в состав Речи Посполитой. Одновременно Август предъявил Петербургу протест, но получил ответ, что *«царское величество волен в своем домашнем деле сделать по своей воле»*.

У оставшейся в Митаве Анны Иоанновны было много проблем и недоброжелателей. Считая ее политические притязания незаконными, Август II хотел примирить Фердинанда Кеттлера с курляндским дворянством, чтобы они отстранили от власти царскую племянницу. Передача престола бездетному Фердинанду замышлялась как переходный этап к присоединению Курляндии, после его смерти, к Польше.

Приобрести этот лакомый кусок, но другим способом, хотел и прусский король. Он хлопотал о браке Анны Иоанновны со своим протеже, который для начала сделает Курляндию послушным сателлитом Пруссии.

Планы Августа II и Фридриха I кардинально расходились как между собой, так и с интересами России. Естественно, каждая сторона стремилась опереться на курляндскую знать, что привело к формированию местных партий разных внешнеполитических ориентаций. Всех их объединяло недовольство брачным контрактом Анны Иоанновны, согласно которому герцогине полагалось владеть имениями и получать из казны ежегодное содержание.

Для защиты интересов герцогини к ней был приставлен уже упоминавшийся генерал-комиссар П.М. Бестужев-Рюмин, у которого сразу появилось много работы по укреплению русской партии для противодействия планам польского и прусского королей. Учитывая преобладание лютеранской веры в Курляндии, он объяснял местному дворянству, каким гонениям подвергнется их религия поляками, и если герцогство окажется в составе Польши, то им не достанется ни одна правительственная должность. Управление всеми гражданскими и конфессиональными делами перейдет к магнатам и шляхте. П.М. Бестужев-Рюмин довел до сведения местных элит, что царь

предупредил Августа II и Речь Посполитую, что никогда не допустит, чтобы соседнее с Россией государство стало частью Польши. И сделано это не только ради государевой племянницы, но и для сохранения древних прав курляндского рыцарства.

Внешнеполитические миражи аббата Дюбуа

Приоритетной целью Петра по-прежнему являлось достижение выгодного мира со Швецией. Однако среди задач, подчиненных этой цели, строгой иерархии в принципе не было. Царь решал их параллельно, ненадолго перекладывая акценты с одной на другую в зависимости от конкретных обстоятельств. Похоже, государь исходил из посыла, что в международной политике не дано точно предугадать, какой вопрос, сегодня кажущийся второстепенным, завтра вырастет в большую проблему, и наоборот. За время Северной войны Петр проникся собственной внешнеполитической философией, в которой не было места для довольно расхожего в то время мнения, будто дипломатическое внимание к тому или иному государству должно быть обратно пропорциональным его отдаленности от твоих собственных границ. Он научился воспринимать европейские международные отношения как огромную паутину, любая нить которой могла привести в непредсказуемое движение все остальные. Заметил он также и то, что дипломатам небольших государств зачастую удавалось, благодаря профессиональному мастерству, ставить правителей, которых они представляли, вровень с монархами крупных держав.

Будучи одновременно и сознательным, и стихийным приверженцем теории равновесия сил, Петр не обманывался видимым ослаблением того или иного элемента в этом балансе. *Во-первых*, он понимал, что это может быть временным явлением, и поэтому долгосрочную ставку на такой фактор делать опрометчиво. *Во-вторых*, утрата каким-либо государством прежней роли делает его более восприимчивым к приглашениям вступить в союз против общего противника или просто к предложениям, сулящим восстановление авторитета и влияния на международную жизнь. Видимо, подобный образ мыслей, помимо других уже указанных нами причин, побудил Петра включить Францию в программу своего второго заграничного путешествия. Сколько бы Франция ни потеряла и какой бы истощенной ни была после Испанской войны, она оставалась великой державой, к которой царь сохранял интерес если не как к реальному, то как к потенциальному партнеру России в Европе. Тем более что Россия уже завоевала себе привилегию никому в друзья не навязываться. Визит царя в Париж был продолжением большой дипломатической учебы, от которой он никогда не уставал и в ходе которой многократно убеждался, что слова и дела политиков очень часто расходятся. И каждый новый случай такого несовпадения все надежнее защищал его душу от чувства обиды, некогда охватывавшей его как ребенка.

После заключения Амстердамского договора Петр нисколько не удивился появившимся в 1718 году подтверждениям тому, что этот документ оказался лишь клочком бумаги. Они приходили отовсюду, в том числе от царского посла в Париже Шлейница. Его беспокоила бурная деятельность английского резидента при версальском дворе лорда Стерса, не жалевшего усилий, чтобы превратить русско-франко-прусское соглашение 1717 года в фикцию. Кроме того, по сведениям Шлейница, англичанин уговаривал герцога Филиппа Орлеанского помочь в заключении партикулярного

мира между Лондоном и Стокгольмом, а также в создании англо-франко-шведского оборонительного союза для пресечения планов Петербурга, грозящих *«спокойствию всей Европы»*. Регент, по словам посла, испытывает к Стерсу большое доверие, они чуть ли не ежедневно проводят долгие тайные конференции, где *«и северные дела* [...] *не бывают забыты»*.

Судя по всему, эти увещевания были услышаны в Париже. Иначе откуда уверенность Англии в том, что Амстердамский договор не представляет никакой опасности, уверенность, которую она внушала Карлу VI, тем самым предлагая ему исходить в своей политике из этого факта.

Вместе с тем герцог Орлеанский был так же далек от желания приводить в действие франко-русско-прусский «альянс», как и от намерения ссориться с Россией. В общении со Шлейницем он позволял себе удивительно откровенно делиться собственным пониманием особенностей франко-русских отношений в контексте общеевропейской конъюнктуры. Тонкую материю дипломатии регент чувствовал хорошо. Он знал, кому и когда нужно польстить или показать «открытую нараспашку душу», скрыв главное.

В разговорах со Шлейницем его умение обольщать собеседника поддельной искренностью, приятными и убедительными словами проявилось наглядно. Передавая через посла свои поздравления Петру в связи с разрешением вопроса о престолонаследии в России (дело царевича Алексея), регент признавался, что поначалу он считал эту затею (лишение царского сына прав на трон) опасной с точки зрения внутреннего спокойствия государства. Но теперь ему *«остается только удивляться искусству царского величества, с каким он поступил в этом деле»*. Историку же остается удивляться искусству герцога прикрывать свое вранье внешне логичными геополитическими соображениями. *«Мое истинное намерение,* — говорил он Шлейницу, — *сблизиться как можно теснее с царским величеством и королем прусским. Я стараюсь всеми силами о примирении Испании с цесарем; но этим самым примирением я сделаю Испанию и Австрию сильными и опасными для Франции. Для избежания этой опасности мне нужно иметь контрбаланс, который всего лучше я могу найти в союзе с Россиею и Пруссиею и, если можно, с Швециею. Нужно образовать сильную партию в Германии, что всего лучше сделать через Пруссию; но я не хочу впасть в ту же ошибку, какую здесь сделали в начале войны за испанское наследство, ибо Франция, заключая союзы в империи, начала с ног, а голову забыла; но я теперь начну с головы, т.е. с царского величества»*.

Несмотря на ловкое манипулирование регента общепризнанной в то время теорией равновесия, сомнительно, чтобы Петр во все это поверил. Теория — одно, практика — другое. А на практике Амстердамский договор доказал свою несостоятельность, тогда как союз Франции, Англии, Голландии и Австрии, образованный в августе 1718 года, оказался реальной силой. Правда, Филипп Орлеанский клялся Шлейницу, что Четверной альянс не несет в себе ни малейшей угрозы интересам России, и это было откровенной ложью, поскольку в секретной статье договора союзники условились после победы над Испанией оказывать друг другу помощь в северных делах. Против кого — нетрудно догадаться.

Справедливости ради не стоит исключать, что регент, не страдавший врожденной русофобией, вынашивал смутные надежды на установление особых отношений с царем. Если так, то в какой-то момент он от них отказался, поскольку в вопросах внеш-

неполитической стратегии был зависим от своего *«наставника и развратителя»* (слова С.М. Соловьева) аббата Дюбуа, главного архитектора Четверного союза, зачастую подчинявшего государственную выгоду личной. Многие выходцы из низов, каковым и являлся Дюбуа, тяготели именно к такой «жизненной» философии. Впрочем, возможно, аббат в данном случае не видел противоречия между своими стяжательскими наклонностями и интересами Франции. За вступление в Четверной союз он принял от Лондона огромную взятку, а другой взятки, в виде содействия в получении кардинальского сана, ждал от Вены. Так оплачивались его усилия по подрыву планов России. Герцог Орлеанский предпочел не сопротивляться антирусской политике, а встроиться в нее и даже пошел дальше своего учителя. На регентском совете герцог, вопреки возражениям ряда его членов, предложил немедленно вмешаться в северные дела, не дожидаясь окончания войны с Испанией. Когда Шлейниц попросил его объяснить столь непоследовательное поведение, регент опять сослался на теорию равновесия, но теперь уже придав ей другой смысл: сдерживать, дескать, нужно не Австрию, а Россию.

Шлейниц тоже давал Парижу основания для недоверия. Во всяком случае, он не уклонялся от переговоров с испанским послом Антонио ди Челламаре. Тот настойчиво добивался скорейшего заключения оборонительного и наступательного союза с Россией против Четверного альянса. Челламаре посвятил Шлейница в обширные конспирологические планы кардинала Альберони и короля Филиппа V, приглашая царя к активному участию в них. Предполагалось вернуться к старой идее: возбудить внутренние волнения в Англии и высадить там, после заключения мира между Стокгольмом и Петербургом, шведский десант с целью свержения Георга I и передачи короны претенденту (Якову Стюарту). Еще более важным представлялась организация переворота во Франции путем отстранения от власти герцога Орлеанского и назначения регентом Филиппа V (внука Людовика XIV). Таким образом будут нейтрализованы два участника Четверного союза. Против третьего — Австрии — должен *«сильно действовать»* царь, главным образом в Польше и Германии. Это был сложный и авантюрный замысел, почти не учитывавший интересов России.

Аббат Дюбуа, знавший об этих планах и о переговорах между Челламаре и Шлейницем, предложил русскому послу обсудить тему. Состоялась долгая беседа. Дюбуа начал с разумной мысли: *«выгоды, которые может получить Россия от испанского союза, нельзя уравнять с неприятностями, которые могут произойти от озлобления большей части, и притом сильнейших, держав Европы и собственных союзников России. Царь намерен утвердиться на Балтийском море и установить свою торговлю, но для этого можно найти способы повернее испанского союза. Регент готов помочь ему в отыскании этих способов. Усиление императора и тесный союз его с Англией, разумеется, не могут нравиться России, но они одинаково не нравятся и Франции»*.

Затем аббат Дюбуа начинает плести сложные кружева доводов в защиту необходимости перестановки сил в Европе. Его идеи были оторваны от жизни так же, как и планы Альберони. В них увлечение произвольными, умозрительными комбинациями преобладало над европейскими реалиями, а порой и над здравым смыслом. Впрочем, не будем исключать, что все эти шаткие, держащиеся *«на винтах»* (по выражению Шлейница) теоретические конструкции предлагались специально для того, чтобы запутать царя, отвлечь его от задуманного и заодно польстить ему приятными доказательствами того, *«как державы, самые отдаленные, нуждаются в его дружбе»*.

Вот как это все конкретно выглядело в грандиозном плане Дюбуа. После победы Четверного союза над испанцами Петр становится посредником при заключении мира, что принесет ему *«славу и пользу»*. Затем Испания присоединяется к альянсу между Россией, Швецией, Францией и Пруссией, в результате чего образуется нечто вроде европейской «пентархии»[1], за пределами которой, как молчаливо подразумевалось, остаются Англия, Австрия и Голландия. Уже один этот факт указывал на то, что Дюбуа предлагал не «концерт» держав, а новую систему равновесия, основанную на разделе Европы по блоковому принципу. В такой схеме была своя логика: члены «пентархии», сдерживая друг друга, обеспечат внутренний баланс сил, а внешний сложится за счет противовеса, составленного из трех государств — Англии, Австрии, Голландии. Разумеется, мы пытаемся додумать недосказанное аббатом. Что на самом деле было у него на уме, выяснить трудно. Но если наши догадки верны, то замысел Дюбуа принимает совершенно абстрактный вид. Внутри «пентархии» отсутствовало сколь-нибудь устойчивое единство интересов, которое оправдывало бы ее существование. Как и внутри гипотетической «триархии» (Англия, Австрия, Голландия). Подвижный характер европейских противоречий, их сложные, изменчивые переплетения заставляют видеть в проекте Дюбуа не более чем плод его теоретических фантазий. Это подтвердит любой историк, знакомый с последующими системами европейских союзов и контрсоюзов, в которых ни разу не встречается предложенная аббатом комбинация.

Впрочем, последуем за дальнейшими рассуждениями Дюбуа, поскольку в них есть и практические предложения. Что бы ни замышлял аббат, он осознавал, что прежде надо решить ближайшие задачи, да так, чтобы не нажить в лице Петра лишнего врага. А при той активности, которую демонстрировала Франция в попытках сорвать начавшиеся на Аландах русско-шведские переговоры в целях международной изоляции России, обозлить царя было нетрудно. Догадываясь, что Петр знает об участии Парижа в саботаже аландских переговоров, Дюбуа, для успокоения его, заявил о готовности регента содействовать им, лишь бы условия мира не включали пунктов о вторжении в Англию и продолжении войны в Германии (в том числе против Ганновера). Чтобы быть убедительнее, аббат под большим секретом сообщил Шлейницу, что Карл XII (тогда он был еще жив) прислал герцогу Орлеанскому проект мирных предложений для передачи Георгу I как курфюрсту Ганновера. Дюбуа клялся, что регент, якобы не желающий мешать достижению мира, придержит этот проект у себя до завершения русско-шведских переговоров с тем или иным исходом. В любом случае, говорил аббат, все это направлено на создание европейской «пентархии». Видимо, желая совершенно обезоружить Шлейница, Дюбуа несколько раз бросался обнимать его в знак глубокого расположения к царю и России. А может, аббат таким театральным жестом хотел прикрыть свою ложь о том, что Георг I не знает о предложении Карла XII, которое он, Дюбуа, лично передал ганноверскому правительству?

Петр не принимал это за чистую монету, но виду не подавал, считая небесполезным продолжать дипломатический спектакль, с прицелом на будущее, в котором Франция всегда может пригодиться. Шлейниц получил указание просить Людовика XV (тогда ему было восемь лет) быть крестным отцом недавно (20 августа 1718 г.) родившейся царской дочери Натальи. Воспитатель короля маршал Франсуа де Виль-

[1] Тут мы, понятно, заимствуем термин из другой эпохи международных отношений.

руа, как он признавался, очень жалел, что Наталья за малолетством не может стать женой его подопечного, а возможно, и французской королевой. Больше, чем эти «сожаления», были похожи на правду слова маршала о том, что юный король часто спрашивает о русском царе: у мальчика, видимо, остались сильные впечатления от могучих рук Петра, нежно его обнявших и поднявших высоко в воздух.

В декабре 1718 года короткая идиллия между Дюбуа и Шлейницем закончилась. В Париже раскрыли заговор в пользу Филиппа V. Князь Челламаре был арестован, его переписка изъята для следствия. Это бросало тень на русского посла, часто с ним встречавшегося. Следом пришло сообщение о гибели Карла XII, грозившее изменениями в отношениях между Россией и Францией.

Задумка испанского короля

Как мы уже не раз отмечали, Петр, воюя со Швецией, стремился охватить панораму европейской политики широким взглядом. В ней все находилось в таком тесном сцеплении, что без учета этого нельзя было решать балтийский и другие вопросы. Аландские переговоры давали лишь теоретическую перспективу выхода России из войны с желаемыми приобретениями. Конгресс, в той зыбкой международной ситуации, не гарантировал мира и поэтому не мог быть надежным противовесом английской политике создания системы антирусских союзов, больших и малых. В случае провала съезда усиливавшаяся дипломатическая блокада ничего хорошего России не предвещала. Понимая это, Петр хотел охладить пыл реальных и потенциальных участников такой блокады с помощью контрудара по наиболее чувствительным местам.

Так во внешнеполитической повестке дня Петербурга появилась сначала Венгрия, потом якобиты и, наконец, Испания. Король Филипп V жаждал вернуть себе потерянные несколько лет назад итальянские владения. Против его реваншистских притязаний выступили Австрия, Франция и Англия. Участники союза стремились привлечь на свою сторону Голландию, а Испания — не допустить этого, в том числе с помощью России.

2 августа 1718 года русский посол в Гааге Б.И. Куракин сообщил в Петербург о визите к нему испанского посла маркиза Беретти-Ланди с предложением союза против общих врагов. План приведения в действие этого союза, принадлежавший кардиналу Альберони, выглядел так: Испания выставляет 30 кораблей и 30 тыс. войска для соединения с русским флотом и сухопутными силами после заключения мира со Швецией, которая также рассматривалась в качестве испанского союзника. Беретти сказал, что Карл XII постоянно просит у Мадрида денег, но Альберони поставил два условия предоставления субсидий: подписание мирного договора с Россией и заключение шведско-испанского военного союза. В противном случае, полагал кардинал, дать шведскому королю денег — все равно что потерять их. (Скорее всего, имелась в виду вероятность использования субсидий для продолжения войны с Россией, а не для оказания помощи Испании.)

Петр велел передать Беретти, что ему было приятно получить от Филиппа V такое предложение, однако из него нельзя узнать, против кого будут действовать соединенные войска Испании и России. Посол назвал Австрию и Англию. Об остальном он не мог сообщить без консультаций с Мадридом.

Тем временем (11 августа 1718 г.) испанский флот потерпел поражение от англичан, что вызвало досаду у Петра, поскольку это грозило капитуляцией Филиппа V и крушением его коалиционных планов. Царь предписал Куракину поднять дух мадридскому двору: *«Может быть король испанский при таком несчастии захочет помириться с цесарем; так вы под величайшим секретом сообщите испанскому послу наше мнение, чтоб король его не заключал скоро мира с цесарем, но тянул бы переговоры как можно долее, потому что цесарь и король английский уже не могут нанести ему большого вреда, внутри Испании действовать им нельзя. Пусть испанский король старается протянуть время до тех пор, пока у нас будет заключен мир с Швециею,* ***а может быть и союз*** (выделено мной. — *В. Д.*). *Мы об этом стараемся и имеем надежду на успех; но пусть и с испанской стороны действуют в Швеции в нашу пользу. А когда между Россиею и Швециею будет заключен мир, то испанский король может надеяться себе пользы как от нас, так и от Швеции»*.

Получив инструкции из Мадрида, Беретти объявил Куракину о том, как рад Филипп V подружиться с таким великим монархом, и о том, что ни о каком мире с англо-австро-французским (пока без Голландии) союзом нет и речи. Правда, ничего не было сказано о намерении короля Филиппа породниться с романовским домом, женив своего сына на царской дочери. Об этом намерении испанский посол в Венеции рассказал русскому послу Савве Рагузинскому.

9 ноября 1718 года Куракину был представлен присланный из Мадрида более подробный план коалиционной войны против врагов Испании. Его составили, исходя из того, что Петр и Карл XII со дня на день помирятся и войдут в альянс с Филиппом V. Союзнические обязанности распределятся так: 40 тыс. испанцев будут действовать в Италии против австрийцев, 20 испанских кораблей соединятся с русской и шведской эскадрами и высадят десанты в Англии, чтобы изгнать Георга I, после чего мадридский двор даст царю субсидии.

Куракина, знавшего толк не только в дипломатических, но и в военно-логистических вопросах, не удовлетворили эти «подробности». Он хотел гораздо большего, учитывая тот беспрецедентный случай, когда русской армии и флоту придется воевать на таком удалении от России. Куракин попросил Беретти уточнить несколько положений: 1) сколько будет линейных кораблей из этих двадцати? 2) где и когда испанский флот соединится с русской и шведской эскадрами? 3) каким способом Георг I будет свергнут с престола? 4) какого размера субсидии обещает Филипп, на сколько лет и какова ежегодная сумма выплат?

Ответ Беретти: 1) 20 кораблей линейных, остальные фрегаты; 2) соединение флотов произойдет в Северном море, высадку произведут в Шотландии, а о времени еще предстоит договориться; 3) у кардинала Альберони в Шотландии есть надежная партия сторонников реставрации Стюартов, именно к ним должны примкнуть десантные силы (по 7 тыс. русских и шведов), которые без труда выгонят Георга I; 4) хотя сумма ассигнований пока не известна, она будет значительной и предназначаться не только для свержения английского короля, но и для нападения на его ганноверские владения и на имперские земли с целью принудить Лондон и Вену к *«честному, прибыточному и постоянному миру»*.

Куракин указал на асимметричность обязательств участников союза. Выходило, что Россия (и Швеция) получит субсидии не на решение задачи возвращения Стюар-

тов на английский трон, а на выполнение не менее сложной миссии продолжения войны в Европе против империи и ее союзников. Беретти, естественно, вновь пришлось запрашивать инструкции Мадрида. Единственное, что он пока мог сообщить Куракину, касалось Швеции. Туда, как сказал испанский посол, отправился специальный агент Альберони Лолес хлопотать о шведско-русском мире с тем, чтобы в апреле–мае 1719 года сделать высадку в Шотландии, за что Карл XII получит 200 тыс. голландских ефимков. Но они не будут выданы, пока король не завоюет Норвегию и не установит контроль над выходом из Балтийского моря в Северное.

Вскоре ни миссия Лолеса, ни ответ Мадрида на вопросы Куракина уже не имели значения. Гибель Карла XII разрушила грандиозный план Филиппа V, лишив историков возможности выяснить степень его осуществимости.

1719 год

Провал аландских переговоров

Если никто не мог гарантировать заключение мира при жизни короля, то теперь обстановка на Аландском конгрессе достигла высшей точки неопределенности. Швеция на какое-то время потеряла свою международную субъектность, в отсутствие которой не с кем было ни мириться, ни воевать. Шведской элите, как ни странно звучит, было не до переговоров с Россией, потому что шла борьба за власть между тремя партиями. Петр не имел реальной возможности вмешаться в нее, да и не хотел этого делать в условиях густого политического тумана, нависшего над Швецией. Пока не хотел. Какая из этих партий подтвердит предварительные договоренности, достигнутые на аландских переговорах, и есть ли такая партия, царь и его дипломаты не знали. Оставалось ждать исхода схватки.

Мы уже говорили о двух претендентах на корону — Фридрихе Гессен-Кассельском (муже Ульрики Элеоноры) и Карле-Фридрихе Гольштинском. Последний был человеком не слишком властолюбивым и посредственным. Он питал весьма вялый интерес к вопросу о престолонаследии. Для предержания монархической власти молодой герцог явно не годился. Никакие призывы его окружения к решительным действиям не могли отвлечь его от искренней скорби по королю. Граф Бассевич считал, что апатичный настрой Карла-Фридриха был *«спасением для шведской свободы»*. Она не осмелилась бы поднять голову против того, за кем пошла бы армия и усадила бы его на престол. Другое дело — его конкурент, обаятельный, общительный, умный, храбрый. К тому же — что для русских имело особое значение — вроде бы настроенный на мир.

Третья партия, либералы, боролась за упразднение или, по крайней мере, ограничение самодержавия. С точки зрения своих задач она находилась в самом выгодном положении. Любой из претендентов вынужден будет покупать ее поддержку согласием на введение конституционной монархии.

Решительнее всех действовала Ульрика Элеонора. Чтобы не переусложнять ситуацию и покончить с безвластием, она уговорила Сенат провозгласить ее королевой,

согласившись на ограничение своих монархических полномочий. В марте 1719 года Ульрика Элеонора была коронована.

Всеобщая ненависть к некогда всесильному Герцу вылилась в судебное решение приговорить его к смертной казни, которая последовала 19 февраля 1719 года. Теперь судьба Аландского конгресса оказалась под еще большим вопросом. Русские делегаты об этом догадывались, но не покидали места переговоров в ожидании прояснения обстановки.

Между тем шведская правящая элита, категорически отказавшись от мирной программы Герца, не спешила уведомлять об этом русских. Был взят курс на затягивание времени и воплощение в жизнь новой внешнеполитической стратегии, в основе которой лежала идея заключения мира со всеми своими врагами, кроме России, а с ней продолжить войну за возвращение Лифляндии и Эстляндии. В Стокгольме рассматривался еще один вариант, предполагавший, что смерть Карла XII сделает царя уступчивей. На чем основывалось столь праздное предположение, сказать не беремся.

После получения известия о смерти Карла XII Остерман уехал в Петербург. В феврале 1719 года Брюсу, оставшемуся на Аландах, Юлленборг вручил адресованную царю грамоту Элеоноры, где она говорила о желании восстановить прежнюю дружбу между Швецией и Россией и продолжить мирные переговоры, для чего она отправляет на конгресс вместо Герца барона Лилиенштедта. Это был первый шаг нового шведского правительства в реализации тактики проволочек.

Уловка выглядела слишком простой, чтобы Брюс обманулся ею. Он потребовал немедленного ответа на вопрос, когда Стокгольм намерен закончить дело, умалчивая, как о чем-то самоочевидном, что имеется в виду осуществление плана Герца. В ответ Юлленборг не сказал ничего определенного, ссылаясь на внутренние проблемы Швеции. Впрочем, он не преминул заявить, что теперь русским придется быть уступчивее, ибо шведы будут сильно домогаться Лифляндии и Эстляндии. Дипломат не стал скрывать намерения Ульрики Элеоноры заключить сепаратные договоры с русскими союзниками, охотно соглашающимися на это. Здесь же выяснилось, что Лилиенштедт скоро не появится, а у Юлленборга нет полномочий на ведение переговоров.

Аландский конгресс зашел в тупик. Петру и его дипломатам было не ясно, как выйти из него и есть ли выход вообще. В подтверждение стоит привести один красноречивый документ — доклад Остермана от 11 марта 1719 года *«Всеподданнейшее генеральное рассуждение, касающееся до учинения мира с Швециею»*. Вот главные идеи доклада. Шведское государство пришло в такой упадок, что любая партия, пришедшая к власти, начнет изо всех сил искать мира. Стокгольм будет хлопотать о созыве съезда с участием всех своих неприятелей. Поскольку Россия из них опаснейший и сильнейший, шведы, без сомнения, захотят в первую очередь договориться именно с ней. Не забывая намекнуть на свои заслуги, Остерман пишет, что на Аландах шведов убедили в пагубности продолжения войны, которая приведет их в конечное разорение. Сама Швеция не в состоянии выдержать невыносимое испытание, и никто не станет помогать ей против такого могучего и отдаленного государства, как Россия, которая способна воевать не только оборонительно, но и наступательно еще в течение 30 лет. Понимая это, шведы имеют все основания надеяться на сильную дипломатическую поддержку Англии и других недоброжелателей России. Упорство Стокгольма

будет лишь нарастать еще и потому, что на Ульрику Элеонору оказывают ощутимое влияние ее приближенные, двое из которых (Таубе и Миллер) — лифляндцы, выступающие против уступок царю. Для России лучше всего, конечно, было бы вырваться из дипломатической изоляции, что на данный момент нереально. Остается одно: воспользоваться тяжелым внутриполитическим и социально-экономическим положением Швеции и весной (1719 г.) нанести по ней сокрушительный удар, тем самым не только покончив с войной, но и предупредив все другие вредные замыслы. Вконец разоренный народ потребует немедленного мира с Россией, и к этому требованию по необходимости обязательно присоединится какая-нибудь из партий.

Доклад Остермана, как допустимо предположить, отражал и надежды, и сомнения как Петра, так и его дипломатии. С одной стороны, хотелось поверить, что *«шведы всеми силами будут искать мира»*. Но оставался большой вопрос: какого именно мира они желают, если они так долго тянут с посылкой на конгресс своего главного уполномоченного Лилиештедта и откровенно шантажируют царя сепаратными переговорами с русскими «союзниками»? Намек шведов на необходимость заменить узкий (двусторонний) формат аландских переговоров на многосторонний не сулил России ничего хорошего. Стоит ли тогда продолжать их? Не лучше ли действительно закончить войну одним мощнейшим ударом? Среди таких вопросов немудрено было заблудиться даже незаурядному уму.

Хотя Петр разделял многие положения доклада Остермана, все же до конца он его не убедил. Царь решил сначала исчерпать все дипломатические средства, учитывая вероятность того, что сокрушительный удар по Швеции и приведение ее в *«конечное разорение»* могут обернуться не теми последствиями, на которые рассчитывал Остерман при всей его проницательности.

По указанию Петра (март 1719 г.) Брюс потребовал от Юлленборга срочного возобновления переговоров, с Лилиенштедтом или без него. И добавил, что теперь к ним присоединится прусский представитель Густав Мардефельд. Царь также дал инструкцию Остерману накануне его очередного возвращения на Аланды. Ничего принципиально нового в ней не было. Лишь уточнялось, какую именно помощь хочет от России Швеция в обмен на ее уступки, количество которых должно остаться неизменным. Как вариант предлагалась денежная компенсация в миллион рублей с рассрочкой на два года.

Одновременно в Стокгольм был послан бригадир Петр Лефорт (племянник Франца Лефорта), чтобы учинить Ульрике Элеоноре *«от его царского величества комплимент сожалительный в пристойных терминах о смерти брата ее»*, а потом поздравить ее со вступлением на престол и осыпать королеву россыпью приятных слов. В завершение своей речи Лефорт должен был засвидетельствовать, что Петр *«истинную склонность имеет — настоящую между обоими государствами от многих лет продолжающуюся войну и кровопролитие благополучным и к пользе обеих стран подданных постоянным миром прекратить»*.

Текст обращения к шведским министрам был другим. Лефорт потребовал, чтобы Лилиенштедт в качестве полномочного посла был незамедлительно отправлен на Аланды для завершения переговоров. А если Стокгольм не собирается этого делать, то пусть он прямо и без отлагательств официально заявит об этом. Тогда царь будет действовать по обстоятельствам.

Ульрика Элеонора ответила Лефорту дежурной любезностью, сказав, что мир не состоялся не по ее вине и что о ее окончательном решении русские узнают от шведских представителей на Аландском конгрессе.

Визит царского эмиссара к мужу королевы наследному принцу Фридриху Гессен-Кассельскому окончился безрезультатно, если не считать результатом слова принца о том, что двери его дома всегда открыты для Лефорта.

Министры же откровенно заявили, что готовы скорее все потерять, чем согласиться на *«мир непристойный и бесчестный»*.

6 апреля Остерман, вернувшийся на Аланды, и Брюс отправили царю доклад с оценкой ситуации в свете новых обстоятельств. Они представлялись в такой интерпретации. Шведы надеются выторговать мир *«на легчайших условиях»* и будут продолжать прежнюю канитель на конгрессе, чтобы, *во-первых*, держать Россию в изоляции от союзников, *во-вторых*, не выводить ее из состояния военной пассивности. Сообщалось, что Лилиенштедт до сих пор так и не появился на переговорах, а Юлленборг только и твердит о невозможности мира на старых условиях. Швеция, по его словам, скорее уступит северогерманские провинции, чем восточную Балтику, и она готова еще долго вести с Россией оборонительную войну, дожидаясь благоприятного поворота событий.

Не надеясь на изменение позиций шведской делегации, Остерман и Брюс советовали Петру для достижения мира применить то, что мы уже как-то назвали «двойным решением». Позволим себе еще раз воспользоваться этим заимствованием из терминологического обихода конца XX века. В данном случае речь шла о предложении резко усилить военное давление на противника, не прерывая с ним переговоры. Только силой оружия можно сломить его дипломатическое сопротивление. Эти меры нужно дополнить экономической блокадой, запретив вывоз хлеба из русских и прусских гаваней, а также из Данцига.

Из доклада Петр узнал, что шведы пытаются поссорить его с Пруссией. Они категорически против приезда Мардефельда на Аланды. Вместо этого Фридрих Гессен-Кассельский пригласил его на приватное свидание. Русские дипломаты не без основания полагали, что через Мардефельда прусскому королю будут предложены интересующие его владения в Северной Германии в обмен на отказ от союза с Россией.

Кажется, это была самая тревожная часть доклада. Петр понимал, что сам факт двусторонних, то есть сепаратных, аландских переговоров вызовет в Берлине подозрения. В те времена правосознание политиков еще только формировалось в, так сказать, цивилизованном направлении. Международные соглашения пока не обрели того священного ореола, которым они должны в идеале обладать. История Северной войны показала это со всей очевидностью. Подлинное, если угодно, человеческое доверие между правителями по-прежнему оставалось более надежным поручительством, чем скрепленные подписями и печатями договоры. Но в большой политике такое чувство встречалось исключительно редко.

Понимал царь и то, что шведы не упустят случая обратить особое внимание Пруссии на состав участников Аландского конгресса, чтобы убедить Фридриха-Вильгельма в ненадежности союза с Петром. А.Г. Головкину было дано срочное поручение клятвенно заверить барона Ильгена, что государь никогда не подпишет мирного договора без прусского участия, как бы ни были выгодны его условия для России.

При отсутствии у шведов склонности к миру он намерен употребить против них оружие и экономическую блокаду.

Поверил Ильген или нет, но вслух ответил, что он нисколько не сомневается в честности Петра. При этом признался, что его беспокоит затяжной характер Аландского конгресса и отсутствие результатов, отчего союзники получают возможность упредить русских своими сепаратными договорами. Если такое произойдет, то прусский король окажется в большой опасности перед лицом вмешательства Австрии в штеттинское дело, сопротивляться которому Берлин будет не в состоянии. Заявление А.Г. Головкина о готовности царя продолжать войну до победного конца Ильген пропустил мимо ушей, а идею блокады, при наличие множества способов ее обойти, назвал бесполезной.

Трудно избавиться от мысли, что прусский министр был не до конца откровенен с русским послом. От подозрений он едва ли избавился. Как ни крути, в Берлине далеко не все знали о деталях аландских переговоров, деталях, в которых, возможно, и скрывался дьявол. Петр искренне стремился освободить прусское правительство от этих подозрений.

В середине мая 1719 года царь отправил на конгресс третьего уполномоченного генерал-майора П.И. Ягужинского. Потому отчасти, что хотел повысить уровень представительства. Но главное в другом. Ягужинский привез с собой секретное дополнение к прежним инструкциям: *«Если бы на всех тех условиях Швеция не захотела уступить Лифляндию в вечное владение, то при последней крайности царское величество соизволит, чтоб Лифляндия оставлена была в русском владении от тридцати до двадцати лет, а по окончании этого срока она будет возвращена Швеции»*. Можно ли считать это уступкой Стокгольму? Формально да. Были ли шансы, что ее примут? Маловероятно. Ведь все понимали, что за такой срок наверняка произойдет много событий, любое из которых может стать причиной для обоснованного отказа России от выполнения своего обещания.

27 мая 1719 года Лилиенштедт наконец приехал на конгресс. Перед возобновлением конференций русские делегаты объявили, что не начнут работу без участия Мардефельда. Это расстраивало шведский план проведения отдельных переговоров с Пруссией. Лилиенштедт категорически отверг требование о включении прусского уполномоченного в переговорный процесс, поскольку тогда речь зайдет о северогерманских делах, решать которые без согласия цесаря, как главы Империи, недопустимо.

Русские дипломаты заявили без обиняков о бесполезности попыток с помощью подобных уловок разорвать русско-прусский союз. Шведы пообещали направить в Стокгольм запрос относительно Мардефельда, а пока предложили возобновить переговоры без него. Русские согласились, чтобы не терять время, и без того потраченное впустую. Лилиенштедт завел старую песню: если Россия не пойдет на уступки, то у Стокгольма есть выбор –помириться с другими своими противниками. Русские подчеркивали тщетность этих угроз. Они лишь все испортят. Царь не боится ни Швеции, ни всех ее пособников. Лилиенштедт не унимался, ссылаясь на огромную сеть интриг, плетущихся против России, и, в частности, на недавно заключенный альянс между Карлом VI, Георгом I и Августом II. На эти стращания русские отвечали, что их царское величество в состоянии отличить друзей от врагов и пугать его бесполезно. Что касается тройственного союза между Империей, Англией и Польшей, то лишь время покажет, против кого

он заключен. Тем более что и к цесарю, и к английскому королю приходит осознание необходимости находиться с Россией в согласии, а не во вражде.

Петр предписал своим уполномоченным вести со шведами переговоры и по русским, и по прусским делам, не дожидаясь решения о Мардефельде. Последний же должен через русских делегатов делать свои представления и таким же путем получать ответы на них для передачи в Берлин, что сделает его фактическим участником конгресса помимо воли шведов. Если Стокгольм потребует вначале уладить вопрос о русских приобретениях, то царь наказывал согласиться при условии, что следом будут удовлетворены требования Пруссии, чтобы включить их в общий трактат.

Над Аландским конгрессом, и без того, похоже, обреченным на неудачу, нависла еще одна угроза. В Берлине влиятельная ганноверская партия уговаривала Фридриха-Вильгельма порвать с Петром и вступить в союз с Георгом I. Представленный прусскому королю проект соглашения предусматривал обмен обязательствами. Георг гарантировал Фридриху-Вильгельму приобретение Штеттина с округом, а взамен получал ответную гарантию присоединения к Ганноверу Бремена и Вердена. К договору присоединялся Август II в обмен на согласие Стокгольма признать его польским королем. Для осуществления этого замысла предусматривался созыв альтернативного конгресса в Брауншвейге (второго по счету) с участием ганноверских, прусских, польских делегатов, с одной стороны, и шведских — с другой.

История русско-прусских отношений, как мы помним, была весьма непростой, но еще не подвергалась настоящим испытаниям и искушениям. Неудивительна сильная озабоченность А.Г. Головкина этими новостями. Посол принялся объяснять Фридриху-Вильгельму пагубные для Пруссии перспективы такого союза: для Георга I главное отлучить прусского короля от России, после чего ему можно будет диктовать Берлину любые условия. Головкин советовал не питать иллюзий по поводу обещаний английского монарха, цена их *«по прежним примерам известна»*. Он назвал идею Брауншвейгского контрконгресса *«коварным средством»*, чтобы сорвать участие Пруссии в аландских переговорах и оставить ее в одиночестве перед лицом британских и польских замыслов, противоречащих прусским интересам.

Фридрих-Вильгельм ответил, что он слишком дорожит дружбой с Петром, чтобы связывать себя с англичанами строгими обязательствами. Что касается предложений Августа II, то прусский король наотрез отказался их принимать. В отношении Брауншвейгского конгресса его позиция, к досаде Головкина, была не столь однозначной. Прекрасно видя антирусскую подоплеку этого предприятия, Фридрих-Вильгельм вместе с тем признался, что вынужден будет послать туда своего министра, если Карл VI потребует присутствия на конгрессе имперских князей, участвующих в Северной войне. Однако в случае применения цесарем силы в отношении Пруссии она, естественно, будет защищаться и *«свои меры принимать»*. Король заключил свою речь словами: *«Я непременно в доброй дружбе и твердом соединении с царским величеством пребуду, я в царском величестве имею единого истинного и прямого друга себе»*.

Слова эти Головкина не успокоили. Они, конечно, были ему приятны, но лишь как дополнение к ответу на вопрос, который он поставил перед прусскими министрами: как именно Пруссия отреагировала на английские предложения? Выяснилось, что от соглашения с Георгом I, как такового, Берлин не отказывался, но при условии, что в него будут внесены три пункта. Содержавший их документ, написанный

рукою Фридриха-Вильгельма, показали Головкину. Смысл прусского ответа сводился к следующему. В договор между Пруссией и Ганновером (по сути, Англией) должны быть включены Россия, Дания и Польша как союзники. Если такой вариант не подходит, то твердо условиться, что Георг и Фридрих-Вильгельм не подпишут со Швецией такого мира, который шел бы вразрез с интересами союзников. Признание Августа II в статусе польского короля возможно лишь при отказе Варшавы от притязаний на бранденбургские земли и от официальной доктрины о ее праве вмешиваться в прусские дела. Кроме того, Август II и республика Речь Посполитая должны дать согласие на присоединение к Пруссии Штеттина с округом. При этом Берлин не отвергал идеи созыва второго Брауншвейгского конгресса.

Было много шансов, что такой ответ, в принципе неприемлемый для Георга I, будет им отклонен. Однако Головкин все равно упрекнул Ильгена за то, что Пруссия не стала возражать против конгресса, главную роль на котором непременно присвоит себе Вена, чтобы сорвать русские и прусские планы. Это вдобавок выдавало скрытое недовольство Берлина партикулярным форматом аландских переговоров.

Тревога Головкина немного улеглась, когда английский посланник при берлинском дворе Витворт объявил, что данные ему инструкции не позволяют согласиться на прусские условия.

Между тем на Аландах шведские дипломаты под разными предлогами заводили работу конгресса в еще больший тупик. Петр решил покончить с этой неопределенностью. В июле 1719 года царский флот из 30 линейных кораблей, 130 галер и 100 малых судов подошел к берегам Швеции и высадил десант, учинивший большие разорения и приблизившийся на расстояние полутора километров от Стокгольма. Но тут в Балтийское море вошла английская эскадра под командованием того же адмирала Норриса, однажды чуть было не устроившего вооруженную стычку с русскими войсками. На этот раз все могло быть гораздо хуже. Англичане не собирались останавливаться перед применением силы, еще раз показав, на чьей они стороне, когда речь идет о противостоянии России. Петр предпочел не испытывать судьбу на море в столкновении с таким могущественным флотом и вернул свои десантные корабли вместе с солдатами в гавани.

Рассчитывая на эффект этой вылазки, государь отправил Остермана в шведскую столицу за решительным ответом. Королева и ее министры, озлобленные до предела, заявили, что ответ — прежний: верните Финляндию и Лифляндию. Английский посол в Швеции всячески поддерживал такие настроения *«великими обещаниями»* и *«великими деньгами»*. Сенаторы с гордостью и бранью говорили, что у них огромная армия и они никогда не дадут принудить себя к миру. Остерман спокойно ответил, что царь никогда не сомневался в храбрости шведов, и если продолжится война, то у них будет много случаев продемонстрировать ее русским, которые тоже не из робкого десятка.

Остерман возвращался из Стокгольма с грамотой королевы, где подтверждалась непримиримая позиция шведов. 21 августа Петр дал своим уполномоченным на конгрессе распоряжение: если в течение трех недель позиция шведов не изменится, покинуть Аланды. Позиция не изменилась, и в сентябре 1719 года представители враждующих сторон разъехались по домам.

Пока Карл XII был жив, сохранялась какая-то надежда на успех проекта Герца, хотя мы не исключаем, что королевский фаворит, способный на все, в послед-

ний момент мог выкинуть любой фокус. После гибели короля и казни его любимца Аландский конгресс был обречен. Шведская элита, до этого лавировавшая между Петербургом и Лондоном, склонилась в сторону Георга I. В июле 1719 года его посланники заключили со Швецией предварительное мирное соглашение, а 9 (20) ноября был подписан окончательный договор, согласно которому Ганновер получил Бремен и Верден в обмен на выплату компенсации в 1 млн риксдаллеров, поддержку наследственных прав Гольштейн-Готторпского дома и ряд других обязательств, взятых на себя Георгом I.

Английский король предпочел бы заключить одновременно с мирным договором наступательно-оборонительный союз, но решил взять паузу, поскольку такой союз грозил спровоцировать войну с Россией, на которую требовалось согласие парламента, а значит, время. Оставалось продолжить войну дипломатическую, чем Георг I и занялся с великим энтузиазмом и изощренностью.

Гибель Карла XII сыграла, конечно, на руку Лондону, позволив ему похоронить Аландский конгресс и оставить Россию без союзников. Возможно, англичане думали, что теперь у Петра, измотанного бесконечной неопределенностью, не будет иного выхода, как принять их посредничество и смириться с его результатами. Исходя из этого, Георг I послал в Петербург двух послов (прибыли в русскую столицу в начале 1718 года), Джеймса Джеффриса и Фридриха Христиана Вебера. Первый представлял английского короля, второй — ганноверского курфюрста. Они предложили царю представить проект мирного договора, чтобы заранее знать, какие пункты в нем не отвечают англо-ганноверским интересам и подлежат изъятию. Тем самым король навязывал свое посредничество, полагая, что Петр, еще раз повторим, находится в безвыходном положении.

Но, как вскоре выяснится, выход был — довести до победного завершения войну, вести которую союзники давно уже только мешали. Англичанам оставалось, вслед за многими недоброжелателями Петра, лелеять надежду, что царя в его новых походах постигнет та же участь, что и Карла XII.

Пустопорожнее объяснение с Копенгагеном

Едва ли не самую большую радость в связи с уходом Карла XII в мир иной испытывало датское правительство. Исчез страх потерять Норвегию, его сменила самоуверенность. Дания торжественно возвестила Европу об изгнании шведов со своей северной территории. *«По смерти короля шведского*, — сообщал русский посол в Копенгагене В.Л. Долгорукий, — *здешний двор очень стал горд, надеется без всяких действий полезный мир получить и для того, кроме короля английского, всех союзников презирает»*. Эту перемену Долгорукий ощутил на себе, объяснив ее *«великой злобой здешнего двора к нам»*[1]. Когда в марте 1719 года он, поздравив датских министров с победой, предложил обсудить дальнейшие совместные шаги, последовал отрицательный ответ, а за ним шквал упреков в адрес России. Царя упрекали за то, что он вместо того, чтобы воевать против шведов в Норвегии, начал с ними мирные переговоры.

[1] К уже приведенной причине резкого охлаждения между Данией и Россией следует добавить дошедшие до Фредерика IV слухи о нелицеприятных высказываниях о нем П.П. Шафирова и П.А. Толстого.

Долгорукий парировал: *во-первых*, еще до Аландского конгресса датскому королю неоднократно предлагалось действовать сообща, *«но с королевской стороны ни малейшего знака склонности не показано»*; *во-вторых*, представители Дании были приглашены на Аланды, но не приехали; *в-третьих*, Петр объявил о своей готовности прервать переговоры со шведами, если Фредерик IV возобновит союз с Россией не на словах, а на деле, и это объявление остается в силе и поныне; *в-четвертых*, *«всякий может рассудить»*, что для высадки русских войск в Норвегии не было необходимых условий, прежде всего погодных, но царь не отрекся от своего обещания помочь *«при первом возможном случае»*, *«чего же вы еще больше требуете?»*.

В своих докладах в Петербург Долгорукий объяснял позицию Дании ее нежеланием продолжать войну по недостатку денег и стремлением к скорейшему заключению мира со шведами. Но поскольку гарантий мирного исхода не было, Дания опасалась делать ставку только на него и решительно порывать с Россией.

После смерти Карла XII и падения Герца шансы на провал Аландского конгресса резко возросли. Петр, похоже, предчувствуя это, думал о возобновлении полномасштабных военных операций, в которых содействие Дании было бы не лишним. В апреле 1719 года в Копенгаген прибыл специальный царский эмиссар граф П.И. Мусин-Пушкин предложить план совместной военной кампании: флоты двух государств соединяются для захвата острова Готланд, который передается Дании; русские сухопутные войска наступают на Швецию из Финляндии, а датские из Шонии или Норвегии. Королевские министры уклонились от прямого ответа, сказав лишь, что действия на море нужно согласовывать с англичанами, а об остальном не промолвили ни слова. Долгорукий прокомментировал этот ответ так: *«По всем поступкам здешнего двора видно, что король датский хочет для своего облегчения, чтоб войска русские действовали против шведов в одно время с датскими и принудили шведов к скорейшему миру, но не хочет письменного уговора, чтоб не войти в новые с Россией обязательства и тем не рассердить короля английского, также и при будущем заключении мира иметь свободные руки; надеются, что король английский при этом заключении мира много им поможет, особенно в удержании Шлезвига»*.

Однако Петр настаивал именно на «письменном уговоре» и дал (в конце лета 1719 г.) соответствующую инструкцию Долгорукому. Выслушав посла, Фредерик IV сказал: *«Лучше пусть каждый из нас без всяких соглашений действует со своей стороны»*. Вскоре выяснилось, как собирался король «действовать со своей стороны». 30 октября он заключил со Швецией перемирие, после чего мирный договор стал лишь вопросом времени.

Еще надеясь на такое изменение ситуации, которое заставит Фредерика IV передумать, Долгорукий подал ему мемориал с обвинением в грубом нарушении союзнического долга, а затем обратился с настоятельной просьбой не подписывать мира без участия России. Король оправдывал свой шаг безвыходным положением и опасением, что отказ от прекращения войны восстановит против него соседей и союзников, а главное — Англию. Но закончил он разговор с послом красноречивым упреком: *«я не виноват, что неприятель не хочет уступить того, что царское величество хочет удержать из своих завоеваний»*, то есть думает только о собственной выгоде.

Тем не менее считать вопрос окончательно закрытым было рановато.

Первый внешнеполитический результат внутришведского раскола

После гибели Карла XII международная обстановка в Северной Европе стала еще больше зависеть от внутриполитической борьбы в Швеции. За шведскую корону Ульрика Элеонора заплатила свободой принятия решений, в данном случае внешнеполитических. Впрочем, в своем неприязненном отношении к России она была солидарна с элитой государства. Как и в стремлении примириться со всеми врагами Швеции, чтобы заручиться их дипломатической (а возможно, не только дипломатической) поддержкой против царя. Тех, кто выступал против такой стратегии, было мало. Самым последовательным ее критиком являлся граф Бассевич. Он старался убедить стокгольмские власти в том, что Петр слишком могуществен, чтобы тратить силы на борьбу за возвращение Лифляндии и Эстляндии. Зато союз с ним позволит избежать необходимости жертвовать германскими провинциями. Более того, лучшей опоры для шведской демократии, чем Петр, не найти, поскольку он не заинтересован в восстановлении сильной монархии в Швеции.

Однако эти увещевания не смогли перевесить повального стремления к союзу с Францией и Англией. Мира с Россией боялись еще и потому, что он позволит Петру, вопреки предположениям Бассевича, использовать свое влияние для возведения на престол герцога Гольшинского, который считался приверженцем деспотизма.

Противоречивые свидетельства источников затрудняют ясное понимание расстановки политических сил в Швеции, планов главных участников борьбы за власть, их шансов на успех. Как это уже заметил читатель, мы предпочли опираться на воспоминания одного из умнейших наблюдателей тех событий — графа Бассевича. Но и у него концы с концами не всегда сходятся. В частности, в одном месте он пишет о весьма апатичном отношении Карла-Фридриха Гольштинского к возможности занять престол, в другом — о его *«любви к деспотизму»*. Утверждение о проницательном уме герцога плохо согласуется с его неумением привлечь к себе влиятельные слои общества. Вместе с тем многие аспекты внутриполитической жизни Швеции в этот период Бассевич представляет во всей их противоречивости и парадоксальности, демонстрируя глубокое знание предмета. Его наблюдения раскрывают картину крайне неустойчивых настроений в шведских правящих кругах и обществе, порождаемых интригами, подозрениями, столкновением личных интересов. И эти точные зарисовки тем более ценны, что сам Бассевич был далеко не беспристрастным современником и участником тех событий.

С коронованием Ульрики Элеоноры внутриполитическая жизнь в Швеции не стабилизировалась. Угроза прихода к власти Карла-Фридриха сохранялась благодаря гольштинской партии при шведском дворе, которая еще не потеряла надежду. От ее имени Бассевич предложил герцогу поддержать королеву, с тем чтобы она объявила его наследником престола (который и без ее объявления являлся таковым). Нуждаясь в легитимации своей власти, полученной путем сговора с Сенатом в обход прямого наследника бездетного Карла XII, Ульрика поначалу не отвергала такую комбинацию. Но тут же нашлись люди в правительстве, принявшиеся отговаривать ее. Это было нетрудно, поскольку она собиралась сделать Фридриха Гессенского своим фактическим соправителем, а затем передать ему корону. К рациональным соображениям Ульрики

примешивалось чувство давней и глубокой личной неприязни к своему племяннику (Карлу- Фридриху Гольштинскому).

Источником самых больших проблем для королевы была она сама. Монархические инстинкты брали верх над конституционными обещаниями. Ульрика быстро испортила отношения с влиятельнейшими политиками Швеции, в первую очередь с могущественным и популярным в народе канцлером Арведом Горном (Хорном). Фридрих Гессенский, имевший огромное влияние на супругу, порой подавал Ульрике советы, лишь осложнявшие ее положение.

От падения королеву во многом спасало безволие Карла-Фридриха и нерешительность его гольштинских приверженцев. Единственное, что предлагали его министры (за исключением Бассевича) — продать свое отречение от престола как можно дороже (титул «королевское высочество», наследный земельный удел и пенсия на содержание его «двора»). Герцог согласился, и уже это было признанием поражения. А с проигравшим в политике не церемонятся. Подвергшись гонениям шведского правительства, он решил уехать в Германию в поисках пристанища. Рядом с ним остался лишь Бассевич. Остальные министры покинули его, отказавшись от *«тяжелой обязанности поддерживать в иностранных землях государя без владений, без денег, без союзников»*.

Но союзник, желающий приютить изгоя, нашелся. Петр пригласил Карла-Фридриха в Петербург, заверив герцога в поддержке его законных притязаний на шведскую корону или (по словам Бассевича), по крайней мере, его прав на возвращение наследственных гольштинских владений. В официальном письме к герцогу, нашедшему временное прибежище в Гамбурге, говорилось, что в русской столице он найдет *«все необходимые удобства до тех пор, пока Небо не воздаст должного ему по правам его высокого рождения»*. Не отказывая царю в чувстве милосердия, подчеркнем все же прежде всего политическую подоплеку этого приглашения. Пребывание при царском дворе законного преемника Карла XII давало Петру рычаг давления на Ульрику Элеонору и шведское правительство в вопросе о мире, возможность заставить Стокгольм отказаться от своих территориальных требований к России.

Карл-Фридрих колебался. Отчасти под влиянием внушений о том, что Россия дикая страна, не жалующая иностранцев. Отчасти из-за нежелания прослыть союзником Петра, не скрывавшего своих планов нанести по Швеции сокрушающий удар. По Швеции, которую герцог считал своей родиной и которую, несмотря ни на что, любил. Поэтому он решил выждать, понимая, однако, что в перспективе поддержка могущественного царя может ему пригодиться. В ответном послании к Петру Карл-Фридрих писал, *«что чувствительный к его милостям, он принимает с благодарностью предложение его высокого покровительства и не преминет со временем лично явиться для выражения своей признательности у подножия царского престола; но что, в качестве имперского князя, ему необходимо предварительно испросить согласие на то главы Империи и обратиться* (к нему. — *В. Д.*) *за помощью для возвращения своих наследственных земель»*.

Возможно, Карл-Фридрих преодолел бы свои сомнения, если бы получил четкий ответ на поставленный перед Петром вопрос, какие именно политические обязательства возьмет на себя царь, если гольштинский изгнанник вверит свою судьбу в его руки. Государь сказал, что *«дружески и отечески будет заботиться об интересах герцога»*. Ничего более определенного он себе позволить не мог. Решительное вмешатель-

ство в шведские внутренние дела с использованием своего ставленника царь приберегал на крайний случай. Выбрать подходящий момент для этого он предпочитал сам, сообразуясь с изменчивыми обстоятельствами и не сковывая свою свободу заранее данными конкретными обещаниями.

Оставить за собой свободу действий хотел и Карл-Фридрих, остававшийся сердцем и душою шведом. Его глубоко покоробила высадка русских войск в Швеции в июле 1719 года и причиненный стране ущерб более чем на 20 млн талеров. Друзья герцога из гольштинской партии, все еще надеявшиеся на его приход к власти, умоляли его не навлекать на себя всенародную ненависть связями с жестокой Россией, чтобы тем самым не отдать корону в руки принца Фридриха Гессенского. Нужно ориентироваться на Англию, Австрию и Францию, на то, что «гольштинцы» называли *«великим союзом»*. Угнетенный происшедшим, герцог немедленно отозвал из Петербурга своего представителя Штамке и собрался ехать в Вену.

Между тем страх перед Россией и надежды на посулы Лондона вынудили Ульрику Элеонору согласиться на заключение 9(20) ноября 1719 года договора с Ганновером. Ее не остановила не только перспектива утраты Бремена и Вердена, но и статья восьмая этого документа, в силу которой Георг I, как английский король и ганноверский курфюрст, брал на себя *«поручительство в пользу герцогского гольштейн-готторпского дома»*.

Ульриха Элеонора цеплялась за военную помощь, обещанную Англией для обороны Швеции, как за соломинку, и больше всего опасалась того, что эта помощь придет тогда, когда, по выражению В.Л. Долгорукого, *«уже оборонять будет нечего»*. В таком случае волей-неволей придется возобновлять прямые переговоры с Россией и принимать ее условия.

Прусский король меж двух огней: погреть руки возле одного и не получить ожоги от другого

После восемнадцати лет войны в европейской ситуации по-прежнему не было ничего устойчивого и предсказуемого, кроме, пожалуй, растущего желания ряда держав вернуть границы России к довоенному состоянию. Огромная трудоемкость этой задачи нисколько не охлаждала страсть, с которой пытались ее решить, прежде всего, путем полной дипломатической изоляции России. В такой обстановке с виду самые надежные союзные отношения между Петербургом и Берлином подвергались серьезным испытаниям. Прусский двор не переставал открыто или косвенно спекулировать на том обстоятельстве, что он считался единственной опорой Петра в Европе, и позволял себе завуалированный шантаж с целью добиться от царя абсолютных гарантий удовлетворения территориальных притязаний Пруссии, пусть и в ущерб интересам России. Подтекст намеков Берлина был таков: если он не получит этих гарантий от Петербурга, то будет искать их в Вене, Лондоне, Париже, Стокгольме, то есть пожертвует русско-прусским союзом.

Намеки подтверждались настораживающими фактами. В 1719 году к Фридриху-Вильгельму приехал президент военного совета Империи принц Евгений Савойский для тайных переговоров. С той же целью английский король прислал в Берлин своего

эмиссара, опытнейшего дипломата Чарльза Витворта. Почти в это же время прусский посол в Париже Книпгаузен прекратил всякое общение со своим русским коллегой Шлейницем.

Петр не хотел ни раздувать эти факты, ни делать вид, будто он их не замечает. Царь отправил к Фридриху-Вильгельму специального уполномоченного А.Г. Головкина для получения объяснений. В январе 1719 года посол, встретившись с королем, начал беседу с просьбы откровенно высказаться о том, как Пруссии и России выгоднее вести себя в шведских делах — поддерживать герцога Гольштинского или принца Гессенского? Король сказал, что пока еще рано открыто принимать сторону какой-либо партии, но в принципе можно сладить и с той, и с другой. Главное сейчас — ждать верных новостей из Швеции и *«больше прежнего вместе держаться»*.

Эта фраза позволила Головкину сделать естественный переход к теме единства и дать понять, что предстоящий визит принца Савойского плохо вяжется со словами короля. В ответ Фридрих-Вильгельм заявил: *«Я вас паролем обнадеживаю, что против царского величества ни во что не вступлю и о всех предложениях откровенно сообщу, ибо одного только в свете имею друга, его царское величество, на которого впрямь надеяться могу, и взаимно его величество на меня твердо надеяться может, и в том, верно, пока жив, стоять буду; только и с другой стороны, смотря по положению земель моих, принужден я наружную дружбу соблюдать и остерегаться, чтоб ни цесарю, ни цесарству не подать причины к вражде, а саксонцы, несмотря на то, что они великие интриганы, ничего мне не сделают, когда я с царским величеством буду в крепком союзе»*. Король, как мы помним, не впервые давал такую клятву, что не мешало ему искать для Пруссии выгоды вне союза с Россией.

Ильген был с Головкиным более прямолинеен. Он сказал, что в вопросе о мире со Швецией Петербургу и Берлину нужно непременно опередить всех союзников, *«иначе будет поздно, особенно нам* (пруссакам. — *В. Д.*)». Это означало только одно: царь должен ради скорейшего заключения договора поспешить, уняв свои «чрезмерные» притязания, которые грозят помешать Пруссии получить желаемое, поскольку чем больше достанется Петру, тем меньше перепадет Фридриху-Вильгельму. Головкин указал на тщетность таких опасений, пока король остается верным союзу с царем; государь и так спешит с подписанием договора, но добывать мир с *«уроном»* для себя не будет.

В апреле Фридрих-Вильгельм перешел почти к открытому давлению на союзника, сообщив Головкину, что английский король прислал к нему своего посла Чарльза Витворта с предложением порвать с царем в обмен на помощь Лондона в приобретении Штеттина. Русский дипломат заметил на это: у Англии одна цель — разлучить Россию и Пруссию, надеяться на ее обещания бесполезно, и ближайшим тому подтверждением является не выполненное Георгом I обещание предоставить Фридриху-Вильгельму военно-морскую помощь для проведения штральзундской операции. Прусский король, однако, продолжал гнуть свою линию, и делал это весьма искусно, под прикрытием согласия с Головкиным в том, что англичанам верить нельзя. *«Пусть царское величество*, — говорил он, — *будет благонадежен, что я его ни на короля английского, ни на кого другого не променяю. Я англичанам в обман не дамся, и так довольно меня провели»*. И тут же он настаивает, чтобы Россия отказалась от Лифляндии во имя скорейшего достижения мира, иначе участники Северного альянса, помирив-

шись со шведами, объединятся с ними против русско-прусского союза. Бояться такой перспективы, по мнению Фридриха-Вильгельма, заставляет упорное нежелание Стокгольма заключать с Россией и Пруссией мирный договор. Головкин возразил, что у царя достаточно сил, чтобы принудить шведов к миру не только военным наступлением, но и торговой блокадой, к которой, как надеется государь, присоединится и Пруссия, запретив вывоз хлеба из своих портов. Король отказался присоединяться к блокаде, поскольку, по его собственному признанию, не хотел покупать мир столь дорогой ценой, ценой нанесения ущерба прусской экономике.

В Петербурге почувствовали, что над союзным договором в очередной раз нависла угроза. Допустить этого Петр не хотел. В помощь сравнительно деликатному А.Г. Головкину в Берлин был направлен П.А. Толстой (прибыл к месту назначения 15 июля), многоопытный дипломат, умевший стоять на своем. На первой аудиенции посол объявил цель приезда — передать твердое убеждение государя о недопустимости заключения между Пруссией и Англией какого-либо трактата без участия России ввиду наличия соответствующих обязательств со стороны Берлина; если планируется двусторонний договор, то он должен стать трехсторонним, с участием Петербурга. Фридрих-Вильгельм пытался успокоить Толстого очередным заверением, что не сделает *«ничего противного царскому величеству»*. Не вступая в дальнейшую дискуссию, посол предъявил царскую грамоту. Смысл документа Толстой передал в разговоре с Ильгеном и его коллегами по кабинету: *«если вы вопреки моим представлениям договор с Англией заключите, то я, не вступая больше ни во что* (в дальнейшие объяснения. — *В. Д.*), *отсюда уеду, и царское величество в поступке вашего двора не только увидит противность, но и будет считать себя освобожденным от всех обязательств с прусским двором»*.

Собеседники Толстого возмущались, что грамота полна, как они выражались, *«жестоких экспрессий»*, то есть похожа на ультиматум, между тем Фридрих-Вильгельм волен вступать в соглашения с кем хочет, не спрашивая царского дозволения.

Посол заметил, что Петр никому не угрожает, он лишь *«выставляет на вид вредные последствия договора»*, из которого исключена Россия. Если предстоящее соглашение не вредит царю, то для чего обходить Петербург?

Этим вопросом Толстой заставил пруссаков открыть почти все карты, во всяком случае, сказать больше, чем им хотелось бы. Берлинские министры старались смягчить предательскую суть сближения с Англией, убеждая посла, что они делают это только для того, чтобы заручиться доверием Георга I и проложить для России дорогу в прусско-английский союз. Попытка утаить шило в мешке была обречена, тем более что пруссаки не скрывали нежелания Англии иметь дело с царем из-за его вмешательства в дела Испании и помощи якобитам. После всякого рода словесных ухищрений берлинскому двору ничего не осталось, как «оправдывать» логику своего отступничества единственно возможным способом — сказать правду. А она была простой и циничной. Министры заявили Толстому: мы не в силах отказаться от предложения английского короля (не курфюрста ганноверского) гарантировать нам приобретение Штеттина с округом в обмен на наше согласие на присоединение к Ганноверу Бремена и Вердена, а также на признание Берлином права на британский престол за ганноверской династией, по пресечении которой оно перейдет к прусскому дому. Был у этого заявления и подтекст: союзнические обещания Петра вилами по воде писаны,

а Георг I предлагает реальную сделку, поэтому выбор между царем и королем пришлось сделать в пользу последнего. Окончательного решения Фридрих-Вильгельм еще не принял, но все шло к тому.

Ильген умолял Толстого (читай — царя) войти в положение Пруссии, высказывая тщетную надежду, что царское величество не станет лишать ее великих выгод, предлагаемых Англией. Министр продолжал нести околесицу не только о безвредности, но и о полезности прусско-английского договора для России. Толстой, уставший от этого словоблудия, предложил берлинскому кабинету *«зрело поразмыслить и выбрать — русскую или английскую дружбу»* и решать поскорее; если предпочтете Англию, *«то мне»*, — отчеканил посол, — *здесь больше делать нечего»*.

Положение Пруссии, надо признать, было крайне затруднительным. Соблазн урвать по максимуму перемежался со страхом остаться у разбитого корыта, что вполне реально, когда имеешь дело с такой интриганкой, как Англия. Кроме сомнений, душа Фридриха-Вильгельма испытывала некое подобие угрызений совести. Да и шутка ли: после стольких клятв, данных Петру, взять и открыто разорвать прусско-русский союз ради (пока еще) эфемерных обещаний Лондона. Понимая, насколько порой несовместимы мораль с политикой, Фридрих-Вильгельм по-человечески все же чувствовал и переживал свою вину перед Петром.

Поскольку говорить с Головкиным королю было сподручнее, он пригласил русского дипломата к себе и объявил о своем намерении дать царю письменное заверение в том, что договор Пруссии с Англией безвреден для России, без которой Берлин никогда не помирится со Стокгольмом. Головкин в ответ лишь повторил ранее сказанное Толстым.

Май, июнь, июль 1719 года прошли в нудных переговорах. С русскими уполномоченными попеременно встречались Фридрих-Вильгельм и его министры Ильген и Книпгаузен. Позиции сторон не сдвинулись ни на йоту. С прусской стороны повторялась мысль, что берлинский двор просто никак не может упустить тех *«великих выгод»*, что предлагает ему Англия. Затем Фридрих-Вильгельм, понимая несостоятельность этого торгашеского довода, стал говорить о прямой военной угрозе в адрес Пруссии, к которой прибегли Вена и Париж. Карл VI, по мнению короля, считал прусско-русский союз направленным против него, и если Фридрих-Вильгельм не докажет обратное путем соглашения с Георгом I, то будет *«разорен»* Австрией, Англией и Францией. *«Неужели царское величество пожелает мне беды?»* — вопрошал король.

Эта патетика, равно как и клятвы в том, что дружба с Лондоном будет *«только по наружности»*, а с Петербургом — настоящая, не подействовали. Толстой потребовал отпускной грамоты, но король ее не дал из опасения вконец рассориться с царем, когда не все еще ясно. Находясь меж двух огней, он хотел погреть руки возле одного и не получить ожоги от другого: ведь Петр располагал большими возможностями крупно навредить Пруссии, в той же Польше.

В начале августа в Берлин пришло сообщение, что текст ганноверско-шведского мирного договора уже готов, и предусматривает он передачу курфюрсту Георгу I Бремена и Вердена. Кроме того, в стадии обсуждения вопрос о возобновлении прежнего оборонительного союза между Лондоном и Стокгольмом. Британский король посылал Фридриху-Вильгельму четкий сигнал: дележ шведского наследства начался, и если он хочет получить Штеттин, должен поторопиться. Соблазн пересилил страх

перед царем. 4 августа 1719 года прусские министры подписали с Англией два договора. Первый — о возобновлении союза между Лондоном и Берлином. Второй — о взаимных гарантиях, обеспечивающих права договаривающихся сторон на завоеванные ими шведские земли.

Теперь перед Фридрихом-Вильгельмом во весь рост встала другая проблема: как объясниться с Петром так, чтобы не сделать его своим открытым врагом, сдержать естественное негодование царя столь неприкрытым предательством. Новость о свершившемся факте король пытался подать так, чтобы хоть как-то смягчить естественную реакцию Петра. *«Скажу вам правду*, — заявил он Толстому и Головкину, — *что договор министрами подписан, но еще не ратификован, и подписан условно, что если я Штеттин не получу, то договор не будет иметь никакой силы; в договоре не только ничего противного царскому величеству нет, но я сделал письменную протестацию, что ни во что против царского величества не вступлю, и надеюсь, что царское величество по своему правосудию и высокой склонности, которую ко мне всегда обнаруживать изволил, не поставит мне в нарушение дружбы и обязательств, когда я получу себе выгоды без вреда его интересам. Не поступлю я с царским величеством так, как английский король, который теперь уже явно с Швециею против России соединился; я, пока жив, царскому величеству истинный друг и ничего противного ему не предприму, разве царское величество меня в том упредит, чего, однако, не думаю, ибо имею честь знать его великодушное сердце. Меня цесарский и английский двор обещанием великих выгод покушались против царского величества возбудить, однако я ни на что не посмотрел; а саксонцы внушают мне, будто они с царским величеством согласились, чтоб меня лишить королевского достоинства и эльбингской претензии, но я ничему не верю, ибо царское великодушное сердце знаю»*.

Перед нами во многом типичный дипломатический документ своего времени. Он любопытен теми елейными словесными формами, которыми прикрывалась его гнусная суть. И теми «тонкими» намеками, с помощью которых Фридрих-Вильгельм, поступивший постыдно, старался представить Петра чуть ли не как своего морального должника.

Король и его министры, как и раньше, расходились в вопросах, так сказать, дипломатической щепетильности. Первый все же старался заботиться о тональности передачи Петру дурных известий, пытаясь сопроводить их ручательствами, что они не такие уж и дурные. Ильген церемонился меньше. *«С вашей стороны*, — упрекал он Толстого, — *мы видим только жестокие поступки к себе, нималого авантажа себе искать нам не позволяете, а с другой стороны, король английский делает нам всякую угодность; предки наши гораздо бессильнее нас были, однако себя безобидно* (в обиду не давались. — *В. Д.*) *содержали, и король мой имеет 60 тыс. войска и не без друзей»*. Толстой отвечал, что прислан царем трудиться о сохранении старой дружбы, но если у Берлина на повестке дня ее разрыв в угоду новым друзьям, то ему ничего не остается, как поскорее вернуться домой и доложить обо всем государю. Ильген, сообразив, что нужно унять свои эмоции, попросил Толстого остаться, ибо Чарльз Витворт хочет вступить с ним в переговоры при посредничестве Фридриха-Вильгельма. Смысл ответа русского посла: в сложившейся ситуации, когда договор с Англией уже подписан без участия России и ждет лишь ратификации, говорить с Витвортом не о чем.

Тогда Ильген выложил последний, припасенный на крайний случай довод в надежде, что он сделает отъезд Толстого из Берлина менее скандальным. Министр предложил заключить новую русско-прусскую конвенцию, направленную против Августа II и его планов включения Речи Посполитой в Венский союз (Австрия, Ганновер, Саксония) и превращения Польши в наследственную монархию. Фридрих-Вильгельм обязывался всеми силами воспрепятствовать этому, в том числе ежегодными ассигнованиями по 100 тыс. талеров. Такое предложение представляло для Петра определенный интерес, но оно не являлось полноценной заменой русско-прусского союза и не снимало подозрений относительно неприятных для России перспектив развития отношений между Берлином и Лондоном. Эти подозрения усилились в октябре 1719 года, после отъезда Толстого, в связи с намерением Фридриха-Вильгельма отправиться в Ганновер для свидания с Георгом I. Встревоженный Головкин обратился к Ильгену с просьбой сопровождать короля, но получил отказ. «*Ильген!* — писал Фридрих-Вильгельм своему министру. — *Уверь графа Головкина, что не сделается ничего противу царя ни прямо, ни непрямо, что я еду не за делами, но только видеться с тестем* (прусский король был женат на дочери Георга I. — *В. Д.*), *а иначе я взял бы министров; а граф Головкин худо делает, что при мне ехать хочет, лучше ему оставаться, ибо ему там не будет без противности*». Ильген не отказал себе в удовольствии показать послу это письмо, которое могло лишь добавить горечи в русско-прусские отношения. И все же, несмотря на такие услужливые пакости со стороны берлинских министров, Толстой возвращался домой не совсем с пустыми руками.

Карты на стол: польско-шведская конвенция

В Польше после ухода русских войск позиции Августа II вновь ослабли, чего нельзя сказать о его дипломатической активности, направленной на объединение европейских держав против России. На международной арене он был вынужден действовать не как польский король, а как курфюрст саксонский. Идея о большой антирусской коалиции родилась у Августа давно. Теперь, с провалом попытки создания в Польше всенародного ополчения, он сосредоточился на этой идее целиком. Предполагалось, что союз вначале объединит Августа II, Карла VI и Георга I, а затем в него будут вовлечены Речь Посполитая (Республика) и Пруссия.

Долгорукий стремился растолковать польским магнатам и сенаторам очевидное: союз направлен против России прежде всего потому, что она является препятствием планам короля сделать из Польши абсолютную монархию. Секрет Полишинеля привел шляхту, по словам посла, *«в великое размышление* (сомнение. — *В. Д.*)». Долгорукий не позволял себе удовлетвориться этим результатом, который, как и все, что было связано с общественными настроениями поляков, мог быстро обернуться своей противоположностью. Не собирался он успокаивать и Петра, призывая его предпринять ряд шагов для нейтрализации замыслов Августа. *Во-первых*, во что бы то ни стало удержать берлинский двор от разрыва с Россией, которого упорно добивались саксонские министры. *Во-вторых*, обновить мирный договор с Портой, постоянно побуждаемой к войне против царя. *В-третьих*, не допустить, чтобы маятник польских настроений

[1] Король даже обещал дать войска для пресечения самодержавных планов Августа.

вновь качнулся в пользу Августа. *В-четвертых*, не худо было бы поддержать Испанию в войне против Четверного союза (куда входили все враги России).

В начале января 1719 года у польского короля, казалось, появились основания считать, что он взял реванш за несостоявшееся *«посполитое рушение»*. Пятого числа, благодаря усилиям Флемминга, в Вене был подписан договор между Австрией, Ганновером и Саксонией. Стороны согласились действовать совместно против любых попыток царя ввести войска на польскую территорию даже с целью просто пересечь ее по пути в Пруссию. Хотя Георг I подписал трактат в качестве ганноверского курфюрста, обещание применить против России военно-морские силы на Балтике он давал уже как английский король. Условились также отобрать у Петра Эстляндию и Лифляндию, оставив ему только Петербург, а Киев и Смоленск отдать Польше.

Лицемерие в дипломатии — обычный прием, который, правда, применяется с разной степенью вдохновения. Вернувшийся из Вены Флемминг, только что подписавший коалиционный договор, врал Долгорукому столь самозабвенно, что его слова стоит процитировать. Выражая возмущение очернением, которому он подвергся в глазах Петра, министр заявил о своем верном и неизменном служении царю, как собственному королю. *«По делам своим,* — божился Флемминг, — *я светел, а не темен»*. И он был бы совершенно прав, если бы имел в виду свою открытую деятельность против России. Но Флемминг-то вкладывал в сказанное совсем иной смысл. На кого он рассчитывал — загадка, поскольку Долгорукий никогда не давал оснований подозревать в нем наличие столь богатых запасов простодушия. Чтобы еще раз напомнить, с кем Флемминг имеет дело, русский посол ответил с иронией: *«а ваши дела как будут светлы пред царским величеством, это скоро покажет время»*.

Последствия «светлых дел» саксонского министра не заставили себя ждать. Венский договор, видимо, произвел воздействие на впечатлительную часть польской элиты. Долгорукому предъявили чуть ли не ультиматум по курляндскому вопросу. Как было заявлено послу, после смерти герцога Фердинанда Кеттлера Август и Речь Посполитая никого не допустят на престол Курляндии, присоединят ее к Польше и разделят на воеводства; если царь хочет восстановить добрые отношения с поляками, то ему не следует отдавать герцогство маркграфу Фридриху Вильгельму Бранденбург-Шведтскому, то есть фактически под протекторат прусского короля.

Пропагандистская война между саксонской и русской дипломатией развернулась с новой силой. Август внушал высшим сословиям Польши, что Петр настраивает Республику против короля с одной целью — склонить ее к приглашению русских войск и содержанию их за счет поляков. Долгорукий же убеждал знать, что это Август хочет вновь ввести свою армию в Польшу якобы для защиты от России, а на самом деле для утверждения наследственной неограниченной монархии.

У короля, в отличие от русского посла, было больше рычагов воздействия на настроения социальных верхов. Он тратил огромные деньги на подкуп, раздавал полякам доходные государственные должности и таким образом, как доносил Долгорукий, *«многих к своей стороне приводит»*. Посол жаловался на отсутствие денег на то, чтобы проводить такую же политику.

Однако деньги решали не все. Знать больше верила Долгорукому, утверждения которого о замыслах Августа полностью совпадали с ее собственными подозрениями. Это отнюдь не означало, что магнаты и шляхта были готовы сделать выбор в пользу

России. Вольно или невольно они лавировали между двумя силами. Разногласия внутри правящего класса усиливали его колебания в вопросах внешней политики. Август, помимо всего прочего, пугал поляков своей связью с Австрией, а Петр — союзом с другим немецким государством — Пруссией. Оказавшись меж двух огней, властная верхушка Речи Посполитой была вынуждена выбирать меньшее зло, но при этом не делать на него долгосрочную ставку. Прагматизм в таком поведении безусловно присутствовал, и он, возможно, позволил бы Польше выжить, если бы у нее нашлись способы справиться с мощными центробежными факторами социально-политического, экономического, религиозно-культурного и этнического характера.

Личная переписка, между Августом и Петром, в которой они обычно пытались сгладить острые углы, вновь стала жесткой. Царь требовал от короля *«откровенного изъяснения»* относительно его неприкрытой враждебной деятельности против России, грозя принять соответствующие ответные меры. На это Август отвечал *«в грубых и гордых выражениях»*, показывая, насколько он обижен обвинениями, порожденными возведенной на него *«сущей клеветой»*, и со своей стороны угрожая найти способы к защите своей безопасности. Король признался, что заключил союз с Георгом I, и советовал Петру сделать то же самое. Это был намек на то, что за него есть кому вступиться, если царь решится на «применение мер». Еще одним намеком на собственную значимость явилось письмо от 7 декабря 1719 года, которым Август торжественно уведомлял Петра о полученном им от цесаря приглашении к участию в Брауншвейгском конгрессе, советуя царю тоже приехать туда. Этот совет звучал несколько издевательски, учитывая, что Петра персонально на этот конгресс не позвали. Видимо, король не без удовольствия давал понять: Вена считает возможным обсуждать важные европейские проблемы без русского царя, но не без польского короля. Петр уловил «юмор» и ответил, что он не только сам не собирается в Брауншвейг, но и его министрам там нечего делать. Именно такой подтекст мы усмотрели в письме Августа и в ответе царя, хотя это, возможно, и натяжка.

В августе 1719 года польский король женил своего сына и наследника (будущего Августа III) на племяннице Карла VI эрцгерцогине Марии Австрийской. На пышной свадьбе в Дрездене собрался цвет европейской дипломатии. Приехали и видные польские паны. Совмещая приятное с полезным, Август завел с ними разговор о том, как было бы выгодно для Речи Посполитой присоединиться к недавно подписанному Венскому трактату и надежно защитить себя от властолюбивых амбиций царя. Но польские гости ответили молчанием, поскольку, как полагал С.М. Соловьев, немецкая (австро-саксонская) дружба вызывала у них подозрения.

Венский договор и установление родственных отношений с цесарем создали лишь видимость укрепления международных позиций Августа, доказательством чему станут последующие события. Что касается их влияния на внутриполитическую ситуацию в Польше, то оно скорее ослабло. Иначе трудно объяснить, почему крупные польские деятели зачастили в гости к Долгорукому. Епископ Потоцкий, подкоморий коронный Любомирский, писарь литовский Сапега и другие представители родовитых кланов пришли просить о помощи России в случае, если Август при поддержке цесаря начнет силой осуществлять свой план упразднения Республики и установления абсолютизма. Правда, их настораживал русско-прусский союз, и об этом русскому послу было откровенно заявлено. Долгорукий говорил, что их опасения отно-

сительно берлинского двора напрасны. Россия и Пруссия помогут полякам сообща, ничего не требуя взамен. Царь, обещал посол, ручается, что сам не возьмет ни пяди польской земли и никому другому не позволит.

О том, что в настроениях верхов Речи Посполитой наметился сдвиг не в пользу Августа, говорит тайный визит к Долгорукому (август 1719 г.) равского старосты полковника Яна Грудзинского, того самого Грудзинского, который семь лет назад яростно воевал против русских войск на стороне шведов. Теперь он пришел проситься под царское покровительство, обещая служить Петру так же верно, как служил Карлу XII.

Отмечая «сдвиг в настроениях», не будем упускать из виду один нюанс. Польские чины посещали Долгорукого украдкой, а это подводит к мысли, что они опасались тех элитных групп, которые выступали либо на стороне Августа, либо против как короля, так и царя. Кто были эти люди, насколько твердо они придерживались своих взглядов и в какую сторону могли качнуться скорее всего? Чтобы глубже разобраться в этом, Петр послал в помощь Долгорукому полковника Дмитрия Еропкина. Ему, в частности, предписывалось выяснить расклад «симпатий» в гетманской среде и конкретные замыслы короля. Нужно было на месте еще раз проверить правдивость заверений маршалка Сандомирской конфедерации Станислава Денгофа о желании гетманов перейти под царскую протекцию.

На тайной встрече (опять тайной) с Еропкиным Денгоф подтвердил свои слова, но сказал, что решать этот вопрос можно только на сейме, назначенном на конец декабря 1719 года. Как явствует из их разговора, просьба о покровительстве будет направлена в Петербург при условии, если Август объявит о намерении воевать против России вместе со своими союзниками. Денгоф сообщил о попытке короля успокоить поляков заявлением о том, что Венский договор он подписал как саксонский курфюрст, поскольку якобы не хочет втягивать Республику в тройственный союз. При появлении малейших признаков подготовки войны, добавил гетман, царь незамедлительно получит прошение о покровительстве. Считая нецелесообразным поднимать этот вопрос до времени, он вместе с тем предложил держать русские войска на границе в полной боевой готовности. И наконец, если у Петербурга есть документы, обличающие замыслы Августа, направленные против республиканского строя в Польше, их, по мнению Денгофа, нужно опубликовать, чтобы возбудить б*о*льшую ненависть к королю и дать оппозиции повод к учреждению новой конфедерации.

Гетман подавал польскую внутриполитическую ситуацию под собственным углом зрения и, вероятно, руководствуясь собственными интересами и антипатиями. Некоторые его оценки противоречили друг другу, не проясняя картину, а затуманивая ее. Впрочем, этому есть оправдание: находясь в гуще быстротечных и калейдоскопичных событий, зачастую теряешь из виду их суть. В одном случае Денгоф убеждал Еропкина в тяготении гетманства к союзу с царем, в другом выяснялось, что ключевые фигуры польской политики подозрительны или *«совершенно при королевской стороне»*. Подтверждения этому Еропкин получил, приехав к великому гетману литовскому Поцею, который советовал царскому эмиссару проявлять осторожность в выборе тех, кого он хотел посетить, ибо далеко не все будут рады его видеть. Да и сам Поцей предпочел уйти от темы русского покровительства. В общем, никаких особых новостей Еропкин в Петербург не привез.

Впрочем, имелась все же одна новость, в которой, правда, не было ничего неожиданного. Заключалась она в том, что история взаимоотношений между Августом II и Петром I, начавшаяся в Раве Русской столь обнадеживающим образом, подошла к своей закономерной и плачевной кульминации. В декабре 1719 года польский король заключил со Швецией тайную конвенцию, которая, несмотря на свое отличие от полновесного договора, очень важна для проникновения в замыслы Августа II и, возможно, для определения степени причастности к ним Лондона. В силу этого соглашения между Польшей и Швецией прекращалось состояние войны на условиях отказа от взаимных претензий и восстановления Оливского мира 1660 года. Стокгольм признавал Августа II польским королем, отказываясь от поддержки притязаний Станислава Лещинского, который в порядке отступных получал миллион злотых. Четвертой и шестой статьями стороны обязывались содействовать *«сохранению свободы Польши»* и *«соединиться, дабы привесть в надлежащие пределы могущество Царя Российского»*.

Конвенция указывала на бесповоротно изменившиеся приоритеты Августа II. Если раньше способ достижения своих целей он искал в союзе с Россией против Швеции, то теперь этот способ видится ему в союзе со Швецией против России. Ссылка на Оливский договор еще глубже раскрывает нам логику польского короля: пусть уж Лифляндия вернется к Швеции, чем достанется Петру. Соседство со шведскими владениями для Польши безопаснее. Кроме того, отказ от претензий на эту территорию можно обменять на важные политические услуги со стороны Стокгольма и других европейских дворов в виде, к примеру, признания Августа II самодержавным, наследственным монархом.

Конвенция была единственным из трех сепаратных договоров 1719 года актом, предусматривавшим не только примирение сторон, но и их объединение против общего врага, который впервые назван по имени.

Европейское равновесие по-английски

Наибольшие препятствия для Петра создавал Лондон. Уже несколько лет он проводил политику перенацеливания дипломатических и военных усилий Северного союза со шведского направления на русское. Свою главную задачу Англия видела в том, чтобы изолировать Россию, заставить Швецию подписать сепаратные мирные договоры со всеми ее противниками, кроме Петра, и объединиться со Стокгольмом в борьбе против территориальных притязаний царя и его стремления играть более значительную роль в Европе и на Балтике. Пока был жив Карл XII, осуществление этого плана наталкивалось на непредсказуемый нрав короля и на антибританскую позицию его ближайшего советника Герца. Но и в такой ситуации англичане активно работали с той частью шведской элиты, которая разделяла их взгляды, и ждали своего часа.

В декабре 1718 года дождались, и через несколько месяцев (летом 1719 г.) англо-шведские переговоры приобрели динамику и перспективу. Ульрика Элеонора склонялась к принятию английских предложений. 29 августа 1719 года между Англией и Швецией был заключен предварительный договор о военном союзе.

Русский посол в Лондоне Федор Веселовский (брат Авраама Веселовского) полагал, что Ганновер представляет скорее личный интерес для Георга I, чем для Англии,

в которой часть правящих кругов и общество считали неоправданным воевать против России ради расширения территории королевской вотчины в Европе. Не то чтобы кто-то не понимал значение присоединения к Ганноверу Вердена и Бремена, как стратегически важного выхода к Северному морю. Вопрос стоял о цене такого приобретения для Англии.

Как бы то ни было, Веселовский пытался сыграть на самолюбии английских политиков, укоряя их в том, что Англия управляется из Ганновера, министры которого, руководствуясь своими корыстными видами и личными страстями, хотят поссорить ее с Россией и Пруссией и объединить в военный союз со Швецией. Как явствует из бесед Веселовского с английским госсекретарем Стенхоупом, эти доводы не подействовали, по крайней мере на людей, причастных к принятию государственных решений. Но сам по себе обмен мнениями между послом и госсекретарем очень показателен с точки зрения понимания всей остроты русско-английских противоречий. Исключительно откровенный диалог между ними мы, вслед за С.М. Соловьевым, воспроизводим почти без изъятий.

Веселовский: *«Царские войска выведены из Мекленбурга; несмотря на то, ганноверские министры не перестают клеветать на царское величество, приписывая ему враждебные намерения против цесаря, империи, Польши, чтоб прикрасить этим свой договор, заключенный в Вене, и особенно чтоб поссорить Россию с Англией. Но их коварства опровергнуты перед целым светом великодушным поступком нашего государя, который оставил интересы своего ближнего свойственника, герцога мекленбургского, для сохранения спокойствия в Германии. С Англией царское величество поступает всегда доброжелательно и надеется, что она не пойдет против его интересов. Но если он обманется в своей надежде, если Англия заключит хотя оборонительный союз с Швецией, то он будет смотреть на это как на объявление войны».*

Стенхоуп: *«Мы имеем причины опасаться, что у царского величества нет доброжелательных намерений в отношении Англии; мы основываем свои опасения не на лживых внушениях ганноверских министров, но на подлинных известиях, что эмиссары претендента (Стюарта) не только живут постоянно при дворе царском, но трактуют с министрами об интересах претендента; как же после того Англия может иметь мнение о добрых намерениях царского величества? Видим и другие доказательства нерасположения царского величества к Англии: нашим купцам запрещен свободный торг с Швецией; и если с русской стороны продолжится намерение лишать торговли своих приятелей, то мы наконец принуждены будем принять свои меры».*

Веселовский спросил, почему Лондон, если он верит в причастность России к якобитскому заговору, не объяснился с Петербургом начистоту и не заключил по данному вопросу такое же соглашение, как с другими державами? Что касается запрета на торговлю со Швецией, то Россия лишь отвечала на шведский запрет на торговлю с Россией.

Стенхоуп: *«Англия по общности торговых выгод и по услугам, которые она оказала царскому величеству в настоящей Северной войне, может требовать со стороны России внимания к своим интересам; а заключать конвенцию насчет претендента неприлично, потому что Англия и без того надеется на доброе расположение царского величества».*

Веселовский: *«Какие услуги Англия оказала России в настоящей войне?»*

Стенхоуп: *«Англия допустила царя сделать большие завоевания и утвердиться на Балтийском море; кроме того, посылала свой флот и помогала предприятиям царским».*

Веселовский: *«Англия допустила царское величество делать завоевания, потому что у нее не было средств помешать этому, не имела и желания благоприятствовать успехам России, но по обстоятельствам должна была оставаться нейтральной, флот свой посылала в Балтийское море для защиты своей торговли и для обороны короля датского в силу заключенного с ним обязательства».*

Стенхоуп: *«Не знаю, какую причину имеет царское величество сомневаться насчет Англии; но мы имеем важную причину опасаться России, потому что эмиссары претендента при дворе царском договариваются о низвержении короля Георга».*

В своих донесениях Веселовский не исключал, что Лондон может пойти на провокацию с целью разрыва англо-русских отношений. Думать так заставляло с виду рядовое событие. К Стенхоупу явилась делегация английских купцов с вопросом, чем они рискуют, если отправят свои корабли в русские гавани. Госсекретарь ответил, что никакой опасности ареста нет, поскольку король и царь находятся в *«добром согласии»*. Зная о высокой вероятности конфискации товаров, он умышленно подталкивал купцов на этот шаг, чтобы иметь, хотя бы про запас, повод для объявления войны. Веселовский объяснил коммерсантам смысл затеи, после чего они сочли благоразумным воздержаться от нее.

Как свидетельство решительного настроя Лондона восприняли в Петербурге появление в Балтийском море в июне 1719 года английского флота под командованием адмирала Норриса. Царь потребовал от адмирала объяснений, добавив, что если они не будут представлены, то приближение английских кораблей к русским кораблям или к русским берегам будет расцениваться как враждебный акт, требующий от России принятия соответствующих мер безопасности. В ответном письме Норрис выразил удивление, обосновывая его тем, что о морском походе уведомили Веселовского, как будто в деле такой важности оповещения, предназначенного всего лишь для посла, было вполне достаточно.

Видимо, осознав, что подобные извещения должны исходить от первых лиц государства и им же адресоваться, Георг I решил сам объяснить причины отправки британского флота на Балтику. Но сделал это не в личном послании, а велев своему резиденту в Стокгольме Джону Картерету (и адмиралу Норрису) передать русской стороне следующее: *«королева шведская приняла его* (Георга I. — *В. Д.*) *посредничество для заключения мира между вашим величеством и королевой Шведской* [...], *потому, что эта держава* (Англия. — *В. Д.*) *никогда не принимала участия в Северной войне; уповается, что это рассуждение принято будет и вашим величеством, что ваше величество соизволите повелеть пресечь все неприятельские действия в знак принятия посредничества и склонности к миру.* [...] *Король ... повелел кавалеру Норрису прийти с флотом к здешним берегам как для защиты торговли его подданных, так и* ***для поддержания его медиации*** (выделено мной. — *В. Д.*) *и ... его величество вместе с королем французским и другими своими союзниками (между которыми находится и Швеция) принял меры, чтоб его медиация получила ожидаемый успех и чтобы в скором времени прекращена была война, которая так долго тревожила Север».*

Это послание, подписанное Картеретом, было переправлено к русским уполномоченным на Аландском конгрессе для последующей передачи Петру. Брюса и Остер-

мана настолько возмутила такая непотребная форма обращения к царю, что они отказались посылать это письмо тому, кому оно адресовалось, а ответили Картерету сами, заявив, что по делу *«столь великой важности»* с государем нужно объясняться либо посредством королевской грамоты, либо через королевского посла в Петербурге. Но, конечно, была и другая причина для возмущения. В словах Георга I отчетливо слышался вызов: *«поддержание медиации»* подразумевало не что иное, как признание в стремлении принудить Россию к миру угрозой применения силы. Петра прямо предупреждали, что ему противостоит союз могущественных европейских государств, куда теперь, оказывается, входит и Швеция. Георг I не удосужился позаботиться о логике своих рассуждений. Его мысль о том, что Англия заслужила приоритетное право на посредничество благодаря своему нейтралитету, не вязалась с ганноверско-шведским мирным договором и подготовкой англо-шведского военного союза.

В ноябре Георг I выступил в парламенте с воинственной речью. *«Одно протестантское государство* (Швеция. — *В. Д.*), — говорил он, — *получило своевременно нашу помощь, и нашими последними договорами положено такое основание союза между великими протестантскими державами, что безопасность нашей святой религии может считаться крепко обеспеченной.* [...] *Наши домашние несогласия, преувеличенные за границей, внушили некоторым иностранным державам* (России. — *В. Д.*) *ложное мнение о наших силах, и они вздумали обходиться с нами таким образом, какого корона Великобритании никогда не стерпит, пока я ее ношу»*. Последнюю фразу Веселовский прокомментировал так: *«Здесь скрытым, но хитрым изображением дано знать о письме вашего величества к адмиралу Норрису, которое выставлено как оскорбление, нанесенное короне Английской. От таких хитростей и подлогов, от пенсий, чинов и подарков, раздаваемых членам парламента, чего другого можно ожидать, кроме всякого снисхождения и одобрения всему, чего двор желает»*.

В донесениях конца 1719 года Веселовский констатирует подъем антирусских настроений в английском обществе. *«Вообще сожалеют о бедственном состоянии Швеции,* — писал он, — *а к силе вашего величества, такую зависть питают, что никаких резонов не принимают; опасаются, что ваше величество намерены стать повелителем на Балтийском море, и если Швецию оставить без помощи, то кто может поручиться, что вы ее не завоюете? Да хотя бы это и не случилось, то какое будет равновесие между северными державами? Эти рассуждения слышал я от членов парламента...»*

Какие бы чувства ни обуревали английскую публику и как бы ни чесались руки у определенной части правящих верхов Англии, воевать с Россией, такой, какой она стала, было боязно. Не то что эскадра адмирала Норриса, весь британский флот не смог бы сделать погоды в Балтийском море без помощи сухопутных войск, которых у Георга I не было. А те, у кого они были, устали от войны, физически и морально.

Тем не менее Англия усердно искала военных союзников, чтобы перевернуть прежнюю систему альянсов и обратить ее против России, то есть произвести дипломатическую революцию внутри Северного союза. Лондон старался убедить участников альянса в том, что если они поторопятся с заключением сепаратных договоров со Швецией, то получат желаемое, иначе львиная доля добычи достанется царю. Такая логика была не сложна для разгадки. Державы-союзницы поручили своим дипломатам в Стокгольме срочно начать зондирование почвы. Но тут многое зависело от шведского правительства. Заботу о создании у него соответствующего умо-

настроения взяла на себя Франция, настоятельно советовавшая Ульрике Элеоноре начать примирение с Великобритании, а затем вступить в переговоры с Пруссией. Естественно, Стокгольму «намекнули», что за мир с союзниками придется заплатить определенными уступками, но зато тогда бывшие враги помогут шведам сохранить за собой Лифляндию и другие земли. Королева согласилась, а ее преемник Фредрик I продолжил эту линию.

Лондону только это и требовалось для реализации его планов. Верный своим геополитическим интересам, прикрываемым теорией равновесия сил, он хотел превратить антишведскую коалицию в антирусскую. Такие замыслы вынашивались и раньше, но в 1719 году положение на военном театре помогло перевести их в практическое русло. Датчане теснили шведов в Норвегии, а царь готовил высадку десантов вблизи Стокгольма, где началась паника.

Пользуясь обстоятельствами, Англия поспешила взять дело коалиционного переустройства в свои руки. Как мы уже знаем, 9(20) ноября в Стокгольме был подписан договор между Швецией и Ганновером (Георгом I в качестве ганноверского курфюрста). Шведы уступили Бремен и Верден, получив от англичан в виде компенсации 1 млн риксдаллеров. Лондон готовился к возобновлению военного союза со Стокгольмом. Иначе говоря, к тому, чтобы сделать второй за время Северной войны дипломатический кульбит.

Напомним, что в 1700 году Англия (вместе с Голландией) была союзницей шведского короля, в значительной степени помогла ему разбить Данию и принудить ее к миру. Затем Англия переметнулась на сторону Северного альянса, чтобы управлять ситуацией как дипломатическими, так и военно-морскими средствами. И наконец, она вновь вступает в союз со шведами в стремлении создать ось «Лондон–Стокгольм» и привязать к ней державы, опасающиеся России. Эту связку английское правительство планировало использовать как плацдарм для нанесения смертельного удара по альянсу. Точнее — параллельных ударов по разным направлениям.

Коль скоро речь зашла о британской «большой стратегии», придется еще раз вспомнить о том, как Лондон затащил в свои умело расставленные дипломатические сети прусского короля, сыграв на его геополитических мечтах. Англия, претендовавшая на роль держателя европейского баланса, строила свою политику на сложных и во многом умозрительных схемах, которые зачастую оказывались бесплодными в изменчивых реалиях международных отношений. В частности, она хотела укрепить Пруссию для сдерживания Франции, с одной стороны, и России — с другой. А также создать в Европе такие комбинации сил, которыми можно было бы управлять в целях устранения угроз британским внешнеполитическим, экономическим и колониальным интересам, от кого бы они ни исходили. Для Лондона понятия «враги» и «союзники» являлись очень условными. Но даже такой изощренный макиавеллизм не страховал англичан от неожиданных поворотов истории.

Доктрина равновесия, будучи скорее искусственным целеполаганием, чем естественным законом, не могла предусмотреть целого ряда отклонений от желаемого. Если под «желаемым» понимать, среди прочего, курс на изоляцию России с целью возвращения ее к допетровским временам, то «отклонением» представляются неприемлемые для Англии конструктивные тенденции в развитии русско-прусских, русско-австрийских, русско-германских и русско-шведских отношений, которые про-

явятся вскоре после окончания Северной войны. Во всяком случае, перенаправить европейскую систему союзов против России Лондону не удалось.

Это не значит, что антирусские усилия англичан не достойны внимания. В июле 1719 года британский госсекретарь Стенхоуп в письме к аббату Дюбуа ставил вопрос о желательности заключения мира между Копенгагеном и Стокгольмом, что лишило бы царя еще одного союзника. Но тогда Фредерик IV не откликнулся на эту идею, поскольку его войскам в Норвегии сопутствовал успех. Тем не менее Англия, надеясь переманить Данию на свою сторону, объявила, что пришедший на помощь Швеции английский флот не станет атаковать датские корабли, даже если они будут в одном боевом соединении с русскими.

Отдавая должное британской дипломатии, не стоит, однако, преувеличивать ее «творческую» роль в развале Северного альянса. Он уже давно дышал на ладан, требовался лишь исполнитель обряда отпевания. Лондон подходил для этого идеально. Но его планы шли дальше: на останках старой коалиции он мечтал построить новую, обращенную против России. Проблема заключалась в том, на кого можно реально рассчитывать как на силу, способную противостоять царю не только дипломатическими, но и военными средствами. Из бывших русских союзников Пруссия и Дания едва ли на это решатся. Фридрих-Вильгельм и Фредерик IV не будут рисковать, поскольку первый уже получил свое, а второй надеется получить, не ссорясь с Петром. Оставался Август II, понимавший, что при той двурушнической политике, которую он в течение долгих лет вел в отношении России, и при той напористости, с какой он добивался преобразования Речи Посполитой в самодержавно-наследственную монархию, царь не станет дарить ему Лифляндию. Поскольку эти факторы делали Августа II наиболее реальным военным противником России, Лондон всячески поддерживал его стремление выйти из войны и переметнуться на сторону тех, кто озабочен растущим могуществом царя.

Если и не по прямому наущению Англии, то, по крайней мере, не без ее влияния в декабре 1719 года польский король заключил со шведами тайное соглашение, о котором мы уже говорили.

Имел ли Лондон основания считать этот успех исключительно результатом своих внушений, мы не знаем. Но у него, безусловно, были основания для чувства удовлетворения тем, что Август II в отношении России оказался большим англичанином, чем сами англичане.

Аббат Дюбуа: «не требуйте от нас объяснений, как не требуем их мы»

Несмотря на утрату значительной части прежнего влияния на международную политику, Франция не рассталась со своими великодержавными амбициями. Сфера их распространения в Европе практически не сократилась. Они сохранялись в виде реальных и потенциальных планов, в том числе в североевропейских вопросах. Париж хотел дать всем почувствовать свое деятельное присутствие в большой политике даже там, где у него не было особых интересов. Впрочем, Северная Германия и Балтика никогда не принадлежали к зонам, свободным от французского внимания.

Хотя после гибели Карла XII мы не наблюдаем резкого всплеска такого внимания, фактор ухода из жизни выдающегося полководца требовал от Франции внесения коррективов в свою внешнеполитическую стратегию и тактику. Теперь Швеция, утратившая свою прежнюю мощь и взявшая курс на сближение с Англией, переставала (по крайней мере, временно) быть для Франции прочной точкой опоры в Северной Европе. Париж оказался на распутье. У аббата Дюбуа, тем более у герцога Орлеанского не было четкого плана действий. К разработке его не располагала ситуация. Продолжавшаяся война с Испанией не позволяла Франции порвать с Англией и выйти из Четверного союза, что накладывало ограничения на политику французского двора в отношении России и Швеции. Нельзя сказать, чтобы у Парижского кабинета не было выбора. На тот момент существовало два во многом противоречивших друг другу международных договора с участием Франции: Амстердамский (русско-франко-прусский) 1717 года и Лондонский (Франция, Англия, Голландия, Австрия) 1718 года. Рано или поздно между ними нужно было выбирать. После победы над Филиппом V Франция в принципе могла бы остаться в составе союза и поддержать Англию в ее стремлении образовать против России большую коалицию с участием Швеции. Но это означало бы встроиться в фарватер британской политики в отношении Северной Европы, направленной не столько на установление равновесия сил, сколько на изгнание русских из завоеванных ими территорий и обеспечение свободы действий британского флота в Балтийском море. Другой путь — реанимировать мертворожденный Амстердамский договор, присоединив к нему Швецию и, возможно, Испанию, тем самым реализовав грандиозный проект аббата Дюбуа, направленный против Англии и Австрии. Вместе с тем пока для Франции было бы рискованно открыто поддерживать царя из-за угрозы вызвать сильное недовольство Лондона и Стокгольма. Оставалось выжидать, наблюдая за ходом событий и лавируя между Англией и Россией, на чем Париж и остановил свой выбор.

Эта скорее тактическая, чем стратегическая линия проводилась герцогом Орлеанским и Дюбуа вполне искусно. Вместо саботажа Аландского конгресса они начали тайно поощрять русско-шведские переговоры, видя в них противовес переговорам англо-шведским, возможные результаты которых угрожали французским интересам в большей степени, чем присоединение прибалтийских территорий к России. Сказанное, однако, не означает, что во франко-русских отношениях возобладали последовательность и однозначность[1].

Что до этого еще далеко, было видно из донесений русского посла в Париже Шлейница. Французское правительство относилось к нему с подчеркнутой приязнью, несмотря на историю с Челламаре. Но это не избавляло его от тревоги по поводу планов Франции применительно к Северной войне. Шлейниц опасался, что регент и его наставник предпочтут укрепить Четверной союз Швецией и действовать против России заодно с Англией. Чтобы успокоить его, французские министры тайком сове-

[1] Источники содержат разноречивые сведения о восприятии Францией Аландского конгресса. Одни документы указывают на негласное поощрение русско-шведских переговоров Парижем. Другие — на тактику срыва конгресса. В частности, в аналитической записке сотрудника французского МИДа Ледрана сообщалось, что Ульрика Элеонора намеревалась продолжать конференцию на Аландах, но бывший посол Франции в Стокгольме граф Деламарк отговорил ее от этого. Возможно, эта разноголосица объясняется несовпадающими взглядами герцога Орлеанского и аббата Дюбуа на то, какие акценты должны доминировать в тогдашней французской политике в отношении России.

товали ему склонить царя к скорейшему подписанию мира со Швецией на умеренных условиях, утверждая, что эти жертвы окупятся сторицей участием России в пятерном союзе с Францией, Пруссией, Швецией и Испанией. Смущало одно: уступки нужно было делать немедленно, а воздаяние за них получать неизвестно когда и в каком виде. Да и жизнеспособность коалиционного проекта Дюбуа вызывала большие сомнения. Также было известно, что Август II и Карл VI уговаривали герцога Орлеанского присоединиться к направленному против России Венскому договору 1719 года (Австрия, Ганновер [читай — Англия], Саксония). Дюбуа божился Шлейницу: *«не опасайтесь, регент не даст себе связать руки в северных делах вступлением в этот союз»*. Но пока это были лишь слова, которые посол слышал уже не раз, не находя им надежных подтверждений.

Правители не любят, когда им задают неудобные вопросы. Но именно их поставил перед Дюбуа Шлейниц, узнав осенью 1719 года о подписании полноценного шведско-ганноверского договора (9 ноября) и предварительного англо-шведского (конец августа). Тон в их объяснениях стал ужесточаться. Посол выразил удивление безучастным отношением Парижа к этим событиям и намекал на сходство такой реакции с негласным одобрением. Аббат, повторив, что Франция не присоединится к англо-шведскому союзу, отказался тем не менее гарантировать это и обсуждать возможные перспективы. *«Если вы у меня спрашиваете,* — говорил он, — *женюсь ли я, то я ничего не могу сказать вам, кроме того, что я не женился»*.

Вскоре обходиться такими увертливыми ответами стало труднее. От русских дипломатов в Пруссии пришло известие об их разговоре с Фридрихом-Вильгельмом уже после заключения англо-прусского соглашения о Штеттине. Согласно заявлению короля, он никогда бы не пошел на это, если бы на него оказывал давление только Георг I. Однако Пруссию принуждал к соглашению французский посланник в Берлине граф Ротембург (вместе с австрийским коллегой), прибегая даже к угрозам. Шлейниц обратился к герцогу Орлеанскому с вопросом — как это понимать? Тот вначале представил дело так, будто Ротембург действовал вопреки инструкциям. Когда же Шлейниц потребовал наказания посла, регент отказался, оправдывая поведение Ротембурга стремлением проследить, чтобы в тексте англо-прусского договора не было *«ничего вредного для России»*. На кого был рассчитан этот смехотворный довод, не понятно.

Тот факт, что Париж активно поощрял, в том числе с помощью тайной передачи Швеции 300 тыс. золотых экю, сепаратные договоры (с Англией-Ганновером и Пруссией), направленные против России, подтверждают французские документы. С особым усердием пекся версальский двор о выходе из союзной коалиции Берлина, опасаясь упрочения его позиций в Европе благодаря сближению с царем. Ради этого Филипп Орлеанский пошел на то, чтобы, против своего желания, пожертвовать интересами Швеции, склонив ее к уступке Штеттина и заодно угодив Англии, которая обязалась помочь прусскому королю получить эту территорию.

После требования Шлейница о наказании Ротембурга Дюбуа перестал церемониться, заявив, что во всем виновата Россия. Продолжая военные действия против Швеции, она вынудила Стокгольм пойти на союз с Лондоном. Франция не могла ничего с этим поделать, ибо не в ее интересах было бы выступать против Англии — французского союзника в войне против Филиппа V.

Шлейниц возразил, что в условиях всестороннего саботажа Аландского конгресса и фактически враждебной в отношении России деятельности европейских государств, ей ничего не оставалось, как возобновить войну. *«Царское величество,* — говорил Шлейниц, — *все свои завоевания сделал без союзников и удержит их без союзников, для чего способ покажет бог и время...»*

Дюбуа, завершая дискуссию, тоже обошелся без сантиментов. Смысл его ответа: поступайте как знаете, французский двор не просит у вас объяснений, но и от него не следует их требовать; мы, не принимая ни выговоров, ни тем более угроз, будем наблюдать за ходом дел на севере и действовать *«согласно с интересом короля, Франции и регента и с неизменной преданностью к царскому величеству»*.

Эти слова, за исключением, пожалуй, *«преданности царскому величеству»*, более или менее реалистично отражали позицию Франции на тот момент. Шлейниц рекомендовал Петербургу не ожидать от Парижа особой пользы, *«однако не должно ссориться с регентом, и на будущее время надобно удержать для себя отворенные двери»*[1].

Россия и Турция: новая военная тревога

К великому удовольствию некоторых европейских держав, проблемы России осложнились ситуацией в Турции. Определенные круги в Османской империи были недовольны Адрианопольским договором 1713 года, который всего лишь подтвердил Прутский мир вместо того, чтобы исторгнуть у России новые уступки. Пользовавшаяся сильным влиянием на Порту Франция не давала этим настроениям угаснуть. Они могли понадобиться как запальник новой войны против России, если интересы Парижа того потребуют.

Что до интересов Лондона, то они требовали этого как никогда. Для него русско-турецкая война оказалась бы как нельзя кстати именно теперь, когда нужен был второй фронт, чтобы отвлечь царя от Швеции и заставить его отказаться от прибалтийских завоеваний. Английский посол в Стамбуле Авраам Стэньян действовал против России не таясь. Не без одобрения смотрели на эти планы в Вене. Из-за нежелания ссориться с Англией и Австрией Гаага запретила своему послу в Турции Кольеру поддерживать интересы царя.

Точкой концентрации тайных дипломатических интриг против России вновь стала османская столица. Для их нейтрализации в Стамбул был направлен А.И. Дашков, русский дипломат с хорошей школой и внушительным послужным списком. Он приехал на место в начале 1719 года и сразу почувствовал на себе результаты деятельности Стэньяна. Султан Ахмед III не давал Дашкову аудиенцию в течение полугода. Выяснилось, что это дело рук англичанина, который, между прочим, отказался следовать элементарной норме дипломатического протокола и профессиональной вежливости, обязывавшей прислать к русскому коллеге поздравление с прибытием. Важнее, однако, то, что он нашептал турецким сановникам, будто Дашков приехал подстрекать Порту к войне против Австрии.

[1] Трудно сказать, знал ли Шлейниц (скорее всего, нет), что Франция поощряла идею еще одного, шведско-польского, сепаратного договора, *«дабы поставить в должные границы чересчур большое могущество Царя»*.

Русский посол обратился к великому визирю Ибрагим-паше, пользовавшемуся неограниченным доверием султана, с письмом. Он призвал не прислушиваться к лживым инсинуациям Стэньяна, отстаивающего в данном случае интересы Империи как союзницы Англии. Ему же, Дашкову, нет дела до Империи, он прислан, чтобы *«укреплять дружбу царя с султаном, отстраняя всякие противности»*. Слова эти дошли до визиря, человека умного, рассудительного и старавшегося отделять правду от лжи. Вскоре (в июле) по его ходатайству русскому послу была дана высочайшая аудиенция. Ахмед III принял Дашкова радушно, весело посматривая на него во время *«орации»*. Однако для опровержения слухов, распускаемых английским министром, одной аудиенции было мало. Чтобы подтвердить сказанное султану о цели его миссии, Дашков попросил Ибрагим-пашу о приватной встрече, на которой представил визирю меморандум из пяти пунктов: *«1) царь желает содержать договор с Портой во всякой целости; 2) царь прислал своего посланника для уничтожения враждебных внушений, которые делаются с целью поссорить Порту с Россией; 3) царь с своей стороны не слушает никаких враждебных Порте внушений и доказал это тем, что не принял от императора и Венеции предложения вступить с ними в союз против Порты; за это цесарь озлобился и старается всеми средствами, сам и через других, поссорить Порту с Россией; помогают ему в этом короли английский и польский, как немцы, члены империи, один курфюрст ганноверский, а другой саксонский, кроме того; для свойства и для интересов: король английский по испанским делам, чтоб мог что-нибудь в союзе с цесарем у Испании оторвать, а король польский, чтоб с помощью цесаря Польшу в абсолютство привести* (установить самодержавную власть. — *В. Д.*), *что соседним государствам со временем очень вредно будет; 4) царское величество имеет средство отомстить врагам своим, имеет войско и флот, к тому же не без друзей и в самой Германии; 5) известно ли Порте, что крымский хан имеет частые пересылки с королем польским, а за несколько месяцев публично присылал посла в Варшаву с предложением 60000 войска против России?»*

Османская дипломатическая служба была не очень хорошо осведомлена о многих вопросах международной жизни. За неимением собственной информации в Стамбуле зачастую верили ложным, даже самым невероятным слухам, чем пользовались иностранные резиденты, распространявшие их в соответствии с интересами своих государств. Это лишний раз подтвердилось в разговоре Дашкова с Ибрагим-пашой, который сказал, что ходит всякая молва, в частности о том, будто *«цесарь хочет начать войну с Россией, а царь не в состоянии дать отпора и очень боится цесаря; и если туркам не объявить, что такого страха нет, то интерес царя будет у Порты в презрении и посланник русский в утеснении»*. В этом смысле приезд Дашкова визирь расценил как своевременный и полезный с точки зрения рассеивания глупых домыслов о том, что Петр с такой армией и флотом может кого-то бояться.

На меморандум Дашкова ответ был такой. 1) Порта настроена на сохранение мира с Россией и впредь не будет верить ложным внушениям. 2) Крымскому хану дан указ вернуть русских пленных, захваченных татарскими разбойниками. Что касается ханских предложений польскому королю, то таких не было и быть не могло без воли на то султана. 3) Те же самые люди, которые склоняли Россию к войне против Турции (имелись в виду австрийцы и англичане), при заключении австро-турецкого Пассаровицкого мирного договора (1718 г.) призывали султана к союзу против царя.

Стэньян, которому решительно не нравилось приязненное отношение Ибрагим-паши к Дашкову, советовал визирю установить вокруг его подворья карантинный режим, по крайней мере не выпускать его из Стамбула. Общеизвестная надежда греков на русских не сулит Порте ничего хорошего, внушал англичанин. Но Дашков вел себя очень осторожно, к чему обязывала его миротворческая миссия. Во избежание подозрений он не допускал к себе никаких жалобщиков и ходатаев по делам православных подданных султана. Визирь прекрасно знал об этом и поэтому велел посольским караульным не чинить препятствий визитам к Дашкову.

Добрые отношения с Ибрагим-пашой не избавляли Дашкова от чувства тревоги, ибо внутридворцовая конъюнктура была, как обычно, зыбка и переменчива. Османские сановники могли сколько угодно утверждать, что они не прислушиваются к молве, однако это было не так. Мысли, которые внушали иностранные резиденты, держались втуне, впрок, чтобы было что извлечь на свет божий, если Дашков даст повод для подозрений. Впрочем, он мог такого повода и не давать. За него это делали англичане и австрийцы. Цесарский посол Дамиан Хьюго не жалел сил, чтобы, вбив глубокий клин между Стамбулом и Петербургом, довести дело до войны. Ибрагим-паша, несмотря на расположение к Дашкову, не закрывал уши, когда австриец убеждал его в наличии у царя планов по завоеванию Польши, угрожающих безопасности Турции. Во всяком случае, по османской столице разнеслись слухи, будто визирь согласился посадить русского посла в Семибашенный замок и объявить России войну.

Не на шутку испугавшийся Дашков попросил у Ибрагим-паши приватной аудиенции и получил ее, несмотря на попытки англичан и австрийцев помешать этому. Но их влияние посол почувствовал с первых же минут встречи, когда визирь спросил, есть ли русские войска в Польше и что они там до сих пор делают. Дашков объяснил, что войска остаются не для захвата Речи Посполитой, а для предотвращения установления там самовластного наследственного правления. Слова посла о том, что ответ *«развеселил»* визиря, надо, видимо, понимать как его нежелание заострять вопрос. Тогда посол перешел к теме общих русских и османских интересов, которые, по его мнению, сходились на признании в лице Австрии неприятеля обеих сторон. Дашков подперчил эту тему сообщением о *«противных поступках цесаря, который вступил в великую гордость приобретением себе завоеванных земель от Турции* (по результатам войны 1716–1718 гг. — *В. Д.)»*. Затем посол спросил, как отреагирует Порта, если царь с его союзниками начнет войну против императора и польского короля, и не присоединится ли она к коалиции для *«отмщения неправедных поступков»* Карла VI? Ибрагим-паша заметно оживился, но ответил с некоторой укоризной: где вы, дескать, раньше были, когда мы, турки, воевали с австрийцами и венецианцами, теперь же, после окончания войны, Порта, возобновив ее, нарушит мирный договор. Вместе с тем визирь пожелал России успеха в этом предприятии.

«Нужда и закон ломает, — возразил Дашков, — *не то, что мирный договор; вы* (ведь. — *В. Д.*) *не из доброй воли с ним помирились?» — «Увидим, как вы начнете: все может статься»*, — заключил Ибрагим-паша.

Россия, конечно, не собиралась воевать против Австрии. Во всяком случае, в ближайших планах Петра этого не было. Но отвлечь Вену от северных дел на южные представлялось отнюдь не лишним. Правда, в таком отвлечении содержался элемент риска. На юге австрийская политика могла иметь одну цель — спровоцировать Порту на войну

против России. Царь же, стремившийся любыми путями избежать этого, хотел создать встречную угрозу для Империи со стороны Турции. В принципе его больше всего устроил бы гарантированный долгий мир с султаном. Однако на тот случай, если Вена и Лондон будут продолжать подбивать Стамбул к войне, Петр готов был и на оборонительно-наступательный союз с турками. Таким образом, возникла сложная комбинация. Австрия пыталась сыграть на турецко-русских противоречиях, Россия — на австро-турецких, Турция — на русско-австрийских. Путаница усугублялась от того, что Порта вела военные приготовления. По мнению Дашкова, она это делала *«про запас»*, в ожидании войны между Россией и Австрией, чтобы, понаблюдав за ходом событий, примкнуть к побеждающей стороне и компенсировать свои территориальные потери. Подобная позиция кажется абсолютно логичной, но так ли это было на самом деле, доподлинно неизвестно.

Известно другое. В декабре 1719 года австрийский посол, действовавший в полном согласии с английским, предложил Ибрагим-паше оборонительно-наступательный союз против России. В ответ на замечание визиря о том, что Ватикан не позволит императору вступить в союз с басурманами, они обещали все устроить при условии, что Дашков будет выслан из Турции. Иначе Карл VI сохранит подозрения об антиавстрийском сговоре между Стамбулом и Петербургом и восстановит против султана всех христианских государей. Царь Порте не поможет, потому что от него отступилась вся Европа, даже его ближайший союзник прусский король.

В том, насколько неустойчива внутриполитическая конъюнктура Турции перед лицом искусных внушений, Дашков убедился, когда узнал о принятом решении выслать его из Турции. Но оно не было приведено в исполнение. Посол подкупил кегаю (помощника визиря), рейс-эфенди (министра иностранных дел) и великого драгомана, чтобы те уговорили Ибрагим-пашу выслушать конкретное предложение Дашкова. Посол составил мемориал, в котором говорилось о готовности царя подписать с Портой вечный мир и о его желании узнать, на каких условиях согласна она это сделать. Переговоры велись в строжайшей тайне от австрийцев и англичан во избежание перекупки османских чиновников, как того опасался Дашков.

В пользу России сыграла роль позиция Франции. В конце 1719 года мир между Четверным союзом (краткосрочной комбинацией) и Испанией был предрешен, что возвращало Париж и Вену к их традиционному состоянию вражды. Австрия представляла гораздо большую угрозу французским интересам, чем Россия. Стало быть, версальскому двору было выгоднее поддерживать Турцию против австрийского императора, чем против русского царя. Французский посол де Бонак говорил, что главное для России — сохранить мир с Портой, *«тогда и шведскую войну окончите счастливо»*. Ибрагим-паше он также советовал не идти на разрыв с Петербургом. Дашков попрежнему не доверял Франции, но в данном конкретном случае он имел основания для чувства благодарности к де Бонаку за его участие в предотвращении высылки русского посла. Дашков даже ходатайствовал перед Петербургом о назначении пенсии своему французскому коллеге. Так, по его мнению, будет справедливее, чем платить деньги голландскому послу в Стамбуле, который всецело на стороне цесаря.

На этом, однако, дипломатическая борьба вокруг вопроса о войне или мире между Турцией и Россией не закончилась. Более того, она вступала в решающую фазу. В декабре 1719 года А.И. Дашков писал П.П. Шафирову: *«Порта колеблется и туды и сюды, сама не ведает, что делать»*.

Вена склоняется к трезвомыслию

Гибель Карла XII глубоко озадачила всех. Казалось бы, событие такого масштаба должно было внести определенность и в сам ход Северной войны, и в общую дипломатическую ситуацию вокруг нее. Но этого не произошло. Каждый из участников так и остался перед выбором между искушениями и рисками. Теперь как никогда остро стояла задача конкретно определиться в своей внешнеполитической стратегии и избежать грубых ошибок.

Венский двор решал эту задачу торопливо и своеобразно, полагая, что пришло время поставить Россию на место. Одно из средств к этому он видел в заключении (5 января 1719 г.) уже упоминавшегося антирусского союза с Ганновером (Англией) и Саксонией. С помощью такого инструмента было якобы сподручнее давить на Россию во всех вопросах, затрагивавших ее интересы, сковывать ее политику на всех направлениях.

Вдохновение для перехода к жесткой стратегии в отношении Петра австрийские министры готовы были черпать из любых, в том числе непроверенных, источников. Они всерьез восприняли (или сделали вид) известия о соглашении между Россией и Испанией, направленном против Австрии, и о восставшей по наущению Петра Хорватии. В ненависти к России имперских сановников подбодрила Ульрика Элеонора, тайно сообщившая цесарю о дружеских чувствах к нему и обещавшая переслать *«все вредные для империи предложения»*, полученные ее покойным братом от царя.

4 февраля 1719 года австрийский вице-канцлер граф Шёнборн срочно вызвал к себе Веселовского и сообщил, что в ответ на высылку Плейера Вена просит его покинуть имперские земли как можно скорее. Такая же участь постигла и русского торгового агента в Австрии Карла Бузи (Бужи).

Петр не замедлил отозваться высылкой из Москвы иезуитов, в отношении которых терпение царя лопнуло. Он не без причины заподозрил их *«в хитрых происках, клонившихся к водворению духовной власти (супрематии) папы в замен власти московского патриарха, уничтоженной уже много лет перед тем»*.

Обстановка накалялась и могла вылиться в совершенно непредсказуемые события, учитывая присутствие русских войск в Мекленбурге и Польше, а также позицию прусского короля, который по здравом размышлении решил не искушать судьбу своими заигрываниями с Веной и сохранить хотя бы показную верность союзу с Россией. Русофобскому окружению Карла VI, да и ему самому, пришлось внести в свою оценку ситуации больше прагматизма и понять, что гибель шведского короля, которой они поначалу так обрадовались, не устранила старые проблемы, а создала новые. Появилось и осознание того, что царь, несмотря на провал аландских переговоров, ничего не боится и готов принять любой вызов, кто бы его ни бросил. Он мобилизует всю мощь своей армии и ресурсов государства на борьбу со всеми, кто встанет на пути его планов, даже если это будет большая коалиция под эгидой германского императора, успех в создании которой вдобавок оставался под вопросом. Идти на открытую конфронтацию с Россией — огромный риск, Вене он ни к чему. Другое дело — хитрые дипломатические диверсии, направленные на максимальное ограничение царских притязаний. По всей видимости, именно к такому выводу пришло австрийское правительство, когда осенью 1719 года оно решило подать Петру сигнал к примирению.

Через австрийского резидента в Берлине Фосса (Фоссе) царю было передано *«дружебно-братское призывание»* приехать в Брауншвейг на подготовляемый императором новый мирный конгресс под посреднической эгидой Вены.

Как известно, Петр никогда не отвергал миролюбивые инициативы подобного рода. Конфликт с Австрией ему тоже был не выгоден. В данном случае принцип «худой мир лучше доброй ссоры» устраивал государя. Он не возражал против отправки своего эмиссара, но предпочитал устроить дело так, чтобы этот визит не имел никакого сходства с хождением в Каноссу. В октябре в Вену был послан генерал-лейтенант Иоганн Вейсбах под предлогом улаживания своих личных дел. Ему поручалось встретиться с принцем Евгением Савойским для неофициальной беседы, в ходе которой он должен был развеять вымыслы о том, что сношения Петра со Швецией, Испанией и Турцией направлены против императора. В действительности же все это ложные наветы английского и польского королей, стремящихся ради собственной выгоды вбить клин между царем и цесарем.

Одновременно Карл VI, как упоминалось, выступил с инициативой возобновления Брауншвейгского конгресса, который уже собирался пять лет назад. 17 ноября 1719 года он послал шведской королеве и русскому царю приглашение прислать на конгресс своих полномочных представителей для *«окончательного восстановления мира на Севере»*. В ответ было получено согласие, но с отправкой дипломатов в Брауншвейг приглашенные не спешили по разным причинам. В Швеции продолжались внутриполитические распри в связи с желанием Ульрики Элеоноры передать корону своему мужу Фридриху Гессен-Кассельскому, а Петр, по всей видимости, выжидал, чем это закончится. Царь, жаждавший мира, не мог не заинтересоваться этой идеей. Понравилась она ему и тем, что император игнорировал англичан, приложивших руку к срыву двух предыдущих конгрессов (Брауншвейгского 1714 г. и Аландского 1718 г.).

Связывать инициативу цесаря с его миролюбием, а пренебрежение к Лондону с желанием угодить Петру было бы неверно. Императором движили более сложные резоны, о которых мы скажем позже.

Доклад Б.И. Куракина о международной ситуации в Европе

Петр, как и прежде, старался следить за малейшими нюансами изменения международной обстановки в Европе. Его глазами и ушами были царские дипломаты. От них требовались не только острое зрение и слух, чтобы улавливать эти нюансы, но и умение выстраивать из фактов систему анализа настоящего и очерчивать хотя бы общие контуры ближайшего будущего[1]. Не все донесения из-за границы были равнозначны по объему и обстоятельности. Петр, как известно, не любил многословия, особенно когда оно ничего не добавляло к глубине и качеству обработки информации. С иными реляциями, превышавшими своими длиннотами запасы государева терпения, он предпочитал знакомиться в пересказе приближенных сановников. Однако царь не только прощал, но и, по-видимому, молчаливо поощрял велеречивость своих послов, когда она проливала свет на то, что представлялось ему очень важным.

[1] Иной раз проницательность русских дипломатов просто поражает. Взять хотя бы предположение А.И. Остермана о том, что Карл будет убит.

Некоторые доклады удостаивались, несмотря на пространность, особого внимания Петра. Одним из них был доклад посла в Голландии Б.И. Куракина, отправленный в конце 1719 года после провала Аландского конгресса. Документ этот представляет огромный интерес и для историков. Не случайно он был приведен С.М. Соловьевым полностью. Нет лучшего способа передать его содержание, как последовать примеру маститого ученого.

Куракин писал:

«С первого взгляда кажется, что Швеция миром и союзом с Англией приобрела великие выгоды; но кто посмотрит вдаль, иначе рассуждать будет. Короли английский и прусский дали шведам довольно денег для исправления разоренного; шведы будут получать также субсидии от Англии и Франции, что даст им средство к обороне; флот английский их будет защищать от нападения русских войск и флота. Таким образом, Швеция будет в безопасности. Но этим она и должна ограничиться, потому что английских и французских субсидий недостаточно для войны наступательной. Швеция продала свои германские провинции Ганноверу и Пруссии и этим лишилась своего прежнего значения в Европе, благодаря которому многим законы предписывала, но взамен не приобрела ничего, потому что деньги будут в один год истрачены. Вся надежда Швеции на дружбу Англии, но в чем будет состоять английская помощь? Разве Англия согласится объявить войну России, помогая Швеции в наступательном против нее движении? Прямо напасть на русские области нет никакой возможности для Швеции. Остается одно средство — ввести войска в Польшу; но где высадиться? В Штральзунде? Но Штральзунд еще за датским королем. Потом, позволит ли прусский король пройти шведским войскам в Польше? Для него вовсе не выгодно видеть войну в своем соседстве, допустить Швецию прийти в силу и вступить в союз с королем польским, притом неизвестно, заключит ли Дания мир с Швецией. С русской стороны надобно стараться не допускать до этого мира, и хотя большой выгоды от этого не будет, ибо Дания по своей слабости и недостатку в деньгах не согласится действовать с нами против шведов, однако довольно того, что у Швеции и Англии руки будут связаны, довольно им будет хлопотать около датского короля, стращать его и к миру принуждать. Король польский может заключить мир с Швецией и наступательный союз против России. Лично он был бы к этому и склонен, да сила в нем невелика, все зависит от Речи Посполитой, которая войны с Россией не начнет: неспособность ее к этому известна при дворе царском и повсюду. Надежда польского короля на помощь от двора цесарского станет тщетною: явным образом этот двор никогда не выступит против России, разве под рукою будет одними словами помогать врагам ее, но ни войска, ни денег не даст; первого по многим причинам, а вторых — потому что нет их.

Как же теперь должно поступать России, какие предпринимать предосторожности? Во-первых, надобно стараться держать при себе Речь Посполитую. Во-вторых, несмотря на то, что король прусский мир заключил с Швецией (к концу 1719 г. шведско-прусский мирный договор был уже предрешен, хотя еще не подписан. — *В. Д.*), *надобно продолжать быть в добром согласии с берлинским двором, потому что он, заключив мир, не вошел ни в какие обязательства с Англией и Швецией против царского величества и собственный интерес его требует жить в добром согласии с Россией. Правда, он поступил малодушно, заключив отдельный мир с Швецией, но этот мир служит к ослаблению Швеции, а не к усилению; если же скажут, что Россия лишилась союзника, то от Пруссии такая же была бы польза, если б она и не заключала мира с Швецией, все*

равно бы вела себя нейтрально. С Англией надобно избегать решительного разрыва, и кораблей английских подданных не захватывать; пусть с их стороны начнутся неприятельские действия, чтоб можно было парламенту и народу показать справедливость России и неправоту короля и министерства. Нам надобно сблизиться с главами партии тори и чрез них препятствовать в парламенте проведению предложений от двора; побуждать английское купечество, заинтересованное в русской торговле, делать свои представления парламенту в форме писем от одного к другому, безымянно печатать в Англии для народного ведения о том, какие дальние виды министерство, получа Бремен и Верден, имеет к предосуждению английской свободы, какой вред произойдет для балтийской торговли и проч. С Голландией надобно жить в дружбе и стараться об усилении торговли с нею, для чего ввести в наших гаванях добрые порядки, чтоб не было столкновений с голландскими купцами. На французский двор я мало возлагал надежды и вперед не возлагаю: несмотря на все обещания, данные нам герцогом Орлеанским, он обязался платить субсидию Швеции без всякой выгоды для Франции, только в угоду королю английскому. Общность интересов между Россией и Испанией побуждает их к союзу: но чрез разорение флота Испания потеряла главную свою силу, осталась телом без рук, нет у нее того, чем вдали доставать может; и так теперь обязываться с нею трудно (не выгодно. — *В. Д.*); *но прежде можно было бы что-нибудь сделать для взаимной пользы.*

Остается теперь самый трудный вопрос: что лучше — мириться или продолжать войну? Разумеется, надобно всячески стараться о мире. Главное затруднение с шведской стороны составляет уступка Ливонии, Ревеля, Выборга. Ревель, Кексгольм и Выборг нам возвратить нельзя по их положению; а Ливонию Швеция не уступит переговорами, надобно принудить ее к этому оружием. Но успех оружия зависит от перемены в отношениях между европейскими государствами. Окончание испанской войны должно разрушить четверной или пятерной (если считать герцога савойского) союз; Франция долго не вынесет рабства, в каком она находится теперь у Англии, в колониях уже начались между ними столкновения. С другой стороны, Франция завидует великой силе цесаря, и если теперь герцог Орлеанский для личного своего интереса находится в дружбе с австрийским двором, то по окончании испанской войны будет поступать иначе, и прежде всего Франция поднимет турок против цесаря. Голландия, оскорбленная гордыми поступками Англии, охотно вступит в союз с Францией. Оканчиваю итальянской пословицей: Chi guadagna il tempo, guadagna la vita (кто выигрывает время, выигрывает жизнь)».

Куракин предлагает выстраивать взаимоотношения с европейскими государствами в зависимости от того, какой политики придерживается каждое из них сегодня и куда эта политика повернется завтра. Он считает, что в нынешней международной ситуации на континенте России лучше придерживаться выжидательной позиции и ни с кем не идти на обострение. Даже с Англией, несмотря на ее неспособность действовать в одиночку. Если она, паче чаяния, все же решится на войну, то пусть начнет первой и разоблачит себя в глазах британского и европейского общественного мнения. Очень примечательный момент в докладе Куракина — призыв простить Пруссии ее договор со шведами. Особого вреда России он не принесет, а пользы от Берлина как от союзника все равно мало. Нужно исходить из того, что государственный интерес всегда будет требовать от прусского двора сохранять доброе согласие с Россией. А пока, за неимением лучшего, довольно и его надежного нейтралитета. По мнению дипломата, единственная держава, против которой понадобится наступательная стратегия, — Швеция,

которая свои восточно-балтийские владения иначе не уступит. Но и здесь не следует торопиться и на всякий случай дождаться конца войны с Испанией, который приведет к естественному распаду Четверного союза (Франции, Англии, Австрии, Голландии) и устранит с его стороны угрозу вмешательства в северные дела.

1720 год

«Покаяние» Фридриха-Вильгельма

Заключенное осенью 1719 года англо-прусское соглашение открыло путь к сепаратному договору между Берлином и Стокгольмом, подписанному 21 января 1720 года. Фридрих-Вильгельм получил от шведов предмет своей давней мечты — Штеттин с прилегающими землями. Радость от такого приобретения (впрочем, еще не закрепленного за ним окончательно) омрачалась тем фактом, что король грубо нарушил договор с царем и морально чувствовал себя неуютно. В контексте истории международных отношений его поступок не выглядел как нечто беспрецедентное. Такое уже не раз встречалось и еще много раз повторится. С точки зрения геополитической логики тут вообще нет почвы для спора: Фридрих-Вильгельм отстаивал прусские национальные интересы и волен был приносить им в жертву все что угодно, лишь бы цена последствий не превысила приемлемую. Но совесть человека и ум политика были неспокойны. Союзом с Петром король пожертвовал, а полной уверенности в воздаянии пока не обрел. В приступе отчаяния он признавался: *«Злой дух мною руководил; теперь мы погибнем; вот этого именно желали мои фальшивые друзья; иметь Царя союзником, того требуют мои интересы* [...]; *англичане обманывают, подобно тому, как они меня в 1715 году ловким образом надули»*. Укорять себя морально было за что, поскольку Петр никогда не провоцировал Фридриха-Вильгельма на этот шаг (в отличие, к примеру, от Августа II, который своей враждебной к России политикой освободил царя от обещания отдать ему Лифляндию). Но, повторим, главными были не нравственные соображения, а опасение потерять дружбу Петра, в стратегической перспективе представлявшей бо́льшую ценность, чем Штеттин, который с помощью царя все равно достался бы Пруссии. Под стратегической перспективой также имеется в виду необходимость в России как в единственной силе, способной помочь прусскому двору в его стремлении защититься от Австрии и Саксонии, а также усилить свое влияние в западной Польше и Германии.

Таким образом, интересы Фридриха-Вильгельма раздваивались между тактическими и стратегическими. Он разрывался между желанием сохранить за собой пока лишь формально отданный ему Штеттин и столь же острым нежеланием вызвать гнев Петра. Надо бы заметить, к чести короля, что он, несмотря на давление Лондона, отказался включать в свои договоры с Англией и Швецией пункты, представлявшие угрозу для России. Фридрих-Вильгельм, можно сказать, лез из кожи вон, чтобы загладить свою вину перед царем. С русскими дипломатами он пытался быть искренним настолько, насколько это было вообще возможно в той ситуации. *«Мне нельзя с сак-*

сонцами глубоко вступать, — говорил король А.Г. Головкину, — *потому что вредно моим интересам, если наследный принц саксонский войдет на престол польский; а еще того вреднее будет, когда этим способом цесарь поляков в свою волю получит и в такую силу придет, что, может быть, захочет в империи монархию установить* (стать самодержавным властителем. — *В. Д.*); *тогда не только для светской власти, но и для веры протестантской очень опасно будет.* [...] *А я к царскому величеству особенное почтение имею; когда я принужден был к английской партии пристать, то от великой перемены в болезнь впал, потому что против своей воли и склонности принужден был необходимо это сделать и дружбу царского величества к себе некоторым образом потерять».*

Петр негодовал на Фридриха-Вильгельма не столько за договор со Швецией, который не создавал особых проблем для России, сколько за сближение с Англией, вызывавшее гораздо большие подозрения. Царь не стеснялся в выражениях, срывая свою обиду и гнев на прусском посланнике в Петербурге Э.Э. фон Шлиппенбахе. А.Г. Головкин и П.А. Толстой при личных встречах с прусским королем тоже не скрывали от него царского настроения. Однако дипломаты понимали, что ни им, ни царю нельзя оставаться на высокой эмоциональной волне, проку от которой в политике мало. Для Петербурга принять свершившийся факт было разумнее, чем мстить Пруссии разрывом отношений. Ведь это ничего не дало бы кроме отдаления Берлина, к радости Англии и других держав. Петра не привлекала перспектива остаться в одиночестве перед лицом враждебной Европы. Другое дело — сыграть на королевском чувстве вины. Тут царь был полностью согласен со своими дипломатами. Когда Головкин сказал Фридриху-Вильгельму, что Петр, несмотря на большую обиду, не утратил к нему своего доброго расположения, это вызвало у короля новый приступ покаяния. Он клялся сделать все, чтобы вернуть доверие и дружбу Петра, и первым его шагом будет торжественное письменное обещание *«ни во что противное ему* (царю. — *В. Д.*) *не вступать».*

Впрочем, сантименты сантиментами, а политика политикой. В ответ на пожелание Петра иметь от Фридриха-Вильгельма что-то более надежное, чем эти клятвы, в частности согласие на заключение нового союзного договора, король отказался. Свои резоны он объяснил Головкину так: *«надобны на уступку мне Штеттина согласие и инвеститура императорские, без чего штеттинское владение непрочно; а для получения императорского согласия и инвеституры необходимы мне английское влияние и помощь; при том английская дружба мне нужна и для веры протестантской* [...]. *По этим причинам мне никак нельзя заключить договора с царским величеством; но чтобы государь ваш не изволил иметь обо мне никакого сомнения, то я дам декларацию о моей постоянной и нерушимой дружбе, что я ни с кем не обязался ко вреду царского величества и впредь не обяжусь и против него ни прямо, ни посредственно не поступлю, но буде сохранять строгий нейтралитет».* Теперь, когда Фридрих-Вильгельм заполучил Штеттин, он перестал настаивать, чтобы Петр отказался от Лифляндии. *«Я сердечно желаю,* — говорил он, — *чтоб Лифляндия осталась за царским величеством, в чем состоит мой собственный интерес, потому что шведы исстари моим предкам неприятели, а мне и подавно не могут быть приятелями за Штеттин, и если они Штральзунд и Лифляндию опять получат, то с двух сторон будут меня беспокоить».*

Эти же мысли Фридрих-Вильгельм изложил в собственноручном письме к Петру, позволив себе, для убедительности, театральный жест самоуничижения: *«Я к перу*

не гораздо заобычен, и царское величество не изволил бы меня в том зазрить, что письмо мое простое, только сердце мое к его царскому величеству».

17 февраля 1720 года король своей рукой подписал прусско-русскую декларацию, в которой стороны, несмотря на недавние *«перемены в конъюнктурах»*, обязались между собой *«доброе согласие и дружбу ненарушимо содержать»*. Фридрих-Вильгельм обещал ничем не помогать Англии и Швеции против России и до конца войны занимать нейтральную позицию, что, кроме прочего, исключало предоставление права прохода через прусскую территорию для войск иностранных государств, в том числе, заметим, России. Одна из трех статей декларации предусматривала применение совместных *«сильных средств»* против любых попыток Августа II установить в Польше самодержавный порядок, передать корону по наследству или вовлечь Речь Посполитую в Венский союз (Австрия, Ганновер, Саксония). В документе содержалось также взаимное обещание впредь предпринимать согласованные действия в польских делах, *«смотря по конъюнктурам»*. Отдельным пунктом стороны уговаривались гарантировать друг другу сохранение полученных от Швеции территорий.

28 февраля Фридрих-Вильгельм подкрепил декларацию особой грамотой с новыми заверениями в дружбе, пожеланием царю скорейшего мира со шведами и предложением своих добрых услуг.

Трудно поверить, чтобы эти обещания до конца рассеяли настороженность Петра в отношении Пруссии. Там, где она не остановилась перед нарушением полноценного договора с Россией (1714 г.), можно ли полагаться на всего лишь декларации? Кроме того, в Петербурге была хорошо известна предрасположенность прусского двора к затейливым международным интригам, в которые порой не посвящался даже король. Достаточно упомянуть барон Генриха Ильгена в качестве яркого воплощения этой предрасположенности.

Фридрих-Вильгельм, осознавая неспособность своих министров внушить царю доверие, старался сделать это сам. Похоже, он надеялся, что количество его заверений в дружбе должны перейти в качество. Во всяком случае, король не посчитал лишним послать Петру еще одну декларацию (от 26 июля 1720 г.), где он *«наикрепчайше обнадежил»* царя в том, что ни при каких обстоятельствах Пруссия не окажет помощи тем государствам, которые вынашивают враждебные замыслы в отношении России, и сохранит *«беспристрастное нейтральство»*.

Что бы Петр ни думал об этих декларациях, ему, по политическим мотивам, ничего не оставалось, как сделать вид, будто он им поверил. Принцип *«с паршивой овцы хоть шерсти клок»* был тут уместным.

Бесславная вылазка адмирала Норриса

В Европе по-прежнему было мало таких государств, где бы Англия не интриговала против России. Она преуспела в Швеции, Дании, Франции, Австрии, Польше и, отчасти, в Пруссии. Но для полной дипломатической блокады этого было недостаточно. Да она ничего и не давала в качестве средства принуждения Петра к миру. Требовалась коалиция государств, готовых и способных воевать против России, а их не было. Польско-шведская конвенция 1719 года, несмотря на свою задиристость, представлялась малопригодной в качестве ядра такой коалиции. Впрочем, и как под-

спорье эта связка выглядела неубедительно. Другое дело — военный союз между Англией и Швецией (прологом к которому явился шведско-ганноверский мир), хотя и тут оставалось лишь гадать, сможет ли он стать стержнем нового Северного альянса, теперь уже нацеленного против России.

Даже если британское правительство испытывало сомнения, то во всяком случае не в той степени, чтобы отказаться от этой затеи. Проверить ее осуществимость можно было только на практике, что Лондон и сделал. 21 января 1720 года он заключил со Стокгольмом военный союз. В документе говорилось, что *«для всего Христианского мира весьма нужно, чтобы Балтийское море не досталось во власть Царя Московского»*. Если Петр откажется вернуть Швеции земли, обеспечивающие ее безопасность, и восстановить свободу торговли на Балтике, то Англия обязалась *«не только подать помощь* (Стокгольму. — *В. Д.*)*, дабы достичь вышесказанной цели силою оружия, но еще обещает употребить всякое старание и всевозможное домогательство у своих Союзников, дабы и они подали Швеции всякое вспоможение и тем доставили бы короне Шведской средства к укрощению Царя»*. В договоре также утверждалось, что любой, кто поддержит притязания России, *«должен признан быть за неприятеля»*.

Англия принимала эти обязательства на последующие 18 лет, без всяких экивоков давая понять, кого она избрала на столь длительный срок своим главным партнером и главным противником в балтийском вопросе. Союзным трактатом со шведами Лондон полностью раскрыл свои карты, которые, впрочем, он особо и не прятал. Петру давали понять: основные геополитические итоги войны уже подведены в сепаратных соглашениях 1719 года. Теперь Англия берет на себя задачу не допустить их пересмотра и готова ради этого применить оружие. Что касается ситуации в восточной части Балтийского моря, то она в целом должна вернуться к довоенному состоянию, поскольку Швецию нельзя оставить беззащитной перед лицом царских амбиций.

В доказательство серьезности своих намерений Георг I прибег к открытому устрашению, предъявив сначала длинный список грубых, оскорбительных нарушений Петербургом русско-ганноверского (Грейфсвальдского) союзного договора 1715 года и проявлений явной враждебности по отношению к английскому королю[1]. Среди них: присутствие русских войск в германских землях, создававших угрозу безопасности Ганновера; сепаратный сговор с Карлом XII, направленный против Англии и Дании; отказ английским представителям в доступе на Аландский конгресс; ущемление британских торговых интересов, проявившееся в том числе в нежелании заключать с Лондоном торговый договор; коварство, интриги и ложь русских дипломатов; угрожающий тон самого Петра, неподобающий в общении между монархами.

На все это Георг I, по его словам, вынужден был, ради *«мира и равновесия в Европе»*, ответить заключением союза со Стокгольмом, который упредил Петра и создал противовес его *«агрессивным»* (употреблено именно это слово) намерениям и стремлению привести Швецию под свое господство. Если царь, предостерегал король, не внемлет его «дружеским» призывам к умеренности и продолжит свою политику,

[1] Федор Веселовский в данном случае ошибочно советовал Петру не отождествлять эти два статуса, ибо в первом качестве Георг может говорить и делать одно, а во втором другое. Исходя из такого понимания, посол в начале 1720 года дал неверный прогноз относительно политики английского короля в ближайшее время.

то большинство европейских держав объединится против России, а Англии придется принять меры, которые Петру не понравятся.

С подобными мерами Георг I не заставил себя ждать. В апреле 1720 года эскадра адмирала Норриса вошла в Балтийское море. Этот акт сопровождался грозным предупреждением британского госсекретаря Стенхоупа, заявившего Веселовскому, что флот *«послан на помощь Швеции, и в вашей воле заключить мир или нет и нас признать за приятелей или неприятелей, и, как вы поступите в отношении к нам, так и мы поступим в отношении к вам»*. По сути, Петру предлагалось принять английское посредничество (разумеется, в пользу Стокгольма) под жерлами корабельных пушек.

Такой тон царь давно уже не принимал. Он опасался вражеского флота, но не до такой степени, чтобы прекратить боевые операции против шведов. Петр вел, если так можно сказать, оборонительно-наступательную войну. К началу 1720 года русские войска на берегах Эстляндии и Финляндии получили подкрепления. В Ревеле, Гельсингфорсе, Кронштадте и даже в Архангельске были построены дополнительные фортификационные сооружения, снабженные артиллерией. Вокруг побережья появились плавучие ограждения, готовились малопригодные для иного суда к затоплению в узких проходах. Боевые корабли получили приказ дежурить вблизи русских берегов, но уклоняться от сражений с неприятелем в открытом море.

Петр стремился опередить действия английского флота. В письме к Ф.М. Апраксину он ставил задачу нанести шведам на суше как можно больший урон и тем самым показать неспособность Лондона защитить их. Но в то же время царь наказывал избегать риска проиграть в морском сражении и позволить противнику перехватить стратегическую и психологическую инициативу. В середине апреля 1720 года русские войска переправились на галерах через самое узкое место Ботнического залива и разорили шведский город Умео с окрестностями, а затем вернулись в Финляндию. Это была пощечина находившемуся в Балтийском море англо-шведскому флоту.

Адмирал Норрис, видимо, размышлял над тем, как реагировать, чтобы сохранить лицо. В конце мая он подвел объединенную эскадру (33 корабля) к Ревелю и оттуда послал два письма, одно к Петру, другое к ревельскому коменданту генералу В.В. фон Делдену. Первое сразу же было возвращено отправителю с напоминанием, что не царское это дело вступать в переписку с иностранным адмиралом. Во втором было сказано о цели появления британского флота: *«для получения справедливого и умеренного мира между Россией и Швецией»*. Себя же и Картерета Норрис снова предлагал в качестве посредников на переговорах.

Русские не могли не найти странным, что «посредник» объявлял о своей миссии с борта флагманского корабля, откуда он командовал крупной боевой эскадрой, которая приблизилась к Ревелю почти на расстояние пушечного выстрела. Ф.М. Апраксин ответил Норрису от своего имени. Он сказал, что, согласно официальному уведомлению Лондона, британский флот прибыл *«на помощь неприязненной нам короне Шведской»*, и, стало быть, есть основания рассматривать его появление у русских границ как враждебный акт. Поэтому адмирала просят *«держаться в пристойном отдалении от здешних мест и крепостей»*, иначе Россия будет вынуждена *«употребить надлежащие меры предосторожности»*. Что касается посредничества Норриса, то для такой миссии обычно назначаются специальные уполномоченные, снабженные королев-

ской грамотой для вручения ее царю. Царское величество обещает принять посла *«дружелюбно»*, выслушать его предложения и дать ответ.

Это была еще одна оплеуха, означавшая, что английский устрашающий жест не подействовал. Норрису, не заметившему у русских страха перед самым лучшим флотом в мире, предстояло решать, что делать дальше. Сохранение воинственной позы, после предупреждения Апраксина, легко могло привести к какой-нибудь случайной стычке, грозившей стать спусковым крючком для абсолютно непредсказуемой англо-русской войны. Единственным козырем Лондона в такой войне был бы флот, способный взять под контроль какую-то часть акватории Балтийского моря, но достичь тотального доминирования все равно бы не удалось. Атаки на русские прибрежные крепости, вооруженные артиллерией, принесли бы англичанам большие потери. Между тем для царского высокоманевренного, не зависевшего от погоды галерного флота с десантами не составило бы труда проникнуть на шведские берега для масштабных военных операций.

Норрис счел за благо не искушать судьбу и отвел эскадру подальше от русских границ. «Подвиги» адмирала, позволившего русским под самым его носом опустошить шведскую территорию, вызвали насмешки в английском обществе.

Петр не боялся разрыва с Англией, но и, определенно, не искал его. Это заметно по тону его общения с Георгом I. Призывы к примирению и примирительные демарши не означали, что он собирался оставить без внимания резкие выпады английского короля в свой адрес. Впрочем, обмен обвинениями давно стал привычной частью общей картины русско-английских отношений.

В марте 1720 года Петр отправил в Лондон нового резидента, М.П. Бестужева-Рюмина, на смену Ф.П. Веселовскому, который, по мнению царя, недостаточно профессионально справлялся со своими обязанностями. (Возможно, главная причина состояла в том, что брат Веселовского Авраам был замешан в деле царевича Алексея Петровича.) Царские инструкции требовали от Бестужева-Рюмина объясниться с Георгом I начистоту. Он должен был заявить, что Петр, руководствуясь добрыми намерениями, готов восстановить прежнюю дружбу и согласие с королем, которому царь никогда не подавал повода к ссоре. Это будет отвечать интересам обоих государств и выгодам их подданных. Вместе с тем Бестужеву-Рюмину предстояло сообщить Георгу I, что царь крайне удивлен и глубоко огорчен его решением разорвать без всяких на то причин союз с Россией, объединиться против нее со Швецией и послать военный флот в Балтийское море. Петр, не находя этому иного объяснения, *«великодушно склонен»* считать такой акт результатом интриг ганноверского двора, действующего вразрез с интересами английского народа. Царь же, учитывая именно эти интересы, предоставляет королевским подданным свободу торговли на российской территории и обещает оградить их от всяких опасностей и поборов.

Бестужев-Рюмин направлялся в Лондон не только для того, чтобы сделать это заявление. По дороге ему предстояло заехать в Гаагу к Куракину и получить от него дополнительные инструкции, поскольку русский посол был хорошо осведомлен об английских делах. Бестужеву-Рюмину предписывалось советоваться с Куракиным по всем вопросам и держать русских резидентов в европейских государствах в курсе происходящих в Англии событий. Особое внимание ему предстояло уделить наблюдению за военными приготовлениями Лондона и работе по информированию бри-

танских политиков и общества о намерениях царя с акцентом на публичное опровержение враждебных России слухов и инсинуаций.

Прибыв на место, Бестужев-Рюмин пытался опубликовать в лондонских газетах переписку между адмиралом Норрисом и Апраксиным, чтобы общество знало о состоянии русско-британских отношений не только со слов британских министров. Но ему запретили делать это. Тогда резидент представил правительству меморандум (октябрь 1720 г.) с изложением позиции Петербурга в свете царских указаний. Комментируя заявления Лондона о том, что предложение о посредничестве в переговорах между Швецией и Россией есть наглядное доказательство миролюбия Англии, М.П. Бестужев-Рюмин в письменном и развернутом виде представил Георгу I русскую точку зрения на мотивы поведения британской стороны.

Вот выдержки из этого документа. *«Предлагать медиацию и тогда же делать угрозы суть вещи противоречительные и несовместные между собой; предлагать медиацию для примирения государя с его неприятелем и тогда же объявлять, что сделали союз с сим неприятелем, — сие ясно показует, что медиация не с тем предлагается, чтоб достигнуть до сего примирения, но что ищут причин ко вражде и разрыву. Заключение ответа великобританских министров довольно показует, что ваше величество не посредником, но судьей хотите быть и давать законы и что министры вашего величества мнят, что его царское величество должен без противоречия покориться законам, каковые они рассудят ему приписать.* [...] *И если бы ваше величество заблагорассудили пребыть тверды в союзах с его царским величеством, то бы Швеция принуждена была согласиться на общий мир, чем бы намерения северных союзников исполнены были и давно бы уже общее спокойствие восстановлено.* [...] *Добрая дружба и согласие между Россией и Великобританией были всегда для торговли великобританской нации источник великих польз и прибытков; разрыв же не может ей не убыточен быть. Его царское величество не подал никакой причины прервать толь твердо установленную и толь полезную обеим нациям дружбу. Для показания искреннего своего благоволения к великобританской нации хотел дать ей коммерческим трактатом многие выгоды. Его царское величество еще и ныне склонен сохранять сию дружбу, и учиненное им объявление английским купцам о позволении им свободной торговли во всех своих областях есть ясное тому доказательство, и тем более, что сие он учинил в то время, когда ваше величество и ваши министры неприятельски с его царским величеством поступали, посылая флот против его на помощь его неприятелю и возбуждая против его величества все державы, не исключая и турков».*

В ответ Лондонский кабинет, придравшись к тому, что документ был подан в отсутствие Георга I (он находился в Ганновере), выслал Бестужева-Рюмина (23 ноября 1720 г.) из страны. Конечно, дело заключалось не в формальностях, а в нежелании англичан, всегда уверенных в своей правоте, выслушивать обвинения другой стороны. Королю попросту не понравилась правда, которой нужно было не так уж много, чтобы вывести его на чистую воду. Здесь также можно усмотреть месть за пинок, полученный адмиралом Норрисом.

Была еще одна причина. 27 июля (7 августа) 1720 года около острова Гренгам русский галерный флот под командованием М.М. Голицына нанес поражение шведской эскадре, вооруженной 156 орудиями. Хотя эта победа не имела большого стратегического значения, она нанесла существенный моральный ущерб и шведам и, главное, англичанам, на виду у которых русские уже во второй раз позволяли себе делать

на Балтике то, что хотят. Петр считал это событие *«не малой викторией»*, поскольку она произошла *«при очах господ англичан»*, вставших на защиту Швеции. Тем не менее объявлять России войну Англия не решалась.

Если высылка М.П. Бестужева-Рюмина не была со стороны Георга I ребячеством, то можно допустить, что король провоцировал Петра на объявление ему войны, что, возможно, сплотило бы врагов России. Однако царь не поддался на эту уловку. Он объявил, что разрывает с английским королем, но не с его подданными, которые могут оставаться и беспрепятственно торговать в России.

Чем ближе к окончанию войны, тем чаще в сознании Георга I русофобские навязчивые идеи вытесняли чувство реализма. Блестящий успех британской дипломатии в развале Северного альянса вдохновлял короля на поиски новых возможностей лишить Петра плодов победы. Его не покидала мысль о формировании боеспособной коалиции, объединяющей *«великие державы, имеющие интерес в том, чтобы унизить могущество царя, сообща принять действительные меры с целью поставить его в должные границы. Нельзя допускать его сделаться полновластным владыкой Балтийского моря, предписывая законы Швеции и Польше и стать в такое близкое соседство с Германией, чтобы иметь возможность нарушить спокойствие имперских князей»*. Георг I писал это Карлу VI в августе 1720 года, призывая его войти в союз с Англией и Швецией (*«и какой-либо еще державой»*).

Английский король рассуждал в классических категориях теории равновесия сил: отныне угрозой равновесию на Балтике и вообще в Европе была не Швеция, а Петр — *«основатель новой Империи»*, как его назвало одно авторитетное британское издание того времени.

Карл VI разделял страхи Георга I, но, опасаясь быть втянутым в авантюру, предложил создать вместо военной коалиции дипломатическую, собраться в Брауншвейге и принудить Россию к отказу от приобретенных земель. Но такой вариант не устраивал англичан, считавших, что из всех возможных претендентов на маклерскую роль Карл VI самый неподходящий, ибо он относится к территориальным требованиям царя весьма снисходительно и, кроме того, разделяет русскую позицию в гольштинском вопросе. Георг I, видя, что Петр не допустит его посредничества ни под каким предлогом, решил так: лучше уж пусть эта миссия достанется прошведски настроенной Франции, чем не расположенной к Фредрику I Австрии. С конца 1720 года Лондонский кабинет стал в срочном порядке содействовать отправке в Петербург французского посла в Стокгольме Жака де Кампредона с надеждой, что этот опытный и сноровистый дипломат сумеет добиться заключения столь необходимого шведам перемирия и минимально ущербных для них предварительных условий мира.

Международные аспекты борьбы за шведский престол

Английская политика оставалась неизменной — создать вокруг России полную дипломатическую блокаду и сосредоточиться на военно-политической помощи Швеции. В рамках этой программы Лондон продолжал настойчиво преследовать свою давнюю цель — окончательно разорвать датско-русские союзнические отношения и добиться заключения мира между Копенгагеном и Стокгольмом. Диаметрально противоположную задачу ставил перед собой Петербург. Царь велел В.Л. Долгоруко-

му всеми силами склонять датского короля к продлению если не самой войны, от чего тот уже отказался, то, по крайней мере, формального состояния войны. Датско-шведские переговоры шли медленно и очень трудно. Шведы требовали гораздо больше, чем датчане готовы были уступить. Используя это, русский посол предложил Фредерику IV военную помощь в обмен на его отказ от подписания мира. Король ответил, что до мира еще далеко. *«Только б англичане не принудили»,* — добавил он. Датские министры, ведомые своими личными интересами и погрязшие в интригах, попытались выпросить у Долгорукого финансовую помощь для «продолжения войны». Зная, как расходовались предыдущие русские субсидии, посол отказался выбрасывать деньги на ветер.

Переговоры между Данией и Швецией осложнялись по двум причинам. Копенгаген с подозрением относился к Лондону, опасаясь быть обманутым в очередной раз. Георг I, получив Бремен и Верден, мог позволить себе не принуждать Стокгольм к удовлетворению территориальных требований датского короля, которого нисколько не устраивала замена шведского господства на Балтике английским. Поэтому Фредерик IV не скрывал от Лондона факта переговоров с В.Л. Долгоруким, чем намекал на возможность своего возвращения к военному союзу с Россией. И такой шантаж, как вскоре выяснится, оказался действенным.

Вторая причина была связана с проблемой наследования шведской короны после Ульрики или при ее жизни. Карл-Фридрих Гольштинский, несмотря на скитания, оставался законным претендентом со своим кочующим двором и правительством, в котором, напомним, важнейшую роль играл один из умнейших людей своего времени, граф Бассевич. Благодаря его стараниям герцог не сложил оружия и продолжал бороться за свои права. Опираясь на тайную или явную поддержку части шведского Сената и ряда европейских правителей, Карл-Фридрих принял титул «его королевского высочества». К началу 1720 года он, правда ненадолго, стал заметным игроком в северных делах. Герцог имел на руках важный козырь — возможность торговаться со всеми, спекулируя поддержкой царя (хотя реально связывать свою политическую судьбу с Россией он не решался). С этим обстоятельством считались, и оно же использовалось каждым из участников большой северной игры в собственных интересах. Георг I вроде бы поддерживал кандидатуру Карла-Фридриха[1] отчасти из соображений справедливости, но больше из практических соображений: герцог был средством давления на Ульрику в вопросе об уступках в пользу Дании, которая ждала компенсации за потерю Бремена и Вердена, отошедших к Ганноверу. В Ганновер, во время своего вынужденного путешествия по Европе, заехал Карл-Фридрих. Местные министры призывали герцога к более активной борьбе за престол, чтобы Георг I смог поддержать его — разумеется, в обмен на сговорчивость его уже в качестве нового шведского короля в вопросе об уступках Дании.

Ульрика Элеонора в стремлении не допустить к власти своего ненавистного племянника не останавливалась ни перед чем. Она обвинила его в преступном присвоении королевского титула, в предательском сговоре с русским царем, жестоко третировала графа Бассевича, чтобы лишить его влияния на шведских министров, и в конце концов добилась изгнания его из Швеции, к немалому возмущению иностранных

[1] Не будем забывать, что, согласно ганноверско-шведскому договору от 9 (20) ноября 1719 года, Георг I обязался защищать наследственные права Гольштейн-Готторпского дома.

послов. Границы страны были закрыты для гольштинцев, а английскому посланнику в Стокгольме лорду Картерету открыто заявили, что Георгу I не видать Бремена и Вердена, а датскому королю Шлезвига и всего остального, если они не откажутся от поддержки герцогских притязаний. На всякий случай Ульрика Элеонора убаюкивала герцога обещанием дать ему щедрое вознаграждение в виде гарантированного закрепления за ним шлезвиг-гольштейн-готторпских владений, на которые зарятся датчане. Но для этого он должен прекратить домогаться шведской короны и порвать все связи с царем.

На другом дипломатическом фланге — русском — отчаянную борьбу на стороне Карла-Фридриха вел граф Бассевич. В начале 1720 года, будучи в Вене, он явился к специальному представителю царя Вейсбаху с тайным *«делом великой важности»*. Он сказал, что европейские державы никогда не согласятся на передачу Лифляндии России, и есть лишь один способ обойти их — помочь герцогу в осуществлении его неоспоримого права занять престол и выдать за него замуж одну из царских дочерей, а тот в благодарность отдаст царю прибалтийскую территорию. Вейсбах, сославшись на отсутствие у него соответствующих полномочий, предложил составить письменный документ и отправить его в Петербург. Но Бассевич отказался доверять свой проект бумаге и пообещал сам приехать к Петру.

Ганноверские министры, как мы уже говорили, обещали поддерживать законные права герцога на шведский престол при условии его отказа от дружбы с царем. Но дальше этого дело не пошло[1]. В Пруссии Карла-Фридриха встретили с распростертыми объятиями, как бы принося извинения за то, что в прусско-шведском мирном договоре (от 21 января 1720 г.) нет ни слова в защиту интересов герцога, как-никак союзника Фридриха-Вильгельма. В Берлине Карла-Фридриха склоняли к компромиссу, условия которого были таковы: он снимает свои возражения против передачи шведской короны мужу Ульрики принцу Фридриху Гессен-Кассельскому, а тот назначает его наследником престола[2].

В Стокгольме согласия на такую комбинацию добивался от принца британский посол Картерет, мотивируя это тем, что так ему легче будет умиротворить приверженцев Карла-Фридриха, добиться короны с меньшими усилиями и освободить ее от чрезмерных республиканских стеснений, навязанных Сенатом, в том числе от ограничений на ведение тайной дипломатии, направленной на ослабление России. Принц, настроенный на «чистую победу» над своим соперником, отклонил советы посла.

После Берлина Карл-Фридрих отправился в Вену, где император встал на его защиту, но не в качестве безусловного сторонника возведения герцога на престол (что было бы явным вмешательством во внутришведские дела), а как гарант Травендальского мира 1700 года, подтвердившего суверенитет Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского герцогства, наследного владения Карла-Фридриха. Британский посол в Австрии

[1] Заметим, что в англо-шведском договоре 1720 года о военном союзе, в отличие от ганноверско-шведского договора о мире, герцог Гольштинский вообще не упомянут. Видимо, угроза Стокгольма, о которой мы говорили выше, подействовала. Карл-Фридрих был для Англии всего лишь разменной монетой, и она легко им пожертвовала, тем более ввиду его явного сближения с Россией.

[2] Задумаемся на минутку, что предлагалось герцогу в реальности. Принцу в 1720 году было 44 года, и он мог прожить еще долго, как оно и случилось. Все это время двадцатилетнему Карлу-Фридриху предстояло ждать. Согласись он на это, его черед наступил бы в 1751 году (когда умер Фридрих Гессен-Кассельский), но дожить до этого ему бы не пришлось, так как он скончался в 1739 году.

граф Кадоган упрашивал Карла VI поддержать идею о передаче этих земель Дании, но тщетно.

Все это происходило в первые два месяца 1720 года. Борьба за власть в Стокгольме достигла апогея. По-прежнему соперничали три партии. Одна поддерживала Ульрику Элеонору в стремлении передать корону своему мужу принцу Фридриху Гессенскому. Другая соглашалась на это только при условии, что наследником престола новый король назначит Карла-Фридриха Гольштинского. Третья вообще отвергала наследственный принцип, считая, что после смерти Ульрики преемник должен быть избран Сенатом.

Судя по всему, герцогу не хватало воли, чтобы добиваться короны со всей решимостью, и он постепенно приучал себя к мысли о необходимости удовлетвориться восстановлением своих законных прав на шлезвиг-гольштейнские земли. Но поскольку Ульрика, под давлением Англии и Франции, собиралась уступить их Дании, Карл-Фридрих вынужден был прибегнуть к шантажу. Он написал королеве письмо, которым извещал, что русский царь настаивает на возвращении Шлезвиг-Гольштейна законному владельцу. Однако он, герцог, хотел бы *«быть обязанным за эти выгоды только милостям королевы и доброму расположению шведской нации»*, а не Петру. Если же в переговорах с Данией пожертвуют его интересами, то придется принять помощь царя.

Ульрика, испугавшись, поспешила дать герцогу обещание включить в шведско-датский договор условие, гарантирующее суверенитет Шлезвиг-Гольштейна. Еще больше засуетился ее муж. Петр при желании мог создать непреодолимые препятствия на пути принца к власти. Впереди была военная кампания 1720 года, грозившая шведской территории перспективой подвергнуться небывалому разорению, чреватому усугублением внутриполитического кризиса. В стремлении умилостивить царя Фридрих Гессенский обратился к своей сестре вдовствующей герцогине Мекленбургской с просьбой уговорить Петра поддержать принца или, по крайней мере, не препятствовать ему. Ответ царя стоит расценивать как образчик дипломатической утонченности. Он не лишал принца надежды, но и не позволял благодушествовать. Государь говорил, что готов смотреть правде в глаза: Фридриху осталась всего лишь одна ступенька, чтобы взобраться на трон, и в такой ситуации мнение царя ничего не решает. Если же принц хочет знать это мнение, то оно заключается в следующем: подняться к власти на волне смуты — одно, а удержаться на троне при тяжелейших внутренних обстоятельствах — нечто другое. Он, Петр, согласен помочь в *«упрочении престола»* при условии, что между Швецией и Россией будет подписан *«хороший мирный договор»*, куда можно будет включить царское признание Фридриха Гессенского в качестве законного короля. Разгадать подтекст не составляло труда. Петр поддержит того кандидата, который пойдет на заключение «хорошего мирного договора».

Главным человеком, вдохновлявшим герцога Гольштинского на борьбу за шведский трон и стремившимся сохранить в нем честолюбивые стремления, был граф Бассевич. Связывая благополучие Швеции с тесным союзом с Россией, он разработал затейливый план, рассчитанный, во избежание потери драгоценного времени, на немедленное осуществление. Его суть. Карл-Фридрих срочно отправляется в Россию, женится на одной из дочерей Петра и вверяет себя заботам царя. Тот в свою очередь ставит одним из условий русско-шведского мира возвращение герцогу Шлезвига и Гольштинии. Затем следует самое важное: царь отказывается от Лифляндии и Эст-

ляндии в пользу своего нового родственника; в обеих провинциях созываются съезды сословий, где Карл-Фридрих избирается их государем, что откроет ему прямой путь к престолу, ибо это будет означать возвращение утраченных территорий под скипетр Швеции.

Были ли у плана Бассевича шансы на успех? Сложно сказать. Для его осуществления Петр должен был бы бросить все силы на масштабную «предвыборную» кампанию в пользу Карла-Фридриха, не исключая угрозы применения силы против его врагов. Столь решительное вмешательство царя во внутриполитические дела Швеции наверняка лишило бы герцога его сторонников как внутри страны, так и за рубежом. Все подумали бы, что в уплату услуг Петра пойдет Лифляндия. Другое дело, если бы царь согласился отдать ее (и Эстляндию) Карлу-Фридриху в качестве «приданого», которое вымостит ему дорогу к шведской короне. Но зачем все это Петру? Затем, чтобы устроить счастье гольштинскому герцогу ценой обнуления результатов двадцатилетней Северной войны?

При жизни Карла XII и Герца возмущение шведского общества потерей Лифляндии можно было успокоить получением солидного *«эквивалента»*, идея которого обсуждалась на Аландском конгрессе. Сейчас же найти территориальные вознаграждения за утрату Лифляндии было негде. Об этом позаботились англичане, которым удалось добиться подписания трех сепаратных договоров между Швецией, с одной стороны, Ганновером, Пруссией и Англией — с другой. Оставалась колеблющаяся Дания, но и она, находясь под растущим давлением Лондона, пусть и с трудом, склонялась к соглашению со Стокгольмом. Петр прекрасно понимал, что, заключив союз с герцогом Гольштинским, он уже не сможет отступить назад, не потеряв лица, и придется идти до конца, то есть восстанавливать против себя почти всю Европу. Так рисковать, находясь в полушаге от сокрушения Швеции, царь не хотел. Кроме того, целиком положиться на Карла-Фридриха он не мог, поскольку тот вел свою игру, отправившись сначала в Ганновер, затем в Берлин и, наконец, в Вену.

Под влиянием колебаний герцога в его маленьком правительстве начались большие разногласия, сопровождавшиеся интригами, склоками, борьбой честолюбий и вмешательством Англии. Против Бассевича образовалась жесткая оппозиция, внушавшая Карлу-Фридриху, что связь его первого министра с русскими ненавистна Стокгольму и Лондону, поэтому от него нужно избавиться. Герцог, стараясь угодить и тем и другим, выбрал среднюю линию, самую пагубную в той ситуации. С одной стороны, он заигрывал с непримиримыми противниками России, с другой — делал вид, будто хочет тесно сблизиться с Петербургом. Герцог отправил к царю своих эмиссаров Штамке и Пегелейна узнать о его намерениях, но ни о чем не договариваться. Французский и шведский дворы убеждали герцога не заключать союза с Петром, обещая решить шлезвиг-гольштейнский вопрос в его пользу.

Посреди всей этой канители сторонникам Фридриха Гессенского и их внешним союзникам удалось продавить в шведском Сенате решение об избрании его королем (29 февраля 1720 г.) под именем Фредрика I. Вопрос о признании герцога Гольштинского наследником престола и восстановлении его законных владений (в соответствии с обещаниями Ульрики Элеоноры) был отложен до следующего парламентского съезда при минимальных шансах на его положительное решение. Укреплению Фредрика I на троне способствовали французские субсидии, которые он щедро расходовал

на благо Швеции, покупая отказ Пруссии от выполнения союзного договора с Гольштинией и согласие Лондона на отправку британского флота на помощь шведам.

Своей псевдомакиавеллистской игрой, долгими, боязливыми раздумьями, когда требовались быстрые и точные политические ходы, Карл-Фридрих превратил себя из реального претендента на королевский трон в «бедного родственника» Европы, вынужденного искать себе тихое пристанище. Впрочем, герцог со своим двориком материальной нужды не испытывал. Некоторые великие державы (Франция, Испания), в том числе предавшие его, выплачивали ему своеобразную моральную компенсацию. Лондон, никогда не терзавшийся угрызениями совести, выдал денежное пособие с другой целью — отвратить Карла-Фридриха от поездки в Петербург.

Англичане зря беспокоились: время для такой поездки было упущено. Тем не менее гольштинский посланец Штамке все же появился в русской столице. Он привез план Бассевича, который утратил свою актуальность после прихода к власти Фридриха Гессенского (теперь Фредрика I). Петр принял его прохладно не только по этой причине. Штамке, согласно инструкции герцога, ставил вопрос о передаче ему Лифляндии, о царской помощи в возвращении родовых владений (Шлезвига и Гольштинии) и в обретении шведского престола. Эти предложения, не имевшие ничего общего с русскими интересами, Петр встретил без энтузиазма, выдвинув свое условие: после избрания королем герцог должен вернуть Лифляндию России. Штамке отклонил это условие, что, впрочем, не имело уже никакого значения. Обсуждение проекта Бассевича, разрушенного обстоятельствами, носило сугубо гипотетический характер. Переговоры были небесполезны с психологической точки зрения. Сам факт их проведения являлся фактором давления на нового шведского короля, заставляя его свыкаться с мыслью о неизбежности уступок в пользу России в объеме, максимально приближенном к требованиям царя.

Фредрик I занервничал. Власть-то он получил, но за нее еще предстояло расплачиваться. Остро стоял вопрос, кому и сколько платить внутри Швеции и за ее пределами. Его оппонент, несмотря на свое поражение на «выборах», оставался политическим знаменем для многих шведов и некоторых иностранных государств, предпочитавших сохранить герцога как потенциальную угрозу королю и объект различных манипуляций. Карл-Фридрих, отрицая законность избрания, не поздравил короля с восшествием на престол и продолжал называть его принцем Гессен-Кассельским.

Роль дамоклова меча, висящего над головой Фредрика I, отводил герцогу Гольштинскому не только Петр, но и австрийский император — каждый, руководствуясь собственными, несовпадавшими целями.

Наряду с тревожными новостями о петербургских переговорах Штамке у Фредрика I появились другие причины для беспокойства. Очень близкий к Петру человек, специальный эмиссар царя в Вене П.И. Ягужинский тесно сблизился с графом Бассевичем, который высоко ценил его *«чрезвычайную талантливость»*, отмечаемую и другими современниками. Союз таких личностей, да еще скрепленный их готовностью защищать интересы герцога Гольштинского, был небезопасен для шведского короля. Бассевич не отказался от своего плана и обсуждал его с Ягужинским, который его поддерживал. В одном принципиальном положении этого плана не все до конца ясно. Одни источники указывают на пункт, согласно которому герцог сначала использует приобретение Лифляндии для получения шведской короны, чтобы затем, став коро-

лем, вернуть эту территорию царю в благодарность за его помощь. В других источниках об идее «возвращения» ничего не сказано. Вероятно, и сам Бассевич был здесь не вполне честен. Ведь кому, как не ему, искусному дипломату, знать, что расстаться с уже приобретенной Лифляндией королю будет почти невозможно, ибо тогда он уронит себя в глазах шведского народа и обрушит на себя его гнев.

Возможно, у Бассевича про запас была программа-минимум, почти совпадавшая с предложением его коллег, гольштинских министров, считавших более реальным удовольствоваться закреплением за герцогом его наследственных владений Шлезвига и Гольштинии, а вопрос о шведском престоле отложить до лучших времен. Но и тут требовалась помощь царя. И чтобы заручиться ею, нужно было заинтересовать Петра идеей прокладки через шлезвигские земли обводного канала, соединяющего, минуя Зундский пролив, Балтийское море с Северным, и предоставления этой важной торговой и стратегической артерии в распоряжение России.

Бассевич, насколько хватало его влияния и возможностей противостоять влиятельным внутришведским и международным силам, старался воодушевить Карла-Фридриха идеей реванша. Находясь в Вене (весна–лето 1720 г.), герцог заверял Ягужинского в своем желании породниться с царем и отдать себя целиком под его высокое отеческое покровительство. Он говорил, что в Швеции у него много друзей, но они не решаются открыто выступить на его стороне. А когда они поймут, что он находится под могучей опекой русского государя, то поднимут против Фредрика I мятеж.

Эти заверения запоздали. К ним бы безусловно прислушались, если бы Карл-Фридрих вместо того, чтобы скитаться по Германии в поисках поддержки, вовремя приехал в Петербург, где его ждали и готовы были ради него на многое. Но герцог, искусившись посулами европейских дворов, отказался от поездки к Петру. А теперь ситуация изменилась, и царь имел все основания с подозрением отнестись к гольштинским замыслам.

Внешнеполитическое петляние Карла-Фридриха Петру не нравилось, как и то, что среди его приоритетов Россия была не на первом месте. Когда герцог наконец решился свататься к царской дочери, Петр уклонился от ответа, сославшись в письме к Ягужинскому на непредсказуемость жениха. Пусть, дескать, приедет в Петербург, а там посмотрим. Однако переговоры со Штамке продолжались на протяжении всего 1720 года. На гольштинскую политику лавирования Петр отвечал симметрично: если Карл-Фридрих намерен использовать Россию как средство давления на шведского короля ради собственных планов, то почему бы и царю не использовать герцога в таком же качестве. Шантажируя шведского короля, Петр косвенно довел до его сведения, что не заключит мир, пока Карл-Фридрих не будет объявлен наследником престола. Эта угроза принимала в шведском сознании гипертрофированные очертания в свете русско-гольштинских переговоров в Петербурге, на что царь и рассчитывал.

Штамке добивался от Петра официального признания герцога единственным преемником Фредрика I. Такой статус имел огромное значение. Он сильно укрепил бы позиции гольштинской партии в Швеции и повысил бы шансы на свержение нелегитимного короля. Чтобы склонить Петра к решительному шагу, Штамке говорил, что у герцога большое число сторонников среди шведов, которые хотят принудить Фредрика I к удовлетворению их требований. Но им нужно помочь извне.

В ответ царь, называя герцога *«его королевским высочеством»*, заявлял о неоспоримости его притязаний на шведскую корону и о своей готовности *«из праволюбия»* защищать его интересы не только при заключении мира (который *«еще далеко отстоит»*), но и *«в продолжение войны»*. Не скупясь на обнадеживающие слова, государь вместе с тем уклонился от конкретных обязательств.

Тогда Штамке пошел на маленькую хитрость. Он сообщил, что англичане и датчане *«всеми способами стараются отводить герцога от царского величества»*. И в этом при желании можно было усмотреть намек на имевшуюся у них возможность преуспеть. Иначе говоря, легкую примесь шантажа.

Похоже, Петр так это и воспринял. Не то чтобы он встревожился, но желание отреагировать у него появилось. Государь предупредил Штамке, что, достигнув своей цели — отлучения герцога от России, — Англия и Дания бросят его на произвол судьбы. Они, собственно, уже это сделали, забрав у Гольштейн-Готторпского дома Шлезвиг. Надеяться на Ганновер (куда Карл-Фридрих ездил за поддержкой) и подавно не стоит: у него одна забота — удержать за собой Бремен и Верден. Никто, кроме России, не имеет столько причин помочь герцогу и столько средств. На весну 1721 года, как уведомил Петр, намечается крупная военная кампания, которая покажет всю силу державы, выступающей на стороне законного наследника шведского трона. Но царю нужно заранее знать, о чем конкретно герцог хочет договариваться с Россией.

После этого вопроса у Штамке разыгрался аппетит. Ему показалось, будто Петр ради сохранения влияния на герцога готов сделать ему такие уступки, на которые официальный Стокгольм не мог и надеяться. Решив реанимировать план Бассевича, он повторил его основные положения. Сделаем это и мы. 1) Для устранения недоверия к Карлу-Фридриху Петр соглашается на его брак с царской дочерью. 2) Тогда государю *«не трудно будет»* уступить *«в **суверенную*** (курсив оригинала. — *В. Д.*) *и наследственную собственность»* Лифляндию и Эстляндию. Эти два главных препятствия к русско-шведском миру перестанут быть таковыми, поскольку *«провинции уступаются законному наследнику Шведского государства»*, что будет расценено как свидетельство умеренности и миролюбия царя. 3) *«Когда герцог вступит на шведский престол, Россия и Швеция соединятся самым крепким союзом, следствием которого будет почтение Европы»*; выгодное положение герцогских гольштейн-готторпских земель даст России новые возможности в международной торговле (видимо, опять имелась в виду идея прорытия канала между Балтийским и Северным морями в обход Зунда).

При всей сомнительности этой программы с точки зрения ее реализации, логика в ней была, логика, скрытым образом связанная прежде всего с интересами Швеции. Впрочем, кое-что сразу бросается в глаза. Больше всего подозрений вызывала последовательность осуществления этого проекта. Первым делом Россия должна уступить Лифляндию и Эстляндию. И тут принципиальное значение имеет сам факт уступки, а не то, в чью пользу она сделана. Это сущностное ядро предложений Штамке, все остальное — гипотетические построения, зависевшие от непредсказуемой внутришведской и международной конъюнктуры. Гольштинский посол, заметим, не гарантирует, а лишь выражает надежду, что благодаря великодушию царя количество приверженцев герцога, которые пока *«лица показать не смеют»*, прибавится, и они смогут свергнуть Фредрика I.

Представим себе, что герцог стал шведским королем. Какие резоны смогут заставить его вернуть Прибалтику России? Чувство благодарности, которое в политике ломаного гроша не стоит, тем более когда речь идет о благодарности за вчерашнюю услугу? Скорее всего он будет движим страхом потерять опору в шведском обществе, а возможно, и престол, если он вздумает отблагодарить царя таким образом. Мы уже не говорим о внешнем давлении практически всей Европы. Кстати сказать, вопрос о возвращении земель Штамке даже не затрагивал. Как бы подразумевалось, что при тесном союзе между Петербургом и Стокгольмом он отпадет сам собой, поскольку Лифляндия и Эстляндия станут для царя дружественными территориями. Тут возникает еще один вопрос: а много ли найдется в Швеции сторонников такого союза и выстоит ли он под ударами враждебных России внешних сил? Вряд ли мы впадем в ошибку, предположив, что все это было предметом мучительных раздумий Петра, в результате которых неопределенному будущему он предпочел реальное настоящее.

Сказанное отнюдь не лишает историка права размышлять о том, как бы повернулась история международных отношений в Европе, согласись Петр идти до конца в осуществлении программы Бассевича.

* * *

У Фредрика I была и другая причина для волнений, не менее серьезная, чем русско-гольштинские переговоры. Еще в начале 1720 года шведский резидент в Вене барон Гёпкен самовольно покинул свой пост и неожиданно приехал в Стокгольм. Он счел своим долгом срочно сообщить, что Швеция *«подвергнется всевозможным бедствиям, если наследование престола не будет обеспечено герцогу Гольштинскому и если последнего не сделают посредником для заключения мира с Россией»*. Пойти на такой крайне рискованный шаг Гёпкена видимо, заставило общение с венскими министрами, которые не скрывали решимости Карла VI защитить законные права правителя земель, входящих в Империю. Нарушителя служебной дисциплины посадили в тюрьму, но его предостережение вызвало брожение в обществе. И хотя оно не помешало Фридриху Гессенскому стать королем, оставить эти факты без внимания значило подвергнуть новоиспеченную власть опасности.

Часть шведского общества связывала возможность заключения щадящего для Швеции мира с Россией именно с герцогом Гольштинским. Против таких настроений шведский король выдвинул свой аргумент, заявив, что у него есть более авторитетный посредник в переговорах с царем — французский регент Филипп Орлеанский. Он также обнародовал свое желание умиротворить сторонников герцога изъявлением благоволения к нему в виде подарка в 20 тыс. талеров и обещания (неопределенного) повторять это благодеяние ежегодно. На это Карл-Фридрих ответил: *«Я не настолько глуп и не настолько голоден, чтобы променять мое право старшинства на блюдо чечевицы»*.

Неожиданно резкое заявление герцога возбудило в Фредрике I подозрение, что Петр, которому надоела вся эта возня, готовится покончить с ней одним сокрушительным ударом по Швеции. Русские военные приготовления весной 1720 года могли указывать именно на такую перспективу. Король стал лихорадочно искать способы защититься с помощью европейских держав, готовый пойти им на уступки по тем или иным вопросам.

Из такого психологического состояния извлекла выгоду Дания, долгие месяцы ведшая со Стокгольмом трудные переговоры. 3(14) июля 1720 года был подписан Фредериксборгский договор, по условиям которого Швеция разрывала союз с гольштейн-готторпским двором, соглашалась на присоединение Шлезвига к Дании, отказывалась от взимания зундской пошлины, выплачивала Копенгагену 600 тыс. риксдалеров. Датчане со своей стороны возвращали Стокгольму оккупированную ими часть шведской Померании и полностью разрывали союз с Россией.

Таким образом, был положен последний камень на надгробье Северного альянса. Фредерик IV начал было оправдываться перед Петром, говоря, что это якобы ответ на сепаратные переговоры царя со шведами. Однако нужды в таких оправданиях не было. Поступок короля не удивил и не расстроил Петра, поскольку события, связанные с развалом союза, развивались предсказуемо, освободив его от всех обязательств перед кем бы то ни было. Ничего неожиданного не произошло. Он давно уже воевал без союзников. Без них же он намеревался и закончить войну, да так, чтобы ни у кого не возникло желания напоминать ему о его обещаниях.

В мае 1720 года в Петербург из Швеции приехал генерал-адъютант фон Виртенберг с объявлением о восшествии на престол Фредрика I. Царь ответил разгромом шведской эскадры у острова Гренгам и разорением шведской территории на западном берегу Ботнического залива. «Намек» был понят правильно: продолжение военных действий сулит королю новые неприятности. Сила зачастую действует убедительнее дипломатии, хотя и про нее Петр не забывал ни на минуту. Соблюдая приличия, царь отправил в Стокгольм (август 1720 г.) генерал-адъютанта А.И. Румянцева, которого приняли там *«с большою ласкою»*. Фредрик I поспешил выразить русскому посланнику горячее желание покончить с войной и начать мирные переговоры, предложив в качестве места их проведения финский город Або.

Одновременно шведский король обратился к Франции за посредничеством, надеясь с помощью исторического союзника добиться от России нужных уступок. Филипп Орлеанский согласился отправить в Петербург (конец 1720 г.) своего посла в Стокгольме Жака де Кампредона, против чего царь, опасаясь помех Парижа русско-турецким переговорам в Стамбуле, не возражал. Фредрик I изъявил желание принять посредничество в надежде, что, *во-первых*, англо-французские субсидии будут выплачиваться ему и после заключения мира, чтобы шведы всегда были готовы к отражению нападения России, и, *во-вторых*, Лондон останется верным принятому на себя в 1720 году обязательству доставлять Стокгольму военно-морскую помощь в необходимых размерах всякий раз, когда будет возникать угроза русско-шведской войны.

«Вечный мир» с Портой

На протяжении всей Северной войны Петру приходилось оглядываться на Турцию, потенциально готовую в любой момент, поддавшись внушениям и посулам европейских держав, объявить России войну, воспользовавшись любым из предлогов, найти которые было нетрудно в условиях постоянных стычек и грабежей на русско-крымской границе. Царю приходилось держать на юге России определенное коли-

чество войск для обороны. Имея хорошие шансы осуществить в 1720 году победную военную кампанию против Швеции и принудить ее к миру, он старался избежать обострения южных проблем. Сейчас они были некстати, как никогда.

Но это понимали и противники России. В январе великий драгоман Порты известил А.И. Дашкова, что Ульрика Элеонора передала через австрийского посла в Турции благодарность султану за поддержку Карла XII во время его пребывания в Бендерах и просьбу не оставлять Швецию *«в настоящих ее нуждах»* — явный намек на желательность турецко-русской войны. Посол с радостью сообщил о такой просьбе, поскольку у Вены были собственные причины спровоцировать Порту. Наиболее радикальные круги османского общества проявляли открытое недовольство результатами последнего (Пассаровицкого 1718 г.) мира между Турцией и Австрией и ратовали за реванш. Империя хотела перенаправить эти настроения против России. Посол говорил Ибрагим-паше, что царь стягивает свои войска к южнорусским границам и их нужно опередить превентивным ударом.

Визирь промолчал. Тогда австрийский посол и его английский коллега, от имени своих государей, предложили Порте потребовать от Петра не только его согласия на турецкое посредничество на русско-шведских переговорах о мире, но и уступки всех завоеванных им территорий. Иначе говоря, они предложили ультиматум, мотивируя его тем, что усилившаяся Россия представит большую опасность для Турции. После отклонения ультиматума, в чем советчики визиря не сомневались, Порта объявит войну.

Ибрагим-паша далеко не сразу отклонил эту глупую на первый взгляд идею. Он взял время подумать, какую пользу можно отсюда извлечь. За советом визирь тайно обратился к французскому послу де Бонаку. Тот высказался против навязывания посредничества, *«которое поведет только к бесполезной и убыточной ссоре с Россией»*, а от Швеции никакого вознаграждения ждать не стоит. Петербург, говорил де Бонак, отвергнет ультиматум, и тогда придется объявлять войну, в которой *«царь будет прав пред всем светом, потому что не он ее начал»*.

Посол посоветовал другое — вызвать А.И. Дашкова и прямо объявить ему, что Порту уговаривают напасть на Россию, и тем самым выведать цену отказа Турции от войны. Ибрагим-паша так и поступил, лелея, видимо, еще и надежду изменить некоторые условия Адрианопольского трактата 1713 года в пользу Порты.

Дашков запросил у Петербурга полномочия на переговоры и заключение нового мира, который должен был сыграть перестраховочную роль.

Тем временем де Бонак пытался то ли запугать Дашкова, то ли оказать ему услугу. Если вы, говорил он послу, хотите мира, поспешите, пока у власти миролюбивый визирь и сребролюбивые министры. Правда, француз не добавил, что по части сребролюбия он и сам мало кому уступит. Перед Дашковым де Бонак изобразил дело так, будто это он отговорил Ибрагим-пашу от войны. И следом поинтересовался, какую пенсию получает от Петербурга голландский посол в Стамбуле, прозрачно намекая, что за оказанную дипломатическую помощь Россия могла бы и его взять на содержание. Просьба подарить его жене соболей была изложена без всяких намеков.

К концу мая 1720 года Дашков получил от царя широкие полномочия и начал переговоры с рейс-эфенди, которые мало касались существа дела, а сводились к об-

суждению количества дорогущих подарков для султана и членов его правительства. Аппетиты мздоимцев росли по мере их удовлетворения. Богатая посольская казна пустела на глазах.

Конечно, было бы преувеличением рассматривать русско-турецкие отношения только через призму человеческих страстей и слабостей. К сближению с Россией Порту подталкивал страх перед Австрией. В Стамбуле даже подумывали о заключении с Петром оборонительного и наступательного союза. Но во второй половине 1720 года некоторые события заставили Турцию отказаться от этой идеи. Невольным виновником такой перемены стал Париж. Дело в том, что турки были очень сердиты на Францию за то, что она не помогла им в последней войне с Австрией, результатом чего стал ущербный для Порты Пассаровицкий мир (1718 г.). Французский двор, оправдываясь малолетством короля и недостатком денег в казне, пообещал, что теперь даже если Турция первой объявит австрийцам войну, он готов действовать заодно с ней.

Обезопасив себя, как им казалось, от императора, османское правительство стало терять интерес к переговорам с Россией. Эти настроения энергично поощрял английский посол в Стамбуле, изо всех сил стремившийся к сохранению высокого уровня напряженности в русско-турецких отношениях, при котором гораздо легче спровоцировать войну. В этом же направлении, но под видом лояльности к Петербургу действовал австрийский резидент Дамиан Хьюго де Вирмон (Вирмонт), убеждавший Дашкова, что России не нужен долгий мир с турками, поскольку тогда, при перемене обстоятельств в ее пользу, она, связанная обязательствами, уже не сможет взять военный реванш и вернуть свои территориальные потери. Одновременно Хьюго, демонстрируя врожденную природу габсбургского двурушничества, предлагал великому визирю заключить с Веной оборонительно-наступательный союз против Петра и выслать русского посла из Стамбула.

Преодолев явное сопротивление англичан, скрытое австрийцев и колебания Порты, Дашкову, проявившему терпение и знание обычаев восточной дипломатии, удалось, по сути, купить у турок согласие на подписание «вечного мира». Это случилось 5(16) ноября 1720 года. Константинопольский договор подтвердил Адрианопольский 1713 года и даже был для России в ряде положений выгоднее. Хотя пункт о невмешательстве в польские дела *«ни под каким предлогом»* сохранялся, из него были сделаны важные исключения. В частности, царь имел право вводить свои войска на территорию Польши, если ей угрожало вторжение шведских или других войск, а также насильственное изменение внутреннего строя Речи Посполитой в сторону абсолютизации королевской власти. Тем самым Петру предоставлялась роль гаранта сохранения стабильности государства и свобода рук в пресечении диктаторских притязаний Августа II. Фактически — полная свобода, ибо именно с этой целью царь держал в Польше свою армию. Россия и Турция обязались не вступать в союзы, направленные против договаривающихся сторон. Петербургу возвращалось право иметь постоянного резидента в Стамбуле.

Устранив южную угрозу, Петр лишил своих врагов и мнимых доброжелателей возможности запугивать его турецким фактором и мог теперь всецело сосредоточиться на принуждении Швеции к миру и нейтрализации попыток Австрии и Франции навязать ему «честное» посредничество в пользу Стокгольма.

Карл VI вновь рвется в посредники

Как мы помним, в 1719 году русско-австрийские отношения, и до этого прохладные, резко обострились по целому ряду причин. Обе стороны осознавали необходимость в устранении разногласий. Но старая имперская спесь Габсбургов, к которой все привыкли, и новая державная гордость России, которая была Европе в диковинку, ставили во главу угла вопрос, кто протянет руку примирения первым. Несмотря на все интриги венских министров, Петр сохранял чувство уважения к австрийскому императору как к одному из ведущих игроков европейской политики, усугублять ссору с которым он считал нецелесообразным, особенно в преддверии прямых переговоров между Россией и Швецией. Петр хотел лишить Вену возможности и желания им помешать или направить их по невыгодному для него руслу. С Карлом VI он связывал надежду стать участником имперского (регенсбургского) сейма в качестве владетеля Лифляндии и вступить с Австрией в оборонительный союз против Турции.

Карл VI первым намекнул Петербургу о желании восстановить австро-русские дипломатические отношения. Петр живо откликнулся на эту инициативу и послал в Вену на разведку своего эмиссара Иоганна Вейсбаха, который прибыл туда в начале 1720 года. Вначале его принял надворный военный советник фон Клей, сообщивший о готовности императора забыть о ссорах и возобновить прежнее согласие. Как бы давая понять, что венскому двору, в силу самого его статуса в Европе, до всего есть дело, он заявил о недовольстве Карла VI тем, как в Петербурге воспитывают племянника императрицы (сына Алексея Петровича и Шарлотты Брауншвейг-Вольфенбюттельской) Петра Алексеевича. Царского внука якобы намеренно растят изнеженным и неспособным к управлению государством, чтобы лишить его права на наследование престола. Суть этого упрека была не слишком замаскированной: в Вене хотели бы иметь в лице будущего царя Петра II правителя, который помнил бы, что в его жилах течет немецкая кровь, и всегда учитывал это в своей внешней политике.

Вейсбах отверг подобные укоры как чистейшей воды наветы: мальчик отдан на попечение искусных воспитателей, с младых ногтей прививающих ему вкус к мужским, военным занятиям. Что касается царя, то он питает к своему внуку особую любовь.

Однако в общении Вейсбаха и фон Клея это был вопрос не первой важности. Главное произошло 22 января на аудиенции у императора, который сказал следующее: *«Нам приятно слышать, что наш друг и брат, великий царь, склонен прежнюю дружбу с нами возобновить; мы с нашей стороны все потребное к тому приложить хотим, о чем вы вашему государю донести и в нашей дружбе обнадежить можете»*.

Затем вице-канцлер Шёнборн объявил, что теперь в Вене ждут скорого приезда полномочного царского министра, который будет принят с подобающими почестями. Узнав об этом, Петр незамедлительно отправил к императорскому двору П.И. Ягужинского, пользовавшегося полным доверием царя и неоднократно выполнявшего самые ответственные дипломатические поручения. Миссия Ягужинского, как и его предшествующие вояжи по европейским дворам, носила чрезвычайный характер. Ему предстояло объявить об ответном стремлении Петра предать забвению прошлое и восстановить отношения дружбы и согласия, для чего он намерен послать в Вену постоянного резидента. Что касается назначения австрийского по-

сла в Россию, то Ягужинскому было наказано *«крепко противиться»* возвращению одиозного Плейера.

Австро-русские переговоры встревожили и возмутили английского посла в Вене, который подал представление, похожее на ноту протеста, где говорилось о недопустимости какого-либо трактата между Австрией и Россией, поскольку сам факт наличия его будет противоречить Венскому союзу 1719 года (между императором, английским и польским королями). Ему ответили, что никакого противоречия нет, ибо союз оборонительный и (формально) не направлен против России, что оставляет за Карлом VI свободу действий в отношениях с Петром.

Ягужинский приехал в Вену в конце апреля. Теплый прием, оказанный ему австрийским правительства, прежде всего принцем Евгением Савойским, приятно удивил, особенно после козней, чинившихся русским резидентам до этого. Чем-то новым была и длинная приветственная речь духовника императора, сказавшего, что во всей Европе у Карла VI нет более полезного и достойного друга, чем Петр. Антианглийский и антипротестантский пафос превращал выступление высокопоставленного душепопечителя в дипломатический демарш. Отражали инвективы иезуита настроения всего двора или нет, но прозвучало следующее: в союз с Австрией против Испании англичане вступили лишь из своекорыстных торговых видов, а получив свое, предали императора; они хотят обязать его действовать против Стюарта-католика, что противно интересам и вере цесаря; в самой империи Карл VI и Георг I стоят по разные стороны конфессионального разлома, но это не помешало английскому королю сблизиться с враждебной Габсбургам державой — Францией.

Многозначительной была и аудиенция у императора, подтвердившего свое стремление к возобновлению дружбы и установлению тесного союза с Россией, но оговорившегося, что конкретные предложения о его целях и условиях должны исходить от царя. Карл VI не хотел открываться раньше времени, хотя можно было предположить, что тактические и стратегические задачи цесаря так или иначе сводились к укреплению его позиций в Германии путем более активного вмешательства в русско-шведские переговоры на заключительном этапе Северной войны.

Несмотря на повсеместную демонстрацию дружелюбия к Ягужинскому, говорить о достижении между Веной и Петербургом взаимного доверия не приходилось. Причины для подозрений у царя сохранялись. Петр считал, что в деле царевича Алексея Петровича австрийские власти вступили в сговор с прежним русским послом Авраамом Веселовским. Подтверждение царь видел в том, что, покинув Вену, посол исчез и в Россию не вернулся из опасения наказания. Пропали также посольские казна (немалая), бумаги, шифры. Ягужинский просил сообщить о местопребывании беглеца, а также вернуть деньги и документы. Вице-канцлер Шёнборн наотрез отказался, *«ведая за собою интриги, которые он с ним, Веселовским, во время царевичева дела имел»*.

Английский посланник в Вене пытался помешать налаживанию австро-русского сближения. И кажется, ему это отчасти удалось. Не без его участия был распространен слух, будто царь принимает англо-французское посредничество в переговорах со шведами. В августе Ягужинский сообщал об охлаждении к нему австрийских министров.

Карл VI был крайне недоволен. Он сам претендовал на роль посредника и однажды (в 1714 г.) уже попытался создать под своей эгидой дипломатический формат

в виде первого Брауншвейгского конгресса для подготовки многостороннего мира. Теперь цесарь, собираясь возродить этот формат, пригласил всех участников войны в Брауншвейг. Точнее говоря, приглашение оставалось в силе с ноября 1719 года, а 20 августа 1720 года оно было повторено с поправкой, что австрийские делегаты прибудут в Брауншвейг в роли посредников.

Первыми в Брауншвейг поспешили шведы. Не успел Фредрик I обрести корону, как тут же отправил трех уполномоченных во главе с графом Веллингом уведомить императора об искреннем желании короля достигнуть мира. Но тут англичане, недовольные тем, что Вена лишила их посреднических функций, вступили в игру с намерением сорвать переговоры, как они уже делали прежде. Георг I опасался, что на конгрессе будут аннулированы все сепаратные договоры, заключенные Швецией, прежде всего с Англией-Ганновером и Данией. Английские дипломаты внушили Фредрику I, что цесарь не только хочет восстановить герцога Гольштинского в наследственно-владельческих правах, но и сговорился с Петром о передаче ему Ливонии как законному претенденту на шведский престол. В результате граф Веллинг был отозван из Брауншвейга.

Если поспешный приезд шведского дипломата не требовал объяснений, то его внезапный отъезд удивил и оскорбил императора, справедливо увидевшего в этом руку Лондона. Фредрик I, не желая ссориться с Веной, пытался оправдаться перед ней своим *«угнетенным состоянием»,* заставлявшим его *«хвататься за все средства»* для достижения *«столь крайне необходимого* [...] *мира»*. Иначе говоря, шведский король косвенно признался в том, что Англия вынудила его отозвать графа Веллинга с конгресса, находившегося под единоличным контролем цесаря. Чтобы смягчить конфликт с Веной, Фредрик I оговорил возможность возвращения своего представителя в Брауншвейг, если посреднические функции будут поделены между Австрией и Францией.

Карл VI решительно отказался от участия в антирусской коалиции, которую Англия хотела возродить на основе Венского договора 1719 года. Точнее говоря, цесарь обусловил свое согласие совершенно нереальными требованиями: предоставление субсидий на содержание австрийских войск; присоединение к коалиции Речи Посполитой (то есть Республики); подтверждение назначения этого союза как оборонительного, призванного защитить австрийские владения от нападения русских войск; отказ Фредрика I от попыток сохранить шведскую корону за Гессен-Кассельским домом.

Дания, Ганновер, Пруссия тоже не испытывали ни малейшего желания участвовать в конгрессе, грозившем подвергнуть сомнению их приобретения. Но открыто противиться инициативе императора значило признаться в нежелании выносить результаты сепаратных соглашений со Швецией на обсуждение всех участников Северного альянса, сам факт образования которого предполагал по окончании войны коллективное обсуждение условий мира. Более того, территориальные изменения внутри Священной Римской империи, осуществленные без хотя бы формального одобрения цесаря, были сомнительны с точки зрения легитимности и нарушали внутригерманское равновесие. И наконец, без участия Дании, Ганновера и Пруссии ничего не оставалось бы, как сузить переговорную проблематику (второго) Брауншвейгского конгресса до вопросов, касавшихся лишь русско-шведских отношений. А в таком случае Петр мог вообще не увидеть никакого смысла посылать своих уполномоченных в им-

перский город Брауншвейг, где у австрийцев будет полная свобода рук в плетении интриг против России.

Царь и в самом деле не был в восторге от перспективы австрийского посредничества, согласившись на него лишь при условии, что медиация будет бесстрастной, свободной от всякого понуждения и не выйдет за рамки *«добрых услуг»*. В меморандуме, представленном Ягужинским, венских министров покоробило слово «бесстрастный», в котором они не без основания увидели недоверие к Карлу VI. Русскому дипломату было заявлено, что Северная война совершенно не затрагивает интересов цесаря, он стремится к мирному посредничеству из сугубо христианского сострадания к народам, столько лет лишенным покоя. В формулировках удалось достичь компромисса, но идею русско-австрийского оборонительного союза Вена отклонила под тем предлогом, что в качестве посредника она не имеет права вступать ни в какие обязательства, пока не окончены северные дела. На самом же деле император хотел обеспечить себя свободой маневра для ограничения притязаний царя и для укрепления своего влияния в германских государствах. Но именно от такой свободы австрийских посреднических маневров в ущерб интересам России стремился защитить себя Петр.

В Вене знали, что между Россией и Швецией дело уже дошло до определения места подписания мира. Первоначальный выбор шведами города Або, а после отказа Петра — Ништадта, вдали от Германии, указывал на то, что Петр предпочитал двусторонний формат переговоров без привлечения посредников. Желая сорвать этот план, император торопил царя прислать своих уполномоченных в Брауншвейг. В этом германском городе, как объясняли Ягужинскому, австрийцы, фактически на правах хозяев, смогут оградить русскую делегацию от интриг врагов России, в первую очередь Англии. Но не стали заострять внимание на том факте, что все эти враги приглашены на конгресс, и, стало быть, устроители смогут объединяться с ними, когда потребуют интересы Австрии, в том числе в случаях их полного расхождения с российскими.

Не похоже, чтобы Вена связывала с Брауншвейгским конгрессом достижение исключительно антирусских целей. На первом месте для нее была проблема сохранения равновесия сил внутри Империи на основе укрепления роли цесаря в качестве держателя и гаранта этого баланса. Дело, однако, в том, что в период Северной войны такая геополитическая стратегия натолкнулась на неожиданное препятствие — притязания царя на более активное участие в европейских делах, и того хуже для Вены — в германских (к примеру, Гольштиния, Мекленбург, Пруссия, вольные города). Как допустимо предположить, на Брауншвейгском конгрессе австрийцы, как «честные маклеры», сделали бы все, чтобы не дать таким претензиям оформиться в международно-правовые акты. Что до русских приобретений в Прибалтике, то и тут стоило ожидать, по крайней мере, тайного сопротивления Вены, поскольку ее не устраивало утверждение флота России на Балтийском море, на южном побережье которого располагался ряд государств, входивших в состав Империи.

Короче говоря, заявление Карла VI о его абсолютном нейтралитете в Северной войне было ложью. Она лишний раз подтверждается беспрецедентным для Вены решением, принятым в октябре 1720 года, — направить в Петербург для скорейшего устроения конгресса представителя высшего правительственного эшелона чешского штатгальтера графа Стефана Кински. Этим решением заканчиваются события 1720 года, связанные с урегулированием кризиса в австро-русских отношениях.

Спасти Швецию от погибели

В вопросе о посредничестве в русско-шведских переговорах у Австрии был конкурент — Франция. Но между ней и Россией остро стоял вопрос о доверии. Как мы помним, Петербург укорял Париж в том, что тот, вопреки Амстердамскому договору 1717 года (Россия, Франция, Пруссия), либо оставался безучастным к антирусской политике европейских государств, либо тайно поощрял ее. Впрочем, тайны особой в этом не было. Петр вновь привел имеющиеся у него доказательства открытых недоброжелательных действий Франции в отношении России. Мы не знаем, почему царь не добавил к этим доказательствам активную шпионскую деятельность французского консула в Петербурге де Лави, посылавшего в Париж подробнейшие сведения о состоянии русского флота и армии, боевых и интендантских резервах, береговых укреплениях, передислокации войск, включая южное турецко-кавказское направление. Он даже проведал о приказании Петра снять план Каспийского моря. Крайне маловероятно, чтобы до царя не дошло хотя бы что-то из этого. То ли он не хотел перегружать список обвинений в адрес Франции, то ли намеренно допускал утечку информации.

Он потребовал от Филиппа Орлеанского письменного заверения об отказе от двусмысленного поведения, которое совершенно несовместимо с претензиями версальского двора на посредническую роль. Царь добавил, что это дело срочное, ибо от удовлетворения русских требований будет зависеть государево решение о прекращении или продолжении войны.

Регент встал в позу обиженного, отказавшись давать такое заверение, которое посчитал для себя оскорбительным. В январе 1720 года он сказал Шлейницу, что всегда свято соблюдал и впредь будет соблюдать договор. Если царь положится на его честное слово вместо того, чтобы настаивать на формальных гарантиях, и примет его посредничество в шведских делах, то получит возможность убедиться в его совершенном беспристрастии. В противном случае он, блюдя свое достоинство, не собирается навязываться в посредники.

Вскоре Филиппу Орлеанскому пришлось унять свое благородное негодование и подчиниться правилам реальной политики. 17 февраля 1720 года между Четверным союзом (Франция, Англия, Голландия, Австрия) и Испанией был подписан Гаагский мир, развязавший Парижу руки для более активного вмешательства в русско-шведские отношения. В изменившейся обстановке Францию уже ничего не связывало с Австрией и Англией, ее временными союзниками и постоянными соперниками. Версальский двор счел, что настало время для осуществления проекта аббата Дюбуа, привлечение России к которому было весьма необходимо. Филипп Орлеанский решил сделать царю важное предложение, но так, чтобы не уронить своей чести.

Исполнителем выбрали бывшего французского посла в Стокгольме графа Деламарка, видимо, по причине недоверия регента к Дюбуа. В апреле граф явился к Шлейницу для серьезного разговора, длившегося довольно долго. Он начал с того, что новые обстоятельства заставляют Филиппа Орлеанского думать о незамедлительном создании многостороннего альянса, куда вошли бы Россия, Франция, Испания, Швеция, Пруссия и ряд протестантских князей Германии, в том числе шведский король Фредрик I в качестве ландграфа Гессен-Кассельского. Однако поскольку включить в союз Россию до завершения войны со Швецией нельзя, регент предлагает себя

в посредники. А в доказательство своего беспристрастия он объявляет, что не имеет ни перед одной державой обязательств, противоречащих союзу с Россией по Амстердамскому договору 1717 года, и обещает не иметь их и впредь. Для вящей убедительности Деламарк доверительно сообщил, что Георг I, Карл VI и Август II сильно настаивали, чтобы Филипп Орлеанский принял такие обязательства, но тот категорически воспротивился. Регент, по словам Деламарка, очень надеется, что это послужит залогом доверия к нему и склонит царя к согласию на французское посредничество *«безо всяких письменных деклараций* (то есть гарантий. — *В. Д.*)».

Все эти интригующие посулы никак не вязались с фактом существования тайного англо-франко-шведского соглашения против России. Понимая несуразицу, Деламарк пытался оправдаться тем, что регент не имеет отношения к соглашению, к которому французского посла в Стокгольме Кампредона принудили англичане, постоянно стремящиеся своими громкими заявлениями создать у всех впечатление, будто в северных делах они действуют заодно с Францией.

Регент, через Деламарка, пытался изобразить идею создания грандиозного союза как расширение Амстердамского договора, в основе которого лежала инициатива царя, проявленная во время его визита во Францию в 1717 году. На самом же деле это был проект аббата Дюбуа (о чем мы уже говорили выше). И теперь именно от него Филипп Орлеанский скрывал факт переговоров со Шлейницем, поскольку продажный французский министр продолжал плести интриги с англичанами, игнорируя тот факт, что временный союз с ними перестал отвечать интересам Франции.

Затем Деламарк перевел беседу на такую тему, которая быстро показала подлинную цену обещанного Филиппом Орлеанским беспристрастия в вопросе о русско-шведском мире. Граф сказал, что регент считает намечающийся брак между герцогом Гольштинским и старшей дочерью царя событием очень важным с точки зрения возможных последствий: либо Европа будет вовлечена в долгую войну, либо будет найден скорый путь к миру. Война обеспечена, если Петр, в стремлении любой ценой доставить своему родственнику шведский престол, предпримет нечто противоречащее замышляемому регентом союзу. Другое дело, если царь отдаст за дочерью в виде приданого завоеванные у Швеции земли, тогда Франция готова признать Карла-Фридриха наследником шведской короны. Причем была сделана существенная оговорка: если Ульрика Элеонора с ее мужем Фредриком I останутся бездетными.

Знакомясь с содержанием этой беседы, не знаешь, чему больше удивляться — странной дипломатической неуклюжести Филиппа Орлеанского или его открытой беспардонности. Навязывая Петру свое «честное» посредничество, он заранее сообщает, чем России придется заплатить за такую услугу.

Хорош и Шлейниц. Комментируя разговор с Деламарком, он не нашел в нем ничего важнее, чем *«искренность»* желания Филиппа Орлеанского соединиться с Россией в многостороннем союзе, но почему-то не удосужился обратить внимание на отсутствие малейшего намека на намерение регента уважить интересы России, принесшей столько материальных и моральных жертв для победы над шведами. Более того, все это предлагалось превратить в приданое для царской дочери и достояние претендента на шведский трон.

Лишь бы не допустить усиления России, Франция в своей гольштинской политике сделала циничный поворот на 180 градусов. Прежде утверждая об абсолютной за-

конности прав герцога и на шведский престол, и на его наследственные земли, французский двор неожиданно выступает (17 июня 1720 г.) в качестве гаранта сохранения за Данией Шлезвига, отобранного у Карла-Фридриха.

Когда в мае 1720 года до Парижа дошли сведения, что австрийцы ведут с русскими переговоры о собственном посредничестве, регент забеспокоился. К Шлейницу опять тайно явился Деламарк с предупреждением, что царь, сближаясь с Веной, делает ошибочную ставку. По его словам, Карл VI использует герцога Гольштинского с его непомерными притязаниями, чтобы втянуть Россию в бесконечную войну и таким образом достичь своих целей. А состоят они в стремлении поддержать католических князей Германии против протестантских, на стороне которых Англия, Швеция и Пруссия. Деламарк клонил к тому, что от посредничества Вены Петр ничего не получит, так как Северная Европа видит для себя главную опасность в России и предпринимает меры, чтобы от нее защититься. Граф сообщил о коллективном письме к Филиппу Орлеанскому от четырех германских князей (Гессен-Кассельского, Гессен-Дармштадтского, Саксен-Готского и Вольфенбюттельского). Они обещали выставить армию в 30–40 тыс. человек для сохранения вестфальского порядка в Империи и *«для спасения Швеции от погибели»*. У регента они просили субсидий. Регент, как вкрадчиво заметил Деламарк, *«сейчас же догадался»*, что замысел направлен главным образом против России, и отказал ходатаям. Шлейницу предоставлялось самому решать, кто настоящий доброжелатель Петра, заслуживающий доверия и права на посредничество.

Петр видел своих «доброжелателей» насквозь, и французских, и австрийских. Те и другие, при единстве целей в отношении России, соперничали лишь в одном — в стремлении сделаться посредниками, чтобы лишить ее территориальных приобретений. Париж и Вена, исторические соперники в других вопросах, в принципе молчаливо соглашались друг с другом относительно насущной необходимости северного урегулирования на шведских условиях.

Петр был уже слишком опытным политиком, чтобы показывать свое истинное отношение к навязчивым предложениям «добрых услуг», не говоря уже о посредничестве. Он пока не лишал ни Францию, ни Австрию надежды на свою готовность принять эти «добрые услуги». Поддержать Россию в мирных переговорах со шведами Париж и Вена скорее не хотели, чем не могли, а навредить — и могли и хотели. Поэтому царь рассудил здраво: осторожность ему не помешает.

При этом Петр, судя по всему, не исключал возможность сделки с регентом. В любом случае он предпочитал точно знать, чего ожидать от Франции. Выяснить это нужно было как можно быстрее, учитывая ее сложную внутреннюю ситуацию (финансовый кризис и провалившаяся реформа Джона Лоу) и скрытые разногласия в правящих верхах (между регентом и Дюбуа). Дело осложнялось тем, что всю информацию из Парижа передавал Шлейниц, зачастую под своим углом зрения, делая упор на одно и замалчивая или затеняя другое. Царь испытывал к барону определенное подозрение, заметив за ним избыточную склонность к интриге как таковой и не слишком ревностное радение об интересах России. Это был человек авантюрного склада и очень падкий на деньги. Свой пост он рассматривал прежде всего как способ их добывания для удовлетворения потребности жить на широкую ногу. Барон держал собственный салон в богатом доме неподалеку от Парижа, где он проводил почти все время за занятиями, мало связанными с отправлением дипломатических обязаннос-

тей. Чувство долга и чего-то такого, что хотя бы отдаленно напоминало благодарность к приютившей его России, было ему не ведомо. Немецкое происхождение Шлейница усиливало недоверие Петра, принявшего решение отозвать его. Но прежде желательно было позволить послу довести до конца то, что царь находил для себя небесполезным.

3 июня царь подписал инструкцию для посла по особым поручениям Платона Мусина-Пушкина, который тут же отправился в Париж. Часть его миссии требовалось осуществить в секрете от Шлейница. Предписывалось, в частности, просить тайной аудиенции у Филиппа Орлеанского и поставить вопрос, удобна ли регенту персона немецкого барона в переговорах о ближайшем будущем русско-французских отношений, включая вопрос о посредничестве. В случае положительного ответа передать Шлейницу документы с изложением царской позиции и полномочия на дальнейшие переговоры, но находиться при нем неотступно, пока на помощь не прибудет из Голландии князь Б.И. Куракин. В случае отрицательного ответа объявить о назначении Куракина на место Шлейница.

13 июня П.И. Мусин-Пушкин прибыл в Париж и через шесть дней был принят (вместе со Шлейницем) Филиппом Орлеанским. Разговора с ним с глазу на глаз удалось добиться только через полтора месяца из-за занятости регента финансовыми проблемами, а возможно, и по другим причинам[1], источником которых — как знать — могли быть интриги того же Шлейница. Регент признался в недоверии к барону, посоветовав Петру поставить на должность посла не чужестранца, а *«природного»* русского. Дальнейшие переговоры в таком же секретном режиме вел Дюбуа, сообщивший Мусину-Пушкину, что все его беседы со Шлейницем о создании большого европейского союза с участием России стали *«от слова до слова»* известны в Ганновере, Стокгольме и Вене. С приездом Куракина лучше повременить до отставки Шлейница, поскольку утаить от него этот факт не удастся.

В августе 1720 года Петр принял решение об отзыве Шлейница. За время его деятельности накопилась масса поводов вообще отставить его от русской службы. Но царь этого не сделал. Ему, как ни парадоксально, нужны были те качества барона, за которые полагалось строгое наказание. Ведя сибаритский образ жизни, Шлейниц на светских раутах не только выбалтывал лишнее, но и обзаводился важными связями и источниками информации, становился своим в затейливом мире парижских интриг, в которых сплетались государственные дела с банальными амбициями, обывательской корыстью и откровенным мошенничеством. В качестве платного осведомителя и распространителя слухов, благоприятных для царя, этот персонаж был бы на своем месте. Шлейница отставили от должности, но услугами барона, за которые тот запрашивал у Петербурга большие суммы, продолжал пользоваться его преемник.

Преемником по каким-то причинам назначили не князя Куракина, а переведенного из Копенгагена В.Л. Долгорукого. Объявив регенту, что новый посол — лицо, пользующееся полным доверием царя и облеченное соответствующими полномочиями, Мусин-Пушкин просил прислать в Петербург для переговоров такого же надежного человека, который не будет отправлять в Париж искаженные сведения о том, что через него предложат Франции.

[1] В частности, старший чиновник департамента иностранных дел Франции Ледран писал, что Филипп Орлеанский намеренно тянул время из желания удостовериться, *«нельзя ли предпринять что-либо такое, что позволило бы* [Фредрику I. — *В. Д.*] *силою отнять у царя удерживаемые им шведские владения»*.

Филипп Орлеанский рассудил, что для такой миссии более подходящей кандидатуры, чем французский посол в Стокгольме Жак де Кампредон, опытнейший дипломат с внушительным послужным списком, не сыскать. В профессиональной квалификации Кампредона не было сомнений. Вопрос заключался в другом — на службу каким целям она будет поставлена, учитывая, что этот дипломат глубоко симпатизировал Швеции, пользовался доверием Фредрика I и являлся каналом передачи самой деликатной информации. Именно через него в конце октября 1720 года шведский король передал аббату Дюбуа предложение о возобновлении традиционного шведско-французского союза, чтобы заставить Англию присоединиться к нему для усиления давления на Россию и тем самым напугать царя *«могущими произойти последствиями, если он отвергнет мирные предложения, которые будут ему сделаны»*.

В ответ Дюбуа заверял Фредрика I, что Франция не упустит из виду ни малейшего обстоятельства, способного помочь королю выпутаться из бедственного положения. Французскому правительству ненавистны препятствия, до сих пор мешавшие ему оказывать Швеции существенное содействие. К сожалению, эти препятствия сохранились, и именно они заставляют отложить заключение союза *«единственно из заботливости об интересах шведского короля»*, которому он ничего, кроме вреда, не доставит. *Во-первых*, у Франции нет поводов к войне с Россией, да и географическое расстояние между ними огромно. *Во-вторых*, держава царя настолько сильна, что никаких французских субсидий не хватит для организации успешной военной кампании против нее. Вместо того чтобы выбрасывать деньги на ветер и еще сильнее осложнять свое положение, не лучше ли потратить их на дипломатические цели *«с пользою для своих дел»*. *В-третьих*, союз со Швецией обяжет Париж гарантировать ей возвращение потерянных владений, а это поссорит Францию сразу с несколькими государствами и позволит царю играть на противоречиях между европейцами. Все это нисколько не отвечает шведским интересам.

Внешнеполитические взгляды аббата Дюбуа и герцога Орлеанского в ряде вопросов не совпадали, но в стремлении сохранить за Швецией как можно больше из потерянных ею территорий они были едины. Регент умышленно медлил с посылкой инструкций к Кампредону, пока не убедился в невозможности *«осуществить замыслы насчет сильной диверсии против царя»*. В переговорах с русскими послу разрешалось выступать в двух ипостасях — в качестве не только французского министра, но и доверенного лица шведского короля. Самого же Фредрика I он должен был ободрить сообщением о готовности Франции и Георга I (как ганноверского курфюрста) выплачивать ему субсидии и после войны, *«дабы дать ему возможность поправить свои дела и сохранить силы, достаточные для охранения безопасности своих владений»*. Кроме того, обещалось, что английский флот будет приходить на помощь Швеции каждый раз при возникновении угрозы со стороны России. (Странно, что герцог Орлеанский давал заверения от имени английского короля.) За это от Фредрика I требовалось: не вступать с царем ни в какие сделки, противоречащие интересам Лондона, и склонять его к согласию на совместное франко-британское посредничество.

Кампредону предоставлялись самые широкие полномочия для использования их *«в той мере, какую король шведский найдет удобной для интересов своих и своей короны»* и для устранения всего, что он сочтет препятствиями к обеспечению *«блага своего*

королевства». Видимо, и этого регенту показалось мало: вы (Кампредон) есть *«лишь средство служить этому государю* (Фредрику I. — *В. Д.*)», — резюмировал он. Ключевой пункт наказа предписывал не обманывать царя надеждой, будто переговоры можно вести только на основе *«предложенных им условий»*.

Если из сказанного регентом кто-то сделает вывод, что его навязчивой идеей являлось ослабление России, то это будет чрезмерным упрощением. Могущественная восточная держава стала реальностью, от которой уже никуда не деться, и с ней разумнее было сотрудничать, чем враждовать. 30 августа 1720 года де Лави в докладе аббату Дюбуа так оценивал международное положение России: *«становящееся с каждым днем все грознее для соседей могущество Царя не позволяет им открыто выказать свое неудовольствие, из опасения подвергнуться первым ударам его оружия»*.

Конечно, Париж по возможности противился дальнейшему росту влияния этого государства. В то же время прежняя, слабая Россия представлялась малопригодной для использования ее в той сложной комбинации европейских сил, которую Франция старалась выстроить в новых условиях, все более неблагоприятных для нее. Она миновала зенит своего величия. Впереди предстояла ожесточенная борьба за сохранение того, что от этого величия еще осталось. Наибольшая угроза, естественно, исходила от соседних государств. Настораживающими темпами возвышалась Пруссия. Назревало решительное столкновение с Англией в колониальном мире. Да и в Европе Лондон, исповедуя принцип равновесия сил, в любой момент мог занять антифранцузскую позицию. Историческая вражда с Австрией также заставляла Францию постоянно озираться по сторонам.

Изменившуюся международную конъюнктуру в Европе Париж предполагал оформить в такую систему, которая будет включать в себя и его соперников, и его друзей. Судя по всему, существенная роль во французских планах отводилась сохранению (или восстановлению) оси «Париж–Стокгольм», возникшей в ходе Тридцатилетней войны. Отсюда общее предписание Кампредону — свести к минимуму территориальные потери Швеции и воспрепятствовать ее превращению в статиста на европейской сцене.

Даже понимая необходимость перехода к стратегии геополитической обороны, Версальский двор был не в состоянии отказаться от своих гегемонистских замашек. В стремлении создать новую европейскую систему союзов Париж представлял себя в качестве ее руководящего центра.

Поражение Испании и его последствия

Испания на первый взгляд находилась на периферии дипломатии Северной войны. Но это не совсем так. В то время, как нам приходится отмечать уже не в первый раз, в международных отношениях не было ни статичного ядра, ни глухих периферийных зон. Даже события, происходившие за географическими пределами Европы, в той или иной мере влияли на течение европейских дел. Тем более это можно сказать об Испании, в каком бы состоянии она ни была. Даже ее неудачи отзывались на другом краю континента.

Свою многовекторную дипломатию Петр выстраивал так, чтобы охватить все государства, способные прямо или косвенно, вольно или невольно помочь ему заключить выгодный мир. Как говорилось выше, именно этим обстоятельством

объяснялось внимание царя к Испании. Но та предлагала неравноценный обмен услугами и крайне рискованный для России план. Тем не менее русские дипломаты во Франции и Голландии не порывали связи со своими испанскими коллегами и не слишком тщательно их скрывали. Глазами Куракина в Гааге и Шлейница в Париже Петр наблюдал за тем, как повернутся дела в войне Четверного союза, чтобы в дальнейших действиях исходить из этого. Кроме того, сам факт русско-испанских переговоров служил определенной острасткой для соперников и недоброжелателей России, которых, с приближением победы над северным гегемоном, становилось слишком много.

С поражением Испании и падением кардинала Альберони (конец 1719 — начало 1720 г.) терял смысл его крупномасштабный проект русско-шведско-испанского союза с участием якобитов. Это совершенно не отвечало интересам России, ибо члены Четверного альянса полностью развязывали себе руки для противодействия царю на севере. Единственное утешение было в том, что они теперь выступали порознь.

Такая ситуация требовала от царской дипломатии внесения коррективов в общий внешнеполитический курс. И тут *«пресечения коммуникации»* (слова Б.И. Куракина) с испанцами было недостаточно. Осторожность становилась актуальной и на североевропейском направлении. К ней горячо призывал Б.И. Куракин. *«Время пришло деликатное»*, — писал посол, и оно обязывает говорить государю только правду. А правда, пояснял Куракин, состоит в необходимости создать на заключительном этапе Северной войны такую международную атмосферу, которая будет максимально благоприятна для достижения прибыточного для России мира. Англию и Швецию не следует доводить до крайнего озлобления; важны также: нейтралитет Голландии, восстановление добрых отношений с Австрией, упрочение союза с Пруссией, недопущение вспышки враждебности Речи Посполитой. Нужно в обязательном порядке снять препятствия для свободной торговли в Балтийском море, чинимые русским флотом, отказаться от захвата купеческих грузов, кому бы они ни предназначались. Попытки установления экономической блокады Швеции неэффективны, они бьют по интересам влиятельных европейских государств и вызывают их недовольство, тогда как Россия нуждается хотя бы в минимальном расположении этих государств.

Петр получал такие сообщения от многих. Но Б.И. Куракин был не из категории «многих». Он входил в ближайшее окружение царя еще с «потешных» времен, был очень умным и разносторонне образованным человеком, обладал прекрасными аналитическими способностями и ничего не утаивал от государя из боязни испортить ему настроение. Петр запретил задерживать иностранные корабли на Балтике и конфисковывать товары, что произвело благотворное впечатление на Европу. Мнение Куракина, вероятно, сыграло свою роль, хотя Петра нельзя было склонить к какому-либо решению, если оно уже не созрело в его голове.

Со своей стороны посол прилагал немалые усилия к предотвращению сползания русско-европейских отношений к состоянию открытой враждебности. В частности, он уладил дипломатический конфликт между Петербургом и Гаагой, возникший в связи с высылкой из России голландского резидента Якоба де Би, посылавшего домой письма, порочившие царя и настраивавшие Генеральные Штаты на ожидание его свержения.

Битая карта Августа II

Петр продолжал следить за Польшей с предельным вниманием, стараясь предотвратить там обострение обстановки, чреватое вмешательством внешних сил. На завершающем этапе Северной войны у этих самых внешних сил появилось еще больше заинтересованности в создании на границах России очага напряженности, где в любую минуту может разгореться конфликт, в котором, как надеялись, царь увязнет настолько, что будет вынужден, во избежание превращения Польши в театр войны, принять шведские условия мира.

Враждебность Августа II к Петру давно уже не являлась секретом. Он справедливо считал царя препятствием для своих абсолютистских и экспансионистских планов. Король полагал, что его ориентация на иностранные державы поможет убрать препятствие, но этим лишь усугубил конфронтацию с Россией.

Очень условно можно говорить о наличии в Польше «королевской» и «царской» партий. Между ними существовало шаткое равновесие, нарушавшееся то в одну, то в другую сторону. Польские магнаты и шляхта были не прочь «покататься» на этих качелях с максимальной для себя выгодой, продаваясь тому, кто больше заплатит, а то и обоим соперникам одновременно.

В начале 1720 года Август II попытался укрепить свои внутриполитические позиции, ослабленные после вынужденного вывода саксонских войск из Польши. Для этого он хотел воспрепятствовать возвращению польских регулярных войск под управление гетманов и сохранить командование за своим фельдмаршалом Флеммингом. Январский сейм, где решался этот вопрос, был распущен из-за острых разногласий. Август II намеревался добиться успеха на следующем сейме с помощью *«великих денег»*, которыми, как докладывал Петру Г.Ф. Долгорукий, *«интерес вашего величества хотят ниспровергнуть»*. Посол выражал опасение, что это может получиться, поскольку известно, *«как поляки к взяткам склонны и какое в них постоянство»*. Собираясь действовать таким же образом, он просил у Петра денежную сумму *«в запас»*, поскольку ему пришлось серьезно издержаться на срыв первого сейма, и теперь предстояло сделать то же самое, чтобы на следующем съезде не допустить преобладания подкупленных королем выборных депутатов воеводств.

Август применял против России и другие средства. Он распустил слух, будто царь принял английское посредничество в переговорах со шведами и согласился уступить им Ревель в обмен на какую-нибудь польскую провинцию. Своей неприязни к Долгорукому король не таил и старался подбить сейм на принятие решения о его выдворении. Дипломат не исключал даже ареста посольских документов, что могло *«великий вред сделать»*.

Г.Ф. Долгорукий в долгу не остался, переманив на русскую службу саксонского генерал-майора Буркхарда фон Миниха, опытного военачальника, прекрасного организатора, одаренного инженера и хорошо образованного человека, который в будущем принесет России много пользы. Флемминг видел в нем опасного соперника, чем и воспользовался Долгорукий.

Август II никогда не блистал дипломатических лоском в отношении своего «закадычного равского друга» Петра, а теперь от него не осталось и следа. В феврале

1720 года в Петербург приехал полномочный эмиссар короля, мазовецкий воевода Станислав Хоментовский с прежним, уже навязшим в зубах, и новым списком требований: о предоставлении субсидий и возврате Лифляндии; о выводе русских войск из Курляндии; об отдаче Польше заднепровских мест вместе с захваченной казаками артиллерией; о возмещении нанесенного казаками ущерба; о свободе отправления католической веры и миссионерской деятельности иезуитов в русских землях; о возвращении из России польских пленников; и прочее. К тому времени Август II заключил со шведами прелиминарное соглашение о восстановлении мира на условиях Оливского договора 1660 года. Помимо того, что соглашение было направлено против России, оно противоречило международным законам, ибо курфюрст саксонский, в качестве которого действовал король в данном случае, не имел никакого права принимать решения о договоре, подписанном между Речью Посполитой и Швецией, то есть Саксонии никак не касавшемся.

Хоментовскому ответили, что субсидии предназначались на содержание польских войск, воюющих против шведов, но теперь платить некому и не за что, поскольку Польша давно уже не воюет. Относительно Лифляндии было сказано о готовности Петра соблюсти свое обещание и отдать Ригу Августу хоть завтра, если бы король не постарался сделать так, чтобы такой шаг обернулся прежней угрозой для России. *Во-первых*, он деятельно участвовал в коллективной европейской политике, враждебной царю, и поддерживал идею изоляции России посредством сепаратных договоров со Стокгольмом. Во многом именно это подтолкнуло Англию и Швецию, чувствующих поддержку Августа, к военным приготовлениям против России с целью лишить ее завоеванных территорий. *Во-вторых*, в прелиминарном соглашении короля со Стокгольмом говорится о подтверждении Оливского трактата во всех его статьях, а они включают положение о принадлежности Лифляндии к Швеции. Стало быть, Август обязался вернуть эту провинцию прежнему хозяину. *В-третьих*, король договорился со шведами *«употребить **все способы*** (выделено мной. — *В. Д.*) *для прекращения северных несогласий»*, что подразумевает только одно — совместные усилия по принуждению России к миру на шведских условиях.

На возражение Хоментовского о том, что субъектом соглашения между Августом и Швецией является курфюрст саксонский, русская сторона ответила аргументом, приведенным выше. Вместе с тем Петр подтвердил свое обещание уступить Лифляндию Речи Посполитой, если она *«твердо и нерушимо пребудет в союзе с Россией»*. Однако Лифляндия, возвращенная Швеции, будет, по мнению царя, угрожать безопасности не только России, но и Польши.

При всей четкости доводов Петра есть основания предполагать, что он был не до конца искренним, что, впрочем, совершенно обычно для политика. Если бы государь беззаветно верил в *«твердость и нерушимость»* русско-польского союза, то от такого предположения, вероятно, стоило бы отказаться. Все дело, однако, в том, что поведение Августа напрочь лишило Петра веры в этот союз. Поэтому царь с чистой совестью освободил себя от необходимости открывать всю правду. А она, как нам представляется, состояла в том, что он твердо решил не отдавать Лифляндию ни Польше, ни Швеции, ибо этой щедрой жертвой не только не купишь их расположения, но, напротив, дашь основание считать, что принуждением, оказывается, можно добиться от России и большего.

В том же требовательном тоне, в каком изъяснялся Хоментовский, перед ним поставили вопрос о притеснениях православных подданных Речи Посполитой, выражавшихся в целой системе репрессивных мер, начиная от экономической и политической дискриминации и кончая насильственными попытками обратить их в католичество, за отказ от которого применялись пытки и другие жестокие наказания. Особо подчеркивалось требование о внесении в польскую конституцию статьи о гарантиях сохранения за православными свободы вероисповедания и наделения их правом избираться в органы власти.

Между тем в конце сентября 1720 года в Варшаве снова собрался сейм. Хотя Август истратил на депутатов огромные деньги, они не хотели начинать работу без его предварительного обещания об отстранении Флемминга от командования коронными войсками. Король отказывался. Накануне его сторонники — английский посланник Джеймс Скотт и шведский генерал Йохан фон Траутфеттер вместе с саксонскими министрами объехали всех сенаторов и выборных делегатов с призывами к войне против России, суля каждому богатое вознаграждение и возвращение Киева и Смоленска. Обещалось также, что *«союзные* (видимо, шведско-саксонские. — *В. Д.*) *войска»* нанесут удар по русской армии на восточных границах Польши.

Услужливо сообщая об этом Г.Ф. Долгорукому, паны, похоже, пытались застращать его и набить цену своему согласию поддерживать царя. Посол предпочел не заметить уловки и предупредил, что если иностранные войска появятся на территории Польши, то стотысячная русская армия немедленно вторгнется в страну, *«не спрашивая о дороге»*, а за регулярными частями будут следовать татары, калмыки и другие «дикие» ополченцы, держать которых под контролем очень сложно.

Предупреждение было нешуточное, если добавить к нему тот факт, что с переходом генерала Миниха на русскую службу, уже предрешенным, польская пехота, в которой он навел дисциплину и порядок, теряла свою боеспособность.

Осенний сейм, пройдя в привычной обстановке криков и распрей, завершился 25 октября (11 ноября) 1720 года, так и не приняв никаких важных решений. Августу II не удалось добиться одобрения его прелиминарного соглашения со Швецией (1719 г.) и сохранения Флемминга во главе польской коронной армии. Г.Ф. Долгорукий прилагал все силы, чтобы сейм разошелся как можно скорее и не успел получить сведения о провале миссии Хоментовского, что могло склонить чашу весов в пользу сторонников короля. Подводя главный итог работе сейма, он доносил в Петербург: *«врагам царского величества не удалось поднять Польшу, единственную страну, через которую можно было действовать против России»*. Но за этот итог гетманы запросили у Г.Ф. Долгорукого плату в виде обещания царя *«не оставить Речь Посполитую»* при заключении мира со Стокгольмом, под чем подразумевалось возвращение ей Лифляндии.

Потерпев политическое поражение в Варшаве (на сейме) и в Петербурге (миссия Хоментовского), Август II еще раз убедился, что без восстановления, как минимум, сносных отношений с царем ему не обойтись, если он хочет сохранить свои позиции в Польше и хоть что-то выиграть в Северной войне. На фоне утраты всякого доверия со стороны Петра Август выбрал странный способ замирения, не придумав ничего лучшего, как объясниться с царем в жесткой форме. В декабре 1720 года король направил своему бывшему другу послание. Начиналось оно с оправданий

по поводу его союза с Австрией (без упоминания Ганновера, за которым стояла Англия), вызвавшего столь сильное негодование Петра. Союз якобы был вынужденным ответом на проведение Аландского конгресса без участия королевских представителей. Затем говорилось, что между Польшей и Швецией нет никакого договора: прелиминарное соглашение (названное проектом) таковым считаться не может. Таким образом, эти две причины для недовольства царя несостоятельны. Между тем для недовольства царем у Августа причин много, и они куда более обоснованны. В частности, сепаратные аландские переговоры, курляндский вопрос, данцигская конвенция, помощь Станиславу Лещинскому, провоцирование турецко-польской войны. Король, по его словам, никогда не обращал на это внимания, понимая, что Петр поступал под воздействием внушений, и терпеливо ожидая, когда обнаружится вся их лживость.

Возможно, здесь бы Августу и остановиться, но он для пущей убедительности приправил эти аргументы открытой угрозой. Потребовав от царя поскорее *«объяснить свои виды»* на Лифляндию, король заявил, что в зависимости от ответа он встанет в Северной войне на ту или другую сторону и не допустит, чтобы Петр распоряжался Польшей как хозяин. Воспрепятствовать этому ему помогут иностранные государства, знающие, в чем сила и в чем уязвимость царя.

Август, который, казалось бы, уже ничем не мог ни удивить, ни огорчить Петра, все же сделал это еще раз: посланием, где не нашлось особых отличий от ультиматума, он предлагал ... восстановить дружбу. Похоже, значительную часть (если не всю) ответственности за эту совершенно неподходящую для такого случая тональность несет самый влиятельный саксонский министр Флемминг, известный нам по антирусским инициативам, включая создание Венского союза и предварительный мирный договор между Саксонией и Швецией. Помимо всего прочего, он имел еще и личные причины досадить царю, слова которого — *«ему* (Флеммингу. — *В. Д.*) *я никогда не доверюсь»* — дошли до министра, и он не мог их забыть.

Ответ царя, полученный Августом уже в 1721 году, был проникнут чувством глубокого недоумения. Он столь же прямо дал понять королю, что о примирении просят не таким тоном. Сам же Петр предпочел эмоциональной дипломатии традиционную, предметную. Обвинения Августа были прокомментированы пункт за пунктом, спокойно и терпеливо. Если в них и было к чему придраться, то только не к форме опровержения, вежливой и корректной. Пересказывая доводы Петра, мы для полноты картины позволим себе (в квадратных скобках) комментарии к комментариям.

Вот что отвечал царь. 1) Об Аландском конгрессе Август был извещен, и Петр не препятствовал приезду туда его представителей, стараясь склонить к такой же позиции не принимавших ее шведов. Попытки преподнести антирусский Венский союз 1719 года как вынужденную защиту от угрозы, которую несли в себе переговоры между Россией и Швецией, не выдерживают критики ввиду отсутствия такой угрозы. Что касается подлинной цели австро-польско-ганноверского альянса, то она *«всему свету известна»*. [Петр не распространялся по данному вопросу, поскольку на самом деле он не горел желанием видеть поляков на Аландах. Но при этом русские дипломаты уклонились от принятия шведских предложений, направленных против Августа II. Здесь остается место для дискуссий, в отличие от вопро-

са о назначении Венского трактата.] 2) Отпирательство короля относительно его прелиминарного договора со Швецией Петр находил совершенно неубедительным, точно назвав подписавших его лиц с обеих сторон (Флемминг и Траутфеттер). Более того, шведы, ратифицировав этот документ, во многом лишили его «прелиминарности». [Петр почему-то, возможно, по тогдашней неосведомленности, не стал напоминать, что вопрос о ратификации договора Август дважды выносил на заседания польских сеймов 1720 года, чтобы вовлечь в него Речь Посполитую.] 3) В курляндском деле король должен пенять только на свою медлительность и, как подразумевалось, на свою чрезмерную увлеченность интригами против России. [Петр действительно дал Августу возможность устроить брак Анны Ивановны курляндской с выгодой для себя, но король ею не воспользовался. Выше мы уже разбирали эту историю.] 4) Русскими дипломатами в Стамбуле *«ничего ко вреду королевскому не предлагалось»*. [Это неправда, хотя было бы очень странно, если бы Петр не думал о создании для Августа внешнеполитических контрпроблем в ответ на все его бесчисленные антирусские происки на севере и юге.] 5) Беспочвенны и адресованные царю обвинения в поддержке Станислава Лещинского. [Что верно, поскольку у Петра не было никакого резона становиться на сторону ставленника Карла XII.] 6) Данцигская конвенция 1713 года явилась ответом России на бездействие короля и Речи Посполитой в отношении жителей Данцига, поддерживавших Швецию. Петр отводил от себя упреки в том, что он в условиях войны был вынужден принудить местные власти к отказу от связей с общим для России и Польши неприятелем. Царь, напомнив Августу о своих многочисленных услугах, ему оказанных, заметил, что предел для *«дружбы и благодеяний»* находится там, где начинаются интересы безопасности России. [Тут Петр почти не оставил места для наших комментариев. Можно разве что еще раз вспомнить о том, сколько усилий потратил Август, чтобы восстановить против себя царя, в то время как элементарная честность и лояльность с его стороны скорее всего окупились бы сторицей.] 7) Запугивать царя, как *«опыт показал»*, — дело пустое. *«Злоба и зависть»* врагов для него привычны. Он совершенно спокоен и уверен в своей правоте, потому что *«ничего не ищет в Польше, кроме сохранения тамошних прав и вольностей»*. [Стоит заметить, что на грубый шантаж и нарочитую задиристость Августа Петр отреагировал с такой эмоциональной вялостью, которая была лучшим психологическим средством осадить зарвавшегося короля. Столь же бесстрастно царь уведомил своего августейшего собрата, что в его отношении к попыткам установления абсолютизма в Польше ничего не изменилось.]

Этот «обмен мнениями» фактически знаменовал собой дипломатическое поражение Августа II в Северной войне. Его ставка на Венский союз была бита. А лихорадочная и неуклюжая политика восстановления добрых отношений с Петром лишь ухудшила их, не говоря о том, что безнадежно запоздала. На угрозы короля встать на сторону врагов России, то есть объявить ей войну, царь даже не отреагировал. Весьма любопытные строки находим мы в донесении де Лави аббату Дюбуа от 30 августа 1720 года. Несмотря на критическое восприятие чувствительного для французов польского вопроса, консул отдавал Петру справедливость, утверждая, что царь расположен жить с Польшей в мире, хотя мог бы *«наводнить ее казаками и татарами, всегда готовыми двинуться в поход»*.

1721 год

Петербургский вояж Кампредона

Кампредона в Петербурге ожидали со смешанными чувствами. Не без надежды на его помощь в русско-шведских переговорах и не без опасения, что он едет склонять царя к уступкам. Опасений было больше. Посол спешил в новую столицу России, чтобы, кроме всего прочего, успеть встретиться с Петром до начала весенней военной кампании, к которой, как он писал, *«делаются громаднейшие приготовления»*, и предотвратить ее. Вступив на русскую землю (Ревель), Кампредон сразу почувствовал себя важным гостем. Комендант города оказывал ему высокие почести, первоначально принятые дипломатом за изощренную форму слежки.

К месту назначения посол добрался 18 февраля 1721 года[1] и сразу окунулся в праздничную атмосферу (свадьба, подготовка маскарада, ассамблеи, званые обеды и т.д.). Встречаться с ним Петр не торопился до выяснения его намерений. Эта задача была возложена на царских приближенных (Г.И. Головкин, П.А. Толстой, П.П. Шафиров, А.И. Румянцев, А.И. Остерман). Но и они не проявляли особой ретивости, оставляя инициативу гостю. Переговоры состоялись только 14 марта. Вели их Головкин, Толстой и Шафиров. Кампредон избрал наступательную тактику. Упреждая протокольный вопрос о целях визита, посол сказал, что хочет растолковать их сам, чтобы опровергнуть ложные внушения недоброжелательных людей о его настрое в пользу Швеции. Его единственная забота — *«хорошо служить своему государю»*. *«Я француз,* — заявил Кампредон, — *и останусь им всегда и всюду, то есть мой образ действий никогда не будет иметь иной цели, как исполнение приказаний, которыми меня удостоят»*. В данном случае он тоже выполняет свою миссию, ни на йоту не отклоняясь от этого кредо. Когда Его Королевскому Величеству (имелся в виду, конечно, не 10-летний Людовик XV, а регент Филипп Орлеанский) стало известно о намерении царя заключить мир, он из сугубо миролюбивых побуждений приказал ему, Кампредону, хорошо осведомленному в делах севера, поспешить в Петербург способствовать счастливому разрешению этой проблемы. А дальше идет знаменательная фраза: он приехал *«узнать, не пожелает ли Его Царское Величество доверить ему свои последние,* ***разумно и умеренно*** (выделено мной. — *В. Д.*) *предначертанные планы»*. «Разумно и умеренно» были ключевыми словами, означавшими, что шведам нужно сделать требуемые ими уступки, иначе мира не будет. В подробности Кампредон не вдавался. Главное, чего он добивался, — навязать России общую концепцию переговоров, основанную на принципе «мир за уступки», а частности уже можно будет корректировать потом, на конгрессе, при активном «содействии» Франции не в пользу России. При этом посол делал вид, будто передает лишь позицию Стокгольма, а не Парижа.

Теперь не требовалось особой прозорливости, чтобы понять смысл визита Кампредона, двумя словами развеявшего у русских сомнения, если они еще оставались. Позиция царя, отвечали петровские уполномоченные, прекрасно известна Франции. Исходя именно из этого обстоятельства, он согласился принять ее посредничество.

[1] Дата вычислена по донесению Кампредона к аббату Дюбуа от 20 февраля, где он сообщает, что *«прибыл сюда третьего дня»*.

Менять свои требования к Швеции государь не будет, и его удивляет, что Кампредон не привез из Стокгольма ничего нового и ничего конкретного. У царя нет оснований для пересмотра своего отношения к условиям мира, тем более что со времени проведения Аландского конгресса, где шведы приняли русские требования, военно-политическая обстановка стала еще более благоприятной для России и еще более безнадежной для Швеции. Петербург уладил дела с Турцией, помирился с Австрией, дружен с Пруссией, защищен от польского короля. Ему нечего бояться продолжения Северной войны. Призывы к «умеренности» Петром услышаны, ярким доказательством чего является его согласие вернуть шведам огромную территорию Финляндии, хотя он имеет полное право оставить ее за собой. И наконец, сама по себе готовность государя повременить с военной кампанией 1721 года говорит о его желании избежать *«нового пролития христианской крови»*. Что касается назначения Кампредона в качестве посредника, то оно, по словам русских дипломатов, пришлось Петру по душе, ибо никто лучше него не сможет убедить шведов в бесполезности их требований.

Возражения Кампредона лишний раз подтверждали подозрения, что единственная цель его визита в Петербург — исторгнуть у царя как можно больше уступок в пользу Швеции. Впрочем, посол имел свои резоны, которые тоже можно понять, отчасти с точки зрения правил дипломатии и полностью — в контексте великодержавной психологии Парижского кабинета, задетого ответом русских. Кампредон сказал, что ему предлагается не полюбовное соглашение, а ультиматум для предъявления шведам. Это *«неслыханное дело»*, ибо суть посредничества не в поддержке одного противника против другого, а *«в том, чтобы сближать обе стороны взаимными уступками»*. (Довод о Финляндии как об очень большой уступке он начисто проигнорировал.) В Париже, как заявил посол, *«с величайшим прискорбием»* воспримут такое понимание посредничества. Он просил еще раз подумать об *«условиях более справедливых и более годных для прекращения этой продолжительной, кровавой войны»*. Кампредон подчеркнул, что в доказательство своей благонамеренности к России он берется за разрешение труднейшей задачи — убедить шведов уступить Ревель (заметим: не Лифляндию), хотя и не имеет полномочий на сей счет. Ради этого он *«согласен еще раз предпринять тяжелое и опасное путешествие в Стокгольм»*.

Русские с улыбкой ответили, что царь будет признателен Кампредону, если он, *«в видах избежания дальнейшего кровопролития»*, потрудится совершить такое путешествие с иной целью — объяснить шведам тщетность их требований: Финляндия — это максимум, на что они могут рассчитывать. Причем сделать это нужно поскорее, пока не началась новая военная кампания, и от шведского ответа будет зависеть, начнется ли она вообще.

Русские, полагая, что Кампредон что-то недоговаривает, все же вынудили его прекратить игру втемную и выложить все карты на стол. Как оказалось, посол был уполномочен Стокгольмом сообщить о пределе шведских уступок: Кексгольм, Петербург, Нарва, Ингрия. Это объявление вызвало у царских дипломатов смех. Да и как было не смеяться над тем, что после стольких лет победоносной войны, стоивших России огромных народных жертв, ей предлагали удовольствоваться возвращением территорий, которыми владел Иван Грозный. А.И. Остерман поставил резонный вопрос: с какой стати Швеция *«добровольно уступила прекрасные провинции другим державам, которые одно лишь имя свое, так сказать, ссудили для обще-*

го дела и которые кругом обязаны Его Царскому Величеству за эти приобретения»[1], *а России в качестве одолжения оставляется то, чем она уже владела еще в XVI веке. Прочный мир России со Швецией не может быть достигнут «иначе, как поставив море границей между обоими»*. Когда Кампредон обратился за помощью к А.Д. Меншикову, петровский фаворит очень учтиво повторил то же самое. Царь, сказал он, *«не желает из собственного окна видеть земли соседа»*, двух главных соперников в Северной войне должно *«разделять море»*.

Кампредон продолжал убеждать царских сановников в необходимости уступок. Предположив, что между ними существуют и предметно-деловые разногласия и межличностный конфликт, он старался сыграть на этом. Кроме того, посол подозревал, что о ходе переговоров они докладывают Петру порознь и каждый на свой лад. До появления возможности получить высочайшую аудиенцию Кампредон просил своего прусского коллегу Акселя фон Мардефельда, пользовавшегося благорасположением государя, помочь ему *«уничтожить (в уме Царя) ложное понятие»* о позиции Франции, которое якобы возникло под влиянием внушений генерал-адъютанта А.И. Румянцева. Мардефельд с готовностью согласился, не имея иной заботы, как способствовать скорейшему заключению мира, чтобы приобретения Пруссии были гарантированы окончательно. Поскольку главным препятствием к этому, по его мнению, являлась неуступчивость Петербурга, посол взялся поговорить с Петром. На встрече с царем Мардефельд убеждал его в срочной необходимости избавиться от войны и сосредоточиться на внутренних делах, для чего следует воспользоваться предоставившимся случаем (визитом Кампредона). Однако без смягчений требований к шведам ничего не получится. Он, естественно, не сказал, что интерес Пруссии тут в том, чтобы не только закрепить результаты сепаратного соглашения между Берлином и Стокгольмом, но и не допустить чрезмерного усиления России на севере.

Петр ответил, что Кампредон, ставя вопрос об уступках, не предлагает ничего конкретного, между тем уступки уступкам рознь. Француз, заявил царь, действует в пользу Швеции и приехал с целью *«лишить его плодов кампании, которая должна положить конец войне»*.

Мардефельд принялся горячо заверять Петра, что он введен в заблуждение людьми, ставящими *«личные виды»* выше государственных. Его Царское Величество легко убедится в этом, если соблаговолит лично выслушать человека, за добросовестность которого посол *«головой ручается»* и который как никто другой сможет привести переговоры со шведами к успеху.

Желая разобраться в деле сам, Петр последовал совету Мардефельда и 22 марта принял Кампредона. Разговор получился жестким и откровенным. Царь предпочел сначала выслушать француза. Выслушивать пришлось довольно длинное и местами задиристое заявление, если, конечно, исходить из того, что в донесении Кампредона к аббату Дюбуа об этой встрече не было примеси «остроумия на лестнице». Посол выразил *«глубочайшее сожаление»* по поводу возводимых Петербургом препятствий, на которые наталкиваются *«дружественные старания Его Королевского Величества* (регента при Людовике XV. — *В. Д.*) *подвинуть дело мира»*. Король расценил согласие

[1] Имелись в виду номинальные союзники России — Дания и Ганновер, давно уже воевавшие со шведами лишь для виду. Здесь, вероятно, молчаливо подразумевалась и Пруссия, получившая желаемое, по сути, вообще не воюя.

царя на участие России в мирном конгрессе как готовность умерить свои требования настолько, чтобы они стали приемлемыми для Стокгольма. Так же, по словам Кампредона, смотрит на вещи шведский король. Выяснилось и нечто новое. Как признался посол, у него есть полномочия не только от регента, но и от Фредрика I предложить России подписать либо перемирие на полтора года, либо предварительный трактат. Ввиду того что царские министры напрочь отвергли идею перемирия, а в позициях Петербурга и Стокгольма сохранились *«крайние различия»*, посол находил свою миссию бесполезной. Единственное, что он может сделать, — передать шведскому королю *«последнее решение»* Петра, но примет ли его Стокгольм — большой вопрос.

Далее следует нечто вроде поучения, сдобренного угрозами. Кампредон, взяв на себя дерзость указать царю, что *«прочность трактатов зависит от их справедливости»*, тем самым ясно намекал на несправедливость его притязаний. Продолжение войны таит большой риск для России. Защищаясь на своей территории, шведы всегда будут иметь преимущество. В результате Петр столкнется с *«неприятностями и неудобствами, неожиданными и вредными»* для его интересов. В частности, станет невозможным заключение русско-французского альянса (включая торговый договор), в котором роль *«скрепляющего узла»* отведена Швеции. А она не сможет сыграть эту роль, если лишится восточноприбалтийских провинций и если отношения России с северным соседом будут основаны не на дружбе, а на *«страхе перед ее могуществом»*.

В завершение своей вступительной речи посол подчеркнул, что не имеет никакого другого намерения, как *«содействовать славе и выгодам»* Петра и *«скорейшему заключению мира на* ***благоразумных*** (выделено мной. — *В. Д.*) *для той и другой стороны условиях»*. Еще раз напоминая о своем «честном маклерстве», Кампредон сказал, что для регента подписание такого мирного договора — главная цель, и ему безразлично, будет ли она достигнута через французское посредничество или путем прямых русско-шведских переговоров.

Отвечая, Петр подтвердил свое неизменное согласие и дальше принимать добрые услуги Франции, но, прежде чем дело дойдет до мирного конгресса, ему хотелось бы услышать от Кампредона, как посредника, что именно он вкладывает в столь часто повторяемое понятие *«смягчение»* русских требований. В соответствии с этим царь будет решать, сможет ли он удовлетворить шведов. Петр призвал Кампредона и, через него, тех, за кого ратовал посол, исходить из того, что Россия искренне желает мира, но готова и к продолжению войны.

Кампредон ничего не мог предложить в ответ, кроме предположения, что Стокгольм не согласится на *«жестокие»* требования Петербурга, которые лишат шведов безопасности, *«вернейших доходов»* и *«всякого уважения в Европе»*. Посол, как он утверждал, уполномочен лишь передать шведскому королю конкретные сведения об уступках, на которые пойдет царь. Кроме того, Швеция крайне озабочена *«суровостью вмешательства»* России в ее внутренние дела и слухами о том, что царь собирается отдать Лифляндию своему будущему зятю герцогу Гольштинскому и поддержать его притязания на шведский престол. (По утверждению самого Кампредона, *«главнейший пункт»* его инструкций предписывал убедить Петра отказаться от этой идеи.)

Завершая этот разговор, Петр просил не беспокоиться о судьбе Лифляндии: не для того он ее завоевывал, чтобы лишь из желания доставить кому-то удовольствие *«отделить от своей империи плоды стольких трудов, крови и денег»*. Государь обещал

не вмешиваться в вопрос о престолонаследии, если Швеция *«примет единственное разумное решение, какое еще остается ей, согласившись на мир, от которого она уже десять лет отказывается»*. В противном случае найдется много средств, чтобы *«поставить ее в совершенную невозможность нарушить мир, который он, с своей стороны, станет свято соблюдать»*. Вот все, что царь хотел бы сообщить шведскому королю, и он был бы признателен Кампредону, если тот поспешит передать царское решение в Стокгольм и вернуться оттуда с ответом. Любым. В зависимости от этого Петр либо начнет полноценные мирные переговоры, либо продолжит войну. В последнем случае он хотел бы приступить к весенней военной кампании не теряя времени.

Поставив гольштинский вопрос, Кампредон тем самым предложил превратить его в разменную монету. И это, на наш взгляд, явилось с французской стороны ошибкой (косвенно ее признал и сам посол в своем донесении в Париж). Петр получил основание преподнести ничего ему не стоивший отказ от передачи Лифляндии в третьи руки как крупную уступку. По логике, Петра просили оставить завоеванную провинцию у себя. Швеция ничего от этого не выигрывала. Не случайно царь соглашался на такое «требование» смеясь.

В донесении к аббату Дюбуа Кампредон оценивал результаты своей миссии без энтузиазма и приводил причины, пересказ которых представляет существенный интерес с точки зрения как умения посла мыслить трезво, так и его нежелания уклоняться от передачи в Париж неприятных сообщений. *«В настоящее же время*, — писал он, — *дела Царя находятся в самом цветущем состоянии. Войну он ведет очень дешевым способом, и, несмотря на расходы на постройку зданий и кораблей, казна его полна. В его обширных владениях каждый день открывают новые прииски, новые источники богатства. Он только что заключил вечный мир с Портой; Польша заключила с ним договор, по которому она обязалась не только не пропускать ничьих войск, которые намеревались бы напасть на него со стороны Ливонии или других границ его, но еще объявить себя против них и прибегнуть к оружию. Король прусский обещал то же самое* [...]. *Император еще недавно просил уверить Царя, что никогда не вступит ни в какую коалицию против него и вообще все государи некоторым образом униженно заискивают его дружбу. Меня уверяли даже, что Царь и король прусский подготовляют сообща приобретение первым Литвы, а вторым Вармии, и что если мир не будет скоро заключен, то Царь поможет прусскому королю овладеть Стральзундом. Не подлежит сомнению, что государи эти сблизились теснее, чем когда-либо, и Мардефельд здесь любимый министр»*.

По убеждению Кампредона, даже если собрать антирусскую коалицию, на ее пути встанут совершенно непреодолимые препятствия. Эти фантазии нужно оставить, ибо воевать против России, где одни лишь казаки *«способны уничтожить самую превосходную армию»*, невозможно. Вдобавок в ходе военной кампании возникнут неразрешимые логистические проблемы. К весне, продолжал посол, Петр готовит такие силы и такие средства (в том числе транспортные), которые позволят ему опустошить Швецию и поставить ее перед необходимостью принять еще более тяжкие условия царя. Деньги, употребленные на создание антирусской коалиции, можно будет считать выброшенными на ветер. Стокгольм неблагоразумно упустил случай, предоставившийся на Аландском конгрессе, когда Петербург готов был отдать Ливонию и заплатить выкуп за Ревель. Тогда он опасался турок и англичан, не был уверен в Польше и даже Пруссии. Теперь же царь не боится никого. Шведам ничего не остается, как принять

все его требования, во избежание еще больших потерь (в частности, Финляндии), и ждать благоприятных для реванша обстоятельств. Успокоиться нужно тем, писал Кампредон, что царь согласен заплатить за Лифляндию и пожертвовать интересами герцога Гольштинского, а это очень важно как для Швеции, так и для Франции. И наконец, заверял посол, Петр, покуда жив, будет соблюдать мир, столь ему необходимый для внутренних реформ. В то же время, если государь проживет *«еще лет десять, его могущество сделается опасным даже для самых отдаленных держав»*. Но стоит царю умереть, едва ли ему найдется замена в виде *«наследника такого же закала»*, и тогда русские знатные люди *«пожертвуют даже своей жизнью, лишь бы вернуться к своему прежнему образу правления и бросить нововведенные учреждения Царя, которые поддерживаются только его строгостью и страхом его подданных»*.

Одновременно с донесениями Кампредона аббат Дюбуа получал дополняющую их информацию от французского консула в Петербурге де Лави. Коллега посла был озабочен грандиозными военно-морскими приготовлениями царя, опасаясь, что сила будет пущена в ход, чтобы помочь герцогу Гольштинскому завладеть Бременом, Верденом и Шлезвигом. И случится это раньше, чем Швеция решится на переговоры. Есть ощущение, будто де Лави в какой-то степени оправдывал Петра, вынужденного реагировать на то, что Дания (теперь едва ли не союзница шведского короля) и Англия были полны решимости оказывать Стокгольму военную помощь.

Консул горячо поддерживал идею подписания франко-русского торгового договора, сулящего Франции крупные выгоды. Царь, по его наблюдениям, склонен пойти на такой шаг в знак готовности к сближению. В связи с этим в России в скором времени будет принят закон о таможенных послаблениях. В качестве лишнего доказательства важности такого договора для Франции де Лави приводит тот факт, что иностранные купцы, в частности голландцы, прилагают все усилия, чтобы не допустить его подписания.

Во время пребывания Кампредона в Петербурге Петр оказывал ему такие знаки уважения, которые обезоруживали посла. 16 марта он присутствовал на церемонии спуска на воду 86-пушечного (по другим данным, 88-пушечного) корабля под названием «Фридемакер» («Миротворец», от немецкого «*Friedenmacher*»). На судне был устроен торжественный банкет, в ходе которого царь подсел за стол к Кампредону и спросил о его впечатлениях. Тот выразил восхищение обширными познаниями и практическими навыками Петра, благодаря которым были достигнуты высокое качеством и беспримерная быстрота постройки в условиях тяжелой и продолжительной войны. Петр сказал, что ждет от Франции действий по ее прекращению. Что касается его, царя, то он всецело настроен на мир, о чем красноречиво говорит имя, данное кораблю[1].

Кампредон заметил, что он лишь выполняет приказания своего короля, но старается делать это со всем возможным усердием и *«к удовольствию Его Царского Величества»*. Петр в ответ обнял своего гостя, тем самым окончательно повергнув его в полное душевное смятение. В эмоциональном порыве посол, по его признанию, *«два или три раза»* поцеловал государеву руку.

Это тем не менее не добавило оптимизма в донесения Кампредона в Париж. Своими пессимистическими мыслями относительно невозможности добиться от России

[1] Современники по-разному толковали название корабля. Одни усматривали в нем стремление к полюбовному соглашению со Швецией, другие — намерение принудить ее к миру силой.

послаблений он откровенно делился с аббатом Дюбуа, однако сам в общении с царем и его вельможами слабину не давал. Напротив, вновь и вновь возвращался к идее «разумного и умеренного» мира, прибегая к хитроумным уловкам и пытаясь подкупить окружение Петра щедрыми материальными посулами и безудержной лестью.

Кампредон до последнего не терял надежду на успешное завершение своей миссии. Определенные основания к этому давали его собеседники не только тем, что с большим вниманием и благодарностью выслушивали французские обещания, но и тем, что они на тот момент и сами не исключали возможности в конце концов убедить царя в неизбежности тех или иных уступок.

Когда Кампредон, исчерпав все свои ухищрения, понял, что его визит в Петербург безрезультатен, комплиментарные оценки Петра и его сподвижников исчезли из донесений посла в Париж. Теперь уже со страниц его писем звучит другое: *«эти господа хохочут во все горло»*, когда слышат французские предложения; говорят с ним *«в весьма резкой форме»*; не оказывают *«никакого подобия»* обещанных ему почестей; проявляют *«высокомерие»*, *«подозрительность»*, *«неискренность»*. Посол, противореча самому себе, сообщает, что ему еще *«никогда не случалось испытывать пребывания более неприятного, как здесь»*.

В Стокгольм Кампредон вернулся в конце апреля в дурном настроении. Он не вез с собой ничего утешительного для шведов, кроме смутного обещания царя выплатить денежную компенсацию за Лифляндию и не передавать ее в руки герцогу Гольштинскому, а это было далеко не то, что от посла ожидали.

Фредрик I и шведский Сенат пришли к выводу, что с помощью прямых переговоров с Петром можно было бы добиться большего, чем через миссию Кампредона, которая, как предполагали в Стокгольме, лишь вызвала подозрительность царя отсутствием конкретных предложений и давлением, оказанным на него третьей стороной. Было принято решение немедленно отправить в Ништадт королевских уполномоченных с заданием во что бы то ни стало подписать предварительный мир без всяких посредников, *«на возможно лучших условиях»*. Лишь после этого, по мнению Фредрика I, при оформлении окончательного договора можно было ставить вопрос о посредничестве и коллективных гарантиях соблюдения мира, обеспечить которые король предполагал путем заключения русско-шведско-французского союза с возможным вовлечением Англии.

Но было и другое мнение. Многие сенаторы выступали и против посредничества, и против гарантий прочности мирного договора, считая, что шведы не должны связывать себя обязательствами по сохранению мира, чтобы иметь возможность нарушить его, как только *«представится удобный случай»*.

Последнее усилие Вены, продолжение английских интриг, авантюрная идея польского короля

Визит Кампредона в Петербург сделал для Вены еще более злободневной задачу перенесения мирных переговоров из Ништадта в Брауншвейг, где не французы, а австрийцы будут негласными хозяевами положения. Цесарские министры продолжали твердить о срочной необходимости приезда русских дипломатов в этот город,

где их уже ожидали шведские уполномоченные. Карл VI, как мы отмечали, готовился использовать Брауншвейгский конгресс в первую очередь для решения собственных имперских проблем в Северной Германии, в том числе за счет принесения в жертву интересов России. Доказывая преимущества Брауншвейга перед Ништадтом, вице-канцлер Шёнборн говорил русскому посланнику Людовику Ланчинскому (оставшемуся в Вене после отъезда П.И. Ягужинского): *«Пусть двор царского величества рассмотрит дружбу к себе и поступки других государств и сравнит наше поведение, которое всегда основанием имеет честность; из-за этой честности австрийский дом часто терпел вред, но никогда от нее не отступает. Мирные переговоры у вас во многих местах начинались, но нигде не удалось мира заключить; поэтому попробуйте и у нас хотя однажды, в Брауншвейге, и посмотрите, доброжелательно ли будем к вам поступать. Если недоброжелательно, то принимайте всякие меры к вашей пользе»*. Мысль о готовности Вены жертвовать своими выгодами во имя сохранения благородной, рыцарской репутации не вяжется с очевидной сутью дела — желанием заманить Россию в брауншвейгскую ловушку, выбраться из которой будет сложно и психологически, и технически.

В марте 1721 года П.И. Ягужинский сообщил венским сановникам новость, которая, по словам С.М. Соловьева, явилась для них *«ударом»*: Ништадский конгресс начнет свою работу в самое ближайшее время. Перед цесарцами встал вопрос: как реагировать? Возможно, было искушение ответить возмущенной нотой протеста или еще радикальнее. Но тогда возникал риск снова подорвать только что налаженные отношения с Россией. Оставалось единственное — сделать хорошую мину при плохой игре. Как ни трудно было Шёнборну выдавить это из себя, он заявил, что благодарен Ягужинскому за сообщение и желает царю успешного заключения мира, однако если в Ништадте что-то пойдет не так, то императорские министры будут ждать участников переговоров в Брауншвейге. Чтобы ожидание не было напрасным и, следовательно, оскорбительным для цесаря, венский двор просит русского государя держать его в курсе событий, в зависимости от течения которых, как подразумевалось, можно будет судить об актуальности перенесения переговоров в Брауншвейг.

Скорее всего Карл VI думал уже не столько о Северной войне, сколько о положении, которое Россия займет среди европейских держав после ее окончания. Ссориться с этой новой Россией было совершенно недальновидно. Другое дело — найти в ней надежного стратегического партнера в борьбе против грозивших Австрии опасностей, прежде всего со стороны Османской империи.

Шёнборн подтвердил неизменность желания Карла VI оставаться в дружбе с царем, развивать торговые отношения и в перспективе заключить союз для *«укрощения гордости»* многих держав. Этими словами вице-канцлер напутствовал Ягужинского, покинувшего австрийскую столицу в конце марта 1721 года и оставившего вместо себя резидента камер-юнкера Людовика Ланчинского.

В принципе Петр не отвергал идею «запасного» конгресса, ибо успех ништадтских переговоров не был предрешен. Он принял предложение Вены, объявив ей в мае 1721 года о своем желании послать в Брауншвейг графа А.Г. Головкина, чтобы избежать повторения ситуации, возникшей на аландских переговорах. Тот факт, что за плечами 32-летнего дипломата были самые ответственные дипломатические поручения, плохо согласуется с распространявшимися англичанами слухами, будто он отправлен в Брауншвейг лишь для виду. Кроме того, царь тоже старался загля-

нуть в будущее, где у России не было более реального союзника против Турции, чем Австрия. Вместе с тем А.Г. Головкин, похоже, получил наказ сообразовывать степень своей активности в Брауншвейге с ходом переговоров в Ништадте, на которые Петр делал главную ставку. Ему, повторимся, был невыгоден срыв Ништадтского конгресса и замена его Брауншвейгским, поскольку тогда австрийского посредничества, прямого или косвенного, не избежать. Больше того, возникла бы психологически неблагоприятная для царя ситуация. В глазах общественного мнения Европы он предстал бы взбалмошным правителем, которому не угодишь. При той мастеровитости в подтасовке фактов, какой обладали европейские дипломаты, нетрудно было изобразить Петра как виновника срыва сначала аландских, а затем ништадтских переговоров. Неудача Брауншвейгского конгресса была бы подана в таком же ключе. Стало быть, если бы дело дошло до созыва третьего конгресса, позиции царя с моральной точки зрения оказались бы уязвимыми, что позволило бы австрийцам и другим оказывать на него более успешное давление. Зазывая русских дипломатов в Брауншвейг, венский двор прекрасно это понимал.

Нельзя обойти вниманием еще один важный момент. Несмотря на дружеские заверения Шёнборна, осадок от недавней русско-австрийской ссоры остался у обеих сторон. Растопить холод недоверия между Веной и Петербургом было непросто не только из-за характерной для любой внешнеполитической стратегии инерционности, но и ввиду сложного устройства венского дипломатического механизма. Император не всегда был самостоятелен в принятии решений. По разным причинам: от подверженности внешним переменчивым влияниям до нежелания вникать в то, что ему казалось деталями. Разбираться в этих «деталях» поручалось имперским министрам, не чуждым русофобии. К месту будет заметить, что образ России в сознании австрийских политиков сформировался под сильнейшим влиянием в каком-то смысле фундаментального труда их соотечественника Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии», едва ли не главного источника европейских знаний о России[1]. Пользуясь весьма широкой свободой действий и руководствуясь собственными взглядами, интересами, страстями, венские сановники зачастую вкладывали в уста цесаря свои слова и настроения, благодаря которым в отношениях между Петербургом и Веной сохранялась глубокая противоречивость и неустойчивость.

На цесарцев влияли и сторонние внушения. Английский посланник граф Кадоган не уставал повторять, что и Вейсбаха, и Ягужинского, и Головкина царь присылал лишь для отвода глаз. На самом деле он и не думает дружить с цесарем или принимать его посредничество. В Ништадте уже почти все решено. Кадоган не побрезговал и откровенной ложью, заявив, что русские войска высадились в шведской Померании с намерением вторгнуться в пределы Империи, и никто, включая Пруссию, не собирается оказывать им сопротивление. К этим запугиваниям добавилось известие о том, что граф А.Г. Головкин, оскорбленный неучтивостью шведского представителя на готовившемся в Брауншвейге конгрессе, покинул город.

Цесарцы, выслушивавшие англичанина, оказывались в непростом положении. Пока его сведения оставались не опровергнутыми другими источниками, приходилось на всякий случай им верить. Озадаченность австрийского правительства была

[1] О шаблонах, воспринятых этим автором от предшественников и надолго укоренившихся в политической мысли Европы, обстоятельно писал крупный российский историк Олег Федорович Кудрявцев.

понятна. В то время информация распространялась очень медленно. В новостной картине, связанной с недавно происшедшими событиями, порой царил полный хаос. Требовалось время, чтобы сформировались более или менее достоверные представления о том или ином факте. Простор для досужих вымыслов и поспешных выводов был широкий. Но даже когда выяснялась правда, преодолеть первое, ложное впечатление было трудно. Видимо, именно на это рассчитывал Кадоган, пугая австрийцев захватническими планами царя. Англичанин распускал клеветнические слухи, чтобы, по словам Ланчинского, заставить венский кабинет *«хотя бы на два или на три дня»* поверить в злонамеренные действия Петра. И не без успеха. Настроение цесарцев быстро поменялось. Разговоры о пользе союза с Россией сменились подозрительностью, которая намного превышала реальные основания для нее. В конце мая 1721 года имперские министры с тревогой спрашивали у Ланчинского: почему в Ништадт поехали два русских дипломата, а в Брауншвейг только один Головкин, тогда как прежде речь шла еще и о князе Куракине? Вскоре из Стокгольма пришло известие, что при посредничестве Кампредона между Россией и Швецией заключен прелиминарный договор. Это было очередное вранье: ожесточенные споры в Ништадте перешли в самую жаркую фазу и не давали гарантии скорого мира, отодвигая такую перспективу на неопределенное время. Не было также никакого французского посредничества. Петр, как мы видели, отклонил его.

Когда у страха глаза велики, опровергнуть слухи доказательствами их лживости крайне трудно. В Вене стали поговаривать о тайных коварных планах царя, раздавались призывы не верить ему. В австро-русских отношениях опять похолодало. На Ланчинского обрушилась гневная тирада Шёнборна, в которой смешались упреки и поучения. Она начиналась силлогизмом: Ништадтский конгресс устроен французским регентом, а он вассал вашего врага Англии, стало быть, и ваш враг. С какой вдруг стати Лондон и Париж озаботились тем, чтобы удовлетворить требования царя? Ответ прост: им нужен *«бумажный мир»* без гарантий, что позволит Швеции прийти в себя и взять реванш. Поддержка Англии и Франции ей обеспечена. Англичане готовы поднять против царя весь свет, в том числе Империю, которой они предлагают субсидии на содержание 40-тысячного войска. Что до Парижа, то он никогда не откажется от поддержки своего традиционного северного союзника. В существовании коварных замыслов против России, утверждал вице-канцлер, легко убедиться. *«Предложите им* (шведам. — *В. Д.*) *необходимое условие (conditio sine qua non), чтоб мирный договор был подтвержден генеральным трактатом в Брауншвейге и был гарантирован цесарем; увидите, как шведские министры будут переминаться и ни за что на это не согласятся»*. В последней надежде сорвать ништадтские переговоры Шёнборн бросил России горький упрек в том, что идея Брауншвейгского конгресса выставлена *«на посмешище»*.

Этот упрек покажется безосновательным, если учесть, что замыслы Петра не ограничивались русско-шведскими отношениями при всей их значимости для него. В случае подписания мирного договора со Стокгольмом он не собирался отказываться от борьбы за влияние в Северной Германии. Царь рассматривал Брауншвейгский конгресс как конференцию с самостоятельной повесткой, которая не касалась бы проблемы русских территориальных приобретений и которую он собирался превратить в средство достижения своих целей в шлезвиг-гольштейнском, мекленбургском и других вопросах, в один из способов противодействия англо-ганновер-

ской политике и в надгробный памятник Венскому союзу 1719 года. Австрийцев это не устраивало, и они дали понять, что на съезде, где будут рассматриваться не условия мира между Россией и Швецией, а только внутригерманские дела, русским дипломатам делать нечего. Как заявил Шёнборн, *«имперские дела цесарь, яко домашние, без конгресса определить может»*.

По мере продвижения русско-шведских переговоров к успешному завершению позиция Вены становилась более реалистичной. Австрийцы рассудили так: если уж ничего нельзя поделать, то не лучше ли принять все как есть, чем идти на обострение с Петербургом, которое создаст совершенно ненужные для цесаря проблемы. Тональность Шёнборна резко помягчела. Россия и Австрия, сказал он, *«и без конгресса* (Брауншвейгского. — *В. Д.*) *друзьями быть могут»*. *«Никакие государи*, — продолжал он, — *такого доброго дела устроить не могут, как царь и цесарь, к пользе и тишине всего христианства. Когда эти два монарха соединятся, то никто на них не посягнет, и будет в Европе напрасных войн поменьше. Интересы обоих сходны, особенно против турок. Хотя было мнение, будто мы королю польскому хотим помогать в получении неограниченной власти, но оно не имело никакого основания, ибо как царскому, так и цесарскому величествам одинаково нужно, чтоб Польша оставалась в прежнем своем положении и вольности* [...]; *если наша эрцгерцогиня вышла за саксонского принца, то из этого не следует, чтоб мы намерены были помогать ее мужу против собственных австрийских интересов. Но подозрение уже исчезло, и я не знаю, что бы могло теперь помешать нашему* (австро-русскому. — *В. Д.*) *союзу?»*

Польская тема всплыла не случайно. Она оставалась источником взаимных подозрений между Россией и Австрией. Август, состоя в антирусском союзе с Карлом VI и Георгом I, открыто грозил Петру коллективным вооруженным выступлением против него. Император стремился использовать польского короля с тем, чтобы тот, нагрузив царя польскими проблемами, отвлек его от германских дел, заставил отказаться от территориальных приобретений и тем самым воспрепятствовал чрезмерному усилению России. Карл VI поощрял самодержавные и великодержавные устремления Августа в той степени, в какой они вредили царю и не мешали имперским интересам Вены.

Австрийская политика в отношении Польши всегда настораживала Петра. Сам факт существования Венского союза, что бы там ни говорили о его неэффективности, лишь усиливал государеву подозрительность. И никакие заверения Шёнборна не могли освободить его от этого естественного чувства, хотя он делал вид, будто готов оставить разногласия с Австрией в прошлом и поверить в ее добрую волю.

Чем реальнее становилась перспектива подписания выгодного для России мира, тем меньше оставалось у Вены желания поддерживать Августа II и без всякой нужды навлекать на себя неудовольствие Петра именно в то время, когда заключение союза с ним против турок приобретало для империи жизненную важность. После окончания войны за испанское наследство в иерархии внешних угроз Габсбургам на первое место вновь вышла Турция, и тут им не на кого было рассчитывать, кроме России, показавшей, на что способна ее армия. Учитывая эти обстоятельства, венский двор счел за благо скорректировать свою внешнеполитическую стратегию, значительно ослабив в ней антирусскую направленность или, по крайней мере, замаскировав ее так, чтобы она не угрожала новым конфликтом с Петербургом. С лета 1721 года мож-

но наблюдать, как цесарское правительство постепенно убавляет свою активность в польских и прибалтийских делах.

Это, помимо всего остального, означало, что лукавые игры против Петра, которыми Август II заигрывался на протяжении многих лет, завели его в тупик. В поисках выхода из лабиринта, построенного самим же королем, больше не на кого было надеяться, как на Петра. Чтобы спастись от перспективы остаться в результате Северной войны ни с чем, Август пошел ва-банк. Его авантюрный план был не чем иным, как планом раздела Польши между Россией, Пруссией и Австрией. Согласно ему, Фридрих-Вильгельм получал польскую Пруссию и Вармию, Петр — Литву, а Карл VI — значительную часть южной Польши и Силезию. За все это бенефициарии должны были помочь Августу упразднить Речь Посполитую как республику, и установить наследственное самодержавие.

Столь радикальный по замыслу и сложный по техническому исполнению проект не был выгоден Петру, по меньшей мере, по трем причинам. *Во-первых*, чрезмерно усилились бы Пруссия и Австрия за счет земель, находившихся вблизи русских границ. *Во-вторых*, Литва скорее всего оказалась бы данайским даром ввиду необходимости тратить много сил и средств на обеспечение ее безопасности и на подавление внутренних смут. *В-третьих*, урезанная в границах и лишенная своих вольностей Речь Посполитая обвиняла бы в своих несчастьях прежде всего Россию и превратилась бы в перманентный очаг гражданских войн и источник международных конфликтов.

Петр отклонил эту авантюру, дружески посоветовав Фридриху-Вильгельму сделать то же самое. Прусский король, похоже, тайно сочувствовал этой соблазнительной для него идее. Но пришлось последовать совету царя, ибо без него произвести раздел было невозможно. Фридрих-Вильгельм внял заявлению Петра о его решимости помогать Речи Посполитой *«против всех, кто войдет в виды короля Августа»*[1]. Возможно, Австрия тоже была бы не прочь задарма получить южную Польшу, однако посчитала для себя опасным бросать России открытый вызов, особенно после недвусмысленного царского предупреждения. Кроме того, возникла бы опасность со стороны Турции, которой решительно не понравилось бы продвижение Империи на юг, к Черному морю. Это грозило новой войной с Портой, вести которую императору пришлось бы без союзников, ибо царь не увидел бы никакого резона в том, чтобы добывать для Австрии земли, некогда входившие в состав Западной Руси. Стратегический союз с Петром против турок был Карлу VI нужнее, чем раздел Польши.

Август II стремился к абсолютной власти с таким рвением, напористостью и неразборчивостью в средствах, что это должно было обернуться прямо противоположными результатами. Своей навязчивой идеей уничтожения республики он ускорил процесс превращения Польши из некогда мощной региональной империи, простиравшейся от Балтики до Черного моря, в «больного человека Европы», наследство которого в конце концов будет разделено так, что от польского суверенитета останутся лишь воспоминания.

[1] История несостоявшегося раздела Польши довольно темна. В частности, Флемминг утверждал, что идея исходила не от Августа II, а от Фридриха-Вильгельма, предлагавшего ее польскому королю. Петр был обеспокоен этим планом и не скрывал своих подозрений в адрес Августа II, который отрицал свою причастность, приписав авторство проекта одному еврею. Тот якобы из чувства мести к полякам за не уплаченные ему долги хотел наказать их, *«как самых дурных людей в целом свете»*. Петр прямо заявил Августу, что считает это объяснение смехотворным.

Дипломатическая Полтава

Чтобы сразу направить русско-шведские переговоры в нужное ему русло, Петр первым делом хотел избавиться от посредников, в которых он видел чуть ли не главное препятствие на своем пути к цели. И он добился сохранения двустороннего переговорного формата по образцу Аландского конгресса. 28 апреля 1721 года царские уполномоченные Яков Брюс, Андрей Остерман и Павел Ягужинский прибыли в финский город Ништадт, где их уже ждали шведские дипломаты Юхан Лилиенштедт и Отто Стрёмфельд. К этому времени подоспели новости о появлении английского флота в Зунде и заключении мира между Францией и Англией, с одной стороны, и Испанией — с другой. Это, как надеялись шведы, заставит царя умерить свои требования. Другим ободряющим, если не сказать провоцирующим, для Стокгольма фактором явилось получение из Парижа 300 тыс. риксдалеров, которые никто не запрещал использовать для продолжения войны. Наконец Кампредону была прислана инструкция всячески поддерживать позицию Швеции на ништадтских переговорах.

На таком фоне в Ништадте началась долгая дипломатическая дуэль без секундантов. Первый «выстрел» сделали шведы, заявившие, что о повторении Аландского конгресса *«нечего и думать»*: тогда, в 1718 году, Швеция имела против себя четырех неприятелей (Данию, Пруссию, Англию, Польшу), которые теперь вышли из войны. Более того, Георг I стал союзником Фредрика I и готов оказать помощь в наступательной войне против России. Однако Стокгольм, заботясь о скорейшем заключении мира, пока не принял эту помощь, но, как подразумевалось, может изменить свое решение.

Эти стращания не возымели ни малейшего эффекта. Русские напомнили, что для России никакого толку от ее союзников не было, а победные результаты войны налицо. Чего стоят обещания англичан, которыми бравируют шведы, хорошо известно. Но в любом случае царь как был, так и остается в состоянии воевать в одиночку.

Когда шведские представители говорили, что об аландских договоренностях нужно забыть, они в принципе верно уловили суть момента, но истолковали его в свою пользу. Между тем русские полностью разделяли такой призыв, полагая, что о компромиссных условиях, предложенных Петербургом в 1718 году, и впрямь стоит забыть, поскольку в новой военно-политической обстановке царь на них не согласится.

Прекрасно это осознавая, королевские уполномоченные опять пошли в наступление. В нем было больше патетики, чем реализма: шведы якобы скорее отрубят себе руки, чем отдадут Лифляндию и Выборг.

Без этих уступок мира не будет, прозвучало в ответ. Швеция должна быть довольна, что ей возвращается Финляндия.

Шведская делегация намеревалась, как и на Аландском конгрессе, взять русских измором. Предвидя это, Петр наращивал давление на Стокгольм по двум направлениям — военному и дипломатическому. В мае, не обращая внимания на вновь появившийся в Балтийском море британский флот, русский отряд из 5 тыс. пехоты и 370 единиц иррегулярной конницы под командованием генерал-лейтенанта П.П. Ласси пересек на 60 галерах Ботнический залив и высадился на шведском берегу, где в течение полутора месяцев разорил крупный ружейный, 12 литейных заводов, 8 лесопильных мельниц и захватил 607 пудов меди. Шведы убедились, что англичане прибыли на Балтику скорее для демонстрации флага, чем для операций против рус-

ского галерного флота, уже показавшего, на что он способен. И в самом деле, адмирал Норрис должен был трижды подумать, прежде чем подвергать себя риску морского сражения при численном преимуществе русского флота[1]. Справедливости ради следует сказать, что Петр тоже не горел желанием подвергать свой молодой и не дешево ему стоивший балтийский флот превратностям судьбы. Все же ему противостояли соединенные эскадры старых прославленных морских держав, которым для победы зачастую не требовалось численного превосходства и которые располагали внушительным набором других аргументов.

Не менее, если не более эффективным средством форсировать переговорный процесс оказался исключительно радушный прием, оказанный Карлу-Фридриху Гольштинскому, приехавшему в Петербург в июне 1721 года. Само по себе это событие, да еще приукрашенное молвой, испугало Фредрика I и вдохновило его противников. Герцог, не получивший поддержки при европейских дворах, решился наконец принять приглашение Петра посетить Россию в качестве жениха царской дочери Анны Петровны. В этом браке Карл-Фридрих видел свое спасение, надеясь, что Петр, породнившись с ним, будет любой ценой добиваться его возведения на шведский престол: как-никак царская дочь становилась бы тогда обладательницей титула королевы Швеции. Герцогу не было дела до того, в какие жертвы это обойдется России. Как писал советский историк М.А. Полиевктов, *«перебираясь в Петербург, гольштинский двор привозил, однако, с собой и все планы и происки и делал из новой русской столицы исходный центр своей политики приключений»*. Тут еще вопрос: кто кем манипулировал в большей степени — Петр гольштинцами или наоборот. Герцог и его сотрудники проводили из Петербурга вполне самостоятельную политику, на которую их никто не уполномочивал. В частности, ссылаясь на якобы гарантированную поддержку царя, они требовали от датского посла в России Ганса Георга фон Вестфалена возвращения Шлезвига или взамен него других территорий. Заграничное правительство Карла-Фридриха шантажировало Стокгольм заявлениями, что только при условии признания прав герцога на престол Петр вернет Швеции остзейские провинции. Такая прыть мешала царю. Он не хотел преждевременно поднимать гольштинский вопрос на официальный уровень и тем более ставить его в центр внимания, поскольку со стороны заинтересованных держав могла последовать жесткая реакция, которая сильно осложнила бы процесс подготовки Ништадтского конгресса, и его ход.

Как мы помним, Карл-Фридрих вместе со своими министрами проводил далеко не однозначную политику по защите собственных прав на шведский престол. Основную ставку он делал на поддержку своей «партии» и сочувствовавших ему европейских монархов, под разными предлогами отклоняя настойчивые приглашения царя приехать в Петербург. Герцог опасался, что соотечественники обвинят его в предательстве, и рассматривал союз с Петром как свое последнее прибежище. Но это не мешало ему просить царя взять на себя строгие односторонние (то есть альтруистические) обязательства по оказанию всяческой помощи в деле возвращения Карлу-Фридриху, помимо Гольштинии, еще и Шлезвига, а также защиты его прав на королевскую корону.

[1] Военные силы Петра на Балтике, подготовленные для кампании 1721 года, включали: 42 линейных корабля, 6 больших плоскодонных судов, 15 плавучих батарей, 300 галер, 300 транспортных единиц для пехоты и 180 для кавалерии, 20 бригантин, 4 брандера, 6 госпитальных кораблей. Петр полагал, что летом 1721 года Россия займет господствующее положение на море.

Царь, в принципе готовый оказать такую услугу, разделил, однако, просьбу герцога на два аспекта. Он *«положительно обещал»* не подписывать мирного договора, если Стокгольм откажется признать Карла-Фридриха наследником престола. Что касается Шлезвига, то Петр честно заявил об имеющихся здесь препятствиях. Включение этой проблемы в ништадтскую повестку приведет к крайне нежелательным для России последствиям в виде *«теснейшего сближения»* Дании, уже получившей Шлезвиг по Фредериксборгскому договору 1720 года (со Швецией), и Англии. Царь напомнил, что именно шлезвигский вопрос привел к разрыву русско-датского союза и усложнил военные задачи России. Однако государь обещал после подписания мира со шведами дать письменное заверение в намерении способствовать пересмотру статуса герцогства в пользу Карла-Фридриха. А пока герцогу нужно поскорее приехать в Петербург. Этот визит, писал Петр, *«к споспешествованию собственных ваших интересов весьма потребен будет»*. Несмотря на оговорку в отношении Шлезвига, царь, покуда это было возможно, все же старался добиться возвращения этой территории герцогу. Во всяком случае, Карлу-Фридриху были показаны государевы инструкции Брюсу и Остерману, где предписывалось добиваться, помимо признания за герцогом права на наследование престола, передачи ему Шлезвига во владение и острова Эзель в собственность[1].

После получения собственноручно написанного Петром приглашения (январь 1721 г.), герцог воздерживался от поездки в Россию в течение полугода. Это раздражало Петра, хотя он, понимая положение Карла-Фридриха, весьма терпеливо относился к его маневрам. Но сомнения в целесообразности тесного союза с ним усиливались по мере затягивания шведами ништадтских переговоров. Царские дипломаты нуждались в четких и своевременных монарших указаниях насчет последней линии отступления. Из сегодняшнего дня кажется, будто в Ништадте все было предопределено. Это далеко не так. Невозможность и для русских, и для шведов до конца проникнуть в мысли друг друга создавала непредсказуемую обстановку, в которой становились неизбежными хотя бы какие-то уступки царя для предъявления шведскому обществу. Загнанный в угол Фредрик I вынужден будет для сохранения лица продолжить либо реальную войну, либо состояние войны. Петру пришлось решать, чем жертвовать — жизненно важными интересами России или притязаниями Карла-Фридриха, пусть и своего будущего зятя, на шведский трон. Выбор для царя был абсолютно ясным. Как бы он ни хотел видеть свою любимую дочь счастливой и устроенной, главная его цель состояла в другом — оказать на Стокгольм такое непреодолимое давление, которое вынудит Фредрика I принять, из страха перед низложением, все требования России.

Тот факт, что Петр разыгрывал «гольштинскую карту», не противоречит его искреннему желанию помочь герцогу, однако лишь в той мере, в какой это не подвергало бы риску перспективу получения территориальных приобретений. Стремление шведской дипломатии придать Ништадтскому конгрессу затяжной, вялотекущий характер такой риск увеличивало, создавая условия для активного внешнего вмешательства Англии, Франции, Австрии и других государств. Промедление Карла-Фридриха с выездом в Петербург позволяло Стокгольму предположить, что он отказался быть орудием в царских руках и ищет соглашения со шведским правительством. Это лишало Петра эффективного средства принуждения противника к миру и давало коро-

[1] Были ли эти инструкции отосланы в Ништадт именно в такой редакции, неизвестно.

левским представителям в Ништадте возможность оставаться непреклонными. Вместе с тем ослабевала и заинтересованность Петра во встрече с Карлом-Фридрихом, которого он не мог упрашивать бесконечно. Как заметил граф Бассевич, чем больше медлил герцог, тем менее актуальным становился его визит в Россию.

Опасных для Петра последствий затягивания Ништадтского конгресса, как оказалось, нужно было ждать не только со стороны Европы. Во время русско-шведских переговоров в Петербург пришло известие, что турки, воспользовавшись смутой в Персии, готовятся силой завладеть побережьем Каспия, что грозило России потерей волжско-каспийской торговой магистрали и влияния на Кавказе. Допустить этого царь не желал ни при каких обстоятельствах. Принятое им решение упредить Порту было чревато новой русско-турецкой войной. Задача скорейшего подписания мира со шведами приобрела особый драматизм. Стокгольм в любой момент мог узнать о вызове, брошенном России Турцией, и тогда он принялся бы шантажировать Петра срывом переговоров и, как писал граф Бассевич, заставить царя, *«во избежание двух войн на двух противоположных концах империи, странным образом изменить уже предписанные* (в пользу России. — *В. Д.*) *условия мира»*. Гольштинский министр назвал такую ситуацию *«несчастным* (для Карла-Фридриха. — *В. Д.*) *стечением обстоятельств»*.

Когда гольштинский правитель в конце концов собрался с духом и прибыл в Петербург, Петр, по свидетельству того же Бассевича, еще оставался при своем намерении *«удвоить усилия оружием и переговорами, чтобы как-нибудь ввести интересы герцога в состав мирного трактата»*. Тем не менее время для устройства гольштинских дел было упущено. Петру это стало ясно из полученного им доклада Брюса и Остермана о ситуации на конгрессе, симметрично отражавшей политическую обстановку внутри Швеции. Дипломаты писали, что *«пребывание герцога гольштинского при дворе царского величества служит для шведов немалым побуждением к миру»*, но при этом все они, в том числе сторонники Карла-Фридриха, единодушно и категорично требуют невмешательства Петербурга в их внутренние дела. От этого требования не отступятся и шведские представители в Ништадте. Оно было названо в докладе *«фундаментом мирного договора»*, ради сохранения которого *«нужно отказаться от всякого требования в пользу герцога гольштинского, или лишить монархию славного мира, который был бы венцом могущества его царского величества»*. Второй пункт шведских условий заключался в том, чтобы при передаче Лифляндии и Эстляндии России помещичьи имения остались за местным дворянством. Для Петра этот «второй пункт» был первым и самым важным, поскольку подразумевал согласие Стокгольма отдать царю Прибалтику.

Теперь главное заключалось в том, чтобы любым способом закрепить это пока еще хрупкое и обратимое достижение русской дипломатии. Сделать это можно было, лишь пожертвовав притязаниями Карла-Фридриха. *«Интерес государства, главной страсти Петра,* — писал С.М. Соловьев, — *требовал не вмешивать гольштинские дела в мирные переговоры со Швецией»*. Тем не менее в отношении прав герцога на наследование короны Петр наказывал Брюсу и Остерману стоять до последнего и *«еще покрепче говорить»* в его защиту. Это, по мнению царя, вдохновит гольштинскую «партию» на выступление против Фредрика I. Лишь в том случае, когда будут окончательно исчерпаны все средства давления, государь разрешал дипломатам *«от того отступить, дабы сие дело нашему делу не могло шкоды* (вреда. — *В. Д.*) *нанесть»*. Но даже при этом предписывалось обменять эту уступку на условие о том, что права наследования пре-

стола не перейдут к гессен-кассельскому дому, и это означало бы сохранение этих прав за гольштейн-готторпской династией.

Царю было очень тяжело приносить в жертву герцога, доверившего ему свою участь. И чем больше его мучили, условно говоря, угрызения совести, тем щедрее и внимательнее он был к своему гостю. Карлу-Фридриху были оказаны *«блистательные знаки расположения»*. Государь вызвался быть его личным экскурсоводом по Петербургу, предоставил ему загородные дворцы для *«летних удовольствий»*. Царица произнесла в честь герцога столь трогательную речь, что присутствующие расплакались.

Королевские уполномоченные сдавали свои позиции очень медленно, изыскивая любую возможность протянуть переговоры до того момента, когда внешние силы решатся на энергичное вмешательство в них или произойдут благоприятные для Стокгольма изменения в международной обстановке. Прежде всего шведы хотели добиться перемирия, которое даст им передышку, по крайней мере, до следующей (весенней) военной кампании. Главные надежды Фредрик I связывал с Англией, ожидая, что она либо окажет на Россию силовое давление, либо сорвет Ништадтский конгресс так же, как Аландский. Но с 1718 года ситуация существенно изменилась. Королю Георгу I стала ясна вся мера убыточности и бесполезности политики поддержки Швеции против России, обретшей невиданную мощь и решимость не допустить растворения своих многочисленных военных побед в чернильных реках европейской дипломатии. Он с большим трудом уговорил свое правительство выделить 600 тыс. фунтов, чтобы в мае 1721 года вновь отправить на Балтику эскадру адмирала Норриса, да и то лишь для оборонительных операций, призванных предотвратить конечное разорение страны. Скорейшего мира настойчиво требовало английское купечество, несшее крупные потери от сокращения торговли с Россией и опасавшееся полного изгнания с русского рынка. Через своего посла в Пруссии Витворта Лондон зондировал почву для восстановления *«доброго согласия»* (по сути дипломатических отношений) с Петербургом. Предлагалось предать забвению *«все бывшие неудовольствия* (между двумя державами. — *В. Д.*), *которые не так сильны, чтоб вести к вечной или продолжительной вражде»*.

7 апреля 1721 года британский статс-секретарь лорд Чарльз Таунсенд писал посланнику Георга I в Стокгольме Вильяму Финчу: *«Его Величеству* (Георгу I. — *В. Д.*) *доставляет глубокое сожаление видеть Швецию доведенной до такой крайности, что остается мало надежд на улучшение условий мира* (в ее пользу. — *В. Д.*) *путем продолжения войны, и он сокрушается, что такой великий государь и такое доблестное королевство вынуждены подчиниться столь тяжелым требованиям.* [...] *Он находит утешение не только в том, что с лихвой выполнил все обязательства перед королем Швеции, но и в том, что стремился создать из соседних* (со Швецией. — *В. Д.*) *держав такую коалицию, которая смогла бы спасти Швецию от необходимости идти на столь тяжелые уступки.* [...] *Вы можете использовать эти аргументы, чтобы побудить короля Швеции принять условия царя»*, тем более что никто из европейских правителей *«не хочет вовлекаться в эту ссору»*.

Еще раньше (конец июля 1720 г.), когда Фредрик I прислал Георгу I проект создания коалиции (Австрия, Англия, Швеция, Польша, Пруссия), *«чтобы загнать царя в леса и болота России»*, британский король ответил, что продолжение войны *«доставит только новый блеск царю,* [...] *и увеличит лишь славу его оружия»*. Чтобы избежать

поражения, нужна была, по мнению Георга I, не просто коалиция, а коалиция дееспособная, пусть и меньшая по количеству участников (он предпочитал австро-англо-шведский союз).

Как ни лез Лондон из кожи вон, чтобы навредить России, политический прагматизм и торгашеский цинизм вынудили его подчиниться психологически ненавистной необходимости считаться с военным могуществом, растущим влиянием и несметными богатствами «дикой страны». Этот императив лишь подхлестнул русофобские настроения, способствовавшие формированию той самой смеси рационального и иррационального, которая, затвердев, надолго станет фундаментальной основой британской политики в отношении России — вредить ей всегда, везде и во всем в той мере, в какой риск наказания будет относительно невысоким.

Когда до Фредрика I дошло, что рассчитывать на англичан нельзя, он стал изворачиваться в поисках других способов добиться от царя уступок. Хотя большого выбора тут вроде бы не было, все же считать положение шведов полностью безнадежным тоже не стоило, учитывая опять-таки непредсказуемость международной обстановки в Европе вообще и непрочность русско-турецкого мира в частности. Да и Польша могла преподнести Петру неприятные сюрпризы и отвлечь значительную часть его войск с северного фронта. Именно этого царь и опасался, на чем шведы, по-видимому, надеялись сыграть. Впрочем, Польша в период Ништадтского конгресса фигурировала в разных то ли слухах, то ли тайных проектах, то ли доморощенных вымыслах. В частности, в мае 1721 года французский консул в Петербурге де Лави докладывал аббату Дюбуа о якобы существовании секретного плана оказания военной помощи Августу II с целью превращения польской короны в наследственную в обмен на отделение от Речи Посполитой Литовского княжества и передачу его вместе с Ливонией герцогу Гольштинскому. Так якобы легче будет посадить Карла-Фридриха на шведский престол.

В июле 1721 года Лилиенштедт и Стрёмфельд предложили заключить прелиминарный трактат и внести туда главные условия, а о подробностях договариваться потом в течение шести недель. Уверенный в том, что в категорию «подробности» попадут невыгодные для него положения, Петр категорически отказался, предложив максимально приблизить прелиминарный текст договора к окончательному и немедленно подписать его с последующим прибавлением к нему лишь частностей в виде *«некоторых церемоний и гарантий»*. Царь предписывал дать шведам на это не больше трех недель. *«На то* (на шестинедельную подготовку основного договора. — *В. Д.*) *соизволить нам невозможно*, — писал Петр, — *ибо не можем иной причины в том признать, кроме того, чтоб им время, а потом, по конъюнктурам смотря, главный трактат разными затруднениями и кондициями вымышленными вдаль проволочь и происковать из того какой себе пользы»*. Государь соглашался на прекращение военных действий только после обмена подписанными обеими сторонами экземплярами договора.

Даже перед лицом царской непреклонности шведские дипломаты сдавали позиции с огромным трудом, цепляясь за малейший шанс выторговать у России как можно больше. Петр как в воду глядел. Шведы затеяли долгие споры о финляндской границе, о герцоге Гольштинском, о включении в трактат Георга I, как ганноверского курфюрста, и о недопустимости того же самого в отношении польского короля и Речи Посполитой. Ближайшая задача шведской делегации состояла в том, чтобы продер-

жаться до осени, когда военные действия станут невозможными, и взять паузу. А там, глядишь, что-нибудь да произойдет: либо русские сломаются, устав стоять на своем, либо вмешаются европейские державы, либо и то и другое.

И все же настойчивость царской дипломатии была не единственным фактором, давившим на шведов. На протяжении всего конгресса они не могли избавиться от психологического гнета мысли о том, что Англия и Франция, склонившие Стокгольм к сепаратным договорам в обмен на обещания полномасштабной военной помощи в деле возвращения восточных прибалтийских территорий, обманули Швецию. И теперь ей, благодаря англо-французскому «заступничеству», предстояло уступить Петру гораздо больше того, что он предлагал в рамках двусторонних русско-шведских договоренностей без привлечения посредников (Аландский конгресс).

Первым, кому это стало окончательно ясно приблизительно за полгода до конгресса, был шведский король. Еще в октябре 1720 года у него состоялся исключительно откровенный разговор с Кампредоном, которому он поведал о не менее доверительном признании адмирала Норриса. Тот по поручению Георга I заявил Фредрику I, что надежд на образование коалиции против России нет: Франция не хочет и не может вступать в нее из-за плачевного состояния финансов, а император предпочитает договариваться с царем. Норрис, уводя свою эскадру на зиму в Англию, советовал королю *«принести известные жертвы со стороны Ливонии»*. Услышав такое от англичан, Фредрик I посчитал себя проведенным вокруг пальца. В беседе с Кампредоном он возмущался тем, что, согласно заверениям Лондонского кабинета, Бремен, Верден и часть Померании будут единственной шведской уступкой. Затем появилась зундская пошлина. И наконец, ему предлагают расстаться с Ливонией, ради сохранения которой за шведами Стокгольм, собственно, и поддался на призыв англичан к заключению сепаратных договоров. Как сетовал король, что только он ни делал, чтобы угодить Англии и склонить ее к выполнению своих обещаний: сорвал Аландский конгресс; запретил своему послу в Париже барону Шпарру вступать в переговоры со Шлейницем, которые могли *«привести к доброму успеху»*; отклонил посреднические услуги императора и отозвал из Брауншвейга графа Веллинга, поскольку об этом просили англичане; по этой же причине фактически выпроводил из Стокгольма А.И. Румянцева вместо того, чтобы использовать его как полезный дипломатический канал. Иными словами, упустил многие возможности добиться от Петра послаблений. И вот он результат: Швеции предлагают смириться с ее печальной участью. Говоря с Кампредоном, Фредрик I, пусть косвенно, адресовал свои упреки и Франции.

Вернемся в Ништадт. Терпение и моральные силы Петра дошли до предела. Бесконечная война измотала и его, и Россию. Хуже всего было то, что в предшествующие годы уже возникали ситуации, когда казалось, будто мир вот-вот будет подписан. И всякий раз эта перспектива ускользала под воздействием разных обстоятельств. Никто не мог гарантировать, что это не случится в Ништадте[1]. Тем более что были

[1] До самого окончания конгресса де Лави не мог сообщить в Париж ничего определенного о том, каких новостей ожидать из Ништадта. Шафиров, с которым общался французский консул, высказал мысль, что *«англичане еще долго будут мешать миру тем, что помогают шведам морскими силами»*. На основании собранной из многих источников информации де Лави несколько раз повторял свой вывод о том, что *«мир не так еще близок, как тут надеются»*.

влиятельные силы, добивавшиеся срыва конгресса. Точнее — переноса его в Брауншвейг. В частности, не уставал хлопотать об этом император Карл VI, стремившийся поднять свой авторитет в качестве главного миротворца и главного гаранта внутригерманского спокойствия. Его посол в Стокгольме Буркхард фон Фрейтаг (Фритаг) дошел до того, что попросил адмирала Норриса пригрозить Фредрику I уводом английской эскадры домой, если тот не прекратит ништадтские переговоры. Польский король горячо поддерживал план императора сделать Брауншвейг местом проведения крупного международного конгресса, где будут решаться не только проблемы русско-шведских отношений, но и, как он надеялся, вопрос о передаче Польше Ливонии. Эта идея грозила вновь обострить дипломатический спор о том, о чем Петербург и Стокгольм уже почти условились. Самое главное, что за столом брауншвейгских переговоров будут присутствовать явные сторонники Швеции и противники России, которые, конечно, постараются принудить ее к максимальным уступкам.

Царь, исполненный решимости не допустить срыва Ништадтского конгресса, продолжал подкреплять дипломатические аргументы военными. Во второй половине июня Фредрик I (через Кампредона, продолжавшего де-факто оказывать посреднические услуги) попросил царя о перемирии. Петр категорически отклонил эту идею и приказал своим генералам не прекращать боевых действий, пока шведы не примут все русские условия. Остерман в письме к Кампредону высказал удивление тем фактом, что перемирие предлагается на фоне создаваемых Лилиенштедтом и Стрёмфельдом *«затруднений в таких пунктах, от которых, они знают, Царь никогда не откажется»*. *«Время не терпит*, — предупредил Остерман, — *и надо же знать, наконец, чего желает шведский король: мира или войны»*.

В исключительно запутанной и непредсказуемой «динамике» переговоров не было видно продвижения вперед к какому-то конструктивному итогу. Они как будто замерли на месте. Точнее — вращались в порочном круге, то вроде бы приближаясь к выходу из него, то вновь отдаляясь. Шведы думали, что царские дипломаты на крайний случай припасли компромиссный вариант, и терпеливо выжидали, когда же они скажут свое последнее слово, не веря, что оно уже давно произнесено.

Ярким подтверждением этой трудной для профессионального анализа и не обычной для истории дипломатии ситуации служит донесение де Лави к Дюбуа, посланное (8 сентября 1721 г.) всего лишь за два дня до подписания Ништадтского мира. Вот вывод прекрасно осведомленного консула, пристально следившего за ходом событий: *«Таким образом, мы накануне возобновления войны, еще более кровавой, чем прежде»*.

Возможно, так же думали царские послы в Ништадте. И тем неожиданнее оказалось решение шведских уполномоченных принять непреклонность своих оппонентов как неизменяемую реальность и исходить из нее. Их внезапной капитуляции после нескольких месяцев изнуряющего хождения по кругу, при большой вероятности возобновления войны, мало кто ожидал.

30 августа (10 сентября) 1721 года мирный договор был подписан. Вот его основные положения.

1) Россия получала *«в совершенное, непрекословное, вечное владение и собственность»* Лифляндию, Эстляндию, Ингрию, часть Карелии (с Выборгом и окрестностями), а также острова, прилегающие к этим территориям (артикул 4).

2) Швеции возвращалось Великое Княжество Финляндское и выплачивалось 2 млн ефимков (артикул 5).
3) Шведскому королю предоставлялось право ежегодной беспошлинной закупки хлеба на сумму 50 тыс. рублей в Риге, Ревеле и Аренсбурге, за исключением тех случае, когда экспорт русского зерна будет целиком запрещен по чрезвычайным обстоятельствам (артикул 6).
4) Его Царское Величество *«наисильнейшим образом»* обещал ни прямо, ни косвенно не вмешиваться в шведские домашние дела, касавшиеся прежде всего образа правления и формы наследования власти. Более того, он обязался в доказательство *«истинно соседской дружбы»* препятствовать любым попыткам такого вмешательства, от кого бы они ни исходили (артикул 7).
5) За жителями уступленных России провинций *«постоянно и непоколебимо»* сохранялись все права и привилегии, которые они имели в качестве шведских подданных (артикул 9).
6) Исключались всякие препятствия для евангелической веры и образования, однако отныне утверждалась свобода отправления и для *«греческого исповедания»* (артикул 10).
7) На присоединенных территориях гарантировалось восстановление прав собственности (при наличии документальных подтверждений), нарушенных в результате произведенных шведами земельных конфискаций (редукций), а также в результате военных действий, в ходе которых были захвачены владения местных помещиков, но при условии принятия российского подданства. Желающим остаться в шведском подданстве предоставлялся трехгодичный срок для продажи своих имений (артикулы 11, 12).
8) Польский король и Речь Посполитая, как союзники царя, включались в Ништадтский трактат пока лишь формально, поскольку они не прислали на конгресс своих уполномоченных. Однако Фредрик I давал обещание сразу же после Ништадта заключить с поляками, при царском посредничестве, вечный мир с условием, что шведско-польский договор ни в чем не будет противоречить русско-шведскому (артикул 15).
9) Россия и Швеция обещали друг другу де-факто соблюдать принципы свободной торговли, защищать ее от грабежей и при возможности заключить соответствующее соглашение (артикулы 16, 17, 18).
10) Царь давал согласие на включение в Ништадтский договор Англии в качестве союзника Фредрика I и на последующее русско-британское *«добродетельное трактование»* (дружеские переговоры) с целью устранения взаимных обид. Не возражал Петр и против того, чтобы договор между Россией и Швецией оставался открытым для вступления других держав (артикул 21).

Текст трактата дает историкам достаточную пищу для дискуссии вокруг вопроса: действительно ли «победитель получил все», как в игре с нулевой суммой? Принято считать, что Ништадтский конгресс знаменовал триумф русского оружия и русской дипломатии. Лучших условий для себя Петр, казалось, не смог бы и придумать[1]. Однако позволим себе поразмышлять над итогами двадцатилетней войны в широком,

[1] Царь писал, что «*более бы того* (трактата. — *В. Д.*) *учинить нечего*».

гипотетическом плане. Петр заплатил за выход к Балтийскому морю невероятную цену. Сопоставима ли она с людскими жертвами и материальными затратами? Если бы на месте царя оказался любой другой европейский правитель, одержавший столь дорогостоящую и столь сокрушительную победу, удовлетворился бы он Ништадтским договором? Оставил бы он Швеции огромную и стратегически важную территорию Финляндии (откуда шведы будут дважды пытаться взять реванш)? Пошел бы на другие уступки? Ответы на эти вопросы останутся в области предположений. Гипотезой остается и мысль о том, что в случае присоединения к России Финляндии как оборонительного плацдарма, защищающего Петербург, Северная война могла бы стать последней в истории русско-шведских отношений, как это случилось в 1809 году.

Крупную уступку сделал Петр в гольштинском вопросе. Но с точки зрения государственного рационализма это была оправданная плата за большой геополитический выигрыш в Прибалтике. Да и с точки зрения высшей морали царь не имел права пожертвовать национальными интересами России только ради того, чтобы проложить герцогу Гольштинскому путь к шведскому престолу и тем самым утолить его монархические амбиции[1]. Тем не менее, как мы увидим ниже, царь и после Ништадта продолжал дипломатическую борьбу за династические права Карла-Фридриха.

По получении сообщения о подписании Ништадтского договора радости Петра не было конца. Брюсу и Остерману он писал, что весть о заключении мира *«с великим нашим удовольствием и увеселением слушали»*. Этот успех он во многом приписывал *«трудам»* дипломатов и был бесконечно щедр на похвалу в их адрес. Подводя итог великой и жестокой учебы у Европы, продолжавшейся 21 год, царь говорил, что она *«так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно»*. О своих заслугах государь тоже не забыл. Право публично объявить о ништадтском триумфе он с неоспоримым на то основанием оставил за собой, *«понеже не чаю, кто б более моего в сей войне трудился»*.

4(15) сентября 1721 года перед Троицким собором Петербурга Петр обратился к народу со словами: *«Здравствуйте и благодарите бога, православные, что толикую долговременную войну, которая продолжалась 21 год, всесильный бог прекратил и даровал нам со Швециею счастливый вечный мир»*. Затем он берет ковш с вином и провозглашает тост за здоровье русского народа — под крики *«да здравствует государь!»*, под пушечные салюты и ружейные залпы. Почти на месяц столица погружается в атмосферу праздника: застолья, песни, танцы, маскарады, фейерверки. Петр веселится как ребенок, объявляет амнистию преступникам, освобождает государственных должников от недоимок, накопившихся за годы войны.

22 октября в Троицком соборе царю преподнесли титул *«Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского»*. Сначала выступил первый вице-президент Синода Феофан Прокопович с проповедью, славившей грандиозные царские дела. А затем речь держал канцлер Г.И. Головкин. В ней были такие слова: *«...токмо едиными вашими неусыпными трудами и руковождением мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на театр славы всего света и, тако рещи* (так сказать. — *В. Д.*)*, из небытия*

[1] Брюс и Остерман до последней возможности защищали интересы Карла-Фридриха и даже добились от шведских уполномоченных обещания, «*когда случай придет*» (то есть после смерти или насильственного отстранения Фредрика I от власти), подать свои голоса в пользу избрания герцога королем.

в бытие произведены и в общество политичных народов присовокуплены». Сенаторы трижды прокричали «виват». Возглас подхватили люди, собравшиеся внутри храма и на присоборной площади. Раздался колокольный звон, звуки труб, литавр, барабанов. Загрохотали пушки и ружья.

Отвечая на панегирики, Петр призвал не почивать на лаврах, а продолжать трудиться во имя *«пользы общей»*, *«дабы не иметь жребия монархии Греческой* (Византии. — *В. Д.*)».

С открытием санного пути весь новоиспеченный императорский двор двинулся в Москву, где во второй половине декабря 1721 — январе 1722 года прошли торжества, пожалуй, даже превосходившие петербургские своими масштабами, театральными инсценировками и аллегорическими реквизитами.

Ништадтская система?

Автор этих строк должен признаться, что он против злоупотребления понятием «система» применительно к международным отношениям в Европе в целом. В условиях отсутствия жестких, объективных критериев определения «международной системы» естественно появляется желание их найти, точнее — сконструировать, что зачастую приводит к умозрительным, чересчур произвольным построениям, чреватым хаотизацией познавательного процесса. Механистическая проекция общефилософского понимания «системы» на международные процессы поможет нам не столько найти их специфику, сколько потерять ее из виду, создав впечатление броуновского движения.

Ни одна из существующих на сегодняшний день схем систематизации истории европейских международных отношений не является универсальным доказательством закономерного, поступательного, упорядоченного хода истории, во всех случаях поддающегося четкой, математической периодизации. Идеально формализованная единая историческая картина не будет создана никогда, ибо все ее версии, включая самые гениальные, останутся результатом смешения нашего неточного знания, пытливого разномыслия и неукротимого воображения. Но, как ни парадоксально, именно в этой «безнадежности» сокрыт вечный стимул для размышлений о тайнах истории и политики.

Считается, что нижними и верхними хронологическими границами международных систем являются большие, длительные войны, меняющие расстановку и соотношение сил на европейской арене. Если так, то Ништадтский мир безусловно знаменовал собой завершение именно такой войны, создав достаточно глубокий водораздел в истории европейских противоречий XVIII века, чтобы поддаться соблазну назвать последовавший период «системой». И почему бы это не сделать, учитывая, что ни одно событие второй половины XVII — конца XVIII века несравнимо по своему значению с рождением громадной Российской империи, оказавшей фундаментальное влияние на Европу и Азию?

Если, забегая вперед, строить гипотетическую «ништадтскую систему», то возникает вопрос: где расположить ее верхнюю хронологическую границу? Первое, что приходит на ум, — Семилетняя война, тем более что многие современные исследователи называют ее «мировой». Но произвела ли она в Европе столь радикальные перемены,

чтобы употреблять этот образ? Не больше ли смысла продлить «ништадтскую систему» до Наполеоновской эпохи? Эти вопросы требуют глубокой проработки. Мы в данном случае ставим их лишь попутно, как повод задуматься о подлинных масштабах последствий Северной войны.

Вернемся, однако, в 1721 год. Ништадтский мир не был «концом истории». Северная война решила одни проблемы и создала другие. Для России на первый план вышла принципиальная внешнеполитическая задача — утвердить ее новый международный статус и защитить его от попыток пересмотра не только со стороны Швеции. Новорожденную империю стали уважать и бояться, на что нужно было реагировать с осторожной дальновидностью, не впадая в опасную болезнь победителей — головокружение от успехов. Петр понимал, что останавливаться на достигнутом рано, но продвигаться вперед следует так, чтобы не восстановить против себя всю Европу, хотя бы потому что Россия нуждалась в отдыхе от изнурительной войны. Именно с учетом этого и нужно было выстраивать постништадтскую систему отношений с каждой европейской державой.

Эту систему Петр представлял себе в виде двусторонних и многосторонних союзов, долгосрочных и тактических, подчиненных решению целого ряда внешнеполитических задач страны, среди которых порядок приоритетов мог меняться в зависимости от порой самых неожиданных международных осложнений. На севере, после Ништадта, царь стремился освободиться от таможенных препятствий для русской торговли, связанных с полученным Данией правом взимать пошлины за провоз товаров через Зундский пролив. Затем эту задачу потеснила другая (так и не поставленная в повестку Ништадтского конгресса) — возвращение Шлезвига герцогу Гольштинскому. Тут тоже имелась материальная подоплека. Через шлезвигские земли можно было прорыть канал, который открыл бы перед русскими торговыми кораблями альтернативный, менее затратный путь в Северное море. Помимо этого, оставались еще непростые проблемы в двусторонних отношениях со Швецией, Францией, Австрией, Англией, Польшей, мекленбургский, курляндский и другие более мелкие вопросы. Петр был настроен на использование исключительно дипломатических методов, хотя некоторым современникам казалось, будто над Балтикой навис призрак новой войны. Для преодоления сопротивления держав, напуганных возвышением России, требовалось заручиться союзами (либо гарантиями нейтралитета) с ними. Речь шла о Франции, Австрии, Пруссии и (что логично, хотя на первый взгляд странно) о вчерашнем неприятеле — Швеции. Важна была и нормализация отношений с Августом II, сохранявших потенциал враждебности, накопленный во время Северной войны. Да и с Речью Посполитой (Республикой) далеко не все обстояло благополучно. Петр стремился к примирению даже с Лондоном при всей взаимной неприязни между Россией и Англией. И за все эти союзы и договоренности, как прекрасно осознавал царь, нужно будет платить ответными обязательствами, в том числе такими, последствия которых нельзя просчитать заранее.

Прозорливо подметил М.А. Полиевктов: *«Новая балтийская программа России слагалась* [...] *из старых вопросов, поставленных на очередь еще до окончания Северной войны. На первый взгляд это — как бы последние разрозненные вспышки все той же дипломатической борьбы России с Европой, которая, превратившись в своем последнем фазисе в борьбу с Венским союзом* (1719 г., Австрия, Англия-Ганновер, Саксония. — *В. Д.*),

не закончилась одновременно с окончанием русско-шведского конфликта». Возникавшие одна за другой новые внешнеполитические задачи сливались в сложнейшие комбинации, конечные результаты которых *«скрывались в отдаленном будущем».*

Была еще одна проблема — признание императорского титула Петра. При всей своей «нематериальности» она имела огромное моральное, психологическое значение, определяя место России в европейской «табели о рангах», потенциал ее влияния на международные дела. Тот самый потенциал, который зачастую позволяет воздействовать словом, авторитетом, избегать траты военных сил, заменяя их работой дипломатов, за которыми теперь стоит империя. Легко понять европейских монархов. Они испытали шоковый удар по самолюбию, когда стали свидетелями стремительного рывка Московии, считавшейся варварским царством, в ранг империи. Такой колоссальной, молниеносной, революционной модернизации история Европы не знала. С этим предстояло свыкнуться, что было трудно, но неизбежно. В такой ситуации, естественно, титул императора превратился в политический товар, который великие державы хотели продать подороже.

Одним словом, все эти проблемы были не менее, а в ряде случаев и более сложны, чем в период войны. Они требовали от Петра и его сотрудников напряженной работы, и она не прерывалась даже в период торжеств по случаю восстановления мира. Но теперь император был вооружен не только современной, закаленной в боях, могущественной армией, но и настоящей дипломатической гвардией. Она состояла из тех, кто начинал еще с Великого посольства, зачисленных в него по приказу Петра. Родовитые и безродные, юные и более зрелые, по зову ума или по велению долга, они вникали в премудрости необычной для патриархальной Московии профессии дипломата, изучали языки, нравы, правила общения между людьми, диковинную механику международных отношений. Некоторые из них остались за границей и там служили своей родине, так больше и не увидев ее. Такой команде были под силу любые задачи.

Проекты переустройства послевоенного мира

Европейским правителям нужно было время, чтобы сообразить, чем конкретно грозит им Ништадтский договор и как Россия собирается использовать заложенные в нем преимущества. Некоторые из них были очевидны, другие, потенциальные, могли проявиться в неопределенном или в очень скором будущем. В любом случае Европа понимала, что их нужно либо нейтрализовать, либо обратить в свою пользу. Если бы континентальные государства действовали единым фронтом, Петру пришлось бы постоянно находиться на грани новой войны, целью которой для Запада будет вернуть Россию в ее физические и статусно-политические пределы, а для России — не допустить этого. Но в «русском вопросе» европейцы редко были едины. Их практичность в конце концов все же брала верх над цивилизованным чванством, замешанном на русофобии. До них постепенно стало доходить, что союзнические или, по крайней мере, доброжелательные отношения с Россией выгоднее, чем враждебные. Кроме того, петровская «революция» успешно выбивала почву из-под ног западной ксенофобии, во всяком случае в сфере внутрикорпоративного общения между русскими дипломатами и их европейскими коллегами. В Вене, Париже,

Берлине, Лондоне, Гааге и других столицах уже не видели длиннобородых московитских послов в их классическом облачении, общавшихся через переводчиков и на дух не принимавших «латинянских» манер, бытового уклада, стиля одежды и т.д. Долгорукие, Бестужевы-Рюмины, Матвеевы, Толстые, Куракины, Головкины и другие разлетевшиеся по миру «птенцы гнезда Петрова» быстро стали частью европейской культурной среды, прекрасно освоив языки и искусство пользоваться ими, чтобы скрывать свои мысли.

Рассуждая теоретически, логично было ожидать, что за большой войной в Европе наступит хотя бы временная, большая или меньшая определенность. И такие случаи в истории известны. Однако после Северной войны этого не произошло. Как только смолкли пушки, победители и побежденные вступили в дипломатическую борьбу: одни за упрочение своих позиций, другие — за создание такой системы отношений, которая поможет им в том или ином виде вернуть или компенсировать утраченное. Были еще и те, кто, не пожертвовав ничем, претендовал на политические трофеи. Как ни удивительно, международная жизнь Европы стала еще более сложным, паутинообразным средоточием противоречий, интриг, страстей, недоверия, тайных планов. Это глубоко озадачивало правителей, дипломатов, элитные группы, общество в целом. Самые проницательные люди того времени мучительно искали способы защиты интересов своих государств в новых условиях, боялись ошибиться в прогнозах и сделать ложный ход в головоломных играх.

Одни монархи раньше, другие позже стали мириться с тем фактом, что Россия превратилась в один из базовых элементов в международных отношениях. Теперь Европе невозможно было миновать ее в решении своих запутанных проблем. Да и мало кто видел в этом выгоду. Напротив, каждая из держав в сложных ситуациях старалась привлечь Петербург на свою сторону. Вместе с тем в механизме взаимоотношений между государствами непреложным оставался закон, в соответствии с которым достаточно было одному из них подняться на уровень или тем более выше уровня другого, чтобы противоречия между ними стали резко обостряться, даже не обязательно приводя к войне. Англии, Франции, Австрии, Пруссии, Швеции и другим отныне приходилось в своей внешней политике учитывать фундаментальные итоги Северной войны и приспосабливаться к ним против своей воли. Было бы противоестественно ожидать от них чувства удовлетворения по этому поводу. Недовольство выражалось разными державами с разной степенью готовности противостоять России. Предпосылок для повторения Северной войны практически не было, поэтому как более реальная выдвигалась идея пересмотра ее результатов, но так, чтобы ни в коем случае не звучало слово «пересмотр».

Автором затеи являлась Вена, зачастую склонная к вязанию интриг со слишком витиеватым рисунком. Австрийское правительство в своей логике исходило из того, что война перекроила границы имперских владений без согласия на то Карла VI, что делало нелегитимными все договоры, заключенные со Швецией, и большинство территориальных приобретений, доставшихся победителям. Для того чтобы узаконить военно-политические итоги войны с точки зрения международного права, цесарь настаивал (в очередной раз) на созыве в Брауншвейге большого европейского конгресса, где под эгидой Вены будет рассмотрен весь комплекс проблем северогерманских государств, входящих в состав Священной Римской империи. Не требова-

лось семи пядей во лбу, чтобы понять «намек»: приобретения Ганновера, Пруссии, Дании будут обсуждаться фактически заново, и лишь по результатам этих обсуждений они получат (или не получат) высшую санкцию Империи.

Коснуться это могло и Ништадтского договора, о чем свидетельствовал визит в Петербург осенью 1721 года императорского посла графа Стефана Кински. Он уговаривал Петра поддержать идею конгресса, соблазняя его перспективой пересмотра в ущерб Англии вопроса о Бремене и Вердене. Но настораживающим моментом для царя явилась настойчивая просьба любой ценой отстоять интересы герцога Гольштинского. «Любая цена» в данном случае могла подразумевать одно: снабдить Карла-Фридриха таким капиталом (то есть Лифляндией), который обеспечит ему покупку шведской короны. Кински просил царя также о том, что являлось вмешательством во внутренние дела России, а именно — завещать русский престол своему внуку Петру Алексеевичу, приходившемуся племянником императору Карлу VI. Тогда в силу родственных связей, как рассчитывала Вена, цесарь сможет оказывать политическое влияние на своего близкого родственника. Зашел разговор и о возможном союзе против турок.

Де Лави считал шансы на заключение русско-австрийского союза высокими ввиду того, что *«доброе согласие и дружба»* между Веной и Петербургом, *«по-видимому, совершенно восстановлены»*. Поскольку это противоречило интересам Франции, консул обещал аббату Дюбуа подробно разузнать о намерениях Кински. В это же время в Петербург из Стокгольма вернулся Кампредон, чтобы расстроить австрийские замыслы. Выполняя поручение Фредрика I и Филиппа Орлеанского, он предложил Петру иной проект. Собственно проектом его назвать трудно. Это была скорее разведка на предмет выяснения, как именно представляет себе русский император послевоенное устройство Европы в условиях, когда такого представления толком никто не имел. Осенью 1721 года многие монархи испытывали беспокойство относительно прочности и долговечности установившегося мира, учитывая острые политические, территориальные и экономические противоречия, не устраненные войной в одном случае и порожденные ею в другом. Но они не знали, как ослабить это напряжение до более или менее безопасного уровня. Разного рода планы на этот счет вынашивали правители, правительства, парламенты, отдельные сановники, дипломаты и даже досужие наблюдатели.

В принципе, можно было бы условно назвать это попытками построить систему коллективной безопасности, если бы «строителей» объединяло искреннее желание не только заботиться о собственных интересах, но и уважать интересы других. На самом деле, даже когда всеобщее благо провозглашалось основополагающим принципом, он оставался не более чем пустой декларацией. Реальная картина дипломатической жизни Европы имела мало общего с целенаправленной деятельностью по созданию атмосферы отдохновения от военных тягот, обеспеченной устойчивым международным порядком. Она походила скорее на всеобщую суету, в которой каждый хотел найти себе более просторное и безопасное место под солнцем, как всегда, за счет другого. В неглупых головах бродили идеи странных альянсов, логика и цели которых были не вполне понятны вне узкого круга тактических задач, рассчитанных на короткую перспективу и не гарантировавших успех.

Беда Кампредона заключалась в том, что ему пришлось возвращаться в Петербург в обстановке европейской неразберихи. Четкого плана действий у него не было. Да и откуда ему взяться, если Стокгольм и Париж сами не знали, о чем конкретно

договариваться с Петром. Единственное, в чем посол не сомневался, так это в необходимости не допустить созыва Брауншвейгского конгресса, поскольку Швецию и Францию не устраивало, чтобы одним из главных итогов Северной войны стало бы превращение Карла VI в общеевропейского арбитра. Нацеленная на решение этой задачи миссия Кински крайне беспокоила Кампредона, который хотел сорвать ее, но для этого ему от Парижа требовались более широкие полномочия. Опасаясь, что Россия склонится в сторону Австрии, посол умолял Дюбуа разрешить ему, не теряя времени, и без обиняков предложить царю союз с Францией. Кампредон писал, что, если такой союз состоится, Петр, по своему обыкновению, будет хранить верность принятым обязательствам, в чем не может быть ни малейших сомнений[1].

У Кински имелось определенное преимущество над Кампредоном. Цесарский посол приехал в Петербург с конкретным («брауншвейгским»), планом. А его соперник — с общими рассуждениями о будущей расстановке сил в Европе. Француз хотел лишить Кински этого преимущества и поэтому просил помощи у Дюбуа. Кампредон торопил его еще и потому, что Петр проявлял к императорскому эмиссару знаки особого расположения, замеченные всеми. Они были адресованы ему не напрямую, а опосредованно. 23 октября 1721 года государь пышно отпраздновал день рождения своего внука Петра Алексеевича, мать которого, как мы помним, приходилась свояченицей императору Карлу VI, постоянно интересовавшемуся жизнью и воспитанием своего малолетнего и, по слухам, очень смышленого родственника. Примечательным был тот факт, что торжество устраивалось для царевича впервые, и, как предполагал не только Кампредон, специально для того, чтобы показать Кински, с какой заботой воспитывается племянник цесаря, олицетворяющий русско-австрийские близкородственные связи и, возможно, их большое политическое будущее.

На этом фоне не трудно понять обиду де Лави, которого русские власти не удосужились пригласить на празднества по случаю Ништадтского мира. Похоже, в феерической суете просто недоглядели. Во всяком случае усматривать в этом антифранцузский жест нет смысла. С какой тогда стати понадобилось Петру I ехать в Кронштлот, чтобы лично встретить Кампредона накрытым столом и приветственными залпами 150 пушек? Между прочим, эта новость заставила Кински понервничать. Нервничал и его французский визави, до которого доходили или специально доводились слухи, будто *«Царь серьезно подумывает о Брауншвейгском конгрессе»*. 10 ноября 1721 года Кампредон писал Дюбуа (с июля 1721 г. произведенному в кардиналы), что, если Петр поддастся уговорам Кински, это может *«перевернуть всю систему дел»* и *«даже нарушить спокойствие империи»*.

Как мы видим, Петр старался равномерно распределять свои любезности между французом и австрийцем, делая это не без задней мысли. Царь как бы устраивал между ними соревнование, чтобы заставить их с предельной ясностью изложить планы и предложения своих правительств.

Препятствием к предметному разговору Кампредона с Петром была еще и, так сказать, протокольная двусмысленность. Претендовать на переговоры с царем, не-

[1] Одно из писем Дюбуа к де Лави (от 7 февраля 1721 г.) наводит на мысль, что возможное русско-австрийское сближение посредством Брауншвейгского конгресса волновало аббата далеко не так остро, как Кампредона. К такой перспективе он, похоже, относился более философски, как к одному из вариантов развития событий — наряду с заключением мира или продолжением войны.

понятно от чьего — Швеции или Франции — имени, да еще при отсутствии четкой повестки и представления о способах ее реализации — выглядело подозрительно. А сформировать эту повестку в обстановке внутришведского политического раздрая было некому. Новый русский резидент в Стокгольме М.П. Бестужев-Рюмин в первых своих донесениях писал: *«Как я вижу, здесь настоящая Польша стала: всякий себе господин, и подчиненные начальников своих не слушают, и никакого порядка нет»*[1]. О какой внятной внешнеполитической линии могла идти речь, когда король не ладил с Сенатом, внутри которого шла борьба фракций по любым вопросам, в том числе по вопросу об отношении к России. Непримиримые позиции занимали гольштинская и гессен-кассельская партии, стараясь найти поддержку внешних сил. После Ништадта раздробленная шведская элита, стреноженная собственными проблемами, была неспособна разработать осмысленную и продуктивную внешнеполитическую программу. Результатом стали дипломатические импровизации сомнительного свойства.

Вольным или невольным участником их стал Кампредон. Перед отъездом посла в Петербург к нему явилась делегация Сената заявить, что она согласна дать ему полномочия на переговоры с царем о заключении оборонительного альянса между Швецией, Россией, Францией и Англией, задача которого — гарантировать послевоенный порядок в Европе. Но ядром альянса должен стать возобновленный шведско-французский союз[2].

В этом проекте было много надуманного и недодуманного. Есть причины полагать, что в его основании лежали два ложных посыла. Первый был связан с иллюзией о возможности возрождения франко-шведского, «вестфальского» тандема в качестве если не фундамента, то одной из несущих опор постништадской системы. Ни Франция, ни тем более Швеция уже не обладали тем могуществом, которым они могли похвастать после победоносного для них завершения Тридцатилетней войны. Второй посыл возник из недоверия к готовности Петербурга, *во-первых*, соблюдать Ништадтский договор, *во-вторых*, не вмешиваться в северогерманские дела. Поэтому в качестве сдерживающих факторов выбрали Францию, Швецию и Англию. Сторонники проекта, за редкими исключениями[3], не учитывали, что Россия относилась к категории «удовлетворенных» держав: пересмотр итогов войны был ей ни к чему. Единственное препятствие на пути к осуществлению новой системы безопасности ее авторы видели лишь в англо-русских *«несогласиях»*, с которыми легко можно покончить полюбовным образом. Однако еще в ходе ништадтских переговоров выяснилось, что «полюбовности» тут и в помине нет. Лондон требовал от шведов включения в трактат специальной статьи, категорически обязывавшей царя «*не нарушать спокойствия Нижней Германии* (то есть Ганновера. — *В. Д.*)». Русские делегаты отвергли бесцеремонное вмешательство английской дипломатии в формулировку текста русско-шведского договора, не имеющего ни к Англии, ни к Ганноверу никакого отношения. Даже Стокгольм тогда посчитал, что англичане слишком рьяно лезут в чужие дела.

[1] Русский посол имел в виду, что в Швеции после введения конституционно-монархических порядков воцарилась анархия, характерная для Польши.

[2] Оговорка насчет шведско-французского союза, возможно, объяснялась носившимися слухами, будто Фредрик I подумывает о замене Франции в качестве традиционного союзника Швеции на Россию.

[3] К коим относился Кампредон, считавший, что «*Его Царское Величество не имеет иных видов, как поддержание спокойствия Европы*», необходимого ему для «*обладания своими новыми завоеваниями и усовершенствования своих великих и изумительных учреждений*».

Архитекторы «четверного союза» почему-то не рассматривали тот вариант, что их детище натолкнется на целый комплекс взрывоопасных проблем: шлезвиг-гольштейнскую, мекленбургскую, курляндскую, польскую и другие. Все державы, оставшиеся вне этого альянса, в первую очередь Австрия, будут искать в нем элементы враждебности к себе и думать о создании противовеса. В результате в Европе возникнет не система безопасности, а блоковое противостояние.

Вернемся к визиту Кампредона. Он не был незнакомцем для русских, но это не освобождало его от необходимости внятно объяснить цель приезда в Петербург. И тут начинались проблемы. Одна из них образовалась сама собой, поскольку в это время в русской столице на правах самого желанного гостя находился герцог Гольштинский. Тут не было бы ничего особенного, если бы миссия Кампредона, среди прочего, не предполагала задачу — отговорить Петра от поддержки Карла-Фридриха.

Что касается «четверного союза», то посол, как безусловно умный человек, осознавал, что он привез с собой совершенно сырую идею. В таком виде подавать ее царю, не терпевшему словоблудия, представлялось недипломатичным. Но обсудить ее с расположенными к нему государевыми сановниками было гораздо сподручнее. Кампредон высказал им идею о том, что теперь, когда закончилась война, наступило время для *«интимного союза»* между Францией и Россией для *«охранения общего спокойствия»*, обеспечения гарантий соблюдения международных договоров в Европе, урегулирования торговых отношений и т.д.

По сути, он не сказал ничего. Идея союза была не нова. Амстердамский договор 1717 года, подписанный Россией, Францией и Пруссией, не только остался мертворожденным, но и был кем-то выставлен на посмешище всей Европы, особенно Англии (что вызвало гнев Петра). Нет никаких гарантий, что этот печальный опыт не повторится. Что касается торговли, то это не такая тема, ради которой визиту Кампредона в Россию нужно было придавать столько таинственности.

Французский посол, как часто делают опытные дипломаты, когда не уполномочены выступать с реальными предложениями, пытался вывести русских на откровенный разговор, заставить их первыми открыть свои послевоенные намерения. Кампредон так и заявил Шафирову: *«Царю следует самому высказаться насчет своих видов и способов осуществить их»*. А Франция, как было шито белыми нитками, сама решит, как использовать эту информацию в собственных целях. Послу, понимавшему, что перед ним не простаки, стоило посочувствовать.

Царские министры, не удовлетворенные писанными по воде рисунками, попросили Кампредона объясниться пообстоятельнее. Тогда он заявил о желательности включить в круг гарантов европейской стабильности шведского и британского королей, тем самым полураскрыв проект «четверного союза»[1]. Послу ответили, что такого числа участников недостаточно, к ним нужно добавить датского и прусского королей,

[1] Кампредон, конечно, понимал, насколько это технически сложный проект, учитывая отношения между его предполагаемыми участниками. Поэтому он предлагал Дюбуа осуществлять его поэтапно, вначале построив фундамент в виде франко-русского союза, с тем чтобы другие державы, узнав об объединении столь сильных государств, поспешили примкнуть к ним. Кампредон как будто предвосхищал пересмотр классической теории равновесия сил, к которому склонятся некоторые ученые в конце XX века. В частности, видный американский историк и политолог Пол Шредер, полагавший, что более слабые международные игроки тяготеют не столько к объединению друг с другом для противостояния сильнейшей державе, сколько к поиску покровительственного союза с ней для достижения своих целей.

а также герцога мекленбургского, который был грубо ущемлен в своих суверенных правах. Следом от имени Петра объявили условия примирения с Лондоном. Поскольку война закончилась, Петр готов закрыть глаза на враждебные действия английского короля против России. Что до Георга I, как ганноверского курфюрста, то тут царь настаивал на официальных извинениях за то, что ганноверское правительство подвергло русского посла в Лондоне М.П. Бестужева-Рюмина неслыханным унижениям (1720 г.); за то, что публиковало омерзительные пасквили о России; за то, что продолжает предпринимать насильственные действия против царского родственника герцога мекленбургского.

Перед Кампредоном также были поставлены вопросы: в каких случаях предполагаемый союзный договор вступает в силу; какая помощь друг другу предусматривается со стороны его участников; чем новый союз будет отличаться от Амстердамского? Без этих уточнений вся затея теряет смысл. Как и без официальных доказательств того, что Кампредон обладает всеми необходимыми полномочиями от своего правительства для подготовки этого альянса.

Как видно, русские с настороженностью восприняли предложение Кампредона. Они подозревали, что комбинация, в которую втягивают Россию под видом охранения европейского статус-кво, может поссорить ее с Австрией и Пруссией, сильнее обострить ее отношения с Польшей и Саксонией. Да мало ли еще неприятностей, которыми чреват четверной альянс. Ведь в свежей памяти были воспоминания о развале Священной (антиосманской) лиги и Северного (антишведского) союза. В первом случае Россия осталась в одиночестве, во втором оказалась в ситуации, когда одна часть союзников вышла из войны, а другая встала на сторону врага. Кампредон был прав, предположив, что царю *«очень хочется получить долю участия в общеевропейских делах, но с тем, однако, чтобы не быть вовлеченным в новую войну, а в случае таковой, воспользоваться всеми выгодами нейтралитета»*.

В контексте этих обстоятельств не удивительно желание царских дипломатов осторожно перевести разговор в другую плоскость. Намекая на давнее желание Петра сблизиться с Францией, они подняли вроде бы безобидную тему о развитии русско-французских торговых связей. Но безобидного в ней было мало. Как выяснилось, собеседники Кампредона имели в виду совместными усилиями нанести удар по английской коммерческой монополии в Европе и по голландскому китобойному промыслу у берегов Лапландии. Естественно, возникал вопрос: а может ли быть место в «четверном союзе» для государства, против которого объединялись (пусть и на экономической основе) два других его участника? В заключение беседы государевы люди выразили надежду, что французский король не откажется признать за царем императорский титул, следуя примеру германского цесаря Максимилиана I, именовавшего этим титулом Царя Ивана III (в 1514 г.), и совсем недавним аналогичным прецедентам, исходившим от британского, испанского королей, венецианской республики и других. Через несколько дней Петр официально объявил дипломатическому корпусу Петербурга, что он не будет вступать ни в какие переговоры с державами, которые не признают его императором[1].

[1] Для Кампредона это был шок, и он спешно запросил у Парижа инструкции о том, как реагировать на столь неожиданную ситуацию. Шокирован был и Кински, заявивший своему французскому коллеге, что булла Максимилиана I фальшивка и Карл VI никогда не признает царя императором.

Проект «четверного союза» царь воспринял без энтузиазма, отказавшись обсуждать его на той стадии, когда обсуждать еще нечего. Впрочем, от одного упрека в адрес Парижа Петр не удержался. Имея в виду, что такие масштабные планы нужно хранить в тайне, он выразил свое неудовольствие болтливостью французских дипломатов, благодаря которым содержание Амстердамского (русско-франко-прусского) договора 1717 года стало тотчас известно англичанам. Петр заявил, что в свете этого факта он не может питать доверие ни к Кампредону, ни к привезенному им проекту.

И разум, и интуиция подсказывали Петру, что французский посол, с таким вдохновением продвигающий «четверной проект», многое недоговаривает. Царь убедился бы в своей правоте, если бы у него была возможность заглянуть в письмо Кампредона к кардиналу Дюбуа (от 17 ноября 1721 г.), в котором говорилось, что *«со смертью Царя, за которой неизбежно последуют большие перемены, а может быть, и общая революция в его государстве, утратят силу и обязательства, принятые относительно его»*. Вот, оказывается, где Кампредон весь как на духу: сделать Россию частью временной комбинации с участием Франции, чтобы осуществить французские интересы в Европе, а затем терпеливо дожидаться кончины Петра и русской «контрреволюции», которая спишет все обязательства Парижа перед Петербургом.

Из разговоров с царем французский посол вынес впечатление, что его гораздо больше интересует не «четверной союз», а проблема установления прочных добрососедских отношений со Швецией, ради чего Петр готов лично встретиться с Фредриком I для откровенного разговора о дружбе, общих интересах и о *«тесном союзе»*, возможно, скрепленном междинастическим браком. Вполне решаема, по мнению царя, и гольштинская проблема: достаточно удостоить Карла-Фридриха титулом королевское высочество и вознаградить его за потерю Шлезвига.

Между тем в противостоянии Кампредона и Кински «вечный гольштинский вопрос» то и дело давал о себе знать, сплетаясь в тугой узел и становясь источником интриг, в которых были замешаны и русские высокопоставленные дипломаты, в частности Шафиров.

Как известно, в «брауншвейгской повестке», привезенной в Петербург Кински, важное место занимал вопрос о всемерной поддержке притязаний герцога Гольштинского, которого Вена хотела сделать одним из ключевых элементов контроля над Швецией и Северной Германией.

Парижу, а значит, и Кампредону был совершенно невыгоден переход традиционного французского союзника под влияние Габсбургов. Не высказываясь открыто, а, напротив, на словах сочувствуя положению Карла- Фридриха, он всячески старался вредить его делу. Проект Кампредона предполагал как-нибудь откупиться от герцога, чтобы он с его весьма воинственной партией не был помехой во франко-шведско-русских отношениях. Кампредон опасался, что в Швеции вспыхнет гражданская война, в которую непременно вмешаются внешние силы и превратят ее в европейскую с непредсказуемым числом участников и с неизвестными союзными комбинациями.

Главную интригу ситуации придавал тот факт, что за спиной у Карла-Фридриха стоял могущественный Петр, державший гольштинца в почетных заложниках на тот случай, если кому-то вздумается пересматривать результаты Ништадтского мира. Формально позиции царя и цесаря сходились: и тот и другой отстаивали законные права герцога. Но принципиально расходились они в том, что каждый из монархов

делал это для себя. И у Петра, в отличие от Карла VI, имелись реальные силовые рычаги для приведения своего протеже на шведский трон.

Тут во главе угла оказывался фундаментальный вопрос, ввергавший царя в глубокие сомнения: что именно выбрать в такой мутной, да еще и динамично развивающейся ситуации? Выжидать? Но до какого момента? И на чем остановиться потом? История редко предоставляет абсолютно беспроигрышные варианты. Случается, преимущества одного, очевидные поначалу, затем оборачиваются неприятностями. А авантюрный вклад в рискованное предприятие в будущем неожиданно приносит крупные дивиденды.

У Петра было несколько возможностей.

1) Принять приглашение на Брауншвейгский конгресс, не зная, как он повернется и как будут поделены плоды успехов или неудач.
2) Пожертвовать Карлом-Фридрихом, как политической фигурой, облагодетельствовав его деньгами, имениями, чинами, наградами, но лишившись в его лице орудия против реваншистских поползновений шведской знати.
3) Или, напротив, твердо признать его законным претендентом на шведский престол (а Фредрика I узурпатором), легализовать правительство герцога в изгнании и готовить переворот, используя все средства, включая угрозу войны.

Этими сомнениями терзалось и ближайшее петровское окружение, что создавало водоворот интриг между сторонниками разных подходов к гольштинскому вопросу. Дело усложнялось переизбытком очень опытных мастеров дипломатии на этом игровом поле, да еще и тем, что оно выходило далеко за пределы Петербурга и охватывало все крупные европейские столицы. Но мы, чтобы окончательно не потеряться в десятках имен, в той или иной мере причастных к гольштинской истории, сосредоточимся на эпицентре событий — на Петербурге.

В русской столице Кампредон, естественно, попал в высокопоставленный круг общения: канцлер Головкин, вице-канцлер Шафиров, Толстой, Остерман и другие. Это были очень умные люди с разными характерами и с непростыми отношениями между собой. Их объединяла верность царю и внешнеполитическим интересам созданной им империи. Но они порой по-разному понимали государственные интересы, и это обстоятельство выливалось в концептуальную борьбу, осложненную межличностными противоречиями. Явно скромничая, Кампредон жаловался Дюбуа, что его положение *«чрезвычайно щекотливо, требуя гораздо больше искусства и ловкости, чем сколькими я обладаю, чтобы лавировать между этими министрами»*. В этой среде француз чувствовал себя как рыба в воде.

Петр не препятствовал соперничеству внешнеполитических взглядов, более того — использовал его во благо дела. Однако, когда такое соперничество вырождалось в интригу как самоцель, жестко пресекал ее[1].

Высшие сановники Петра пользовались разной степенью влияния на него, но никто из них не обладал монопольным правом доступа к уху государя. Равновесие между ними он поддерживал методом чередования милости и опалы, сегодня приближая одних и отдаляя других, а завтра ровно наоборот. Зарваться в своем заблуждении,

[1] Так, по признанию Шафирова, царь в конце концов поступил в гольштинском вопросе, право обсуждать детали которого с Карлом-Фридрихом он оставил только за собой.

будто он главный советчик Петра, не позволялось никому. Рядом с царем не было несменяемых фаворитов или вечных пасынков карьерной удачи. Одаренный самородок без рода без племени мог в одночасье взлететь к вершинам славы и царского благоволения. А представитель княжеского сословия столь же быстро попасть на плаху. Впрочем, для этого нужно было сильно постараться.

Выслушивая всех, Петр придирчиво сопоставлял и анализировал разноречивую информацию, чтобы прийти к собственным выводам, становившимся основой его окончательных решений. Царь не любил, когда слишком много его сотрудников занимались одним кругом деликатных дипломатических проблем. Чем чувствительнее вопрос, тем меньшее количество лиц должно о нем знать.

Гольштинская тема безусловно принадлежала к такой категории. С подписанием Ништадтского мира она, в качестве внутришведской и международной проблемы, не исчерпала себя. В Стокгольме партия Карла-Фридриха сохраняла достаточно прочные позиции, чтобы представлять постоянный источник угрозы королевской власти. Страх был настолько силен, что породил в окружении Фредрика I очень странные настроения. Настроения недовольства не по поводу утраченных территорий, а по поводу того, что гольштинский вопрос остался открытым. Говорили так: можно было бы отдать России даже сверх требуемого ею, лишь бы она согласилась на включение в трактат отдельной статьи, гарантирующей ее отказ от какой-либо поддержки притязаний Карла-Фридриха. Власть для Фредрика I являлась высшей ценностью.

Для Петра это обстоятельство создавало и преимущества, и неудобства, связанные с теми альтернативами, которые мы перечислили. К этим альтернативам можно было бы добавить еще одну: подружиться со своим поверженным противником, заключить с ним союз, обеспечивающий «вечный мир» между собой и безопасность от внешних врагов. Деликатность ситуации заключалась в том, что жесткий политический прагматизм царя ограничивался правилами монаршей чести, зачастую проявлявшейся в нем, по наблюдениям современников, в излишне щепетильном виде. Потерять в глазах союзника, врага или просто партнера то, что Петр называл *«кредитом»* (доверием), означало для него самую тяжелую моральную потерю — потерю достоинства. Но, как известно, в большой политике далеко не всегда доступна такая роскошь, как верность слову. И Петр был не единственной жертвой этого «безнравственного» закона. Такие случаи он, как живой человек, переживал тяжело.

Обратимся к примеру. В конце лета 1721 года, находясь в Петербурге, герцог Гольштинский с нетерпением ждал известий о подписании Ништадтского договора в уверенности, что там будет статья, оговаривающая его права на престолонаследие. Однако к нему явился камергер с простым уведомлением о заключении мира, из чего стало ясно, что ожидаемой статьи в тексте договора нет. Вероятно, у самого Петра не хватило духу сообщить об этом лично. Для Карла-Фридриха это был удар, ощущавшийся еще больнее на фоне бушующего вокруг празднества по случаю победы над шведами. Он отказался от приглашения принять участие в торжествах. Вместо него пошел Бассевич, чтобы поздравить царя и *«просить удовлетворить нетерпению герцога сообщением условий, выговоренных в его пользу согласно обещанию его царского величества»*. Посреди всеобщего веселья возникла совершенно конфузная сцена. Вероятно, она смутила Петра, хотя он не подал виду и спокойно отвечал, что *«в настоящем случае Небу не угодно было предоставить ему свободу действовать так, как бы он хотел*

и должен был действовать; но что примиренный с Швециею, он надеется лучше соблюсти выгоды его королевского высочества (Карла-Фридриха. — *В. Д.*), *чем прежде, и снова повторяет свое обещание не оставлять его*».

От того, что последовало дальше, у присутствующих перехватило дыхание. «*Желаю,* — сказал Бассевич, — *чтобы это новое обещание было прочнее всех прежних, вследствие которых государь мой приехал наконец облобызать могущественную руку, ему поданную; что касается до меня, то я умру с отчаяния, что имел простоту поверить существованию такого смертного, на слово которого можно было бы положиться, и что привез в Россию потомка Вазы только для того, чтобы быть там игрушкою политики*».

Мы не припомним, чтобы кто-нибудь и когда-нибудь посмел сказать Петру нечто подобное. Видимо, не смогли этого припомнить и стоявшие рядом друзья Бассевича Меншиков и Шафиров, побледневшие от страха в ожидании немедленного ареста гольштинца. Но, похоже, угрызения совести и восхищение благородной смелостью дипломата подняли царя над этими банальными ожиданиями. Без всякого признака гнева он обратился к собравшимся: «*Надо быть снисходительным к заблуждениям истинного усердия* (преданного служения своему господину. — *В. Д.*); *я желал бы, чтобы и все служащие мне имели его столько же*». Затем Петр поднял большой бокал и произнес: «*Вот смотрите, благородный человек, это пью я за здоровье вашего государя; я сумею, когда придет время, разуверить вас и заставить не сожалеть, что вы привезли его ко мне*».

В этом тоже величие Петра, в умении удивить толпу тем, чего она от него не ждет, — тонким и необычным публичным покаянием перед человеком, который только что дерзко выпалил ему горькую правду в лицо и заслужил, по российским понятиям, строжайшее наказание.

Более того, своеобразным продолжением покаяния был визит к Карлу-Фридриху Шафирова с ближними государевыми людьми (камергером Нарышкиными и графом Пушкиным), в ходе которого вице-канцлер подробно разъяснил непреодолимые обстоятельства, не позволившие царю решить гольштинский вопрос в Ништадте. Шафиров, однако, заверил, что теперь, когда у Петра свободные руки, он вырвет Шлезвиг у Дании и вернет его Карлу-Фридриху. Петр подтвердил обещание выдать за герцога одну из своих дочерей и сделать все, что не противно благу России, для его благополучия и процветания. После такой проникновенной речи Карл-Фридрих смягчился и принял приглашение на торжества по случаю «*окончания пролития крови русской и шведской*».

Хотя это трогательное примирение ничего не решало по существу, оно все же заставляло задуматься над словами Шафирова о Шлезвиге. Действительно ли Петр собирался «вырывать» его у Дании? Похоже, царь сам пока не знал об этом, поскольку тут слишком многое зависело от многого. В том числе от хода переговоров с Кампредоном, представлявшим Францию, для которой гольштинская проблема была не безразлична и которая, при определенных обстоятельствах, могла ослабить свое противодействие планам Карла-Фридриха.

Весьма примечательно, что на встрече Шафирова с Кампредоном одним из первых вопросов, заданных французу, был вопрос об отношении Франции к перспективе о передаче Шлезвига гольштинскому герцогу, «*незаслуженно потерявшему свои*

владения». Шафиров предложил также другие пути удовлетворения Карла-Фридриха, среди них — дарование ему декоративного титула «королевского высочества». Кампредон ответил откровенно: сколько бы царь ни уверял шведского короля в своем отказе от помощи герцогу, этот вопрос *«все-таки послужит непреодолимым препятствием к упрочению только что восстановленного доброго согласия, и всегда будет яблоком раздора, способным возжечь новую войну»*.

Кампредон прилагал немало усилий, чтобы подробно разузнать о планах Кински. Из собранной информации выяснилось, что цесарский посол, действуя через царицу, пытается убедить Петра в преимуществах союза с Австрией в делах, направленных против северных (Англия, Ганновер) и южных (турки) неприятелей России. Карл VI, через Кински, сообщал царю, что намерен в качестве германского императора отказать ганноверскому курфюрсту (Георгу I) в инвеституре на Бремен и Верден, а отдать эти владения Дании взамен Шлезвига, который он считает своим долгом вернуть *«обобранному герцогу гольштинскому»*. Но это, добавлял цесарь, можно будет осуществить, *«если царю благоугодно будет помочь ему своими силами и своим влиянием»*. Кроме того, у Петербурга и Вены есть общий враг в лице Османской империи, отношения России с которой начали ухудшаться в связи с событиями в Персии.

Встревоженный Кампредон призывал кардинала Дюбуа разделить его озабоченность по поводу опасности этих планов, способных подорвать европейский мир, и предпринять совместно с Англией контрмеры. Вместе с тем он продолжал придерживаться идеи заключения франко-русского союза на основе династического брака между младшей дочерью Петра (*«очень милой и очень хорошенькой особой»*) и одним из французских принцев (Шароле). Этот союз, по мнению посла, мог доставить Франции много *«выгод и почета»*. Кампредон запросил соответствующие инструкции.

При всей интенсивности русско-французских и русско-австрийских переговоров никакой ясности в них по-прежнему не было. Петр следил за ними через своих доверенных лиц, прежде всего Шафирова. Работа вице-канцлера усложнялась интригами, которых он и сам не чурался, если не сказать, что находил в них удовольствие. Бывало, некоторые беседы с иностранными дипломатами он вел в тайне от канцлера Головкина. Вполне возможно, и Петру он докладывал не обо всем под предлогом нежелания отвлекать царя «по мелочам». В эту дипломатическую круговерть следует включить еще одну особенность. Кампредон и Кински тоже вели свои «шпионские игры» не только с Шафировым. Они весьма часто встречались с царицей и другими близкими Петру людьми, используя малейший случай выудить негласную информацию и обзавестись дополнительными каналами передачи царю своих идей. Француз и австриец, хотя и старались вредить друг другу, вели конфиденциальные разговоры — разумеется, с той долей откровенности, которая допускалась профессией, и в интересах взаимной пользы. Это не помешало Кампредону подкупить слугу Кински, чтобы узнавать через него нужные сведения. Такой же слежкой отвечал коллеге австриец, подозрительный до предела. Но чем больше эти мастеровитые игроки хотели таким методом прояснить ситуацию, тем больше она запутывалась и тем острее становилась борьба между ними.

Вольно или невольно способствовал этому граф Бассевич, который, отстаивая интересы герцога Гольштинского, делал это в силу своего разумения, порой не свободного от геополитических фантазий. Он придумал мудреную схему разде-

ла и размена северогерманских территорий, чтобы удовлетворить Карла-Фридриха и склонить его к отказу от притязаний на шведскую корону. Согласовывал он это с русской стороной или нет, сказать трудно, но подолгу обсуждать такие планы с Кампредоном находил вполне уместным, за что посол посчитал графа *«весьма болтливым»*. Постоянные совещания Бассевич проводил также с Кински и прусским послом Мардефельдом.

24 ноября 1721 года Кампредон отослал в Париж составленный им проект союзного договора с Россией, умоляя Дюбуа отредактировать этот документ с предельной тщательностью, поскольку русские, опасаясь подвоха, хотят точно и подробно знать о своих и о французских обязательствах, которые будут включены в договор. Одновременно начались предварительные секретные переговоры с управляющим Коммерц-коллегии П.А. Толстым о подготовке взаимовыгодного торгового трактата, направленного против Голландии и Англии. Затем зашел разговор о том, что неплохо было бы организовать где-нибудь, в той же Финляндии, встречу Петра с Фредриком I.

Эти факты вроде бы позволяли надеяться, что в русско-французских отношениях намечается позитивная тенденция. Но смущало поведение Петра, уклонявшегося от приватных бесед с Кампредоном. На одной из вечеринок царь пропустил мимо ушей слова посла о подготовке союзного и торгового договора, невольно создав впечатление, будто он к этому не имеет касательства, хотя выглядело это совершенно абсурдно. Робкие попытки удивленного Кампредона *«объяснить ему некоторые обстоятельства»* наткнулись на отговорку Петра в духе «всему свое время». Царь тут же перевел разговор на частную тему. Посол никак не комментирует этот весьма знаменательный эпизод, но мимоходом замечает, что Кински и Мардефельд изо всех сил стараются возбудить против него подозрения царского двора. Из тех немногих сведений, что перепадали на долю Кампредона, было сообщение Шафирова, что царь не интересуется намерениями британского правительства. Как заявил вице-канцлер, Георг I заблуждается, если полагает, будто Петр нуждается в его дружбе или опасается его ненависти. Для царя это *«вполне безразлично»*. Ясно, что такая позиция лишала Париж возможности спекулировать на своих услугах по вопросам русско-английского примирения.

Кински Петр тоже не слишком жаловал своим вниманием, за исключением тех случаев, когда этого требовали дипломатические приличия. Австриец не уставал выведывать у всех, кто попадался под руку, что все же у царя на уме. Но этого толком не знал никто.

Интриги, разумеется, играли свою роль. Однако Петр, принимая важное решение, не позволял себе становиться их жертвой. Царь, прекрасно разбираясь в том, кто, против кого и ради чего свивает все эти склоки в клубок, доверял лишь своему уму и интуиции. И конечно, проверенной информации. А она говорила о том, что после подписания мирного договора со Швецией шведские уполномоченные, оставаясь в Ништадте, тоже стали куражиться. На свой манер. В течение трех недель они и не думали посылать царскую ратификацию в Стокгольм для обмена. Это настораживало Петра, давая пищу для мрачных предположений. Такое психологическое состояние заставляло его воздерживаться от предметных переговоров с Францией, Австрией и кого бы то ни было.

Кампредон продолжал как бы впрок заниматься подготовкой союзного и торгового договоров с Россией. Уже не с прежним энтузиазмом, ибо от Дюбуа не поступало пока никаких текстуальных и содержательных уточнений. Посол придавал особое значение секретности переговоров с Россией, в том числе по торговым делам, учитывая их явную направленность против английских и голландских коммерческих интересов.

Не выпускал он из поля зрения и гольштинские дела, пользуясь любым разговором с Шафировым, чтобы узнать, действительны ли слухи о том, что царь готов начать войну ради восстановления законных прав Карла-Фридриха. Вице-канцлер категорически отвергал такое предположение, уверяя, что государь найдет другой способ *«на деле доказать ему свое покровительство»*, без которого герцог не останется. Будучи целиком на стороне шведского короля, Кампредон, через Шафирова, старался убедить царя, что дружба с Фредриком I гораздо важнее, чем с Карлом-Фридрихом, интересы которого не стоит отстаивать с чрезмерным рвением. Посол нашел в окружении герцога человека, регулярно докладывавшего ему о планах «петербургских гольштинцев». Впрочем, доверять этой противоречивой информации было опрометчиво, хотя Кампредон так не считал. От своего осведомителя он узнал, что Петр настроен решительно и готов воевать ради герцога еще и потому, что с гольштинским вопросом тесно пересекался мекленбургский, где тоже нужно было отстаивать попранные права местного герцога Карла-Леопольда, женатого на племяннице Петра Екатерине и вынужденного, после военного вторжения ганноверцев в Мекленбург (1719 г.), искать пристанище в России. По мнению Кампредона, такая ситуация грозила *«опасными последствиями»*.

В середине декабря 1721 года в русско-французских торговых переговорах возникли сложности, связанные с решением Петра перевести архангельскую торговлю в Петербург, что лишало французов ряда преимуществ, на которые они рассчитывали. У Кампредона состоялся не очень приятный разговор с Ягужинским, который поделился своими скептическими мыслями относительно возможности установления союза между столь отдаленными друг от друга державами, как Франция и Россия. Посол сразу приписал этот пессимизм влиянию Кински, настраивавшего австрофила Ягужинского против французских планов. Кампредон ответил, что царю лучше знать, помешает ли далекое расстояние русско-французскому сотрудничеству в деле *«сохранения европейского спокойствия»*. Ягужинский, немного подвыпив, сказал, что на месте Петра он из двух враждующих государств — Франции и Австрии — выбрал бы в союзники последнюю в силу территориальной близости и общности политических интересов.

Нет ничего более далекого от действительности, чем предположение, будто в течение длинных празднеств в честь Ништадтского мира Петр только и делал, что предавался безудержным утехам. Вспомним смысл его торжественной речи, открывавшей народные гулянья: пагубнее всего останавливаться на достигнутом и почивать на лаврах, которые могут обернуться терновым венцом (гибелью государства). Царь первым окунулся в работу. Частью ее стал анализ международной ситуации, в том числе с помощью своих сановников, проводивших много времени с представителями петербургского дипломатического корпуса, где шла изощренная борьба между Кампредоном и Кински, в которую активно вовлекалась царская знать, условно разделившаяся на сторонников «профранцузской» и «проавстрийской» ориентаций.

Петр тщательно изучал сведения, получаемые от тех и других. Пройдя за годы Северной войны большую дипломатическую школу, он понял, быть может, самое главное: в международных отношениях нет ничего постоянного. Все меняется, подчас стремительно и не всегда по воле людей. Опыт воспитал в нем чувство осторожности, остававшееся с ним и теперь, когда оно на фоне триумфа, казалось бы, должно было притупиться. Последние месяцы 1721 года привели царя к мысли, что в проблемах послевоенного устройства мира появляется все больше неопределенности, поскольку каждая держава стремится решить их с максимальной выгодой для себя, не останавливаясь перед нанесением прямого ущерба конкуренту.

Внешним выражением такого стремления являлось острое соперничество между Кампредоном и Кински. Уже само по себе присоединение России к французскому или австрийскому проекту таило непредсказуемые последствия. Они совершенно не устраивали Петра. Конечно, он не собирался отстраняться от «достраивания» складывающейся европейской системы, но его первостепенной задачей было другое — прочное закрепление с таким трудом достигнутых им результатов, охранение их от всякого рода рисков и авантюр. А именно этим и были чреваты планы Парижа и Вены, вызывавшие к тому же подозрения тем, что их послы в Петербурге уж слишком увлеклись интригами и шпионскими повадками. На свои вопросы они настойчиво стремились получить прямые ответы, а от прямых ответов на вопросы царские ловко уклонялись. Россия и русская армия нужны были им для устройства собственных дел в соответствии с простой философией: Европа позволила Петру получить больше, чем он заслуживал; наступило время отдать «должок» в виде бескорыстной помощи тем правителям, которым не досталось от победного пирога. «Кредиторов» (ту же Францию и Австрию) совершенно не смущал тот факт, что они смеют на что-то претендовать, отстранившись от участия в войне.

При всей своей гостеприимной любезности Петр не доверял ни Кампредону, ни Кински. Кампредону, пожалуй, больше. Это наше предположение. Его можно было бы подтвердить, допустив, что царским перлюстраторам (или дешифровальщикам?) удалось прочесть письмо посла к Дюбуа, где говорится, что заключение союза с Россией Францию в перспективе ничем не связывает, поскольку после смерти Петра (которая, по его мнению, не заставит себя долго ждать) от всех обязательств перед Россией можно будет отказаться. Однако и без нашей гипотезы у царя имелось достаточно подозрений в отношении Парижа, чтобы воздержаться от подписания союзного договора.

Кампредон извелся в ожидании инструкций Дюбуа. Теряясь в догадках, он, будучи искусным интриганом, похоже, не понял (или не сразу понял), что сам стал жертвой интриг более сложного уровня. Ему бы стало все ясно, если бы он знал о лукавой игре, затеянной Дюбуа с русским послом в Париже В.Л. Долгоруким, сменившим Шлейница. Между ними состоялся тайный разговор, в котором кардинал «по-дружески» предупредил собеседника, что *«такой славный и полезный мир»*, как Ништадтский, будет непрочен, если его не обеспечить гарантиями со стороны великих держав — Франции и Испании, для чего Россия должна вступить с ними в союз. Но к этому союзу нужно привлечь Георга I (как курфюрста ганноверского), иначе он заключит контральянс с Австрией и другими государствами (вероятный намек в том числе и на Пруссию). Дюбуа, известный своими проанглийскими симпатиями, убеждал, что примире-

ние с Лондоном принесет царю гораздо больше пользы, чем желание отомстить ему за враждебные действия против России в период Северной войны. Что касается Георга I, то он желает примирения, ради чего даже готов помочь герцогу Гольштинскому вернуть Шлезвиг и тем самым еще больше *«умножить славу»* Петра.

Проект Дюбуа преследовал две основные цели: превратить Париж в дипломатический центр и арбитра послевоенной Европы, а также изолировать Австрию. Это была слишком откровенная идея, чтобы не раскусить ее суть. Слишком гипотетическая, чтобы опираться на нее. И слишком переусложненная, чтобы всерьез браться за ее реализацию. Приходится недоумевать, на что рассчитывал такой изворотливый игрок, как Дюбуа, когда предлагал эту фантазию В.Л. Долгорукому. На легковерность многоопытного дипломата, четверть века находившегося в коловороте европейских хитросплетений? Если так, то он грубо ошибся.

Но главной оказалась другая ошибка Дюбуа. Он напрасно поторопил посла передать свой проект Петру в уверенности, что его «кредита» в глазах Англии хватит, чтобы помирить ее с Россией. Но Георг I не собирался приносить царю извинения за свою политику. Напротив, он думал о том, как бы сколотить какой-нибудь союз, который сдерживал бы Петра в Европе. Иными словами, поручившись за Англию и потерпев неудачу, Дюбуа поставил себя в неловкое положение. Он попросил В.Л. Долгорукого не сообщать о состоявшемся между ними разговоре. Однако опоздал. В такой же глупой ситуации, но не по своей воле, оказался Кампредон.

20 декабря 1721 года было одним из самых неприятных дней пребывания Кампредона в России. Вечером Петр потребовал посла к себе и неожиданно начал разговор о событиях четырехлетней давности, когда он, будучи в Париже, обсуждал возможность подписания русско-французского союзного договора. Напомнив, что тогда об этом узнали повсюду, прежде всего в Лондоне, царь заявил о своем отказе иметь дело с Францией, которой нельзя доверять. Он настаивал на том, чтобы Париж дал исчерпывающие объяснения этому оскорбительному для России инциденту. Иначе ни о каком союзе не может быть и речи.

Зачем понадобилось ворошить эту историю? Не затем ли, что Петр уже принял решение об отказе от сближения с Францией? История с договором 1717 года была лишь предлогом. Настоящие причины представляются более серьезными. Считалось, что Петр мечтал породниться с домом Бурбонов, выдав свою дочь Елизавету Петровну либо за Людовика XV, либо за сына Филиппа Орлеанского герцога Шартра. Пожалуй, что слово «мечтал» слишком сильное, но такое желание было. Второй вариант этого брачного проекта интересовал Париж как возможность посадить петровского зятя в качестве французского ставленника на польский престол после Августа II. Тайные переговоры по этому вопросу тянулись долго и закончились неудачей, задевшей самолюбие царя.

Вторая причина была не менее важной. Франция отказалась признать императорский титул Петра. Вежливо, но твердо. В *«деле такой важности»*, сказал регент В.Л. Долгорукому, *«надобно подумать»*. Версальский двор «думал» 24 года и решился лишь в 1745 году, когда уже почти все страны Европы (точнее семь, включая Англию) признали Россию империей.

Кампредон понял тщетность надежды не только на русско-французский, но и на четверной союз. В декабре 1721 года Кампредон получил дополнительные

подтверждения нереальности «своего» проекта. Шведский король сообщил ему, что Англия категорически отказалась вступать с Россией в какие-либо соглашения, если не будет пересмотрена 21-я статья Ништадтского трактата таким образом, чтобы в ней четко оговаривалось обязательство Петербурга не вмешиваться в дела германских княжеств.

Этого вмешательства опасалась не только Англия. Кампредон писал кардиналу Дюбуа, что если Франция положится на уверения царя об отсутствии у него *«видов на Германию»* и будет бездействовать, *«а между тем дворы венский и прусский и герцог гольштинский будут продолжать свои интриги, то с этой стороны может вспыхнуть пожар, который не легко будет погасить»*.

Вдобавок к своему огорчению, Кампредон узнал, что и перспектива русско-французского торгового трактата становится сомнительной. Оказалось, что голландцы вступили с русскими в тайные переговоры о заключении соглашения о взаимовыгодной торговле. Так расчетливая Гаага собиралась извлечь выгоду из своего незамедлительного признания императорского титула Петра.

Кампредон, исчерпав свои дипломатические возможности, почувствовал себя морально надломленным и не видел больше смысла в пребывании в России. Посол слезно попросил кардинала Дюбуа помочь ему *«выйти из этих затруднений, которые, при моем слабом здоровье и при утомительности здешней жизни, непременно сведут меня в могилу»*. Но просьба об отставке не была удовлетворена. Россия стала первоклассной державой, и там Франции требовался большой мастер своего дела. Такой, как Кампредон.

Этими перипетиями завершился 1721 год, принесший России военный и дипломатический триумф, несколько омраченный проблемами, до окончательного решения которых было еще далеко. Однако даже тогда, когда они станут в порядок дня более отчетливо и остро, чем при жизни Петра, отблеск великой победы в Северной войне будет еще долго указывать путь к упрочению имперского статуса Российской империи в мировой политике.

Заключение

Так уж повелось, что вся слава военных триумфов достается правителям и полководцам. Северная война тоже грешит такой несправедливостью. Между тем она выиграна на полях не только боевых, но и дипломатических сражений выдающимися «птенцами гнезда Петрова», разлетевшимися из него по всей Европе, где они вносили свой вклад в великую победу. Ради этого многие из них принесли тяжелую жертву, найдя свой последний приют на чужбине, так больше и не увидев родину.

Они, как и Петр после Полтавы, быстро учились действовать в условиях развала союзных отношений и угрозы формирования антироссийского дипломатического фронта, который все больше отличался от линии военного фронта. Блистательные европейские мастера политических интриг, типологически сравнимые с Талейраном и Меттернихом, плели изощренные и неожиданные комбинации, чтобы свести к предельно возможному минимуму территориальные приобретения России и ее международное влияние. Их маниакальное усердие, питаемое не только геополитическими резонами и страстью к игре как таковой, но и русофобией, превратило дипломатическое поле Северной войны в огромный лабиринт, по запутанным извилинам которого пришлось долго плутать самим же его создателям в мучительных поисках выхода.

Внутри этой переусложненной ситуации оказались и русские дипломаты, тщательно анализировавшие ее динамику и возможные сценарии развития. Сфера анализа включала множество перекрещивающихся и взаимозависимых явлений, тысячи источников противоречивых сведений, десятки персонажей со своими взглядами, характерами, каверзами, слабостями. На все это накладывалось одно отягчающее обстоятельство. С 1700 по 1721 год Европа была театром еще четырех, кроме Северной, войн — испанской, русско-турецкой, австро-турецкой и турецко-венецианской. Это вносило в международную конъюнктуру явственные черты зыбкости и хаоса. Между перспективами стать ее жертвами или бенефициарами шансы распределялись стихийно и непредсказуемо. Все зависело от слишком многого и слишком многих. В том числе от искусства приспособления к быстро меняющимся реалиям. Русские дипломаты овладевали этим искусством, используя против своих европейских визави их же оружие — весь арсенал переговорных средств, от щедрых посулов до угрожающих намеков, между которыми всегда находилось место не только для лукавства и подвохов, но и для глубокого уважения, симпатий и добрых чувств, что порой действовало неотразимо.

Петровские дипломаты сталкивались и с другими вызовами. Им зачастую приходилось в безвыходной обстановке, требовавшей немедленной реакции, принимать самостоятельные решения на свой страх и риск, не имея времени, при тогдашних средствах связи, на согласование с царем. Даже под угрозой схлопотать взбучку за невольную ошибку дипломаты все же отваживались брать на себя ответственность, и в этом тоже проявлялось петровское воспитание. Выручало то, что царь, давая общие стратегические установки, старался предвидеть все варианты развития событий, насколько это было возможно из Москвы. Но учесть все без исключения было нере-

ально, поэтому Петр облекал таких людей, как Б.И. Куракин, А.А. Матвеев, П.А. Толстой, П.П. Шафиров, В.Л. Долгорукий и другие, своим особым доверием, оставляя им свободу действовать *«по собственному разумению»*.

Царь требовал от каждого из них, где бы тот в данный момент ни находился, полной осведомленности обо всех европейских делах. Однако и без государевых указаний дипломаты старались создавать для себя максимально широкий угол обзора, позволявший собирать из мозаики фактов более или менее понятную картину происходящего. Информация, добытая самыми изобретательными способами, отправлялась к Петру как в чистом виде, так и в форме аналитических докладов.

Уча других, царь-реформатор никогда не уставал учиться и сам. Северная война принуждала Петра, как полководца, политика и дипломата, к личному присутствию в разных европейских странах, где он продолжал высшее политическое образование в трудном общении со своими венценосными собратьями, которых, даже если они считались союзниками России, все теснее сближал страх перед растущей мощью «варварской» державы и стремление лишить ее трофеев войны.

При всей незаменимости находчивых и творческих исполнителей монарших директив нити стратегического управления внешней политикой и дипломатией России всецело находились в руках Петра. После ошеломительной Полтавской победы никто не ожидал, что понадобится еще целых 12 лет, в течение которых царю придется мобилизовать все свои дипломатические ресурсы для достижения мира. Европейские государства, включая страны Северного союза, демонстрировали все более консолидированную позицию неприятия притязаний России на завоеванные ею территории.

Европа с тревогой наблюдала за тем, как на ее восточных границах неудержимо поднимается держава, достойная носить имя «империя». Освоиться с этим невероятным фактом было очень трудно: ведь принципиально менялась вся континентальная геополитическая конфигурация, что вынуждало каждое государство отказываться от старых стереотипов и приспосабливаться к новым реалиям. В международных отношениях произошла беспрецедентная революция, по сравнению с которой пресловутые «переворачивания союзов» выглядели обыденной рутиной. Европейские дворы оказались к этому не готовы, хотя за 21 год Северной войны у них было немало возможностей осознать, к чему все идет. Волей-неволей приходилось думать о кардинальном пересмотре своей «восточной политики». Одни решили не затягивать с этим, другим было невыносимо мучительно переступать через себя в признании очевидного. Уж слишком унизительной представлялась необходимость принять «русских варваров» в семью цивилизованных народов.

К примирению с этой необходимостью постепенно приучала сама личность Петра, заставлявшая задумываться над тем, что народ, породивший столь выдающегося правителя, вероятно, должен обладать какой-то особой внутренней силой, каким-то потаенным духовным потенциалом, способным воплотиться в развитые формы государственного бытия. Образ другой, ранее неведомой России явили Европе и петровские дипломаты — своим светским лоском, учтивыми манерами, прекрасным знанием языков, тонкостей международного права, мировой культуры. Когда успели набраться всего этого ближайшие потомки русской длиннобородой знати, облаченной в башнеподобные горлатки и длиннополые кафтаны с немыслимым нагроможде-

нием дорогих аксессуаров в виде меховых оторочек, галунов, драгоценных ожерелий и т.д.? Видя перед собой это новое поколение русских людей и общаясь с ними, думающая часть европейской элиты начинала сомневаться в россказнях иностранных путешественников о России.

В понятии «русская дипломатия», вынесенном в заголовок нашей книги, нераздельно слились многогранная личность Петра, неутомимая в своих деяниях на международной арене, и созданная им дипломатическая школа, представленная незаурядными мастерами своего дела. Они справедливо делят с государем заслуги в разработке и осуществлении той внешнеполитической стратегии, которая позволила, при огромном сопротивлении европейских держав, превратить русские военные победы в геополитические итоги Великой Северной войны, прочно зафиксированные Ништадтским мирным договором.

ЛАНЬ®

Список использованных источников и литературы

Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. 1–2. СПб., 1890–1891.

Георг Иоганн Фон-Кейзерлинг, Представитель короля Прусского при дворе Петра Великого // Русская старина. 1872. Т. 5.

Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1719 по 1722 год // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 40. СПб., 1884.

Записка о сношениях между Францией и Россией в царствование Петра I, составленная в 1726 г. Ледраном, старшим чиновником департамента иностранных дел 1719–1722 // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 40. СПб., 1884.

Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого (1713–1725) // Русский архив. 1865. Вып. 1–2.

Записки Я.К. Ноомена о пребывании Петра Великого в Нидерландах 1697/98 и 1716/17 гг. Киев, 1904.

Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию. СПб., 1906.

Мартенс Ф.Ф. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 5. СПб., 1880; Т. 13. СПб., 1902.

Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 9. СПб., 1868.

Письма и Бумаги Петра Великого. Т. 1–13. СПб.; М.; Л., 1887–2003.

Полное Собрание Законов Российской Империи. Т. 1. СПб., 1830; Т. 5. СПб., 1830; Т. 6. СПб., 1830.

Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого. Ч. 1–3. СПб., 2011.

Русский архив, 1865. Вып. 10–11; 1889. Вып. 3.

Русский посол в Стамбуле. Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII века. М., 1985.

Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 3. СПб., 1868; Т. 20. СПб., 1877; Т. 34. СПб., 1881; Т. 39. СПб., 1884; Т. 50. СПб., 1886; Т. 61. СПб., 1888.

Сборник Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел. Вып. 1. М., 1880; Вып. 2. М., 1881.

Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы: Сб. документов. Т. 1 (1700–1709 гг.) / Под ред. Л.Г. Бескровного и Г.А. Куманева. М., 2009.

Сен-Симон Л. де. О пребывании Петра Великого в Париже в 1717 году. Из записок герцога де Сен-Симона // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1856. Ч. 89. № 1. Отд. 2.

Турция накануне и после Полтавской битвы (глазами австрийского дипломата). М., 1977.

Шмурло Е. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Т. 1. Юрьев, 1903.

Britain and Russia in the Age of Peter the Great: Historical Documents. School of Slavonic and East European Studies. L., 1998.

* * *

Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989.

Артамонов В.А. Дунайский поход Петра I: Русская армия в 1711 г. не была побеждена. М., 2015.

Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990.

Базарова Т.А. «В делах его царского величества вспоможение чинят...»: Русско-британское дипломатическое сотрудничество при Османском дворе (1704–1713) // Россия — Великобри-

тания: Пять веков культурных связей: Материалы VI Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 года. СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2015.

Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1. М., 1894; Ч. 2. М., 1896; Ч. 3. М., 1897.

Барер И. Внешняя политика Петра I и образование Российской империи // Исторический журнал. 1938. № 6.

Безобразов П.В. О сношениях России с Францией. М., 1892.

Бобылев В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990.

Богданов А.П. В тени Великого Петра. М., 1998.

Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 2. М., 1941; Т. 3. М., 1946.

Богословский М.М. Русско-датский союз 1699–1700 гг. // Ученые труды Института истории РАНИОН. Т. 5. М., 1929.

Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991.

Брикнер А.Г. История Петра Великого. СПб., 1882.

Брикнер А.Г. Отношения России и Франции при Петре Великом // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1883. Февраль, май, июль.

Брикнер А.Г. Россия и Европа при Петре Великом // Исторический вестник. 1880. № 2.

Бутковский Я.Н. Сто лет австрийской политики в восточной вопросе. Т. 1. СПб., 1888.

Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. Т. III. Ч. 1. СПб., 1821.

Вагеманс Э. Почему Петр посетил Францию? // Россия и Франция: Культурный диалог в панораме веков: Материалы X Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 9–10 июня 2017 г. СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2018.

Возгрин В.Е. Военно-политический конфликт в период пребывания Карла XII в Турции (1709–1714) по неопубликованным источникам // Проблемы войны и мира в эпоху Нового и Новейшего времени (К 200-летию подписания Тильзитского договора). Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008.

Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. История дипломатических отношений в 1697—1710 гг. Л., 1986.

Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. 2-е изд. Т. 1–15. М., 1837–1843.

Данилова Е.Н. «Завещание» Петра Великого // Труды Историко-архивного института. 1946. Т. 2.

Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918. М., 2004.

Дегоев В.В. Дипломат петровского призыва Прокопий Возницын. М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2018.

История Северной войны 1700–1721 гг. / Под ред. И.И. Ростунова. М., 1987.

Кафенгауз Б.Б. Внешняя политика России при Петре I. М., 1942.

Кизеветтер А.А. Петр Великий за границей. М., 1913.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 3 // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3.

Конингсбрюгге Ханс ван. История потерянной дружбы. Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг. / Пер. с нидерл. В. Ронина. СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2014.

Королюк В.Д. Свидание в Биржах и первые переговоры о польско-русском союзе // Вопросы истории. 1948. № 4.

Костомаров Н.И. Гетман Иван Степанович Мазепа // Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1992. Кн. III. С. 787–822.

Костомаров Н.И. Петр Великий // Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1992. Кн. 3. С. 537–785.

Кросс Э. Взгляд из-за Ла-Манша: Пребывание Петра I в Париже в контексте англо-российских отношений // Европейские маршруты Петра Великого. К 330-летию визита Петра I во Францию: Материалы IX Международного петровского конгресса. СПб., 2018.

Крылова Т.К. Дипломатическая подготовка вступления русской армии в Померанию в 1711 году // Исторические записки. Т. 19. М., 1946.

Крылова Т.К. Полтавская победа и русская дипломатия // Сб. «Петр Великий». Т. 1. М.; Л., 1947.

Крылова Т. Россия и «Великий союз» // Исторические записки. Т. 13. М., 1942.

Лацинский А.С. Петр Великий, Император России в Голландии и в Заандаме в 1697 и 1717 гг. // Русская старина. 1916. Январь. С. 5–24; Февраль. С. 193–223; Март. С. 387–396; Апрель. С. 5–14.

Майков Л.Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891.

Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра I. М., 1984.

Мышлаевский А.З. Россия и Турция перед Прутским походом // Военный сборник. СПб., 1901. № 2.

Некрасов Г.А. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721–1726 гг. М., 1964.

Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950.

Никифоров Л.А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959.

Никифоров Л.А. Россия в системе европейских держав в первой четверти XVIII века // Россия в период реформ Петра I. М., 1973.

Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII века. М., 1971.

Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. М.: Наука, 1983.

Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1989.

Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1985.

Петр Великий — реформатор России // Материалы и исследования / Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль». Т. 13. М., 2001.

Полевой Н.А. История Петра Великого. Ч. 1–4. СПб., 1843.

Полиевктов М.А. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1726). СПб., 1907.

Путята А.Д. Вопрос о Прусском союзе в первую половину Великой Северной войны // Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. М., 1880. Вып. 1.

Ревякин А.В. История международных отношений в Новое время. М., 2004.

Санин Г.А. Влияние классовой борьбы в России конца XVII — начала XVIII в. на внешнюю политику Русского государства // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения / Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1974.

Санин Г.А. Внешняя политика России во второй половине XVII в. // История внешней политики России. Конец XV–XVII в.: (От свержения Ордынского ига до Северной войны). М., 1999.

Санин Г.А. Петр I — дипломат. Великое посольство и Ништадтский мир // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 64–70.

Соймонов Ф.И. История Петра Великого. СПб., 2012.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 13–14. М., 1991.

Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. Т. II. М.: Рубежи XXI, 2005.

Талалай М.Г. Католический фактор внешней политики Петра I и его визит во Францию в 1717 году // Европейские маршруты Петра Великого. К 330-летию визита Петра I во Францию: Материалы IX Международного петровского конгресса. СПб., 2018.

Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. Русский флот и внешняя политика Петра I. М.: АСТ: Астрель, 2011.

Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию // Тарле Е.В. Сочинения. Т. 10. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1888.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. СПб., 1858; Т. 3. СПб., 1858.

Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959.

Форстен Г.В. Бранденбург и Москва 1688–1700 г. // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1905. Ноябрь.

Форстен Г.В. Датские дипломаты при Московском дворе во второй половине XVII века // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1904. Ноябрь–декабрь.

Шмурло Е.Ф. Критические заметки по истории Петра Великого // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1900. Май–июнь–июль; 1900. Сентябрь; 1901. Ноябрь–Декабрь.

Штейн В. Петр Великий и франко-русский союз // Исторический вестник. 1903. № 5.

Яковлев Н. О так называемом «завещании» Петра Великого // Исторический журнал. 1941. № 12.

Abbott J. History of Peter the Great, Emperor of Russia. N.Y., 1869.

Anderson M.S. Peter the Great. 3rd ed. L., N.Y.: Routledge, 2014.

Blanc S. Histoire d`une phobie: le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétiques. 1968. Vol. IX.

Bohlen A. Changes in Russian Diplomacy under Peter the Great // Cahiers du monde russe et soviétiques. 1966. Vol. VII.

Britain and Russia in the Age of Peter the Great: Historical Documents. School of Slavonic and East European Studies. L., 1998.

Chance J.F. George I and the Northern War. A Study of British — Hanoverian Policy in the North of Europe in the Year 1709–1721. L., 1909.

Cross A. Peter the Great through British Eyes. Perceptions and Representation of the Tsar since 1698. Cambridge University Press, 2000.

Droysen J.G. Geschichte der Preussischen Politik. Th. IV. Leipzig, 1876.

Frost R. The Northern Wars. War, State and Society in Northeastern Europe 1558–1721. L.: Longman, 2000.

Fuller W.C. (Jr.) Strategy and Power in Russia 1600–1914. N.Y.; Toronto; Oxford, 1992.

Grey Ian. Peter the Great. Emperor of All Russia. Philadelphia & N.Y., 1960.

Hammer J. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. IV. Pesth, 1836.

Hughes L. (ed.). Peter the Great and the West: New Perspectives. Palgrave MacMillan, 2001.

Lewitter L.R. Russia, Poland and the Baltic 1697–1721 // The Historical Journal. 1968. Vol. XI.

Liechtenhan Francine-Dominique / Henry La Vie, Spion, Konsul und Verehrer Peters des Grossen // Quaestio Rossica. 2015. № 1.

Massie R.K. Peter the Great. His Life and World. N.Y.: Ballantine Books, 1980.

Subtelny O. "Peter I`s Testament": A Reassessment // Slavic Review. 1974. Vol. 33.

Sumner B.H. Peter the Great and the Ottoman Empire. Oxford, 1949.

The Cambridge History of Turkey. Vol. 3: The Later Ottoman Empire, 1603–1839. Cambridge University Press, 2006.

The History of Polish Diplomacy X–XX c. / Ed. by Gerard Labuda and Waldemar Michowicz. Warsaw: Sejm Publishing Office, 2005.

Научное издание

Дегоев Владимир Владимирович

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА 1700–1721 гг.
И РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Формат 70×100/16. Уч.-изд. л. 54,2. Усл. печ. л. 52,89. Заказ

ООО Издательство «Аспект Пресс».
111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15.
E-mail: info@aspectpress.ru; https://aspectpress.ru.
Тел.: 8 (495) 306-78-01, 306-83-71

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8(499)270-73-59